

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Андреева А.А. Этнокультурные особенности народных танцев и их влияние на формирование национальной идентичности молодежи	7
Арамян К.А., Цолоева Э.С. Социальный потенциал семейного воспитания: стратегии и методы повышения эффективности	11
Гулева М.А. Стратегические вызовы и трансформация образовательной системы Китая: анализ ключевых трендов	14
Дорофеев В.С. Некоторые вопросы измерения и социального состояния парадигмы община и общество	17
Жейнова О.А., Билюк Л.Г., Данилова Ю.И. Проблема самореализации детей старшего дошкольного возраста в процессе межличностного общения	20
Зинова И.М., Черникова Т.А., Шайдукова Л.Д. Профилактика профессиональных деформаций у специалистов по социальной работе и руководителей социальных служб: системный подход	24
Зубов В.В. Корни немецкого национализма в политической истории Германии	28
Кочарян Ю.Г., Саруханян М.Р. Контрастный анализ структурно-отмеченных военных жаргонизмов в английском и русском языках	32
Маркунайте С.К. Трудности интеграции иностранных обучающихся в российскую молодежную среду (на примере Национального исследовательского Московского государственного строительного университета)	36
Орлова Е.А. Кино как воспитательный и образовательный контент: взгляд современной молодежи	39
Сергеев Ю.А. Развитие культуры самопрезентации как ценностно-ориентированного и стратегического построения профессионального образа будущего педагога	44
Степанов В.И., Степанова Н.В. Национальная образовательная политика 2020 и ее роль в сдерживании коммерциализации государственного и частного высшего образования в Индии	47
Сурина В.А., Крехалева О.С. Медиапотребление в постинформационном обществе как инструмент формирования новой социальной реальности	51
Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Колмаков В.Ю., Нор О.В., Вергун А.С. Студенческое самоуправление как источник саморазвития студентов университета	54
Хуан Ли, Ван Вэньбо. Интегрированный подход к языковому преподаванию в эпоху технологий: постметодологический фреймворк	57
Чашин Е.В., Камышев К.Д. Лукиан Самосатский – творческий человек в поликультурном пограничье	62
Чжан Лу, Гао Вэнь. Трансформация музея в центр креативной экономики: индустриализация культурно-креативных продуктов (на примере музея провинции Хэбэй)	67
Юрченко Е.Д. Телесность и граница: как тело маркирует «чужого» в повседневном опыте приграничья	72

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»
Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
П/И № ФС 77-83076 от 26.04.2022

Подписной индекс Роспечати: 70652
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: welcome@socgum-journal.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГУ им. М.А.Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Вилан Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.03.2026 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Евенко С.Л., Блошко В.В.</i> Институциональная инфраструктура социальной адаптации ветеранов современных вооруженных конфликтов: анализ государственных и общественных поддерживающих практик	77
<i>Григорьев Н.Ю.</i> Формирование и развитие российской системы противодействия терроризму	82
<i>Закирова А.Б., Логачева Л.Р.</i> Социальная работа с молодой семьей: актуальные проблемы и пути поддержки	87
<i>Зимова Н.С., Гао Сюемэн.</i> Стратегии управления человеческими ресурсами на различных этапах жизненного цикла организации.....	89
<i>Игуменов О.А., Денисова Г.С.</i> Управление когнитивным компонентом социального капитала организации на основе энактивного подхода	93
<i>Исмаил В.В.</i> Социальное управление и механизмы социального регулирования в контексте социальной ответственности и устойчивого развития в нефтегазовой отрасли	97
<i>Калмыков Н.Н.</i> Социальные архитектуры как объект социологического анализа и управления: генезис, фрагментация подходов и необходимость целостной теории	102
<i>Капустина М.Г., Костерин А.А.</i> Социологическая реинтерпретация императивов национальной безопасности России: от состояния к способности.....	107
<i>Карманов М.В., Владимир И.К.</i> Статистика как заложница информационного пространства	111
<i>Кох И.А., Матросов А.А.</i> Управление цифровой трансформацией среднего профессионального образования в регионе	114
<i>Крганов Р.Р.</i> Архитектура автономии: структурные и цифровые решения для повышения самостоятельности военных руководителей.....	118
<i>Крутько Е.А.</i> Конструирование социальной реальности в процессе обучения иностранным языкам	121
<i>Кузнецов Д.А., Карасева Д.М., Курбатов Д.М.</i> Наука и технологии как инструменты глобального позиционирования БРИКС.....	124
<i>Марцев Н.П.</i> Патентная система как устаревший инструмент: к разработке новой модели регулирования трудовой миграции в Российской Федерации	129
<i>Моисеев А.В., Епхийев О.М.</i> Содержание и структура категории «социальное благополучие»	134
<i>Ретинская В.Н., Загребина Д.Ю.</i> Цифровое неравенство как вызов для развития цифрового государства в современной России.....	138
<i>Рычихина Э.Н., Осин М.С.</i> Мониторинг образовательной экосистемы как механизм социального контроля	142
<i>Жемерикина Ю.И., Талалуева Т.А.</i> Эмоциональный интеллект как фактор построения успешной карьеры.....	146
<i>Хужажинова К.А., Верхотурова В.В., Ниханов Э.М.</i> Развитие ядерной энергетики в Казахстане: роль культуры физической ядерной безопасности	149
<i>Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Чвякин В.А.</i> Рациональный профессиональный выбор как фактор сокращения молодежной безработицы.....	154

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Артемьев А.А., Урсул В.И., Костарев Г.П.</i> Вызовы и угрозы информационному суверенитету государства.....	158
<i>Баркова Э.В.</i> Экофилософия в глобальной повестке современного мира: к анализу гармонизации ритмов жизни человека, культуры и природы	161
<i>Бусов С.В.</i> Некоторые аспекты синергетического анализа понятия прогресса.....	165
<i>Власенко О.К.</i> Эволюция трейлера от анонса к автономному артефакту: философско-антропологический анализ	170
<i>Воскресенский А.А.</i> Постантропологический поворот в современной философии образования	173

<i>Казиев Н.Э., Магаррамов М.Д., Магаррамов М.Д., Велиев О.В.</i> Образ жизни российской молодежи в трансформирующемся обществе.....	177
<i>Кугай А.И.</i> «Победа»: концептуальный анализ и позиции интерпретации.....	181
<i>Скородумова О.Б., Гладышева С.Г.</i> «Гуманизм» или «человечность»: современные дискуссии о разнице их смыслового наполнения.....	185
<i>Удалых Е.Ю.</i> Детство как предмет философско-антропологического анализа: метафизическое измерение и границы научной рациональности.....	190
<i>Юрко А.В.</i> К социально-философской концептуализации экомеджмента как формы деятельности и управления.....	195

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Казаковцев К.В.</i> Онтологическая истина и ее критерий	198
<i>Мамедов А.А., Кортуннов В.В., Котусов Д.В., Шиповская Л.П.</i> Философское осмысление техники: от промышленной революции к информационному обществу	201
<i>Нерсисян Р.С.</i> Прескриптология как метанаучная парадигма управления реальностью: синтез когнитивного суверенитета, операциональной метафизики и антропологического проекта homo prescriptus.....	205
<i>Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А.</i> Социально-онтологические аспекты консервативного мировоззрения Л.А. Тихомирова	210

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Степаненко Н.А.</i> Эзотерические учения как основа новых форм новых религиозных движений	214
<i>Швачкина Л.А., Родионова В.И., Могилевская Г.И.</i> Национальная и религиозная идентичности как конфликтогены трансформации современной культуры	219

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Бакшеев А.И., Андренко О.В., Турчина Ж.Е., Тяжелников Ю.А., Спирина А.А.</i> Эволюция раннего советского конституционализма в 20-е гг. XX века.....	222
<i>Бектурганова Б.К.</i> Концепция «Кыргыз жараны» как гибридная модель гражданской идентичности и механизмы ее реализации в полиэтничном Кыргызстане	225
<i>Берзения Т.Э.</i> Журналист Генри Менкен против демократии: что не так в его критике?	229
<i>Воронкова О.А.</i> Политические отношения в динамике воспроизводства и обновления	234
<i>Гараева А.Н., Колобова С.А.</i> Основные риски вовлечения молодежи в деструктивные практики в цифровой среде.....	237
<i>Данилов В.Л.</i> Актуальные проблемы взаимодействия государства и религиозных объединений в РФ.....	242
<i>Ильин А.С.</i> Техносубъектность искусственного интеллекта и кризис презумпций научной аттестации	245
<i>Карпунин М.К.</i> Миграция как фактор роста террористических угроз на территории Европейского Союза	251
<i>Кочетков Е.Е., Боровский М.Б.</i> Политизация корпоративной социальной ответственности как инструмент государственной политики России в эпоху глобальных кризисов.....	254
<i>Монахов Е.И.</i> Форматы политической коммуникации в контексте инвестиционной политики.....	258
<i>Мышкин К.Н.</i> Макрорегионализация как инструмент адаптации политической системы в условиях кризиса легитимности международных институтов.....	262
<i>Наурузалиев А.С.</i> Роль ведущего в модерации межкультурного взаимодействия на полиэтничных мероприятиях: социологический подход.....	264
<i>Одинцова Е.А., Петрова Е.И.</i> Идентичность, идеология, менталитет, мировоззрение: взаимосвязь фундаментальных элементов цивилизационной самосознательности России.....	268

<i>Родионова М.Е., Кулакова Н.Н., Золотарева К.Г.</i> Электоральный процесс в России: институциональная стабильность и адаптационный кризис	272
<i>Строкова Т.А.</i> К вопросу политического газлайтинга как стратегии политического манипулирования	277
<i>Тамицкий А.М.</i> Трансформация этноструктуры регионов Российской Арктики в контексте государственной национальной политики	280
<i>Чжао Юйчжэ, Степанов С.А.</i> Эволюция стратегического партнерства КНР и России и его влияние на торговую политику	284
<i>Шаблинский В.И.</i> Административный и бюджетный федерализм: основные проблемы и особенности современных подходов в изучении федерализма	288

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Корнев Н.А., А.С. Бурнасов.</i> Геополитическое измерение продовольственной безопасности КНР: трансформация инструментов и приоритетов	293
<i>Яндиева Д.Ж.</i> От эры гегемона к эпохе выживания: «Хезболла» после гибели Хасана Насраллы	297
<i>Рыбаков А.В.</i> Милитаризация космоса – концептуализация понятия	300
<i>Цао Гопин, Иванова Е.А.</i> Политическая экономия в принятии решений по мегапроектам: на примере отказа от китайской технологии при строительстве высокоскоростной магистрали Москва–Санкт-Петербург	303
<i>Яндиева Д.Ж.</i> «Разоружение» Хезболлы: как язык войны заглушает язык дипломатии	307

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Жань Жуй.</i> Уровень распространения и узнаваемости китайской кухни в России как инструмент «мягкой силы» и гастрономической дипломатии	310
<i>Зорикова Е.В.</i> Трансформация стратегических позиций государств, имеющих интересы в Арктике, под влиянием политики США по отношению к Гренландии	314
<i>Ндур Мухамет Дит Наби.</i> Сенегальский парламентаризм	319
<i>Неткачев К.И.</i> Постправда и политическая реальность: электоральные циклы Дональда Трампа (2016, 2020, 2024 гг.) как медиа-событие	323
<i>Светлов А.Н.</i> Формирование системных уязвимостей «единой точки отказа» в реальном секторе экономики России как угроза национальной безопасности: политический анализ и стратегические решения	328
<i>Шاپовалов А.Е.</i> США и Япония: возможности двустороннего сотрудничества в области космоса в условиях роста геополитической напряженности	332
<i>Янковская М.С.</i> Неофициальные каналы сближения: роль даров и сувениров в развитии российско-французских отношений (конец XIX – начало XX вв.)	335
<i>Яо Линдун, Ян Цзунци.</i> Секьюритизация и геополитизация цифровых технологий: вызовы и трансформация цифрового суверенитета	337

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Вильданов А.И.</i> Взаимодействие баланса сил и баланса угроз в формировании устойчивых региональных подсистем безопасности	341
--	-----

<i>Игнашина З.Н.</i> Использование элементов национальных вариантов английского языка при преподавании английского для специальных целей: лингвосоциальный аспект	345
<i>Кравченко А.И.</i> Феноменология городской улицы	348
<i>Лесонен М.С., Лобачева Н.А., Кроер Е.В., Назар М.М.</i> Методология риск-ориентированного подхода в экспертной практике при анализе результатов выполнения грантовых проектов и научно-исследовательских работ	351
<i>Лысова О.В., Абдуллина А.Ш., Нигматуллина Л.А., Лысов О.И.</i> Коммуникативные риски и стратегии модерации в поликультурных школьных чатах мессенджеров	354
<i>Михалькова О.А., Мушкина И.А., Пилюсян Э.А., Хачатурова Н.Ю.</i> Модель эффективного управления педагогическим коллективом школы	357
<i>Музашвили Д.З.</i> Прошлое как ценность настоящего: когнитивные и социальные функции исторического сознания в эпоху транзитивности	361
<i>Пожарская Е.Л., Шукшина Л.В., Шубякина В.Н.</i> Связь карьерных ориентаций и психологического здоровья молодежи в студенческих и вожатских организациях	364
<i>Айнур.</i> Исследование и применение смешанной модели обучения в преподавании базового японского языка в высших учебных заведениях	368
<i>Бакирова З.Х.</i> Эволюция ценностных установок российской молодежи: вызовы и траектории развития	372
<i>Безносова В.Н.</i> Особенности социальной идентичности представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока	374
<i>Ваккосов С.Г.</i> Этические вызовы и доверие к искусственному интеллекту: социально-философский аспект	378
<i>Высоцкий К.В.</i> Роль института семьи в процессе социализации современной российской молодежи	383
<i>Дун Фэньфэнь.</i> Изменения политики России в отношении ШОС	386
<i>Канатаев Д.В., Стадниченко С.И.</i> Культура повседневности: философский феномен и проблема перевода	391
<i>Китаева С.И., Кулагина А.С., Казачков М.А., Китаев Е.А.</i> Компетентностные модели в системе кадрового резерва органов государственного и муниципального управления	397
<i>Климова О.М.</i> Трансцендентальное сознание и языковая идентичность: от парадокса описания к модели языкового априори	402
<i>Корнев Н.А., Бурнасов А.С.</i> Продовольственная безопасность Китая в условиях колебаний на мировом продовольственном рынке	407
<i>Пронин К.К.</i> Легитимация и делегитимация института выборов в современной России: региональная проекция	412
<i>Толок Е.С.</i> Трансформация социокультурных ценностей российского общества: философский анализ	416
<i>Черных И.Н., Долгих М.А.</i> Проблемы надзора за виртуальными валютами и цифровыми финансовыми активами в зарубежных странах	419
<i>Чжан Ли, Чэнь Чуань.</i> Исследование характеристик качественного дизайна домашних заданий в начальной школе до политики «Двойного сокращения» на основе обоснованной теории	422
<i>Шаповалов Д.Ю.</i> Механизмы и технологии когнитивной войны США в эпоху постправды: сравнительный анализ опыта противодействия в Китае и России	427
<i>Ян Синьюй.</i> Исследование приемлемости метафор в переводе китайско-русской внешнеполитической пропаганды	432
<i>Шарова М.А.</i> Идеологический кризис начала 1920-х гг.: «философский пароход» как способ борьбы с инакомыслием	436

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Andreeva A.A.</i> Ethnocultural features of folk dances and their influence on the formation of national identity of youth.....	7
<i>Aramyan K.A., Tsoleova E.S.</i> Social potential of family education: strategies and methods for improving effectiveness	11
<i>Guleva M.A.</i> Strategic challenges and transformation of China's education system: an analysis of key trends.....	14
<i>Dorofeev V.S.</i> Some issues of measurement and social state of the community and society paradigm.....	17
<i>Zheynova O.A., Bilyuk L.G., Danilova Yu.I.</i> The Problem of Self-Actualization in Senior Preschool Children in the Process of Interpersonal Communication.....	20
<i>Zinova I.M., Chernikova T.A., Shaidukova L.D.</i> Prevention of professional deformations among social workers and heads of social services: a systemic approach.....	24
<i>Zubov V.V.</i> The roots of German nationalism in the political history of Germany	28
<i>Kocharyan Y.G., Sarukhanyan M.R.</i> Contrasting analysis of structurally-marked military jargon in English and Russian languages.....	32
<i>Markunaitė S.K.</i> The issues of foreign students integration into the Russian youth environment (by the example of the national research Moscow state university of civil engineering).....	36
<i>Orlova E.A.</i> Movies as educational and upbringing content: the view of modern youth	39
<i>Sergeev Yu.A.</i> Development of self-presentation culture as a value-based and strategic construction of the future teacher's professional image.....	44
<i>Stepanov V., Stepanova N.</i> The reasons for the establishment of the National Research Foundation and its role in shaping the future academic success of the Republic of India	47
<i>Surina V.A., Krekhaleva O.S.</i> Media consumption in a post-information society as a tool for shaping a new social reality.....	51
<i>Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Kolmakov V.Yu., Nor O.V., Vergun A.S.</i> Student self-government as a source of self-development for university students.....	54
<i>Huang Li, Wang Wenbo.</i> An Integrated Approach to Language Teaching in the Technological Age: A Post-Methodological Framework.....	57
<i>Chashchin E.V., Kamyshev K.D.</i> Lukian Samosatsky is a creative man in the multicultural frontier	62
<i>Zhang Lu, Gao Wen.</i> Transformation of the museum into a center of the creative economy: industrialization of cultural and creative products (a case study of the Hebei provincial museum).....	67
<i>Yurchenko E.D.</i> Corporeality and Border: How the Body Marks the "Stranger" in Everyday Borderland Experiences	72

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Evenko S.L., Blosko V.V.</i> Institutional infrastructure of social adaptation of veterans of modern armed conflicts: analysis of state and public supporting practices.....	77
<i>Grigoriev N.Yu.</i> Formation and development of the Russian counter-terrorism system.....	82
<i>Zakirova A.B., Logacheva L.R.</i> Social work with young families: current issues and ways to support them.....	87
<i>Zimova N.S., Gao Xueman.</i> Human resource management strategies at various stages of the organization's life cycle.....	89
<i>Igumnov O.A., Denisova G.S.</i> The organization social capital cognitive component management based on enactive approach.....	93
<i>Ismail Wissam Wasim</i> Social management and mechanisms of social regulation in the context of social responsibility and sustainable development in the oil and gas industry	97

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022

Rospechat Subscription Index: 70652

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-Chief:

Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)

Executive Secretary:

Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Balbeko Anatoly Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna**, Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, Doctor of Philosophy, Professor, Member of the Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich**, Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich**, Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPa; **Kozlova Oksana Nikolaevna**, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich**, Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich**, Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich**, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenko Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich**, Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPa, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after M. Akmully (Ufa, Bashkiria).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2
Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.03.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Kalmykov N.N.</i> Social architectures as an object of sociological analysis and management: genesis, fragmentation of approaches, and the necessity of a holistic theory.....	102
<i>Kapustina M.G., Kosterin A.A.</i> Sociological reinterpretation of the imperatives of Russia's national security: from state to ability.....	107
<i>Karmanov M.V., Kuznetsov V.I.</i> Statistics as a hostage of the information space.....	111
<i>Koh I.A., Matrosov A.A.</i> Managing the digital transformation of secondary vocational education in the region.....	114
<i>Krganov R.R.</i> Architecture of autonomy: structural and digital solutions to enhance the independence of military leaders.....	118
<i>Krutko E.A.</i> The construction of social reality in the process of foreign language teaching.....	121
<i>Kuznetsov D.A., Karaseva D.M., Kurbatov D.M.</i> Science and Technology as Instruments for BRICS Global Positioning.....	124
<i>Martsev N.P.</i> The Patent System as an Outdated Tool: Toward a New Model for Regulating Labor Migration in the Russian Federation.....	129
<i>Moiseev A.V., Yepkhiyev O.M.</i> Content and structure of the category «social well-being».....	134
<i>Retinskaya V.N., Zagrebina D.Yu.</i> Digital inequality as a challenge for the development of a digital state in modern Russia.....	138
<i>Rychikhina E.N., Osin M.S.</i> Interaction of the educational ecosystem as a mechanism of social control.....	142
<i>Zhemerikina J.I., Talalueva T.A.</i> Emotional intelligence as a factor in building a successful career.....	146
<i>Khuzhazhinova K.A., Verkhoturova V.V., Nikhanov E.M.</i> Nuclear Energy Development in Kazakhstan: The Role of Nuclear Security Culture... 149	
<i>Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.</i> Rational professional choice as a factor in reducing youth unemployment.....	154

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Artemyev A.A., Ursul V.I., Kostarev G.P.</i> Challenges and threats to the information sovereignty of the state.....	158
<i>Barkova E.V.</i> Ecophilosophy in the global agenda of the modern world: towards an analysis of harmonizing the rhythms of human life, culture, and nature.....	161
<i>Busov S.V.</i> Some aspects of the synergy analysis of the notion of progress.....	165
<i>Vlasenko O.K.</i> The evolution of the trailer from announcement to autonomous artifact: a philosophical-anthropological analysis.....	170
<i>Voskresensky A.A.</i> The Post-Anthropological Turn in Modern Philosophy of Education.....	173
<i>Kaziev N.E., Magarramov M.D., Magarramov M.D., Veliev O.V.</i> Lifestyle of Russian youth in a transforming society.....	177
<i>Kugai A.I.</i> "Victory": Conceptual Analysis and Interpretations.....	181
<i>Skorodumova O.B., Gladysheva S.G.</i> «Humanism» or «humanity»: contemporary discussions on the difference in their meanings.....	185
<i>Udalykh E.Y.</i> Childhood as a subject of philosophical-anthropological analysis: the metaphysical dimension and the limits of scientific rationality 190	
<i>Yurko A.V.</i> Conceptualization of eco-management as a form of activity and governance: a socio-philosophical dimension.....	195

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Kazakovtsev K.V.</i> Practice as a criterion of ontological truth.....	198
<i>Mamedov A.A., Kortunov V.V., Panukov A.I., Shipovskaya L.P.</i> Arabic science in the context of medieval scientific knowledge.....	201
<i>Nersesyan R.S.</i> Prescriptology as a Meta-scientific Paradigm of Reality Management: a Synthesis of Cognitive Sovereignty, Operational Metaphysics, and the Anthropological project homo prescriptus.....	205

<i>Chestneyshin N., Chestneyshina D.</i> Social and ontological aspects of L.A. Tikhomirov's conservative worldview.....	210
--	-----

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Stepanenko N.A.</i> Esoteric teachings as the basis of new forms of new religious movements.....	214
<i>Shvachkina L.A., Rodionova V.I., Mogilevskaya G.I.</i> National and religious identities as conflict generators in the transformation of modern culture.....	219

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Baksheev A.I., Andrenko O.V., Turchina Zh.E., Tyazhelnikov Yu.A., Spirina A.A.</i> The role of the curator in the formation of the corporate culture of the academic group of university students.....	222
<i>Bekturganova B.K.</i> The concept of «Kyrgyz Zharany» as a hybrid model of civic identity and mechanisms for its implementation in multi-ethnic Kyrgyzstan.....	225
<i>Berzenia T.E.</i> Journalist Henry Mencken is against democracy: What's wrong with his criticism?.....	229
<i>Voronkova O.A.</i> Political Relations in the Dynamics of Reproduction and Renewal.....	234
<i>Garaeva A.N., Kolobova S.A.</i> The main risks of youth involvement in destructive practices in the digital environment.....	237
<i>Danilov V.L.</i> Current issues of interaction between the state and religious associations in the Russian Federation.....	242
<i>Ilin A.S.</i> Ai technosubjectivity and the crisis of presumptions in scientific attestation.....	245
<i>Karpushin M.K.</i> Migration as a factor in the growth of terrorist threats in the European Union.....	251
<i>Kochetkov E.E., Borovsky M.B.</i> CSR Politicization as an Instrument of Russian State Policy in the Era of Global Crises.....	254
<i>Monakhov E.I.</i> Formats of political communication in the context of investment policy.....	258
<i>Myshkin K.N.</i> Macroregionalization as a Political Adaptation Tool Amidst the Legitimacy Crisis of International Institutions.....	262
<i>Naurzgaliev A.</i> The role of the host in moderation of intercultural interaction at multi-ethnic events: a sociological approach.....	264
<i>Odintsova E.A., Petrova E.I.</i> Identity, Ideology, Mentality, Worldview: The Interconnection of Fundamental Elements of Russia's Civilizational Self-Awareness.....	268
<i>Rodionova M.E., Kulakova N.N., Zolotareva K.G.</i> The electoral process in Russia: institutional stability and adaptation crisis.....	272
<i>Strokova T.A.</i> On the question of political gaslighting as a strategy of political manipulation.....	277
<i>Tamitskiy A.M.</i> Transformation of the ethnic structure of the Russian Arctic regions in the context of state ethnic policy.....	280
<i>Zhao Yuzhe, Stepanov S.A.</i> The Evolution of the China-Russia Strategic Partnership and Its Impact on Trade Policy.....	284
<i>Shablinskiy V.I.</i> Administrative and budgetary federalism: key problems and features of modern approaches to the study of federalism....	288

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Kornev N.A., Burnasov A.S.</i> The Geopolitical Dimension of China's Food Security: Transforming Instruments and Priorities.....	293
<i>Yandieva D.</i> From the Era of Hegemony to the Era of Survival: Hezbollah After the Death of Hassan Nasrallah.....	297
<i>Rybakov A.V.</i> Militarization of space – conceptualization of the concept.....	300
<i>Cao Guoping, Ivanova E.A.</i> Political economy of decision-making in megaprojects: a case study of the rejection of Chinese technology in the Moscow–St. Petersburg high-speed railway project.....	303
<i>Yandieva D.</i> "Disarming" Hezbollah: How the Language of War Drowns Out the Language of Diplomacy.....	307

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Ran Rui.</i> The level of dissemination and recognition of Chinese cuisine in Russia as a tool of «soft power» and gastrodiplomacy	310
<i>Zorikova E.V.</i> Transformation of the strategic positions of states with interests in the arctic, influenced by the us policy towards Greenland	314
<i>Ndour Muhamet Dit Nabi.</i> Senegalese parliamentarism.....	319
<i>Netkachev K.I.</i> Post-truth and political reality: Donald Trump's electoral cycles (2016, 2020, 2024) as a media event.....	323
<i>Svetlov A.N.</i> The Formation of Systemic «Single Point of Failure» Vulnerabilities in the Real Sector of the Russian Economy as a National Security Threat: Political Analysis and Strategic Decisions.....	328
<i>Shapovalov A.E.</i> US and Japan: Opportunities for Bilateral Space Cooperation amid Rising Geopolitical Tensions.....	332
<i>Yankovskaya M.S.</i> Informal Channels of Rapprochement: The Role of Gifts and Souvenirs in the Development of Russian–French Relations (Late 19th – Early 20th Centuries)	335
<i>Yao Lingdong, Yang Zuqi.</i> The Securitization and Geopoliticization of Digital Technologies: Challenges and the Transformation of Digital Sovereignty.....	337

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Vildanov A.I.</i> Interaction of balance of power and balance of threats in forming sustainable regional security subsystems	341
<i>Ignashina Z.N.</i> The linguo-social aspects of the integration of national varieties of English in ESL teaching	345
<i>Kravchenko A.I.</i> The phenomenology of the city street.....	348
<i>Lesonen M.S., Lobacheva N.A., Kroer E.V., Nazar M.M.</i> A risk-based methodology for expert evaluation of grant-funded projects and research outcomes	351
<i>Lysova O.V., Abdullina A.Sh., Nigmatullina L.A., Lysov O.I.</i> Communicative risks and moderation strategies in multicultural school instant messenger chats	354
<i>Mikhalkova O.A., Mushkina I.A., Pilosyan E.A., Khachaturova N.Yu.</i> A model of effective management of the school's teaching staff.....	357
<i>Muzashvili D.Z.</i> The Past as the value of the present: cognitive and social functions of historical consciousness in the Era of Transitivity	361
<i>Pozharskaya E.L., Shukshina L.V., Shubyakina V.N.</i> The relationship between career orientations and the psychological health of young people in student and leadership organizations.....	364

<i>Ayinuer.</i> Exploration and Application of the Blended Learning Model in Basic Japanese Language Teaching at Higher Education Institutions	368
<i>Bakirova Z.Kh.</i> The Evolution of Values of Russian Youth: Challenges and Development Trajectories.....	372
<i>Beznosova V.N.</i> Features of the social identity of representatives of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the context of industrial development of the Arctic and the Far East	374
<i>Vakkosov Saidjamskhidkhon Giyosiddin Ugli</i> Ethical Challenges and Trust in Artificial Intelligence: A Socio-Philosophical Perspective	378
<i>Vysotskiy K.V.</i> The role of the family institution in the socialization of modern Russian youth.....	383
<i>Dong Fenfen.</i> Changes in Russia's Policy toward the Shanghai Cooperation Organisation	386
<i>Kanataev D.V., Stadnichenko S.I.</i> The everyday culture: a philosophical phenomenon and the problem of translation	391
<i>Kitaeva S.I., Kulagina A.S., Kazachkov M.A., Kitaev E.A.</i> Competency-Based Models in the Personnel Reserve System of State and Municipal Government Bodies	397
<i>Klimova O.M.</i> Transcendental consciousness and linguistic identity: from the paradox of description to the model of linguistic a priori	402
<i>Kornev N.A., Burnasov A.S.</i> China's food security in terms of global food market fluctuations	407
<i>Pronin K.K.</i> Legitimation and delegitimization of the election institutions in modern Russia: regional projection.....	412
<i>Tolok E.S.</i> Transformation of the socio-cultural values of Russian society: philosophical analysis.....	416
<i>Chernykh I.N., Dolgikh M.A.</i> Problems of Supervision of Virtual Currencies and Digital Financial Assets in Foreign Countries	419
<i>Zhang Li, Chen Chuan.</i> A Study on the Characteristics of High-Quality Homework Design in Primary Schools Prior to the “Double Reduction” Policy: A Grounded Theory Approach	422
<i>Shapovalov D.Yu.</i> Mechanisms and Technologies of US Cognitive Warfare in the Post-Truth Era: A Comparative Analysis of Countermeasures in China and Russia	427
<i>Yang Xinyu.</i> A study on the acceptability of metaphors in the translation of Chinese-Russian foreign policy propaganda.....	432
<i>Sharova M.A.</i> The ideological crisis of the early 1920-s: the «philosophical steamer» as a means of combating dissent.....	436

Этнокультурные особенности народных танцев и их влияние на формирование национальной идентичности молодежи

Андреева Анна Александровна,

преподаватель, кафедра режиссуры и хореографии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
E-mail: annaandreeva9516@gmail.com

В научной работе подробно изучается этнокультурная специфика народных танцев, в том числе рассматривается влияние данных особенностей на процесс формирования национальной принадлежности молодого поколения. Народные танцы на сегодняшний день являются основным элементом культурного наследия, который служит не только средством передачи традиций, но и обычаям, а также ценностей, в процессе способствуя укреплению чувства идентичности к соответствующей этнической группе. В научной работе автор подробно рассматривает примеры разных народных танцев, а также символику танцев и значение танцев в воспитании национального самосознания. Цель научной работы состоит в изучении этнокультурной специфики народных танцев, а также влияние на процесс формирования национальной принадлежности молодого поколения. Автор научной работы определяет как народные танцы помогают сохранить культурную и принадлежность, укрепить чувство идентичности к собственной этнической группе, а также к социальной адаптации многонациональных сообществах. Кроме того, автор научной работы обращает внимание на роль народных танцев, которые являются средством передачи культурных традиций, а также ценностей (от поколения к поколению). Объект исследования – этнокультурная специфика народных танцев многочисленных народов, а также влияния танца на процесс формирования национальной принадлежности молодого поколения. Предметом данного исследования являются механизмы, а также процессы, посредством которых рассматриваемые в научной работе танцы оказывают влияние на общее восприятие и глубокое осознание национальной принадлежности среди молодого поколения. В том числе, предметом являются социокультурные аспекты и психологические. Научная новизна работа состоит в системном подходе к изучению народных танцев, которые являются мощным механизмом для процесса формирования национальной принадлежности. В данном исследовании автор подробно изучает особенности этнокультурных элементов народных танцев, а также символику танцев и выполняют ритуальную функцию, которую они выполняют. Кроме того, новым является взаимосвязь традиционных танцев, а также современных танцев, при помощи которых самовыражается молодое поколение. Результаты проведенного исследования продемонстрировали то, что этнокультурные компоненты, которые присутствуют в народных танцах и могут способствовать формированию чувства идентичности в соответствующей культуре. В том числе, в научной работе были проанализированы способы, при помощи которых молодое поколение адаптирует традиционные формы в настоящее время, что в данном случае влияет на общее восприятие национальной принадлежности. Разработаны методические рекомендации для практического применения. Данные рекомендации могут применяться в учебных программах, которые способствуют укреплению национального самосознания молодого поколения.

Ключевые слова: танцы, национальная принадлежность, культура, специфика и особенности, традиции, ценности, народные танцы.

Введение

В настоящее время танцы являются основным аспектом культурной жизни и различных народов. Стоит подчеркнуть, что танцы отражают не только исторические аспекты, но и социальные в рамках которых развивалась культура. В том числе, народные танцы являются средством выражения принадлежности. В контексте процессов глобализации, а также изменения культурных стереотипов народные танцы являются эффективным способом для сохранения культурных традиций, которые передаются из поколения в поколение [9].

В научной работе автор изучает как народные танцы помогают сформировать национальную принадлежность среди молодого поколения.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования являются научные публикации по теме этнокультурных особенностей, а также интернет-ресурсы с дидактическими материалами, цифровой контент рассматривается на примере формирования национальной идентичности молодежи.

Влияние этнокультурных особенностей на формирование национальной идентичности молодежи, которое рассматривается в рамках настоящей статьи, требует применения различных методов научного исследования. Ниже представлены основные методы, которые были использованы при написании данной статьи: синтез и анализ, контекстуальный анализ и сопоставительный анализ, конкретизация и абстрагирование, обзор литературы, наблюдение, сравнительный анализ.

В научной работе исследовали современные научные публикации по рассматриваемой тематике (о формировании идентичности молодежи).

Контекстуальный анализ применялся с целью изучения дидактических материалов, а также учебных программ, которые применяются в данном формате обучения.

Сопоставительный анализ в научной работе применялся для определения преимуществ формирования национальной идентичности молодежи в современном высшем профессиональном образовании, а также их недостатки в сопоставлении с традиционными методами.

Подробно рассматривались успешные примеры влияния этнокультурных особенностей на формирование национальной идентичности молодежи в современном высшем профессиональном образовании в учебных заведениях.

Когнитивные включают в себе знания теоретической базы профессии. Практические являются способностью использовать знания в повседневной жизни (на практике). Социальные, в свою очередь, заключаются в умении активно взаимодействовать с разными группами индивидов.

Теоретический подход

В научной работе применяется междисциплинарный подход, который объединяет теорию культурной антропологии, а также теории социологии и психологии. Основное внимание автор научной работы уделяет таким концепциям как культурная принадлежность, а также символическое взаимодействие. Обращается внимание на социальную адаптацию и культурную адаптацию.

Рассматривая культурную специфику народных танцев следует подчеркнуть, что они имеют свои исторические корни и, как правило, взаимосвязаны с ритуалами, а также различными праздниками и событиями (историческими явлениями или процессами).

Как например, в славянской культуре, народные танцы исполнялись во время проведения торжественных мероприятий и различных значимых событий (свадьбы, праздники урожая и т.д.). В танце каждое движение, а также мелодии заключают в себе определённую символику, которая отражает мироощущение народов в целом.

«Эстетическая функция проявляется в том, что народный танец является разновидностью художественной деятельности. Художественно отражая действительность, танец, подобно другим жанрам фолькло-

ра, передает миропонимание народа, его современное представление о прекрасном. Народная хореография способствует повышению эстетической культуры общества, формирует высокие чувства, вкусы, идеалы людей, содействует возникновению и развитию у них эстетических представлений. Она совершенствует эстетические взгляды, как отдельной личности, так и общества в целом. Народные танцы, исполняемые в национальных костюмах под национальные мелодии, приносят человеку эстетическое наслаждение. Кроме этого, умение видеть и постигать прекрасное через танец становится доступным тем, кто любит родную землю, ее людей, историю и культуру» [3, с. 38].

Другими словами, народный танец имеет свою специфику и включает в себя музыкальные элементы и хореографические, отражающие специфику культуры.

Как например, в ирландском танце ритмичные движения чётки или ритмичные движения в испанском танце (фламенко), которые демонстрируют многообразие этнических традиций, а также неповторимые черты каждой из культур.

Кроме того, стоит отметить, что народные танцы выполняют основные социальные функции, как например, объединяют людей, что в данном случае способствует процессу формирования традиций, а также общих ценностей.

«Интегрирующая функция народного танца пересекается с коммуникативной. Через общение хореография помогает сплочению, объединению людей. Объединения возникают как на уровне общественных образований (например, в древние и средние века пляска объединяла род, племя, общину), так и на уровне отдельных групп (в наше время создаются танцевальные коллективы, любительские объединения) и даже на уровне отдельных людей, создающих семью» [3, с. 39].

В контексте обучения танцам молодое поколение в процессе как осваивает движения, так и погружается в культуру собственного народа, что в данном случае помогает укрепить чувство принадлежности. Народные танцы влияют на национальную принадлежность молодёжи, что в данном случае отражается в идентификации, социальной адаптации, а также в сохранении и укреплении традиций. Активное участие в народных танцах помогает молодому поколению глубоко осознавать собственное место в культуре [6].

В данном случае танцы помогают формировать позитивное отношение к собственной этнической группе, а также помогают формировать гордость в рамках своей культуры (и своему происхождению). Кроме того, народные танцы могут являться основой для коммуникации и активного взаимодействия между молодым поколением в разных этнических группах.

«Народный танец имеет огромное значение как средство воспитания национального самосознания. Получение сведений о танцах разных народов и различных эпох столь же необходимо, как изучение всемирной истории и этапов развития мировой художественной культуры, ибо каждый народ имеет свои, только ему присущие танцы, в которых отражены его душа, его история, его обычаи и характер. Изучение народных танцев, помимо всего этого, имеет и образовательное значение» [3, с. 40].

Участие, которое принимает в народных танцах молодёжь совместно поможет более глубоко понимать другие культуры, а также способствуют уважению, что на сегодняшний день является основным аспектом для формирования общей национальной принадлежности в многонациональном государстве [5].

В контексте процесса глобализации народные танцы являются средством для сохранения культурного наследия. Молодое поколение, которое принимает активное участие в танцевальных коллективах является носителем традиций, передавая их молодому поколению.

Применение на практике

Практическое применение результатов может быть направлено на образовательный процесс, на культуру, а также социальную политику. Возможно разрабатывать новые учебные программы, а также учебные курсы по народным танцам, обращая внимание на культурную специфику.

Кроме того, важно проводить различные фестивали и организовывать мероприятия, которые направлены на популяризацию среди молодого поколения.

В том числе, представляется возможным разрабатывать программы, которые поддержат культурное разнообразие, а также помогут молодому поколению адаптироваться посредством искусства танца на современном этапе.

Гипотеза данного исследования состоит в следующем. Активное участие молодого поколения в народных танцах помогает ему (поколению) укрепить чувство национальной принадлежности, также культурной идентичности. В том числе, занятия танцами оказывают поло-

жительное влияние на социальную адаптацию и межкультурное взаимодействие.

Рассмотрим примеры.

«Основными приемами обучения выступают: показ танцевального материала (наглядность); словесное объяснение; практическая отработка изученной информации; импровизация на основе пройденных тем; игры. Предполагаемая структура занятия (методический пример урока):

1. Разминка (в характере русского танца): упражнения на гибкость; развитие координации

2. Разучивание танцевального материала (движений).

3. Работа над хореографическими этюдами.

4. Заминка (итог занятия)» [10, с. 133].

Пример 1. Русский народный танец *Калинка*. Народный танец изведен быстрым темпом и своей задорной мелодией. В народном танце также используются различные движения, как например, прыжки или повороты. Русский народный танец, как правило, исполняется на различных праздниках и праздничных мероприятиях (свадьба и т.д.). Данный танец является символом радости и веселья. *Калинка* (русский народный танец) помогает молодому поколению создавать собственную взаимосвязь с традициями русского народа. Танец *Калинка* помогает сохранить традиции русского народа, объединяя людей на различных праздниках [4].

Пример 2. Испанский танец *Фламенко*. Рассматриваемый танец отличается выразительными движениями, характеризуется эмоциональной подачей. Фламенко состоит из комплекса, который включает в себя музыкальное сопровождение, пение и игру на музыкальном инструменте (гитара).

Фламенко не только отражает богатую историю, но и культурные андалузские традиции. Фламенко является танцем, который демонстрирует темперамент испанского народа. Танец оказывает влияние на принадлежность, предоставляя возможность молодому поколению гордиться собственным наследием, а также вызывает чувство общности посредством активного участия в различных танцевальных мероприятиях.

Пример 3. Ирландский народный танец. Этнокультурная специфика танца заключается в чётком ритме. Также делается акцент на ногах и традиционной одежде танцоров [2].

Стоит подчеркнуть, что ирландские народные танцы соединяют себе не только музыку, но и хореографию. Исполнение ирландского национального танца укрепляет связь с историческими корнями, что в данном случае способствует и сохранению языка, а также культуры посредством активного участия в различных мероприятиях и фестивалях.

Пример 4. Классический индийский танец. Исполнение данного танца обогащает общее понимание индийской культуры среди молодого поколения. Кроме того, танец способствует уважению культурных традиций, а также религии индийского народа.

Стоит отметить, что многообразие стилей, а также в процессе исполнения применения различных жестов сочетает в себе этнокультурную специфику, так как сопровождается не только традиционной музыкой, но и рассказами о традициях индийского народа [1].

Пример 5. Японский народный танец, который сочетает в себе элегантные движения с применением традиционных японских костюмов. Традиционные костюмы, как правило, взаимосвязаны с природой, а также с временами года (и выражается в цветовом исполнении). Японские национальные танцы, как правило, исполняются во время праздничных мероприятий [7].

Японский танец оказывает влияние на принадлежность в процессе, формируя уважение к традициям народа, помогая молодому поколению глубоко осознавать собственную культурную специфику и особенности посредством участия в японских церемониях.

Пример 6. Греческий танец *Сиртаки*. Этнокультурная специфика данного танца заключается в том, что во время танца выполняются коллективные движения, которые доступны и просты в процессе исполнения. Данные танцы сопровождаются, как правило, народной музыкой.

Греческий танец влияет на принадлежность, способствуя укреплению взаимосвязи внутри социума, помогая молодому поколению не только чувствовать гордость за собственную культуру посредством участия в праздниках, но и на семейных мероприятиях.

Рассмотренные нами выше примеры играют ключевую роль в процессе формирования национальной принадлежности, помогая сохранить культурное достояние. Народные танцы, в том числе способствуют развитию чувства идентичности к своему народу. Принимая активное участие в народных танцах молодое поколение более глубоко-

ко осознает собственную принадлежность, а также значимость своих исторических корней на современном этапе [8].

«Танцую, мы укрепляем не только мышцы. В головном мозге участники, отвечающие за двигательную функцию, находятся рядом с теми, что контролируют мышление и чувства. Выходит, что, заставляя работать мышцы, мы стимулируем эмоции и интеллект. К тому же, во время танцев в организме выделяются гормоны счастья – эндорфины. Человек танцующий более жизнерадостен, энергичен и здоров. Радость (удовольствие) – наиболее желаемая для человека эмоция» [3, с. 39].

Заключение

Таким образом, народные танцы играют ключевую роль в процессе формирования национальной принадлежности молодого поколения. В том числе, народные танцы помогают сохранять культурное достояние, также способствуют укреплению социального взаимодействия с различными представителями этнических групп.

Представляется важным не только поддерживать, но и развивать традиции народного танца. На сегодняшний день танец является средством воспитания чувства идентичности к собственной культуре, а также к социуму в целом.

«Развлекательно-восстановительная функция народного танца проявляется в двух аспектах. С одной стороны, танцевание – это досуг, времяпровождение, доставляющее удовольствие, это развлечение. С другой стороны, танцевание – это одно из действенных средств поддержания тонуса, восстановления физических и духовных сил, эмоциональной и нравственно-психологической подготовки человека к необходимой трудовой и иной общественно-полезной деятельности» [3, с. 39].

Дальнейшие исследования

Перспективы дальнейших исследований могут ориентироваться на сопоставительном анализе. В данном исследовании может рассматриваться влияние народных танцев на процесс формирования принадлежности молодого поколения в различных странах.

Кроме того, представляется возможным исследовать общее восприятие народных танцев в рамках процессов глобализации, а также миграционных процессов. Рекомендуется дополнительно изучить роль технологий, а также современных медиа в распространении, также в процессах трансформации народных танцев.

Литература

1. Арестова, В.Ю. Критерии подготовки будущих руководителей хореографических любительских коллективов к сценической интерпретации чувашского народного танца / В.Ю. Арестова, Т.П. Андреева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 3(108). – С. 151–158.
2. Бабошина О. П., Ермакова Е.А. Русский народный танец как средство формирования национальной идентичности личности подростков, обучающихся хореографии // Экономика и социум. 2021. № 6–1 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-narodnyy-tanets-kak-sredstvo-formirovaniya-natsionalnoy-identichnosti-lichnosti-podrostkov-obuchayushchisya-horeografii> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Белов, В.А. Народный танец как средство воспитания патриотических чувств / В.А. Белов, А.И. Кавеева // Духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Чебоксары, 01–31 мая 2020 года. – Чебоксары: Чувашский государственный институт культуры и искусств, 2020. – С. 36–40.
4. Дмитроченко, Р.Ю. Народно-сценический танец как фактор сохранения традиций / Р.Ю. Дмитроченко // Всероссийская научно-практическая конференция «ДИСК-2020»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, в рамках Всероссийского форума молодых исследователей «Дизайн и искусство – стратегия проектной культуры XXI века», Москва, 24–26 ноября 2020 года. Том Часть 1. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2020. – С. 250–253.
5. Значение формирования национального воспитания молодежи / К.К. Куламбаева, А.К. Садыкова, Ю.Ю. Суровицкая, Б.К. Шогжанов // Наука и реальность. – 2021. – № 2(6). – С. 246–248.
6. Кубаренко, И.А. Роль танцевальной культуры в процессе современного хореографического образования / И.А. Кубаренко // Тенденции и перспективы развития хореографического искусства на современном этапе: материалы Всероссийской (с международным участием)

научно-практической конференции, Орел, 28 ноября 2021 года. – Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2021. – С. 114–119.

7. Майорова, В.М. Русский народный танец как средство художественно-творческого развития в процессе обучения студентов хореографических специальностей / В.М. Майорова // Academia: Танец. Музыка. Театр. Образование. – 2019. – № 1(47). – С. 79–81.

8. Мельникова, М.В. Национальные черты танца как выражение патриотизма, на примере танцев Шотландии и Ирландии / М.В. Мельникова // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: Сборник докладов X Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. В 6-ти томах, Белгород, 28 апреля 2022 года / Отв. редакторы Н.В. Посохова [и др.]. Том 2. – Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2022. – С. 322–327.

9. Радченко, И.В. Значение хореографии в этнокультурном воспитании студентов / И.В. Радченко // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 14–15 мая 2018 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2018. – С. 321–325.

10. Фирсова, О.В. Формирование интереса к изучению народного танца в любительских хореографических коллективах / О.В. Фирсова // ДИСК-2021: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 22–26 ноября 2021 года. Том Часть 4. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2021. – С. 130–133.

ETHNOCULTURAL FEATURES OF FOLK DANCES AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY OF YOUTH

Andreeva A.A.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The scientific work studies in detail the ethnocultural specificity of folk dances, including the influence of these features on the process of forming the national identity of the younger generation. Folk dances today are the main element of cultural heritage, which serves not only as a means of transmitting traditions, but also customs, as well as values, in the process helping to strengthen the sense of identity for the corresponding ethnic group. In the scientific work, the author examines in detail examples of different folk dances, as well as the symbolism of dances and the importance of dances in educating national self-awareness. The purpose of the scientific work is to study the ethnocultural specificity of folk dances, as well as the influence on the process of forming the national identity of the younger generation. The author of the scientific work determines how folk dances help to preserve cultural and belonging, strengthen the sense of identity for their own ethnic group, as well as for social adaptation in multinational communities. In addition, the author of the scientific work draws attention to the role of folk dances, which are a means of transmitting cultural traditions and values (from generation to generation). The object of the study is the ethnocultural specificity of folk dances of many nations, as well as the influence of dance on the process of forming the national identity of the younger generation. The subject of this study is the mechanisms and processes by which the dances considered in the scientific work influence the general perception and deep awareness of national identity among the younger generation. In particular, the subject is the socio-cultural and psychological aspects. The scientific novelty of the work lies in the systematic approach to the study of folk dances, which are a powerful mechanism for the process of forming national identity. In this study, the author studies in detail the features of the ethnocultural elements of folk dances, as well as the symbolism of dances and perform the ritual function that they perform. In addition, the relationship between traditional dances and modern dances, through which the younger generation expresses itself, is new. The results of the study demonstrated that the ethnocultural components that are present in folk dances and can contribute to the formation of a sense of identity in the corresponding culture. In particular, the scientific work analyzed the ways in which the younger generation adapts traditional forms in the present time, which in this case affects the general perception of national identity. Methodological recommendations for practical application were developed. These recommendations can be used in educational programs that contribute to strengthening the national identity of the younger generation.

Keywords: dances, national identity, culture, specifics and features, traditions, values, folk dances.

References

1. Arestova, V. Yu. Criteria for the preparation of future leaders of amateur choreographic groups for the stage interpretation of Chuvash folk dance / V. Yu. Arestova, T.P. Andreeva // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev. – 2020. – No. 3 (108). – P. 151–158.
2. Baboshina O. P., Ermakova E.A. Russian folk dance as a means of forming the national identity of teenagers studying choreography // Economy and Society. 2021. No. 6–1 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-narodnyy-tanets-kak-sredstvo-formirovaniya-natsionalnoy-identichnosti-lichnosti-podrostkov-obuchayushchisya-horeografii> (date of access: 10.05.2025).

3. Belov, V.A. Folk dance as a means of fostering patriotic feelings / V.A. Belov, A.I. Kaveeva // *Spiritual, moral and patriotic education of youth: a collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*, Cheboksary, May 1–31, 2020. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Culture and Arts, 2020. – Pp. 36–40.

4. Dmitrochenko, R. Yu. Folk stage dance as a factor in preserving traditions / R. Yu. Dmitrochenko // *All-Russian scientific and practical conference "DISK-2020": collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, within the framework of the All-Russian forum of young researchers "Design and art – the strategy of the design culture of the 21st century"*, Moscow, November 24–26, 2020. Volume Part 1. – Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)", 2020. – P. 250–253.

5. The importance of forming national education of youth / K.K. Kulambaeva, A.K. Sadykova, Yu.Yu. Surovitskaya, B.K. Shogzhanov // *Science and Reality*. – 2021. – No. 2 (6). – P. 246–248.

6. Kubarenko, I.A. The Role of Dance Culture in the Process of Modern Choreographic Education / I.A. Kubarenko // *Trends and Prospects for the Development of Choreographic Art at the Present Stage: Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference*, Oryol, November 28, 2021. – Oryol: Oryol State Institute of Culture, 2021. – P. 114–119.

7. Mayorova, V.M. Russian Folk Dance as a Means of Artistic and Creative Development in the Process of Teaching Students of Choreographic Specialties / V.M. Mayorova // *Academia: Dance. Music. Theater. Education*. – 2019. – No. 1 (47). – P. 79–81.

8. Melnikova, M.V. National features of dance as an expression of patriotism, using the example of dances from Scotland and Ireland / M.V. Melnikova // *Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations: Collection of reports of the X All-Russian scientific and practical conference of students, master's students, postgraduates and young scientists*. In 6 volumes, Belgorod, April 28, 2022 / Editors N.V. Posokhova [et al.]. Volume 2. – Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2022. – Pp. 322–327.

9. Radchenko, I.V. The Importance of Choreography in the Ethnocultural Education of Students / I.V. Radchenko // *Problems of Education, History, and Culture through the Prism of Russia's Ethnic Diversity (on the 170th Anniversary of the Chuvash Educator I. Ya. Yakovlev): Collection of Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation*, Cheboksary, May 14–15, 2018. – Cheboksary: Limited Liability Company "Sreda Publishing House", 2018. – Pp. 321–325.

10. Firsova, O.V. Formation of Interest in the Study of Folk Dance in Amateur Choreographic Groups / O.V. Firsova // *DISC-2021: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, Moscow, November 22–26, 2021. Volume Part 4. – Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)", 2021. – P. 130–133.

Социальный потенциал семейного воспитания: стратегии и методы повышения эффективности

Арамян Каринэ Арменовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент Государственного университета управления, член Рабочей группы по цифровой экономике при Национальном совете по профессиональным квалификациям при Президенте Российской Федерации
E-mail: aramyan.ka@gmail.com

Цолоева Элеонора Сергеевна,

студент, Московская международная академия
E-mail: coloevaeleonora@gmail.com

Статья поднимает важный вопрос о роли родителей в воспитании поколения «детей-зрителей». Основываясь на анализе характеристик и потребностей обоих поколений – родителей и детей, автор приходит к выводу о необходимости расширения программ психолого-педагогической поддержки родителей путем включения блоков, посвящённых историко-культурному образованию и актуальным знаниям о методах наглядного обучения. Это позволит повысить эффективность семейного воспитания и положительно повлиять на развитие детей в цифровой эпохе.

Ключевые слова: социализация, семейная группа, психолого-педагогическое сопровождение, наглядность, художественно-эстетическое воспитание

Сегодня, в условиях стремительных социальных перемен, особую остроту приобретает задача повышения эффективности семейного воспитания молодого поколения, получившего название «дети-зрители». Это поколение включает представителей поколений Z (родившихся в период 1995–2009 гг.) и Альфа (рожденных после 2010 г.), их жизнь протекает под сильным влиянием новых агентов социализации, таких как соцсети и видеоблогеры. Специалисты называют этих детей «цифровыми аборигенами», потому что они выросли и развиваются одновременно с развитием высоких технологий, существенно преобразивших способы взаимодействия и само общество.

Главные черты «детей-зрителей» заключаются в меньшей степени социальной вовлеченности, глобальном мышлении, цифровом образе жизни и преимущественном ориентировании на визуальное восприятие информации. Их повседневность проходит в режиме онлайн: дети, проводя в сети не менее 45% своего времени [2], используют смартфон не только для развлечений, но и для навигации, получения актуальной информации, учебы и даже профессиональной деятельности. Важнейшей особенностью «детей-зрителей» является доминирование зрения среди каналов восприятия и предпочтение именно визуального формата подачи информации. Обучаясь, они чаще выбирают просмотр коротких роликов или инфографики, нежели чтение длинных текстов или классических учебных пособий.

Согласно результатам социологических исследований, большинство родителей осознают необходимость серьезной психологической и педагогической поддержки в воспитании своего ребенка. Однако сами взрослые, принадлежащие социальным группам, сформировавшимся в трудные времена конца XX века, испытывают дефицит необходимых педагогических компетенций. В ходе своей собственной социализации многие представители старшего поколения столкнулись с разрушением традиционных семейно-поколенческих связей, социальными потрясениями и иными факторами, ограничивающими передачу полезных моделей поведения детям нового цифрового поколения.

Тем не менее, несмотря на изменения в обществе, семья и родители сохраняют свою первостепенную роль в формировании качественной социализации молодежи. Родители несут ответственность за сохранение исторических и семейно-родовых традиций, передачу нравственно-духовных ценностей и поддержание устойчивых связей между поколениями внутри семьи. В связи с этим становится очевидна необходимость поддержки самих родителей, повышения их педагогической культуры посредством более широкого внедрения научных достижений семейной педагогики в практику домашнего воспитания (не только в рамках взаимодействия с родителями детей группы риска).

Вопрос педагогического просвещения взрослых всегда занимал важное место в трудах выдающихся мыслителей прошлого, считавших воспитание детей неотъемлемой частью общественного блага. Здесь можно вспомнить высказывание Карла Маркса: «Воспитатель сначала должен сам пройти процесс воспитания». Анализ научных публикаций свидетельствует о постоянном росте интереса к значению родительского участия в образовательных процессах. Родителям отводится важная роль как субъектов и объектов образовательного воздействия. Все большее значение приобретают программы социально-психологического и педагогического сопровождения родителей, цель которых заключается в создании открытой, конструктивной и взаимодоверительной среды сотрудничества между родителями и специалистами системы образования.

Синергизм положительного взаимодействия семьи и школы рассматривается как основа успешной реализации воспитательно-образовательных программ. Социально-педагогическое партнерство подразумевает тесное взаимодействие педагогов и родителей, направленное на обеспечение благоприятных условий для гармоничного воспитания и всестороннего развития детей. Родители выступают ключевым звеном в формировании мотивации ребенка, стиля его поведения, взглядов на окружающий мир и отношения к процессу обучения.

Кроме традиционных функций педагога, в рамках взаимодействия «педагог-родитель» задачи построения партнерских взаимоотношений, согласования целей и совместная работа по развитию ребенка

приобретают новые характеристики. Одной из приоритетных задач становится повышение уровня воспитательной компетенции родителей, включая приобретение ими базовых знаний в области психологии, педагогики, истории и культуры. Особое внимание предлагается уделить формированию культурно-исторических и эстетических аспектов воспитания, способствующих повышению общей культуры и осознанности родителей в воспитательном процессе.

В семейном воспитании наиболее эффективной может стать культурно-историческое и художественно-эстетическое образование как педагогическая стратегия. Искусство и культура это один из мощнейших источников и средств интеллектуального, духовного и творческого развития личности. Искусство становится «основным руслом развития ребенка как человека» [7], оно позволяет сформировать у детей и подростков знания о родной истории и культуре, воспитать у них любовь к своей семье и Родине.

Применение семейных методов историко-культурного воспитания способствует решению задачи формирования у детей устойчивого понимания и уважения к историческим корням, культуре и традициям своего народа. Такое воспитание формирует прочную связь с историей, культурой и этносом, укрепляя национальную идентичность и патриотические чувства, что создаёт основу для полноценного культурно-образного и сознательного гражданского поведения подрастающего поколения.

В отечественной науке сформировалось значительное направление, изучающее психологические и социальные аспекты искусства и культуры, а также воздействие произведений искусства на личность (представители направления включают Б.Г. Ананьева, И.В. Бестужева-Ладу, Н.А. Бердяева, Г.В. Вернадского, А.С. Лаппо-Данилевского, П.А. Сорокина, С.С. Аверинцева, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана, Ю.У. Фохт-Бабушкина, В.Я. Канторовича). Художественно-творческое развитие и эстетическое воспитание признаны эффективным средством формирования полноценной личности, прежде всего, в среде детского и юношеского возраста. Современная российская педагогика ставит перед собой задачу преодоления разрыва между целями и задачами образования, воспитания и личностного развития, стремясь объединить эти процессы в единую целостную систему, направленную на реализацию внутреннего потенциала каждого индивида. Накопленные теоретические и практические разработки необходимо расширить, вовлекая в процесс обучения и просветительства родителей, поскольку их участие способно усилить позитивные эффекты воспитания и способствовать полноценному раскрытию способностей и качеств будущих поколений.

Исследователи и практики отмечают значимость привлечения родителей к историко-культурному и художественному воспитанию детей, подчёркивая, что эта область затрагивает глубокие мировоззренческие вопросы, так как «сам предмет занимается вопросами отношения к миру» [4]. Исторически русская педагогика признавала огромную ценность эстетического воспитания, формулируя основную задачу как «очеловечение искусством», акцентируя внимание на важности широкого охвата всех сфер жизни.

Например, Б.М. Неменский подчёркивает, что эстетическое воспитание развивает социальную активность, помогающую каждому человеку не только понимать окружающих, но и чувствовать себя частью сообщества [4]. По мнению Ю.У. Фохт-Бабушкина, подтвердившего своими экспериментами взаимосвязь между причастностью к искусству и общим уровнем духовного развития личности, именно искусство даёт человеку уникальный жизненный опыт, выраженный в чувственных образах реальной жизни, концентрирует и осмысляет важные моменты человеческого существования. Он писал об этом: «искусство дает человеку целостный опыт жизни в конкретно-чувственных формах самой жизни, опыт концентрированный и оттрастованный» [8].

Художественно-эстетическое просвещение позволяет убрать диспропорцию между интеллектуально-теоретическим развитием, с одной стороны, и художественно-эстетическим, с другой стороны, эффективно выполняя мировоззренческую функцию. Сформированное мировоззрение обязательно включает в свое содержание эмоционально-оценочное отношение к нравственным нормам, научным знаниям, эстетическим проявлениям, социальной реальности, выявляя функциональность транспоколенной передачи всего содержания социального опыта и культуры для ее воспроизводства и развития. Просвещая и обучая педагогическим навыкам родителей, историко-культурное и художественно-эстетическое воспитание можно превратить в мощный канал формирования эмоционально-ценностных критериев и развития творческого потенциала личности ребенка. Родитель наряду с учителем может и должен стать Проводником Истории, Культуры и Искусства.

В программы родительского сопровождения нужно включать блоки знаний о природном разнообразии территории России; о значимых событиях истории страны и края; о лучших образцах отечественной и мировой культуры и искусства, фольклора и народных промыслов; о методиках организации экскурсий и походов по природным заповедникам, местам памяти, посещения исторических реконструкций, мастер-классов, ворк-шопов; о других формах инкультурации. Подобные программы сопровождения позволят обеспечить родителей, не имеющих педагогического и художественного образования, базовыми знаниями и педагогическим инструментарием, что будет содействовать повышению их педагогической культуры.

В эпоху расцвета искусственного интеллекта и нейротехнологий традиционные объекты культуры и искусства становятся важными источниками социального опыта и хранителями коллективной памяти человечества. Они содержат богатый дидактический материал с огромным воспитательным и аксиологическим потенциалом. Произведения искусства оказывают мощное позитивное воздействие на психоэмоциональное состояние человека, формируют положительную самооценку и гуманное отношение к окружающим людям и явлениям действительности. Через творческий опыт и личные переживания искусства активизируется творческое начало, раскрывается внутренний потенциал человека. Известный нейропсихолог Майкл Газзанига подчеркивает исключительное влияние искусства на работу нервной системы, подчёркивая его благотворное воздействие на адаптацию мозга и усиление его пластичности. Участие в творческой деятельности и восприятие художественных произведений стимулирует мозговые структуры, влияющие на восприятие, память, внимание, двигательные способности, эмоциональную сферу, абстрактное мышление и понимание чувших переживаний [1].

В контексте домашнего воспитания поколения «детей-зрителей» именно историко-культурное просвещение позволяет использовать различные средства наглядности, на которые хорошо реагируют дети-зрители, привыкшие воспринимать информацию визуально.

Формы наглядного историко-культурного воспитания достаточно глубоко исследованы и широко распространены. Наиболее востребованными формами являются семейные экскурсии по памятным местам, посещение музеев, художественных галерей, музыкальных и литературных мероприятий, спектаклей, а также исторических реконструкций. Главное достоинство этих форм состоит в доступности и привлекательности для домашнего воспитания и семейного досуга. Социальный потенциал наглядности как эффективного педагогического метода, как это не странно звучит в условиях тотального распространения видеокультуры (включая образовательный процесс), изученность и научно подтвержденную действенность, в настоящее время не в полной мере используется.

Принцип наглядности, предложенный Я.А. Коменским в XVII веке, заслуженно носит титул «золотого правила» педагогики. Этот великий ученый, по праву снискавший звание «Коперника педагогики», впервые обосновал идею о том, что обучение должно начинаться с чувственного восприятия предмета познания. Согласно его взглядам, основанным на сенсуалистском подходе, знание должно первоначально поступать через органы чувств, проходя стадии наблюдения, знакомства и сбора информации о предмете. Эти идеи получили дальнейшее развитие усилиями выдающихся педагогов разных стран, таких как И.Г. Песталоцци, Ф. Фребель, А. Дистервег, К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, Л.В. Занков и многих других. Широкий спектр возможностей визуализации, знаковых систем и символизма в учебном процессе подтверждает ряд авторитетных ученых, таких как Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Д.П. Аусубель, Р. Ганье, Х. Гарднер, Дж. Брунер и Дж. Свеллер.

В контексте рассматриваемой проблемы целесообразно формировать у родителей знание нейропсихологического и педагогического потенциала метода наглядности, его возможности в когнитивном развитии и обучении, процессах восприятий и усвоения нового материала, снижении нагрузки на рабочую память и т.д. Также важно обеспечить родителей инструментами организации и алгоритмами применения средств наглядности (формулирование цели, плана, маршрута, задания для ребенка, определение времени для обмена впечатлениями в качестве подведения итогов, обучение работе с картами, путеводителями, справочной литературой, создания личного «архива» памятных сувениров и т.д.).

Сложные и постоянно меняющиеся характеристики современной семьи и родительства требуют внимания специалистов различных профилей и полидисциплинарных исследований, прежде всего, социально-психологических. Перестройка родительских позиций и повышение педагогической культуры родителей – это длительный процесс, он требует системной и комплексной работы на всех этапах

межинституционального взаимодействия семьи и образовательных учреждений с использованием имеющихся управленческих механизмов.

Литература

1. Подр. см.: Gazzaniga M.S. Human: The Science Behind What Makes Us Unique. HarperCollins, 2008.
2. Teens, Social Media and Technology 2023. Pew Research Center. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/internet/2023/12/11/teens-social-media-and-technology-2023/> (дата обращения: 09.01.2026).
3. Коменский, Я.А. Великая Дидактика. СПб: Типография А.М. Котомина, 1875. Приложение к журналу «Наша Начальная Школа» на 1875 год.
4. Неменский, Б.М. Мудрость красоты. О проблемах эстетического воспитания [Текст]: кн. для учителя / Б.М. Неменский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1987.
5. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952, с. 190.
6. Семья и дети в России. 2021: Стат.сб. / Росстат, Общественная палата Российской Федерации. Москва, 2021.
7. Теория и методика музыкального образования детей [Текст]: науч.-метод. пособие для учителя музыки и студентов сред. и высш. учеб. заведений / Л.В. Школяр, М.С. Красильникова, Е.Д. Критская и др.; Рос. акад. образования, Ин-т худож. образования. Лаб. муз. искусства. – Москва: Флинта: Наука, 1998. – 329 с.
8. Фохт-Бабушкин, Ю.У. Научное управление художественной культурой как объект эстетического исследования: автореферат дисс. доктора филос. Наук: 09.00.04 – М., 1984.
9. Фридман, А.М. Наглядность и моделирование в обучении. – М.: Знание, 2010. – 80 с.
10. Челпаченко Т.В., Пахомова М.А. Современные формы педагогического просвещения родителей в России. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023, № 2(238), с. 48–55.

SOCIAL POTENTIAL OF FAMILY EDUCATION: STRATEGIES AND METHODS FOR IMPROVING EFFECTIVENESS

Aramyan K.A., Tsoleova E.S.

State University of Management, Moscow International Academy

The article raises an important question about the role of parents in raising a generation of «children-spectators». Based on an analysis of the characteristics and needs of both generations – parents and children – the author concludes that it is necessary to expand programs of psychological and pedagogical support for parents by including modules devoted to historical and cultural education and current knowledge about visual learning methods. This will improve the effectiveness of family education and will have a positive impact on children's development in the digital age.

Keywords: socialization, family group, psychological and pedagogical support, visibility, artistic and aesthetic education.

References

1. See also: Gazzaniga M.S. Human: The Science Behind What Makes Us Unique. HarperCollins, 2008.
2. Teens, Social Media and Technology 2023. Pew Research Center. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/internet/2023/12/11/teens-social-media-and-technology-2023/> (дата обращения: 09.01.2026).
3. Komensky, Ya.A. The Great Didactics. St. Petersburg: Printing House of A.M. Koto-min, 1875. Appendix to the magazine «Our Elementary School» for 1875.
4. Nemensky, B.M. The wisdom of beauty. On the problems of aesthetic education [Text]: book for teachers / B.M. Nemensky. – 2nd ed., revised Moscow: Prosveshchenie, 1987.
5. Pirogov N.I. Selected pedagogical Works. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1952, p. 190.
6. Family and children in Russia. 2021: Statistical collection / Rosstat, Public Chamber of the Russian Federation. Moscow, 2021.
7. Theory and methodology of musical education of children [Text]: scientific method. a manual for music teachers and students of secondary schools. and higher. studies. institutions / L.V. Shkolyar, M.S. Krasilnikova, E.D. Kritskaya et al.; Russian Academy of Sciences. education, Art Institute. education. Lab. music. art. – Moscow: Flint: Nauka Publ., 1998. – 329 p.
8. Focht-Babushkin, Yu.U. Scientific management of artistic culture as an object of aesthetic research: abstract of the dissertation. Dr. Philos. Sciences: 09.00.04 – Moscow, 1984.
9. Friedman, A.M. Visibility and modeling in teaching. Moscow: Znanie, 2010. 80 p.
10. Chelpachenko T.V., Pakhomova M.A. Modern forms of pedagogical education of parents in Russia. // Bulletin of Orenburg State University. 2023, № 2 (238), Pp. 48–55.

Стратегические вызовы и трансформация образовательной системы Китая: анализ ключевых трендов

Гулева Мария Александровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры
медиалингвистики факультета журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: guleva.m@gmail.com

Статья представляет собой комплексный анализ стратегических вызовов, стоящих перед системой образования Китая в контексте цели построения «сильной страны». Автор выделяет пять ключевых системных проблем: 1) Многогранный кризис справедливости, где политика «двойного сокращения» не устранила, а трансформировала проблему нагрузки, требующую умного регулирования и реформы оценки, а также обострила вопрос территориального неравенства и роли уездных школ; 2) Необходимость пересборки человеческого капитала в эпоху ИИ, что подразумевает переход к модели непрерывного обучения и развитие метакогнитивных навыков; 3) Трансформацию университетов в узлы открытых инновационных экосистем с фокусом на качество карьеры выпускников; 4) Признание психологического благополучия новой образовательной ценностью, требующей интеграции в учебный процесс; 5) Глубинную переоценку педагогических парадигм – от отказа от формализма конкурсов до построения автономного академического дискурса. Делается вывод, что ответ на эти взаимосвязанные вызовы требует сложной, научно обоснованной политики, где образование становится проектом коллективного будущего.

Ключевые слова: образовательная политика Китая, образовательное неравенство, уездные школы, человеческий капитал, искусственный интеллект (ИИ), непрерывное обучение, университеты, карьера выпускников, психологическое благополучие, образовательная тревожность, педагогические парадигмы, реформа оценки.

Современная образовательная политика Китая переживает период глубокой структурной трансформации, движимой амбициозной национальной целью построения «сильной страны в сфере образования, науки и технологий и кадров». Этот путь сопряжен не только со значительными инвестициями, но и с необходимостью решения фундаментальных противоречий, накопленных за годы стремительного роста. Анализ актуальных исследований позволяет выделить не просто отдельные проблемы, а системные вызовы, от ответа на которые зависит будущая конкурентоспособность и социальная устойчивость китайского общества. Эти вызовы требуют комплексных, научно обоснованных и зачастую нетривиальных решений.

Многогранный кризис «справедливости»: между конкуренцией и территориальным дисбалансом

Одним из наиболее острых вызовов остается проблема образовательного неравенства и экстремальной академической нагрузки. Политика «двойного сокращения» стала мощным сигналом, обозначившим границы допустимого в погоне за успехом¹. Однако, как показывают исследования, эффект оказался сложнее ожидаемого. Произошел не уход проблемы, а ее трансформация и уход в «теневую» цифровую сегмент. Появились скрытые формы репетиторства (индивидуальные занятия под видом «домашней помощи», закрытые онлайн-группы), выросла нагрузка на родителей, вынужденных искать обходные пути [1]. Это создает новый ландшафт, для регулирования которого недостаточно запретительных мер. Требуется построение «умной» системы управления, основанной на данных и предиктивной аналитике. Это подразумевает развитие цифровых платформ мониторинга образовательного контента, создание механизмов отслеживания финансовых потоков в индустрии дополнительных услуг и, что критически важно, глубинную реформу систем оценки – как школьных, так и вступительных экзаменов (гаокао). Без изменения конечных «правил игры», которые по-прежнему поощряют натаскивание, давление будет лишь менять форму [2].

Параллельно существует глубинное территориальное и социально-экономическое неравенство. Популярная среди обеспеченных семей стратегия «выбора школы за пределами уезда» для перехода в престижные городские учебные заведения поставлена под сомнение масштабными исследованиями. Данные свидетельствуют, что для многих учащихся из уездов миграция сопряжена с психологическим стрессом, потерей социального капитала и не всегда приводит к ожидаемому академическому рывку [3]. Качественная уездная школа может быть более эффективной средой для их развития. Следовательно, политика «возрождения уездных школ» – это не просто инфраструктурный проект, а стратегия национальной безопасности, направленная на укрепление социального лифта и предотвращение культурного опустынивания регионов. Инвестиции должны быть комплексными: не только в здания и оборудование, но и в привлечение и удержание талантливых педагогов через программы льготного ипотечного кредитования, карьерного роста и создания современных профессиональных сообществ на местах.

Развитие человеческого капитала: От «диплома на всю жизнь» к непрерывной адаптации в симбиозе с ИИ

Четвертая промышленная революция, ускоренная развитием генеративного искусственного интеллекта, обесценивает модели образования, построенные на пассивной передаче и воспроизведении информации. Ключевым трендом становится переход от концепции «человеческого капитала» как статичного актива к модели «непрерывного, постепенного и контекстно-зависимого накопления компетенций» [4]. Это означает, что формальное университетское образование – лишь стартовая точка. Основная часть обучения будет происходить в процессе работы, через онлайн-курсы, корпоративные тренинги и неформальные практики. Государству предстоит выступить архитектором этой новой экосистемы:

¹ Программа «Двойного сокращения» (双减政策) – это масштабная государственная политика Китая, инициированная в 2021 году и направленная на радикальное снижение академической нагрузки на школьников.

разработать национальные рамки квалификаций, признающие дипломы и сертификаты, создать систему персональных образовательных счетов для финансирования обучения взрослых, стимулировать бизнес к инвестициям в переобучение сотрудников. Университеты же должны трансформироваться из «поставщиков дипломов» в пожизненных образовательных партнеров, предлагающих модульные, гибкие программы, актуальные для быстро меняющегося рынка труда.

Внутри этой трансформации отдельным вызовом стоит этика и педагогика взаимодействия с искусственным интеллектом. ИИ-инструменты, такие как ChatGPT, стали для студентов повседневной реальностью. Однако исследования фиксируют риск формирования «зависимой модели» использования, когда студент делегирует ИИ когнитивные функции – от генерации идей до структурирования текста, – что ведет к атрофии собственных аналитических и творческих способностей. Ответом должно стать целенаправленное воспитание осознанного пользователя. Это требует интеграции в учебные курсы специальных модулей, посвященных не только техническим возможностям, но и эпистемологическим ограничениям ИИ, а также развитию критического мышления для верификации его выводов. Парадоксально, но в эпоху развития ИИ резко возрастает ценность субъективных и когнитивных навыков: саморегуляции, тайм-менеджмента, осознанного планирования. Доказательные эксперименты показывают, что даже низкочастотные тренинги по управлению временем существенно снижают прокрастинацию и повышают успеваемость, особенно у студентов, склонных откладывать задачи [5]. Таким образом, вузам необходимо перебалансировать учебные планы в сторону навыков, которые остаются исключительной прерогативой человека.

Университеты в центре инновационной экосистемы: от изолированных учебных центров к узлам синергии

Миссия университетов кардинально расширяется. От них ждут не только подготовки кадров, но и непосредственного вклада в технологический суверенитет страны через генерацию прорывных знаний и их быструю коммерциализацию. Устаревшая линейная модель «фундаментальная наука – прикладная разработка – рынок» не работает в условиях глобальной конкуренции. На смену ей приходит концепция инновационной экосистемы «пяти спиралей», где университеты взаимодействуют в динамической сети с государством (формирующим стратегию и регулирование), промышленностью (формулирующей рыночный запрос), венчурным капиталом (обеспечивающим финансовые риски и масштабирование) и малыми инновационными предприятиями (выступающими как агенты быстрого экспериментирования) [6]. Главный вызов – преодоление институциональных и культурных барьеров между этими мирами. Для этого необходимы конкретные инструменты: создание на базе вузов индустриальных инкубаторов и акселераторов с участием бизнеса, введение гибких форматов работы для профессоров, изменение системы оценки научной деятельности с учетом не только публикаций, но и патентов и созданных технологических компаний [7].

Качество «конечного продукта» университета – выпускника – также переосмысливается. Фокус смещается с абстрактного показателя «процента трудоустройства» к многомерному индексу «качества карьеры». Это включает не только стартовую зарплату и статус работодателя, но и соответствие работы специальности, возможности для роста, удовлетворенность и баланс между личной жизнью и работой. Исследования показывают, что разные аспекты этого качества определяются разными факторами: зарплата сильно зависит от рейтинга университета, а удовлетворенность – от внутренней мотивации студента и корпоративной культуры на первом месте работы [8]. Поэтому университетам необходимо развивать индивидуализированные карьерные траектории, укреплять связи с работодателями и заботы о ментальном здоровье в образовательный процесс. Ключевым инструментом здесь выступает системное, а не формальное, карьерное образование. Его эффективность доказана эмпирически: оно снижает тревогу не через пустые заверения, а через удовлетворение базовых психологических по-

Психологическое благополучие как новая образовательная валюта

Рост уровня стресса, тревожности и эмоционального выгорания среди школьников и студентов достиг масштабов, угрожающих не только учебным результатам, но и долгосрочному здоровью нации. «Образовательная тревожность» превратилась из частной проблемы семьи в системный социальный феномен. Ответом на это становится постепенная интеграция принципов позитивной педагогики и заботы о ментальном здоровье в образовательный процесс. Ключевым инструментом здесь выступает системное, а не формальное, карьерное образование. Его эффективность доказана эмпирически: оно снижает тревогу не через пустые заверения, а через удовлетворение базовых психологических по-

требностей (в автономии, компетентности и отношениях) и повышение толерантности к неопределенности – ключевого навыка в современном мире. Школам и вузам предстоит создать среду, где психологическая поддержка, развитие эмоционального интеллекта и рефлексия будут не факультативом, а неотъемлемой частью учебного дня. Это требует подготовки кадров – психологов, тьюторов, самих педагогов – и пересмотра показателей успешности учебного заведения, включив в них индексы благополучия учащихся.

Трансформация педагогических парадигм: от заимствования к диалогу

На фундаментальном уровне происходит переоценка самих основ педагогической деятельности. Повсеместная практика проведения курсов педагогического мастерства («открытых уроков») подвергается все большей критике со стороны научного сообщества. Исследователи указывают, что такие конкурсы поощряют «театрализацию» преподавания: создание идеализированных, отрепетированных шоу, которые имеют мало общего с рутинной, но глубокой работой по раскрытию потенциала каждого ребенка в реальном классе [9]. Это ведет к депрофессионализации, смещая фокус учителя с содержания на форму. Актуальный запрос – на возвращение доверия к учителю как к рефлексивному практику и исследователю. Необходимы альтернативные системы оценки, основанные на долгосрочном портфолио, отзывах коллег и учащихся, анализе динамики развития класса.

Одновременно в академической среде растет осознание необходимости преодоления эпистемологической зависимости от западных теоретических рамок в гуманитарных и социальных науках, включая педагогику [10]. Уникальный масштаб и специфика китайского образовательного опыта – от системы гаокао до экспериментов в сфере EdTech – требуют выработки собственных концептуальных языков и теорий. Это не путь к изоляционизму, а, напротив, условие для полноценного равного диалога на глобальной академической арене. Задача заключается в том, чтобы, опираясь на богатейшую местную практику и интеллектуальную традицию, формулировать универсальные вопросы о природе обучения, справедливости и эффективности, предлагая на них ответы, рожденные китайским контекстом.

Заключение. Образование как проект коллективного будущего

Актуальные вопросы в образовании Китая представляют собой не набор разрозненных проблем, а единый комплекс взаимосвязанных вызовов системного уровня. Погоня за справедливостью неотделима от проблемы психологического благополучия, подготовка инновационных кадров требует пересмотра педагогических методов, а технологическая трансформация ставит под вопрос сами цели обучения. Успешная навигация в этом пространстве требует отказа от простых решений в пользу адаптивной и основанной на данных политики. Ключевую роль в этом процессе играют научные исследования, которые переводят общественные дискуссии из эмоциональной плоскости в плоскость доказательств, измерений и проверяемых гипотез. Будущее «сильной страны в образовании» будет определяться способностью синтезировать национальные амбиции с индивидуальным благополучием, технологический прогресс – с человечностью, а глобальную конкурентоспособность – с внутренней социальной сплоченностью. Образовательная система становится главной мастерской, где это будущее проектируется и воплощается.

Литература

- 薛海平, 高翔. 我国基础教育课外补习研究: 历程、困境与展望 [Исследование внеклассного обучения в системе базового образования Китая: этапы, проблемы и перспективы] // 教育科学. 2022.09, Vol. 38, № 5, pp. 59–66. Режим доступа: <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-8064.2022.05.008> (дата обращения: 19.01.2026).
- Taehee Yoon. Research on the Impact of the Double Reduction (Shuangjian) Policy on Private Education during the Xi Jinping Era [Исследование влияния политики «двойного сокращения» на частное образование] // Journal of Asia-Pacific Studies. 2023, Vol. 30, № 4, pp. 61–96. Режим доступа: <https://doi.org/10.18107/japs.2023.30.4.003> (дата обращения: 19.01.2026).
- 如何让优质教育扎根县城? 专家齐聚博鳌共商良策 [Как обеспечить укоренение качественного образования в уездных городах? Эксперты собрались в Боао для обсуждения решений] // 和讯网. 06.12.2025. Режим доступа: <https://news.hexun.com/2025-12-06/222673368.html> (дата обращения: 19.01.2026).
- 马莉萍, 郑翔睿, 周雪涵. 使用生成式人工智能辅助学习的学生类型画像 [Портретная характеристика типов учащихся, использующих генеративный искусственный интеллект для помо-

щи в обучении] // 微信公众号. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NTcxNTQ3MA==&mid=2651814939&idx=1&sn=14cba6c447becb2573b6127f48d32cd&chksm=bc53f584329d747532651b40f0ae32ccf0b3b6d4829e9b1ae188d1b003a1723bbb581d4bfc42&scene=27 (дата обращения: 19.01.2026).

5. 郑翔睿, 周雪涵, 马莉萍. 顶尖高校本科生人工智能素养水平及群体差异——基于客观测评的实证研究 [Уровень искусственно-го интеллекта и групповые различия среди студентов бакалавриата ведущих вузов – эмпирическое исследование на основе объективной оценки] // 微信公众号. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NjA0NzlwMg==&mid=2651568213&idx=2&sn=63345262ebcd0d80665ba7c3cea5bbc7&chksm=bcf07aca059ebfcf14e25af1ccbf74907812cab7c1d215ba2c884831ef73bc6caaa4948be0a3&scene=2 (дата обращения: 19.01.2026).

6. 哈巍. 我国政产学研协同创新的三螺旋模式及其多重演化路径 [Тройная спираль синергетических инноваций «правительство – промышленность – университеты – наука» в Китае и её множественные эволюционные пути] // 中国人民大学教育学院. Режим доступа: <http://soe.ruc.edu.cn/info/1131/3673.htm> (дата обращения: 20.01.2026).

7. 哈巍, 范皓皓, 李孟泽, 肖烨, 王瑶, 林璐, 陈思源, 李昀玮, 曹宇莲. 从全球到中国: 社会与学校的教育协同创新 [От глобально-го к китайскому: синергетические образовательные инновации общества и школы] // 华东师范大学学报(教育科学版). 2022, Vol. 40, Issue (12), pp. 110–126. Режим доступа: <https://doi.org/10.16382/j.cnki.1000-5560.2022.12.010> (дата обращения: 20.01.2026).

8. 岳昌君. 高校毕业生就业的机遇与挑战 [Возможности и вызовы трудоустройства выпускников вузов] // 微信公众号. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI3NzE5ODI4MA==&mid=2247485863&idx=1&sn=7a8d7198f693084d19d5196b855e922d&chksm=eadd4d4b21d86556f95c7d23dd1a63dbbc19bd0d68a2380ed3e2dc258dbb6980f459ef5960954&scene=27 (дата обращения: 20.01.2026).

9. 卢晓东教授: 真正的创新人才, 要“冒”出来, 而非“拔”出来 [Профессор Лу Сяодун: Подлинно инновационные таланты должны «прорасти», а не «отбираться»] // 中国教育在线. 22.11.2023. Режим доступа: https://www.eol.cn/news/qiangguo/zhuanjia/qita/202311/t20231122_2534273.shtml (дата обращения: 20.01.2026).

10. 阎凤桥. 加强学科本土化建设, 推进自主知识体系的建立 [Усиление локализации дисциплин и продвижение создания независимой системы знаний] // 北京大学校报. 2023. Режим доступа: <https://news.pku.edu.cn/xwzh/410742d80ccf479a87fbed0af7068242.htm> (дата обращения: 20.01.2026).

STRATEGIC CHALLENGES AND TRANSFORMATION OF CHINA'S EDUCATION SYSTEM: AN ANALYSIS OF KEY TRENDS

Guleva M.A.
Lomonosov Moscow State University

The article provides a comprehensive analysis of the strategic challenges facing China's education system in the context of the goal to build a "strong country." The author identifies five key systemic problems: 1) The multifaceted crisis of equity, where the "Double Reduction" policy has not eliminated but transformed the issue of academic burden, requiring smart regulation and assessment reform, while also highlighting the problem of territorial inequality and the role of county-level schools; 2) The need to reconfigure human capital in

the AI era, implying a shift to a model of lifelong learning and the development of metacognitive skills; 3) The transformation of universities into hubs of open innovation ecosystems ("Quintuple Helix") with a focus on graduate career quality; 4) The recognition of psychological well-being as a new educational value, requiring its integration into the learning process; 5) A deep reassessment of pedagogical paradigms – from moving beyond the formalism of teaching competitions to building an autonomous academic discourse. The conclusion is that addressing these interconnected challenges requires complex, evidence-based policy, where education becomes a project for the collective future.

Keywords: China's education policy, educational inequality, county-level schools, human capital, artificial intelligence (AI) in education, lifelong learning, innovation ecosystem, universities, graduate career quality, psychological well-being, education anxiety, pedagogical paradigms, assessment reform.

References

- Xue, H. and Gao, X. (2022). '我国基础教育课外补习研究: 历程、困境与展望' [A Study on After-school Tutoring in China's Basic Education: Process, Dilemmas and Prospects]. *Education Science*, 38(5), pp. 59–66. Available at: <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-8064.2022.05.008>. (Accessed on 19 January 2026).
- Yoon, T. (2023). 'Research on the Impact of the Double Reduction (ShuangJi-an) Policy on Private Education during the Xi Jinping Era'. *Journal of Asia-Pacific Studies*, 30(4), pp. 61–96. Available at: <https://doi.org/10.18107/japs.2023.30.4.003>. (Accessed on 19 January 2026).
- “如何让优质教育扎根县城? 专家齐聚博鳌共商良策” [How to Make Quality Education Take Root in County Towns? Experts Gather in Boao to Discuss Solutions]. (2025). *Hexun News*, 6 December. Available at: <https://news.hexun.com/2025-12-06/222673368.html>. (Accessed on 19 January 2026).
- Ma, L., Zheng, X. and Zhou, X. (n.d.). '使用生成式人工智能辅助学习的学生类型画像' [A Profile of Student Types Using Generative AI for Learning Assistance]. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NTcxNTQ3MA==&mid=2651814939&idx=1&sn=14cba6c447becb2573b6127f48d32cd&chksm=bc53f584329d747532651b40f0ae32ccf0b3b6d4829e9b1ae188d1b003a1723bbb581d4bfc42&scene=27. (Accessed on 19 January 2026).
- Zheng, X., Zhou, X. and Ma, L. (n.d.). '顶尖高校本科生人工智能素养水平及群体差异——基于客观测评的实证研究' [The Level and Group Differences of AI Literacy Among Undergraduates at Top Universities: An Empirical Study Based on Objective Assessment]. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NjA0NzlwMg==&mid=2651568213&idx=2&sn=63345262ebcd0d80665ba7c3cea5bbc7&chksm=bcf07aca059ebfcf14e25af1ccbf74907812cab7c1d215ba2c884831ef73bc6caaa4948be0a3&scene=2. (Accessed on 19 January 2026).
- Ha, W. '我国政产学研协同创新的三螺旋模式及其多重演化路径' [The Triple Helix Model and Its Multiple Evolutionary Paths of Collaborative Innovation Among Government, Industry, University and Research in China]. *Renmin University of China School of Education*. Available at: <http://soe.ruc.edu.cn/info/1131/3673.htm>. (Accessed on 20 January 2026).
- Ha, W., Fan, A., Li, M., Xiao, Y., Wang, Y., Lin, L., Chen, S., Li, Y. and Cao, Y. (2022). '从全球到中国: 社会与学校的教育协同创新' [From Global to China: Educational Collaborative Innovation Between Society and Schools]. *Journal of East China Normal University (Educational Sciences)*, 40(12), pp. 110–126. Available at: <https://doi.org/10.16382/j.cnki.1000-5560.2022.12.010>. (Accessed on 20 January 2026).
- Yue, C. (n.d.). '高校毕业生就业的机遇与挑战' [Opportunities and Challenges for College Graduates' Employment]. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI3NzE5ODI4MA==&mid=2247485863&idx=1&sn=7a8d7198f693084d19d5196b855e922d&chksm=eadd4d4b21d86556f95c7d23dd1a63dbbc19bd0d68a2380ed3e2dc258dbb6980f459ef5960954&scene=27. (Accessed on 20 January 2026).
- “卢晓东教授: 真正的创新人才, 要“冒”出来, 而非“拔”出来” [Professor Lu Xiaodong: Truly Innovative Talents Should “Emerge”, Not Be “Selected”]. (2023). *EOL China*, 22 November. Available at: https://www.eol.cn/news/qiangguo/zhuanjia/qita/202311/t20231122_2534273.shtml. (Accessed on 20 January 2026).
- Yan, F. (2023). '加强学科本土化建设, 推进自主知识体系的建立' [Strengthening the Localization of Disciplines and Promoting the Establishment of an Independent Knowledge System]. *Peking University Gazette*. Available at: <https://news.pku.edu.cn/xwzh/410742d80ccf479a87fbed0af7068242.htm>. (Accessed on 20 January 2026).

Дорофеев Вячеслав Сергеевич,

кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет технологии и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

E-mail: Irina_gavrilova@bk.ru

Автором сделано некоторое уточнение относительно значимости меры и мерности в таких научных источниках как «Государственная система обеспечения единства измерений» [1] и «Международный словарь по метрологии» [2]. Также предложено понятийное (энциклопедическое) определение однородности измеряемых величин. Кроме того, рассмотрены некоторые вопросы социального состояния общественного измерения с привлечением внутреннего духовного параметра человека, такого как «совесть», и предложен вариант его инструментального приборного определения.

Ключевые слова: измерение, мера, мерность, скалярность, однородность, община, общество, совесть.

Прежде чем приступить к целям и задачам данной работы, сделаем небольшое пояснение относительно истинности основных понятий в отечественной литературе по метрологии и измерениям. Мы надеемся, что это дополнение внесет более полное понимание сущности рассматриваемых вопросов в [3].

В искусственно созданных науках (векторный анализ, линейная алгебра и т.д.), применяемых в механике, физике, геометрии и даже в измерении и метрологии, присутствует термин «скалярность», употребляемый как синоним числа, исключающий его иррациональность. Отсутствие этого термина (видимо в виду неглубокого понимания его значимости) или его аналога в РМГ29–2013, учебниках по метрологии и измерениям, а также другой специальной отечественной литературе, привело к несоответствию основных понятий в этой области знаний общепринятым в мировой науке и практике [3].

Напомним, что исторически в России в основе всех измерений лежит мера, являющаяся ортодоксальным явлением и относящаяся к аксиологическому, то есть устойчивому и значимому для человека образу жизни (ценностям). Мера – это способ определения количества по принятой единице, «мерность», «измеримость» В. Даль [4]. При внимательном рассмотрении понятий «мерность» и «скалярность» можно прийти к выводу, что они аналогичны в изложении процессов измерения. Мерность – это виртуальная ступенчатость единиц мер в числе. Скалярность – это количество ступенек в числе (единиц мер).

В [3] было показано, что измеряемая величина будет выражаться в виде числа, если она и её единица меры будут обладать однородностью и скалярностью (мерностью). А что значит однородность величин? По существу в отечественной и мировой литературе по этому вопросу существует некоторая недосказанность.

Мы уже отмечали в [3], что, например, в [1] – это «качественная определенность величины», но затем там же отказались от этого определения. При этом заявив, что качественное свойство – не размерное свойство. Но не дали определения однородности, только, по существу, подтвердив определение Даля (т. 1, стр.176): «Величина все измеримое и исчислимое: всякое свойство не составляющее качество: число». А в [2] род величины это «общий аспект» для взаимного сопоставления величин. Но, к сожалению, этот «аспект» так и не указан, при этом отмечено, в «Примечании 1»: «Разделение величин по их родам является в некоторой степени произвольным».

В связи с этим у автора этих строк возникает вопрос: а по какой причине, именно слово «мера» ни разу не упоминается в [1,2], где ему должно быть отведено «почётное» и многократное место? Это слово возникает в тот момент, когда требуется глубокое обобщение и значимое определение процесса измерения.

Ведь мера есть принятые, придуманные и фиксируемые отрезки времени и других величин достойных, необходимых и требуемых измерений, определяющих развитие цивилизации. В связи с этим напомним [3] изречение древнегреческого философа Протагора: «Человек это не цифра и не число, человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют и не существующих, что они не существуют». Другими словами мера является для человечества связью времён, эпох, цивилизаций и определяет цель и сущность измерений. Однако в [1,2] присутствует только термин «материальная мера» и причём в качестве средства измерения. Так как наука по своей сущности стремится к обобщениям, то в случае с однородностью очень целенаправленно подходит формулировка: «Однородные величины могущие быть выражены одной и той же мерой» [5].

Известно, что академик А.Н. Колмогоров очень изящно использовал меру и её единицу при изложении процессов измерения скалярных (мерных) величин [3], подчеркнув её важность, ценность и историческую устойчивость в России. Но во всем должна быть мера, и возможны исключения из этого правила. Очевидно, что любое общество, по существу, основано на измерениях и процессах его составляющих и определяющих, а также терминах, утверждающих это состояние. Поэтому кратко рассмотрим его социальное развитие и сделаем некоторые выводы. По существу, именно этот вопрос определяет цель данной работы. Как нам представляется, именно это, в некоторой степени, позволит попытаться осуществить «взгляд за горизонт» развитие человечества. Ведь его социализация сопровождается постоянно совершенствующимися условиями развития,

посредством измерения всех его основ жизни. Известно, что за весь долгий путь человечества были последовательно созданы направления, которые характеризуются как «община» и «общество». Община является предвестником образования общества. Это деревенский образ жизни, материальной основой которого является складчина, общее имение и достоиние, артельщина. А основой её жизнедеятельности является литургия и мистерия. Напомним, что это вера в Бога или сверхъестественное. Где община, там и церковь, в ней люди связываются посредством своих мечтаний, включая общие цели и ценности, и к ним относятся как к будущему существованию или как к существующему. В ней желаемое выдают за действительное. В общине человек существует таким как он есть. В ней люди объединяются под словом «мы». В общине не симулируют. В ней видимость добра отличается от добра. Чтобы жить общиной нужна правда. Община – это данный человеку произвол действия, свобода, простор в поступках, творческая деятельность разума. С другой стороны «Воли дать – добра не видать» (В.Даль) и это настораживает. «Мы» живет по своей воле, а не по правилам. Воле нужен простор, чтобы своеволие одного не мешало своеволию другого. Именно поэтому вольных людей уничтожали и на западе, и на востоке. И именно поэтому Россия стала такой огромной страной.

Воля является фундаментом или сцепкой с общиной. Соответственно, сцепка (конгломерат) община/воля перерастают в абсолютную свободу. В самом лучшем случае воля должна сопровождаться покоем (трезвость мысли, спокойствие). Это единственный способ свободы в христианском православном мире, который позволяет избежать своеволия. В обществе люди индивидуалисты (личности). В основе их жизни лежит собственное «я», которое не объединяет, а разделяет людей. Преодоление этого разделения осуществляется обществом посредством обеспечения их интересов. С ростом народонаселения потребовалось создание городов. А чтобы поселить человека в городе, у него нужно отобрать волю и дать вместо нее свободу слова. А также, чтобы «мы» покинули общину и разрушили мистирию.

Современное общество – это бюрократия, замкнутая на себя. Устаревает мысль, что человек есть существо социальное. Как мы отмечали ранее, общество есть социальный способ преодоления этого разделения посредством интересов. Но невозможно объединить интересы эгоцентричных людей, ставящих в центр всего мироздания индивидуальное «я» человека. Например, западное общество любит личности (свое «я»). У каждой личности есть маска, которая предназначена только для тебя. Это культура – говорит нам Кант, западно-европейский философ.

Основной изъян любого общества состоит в том, что оно не выносит правды. В обществе ложь является условием коммуникации. В нем все лгут. Чтобы жить в обществе истина не нужна. В обществе видимость добра есть добро, хотя это не добро. Фундаментом общества является свобода, конгломерат которых, по общему мнению, должен превращаться в справедливость.

Как видно из схемы, конгломерат общество/свобода, по существу, является классовым неравенством, которое сводится к извращенному пониманию добра, то есть справедливости. Конгломерат община/воля в конечном итоге приводит к своеволию, которое требует от высшего руководства проявление величайшей трезвости мысли и спокойствия.

Наиболее полно и осознанно понятие справедливости выразил Аристотель [6]. Он впервые разделяет справедливость на уравнительную и распределительную из принципа пропорциональности (по достоинству). Этот принцип по существу сохраняется во всей истории классового общества. А вообще, справедливыми можно назвать сообщества, которые пытаются соответствовать исторической необходимости создания условий жизни человека. По существу, в обществе каждые члены её социальной линейки ведут жестокую борьбу за свои социальные права. А победителем априори всегда являются все руководящие звенья в своих социальных сообществах (ячейках). А если говорить по существу, то справедливости является извращенным пониманием добра и можно добавить казуистическим и превратным. То есть это пустые звуки, связанные с поиском справедливости. Решение этого вопроса, по-видимому, лежит в самом человеке и внимательном отношении к нему.

В связи с этим вспомним слова Минина в критический момент потери суверенности России: «Любовь к России, поступится своими интересами ради неё, всё отдать кроме совести». Известно, что совесть не продается и её невозможно продать, даже если очень захочется. Каждому человеку, прочитавшему данную статью, следует задуматься над вопросом: а есть ли у меня совесть и на каком она уровне? Поэтому попытаемся рассмотреть это понятие более подробно. Со – это соучастие в каком-то общем мероприятии, в сообществе, объединённом общей идеей, независимой от воли участников. А весть – это от Бога, то есть со-весть. По существу это люди, поцелованные Бо-

гом. Совесть – это сам человек и его внутренний мир, проявляющийся в его поведении, желании, стремлении к порядочности и прежде всего в вере в Бога и в его сущность. Так как сам человек является сущностью без сущности, то ему нужна опора (путеводитель), чтобы его не заносило в жизненный круговорот с непонятными последствиями. И очень важно, что человека, родившегося без совести, не сделаешь совестливым.

Огромную роль играет уровень изначальной совестливости, которая со временем увядает, люди постепенно бронзовеют. Но даже и на остатках совести и совестливых людей можно и нужно строить новый МИР (РИМ). На начальном этапе деятельности совесть расширяет путь к власти, к будущей самобытности и, в первую очередь, в отношении к церкви этой единственной поруке, очищающей движение совестливого человека. Совесть теряется не в детях, а в обоюдном и всеобщем желании благоустроить их не по совести.

Совесть – это внутренний чувствительный предел действия твоей воли. В определённом периоде (моменте действия) этот предел иссякает. Совесть – это действие независимое от человека, работает по схеме: –взгляд на себя (ты обманул); –взгляд на тебя со стороны общества (ты обманул). В итоге сливаются два взгляда. В результате его неожиданное краснение (страх перед Богом).

Очень трудно покраснеть если человек еретик не верит в Бога, ему всё равно, что о нём подумают, главное – цель, к которой он стремится. Он без совести. Совесть возможна только у верующих в Бога или мистериального человека.

Очень трудно вдруг покраснеть людям, рвущимися к власти и особому благосостоянию, записным ораторам, потерявшим совесть, артистам по известным причинам, различным общественникам и так далее. Это одна из причин, по нашему мнению, почему И.В. Сталин не объявил по радио лично о начале войны 1941–1945 гг. Ему было стыдно и совестно, что так случилось в основном по его вине, и народ в своем большинстве это понимал! Трудно покраснеть детям, воспитанным в частично перечисленных выше семьях. Все социальные классы общины и общества требуют особого внимания. Ведь статус человека не зависит от его личных качеств в социальной иерархии, за редким исключением его обладателей.

Воля (её чувствительный предел действия) не исключает редкое появление высокостатусных людей из самых низов. А это обычно связывают с их определённым статусным предназначением или судьбой. Подобное обстоятельство может иметь место при наличии чувства совести за совершенные дела. Возможно основная цель русского мира – показательно одухотворить и очеловечить Госаппарат, попытаться выявить и вдохнуть совестливость в человечество всех мастей. Основными движущими компонентами совести и воли (её предел), касаемые природы стыда и срама, а также других духовных качеств человека являются:

Страх интегрируется в возбуждение, восхищение, бдительность, повышенную готовность к действию; Злость как свойство, качество души, как страсть, раздражительность, которые интегрируются в решимость и облегчают усилия, направленные на достижение цели;

Чувство вины и стыда – интегрируются в невинность и более полное осознание нашей природной божественности;

Человек, который осмеливается простить, обретает контроль над ситуацией; если вы хотите навсегда исцелиться, вы должны простить, но помнить.

Прощение исцеляет зло.

И, наконец, о природе питья совестливого человека:

Первая чаша дает силы, изгоняет боли, усталость и немощность... Вторая чаша дает веселье и вечную молодость, изгоняет гнетущую старость... Третья чаша для людей – лишнее, она превращает человека в животное.

Итак, предложен инструментальный аналитический параметр, позволяющий определять внутренний, чувствительный предел действия твоей воли, то есть совесть.

В качестве непосредственного аналитического инструмента может быть любой полирограф или более совершенное устройство на основе принципов искусственного интеллекта. Что особенно и очень важно для строительной индустрии. Ведь кто-то должен работать по совести! Совестливых людей единицы и их необходимо выявлять и с умом втягивать в жизненную борьбу, так как они, как правило, сторонятся власти в виду определённых обстоятельств, связанных с их совестливостью. А не на людей, которых с детства готовят произносить душевраздирающие речи и лозунги и воспитывают в различных «зарницах», внутренний дух которых лишен скромности.

В.В. Путин понял, что значит И.В. Сталин, поэтому и закладывает ледокол «Сталинград».

Выводы

1. Дано энциклопедическое определение однородности измеряемых величин.
2. Показано, что совесть смягчает парадигмические разногласия между общинной и обществом.
3. В повседневной жизни совесть отражает необходимые и немислимые возможности человечества.
4. Совесть, по существу, является положительной обратной связью с Богом, контролирующей деятельность совестливого человека, в том числе через общество.

Литература

1. RGM29–2013 Государственная система обеспечения единства измерения. Метрология. Основные требования и определения. М.: Стандартформ. 2014 г.
2. Международный словарь по метрологии: основные и общие понятия и соответствующие требования. – Санкт-Петербург-НПО «Профессионал» – 2010 г.-(VIM)
3. Дорوفеев В.С. Метрологические и базовые терминологические основы цифровых измерений//Экономика строительства. 2024.№ 8, с. 235
4. Даль В. Толковый словарь великорусского языка, м.: – тера, 1994, т. 2, с 368
5. Под редакцией проф. Ушакова Д.Н. Толковый словарь русского языка М.: государственное издательство иностранных и национальных словарей М.: 1938, т. 2, с. 766
6. Большая советская энциклопедия. // т. 24(1), третье издание – М. Издательство «советская энциклопедия» с. 346

SOME ISSUES OF MEASUREMENT AND SOCIAL STATE OF THE COMMUNITY AND SOCIETY PARADIGM

Dorofeev V.S.

Moscow State University of Technology and Management named after V.I. K.G. Razumovsky

The author provides some clarification regarding the significance of measure and dimensionality in such scientific sources as the “State System for Ensuring the Uniformity of Measurements” [1] and the “International Vocabulary of Metrology” [2]. A conceptual (encyclopedia) definition of the homogeneity of measured quantities is also proposed. In addition, some serious issues of the state of social movement are considered with the involvement of the internal spiritual parameter of a person, such as “conscience”, and a variant of its instrumental definition is proposed.

Keywords: measurement, measure, dimensionality, scalarity, homogeneity, community, society, conscience.

References

1. RGM29–2013 State System for Ensuring the Uniformity of Measurement. Metrology. Basic Requirements and Definitions. Moscow: Standartform. 2014
2. International Vocabulary of Metrology: Basic and General Concepts and Corresponding Requirements. – St. Petersburg-NPO “Professional” – 2010. – (VIM)
3. Dorofeev V.S. Metrological and Basic Terminological Foundations of Digital Measurements//Construction Economics. 2024. No. 8, p. 235
4. Dahl V. Explanatory Dictionary of the Great Russian Language, Moscow: – Tera, 1994, Vol. 2, p. 368
5. Edited by prof. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of the Russian Language Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries Moscow: 1938, Vol. 2, p. 766
6. The Great Soviet Encyclopedia. // Vol. 24(1), third edition – Moscow. Soviet Encyclopedia Publishing House.p. 346

Проблема самореализация детей старшего дошкольного возраста в процессе межличностного общения

Жейнова Оксана Анатольевна,

старший преподаватель кафедры социальной работы,
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»
E-mail: zheinovaoxana@yandex.ru

Билюк Людмила Геннадьевна,

преподаватель кафедры социальной работы,
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»
E-mail: bilyuk.ludmila@mail.ru

Данилова Юлия Игоревна,

старший преподаватель кафедры социальной работы,
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»
E-mail: yulec4ka.danilova@yandex.ru

Исследована сущность понятия «самореализация» детей старшего дошкольного возраста. Рассматриваются направления развития самореализации в старшем дошкольном возрасте, а также уделяется внимание исследованию влияния межличностного общения на процесс самореализации в дошкольном возрасте. Разработаны социально-воспитательные условия оптимизации межличностного общения детей старшего дошкольного возраста для их дальнейшей успешной самореализации.

Ключевые слова: самореализация, старший дошкольный возраст, межличностное общение, социально-воспитательные условия самореализации.

В дошкольном возрасте наиболее интенсивно развивается межличностное общение, так как именно в этот период у детей возникает интерес к сверстникам и совместной деятельности. Получение опыта взаимодействия и навыков общения с другими детьми считается одним из важнейших направлений в формировании личности в дошкольном детстве. Основным движущим фактором общения между детьми становятся процессы групповой динамики, основанные на взаимных симпатиях. В этот период появляется избирательность в общении и возрастает значимость межличностных связей.

Дошкольный возраст, как этап развития человека, является периодом первоначального становления личности, когда формируются основы воспитанности, развиваются нравственные представления, чувства и привычки. Самореализация не происходит сама по себе; ее начало закладывается в раннем детстве и продолжает развиваться в процессе воспитания по мере того, как ребенок устанавливает многочисленные отношения с окружающими.

О важности социализации и целенаправленного влияния на определенные категории детей отмечали многие исследователи. Вопросы самореализации личности исследовали С.А. Кузнецов, С.И. Кудинов; аксиологический аспект проблемы самореализации в истории образования и педагогике представлен в научных трудах Ф.У. Базаева; идеи самореализации через творчество раскрыты в материалах А. Маслоу [6].

Проблема самореализации личности получила широкое освещение в научных трудах, относящихся к философии, социологии, психологии и педагогике. Социализация рассматривается как активный процесс, итогом которого является усвоение индивидом общепринятых ценностей и норм, что впоследствии отражается в его поведении. Этот процесс направлен на оптимизацию адаптации личности и всесторонний учет влияния различных факторов в рамках социума.

Анализ словарно-энциклопедической литературы показывает, что термины «самоактуализация» и «самореализация» нередко используются взаимозаменяемо, при этом понятие «самореализация» имеет более широкое значение, охватывая «самоактуализацию» [10]. Самореализация включает в себя такие аспекты, как саморазвитие, самовоспитание, самопознание, самосознание и самоактуализация [19].

На данный момент единое определение понятия «самореализация» отсутствует. Например, Ф.У. Базаева, исследуя аксиологический аспект самореализации в истории образования и педагогике, описывает «самореализацию» как процесс воплощения разнообразных возможностей развития собственного «Я», подчеркивая, что высшим результатом развития человека является самореализация или самоосуществление [1, с. 75–78].

В материалах исследований современной философии значение понятия определено как гармоничное развитие человека, в центре чего обозначены возможности проявлять свободу выбора при построении собственного жизненного пути.

Социология личности, как это представлено в работах С.И. Кудинова [4], подчеркивает социокультурную обусловленность человеческой сущности, рассматривая ее через призму индивидуальных взаимоотношений и взаимодействий в обществе. В социологических исследованиях самореализация личности анализируется в контексте трех ключевых составляющих: социальные отношения, предметная деятельность и общение. Исходя из этого, удовлетворение потребностей человека возможно лишь в процессе взаимодействия с окружающими. Именно это взаимодействие позволяет личности адаптироваться к социальной среде, определить свое место в жизни и реализовать свои задачи в процессе жизнедеятельности. По мнению С.И. Кудинова, самореализация представляет собой сложное и целостное психологическое образование, которое в общем смысле определяется мотивационно-смысловыми и инструментально-стилевыми особенностями [4, с. 43].

В психологии самореализация понимается как динамичный и непрерывный процесс раскрытия личностного потенциала через собственные усилия в рамках определенной совместной деятельности, что обязательно включает взаимодействие с другими людьми в обществе. Согласно А. Маслоу, самореализация, осуществляемая через творчество и творческий потенциал человека, является самоактуализацией и самоосуществлением. Достижение самоактуализации становится

возможным при способности контролировать свое поведение и действия, принимать взвешенные решения и выражать свой жизненный выбор [15].

Изучая самореализацию в дошкольном возрасте, мы видим, что ее основой являются детское самовыражение, самоутверждение и стремление к изменениям в себе. Следовательно, самореализация и самоактуализация – это взаимодополняющие стороны личностного роста и развития ребенка, позволяющие ему полностью реализовать свои возможности. В научных исследованиях понятие «самореализация дошкольников» определяется как осознанное и внутренне необходимое стремление ребенка к собственному развитию и совершенствованию [3, с. 77]. Педагогическая концепция самореализации базируется на убеждении в ценности индивидуального опыта человека, его способности к самораскрытию и возможности осознания своей уникальной сущности. В связи с этим, мы понимаем самореализацию как процесс реализации потенциала развития собственного «Я», в ходе которого дети старшего дошкольного возраста постепенно становятся активными участниками своей деятельности, проявляя самостоятельность через самоутверждение, самовыражение, самоопределение и самоизменение.

Дошкольный возраст, являясь начальным этапом становления личности, характеризуется закладкой основ воспитанности и развитием нравственных представлений, чувств и привычек. Самореализация не происходит автоматически; её фундамент формируется в раннем детстве и продолжает развиваться в процессе воспитания по мере расширения социальных контактов ребёнка. Детское сообщество в дошкольном детстве – это мощный фактор становления личности. Именно здесь скапливается багаж социальных умений и навыков детей [2, с. 78]

– проявляются и дифференцируются процессы совместного взаимодействия в общении друг с другом

– совершенствуются умения понимать партнера на уровне эмоциональных переживаний,

– возникают и совершенствуются (элементы) признаки положительных отношений, – возникают интересы, контакты в микрогруппах по половым признакам, – приобретают дальнейшие изменения в плане обогащения коммуникативные совместные действия, умение вести себя в конфликтных ситуациях. Все эти явления совмещаются в играх детей. Социальные отношения актуализируются в высшей степени, а групповые процессы способствуют становлению дружеских, гуманных отношений [5, с. 90]. Анализируя общение и взаимодействие дошкольников, исследователи подчеркивают, что потребность в общении является ключевым фактором, определяющим групповые социальные явления, особенно актуализируясь в старшем дошкольном возрасте. Благодаря процессам групповой динамики, отношения между сверстниками приобретают следующие характерные черты: уважение к собеседнику, проявление внимательности, эмоциональность во взаимодействии и сочувствие к другим, инициативность в общении, а также восприимчивость к оценкам собственных действий, поступков и личностных качеств со стороны окружающих. Такие особенности взаимоотношений между сверстниками и направляющим влиянием педагога придают процессу социализации дошкольников гуманный характер, формируют позитивное отношение к социальным контактам в будущем и способствуют развитию межличностного общения. В межличностном общении старших дошкольников формы сотрудничества продолжают углубляться, приобретая индивидуальное значение и характеризуюсь сильной эмоциональной вовлеченностью. [11, с. 65]. Научные источники [7; 8; 9; 12; 13] связывают общение в дошкольном возрасте с тремя основными потребностями детей, которые становятся особенно актуальными в этот период: потребность в новых впечатлениях, стремление к активному участию в различных видах деятельности и возрастающее желание признания и поддержки. Мотивы, побуждающие детей к общению, можно разделить на познавательные, деловые и личностные. Важно подчеркнуть, что именно эти мотивационные структуры определяют особенности взаимодействия в межличностных отношениях как между самими детьми, так и между детьми и взрослыми, включая воспитателей. Рассмотрим основные факторы, влияющие на общение детей старшего дошкольного возраста. Одним из значимых факторов выступает дошкольное образовательное учреждение. Не менее важную роль в формировании своеобразия общения дошкольников играют этические представления. Создание и расширение детских сообществ, где ценятся доброжелательность, справедливость, эмоциональная отзывчивость и моральная оценка, закладывает фундамент для успешной социализации в будущем. Такое общение способствует развитию тактичности, вежливости, уважения к сверстникам и формированию позитивного эмоционального отношения к окружающему миру и к себе.

Кроме того, общение в дошкольном возрасте является результатом нравственно-волевого развития личности. Это проявляется в растущей способности ребенка самостоятельно регулировать свое поведение в соответствии с нравственными принципами, такими как доброта, отзывчивость и общительность. Подводя итог анализу научных исследований межличностного общения в дошкольном детстве, необходимо отметить, что именно в процессе общения старшие дошкольники усваивают большой объем новой информации и эмоционально познают широкий спектр чувственных переживаний. С целью определения влияния межличностного общения на процесс социализации детей старшего дошкольного возраста нами было проведено экспериментальное исследование. Экспериментальная база исследования: ГБУ ДОО ЗО «Детский сад № 49 «Рябинушка» г. Мелитополь (Государственное бюджетное учреждение дошкольная образовательная организация Запорожской области «Детский сад № 49 «Рябинушка» г. Мелитополь). В констатирующем этапе исследования приняли участие две группы детей дошкольного возраста, общее количество детей – 51. Из них – 27 детей вошли в экспериментальную группу (ЭГ) и 24 – в контрольную (КГ).

На первом этапе мы провели констатирующий эксперимент целью заключалась в диагностике уровня сформированной способности к межличностному общению у детей старшего дошкольного возраста нами было проведено экспериментальное исследование.

Нами были выделены критерии и показатели способности к межличностному общению:

Познавательный: знание правил общения с детьми и с взрослыми; умение анализировать ситуации общения, видеть причины и результаты возможных ситуаций;

проявление интереса к новым знаниям в контексте межличностного общения

Эмоциональный: удовлетворённость от пребывания в коллективе; восторг от атмосферы общения в коллективе детей и со взрослыми; возможности общения в коллективе для реализации потребностей в достижении успеха

Деятельностный: направленность на общую деятельность; активное межличностное общение во взаимодействии детей для достижения успеха; стремление детей к взаимодействию в коллективе детей.

В перечень диагностического инструментария вошли

– анкеты и опросники для педагогов и родителей детей дошкольного возраста «Что такое самореализация»;

– опросник для детей старшего дошкольного возраста;

– методика «Уверенные в себе герои»;

– диагностические упражнения, направлены на выяснения представлений детей о героях сказок, их характеристиках и способах достижения поставленной цели;

– метод наблюдения;

– метод проблемных ситуаций (Е. Смирновой, В. Колмогоровой);

– метод проблемных ситуаций «Картинки» (Е. Смирновой и Е. Калягиной),

– методика исследования особенностей восприятия сверстника и самосознания ребенка «Лесенка» (В. Щур).

После проведения диагностики уровня сформированной способности к межличностному общению у детей старшего дошкольного возраста на были определены три уровня способности к межличностному общению: высокий, средний, низкий. Высокий уровень: в общении со взрослым дети чувствуют деловые мотивы, стремятся к самостоятельному и качественному исполнению поставленных перед ними целями. Такие дети способны к установлению хронологии событий и составление о таком своём опыте небольшого рассказа. Стоит подчеркнуть, что дети с высоким уровнем хорошо владеют речью с четким произношением; чувствуют себя удовлетворенными в детском коллективе; всегда направлены на общие игры; чувствуют себя в комфортной атмосфере и имеют чувство принадлежности к группе; при этом для себя выбирают партнеров из числа ровесников, ко взрослым обращаются по необходимости

Средний уровень: в общении со взрослым дети не всегда имеют доминирующими деловые мотивы, для достижения результатов иногда обращаются за помощью; такие дети способны к установлению хронологии событий, однако им не всегда удается составить правильный рассказ, так как допускаются неточности в формулировке фраз, имеются незначительные недостатки в речи. Дошкольники, продемонстрировавшие средний уровень, чувствуют себя не очень довольными в группе; не всегда настроенные к общим играм, часто автономны; не чувствуют себя хорошо в сообществе, ощущение принадлежности к группе не развито; охотнее для себя выбирают партнеров из числа ближайших родственников (брат, сестра), часто обращаются ко взрослым;

Низкий уровень: у детей в общении со взрослым доминируют игровые мотивы над деловыми, для достижения результатов такие дети постоянно обращаются с помощью взрослых; путаются в установлении хронологии событий и неспособны самостоятельно составить по ним рассказ, допускающие неточности в формулировке фраз, имеющих недостатки в речи; неловко чувствуют себя в коллективе; иногда их действия направленные к общим играм, но предпочитают быть в одиночестве, так как не воспринимают себя в сообществе детей.

В таблице 1 мы отобразили полученные данные в результате определения уровня сформированной способности к межличностному общению у детей по трём критериям: констатирующий этап исследования.

Таблица 1. Уровни сформированной способности к межличностному общению у детей по трём критериям: констатирующий этап исследования

Уровни	КГ (24)		ЗГ (27)	
	К-во	%	К-во	%
Высокий	4	17	4	15,6
Средний	7	29	10	37,7
Низкий	13	54	13	46,7

Высокий уровень в контрольной группе был определён у 4 (17%) детей, а в экспериментальной группе – у 4 (15,6%). Средний уровень в контрольной группе был определён у 7 (29%) человек, а в экспериментальной – у 10 (37,7%) детей. Низкий уровень – в контрольной группе – у 13 (54%) детей, а в экспериментальной – у 13 (46,7%) детей.

Таким образом, результаты нашего констатирующего эксперимента выявили низкий уровень способности к межличностному общению у детей старшего дошкольного возраста. С целью повышения этого уровня нами были разработаны и апробированы социально-воспитательные условия, направленные на оптимизацию межличностного общения старших дошкольников для их дальнейшей успешной самореализации. Социально-воспитательные условия в нашем понимании представляют собой комплекс целенаправленных обстоятельств, способствующих полноценному личностному развитию ребенка в условиях дошкольного образовательного учреждения. В широком смысле, социально-воспитательные условия являются частью процесса социального воспитания, связанного с формированием навыков поведения и взаимодействия в обществе, а также моральных установок и ценностных ориентиров. При определении социально-воспитательных условий мы исходили из того, что процесс самореализации старших дошкольников в межличностном общении будет эффективным только при их комплексном применении.

Внедрение разработанных социально-воспитательных условий осуществлялось следующим образом:

Первое условие:

- учет особенностей социализации старших дошкольников – было реализовано через проведение семинара для педагогов дошкольного учреждения на тему: «Взаимосвязь общения, социализации и самореализации ребёнка». Семинар включал рассмотрение следующих ключевых вопросов:
- определение роли межличностного общения в процессе социализации ребенка;
- анализ влияния агентов социализации – лиц, с которыми ребенок непосредственно взаимодействует;
- рассмотрение аспектов развития коммуникативно-речевых умений и самостоятельности мышления у детей. Акцент делался на необходимости активизации познавательной и творческой деятельности, обучения детей быть активными участниками событий, разрешать конфликты и регулировать свои эмоции.
- обсуждение форм взаимодействия с родителями, поскольку сотрудничество дошкольного учреждения с семьями воспитанников является залогом успешной социализации детей.

Семинар проводился в форме семинара-практикума, основной целью которого являлось обновление теоретических знаний, совершенствование педагогических навыков и модернизация практических умений, необходимых для решения профессиональных задач.

Второе условие – формирование у детей практических навыков общения, инициации разговора, совместной деятельности в группе с опорой на собственные возможности – было реализовано через проведение серии игровых мероприятий под общим названием «Путешествия в страну Общения».

Третье условие – расширение знаний педагогов и родителей о развитии коммуникабельности дошкольников, содействие в освоении современных технологий формирования навыков общения и сплочен-

ности детского коллектива – было реализовано в рамках социально-просветительского тренинга «Межличностное общение дошкольников глазами взрослого» для педагогов и родителей. Основная цель тренинга заключалась в предоставлении взрослым информации о групповой динамике развития межличностного общения в детском сообществе. Реализация данного условия была непосредственно связана с процессом формирования адекватной самооценки у детей. По окончании формирующего этапа исследования нами был организован контрольный срез (контрольный этап), суть которого заключалась в повторной обработке предложенных в начале исследования методик и определении степени эффективности предложенных нами социально-воспитательных условий (табл. 2).

Таблица 2. Уровни сформированной способности к межличностному общению у детей по трём критериям (результаты констатирующего и контрольного этапов)

Уровни	Констатирующий этап				Контрольный этап			
	КГ (24)		ЗГ (27)		КГ (24)		ЗГ (27)	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Высокий	4	17	4	15,6	5	21	7	26
Средний	7	29	10	37,7	7	29	13	48
Низкий	13	54	13	46,7	12	50	7	26

В контрольной группе на констатирующем этапе исследования высокий уровень – у 4 (17%) детей, в экспериментальной – у 4 (15,6%). После проведенной работы – в контрольной группе – 5 (21%), в экспериментальной группе высокий уровень – у 7 (26%) детей. Средний уровень в контрольной группе на момент начала исследования был выявлен в контрольной группе у 7 (29%) детей, в экспериментальной – у 10 (37%) детей. При проведении контрольного среза в контрольной группе средний уровень продемонстрировали также 7 (29%) детей, а в экспериментальной группе – 13 (48%) детей. Низкий уровень в контрольной группе был у 13 (54%) детей, в экспериментальной – у 13 (46,7%) детей, а по завершении исследования низкий уровень в контрольной группе – у 12 (50%) детей, а в экспериментальной группе – у 7 (26%) детей.

Как видно из данных таблиц – наличие положительных изменений в экспериментальной группе и отсутствие таковых в результатах участников, входящих в контрольную группу, является прямым подтверждением эффективности, предложенных нами социально-воспитательных условий, которые могут использоваться в дошкольном образовательном процессе.

Анализируя проблему самореализации старших дошкольников в межличностном общении, ключевую роль играет игровая деятельность. Эта эмоционально привлекательная форма созидательной самореализации позволяет ребенку проживать роли, расширяя его социальный опыт и создавая больше возможностей для самовыражения, полноты самореализации, свободы поведения и деятельности в социальном пространстве. Разнообразие игр активизирует познавательные способности, корректирует недостатки развития, формирует умения ориентироваться в социуме и осваивать систему человеческих отношений. Сформированные межличностные отношения у старших дошкольников проявляются в стремлении к контакту, умении общаться, слушать, сопереживать, разрешать конфликты и знании социальных норм и правил.

Литература

1. Базаева Ф. У. Проблема самореализации в истории образования и педагогике: аксиологический аспект [Текст] / Ф. У. Базаева // Вестник ОГУ. 2011. № 2. С. 75–78.
2. Батенова Ю. В. Особенности развития коммуникативной сферы дошкольника в современной социокультурной ситуации (с учётом активного приобщения к информационно-коммуникационным технологиям) // АНИ: педагогика и психология. 2017. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kommunikativnoy-sfery-doshkolnika-v-sovremennoy-sotsiokulturnoy-situatsii-s-uchyotom-aktivnogo-priobsheniya-k> (дата обращения: 12.06.2024).
3. Зотова И. В. Особенности социальной интеракции детей дошкольного возраста в детском коллективе // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialnoy-interaktsii-detey-doshkolnogo-vozrasta-v-detskom-kollektive> (дата обращения: 12.06.2024).
4. Кудинов С. И. Полифункциональная модель исследования самореализации личности [Текст] / С. И. Кудинов // Прикладные иссле-

дования психологии личности: сб. трудов. Вып. 1. Тольятти: ТГУ, 2009. 252 с.

5. Куницына В.Н. Межличностное общение / Куницына Н.В. Каза-ринова В.М. СПб: Питер, 2005.

6. Лагойкина М.Г. Определение умений речевого этикета у детей старшего дошкольного возраста // Символ науки. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-umeniy-rechevogo-etiketa-u-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 12.06.2024).

7. Ожиганова Т.В. Социальная и педагогическая ценность дошкольного детства / Т.В. Ожиганова, Н.А. Владимирова, А.Ш. Щига-лова // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы раз-вития. 2015.

8. Савченко В.И. Организация образовательной деятельности со старшими дошкольниками в ходе режимных моментов. М.: ДЕ-ТСТВО ПРЕСС, 2014. 224 с

9. Сайко Э.В. Современный дошкольник как феномен развития / Э.В. Сайко // Мир психологии. 2010. № 1. С. 3–10.

10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об образовании в Российской Федерации» (29 декабря 2012 г.) // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173432/

11. Харько Т.Г. Игровая технология интеллектуально-творческого развития детей дошкольного возраста 3–7 лет «Сказочные лабиринты игры» / Т.Г. Харько, В.В. Воскобович. СПб.: ООО «РИВ», 2007. 110 с.

12. Хуторской А.В. Компетентностный подход в обучении. Научно-методическое пособие. М.: Издательство «Эйдос»; Издательство института образования человека, 2013. 73 с.

13. Чернецкая Л.В. Развитие коммуникативных способностей у дошкольников: Практическое руководство для педагогов и психологов дошкольных образовательных учреждений. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

14. Черняева А.В. Проблема коммуникативно-личностного разви-тия детей старшего дошкольного возраста // МНКО. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kommunikativno-lichnostnogo-razvitiya-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 12.06.2024).

15. Maslow, A.H. Toward a psychology of Being. (2-nd ed.) / A.H. Maslow. New York, 1968.

THE PROBLEM OF SELF-ACTUALIZATION IN SENIOR PRESCHOOL CHILDREN IN THE PROCESS OF INTERPERSONAL COMMUNICATION

Zheynova O.A., Bilyuk L.G., Danilova Yu.I.
Melitopol State University

The essence of the concept of “self-realization” of older preschool children is investigated. The directions of the development of self-realization in the senior preschool age are consid-ered, and attention is also paid to the study of the influence of interpersonal communication on the process of self-realization in preschool age. The social and educational conditions for optimizing interpersonal communication of older preschool children for their further successful self-realization have been developed.

Keywords: self-realization, senior preschool age, interpersonal communication, social and educational conditions of self-realization.

References

1. Bazaeva F.U. The Problem of Self-Realization in the History of Education and Ped-agogy: Axiological Aspect [Text] / F.U. Bazaeva // Bulletin of OSU. 2011. No. 2. Pp. 75–78.

2. Batenova Yu.V. Features of the Development of the Communicative Sphere of a Preschooler in the Modern Sociocultural Situation (Taking into Account Active Involvement with Information and Communication Technologies) // ANI: Pedagogy and Psychol-ogy. 2017. No. 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kommunikativnoy-sfery-doshkolnika-v-sovremennoy-sotsiokulturnoy-situatsii-s-uchyotom-aktivnogo-priobshcheniya-k> (date of access: 12.06.2024).

3. Zotova I.V. Features of social interaction of preschool children in a children’s group // Problems of modern pedagogical education. 2019. No. 65–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialnoy-interaktsii-detey-doshkolnogo-vozrasta-v-detskomo-kollektive> (date of access: 12.06.2024).

4. Kudinov S.I. Polyfunctional model for studying personality self-realization [Text] / S.I. Kudinov // Applied research in personality psychology: collection of works. Issue 1. Tolyatti: TSU, 2009. 252 p.

5. Kunitsyna V.N. Interpersonal communication / Kunitsyna N.V. Kazarinova V.M. SPb: Piter, 2005.

6. Lagoykina M.G. Definition of speech etiquette skills in senior preschool chil-dren // Symbol of science. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-umeniy-rechevogo-etiketa-u-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta> (date of access: 12.06.2024).

7. Ozhiganova T.V. Social and pedagogical value of preschool childhood / T.V. Ozhi-ganova, N.A. Vladimirova, A. Sh. Shchigalova // Preschool education: experience, prob-lems, development prospects. 2015.

8. Savchenko V.I. Organization of educational activities with senior preschoolers dur-ing routine moments. M.: CHILDHOOD PRESS, 2014. 224 p.

9. Saiko E.V. The Modern Preschooler as a Developmental Phenomenon / E.V. Sai-ko // The World of Psychology. 2010. No. 1. Pp. 3–10.

10. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 31.12.2014) “On Educa-tion in the Russian Federation” (December 29, 2012) // Electronic resource. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173432/

11. Kharko T.G. Game Technology for Intellectual and Creative Development of Preschool Children 3–7 Years Old “Fairytale Labyrinths of the Game” / T.G. Kharko, V.V. Voskobovich. St. Petersburg: ООО “РИВ”, 2007. 110 p.

12. Khutorskoy A.V. Competence-based approach to teaching. Scientific and meth-odological manual. Moscow: Eidos Publishing House; Publishing House of the Institute of Human Education, 2013. 73 p.

13. Chernetskaya L.V. Development of communicative skills in preschoolers: A prac-tical guide for teachers and psychologists of preschool educational institutions. Rostov-on-Don: Phoenix, 2005.

14. Chernyaeva A.V. The problem of communicative and personal development of senior preschool children // МНКО. 2012. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kommunikativno-lichnostnogo-razvitiya-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta> (accessed: 12.06.2024).

15. Maslow, A.H. Toward a psychology of Being. (2-nd ed.) / A.H. Maslow. New York, 1968.

Профилактика профессиональных деформаций у специалистов по социальной работе и руководителей социальных служб: системный подход

Зинова Инна Михайловна,

кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: zinaim75@mail.ru

Черникова Татьяна Альбертовна,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: chernikova_ta@rambler.ru

Шайдукова Лиана Димовна,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: lianagulina@mail.ru

В статье рассматривается проблема профессиональных деформаций как системного риска в деятельности специалистов по социальной работе и руководителей социальных служб. На основе анализа теоретических подходов, прикладных разработок в социальной сфере и результатов эмпирического исследования обосновывается необходимость комплексной многоуровневой профилактической работы. Предлагаемая авторами модель программы, нацеленная на комплексную профилактику, включает пять структурных блоков (диагностико-аналитический, организационно-управленческий, образовательно-развивающий, психолого-сопровожающий и коррекционно-восстановительный), которые охватывают три основных направления работы: организационно-средовое, личностно-развивающее и коррекционно-восстановительное. Приводятся сравнительные эмпирические данные констатирующего и контрольного этапов исследования, подтверждающие эффективность предложенной программы. В заключении делается вывод о том, что эффективная профилактика возможна только при интеграции усилий организации, профессионального сообщества и самого специалиста.

Ключевые слова: профессиональная деформация, синдром эмоционального выгорания, диагностика профессиональных деформаций у специалистов по социальной работе, модель программы профилактики профессиональных деформаций специалистов и руководителей социальных служб.

Профессиональная деятельность в социальных службах, относящаяся к группе социэкономических профессий (типа «человек-человек»), сопряжена с высоким риском развития профессиональных деформаций личности [6; 9].

Анализ определений понятия «профессиональная деформация», предложенных рядом исследователей (С.П. Безносков, А.К. Маркова, Э.Ф. Зеер, О.Б. Полякова, В.Е. Орел, А.Н. Сухов, Г.Д. Трунов и др.), выявляет общие существенные признаки данного феномена. На основе их обобщения возможно сформулировать следующее интегративное определение: «профессиональная деформация представляет собой процесс и результат деструктивных изменений личности, деятельности и поведения субъекта труда, возникающих под влиянием выполняемой профессиональной деятельности и детерминированных комплексом факторов социального, профессионального и субъективного характера, что в конечном итоге приводит к снижению продуктивности труда и негативно сказывается на различных аспектах жизнедеятельности индивида» [5].

Таким образом, профессиональная деформация находит своё выражение в специфических изменениях личности и поведенческих паттернов специалиста, а также в характерных искажениях в осуществлении самой профессиональной деятельности. Руководители социальных служб подвержены дополнительным рискам, связанным с административной ответственностью, ролевыми конфликтами и эмоциональным вовлечением в проблемы как клиентов, так и подчиненных [2].

Фундаментальные исследования феномена профессиональной деформации (Э.Ф. Зеер, В.Е. Орел, Э.Э. Сыманюк и др.) выделяют комплекс детерминирующих факторов: личностные (ригидность, низкая самооффективность, неадекватные копинг-стратегии), организационные (высокая нагрузка, ролевая неопределенность, недостаток поддержки) и содержательные (хронический эмоциональный стресс, работа с травматическим опытом клиентов) [4; 11; 12]. Синдром эмоционального выгорания, являясь одним из наиболее выраженных проявлений деформации, особенно характерен для помогающих профессий [10; 13].

Следует отметить, что проблема профессиональных деформаций у специалистов и руководителей социальных служб изучена в сравнительно меньшей степени. Существующие исследования представлены преимущественно диссертационными работами и публикациями, концентрирующимися на таких аспектах, как: вопросы профилактики и предупреждения профессиональных деформаций у будущих и практикующих социальных работников (Ю.М. Кузьмина); развитие профессионально-личностной компетентности как средства противодействия деформации (Л.А. Бессонова); исследование связи профессиональных деформаций со стажем, условиями труда и личностными факторами у социальных работников (Р.В. Куприянов, Н.Ш. Валеева, Н.В. Быковская); профессиональное выгорание у помогающих профессий (включая социальных работников) (В.Е. Орел, Н.В. Тарабрина); исследование синдрома выгорания у представителей социэкономических профессий, включая специалистов социальных служб (Н.Е. Водопьянова) и другие.

Эмпирические исследования в социальной сфере подтверждают, что интенсивность деформационных процессов коррелирует со стажем, отсутствием супервизии и неразвитостью навыков саморегуляции [8]. Работы Ю.М. Кузьминой и Л.А. Бессоновой подчеркивают, что ключевым направлением профилактики является целенаправленное формирование у будущих и практикующих специалистов профессионально-личностной устойчивости и компетенций самоупреждающего характера [1; 7].

Несмотря на наличие ряда исследований, посвященных отдельным аспектам проблемы (диагностике, развитию компетентности), вопрос о комплексной системе профилактики профессиональных деформаций в социальной сфере остается недостаточно разработанным [1; 7].

Цель нашего исследования разработка и апробация модели программы профилактики профессиональных деформаций у специалистов по социальной работе и руководителей социальных служб.

Исследование проводилось на базе ГБУ РБ Северо-западный межрайонный центр «Семья» Республики Башкортостан, ФГКУ Республи-

канский центр социальной поддержки населения по Бирскому району и г. Бирску Республики Башкортостан. В исследовании приняли участие 58 сотрудников, разделенных на 3 группы: группа № 1 (экспериментальная) – специалисты по социальной работе, социальные работники ($n = 24$); группа № 2 (контрольная) – специалисты аналогичных должностей, где программа не реализовывалась ($n = 24$); группа № 3 – руководители среднего звена (заведующие отделениями) ($n = 10$).

Общий алгоритм реализации эмпирического исследования включал в себя три этапа.

I этап – констатирующий (диагностика «до» реализации программы). Его цель – оценка исходного уровня профессионального благополучия, выраженности синдрома эмоционального выгорания и признаков профессиональных деструкций у специалистов по социальной работе и руководителей социальных служб.

Диагностика осуществлялась с помощью методик: 1) опросник «Профессиональное выгорание» (MBI-GS в адаптации Н.Е. Водопьяновой); 2) тест «Удовлетворенность работой» В.А. Розановой; 3) тест – опросник диагностики профессиональных деформаций представителей социономических профессий (Э.Ф. Зеер, А.П. Зольников, А.М. Павлова); 4) авторская анкета «Оценка организационных и профессиональных факторов риска».

II этап – формирующий, был направлен на разработку и апробацию модели комплексной программы профилактики профессиональных деформаций у специалистов по социальной работе и руководителей социальных служб.

III этап – контрольный (диагностика «после» реализации программы, через 6 месяцев), целью которого стала оценка динамики ведущих показателей в экспериментальной группе и сравнение с контрольной группой. Использовали те же методики, что на констатирующем этапе.

Рассмотрим результаты исследования, полученные на констатирующем этапе. Данные представлены как $M \pm \sigma$, где M – среднее значение, σ – стандартное отклонение.

По методике профессионального выгорания было выявлено, что высокий и средний уровень эмоционального истощения (ЭИ) характерен для 65% специалистов группы № 1. Средний балл по данной шкале равен 24.3 ± 3.1 (при пороге высокого уровня >24). По шкале деперсонализация (ДП) высокий и средний уровень (выраженная деперсонализация) выявлен у 40% сотрудников (средний балл 12.8 ± 2.4). Низкая оценка профессиональных достижений (редукция профессиональных достижений) выявлена у 58% специалистов (средний балл 22.1 ± 3.5 , где низкие значения указывают на негативную самооценку). У руководителей (группа № 3) наблюдался пик по шкале ЭИ (27.1 ± 2.9) при относительно низкой деперсонализации, что характерно для синдрома «руководительского выгорания».

Общий индекс удовлетворенности работой (по методике В.А. Розановой) в экспериментальной группе составил 52.1 ± 6.3 балла, что соответствует среднему (ниже порогового) уровню. Наиболее низкие показатели были зафиксированы по шкалам «условия труда и организация рабочего процесса» (41%) и «взаимоотношения с руководством и управленческие решения» (47%). Относительно сохранными остались показатели по шкалам «содержание труда» (68%) и «взаимоотношения с коллегами» (72%), что указывало на наличие внутренней профессиональной мотивации и благоприятный микроклимат в коллективах при низкой оценке организационного контекста.

По тест-опроснику диагностики профессиональных деформаций представителей социономических профессий в экспериментальной группе были выявлены следующие наиболее выраженные деформации: авральность (склонность к работе в условиях цейтнота и хронического стресса) – 7.8 ± 1.2 ; эмоциональная истощенность – 8.1 ± 1.1 ; ролевой экспансионизм (смещение профессиональных и личных ролей) – 6.9 ± 1.4 ; доминантность (авторитарность, подавление других) – 5.5 ± 1.6 (особенно у руководителей и специалистов со стажем); социальное лицемерие (ритуальность, формализм в общении) – 5.2 ± 1.3 . Общий индекс профессиональной деформированности (средний балл по всем шкалам) составил 6.1 ± 0.9 , что указывало на выраженный процесс деструктивных изменений.

Анализ организационных факторов риска по данным анкеты показал, что 78% сотрудников отметили нерегламентированность рабочей нагрузки, 65% – указали на недостаток методической и супервизионной поддержки, 52% – отметили неясность критериев оценки эффективности их труда.

Таким образом, результаты констатирующего этапа исследования подтверждают необходимость построения комплексной модели профилактики профессиональных деформаций для специалистов по социальной работе и руководителей служб. Данная модель должна быть системной и интегрировать три взаимосвязанных уровня работы: организационно-средовой уровень (создание поддерживаю-

щих условий труда и управления); личностно-развивающий уровень (укрепление ресурсов и компетенций специалиста); коррекционно-восстановительный уровень (своевременная помощь и реадaptация). Такой подход позволяет не только предотвратить возникновение деформаций за счет создания здоровой среды и развития устойчивости специалиста, но и оперативно корректировать уже проявившиеся негативные тенденции, обеспечивая тем самым долгосрочную профессиональную эффективность и сохранение личностного благополучия как рядовых сотрудников, так и управленцев в социальной сфере.

На этапе формирующего эксперимента нами была разработана модель комплексной программы профилактики профессиональных деформаций «Профессиональный ресурс: система поддержки и развития персонала социальной службы».

Цель программы: создание и поддержание организационных, групповых и индивидуальных условий, минимизирующих риск возникновения и развития профессиональных деформаций у специалистов и руководителей социальной службы.

Задачи программы:

1) диагностическая (регулярный мониторинг уровня профессионального стресса, признаков выгорания и деформационных изменений);

2) образовательно-развивающая (повышение компетентности сотрудников в области саморегуляции, управления стрессом и профессиональных коммуникаций);

3) организационно-средовая (оптимизация рабочей среды и управленческих практик);

4) поддерживающая (создание устойчивой системы поддержки: супервизия, наставничество, психологическое консультирование);

5) коррекционно-восстановительная (оказание своевременной помощи сотрудникам в кризисных профессиональных состояниях).

Программа включала в себя пять взаимосвязанных структурных блока: диагностико-аналитический, организационно-управленческий, образовательно-развивающий, психолого-сопровождающий, коррекционно-восстановительный.

Цель диагностико-аналитического блока – получение объективной картины профессионального благополучия коллектива. Мероприятия, проводимые на данном этапе: 1) ежегодный анонимный мониторинг с помощью валидных методик (опросник МБИ К. Маслач и Н.Е. Водопьяновой, тест «Удовлетворенность работой» В.А. Розановой, тест – опросник диагностики профессиональных деформаций представителей социономических профессий (Э.Ф. Зеер, А.П. Зольникова, А.М. Павлова) и т.п.); 2) регулярный опрос по оценке организационных факторов (нагрузка, ясность задач, поддержка руководства, сплоченность коллектива); 3) анализ кадровых показателей – мониторинг текучести кадров, больничных листов, количества внутренних конфликтов. По результатам мероприятий данного блока формируется аналитический отчет для руководства с выявленными «зонами риска» и рекомендациями.

Организационно-управленческий блок направлен на снижение объективных профессиональных рисков. Мероприятия данного блока: 1) регламентация рабочих процессов: четкое описание должностных обязанностей, оптимизация объема документации, внедрение нормирования рабочей нагрузки (количество случаев на одного специалиста); 2) создание «Положения о супервизии»: институционализация регулярной (например, 1 раз в месяц) групповой внешней или внутренней супервизии для разбора сложных случаев и эмоциональной нагрузки [2; 3]; 3) развитие системы наставничества: формализация поддержки для новичков (адаптационная пара «наставник-новичок»); 4) гибкий график и политика отдыха – поощрение своевременного использования отпуска, рассмотрение возможности гибкого графика для сотрудников в восстановительный период; 5) тренинги для руководителей. Например, курсы «Эмоциональный интеллект в управлении», «Профилактика выгорания в команде», «Конструктивная обратная связь».

Третий блок «Образовательно-развивающий» предусматривает формирование у сотрудников личностного «иммунитета» к деформациям. Мероприятия на данном этапе эффективно всего проводить в формате тренингов, мастер-классов, вебинаров. Рекомендуемый базовый цикл, обязательный для прохождения всех сотрудников: «Профессиональные риски в социальной работе: стресс, выгорание, деформация. Основы профилактики». Тематические модули по выбору: «Эмоциональная саморегуляция и техники быстрого восстановления», «Профессиональные границы: как помогать, не разрушая себя», «Ассертивность и конфликтология в работе с клиентами», «Тайм-менеджмент и управление рабочей нагрузкой», «Вторичная травма и способы работы с ней» [13]. Эффективно создание «библиотеки ресурсов», то есть создание внутреннего портала с материалами, видеоуроками,

статьями по теме психического здоровья и профессионального долголетия.

Цель психолого-сопровождающего блока обеспечение постоянной и кризисной поддержки. Мероприятия на данном этапе, это: 1) конфиденциальные бесплатные психологические консультации для сотрудников; 2) кризисная интервенция для поддержки сотрудников, переживших чрезвычайные травматичные случаи на работе (несчастный случай с клиентом, агрессия); 3) группы взаимоподдержки, включающие регулярные неформальные встречи сотрудников под руководством психолога для обмена опытом в безопасной обстановке; 4) программа «Здоровье», предполагающая партнерство со спортивными центрами, организациями мастер-классов по йоге, дыхательным практикам.

Коррекционно-восстановительный блок направлен на восстановление работоспособности сотрудников с признаками выраженной деформации. Здесь мероприятия реализуются по индивидуальному плану и включают в себя составление индивидуальной программы восстановления (ИПВ) по результатам диагностики или личного запроса сотрудника. Программа может предусматривать временное изменение обязанностей (ротацию), предоставление дополнительного отпуска, курс психотерапии за счет организации. Для руководителей с синдромом «начальственного выгорания» рекомендуется прохождение индивидуального коучинга, направленного на поиск новых смыслов и стилей управления.

Ответственным (куратором) программы может быть заместитель руководителя по персоналу (или развитию), руководитель психологической службы. Рабочая группа может формироваться из специалистов по управлению персоналом, психологической службы (внешнего или внутреннего психолога), наиболее уважаемых практиков-наставников.

Данная модель представляет собой дорожную карту, которая может быть адаптирована под специфику и масштаб конкретного учреждения социальной защиты.

Проанализируем данные контрольного этапа исследования, проведенного нами после завершения формирующего эксперимента.

Динамика уровня эмоционального выгорания (MBI-GS) в экспериментальной группе представлена в таблице 1. Достоверность различий оценивалась по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок, $p < 0.05$.

Таблица 1. Динамика уровня эмоционального выгорания (MBI-GS) в экспериментальной группе

Шкала MBI-GS	Констатирующий этап (до)	Контрольный этап (после)	Динамика	p-уровень
Эмоциональное истощение (ЭИ)	24.3 ± 3.1	18.7 ± 2.8	Снижение на 23%	$p < 0.01$
Деперсонализация (ДП)	12.8 ± 2.4	9.2 ± 1.9	Снижение на 28%	$p < 0.01$
Редукция проф. достижений (РПД)	22.1 ± 3.5	26.5 ± 3.0	Рост на 20%	$p < 0.05$

Мы видим, что снизилась доля сотрудников с высоким уровнем эмоционального истощения с 65% до 28%, с выраженной деперсонализацией с 40% до 28%, одновременно отмечается повышение уровня оценки профессиональных достижений на 20%.

Общий индекс удовлетворения работой (ИУР) в экспериментальной группе вырос до 71.4 ± 5.8 баллов, что соответствует высокому уровню профессиональной удовлетворенности. Прирост составил 37% ($p < 0.001$). Отмечается положительная динамика по всем субшкалам: «условия труда и организация рабочего процесса»: рост с 41% до 78%; «взаимоотношения с руководством и управленческие решения»: рост с 47% до 75%; «профессиональная компетентность и развитие»: показатель вырос с 58% до 82%; шкалы «содержание труда» и «взаимоотношения с коллегами» сохранили высокие значения (80% и 85% соответственно). В целом реализация программы привела к статистически значимому и содержательно важному росту общей удовлетворенности трудом.

По тест-опроснику диагностики профессиональных деформаций представителей социномических профессий было зафиксировано достоверное снижение ($p < 0.01$) показателей по всем шкалам деформаций в экспериментальной группе: по шкале «авральность» средний балл 4.2 ± 1.4 (снижение на 46%); по шкале «эмоциональная истощенность» средний балл 3.9 ± 1.3 (снижение на 52%); по шкале «ролевой экспансионизм» средний балл 3.5 ± 1.1 (снижение на 49%); по шкале «доминантность» средний балл 3.8 ± 1.2 (снижение на 31%), а у руко-

водителей снижение было еще более значительным – до 2.9 баллов; по шкале «социальное лицемерие» средний балл 3.1 ± 0.9 (снижение на 40%). Общий индекс профессиональной деформированности снизился до 3.7 ± 0.7 баллов, что соответствует пороговому (низкому) уровню. В контрольной группе, где программа не реализовывалась, динамика была негативной или нейтральной.

Таким образом, наибольшая редукция произошла именно по тем деформациям (авральность, эмоциональная истощенность, ролевой экспансионизм), на преодоление которых были нацелены основные мероприятия программы (обучение саморегуляции, установлению границ, оптимизация нагрузки). Эффект в данном случае мы связываем с обучением специалистов тайм-менеджменту и оптимизацией планирования, навыкам саморегуляции, супервизии и психологической разгрузке, проведением тренингов.

Полученные данные подтверждают адресность и валидность разработанной модели профилактической работы. Рост удовлетворенности по шкалам, связанным с руководством и организацией труда, параллельно со снижением деформаций «доминантность» и «социальное лицемерие», указывает на то, что программа оказала комплексное воздействие не только на индивидуальном, но и на организационно-культурном уровне, способствуя гуманизации профессиональных отношений.

По результатам анкетирования произошли изменения в оценке организационных факторов: количество сотрудников, удовлетворенных ясностью задач и критериев выросло с 48% до 82%. Оценка доступности супервизии и методической помощи улучшилась с 35% до 78%. 85% участников программы отметили повышение навыков саморегуляции и управления стрессом.

В заключение отметим, что реализация комплексной программы привела к достоверному снижению ключевых компонентов синдрома эмоционального выгорания и выраженности профессиональных деструкций у специалистов и руководителей социальных служб. Наибольшая позитивная динамика наблюдается у рядовых специалистов. Для руководителей необходима более персонализированная поддержка (коучинг, группы для руководителей), так как источники их стресса носят специфический управленческий характер. Наибольший вклад в результат внесли институционализация супервизии и тренинги по конкретным навыкам (границы, саморегуляция), то есть элементы вторичной профилактики.

Таким образом, системная профилактическая программа является действенным инструментом управления профессиональным здоровьем персонала в организациях социальной сферы, способствуя как повышению качества услуг, так и гуманизации самой профессиональной среды. Профилактика профессиональных деформаций у сотрудников социальных служб не может сводиться к разовым мероприятиям. Это непрерывный системный процесс, требующий интеграции организационных, образовательных и психологических мер.

Литература

- Бессонова Л.А. Развитие профессионально-личностной компетентности социального работника как условие предупреждения профессиональной деформации: Дисс. канд. психол. наук: 19.00.03 / Бессонова Любовь Анатольевна. – Барнаул, 2009. – 224 с.
- Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
- Дружилов С.А. Профессиональные деформации и деструкции как следствие искажения психологических моделей профессии и деятельности / С.А. Дружилов // Журнал прикладной психологии. – 2004. – № 3. – С. 56–62.
- Зеер Э.Ф. Психология профессиональных деструкций: монография / Э.Ф. Зеер. – Москва: Академический проект, 2018. – 336 с.
- Зинова И.М., Бронников С.А., Черникова Т.А., Шайдукова Л.Д. Профессиональная деформация специалистов социальных служб / И.М. Зинова, С.А. Бронников, Т.А. Черникова, Л.Д. Шайдукова // Живая психология. – 2023. – Т. 10, № 6(46). – С. 66–74.
- Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие / Е.А. Климов. – Москва: Академия, 2010. – 304 с.
- Кузьмина Ю.М. Профилактика профессиональной деформации личности будущего специалиста по социальной работе: Дисс. канд. пед. наук: 13.00.08 / Кузьмина Юлия Михайловна. – М., 2006. – 187 с.
- Куприянов Р.В. Профессиональные деформации личности социального работника: эмпирическое исследование / Р.В. Куприянов, Н.Ш. Валеева, Н.В. Быковская // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 55–60.

9. Маркова А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – Москва: Знание, 1996. – 312 с.

10. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы / В.Е. Орел // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 90–101.

11. Рогов Е.И. Личность в профессиональной деятельности: формирование и деформация / Е.И. Рогов. – Ростов н/Д: Феникс, 2019. – 288 с.

12. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности: монография / Э.Э. Сыманюк. – М.: МПСИ, 2005. – 252 с.

13. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.

PREVENTION OF PROFESSIONAL DEFORMATIONS AMONG SOCIAL WORKERS AND HEADS OF SOCIAL SERVICES: A SYSTEMIC APPROACH

Zinova I.M., Chernikova T.A., Shaidukova L.D.

Birsk Branch of the Ufa University of Science and Technology

The article examines the problem of professional deformations as a systemic risk in the activities of social workers and heads of social services. Based on the analysis of theoretical approaches, applied developments in the social sphere and the results of empirical research, the need for comprehensive multi-level preventive work is substantiated. The program model proposed by the authors, aimed at comprehensive prevention, includes five structural blocks (diagnostic and analytical, organizational and managerial, educational and developmental, psychological and accompanying, and correctional and restorative), which cover three main areas of work: organizational and environmental, personal developmental, and correctional and restorative. Comparative empirical data from the ascertaining and control stages of the study are presented, confirming the effectiveness of the proposed program. The conclusion is that effective prevention is only possible through the integrated efforts of the organization, the professional community, and the specialist.

Keywords: professional deformation, emotional burnout syndrome, diagnostics of professional deformations in social work specialists, model of a program for the prevention of professional deformations of specialists and managers of social services.

References

1. Bessonova L.A. Development of professional and personal competence of a social worker as a condition for preventing professional deformation: dis. ... Cand. of Psychological Sciences: 19.00.03 / Bessonova Lyubov Anatolyevna. – Barnaul, 2009. – 224 p.
2. Vodopyanova N.E. Burnout syndrome: diagnostics and prevention / N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova. – 2nd ed. – St. Petersburg: Piter, 2009. – 336 p.
3. Druzhilov S.A. Professional deformations and destructions as a consequence of distortion of psychological models of the profession and activity / S.A. Druzhilov // Journal of Applied Psychology. – 2004. – № 3. – P. 56–62.
4. Zeer E.F. Psychology of professional destruction: monograph / E.F. Zeer. – Moscow: Academicheskyy proekt, 2018. – 336 p.
5. Zinova I.M., Bronnikov S.A., Chernikova T.A., Shaidukova L.D. Professional deformation of social service specialists / I.M. Zinova, S.A. Bronnikov, T.A. Chernikova, L.D. Shaidukova // Living psychology. – 2023. – Vol. 10, № 6(46). – P. 66–74.
6. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination: a tutorial / E.A. Klimov. – Moscow: Academy, 2010. – 304 p.
7. Kuzmina Yu.M. Prevention of Professional Deformation of the Personality of a Future Social Work Specialist: Dis. ... Cand. Ped. Sciences: 13.00.08 / Kuzmina Yulia Mikhailovna. – M., 2006. – 187 p.
8. Kupriyanov R.V. Professional Deformations of the Personality of a Social Worker: An Empirical Study / R.V. Kupriyanov, N. Sh. Valeeva, N.V. Bykovskaya // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. – 2019. – Vol. 25, № 4. – Pp. 55–60.
9. Markova A.K. Psychology of Professionalism / A.K. Markova. – Moscow: Znanie, 1996. – 312 p.
10. Орел В.Е. The Phenomenon of «Burnout» in Foreign Psychology: Empirical Research and Prospects / V.E. Орел // Psychological Journal. – 2001. – Vol. 22, № 1. – Pp. 90–101.
11. Рогов Е.И. Personality in Professional Activity: Formation and Deformation / E.I. Rogov. – Rostov n / D: Phoenix, 2019. – 288 p.
12. Symanyuk E.E. Psychological Barriers to Professional Development of the Individual: Monograph / E.E. Symanyuk. – Moscow: MPPI, 2005. – 252 p.
13. Тарабрина Н.В. Workshop on the Psychology of Post-Traumatic Stress / N.V. Tarabrina. – SPb.: Piter, 2001. – 272 p.

Зубов Вадим Владиславович,

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: zubov305@yandex.ru

В предложенной публикации автор совершает попытку вскрытия исторических корней немецкого национализма. В соответствии с устоявшимися подходами, национализм понимается как в негативном (идеология национального превосходства и источник этнических конфликтов), так и в позитивном ключе (движение за объединение страны в суверенное политическое пространство или за освобождение территории от стороннего влияния). На примере сионизма, японизма, фашизма и нацизма устанавливается, что национализм детерминирован особым историческим контекстом. Говоря о месте национализма в политической истории Германии, автор отмечает, что немецкий национализм представлял собой комплекс неоднородных социально-политических концепций, связанных как с объективно-историческими условиями возникновения (преодоление внешнего влияния и раздробленности), так и с ситуативными факторами (возвышение гитлеровского режима).

Ключевые слова: национализм, национал-социализм, национальное движение, Германия, Пруссия, Австрия, милитаризм.

Введение

В политическую историю Германии навсегда вошли бесчеловечные преступления гитлеровского ультранационалистического режима – угнетение несогласных внутри страны и вооруженная агрессия против всего цивилизованного европейского мира, которая вылилась в самую кровопролитную войну двадцатого столетия. Последующие поколения немцев спустя несколько десятилетий после крушения гитлеризма приняли доктрину коллективной (по крайней мере, моральной) ответственности всего немецкого народа за преступления, совершенные при диктатуре НСДАП. В 1970 году канцлер ФРГ Вилли Брандт совершил в Варшаве коленопреклонение перед памятником жертвам подавленного восстания в Варшавском гетто [10, с. 116], показав, что радикальный немецкий национализм является несмываемым пятном на истории Германии.

В свете вышесказанного, особую актуальность приобретает вопрос установления исторических корней немецкого национализма. Необходимо понять, какие предпосылки имелись у национализма в целом и у национал-социализма в частности. Обращение к истокам проблемы будет носить не только теоретико-историческое, но и конкретно-практическое значение. Уяснение истоков национализма позволит применить полученные выводы к актуальному политическому процессу, что даст возможность некоторым странам избежать печальных ошибок прошлого и не допустить перерастания чувства национальной гордости в острые этнополитические, культурные и территориальные конфликты.

Концептуальная и историческая характеристика национализма

Понимание идеологии национализма к настоящему времени, в целом, устоялось в исторической и политической науке, а также в общетеоретическом дискурсе. С одной стороны, идеология национализма характеризуется в негативной коннотации. С другой стороны, под национализмом понимается движение за обретение национального суверенитета. В подтверждение этих слов приведем толкование термина «национализм» из популярного в России Словаря С.И. Ожегова. В справочном издании дается двоякое обозначение национализма: 1) «идеология и политика, направленная на разжигание национальной вражды и принижение других наций»; 2) «движение за независимость народа и страны против иноземных поработителей, против колониализма» [3, с. 328]. В первом случае национализм тождественен ксенофобии, а его основное предназначение – секционирование людей по оппозитному принципу принадлежности или непринадлежности к доминирующей этнокультурной группе. Во втором случае национализм представляет собой общественно-политическое движение за объединение страны в единое государственное пространство или за освобождение территории от стороннего влияния.

Подобное разделение национализма на два направления далеко не всегда имело место в отечественном обществоведении. Так, в советской социальной науке, которая носила ярко выраженный идеологизированный характер, национализм понимался узко, как «идеология и политика буржуазии, направленная на разжигание национальной розни между трудящимися различных наций, на укрепление господства одной нации над другими» [4, с. 388]. Такой редукционизм, в общем, понятен, поскольку перед политико-философскими науками в Советском Союзе стояла задача отмежевания «пролетарского национализма» от противоположных течений. В то же время узкая трактовка национализма методологически неверна, а значит, она не способствует полному и всестороннему осмыслению националистической идеи. Доказательством является политическая история Германии, в которой национализм проявлялся и как позитивный, и как негативный тренд.

Идеология национализма, а, стало быть, и патриотические интенции, не сопровождали цивилизацию на всем протяжении ее развития. Как справедливо замечено специалистами-политологами, «появление идеологии национализма и основанных на ней национальных государств определило весь характер мирового политического процесса с конца XVIII в. до наших дней» [9, с. 383]. Одно из первых значимых движений за национальную независимость привело к Великой французской революции, в ходе которой нарождающееся третье сословие создало Национальное собрание (1789 г.), принявшее затем участие в захвате крепости-тюрьмы Бастилии и взятии политического конт-

роля над Парижем. И хотя буржуазная революция обернулась затем военной диктатурой Наполеона Бонапарта, распространение идей национальной самостоятельности по Европе было неизбежно.

Национализм в политическом процессе, как правило, сопряжен с исключительными историческими условиями становления, возникновения и развития, а также со специфическими способами имплементации. Раскроем специфику некоторых националистических течений на примерах сионизма, японизма, фашизма и национал-социализма.

Идеология сионизма, как известно, представляла собой международное общественно-политическое движение за создание еврейского национального государства. Еврейский национализм основывался на желании решить еврейский вопрос, заключавшийся в необходимости преодоления европейского антисемитизма. Неслучайно основоположник сионизма как политического направления, Теодор Герцль, был убежден в том, что «с созданием еврейского государства антисемитизм исчезнет повсеместно» [1, с. 27]. Причем территорией для еврейского государства, согласно имевшим место планам, могла быть не только историческая земля – Палестина. Здесь достаточно вспомнить «план Уганда», который Герцль представил шестому Сионистскому конгрессу в 1903 году на основе предложения английской миссии по колониальным делам Дж. Чемберлена.

Таким образом, сионизм – это еврейское националистическое движение, основывающееся на стремлении преодолеть многовековое угнетение еврейского народа в Европе. Речь идет не о ксенофобии или утверждении этнического превосходства, а об обретении национально-государственной независимости впервые со времен изгнания евреев римлянами из Палестины в 135 году по указанию императора Адриана.

Японизм как идеология национальной идентичности возник в Японии при императоре Мэйдзи (1868–1912), с именем которого ассоциируется активная вестернизация страны. При данном правителе в Японии утвердилась доктрина вако-эй сай, что означает «японский дух, западное знание» [6, с. 342]. Согласно данной доктрине, надлежало продолжать заимствовать передовые научно-технические достижения из стран западного мира, но в сфере социальных и государственных норм и отношений переходить к традиционным ценностям. Основу японизма должен был составлять принцип самурайской морали Бусидо, который, «будучи традиционно японским и достигшим в эпоху Токугава наивысшего расцвета, теперь признается как нечто кровно унаследованное современными видными военными деятелями» [2, с. 133]. Здесь важно обратить внимание на то, что основу условного кодекса Бусидо составляла идея полной и безоговорочной преданности самурая своему господину (неслучайно слово «самурай» означает «служилый человек»). Возврат к традиционным ценностям при Муцухито сопровождался проекцией токугавской военной морали на все общество: император – это господин, а народ – это слуга. Таким образом, идея самурайского преклонения перед господином (божественным императором), несмотря на то что сама воинская аристократия была фактически упразднена после обнародования указа о запрете на ношение мечей (28 марта 1876 г.), оказалась распространенной в том числе на прежних простолыдинов.

Реанимация прежних ценностей осуществлялась сверху, что, в общем, гармонировало с продвигаемыми концептами. В 1882 году Мэйдзи в своем манифесте потребовал от армии полного и безоговорочного подчинения и верности себе и стране. Послушание военнослужащих перед императором и непосредственным командиром объявлялось высшей ценностью, проявлением долга и чести. Произойшли изменения в историческом и образовательном кластерах. Был осуществлен пересмотр политики памяти с упором на положительные примеры из истории сегуната Токугава, «императоры представляли как главные объекты изучения на уроках по истории» [6, с. 345]. Подтверждением верности избранного курса стал императорский манифест о воспитании 1890 г., в котором содержалось предписание о соблюдении вечных моральных ценностей, исходящих от правящего дома.

Японизм, основанный на примате безоговорочного чувства долга над остальными ценностями, жесткой иерархии и субординации и ощущении национальной исключительности, впоследствии разросся до агрессивного милитаризма, который в литературе именовался японским фашизмом или японским национал-фашизмом. Данное обстоятельство не вызывает удивления, поскольку доминирование строгой воинской морали вкупе с ксенофобией становится питательной средой для агрессивной внешней политики, что и продемонстрировала Япония в союзе с нацистской Германией и фашистской Италией.

Таким образом, японский национализм предстает в двоякой форме. С одной стороны, это закономерное продолжение идеи «японского духа», заключавшейся в признании превосходства японского образа жизни над другими моделями. С другой стороны, японизм – это попытка как бы «уравновесить» исторические особенности развития

государства с рецепцией технологических достижений западной цивилизации и США.

Переходим к характеристике фашизма, который имел место в Италии времен диктатуры Б. Муссолини. Характерными чертами фашизма являются этатизм, вождизм, шовинизм, «смешение националистической идеи с доктриной главенства государства над нацией» [5, с. 207], тоталитаризм, выражающийся в излишнем вмешательстве государства во все сферы общественной жизни, жесткая иерархичность общества, романизация (переход к монархическому принципу, восходящему к Римской империи) в сочетании с диктатурой (диархия), однопартийность.

Итальянский фашизм относится к числу ультраправых националистических идей. Однако далеко не все поборники правой идеи относят рассматриваемую идею к «органичной» правой теории. Так, философ Юлиус Эвола (1898–1974), сторонник интегрального традиционализма, выступает с резкой критикой фашизма по следующим направлениям: 1) радикальные методы достижения политических целей, которые не соответствуют представлениям о государстве как носителе *auctoritas*; 2) тоталитарный подход, исключающий даже частичную автономию и децентрализацию, которые сильное государство может допустить; 3) национализм, который ставит во главу угла нацию (женское начало), а не государство как выражение органичной иерархии (мужское начало); 4) государственное давление на личную жизнь; 5) попытки сочетать монархическую («истинную») власть с диктатурой; 6) постановка вопроса об однопартийности (в органичном государстве, основанном на «высшей идее», говорить о партотократии в принципе абсурдно).

В завершение раздела обратимся к национал-социализму, который стал кульминацией националистических настроений немецкого общества и привел к острейшему конфликту между странами Оси и антигитлеровской коалицией. В ранее опубликованных материалах мы уже затрагивали данную проблематику [11], потому обратимся к ней лишь в наиболее общих чертах. Концептуальной основой нацизма являлась расология – учение Г. Ф. К. Гюнтера о человеческих расах, обосновавшее необходимость отбора немецкого населения по нордическому принципу и препятствовавшее смешению между евреями и представителями «нордической расы». Расология Гюнтера – это продолжение развития расовой теории, которая связывается с именем французского социолога XIX в. Жозефа Артюра де Гобино.

Табуирование смешения между евреями и немцами следовало из гюнтеровского определения расы как однородной группы людей, воспроизводящих себе подобных. Следовательно, если представители «нордической расы» перекрещиваются с другими этносами, то происходит «вырождение» расы, так как нарушается ключевой принцип воспроизводства.

Помимо прочего, нацизм основывался на доктрине Артура Мёллера ван ден Брука, известной как Третий рейх. По его мнению, Германия времен Гитлера является реинкарнацией некоей «Великой Германии»: Первый рейх – империя Фридриха Барбароссы, Второй рейх – Германская империя канцлера Отто фон Бисмарка [11, с. 59].

Немаловажной чертой национал-социализма является вождизм – консолидация общества вокруг сакральной личности фюрера – харизматического лидера и носителя мессианской идеи. Вождизм сосуществовал с идеей абсолютной партотократии, согласно которой НСДАП – единственная и ведущая политическая сила Германии, которая в достижении целей общественного переустройства не должна идти ни на какие компромиссы. Данные два признака сближают нацизм с итальянским фашизмом. Кроме того, их роднит обращение к «героическому» прошлому, которое нередко представляется довольно тенденциозно и однобоко.

Таким образом, предпосылки националистических настроений напрямую зависят от политической истории того или иного государства или этноса. В одном случае это стремление преодолеть дискриминацию по национальному признаку, в другом – попытка переосмыслить роль и значение иностранных заимствований. Однако, как показывают примеры Италии и Германии, национализм может принимать довольно радикальные и опасные формы, сопряженные с примитивизацией общественного сознания и тотальной экспансией государства во все сферы социального функционирования.

Истоки и развитие немецкого национализма: история вопроса

В начале XIX столетия большая часть территории Германии находилась под контролем Франции. В 1806 году прусско-саксонская армия потерпела поражение от войск Наполеона по итогам Иена-Ауэрштедтского сражения, а к 25 октября французские вооруженные силы вошли в столицу Пруссии – Берлин.

Господство Франции вызвало к жизни национально-освободительное движение, направленное против господства захватнических сил. Немецкий национализм того периода носил патриотический характер, а о целом националистическом лагере говорить еще не приходилось. Оплотом зарождающегося движения стали высшие учебные заведения. В Берлинском университете, созданном по инициативе В. Гумбольдта, большой популярностью пользовались лекции И.Г. Фихте, Б. Нибура, Г. Клейста, Э.М. Эрндта, призывавших к защите чести и достоинства Германии. Одновременно с этим протестные настроения охватывали и прусскую армию. Многие военные перешли к тактике партизанской войны, однако подобное сопротивление не встретило поддержки у прусской власти, которая подавляла восстания в угоду наполеоновским силам. Освобождение Германии от французской оккупации началось после поражения армии Наполеона в России в 1812 году, 4 марта 1813 года русские войска вступили в Берлин. Окончательное выдворение захватчика произошло в январе 1814 г. переходом союзных армий через Рейн.

По итогам Венского конгресса 1814–1815 гг., созванного для восстановления европейского политического порядка после падения наполеоновской диктатуры, государственная раздробленность Германии была сохранена. По решению держав-победительниц был создан Германский Союз, включавший 37 самостоятельных монархий и 4 вольных города – Гамбург, Бремен, Любек и Франкфурт-на-Майне [8, с. 322]. Последний стал местом пребывания единого общегерманского органа – Союзного сейма, решения которого носили рекомендательный характер. Отсутствие единой Германии устраивало прежний политический истеблишмент, стремившийся сохранить прежние феодальные порядки.

К 1848 году в Германии широкие социальные перемены казались неизбежными. Вопросы объединения страны и ликвидации феодальных порядков становились основой политической повестки. Массовые общественные выступления охватили Баден, Гессен-Дармштадт, Вюртемберг, Баварию и Саксонию, а в Берлине 18–19 марта 1848 г. и вовсе имели место баррикадные бои сил королевской армии с повстанцами. Под сильнейшим социальным натиском прусский король Фридрих Вильгельм IV призвал к власти лидеров умеренной либеральной буржуазии – банкира Кампгаузена и фабриканта Ганземана, которым удалось стабилизировать ситуацию за счет достижения соглашений с феодально-монархическими кругами.

28 марта 1849 г. Франкфуртский парламент утвердил новую конституцию (Конституцию Паульскирхе), согласно которой Германия объявлялась конституционной империей с наследственным монархом во главе и двухпалатным рейхстагом, нижняя палата которого избиралась на три года. Конституция Паульскирхе декларировала введение демократических свобод и предусматривала отмену дворянских привилегий. И хотя данный акт был отвергнут в качестве юридически значимого королем Пруссии, монархами и правительствами Австрии, Баварии, Саксонии и Ганновера, на повестку дня встал вопрос создания единого национального немецкого государства. Один путь – «великогерманский» – основывался на гегемонии Австрии в объединительном процессе, другой путь – «малогерманский» – предусматривал ведущую роль Пруссии без включения Германии.

К началу 50-х гг. XIX столетия противоборство между Пруссией и Австрией за роль объединителя Германии стало очевидным. В 1849 г. Пруссия, Саксония и Ганновер подписали «Унию трех королей», которая свидетельствовала о стремлении Пруссии объединить под своей гегемонией государства Северной Германии. В ответ Австрия созвала свое собрание с целью реорганизации Союзного сейма. Политический конфликт грозил перерасти в военный, однако благодаря вмешательству российского императора Николая I Пруссии пришлось отказаться от притязаний на гегемонию Германии, что было зафиксировано в 1850 году по итогам австро-пруссских переговоров («Ольмюцкое унижение» Пруссии).

После смерти Фридриха Вильгельма IV королем стал его брат, провозглашенный затем Вильгельмом I. Новый монарх видел в увеличении регулярной армии главную силу юнкерского господства, для чего была необходима военная реформа. Однако либерально настроенная Прогрессивистская партия, которая одержала значительный успех на выборах в немецкий ландтаг, всячески препятствовала военным преобразованиям. В условиях нарождающегося глубокого кризиса между монархом и парламентом Вильгельм I пригласил на пост министра-президента Пруссии О. фон Бисмарка, который, несмотря на отказ либеральной буржуазии утвердить военную реформу, провел ее в 1862 году явочным порядком, без законодательного санкционирования, израсходовав значительные средства на реорганизацию армии и ее вооружение.

В 1866 году между Пруссией и Австрией случился военный конфликт, закончившийся поражением последней. 24 августа 1866 г. Австрия подписала в Праге мирный договор с Пруссией, по условиям которого она навсегда выходила из Германского союза и отказывалась от каких-либо своих притязаний на господство в германских государствах.

До подписания мирного договора с Австрией Бисмарк приступил к созданию в начале августа 1866 года Северогерманского союза под главенством Пруссии, изначально в него вошли 8 государств и 3 вольных города – Гамбург, Бремен и Любек. Так в ходе острой борьбы был ликвидирован старый, свидетельствующий о раздробленности, Германский союз, а Австрия навсегда утратила право на участие в общегерманских делах.

Окончательное объединение Германии по «северогерманскому» пути с использованием военной силы связывается с победой Пруссии в войне с Францией с 1870–1871 гг. Прусский король Вильгельм I, который уже обладал статусом главы Северогерманского союза, был провозглашен императором Германской империи, а в центре Европы, по замечанию историков, «утвердилось крупное милитаристское, юнкерско-буржуазное государство» [8, с. 467].

Фактически создание единого национального немецкого государства в начале 70-х гг. XIX вв. осуществлялось «сверху», благодаря личной энергии и особому политическому видению канцлера Отто фон Бисмарка, о котором прежний король Фридрих Вильгельм IV сказал следующее: «Заядлый реакционер, пахнет кровью, использовать позднее». И поскольку активного участия народных движений в «малогерманском» объединении страны не наблюдалось, то говорить о развитии националистического движения в контексте бисмарковской политики не приходится. Конечно, действия «железного канцлера Германии» носили национально ориентированный и патриотический характер, однако его политику было бы корректнее характеризовать устоявшимся термином «Realpolitik». Речь идет о совокупности «подходов и приемов властвования, которые основаны не на каком-либо идеологическом или нравственно-аксиологическом фундаменте, а на практических и прагматических соображениях, согласуемых с действительными и актуальными интересами подвластного действующим политикам объекта» [12, с. 101].

К началу XX века на территории Европы обозначились два антагонистических блока, которые впоследствии сыграли ключевую роль как в Первой мировой войне, так и в будущем геополитическом порядке. Речь идет, с одной стороны, о русско-англо-французской коалиции, а, с другой стороны, о союзе Германии, Австро-Венгрии и Италии. Ведущий актер Тройственного союза – Германская империя – выступила с претензией на роль мировой державы и все более явно проявляла имперские амбиции. В конечном счете это привело к крупномасштабному вооруженному конфликту, в котором Германия проиграла. По условиям Версальского договора 1919 года, Германия признавалась ответственной за развязывание войны, брала на себя обязательства по выплате репараций. Государственные границы проигравшей страны перекраивались в пользу победителей. Кроме того, было проведено разоружение страны: армия сокращалась до 100 тысяч человек, генеральный штаб распускался, а всеобщая воинская повинность отменялась. Демилитаризации подлежал левый берег Рейна и 50-километровая полоса на его правом берегу [7, с. 151]. Германская империя сохраняла за собой прежнее название, но, согласно Веймарской конституции 1919 года, становилась демократической республикой. Во главе государства стоял президент с широкими полномочиями для сохранения единства страны. Правительство возглавлял рейхсканцлер, армией командовал рейхсвер. Другой опорой нового веймарского порядка был рейхстаг – выборный орган законодательной власти.

Несмотря на международное унижение Германии после Первой мировой войны, внутри самой Веймарской республики преобладало настроение к укреплению государственного порядка. В 1925 году на прямых всенародных выборах президентом был избран Пауль фон Гинденбург, который, по сути, был поборником прусских военных традиций и противником «партийного государства» – парламентской демократии. 1 июня 1932 года во главе правительства стал Франц фон Папен, которого немецкие историки называют «открытым реакционером» [7, с. 188]. Военно-политическую опору нового кабинета обеспечивал генерал Курт фон Шлейхер, занявший пост военного министра (впоследствии рейхсканцлер), известный в качестве «прусского» консерватора.

Впрочем, в рассматриваемый период в политической жизни Германии националистические тенденции развивались неоднородно. С одной стороны, национально-ориентированные силы исповедовали умеренно-консервативную идеологию и отстаивали легальные методы политической борьбы. С другой стороны, реван-

шистские настроения части немецкого общества радикализировались в национал-социалистическое направление под эгидой Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), получившей на выборах 1932 года в рейхстаг наибольшее число мест в парламенте – 230.

В популярной печати нередко можно встретить мнение о том, что приход нацистов к власти осуществлялся на основании демократических выборов. Данное утверждение верно, но лишь отчасти. Как мы уже показали, нацистская партия получила большинство в рейхстаге еще до установления однопартийной диктатуры НСДАП, что, безусловно, говорит о легальности процесса. Однако вопрос о персональном возвышении Гитлера следует рассматривать отдельно. До сих пор историки спорят о том, кто из видных игроков немецкой политической арены 1932–1933 гг. ответственен за допуск Гитлера к посту главы правительства. С одной стороны, некоторую долю ответственности несет бывший канцлер Папен, который 4 января 1933 года, уже после назначения на эту должность К. фон Шлейхера, предложил Гитлеру возглавить коалиционное правительство из нацистов и националистов в надежде на получение поста вице-канцлера. С другой стороны, нельзя не обратить внимание на излишнюю жесткость Шлейхера в борьбе с нацистами и коммунистами, неслучайно он дважды призывал Гинденбурга ко введению чрезвычайного положения, а фактически – к установлению военной диктатуры самого рейхсканцлера. Но, так или иначе, установление нацистского режима нельзя характеризовать в качестве закономерного и тем более необходимого процесса развития немецкой националистической идеи. Во-первых, потому, что нацизм не являлся к тому времени господствующей националистической идеей в немецком обществе (индоктринация нацизма связывается с ширококомаштабной пропагандой, которая велась позже). Во-вторых, потому, что сам приход Гитлера к власти стал следствием политических комбинаций и весьма случайных хитросплетений, основанных на противоположных личных интересах приверженцев одного и того же идейного пути – Папена и Шлейхера.

Заключение

Немецкий национализм представлял собой комплекс неоднородных социально-политических концепций, связанных как с объективно-историческими условиями становления, так и со ситуативными факторами. Немецкое националистическое движение зародилось в качестве реакции интеллигенции на французское господство и территориальную раздробленность страны. В дальнейшем немецкий национализм представлял собой комплекс военно-политических мер без ярко выраженного идейного ядра («Реалполитик» Бисмарка) и широкого народного движения. По окончании Первой мировой войны немецкий национализм развивался по двум направлениям. С одной стороны, умеренные консерваторы ратовали за сохранение «прусского» порядка в целях сохранения государственного суверенитета. С другой стороны, радикально настроенные реваншисты взяли на вооружение национал-социалистическое учение, в основе которого лежала идея о пересмотре итогов Первой мировой войны и возрождении «былого германского величия» в виде Третьего рейха. При этом нацизм нельзя рассматривать в качестве закономерного этапа развития немецкой националистической идеи, поскольку его возвышение во многом определилось случайным стечением обстоятельств.

Литература

1. Гордис Д. Израиль: история государства. М.: Мосты культуры, 2018. 488 с.
2. Дзюн Т. Японская идеология. М.: «Прогресс», 1982. 250 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. 736 с.
4. Розенталь М., Юдин П. Краткий философский словарь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. 703 с.
5. Эвола Ю. Политические трактаты. М.: Опустошитель, 2020. 388 с.

6. История Японии: учебник для студентов вузов / Д.В. Стрельцов, Н.Ф. Лещенко, А.Н. Мещеряков [и др.]; под редакцией Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 592 с.

7. История Германии: учебное пособие. В 3 тт. Том 2 / А.М. Бетмахаев, Т.А. Бяликора, Ю.В. Галактионов [и др.]; под редакцией Ю.В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. 673 с.

8. Новая история стран Европы и Америки: Первый период: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Г.Л. Арш, В.С. Бондарчук, Л.И. Гольдман [и др.]; под редакцией А.В. Адо. М.: Высшая школа, 1986. 623 с.

9. Политология: учебник / Я.А. Пляйс, А.В. Брега, А.Б. Шатилов [и др.]; под общей редакцией Я.А. Пляйса и С.В. Расторгуева. М.: ИНФРА-М, 2021. 414 с.

10. Zubov V.V. Американское и советское влияние на особенности политического лидерства ФРГ, ГДР и объединенной Германии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10 (6). С. 113–119.

11. Zubov V.V. Сравнительная характеристика политических режимов Германии 1933–1945 годов и Австрии 1933–1938 годов: опыт междисциплинарного исследования // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11(2). С. 56–62.

12. Zubov V.V. Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12(1). С. 100–107.

THE ROOTS OF GERMAN NATIONALISM IN THE POLITICAL HISTORY OF GERMANY

Zubov V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the proposed publication, the author attempts to uncover the historical roots of German nationalism. In accordance with established approaches, nationalism is understood in a negative way (as an ideology of national superiority and a source of ethnic conflicts) and in a positive way (as a socio-political movement for the unification of the country into a single state space or for the liberation of the territory from outside influence). Using the example of Zionism, Japanism, fascism and Nazism, it is established that nationalism is determined by a special historical context. Speaking about the place of nationalism in the political history of Germany, the author notes that German nationalism was a complex of heterogeneous socio-political concepts associated with both objective historical conditions of origin (overcoming external influence and fragmentation) and situational factors (the rise of the Hitler regime).

Keywords: nationalism, national socialism, national movement, Germany, Prussia, Austria, militarism.

References

1. Gordis D. Israel: the history of the state. Moscow: Bridges of Culture, 2018. 488 p.
2. Jun T. Japanese ideology. M.: «Progress», 1982. 250 p.
3. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Onyx Publishing House LLC: Mir and Education Publishing House LLC, 2009. 736 p.
4. Rosenthal M., Yudin P. A concise philosophical dictionary. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1954. 703 p.
5. Evola Yu. Political treatises. Moscow: Desolator, 2020. 388 p.
6. History of Japan: textbook for university students / D.V. Streltsov, N.F. Leshchenko, A.N. Meshcheryakov [et al.]; edited by D.V. Streltsov. M.: Publishing House «Aspect Press», 2018. 592 p.
7. The history of Germany: a textbook. In 3 tt. Volume 2 / A.M. Betmakhaev, T.A. Byalikova, Yu.V. Galaktionov [et al.]; edited by Yu.V. Galaktionov. M.: KDU, 2008. 673 p.
8. The new history of the countries of Europe and America: The first period: a textbook for university students studying in the specialty «History» / G.L. Arsh, V.S. Bondarchuk, L.I. Goldman [et al.]; edited by A.V. Ado. M.: Higher School, 1986. 623 p.
9. Political Science: textbook / Ya.A. Plais, A.V. Brega, A.B. Shatilov [et al.]; under the general editorship of Ya.A. Plais and S.V. Rastorguev. M.: INFRA-M, 2021. 414 p.
10. Zubov V.V. American and Soviet influence on the peculiarities of the political leadership of the FRG, GDR and united Germany // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2020. № 10 (6). pp. 113–119.
11. Zubov V.V. Comparative characteristics of the political regimes of Germany 1933–1945 and Austria 1933–1938: the experience of interdisciplinary research // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. № 11(2). pp. 56–62.
12. Zubov V.V. The German doctrine «Realpolitik» through the prism of modern world politics // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022. № 12(1). pp. 100–107.

Контрастивный анализ структурно-отмеченных военных жаргонизмов в английском и русском языках

Кочарян Юлия Гамлетовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и русской филологии Сочинский государственный университет
E-mail: juliakocharyan@mail.ru

Саруханян Маргарита Размиковна,

старший преподаватель кафедры романо-германской и русской филологии Сочинский государственный университет
E-mail: marsaru@rambler.ru

В статье представлен контрастивный анализ структурно-отмеченных военных жаргонизмов в английском и русском языках. Объектом такого анализа служит просторечная лексика, т.к. она является наиболее подвижной языковой системой, реагирующей своей семантикой и структурой на общественные изменения. Цель данного анализа – выявить типы структурной отмеченности просторечных единиц в английском и русском языках.

Ключевые слова: военные жаргонизмы, английский язык, русский язык, структурно-отмеченный, просторечия, семантика, структура.

Просторечная лексика как наиболее подвижная языковая система четко реагирует своей семантикой и структурой на общественные изменения. Она может служить объектом такого контрастивного анализа, цель которой – выявить типы структурной отмеченности просторечных единиц в двух развитых языках: английском и русском (принимается понятие и термин «просторечие», предложенные В.А. Хомяковым) [16]. Под структурной отмеченностью здесь понимается формальная выраженность в морфологической или синтаксической структуре просторечной единицы таких результатов деривационно-ономасиологических процессов, которые либо вообще не свойственны, либо менее присущи слово-, фразеоло- и фразообразованию в литературном стандарте соответствующих языков [9], [11, с. 28]. Оговоримся, что результативная структура военных жаргонизмов рассматривается здесь только в плане синхронии; при этом для жаргонизма-слова учитывается отсутствие прямого соответствия между его морфемным составом и деривационной структурой.

Одной из самых социально чутких микросистем лексического просторечия в сопоставляемых языках выступает военный жаргон. Однако степень изученности военного жаргона в английском языке выше, чем в русском. В структурном плане детальнее описан английский военный жаргон [3–5]. Русский военный жаргон практически не изучен, за исключением сокращений [15]. Это обусловило направление нашего контрастивного анализа: от английского языка к русскому. Материалом послужила выборка военных жаргонизмов из словарей английского просторечия, а также русские военные жаргонизмы, собранные авторами при анкетировании военнослужащих.

По способу и материальному средству выражения структурной отмеченности в форме военного жаргонизма (слова, фраземы, фразеологизмы) все структурно-отмеченные образования в двух языках подразделяются на семь групп: сокращения, псевдономенклатуры, итеративы, заимствования, гибриды, пиджинизмы и деструктивны. Рассмотрим на примерах основные типы этих образований, снабдив жаргонизмы адекватными стандартными терминами или описательными толкованиями.

Сокращения. Под сокращением понимается результативная единица процесса аббревиатурного словообразования со статусом слова после ее лексикализации, морфологическая структура которой содержит хотя бы один абброслед, отсылающий к синхронно сосуществующей с данным сокращением полной генеративной единице, вне зависимости от уровня типа последней (слова, словосочетания, предложения).

По уровневой соотнесенности абброследов с дискретными единицами языка выделяются три основных структурных типа сокращений: 1) абброинициальные структуры: W.T. (walkie-talkie: портативная рация); 2) абброморфемные структуры: veg (vegetable: морская мина), «фура» (фуражка); 3) аббрословесные структуры: swede (swede-basher: новобранец, «салага», «салабон», «шнурок»), «бронейойка» (бронейойная пуля: перловая каша). Существуют также сокращения комбинированного типа: gyrene (G.I. = general issue + marine) морской пехотинец, blimp (B-type airship limp: человек-автомат, робот, аэростат, дирижабль мягкой конструкции, «колбаса»), govnițe (remain over night: вести круглосуточный радиообмен); «фикус»/фирменное блюдо в курсантской столовой: тушеная капуста, «зековоз» (зек = з/к = заключенный + -воз: специальный транспорт для перевозки заключенных), «пульрота» (пулеметная рота), «каперанга» (капитан первого ранга).

Псевдономенклатуры (номенклатурно-подобные образования). Выделяются три структурных типа: 1) буквенные: P.Z. (учебные маневры); 2) цифровые: а) английские: «406» (плановый техосмотр), «2359» (чернокожий); б) русские: «73» («желаю успеха» – в радиожаргоне), «133» («поцелуй» – в радиожаргоне); 3) буквенно-цифровые: G-2 (любопытство), V-8 juice (бензин, топливо); «форма № 20» (проверка на вшивость), «500-веселый» (товарный поезд). Заметим, что псевдономенклатуры буквенного типа, в отличие от сокращений, не имеют расшифровки.

Итеративы. Итерация – это формально выраженный повтор элементов или компонентов слова или словосочетания в линейной структуре деривата. В зависимости от типа повторяющегося элемента/компонента различаются три структурных типа итеративов: 1) аллитераты

(повтор звуков или словосочетаний в начале компонентов сложных слов или словосочетаний): hedgehop (летать на бредущем полете), bunion-breeder (пехотинец), tankertoy (приемопередатчик), butcher's bill (список потерь личного состава), chipthechina (нить, «скулить», жаловаться); бурбухайка (самодельный, кустарный или очень странный на вид автобус или грузовик), «Большая Берта» (немецкая сверхтяжелая пушка или ее снаряд), «кеша кожаная» (девушка, «маруха», «чувиха»); 2) рифмованные структуры (повтор конечных несколько фонемных элементов/фрагментов слова в другом слове или словосочетании, составляющих результативную линейную структуру жаргонного деривата): а) с внутренней рифмой: slopshop (камбуз), jeepers-creepers (джип), platoon spittoon (мойка), hash an dtrash (фоновые радиопомехи), flub and dub («сачковать», «филонить»), «шиш да кумыш» (ничего), «шильце и мыльце» (установное число и набор вещей в солдатском ранце); б) с внешней рифмой: ball of lead (= head: голова), armytanks (= Yankis: американцы); «дундук» (= «сундук»: прапорщик, сверхсрочник); 3) редупликаты: а) полные: dust-dust (новоиспеченный офицер), kпock-kпock (акустическая мина); «молчи-молчи» (секретность, режим секретности), «тыр-тыр» (рычаг прерывания зажигания двигателя в первых аэропланах); б) неполные: ring-rong (писарь), sobber-dobber (предатель), «тип-топ» (в порядке), «тютя-матютя» (растыпа). (Подробнее об этом см.: [11, с. 66–70], [19].)

Займствования. Уточним, что структурной отмеченностью обладают только синхронные займствования в военных жаргонах, поскольку, в отличие от диахронических займствований, они еще не успели перейти из жаргонов в литературные стандарты и там полностью ассимилироваться в графическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом аспектах, и тем самым потерять свою иноязычную новизну. Дифференциация жаргонных займствованных структур проводится на основе двух принципов: структурного соответствия займствования и этимона (первоначальной или принимаемой за таковую формы слова или словосочетания) и генетического типа займствования, проявляющегося в звуковой форме последнего.

Таким образом, выделяются два основных структурных типа:

1. Займствования, формально совпадающие с этимоном.

В английском военном жаргоне

Из индоевропейских языков: из немецкого: Schatzi (милый, дорогой), из португальского: padre (корабельный священник), из русского: starichelevек (командир, «батя»), из хинди: deкko (взгляд).

Из неиндоевропейских языков: из арабского: maghnoon (дурак, «шизик»), из вьетнамского: sao (плохой человек, «редиска»), из корейского: sap (начальник, «сам»), из маори: kamate (убитый).

В русском военном жаргоне

Из индоевропейских языков: из английского: «потс» (pots: глупец, «дуб»), из немецкого: «таубе» (Taube: самолет), из французского: «гарсон» (garçon: вестовой).

Из неиндоевропейских языков: из тюркских: «ёк» (нет).

2. Займствование формально не совпадающие с этимоном.

В английском военном жаргоне

Из индоевропейских языков: из испанского: hoosegow (husgado: гауптвахта, «губа», «брандура»), из хинди: booka (голодный).

Из неиндоевропейских языков: из китайского: chin-chin (отдание чести), из японского: тоооо (японская девушка, проститутка).

(Подробнее об этом см.: [11, с. 110–119]).

Гибриды

Понимая под гибридом «скрещенное слово, составленное из разноязычных элементов» [1, с. 98], мы рассматриваем только такие гибридные образования. Которые представляют собой просторечные единицы, возникшие в процессе контактирования языков, имеющие социально-профессиональную детерминированность и этностилистическую сниженность, присущие военному жаргону, единицы, используемые в узкой сфере общения военного социума. При этом учитываются только такие «скрещенные» слова, основы и аффиксы которых являются синхронными займствованиями именно в сопоставляемых военных жаргонах, даже если эти строевые элементы слов уже ранее были ассимилированы литературными стандартами в английском и русском языках в качестве диахронических займствований. Дифференциация гибридных структур осуществляется на основе двух принципов: по деривационному типу скрещивающихся элементов/компонентов и по генетическому типу языка-источника. (Подробнее об этом см.: [11, с. 71–79], [18]). Согласно этому, выделяется два структурных типа жаргонных гибридов: гибриды-аффиксальные дериваты и гибриды-композицы. Покажем их на примерах.

1. Гибриды-аффиксальные дериваты:

В английском военном жаргоне

Исконная основа + займствованный аффикс: из хинди (полусуффикс): gep-wallah (знаток).

Займствованная основа + исконный аффикс (полусуффикс): из персидского: buckshee-king (казначей).

В русском военном жаргоне

Займствованная основа + исконный аффикс (суффикс): из английского: «рингануть» (ring: позвонить), из китайского: «чифанить» (есть).

2. Гибриды-композицы.

В английском военном жаргоне

joss-piese (амулет), из арабского: shufy-kite (самолет-разведчик).

Займствованная основа + займствованная основа: из французского + хинди: tem-sahib (жена), из французского + немецкого: pomFrits (жареный картофель), из китайского + португальского: chin-chinjoss (богослужение).

В русском военном жаргоне

Займствованная основа + исконная основа: из немецкого: «эрзац-краснофлотец» (женщина-матрос, «ненастоящий» моряк), из турецкого: «бик-сосьём» (знакомство с девушкой).

Займствованная основа + займствованная основа: «группман» (командир курсантской группы в военном училище).

Пиджинизмы

Пиджинизированные образования – это слова и словосочетания, созданные в результате контактирования языков, сопровождающегося редукцией внутренней формы (в плане содержания), упрощением внешней формы (в плане выражения) и ограничением узуса [20, с. 84], [23, с. 189]. Уточним, что здесь рассматриваются только такие пиджинизмы, которые созданы не для контактов с местным иноязычным населением, а для обслуживания неофициальной сферы общения военного социума, речевой репертуар которого представлен соответствующим жаргоном (без учета стандартной терминологии). Лишь в этом случае пиджинизмы воспринимаются носителями военной субкультуры как жаргонизмы, поскольку в начале функционирования такие единицы не входят ни в литературный стандарт, ни в просторечие контактирующих языков. Пиджинизацию можно представить формулой «язык X + язык Y → ХпиджинY[22 с. 269]. На основе этой формулы выделяется два контактно-генетических типа пиджинизированных структур: на исконноязычной и иноязычных основах. (Подробнее об этом см.: [5]). Покажем их на примерах.

1. Пиджинизированные структуры на исконноязычной основе.

Английский военный жаргон

Chinese Pidjin English (англоязычная материальная основа – внутренняя форма → китаизированная структура – внешняя форма): make-learn (новобранец, «салабон»), powanchee (спасибо), walkie-no-back-talkie (портативный радиоприемник).

Hindi Pidjin English (англоязычная материальная основа → хиндизированная структура): kandu (согласен);

Aborigene Pidgin English (англоязычная материальная основа → аборигенизированная структура): kickeraboo (= kick over the bucket: мертвый).

Русский военный жаргон

Chinese Pidjin Russian (русскаяязычная материальная основа → китаизированная структура): «капитана» (любой русский военнослужащий).

2. Пиджинизированные структуры на иноязычной основе.

Английский военный жаргон

Aborigene Pidgin English (китайскоязычная материальная основа → аборигенизированная структура): hubba-hubba (бегом).

Aborigene Pidgin Korean (корейскоязычная материальная основа → аборигенизированная структура): dingy-dingy (сумасшедший, «спятивший»).

Aborigene Pidgin Maori (маоризычная материальная основа → аборигенизированная структура): kai-kai (еда).

Aborigene Pidgin Swahili (суахилиязычная материальная основа → аборигенизированная структура): pesi-pesi (быстро).

Деструктивы (образования с нарушенной линейной структурой)

По способу деструктивизации выделяется пять типов деструктивов: 1) оборотные сленгизмы, 2) срединные сленгизмы, 3) метатезы, или спунеризмы, 4) протезы и 5) декомпозицы. (Подробнее об этом см.: [11, с. 79–84]).

1. Структуры оборотного сленга (слова-перевертыши, которые произносятся и записываются с конца): только в английском военном жаргоне: mur (rum: ром), stun (nuts: «спятивший»), eпob (bone: красть).

2. Структуры срединного сленга (рассеченные на две части слова, первая часть которых поставлена перед второй): только в английском

военном жаргоне: oolfoo (fool: дурак), amscray (scram: убежать, «смаываться»).

3. Структуры с метатезой (слова или словосочетания, в линейной структуре которых переставлены местами звуки или сочетания звуков): только в английском военном жаргоне: ossifer (officer: офицер), Giga-dier Brendal (Brigadier General: бригадный генерал).

4. Структуры с протезой (слова со вставленными звуками или слогами): только в английском военном жаргоне: confiscate (confiscate: конфисковать).

5. Декомпозиции (заимствованные или принимаемые за таковые слова или словосочетания из других языков, морфологическая или синтаксическая структура которых подверглась на основе ложноэтимологической ремотивации переработке на «составные» элементы или компоненты, не существующие в языке-источнике, но находящиеся реальные или подразумеваемые корреляты в стандартной или субстандартной лексике и фразеологии языка-рецептора, в качестве которого выступает родной язык): только в английском военном жаргоне: He-Cat (Hecatедr.греч.: военный корабль «Геката»), Argm-in-Tears (Armantieres франц.: г. Армантьер), camalflags (camouflage франц.: камуфляж), JimmyRound 'француз' (je me rends франц.: сдаюсь), stay a minute (estaminet исп.: кабаk, пивная).

Подведем итоги. 1. Наиболее целесообразным способом сопоставительного изучения структурно-отмеченных образований в английском и русском военных жаргонах можно считать однонаправленный контрастивный анализ от первого ко второму, поскольку он обеспечен более высокой степенью изученности английского военного жаргона. 2. Не все лакуны в наборе структурно-отмеченных типов английского военного жаргона заполнились соответствующими русскими жаргонизмами. Только сокращения, итеративы и гибриды всеми своими типами структурной отмеченности представлены в обоих жаргонах; английский псевдомонематизации, заимствования, пиджинизмы и деривативы характеризуются большим разнообразием, чем соответствующие русские образования. 3. Предложенная методика контрастивного анализа может использоваться при сопоставительном описании военных жаргонов и в других языках, а также при компаративном изучении и других жаргонов и аргю.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

2. Яроцкий, Д.А. Военный подъязык как язык для специальных целей: функции и особенности / Д.А. Яроцкий // Научные исследования и разработки: новое и актуальное: Материалы X Международной научно-практической конференции 26 мая 2021, Ростов-на-Дону, 26 мая 2021 года / Издательство ООО «Приоритет»; Южный университет. Том Часть 2. – Ростов-на-Дону: ООО «Издательство ВВМ», 2021. – С. 299–302.

3. Нартов, Р.В. Некоторые особенности русского и английского военных жаргонов / Р.В. Нартов, П.В. Куksa // Совершенствование форм и методов обучения иностранным языкам: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 22 апреля 2020 года / Под редакцией Г.А. Плюхиной, П.В. Куksy. – Рязань: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Рязанское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова» Министерства обороны Российской Федерации, 2020. – С. 215–220. – EDN QJMHSQ.

4. Лазаревич, С.В. Морфологическое словообразование в английском военном жаргоне / С.В. Лазаревич // Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку и переводу в ВУЗе: Материалы Пятой ежегодной международной конференции, посвященной 50-летию Российского университета дружбы народов, Москва, 23–25 марта 2010 года. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2010. – С. 294–297. – EDN TDKOTT.

5. Кочарян, Ю.Г. Аббревиация в английской военной лексике: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кочарян Юлия Гамлетовна. – Москва, 2007. – 22 с. – EDN NITKSV.

6. Алексахина, А.С. Сокращения, характерные для военной лексики английского языка / А.С. Алексахина // Наука XXI века: актуальные вопросы, проблемы и перспективы: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Душанбе, 16 декабря 2021 года / Nəşriyyat «Vüset», Научно-издательский центр «Мир науки». – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2021. – С. 68–71. – EDN MWCWSQ.

7. Жерненков, Н.О. Лингвистические особенности перевода сокращений английской военной лексики / Н.О. Жерненков // Моло-

дежь XXI века: шаг в будущее: Материалы XIX региональной научно-практической конференции. В 3-х томах, Благовещенск, 23 мая 2018 года. Том 1. – Благовещенск: Дальневосточный государственный аграрный университет, 2018. – С. 156–157. – EDN OWZSJL.

8. Саушева, Е.В. Особенности словообразования в американском военном жаргоне / Е.В. Саушева // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности, Москва, 29 ноября 2024 года. – Москва: АНО ДПО Центр развития образования и науки, 2024. – С. 173–176. – EDN PKTCFE.

9. Яроцкий, Д.А. Военный подъязык как язык для специальных целей: функции и особенности / Д.А. Яроцкий // Научные исследования и разработки: новое и актуальное: Материалы X Международной научно-практической конференции 26 мая 2021, Ростов-на-Дону, 26 мая 2021 года / Издательство ООО «Приоритет»; Южный университет. Том Часть 2. – Ростов-на-Дону: ООО «Издательство ВВМ», 2021. – С. 299–302. – EDN ONUNQM.

10. Кочарян, Ю.Г. Аббревиация в английской военной лексике: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кочарян Юлия Гамлетовна. – Москва, 2007. – 256 с. – EDN NOSOMN.

11. Хомяков, В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В.А. Хомяков. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 104 с.

12. Chernikova, E.A. English military slang as a linguistic unit / E.A. Chernikova, K.V. Lisovaya //, 29–30 ноября 2024 года, 2025. – P. 181–187. – EDN EXYFBH.

13. Хомяков В.А., Коровушкин В.П. О классификации //гибридизированных образований в англоязычной военном жаргоне // Системный анализ научного текста / ВГПИ. – Вологда, 1995. – С. 53–54.

14. Chernikova, E.A. English military slang as a linguistic unit / E.A. Chernikova, K.V. Lisovaya //, 29–30 ноября 2024 года, 2025. – P. 181–187. – EDN EXYFBH.

15. Hymes D. Introduction // Pidginization and creolisation of languages. – Cambridge univ. press, 2020. – P. 65–90.

16. Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English. In two vol. – L.: Routledge & Kegan Paul, 2014–1528 p.

17. Southworth F.C. Detecting prior creolization. An analysis of historical origins of Marathi // Pidginization and creolisation of languages. – Cambridge univ. press, 2020. – P. 255–273.

18. Voorhoeve J. A note on reduction and expansion in grammar // Pidginization and creolisation of languages. – Cambridge univ. press, 2020. – P. 189.

19. Wentworth H., Flexner B.S. Dictionary of American Slang. – N.Y.: Thomas Y. Crowell Publishers, 2010. – 766 p.

CONTRASTING ANALYSIS OF STRUCTURALLY-MARKED MILITARY JARGON IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Kocharyan Y.G., Sarukhanyan M.R.
Sochi State University

This article presents a contrasting analysis of the structural-marked military jargon in English and Russian. The object of this analysis is a broad vocabulary for it is the most mobile language system that responds to social change with its semantics and structure. The purpose of this analysis is to identify types of structural notation of spacious units in English and Russian.

Keywords: military jargon, English language, Russian language structured-marked, language populaire, semantics, structure.

References

1. Akhmanova, O.S. Dictionary of Linguistic Terms. 2nd Edition, Stereotype. Moscow: Editorial URSS, 2004, 576 p.

2. Yarotsky, D.A. Military Sublanguage as a Language for Special Purposes: Functions and Features / D.A. Yarotsky // Scientific Research and Development: New and Relevant: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, May 26, 2021 / Prioritet LLC Publishing House; Southern University. Volume Part 2. Rostov-on-Don: VVM Publishing House LLC, 2021, Pp. 299–302.

3. Nartov, R.V. Some Features of Russian and English Military Jargons / R.V. Nartov, P.V. Kuksa // Improving the Forms and Methods of Teaching Foreign Languages: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Ryazan, April 22, 2020 / Edited by G.A. Plyukhina, P.V. Kuksa. – Ryazan: Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education "Ryazan Higher Airborne Order of Suvorov, Twice Red Banner Command School named after General of the Army V.F. Margelov" of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 2020. – P. 215–220. – EDN QJMHSQ.

4. Lazarevich, S.V. Morphological word formation in English military jargon / S.V. Lazarevich // Professionally oriented teaching of foreign language and translation in higher education institutions: Proceedings of the Fifth annual international conference dedicated to the 50th anniversary of Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, March 23–25,

2010. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2010. – Pp. 294–297. – EDN TDKOTT.

5. Kocharyan, Yu.G. Abbreviations in English military vocabulary: specialty 10.02.04 "Germanic languages": abstract of a dissertation for the degree of candidate of philological sciences / Kocharyan Yulia Gamletovna. – Moscow, 2007. – 22 p. – EDN NITKSV.

6. Aleksakhina, A.S. Abbreviations characteristic of military vocabulary of the English language / A.S. Aleksakhina // Science of the 21st century: current issues, problems and prospects: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference, Dushanbe, December 16, 2021 / Neşriyyat «Vüsət», Scientific and Publishing Center "World of Science". – Neftekamsk: Scientific and Publishing Center "World of Science" (IP Vostretsov Alexander Ilyich), 2021. – Pp. 68–71. – EDN MWCWSQ.

7. Zhernenkov, N.O. Linguistic features of the translation of abbreviations of English military vocabulary / N.O. Zhernenkov // Youth of the 21st century: a step into the future: materials of the XIX regional scientific and practical conference. In 3 volumes, Blagoveshchensk, May 23, 2018. Volume 1. – Blagoveshchensk: Far Eastern State Agrarian University, 2018. – Pp. 156–157. – EDN OWZSJL.

8. Sausheva, E.V. Features of word formation in American military jargon / E.V. Sausheva // Challenges of modern times and strategies for the development of society in the context of the new reality, Moscow, November 29, 2024. – Moscow: ANO DPO Center for the Development of Education and Science, 2024. – Pp. 173–176. – EDN PKTCFE.

9. Yarotsky, D.A. Military sublanguage as a language for special purposes: functions and features / D.A. Yarotsky // Scientific research and development: new and relevant: Proceedings of the X International scientific and practical conference on May 26, 2021, Rostov-on-Don, May 26, 2021 / Publishing house OOO "Priority"; Southern University. Volume Part 2. – Rostov-on-Don: OOO "Izdatelstvo VVM", 2021. – Pp. 299–302. – EDN ONUNQM.

10. Kocharyan, Yu.G. Abbreviation in English military vocabulary: specialty 10.02.04 "Germanic languages": dissertation for the degree of candidate of philological sciences / Kocharyan Yulia Gamletovna. – Moscow, 2007. – 256 p. – EDN NOSOMN.

11. Khomyakov, V.A. Introduction to the Study of Slang – the Main Component of English Colloquialisms / V.A. Khomyakov. – Moscow: LIBROKOM Book House, 2009. – 104 p.

12. Chernikova, E.A. English Military Slang as a Linguistic Unit / E.A. Chernikova, K.V. Lisovaya //, November 29–30, 2024, 2025. – P. 181–187. – EDN EXYFBH.

13. Khomyakov, V. A., Korovushkin, V.P. On the Classification of Hybridized Formations in English Military Jargon // Systems Analysis of Scientific Text / VGPI. – Vologda, 1995. – P. 53–54.

14. Chernikova, E.A. English military slang as a linguistic unit / E.A. Chernikova, K.V. Lisovaya //, November 29–30, 2024, 2025. – P. 181–187. – EDN EXYFBH.

15. Hymes D. Introduction // Pidginization and creolisation of languages. – Cambridge univ. press, 2020. – P. 65–90.

16. Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English. In two vols. – L.: Routledge & Kegan Paul, 2014–1528 p.

17. Southworth F.C. Detecting prior creolization. An analysis of historical origins of Marathi // Pidginization and creolisation of languages. – Cambridge univ. press, 2020. – P. 255–273.

18. Voorhoeve J. A note on reduction and expansion in grammar // Pidginization and creolisation of languages. – Cambridge univ. press, 2020. – P. 189.

19. Wentworth H., Flexner B.S. Dictionary of American Slang. – N.Y.: Thomas Y. Crowell Publishers, 2010. – 766 p.

Трудности интеграции иностранных обучающихся в российскую молодежную среду (на примере Национального исследовательского Московского государственного строительного университета)

Маркунайте Станислава Кестутисовна,

магистр филологических наук, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: markunaites@mgsu.ru

Статья посвящена проблеме социокультурной адаптации иностранных обучающихся в российских вузах, которая приобретает особую значимость в контексте реализации государственных планов по увеличению количества иностранных обучающихся к 2030 году. Особое внимание уделяется обучающимся из стран – участников СНГ, которые, несмотря на кажущуюся культурную близость, сталкиваются с трудностями, аналогичным тем, что испытывают обучающиеся из дальнего зарубежья. В статье рассматривается концепция V-образной кривой адаптации, понятие «культурного шока», анализируются стратегии аккультурации, где интеграция определяется как наиболее желательный процесс. Центральным практическим решением в статье является преадаптационная лингвистическая и лингвострановедческая подготовка. Представлен разработанный автором национально-ориентированный онлайн-курс русского языка как иностранного для граждан Узбекистана в рамках проекта «Интеграция 20.24».

Ключевые слова: социокультурная адаптация, культурный шок, интеграция, национально-ориентированный подход, русский язык как иностранный.

Проблема адаптации иностранных студентов является одной из ключевых задач системы высшего образования России, особенно в связи с ростом числа приезжающих учиться представителей стран СНГ. Так численность иностранных студентов, обучающихся в российских вузах в 2024 году составила 389 тыс. человек. Согласно Единому плану по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденном премьер-министром РФ Михаилом Мишустиним, в 2025 году цифра иностранных обучающихся в России должна вырасти до 410 тыс. Согласно статистическим индикаторам, представленным в плане, для достижения цели по увеличению к 2030 году, численность иностранных студентов, обучающихся по программам высшего образования в российских вузах и научных организациях, должна достигнуть не менее чем 500 тыс. человек. В 2026 году этот показатель должен достигнуть 425 тыс., в 2027 году – 440 тыс. и далее увеличиваться на 20 тыс. ежегодно (Единый план по достижению нац. целей развития РФ до 2030).

По данным Министерства науки и высшего образования РФ, ежегодно более 30% всех иностранных обучающихся приходится именно на выпускников школ из государств – участников СНГ (Ивахнюк, 2025). Однако обучающиеся в процессе интеграции в российскую образовательную и социокультурную среду сталкиваются с рядом серьезных трудностей, обусловленных различиями культуры, традиций, быта и языка (Оберг, 1960).

Рассмотрим опыт Национального исследовательского университета Московского государственного строительного университета. С 2024 года НИУ МГСУ является базовой организацией государств – участников СНГ по подготовке кадров строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства (Перечень базовых организаций государств – участников СНГ по сферам сотрудничества). В 2025–2026 учебном году в НИУ МГСУ учится около 1200 иностранных обучающихся из ближних и дальних стран зарубежья. Большинство иностранных студентов приезжают из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Азербайджана. Проблема успешного включения иностранцев в жизнь российского вуза становится актуальной темой для обсуждения и анализа.

Актуальным остаётся вопрос об адаптации иностранных обучающихся. Иностранец студент, приезжая в новую для себя страну, испытывает сложный процесс разных видов адаптации, таких как:

- акклиматизация (или медико-биологическая адаптация) – адаптация к новому климату и временному поясу;
- физиологическая – адаптация к изменению условий жизнедеятельности, например, к новой пище, другой воде;
- педагогическая адаптация – приспособление к условиям новой педагогической системы;
- коммуникативная адаптация – приспособление ко всем видам общения, как в учебное, так и во внеучебное время;
- психологическая адаптация – приспособление психики человека к новым жизненным вызовам; работа памяти, внимания, мышления, воли.
- социокультурная адаптация – адаптация поведения человека в обществе в соответствии с системой норм и ценностей данного общества; овладение языком и возможность решать коммуникативные задачи на изучаемом языке является частью социокультурной адаптации и другие.

Рассмотрим концепцию V-образной кривой социокультурной адаптации (Ивахнюк, 2019). Иностранцы обучающиеся, оказывающиеся в новой культурной, языковой среде, сталкиваясь с «иным», проходят несколько этапов. Первый этап – эйфория, очарование новым местом. Этот этап недолгий, длится 2–4 недели. Он характеризуется восхищением и интересом к новому месту, очарованием новой культурой, языком, природой, архитектурой, ожиданием успеха и надеждой. Однако затем появляются чувство разочарования, апатии, неудовлетворения или даже депрессии. При встрече с «иным», другим культурным кодом, с первыми видимыми трудностями, с культурными несоответствиями наступает следующий этап – «культурный шок». Этот термин введён в 1954 году К. Обергом. «Культурный шок» – это состояние человека,

попавшего в чуждую культурную среду. Культурный шок – этап, который невозможно обойти, избежать, он наступает всегда при встрече с новой культурой (Оберг, 1960). Для выхода из культурного шока иностранный обучающийся выбирает определенную стратегию адаптации, или стратегию аккультурации. Наиболее известны в этой области работы канадского психолога Дж. Берри (Berry, 1992, 1997). Он выделяет 4 стратегии адаптации:

- ассимиляция – идентификация с новой культурой и отрицание культурных ценностей группы, к которой он принадлежит или принадлежал;
- интеграция – идентификация себя с обеими культурами.
- сепарация – отрицание культуры нового общества и сохранение культуры, к которой принадлежит.
- маргинализация – отсутствие идентификации себя с обеими культурами. Такая ситуация может возникать из-за невозможности поддерживать собственную идентичность (по ряду причин) и отсутствия интереса к получению новой идентичности (возможно, из-за дискриминации или сегрегации).

В процессе адаптации психологические качества обучающегося играют ведущую роль. Однако формирование комфортной и адекватной поликультурной молодежной среды силами администрации университета может помочь в академической и педагогической адаптации иностранных обучающихся: понятный и легкий трек поступления в вуз, первая встреча с администрацией, ответы на важнейшие вопросы по заселению в общежитие, оформление необходимых миграционных документов, обозначение четких правил поведения в университете, трансляция важных ценностей российской культуры образования.

Социокультурная адаптация иностранных обучающихся связана с педагогикой в широком смысле и с педагогикой РКИ в частности. В монографии коллектива авторов Г.П. Ивановой, Н.Н. Ширковой, О.К. Логвиновой «Иностранный студент в российском вузе» используется термин «педагогическое обеспечение социокультурной адаптации» (Иванова и др. 2022, с. 49). Педагогический потенциал в социокультурной адаптации студентов ограничен, но широк. Для реализации педагогического обеспечения социокультурной адаптации авторы предлагают обратить внимание преподавателей на важные аспекты:

- все преподаватели, работающие с иностранным обучающимся первого года обучения, должны быть информированы о важнейшем этапе в жизни иностранных обучающихся, связанным с попаданием в новую поликультурную среду и преодолением множества проблем для успешного существования в новом культурном и языковом пространстве;
- процесс социокультурной адаптации связан с освоением студентом новых социальных ролей: студент, мигрант, иностранец;
- преподаватели будут осуществлять социокультурную адаптацию студентов непреднамеренно (через стихийное овладение культурой и нормами общества) и целенаправленно (через овладение образовательно-культурным опытом в поликультурном пространстве) (Иванова и др. 2022, с. 52–53).

В российских вузах обучаются два типа иностранных обучающихся: студенты дальнего зарубежья и студенты из стран – участников СНГ. В большинстве случаев иностранные обучающиеся из дальних стран зарубежья вызывают наибольшее беспокойство за их процесс адаптации. К сожалению, на студентов из числа иностранных граждан из стран СНГ часто обращают меньше внимания, хотя они проходят те же процессы социокультурной адаптации, что и студенты из дальнего зарубежья. Часто даже сами студенты из стран СНГ в полной мере не осознают, что их ожидает по приезду в России. В них есть некоторая самоуверенность: якобы они хорошо знают язык (что может быть справедливо для Казахстана, Белоруссии и Абхазии, но повергается большому сомнению для студентов из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии); у них безвизовый режим с РФ (поэтому студенты часто безответственно подходят к миграционным вопросам), студенты ищут работу и нередко попадают в неприятности, получают штрафы по административным правонарушениям (например, безбилетный проезд в общественном транспорте).

Исследователи отмечают, что наилучшим эффективным результатом адаптации будет интеграция, то есть принятие и погружение в новую культуру с сохранением прочных отношений с первичной культурой. В НИУ МГСУ существует особая структура, направленная на работу с иностранными обучающимися – сектор по внеучебной работе (Интерклуб). Это структурное подразделение занимается организацией мероприятий, направленных на знакомство иностранных студентов с культурой России, помощь в изучении русского языка, адаптацию к бытовым условиям и учебе, развитие межкультурной коммуникации и толерантности. Важнейшей задачей является обеспечение психологической поддержки студентам из-за границы и оказание помощи

в разрешении возникающих социальных конфликтов. Для этих целей в НИУ МГСУ уже несколько лет функционирует Психологический центр с профессиональным этнопсихологом в штате. Интерклуб НИУ МГСУ вовлекает иностранных обучающихся в культурную и общественную жизнь как университета, так и всего города Москвы: в конкурсы и Олимпиады, спортивные соревнования и творческий конкурс, мероприятия, направленные на формирование активной гражданской позиции, антитеррористического сознания, недопущения радикализации и распространения деструктивных идеологий в молодежной среде.

Сильнейший стресс от встречи с новой культурой испытывают люди неподготовленные, а впечатления для них являются неожиданными. При предварительной подготовке потрясение может быть менее выраженным, а человек может быстрее адаптироваться к новым условиям. Именно такую функцию, в ряде других, призван выполнить онлайн-курс русского языка Российско-узбекского проекта «Интеграция 20.24» (Оф. стр. проекта, 2025), автором и методистом которого является автор настоящей статьи. Проект поддержан Фондом президентских грантов (Паспорт проекта «Интеграция 20.24», 2024). Онлайн-курс русского языка является национально-ориентированным. Курс призван подготовить старших школьников, абитуриентов, студентов и взрослых людей из Узбекистана к приезду в Российскую Федерацию.

Онлайн-курс русского языка состоит из 30 уроков, предназначен для иностранцев, изучающих русский язык на первом сертификационном уровне (B1). Следовательно курс охватывает все грамматические темы уровня B1 и опирается на лексический минимум данного уровня. Каждый урок состоит из 5 частей: видео на узбекском языке, в котором раскрывается определенная грамматическая тема с примерами на русском языке; рабочая тетрадь с упражнениями, заданиями и текстами; ответы к рабочей тетради для самопроверки; словарь, состоящий из перечня лексики, актуальной для данного урока; видео в стиле 2D-анимации, направленные на раскрытие лексической темы урока. Каждое видео сопровождается субтитрами на русском и узбекском языках.

Онлайн-курс русского языка выполняет следующие функции: информационная, обучающая, познавательная, воспитательная, страноведческая, адаптационная (или преадаптационная). В онлайн-курсе русского языка силён страноведческий компонент. В курсе описаны общие сведения о России, её государственное устройство, климатические условия, природные достопримечательности, возможности туризма, в том числе экстремального, работы, бизнеса, волонтерской деятельности, обучения, участия в международных и российских социальных значимых проектах. Весь онлайн-курс русского языка построен вокруг героев, решающих различные жизненные вопросы: Александр (руководитель проектов по гуманитарным волонтерским миссиям), студентка Мария, абитуриент из Узбекистана Фаррух, его друг из Бразилии Энрике, выпускник российского университета Карим из Египта. Ребята общаются друг с другом, обсуждают насущные вопросы, помогают друг другу, решают конфликтные ситуации, обмениваются культурным опытом, осуществляют межкультурную коммуникацию. Таким образом осуществляются познавательная, воспитательная, адаптационная или преадаптационная функции. Слушатель онлайн-курса русского языка воспринимает не только образовательный контент, направленный на повышение уровня владения русским языком, но и формирует психологический и культурный фон, с которым он уже встретился в России (если обучающийся уже приехал) или встретится в будущем (если он планирует приехать в Россию, и тогда значимо снизит влияние культурного шока на него).

Несмотря на то, что курс изначально заявлялся как национально-ориентированный, его вполне могут использовать для самостоятельного обучения представители других национальностей или преподаватели для осуществления своих педагогических целей. Апробация курса на иностранных обучающихся Центра дополнительного образования Института иностранных языков РУДН, на слушателях подготовительного факультета НИУ МГСУ в количестве 50 обучающихся продемонстрировала прекрасные результаты на всех контингентах иностранных граждан. Иностранные обучающиеся особенно отмечают познавательную функцию данного онлайн-курса, а также адаптационную функцию, которая формирует для них культурологический контекст, демонстрирует, как носители русского языка работают, учатся, путешествуют, управляют своими финансами, выбирают работу, развивают стартапы, занимаются волонтерской деятельностью. Проект завершен 30 сентября 2025 года. Все материалы выложены в сети Интернет (Оф. страница проекта, 2025). Курс является бесплатным.

Таким образом, интеграция иностранных студентов в российскую молодежную среду требует комплексного подхода, включающего лингвистическую подготовку, культурное просвещение, психологическую поддержку и создание условий для социального взаимодействия.

Это позволит иностранным обучающимся успешно и быстро адаптироваться и полноценно участвовать в жизни российского общества.

Литература

1. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. 319 с. URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcROA.pdf> (дата обращения 08.02.2026)
2. Ивахнюк И. Образовательная миграция в Россию: современное состояние и перспективы развития / Аналитическая записка / 16 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Edu-Migration-PolicyBrief62.pdf> (дата обращения 29.09.2025)
3. Оберг К. Культурный шок: адаптация к новой культурной среде // Практическая Антропология. 1960. № 7. С. 177–182.
4. Перечень базовых организаций государств – участников Содружества Независимых Государств по направлениям (сферам) сотрудничества / URL: <https://e-cis.info/page/3654/> (дата обращения 08.02.2026)
5. Иванюк Ю.Е. Социокультурная адаптация иностранных студентов: пособие. 2019. 71 с.
6. Berry J.W. Acculturation and adaptation in a new society//International Migration, 1992, Vol. 30, Pp. 69–85.
7. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation//Applied Psychology: an International Review, 1997, 46 (1), Pp. 5–68.
8. Иванова Г.П., Логвинова О.К., Ширкова Н.Н. Иностраннный студент в российском вузе: монография / Москва, 2022. – 138 с.
9. Официальная страница проекта «Интеграция 20.24» в социальной сети «ВКонтакте» URL: <https://vk.com/integration2024> (дата обращения: 08.02.2026)
10. Паспорт российско-узбекский проекта «Интеграция 20.24» / URL: <https://vrpo-vertical.ru/2024/01/14/rossijsko-uzbekskij-proekt-integratsiya-20-24/> (дата обращения 08.02.2026)

THE ISSUES OF FOREIGN STUDENTS INTEGRATION INTO THE RUSSIAN YOUTH ENVIRONMENT (BY THE EXAMPLE OF THE NATIONAL RESEARCH MOSCOW STATE UNIVERSITY OF CIVIL ENGINEERING)

Markunaite S.K.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article is devoted to the problem of sociocultural adaptation of foreign students in Russian universities, which is becoming particularly important in the context of the implementation of government plans to increase the number of foreign students by 2030. Special attention is paid to students from CIS countries who, despite their apparent cultural proximity, face difficulties similar to those experienced by students from non-CIS countries. The concepts of a V-shaped adaptation curve and “cultural shock” are explored in the article. Among the analyzed acculturation strategies, integration is defined as the most desirable one. The key practical solution presented in the article is pre-adaptation language and cultural orientation training. The author presents a nationally-oriented online course of Russian as a foreign language for citizens of Uzbekistan as a part of “Integration 20.24” project.

Keywords: sociocultural adaptation, cultural shock, integration, nationally-oriented approach, Russian as a foreign language.

References

1. Unified plan for achieving national development goals of the Russian Federation until 2030 and for the period up to 2036. 319 p. URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcROA.pdf> (date of access 08.02.2026)
2. Ivakhnyuk I. Educational migration to Russia: current state and development prospects / Analytical note / 16 p. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Edu-Migration-PolicyBrief62.pdf> (date of access 29.09.2025)
3. Oberg K. Culture shock: adaptation to a new cultural environment // Practical Anthropology. 1960. No. 7. Pp. 177–182.
4. List of basic organizations of the member states of the Commonwealth of Independent States by areas (spheres) of cooperation / URL: <https://e-cis.info/page/3654/> (date of access 08.02.2026)
5. Ivanyuk Yu.E. Sociocultural adaptation of foreign students: a manual. 2019. 71 p.
6. Berry J.W. Acculturation and adaptation in a new society//International Migration, 1992, Vol. 30, Pp. 69–85.
7. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation//Applied Psychology: an International Review, 1997, 46 (1), Pp. 5–68.
8. Ivanova G.P., Logvinova O.K., Shirkova N.N. International Student at a Russian University: Monograph / Moscow, 2022. – 138 p.
9. The official page of the Integration 20.24 project on the social network VKontakte URL: <https://vk.com/integration2024> (date of access: 08.02.2026)
10. Russian-Uzbek passport of the Integration 20.24 project / URL: <https://vrpo-vertical.ru/2024/01/14/rossijsko-uzbekskij-proekt-integratsiya-20-24/> (date of access: 08.02.2026)

Орлова Елена Александровна,

к.п.н., доцент кафедры коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью ИЖКМ МПГУ, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры № 45 Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлина, вице-президент НКО Национальная ассоциация деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА»
E-mail: pr-orlova@list.ru

В статье рассматривается проблема применения медиатехнологий в образовательном процессе, их влияние на формирование медиакультуры в условиях информационного пресыщения. Теоретическая часть вводит в контекст, указывая на необходимость понимания влияния медиатехнологий на разные поколения и на изменение восприятия медиа как такового. Медиакультура играет ключевую роль в формировании критического мышления, ценностей, отношения к жизни. Кинематограф является серьезным инструментом сохранения исторической памяти, способствует патриотическому воспитанию детей и молодежи. В статье представлены результаты исследования восприятия советского и современного кино детьми и молодежью. В качестве источника обсуждаемых в исследовании фильмов были использованы рекомендованные школьникам киноленты из списков, опубликованных в СМИ. В исследовании поднимались вопросы качества современного детского и молодежного кино. Результаты подтвердили, что необходимо гармонично сочетать классический и современный киноконтент для повышения эффективности образовательного процесса, формирования ценностей у детей и молодежи. В статье ставятся важные вопросы доступности киноконента, актуальности медиапроизводства, ориентированного на новое поколение.

Ключевые слова: кинофильм, медиакультура, киноконтент, кинематограф, медиаобразование, социологический опрос.

Введение

Последнее десятилетие было озаглавлено тем, что в образование стали внедряться медиатехнологии максимально активно. Методы обучения, включавшие в себя различные форматы подачи информации, безусловно, эффективны. Однако меняются времена и потребности новых поколений, меняются ценности, взгляды на жизнь. Новые поколения живут иначе и иначе относятся к информации, которую получают. Правильнее было бы сказать, что они живут в информации. Современная киноиндустрия переживает этап возрождения, поэтому остро стоит вопрос об актуальности киноконента для детской и молодежной аудитории, предназначенного, в том числе, для включения в программы различных предметов в школах и вузах.

Цель исследования – определить актуальность использования советского и современного российского детского и молодежного кино в качестве образовательного инструмента.

Материалы и методы исследования

Чтобы выяснить возможность и потенциал использования детских и молодежных фильмов в образовательном и воспитательном процессе, было проведено исследование, включающее анализ мнений родителей, школьников и студентов 1–2 курсов гуманитарных направлений московских вузов (МПГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ, АГЗ МЧС). В ходе исследования был проведен контент-анализ комментариев к фильмам в социальных сетях (Телеграм, ВКонтакте), на платформах онлайн кинотеатров (Кинопоиск, ИВИ, Кион). В опросе школьников и студентов, родителей приняли участие 925 респондентов. В пяти фокус-группах участвовали 45 человек. Исследование проводилось в период с 5 марта по 30 мая 2025 года в Москве и Московской области. Опрос проводился по формализованной анкете в смешанном формате (онлайн и офлайн).

Результаты исследования и их обсуждение

Медиа – посредник, средство. Исследователи трактуют данный термин очень широко. В двадцатом веке его использовали для обозначения различных явлений массовой культуры. Сейчас термин применяется и для обозначения технических устройств фиксации и создания информации, ее трансляции, и для обозначения образовательных технологий, и для обозначения разновидностей информации.

Говоря об образовании, нельзя пройти мимо такого понятия как медиакультура. Современная жизнь перенасыщена информацией и человек, не обладающий медиакультурой, не способен справиться с ее потоками, попадает часто в сложные ситуации. Медиакультура, многостороннее понятие, это «диалоговый способ взаимодействия с информационным обществом, включающий ценностный, технологический и личностно-творческий компоненты и приводящий к развитию субъектов взаимодействия» [10, с. 150]. По своей сути и природе, медиакультура имеет целью воспитание личности, ее развитие. С точки зрения общества, медиакультура нацелена на формирование оценочного отношения к информации во всех ее видах, базируясь на ценностном подходе.

Поколение детей, рожденных после 2015 года, фактически «живет» в интернете, который стал своеобразной площадкой, дающей неформальное образование и просвещение для всех слоев населения, получения всех видов информации. Благодаря интернету прямая и обратная коммуникация работает быстро, формируя связь различных видов деятельности. Аудиовизуальный информационный поток, перешедший в интернет, отнимает аудиторию у традиционных телевидения и радио. Так, сегодняшние студенты уже не видят себя радиослушателями и уверены, что слушают радио только вынужденно. По статистике аудитория телевидения упала в два раза [2]. Сетью Интернет «хоть раз в месяц пользуются 85% россиян, 20% смотрят видео, 18% «сидят» в социальных сетях, столько же – в мессенджерах, до 5% занимаются онлайн шопингом» [13]. Молодые россияне (до 30 лет) тратят на медиапотребление до 78% своего времени [19]. Все указанные данные еще раз подтверждают необходимость развития медиакультуры и медиаграмотности.

Кинематограф также входит в структуру медиа и является одним из востребованных видов информации и популярным видом искусства. Способствуют активизации отечественного кинематографа раз-

витие онлайн сервисов и санкции, благодаря которым зарубежные прокатчики ушли из России, рост поддержки производителей грантами фондами, государством, Союзом торговых центров. Однако, проблема производства качественного контента остается. Анализ предложений различных компаний на питчингах Министерства культуры показывает, что поддерживаются в основном ремейки часто низкого качества, дошкольный контент, развлекательные фильмы, либо компании, имеющие в портфолио достаточное количество популярных проектов и собственный устоявшийся бренд. Количество серьезных, исторических и образовательных лент в общей массе небольшое, что противоречит сформировавшейся потребности населения страны в познавательном содержании фильмов. Совместное исследование Российского общества «Знание» и ВЦИОМ показало, что 83% кинозрителей смотрят фильмы с целью получения знаний [15]. Наиболее важной данной функцией является для 71% респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, и далее этот показатель растет.

В 2024 году педагогическое сообщество и Министерство просвещения приступили к разработке списка фильмов, рекомендуемых школьникам к просмотру [18, 21]. В образовательном процессе кинофильмы важны и эффективны как педагогическая технология за счет особенностей их образного языка, доступного целевой аудитории для понимания медиатекста, воздействующего на эмоциональную сферу, визуализирующего информацию, делающего ее интерактивной. Киноязык погружает человека в мифологизированную картину мира, условную реальность. Образы позволяют зрителю идентифицировать себя с действующими в фильме героями, обобщать, принимать правила существования в обществе. Кино является довольно молодым видом искусства, но при этом может оказывать сильное воздействие на психику, мировоззрение всех поколений граждан. Киноискусство «... позволяет оказывать комплексное воздействие на ценностную ориентацию личности, используя художественные достижения всех или большинства видов искусства» [11, с. 35]. Режиссер Д. Джармуш пишет: «что бы ты ни делал в кино, ты всегда выбираешь, что показывать, и в этом смысле все равно манипулируешь зрительным восприятием реальности, как бы диктуй ему, что реально, а что – нет» [9, с. 275].

Итальянский философ Антонио Грамши [6, с. 234] уже на заре становления кинематографа, как и Герберт Маркузе [12, с. 118] немецкий и американский философ, культуролог, обратил внимание на то, что кино обладает сильным влиянием на формирование сознания зрителей и внедрение образцов поведения. Люди копируют успешные примеры карьеры, достижения цели, стремятся к «лучшей жизни», показанной на экране. «Молодежь по фильмам открывает для себя мир и формирует свои жизненные ориентиры» [20, с. 243]. При этом эффективность воздействия на молодежную, подростковую и детские аудитории будет зависеть от того, насколько будут удовлетворены их потребности в образовательном контенте, эстетике, познании.

Список рекомендованных Министерством просвещения фильмов интересен и тем, что он представляет собой попытку сформировать историческую память и патриотический настрой школьников. Киноленты эффективны именно в проработке традиционного мифа, в сохранении и воспроизведении исторических образов, преемственности с российской культурой.

Другая сторона медали – кино не дает полного обзора событий, оно весьма избирательно и манипулятивно. С одной стороны, нельзя говорить о том, что история, не актуализированная кинематографом для зрителя, уйдет в небытие, с другой, не ремифологизированные и не актуализированные персоналии и события имеют шанс без иных видов информационной поддержки и возвращения в историческую и социальную память могут быть забытыми.

Т.И. Ерохина, рассматривает феномен памяти в массовой культуре со стороны контрпамяти и постпамяти в российском кинематографе: «он консервирует героизм определенных исторических образов, моделирует систему ценностей, в которой патриотизм, культурная идентичность и героический миф становятся базовыми концептами» [7, с. 275]. Контрпамять, по мнению Т.И. Ерохиной, нацелена на «адаптацию» изображаемых в киноленте событий к уровню восприятия зрителя, что должно приводить к формированию новых моделей поведения, стереотипов, ценностей. С каждым новым поколением должно расти эмоционально образное воздействие на аудиторию, так как меняется парадигма формирования оценочных суждений граждан.

Пример рейтинга фильмов 2024 и 2025 годов, опубликованные на портале «Кинопоиск», демонстрируют, что новых сюжетов практически нет, либо они не востребованы по каким-либо причинам. Среди отечественных популярных фильмов были «Холоп-2», «Бременские музыканты», «Мастер и Маргарита», «Лед-3», «Сто лет тому вперед», «Огниво», «Летучий корабль», «Три богатыря и пуп земли», «Руки вверх», «Маша и Медведь», «Три кота» и «Леди Баг и Супер-Кот» и дру-

гие [8]. Эта же платформа отмечает, что сейчас наблюдается дефицит контента, вызванный сложившейся на данный момент политической и экономической ситуацией. А в рейтинге нет ни одного фильма, которые бы актуализировали какие-либо важные для страны события.

Главный тренд 24–25 – сказки: русские народные, советские, европейские. Тенденция прослеживается не только в количестве выпущенных фильмов, но и в рекордных сборах [5]. Из-за растущих цен на билеты в кинотеатры за год количество подписчиков онлайн-кинотеатров выросло на 44% [5]. В онлайн кинотеатрах растет интерес зрителей к непродолжительным сериалам с короткими сериями, семейному кино, снижается внимание к криминалу, триллерам.

Вернемся к списку рекомендованных Министерством просвещения фильмов. Главным его недостатком многие учителя школ и преподаватели вузов называют преобладание фильмов, произведенных в СССР, а современные фильмы вызывают вопросы. Основная цель рассмотренного нами списка – патриотическое воспитание. «Постоянное переписывание истории и выхолащивание информации из учебников, введение системы ЕГЭ, ориентированного на отработку механического заполнения теста вместо осмысления и понимания сущности исторических событий, вызвали значительное падение уровня знаний школьников и, как следствие, отсутствие знаний по истории России» [17, с. 278]. На этом фоне возникает проблема замены реальных знаний на неполные или ложные в силу специфики художественного и документального кино.

Современное детское и юношеское кино в России сталкивается с несколькими серьезными вызовами: нехватка качественного контента, ограниченность тематики, влияние западных форматов. Кроме этого, существуют сложности с возрастными рейтингами (многие классические советские фильмы формально запрещены для детей из-за маркировки 18+).

Многие новые фильмы (например, «Последний богатырь», «Чебурашка», «Волшебник Изумрудного города») хорошо сделаны визуально, но не имеют глубокой морали или сильных персонажей. Детей они ничему не учат. Упрощаются сюжеты в угоду коммерции, новые культовые истории почти не появляются.

Детское и молодежное кино, выпущенное после 2000 года, перегружено динамикой, что снижает концентрацию внимания детей. Кино либо супергеройское, либо мрачное, без сбалансированных ориентиров, либо сказочное с юмором для взрослых. Современные фильмы не учитывают потребности детей, часто это фильм ради фильма. Качественное кино, развивающее и обучающее, становится все более редким.

Таким образом, можно предположить, что опора именно на советский кинематограф для формирования списка в некотором смысле оправдана. Но есть и другая проблема, – готовы ли школьники потреблять подобный образовательный материал.

В ходе анализа мнения молодых пользователей социальных сетей было выявлено отношение к детскому и молодежному советскому кинематографу в целом. Так мнение пользователей можно разделить на несколько категорий.

1. Ностальгирующие – те, кто считает, что советское детское кино было лучшим. Они приводят в пример «Гостью из будущего», «Приключения Электроника», «Кортик», «Мэри Поппинс, до свидания!», отмечая их высокую воспитательную ценность и глубокие смыслы.

2. Критики современных тенденций – люди, которые считают, что сейчас нет достойных российских детских фильмов. Они жалуются, что в кино для детей мало смысла, слишком много заимствований из Голливуда и отсутствует собственный стиль.

3. Оптимисты – те, кто считает, что хорошие фильмы все же есть, но их нужно искать. Например, «Пальма», «Котенок с улицы Лизюкова» – «Снежная королева» получили положительные отзывы.

4. Странники западного кино – пользователи, которые считают, что современные западные детские фильмы и мультфильмы лучше российских по качеству и сюжетам. Они ссылаются на Pixar, Disney и Netflix.

Исследование Центра социального проектирования «Платформа» показывает, что 90% родителей оценивают отечественную анимацию положительно, но 38% считают, что детское кино в упадке. 72% уверены, что мультфильмы должны воспитывать, а 88% отмечают их сильное влияние на внутренний мир детей [3]. В приоритете темы дружбы, уважения и патриотизма. Самые популярные мультфильмы – «Фиксики», «Три кота», «Маша и Медведь». Зрители хотят больше качественного и воспитательного контента.

Участникам исследования был задан вопрос, считают ли они, что сейчас существует нехватка фильмов, отражающих проблемы современной молодежи. 80% респондентов ответили, что такая проблема тоже есть.

Российский детский и молодежный кинематограф позитивно оценили только 24,5% опрошенных, негативно – 11,3%, 64,2% респондентов оценили его нейтрально.

В ходе дискуссий на фокус-группах большинство уточнили проблемы. Приведем примеры наиболее частых мнений: «... в кино часто не учитываются интересы и потребности детей и подростков, не отражаются реалии их жизни. ... Молодое поколение может сталкиваться с искаженным восприятием мира, когда главные темы и проблемы, которые его волнуют, попросту игнорируются»; «... На экранах – зарубежная продукция, которая объективно более интересна»; «Многие режиссеры, начинавшие с детских фильмов, начинают снимать взрослые, потому что это выгоднее»; «... Современные фильмы – это ремейки, сиквелы или адаптации уже известных историй. Они не предлагают новых идей и взглядов на мир ...»; «На экраны выходит много однотипных фильмов с простыми сюжетами, стереотипными персонажами и предсказуемыми концовками. Дети и подростки получают ограниченный выбор фильмов, которые не особо способны развивать их мышление, воображение и интеллект»; «Сейчас все дети смотрят ролики на ютубе (рутубе), в ТТ, либо смотрят исключительно американские фильмы. Сейчас у многих клиповое мышление, им не хватает усидчивости для полноценных фильмов, легче зайти в тик ток, где будут самые интересные кусочки. У детей и молодежи меняются интересы»; «... Фильмы показывают слишком идеализированный мир, избегают сложных тем. Существует жесткая конкуренция с другими формами развлечений. Кино, особенно если оно не предлагает чего-то уникального, проигрывает. Мало свансов в кинотеатрах, плохой маркетинг и слабая реклама. Это проблема, потому что детское и молодежное кино формирует личность, мировоззрение и ценности, развивает эмпатию, знакомит с культурами, вдохновляет и помогает справляться с трудностями»; «В современном кино для детей часто отсутствует культурная и национальная идентичность. Многие фильмы не учитывают локальные особенности и традиции»; «Кино должно быть смелее и говорить с подростками на равных, не боясь поднимать сложные вопросы: психическое здоровье, социальное неравенство или конфликты в семье»; «Современные фильмы вызывают у детей интерес громкими звуками, яркими сценами и чересчур быстрым повествованием, чаще всего создаются с целью продать новые продукты детям»; «Они скорее создают иллюзию мира, в котором все проблемы решаются с помощью магии или эпичной сцены спасения, и за этим не стоит работа с реальными проблемами»; «Мы живем в эпоху, когда благодаря технологическим достижениям можно создавать визуально ошеломляющие картины, но зачастую именно на этом всё и заканчивается. Наше кино превращается в «массовый продукт», в котором нет места для глубоких эмоций и важных вопросов, стоящих перед молодежной аудиторией»; «Взрослые не совсем понимают интересы и потребности современных детей и молодежи. Необходимо привлекать к работе над проектами людей, которые хорошо разбираются в психологии и культуре юного поколения»; «В прокат выходит мало фильмов, посвященных детям и подросткам. Обычно это сказки для дошкольников, на которые ходят из-за нехватки выбора поучительных и интересных фильмов».

Только четыре человека на фокус-группах высказали иное мнение: «Ситуация неоднозначна. Есть удачные проекты, такие как «Чебурашка», «Крепость: щитом и мечом» и «Белка и Стрелка». Но качественного контента все еще мало, особенно для подростков»; «Проблемы нет, кино развивается. Детское кино адаптируется под современные технологии и предпочтения молодого поколения. Есть широкий выбор качественного развлекательного и образовательного материала»; «Сегодня детские фильмы создаются с учетом новых реалий. Анимация, сериалы, стриминговые сервисы предлагают разнообразный контент, интересный и доступный. Кино меняется вместе с поколением»; «Проблем нет, поскольку детям ... может нравиться другой формат».

Председатель СФ В. Матвиенко придерживается мнения, что проблема детского и молодежного кинематографа сегодня в том, что помимо нехватки финансирования, наблюдается кризис жанра из-за плохой подготовки и отказа от работы выпускников вузов, в киносфере недостаточно талантливых ярких детских кинематографистов, писателей и поэтов [16].

Результаты опроса говорят о том, что практически половина респондентов считает, что детские и молодежные фильмы соответствуют интересам аудитории лишь частично и не закрывают ее потребности. Около 38,5% респондентов считают, что фильмы не соответствуют потребностям совсем. Затруднились ответить 4,8% опрошенных. Только 5,2% респондентов уверены, что российское кино целиком и полностью соответствует своей аудитории.

Так как у молодого поколения преобладает клиповое мышление, при котором длинные форматы тяжелы для полного освоения, ре-

спондентам был предложен вопрос о частотности просмотра полнометражных фильмов. Выяснилось, что 47% респондентов смотрят кино примерно раз в месяц, 22,6% делают это раз в неделю, 19,1% – раз в год и реже, совсем не смотрят фильмы 11,3% участников опроса.

Для 25% респондентов сюжет играет значимую роль при выборе фильма, 30% отметили, что сюжет не имеет значения. Для остальных участников опроса сюжет фильма имеет среднюю значимость, то есть на него, конечно, обращают внимание, но влияние его на выбор второстепенно.

Зрелищность (визуальное оформление) для большинства опрошенных имеет среднее значение (50% выбрали показатель – 3), на первое место ее поставили менее 15% респондентов, совсем не важна зрелищность для 35% респондентов.

Актерский состав и актерская игра для 65% респондентов так же стоят на 3 месте по значимости при выборе фильма. 15% опрошенных обращают внимание на данный показатель в первую очередь. Для 20% данный параметр либо практически не значим, либо не значим совсем.

Что касается образовательной ценности, то самый низкий показатель у группы, отметившей цифру 2 (почти не значим). Остальные показатели распределились практически в равных пропорциях.

Популярность фильма при его выборе на первом и втором местах стоит у 45% респондентов. Средним по значимости данный критерий является для 35% респондентов. И практически или совсем не значим он для 20% участников опроса.

При этом смотрят современные российские детские и молодежные фильмы 58,5% респондентов, остальных данный вид контента не интересует. Что касается советских фильмов, предназначенных для детей и молодежи, то их смотрят 56,6% респондентов, 43,4% такие фильмы не смотрят. 60,4% респондентов не смотрели и не хотят смотреть современные детские и молодежные российские фильмы. 68% респондентов считают, что российский кинематограф способен конкурировать с зарубежными фильмами, 32% считают, что нет.

На вопрос о том, уступают ли современные российские фильмы советскому кинематографу, ответы разделились практически на две равные группы. 44,2% респондентов считают, что современные не уступают ни в чем, 47,2% – что советское кино было лучше. Только 5% участников исследования отметили, что современные фильмы во многом превосходят советские, и 2% затруднились ответить.

При разработке списка учитывались различные критерии, например, «были выработаны критерии на основе указов президента Владимира Путина о стратегии национальной безопасности и об основах госполитики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4].

По мнению 28,3% участников опроса, большее влияние на формирование патриотических чувств оказывают советские фильмы, только 13,2% считают, что современные российские фильмы. 39,6% респондентов высказало мнение, что и советские и современные фильмы влияют на воспитание патриотических чувств в равной степени. При этом 18,9% респондентов затруднилось ответить.

Воспитательная функция фильмов может заключаться и в том, что, как было отмечено ранее, зритель ассоциирует себя с киноперсонажами. По мнению участников опроса в российских фильмах волне достаточно персонажей и примеров, достойных подражания (58%), в это же время 42% респондентов придерживаются мнения, что положительных примеров не достаточно и над этим имеет смысл работать.

Самой большой группой (30,2%) оказались участники исследования, которые полностью согласны с тем, что зарубежный кинематограф сильнее влияет на умы современных российских детей и молодежи, чем российские патриотические фильмы, 28,3% респондентов «скорее согласны» с таким утверждением, 26,4% «скорее не согласны», и 15% «совершенно не согласны». Таким образом, большая часть опрошенной аудитории уверена, что влияние зарубежного кинематографа, даже при условии существующих сейчас ограничений, продолжает оказывать более сильное влияние на формирование ценностей детей и молодежи, чем отечественные патриотические фильмы.

Полученные данные подтверждают и исследованием Азадовой С.Н., которая оценивает влияние кинематографа на российскую молодежь и детей, на их поведение и жизненные сценарии на уровне 60%. Так как у половины молодых людей кино включено в систему проведения досуга, влияние в 1,5 раза выше, чем в других возрастных группах. «Молодые люди, которые любят кино, больше ценят жизнь человека и уважение (51%)». Автор исследования также подчеркивает, что «частота просмотра фильмов в определенной степени формирует жизненные ориентации молодежи» [1].

В ходе нашего опроса респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, касающихся советских кинолент, вошедших в список, рекомендованный для школьников.

Первый вопрос касался частоты пересмотра кинолент советского периода. Респонденты отметили, что пересматривают фильмы: часто, несколько раз в месяц – 42,5%, иногда (несколько раз в год) – 40,3%. Редко смотрят советские фильмы 11,2%, никогда не смотрят советское кино – 6%.

Нельзя сказать, что к советским кинолентам относятся все одинаково. Например, 51% респондентов отметили, что по мере взросления их отношение к фильмам СССР становится лучше, у 15% никак восприятие и отношение к данной категории фильмов не изменилось. Молодые люди (3%) никогда не смотревшие советское кино отметили, что не могут сформулировать свое отношение. 32% участников опроса отметили, что стали меньше смотреть советские фильмы, потому что они им перестали нравиться, они длинные, скучные.

При ответе на вопрос «Считаете ли вы, что советские фильмы должны быть включены в школьную программу по литературе / истории и другим предметам?» респонденты разделились на две противостоящие группы: 44,7% уверены, что такие фильмы должны использоваться в процессе обучения, 46,6% уверены, что такие фильмы устарели и не соответствуют потребностям школьников и молодежи, поэтому их использовать не стоит, однако, если нет современных аналогов / ремейков, то можно. Категорически против выступили 4% опрошенных, 4,7% затруднились сформулировать свое мнение по этому поводу.

Актуальными для современной молодежи советские фильмы, включенные в список рекомендованных для школьников, считают 43% респондентов, по их мнению, это «классика, которую стоит смотреть». 41% респондентов придерживаются мнения, что не все фильмы актуальны, потому что часть из них уже тяжело воспринимается. 16% опрошенных уверены, что эти фильмы уже морально устарели и не актуальны.

62% респондентов отмечают, что с классикой кино надо знакомить детей и молодежь, 16% считают такие списки фильмов бесполезными, потому что школьникам не интересно смотреть кино, 22% респондентов нейтрально отнеслись к идее подготовки списка.

На вопрос о том, важно ли сохранять и популяризировать советское кинонаследие, 36% респондентов ответили, что это не очень важно. Важной и очень важной данную проблему считают 61% участников опроса. Затруднились сформулировать свое отношение к теме сохранения кинонаследия для новых поколений 2% респондентов и 1% уверены, что это не нужно никому.

В ходе опроса многие респонденты отмечали, что сформировать заинтересованность молодого поколения в просмотре фильмов, которые были внесены в список рекомендованных кинолент, и в частности, к советскому кинематографу, можно благодаря следующим мерам: «включение в школьную программу», «улучшение изображения, смотреть черно-белое изображение сложно», «адаптации на современный лад, пересъемки, ремастеринг», «можно перенять некоторые из них – с хорошим визуалом, на современные проблемы. Главное – уважать оригинал», «создание трендов по данным фильмам, можно завирнуть какие-то отрывки или моменты, как это делают с сериалами», «проводить культурные мероприятия, посвященные данным фильмам», «создание современных документальных фильмов о том, как снимались советские фильмы, об актерах, событиях, чтобы они стали понятнее и ближе», «бесплатные показы в атмосферных местах», «чаще показывать их в медиа, таргетировать в рекомендованных видео», «показывать в кинотеатрах, вместо современного контента для детей, которые постоянно ходят в кино», «организовывать различные кинофестивали для молодежи»¹.

При ответе на вопрос «Как вы считаете, какие факторы влияют на успех современных фильмов?» определились следующие факторы: интересный, необычный сюжет (78%), звездный актерский состав (72%) и насыщенность, актуальность сюжета (56%). Российские фильмы они не могут назвать коммерчески успешными, хотя есть определенная тенденция, которую высказал один респондент: «Ну, наши снимать кино не умеют, стали сериалы нормальные выпускать». Менее значимые факторы (до 30%): «отсылки к предыдущим фильмам», «жанр», «рекламная кампания», «западное происхождение фильма», «высокий бюджет».

В ходе фокус-групп респонденты поднимали проблему стагнации и кризиса в детском и молодежном кинематографе. Поэтому в анкете был сформирован блок вопросов, касающихся перспектив развития детского и молодежного отечественного кино.

Самая большая претензия к детским фильмам у респондентов – отсутствие глубины сюжета (42%), не хватает воспитательной ценно-

¹ Приведены наиболее типичные ответы на открытый вопрос «Как, по вашему мнению, можно сформировать заинтересованность у школьников и молодежи в просмотре советских и современных классических кинолент?» Стилистика ответов сохранена.

сти (33%). По мнению 16% участников опроса в детском кино недостаточно интересных персонажей, и 11% отметили некачественные съемки и анимацию.

Что касается тематического наполнения, то здесь на первый план вышла тема дружбы (75%), семейных ценностей (55%), приключений (53,3%), патриотизма и любви к Родине (36,7%). Мало уделяется внимания, по мнению респондентов в кинофильмах проблемам переходного возраста, искренности и доброте, образованию, ответственности за себя и близких, уверенности в себе, уникальности каждой личности и многим другим.

При ответе на вопрос «Как вы думаете, как будет развиваться детский/молодежный кинематограф в ближайшие 5 лет?» 40% респондентов выразили надежду, что он «станет более качественным и разнообразным», 12% думают, что он «останется на прежнем уровне», 32% считают, что «станет хуже из-за коммерциализации». Затруднились ответить 16% участников опроса.

Заключение

Кино, как часть медиакультуры, играет важную роль в образовательном и воспитательном процессе. Однако необходимо учитывать особенности восприятия информации современными детьми и молодежью, живущими в эпоху медиапресыщения. Важно не только использовать кино как обучающий инструмент, но и развивать медиаграмотность, формировать критическое мышление и ценностное отношение к киноконтенту.

Результаты проведенного авторского исследования указывают на необходимость сбалансированного подхода к выбору киноматериалов для детей и молодежи. Гармоничное сочетание классического советского кино и современных российских кинолент, отвечающих высоким требованиям качества и актуальности, может повысить эффективность образовательного и воспитательного процесса и способствовать формированию духовно-нравственных ценностей.

Таким образом, российский детский и молодежный кинематограф, при правильном подходе, может стать мощным инструментом в руках педагогов и родителей, помогая растущему поколению делать правильный выбор, ориентироваться в окружающем мире. Дальнейшие исследования в этой области будут способствовать разработке эффективных методик использования кино в образовательном процессе и созданию качественного киноконтента, отвечающего потребностям современной молодежи.

Важно, чтобы кинопродукция, ориентированная на детей и молодежь, была уникальна и реалистична, отражала интересы современного общества. Олег Рой, автор и продюсер анимационных сериалов уверен, что российское детское кино и мультипликация «не должна ни под кого подстраиваться и никому подражать – она хороша, интересна, оригинальна и самобытна сама по себе» [16]. Зернов С.А., директор Киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького считает, что современное детское и молодежное кино должно быть «голливудским по форме и советским по содержанию» [14, с. 28].

У детского и молодежного кинематографа в России есть потенциал создавать интересные и самобытные фильмы, но ему нужно больше поддержки и финансирования. Важно, чтобы создатели детского и юношеского кино искали новые идеи и подходы, чтобы обеспечить разнообразие и оригинальность контента. Это поможет привлечь внимание молодежи и сделать кино более значимым и актуальным для их жизни.

Литература

1. Азадова С.Н. Кино в жизни молодежи: коммуникативный аспект // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – М., МАКС Пресс, 2016. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8527/uid106914_report.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
2. Алимкина А. Медиапотребление 2024: на что тратят время пользователи в Сети. – URL: <https://www.completo.ru/blog/articles/digital-novosti-mediapotrebienie-2024-trendy-menyayushchie-marketing-i-statistika-vvodyashchaya-v-za/#section-1> (дата обращения: 25.04.2025).
3. Более 70% опрошенных родителей считают, что мультфильмы должны воспитывать детей. 2023. – URL: <https://tass.ru/kultura/18212173> (дата обращения: 25.04.2025).
4. Власти составили список рекомендованного школьникам кино. 26.03.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/67e4113a9a79476f2bed038c> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Гусева Н. Сказки, семья и инфляция: Отечественная киноиндустрия в 2024 году. – URL: <https://blog.okko.tv/articles/skazki-semya-i-inflyaciya-otechestvennaya-kinoindustriya-v-2024-godu> (дата обращения: 26.04.2025).

6. Грамши А. О литературе и искусстве. М.: Прогресс, 1967. – 264 с.
7. Ерохина Т.И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе. // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 269–274.
8. Иванова В. Итоги проката – 2024: главные цифры и тренды уходящего года. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4010485/> (дата обращения: 20.04.2025).
9. Калинина М.А., Межорин А.А., Кадыков А.О. Кинематограф в сознании современной молодежи // Международный журнал экспериментального образования. № 6 (часть 2). 2016. С. 275–276.
10. Коновалова Н.А. Развитие медиакультуры студентов педагогического вуза: Дис. ... канд.пед. наук. Вологда, 2004. – 205 с.
11. Курилов В.П. Искусство и ценностная ориентация личности: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1980. 161 с.
12. Маркузе Г. Одномерный человек. М., Книга. 2022. – 368 с.
13. Медиаскоп (официальный измеритель ТВ) представил изменения аудитории ТВ в 1 полугодии 2024 года. – URL: <https://tenchat.ru/media/2421847-mediaskop-predstavil-izmeneniya-auditorii-tv-v-1-polugodii-24> (дата обращения: 23.04.2025).
14. Мирошник Т.М. Детское и юношеское кино: проблемы и перспективы. М., 2016. – 119 с.
15. Не только развлечение: 83% россиян смотрят кино с целью получения новых знаний. – URL: <https://znanierussia.ru/news/ne-tolko-razvlechenie-83-rossiyan-smotryat-kino-s-celyu-polucheniya-novyh-znaniy> (дата обращения: 20.04.2025).
16. Немчинова Е. Детский контент в новой реальности: нужно ли импортозамещение. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/detskij-kontent-v-novoj-realnosti-55434.html> (дата обращения: 21.04.2025).
17. Орлова Е.А. Состояние исторической памяти молодежи и опыт ее формирования силами некоммерческих организаций // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 2. С. 277–288.
18. Первичный список фильмов, рекомендуемых школьникам к просмотру после уроков. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/d78e8719835a79f54e3aabc2fe2cb736/> (дата обращения: 25.04.2025).
19. Статистика медиапотребления в России по состоянию на ноябрь 2024 – Mediascope. – URL: <https://d-russia.ru/statistika-mediapotrebleniya-v-rossii-po-sostojaniju-na-nojabr-2024-mediascope.html> (дата обращения: 20.04.2025).
20. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Кинематограф и патриотическое сознание российского студенчества (на примере вузов Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 242–246.
21. Ячменникова П. В список патриотических фильмов для школьников попали ленты с рейтингом 18+. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7180708> (дата обращения: 01.05.2025).

MOVIES AS EDUCATIONAL AND UPBRINGING CONTENT: THE VIEW OF MODERN YOUTH

Orlova E.A.

Moscow State University, Financial University under the Government of the Russian Federation, Academy of Civil Protection of the EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailin, NGO National Association of Education, Science, Culture and Art «NIKA»

The article examines the issue of applying media technologies in the educational process and their impact on the formation of media culture amid information oversaturation. The theoretical part introduces the context, highlighting the need to understand the influence of media technologies on different generations and the changing perception of media itself. Media culture plays a key role in developing critical thinking, values, and attitudes toward life. Cinema serves as a significant tool for preserving historical memory and promotes patriotic education among children and youth. The article addresses problems related to the quality of contemporary film content aimed at children and young audiences, noting its content shortcomings. It presents the results of a study on the perception of Soviet and modern cinema targeted at children and youth, the target audience. Special attention

is given to the attitudes of schoolchildren, students, and their parents toward the list of films recommended by the Ministry of Education. The study also raises questions about the quality of modern films for children and youth. The research results confirmed the necessity of harmoniously combining classic and contemporary film content to enhance the effectiveness of the educational process in shaping values among children and youth. The article raises important questions about the quality, accessibility, and relevance of media production aimed at the new generation.

Keywords: Film; Media Culture; Film Content; Cinematography; Media Education; Sociological Survey.

References

1. Azadova, S.N. (2016) «Cinema in the life of young people: communicative aspect», Materials of the International youth scientific forum «LOMONOSOV-2016», Moscow, Russia. [Online], available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8527/uid106914_report.pdf (Accessed 04/25/2025).
2. Alimkina, A. (2025) «Media consumption 2024: what do users spend their time on online?» [Online], available at: <https://www.completo.ru/blog/articles/digital-novosti-mediapotreblenie-2024-trendy-menyayushchie-marketing-i-statistika-vvodiyashchaya-v-za/#section-1> (Accessed 25.04.2025).
3. «More than 70% of parents surveyed believe that cartoons should help educate children». 2023 [Online], available at: <https://tass.ru/kultura/18212173> (Accessed 25.04.2025).
4. «The authorities have compiled a list of films recommended for schoolchildren». 26.03.2025. [Online], available at: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/67e4113a9a79476f2bed038c> (Accessed 25.04.2025).
5. Guseva, N. (2025) «Fairy tales, family and inflation: Domestic film industry in 2024» [Online], available at: <https://blog.okko.tv/articles/skazki-semya-i-inflyaciya-otechestvennaya-kinoindustriya-v-2024-godu> (Accessed 26.04.2025).
6. Gramsci, A. (1967) O literature i iskusstve. [On Literature and Art]. Moscow: Progress.
7. Erokhina, T.I. (2017) «The phenomenon of memory in mass culture: counter-memory and post-memory in domestic cinema», Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 5, 269–274.
8. Ivanova, V. «Results of the 2024 rental: main figures and trends of the outgoing year» [Online], available at: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4010485/> (Accessed 20.04.2025).
9. Kalinina, M.A. and Mezhorin, A.A. and Kadykov, A.O. (2016) «Cinema in the minds of modern youth», International Journal of Experimental Education. 6 (part 2). 275–276.
10. Konovalova, N.A. (2004) «Development of media culture of students of a pedagogical university». Abstract of Ph.D. dissertation, Vologda, Russia.
11. Kurilov, V.P. (1980) «Art and value orientation of personality». Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow.
12. Marcuse, G. (2022) *Odnomernyy chelovek* [One-dimensional man] Translated by Yudin, A. Moscow, Russia.
13. «Mediascope (official TV measuring agency) presented changes in TV audience in the first half of 2024» [Online], available at: <https://tenchat.ru/media/2421847-mediaskop-predstavil-izmeneniya-auditorii-tv-v-1-polugodii-24> (Accessed 23.04.2025).
14. Miroshnik, T.M. (2016) *Detskoe i yunosheskoe kino: problemy i perspektivy* [Children's and Youth Cinema: Problems and Prospects]. Moscow, Russia.
15. «Not just entertainment: 83% of Russians watch movies to gain new knowledge» [Online], available at: <https://znanierussia.ru/news/ne-tolko-razvlechenie-83-rossiyan-smotryat-kino-s-celyu-polucheniya-novyh-znaniy> (Accessed 20.04.2025).
16. Nemchinova E. (2025) «Children's content in the new reality: is import substitution necessary?» [Online], available at: <https://www.sostav.ru/publication/detskij-kontent-v-novoj-realnosti-55434.html> (Accessed 21.04.2025).
17. Orlova, E.A. (2022) «The state of historical memory of youth and the experience of its formation by non-profit organizations», Issues of journalism, pedagogy, linguistics, 41 (2), 277–288.
18. «Initial list of films recommended for schoolchildren to watch after school» [Online], available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/d78e8719835a79f54e3aabc2fe2cb736/> (Accessed 25.04.2025).
19. «Statistics of media consumption in Russia as of November 2024 – Mediascope» [Online], available at: <https://d-russia.ru/statistika-mediapotrebleniya-v-rossii-po-sostojaniju-na-nojabr-2024-mediascope.html> (Accessed 20.04.2025).
20. Tuzikov, A.R. and Zinurova, R.I. (2024) «Cinematography and patriotic consciousness of Russian students (on the example of universities of the Republic of Tatarstan)», Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2. 242–246.
21. Yachmennikova P. (2025) «The list of patriotic films for schoolchildren includes films with an 18+ rating» [Online], available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7180708> (Accessed 01.05.2025).

Развитие культуры самопрезентации как ценностно-ориентированного и стратегического построения профессионального образа будущего педагога

Сергеев Юрий Алексеевич,

аспирант кафедры педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева
E-mail: nsergeeva@mail.ru

В условиях цифровой трансформации образования формирование эффективной профессиональной самопрезентации становится критически важной компетенцией будущего педагога. Целью данного исследования является теоретическое обоснование и структурирование процесса развития культуры самопрезентации студента педагогического вуза как осознанного, ценностно-ориентированного и стратегического построения профессионального образа. На основе анализа современных педагогических, психологических и коммуникативных исследований была разработана концептуальная модель, интегрирующая три взаимосвязанных компонента: ценностно-рефлексивный, проектно-стратегический и технологически-реализационный. Такой подход позволяет преодолеть сведение самопрезентации к набору технических навыков и способствует формированию целостной профессиональной идентичности педагога, аутичной и адаптированной к требованиям цифровой эпохи.

Ключевые слова: культура самопрезентации, профессиональный образ педагога, ценностные ориентации, стратегическое построение образа, педагогическое образование, цифровая среда.

Актуальность исследования

Профессиональная деятельность педагога в современных условиях все чаще и в большей степени протекает в открытом информационно-коммуникативном пространстве. По мнению исследователей, взаимодействие с учениками, родителями и коллегами осуществляется не только в рамках учебного заведения и отдельно взятого класса, но и через цифровые платформы, что формирует принципиально новую среду для профессиональной коммуникации [1], [2] и приводит к тому, что способность к грамотной самопрезентации трансформируется из вспомогательного социального навыка в ключевую профессионально-педагогическую компетенцию, непосредственно влияющую на авторитет учителя и построение его профессиональной педагогической карьеры [8].

Традиционный подход в высшей педагогической школе часто рассматривает формирование навыков самопрезентации фрагментарно, сводя его к освоению технических приемов. Такой подход не соответствует требованиям цифровой эпохи, где профессиональный образ строится в течение всего периода обучения в университете и продолжается во время активной профессиональной деятельности, изменяясь, дополняясь и совершенствуясь. В программах обучения самопрезентация рассматривается как тактика, а не как культура – осознанная, ценностно обоснованная и стратегически выстроенная система построения профессионального «Я» [3]. Как отмечает Бернуцци, самопрезентация педагога представляет собой сложный педагогический акт, а не просто набор коммуникативных техник [6].

По нашему мнению, развитие культуры самопрезентации будущего педагога будет наиболее эффективным при условии, если оно будет рассмотрено как процесс ценностно-ориентированного и стратегического построения профессионального образа, а в образовательный процесс будет интегрирована комплексная модель, последовательно формирующая рефлексивный, проективный и технологический компоненты данной культуры.

Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование и структурное представление модели развития культуры самопрезентации будущего педагога. В соответствии с этим в работе решаются следующие задачи: 1) уточняется сущность понятия «культура самопрезентации педагога»; 2) выделяются ее ключевые компоненты и дается их характеристика; 3) описывается структурно-функциональная модель ее формирования.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили системный, личностно-деятельностный, компетентностный подходы и следующие Методы исследования: теоретический анализ научной литературы по проблематике профессиональной самопрезентации и педагогической имиджологии, моделирование, направленное на разработку трехуровневой модели на основе синтеза теоретических данных и требований профессионального стандарта педагога.

Результаты

В рамках нашего исследования под культурой самопрезентации будущего педагога мы понимаем интегративное качество личности, проявляющееся в способности к осознанному, ответственному и последовательному конструированию и предъявлению своего целостного профессионального образа. Этот образ формируется на основе рефлексии педагогических ценностей и реализуется через систему стратегических коммуникативных действий в реальной среде.

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволил выделить три основных взаимосвязанных компонента культуры самопрезентации.

- *Ценностно-рефлексивный компонент* является смысловой основой культуры самопрезентации. По мнению Лефевра [13], его становление требует непрерывной педагогической рефлексии о своей практике и ценностях, что обеспечивает подлинность профессионального образа. Данный компонент включает осознание и вербализацию педагогических ценностей [11], рефлексии своих сильных сторон и формирование внутреннего профессионального Я.

• **Проектно-стратегический компонент** направлен на обеспечение целенаправленности и долгосрочности. Ли и Ким [12] рассматривают стратегическое самопредъявление как элемент управления карьерой. В педагогическом контексте его можно определить как анализ целевых аудиторий, позиционирование, планирование коммуникационной траектории и создание условий профессионального развития. Буржуа подчеркивает, что такая деятельность представляет собой рефлексивное управление своим образом на протяжении всей профессиональной деятельности и педагогической карьеры [7].

• **Технологически-реализационный компонент** является инструментальной основой культуры самопрезентации. Чжао с соавторами отмечают, что цифровые платформы стали ключевым пространством для легитимации профессионального опыта [15]. Данный компонент включает владение как классическими навыками публичной презентации, так и цифровыми инструментами для создания профессионального портфолио, ведения блога и управления аккаунтами в социальных сетях [2].

На основе выделенных компонентов нами была разработана трехуровневая модель формирования культуры самопрезентации (Таблица 1).

Таблица 1. Трехуровневая модель развития культуры самопрезентации будущего педагога

Уровень модели	Цель уровня	Содержательные блоки	Формы и методы работы
1. Ценностно-рефлексивный	Формирование осознанного ценностного ядра профессионального образа.	Рефлексия педагогических ценностей и миссии. Анализ собственной профессиональной идентичности. Этические основы публичности педагога.	Ведение педагогического дневника, написание эссе «Мое педагогическое кредо», дискуссионные клубы, разбор этических кейсов.
2. Проектно-стратегический	Разработка индивидуальной стратегии построения и продвижения профессионального образа.	Анализ аудиторий и контекстов. Основы персонального брендинга в педагогике. Планирование коммуникации.	Разработка проекта «Мои профессиональный бренд», написание автобиографического эссе в профессиональном контексте.
3. Технологически-реализационный	Овладение инструментарием для реализации стратегии.	Навыки публичной презентации и самопредъявления. Цифровые инструменты создания образов: портфолио, блоги, социальные сети.	Тренинги публичных выступлений, мастер-классы по созданию цифрового портфолио, воркшопы по образовательному блогингу, разработка контент-плана.

Предложенная модель представляет собой попытку преодолеть фрагментарность в подготовке будущих педагогов, переносит акцент с освоения **техники** самопрезентации на выработку **стратегии** и **смыслов** профессионального образа, которые должны способствовать развитию культуры самопрезентации будущего педагога.

Выделенные нами компоненты находят подтверждение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Так, важность аутентичности и ценностной основы подчеркивается в исследованиях профессионального имиджа [4], [5]. Ряд исследователей говорят о необходимости стратегического подхода к построению репутации в цифровую эпоху [1], [9]. Бернусси дает следующее определение, акцентирующее педагогическую сущность процесса: самопрезентация учителя есть «акт педагогики, посредством которого преподаватель представляет не только себя, но и определенное видение профессии» [6]. Таким образом, разработанная модель систематизирует эти разрозненные аспекты в единый логический процесс развития культуры самопрезентации будущего педагога.

Практическая ценность модели заключается в ее структурной четкости и соответствии логике «от смыслов – к плану – к действию», что облегчает интеграцию в учебный процесс. Эмпирические данные, в частности, подтверждают эффективность методологии рефлексивного портфолио и блога для развития культуры самопрезентации будущего педагога [14].

Таким образом, развитие культуры самопрезентации как ценностно-ориентированного и стратегического процесса является неотъемлемой частью современного педагогического образования. Предложенная трехуровневая модель предлагает структурированный путь формирования у будущего педагога целостной, аутентичной

и конкурентоспособной профессиональной идентичности. Как считает Гавен, профессиональная идентичность учителя сегодня конструируется в публичном пространстве, и способность управлять этим конструированием становится новой грамотностью [10]. Внедрение данной модели в практику подготовки педагогов позволит системно решить актуальную задачу формирования их готовности к эффективной профессиональной коммуникации в условиях цифровой трансформации образования.

Литература

- Морозов, Д.С. (2021). Цифровая самопрезентация профессионала: стратегии и риски. Коммуникативные исследования, 8(3), 421–439. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2021.3.421-439>
- Петрова, А.А. (2022). Контент-стратегия как отражение педагогической философии в Instagram-блогах учителей. Медиаобразование, (3), 112–120. Постоянная ссылка: <https://mediaculture.online/archive/2022-3/>.
- Смирнова, Т.Л. (2020). Эволюция концептов самопрезентации в современной науке. Психологический журнал, 41(4), 105–115. <https://doi.org/10.31857/S020595920010090-3>
- Соколов, К.В. (2023). Этика цифровой самопрезентации в помогающих профессиях. Вопросы психологии, (2), 112–122. <https://doi.org/10.31857/S0042857223020112>
- Яковлев, В.П., & Сидорова, Е.Н. (2019). Ценностный нарратив в структуре профессионального имиджа. Социологические исследования, (7), 84–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250005993-0>
- Bernoussi, M. (2017). La présentation de soi de l'enseignant: un acte pédagogique. Les Sciences de l'éducation – Pour l'Ère nouvelle, 50(3), 101–120. <https://doi.org/10.3917/lsdle.503.0101>
- Bourgeois, É. (2020). Gestion stratégique de l'image professionnelle chez les enseignants novices. Revue internationale de pédagogie de l'enseignement supérieur, 36(1). <https://doi.org/10.4000/ripes.2736>
- Brown, L. M. (2022). Strategic Self-Presentation and Personal Branding in the Digital Age. Routledge. ISBN 978-0-367-90280-1. 211 p.
- Chen, Y., Chen, H., & Liu, F. (2020). Narrative identity work and strategic self-presentation among IT professionals. Journal of Vocational Behavior, 121, 103474. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103474>
- Gauvin, F. (2021). L'identité professionnelle enseignante à l'ère du numérique: construction et exposition de soi en ligne. Éducation et socialisation. Les Cahiers du CERFEE, (61). <https://doi.org/10.4000/edso.16873>
- Goffman, E. (1959). The Presentation of Self in Everyday Life. Anchor Books (Doubleday). 259 p.
- Lee, J., & Kim, S. (2021). Linking career management to self-presentation tactics: The mediating role of career adaptability. Career Development International, 26(4), 456–473. <https://doi.org/10.1108/CDI-09-2020-0226>
- Lefevre, G. (2019). Portfolio et blogue réflexif: des outils pour construire son identité professionnelle enseignante. Formation et profession, 27(1), 31–42. <https://doi.org/10.18162/fp.2019.514>
- Pelletier, G. (2018). Espaces d'expérimentation et développement de la posture professionnelle chez les futurs enseignants. Phronesis, 7(3), 38–52. <https://doi.org/10.7202/1054390ar>
- Zhao, X., Lampe, C., & Ellison, N. B. (2019). The curated self: Professional identity construction on LinkedIn. Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction, 3(CSCW), Article 212. <https://doi.org/10.1145/3359313>

DEVELOPMENT OF SELF-PRESENTATION CULTURE AS A VALUE-BASED AND STRATEGIC CONSTRUCTION OF THE FUTURE TEACHER'S PROFESSIONAL IMAGE

Sergeev Yu.A.

Chuvash State Pedagogical University named after. AND I. Yakovleva

In the context of the digital transformation of education, the formation of effective professional self-presentation is becoming a critically important competence for the future teacher. The purpose of this study is to theoretically substantiate and structure the process of developing the self-presentation culture of a pedagogical university student as a conscious, value-based, and strategic construction of a professional image. Based on the analysis of modern pedagogical, psychological, and communication studies, a conceptual model was developed, integrating three interrelated components: value-reflective, project-strategic, and technological-implementation. Such an approach makes it possible to overcome the reduction of self-presentation to a set of technical skills and contributes to the formation of a holistic professional teacher identity, authentic and adapted to the requirements of the digital age.

Keywords: self-presentation culture, teacher's professional image, value orientations, strategic image building, teacher education, digital environment.

References

1. Morozov, D.S. (2021). Digital Self-Presentation of a Professional: Strategies and Risks. *Communicative Research*, 8(3), 421–439. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2021.3.421-439>
2. Petrova, A.A. (2022). Content Strategy as a Reflection of Pedagogical Philosophy in Teachers' Instagram Blogs. *Media Education*, (3), 112–120. Permanent link: <https://mediaculture.online/archive/2022-3/>.
3. Smirnova, T.L. (2020). Evolution of Self-Presentation Concepts in Modern Science. *Psychological Journal*, 41(4), 105–115. <https://doi.org/10.31857/S020595920010090-3>
4. Sokolov, K. V. (2023). Ethics of Digital Self-Presentation in the Helping Professions. *Voprosy Psichologii*, (2), 112–122. <https://doi.org/10.31857/S0042857223020112>
5. Yakovlev, V. P., & Sidorova, E. N. (2019). Value Narrative in the Structure of Professional Image. *Sociological Research*, (7), 84–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250005993-0>
6. Bernoussi, M. (2017). La présentation de soi de l'enseignant: un acte pédagogique. *Les Sciences de l'éducation – Pour l'Ère nouvelle*, 50(3), 101–120. <https://doi.org/10.3917/lse.503.0101>
7. Bourgeois, E. (2020). Gestion stratégique de l'image professionnelle chez les enseignants novices. *Revue internationale de pédagogie de l'enseignement supérieur*, 36(1). <https://doi.org/10.4000/ripes.2736>
8. Brown, L. M. (2022). *Strategic Self-Presentation and Personal Branding in the Digital Age*. Routledge. ISBN 978-0-367-90280-1. 211 p.
9. Chen, Y., Chen, H., & Liu, F. (2020). Narrative identity work and strategic self-presentation among IT professionals. *Journal of Vocational Behavior*, 121, 103474. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103474>
10. Gauvin, F. (2021). L'identité professionnelle enseignante à l'ère du numérique: construction et exposition de soi en ligne. *Education et socialisation. Les Cahiers du CER-FEE*, (61). <https://doi.org/10.4000/edso.16873>
11. Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. Anchor Books (Doubleday). 259 p.
12. Lee, J., & Kim, S. (2021). Linking career management to self-presentation tactics: The mediating role of career adaptability. *Career Development International*, 26(4), 456–473. <https://doi.org/10.1108/CDI-09-2020-0226>
13. Lefevvre, G. (2019). Portfolio et blogue réflexif: des outils pour construire son identité professionnelle enseignante. *Formation et profession*, 27(1), 31–42. <https://doi.org/10.18162/fp.2019.514>
14. Pelletier, G. (2018). Espaces d'expérimentation et développement de la posture professionnelle chez les futurs enseignants. *Phronesis*, 7(3), 38–52. <https://doi.org/10.7202/1054390ar>
15. Zhao, X., Lampe, C., & Ellison, N. B. (2019). The curated self: Professional identity construction on LinkedIn. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 3(CSCW), Article 212. <https://doi.org/10.1145/3359313>

Национальная образовательная политика 2020 и ее роль в сдерживании коммерциализации государственного и частного высшего образования в Индии

Степанов Виктор Иванович,

кандидат педагогических наук, ректор, Алтайский экономико-юридический институт

E-mail: rector@aeli.altai.ru

Степанова Наталья Викторовна,

кандидат технических наук, старший научный сотрудник, АО НПФ «Информационные и сетевые технологии»

E-mail: natalia0410@rambler.ru

Данное исследование анализирует ключевые принципы и механизмы Национальной образовательной политики 2020 в контексте сдерживания коммерциализации государственного и частного высшего образования в Индии. Исследование направлено на выявление механизмов сдерживания коммерциализации и создание таких условий при которых высшие учебные заведения предоставляют возможность большому количеству студентов получить профессиональное образование, иметь возможность трудоустройства и получения достойной заработной платы. Методологическая основа работы базируется на комплексном анализе документов образовательной политики и научной литературы по исследуемой проблематике. Особое внимание уделяется изучению причин коммерциализации частного высшего образования. В ходе анализа выявлено, что частные высшие учебные заведения должны следовать основным правилам, которые предусматривают подтверждение управления, оценки качества работы, набор квалифицированного персонала, создание необходимой инфраструктуры, без этого сложно достичь серьезных структурных изменений в сдерживании коммерциализации, ускоренного развития государственного и частного высшего образования для достижения статуса новой сверхдержавы знаний. Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал индийского опыта по сдерживанию коммерциализации государственных и частных вузов других стран, в частности России, где эти вопросы остаются актуальными в условиях социально-экономической дифференциации общества.

Ключевые слова: Индия, национальная образовательная политика 2020, государственное высшее образование, частное высшее образование, сдерживание коммерциализации.

Многочисленные механизмы со сдержками и противовесами позволят бороться с коммерциализацией высшего образования и остановить ее. Это будет одним из ключевых приоритетов системы регулирования. Все учебные заведения будут соответствовать аналогичным стандартам аудита и раскрытия информации, как «некоммерческая организация». Излишки, если таковые имеются, будут реинвестированы в образовательный сектор. Будет обеспечено прозрачное публичное раскрытие всех этих финансовых вопросов. Система аккредитации, разработанная Национальным аккредитационным советом, обеспечит дополнительную проверку этой системы, и Национальный совет по регулированию высшего образования будет рассматривать это, как один из ключевых аспектов своей цели регулирования.

Все вузы – государственные и частные должны рассматриваться на равных в рамках данного режима регулирования. Для всех законодательных актов, на основании которых будут формироваться частные высшие учебные заведения, будут действовать единые национальные руководящие принципы. Частные вузы, у которых есть филантропические и общественные намерения, будут поощряться с помощью прогрессивного режима определения сборов. Будут разработаны прозрачные механизмы установления оплаты за обучение с верхним пределом для различных типов учреждений в зависимости от их аккредитации. Это позволит частным высшим учебным заведениям самостоятельно устанавливать стоимость своих программ, хотя и в рамках установленных норм и широко применимого механизма регулирования. Частные вузы будут поощряться к тому, чтобы предлагать своим студентам бесплатное обучение и стипендии в значительном количестве. Все сборы и платежи, установленные частными высшими учебными заведениями, будут прозрачны и полностью раскрыты, и не должно быть произвольного повышения этих сборов/платежей в период зачисления любого студента. Такой механизм определения оплаты за обучение обеспечит разумное возмещение затрат, одновременно гарантируя выполнение вузами своих социальных обязательств [1, с. 48–49]. В этом столетии сектор высшего образования в своем расширении больше полагается на негосударственное финансирование и частные высшие учебные заведения. Нужно отметить, что Индия полагалась на частные учреждения и рыночные процессы для массового распространения сектора высшего образования.

В Индии на протяжении многих лет частные инициативы в сфере образования первоначально возникали из филантропических побуждений, а затем в профессиональном и даже в общем высшем образовании не только для удовлетворения растущего спроса, но и для реализации огромного и быстрого потенциала прибыли. Это было обусловлено ситуацией, поскольку у правительства не хватало средств, поэтому в интересах страны правительство разрешило частным учреждениям существовать.

Как отмечают доценты В. Чандвани и С. Бхоум, что частные высшие учебные заведения процветают на принципах коммерциализации, в первую очередь сосредоточены на профессиональных программах и очень прагматичны. Их коммерческая направленность – обучение специальностям, востребованным на рынке труда. Они не только обучают будущих специалистов, но и трудоустраивают своих студентов на высокооплачиваемые должности. Это действительно говорит о прочных связях между промышленностью и учебными заведениями. Такие вузы узконаправлены в разработке своих программ и обучения. Эта узкая направленность является их силой и одновременно слабостью. Это сильная сторона, пока есть спрос на такого рода программы, и слабость, как только этот спрос удовлетворен. Частные высшие учебные заведения удовлетворяют неудовлетворенный спрос или, скорее, поглощают спрос со стороны сектора высшего образования. В Индии многие крупные политические лидеры и промышленники руководят этими вузами, поэтому они легко получают необходимые сертификаты для управления высшими учебными заведениями, не обеспечивая при этом надлежащей образовательной инфраструктуры. В итоге можно сказать, что для этих людей образование сегодня стало всего лишь способом заработать деньги, а не предоставлением качественного образования студентам. Преподаватели в основном обслуживают студентов и их практическую ориентацию в коммерческих частных учреждениях. Эти учебные заведения рассчитаны на преподавателей, ра-

ботающих неполный рабочий день в государственных университетах. При найме штатных преподавателей они платят мизерную зарплату. Возможно, многие из них не имеют ни практических, не академических знаний и не имеют необходимой подготовки [2, с. 28–32].

По мнению доцента Санджива Кумара Джа, растущая коммерциализация высшего образования создает риск усугубления существующего неравенства, когда престиж учебных заведений все больше зависит от финансовой эксклюзивности, а не от подлинных академических заслуг [3].

Нужно отметить, что наблюдается значительный рост частных высших учебных заведений в Индии, практически без вмешательства со стороны государства. Эти учреждения помогли увеличить набор студентов, они сделали высшее образование более доступным. Кроме того, частные высшие учебные заведения предоставляют возможность большому количеству студентов получить профессиональное образование, иметь возможность трудоустройства и получения достойной заработной платы. В настоящее время в Индии имеется значительное число частных вузов, которые имеют квалифицированных преподавателей и все необходимые условия для подготовки студентов.

По состоянию на 1 января 2024 г. в Индии функционировало 472 частных университета штатов [4, с. 76–77].

Профессор-исследователь Филип Дж. Альтбах приходит к выводу, что XXI век принес новые значительные инициативы в области частного элитного высшего образования. Особенно заметным это развитие стало в Индии, где спрос на послесреднее образование огромен. В Индии очень небольшая, но высокоселективный сектор элитного государственного высшего образования (в основном Индийские институты технологий и менеджмента и несколько университетов), поэтому спрос на высококачественное высшее образование со стороны быстро растущего среднего класса Индии очень высок, а также велика потребность в поддержке растущей и все более развитой экономики страны. Ряд индийских миллиардеров и других бизнес-лидеров обеспокоены потребностью страны в высококачественных университетах и в ответ на это выделяют значительные средства на создание новых университетов с инновационными задачами. В качестве примера можно привести Университет О.П. Джиндала, основанный в 2009 году на средства сталелитейного магната; Университет Шив Надар (который недавно открыл второй университет в Тамилнаде), финансируемый технологическим миллиардером; Университет Ашока, созданный группой лидеров бизнеса и технологий в 2014 году. Вскоре откроется новый университет Jio University, финансируемый в значительной степени конгломератом Reliance. Эти учебные заведения располагают впечатляющими кампусами, предлагают несколько программ магистратуры и докторантуры, но пока в основном обучают студентов бакалавриата. Все они имеют инновационные учебные планы с акцентом на гуманитарные науки и уделяют большое внимание качеству преподавания. На сегодняшний день эти новые учебные заведения рассчитаны в основном на студентов из высшего среднего класса, которые в противном случае могли бы предпочесть обучение за рубежом, и все они взимают высокую по индийским меркам плату за обучение. По уровню материально-технического оснащения они превосходят все государственные учебные заведения, за исключением нескольких.

В Индии существует, возможно, еще около десятка подобных университетов, представляющих собой небольшую часть индийского ландшафта высшего образования, но весьма влиятельных с точки зрения внедрения новых идей в области высшего образования, которые могут оказать влияние на другие университеты [5, с. 49].

Как отмечает заслуженный профессор Дэниел К. Леви, что в одной только Индии число учащихся в частных учебных заведениях выросло до 23 миллионов, по сравнению с 5 миллионами в исторически лидирующих Соединенных Штатах (сейчас они занимают четвертое место после Бразилии и Китая) [6, с. 49].

Одни частные университеты характеризуются высоким качеством обучения, крепкой материально-технической базой, высокопрофессиональным профессорско-преподавательским составом. Другие же вузы скорее напоминают фабрики по производству дипломов. Рейтинг таких университетов невысокие, и ориентированы они в основном на слабо мотивированных студентов [7, с. 207].

Частные высшие учебные заведения также играют все более важную роль в Индии. Это помогает расширить доступ к высшему образованию и обеспечить качественное образование по доступной цене [8, с. 127].

По мнению Вишала Джамкара и Кристофера Джонстоуна, поскольку позиции частного высшего образования в Индии укрепляются все сильнее, власть имущим и руководителям частных вузов следовало бы понять, что обеспечение разнообразия это их ответственность перед обществом и вообще общественное благо [9, с. 39].

Исследователи Диук Бора и Сантош Мэтью отмечают, что Национальная образовательная политика 2020 знаменует собой инаугурационную национальную политику в области образования, направленную на сокращение коммерциализации высшего образования. Регулирующие органы будут уделять первоочередное внимание немедленной реализации этого положения. NAC примет меры по регулированию коммерциализации высшего образования, хотя благотворительные и общественно-ориентированные инициативы частных предприятий будут поощряться для расширения доступа в секторе [10, с. 79].

Доктор наук Аша Гупта считает, что NEP 2020 направлена на сдерживание "коммерциализации высшего образования", с одной стороны, и повышение качества, с другой стороны. В рамках этой политики пока нет возможности для коммерческих вузов. Все излишки необходимо реинвестировать только в образовательные учреждения, хотя при этом признается необходимость сотрудничества с зарубежными университетами в национальных интересах [11, с. 67].

P.S. Айтал и Шубхраджитсна Айтал выделяют следующие основные направления Национальной образовательной политики 2020, которые снижают уровень коммерциализации высшего образования:

- все частные университеты / автономные колледжи должны поддерживать открытость в своих финансовых делах и совет директоров несет ответственность за любые нарушения в системе бухгалтерского учета. В состав совета директоров должны входить выдающиеся люди с хорошей репутацией в своей профессиональной области, чтобы направлять быстрое развитие вузов;

- все вузы имеют автономию в определении структуры платы за обучение, а излишки, если таковые имеются, должны реинвестироваться в проекты расширения с прозрачной системой бухгалтерского учета;

- все частные вузы должны предлагать 20% бесплатного обучения и 30% стипендии в счет оплаты курса для достойных студентов. на каждом курсе, который они предлагают в течение данного учебного года, и это должно быть проверено и подтверждено в процессе аккредитации [12, с. 27].

Доцент Сумья Приядаршани Паниграхи и профессор Сатьендра Гупта указывают на те рекомендации NEP 2020, где написано, что университеты и колледжи должны создать высококачественные центры поддержки для обеспечения всестороннего благополучия студентов из неблагополучной группы [13, с. 11259].

Исследователь Джинуша Паниграхи отмечает, Национальная образовательная политика 2020 рекомендует значительно увеличить стипендии для студентов из неблагополучных и малообеспеченных слоев населения, обучающихся в государственных, а также частных/благотворительных университетах, поощрять благотворительные взносы в образование со стороны частного сектора и облегчать этот процесс с помощью правительственных правил и сотрудничества для получения дополнительных ресурсов на образование [14, с. 11].

NEP 2020 будет сопровождаться приходом большого количества частных игроков в сферу образования, поэтому необходимо, чтобы они могли работать в сотрудничестве с государственными учреждениями.

Необходимо ценить и поддерживать предпринимателей в сфере образования, которые щедро вкладывают свое время, деньги и активы в создание и расширение частных высших учебных заведений. Манипальская академия высшего образования, колледжи Ашока и О.П. Джиндал, расположенные в Сонипате, штат Харьяна, Университет Дружбы в Нойде и т.д. являются высококачественными высшими учебными заведениями [15].

Научный сотрудник Тая Гупта приходит к выводу, что роль государства в высшем образовании нуждается в переосмыслении. Необходимо тщательное планирование, расширенное финансирование и разработка благоприятной политической базы для обеспечения доступности, справедливости и высокого качества высшего образования. В эту сферу активно вовлечены частные высшие учебные заведения. Однако, как показывают результаты исследований, многие частные учреждения не отличаются прозрачностью в своей деятельности, редко обеспечивают высокое качество образования и работают ради прибыли. Правительство должно вмешаться для исправления системных аномалий. Необходимо расширить сеть качественных высших учебных заведений штатов, особенно в сельских и образовательно отсталых районах, чтобы устранить региональные диспропорции. Необходимо регулировать деятельность частных учреждений, чтобы не снижать качество предоставляемых услуг. Они никоим образом не должны приводить к исключению. Правительству необходимо разработать соответствующие меры для сдерживания растущей коммерциализации высшего образования в Индии. Если коммерциализация будет продолжаться и расти без своевременного контроля, всё и вся будет экс-

плату и использоваться в целях получения прибыли в сфере высшего образования [16, с. 77].

Следуя рекомендациям Национальной образовательной политики 2020, для сдерживания коммерциализации высшего образования в Индии нужно:

- увеличить государственное финансирование образования до 6% ВВП и рационально распределять ресурсы для укрепления инфраструктуры, развития преподавательского состава, исследовательских центров и служб поддержки студентов;
- совершенствовать систему многоканального финансирования высшего образования путем финансирования со стороны центрального правительства, правительств штатов и местных органов власти, пожертвования, подписки, подарки, завещания, выручка от продажи, проценты по имеющимся банковским счетам, арендная плата за здания и т.д.
- поощрять частные филантропические усилия в сфере высшего образования с помощью прогрессивного режима определения сборов;
- разработать эффективные механизмы аккредитации, оценки и мониторинга;
- создать надежные и адаптируемые системы обеспечения качества;
- реинвестировать прибыль высших учебных заведений в содержание и модернизацию собственных зданий, современной инфраструктуры: аудиторий, компьютерных классов, хорошо оборудованных лабораторий, общежитий, столовых, постоянное обновление библиотечного фонда, предоставление медицинской помощи, как студентам, так и сотрудникам;
- постоянно финансировать подписки на различные национальные и международные журналы и предоставления преподавателям и студентам онлайн-доступа к исследовательским базам данных;
- необходимо сокращать численность групп, что сделает учебную программу более прагматичной и реалистичной;
- организовывать гостевые лекции экспертов и внеучебных мероприятий для студентов;
- отменить штрафы за недисциплинированность, опоздания и другие незначительные нарушения;
- сократить платный прием в университеты и колледжи;
- устранить различия в размерах оплаты за обучение в центральных университетах, в университетах штатов, в признанных университетах, в частных университетах, получающие государственную поддержку, и в частных университетах, не получающих государственной поддержки за те же курсы;
- поощрять университеты и колледжи получать прибыль за счет онлайн-образования, а не повышать плату за обучение для накопления средств;
- расширить Национальный стипендиальный фонд для обеспечения финансовой помощи студентам, который будет включать стипендии, питание и проживание в учреждениях, финансируемых из государственного бюджета;
- предоставлять за счет средств высших учебных заведений стипендий студентам из экономически неблагополучных слоев населения и одаренным студентам;
- поощрять частные вузы, которые предлагают в значительном количестве своим студентам бесплатное обучение и стипендии;
- удерживать квалифицированных преподавателей, регулярно повышая им заработную плату, материально и морально поддерживая их в профессиональном развитии, в изучении новых методов обучения в условиях постоянно обновляющейся учебной среды, спонсировать их оплату за эти программы, предоставлять учебный отпуск и стартовый капитал для исследований, стимулировать их публикационную активность, а также содействовать международному сотрудничеству преподавателей;
- выплачивать заработную плату сотрудникам в соответствии с нормами UGC и Шестой комиссии по оплате труда, компенсировать им транспортные расходы для выполнения служебных обязанностей;
- предоставлять достоверную информацию об университетах и колледжах абитуриентам;
- сделать невозможным поступление в университеты и колледжи через посредников;
- расширять государственные программы образовательных кредитов для одаренных и нуждающихся студентов;
- развивать сотрудничество между государственными и частными университетами и колледжами.

В целом требуются согласованные усилия со стороны государственных органов, образовательных учреждений, представителей промышленности и гражданского общества в сдерживании коммерциализации и предоставлении качественного высшего образования в Индии.

Выводы

Для того чтобы удовлетворить растущие потребности студентов в качественном высшем образовании, крайне важно, чтобы частное высшее образование взяло на себя значительную работу. Однако, в любом случае частные высшие учебные заведения должны следовать основным правилам, которые предусматривают подтверждение управления, оценки качества работы, набор квалифицированного персонала, создание необходимой инфраструктуры. Можно надеяться на то, что большая часть университетов и колледжей не будет сосредоточено на извлечении выгоды, а будет заниматься повышением стандартов обучения.

Также эти рекомендации можно использовать при разработке новой модели национально ориентированной системы высшего образования.

Литература

1. National Education Policy 2020. Ministry of Human Resource Development. Government of India. 66 p. URL.: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 07.02.2026).
2. Chandwani V., Bhome S. A study of impact of commercialization of education in India // *Episteme*. 2013. Vol. 1. Issue 5. P. 28–32. URL.: <https://episteme.net.in/content/73/3838/attachments/6-ASTUDYOFIMPACTOF-COMMERCIALISATION.pdf> (дата обращения: 07.02.2026).
3. Jha S.K. From state to market: Shifts in access and quality in Indian higher education // *International Journal of Educational Development*. 2025. Vol. 114. P. 103240. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2025.103240>.
4. Annual Report 2023–24 // Department of Higher Education Ministry of Education Government of India. 453 p. URL.: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/document-reports/AR_2023–24_en.pdf (дата обращения: 07.02.2026).
5. Altbach P.G. The Quiet Global Revolution of Elite Private Higher // *International Higher Education. Newsletter of International Higher Education (Boston College, USA)*. 2023. No. 115. P. 5–7. DOI: <https://doi.org/10.36197/IHE.2023.115.02>.
6. Levy D.C. Private Higher Education: Advancing Discovery // *International Higher Education. Newsletter of International Higher Education (Boston College, USA)*. 2025. N 123. P. 49–50. DOI: <https://doi.org/10.6017/895b9e0d.0749bc42>.
7. Шкунов В.Н., Радченко Л.П. Новая образовательная политика в Республике Индия и ее влияние на высшее образование / В книге: Интеграция, эволюция, модернизация: пути развития науки и образования. Аданов К.Б., Аубакирова К.Ф., Габдурахманова Э.Ф., Досова Л.А., Дуанбекова Г.Б., Карпинец И.Ю., Кириллова А.В., Коробов Н.А., Котова Е.Г., Купрейчук Н.В., Лукина С.М., Маринченко А.Д., Медиева С.Х., Мустафаев Н.Г., Нужина И.П., Ольховский М.В., Палагина А.О., Петровская М.В., Платенкин А.В., Плужников А.А. и др. Монография. Уфа, 2024. С. 205–216.
8. Степанов В.И., Степанова Н.В. Национальная образовательная политика Индии 2020 и ее роль в обеспечении равного доступа к качественному образованию всех студентов // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия гуманитарные науки*. 2025. № 9. С. 125–128. DOI 10.37882/2223–2982.2025.09.36.
9. Джанкар В., Джонстоун К. Приватизация и неравный доступ к образованию в Индии // *Международное высшее образование. Русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США)*. 2021. № 106. С. 37–39. URL: <https://ihe.hse.ru/article/view/12597/12895> (дата обращения: 07.02.2026).
10. Bora D., Mathew S. Reshaping Higher Education: A Comparative Study of India's National Education Policies // *International Journal for Multidimensional Research Perspectives*. – 2024. – Vol. 2. Issue 5. – P. 72–85. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/380833020> (дата обращения: 07.02.2026). DOI: 10.61877/ijmrp.v2i5.149.
11. Gupta A. Focus on Quality in Higher Education in India // *Indian Journal of Public Administration*. 2021. Vol. 67. Issue 1. P. 54–70. DOI: <https://doi.org/10.1177/00195561211007224>.
12. Aithal P.S., Aithal S. Analysis of the Indian National Education Policy 2020 towards Achieving its Objectives // *International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMITS)*. 2020. Vol. 5. No. 2. P. 19–43. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3988767>.
13. Panigrahi S.P. & Gupta S. National Education Policy-2020: Rethinking Assessment in Higher Education // *Scholarly Research Journal for Humanity Science & English Language*. – 2021. – Vol. 9. Issue 46. – P. 11256–11263. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/353622907> (дата обращения: 07.02.2026).

14. Panigrahi J. Financing of Higher Education in India Student Loans and Equity in Access. Edition 1st Edition. London.: Imprint Routledge India, 2022. 156 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780367809799>.

15. Singh R., Bansal R. Study of Privatization in Indian Higher Education: Pros & Cons / New Horizons in Commerce, IT & Social Sciences. Volume-2. Editors Dr. Kirandeep Kaur Dr. B.B Singla Dr. Priyaka Khanna. New Delhi., 2020. P. 91–95. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/354522004> (дата обращения: 07.02.2026).

16. Gupt T. Perception of Teachers on Commercialization of Higher Education in India // International Journal of Education and Psychological Research (IJEPR). 2014. Vol. 3. Issue 1. P. 75–77. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/321866836> (дата обращения: 07.02.2026).

THE REASONS FOR THE ESTABLISHMENT OF THE NATIONAL RESEARCH FOUNDATION AND ITS ROLE IN SHAPING THE FUTURE ACADEMIC SUCCESS OF THE REPUBLIC OF INDIA

Stepanov V., Stepanova N.

Altai Institute of Economics and Law, JSC NPF "Information and Network Technologies"

This study analyzes the key principles and mechanisms of the National Education Policy 2020 in the context of curbing the commercialization of public and private higher education in India. The study aims to identify mechanisms for curbing commercialization and creating conditions under which higher education institutions provide a large number of students with the opportunity to obtain vocational training, secure employment opportunities, and earn a decent salary. The methodological framework of the study is based on a comprehensive analysis of educational policy documents and relevant scientific literature. Particular attention is paid to examining the causes of the commercialization of private higher education. The analysis revealed that private higher education institutions must adhere to key rules that include governance verification, performance assessments, recruitment of qualified personnel, and the creation of the necessary infrastructure. Without these, it is difficult to achieve significant structural changes to curb commercialization and accelerate the development of public and private higher education to achieve the status of a new knowledge superpower. The results of the study demonstrate the significant potential of the Indian experience in curbing the commercialization of public and private universities in other countries, particularly Russia, where these issues remain relevant in the context of socio-economic differentiation of society.

Keywords: India, National Education Policy 2020, public higher education, private higher education, curbing commercialization.

References

1. National Education Policy 2020. Ministry of Human Resource Development. Government of India. 66 p. URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (access date: 02/07/2026).

2. Chandwani V., Bhome S. A study of impact of commercialization of education in India // Episteme. 2013. Vol. 1. Issue 5. P. 28–32. URL: <https://episteme.net.in/content/73/3838/attachments/6-ASTUDYOFIMPACTOFCOMMERCIALISATION.pdf> (access date: 02/07/2026).

3. Jha S.K. From state to market: Shifts in access and quality in Indian higher education // International Journal of Educational Development. 2025. Vol. 114. P. 103240. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2025.103240>.

4. Annual Report 2023–24 // Department of Higher Education Ministry of Education Government of India. 453 p. URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/document-reports/AR_2023-24_en.pdf (access date: 02/07/2026).

5. Altbach P.G. The Quiet Global Revolution of Elite Private Higher // International Higher Education. Newsletter of International Higher Education (Boston College, USA). 2023. No. 115. P. 5–7. DOI: <https://doi.org/10.36197/IHE.2023.115.02>.

6. Levy D.C. Private Higher Education: Advancing Discovery // International Higher Education. Newsletter of International Higher Education (Boston College, USA). 2025. N 123. P. 49–50. DOI: <https://doi.org/10.6017/895b9e0d.0749bc42>.

7. Shkunov V.N., Radchenko L.R. New educational policy in the Republic of India and its impact on higher education / In the book: Integration, evolution, modernization: paths of development of science and education. Adanov K.B., Aubakirova K.F., Gabdurakhmanova E.F., Dosova L.A., Duanbekova G.B., Karpinets I.Yu., Kirillova A.V., Korobov N.A., Kotova E.G., Kupreichuk N.V., Lukina S.M., Marinchenko A.D., Medieva S.Kh., Mustafaev N.G., Nuzhina I.P., Olkhovsky M.V., Palagina A.O., Petrovskaya M.V., Platenkin A.V., Pluzhnikov A.A. and others. Monograph. Ufa, 2024. Pp. 205–216.

8. Stepanov V.I., Stepanova N.V. National Education Policy of India 2020 and its Role in Ensuring Equal Access to Quality Education for All Students // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Humanities Series. 2025. No. 9. Pp. 125–128. DOI 10.37882/2223-2982.2025.09.36.

9. Jankar V., Johnstone K. Privatization and Unequal Access to Education in India // International Higher Education. Russian version of the newsletter International Higher Education (Boston College, USA). 2021. No. 106. Pp. 37–39. URL: <https://ihe.hse.ru/article/view/12597/12895> (accessed: 07.02.2026).

10. Bora D., Mathew S. Reshaping Higher Education: A Comparative Study of India's National Education Policies // International Journal for Multidimensional Research Perspectives. – 2024. – Vol. 2. Issue 5. – P. 72–85. URL: <https://www.researchgate.net/publication/380833020> (access date: 02/07/2026). DOI: 10.61877/ijmrp.v2i5.149.

11. Gupta A. Focus on Quality in Higher Education in India // Indian Journal of Public Administration. 2021. Vol. 67. Issue 1. P. 54–70. DOI: <https://doi.org/10.1177/00195561211007224>.

12. Aithal P.S., Aithal S2. Analysis of the Indian National Education Policy 2020 towards Achieving its Objectives // International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMTS). 2020. Vol. 5.No. 2. P. 19–43. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3988767>.

13. Panigrahi S.P. & Gupta S.2. National Education Policy-2020: Rethinking Assessment in Higher Education // Scholarly Research Journal for Humanity Science & English Language. – 2021. – Vol. 9. Issue 46. – P. 11256–11263. URL: <https://www.researchgate.net/publication/353622907> (access date: 02/07/2026).

14. Panigrahi J. Financing of Higher Education in India Student Loans and Equity in Access. Edition 1st Edition. London.: Imprint Routledge India, 2022. 156 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780367809799>.

15. Singh R., Bansal R. Study of Privatization in Indian Higher Education: Pros & Cons / New Horizons in Commerce, IT & Social Sciences. Volume-2. Editors Dr. Kirandeep Kaur Dr. B.B Singla Dr. Priyaka Khanna. New Delhi., 2020. P. 91–95. URL: <https://www.researchgate.net/publication/354522004> (access date: 02/07/2026).

16. Gupt T. Perception of Teachers on Commercialization of Higher Education in India // International Journal of Education and Psychological Research (IJEPR). 2014. Vol. 3. Issue 1. P. 75–77. URL: <https://www.researchgate.net/publication/321866836> (access date: 02/07/2026).

Медиапотребление в постинформационном обществе как инструмент формирования новой социальной реальности

Сурина Виктория Алексеевна,

старший преподаватель кафедры Б7 «Экономика, организация и управление промышленным производством» БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: surina_va@voenmeh.ru

Крехалева Ольга Сергеевна,

преподаватель кафедры Б7 «Экономика, организация и управление промышленным производством», аспирант кафедры Б4 «Философия и история России» БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: krekhalava_os@voenmeh.ru

В работе рассматривается феномен медиапотребления в условиях перехода к постинформационному обществу. Исследование посвящено анализу особенностей современного медиапотребления и его влияния на формирование новой социальной реальности. В статье исследуются специфические характеристики медиапотребления в постинформационном обществе, такие как рутинность, непрерывность, ситуативность, техническая оснащенность и квалифицированность. Особое внимание уделяется тому факту, что современное медиапотребление все меньше зависит от воли индивида и все больше контролируется внешними алгоритмами. В работе раскрываются негативные социальные последствия медиапотребления: фрагментация общества, формирование информационных пузырей, создание пространства для манипуляций сознанием. Демонстрируется влияние медиакорпораций на эмоциональное состояние пользователей и анализируется опыт различных стран по созданию суверенной информационной среды, особое внимание уделяется китайскому подходу к регулированию медиaprостранства.

Ключевые слова: постинформационное общество, медиапотребление, социальные трансформации, информационное пространство, цифровые технологии, медиакорпорации.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что человечество переживает пятую социальную трансформацию – переход от информационного (постиндустриального) общества к обществу постинформационному. В начале XXI века мир столкнулся с широким распространением и внедрением цифровых технологий во все сферы человеческой деятельности. Пандемия COVID-19 способствовала окончательному закреплению и утверждению цифровизации, IT стали доступной и неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека, а в последние 5 лет мы переживаем революцию искусственного интеллекта и технологий машинного обучения, меняющих представления об образовании, трудовой деятельности, творчестве и других основополагающих социальных процессах.

Постинформационное общество можно определить как общество в котором информация становится задачей «самой-в-себе»: информация и машина с одной стороны и человеческий разум с другой становятся единым целым, при этом распространение информации во все меньшей степени зависит от самого человека и его «деятельностного» участия, так как машины получают технологическую способность «общаться» между собой напрямую [1, с. 138]. Фактически, сегодня встает вопрос о том, что такое человек и где его место в новом мире.

В этой связи, особую роль в постинформационном обществе начинает играть медиапотребление. Медиапотребление – это использование медиаресурсов (СМИ, социальных сетей, мессенджеров и т.д.) индивидами для достижения определенных целей [2, с. 38]. Исследователи выделяют несколько видов таких целей:

- экономические (удовлетворение потребностей за определенную плату);
- социальные (поддержание социальных связей, вовлеченность в медиaprостранство социальной общности);
- психологические (демонстрация и поддержание определенного статуса) [2, с. 38–39].

Медиапотребление в той или иной форме существовало всегда, однако современное медиапотребление имеет ряд специфических особенностей, делающих его фундаментальным процессом, непосредственно влияющим как на жизнь и социальное благополучие отдельного индивида, так и на функционирование больших сообществ и даже государств в целом:

- рутинизация (медиапотребление становится регулярным, обязательным и часто неосознанным);
- непрерывность (обилие и разнообразие медиаканалов и медиасточников позволяет потреблять информацию 24/7);
- ситуативность (ресурсы меняются в зависимости от ситуации, например, в автомобиле чаще слушают радио и аудиокниги, а дома смотрят телевизор или интернет-источники);
- техническая оснащенность (сегодня для медиапотребления недостаточно быть грамотным и иметь зрение и/или слух, необходимо оплатить услуги интернет-провайдера или цифрового телевидения, приобрести телевизор, компьютер или смартфон и т.д.);
- квалифицированность (кроме наличия технических устройств для медиапотребления необходимо умение ими пользоваться, а также навыки поиска информации, фактчекинга и т.д.) [3, с. 229–230].

Однако главное отличие медиапотребления в постиндустриальном обществе от медиапотребления на предыдущих этапах развития человечества, это то, что оно все меньше зависит от воли конкретного индивида и все больше контролируется извне, с помощью различных алгоритмов и систем рекомендаций, созданных и управляемых медиакорпорациями. Что, в свою очередь, приводит к следующим социальным и личностным изменениям:

- фрагментация общества вплоть до формирования феномена «одиночек», что приводит к индивидуализации материального потребления и разрушению социальных связей;
- отсутствие возможности, желания и способности адекватного взаимодействия с иной или противоположной точкой зрения, возникновение информационных пузырей и капсул, за пределами которых мир для индивида «не существует» или является «искаженным»;
- возникновения неконтролируемого ни государством, ни индивидом пространства для явных и скрытых манипуляций индивидуальным и общественным сознанием, проведения информационно-

психологических операций различными структурами, преследующими цели от научных до военно-политических [4, с. 56].

В качестве яркого примера несанкционированного воздействия медиакорпораций на сознание индивидов можно привести эксперимент, проведенный Facebook¹ [5]. В 2012 году. Для 689 003 пользователей с 11 по 18 января соцсеть, без их ведома, скорректировала алгоритмы отображения постов в персональной новостной ленте. Часть пользователей получала только позитивные материалы, часть – только негативные. Ожидаемо, люди, читавшие только негативные новости, сами стали размещать подобный контент, и наоборот. При этом последствия для эмоционального и психического здоровья пользователей остались неизвестными. Один из ученых, проводивших данный эксперимент заметил, что «до суицида мы никого не довели» [Цит. по: 5]. Однако никаких подтверждений этому заявлению приведено не было, впрочем, как не было доказано и обратное.

Данный эксперимент был признан кампанией в целом удачным, поскольку, по мнению, ее руководства помог опровергнуть гипотезу о том, что слишком позитивный контент, в рамках теории «социального сравнения» приводит к подавленному состоянию у пользователей [5].

Социальное сравнение – это оценка и сопоставление своих способностей, мнения и достижений с тем же самым у других людей. Американский психолог Леон Фестингер, разработавший в 1950-х гг. теорию социального сравнения отмечал, что мы испытываем дискомфорт, если между нашими взглядами или навыками и теми, на кого мы равняемся, возникает слишком большая разница [6, с. 123].

Современные психологи отмечают, что в социальных сетях постоянно нарочито демонстрируются картинки идеальной жизни, недостижимой для большинства рядовых пользователей, что приводит к возникновению угнетенного состояния у этих пользователей. Особенно негативно этот эффект социальных сетей сказывается на подростках и молодых людях [7, с. 59].

Примечательно, что в 2020 году тот же Facebook²³ совместно с лидером мирового рынка медиаисследований и медиаметрии Nielsen провел изучение так называемого эффекта «деактивации» (временного или полного отказа от соцсетей). Исследование получило название «Проект Меркурий» и было прекращено, по официальным данным, из-за существенных недостатков методологии и искажения полученных результатов «существующим в СМИ нарративом о компании» [Цит. по: 8]. Результаты проекта были засекречены, однако некоторые внутренние материалы стали доступны широкой общественности. В них сообщалось, что «люди, которые перестали пользоваться Facebook на неделю, сообщали о снижении уровня депрессии, тревожности, одиночества и социального сравнения» [Цит. по: 8].

В сложившейся ситуации многие страны предпринимают попытки построения суверенной информационной среды, не зависящей ни от иностранных медиакомпаний, ни даже от собственных. Что характерно, такие попытки предпринимаются не только незападными государствами (Китай, Россия), но и, в так называемых, демократиях (США, Франция, Великобритания). В рамках данных процессов блокируются или «приземляются» иностранные и транснациональные медиакорпорации, а собственные переводятся под государственный контроль и мониторинг. Это делается для того, чтобы обеспечить сохранность своего общества и минимизации негативных последствий современного медиапотребления.

Однако сколько-нибудь значимых результатов в суверенизации медиапространства удалось достичь только Китаю, создавшему замкнутую систему, функционирующую исключительно за счет местных цифровых продуктов, а также регулярно принимающего нормативно-правовые акты и рекомендации, ограничивающие или запрещающие контент, не соответствующий целям и задачам развития китайского общества. В частности, в Китае власти разработали план ограничения показа по ТВ «женоподобных мужчин» [9] и прибегли к блокировке популярных блогеров, нарочито демонстрировавших свое богатство и неумеренное потребление [10].

Однако в современных условиях не представляется возможным говорить о полном контроле государства над медиапространством, если оно изначально не создавалось под таким контролем, как это произошло в КНР.

Таким образом, сегодня не столько человек определяет свое медиапотребление, сколько медиапотребление определяет человека. Оно детерминирует его психоэмоциональное состояние, ценности, инте-

¹ Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

² Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

³

рессы, желания, потребности, социализацию и социальное поведение и т.д. Что, в свою очередь, влияет на демографическую, экономическую и политическую структуру как отдельных сообществ и государств, так и всего мира в целом.

При этом в постинформационном обществе медиакорпорации имеют практически неограниченное влияние на общественное сознание, обусловленное с одной стороны обладанием эксклюзивными технологиями, а с другой – олигополией в медиапространстве. Несмотря на кажущееся разнообразие медиаисточников, большинство населения планеты потребляет контент на 1–3 платформах, часто связанных друг с другом и формирующих новостную повестку на основе алгоритмов, принципы работы которых не разглашаются. При этом влияние общества и государства на медиакорпорации весьма ограничены из-за отсутствия доступа к этим самым алгоритмам.

Однако в последнее время все же наблюдаются позитивные изменения в пользу осознанного медиапотребления, когда отдельные пользователи отказываются от социальных сетей и контент-платформ с новостными алгоритмами или снижают свое присутствие в них в пользу мессенджеров, где можно относительно самостоятельно контролировать потребляемый контент. Впрочем, кардинального снижения потребления социальных сетей с алгоритмическими лентами по-прежнему не наблюдается.

Литература

1. Прохоров-Малясов Г.С. Постинформационное общество – ключевая ступень социальной трансформации. Прогностический аспект. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022 – Т. 11 – № 6А. – С. 137–147.
2. Дзялошинский И.М. Медиапотребление как характеристика медиааудитории. // Медиаобразование 2014. Региональный аспект. Сборник тезисов и статей Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). М.: РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова. – 2014 – С. 38–47.
3. Мурзина Е.В. Медиапотребление в условиях трансформации современного общества. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020 – № 5 (68) – С. 229–230.
4. Кошмаров М.Ю. Конфликт глобализации медиапотребления: от эхо-камер к инфо-капсулам. // Конфликтология / nota bene. – 2022 – № 2 – С. 51–62.
5. Хилл К. Эксперимент Цукерберга: как Facebook протестировала эмоции 700 000 пользователей. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/internet-i-svyaz/261401-eksperiment-tsukerberga-kak-facebook-protestirovala-emotsii-700> (дата обращения: 06.02.2026).
6. Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes/ // Human Relations. – 1954. – Vol. 7. – № 2. – pp. 117–140.
7. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Удовлетворенность жизнью и направленность на социальное сравнение людей разных динамических типов. // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2021. – Том 6. – № 4 (24).
8. Horwitz J. Meta buried 'causal' evidence of social media harm, US court filings allege. – URL: <https://www.investing.com/news/stock-market-news/meta-buried-causal-evidence-of-social-media-harm-us-court-filings-allege-4374109> (дата обращения: 06.02.2026).
9. Ковалева Д. Китай запретил вульгарным интернет-звездам появляться на ТВ. – URL: https://rg.ru/2021/09/05/kitaj-zapretil-vulgarnym-internet-zvezdam-poiavlitsia-na-tv.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 06.02.2026).
10. Цигарева М. В Китае начали наказывать за богатую жизнь. В сети устроили охоту на блогеров, которые хвастаются роскошью. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/11/china-ban/> (дата обращения: 06.02.2026).

MEDIA CONSUMPTION IN A POST-INFORMATION SOCIETY AS A TOOL FOR SHAPING A NEW SOCIAL REALITY

Surina V.A., Krekhaleva O.S.

BSTU «VOENMEH» named after D.F. Ustinov

The paper examines the phenomenon of media consumption in the context of the transition to a post-information society. The study is devoted to the analysis of the peculiarities of modern media consumption and its impact on the formation of a new social reality. The article explores the specific characteristics of metaproduction in the post-information society, such as routine, continuity, situationality, technical equipment and qualifications. Special attention is paid to the fact that modern media consumption depends less and less on the individual's will and is increasingly controlled by external algorithms. The paper reveals the negative social consequences of media consumption: the fragmentation of society, the formation of information bubbles, and the creation of a space for manipulating consciousness. The influence of media corporations on the emotional state of users is demonstrated

and the experience of various countries in creating a sovereign information environment is analyzed, special attention is paid to the Chinese approach to regulating the media space.

Keywords: post-information society, media consumption, social transformations, information space, digital technologies, media corporations.

References

1. Prokhorov-Malyasov G.S. Post-information society is a key stage of social transformation. The prognostic aspect. // *Context and reflection: philosophy of the world and man.* – 2022. – vol. 11. – № 6A. – pp. 137–147.
2. Dzyaloshinsky I.M. Media consumption as a characteristic of the media audience. // *Media Education 2014. The regional aspect. Collection of abstracts and articles of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation).* Moscow: RIC MGSU named after M.A. Sholokhov. – 2014. – pp. 38–47.
3. Murzina E.V. Media consumption in the context of the transformation of modern society. // *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University.* 2020. – № 5 (68). – pp. 229–230.
4. Koshmarov M.Y. The conflict of globalization of media consumption: from echo chambers to info capsules. // *Conflictology / nota bene.* – 2022. – № 2. – pp. 51–62.
5. Hill K. The Zuckerberg Experiment: how Facebook tested the emotions of 700,000 users. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/internet-i-svyaz/261401-eksperiment-tsukerberga-kak-facebook-protestirovala-emotsii-700> (date of request: 02/06/2026).
6. Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes/ // *Human Relations.* – 1954. – Vol. 7. – № 2. – pp. 117–140.
7. Golovina G.M., Savchenko T.N. Life satisfaction and focus on social comparison of people of different dynamic types. // *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology.* – 2021. – Volume 6. – № 4 (24).
8. Horwitz J. Meta buried 'causal' evidence of social media harm, US court filings allege. – URL: <https://www.investing.com/news/stock-market-news/meta-buried-causal-evidence-of-social-media-harm-us-court-filings-allege-4374109> (date of access: 02/06/2026).
9. Kovaleva D. China has banned vulgar Internet stars from appearing on TV. – URL: https://rg.ru/2021/09/05/kitaj-zapretil-vulgarnym-internet-zvezdam-poiavliatsia-na-tv.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of notification: 02/06/2026).
10. Shchigareva M. In China, they began to punish for a rich life. The Internet has launched a hunt for bloggers who brag about luxury. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/11/china-ban/> (date of access: 02/06/2026).

Турчина Жанна Евгеньевна,

к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina-09@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Колмаков Владимир Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: Vu-kolmakov@yandex.ru

Нор Ольга Владимировна,

к.м.н., доцент кафедры физической и реабилитационной медицины с курсом ПО, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: 245900@mail.ru

Вергун Артем Сергеевич,

к.и.н. старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: artemvergun@mail.ru

Саморазвитие, то есть самостоятельная реализация личностного потенциала, имеет важное значение для функционирования человека в XXI веке, что коренным образом меняет восприятие миссии высших учебных заведений, их функций и ценностей. Сегодня вузы призваны быть пространствами, которые активизируют студентов, создавая условия не только для приобретения ими знаний и навыков, но и для саморазвития, чему в немалой степени может способствовать участие студентов в студенческом самоуправлении.

Данное исследование посвящено студенческому самоуправлению, как деятельности, которая является источником саморазвития личности студентов.

Цель статьи заключается в определении роли студенческого самоуправления как источника саморазвития студентов университета.

В статье осуществлен анализ теоретических аспектов деятельности студенческого самоуправления: рассмотрена дефиниция термина «самоуправление» и охарактеризована сущность самоуправления. Авторами представлен спектр компетенций органов студенческого самоуправления, проанализировано основное содержание деятельности студенческого самоуправления в академической среде университета. На основании анализа научных работ продемонстрировано воспитательное и образовательное воздействие участия в студенческом самоуправлении на формирование личности студентов. Сделан вывод, что студенческое самоуправление следует рассматривать как воспитательный инструмент саморазвития студентов, направленный на формирование независимости и самостоятельности, построение социальных связей и формирование навыков управления своей жизнью с учетом благополучия других. При этом, благодаря студенческому самоуправлению формируется чувство общности, которое представляется необходимым для достижения целей и реализации миссии университета.

Ключевые слова: студенты, студенческое самоуправление, саморазвитие, социальная активность, компетенции.

Введение

В настоящее время крайне тревожным является распространенное среди молодежи отношение к жизненным целям и ценностям, которые не всегда направлены на собственное развитие, а скорее сконцентрированы на приобретении повышающих уровень жизни материальных благ. Свидетельством чему является тот факт, что значительное количество студентов при выборе университета, направления обучения и специализации руководствуются не тем, чем бы они хотели заниматься в будущем или имеющимися у них предрасположенностями, а оценкой сложности/легкости получения диплома. Одновременно, меняется и культура студенчества: студенты все реже стремятся совмещать учебу с другими, неакадемическими интересами, укреплять дружеские отношения в университете или участвовать в студенческих организациях.

При этом основной воспитательной задачей университета остается всестороннее развитие молодого человека, которое достигается не только посредством посещения лекций и семинаров, но и благодаря активному участию учащихся в различных сферах студенческой жизни. В соответствии с общепринятыми ожиданиями, образовательные концепции в первую очередь направлены на подготовку студентов к профессиональным ролям. Однако важно помнить, что в конечном итоге профессионализм в будущей сфере деятельности определяется личностным отношением человека к будущей профессиональной деятельности, включая преданность избранному делу, моральные принципы и социальную ответственность. Это подчеркивает часто недооцениваемую воспитательную роль университетов.

Практика рассмотрения студентов лишь как «получателей» знаний, которые не всегда находят применение в реальной жизни, давно устарела. Представляется, что основой высшего образования должно быть всестороннее развитие студентов, включающее формирование собственного мировоззрения, умение видеть реальность через призму различных взаимозависимостей и взаимосвязей, чему в немалой степени может способствовать активное участие молодых людей в студенческом самоуправлении.

Тема деятельности студенческого самоуправления как источника воспитательного воздействия в отечественной научной литературе освещена, на наш взгляд, недостаточно. Исследования, непосредственно посвященные университетскому самоуправлению, касаются влияния студенческого самоуправления на процесс управления высшим учебным заведением [1], потенциальных результатов деятельности студенческого самоуправления [2], отношения студентов к работе студенческого самоуправления [3], нормативно-правовых аспектов студенческого самоуправления [4].

В зарубежных источниках деятельность студенческого самоуправления исследована в различных аспектах, включая: историю развития академического самоуправления [5]; процессы избрания руководства органов студенческого самоуправления [6,7]; связь между деятельностью студенческого самоуправления университета и будущей политической карьерой его членов [8]; процессы вовлечения представителей студенческого сообщества в управление университетом [9, 10], развитие компетенций членов студенческого самоуправления [11], различия студенческого самоуправления в университетах разных стран [12].

Обзор литературы по студенческому самоуправлению выявляет ряд пробелов, который следует восполнить исследованиями, посвященными различным аспектам деятельности студенческих представительных организаций, включая воспитательное воздействие студенческого самоуправления.

Цель статьи: определение роли студенческого самоуправления как источника саморазвития студентов университета.

Методы и материалы исследования

В статье осуществлен анализ теоретических аспектов деятельности студенческого самоуправления: рассмотрена дефиниция термина «самоуправление» и охарактеризована сущность самоуправления.

Результаты исследования

По мнению исследователей, понятие «самоуправление» относится к социальному участию, то есть к принятию решений по вопросам, важным для данной группы, и совершению ее членами совместных действий [2]. Сущность самоуправления, по мнению С. Тилсона, заключается в «прин-

ципе сосуществования самоуправляемых социальных групп», основанном прежде всего на неограниченных возможностях самоорганизации [7].

Как пишет Ю.А. Завертяева, самоуправление способствует расширению смысловых ориентиров, формирующих общественную жизнь, наполненную такими ценностями, как справедливость, равные образовательные и жизненные возможности, достоинство и самореализация [2]. Однако самоуправление следует также анализировать с точки зрения личностного развития, независимости, построения социальных отношений, межличностной и внутриличностной коммуникации, а также учета благополучия других людей. Это открывает путь к самосознанию, которое составляет основу самодисциплины.

Первые организации самоуправления для молодежи были созданы на рубеже XIX и XX веков [5]. Они возникли на фоне растущего осознания низкой эффективности директивного образования, как часть экспериментов в области партисипативного подхода к образованию, вовлекающего участников в образовательный процесс в соответствии с их потребностями. Идея самоуправления берет свое начало от роли помощников, назначаемых учителями из числа детей в школах, задачей которых было поддержание порядка в учебных заведениях. В середине века появились первые органы студенческого самоуправления, ориентированные на образовательные или развлекательные цели [5]. В современную эпоху академическое сообщество в равной степени состоит из университетских администраций, научных работников, преподавателей и студентов. Благодаря участию в студенческом самоуправлении студенты оказывают влияние на функционирование этого сообщества, совместно создавая его и изменяя к лучшему в соответствии со своим видением.

В рамках университета широкий спектр компетенций органов студенческого самоуправления дает им реальное влияние на текущее функционирование высших учебных заведений и направления их развития. Избирая представителей в органы студенческого самоуправления, а в конечном итоге и в университетские органы власти, студенческое сообщество наделяет себя сильным голосом, который трудно игнорировать. Деятельность студенческого самоуправления, подкрепленная хорошей коммуникацией с непосредственным окружением (внутри университета), позволяет обеспечить надежное представительство студентов, эффективную защиту их интересов, а также реализацию множества разнообразных проектов социального, культурного, спортивного, образовательного и научного характера [4].

На практике деятельность органов студенческого самоуправления часто выходит за пределы университетских стен, оказывая сильное влияние на местное сообщество – не только в образовательном аспекте (например, поощряя старшеклассников к обучению в конкретном университете), но и в других сферах, порой очень разнообразных и важных для местных сообществ (например, многие органы студенческого самоуправления, помимо прочего, занимаются волонтерской деятельностью).

В современной российской системе высшего образования органы студенческого самоуправления являются неотъемлемой частью академического сообщества, играя решающую роль в его надлежащем функционировании. Полномочия, предоставленные этим организациям, несут в себе не только привилегии для их членов, но, прежде всего, ответственность перед представляемыми ими студентами и обязанность защищать их права, интересы и способствовать их развитию. Деятельность органов студенческого самоуправления также оказывает значительное влияние на имидж университета в обществе.

Группы авторов, с которыми взаимодействует студенческое самоуправление, разнообразны, поэтому разнообразна и деятельность студенческого самоуправления в академической среде университета (табл. 1).

Таблица 1. Основное содержание деятельности студенческого самоуправления в академической среде университета

Группы	Характеристика деятельности органов студенческого самоуправления в академической среде университета.
Все студенты	Деятельность студенческого самоуправления на благо студенческого сообщества: помощь в разрешении споров между студентами, преподавателями и администрацией университета; консультации в ситуациях незнания правил обучения; предоставление возможности участия в разнообразных проектах студенческого самоуправления
Выпускники	Для нынешних студентов очень важно поддерживать прочные и долгосрочные отношения с людьми, которые уже получили диплом данного университета; воспитание чувства гордости за принадлежность к группе перспективных бывших студентов, ценимых местным сообществом и работодателями.

Группы	Характеристика деятельности органов студенческого самоуправления в академической среде университета.
Администрация университета	Осуществление установленных законом полномочий студенческого самоуправления в отношении функционирования университета; популяризация университета посредством крупных проектов, создание его узнаваемого и позитивного имиджа.
Преподаватели и другие сотрудники университета	Организация мероприятий, интересных не только студентам, но и сотрудникам университета.
Другие студенческие организации	Сотрудничество и поддержка деятельности всех студенческих организаций – как внутри университета (научные кружки и т.д.), так и за его пределами (например, студенческие самоуправления других университетов).

По мнению исследователей, студенческое самоуправление в высшей школе способствует:

- самоорганизации на основе объединения людей;
- формированию взглядов, демонстрирующих готовность к социально полезному поведению, бескорыстному служению и работе на благо других людей;
- более глубокому пониманию моральной ответственности, терпимости к другим, способности к сопереживанию;
- обеспечению чувства собственного достоинства как отдельных лиц, так и членов группы;
- обеспечение чувства безопасности, в частности, благодаря наличию механизмов самозащиты группы от внешних угроз [10].

Л. Во и Дж. Барнс считают, что участие в студенческом самоуправлении является одним из наиболее стимулирующих видов деятельности, влияющих на личностное развитие студентов, способствует приобретению практических навыков, а не только теоретических знаний [11]. Учитывая растущий спрос на сотрудников, способных самостоятельно ставить цели, распознавать проблемы и последствия в краткосрочной и долгосрочной перспективе, а также планировать, организовывать и контролировать выполнение задач и обеспечивать качество их реализации, работа в студенческом самоуправлении позволяет студентам получить необходимый опыт [13]. Такие навыки позволяют планировать не только карьеру, но и личную жизнь. Требования, предъявляемые к членам академического сообщества в ходе совместных проектов, создают ситуации, которые напрямую приводят к раскрытию сильных сторон студентов и повышению их самооценки.

А. Лиззю и К. Уилсон полагают, что целью функционирования университета является организация образовательного процесса, который готовит студентов к социальному и гражданскому сотрудничеству, развитию системы ценностей, осмыслению своей роли в мире и поиску своего предназначения [9]. По мнению авторов, цели такого образовательного процесса сводятся к следующему: «формирование чувства принадлежности, готовности принимать вызовы общества, уважение к достоинству других, развитие различных социальных компетенций – межличностных, организационных и управленческих. Также важны вторичные, скрытые компетенции, которые способствуют развитию личности – формирование адекватного чувства собственного достоинства, ответственности, познавательных компетенций, практических и жизненных навыков и умений» [9].

К.М. Льюис и Т.У. Райс считают, что студенческое самоуправление важно для формирования у студентов чувства собственной значимости, построения взаимоотношений, осуществления совместных инициатив и признания важности участия в нем каждого учащегося [6].

По мнению С.С. Петровой, студенческое самоуправление – это то, что объединяет студентов, позволяет почувствовать себя частью сообщества людей, преследующих одни и те же цели и имеющих схожие ожидания. Деятельность, осуществляемая в рамках студенческого самоуправления, направлена не только на внутреннюю среду университета, но и на построение отношений с его внешней средой. Волонтерские мероприятия, мероприятия для местного сообщества, организация досуга, академических встреч и стимулирование деятельности других членов академического сообщества имеют решающее значение для формирования позитивных черт характера, компетенций и ценностной личности, которые, в свою очередь, находят отражение в текущей деятельности и в достижении жизненных целей в будущем [1].

Студенческое самоуправление также является образовательным методом, поскольку его задача – активизировать как можно больше студентов, чтобы привить им установку на социально значимую деятельность. По словам А. Планаса с соавт., оно становится «регулятором отношений между руководством университета и молодежью посред-

ством: реального разделения компетенций и обязанностей; подлинной совместной ответственности и совместного руководства; решения молодежи своих собственных вопросов – по собственной инициативе, своими способами, с упором на собственные цели» [10].

По мнению многих авторов, студенческое самоуправление формирует социально-альтруистические установки личности, ставящие благо и интересы общества выше индивидуальных, такие как кооперация и сотрудничество; ответственность за себя, других и за общие дела; способность планировать, осуществлять и контролировать выполнение поставленных задач; учет потребностей и интересов других людей [10].

Заключение

Студенческое самоуправление представляет собой важную сферу деятельности не только для его членов, но и для всего академического сообщества: студентов, университетской администрации, преподавателей и сотрудников университета. Студенческое самоуправление следует рассматривать как воспитательный инструмент саморазвития студентов, направленный на формирование независимости и самостоятельности, построение социальных связей и формирование навыков управления своей жизнью с учетом благополучия других. При этом, благодаря студенческому самоуправлению формируется чувство общности, которое представляется необходимым для достижения целей и реализации миссии университета.

Литература

1. Петрова С.С. Студенческое самоуправление как педагогический и социальный феномен // *Образование и наука*. 2010. № 3 (71). С. 77–85.
2. Завертяева Ю.А., Трушкова И.Н. Студенческое самоуправление как инструмент формирования молодежного кадрового потенциала // *Вестник ВГУ. Серия: проблемы высшего образования*. 2018. № 4. С. 48–51.
3. Кузнецова М.П., Фролова М.Е. Студенческое самоуправление глазами первокурсников // *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 7–1. С. 117–122.
4. Хижная А.В., Бичева И.Б., Макарова Н.В., Сидоров А.Н. Организация студенческого самоуправления в вузе: нормативно-правовой аспект // *Современные проблемы науки и образования*. 2021. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31266> (дата обращения: 17.12.2025).
5. May W.P. The History of Student Governance in Higher Education // *College Student Affairs Journal*. 2010. Vol. 28(2). Pp. 207–220.
6. Lewis K.M., Rice T.W. Voter Turnout in Undergraduate Student Government Elections // *PS: Political Science and Politics*. 2005. Vol. 38(4). Pp. 723–729.
7. Tilton S. Virtual polling data: A social network analysis on a student government election // *Webology*. 2008. Vol. 5(4). Pp. 1–8.
8. Saha L.J., Print M. Student school elections and political engagement: A cradle of democracy? // *International Journal of Educational Research*. 2010. Vol. 49. Pp. 22–32.
9. Lizzio A., Wilson K. Student participation in university governance: the role conceptions and sense of efficacy of student representatives on departmental committees // *Studies in Higher Education*. 2009. Vol. 34(1). Pp. 69–84.
10. Planas A., Soler P., Fullana J., Pallisera M., Vila M. Student participation in university governance: the opinions of professors and students // *Studies in Higher Education*. 2011. Vol. 38 (4). Pp. 571–583.
11. Vaughn L., Burns J. Pathways to involvement: The role of graduate student government in leadership learning // *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*. 2025. Vol. 6(2). Pp. 93–108.
12. Pabian P., Minksova L. Students in Higher Education Governance in Europe: Contrasts, commonalities and controversies // *Tertiary Education and Management*. 2013. Vol. 17(3). Pp. 261–273.
13. Baksheev A.I., Nozdrin D.A., Turchina Zh.E., Sharova O.Ya., Yurchuk G.V., Rakhinskiy D.V. Bioethical principles and mechanisms for regulation of biomedical research // *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*. 2018. Vol. 10. № 4. Pp. 889–892.

regulation of biomedical research // *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*. 2018. Vol. 10. № 4. Pp. 889–892.

14. Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Бакшеева С.Л., Андренко О.В., Иванов В.Г. Роль воспитательной работы в профессиональном становлении современного специалиста высшей школы // *Современное педагогическое образование*. 2022. № 2. С. 154–158.

STUDENT SELF-GOVERNMENT AS A SOURCE OF SELF-DEVELOPMENT FOR UNIVERSITY STUDENTS

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Kolmakov V.Yu., Nor O.V., Vergun A.S.

Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voyno-Yasenetsky

Self-development, that is, the independent realization of personal potential, is of great importance for human functioning in the 21st century, which fundamentally changes the perception of the mission of higher education institutions, their functions and values. Today, universities are called upon to be spaces that activate students, creating conditions not only for them to acquire knowledge and skills, but also for self-development, which can be greatly facilitated by students' participation in student self-government.

This study is devoted to student self-government as an activity that is a source of self-development for students. The purpose of the article is to determine the role of student self-government as a source of self-development for university students. The article analyzes the theoretical aspects of student self-government activities: the definition of the term "self-government" is considered, and the essence of self-government is characterized. The author presents the range of competencies of student self-government bodies and analyzes the main content of student self-government activities in the academic environment of the university. Based on the analysis of scientific works, the educational impact of participation in student self-government on the formation of students' personalities is demonstrated. It is concluded that student self-government should be considered as an educational tool for students' self-development, aimed at forming independence and self-reliance, building social connections, and developing skills in managing one's life while taking into account the well-being of others. At the same time, student self-government fosters a sense of community, which is necessary for achieving the goals and fulfilling the mission of the university.

Keywords: students, student self-government, self-development, social activity, competencies.

References

1. Petrova S.S. Student Self-Government as a Pedagogical and Social Phenomenon // *Education and Science*. 2010. No. 3 (71). Pp. 77–85.
2. Zaverlyayeva Yu.A., Trushkova I.N. Student Self-Government as a Tool for Forming Youth Personnel Potential // *VSU Bulletin. Series: Problems of Higher Education*. 2018. No. 4. Pp. 48–51.
3. Kuznetsova M.P., Frolova M.E. Student Self-Government through the Eyes of First-Year Students // *International Journal of Experimental Education*. 2014. No. 7–1. Pp. 117–122.
4. Khizhnaya A.V., Bicheva I.B., Makarova N.V., Sidorov A.N. Organization of student self-government at the university: regulatory and legal aspect // *Modern problems of science and education*. 2021. No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31266> (date of access: 12/17/2025).
5. May W.P. The History of Student Governance in Higher Education // *College Student Affairs Journal*. 2010. Vol. 28(2). Pp. 207–220.
6. Lewis K.M., Rice T.W. Voter Turnout in Undergraduate Student Government Elections // *PS: Political Science and Politics*. 2005. Vol. 38(4). Pp. 723–729.
7. Tilton S. Virtual polling data: A social network analysis on a student government election // *Webology*. 2008. Vol. 5(4). Pp. 1–8.
8. Saha L.J., Print M. Student school elections and political engagement: A cradle of democracy? // *International Journal of Educational Research*. 2010. Vol. 49. Pp. 22–32.
9. Lizzio A., Wilson K. Student participation in university governance: the role conceptions and sense of efficacy of student representatives on departmental committees // *Studies in Higher Education*. 2009. Vol. 34(1). Pp. 69–84.
10. Planas A., Soler P., Fullana J., Pallisera M., Vila M. Student participation in university governance: the opinions of professors and students // *Studies in Higher Education*. 2011. Vol. 38 (4). Pp. 571–583.
11. Vaughn L., Burns J. Pathways to involvement: The role of graduate student government in leadership learning // *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*. 2025. Vol. 6(2). Pp. 93–108.
12. Pabian P., Minksova L. Students in Higher Education Governance in Europe: Contrasts, commonalities and controversies // *Tertiary Education and Management*. 2013. Vol. 17(3). Pp. 261–273.
13. Baksheev A.I., Nozdrin D.A., Turchina Zh.E., Sharova O.Ya., Yurchuk G.V., Rakhinskiy D.V. Bioethical principles and mechanisms for regulation of biomedical research // *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*. 2018. Vol. 10. № 4. Pp. 889–892.
14. Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Baksheeva S.L., Андренко О.В., Иванов В.Г. The role of educational work in the professional development of a modern higher education specialist // *Modern pedagogical education*. 2022. No. 2. P. 154–158.

Интегрированный подход к языковому преподаванию в эпоху технологий: постметодологический фреймворк

Хуан Ли,

преподаватель академического департамента, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 467379265@qq.com

Ван Вэньбо,

аспирант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 15553020299@139.com

На фоне углубления глобализации и цифровизации образования преподавание языков переживает глубокую смену парадигмы – от методоцентричных подходов к постметодологическим. Опираясь на постметодологический фреймворк Кумаравадвелу, данное исследование критически рассматривает исторические ограничения предписывающих, универсальных методов преподавания, характерных для «эпохи методов», и разясняет теоретическое ядро постметодологической парадигмы – принципы конкретности (particularity), практичности (practicality) и возможности (possibility). Преодолевая поверхностное понимание «отсутствия метода», статья предлагает подход «сверхметода» (super-method), основанный на интегрированном преподавании, и разрабатывает динамическую образовательную модель, управляемую автономией учителя и структурированную вокруг трёхмерного цикла «диагностика – вмешательство – рефлексия». Дополнительно анализируются ключевые напряжения при этом парадигмальном переходе, включая когнитивную инерцию учителей и институциональные барьеры, а также исследуется эмуляторная роль новых технологий – в частности искусственного интеллекта (например, ChatGPT) – как когнитивных инструментов и катализаторов рефлексивной практики. Исследование приводит к выводу, что успешная реализация постметодологического преподавания языков зависит от синергетического взаимодействия реформы педагогического образования, институциональных инноваций и технологического усиления.

Ключевые слова: постметодологическая эра, смена парадигмы, автономия учителя, интегрированное преподавание, цикл «диагностика – вмешательство – рефлексия», искусственный интеллект в образовании, когнитивная инерция, языковая педагогика.

Введение

История преподавания иностранных языков в XX веке отражает переход от поиска универсальных методов к осознанию ограниченности методоцентрического подхода. Последовательная смена доминирующих методик – от грамматико-переводной до коммуникативной – основывалась на представлении об обучении как наборе процедур, а о преподавателе как их исполнителе. Однако неоднородность образовательных контекстов и динамика языкового развития выявили невозможность существования единственно эффективного метода.

Критика аудиolingвизма и коммуникативного подхода показала, что как механистичность упражнений, так и односторонний акцент на беглости не обеспечивают устойчивых результатов, особенно в культурно специфичных и многонациональных аудиториях. Исследования конца XX – начала XXI века также зафиксировали разрыв между теорией и практикой, обусловленный доминированием универсальных решений, не учитывающих локальные образовательные условия.

В условиях глобализации и цифровизации образования данная проблема сохраняет актуальность и требует пересмотра методологической основы преподавания. В этой связи концепция постметодологической эры Б. Кумаравадвелу [10] предлагает не новый метод, а гибкую, контекстно ориентированную парадигму, основанную на автономии учителя, контекстуализации обучения и педагогической рефлексии как ключевых принципах профессиональной деятельности.

Актуальность постметодологической перспективы сегодня особенно высока. Современные образовательные пространства характеризуются многоязычностью, межкультурностью, гибридными форматами, быстрыми технологическими изменениями. В таких условиях заранее разработанная универсальная методика неизбежно оказывается ограниченной. Постметодологический подход предлагает решение этой проблемы, делая акцент на гибкости, аналитическом мышлении и способности учителя обоснованно выбирать и комбинировать стратегии обучения.

Новизна современного научного рассмотрения проблемы состоит в смещении исследовательского акцента: вместо сопоставления методов, внимание переносится на методологическое мышление преподавателя, на процесс принятия решений в реальном образовательном контексте. Это позволяет рассматривать обучение как сложную, социально и культурно обусловленную деятельность, требующую отказа от универсализма и перехода к многоуровневой, адаптивной системе педагогических решений.

Вклад постметодологической парадигмы заключается в формировании теоретической базы, способной объединить глобальные достижения методики с локальной практикой преподавания. Её развитие открывает новые направления исследований, связанные с изучением локальных моделей обучения, сравнением национальных педагогических традиций, анализом роли цифровых технологий и уточнением профессиональных компетенций преподавателя в условиях методологического плюрализма.

Теоретическая значимость

Теоретической опорой исследования является концепция постметодологии, разработанная Б. Кумаравадвелу [10]. Согласно этой парадигме, преподавание не может опираться на единый универсальный метод и должно строиться на анализе локальных контекстов, педагогической автономии и критической рефлексии. Постметодологическая перспектива интегрируется с социокультурными подходами и теориями критической педагогики [6; 2; 9].

В последние десятилетия в Китае также развивается научное направление, близкое к постметодологии – критическое осмысление преподавания китайского языка как иностранного, акцент на культурной вариативности, контексте обучающей среды и роли учащегося. Среди значимых авторов: Вэнь Цичжун [20] – разработала модель «производственно-ориентированного подхода» (Production-Oriented Approach, POA), которая синтезирует коммуникативные, когнитивные и социокультурные элементы; подчеркивает субъектность обучающихся и реальную значимость учебных задач. Цзя Гучжун [8] – исследует межкультурную коммуникацию и роль культурных схем в овладении китайским языком; рассматривает

обучение как процесс культурной адаптации и «переосмысления идентичности». Ху Вэйчжун [7] — один из первых китайских ученых, развивавших социокультурный подход к обучению; подчеркивает необходимость учета культурных сценариев и коммуникативных норм. Цэн Юйтин [26] — изучает роль культурной грамотности и символических систем в обучении китайскому как иностранному.

Сюй Цзиньлю [24] — развивает концепцию «контекстуального преподавания» китайского языка, близкую к принципу «конкретности» Б. Кумаравадвелу [10]. Лю Сюнь [14] — авторитетный исследователь в области национальной модели преподавания китайского языка; его учебно-методические разработки подчеркивают адаптивность и контекстуальную вариативность.

Методология

В исследовании применяются следующие методы: Контекстуально-интерпретационный анализ. Метод опирается на принцип «конкретности» Кумаравадвелу [10] и расширен за счет идей китайских ученых о необходимости учитывать культурную специфику аудитории [7]. Анализ включает: социально-культурный портрет учащихся, институциональные требования, микродинамику учебной среды, культурно-когнитивные схемы.

Дискурсивный анализ, используется для выявления: способов конструирования идентичности учащихся, стратегий культурной репрезентации в учебных материалах, коммуникативных норм.

Синтезирует западные подходы [9] и китайские исследования [8]. Корпусный анализ данных НКРЯ [<http://ruscorpora.ru>], позволяет изучить: частотность конструкций, реальные модели употребления, расхождения между учебным и естественным языком.

Сравнительно-исторический метод применяется для анализа перехода от методоцентризма XX века к постметодологии XXI века. Используются архивы (ОР РНБ) и сопоставляются китайские реформы в области ЧИФ (Chinese as a Foreign Language) 1990–2020-х гг. [21]. Критико-рефлексивный метод основан на теориях: Фрейре [6] — педагогика диалога и освобождения, Кумаравадвелу [11] — педагогическая автономия, Вэнь Цицжун [25] — исследовательская рефлексия в РОА. Метод помогает анализировать субъективный опыт учащихся как ключевой фактор формирования учебных стратегий.

Обзор подходов исследователей. Постметодология Б. Кумаравадвелу [11] формулирует три опорных параметра: конкретность, практичность, возможность (agency).

Эти идеи находят параллели в китайских исследованиях, которые подчеркивают необходимость адаптации методов к культурному и когнитивному профилю учащегося [22].

Социокультурный подход. Западные исследования [9] соотносятся с трудами Ху Вэйчжуна [7] подчеркивающих роль культурных сценариев в обучении китайскому языку.

Производственно-ориентированный подход (РОА). Разработан Вэнь Цицжун [25] как китайская альтернатива методоцентрическим моделям. РОА синтезирует: задачи с реальным смыслом, когнитивную активность, социокультурную рефлексивность.

Обсуждение

Постметодологический подход к преподаванию действительно знаменует глубокую смену парадигмы в языковом образовании. Он фундаментально оспаривает традиционную парадигму прикладной лингвистики, сосредоточенную на поиске «оптимального метода», и выдвигает новую методологическую логику, в центре которой стоят автономия учителя, контекстуализированная педагогическая практика и ситуативные образовательные стратегии обучения. Эта новая рамка, сформированная благодаря работам Б. Кумаравадвелу и развиваемая как в западной, так и в китайской педагогической мысли, позволяет рассматривать обучение языку как динамическую, контекстуально вариативную деятельность, основанную на взаимодействии участников образовательного процесса и постоянной рефлексии [23].

От «предписательного» к «генеративному». Сущность постметодологического подхода заключается в освобождении от жестких схем традиционных методов, ориентированных на фиксированные процедуры и заранее определенные цели. Традиционная логика «предписательности», характерная для грамматико-переводного, аудиolingвального и раннего коммуникативного подходов, построена по модели «сперва проектирование — затем реализация», где педагог следует заранее заданным методическим предписаниям [17].

В противоположность этому постметодологическая концепция, представленная в «макростратегическом фреймворке» Б. Кумаравадвелу, предполагает генеративный характер преподавания: цели, содержание, формы и стратегии обучения формируются в процессе взаимодействия учителя и учащихся. Они гибко адаптируются на основе

особенностей аудитории, культурного контекста, уровня вовлеченности и обратной связи в реальном времени [11].

Например, визуальным учащимся могут предлагаться учащенные мультимодальные материалы (видео, инфографика), а в интерактивных группах — элементы исследовательских проектов. Учащиеся, в свою очередь, могут предлагать собственные предпочтения — от ролевых игр вместо механических упражнений до совместного анализа аутентичных текстов [13].

От «технической рациональности» к «автономии учителя». Переход от технологической модели обучения к постметодологическому пониманию автономии учителя означает фундаментальную трансформацию профессиональной идентичности педагога. В традиционной логике учитель выступал скорее «техником», выполняющим предписанные методические инструкции.

В постметодологическом подходе учитель становится: стратегом, конструирующим гибкие, контекстуально чувствительные стратегии обучения; рефлексивным практиком, который непрерывно анализирует результаты, корректирует учебный процесс и совершенствует педагогическую практику через циклы рефлексии (18); трансформирующим интеллектуалом, способным критически оценивать применимость теорий, адаптировать подходы к локальным реалиям и учитывать социокультурную динамику [23]. Автономия учителя становится центральным условием эффективности обучения, поскольку именно она обеспечивает связь между теорией, педагогической реальностью и социальными контекстами.

От «монометода» к «многообразным стратегиям» и «коллажам методов». Ранние модели преподавания ограничивали педагога выбором одного «правильного» метода, что приводило к механической репликации процедур и игнорированию разнообразия учебных ситуаций. Постметодологическая парадигма, напротив, предполагает диагностику учебного контекста как ядро педагогической деятельности.

Учителя выбирают элементы из различных методологических традиций — обучения на основе задач, кооперативного обучения, перевёрнутого класса, проектной деятельности — и комбинируют их для создания гибких, контекстно-ориентированных «коллажей методов» [14].

Этот «коллаж» представляет собой не механическую сумму методов, а органическую конструкцию, созданную для оптимального соответствия потребностям аудитории и образовательным целям. Таким образом, педагог перестаёт быть привязанным к одному методу и становится дизайнером педагогических решений, использующим широкий спектр стратегий, техник и мультимодальных ресурсов.

Теоретическая критика и реконструкция постметодологической парадигмы

Недостатки «эпохи методов» проистекают из её внутренних теоретических предположений, являющихся логическими следствиями из заранее определённых постулатов. Традиционный подход, сосредоточенный на поиске универсально применимого метода преподавания, исходил из предположения, что один метод может быть одинаково эффективен во всех контекстах и для всех учеников [17].

Педагогические подходы, такие как грамматико-переводной метод и аудиolingвистический метод, стремились к стандартизированным процедурам, что неизбежно приводило к фрагментарному и однообразному обучению. Унифицированный метод игнорирует индивидуальные различия в базовых знаниях, стилях обучения и когнитивных способностях учеников, что снижает эффективность процесса и ведёт к «один для всех» преподаванию.

Во-вторых, технологическая операционализация этих методов сводила преподавание к ригидным шагам, требуя от учителей строгого следования инструкциям, при этом игнорируя сложность динамических взаимодействий в аудитории [5]. Неожиданные проблемы учеников, такие как трудности с грамматическими структурами, или вариации контекста, например требования многокультурной аудитории, исключались из предварительно определённого фреймворка, лишая учителей гибкости и сводя процесс обучения к механическим операциям.

Наконец, предположение «теория выше практики» разъединяет методологию от реальных условий аудитории. Идеализированный процесс, выведенный из теоретических соображений, трудно адаптировать к реальным переменным, что создаёт разрыв между методологией и практикой и делает подход неспособным решать практические задачи преподавания [23].

Ригидный предварительно определённый процесс преподавания

Аудиolingвистический метод является наглядным примером ригидности традиционного подхода. Его схема «стимул — ответ — подкрепление»

с нулевой терпимостью к ошибкам превращает сложный творческий процесс изучения языка в формирование рефлексивных привычек, подавляя когнитивное вовлечение и коммуникативную мотивацию учеников [17].

По сути, это прямое применение поведенческой психологии к языковому обучению. Ученики лишаются возможности активно исследовать смысл и структуру языка. В результате они могут освоить поверхностные конструкции, но не развивают стратегическую способность и коммуникативную готовность применять язык в реальных контекстах, что приводит к формированию «пустой языковой компетенции» и снижению мотивации к обучению [12].

Разрыв между теорией и практикой

Грамматико-переводной метод является классическим примером конфликта теории и практики. Предположение о том, что изучение языка через перевод на родной язык и анализ грамматики обеспечивает эффективное обучение, противоречит коммуникативной функции языка. Этот подход рассматривает язык как разрозненную систему знаний, оторванную от реального общения [5].

В аудитории и преподаватели, и ученики оказываются запутанными в ригидной рамке: педагоги механически анализируют грамматику, а ученики выполняют переводные упражнения без контекста. Оба участника процесса становятся «рабами» абстрактных правил, а не активными пользователями языка. Это создаёт глубокий «двойной разрыв»: язык отчуждён как инструмент коммуникации, а внутренняя мотивация учеников к осмысленному выражению блокируется. В результате возникает значительное число «немых» языковедов – людей, знающих правила, но неспособных к продуктивной коммуникации.

Ядровые положения постметодологической парадигмы

Постметодологическая парадигма предлагает принципиально новое понимание преподавания языков, опираясь на гибкость, контекстуальность и автономию учителя. Она формирует ядровые положения, которые существенно меняют традиционное распределение ролей и методов в образовательном процессе.

Принцип антиметода. Подход антиметода не отвергает существующие методы преподавания как таковые, а критикует их доминирующее положение и универсализм. В постметодологическом языковом образовании этот принцип противопоставляется «эпохе методов», которая возвышала конкретные подходы, такие как грамматико-переводной и коммуникативный, до «оптимальных решений», игнорируя разнообразие контекстов и потребностей учеников [9].

Антиметод ориентирует учителя на контекстное преподавание, освобождая от слепого следования фиксированным методическим фреймворкам. При этом методы разбиваются на гибкие стратегические единицы, такие как проектирование заданий на основе реальных сценариев, кооперативное обучение или сегменты самостоятельной работы перед классом. Эти единицы адаптируются в соответствии с компетенцией учеников и динамикой аудитории [22].

Философия антиметода возвращает педагогике её практическую и контекстную природу, позволяя методам служить образовательным целям, а не ограничивать творчество и инициативу учителя. Такой подход наделяет педагогов автономией и стимулирует инновационные практики преподавания.

Учителя как исследователи. В постметодологическом подходе учителя становятся центральными субъектами образовательного процесса, выполняя роль исследователей и дизайнеров обучения [18].

С помощью методов действия-исследования, наблюдения в аудитории и обратной связи от учеников, они собирают аудиторские доказательства и динамически корректируют свои подходы, превращая аудиторию в живую лабораторию знаний.

Концепция «учителя как исследователя» означает переход от пассивного исполнения теорий к активному созданию педагогического знания. Учителя систематически наблюдают, практикуют, рефлексиируют и совершенствуют свои стратегии, создавая персонализированные образовательные модели, соответствующие уникальным условиям и потребностям каждой аудитории [22].

Ученик-ориентированный подход. Постметодологическая парадигма смещает фокус с «как преподаёт учитель» на «как учится ученик». Решения в области преподавания теперь основаны на потребностях, мотивации, когнитивных стилях и социально-культурных контекстах учеников, стремясь максимизировать осмысленное вовлечение и эффективность обучения [2].

Ядро преподавания смещается к «как учиться», что подразумевает интеграцию индивидуальных различий, эмоциональных потребностей, предварительных знаний и реальных жизненных контекстов учеников.

Такой подход обеспечивает более глубокое освоение языка, развитие критического мышления и формирование социальной и культурной компетенции [15].

Анализ напряжений парадигмального перехода. Смена парадигмы в языковом образовании от «эпохи методов» к «постметодологической эпохе» является сложным процессом, насыщенным множественными напряжениями.

Напряжение между теорией и практикой. Постметодология подчёркивает автономию учителя и динамическую генерацию педагогических стратегий, требуя от преподавателей развития критического мышления и интеграции навыков на основе наблюдений в аудитории [23]. Однако многие педагоги, длительное время работающие в рамках традиционной «технической рациональности», сталкиваются с когнитивной инерцией. Они продолжают следовать «предписанным процедурам», создавая разрыв между теоретической идеей постметодологии и её практической реализацией [7].

Напряжение между стандартизацией и гибкостью. Постметодология отвергает универсальные методические фреймворки и поощряет «коллажи методов», однако излишняя гибкость может привести к неопределённости образовательных целей [15]. Учителя должны находить баланс между освобождением от ограничений монометода и поддержанием структурированной, осмысленной педагогической практики [13].

Напряжение между индивидуальной автономией и внешними ограничениями. Автономия учителя требует поддерживающих систем, таких как гибкая программа и инклюзивное школьное управление, однако реальность часто ограничена стандартизированными оценками, фиксированным расписанием и административными регламентами. Эти факторы создают внешнее сопротивление трансформации и требуют координации на уровнях учителей, школ и образовательной политики [26]. **Когнитивная инерция учителей.** Учителя, привыкшие к устойчивым методам, могут испытывать «автономную тревогу», обусловленную недостатком теоретической уверенности и практического опыта в новых ролях «исследователей» и «стратегов» [12]. Когнитивная инерция создаёт психологическую зону комфорта, упрощая сложные сценарии до предсказуемых процедур. Преодоление этого состояния требует глубокого понимания педагогического содержательного знания (РСК) и уверенности в принятии самостоятельных решений, что иначе может приводить к профессиональной фрустрации и сопротивлению реформам.

Институциональные барьеры

Стандартизированные экзамены и жёсткие программы формируют систему «институциональной инерции», которая ограничивает гибкость, генеративность и адаптивность постметодологического подхода [80]. Система, ориентированная на баллы и стандартные ответы, препятствует динамической генерации методов и контекстной адаптации. Без фундаментальной реформы системы оценки любые усилия по внедрению гибких стратегий преподавания столкнутся с серьёзными институциональными препятствиями, ограничивая эффективность образовательных инноваций.

Для усиления автономии учителя предлагается интегрированный образовательный фреймворк, реализуемый в виде трёхмерного цикла «диагностика – интеграция – оценка». На этапе диагностики осуществляется комплексная оценка уровня подготовки, когнитивных стилей и образовательных потребностей обучающихся. Этап интеграции предполагает отказ от монометода и гибкое сочетание различных педагогических стратегий, адаптированных к реальному учебному контексту. На этапе оценки используются формативные инструменты обратной связи, результаты которых служат основой для корректировки последующих циклов обучения и устойчивого повышения эффективности преподавания.

Заключение

Постметодологическая эра отражает смену парадигмы в языковой педагогике – от жёсткой ориентации на фиксированные методы к гибким, контекстно обусловленным подходам. Она не отрицает методы, а предполагает их критическое и рефлексивное использование в рамках «сверхметодологии», ориентированной на эффективность обучения.

В данной парадигме педагог выступает как теоретически информированный практик, интегрирующий методические традиции, технологии и опыт обучающихся для проектирования локализованных стратегий обучения. Ключевое значение приобретает адаптивное принятие решений и систематическая рефлексия, позволяющие управлять сложной динамикой образовательного процесса.

Реализация постметодологического подхода требует как развития профессиональной автономии педагогов, так и институциональ-

ных изменений – обновления педагогического образования, оценочных фреймворков и организационной культуры. Использование современных технологий, включая искусственный интеллект, усиливает аналитическую и инструментальную поддержку преподавания.

В целом постметодологическое образование ориентировано на формирование человекоцентричной, гибкой и технологически поддерживаемой экосистемы, обеспечивающей баланс между педагогической теорией, профессиональной свободой учителя и инновационными практиками обучения.

Литература

1. Busse, V., & Walter, C. (2013). Foreign language learning motivation in higher education: A longitudinal study of motivational changes and their causes. *The Modern Language Journal*, 97(2), 435–456. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.2013.12004.x>
2. Byram, M. (2021). Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence: Revisited (2nd ed.). *Multilingual Matters*. <https://doi.org/10.2307/jj.22730614>
3. Chen, L. (2009). The post-metaphysical era of foreign language pedagogy. *Journal of the School of Foreign Languages, Shandong Normal University (Basic English Education)*, 11(3), 3–8.
4. Cheng, X. (2006). Research on foreign language teaching methods in the post-methodological era. *Journal of Tianjin Foreign Studies University*, 13(4), 63–68.
5. Cook, V. (2008). *Second Language Learning and Language Teaching* (4th ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203770511>
6. Freire, P. (1972). *Pedagogy of the Oppressed*. Penguin. <https://archive.org/details/pedagogyofoppressed>
7. Hu, W. (1999). *跨文化交际学概论* [An Introduction to Intercultural Communication]. 外语教学与研究出版社.
8. Jia, G. (2008). *跨文化交际与语言教育* [Intercultural Communication and Language Education]. 北京大学出版社. *跨文化交际 (2008年上海外语教育出版社出版的图书)* _百度百科
9. Kramsch, C. (1993). *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford University Press. https://books.google.kg/books?id=73rFnM6qlrwC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
10. Kumaravadivelu, B. (2001). Toward a postmethod pedagogy. *TESOL Quarterly*, 35(4), 537–560. <https://doi.org/10.2307/3588427>
11. Kumaravadivelu, B. (2014). Afterword: Rethinking global perspectives and local initiatives in language teaching. In *Language Teachers and Teaching: Global Perspectives, Local Initiatives* (Pp. 317–323). www.researchgate.net/publication/288676077_Afterword_Rethinking_global_perspectives_and_local_initiatives_in_language_teaching
12. Larsen-Freeman, D. (2011). *Techniques and Principles in Language Teaching* (3rd ed.). Oxford University Press. <https://global.oup.com/academic/product/techniques-and-principles-in-language-teaching-9780194423601>
13. Li, H., & Wang, X. (2017). Research on practical paths of applying embodied cognition theory in vocational education: Taking the course “Hotel English” as an example. *Chinese Vocational and Technical Education*, 12(12), 58–63.
14. Liu, X. (2007). *新实用汉语课本* [New Practical Chinese Textbook] (Vols. 1–4). 北京语言大学出版社. <https://blcup.com>
15. Mei, Q. (2012). A brief overview of the development of foreign language teaching philosophy in the post-metaphysical era. *Journal of Inner Mongolia Normal University (Educational Science Edition)*, 25(1), 122–124.
16. Qi, F., & Zhang, J. (2017). Reconsidering foreign language teaching strategies and techniques in the era of post-teaching methodology. *Foreign Language Teaching*, 38(5), 54–59.
17. Richards, J. C., & Rodgers, T. S. (1999). *Approaches and Methods in Language Teaching* (3rd ed.). Cambridge University Press. https://drive.google.com/file/d/0B_bfTSRIA6fZjZKN1pJWtJMTFU/view?resourcekey=0-p6NFv6g-JLk20dAMPJzYEQ
18. Schön, D. (1983). *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. Basic Books.
19. Shu, D. (2005). A call for a foreign language teaching theory with Chinese characteristics. *Foreign Language World*, 6(1), 2–7.
20. Wen, Q. (2013). The production-oriented approach to teaching Chinese as a foreign language. *Chinese Journal of Applied Linguistics*, 36(1), 5–17. <https://doi.org/10.1515/cjal-2013-0002>
21. Wen, Q. (2016). *应用型外语教学体系研究* [Research on Applied Foreign Language Teaching System]. 外语教学与研究出版社. <http://www.fltrp.com>
22. Wen, Q. (2019). 70 years of development in the New China foreign language teaching theory. *China Foreign Language*, 16(5), 14–22.

23. Wu, G., & Chu, H. (2020). Foreign language teaching methodology from a post-methodological perspective: Transcendence and reconstruction. *Curriculum, Teaching Materials, and Pedagogy*, 1(1), 9–103.

24. Xu, J. (2018). Contextualized teaching of Chinese as a foreign language: A developmental approach. *Foreign Language World*, 4(1), 12–22. <https://www.cfla.org.cn>

25. Yan, Z., & Li, R. (2017). Overcoming fidelity orientation in curriculum implementation: Rethinking curriculum implementation in the “post-reflective” era. *Educational Theory and Practice*, 10(1), 51–55.

26. Zeng, Y. (2015). Cultural literacy and symbolic systems in CFL teaching. *Journal of Chinese Language Education*, 12(2), 77–91. <https://www.jcle.org>

AN INTEGRATED APPROACH TO LANGUAGE TEACHING IN THE TECHNOLOGICAL AGE: A POST-METHODOLOGICAL FRAMEWORK

Huang Li, Wang Wenbo
Xinjiang Normal University

Against the backdrop of deepening globalization and digitalization of education, language teaching is undergoing a profound paradigm shift—from method-centric approaches to post-methodological ones. Drawing on Kumaravadivelu’s post-methodological framework, this study critically examines the historical limitations of the prescriptive, universal teaching methods characteristic of the “age of methods” and elucidates the theoretical core of the post-methodological paradigm—the principles of particularity, practicability, and possibility. Overcoming the superficial understanding of “no method,” the article proposes a “super-method” approach based on integrated teaching and develops a dynamic educational model driven by teacher autonomy and structured around the three-dimensional cycle of “diagnosis-intervention-reflection.” Additionally, the key tensions in this paradigmatic shift are analyzed, including teachers’ cognitive inertia and institutional barriers, and the emulatory role of new technologies—particularly artificial intelligence (e.g., ChatGPT)—as cognitive tools and catalysts for reflective practice is explored. The study concludes that the successful implementation of postmethodological language teaching depends on the synergistic interaction of teacher education reform, institutional innovation, and technological enhancement.

Keywords: postmethodological era, paradigm shift, teacher autonomy, integrated teaching, diagnosis-intervention-reflection cycle, artificial intelligence in education, cognitive inertia, language pedagogy.

References

1. Busse, V., & Walter, C. (2013). Foreign language learning motivation in higher education: A longitudinal study of motivational changes and their causes. *The Modern Language Journal*, 97(2), 435–456. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.2013.12004.x>
2. Byram, M. (2021). Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence: Revisited (2nd ed.). *Multilingual Matters*. <https://doi.org/10.2307/jj.22730614>
3. Chen, L. (2009). The post-metaphysical era of foreign language pedagogy. *Journal of the School of Foreign Languages, Shandong Normal University (Basic English Education)*, 11(3), 3–8.
4. Cheng, X. (2006). Research on foreign language teaching methods in the post-methodological era. *Journal of Tianjin Foreign Studies University*, 13(4), 63–68.
5. Cook, V. (2008). *Second Language Learning and Language Teaching* (4th ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203770511>
6. Freire, P. (1972). *Pedagogy of the Oppressed*. Penguin. <https://archive.org/details/pedagogyofoppressed>
7. Hu, W. (1999). *跨文化交际学概论* [An Introduction to Intercultural Communication]. 外语教学与研究出版社.
8. Jia, G. (2008). *跨文化交际与语言教育* [Intercultural Communication and Language Education]. 北京大学出版社. *跨文化交际 (2008年上海外语教育出版社出版的图书)* _百度百科
9. Kramsch, C. (1993). *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford University Press. https://books.google.kg/books?id=73rFnM6qlrwC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
10. Kumaravadivelu, B. (2001). Toward a postmethod pedagogy. *TESOL Quarterly*, 35(4), 537–560. <https://doi.org/10.2307/3588427>
11. Kumaravadivelu, B. (2014). Afterword: Rethinking global perspectives and local initiatives in language teaching. In *Language Teachers and Teaching: Global Perspectives, Local Initiatives* (Pp. 317–323). www.researchgate.net/publication/288676077_Afterword_Rethinking_global_perspectives_and_local_initiatives_in_language_teaching
12. Larsen-Freeman, D. (2011). *Techniques and Principles in Language Teaching* (3rd ed.). Oxford University Press. <https://global.oup.com/academic/product/techniques-and-principles-in-language-teaching-9780194423601>
13. Li, H., & Wang, X. (2017). Research on practical paths of applying embodied cognition theory in vocational education: Taking the course “Hotel English” as an example. *Chinese Vocational and Technical Education*, 12(12), 58–63.
14. Liu, X. (2007). *新实用汉语课本* [New Practical Chinese Textbook] (Vols. 1–4). 北京语言大学出版社. <https://blcup.com>
15. Mei, Q. (2012). A brief overview of the development of foreign language teaching philosophy in the post-metaphysical era. *Journal of Inner Mongolia Normal University (Educational Science Edition)*, 25(1), 122–124.
16. Qi, F., & Zhang, J. (2017). Reconsidering foreign language teaching strategies and techniques in the era of post-teaching methodology. *Foreign Language Teaching*, 38(5), 54–59.

17. Richards, J. C., & Rodgers, T. S. (1999). *Approaches and Methods in Language Teaching* (3rd ed.). Cambridge University Press. https://drive.google.com/file/d/0B_bfTS-RIAH6fzjZKN1pJWtJMTFU/view?resourcekey=0-p6NFv6g-JLk20dAMPJzYEQ
18. Schön, D. (1983). *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. Basic Books.
19. Shu, D. (2005). A call for a foreign language teaching theory with Chinese characteristics. *Foreign Language World*, (6), 2–7.
20. Wen, Q. (2013). The production-oriented approach to teaching Chinese as a foreign language. *Chinese Journal of Applied Linguistics*, 36(1), 5–17. <https://doi.org/10.1515/cjal-2013-0002>
21. Wen, Q. (2016). *应用型外语教学体系研究* [Research on Applied Foreign Language Teaching System]. 外语教学与研究出版社. <http://www.fltrp.com>
22. Wen, Q. (2019). 70 years of development in the New China foreign language teaching theory. *China Foreign Language*, 16(5), 14–22.
23. Wu, G., & Chu, H. (2020). Foreign language teaching methodology from a post-methodological perspective: Transcendence and reconstruction. *Curriculum, Teaching Materials, and Pedagogy*, (1), 9–103.
24. Xu, J. (2018). Contextualized teaching of Chinese as a foreign language: A developmental approach. *Foreign Language World*, (4), 12–22. <https://www.cfla.org.cn>
25. Yan, Z., & Li, R. (2017). Overcoming fidelity orientation in curriculum implementation: Rethinking curriculum implementation in the “post-reform” era. *Educational Theory and Practice*, (10), 51–55.
26. Zeng, Y. (2015). Cultural literacy and symbolic systems in CFL teaching. *Journal of Chinese Language Education*, 12(2), 77–91. <https://www.jcle.org>

Чашин Елисей Владимирович,

кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: chashin86@mail.ru

Камышев Константин Дмитриевич,

старший преподаватель, кафедра истории и философии, Пермского государственного аграрно-технологического университета
E-mail: Robespewer@mail.ru

Данное исследование посвящено изучению влияния особенностей пограничного пространства на творчество людей, живущих на нем. В качестве яркого примера был выбран писатель, проживавший во втором веке нашей эры на такой территории и вошедший в анналы как Лукиан Самосатский. В статье представлены: краткая биография Лукиана; исторические условия его жизни; Римско-иранское пограничье и его влияние; предпосылки возникновения литературных произведений Лукиана; философско-антропологическое осмысление творчества Лукиана.

Ключевые слова: римско-иранское пограничье, Лукиан, культура пограничья, постирония.

Актуальность

Среди проблем философской антропологии и философии культуры практически не затрагивался вопрос формирования человеческого сознания в условиях пограничных пространств. Не формулировалось в качестве отдельной исследовательской задачи и осмысление влияния «культуры пограничья (трансграничья)» на развитие творческой личности. В философском аспекте культурное пограничье рассматривается как «поле диалога, а не место столкновения» [3, с. 278].

Лукиан Самосатский – древнеримский грекоязычный интеллектуал, писатель-сатирик, ритор, общественный деятель, происходивший из города Самосаты в римской провинции Сирия. Годы его жизни известны только приблизительно – родился около 120 г.н.э. и умер около 180 г.н.э. в Антиохии.

Он происходил из семьи с невысоким социальным статусом, которая могла обеспечить его только базовым уровнем образования. От рождения не имел римского гражданства. Лукиан, вероятно, являлся арамеоязычным сирийцем и древнегреческий язык не был для него знакомым с раннего детства, но по мере социализации он освоил его. Недостатки образования компенсировались им путем самообразования, опытом странствий и личным взаимодействием с известными античными интеллектуалами II в.н.э. Среди них: врач Гален, философы Цельс и Кроний, историк Арриан, возможно, Герод Аттик. Лукиан много путешествовал по Римской империи, побывав в Сирии, Малой Азии, Греции, Египте, Риме, Галлии.

В сорокалетнем возрасте он обращается к философии, по всей видимости в то время проживая в Афинах. Творческое наследие Лукиана достаточно велико: включает в себя философские диалоги, сатиры, биографии и романы, описывающие многочисленные приключения и путешествия (часто откровенно высмеивающие действительность). Помимо филологической деятельности в течении жизни, он занимался музыкой (особенно игрой на флейте), юриспруденцией и, вероятно, медициной. К 163 г. он находился в Антиохии, при дворе императора Луция Вера (соправителя Марка Аврелия), который вел в это время римско-парфянскую войну 161–166 гг. В конце жизни занимал пост архистратора при префекте Египта [25, р. IX.]. Старость встретил в относительной бедности, но при этом сохранял влиятельных покровителей.

Эпоха, в которую жил Лукиан Самосатский в сфере культуры характеризуется рассветом «второй софистики» и развитием жанрового направления «греческого романа». Это был период, когда при поддержке римских меценатов греческая литература интегрируется в древнеримскую культуру. Под импульсом эллинофильской культурной политики императора Адриана (117–138 гг.н.э.) наступает возрождение древнегреческой классики в духовной сфере. Набирает популярность «кинический стиль» в литературе, оказавший особое влияние на формирование художественного почерка Лукиана. Аналогичные процессы происходили и в философии. Фактически оформилась единая античная (греко-римская или, точнее эллинистически-римская) духовная культура. Античная философия I–II вв.н.э. декадентская, популяризированная, космополитичная, эклектичная, отмеченная скепсисом и внутренними противоречиями, находилась в состоянии кризиса. В римском обществе распространяется явление эпигонства, то есть отказа от творческого начала и «вторичности» мысли, апелляции к авторитетам прошлого. Следы этой тенденции можно увидеть и в работах Лукиана, создавшего философско-художественные портреты своих современников: Нигрина и Демонакта.

Одна из самых длительных в истории границ – римско-иранская, существовавшая почти 800 лет. Последнее начало свою историю в I в. до н.э. (хроники фиксируют в 92 г. до н.э. первое пересечение территориальных интересов Рима и Парфии) и продолжалось до первой трети VII в.н.э. (битва при Ярмуке 636 г. между византийцами и арабами). На протяжении его существования менялись династии и даже государства: Римская республика превратилась в Империю, а та, в свою очередь, в результате распада сменилась Византией (Восточной Римской империей); Парфянская держава Аршакидов превратилась за это же время в Персидскую империю Сасанидов. Которая географически простиралась от Большого Кавказского хребта до Аравийских и Северо-Африканских пустынь, постоянно расширяя свою вовлеченность в римско-иранские отношения. В отдельные периоды оно включало в свою орбиту такие удаленные друг от друга террито-

рии, как Предкавказье (Северный Кавказ) и Крым с одной стороны, и Южную Аравию с Северо-Восточной Африкой с другой. Сердцевинной римско-иранского пограничья был район Приевфратия и связанные с ним Кавказ и Сиро-Палестинский регионы. Само пограничье состояло из буферных государств, племен, квазигосударственных политических образований, борющихся между собой, с «Великими державами» региона, внешними акторами. В результате складывался особый пограничный (трансграничный) геополитический регион, где происходило взаимодействие, конфликты, а также синтез различных культур, традиций, религий. Стоит отметить, что именно в его пределах формируются две мировых религии: в I в.н.э. в Палестине возникает христианство; а в VII в.н.э. на периферии римско-иранского пограничья в Аравии – ислам.

Среди буферных государств римско-иранского пограничья находилась эллинистическая Коммагена со столицей в городе Самосата. К концу I в.н.э., она была включена в состав Римской империи (провинция Сирия). В Самосате располагался сначала VI Железный легион, а затем в начале правления Адриана (тогда же родился Лукиан) – XVI Стойкий Флавиев легион [22, p.22], что позволяло Лукиану уже тогда, начать взаимодействие с носителями римской государственности и культуры. Именно там, во II в.н.э. началась жизнь и деятельность этого писателя. Римско-иранская цивилизационная ойкумена в этот период достигла своего географического предела (уперлась в твердыни Кавказа и Аравийские пески), отсюда и возникает его попытка своеобразного выхода за эти границы в литературе.

Важно отметить, что именно в пограничных провинциях Рима дольше всего сохраняется традиционная римская идентичность. Об этом свидетельствует огромное количество эпиграфических, сакральных памятников (колон, жертвенников, статуй и др.) в легионных поселениях, которые связаны с официальным имперским культом, «Римским мифом» и Августовской концепцией «Золотого века» [10, с. 142] на Рейнской и Дунайской границе Римской империи. Аналогичные процессы, только в форме не романизации, а эллинизации проходили и на востоке Империи. Лукиан дает свидетельство о существовании идентичности подданного Римской империи вне зависимости от его территориального, религиозного, этнического, языкового происхождения. Он противопоставляет «нас» и «их», говоря о подданных Римской империи, при этом будучи греко- (арамео-) язычным. В целом, проявляя лояльность по отношению к власти Рима как неизбежному [17, с. 246].

Специфичность этноконфессиональной среды приевфратского региона римско-иранского пограничья отразилась в работах Лукиана Самосатского. Так, трактат Лукиана «О сирийской богине» высмеивает культурные различия между греками и сирийцами и является основным источником информации о культе Атаргатис в Иераполе. Культурная дихотомия «грек-ассириец (сириец)» разрушается под влиянием, того обстоятельства, что арамеоязычные сирийцы фактически добровольно ассимилировались и превратились в «эллинов» [20, p.273]. Анонимный рассказчик трактата сначала кажется греческим софистом, при этом по мере развития повествования выясняется, что на самом деле он – этнический сириец.

В произведении «Сновидение, или жизнь Лукиана» на особенности «пограничной культуры» указывает сама жизненная ситуация. Отец Лукиана устраивает совет из родственников для выбора сыну будущей профессии. В патриархальном ближневосточном обществе было распространено наследование профессии. Лукиан должен был стать ремесленником-каменотесом в мастерской брата его матери. Удивительно, что Лукиан смог убедить родителей направить его обучаться в Ионию.

Традиционные общества, как правило, были ориентированы на общинную замкнутость и изолированность. Античный греческий полис или римский муниципий (также *civitas*) представляли собой эволюционировавшую со временем общину [18, с. 18]. Эпоха эллинизма и Римской средиземноморской империи создала условную возможность миграций в пределах античной ойкумены, но не каждый представитель античной гражданской общины мог свободно путешествовать даже в пределах ближайшего региона, провинции. Само мировоззрение, основанное на полисной идентичности, создавало ментальные препятствия для индивидуальной миграции. Человеку, живущему на границе, намного легче было преодолеть данный психологический барьер. Для населения римско-иранского пограничья перемещения рассматривались не только как возможные, но и как желательные поведенческие модели: «...если ты куда-нибудь отправишься путешествовать, то и в других странах ты не будешь неизвестен или незаметен: я окружу тебя такими отличиями, что каждый, кто увидит тебя, толкнет своего соседа и скажет "вот он", показывая на тебя пальцем» [Luc. Peri tu epyrni, 11].

Показательна манера изложения Лукиана. Сама форма подачи автобиографии в виде сна была характерна для античной философии. Мы встречаем данный тип философских произведений от учеников Сократа до Бозэция Флавия. Также, в античной литературе существовала традиция изображать образы двух женщин, обозначающих противоположные нравственные качества (Добродетель – Порочность) или этносоциокультурные типы (эллины – варвары). Лукиан следует этой традиции, вводя в своё повествование подобную сцену, содержащую пренебрежения двух героинь [14, с. 364]. Лукиан способствовал преодолению мифологического и обыденного мировоззрения путем просвещения, аллегорически представленного в данном произведении в женском образе.

Осуждение деструктивных честолюбия и сектанства, граничащие с членовредительством и некромантией можно увидеть в риторическом произведении Лукиана «О кончине Перегринна». В самом тексте в гиперболизированном виде, в формате гротеска критикуется киническая философия, различные проявления восточных (преимущественно индийских) культов, в разряд которых попадает и раннее христианство. В произведении мы видим некоторые стереотипные представления об «индийских философах» (гимнософистах), что свидетельствует о проникновении сведений через Парфию и римско-иранское пограничье.

Странники Перегринна предстают в произведении как своеобразный прообраз тоталитарного сектантского объединения, пытающегося с помощью эпатажного самосожжения основателя создать паству с привлечением новых adeptов. Они действуют по следующему алгоритму:

- 1) «смерть в Олимпии во время важнейшего общегреческого праздника;
- 2) подготовка оракулов, готовивших его обожествление;
- 3) объявление всех присутствующих Филоклетами (соучастниками героев, сравнимыми с гомеровскими эпосами);
- 4) рассылка посмертных писем с заветами и увещаниями специально назначенными «вестниками мертвых» и «бегунами преисподней» [15, с. 648].

Таким образом, писатель выступает как своеобразный гуманист своего времени, осуждающий «лжемученичество» с античных ценностей оснований. При этом Лукиан не является критиком христианства, он больше иронизирует, насмехается над достаточно невежественными людьми, которые исповедуют глупые суеверия, и легко поддаются под власть проходивших [7, с. 52]. Однако только этим рефлексия писателя по поводу окружающей реальности не ограничивается.

Данная работа содержит критику не только религиозного фанатизма, но и современной Лукиану философской мысли и практики. Лукиан выступает не как философ-скептик, а как философ-бунтарь, осознающий несовершенство любых систематизации философского опыта, беспомощность поражённой официозом философии и неспособность философов-формалистов раскрыть дух подлинной философии [19, с. 19]. В этом проявляется характерная черта менталитета жителя пограничья – возможность оспаривать несовершенство одного подхода, опираясь на другой, обусловленной иным мировоззренческим основанием. В этом случае мы видим реализацию потенциала фронтальной личности не как политического, военного или религиозного деятеля, а как представителя философии и культуры. Это говорит в пользу того, что до кризиса III в.н.э. в римско-иранском пограничье неординарная личность во всех планах могла развиваться в самом его Ядре [8, с. 279].

В другом произведении «Менипп, или путешествие в подземное царство», мы встречаем пассажи, переносящие в знакомое Лукиану римско-иранское пограничье. Менипп для того, чтобы посетить Аид, в поисках проводника отправляется в Вавилон к халдеям, магам (мобедам), ученикам или последователям Зороастра. Поскольку «...они в состоянии известными заклинаниями и тайными обрядами открыть врата Аида, кого угодно провести в него и невредимым вывести обратно» [Luc. Menip. 6]. Здесь, в сознании Лукиана смешивались архаика (Вавилон как населенного пункта уже не существовало ко II в.н.э.) и отчетливые знания о реальном контроле ираноязычной династии Аршакидов над территорией Месопотамии (традиционно называемую Вавилонией в Римской империи). При этом автор имел лишь отдаленные представления о зороастризме (по неведомой причине, представители иранской религии выступают проводниками в загробный мир греко-римского пантеона). С другой стороны, мы видим некоторый синтез античных (прежде всего эллинистических) и восточных (прежде всего иранских) культурных элементов философско-религиозного характера, происходящий в пограничье.

Такой синтез демонстрируют нам культы, распространенные на территории Коммагены (с 74 г.н.э. части римской Сирии) с поздней

эллинистических времен. С I в. до н.э. в коммагенском пантеоне можно зафиксировать таких синтетических (синкретических) божеств, как: Зевс-Оромазд (персидский Ахумурзада), Артагн-Геракл-Арес (персидский Веретрагн), Аполлон-Митра-Гелиос-Гермес (персидский Митра) и другие [13, с. 4]. Именно их имена мог не разобрать Менипп, когда с помощью заклинаний зороастрийца Митробарзана они открывают путь в Аид. При этом Менипп спускается в Аид в образе Геракла [Luc. Menip. 8], что скорее всего отсылает к древнегреческому мифологическому сюжету о Геракле и Алкестиде (которую тот спас из Аида) [Plat. Symp. 179.].

Заброшенный мир в данной работе также достаточно синкретичен. В нем выделяется несколько уровней, которые Лукиан приводит на примере некогда богатых и влиятельных людей, единственный из которых (тиран Дионисий Старший) получает прощение (за поддержку интеллектуалов при его дворе), остальные вынуждены вести жизнь низов своего общества (Филипп II Македонский ремонтирует обувь, а Мавсол изнашивает под тяжестью своей гробницы), а самые провинившиеся из богатых и влиятельных – «души их да будут отправлены назад, на землю, и да вселятся в ослов и пребывают в них в течение двухсот пятидесяти тысячелетий, переходя из одних ослов в других, и пусть они носят тяжести, подгоняемые ударами бедняков» [Luc. Menip. 20]. Некоторые образы, такие как химера и цербер, пожирающие нечестивцев, вполне соотносятся с зороастрийскими демонами, поглощающими тела грешников [Арда Вираз намаг, 29]. Но решение о судьбе «богачей» принимается на мероприятии, напоминающим народное собрание в классическом античном полисе. Пафос Лукиана «связан с семантикой смерти и оживления, а древнейшие путешествия на тот свет несколько позднее дали просто «путешествия» так называемые «правдивые истории» о них (таковая есть и у Лукиана) [6, с. 73].

Наиболее интересной для исследования становится работа «Правдивая история» (Ἀληθῆ διηγήματα), она фактически завершает творческий путь Лукиана и, возможно, является так и не законченной. Прилагательное Ἀληθῆ означает «истинный» в смысле «подлинный», а также в смысле «фактический»; Правдивая история – это не повествование, основанное на фактах; и Лукиан косвенно напоминает нам, что в правдивой истории нет истины, то есть в истории, которая является истинной историей. Более того, греческое прилагательное подразумевает значение «осознание». [27, р. 228]

В данном произведении наблюдается симбиоз компонентов сатиры на современную для автора общественно-политическую реальность, пародии, творчески интерпретирующей известные в ту эпоху мифологические рассказы, а также всевозможные полумифические истории, различные примеры критической оценки художественной литературы. Кроме того, в нем можно найти элементы актуальных скорее для нашего времени, чем для поздней античности жанров, таких как научная фантастика и фэнтези.

«Правдивая история», конечно, предназначена для читателей образованных, которые узнали бы много юмористических намеков на древнегреческую культурную традицию, особенно Одиссея. Вступительные слова заявляют, что данная книга предназначена для отдыха как передышки от более серьезных работ. Она остроумна и забавна отчасти потому, что заставляет обращаться к отсылкам из архаичной поэзии и истории. «Правдивой историей» восхищались веками как чрезвычайно веселой: первый пример научной фантастики, утопической идеи и мягкой насмешки [25, р. 7–8]. Лукиан завершает своё предисловие утверждением, что его собственная ложь превосходит ложь философов, потому что она не преподносится как истина: признать, что лжёшь, значит быть правдивым. [27, р. 227]. Важно подчеркнуть, что, деконструируя смыслы, автор напрямую указывает на новые значения, где реальность приравнивается к её осознанию.

«Правдивая история» показывает, насколько значительно как гуманитарные, так и физические науки повлияли на греческое воображение, изменив как формы его мышления, так и его содержание. Греческое мировоззрение изменилось со времен Гомера: географическое, астрономическое, биологическое и антропологическое путешествие рассказчика Лукиана представляет собой совершенно иной интеллектуальный контекст, чем неконцептуальный, все еще во многом мифологизированный ландшафт, по которому путешествовал Одиссей» [23, р. 53].

Кульминацией произведения является посещение «Острова Блаженных», где представлены крупные фигуры древнегреческой литературы, описанные с юмором и одновременно гордостью. В работе не упоминается римский мир – путешествие начинается на западном Средиземноморье и более не локализуется в Pax Romana, что характерно для «второй софистики», где подчеркивалась важность изучения греческого языка (paideia) при римской власти.

«Правдивая история» направлена прежде всего против неправданного «сочинительства», граничащего с откровенной ложью (в частности, против Гомера, Ктесия и Ямбула). Её нарратив находится в том же контексте, в котором появляются различные слухи, например, легенда о «вавилонском происхождении» Гомера, попавшего в Элладу в качестве заложника, настоящие имя которого было Тигран [Luc. Vera Historia II, 20]. В содержании произведения заметны следы происхождения Лукиана из римско-иранского пограничья. Сюжет космического путешествия на Луну и участие в войне с жителями Солнца за господство над Венерой вполне может быть рассмотрено как преодоление границы между существующими мирами, что также свидетельствует в пользу пограничного характера личности писателя. Причудливые существа (муравьекони, капустокрылы, конекоршуны и другие), используемые в войне между селенитами (лунатиками) и гелиотами (жителями Солнца) демонстрируют отсылку к новшествам и диковинам, применяемым в пограничных конфликтах. Кроме того, некоторые из союзников, например, Облачные кентавры из созвездия Стрельца, отдаленно напоминающие парфянских всадников [Luc. Vera Historia I, 15–18], выглядят аллюзией на войны в римско-иранском пограничье (в том числе конфликт 161–166 гг.).

Помимо «Правдивой истории», тема космических путешествий затрагивается и в произведении «Икароменипп или заоблачное путешествие» (написанного в 160-е гг.) [1, с. 207]. Но герою препятствуют сами олимпийские боги.

В творчестве Лукиана мы видим не просто сопоставления элементов мифологического мировоззрения с компонентами рационального, но наблюдаем стремление подвергнуть критике существующий в аутентичной литературе той эпохи тематическо-стилистический уклад. «От этой встречи двух мировоззрительных методов, от бессознательной их борьбы получается своеобразная амальгама мифического образа с реалистическим наблюдением, в результате чего возникает фантастика» [24, р. 111]. Ироничный взгляд жителя пограничья, яркая метафоричность образов характеризуют литературное наследие этого римского автора, стремящегося ухватить живой нерв эпохи, выявив назревающие противоречия и деструктивные тенденции, связанные с расцветом и ранними предпосылками начинающегося кризиса античного средиземноморского общества, произошедшего в III в н.э.

Литературные труды Лукиана справедливо можно назвать «античным постмодерном». Практически все явления и события актуальные для него или находившиеся в прошлом, обнажающие, по мнению автора, проблемы, существовавшие в современном ему античном обществе – все это воспринимались Лукианом через призму сатиры. Именно этот инструмент коммуникации становится наиболее уместным и целесообразным в тех общественно-исторических реалиях. При этом Лукиан является носителем критической рациональности, стремясь посредством сатиры преодолеть косность мышления своих современников.

Проводя параллели между античным прошлым и европейской реальностью двадцатого столетия, можно обратить свой взгляд на некоторые яркие примеры постмодернизма. Так Альбер Камю в «Мифе о Сизифе» раскрывает сущность человеческого бытия через принятие неизбежности и нахождение внутреннего успокоения в том, что ничего более страшного уже не случится. Индивид психологически адаптируется к ситуации, даже если она кажется ему абсурдной: «Если ни во что не веришь, если ничто не имеет смысла, если мы не настаиваем ни на каких ценностях, значит все возможно и ничего не важно» [9, с. 10]. Лукиан также в своих работах часто доводит сюжетную линию до содержательного абсурда, но при этом не создает единого для всех ценностного ориентира, оставляя возможность аксиологического выбора за своим читателем.

В конечном счёте именно иррациональность мифа, лишенность его содержания практических форм реализации, ошибочность многих посылок, характерных для спрессованной памяти поколений, в которой «знак...аналогичен собственному имени» [11], отталкивает от него Лукиана, заставляя искать в этом «массовом творчестве» слабые стороны, позволяющие быстрее его развезть, дав шанс зародиться критическому мышлению. Безусловно, подобные задачи ставились и в более ранние времена, например, перипатетиками. Так, Аристотель создал свою «Логикку» в том числе и для данных целей. Однако именно Лукиан одним из первых применил для этого методологический принцип, известный сейчас как деконструкция.

Современная реализация данного приема имеет сходство с античной. Деконструкция, осуществляемая Ж. Деррида в виде «переворачивания» и «реконструкции» понятий, в результате чего зачастую происходит полная замена их первоначальных смыслов, в полной мере может быть обращена и к работам Лукиана, для которого также «разрушение метафизических предпосылок уже представлено как условие для подлинной «теории познания» [2]. Более того, его работы можно

считать попыткой деконструкции, более характерной для постмодернизма рубежа XX и XXI веков. Мы можем предположить, что Лукиан, осознавая все несовершенства окружающего его мира, воспринимал его также, как и спустя восемнадцать столетий Ж.П. Сартр. Видя истинную бессмысленность многих вещей, для которых человек, пытаясь определить их сущность, формировал их предназначение, автор через творчество стремился заново для самого себя понять, что они собой представляют. Однако само их существование, лишённое для него сущностных черт, вызывало в нем неприятие [16]. И как у героя Сартра это вызывало тошноту, также и для персонажа Лукиана, это вызывало острое неприятие, через отторжение, смех над реальностью, то есть постиронию.

Так, литературные труды Лукиана по мнению Глена Боуэрска очень специфично использует языковую реальность: «Его стиль явно является продуктом, хотя и тонко спроектированным, антицизмом, над которым он издевается» [21, р. 673]. В процессе развития творчества Лукиана (как и в XXI в.) «...на смену иронии как настроению эпохи приходят постирония и «новая искренность», нивелирующая жесткие грани между насмешливым и серьезным. На смену ироническому высмеиванию приходят сочувствие, сопереживание человеческой уязвимости и акцентирование гуманистических ценностей» [5, с. 71–72.]. Не менее важно, что для Лукиана, высмеивание самого процесса высмеивания обладает таким же значением, как и желание понять реальность во всей её полноте. Он стремится ухватить ускользающий смысл, оборачивая шуткой то, что тяжело воспринимать как реальность. В этом контексте можно назвать его постиронию попыткой переформулировать логику серьезности в ироническом мире, когда «пользователь-читатель», выступающий одновременно и в качестве автора, уже не может утверждать что-либо с абсолютной уверенностью. Постирония также служит конструированию картины мира, в основе которой – пародирование самой иронии. Последнее приводит к «новой искренности», то есть «способствует конструированию не столько иронического дискурса, сколько, наоборот, дискурса серьезности» [4, с. 116–117].

В исследовании Дэвида Мацумото мы находим некоторое объяснение причин такого отношения античного автора к реальности. Определяя культуру в качестве психологического построения, связанного с усвоением общей системы правил, он допускает наличие двух и более культурных идентичностей у одной личности, что означает присутствие «множественных психокультурных систем представлений в умах мультикультурных индивидов» [12, с. 70]. При этом у каждой культуры имеется своя акцентуация по признаку «индивидуалистское-коллективистское» в виденье себя и других, специфические стереотипы относительно представителей других этно-национальных сред и даже собственные особенности восприятия информации, например, зрительной [12, с. 125]. Человек, осмысление реальности которого в контексте социальной идеологии имеет сложносоставную структуру, может оценивать те или иные вещи с позиций разных цивилизационных общностей. В итоге носитель такого мировоззрения обладает возможностью сравнивать и сопоставлять между собой противоречивые феномены, разбирая их на составные части, видя в них внутренний конфликт и, вместе с тем, его возможное решение. Эффективным путем для писателя, тяготеющего к философскому взгляду на происходящее, в этом случае становится едкая сатира, что и демонстрируется Лукианом в его работах.

Подводя итог, необходимо учесть, что мировоззрение человека античности имело существенные отличия от современного, особенно в аспектах, касающихся того, что считать правдой, а что фантазией, однако общее стремление к рациональной оценке происходящего уже в ту эпоху отличает философское сознание от мифологического.

Кроме разнообразных, обладающих различными неподдающимися стандартизации чертами, граничащими с девиациями, деятелей в политической и других сферах общественной жизни социума римско-иранского пограничья эта территория оказалась способной воспитывать творческих личностей с нелинейным неординарным мышлением. Одним из таких людей и был Лукиан.

В содержании его трудов проявляются следы влияния родной для писателя среды, где происходило его социокультурное становление – сирийского города Самосаты, на парфянской границе. Именно поэтому, признавая античный, эллинский характер его творчества «...более ранние поколения читателей говорили о «восточных» качествах его сатиры...» [26, р. 327].

Как человек «пограничной культуры», сформировавшейся на стыке двух миров, Лукиан превратился в превосходного писателя-сатирика, хотя и не лишённого риторического таланта, музыке и даже медицине, а также политике. Сатира этого автора, даже в своих самых поверхностных проявлениях, носит скорее интеллектуальный,

чем моральный или социальный характер [23, р.54]. Это позволяет каждому читателю, самому определять основные ценностные ориентиры и не редуцировать свое мировоззрение до аксиологического детерминизма.

Литература

1. Анисимова О.В., Макарова И.С. Межпланетный перелет, или одиссея будущего (к вопросу об изучении образного поля «корабль» в мировой фантастической литературе) // *Litera*. 2019. № 4. С. 205–215.
2. Деррида Ж. *Голос и феномен*. – СПб.: «Алетейя», 1999–209 с.
3. Жанаев А.Т., Цыренов Д.Д. Пограничья культур – культуры Пограничья: старые проблемы – новые вызовы // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*, 2012. № 4. С. 278–279.
4. Захарченко Н.А., Карелова Т.В., Мещерякова Е.Ю. Постирония как феномен современной массовой коммуникации // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2022. № 4 Т. 1. С. 114–122.
5. Зверева Е.А., Кочкина Е.Л., Дрожжина А.А. От иронии к постиронии: средства выражения «новой искренности» в журналах «Правила жизни» и «The New Yorker» // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языковедение*. 2024. Т. 23. № 2. С. 70–83
6. Зусева-Озкан В.Б. К вопросу о некоторых источниках современного постум-нарратива: путешествие в загробный мир и диалог мертвецов у Лукиана Самосатского // *Новый филологический вестник*. 2024. № 3 (70). С. 69–87
7. Иноземцев З.В. Античные критики христианства в I–II вв.: Лукиан Самосатский // *Aetates. Itinera. Imagines = Эпохи. Путешествия. Обзоры: тезисы докладов конференции / редкол.: Т.М. Гавристова [и др.]; отв. ред. Н.В. Тихомиров. – Ярославль: Канцлер, 2025. – 288 с. – (Всероссийская молодежная научно-практическая конференция, 17 апреля 2025 г., Ярославль)*. С. 50–54
8. Камышев К.Д. Личность римско (византийско)-иранского фронта в III – нач. VII вв. // *Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXI всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения»*. 2012. С. 275–280
9. Камю А. *Бунтующий человек: «Миф о Сизифе»: [сборник]/ Альбер Камю; [перевод с французского Е. Головиной, С. Великовского]. М. – Москва: Издательство АСТ, 2026. – 512 с.*
10. Колобов А. В., Гуцин В. П., Братухин А. Ю. Античная мифология в историческом контексте, 2002–259 с.
11. Лотман Ю.М. *Семиосфера*. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
12. Мацумото Д. *Психология и культура*. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 416 с. (Серия «Психологическая энциклопедия»).
13. Обухов С.В. *Пантеон и царский культ в Коммагене*. – Альма-Матер, 2023. – 355 с.
14. Скуридин О.А. Кем были два персонажа из автобиографического произведения Лукиана Самосатского «Сновидение, или жизнь Лукиана»? // *Миф в истории, политике, культуре*. 2022. № 6. С. 358–370.
15. Пантелеев А.Д. «Мученичество Поликарпа» и «О смерти Перегрина» Лукиана: еще раз о старом споре // *Индоевропейское языковедение и классическая филология*. СПб, 2017, Вып. 21. С. 642–652.
16. Сартр Ж.-П. *Тошнота*. М.: АСТ, 2022–320 с.
17. Тронский И.М. *Лукиан // История античной литературы*. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 242–249. с. 246.)
18. Утченко С.Л. *Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.)*. – М.: Наука, 1977. – 256 с. – С. 18
19. Фирсов Д.Е. *Философский дискурс литературно-художественного творчества Лукиана из Самосаты*. – Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Ярославль, 2005
20. Andrade N. J. (2013), *Syrian Identity in the Greco-Roman World*, Cambridge, England: Cambridge University Press.
21. Bowersock G.W. *Lucian // The Cambridge History of Classical Literature / ed. by P.E. Easterling, B. M.W. Knox. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 673–679. – 923 p.*
22. Edwell P. *Between Rome and Persia. The middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman control*. – London: Routledge, 2008, p.22
23. Fredericks S.C. (Mapт 1976), *Lucian's True History as SF*, *Science Fiction Studies*, 3 (1), Depauw: 49–60.
24. Freydenberg, Ol'ga M. 1998. *Mif i literatura drevnosti [Myth and Literature of Antiquity]*. Moskva: Vostochnaya literatura RAN. (In Russian).
25. *Lucian's. A True Story: An Intermediate Greek Reader Greek text with Running Vocabulary and Commentary.*, by Stephen Nimis, Evan Hayes., 2011

26. Richter, Daniel S. (2017), "Chapter 21: Lucian of Samosata", in Richter, Daniel S.; Johnson, William A. (eds.), *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*, Vol. 1, Oxford, England: Oxford University Press, doi:10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.26, ISBN 978-0-19-983747-2

27. Swanson R. A. (November, 1976), *The True, the False, and the Truly False: Lucian's Philosophical Science Fiction*, *Science Fiction Studies*, 3 (3): 227–39.

LUKIAN SAMOSATSKY IS A CREATIVE MAN IN THE MULTICULTURAL FRONTIER

Chashchin E.V., Kamyshev K.D.

Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Perm State Agrarian and Technological University

The research is devoted to the study of the influence of the features of the border space on the creativity of people living on it. A writer who lived in such a territory in the second century AD and entered the annals as Lucian of Samosata was chosen as a vivid example. The article presents: a brief biography of Lucian; the historical conditions of his life; the Roman-Iranian borderland and its influence; the prerequisites for the emergence of Lucian's literary works; philosophical and anthropological understanding of Lucian's work.

Keywords: Roman-Iranian frontier, Lucian, frontier culture, post-irony.

References

1. Anisimova O.V., Makarova I.S. Interplanetary flight, or friendship of the Future (on the use of the common field "bark" in the world statistical editor) // *Literature*. 2019. No. 4. Pp. 205–215.
2. Derrida J. The voice and the phenomenon. – St. Petersburg: "Aleteya", 1999–209 p.
3. Zhanaev A.T., Tsyrenov D.D. Borderlands of cultures – cultures of the Borderlands: old problems – new challenges // *Society. Wednesday. Development (Terra Humana)*, 2012. No. 4. Pp. 278–279.
4. Zakharchenko N.A., Karelova T.V., Meshcheryakova E.Y. Post-irony as a phenomenon of modern mass communication // *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga University*. 2022. No. 4 Vol. 1. Pp. 114–122.
5. Zvereva E.A., E. Kochkina.L., Drozhzhina A.A. From irony to post-irony: the means of expressing the "new sincerity" in the magazines "Rules of Life" and "New Yorker" // *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2024. T 23. No. 2. Pp. 70–83.
6. Zuseva-Ozkan V.B. On the question of some sources of modern post-narrative: journey to the afterlife and dialogue of the dead by Lucian Samosatsky // *New Philological Bulletin*. 2024. No. 3 (70). Pp. 69–87.
7. Inozemtsev Z.V. Ancient critics in the I–II centuries: Lukian Samosatsky // *Aetates. Itinera. Imagines = Epochs. Travels. Images: abstracts of conference reports / editorial board: T.M. Gavristova [et al.]; ed. by N.V. Tikhomirov. Yaroslavl: Kanzler, 2025. 288 p. (All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, April 17, 2025, Yaroslavl)*. Pp. 50–54.

8. Kamyshev K.D. The Roman (Byzantine) personality was of Iranian origin in the III–early VII century // *Problems of history and culture of medieval society, Abstracts of the XXXI All-Russian Conference of students, teachers and young scientists "The Kurbatov Readings"*. 2012. Pp. 275–280

9. Camus A. *The Rebellious man; "The Myth of Sisyphus": [collection]/ Albert Camus; [translated from French by E. Golovina, S. Velikovskiy]*. Moscow: AST Publishing House, 2026. 512 p.

10. Kolobov A.V., Guschin V.R., Bratukhin A.Y. Ancient mythology in a historical context, 2002–259 p.

11. Lotman Yu.M. *Semiosphere*, St. Petersburg: Iskusstvo – SPB, 2000, 704 p. 12.

12. Matsumoto D. *Psychology and culture*. St. Petersburg: PRIME-EUROZNAK, 2002. 416 p. (The Psychological Encyclopedia series).

13. Obukhov S.V. *The Pantheon and the royal cult in Commagene*. – Alma Mater, 2023. – 355 p.

14. Skuridin O.A. Who were the two characters from Lukian Samosatsky's autobiographical work "The Dream, or the Life of Lukian"? // *A myth in history, politics, and culture*. 2022. No. 6. Pp. 358–370.

15. Pantelev A.D. "The martyrdom of Polycarp" and "On the death of Peregrine" by Lucian: once again about the old dispute // *Indo-European linguistics and Classical Philology*. St. Petersburg, 2017, Issue 21. Pp. 642–652.

16. Sartre J.-P. *Nausea*. Moscow: AST, 2022–320 p.

17. Tronsky I.M. *Lukian // History of ancient literature*. Moscow: Vysshaya shkola, 1988. Pp. 242–249. Pp. 246.)

18. Utchenko S.L. *The political doctrine of Ancient Rome (III–I centuries BC)*. Moscow: Nauka, 1977. 256 p. – P. 18

19. Firsov D.E. *Philosophical discourse of literary and artistic creativity of Lukian from Samosata. – Abstract of the dissertation. for the application of uch. art. cand. philol. sciences'*. Yaroslavl, 2005

20. Andrade N. J. (2013), *Syrian identity in the Greco-Roman World*, Cambridge, England: Cambridge University Press.

21. Bowersock, G.W. *Lucian // The Cambridge History of Classical Literature / edited by P.E. Easterling, B. M.W. Knox*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 673–679. 923 p.

22. Edwell P. *Between Rome and Persia. The Middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra are under Roman control*. – London: Routledge, 2008, pp.22

23. Fredericks S.K. (March 1976), "The true Story of Lucian as science Fiction", *Science Fiction Studies*, 3 (1), Pp. 49–60.

24. Freudenberg, Olga Mikhailovna, 1998. *Myth and literature of antiquity*. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

25. *Lucian. The True Story: A Greek text for Intermediate Reading in Greek with an expanded vocabulary and commentary.*, Stephen Nimis, Evan Hayes., 2011

26. Richter, Daniel S. (2017), «Chapter 21: Lucian of Samosata», in Richter, Daniel S.; Johnson, William A. (eds.), *The Oxford Handbook of the Second Sophistry*, Volume 1, Oxford, England: Oxford University Press, doi: 10.1093/oxford bb/9780199837472.013.26, ISBN 978-0-19-983747-2

27. Swanson, R. A. (November 1976), «True, False, and Truly False: Lucian's Philosophical Science Fiction,» *Science Fiction Studies*, 3(3):227–39.

Трансформация музея в центр креативной экономики: индустриализация культурно-креативных продуктов (на примере музея провинции Хэбэй)

Чжан Лу,

Хэбэйская академия изящных искусств
E-mail: 794150053@qq.com

Гао Вэнь,

Хэбэйская академия изящных искусств
E-mail: 1052800936@qq.com

На материале деятельности Музея провинции Хэбэй анализируются механизмы и условия индустриализации культурно-креативной сферы в музейном контексте. Особое внимание уделяется практикам трансформации музейных коллекций в коммерчески востребованные продукты, а также значению цифровых платформ и межсекторных партнёрств с дизайнерскими и производственными организациями. Проведённый анализ выявляет ряд ограничивающих факторов, среди которых ключевыми являются дефицит ресурсов и недостаточная согласованность взаимодействия между культурными институциями и промышленными структурами. Обосновывается возможность формирования музея как регионального центра креативной экономики на основе интеграции с научно-образовательной средой, расширения цифровых инструментов и разработки продуктовых линеек, концептуально связанных с культурным наследием региона.

Ключевые слова: культурно-креативные индустрии, индустриализация культуры, музейный продукт, цифровое наследие, Музей провинции Хэбэй, экономика впечатлений.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта, направленного на улучшение планирования в области культуры, искусства и туризма провинции Хэбэй (КНР) «Исследование разработки культурно-креативных продуктов Хэбэйского музея и модели их индустриализации» (номер проекта: HB23-ZD010).

[Ключевой проект] Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта по планированию культуры, искусства и туризму провинции Хэбэй «Исследование разработки культурно-креативных продуктов Хэбэйского музея и модели их индустриализации» (номер проекта: HB23-ZD010).

【重点项目】河北省文化艺术科学规划和旅游研究项目《河北博物院文创产品开发及产业化模式研究》(项目批准编号: HB23-ZD010)

Введение

В условиях глобального доминирования экономики, основанной на знаниях и символах, культурно-креативные индустрии утвердились в качестве стратегического ресурса национального развития. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в Китае, где данные индустрии стали ключевым инструментом культурной политики и модернизации экономической структуры. Основной движущей силой данной трансформации выступает переход к «экономике переживаний» (experience economy), где потребительская ценность конструируется через нарративы и культурные смыслы, что кардинально меняет роль традиционных институций памяти. Музеи, будучи хранителями наследия, эволюционируют в креативно-производственные центры, генерирующие интеллектуальный контент для последующей коммерциализации. Исследование направлено на анализ механизмов индустриализации культурно-креативной деятельности на примере Музея провинции Хэбэй и формулирование практико-ориентированных рекомендаций по интеграции музейных, производственных и академических ресурсов.

Актуальность проблемы

Актуальность исследования определяется его направленностью на решение значимых теоретических и практических задач, возникших на стыке культурной политики, экономики и музейного дела. На глобальном уровне усиление конкуренции за внимание аудитории и финансовые ресурсы вынуждает музеи пересматривать традиционные модели функционирования, стимулируя поиск новых источников дохода.

Методология исследования

Методологической основой исследования служат научные работы, посвященные развитию культурно-креативных индустрий, экономике впечатлений и трансформации музеев в условиях цифровизации. В фокусе исследования находятся практики Музея провинции Хэбэй по созданию и продвижению культурно-креативных продуктов. В работе проанализированы его ассортимент на онлайн-платформе, стратегические документы, а также общие тенденции в региональной культурной политике [2, 4, 5, 6, 10]. Границы исследования ограничены анализом публично доступных данных, продуктовой линейки официальной онлайн-платформы и стратегических документов.

Материалы, методы исследования

Материалы исследования включают нормативно-стратегические документы КНР в сфере культурной политики и развития креативных индустрий, публичные отчеты и данные Музея провинции Хэбэй, а также ассортимент его культурно-креативных продуктов, представленный на официальной онлайн-платформе (Tmall). В работе использованы теоретические методы (контент-анализ научной литературы и стратегических документов по теме исследования, систематизация и обобщение данных) и практические методы (анализ продуктовой линейки и маркетинговых коммуникаций музея, кейс-стади его деятельности как примера региональной модели индустриализации).

Цель статьи – на основе анализа деятельности Музея провинции Хэбэй выявить ключевые механизмы, проблемы и перспективы индустриализации культурно-креативной деятельности в региональном музее.

Результаты исследования

Переход музеев от пассивного хранения к активному производству культурных смыслов стал глобальным трендом, однако именно в Китае он приобрёл черты последовательной государственной политики. Подтверждением данной трансформации служит стратегия китайских музеев, которые последовательно интегрируют дизайн-мышление и цифровые решения в свою деятельность. Результатом становится не только формирование новых каналов монетизации, но и укрепление бренда, а вместе с ним – рост туристического потока. Ярким примером такой стратегии цифровизации культурного наследия (digital heritage) является платформа «Ляо Юцзи», позволяющая совершать онлайн-путешествия по провинции Хэбэй и её важнейшим культурным достопримечательностям [12]. Данный тренд позволяет говорить о смещении функций музея

к роли экспериментальной площадки, ориентированной на экономику впечатлений, хотя степень выраженности этого перехода существенно варьируется в зависимости от институционального контекста.

Культурно-креативные индустрии в последние десятилетия закрепились как значимый сегмент экономики, основанный на использовании символического капитала, культурного наследия и творческих компетенций [7]. Их специфика заключается в преобразовании культурных ресурсов в товары и услуги, сочетающие экономическую и общественную ценность [16]. Речь идёт не только о производстве коммерческого продукта, но и о формировании новых форм культурного участия через дизайн, визуальные искусства, цифровые медиа и образовательные практики [19]. В китайском контексте данные процессы институционально поддерживаются государством: культурная составляющая интегрируется в стратегические инициативы, включая проект «Один пояс, один путь», где развитие гуманитарного сотрудничества рассматривается как фактор расширения международных связей и продвижения культурной продукции на внешние рынки [20].

Одновременно усиливающаяся цифровизация и внедрение технологий искусственного интеллекта повышают роль креативных компетенций как экономического ресурса [18]. В этих условиях музеи сталкиваются с необходимостью поиска устойчивых моделей функционирования, сочетающих сохранение наследия с его современной интерпретацией и коммерциализацией. Расширяются практики лицензирования музейных образов, развития цифровых сервисов и событийных форматов взаимодействия с аудиторией [22]. Подобная трансформация не отменяет культурную миссию институции, но меняет способы её реализации, переводя музеи в позицию активного участника креативной экономики и посредника между наследием и современным потребителем [17].

Демократизация доступа к культуре сегодня всё чаще происходит через создание уникальных культурно-креативных продуктов, которые в музейном контексте являются товаром или услугой. Процесс создания таких продуктов основан на творческой переработке конкретных музейных экспонатов, особой трактовке и подаче событий, исторических символов. Это необходимо для актуализации материала, чтобы он отвечал современным запросам – и по эстетике, и по функциям [21, 27, 28]. Такие продукты бывают как материальными (сувениры, книги), так и цифровыми (приложения, виртуальные туры), но всегда несут в себе особую ценность – будь то образовательная, эстетическая или коллекционная [21]. Цифровые культурно-креативные продукты позволяют персонализировать и расширить опыт посещения музеев, удовлетворяя запросы разнообразных аудиторий [26]. Как подчеркивает в своем исследовании Ю. Ли, культурные и креативные продукты позволяют создать унифицированный образ музея, который должен лежать в основе маркетинговой кампании [23]. Это дает нам понять, что вопрос не только в создании культурно значимого продукта, что несомненно важно, но и в его эффективной коммерциализации.

В Китае индустриализация креативных индустрий строится как последовательная цепочка: разработка идеи, её производственное воплощение и продвижение на рынок. Создание стоимости на каждом этапе сопровождается институциональной поддержкой, включающей нормативные механизмы, финансовые инструменты и инфраструктуру. Существенную роль играют цифровые платформы, которые связывают проектирование, производство и сбыт, обеспечивая быстрый выход продукта к потребителю и постоянную обратную связь [15]. Подобный подход соответствует официальной позиции, рассматривающей креативные индустрии как сочетание дизайнерских инноваций и технологий коммерциализации [6].

Организационная модель сочетает централизованное стратегическое планирование и региональные инициативы. Государственные программы задают общую рамку, тогда как на местах формируются креативные кластеры и реновируются бывшие промышленные территории (OCT-LOFT, M50) [15]. Поддержка включает пятилетние программы, финансовые меры и инвестиции в инфраструктуру [10]. Статистика фиксирует рост оборота сектора и ускоренное развитие цифровых направлений [2], при сохранении региональной диспропорции, требующей дополнительных механизмов выравнивания [6].

Выбор Музея провинции Хэбэй в качестве объекта данного исследования во многом обусловлен его репрезентативностью как крупного государственного музея регионального (провинциального) уровня, чья институциональная эволюция отражает общие тенденции модернизации музейного дела в Китае. С точки зрения организационно-правового статуса, это учреждение является комплексным краеведческим и историко-культурным центром, официальной миссией которого остаются сохранение, научное изучение, экспонирование и просвещение. Однако его современная материальная база – результат целенаправленной политики реструктуризации и расширения в XXI веке, в хо-

де которой была создана разветвлённая инфраструктура, включающая несколько корпусов, крупные специализированные хранилища и значительные выставочные площади.

Фундаментом, определяющим вес музея в научном и культурном пространстве, служит обширное фондовое собрание. По данным официальных источников, оно насчитывает порядка 150 тысяч единиц хранения, в его составе представлены предметы высших категорий ценности (первого и второго уровня государственной защиты) [14]. Это объективно закрепляет за музеем роль основного депозитария археологического и исторического наследия провинции. Именно этот ресурсный статус предопределяет и функциональный профиль, закономерно выходящий за рамки простого хранения: учреждение ведёт активную научно-исследовательскую деятельность, реализует образовательные программы и участвует в ключевых региональных и национальных выставочных и реставрационных проектах [9, 14].

Процесс коммерциализации музея вторичен по отношению к его коллекции и напрямую определяется её спецификой. Это наглядно видно на примере ключевых фондов, которые состоят из археологических находок из Манчэна, керамики местных производств, скульптуры, каллиграфии и памятников новейшей истории. Перед работниками музея стоит задача ввести эти уникальные, зачастую академичные материалы в современный контекст. Данный процесс реализуется посредством ряда параллельных практик, которые можно разделить на тактические и стратегические. К первым относятся относительно понятные шаги: выпуск линеек сувениров, коллаборация с дизайнерами для создания вещей с музейными мотивами и развитие онлайн-продаж. Ко вторым, более сложным, относится цифровая трансформация, которая подразумевает не просто появление мобильного гида, а фундаментальную перестройку работы через создание единой цифровой платформы, оцифровку коллекций и тестирование новых форм цифрового владения (по аналогии с NFT). Здесь просматривается чёткая цель, которая заключается в использовании технологий не только для сохранения, но и для создания новых точек взаимодействия с публикой и привлечения новых потоков доходов [1]. В официальной оценке данной модели подчёркивается её сбалансированность, музей не замещает свою общественную миссию коммерцией, а пытается выстроить систему, где экономическая устойчивость позволяет более полно выполнять культурные функции [13]. Процесс креативной разработки в музее носит вторично-производственный характер, то есть исходит не из рыночного спроса, а из внутреннего ресурса – музейной коллекции. В качестве анализа рассмотрим онлайн-витрину музея на маркетплейсе Tmall [5].

Структурный анализ ассортимента показывает доминирование сувенирно-декоративной продукции (порядка 65–70% от общего числа позиций), в то время как дизайнерские серии и функциональные предметы интерьера составляют около 20%, а образовательные продукты – не более 10–15%. Ценовой диапазон варьируется от бюджетного сегмента (25–50 юаней за массовые сувениры) до премиальных позиций стоимостью свыше 500–800 юаней. Такая стратификация указывает на сознательную сегментацию аудитории и дифференциацию рыночного предложения.

Рис. 1. «Дворцовый фонарь Чансинь»
“长信宫灯”

В случае Музея провинции Хэбэй дизайн-источники можно чётко ранжировать по степени их культурной ценности и востребованности. На первом уровне находятся ключевые археологические артефакты-символы, обладающие высокой узнаваемостью. Например, «Дворцовый фонарь Чансинь», который занимает доминирующую позицию (рис. 1). На втором уровне находятся другие знаковые находки, такие как «Позолоченная бронзовая курильница Бошаньлу» и «Позолочен-

ная бронзовая игральная кость» (рис. 2). На третьем уровне находятся элементы нематериального наследия и локальной идентичности, например, региональное блюдо «Шицзячжуанская говяжья лапша», что указывает на попытку выйти за рамки чисто музейного и археологического нарратива (рис. 3). Стратегия отбора источников демонстрирует иерархию от национальных символов к региональным, с экспериментом включения бытовой культуры.

Рис. 2. «Бронзовая курильница Бошаньлу»
“博山炉”

Рис. 3. «Шицзячжуанская говяжья лапша»
“石家庄牛肉面”

Анализ ассортимента Музея провинции Хэбэй на официальной онлайн-платформе позволяет определить логику процесса разработки культурно-креативных продуктов. В его основе лежит последовательная семиотическая трансформация, где культурное значение артефакта подвергается операциям адаптации и вариации для интеграции в современный потребительский контекст. Первичной операцией выступает адаптация, при которой форма и символический капитал артефакта переосмысляются через призму утилитарной функции. Следующую стадию можно определить как вариативную, она демонстрирует стратегию максимизации коммерческой отдачи от ключевого культурного актива. Доминантный артефакт-символ, «Дворцовый фонарь Чансинь», реплицируется в разноформатных продуктах, образуя товарное гнездо. Критическим фактором на этом этапе становится выбор технологии и материала, напрямую детерминирующих позиционирование продукта – от массового (полимерная смола) до премиального (керамика, текстиль ручной работы).

Проведённая формальная типологизация продуктов выявляет структурный перекокс в сторону сувенирно-декоративной линии. Данные изделия выполняют, в первую очередь, функцию символического потребления – опосредованного владения культурным знаком. Бренд-стратегия музея строится на принципе визуальном тиражировании ключевых артефактов, а не на развитой графической идентичности. Фонарь Чансинь де-факто функционирует как товарный знак, а повторяемость его формы создаёт эффект «семейства» продуктов. На технологическом уровне наблюдается чёткая стратификация, отражающая ценностную иерархию продуктов. Массовый сегмент опирается на воспроизводимые и дешёвые технологии, тогда как премиальный конструирует дискурс аутентичности через отсылки к традиционным ремёслам. Эта дихотомия материального воплощения служит прямым инструментом сегментации аудитории и позиционирования.

Модель индустриализации культурно-креативной деятельности, применяемая музеем провинции Хэбэй, может быть описана как многоуровневая система. Её архитектура предполагает тесное взаимодействие с производственным и дистрибьюторским секторами. Ключевыми, системообразующими элементами здесь выступают три компонента: совместная разработка продуктов, лицензионно-брендовые соглашения и, на завершающей стадии, мультимедийная дистрибуция.

Цифровая среда и академические партнёрства выступают критически важным средством реализации этой модели, а также областью, где выявляются её системные ограничения. Цифровые инструменты пронизывают весь цикл, выполняя тройную функцию, расширение аудитории, снижение транзакционных издержек и создание петли обратной связи для продукта. Исследования подтверждают, что такая логика значительно повышает вовлечённость потребителей, однако её внедрение в региональном музее сталкивается с институциональными и ресурсными барьерами. Аналитики выделяют устойчивый комплекс проблем, таких как хроническое недофинансирование серийного производства, дефицит внутренних компетенций в дизайне и маркетинге, институциональные разрывы между культурным, промышленным и торговым секторами, а также зависимость от медиации крупных партнёров для доступа к федеральным дистрибьюторским сетям [3, 4].

Для преодоления этих дефицитов в академической и практической литературе предлагаются адаптивные стратегии, релевантные для музея провинции Хэбэй. Их можно сгруппировать по двум направлениям, первое касается кадрового и экспертного усиления через целевые программы с вузами, включение музейных кейсов в учебные курсы, организацию стажировок, создание совместных лабораторий. Второе направлено на оптимизацию операционных процессов и включает аутсорсинг дизайнерских задач специализированным агентствам, а также стратегическое использование региональных цифровых платформ как «инфраструктуры-посредника» для снижения порога входа на рынок [8]. Комплексная реализация этих мер рассматривается не как точечное исправление недостатков, а как путь к качественной трансформации – наращиванию устойчивого производственно-маркетингового потенциала и формированию современного кадрового ресурса музея [11, 12].

Заключение

Исходя из проведённого анализа, стратегическое развитие креативной индустрии Музея провинции Хэбэй логично связывать не с экстенсивным ростом, а с качественным изменением его роли. Речь идёт о трансформации из производителя сувениров в инфраструктурный узел региональной креативной экономики. В этом контексте первостепенной задачей становится не просто налаживание, а институционализация связей в треугольнике «музей – университет – производство». Это означает эволюцию от эпизодических стажировок к созданию постоянных структур – например, совместных лабораторий по цифровому наследию или технологиям ремесленного производства. Такой шаг позволил бы преодолеть кадровый дефицит и создать поток инновационных продуктов, верифицированных академической экспертизой.

Стратегической целью устойчивого развития Музея провинции Хэбэй является его трансформация в региональный центр креативной экономики. Это предполагает формирование на его базе открытой платформы, обеспечивающей интеграцию компетенций, экспериментальное производство и межсекторное сотрудничество. Реализация данной цели позволит институции выйти за рамки коммерческих задач и выполнять более масштабную миссию, выступая одним из ключевых факторов социокультурного и экономического развития территории за счёт инновационной интерпретации её наследия.

Литература

1. В Китае 2021 год ознаменовался прорывом в развитии музейного дела благодаря новым медиа [Электронный ресурс] // Центральное телевидение Китая (CCTV). – Оpubл. 22.12.2021. (на кит. яз.). – URL: <https://jingji.cctv.com/2021/12/22/ARTIYw7XBgNWEy1NLrnbiD211222.shtml> (дата обращения: 09.12.2025).
2. Выручка предприятий культуры и смежных отраслей промышленности национального масштаба выше установленного норматива выросла на 8,2% в 2023 году: [официальный релиз] / Нац. бюро статистики КНР. – 30 янв. 2024 г. (на кит. яз.). – URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202401/content_6929146.htm (дата обращения: 09.12.2025).
3. Дай Цзяжуи. Исследование разработки и маркетинговых стратегий культурно-креативной продукции Музея провинции Хэбэй // Научно-технические инновации и приложения. – 2022. – № 12. – С. 145–147. (на кит. яз.)
4. Музей провинции Хэбэй. Сведения о культурно-креативной продукции и музейном магазине. – Официальный сайт 河北博物

院。 – Режим доступа: <https://www.hebeimuseum.org/> (дата обращения: 30.11.2025). (на кит. яз.)

5. Официальный магазин Музея провинции Хэбэй // tmall.com URL: <https://m.tb.cn/h.7XmoCgeGLE2tVM8> (дата обращения: 12.12.2025).

6. План развития культуры и туризма на 14-ю пятилетку: утв. М-вом культуры и туризма КНР 29 апр. 2021 г. (на кит. яз.). – URL: https://www.beijing.gov.cn/gate/big5/www.beijing.gov.cn/zhengce/zhengcefagui/qtwj/202204/t20220411_2671241.html (дата обращения: 09.12.2025)

7. Саблин К. С., Валиева О.В. Креативные индустрии в современной экономике: определение, подходы к измерению // ВТЭ. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-v-sovremennoy-ekonomike-opredelenie-podhody-k-izmereniyu> (дата обращения: 10.12.2025).

8. Син Вэньцзе. Исследование дизайна культурно-креативной продукции музеев // Искусствоведческие исследования. – 2022. – № 4. – С. 88–92. (на кит. яз.)

9. Список музеев (Музейный перечень) провинции Хэбэй [Электронный ресурс] // Управление по делам культурного наследия провинции Хэбэй. (на кит. яз.). – Режим доступа: <https://wenwu.hebei.gov.cn/zdgz/bwgszly/bwgtl/bwgm/index.shtml> (дата обращения: 06.12.2025).

10. Статистический бюллетень развития культуры и туризма за 2023 г. Министерства культуры и туризма Китайской Народной Республики: по данным Отдела финансов Министерства культуры и туризма КНР 30 авг. 2024 г. (на кит. яз.). URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202408/t20240830_954981.html (дата обращения: 06.12.2025).

11. Управление культуры и туризма Хэбэй. Продвижение брендов культурно-креативной продукции и туристических товаров провинции Хэбэй. – Публикация на портале China Creativity, 2021. – Режим доступа: <https://www.cci.cn/> (дата обращения: 23.11.2025). (на кит. яз.)

12. Хэбэйская провинциальная администрация по культуре и туризму. Платформа «Ляо Юцзи»: путешествие по Хэбэю с мобильного телефона. – Официальная публикация, 2021. – Режим доступа: <https://www.hebei.gov.cn/> (дата обращения: 23.01.2025). (на кит. яз.)

13. Хэбэйский провинциальный музей удостоен звания «Национальный музей с наивысшей креативностью – 2018» [Электронный ресурс] // Китайская ассоциация музеев. (на кит. яз.). – Режим доступа: <https://www.chinamuseum.org.cn/cma/detailss.html?id=21&contentId=94> (дата обращения: 09.12.2025).

14. Хэбэйский провинциальный музей [Электронный ресурс] // Правительство г. Шицзячжуана. – Опубл. 01.09.2020 11:11. (на кит. яз.). – URL: <https://www.sjz.gov.cn/columns/9fbd4f34-f122-474f-a646-6b2584bc9c4d/202009/01/9e83d59e-56d9-4b32-a106-1677f9264536.html> (дата обращения: 08.12.2025).

15. Чжу Уи, Лю Юньган. Производство пространства креативного индустриального парка ОСТ-ЛОФТ в Шэньчжэне // Журнал Южно-Китайского педагогического университета (Естественные науки). 2013. Т. 45, № 5. С. 106–111. (на кит. яз.)

16. Eseiğbe O.P. Cultural and creative industries and theatre praxis in a digital epoch // Nigeria Theatre Journal: A Journal of the Society of Nigeria Theatre Artists. 2024. V. 23, No. 1. Pp. 48–57. DOI: 10.4314/ntj.v23i1.5

17. Franza R., Guirao Mirón C. El Espacio Funcional: Públicos y Audiencias En El Museo Posmoderno // Culturas. 2021. V. 8, No. 1. Pp. 63–80. DOI: 10.4995/CS.2021.15387.

18. Islamov A.B., Nuriddinov A.B. Developing the creative economy as a factor of innovation // European International Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies. 2024. V. 4, No. 10. Pp. 50–53. DOI: 10.55640/eijmrrms-04-10-08.

19. Lee Y.-C., Peng C.-T., Lee T.W., Zhao Z. Sustainable Development Assessment of Cultural and Creative Industries in Casino Cities: A Case Study of Macao // Sustainability. 2022. V. 14, No. 8. P. 4749. DOI: 10.3390/su14084749.

20. Li L. Research on the Development Strategy of Cross-Border E-Commerce in China's Cultural and Creative Industries Based on Big Data Services "One Belt One Road" // Mobile Information Systems. 2022. Pp. 1–8. DOI: 10.1155/2022/5158995.

21. Li M. Design thinking and teaching practice of cultural and creative products in museums // Frontiers in Art Research. 2023. V. 5, No. 12. Pp. 51–56. DOI: 10.25236/FAR.2023.051210.

22. Li Y. Research on the Transformation of Museum Cultural and Creative Industry Driven by New Quality Productivity // Zhōngguó Jīngjì Yánjiū (中国经济研究). 2025. V. 4, No. 1. Pp. 1–8. DOI: 10.48014/jce.20241227001.

23. Li Y. Scene Theory Perspectives on Cultural and Creative Experience Marketing in Gansu Provincial Museum: Creation and Connection // In-

terdisciplinary Humanities and Communication Studies. 2024. V. 1, No. 10. P. 8. DOI: 10.61173/srtwvm46.

24. Lindqvist K. CCI as a Concept and Policy Domain // Cultural and Creative Industries Policymaking. New Directions in Cultural Policy Research. Palgrave Macmillan, Cham, 2024. Pp. 13–37. DOI: 10.1007/978-3-031-48094-2_2.

25. Mazzoni L., Oliva S., Lazeretti L. Analyzing the Cultural and Creative Industries Ecosystem Under the Lens of Complex Adaptive Systems: Beyond the Sector // The Oxford Handbook of Arts and Cultural Management. Oxford University Press, 2022. Pp. 41–58. ISBN 9780197621615.

26. Shen Huaping, Li Zhuoran. Design Method of Museum Cultural and Creative Products Based on Multi Sensory Experience // Advances in Economics and Management Research. 2024. V. 11, No. 1. Pp. 32–42. DOI: 10.56028/aemr.11.1.32.2024.

27. Tu J.-C., Liu L.-X., Cui Y. A Study on Consumers' PReferences for the Palace Museum's Cultural and Creative Products from the Perspective of Cultural Sustainability // Sustainability. 2019. V. 11, No. 13. P. 3502. DOI: 10.3390/su11133502.

28. Zhao Y., Zeng J., Zhang Y., Yu J. Research on the design strategy and application of cultural IP in museums: The example of Henan Provincial Museum // Highlights in Art and Design. 2023. V. 2, No. 2. Pp. 89–93. DOI: 10.54097/hiaad.v2i2.7033.

TRANSFORMATION OF THE MUSEUM INTO A CENTER OF THE CREATIVE ECONOMY: INDUSTRIALIZATION OF CULTURAL AND CREATIVE PRODUCTS (A CASE STUDY OF THE HEBEI PROVINCIAL MUSEUM)

Zhang Lu, Gao Wen

Hebei Academy of Fine Arts

Based on the activities of the Hebei Provincial Museum, the article analyzes the mechanisms and conditions for the industrialization of the cultural and creative sphere within the museum context. Special attention is paid to the practices of transforming museum collections into commercially viable products, as well as the role of digital platforms and cross-sector partnerships with design and manufacturing organizations. The analysis reveals a number of limiting factors, the most significant of which are resource shortages and insufficient coordination of interaction between cultural institutions and industrial structures. The article substantiates the possibility of shaping the museum as a regional hub for the creative economy through integration with the scientific and educational environment, the expansion of digital tools, and the development of product lines conceptually linked to the region's cultural heritage.

Keywords: cultural and creative industries, industrialization of culture, museum products, digital heritage, Hebei Provincial Museum, experience economy.

References

1. In China, 2021 was marked by a breakthrough in the development of museum business thanks to new media [Electronic resource] // China Central Television (CCTV). – Published on 12/22/2021. (in Chinese). – URL: <https://jingji.cctv.com/2021/12/22/ARTI-Yw7XBgNWEy1NLimbhID211222.shtml> (date of access: 09.12.2025).

2. Revenue of cultural enterprises and related industries on a national scale above the established standard increased by 8.2% in 2023: [official release] / National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. – Jan. 30, 2024 (in Chinese). – URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202401/content_6929146.htm (date of access: 09.12.2025).

3. Dai Jiazhi. Research on the development and marketing strategies of cultural and creative products of the Hebei Provincial Museum // Scientific and technical innovations and applications. – 2022. – No. 12. – Pp. 145–147. (in Chinese)

4. Museum of Hebei Province. Information about cultural and creative products and the museum store. – The official site of the company. – Access mode: <https://www.hebeimuseum.org/> (date of access: 30.11.2025). (in Chinese)

5. Official Store of the Hebei Provincial Museum // tmall.com URL: <https://m.tb.cn/h.7XmoCgeGLE2tVM8> (date of request: 12.12.2025).

6. The plan for the development of culture and tourism for the 14th five-year plan: approved by Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China on April 29, 2021 (in Chinese). – URL: https://www.beijing.gov.cn/gate/big5/www.beijing.gov.cn/zhengce/zhengcefagui/qtwj/202204/t20220411_2671241.html (date of access: 09.12.2025)

7. Sablin K. S., Valieva O.V. Creative industries in the modern economy: definition, approaches to measurement // VTE. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-v-sovremennoy-ekonomike-opredelenie-podhody-k-izmereniyu> (date of access: 12.10.2025).

8. Xing Wenjie. A study of the design of cultural and creative products of museums // Art studies. – 2022. – No. 4. – Pp. 88–92. (in Chinese)

9. List of Museums (Museum List) of Hebei Province [Electronic resource] // Department of Cultural Heritage Affairs of Hebei Province. (in Chinese). – Access mode: <https://wenwu.hebei.gov.cn/zdgz/bwgszly/bwgtl/bwgm/index.shtml> (date of access: 06.12.2025).

10. Statistical Bulletin of Culture and Tourism Development for 2023 of the Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China: according to the Finance Department of the Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China on Aug. 30, 2024 (in Chinese). URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202408/t20240830_954981.html (date of access: 06.12.2025).

11. Hebei Department of Culture and Tourism. Promotion of brands of cultural and creative products and tourist products of Hebei province. – Publication on the China Creativity portal, 2021. – Access mode: <https://www.cci.cn> / (date of access: 23.11.2025). (in Chinese)
12. Hebei Provincial Administration for Culture and Tourism. Leyu Yuji platform: a journey through Hebei from a mobile phone. – Official publication, 2021. – Access mode: <https://www.hebei.gov.cn/> / (date of access: 23.11.2025). (in Chinese)
13. Hebei Provincial Museum awarded the title of “National Museum with the highest creativity – 2018” [Electronic resource] // Chinese Association of Museums. (in Chinese). – Access mode: <https://www.chinamuseum.org.cn/cma/detailss.html?id=21&contentId=94> (date of access: 09.12.2025).
14. Hebei Provincial Museum [Electronic resource] // Government of Shijiazhuang. – Published on 09/01/2020 11:11. (in Chinese). – URL: <https://www.sjz.gov.cn/columns/9fbd4f34-f122-474f-a646-6b2584bc9c4d/202009/01/9e83d59e-56d9-4b32-a106-1677f9264536.html> (date of access: 08.12.2025).
15. Zhu Wuyi, Liu Yungang. Production of the space of the OCT-LOFT Creative Industrial Park in Shenzhen // Journal of the South China Pedagogical University (Natural Sciences). 2013. Vol. 45, No. 5. Pp. 106–111. (in Chinese).
16. Esegbe O.P. Cultural and creative industries and theatre praxis in a digital epoch // Nigeria Theatre Journal: A Journal of the Society of Nigeria Theatre Artists. 2024. V. 23, No. 1. Pp. 48–57. DOI: 10.4314/ntj.v23i1.5.
17. Franza R., Guirao Mirón C. El Espacio Funcional: Públicos y Audiencias En El Museo Posmoderno // Culturas. 2021. V. 8, No. 1. Pp. 63–80. DOI: 10.4995/CS.2021.15387.
18. Islamov A.B., Nuriddinov A.B. Developing the creative economy as a factor of innovation // European International Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies. 2024. V. 4, No. 10. Pp. 50–53. DOI: 10.55640/eijmrrms-04-10-08.
19. Lee Y.-C., Peng C.-T., Lee T.W., Zhao Z. Sustainable Development Assessment of Cultural and Creative Industries in Casino Cities: A Case Study of Macao // Sustainability. 2022. V. 14, No. 8. P. 4749. DOI: 10.3390/su14084749.
20. Li L. Research on the Development Strategy of Cross-Border E-Commerce in China's Cultural and Creative Industries Based on Big Data Services “One Belt One Road” // Mobile Information Systems. 2022. Pp. 1–8. DOI: 10.1155/2022/5158995.
21. Li M. Design thinking and teaching practice of cultural and creative products in museums // Frontiers in Art Research. 2023. V. 5, No. 12. Pp. 51–56. DOI: 10.25236/FAR.2023.051210.
22. Li Y. Research on the Transformation of Museum Cultural and Creative Industry Driven by New Quality Productivity // Zhōngguó Jīngjì Yánjiū (中国经济研究). 2025. V. 4, No. 1. Pp. 1–8. DOI: 10.48014/jce.20241227001.
23. Li Y. Scene Theory Perspectives on Cultural and Creative Experience Marketing in Gansu Provincial Museum: Creation and Connection // Interdisciplinary Humanities and Communication Studies. 2024. V. 1, No. 10. P. 8. DOI: 10.61173/srtwvm46.
24. Lindqvist K. CCI as a Concept and Policy Domain // Cultural and Creative Industries Policymaking. New Directions in Cultural Policy Research. Palgrave Macmillan, Cham, 2024. Pp. 13–37. DOI: 10.1007/978-3-031-48094-2_2.
25. Mazzoni L., Oliva S., Lazzarotti L. Analyzing the Cultural and Creative Industries Ecosystem Under the Lens of Complex Adaptive Systems: Beyond the Sector // The Oxford Handbook of Arts and Cultural Management. Oxford University Press, 2022. Pp. 41–58. ISBN 9780197621615.
26. Shen Huaping, Li Zhuoran. Design Method of Museum Cultural and Creative Products Based on Multi Sensory Experience // Advances in Economics and Management Research. 2024. V. 11, No. 1. Pp. 32–42. DOI: 10.56028/aemr.11.1.32.2024.
27. Tu J.-C., Liu L.-X., Cui Y. A Study on Consumers' Preferences for the Palace Museum's Cultural and Creative Products from the Perspective of Cultural Sustainability // Sustainability. 2019. V. 11, No. 13. P. 3502. DOI: 10.3390/su11133502.
28. Zhao Y., Zeng J., Zhang Y., Yu J. Research on the design strategy and application of cultural IP in museums: The example of Henan Provincial Museum // Highlights in Art and Design. 2023. V. 2, No. 2. Pp. 89–93. DOI: 10.54097/hiaad.v2i2.7033.

Юрченко Екатерина Дмитриевна,

аспирант, старший преподаватель высшей школы
социальных и политических наук, ФГБОУ ВО Тихоокеанский
государственный университет
E-mail: 011270@togudv.ru

В статье с позиций философской антропологии исследуется роль телесных маркеров в конструировании образа «приграничного чужого» на примере восприятия китайцев студенческой молодёжью Хабаровского края. Автор анализирует эмпирические материалы глубинных интервью и фокус-групп (174 респондента), опираясь на феноменологию тела, теорию социального конструирования реальности, концепцию габитуса и антропологию повседневности. Выявляется, что визуальные, звуковые, ольфакторные и тактильные маркеры образуют многоуровневую систему проведения символической границы. Восприятие принципиально амбивалентно: в нём сосуществуют противоположные оценки, отражающие конфликт между унаследованными стереотипами и живым опытом контактов. Личный телесный опыт выступает ключевым фактором, способным трансформировать образ «чужого» в сторону более дифференцированного восприятия. Делается вывод, что встреча с «приграничным чужим» является телесным событием, ставящим под вопрос собственную идентичность.

Ключевые слова: философская антропология, телесность, граница, приграничный чужой, другой, восприятие, феноменология, габитус, повседневность, Дальний Восток.

Введение: тело как первая и последняя граница

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления трансформации коллективного сознания в приграничных регионах России в условиях углубления российско-китайского стратегического партнёрства. Дальний Восток и, в частности, Хабаровский край выступает не периферией, а активной зоной контакта, где политические декларации переводятся в язык повседневных практик и межличностных коммуникаций. Здесь наиболее рельефно проявляется противоречие между унаследованными стереотипами соседней стране и непосредственным, всё более плотным опытом взаимодействия с её культурой и гражданами.

В этой ситуации особую значимость приобретает вопрос: на каком уровне реально, а не декларативно, происходит встреча с «чужим»? Современная эпоха характеризуется развитием цифровых технологий, и сегодня образ «чужого» конструируется преимущественно в информационном пространстве. Однако, именно телесный, чувственный опыт остаётся фундаментальным и нередуцируемым уровнем первичной дорефлексивной встречи с инаковостью. Тело – это то, что невозможно полностью «оцифровать», перевести в знак или симулякр. Приграничный регион делает этот тезис наглядным: в Хабаровском крае китаец присутствует не как медийная абстракция, а как конкретное тело с его маркерами инаковости, которые воспринимаются до всякой рациональной оценки и формируют тот первичный слой опыта, на который затем наслаиваются стереотипы, знания и идеологические установки.

В условиях перенасыщенности виртуальными образами телесный контакт приобретает особую остроту. Непосредственное присутствие «чужого» становится неоспоримым фактом, требующим личной реакции. Однако тело не является нейтральным регистратором: телесные впечатления всегда вписаны в культурные коды. Проблема заключается в том, как телесные маркеры становятся инструментом проведения границы между «своими» и «чужими», и как эта граница может пересматриваться под влиянием взаимодействия.

Цель статьи – выявить роль телесных маркеров в конструировании образа «приграничного чужого» (на примере восприятия китайцев студенческой молодёжью Хабаровского края) и раскрыть философско-антропологический смысл этого феномена.

Эмпирическую базу составляют материалы качественного исследования, проведённого автором в 2025 году в г. Хабаровске: 9 глубинных полуструктурированных интервью и 16 фокус-групп с участием 174 студентов ведущих ВУЗов Хабаровского края (ТОГУ, ДВГУПС, ДВГМУ, РАНХиГС). Выборка репрезентирует различные направления подготовки и уровни личного опыта взаимодействия с китайской культурой. Обработка данных осуществлялась методом тематического анализа с элементами дискурс-анализа, что позволило выявить устойчивые паттерны восприятия и интерпретировать их в философско-антропологической перспективе.

Теоретико-методологические основания: философия телесности и антропология границы

Фундаментальное обоснование тезиса о теле как о первичном горизонте восприятия Другого заложено в феноменологии Эдмунда Гуссерля. В «Картезианских медитациях» Э. Гуссерль показывает, что конструирование смысла «чужого» принципиально укоренено в телесности. «Чужой» не дан нам через абстрактные знаки – он является прежде всего как тело (Körper) в поле нашего восприятия. Посредством «исходно-первичной редукции» мы выделяем сферу собственного: «Когда я редуцирую себя как человека, то я получаю свое тело (Leib) и свою душу... в нем – свое личное Я, которое действует в этом теле и посредством него во внешнем мире». Моё тело (Leib) – это единственное тело, которое дано мне непосредственно как «живое» [3, с. 126].

Когда в поле восприятия появляется другое тело, его опознание как живого, одушевлённого тела происходит не путём логического умозаключения, а через механизм «аналогизирующей апперцепции»: я, исходя из собственного телесного опыта, дорефлексивно переношу смысл «живости» на воспринимаемое тело другого. Э. Гуссерль специально подчёркивает, что «апперцепция – это не логический вывод, не акт мышления» [3, с. 143]. Другой как телесно-сущий источник инаковости не сводится к последующим представлениям о «чужом». Э. Гуссерль говорит о Другом как о том, кто дан во вчувствовании

(Einführung), в первичном телесном акте, предшествующем любым культурным или идеологическим конструкциям. За любыми образами «чужого» – стереотипами, мифами, медийными нарративами – всегда скрыт этот первичный Другой, явленный в телесном присутствии [11, с. 77]. Именно поэтому тело выступает не просто одним из каналов получения информации об инаковости, а фундаментальным и нередуцируемым горизонтом, в котором впервые конституируется сама возможность встречи с Другим.

Развивая феноменологическую традицию, Морис Мерло-Понти придаёт идее телесного опыта ещё более радикальное звучание. Вводя понятие «плоти» (la chair) как единой стихии, в которую погружены и моё тело, и тело Другого, он преодолевает остатки дуализма «сознания» и «тела-объекта». Сознание, по М. Мерло-Понти, – это не «я мыслю», а «я могу», что подчёркивает его неразрывную связь с телесной способностью действовать и воспринимать [8, с. 14–15]. Ключевым для понимания intersубъективности становится тезис о взаимной явленности: «необходимо, чтобы мы являлись друг другу, чтобы и у него, и у меня был внешний облик» [9, с. 11]. Другой дан мне не как логический конструкт, а как тело, обладающее внешностью, и моё собственное тело точно так же открыто его взгляду. Эта обратимость – способность видеть и быть увиденным, касаться и быть коснутым – составляет саму ткань межтелесного опыта. Более того, М. Мерло-Понти обнаруживает в структуре субъективности «внутреннюю слабость, которая мешает быть абсолютным индивидом и выставляет меня под взгляды других как человека среди других людей» [9, с. 12]. Именно воплощённость делает меня принципиально уязвимым, открытым Другому, и одновременно – именно она делает возможным само существование Другого для меня.

Отсюда следует принципиальный для нашего исследования вывод: телесный опыт является не просто одним из источников сведений о чужом, но фундаментальным горизонтом, в котором впервые конституируется сама возможность встречи с инаковостью. Другой как телесно-сущий исток предшествует любым конструируемым впоследствии образам «чужого» – стереотипам, мифам, идеологическим репрезентациям.

Феноменологический анализ показывает, что встреча с Другим всегда укоренена в телесном опыте. Однако этот первичный дорефлективный опыт не остаётся «чистым» – он неизбежно вплетается в ткань социальных значений. Как справедливо отмечают Питер Бергер и Томас Лукман, реальность повседневной жизни, включая наше восприятие Других, «интерпретируется людьми и обладает для них субъективной значимостью в качестве целостного мира» [1, с. 38]. Мир повседневности – это всегда уже intersубъективный мир, мир разделяемых смыслов. Телесные различия не являются «естественными» маркерами в том смысле, что они не существуют вне социальной интерпретации. Тело Другого дано нам в восприятии, но то, как именно мы его воспринимаем – какие черты замечаем, какое значение им придаём – опосредовано теми схемами типизации, которые мы усвоили в процессе социализации. Как подчёркивает Альфред Шюц, мир обладает «предструктурой понимания» – совокупностью априорных схем и значений, которая служит индивиду фундаментом для конструирования собственной модели реальности [12, с. 10]. Эта предструктура объективируется и закрепляется в обществе посредством типизаций, формируя социально укоренённое знание, которое транслируется через язык и повседневные практики. В контексте нашего исследования это означает, что тело «чужого» всегда «читается» через призму этих типизаций. Одни и те же телесные характеристики могут получить совершенно разные значения в зависимости от того, в каком культурном и историческом контексте они интерпретируются. Именно через телесные маркеры граница между «своими» и «чужими» проводится наиболее жёстко и эффективно, поскольку телесные реакции часто ускользают от рационального контроля и переживаются как «естественные».

Особенно важным для нашего анализа является тезис П. Бергера и Т. Лукмана о том, что взаимодействие с «другими» возможно благодаря схемам типизации, которые структурируют коммуникативный акт. Те «другие», чьё поведение не поддаётся типизации, превращаются для индивида в «анонимные абстракции, которые никогда не смогут стать доступными для взаимодействия» [1, с. 59]. В случае «приграничного чужого» мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, он присутствует в повседневности и требует типизации для успешного взаимодействия; с другой стороны, его телесный габитус часто «выпадает» из привычных схем, провоцируя когнитивный диссонанс и эмоциональное напряжение.

Феноменологический анализ и теория социального конструирования позволяют понять, как первичный телесный опыт превращается

в устойчивые образы «чужого». Однако они оставляют открытым вопрос: почему одни телесные проявления переживаются нами с такой остротой, часто помимо нашей воли и вопреки рациональным установкам? Почему телесные стереотипы столь живучи и эмоционально насыщены? Ответ на этот вопрос даёт концепция габитуса Пьера Бурдьё. Габитус – это «система устойчивых и переносимых диспозиций, предрасположенные функционировать как порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на неё и неперемное овладение необходимыми операциями по её достижению» [2, с. 102].

Такие перенесённые в тело диспозиции сформированы социальным опытом и воплощены в манере держаться, говорить, жестиковать, соблюдать дистанцию. Это «социальное, ставшее природой и преобразованное в моторные схемы и телесные автоматизмы» [2, с. 134], то есть то, что переживается как естественное, само собой разумеющееся, но на самом деле является продуктом длительной социализации. В контексте нашего исследования это означает, что восприятие «чужого» всегда опосредовано столкновением габитусов. Когда мы встречаем человека с иным телесным габитусом – иным ритмом речи, иной громкостью, иными нормами проксемики, – мы переживаем это не как идеологическое разногласие, а как практическое затруднение, телесный дискомфорт, который мы склонны интерпретировать в моральных категориях. Именно этим объясняется, почему телесные стереотипы о китайцах столь устойчивы и воспроизводятся даже теми респондентами, которые в целом позитивно относятся к китайской культуре. Конфликт габитусов происходит на дорефлективном уровне, минуя рациональный контроль.

Если П. Бурдьё объясняет, почему телесные различия переживаются остро, то Мишель де Серто показывает, как люди на практике справляются с присутствием «чужого» в повседневности. В своей работе «Изобретение повседневности» он вводит различие стратегий и тактик. Стратегии – «расчёт соотношения сил, который становится возможным с того момента, когда субъект, обладающий волей и властью, может быть вычленен из «окружающих условий»» [4, с. 50]. Стратегия утверждает собственное место – пространство, которое может быть очерчено как своё и тем самым стать основой для управления отношениями с внешним миром. В нашем контексте стратегиями выступают институциональные способы проведения границ: законы о миграции, визовый режим, государственные программы интеграции или сегрегации. Тактика, напротив, – это «расчёт, который не может опираться ни на собственное пространство, ни, как следствие, на границу, отделяющую другого как видимую целостность» [4, с. 50]. В наших материалах такими тактиками становятся, например, сознательное избегание определённых мест, где много китайцев, или, напротив, целенаправленный поиск контакта для изучения языка; выработка «нейтрального» поведения, не провоцирующего взаимодействие. Эти микро-практики свидетельствуют о том, что телесная инаковость становится объектом повседневной рефлексии и практической навигации. Именно в этих тактиках, в этом повседневном «искусстве делать» (l'art de faire) и происходит реальное, а не декларативное, выстраивание отношений с «приграничным чужим».

Изложенные выше теоретические подходы могут вызвать вопрос: насколько релевантен анализ телесности в эпоху тотальной цифровизации, когда значительная часть коммуникаций переместилась в виртуальное пространство, а образ «чужого» конструируется преимущественно медийными и цифровыми нарративами? Ответ на этот вопрос парадоксален: цифровизация не только не отменяет телесности, но и создаёт новый контекст, в котором непосредственное физическое присутствие приобретает особую ценность и остроту [7, с. 1–2]. Если цифровая идентичность понимается как «осознание человеком самого себя посредством цифровых образов, создаваемых им в виртуальном информационном пространстве», то эта идентичность всегда остаётся надстройкой над фундаментальным уровнем реального, биологического тела. Тело выступает тем «твёрдым ядром», которое задаёт пределы виртуальным трансформациям [10, с. 77]. Именно на фоне перенасыщенности цифровыми образами непосредственный телесный контакт переживается с особой интенсивностью. Когда политические декларации и медийные репрезентации могут быть подвергнуты сомнению, когда информационная среда перенасыщена симулякрами, именно тело Другого, его реальное, физическое присутствие становится тем неоспоримым фактом, требующим личной реакции [6, с. 66]. В этом смысле приграничный регион оказывается уникальной антропологической лабораторией. Именно здесь, в условиях территориальной смежности и интенсивных повседневных контактов, цифровые образы «чужого» постоянно проверяются живым, телесным опытом.

Анатомия «приграничного чужого»: телесные маркеры инаковости

Эмпирический материал, полученный в результате проведения интервью и фокус-групп, позволяет проследить, как описанные теоретические механизмы работают в реальном восприятии. В уникальных условиях приграничья «чужой» физически близок, его тело присутствует в повседневном пространстве и не может быть проигнорировано. Именно эта нередуцируемая телесная данность становится тем полем, на котором разворачивается процесс проведения и одновременно пересмотра символических границ.

Визуальный режим: лицо и тело как этнический ярлык

Первым и наиболее очевидным уровнем телесной маркировки выступает визуальный режим восприятия. Именно взгляд – самый быстрый и автоматический канал категоризации – схватывает фенотипические черты, превращая их в мгновенный маркер инаковости. Эмпирический материал демонстрирует устойчивое воспроизводство визуальных ассоциаций, фиксирующих именно телесные характеристики китайцев. В фокус-группах, независимо от специализации респондентов, спонтанно перечисляются такие признаки, как «узкие глаза», «невysокые», «маленький размер обуви» (ДВГМУ – ФГ-1, ФГ-2); «узкоглазые, маленький, с лишним весом; низкорослые, разрез глаз, загорелые» (ДВГУПС – ФГ-3, ФГ-4, ФГ-5); «маленькие, жёлтые [о цвете кожи], узкие глаза» (ТОГУ – ин-ю 1 и 2); «жёлтый, чёрные [волосы], среднего роста или низкорослые» (ТОГУ – ФГ-13); наконец, «низкий мужчина с пивным животом» (ДВГУПС – ФГ-15). Последний пример особенно показателен: единичное наблюдение обобщается до стереотипа, проецируемого на целую группу.

Обращает на себя внимание не только устойчивость этих описаний, но и их редукционистский характер: отдельная телесная черта становится тотальным знаком, замещающим личность. Происходит то, что можно назвать «фенотипической редукцией»: живой человек, который мог бы явить себя в своей уникальности, превращается в носителя набора типизированных признаков. Если, следуя М. Мерло-Понти, в обыденном восприятии тело Другого выступает не объектом среди прочих, а «выражением» присутствия, то в случае этнического стереотипа эта выразительность сворачивается до одного-двух внешних маркеров. Тело перестаёт быть живой плотью и становится этническим ярлыком.

Этот механизм находит объяснение в теории социального конструирования реальности. Как показывают П. Бергер и Т. Лукман, восприятие Другого всегда опосредовано схемами типизации, которые усваиваются в процессе социализации и закрепляются в языке. Именно язык фиксирует устойчивые обозначения телесных характеристик – «узкоглазый», «жёлтый» – и превращает отдельные наблюдения в социальные стереотипы. Визуальный маркер начинает работать до и помимо всякого реального взаимодействия, подменяя живой опыт готовой схемой. В условиях приграничья этот механизм приобретает особую остроту: плотность, но поверхностность контактов делает фенотипические маркеры необходимым инструментом быстрой навигации. Они работают как система когнитивной экономии, позволяя мгновенно опознать «своего» и «чужого» в условиях, где «чужие» присутствуют постоянно, но остаются в значительной степени анонимными.

Звуковой ландшафт инаковости: семантика громкости

Если визуальному образу ещё можно сознательно не придавать значения, то звук проникает в тело слушающего помимо его воли. Это различие приобретает особую значимость в контексте дальневосточного приграничья. Фенотипические характеристики, маркирующие китайцев как «чужих», не являются уникальными: они в той или иной степени совпадают с внешним обликом многих коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Это означает, что визуальный маркер сам по себе не предопределяет проведение границы: одни и те же телесные черты могут быть прочитаны и как «свои» (у представителей коренных этносов), и как «чужие» (у китайцев). Интерпретация зависит от социального контекста и предварительных типизаций, наложенных на восприятие. Более того, визуальному образу можно сознательно не придавать значения. Звук не оставляет такой возможности. В условиях приграничья, где «чужой» присутствует акустически – в транспорте, в общественных местах, в студенческих общежитиях, – звуковой ландшафт становится важнейшим полем проведения символической границы именно в силу своей принудительности.

Эмпирический материал свидетельствует: стереотип «шумные/громкие» является одним из самых устойчивых и массовых. Он фиксируется в большинстве фокус-групп (ДВГМУ – ФГ-2; ДВГУПС – ФГ-3, ФГ-4, ФГ-5, ФГ-9, ФГ-14; ТОГУ – ФГ-6, ФГ-10, ФГ-11, ФГ-12, ин-ю 3, 4, 5, 8, 9; РАНХиГС – ФГ-16). Показательно, что «шумность» отмечают

даже те участники, которые в целом позитивно относятся к китайской культуре и её носителям. Это указывает на глубинный, дорефлективный уровень восприятия: звуковое поведение оценивается раньше, чем осмысливается, и способно противостоять рациональной установке на толерантность.

С феноменологической точки зрения, звук – это то, что проникает в тело помимо воли. Громкость переживается как вторжение в личное пространство, нарушение акустического суверенитета. В этой перспективе «шумный» оказывается синонимом «неуправляемого», «нарушающего порядок». Тишина и громкость выступают не просто физическими характеристиками, но маркерами культурной принадлежности и социального статуса. В русской культурной традиции громкая речь часто ассоциируется с невоспитанностью, неумением контролировать себя, тогда как сдержанность – с воспитанностью и уважением к окружающим. Таким образом, оценка громкости неразрывно связана с автостереотипом о собственной «культурности», которая противопоставляется «некультурности» Другого.

Развивая эту мысль, можно применить к звуку концепцию Мэри Дуглас: громкость предстаёт как «звуковая грязь» – то, что нарушает порядок акустической среды, вносит хаос в упорядоченное пространство «своих». Подобно тому, как материальная грязь есть «материя не на своём месте» [5, с. 65], громкая речь в контексте, где ожидается тишина, воспринимается как вторжение чужеродного элемента. Нормы громкости, будучи частью габитуса, переживаются как естественные и единственно возможные. Их нарушение воспринимается не как культурное различие, а как моральный дефект, личный недостаток Другого. Именно поэтому звуковой маркер оказывается столь устойчивым: он действует на дорефлективном уровне, минуя рациональные установки и даже вопреки позитивному опыту взаимодействия.

Ольфакторная граница: запах как знак «чуждости»

Если звук, при всей своей принудительности, всё же воспринимается на некоторой дистанции, то запах отменяет саму возможность дистанции. Он проникает в тело при каждом вдохе, минуя защитные барьеры, и вызывает немедленную, часто неконтролируемую реакцию – от притяжения до отвращения. В этом смысле ольфакторный канал является наиболее интимным и наименее поддающимся рациональному контролю.

Эмпирический материал фиксирует устойчивое воспроизводство обвинений, связанных с запахом и гигиеной. В фокус-группах звучат прямые характеристики: «воняют» (ДВГМУ – ФГ-2; ДВГУПС – ФГ-4; РАНХиГС – ФГ-16). Ещё более широко представлены стереотипы, объединяющие телесную нечистоту с поведенческой неопрятностью: «нечистоплотные», «грязные», «неряшливые», «неухаженные», «мусорящие» (ДВГУПС – ФГ-3, ФГ-4, ФГ-5, ФГ-14; ТОГУ – ФГ-10, ФГ-11, ФГ-12, ФГ-13, ин-ю 8; РАНХиГС – ФГ-16). Эти характеристики апеллируют одновременно и к телу Другого (запах, чистота), и к его действиям в общем пространстве. «Чужой» предстаёт как тот, кто активно нарушает порядок «чистого» пространства, внося в него «грязь» в прямом и переносном смысле.

С феноменологической точки зрения, обвинение в «дурном запахе» – один из самых сильных механизмов дегуманизации. Запах маркирует Другого не просто как иного, но как нечистого, того, от кого нужно держаться на расстоянии. Здесь вновь мы можем обратиться к концепции М. Дуглас: «грязь» – это материя не на своём месте. «Чужой» воспринимается как носитель «грязи», нарушающий порядок «чистого» пространства своей группы. Обвинение в нечистоплотности выполняет функцию символического исключения, легитимируя избегание на самом глубоком, биологическом уровне.

Однако эмпирический материал обнаруживает и более сложную динамику. Стереотип о «нечистоплотности» вступает в противоречие с другими образами китайцев, циркулирующими в медийном пространстве. В фокус-группах зафиксирован яркий диссонанс: с одной стороны, через массовую культуру (дорамы, ролики в социальных сетях) формируется образ «модного, ухоженного» китайца; с другой стороны, в непосредственных наблюдениях в Хабаровске (на стройках, в общежитиях, в общественных местах) фиксируется «неряшливость, привычка мусорить, неопрятность в одежде». Возникает характерный для приграничного восприятия конфликт между медийным образом и бытовым опытом. Респонденты пытаются разрешить это противоречие, прибегая к индивидуализации: «большинство стереотипов оправданы, но люди разные, много зависит от человека» (ТОГУ, ФГ-10); «воспитание важнее национальности» (ТОГУ, 4 ин-ю); «[китайцы] бывают разные, зависит от человека и ситуации» (РАНХиГС, ФГ-16); «слышали мнение о некультурном поведении, но это зависит от человека» (ДВГУПС, ФГ-14). Сама попытка такого объяснения свидетельствует о том, что стереотип не является абсолютной догмой – респонденты ощущают его проблематичность, видят его несоответствие

другим источникам информации. Однако важно подчеркнуть: само существование этого диссонанса указывает на то, что ольфакторные и гигиенические стереотипы обладают большой эмоциональной силой. Они продолжают работать на дорефлексивном уровне даже тогда, когда рациональное сознание готово их оспорить. Личный опыт способен скорректировать этот стереотип, но изначально он укоренён в культурном габитусе и срабатывает автоматически, до всякой рефлексии.

Тактильность и проксемика: нарушение границ тела

Тактильный контакт полностью отменяет дистанцию между людьми. Прикосновение – наиболее интенсивный и интимный способ телесного взаимодействия, именно поэтому его неконтролируемое вторжение переживается с максимальной остротой.

Эмпирический материал фиксирует ситуации, в которых нарушение телесных границ становится источником острого эмоционального переживания. Респонденты описывают случаи, когда действие, возможно воспринимаемое представителем иной культуры как нейтральное или даже дружелюбное, для них оборачивается шоком: «*мужчина подошёл и поцеловал в щеку без спроса*», «*некультурные*» (ДВГУПС – ФГ-9, ФГ-14); «*могут не извиниться [при причинении каких-либо неудобств]*» (ТОГУ – ин-ю 7), «*бестактные*» (ТОГУ – ин-ю 6) «*снимали на видео в автобусе без спроса*» (ТОГУ – ин-ю 3). Последний пример особенно показателен: съёмка на телефон без согласия воспринимается как вторжение, аналогичное физическому прикосновению, – взгляд «чужого», материализованный в камере, проникает в личное пространство столь же недопустимо, как и рука.

Феноменологическая интерпретация этих ситуаций опирается на представление о личном пространстве как о продолжении тела, его «экстерриториальной зоне». Физическое соприкосновение или его символический эквивалент без явно выраженного согласия воспринимается как посягательство на целостность и суверенность телесного «Я». Здесь граница между «своим» и «чужим» переживается наиболее болезненно, поскольку ставит под удар самоощущение контроля над собственным телом.

Ключ к пониманию этих коллизий даёт теория проксемики Эдварда Холла, показывающая, что нормы дистанции и допустимости тактильных контактов культурно вариативны [13, с. 162–163]. То, что для представителя китайской культуры может быть привычной формой общения – меньшая межличностная дистанция, допустимость прикосновений, съёмка как проявление интереса, – для носителя русской культуры воспринимается как нарушение неписаных правил. Это и есть конфликт габитусов в чистом виде: сталкиваются не идеологии и не рациональные установки, а воплощённые, дорефлексивные нормы телесного поведения, переживаемые каждой стороной как единственно естественные.

В этом контексте тактильные и проксемические маркеры выполняют функцию экзистенциального испытания границы. Именно здесь, на уровне прикосновения и дистанции, проверяется, возможно ли реальное, а не декларативное сосуществование с «чужим». Тактильное вторжение не оставляет пространства для рефлексивного смягчения: реакция возникает мгновенно и зачастую помимо воли. Поэтому в приграничье, где плотность контактов неизбежно высока, такие столкновения становятся критическими точками, в которых либо окончательно закрепляется граница, отчуждающая «чужого», либо (при успешной коммуникации) начинается её болезненный, но возможный пересмотр.

Проведённый анализ позволяет увидеть, что телесные маркеры инаковости образуют многоуровневую систему проведения границы: от быстрой и автоматической визуальной категоризации, через неизбежное акустическое вторжение, к глубокому, экзистенциальному уровню ольфакторного и тактильного контакта. Каждый последующий уровень требует всё большего вовлечения и переживается с нарастающей остротой.

При этом эмпирический материал демонстрирует принципиальную амбивалентность этого процесса. В сознании респондентов устойчиво сосуществуют противоположные оценки: один и тот же человек может восприниматься как «шумный конкурент» в ситуации рыночной торговли и как «опрятный и вежливый» сокурсник в университете; стереотип о «нечистоплотности» может конфликтовать с медийным образом «модного китайца». Эта амбивалентность – не свидетельство когнитивной путаницы, а отражение сложности самого опыта приграничья, в котором абстрактные, унаследованные типизации постоянно сталкиваются с живыми, конкретными впечатлениями от повседневных контактов.

Именно в этом зорее между стереотипом и живым впечатлением становится возможной трансформация образа. Личный, непосредственный опыт взаимодействия, будучи опытом телесным – запечатлённым в чувственных реакциях, в произвольном запоминании ситу-

аций доброты или вежливости, – способен корректировать даже самые устойчивые стереотипы. Он не отменяет их полностью, но порождает более сложную, дифференцированную оптику восприятия: способность видеть за этническим ярлыком конкретного человека. Тем самым повседневная телесная встреча с «чужим» в условиях приграничья становится критической точкой, в которой символические границы могут либо окончательно окостенеть, либо начать пересматриваться.

Заключение

Проведённое исследование, опирающееся на философско-антропологический анализ феноменологии тела, теорию социального конструирования реальности, концепцию габитуса и антропологию повседневных практик, в сочетании с эмпирическим материалом, позволяет сделать следующие выводы.

Тело является фундаментальным и нередуцируемым горизонтом встречи с Другим. В условиях приграничья, где «чужой» присутствует физически и повседневно, телесный опыт выступает тем первичным уровнем, на котором впервые опознаётся и переживается инаковость, задолго до включения рациональных оценок и идеологических конструкторов. Эмпирические данные подтверждают, что респонденты спонтанно фиксируют именно телесные маркеры – внешность, звук, запах, жест, дистанцию, – которые становятся основой для последующих стереотипов.

Телесные маркеры образуют многоуровневую систему проведения символической границы. Визуальный режим обеспечивает быструю, автоматическую категоризацию («фенотипическая редукция»), сводящую человека к этническому ярлыку. Звуковой ландшафт (стереотип «шумности») действует принудительно, вторгаясь в акустическое пространство. Ольфакторная граница (обвинения в запахе, нечистоплотности) работает на наиболее интимном, дорефлексивном уровне, легитимируя избегание. Тактильный контакт и нарушение проксемических норм переживаются как прямое посягательство на целостность тела и становятся экзистенциальным испытанием границы.

Восприятие «приграничного чужого» принципиально амбивалентно. Эмпирический материал демонстрирует устойчивое сосуществование противоположных оценок: один и тот же человек может восприниматься в зависимости от контекста. Эта амбивалентность отражает сложность опыта приграничья, в котором абстрактные, унаследованные типизации постоянно сталкиваются с живыми, конкретными впечатлениями от повседневных контактов.

Личный, непосредственный опыт взаимодействия, будучи опытом телесным, способен корректировать даже самые устойчивые стереотипы. Он порождает более сложную, дифференцированную оптику восприятия: способность различать, видеть за этническим ярлыком конкретного человека. Повседневная телесная встреча с «чужим» становится критической точкой, в которой символические границы могут либо окончательно окостенеть, либо начать пересматриваться.

Философско-антропологический смысл проведённого анализа заключается в следующем. Встреча с «чужим» – это всегда телесное событие, разворачивающееся в пространстве тел. В этой встрече наше собственное тело также оказывается под вопросом: привыкая к иным запахам, звукам, ритмам, дистанциям, мы меняемся сами. Граница проходит не только между нами и Другим, но и внутри нас – между старыми стереотипами и новым опытом. «Приграничный чужой» выступает не просто объектом восприятия, но условием нашей собственной антропологической трансформации. Жизнь на границе делает нас более гибкими и одновременно более рефлексивными по отношению к собственной телесности.

В эпоху тотальной цифровизации именно приграничные регионы напоминают, что человек остаётся телесным существом, и встреча с Другим всегда есть встреча тел. Философская антропология призвана учитывать этот неустранимый телесный фундамент, исследуя, как в повседневных практиках, в том числе в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия, конструируются, воспроизводятся и трансформируются границы между «своим» и «чужим».

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.
4. Де Серто М. Изобретение повседневности. Том 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
5. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс, 2000. 288 с.

6. Иванов Д.В. Диалектика современности в социологии XX–XXI веков // Социология новой современности: проблемы, теория, методы. Материалы Всероссийской научной конференции XIX Ковалевские чтения, 13–15 ноября 2025 года / под ред. Н.Г. Сковрцов, Ю.В. Асочаков. Иваново-СПб: ПресСто, 2026. С. 64–69.

7. Лукьянова Н. А., Шавлохова А.А. Цифровое тело как образ будущего: анализ визуальных процессов конструирования // Ученые записки НовГУ. 2020. № 6 (31). С. 1–6.

8. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. 63 с

9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999. 603 с.

10. Чернавин Ю.А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. 2022. № 12 (168). Т. 2. С. 74–78.

11. Шпарага О.Н. Другой и чужое: проблема перевода и интерпретации // Топос. 2001. № 1. С. 76–78.

12. Шютц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. № 2. Т. 3. С. 3–34.

13. Hall E. Space perception, Space and time, *Psicologia Ambiental*. N.Y.: Anchor Books, 1969. 209 p.

CORPOREALITY AND BORDER: HOW THE BODY MARKS THE “STRANGER” IN EVERYDAY BORDERLAND EXPERIENCES

Yurchenko E.D.

Pacific National University

This article examines the role of bodily markers in constructing the image of the “border stranger” from a philosophical anthropological perspective, using the example of how Chinese students in Khabarovsk Krai perceive Chinese people. The author analyzes empirical data from in-depth interviews and focus groups (174 respondents), drawing on the phenomenology of the body, the theory of social construction of reality, the concept of habitus, and the anthropology of everyday life. It is revealed that visual, auditory, olfactory, and tactile markers form a multi-layered system of symbolic boundary delineation. Perception

is fundamentally ambivalent: it coexists with opposing assessments, reflecting the conflict between inherited stereotypes and the lived experience of contact. Personal bodily experience is a key factor, capable of transforming the image of the “foreigner” toward a more differentiated perception. It is concluded that an encounter with a “border stranger” is a bodily event that calls one’s own identity into question.

Keywords: philosophical anthropology, corporeality, border, border stranger, other, perception, phenomenology, habitus, everyday life, Far East.

References

1. Berger P., Luckmann T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. 323 p.

2. Bourdieu P. (2001). *Practical Reason: on the theory of action [Le Sens pratique]*. Saint Petersburg: Aleteyya. 562 p.

3. Husserl E. (2010). *Cartesian Meditations: An Introduction to Phenomenology [Méditations cartésiennes: Introduction à la phénoménologie]*. Moscow: Academic Project. 229 p.

4. De Certeau M. (2013). *The Practice of Everyday Life. Vol. 1 [L’invention du quotidien. Vol. 1, Arts de faire’]*. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg. 330 p.

5. Douglas M. (2000). *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Moscow: Kanon-Press. 288 p.

6. Ivanov D. V. (2026). Dialectics of modernity in the sociology of the 20th-21st centuries. *Sociology of New Modernity: Problems, Theory, Methods. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference XIX Kovalev Readings, November 13–15, 2025*. P. 64–69.

7. Lukyanova N. A., Shavlokhova A.A. (2020) Digital body as an image of the future: The analysis of the visual processes of constructing. *Memoirs of NovS U*. Vol. 6 (31). P. 1–6.

8. Merleau-Ponty M. (1992). *The Eye and the Spirit [L’œil et L’esprit]*. Moscow, *Iskusstvo*. 63 p.

9. Merleau-Ponty M. (1999). *Phenomenology of Perception. [Phénoménologie de la perception]*. Saint Petersburg: Nauka. 603 p.

10. Chernavin Yu. A. (2022) Digital identity of a person: The essence, features of occurrence and manifestation. *Human Capital*. 12 (168), Vol. 2. P. 74–78.

11. Shparaga O. N. (2001) The Other and the alien: The problem of translation and interpretation. *Topos*. Vol. 1. P. 76–78.

12. Schütz A. (2003) On multiple realities. *The Russian Sociological Review*. Vol. 3 (2). P. 3–34.

13. Hall E. (1969). Space perception. In *Space and time, Psicologia Ambiental*. New York: Anchor Books. 209p.

Институциональная инфраструктура социальной адаптации ветеранов современных вооруженных конфликтов: анализ государственных и общественных поддерживающих практик

Евенко Сергей Леонидович,

доктор психологических наук, профессор, кафедра социологии, ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны РФ
E-mail: slevenko@yandex.ru

Блошко Виталий Васильевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны РФ
E-mail: vit.bloshko@gmail.com

Статья посвящена анализу институциональной инфраструктуры социальной адаптации ветеранов современных вооруженных конфликтов как формирующейся социо-адаптационной экосистемы, возникающей на стыке государственных и общественных поддерживающих практик. Адаптация рассматривается не как сумма отдельных мер, а как многоуровневый процесс, включающий легитимацию статуса, восстановление здоровья, трудовую реинтеграцию, стабилизацию семейной системы, восстановление идентичности и накопление доверия. На основе аналитической картографии социального пространства выделяются два контура поддержки: государственный, обеспечивающий легитимность и гарантируемый минимум, и общественный, компенсирующий дефицит гибкости, скорости и человеческого измерения. Показано, что ключевая уязвимость инфраструктуры связана с институциональными разрывами информационного, координационного и ценностно-нормативного характера, которые повышают транзакционные издержки адаптации и стимулируют различные стратегии социальной навигации ветеранов (инсайдерство, опора на посредников НКО, автономизация). В качестве практической рекомендации обоснована необходимость инфраструктурного мышления: создания цифровых и физических хабов-координаторов, выполняющих функции социальной навигации, межведомственной координации, перевода и кейс-сопровождения.

Ключевые слова: ветеран современных вооруженных конфликтов, социальная адаптация, институты, инфраструктура, неоинституциональный подход, социальный капитал, НКО, волонтерство, транзакционные издержки, координация, кейс-менеджмент.

Постановка проблемы и рамка анализа

Социальная адаптация ветеранов современных вооруженных конфликтов в текущих условиях перестаёт быть набором частных историй и приобретает характеристики системной общественной задачи. Формируется новая массовая социальная группа со специфическим опытом и неоднородными траекториями возвращения к мирной жизни; вследствие масштаба даже локальные сбои в поддержке дают кумулятивный эффект на уровне семей, трудовых коллективов и местных сообществ. Дополнительную значимость теме придаёт высокая видимость институциональных практик: в плотной информационной среде дисфункции быстрее становятся предметом публичной интерпретации и тем самым напрямую воздействуют на доверие и ощущение справедливости.

Адаптация в данном контексте не сводится к предоставлению льгот или разовой помощи. Речь идёт о многоуровневом процессе включения человека в сеть статусов и ролей, обеспечивающих устойчивость повседневности: юридическое признание и гарантии; восстановление здоровья; возвращение к занятости как к источнику дохода, стабилизация семейной системы; формирование горизонтальных связей и участия в сообществах, снимающих социальную изоляцию [2].

Проблемность темы задаётся несоответствием между масштабом и спецификой новых запросов и архитектурой части действующих институтов социальной поддержки, генетически ориентированных на вертикальное администрирование, категориальный учёт и ведомственное разделение функций. Такая конструкция обеспечивает нормативную определённость, но слабо приспособлена к ситуациям, где адаптация разворачивается как цепочка взаимозависимых действий.

Цель статьи состоит в анализе структуры, логики действия и взаимодействия государственных и общественных институтов поддержки ветеранов современных вооруженных конфликтов как единой инфраструктуры социальной адаптации. Для её достижения предполагается, во-первых, картографировать ключевые акторы и поддерживающие практики, фиксируя точки входа и типовые маршруты; во-вторых, выявить институциональные разрывы, повышающие транзакционные издержки адаптации; в-третьих, описать стратегии социальной навигации ветеранов по инфраструктуре как индикатор реальной работоспособности связей; в-четвёртых, сформулировать вывод о характере складывающейся социо-адаптационной экосистемы и предложить практическую рекомендацию, ориентированную на функцию координации и перевода между формальными правилами и ситуациями.

Социальная картография институциональной инфраструктуры

Институциональная инфраструктура социальной адаптации ветеранов современных вооруженных конфликтов в практическом измерении устроена как двухконтурная система, где государственный и общественный сектора образуют не две параллельные линии, а взаимопроницающую связку. Первый контур производит легитимность статуса и гарантируемый минимум ресурсов, фиксируя права, процедуры и ответственность. Второй контур восполняет недостаток гибкости, скорости и человеческого измерения, превращая формально доступные меры в реально достижимые и психологически переносимые. Между ними располагаются швы инфраструктуры: посредничество, совместные кейсы, информационный обмен, неформальные каналы связи, а также зоны скрытого дублирования и конкуренции за ресурсы.

Если смотреть с позиции адресата, то инфраструктура существует не в виде перечня организаций, а в виде последовательностей действий. Базовый маршрут обычно начинается с подтверждения статуса и оформления прав, затем разветвляется на линии медицинского сопровождения, социальной поддержки и занятости, после чего, при благоприятном сценарии, дополняется восстановлением социальных связей и включением в сообщество. На практике ветеран опирается на точки входа и посредников. Точки входа чаще всего задаются ближайшими к человеку институтами: военный комиссариат, учреждение здравоохранения, соцзащита, многофункциональные центры, служба занятости. В результате реальная инфраструктура выглядит как сеть с узлами, где производится ресурс, и с мостами, которые делают этот

ресурс достижимым. Теоретический анализ социальной адаптации ветеранов современных вооруженных конфликтов, позволил выявить

основные акторы изучаемого процесса, определить типы их ресурсов и характерные барьеры, места (см. табл. 1).

Таблица 1. Карта акторов социальной адаптации ветеранов современных вооруженных конфликтов

Актор	Базовая функция в инфраструктуре	Тип ресурса	Тип правила	Типичная точка входа	Типичные барьеры
Военные комиссариаты	Верификация статуса, запуск формального маршрута	Статус, документы	Формальные	Обращение по месту учёта	Сложность требований к документам, очереди, низкое качество консультирования
Органы соцзащиты	Назначение выплат и мер поддержки, маршрутизация к социальным услугам	Деньги, услуги	Формальные	Территориальная соцзащита, МФЦ	Фрагментация мер, необходимость повторного подтверждения обстоятельств, слабая сквозная координация
Минтруд, службы занятости	Трудовая реинтеграция, переквалификация, подбор вакансий	Услуги	Формальные	Центр занятости, консультации	Несоответствие предложений индивидуальной траектории, бюрократизация учёта, ограниченная работа с психологическим контуром
Фонд пенсионного и социального страхования	Назначение и сопровождение страховых выплат, пенсий, компенсаций	Деньги, статусные подтверждения	Формальные	Территориальные подразделения, МФЦ	Сложность процедур, высокая цена ошибки в документах
Муниципальные и региональные администрации (программы поддержки)	Дополнительные региональные меры, координация на местах, иногда проектные решения	Деньги, услуги	Формальные	Региональные центры, горячие линии	Неравномерность по регионам, зависимость от управленческой ёмкости и финансирования
Ветеранские НКО	Сопровождение, консультирование, создание сообщества, защита прав	Сообщество, услуги	Неформальные с опорой на формальное право	Вход через сообщество, рекомендации, «сарафан»	Ограниченность ресурсов, зависимость от команды и устойчивости финансирования
Благотворительные фонды	Адресная помощь, закупка средств реабилитации, экстренная поддержка	Деньги, вещи, услуги	Неформальные	Заявка, рекомендация от партнёров	Конкуренция заявок, необходимость подтверждений, риск разрыва помощи при исчерпании ресурсов
Волонтёрские сообщества (в т.ч. при учреждениях)	Быстрое закрытие бытовых потребностей, сопровождение, логистика	Услуги, вещи	Неформальные	Контакты при госпиталях, местные группы	Нестабильность, выгорание, зависимость от координации и лидеров
Сетевые проекты взаимопомощи	Горизонтальные обмены, взаимные услуги, поддержка «своих»	Сообщество	Неформальные	Онлайн-каналы, локальные инициативы	Замкнутость круга, слабая интеграция с формальной системой, риски неравного доступа
Религиозные организации	Поддержка принадлежности, смысловая и эмоциональная стабилизация, иногда адресная помощь	Сообщество, услуги	Неформальные	Приход, община, капелланские практики	Ограниченность охвата, неоднородность практик, необходимость деликатной настройки к запросу человека

Важно подчеркнуть, что инфраструктура акторов социальной адаптации ветеранов современных вооруженных конфликтов начинает работать как система не тогда, когда перечислены все акторы, а тогда, когда становится понятной логика переходов между ними. Там, где перевод возлагается на адресата, и возникают ключевые разрывы, которые будут рассмотрены дальше, но уже на этапе социо-адаптационной картографии видно, что социальные швы между контурами оказываются функционально не менее значимыми, чем сами социальные узлы. В рамках данного исследования институциональная инфраструктуру рассматривается не только через призму ключевых акторов («социальных узлов»), но и через анализ связующих их элементов – «социальных швов» (под социальными швами понимается совокупность формальных и неформальных практик, процедур, посредников и коммуникационных каналов, которые обеспечивают функциональное соединение различных контуров поддержки).

Государственный контур поддержки в рассматриваемой сфере обладает сильной стороной, которую нельзя недооценивать: он производит легитимность и гарантируемость. Внутри государственного контура можно выделить несколько функциональных блоков. Военные комиссариаты и смежные структуры обеспечивают первичную верификацию и документальную сборку статуса, то есть запускают институциональный маршрут. Органы социальной защиты и инфраструктура многофункциональных центров переводят статус в набор конкретных мер: выплаты, льготы, социальные услуги [5]. Фонд пенсионного и социального страхования обеспечивает назначение соответствующих выплат и компенсаций, требующих особенно строгого соблюдения регламентов. Система Минздрава, концентрирует медицинскую помощь и реабилитацию, а также в той или иной форме затрагивает психологический контур, хотя степень интеграции психосоциального сопровождения заметно варьирует [8]. Службы занятости и подведомственные Минтруду структуры отвечают за трудовую реинтеграцию [3]. Региональные и муниципальные администрации, когда они включаются активнее, способны надстроить федеральный минимум проектными

решениями: дополнительными мерами, региональными центрами сопровождения, горячими линиями [7].

Проблема возникает тогда, когда пропуск в сеть не сопровождается самой сетью в субъективно связанном виде. Формально пакет льгот существует как совокупность различных прав и предпочтений, но для адресата он часто распадается на набор разрозненных возможностей, каждую из которых нужно отдельно обнаружить, интерпретировать, подтвердить и реализовать. Символически это переживается как парадокс: при публичной риторике признания и уважения в повседневной практике человек вынужден многократно подтверждать очевидное. В результате ритуал верификации начинает доминировать над содержанием поддержки.

Вторая характерная государственная практика связана с категориальным оказанием услуг, организованным по протоколам. Она проявляется прежде всего в медицинской, психологической и юридической помощи, которые предлагаются как отдельные ячейки: есть канал медицинского лечения и реабилитации; есть канал психологической поддержки; есть канал юридического консультирования и правового сопровождения. Такая организация рациональна для управления крупными потоками обращений. Однако в задачах адаптации она создаёт структурный разрыв между комплексной жизненной ситуацией и ведомственно разложенными частями этой ситуации.

Проблема здесь состоит не в том, что помощь плохая, а в том, что форма организации помощи нередко слабо соответствует индивидуальным траекториям восстановления. Протоколы по определению рассчитаны на типовые сценарии, тогда как адаптация ветерана может включать нестандартные сочетания факторов: медицинские последствия, семейные напряжения, социальную изоляцию, трудности с возвращением в коллектив, проблемы с документами, расхождение между ожиданиями и реальностью [9].

Отдельного внимания заслуживает психологический сегмент. В инфраструктуре адаптации он работает как связующее звено: психологические трудности редко существуют изолированно, они усиливают

медицинские и социальные проблемы и одновременно сами подпитываются ими [4]. Однако при категориальном подходе психологическая помощь легко превращается в дополнительную опцию, отнесённую к узким показаниям или предоставляемую в формате.

Ветеранские НКО и благотворительные фонды в общественном контуре выполняют роль функциональных посредников: они либо дают ресурс напрямую, либо помогают получить его в государственном контуре, снижая трение прохождения процедур [6]. Волонтерские сообщества обеспечивают скорость и адресность, особенно в бытовых и экстренных вопросах. Сетевые проекты взаимопомощи формируют горизонтальные обмены и поддерживают своих, создавая устойчивые микросети доверия. Институционально важно то, что сообщество выполняет и навигационную функцию. В этом смысле общественный контур не просто добавляет мягкую поддержку, но и повышает наблюдаемость инфраструктуры. Он делает систему видимой и читаемой через опыт других. Чтобы зафиксировать различие логик двух контуров не на уровне оценочных суждений, а на уровне принципов организации, в таблице 2 приведены сравнительные представления.

Таблица 2. Сравнение логик государственного и общественного секторов

Параметр	Государственный сектор	Общественный сектор
Принцип организации	Вертикаль, регламент, контроль доступа к ресурсам	Горизонтальные сети, проектность, доверие и адресность
Скорость реакции	Стабильная, но часто медленная из-за процедур	Быстрая, но зависит от ресурсов и координации
Типичная точка входа	Статус и документы, обращение в учреждение	Контакт, рекомендация, сообщество, заявка в фонд
Тип ресурса	Легитимность, гарантируемые выплаты и услуги	Адресная помощь, сопровождение, сообщество, навигация
Слабое место	Ригидность, ведомственная разобщённость, трудночитаемость маршрута	Нестабильность, зависимость от персонала, ограниченная масштабируемость
Типичная ошибка	Рассмотрение адаптации как суммы мер, а не как траектории	Подмена системной координации точечными решениями
Что даёт ветерану	Право и минимум поддержки, формальную защищённость	Снижение издержек, ощущение принадлежности, перевод и сопровождение

Главная уязвимость этой экосистемы заключается в том, что связность пока слишком часто возникает как эффект частных посреднических усилий, а не как институционально закреплённый механизм координации. Поэтому следующий логический шаг анализа состоит в выявлении разрывов, которые заставляют ветерана платить за прохождение инфраструктуры, и в описании стратегий, с помощью которых эти разрывы обходятся или компенсируются.

Институциональные разрывы и социальная навигация ветеранов современных вооружённых конфликтов

Проведённая картография показывает, что инфраструктура поддержки существует как совокупность узлов и практик, однако её реальная эффективность определяется не столько объёмом мер, сколько качеством связности. Именно в местах, где связность нарушается, возникают институциональные разрывы. Они выступают точками повышенной транзакционной стоимости адаптации: ветеран тратит время на поиск маршрута, несёт стресс от неопределённости, вынужден многократно подтверждать право, сталкивается с символическим обесцениванием обращения.

Информационный разрыв проявляется в том, что инфраструктура поддержки доступна ветерану фрагментами, но не предьявлена как система [6]. В результате даже при наличии формально значимого объёма мер адресат сталкивается с ситуацией слепого поиска: он может знать о нескольких очевидных опциях, но не видеть всей конфигурации возможностей, включая последовательность шагов и взаимосвязь контуров.

Таблица 3. Разрывы инфраструктуры, стратегии навигации и последствия

Разрыв	Как проявляется	Типичная стратегия ответа	Выигрыш	Цена/риски	Что могло бы снизить разрыв
Информационный	Меры и возможности известны фрагментами, отсутствует понятная карта маршрутов	Инсайдер / Клиент НКО	Быстрое нахождение нужных каналов, снижение ошибок	Неравенство доступа, зависимость от связей или ресурсов посредника	Публичная навигационная карта по жизненным сценариям, единые справочные контуры, понятный язык описания маршрутов

Третий разрыв имеет не столько техническую, сколько символическую природу, но его последствия оказываются практическими. Он возникает в несоответствии между публичной риторикой признания и героизма и повседневной процедурной рутинной, в которой взаимодействие с институтами может восприниматься как формализованная проверка, недоверие или равнодушие. Для ветерана это не просто неприятный опыт. Это столкновение двух нормативных режимов: в одном режиме человек наделён высокой символической значимостью, в другом режиме он редуцирован до заявителя, который должен доказать право и соответствие критериям. Когда эти режимы не согласованы, возникает чувство несправедливости и неуважения, даже если формально система действует в рамках регламента.

Ценностно-нормативный разрыв обнуляет социальный капитал, который инфраструктура могла бы производить. Доверие в задачах адаптации является ресурсом: оно снижает барьеры обращения, увеличивает готовность следовать рекомендациям, поддерживает мотивацию возвращения к занятости и взаимодействия с сообществом. Но доверие легко разрушается, когда человек сталкивается с процедурой, не сопровождаемой ясным объяснением и человеческим тоном, особенно в ситуациях уязвимости. Это ведёт к отказу от обращения, к переходу в закрытые формы самопомощи и к снижению эффективности даже тех мер, которые объективно доступны.

Возникновение разрывов порождает стратегии навигации, которые можно рассматривать как адаптационные ответы на институциональную среду. Стратегии не равнозначны по последствиям: одни ускоряют прохождение маршрутов, но повышают неравенство доступа; другие снижают психологическую нагрузку, но опираются на нестабильные ресурсы; третьи защищают человека от повторной травматизации взаимодействием, но могут консервировать проблему и изолировать от поддержки.

Стратегия актора-инсайдера основывается на конвертации социального капитала неформальных сетей в ресурсы для действия внутри формальных институциональных рамок. Это могут быть знакомые офицеры, сотрудники учреждений, люди, обладающие знанием регламентов и готовые подсказать наиболее короткий маршрут. Выигрыш очевиден: а) ускорение решений; б) снижение вероятности ошибок; в) обход пустых процедурных кругов, иногда получение сопровождения там, где формально оно не предусмотрено.

Стратегия обращения в НКО заключается в передаче значительной части навигационных задач посреднику из общественного сектора. Ветеран обращается в НКО или фонд не только за ресурсом, но и за сопровождением: объяснить порядок действий, собрать пакет документов, выбрать правильный канал обращения, связаться с ведомствами, отстоять права. Выигрыш выражается в экономии времени, в снижении психологической нагрузки: а) контакт с посредником обычно более человечен; б) сама процедура воспринимается как совместная работа, а не как одиночное пробивание системы.

Ограничение стратегии связано с ресурсной природой общественного сектора. Посредническая функция требует квалификации, времени и устойчивого финансирования. В теоретическом плане это означает, что общественный сектор компенсирует разрывы, но не устраняет их как институциональную причину; он снижает транзакционные издержки.

Стратегия автономии возникает как реакция на негативный опыт взаимодействия с институтами и на ценностно-нормативный разрыв. Ветеран сознательно минимизирует контакты с государственными и иногда с общественными структурами, полагаясь на самопомощь в узком кругу семьи, друзей и вообще «своих». Человек может стабилизировать повседневность на минимальном уровне, но при этом ограничить доступ к реабилитации, занятости, правовой защите и к расширенным социальным связям, то есть законсервировать те проблемы, которые требуют внешних ресурсов и профессионального сопровождения.

Автономная стратегия особенно опасна как массовый паттерн, потому что она снижает наблюдаемость реальных потребностей: если люди не обращаются, система не видит масштаб дефицита и не получает обратной связи. В результате разрывы воспроизводятся, а инфраструктура остаётся формально благополучной при скрытой цене, которая переносится на семьи и ближайшее окружение (табл. 3).

Разрыв	Как проявляется	Типичная стратегия ответа	Выигрыш	Цена/риски	Что могло бы снизить разрыв
Координационный	Нет единого окна, ветеран сам интегрирует ведомства и сроки	Клиент НКО / Инсайдер	Снижение нагрузки проект-менеджмента, сопровождение кейса	Перегрузка посредников, фрагментарность ответственности, риск срыва маршрута при смене людей	Институт кейс-сопровождения, сквозная ответственность за траекторию, цифровые и очные хабы-координаторы
Ценностно-нормативный	Риторика признания, конфликтует с переживанием процедур как недоверия/неуважения	Автономия	Защита достоинства, экономия эмоциональных ресурсов	Изоляция, недополучение помощи, консервация проблем, снижение наблюдаемости потребностей	Стандарты уважительного сервиса, объяснение процедур, обучение персонала коммуникации, включение переводчиков и сопровождения

Там, где инфраструктура не обеспечивает видимость и сквозную координацию, эта работа выполняется неформальными ресурсами. Следовательно, основной дефицит текущей инфраструктуры адаптации следует формулировать не как недостаток мер, а как недостаток связности, переводимости и сопровождаемости маршрута.

Инфраструктура как поле конфликта логик и формирующаяся социо-адаптивная экосистема

Логика государственного контура опирается на административный контроль, формальную нормированность, регламентированную проверку оснований и ведомственную ответственность. Она обеспечивает легитимность статуса и гарантируемость минимального пакета поддержки, то есть задаёт нормативный каркас, без которого невозможны масштабирование и равенство прав.

Важно, что эти логики не складываются автоматически в гармонию. Между ними неизбежны напряжения: государство стремится к контролю и унификации, общественные структуры к гибкости и ситуативности; ведомства оптимизируют собственные процедуры, посредники оптимизируют траекторию человека; формальная система защищается от злоупотреблений, общественная система защищает адресата от избыточной процедурности. В идеальной модели хаб делает их совместимыми для адресата, превращая формально доступные меры в реально проходимую инфраструктуру.

Ниже приведена компактная матрица функций хаба, фиксирующая его роль как инфраструктурного социального узла, а не как очередной услуги (табл. 4).

Таблица 4. Матрица функций хаба-координатора в инфраструктуре адаптации

Функция хаба	Какой разрыв снижает	Что делает на практике	Ожидаемый эффект
Единая навигация по возможностям (по сценариям)	Информационный	Понятная карта мер и маршрутов, актуальные правила, персонализированные подсказки	Рост наблюдаемости инфраструктуры, снижение ошибок и потерь времени
Координация маршрута и межведомственные переходы	Координационный	План действий, запись/направления, контроль переходов между звеньями, сквозная связность	Снижение роли адресата как проект-менеджера, сокращение провалов на стыках
Перевод языка институтов в язык жизненной ситуации и обратно	Ценностно-нормативный и координационный	Упаковка запроса в корректные процедуры, объяснение требований без эффекта обесценивания	Снижение переживания недоверия, рост готовности обращаться за помощью
Сопровождение кейса (кейс-менеджмент)	Все три разрыва	Закрепление ответственного, мониторинг динамики, помощь в повторных обращениях	Снижение транзакционных издержек, рост устойчивости адаптивной траектории

В итоге инфраструктурное мышление позволяет сформулировать общий принцип: устойчивость адаптации определяется не только объёмом предоставляемых ресурсов, но и архитектурой их доставки (наличие социальных каналов), то есть тем, насколько система снижает нагрузку на человека и поддерживает доверие как ключевой ресурс интеграции. В ситуации формирования новой массовой социальной группы ставка на связность, переводимость и сопровождение является не второстепенной сервисной опцией, а условием того, чтобы государственный каркас и общественная солидарность действительно сложились в работоспособную экосистему.

Литература

- Ахмадиева В.Ф., Ахмадиева В.Ф. Поддержка ветеранов СВО в социальной адаптации с помощью информационных ресурсов // В сборнике: Актуальные вопросы науки, общества и образования. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 42–45.
- Брель Е.Ю., Горбенко И.А., Киселева Т.Б., Макарова Е.Ю., Огнев А.С., Сахарова Т.Н., Тамарская Н.В., Цветкова Н.А., Щербина А.И. Психолого-педагогическое сопровождение семей участников (ветеранов) специальной военной операции в образовании // Метод. пособие / Москва, 2024. 148 с.
- Гурьянчик В.Н. Профессиональная переподготовка как инструмент социальной инклюзии ветеранов специальной военной операции // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. 2025. № 3 (128). С. 50–61.
- Кадиева Р.И., Давудова А.Р. Современные подходы и технологии психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 6–2. С. 205–232.
- Козлов С.В., Юрин Е.В. Социальная защита участников специальной военной операции // Студ. сборник. 2025. № 19–10 (315). С. 24–26.
- Колодина К.А. Деятельность фонда Защитники Отечества по обучению и трудоустройству участников СВО // Педагогический журнал. 2024. Т. 14. № 7–1. С. 63–69.
- Митичкина М.А. Внедрение программы психологического обеспечения трудовой адаптации участников специальной военной операции в корпоративные системы управления персоналом в контексте минимизации типичных социальных рисков // Социальные отношения. 2025. № 3(54). С. 30–39.
- Скобелина Н.А. Ключевые составляющие реабилитации участников специальной военной операции. (обзор литературы) // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физкультуры. 2025. Т. 102. № 4. С. 28–35.
- Ульянина О.А., Ермолаева А.В., Волков Д.С., Комолова О.С. Модель психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции методические рекомендации // Методические рекомендации / Москва, 2024. 40 с.

INSTITUTIONAL INFRASTRUCTURE OF SOCIAL ADAPTATION OF VETERANS OF MODERN ARMED CONFLICTS: ANALYSIS OF STATE AND PUBLIC SUPPORTING PRACTICES

Evenco S.L., Bloskko V.V.
Prince Alexander Nevsky Military University

This article examines the institutional infrastructure of the social adaptation veterans of modern armed conflicts as an emerging ecosystem formed at the intersection of governmental and civil society support practices. Adaptation is conceptualized not as an aggregate of isolated measures but as a multi-level process that includes status legitimation, health recovery, labour reintegration, stabilization of family systems, identity reconstruction, and the accumulation of trust. Through analytical mapping, the paper distinguishes two support circuits: a governmental circuit that provides legitimacy and a guaranteed minimum of assistance, and a civil society circuit that compensates for deficits in flexibility, responsiveness, and the human dimension of service delivery. The analysis demonstrates that the primary vulnerability of the infrastructure lies in institutional gaps of informational, coordination, and value-normative nature, which raise the transaction costs of adaptation and foster distinct navigation strategies among veterans (insider reliance, delegation to NGO intermediaries, and autonomous self-reliance). As a practical recommendation, the article substantiates the need for infrastructural thinking by proposing the development of digital and physical coordination hubs that perform navigation, inter-agency coordination, translation between bureaucratic procedures and lived situations, and case management.

Keywords: a veteran of modern armed conflicts, social adaptation, institutions, infrastructure, neo-institutional approach, social capital, NGOs, volunteering, transaction costs, coordination, case management.

References

1. Akhmadieva V.F., Akhmadieva V.F. Supporting veterans of the Special Military Operations in social adaptation with the help of information resources // In the collection: Collection of articles from the IV International scientific and practical conference. Penza, 2025. Pp. 42–45.
2. Brel E.Yu., Gorbenko I.A., Kiseleva T.B., Makarova E.Yu., Ognev A.S., Sakharova T.N., Tamarskaya N.V., Tsvetkova N.A., Shcherbina A.I. Psychological and pedagogical support for families of participants (veterans) of a special military operation in education // Methodological manual / Moscow, 2024. 148 p.
3. Guryanchik V.N. Professional retraining as a tool for social inclusion of veterans of a special military operation // Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. Series Pedagogical Sciences. Education. 2025. No. 3 (128). Pp. 50–61.
4. Kadieva R.I., Davudova A.R. Modern approaches and technologies of psychological support for families of participants (veterans) of a special military operation // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Vol. 15. No. 6–2. Pp. 205–232.
5. Kozlov S.V., Yurin E.V. Social protection of participants in a special military operation and their family members // 2025.No.19–10 (315). Pp. 24–26.
6. Kolodina K.A. Activities of the Defenders of the Fatherland Foundation for the training and employment of participants in the special military operation // Pedagogical Journal. 2024. Vol. 14. No. 7–1. Pp. 63–69.
7. Mitichkina M.A. Implementation of a program of psychological support for labor adaptation of participants in a special military operation in corporate HR management systems in the context of minimizing typical social risks // Social relations. 2025. No. 3 (54). Pp. 30–39.
8. Skobelina N.A. Key components of the rehabilitation of participants in a special military operation. (literature review) // Issues of balneology, physiotherapy and therapeutic physical education. 2025. Vol. 102. No. 4. Pp. 28–35.
9. Ulyanina O.A., Ermolaeva A.V., Volkov D.S., Komolova O.S. Model of psychological support for the families of participants (veterans) of a special military operation: methodological recommendations // Methodological recommendations / Moscow, 2024. 40 p.

Григорьев Николай Юрьевич,

доцент кафедры социологии, кандидат философских наук,
доцент Военного университета имени князя Александра
Невского Министерства обороны РФ
E-mail: nugrig@mail.ru

Статья посвящена анализу стратегии, структуры и функций системы управления антитеррористической безопасностью в современной России. Рассматриваются стратегические основы, принципы организации управления, роль ключевых органов – национальный антитеррористический комитет (далее по тексту – НАК), федеральных и региональных ведомств, антитеррористических комиссий и силовых структур. Особое внимание уделено межведомственному взаимодействию, профилактическим мерам и эффективности системы, подтвержденной статистикой предотвращенных террористических актов. *Объект исследования:* система управления антитеррористической безопасностью в современном российском обществе. *Предмет исследования:* изучение стратегии, структуры и функций системы управления антитеррористической безопасностью в современном российском обществе.

Ключевые слова: антитеррористическая безопасность, терроризм, система управления, стратегия, структура, функции, борьба с терроризмом.

Введение

Одной из основных задач современного российского общества является обеспечение безопасности и защиты от террористических угроз. С каждым днем риски и угрозы меняют свой характер, сложность, становятся многообразными и включают в себя, набирающие популярность информационные и киберпространственные риски. Эффективность борьбы с терроризмом тесно связана со стратегией, структурой и функциями системы управления безопасностью. Изучение данной тем и ее аспектов дает возможно понять, насколько система способна обеспечивать безопасность, выявлять риски и реагировать на угрозы в отношении граждан.

Терроризм представляет собой значительную опасность для устойчивости общества и безопасности нации, что требует тщательного изучения и оперативного ответа на проблемы в области обеспечения безопасности как внутри страны, так и на международном уровне. Основным принципом терроризма заключается в применении насилия или угроз для достижения определенных целей в различных сферах, таких как политика, религия и социальные отношения. Важной характеристикой террористических актов является их открытый характер, направленный на устрашение населения и оказание воздействия на правительственные структуры.

В статье А.П. Тютриной, посвященной вопросам терроризма и методам борьбы с ним, подчеркивается динамичность и способность современного терроризма к адаптации под текущие технологические, социальные и информационные реалии. Выделяются основные виды терроризма в XXI веке.

1. Политический терроризм заключается в использовании насильственных действий для достижения политических амбиций, свержения власти или изменения политической системы. Основными целями террористических атак являются государственные структуры, политические лидеры и ключевые элементы инфраструктуры.

2. Националистический (этнический) терроризм фокусируется вокруг защиты интересов, определенных этнических и национальных групп, зачастую проявляясь в требованиях сепаратизма.

3. Религиозный терроризм идет от экстремистских религиозных убеждений и стремится к навязыванию своих взглядов или изменению социальной структуры общества.

4. Криминальный терроризм применяется преступными группировками с целью извлечения материальной выгоды. Основными методами являются вымогательство, шантаж и создание атмосферы страха для установления контроля над определенными территориями или экономическими сферами.

5. Кибертерроризм использует информационные технологии для осуществления атак на ключевые объекты, включая государственные учреждения, экономические структуры и инфраструктуру. Включает в себя хакерские атаки, блокировку систем, распространение вредоносного ПО и дестабилизацию важнейших сервисов.

6. Биотерроризм заключается в использовании биологических агентов, таких как бактерии, вирусы и токсины, для нанесения массового ущерба живым организмам или окружающей среде. Отличается высокой степенью летальности и сложностью своевременного выявления.

7. Информационный экстремизм представляет собой распространение экстремистских и радикальных идеологий через интернет, социальные сети и медийные платформы. Позволяет привлекать сторонников, радикализировать общественное мнение и координировать насильственные акты на расстоянии [1].

Этапы становления системы противодействия терроризму

Система борьбы с терроризмом в России развивалась постепенно, в ответ на новые угрозы. По мнению Г.С. Гайнетдиновой, это был процесс создания многоуровневого механизма, который включает законы, организационные структуры и информационную работу [3, с. 94–95].

В первом этапе (1990-е гг. – начало 2000-х) приоритетной задачей было создать правовую и организационную базу для противодействия терроризму. В этот период Россия столкнулась с серьезными террористическими угрозами, связанными с региональными конфликтами и деятельностью экстремистских групп. В 1998 году был принят Феде-

ральный закон № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», который определил базовые принципы работы государственных органов, установил понятия терроризма и регламентировал меры для его предотвращения.

Как отмечает Г.С. Гайнетдинова, в это время управление было сильно централизовано, а ведущую роль играли федеральные силовые структуры – прежде всего ФСБ и МВД. Но при этом не было единой координирующей структуры, которая могла бы объединить усилия всех ведомств [3, с. 95–97].

Второй этап (2006–2010 гг.) посвящен учреждению Национального антитеррористического комитета (НАК) согласно Указу Президента РФ № 116 от 15 февраля 2006 года, посвященному антитеррористическим мерам. Данное решение сыграло ключевую роль в создании централизованной системы управления антитеррористической деятельностью.

Подчеркивается, что с появлением НАК впервые была организована координация между федеральными и региональными властями, а также установлены принципы взаимодействия между силовыми, административными и информационными органами. На данном этапе начали работу региональные антитеррористические комиссии, направленные на адаптацию федеральных решений к локальным особенностям регионов России.

На третьем этапе (2010–2016 гг.) в борьбе с терроризмом произошел переход от преимущественного использования силовых методов к более широкому профилактическому подходу. Российская Федерация принимала деятельное участие в международных усилиях, реализуемых под эгидой ООН, ШОС и ОДКБ, с целью совместной борьбы с террористическими организациями и обмена информацией между странами. В данный период особое внимание уделялось идеологическим и социальным аспектам антитеррористической деятельности. Активизировалась просветительская работа, разрабатывались и внедрялись программы, направленные на обеспечение информационной безопасности и патриотическое воспитание граждан.

Четвертый этап (2016–2021 гг.) в развитии системы связан с внедрением цифровых технологий. На данном этапе началось активное использование интеллектуальных систем видеонаблюдения, анализа данных, биометрических технологий и комплексных систем мониторинга транспортной инфраструктуры. Развитие искусственного интеллекта позволило повысить эффективность обнаружения потенциальных угроз и сократить время реагирования на инциденты. Цифровизация системы антитеррористической безопасности обеспечивает переход к предиктивной модели управления рисками, основанной на анализе больших данных и заблаговременном прогнозировании угроз [4, с. 70–80].

На пятом этапе (с 2021 года по наши дни) наблюдается тенденция к интеграции всех компонентов системы безопасности в унифицированную стратегическую рамку. Подтверждением этому служит Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021), в которой антитеррористическая деятельность позиционируется как неотъемлемая часть всеобъемлющей системы национальной безопасности.

Первостепенной задачей является наращивание сотрудничества между государственными структурами, предпринимательским сектором и гражданским обществом в области безопасности. Параллельно ведется активное развитие научно-исследовательской базы и образовательных инициатив в сфере борьбы с терроризмом.

Особое внимание уделяется разработке профессиональных стандартов и созданию специализированных центров компетенций [4, 5].

Структура органов противодействия терроризму в Российской Федерации

Система управления антитеррористической защищенностью в России обладает комплексной многоуровневой структурой, которая объединяет федеральные ведомства, региональные подразделения и специализированные агентства. Главная задача этой системы – координировать усилия, направленные на предотвращение террористических проявлений и смягчение их последствий.

1. Федеральные органы. НАК играет ключевую роль, обеспечивая взаимодействие между различными министерствами и ведомствами, а также формируя единые подходы и стратегии. По информации НАК в 2023 году удалось предотвратить 146 террористических актов и прекратить деятельность 73 законспирированных террористических групп в пределах РФ [6].

ФСБ выступает одним из основных институтов, занимающихся обнаружением и ликвидацией террористических угроз. За последние годы организация успешно предотвратила значительное число терактов, разоблачая организованные преступные группы и выявляя потенциально опасных лиц.

МВД России несет ответственность за оперативное реагирование и силовое пресечение террористических атак. В 2023 году сотрудни-

ки МВД участвовали в предотвращении свыше 20 случаев подготовки взрывных устройств и атак на массовых мероприятиях.

Министерство чрезвычайных ситуаций (МЧС) и структуры транспортной безопасности обеспечивают безопасность в местах массового скопления людей, вокзалов, аэропортов и ключевых объектов инфраструктуры [4, с. 25–33].

2. Региональные структуры. Региональные антитеррористические комиссии функционируют на уровне субъектов Федерации, адаптируя федеральную политику к местным условиям.

Эффективность работы региональных органов зависит от тесного взаимодействия с федеральными службами, информационными центрами и местными органами управления. Распределение полномочий и ответственности между федеральными и региональными структурами позволяет ускорить реагирование на возникающие угрозы и расширить сферу профилактических мер [4, с. 6–10].

3. Дополнительные подразделения и функции. Специализированные центры мониторинга и анализа, отслеживающие экстремистские материалы в интернете, социальных сетях и мессенджерах, являются важным элементом системы [4, с. 81–84].

Функции и взаимодействие федеральных и региональных органов власти в России

В Российской Федерации противодействие терроризму осуществляется благодаря согласованным действиям федеральных и региональных органов власти, центральное место в которой занимает НАК. Федеральные ведомства (ФСБ, МВД, МЧС, Росгвардия) и региональные антитеррористические комиссии решают конкретные задачи, формируя комплексную систему предупреждения и устранения террористических угроз.

Слаженность работы органов обеспечивается посредством:

- 1) проведения совместных заседаний и координационных встреч в формате НАК, на которых анализируются текущие риски;
- 2) организации общих антитеррористических учений и тренировок для повышения готовности;
- 3) интерактивного обмена данными и быстрого реагирования на возникающие угрозы.

Следовательно, федеральные и региональные институты функционируют как взаимосвязанный механизм, где четкое распределение обязанностей и согласованность действий позволяют результативно предотвращать и сокращать отрицательные последствия террористической деятельности.

Ключевые звенья и ведомства системы обеспечения антитеррористической безопасности в России

Функционирование системы обеспечения антитеррористической безопасности реализуется через иерархическую структуру органов государственной власти и специализированных ведомств, взаимодействующих в рамках координационных механизмов Национального антитеррористического комитета [1, 12, 13].

1. Президент РФ является высшим руководителем всей системы противодействия терроризму. Он утверждает стратегические документы, назначает руководителей ключевых органов безопасности, определяет общегосударственные приоритеты и координирует взаимодействие силовых структур [13, с. 1–2].

На уровне Совета безопасности и НАК Президент рассматривает отчеты о состоянии антитеррористической защищенности страны и даёт поручения по усилению профилактических мер.

2. НАК – центральный координационный орган, обеспечивающий реализацию государственной политики в сфере противодействия терроризму. Он выполняет функции стратегического планирования, мониторинга угроз, координации межведомственных действий и контроля реализации решений антитеррористических комиссий субъектов РФ. Кроме того, НАК взаимодействует с международными партнерами (ООН, ШОС, ОДКБ), участвуя в совместных антитеррористических мероприятиях [12, с. 5–7].

3. ФСБ России осуществляет оперативное управление контртеррористическими операциями и реализацию разведывательно-аналитических мероприятий. Основные функции включают: выявление и пресечение деятельности террористических структур, ликвидацию их финансирования, нейтрализацию лидеров экстремистских групп, защиту государственной границы от проникновения террористов [6, 14].

4. МВД России осуществляет комплекс оперативного-профилактических мероприятий, в целях предупреждения и расследования террористических актов. Органы правопорядка обеспечивают безопасность граждан, пресекают деятельность экстремистских организаций и оказывают содействие в устранении последствий террористических атак.

5. МЧС России отвечает за ликвидацию последствий террористических актов и обеспечение гражданской защиты населения. К функциям ведомства относятся эвакуация пострадавших, проведение аварийно-спасательных работ, организация учений и восстановление инфраструктуры после терактов. По данным форума «Современные системы безопасности – Антитеррор», МЧС ежегодно проводит более 120 тренировок по реагированию на теракты и ЧС террористического характера.

6. Росгвардия – силовое звено системы, осуществляющее непосредственное физическое пресечение террористических угроз. Она участвует в контртеррористических операциях, обеспечивает охрану стратегических объектов, транспортных узлов и мест массового пребывания граждан. Росгвардия также выполняет задачи по усилению пропускного режима на критически важных объектах и поддержанию общественного порядка в ходе антитеррористических мероприятий [17, с. 1–3].

7. Антитеррористические комиссии субъектов Российской Федерации (АТК РФ) реализуют задачи координации и анализа обстановки на местах. Они проводят оценку защищённости объектов, организуют профилактические мероприятия, обеспечивают взаимодействие органов власти, ФСБ, МВД, Росгвардии и муниципальных структур [17, с. 3–5]. По данным НАК, в России действуют 85 региональных антитеррористических комиссий и свыше 200 муниципальных координационных групп, что позволяет поддерживать постоянный контроль на местах [6].

8. Муниципальные органы и институты гражданского общества реализуют комплекс профилактических и информационно-просветительских мероприятий, направленных на формирование антитеррористического сознания населения. Местные администрации, во взаимодействии с МЧС и учебными заведениями, организуют тренировочные занятия, семинары и различные акции, направленные на повышение уровня безопасности [15].

Ведомственная система противодействия терроризму в Российской Федерации представляет собой устойчивую, многоуровневую структуру, основанную на принципах централизации, межведомственной координации и комплексного реагирования на угрозы. Согласно совокупным данным НАК, МВД и ФСБ, в 2023 году уровень предотвращённых терактов вырос на 18%, а доля угроз, ликвидированных на стадии подготовки, превысила 90%, что подтверждает эффективность современной модели управления [6].

Противодействие терроризму как элемент национальной безопасности России

Обеспечение национальной безопасности РФ включает в себя, в качестве ключевого элемента, борьбу с терроризмом, рассматриваемую как приоритетное направление государственной политики. Эта деятельность включает в себя разнообразные меры: от законодательного регулирования и оперативной работы силовых структур до профилактических идеологических кампаний и международного взаимодействия [16].

По мнению А.П. Тютриной, противодействие терроризму выходит за рамки реагирования на отдельные теракты и представляет собой комплекс стратегических мер, нацеленных на заблаговременное предупреждение, обнаружение и пресечение террористической деятельности [1]. Эта система является неотъемлемой частью более широкой стратегии национальной безопасности, направленной на поддержание стабильности государства и защиту конституционного порядка.

Основные правовые и организационные принципы в области борьбы с терроризмом закреплены в Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В соответствии с этим законом, терроризм определяется как идеология насилия и практика оказания воздействия на органы государственной власти с целью принуждения к принятию определенных решений. Закон также устанавливает принципы единства антитеррористической системы, приоритетности мер профилактики и обязательного наказания за террористические действия, формируя, таким образом, основу антитеррористической политики России [2].

Особенностью российской модели является интегративный подход, включающий как силовые, так и превентивные меры. С одной стороны, речь идёт о деятельности правоохранительных органов и спецслужб, направленной на непосредственное пресечение преступлений террористического характера. С другой стороны, акцент делается на идеологической, образовательной и информационной работе, препятствующей распространению радикальных идей [16].

Современные методы противодействия терроризму в РФ

В РФ в настоящее время борьба с терроризмом осуществляется посредством многоаспектного подхода, включающего организационные

меры, использование технических средств, информационную работу и юридические механизмы. А.С. Тымчук и М.Н. Дерконос подчеркивают наличие ряда основных стратегий, лежащих в основе действующей системы обеспечения безопасности [17, с. 2–5].

1. Информационно-аналитические методы. Одним из центральных направлений является использование информационно-аналитических систем, позволяющих выявлять потенциальные угрозы на ранних стадиях. В рамках этих систем осуществляется сбор, обработка и анализ данных из различных источников – государственных структур, СМИ, социальных сетей и открытых баз данных. По мнению авторов, применение больших данных и алгоритмов искусственного интеллекта позволяет прогнозировать действия террористов и снижать риск совершения преступлений.

2. Превентивные меры и социальная профилактика. Важным компонентом является профилактика радикализации населения, особенно среди молодёжи и социальных групп, наиболее подверженных идеологическому влиянию экстремистских организаций. Современные меры включают образовательные программы, просветительские кампании, работу с религиозными и общественными организациями.

Превентивные меры, включающие мониторинг социальных сетей, информационные кампании и работу с молодёжью, позволили нейтрализовать более 70% угроз на ранних стадиях, прежде чем они перешли к активным действиям [7]. Эти результаты подтверждают важность комплексного подхода, сочетающего силовые, технические и идеологические меры.

3. Технические и силовые методы. В текущей обстановке силовые подходы остаются критически важными, в особенности для предупреждения террористических атак и ликвидации преступных объединений. Одновременно активно внедряются современные технические средства охраны: видеокамеры, детекторы металла и радиации, а также системы управления доступом в общественные места и на транспорт. Применение подобных технологий дает возможность уменьшить риск осуществления террористических планов и улучшить скорость реагирования на угрозы.

4. Межведомственное и международное сотрудничество. Эффективность современных методов напрямую зависит от координации между различными ведомствами – ФСБ, МВД, МЧС, прокуратурой и органами местного самоуправления. Важным направлением является также международное взаимодействие, включая обмен информацией, совместные операции и участие в глобальных инициативах по борьбе с терроризмом. Как отмечают авторы, отсутствие согласованного подхода между государственными и международными структурами существенно снижает эффективность противодействия угрозам.

5. Идеологическая и психологическая работа. Современные методы включают также идеологическую и психологическую составляющую, направленную на снижение привлекательности радикальных идей и поддержание общественного доверия к государственным институтам. Разрабатываются программы по воспитанию гражданской ответственности, развитию критического мышления и противодействию манипулятивной информации [17].

Как отмечает О.А. Бельков в своей работе «Правовые основы идеологического противодействия терроризму», главная задача идеологического противодействия заключается в формировании у населения устойчивого неприятия насилия как средства достижения политических, социальных или религиозных целей [13, с. 1–3]. В этом контексте государство должно не только противостоять идеологии терроризма, но и предлагать позитивную систему ценностей, основанную на патриотизме, правосознании, уважении к культурным традициям и социальной ответственности.

В отличие от силовых и юридических мер, которые фокусируются на выявлении и пресечении преступлений, идеологическое противодействие сосредоточено на устранении причин, порождающих радикальные взгляды, и недопущении участия людей в экстремистской деятельности. Такой подход, в первую очередь, нацелен на борьбу с первопричинами экстремизма, а не с его последствиями. Он предполагает воздействие на мировоззрение людей, чтобы сделать их невосприимчивыми к радикальным идеям. Задача – не просто наказывать за уже совершенные преступления, а предотвращать их появление в принципе.

Идеологическое противодействие рассматривает экстремизм как следствие определенных убеждений и ценностей. Поэтому усилия направлены на изменение этих убеждений и ценностей, на формирование у граждан критического мышления и способности противостоять манипуляциям. По мнению С.А. Мароренко, формирование комплексной системы антитеррористической политики происходило на протяжении нескольких десятилетий, и сегодня она охватывает практически

все сферы общественной жизни – от государственного управления до образования и информационной политики [9].

Ключевым элементом государственной стратегии является принцип опережающего реагирования, предполагающий выявление и нейтрализацию угроз до их реализации. Этот подход основан на тесном взаимодействии силовых структур, органов власти и институтов гражданского общества. Как подчёркивает С.А. Мароренко, современная антитеррористическая политика России ориентирована не только на подавление уже совершённых преступлений, но прежде всего на предупреждение и профилактику террористической деятельности [9, с. 3–9].

Отдельное место в стратегии занимает информационно-коммуникационное направление, связанное с противодействием распространению экстремистского контента в интернете. Государственные органы совместно с IT-компаниями реализуют механизмы мониторинга и блокировки ресурсов, пропагандирующих насилие или призывающих к террористической деятельности. Однако, автор отмечает, что запретительные меры должны сочетаться с позитивной информационной политикой, ориентированной на формирование устойчивого общественного иммунитета к радикальным идеям.

Современные методы противодействия терроризму в России характеризуются комплексностью и многоуровневостью. Они объединяют информационно-аналитические, превентивные, технические, силовые, идеологические и международные инструменты, обеспечивая гибкость и адаптивность системы к новым вызовам и формам террористической активности.

Стратегические основы и принципы функционирования системы управления антитеррористической безопасностью в Российской Федерации

В Российской Федерации управление антитеррористической безопасностью реализуется посредством сложной многоуровневой структуры, включающей организационные, правовые, силовые и аналитические инструменты для предотвращения, обнаружения и пресечения террористической деятельности.

Первостепенная задача этой системы – поддержание стабильного уровня защищённости от террористических угроз для граждан, общества и государства.

Основные принципы функционирования системы включают в себя следующее.

1. Законность и приоритет прав человека.
2. Единоначалие и централизация управления.
3. Межведомственная координация.
4. Системность и непрерывность.
5. Превентивность.
6. Информационная открытость и партнёрство с обществом.
7. Международное сотрудничество.

Динамика последних лет показывает устойчивую тенденцию к снижению числа терактов, что свидетельствует о результативности стратегической модели и согласованной работе всех звеньев системы [6].

Изучение вопросов, связанных с сущностью терроризма и организацией системы противодействия ему в Российской Федерации, позволило сформировать целостное представление о природе данного явления и логике построения государственной антитеррористической политики. Терроризм в современном понимании проявляется как многомерная социально-политическая форма насилия, в которой переплетаются идеологические мотивы, сетевые механизмы взаимодействия и технологические возможности, обеспечивающие скрытность и оперативность действий. Именно это определяет необходимость постоянного обновления инструментов, направленных на предотвращение и нейтрализацию террористических угроз.

Позатанное рассмотрение формирования российской системы противодействия терроризму позволяет увидеть её закономерный переход от разрозненных мер к комплексному, институционально оформленному механизму, объединяющему правовые, организационные и силовые элементы. Создание Национального антитеррористического комитета стало фундаментом для централизованной модели управления, где координация и взаимодействие различных государственных структур приобрели системный характер. На федеральном, региональном и муниципальном уровнях выстроена многоуровневая структура, обеспечивающая реализацию мер профилактики и безопасности в соответствии со спецификой территорий и характером потенциальных угроз.

Особое значение в современной системе противодействия терроризму занимают информационно-аналитические и профилактические

направления. Рост влияния цифровой среды, а также активное использование террористическими структурами интернет-пространства для пропаганды, вербовки и подготовки сторонников требуют от государства не только технических мер контроля, но и формирования устойчивой идеологической защиты общества. Профилактика радикализации, работа с молодёжью, развитие образовательных и культурных программ становятся неотъемлемыми элементами общей системы безопасности.

Литература

1. Тютрина А.П. Терроризм: понятие и противодействие // Молодой учёный. – 2021. – № 10 (352). – С. 125–127. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/352/78945/> (дата обращения: 25.01.2026).
2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 27.01.2026).
3. Гайнетдинова Г.С. Система органов противодействия терроризму в России и отдельных зарубежных государствах // Вестник Российского университета кооперации. – 2021. – № 3 (45). – С. 94–97. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-organov-protivodeystviya-terrorizmu-v-rossii-i-otdelnyh-zarubezhnyh-gosudarstvah> (дата обращения: 18.01.2026).
4. Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части XVII Всероссийского специализированного форума (24–26 мая 2023 г.) / отв. ред. С.В. Гапонов, Н.Н. Цуканов. – Красноярск, 2023. – 100 с. – Режим доступа: <https://rybinskiy.ru/upload/Современные%20системы%20безопасности-Антитеррор%202023%20год-compressed.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).
5. Федеральный закон от 06.12.2011 № 401-ФЗ «О безопасности» // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 27.01.2026).
6. За 2023 год на территории России предотвратили 146 террористических актов // Lenta.ru. – 12.12.2023. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/12/12/za-2023-god-na-territorii-rossii-predotvratili-146-terroristicheskikh-aktov/> (дата обращения: 08.01.2026).
7. Россия предотвратила ряд террористических угроз в 2023 году // BFM.ru. – 2023. – Режим доступа: https://www.bfm.ru/news/580967?utm_source (дата обращения: 09.01.2026).
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12145028/> (дата обращения: 27.01.2026).
9. Мароренко С.А. Система обеспечения антитеррористической безопасности в Российской Федерации // Вестник науки. – 2023. – № 9. – С. 1–9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obespecheniya-antiterroristicheskoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.01.2026).
10. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/4002452/> (дата обращения: 27.01.2026).
11. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72233078/> (дата обращения: 29.01.2026).
12. Толстых А., Берестов В. Международное антитеррористическое сотрудничество как сдерживающий фактор противодействия терроризму // CyberLeninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-antiterroristicheskoe-sotrudnichestvo-kak-sderzhivayushchiy-faktor-protivodeystviya-terrorizmu> (дата обращения: 21.01.2026).
13. Бельков О.А. Правовые основы идеологического противодействия терроризму // Власть. – 2020. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-ideologicheskogo-protivodeystviya-terrorizmu> (дата обращения: 10.01.2026).
14. Постановление Правительства РФ от 14.05.2018 № 91472 «Об утверждении Плана мероприятий по противодействию терроризму» // Официальный сайт Правительства РФ. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/91472/> (дата обращения: 27.01.2026).
15. Россия предотвратила ряд террористических угроз в 2023 году // BFM.ru. – 2023. – Режим доступа: https://www.bfm.ru/news/580967?utm_source (дата обращения: 11.01.2026).
16. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Гарант. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/> (дата обращения: 23.01.2026).

17. Тымчук А.С., Дерконос М.Н. Современные методы противодействия терроризму в России //IN SITU. – 2024. – № 5. – С. 1–5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-metody-protivodeystviya-terrorizmu-v-rossii-modern-methods-of-counter-terror-ism-in-russia> (дата обращения: 15.01.2026).

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN COUNTER-TERRORISM SYSTEM

Grigoriev N.Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the strategy, structure and functions of the anti-terrorism security management system in modern Russia. The strategic foundations, principles of the management organization, the role of key bodies – the National Anti-Terrorism Committee (hereinafter referred to as NAC), federal and regional agencies, anti-terrorism commissions and law enforcement agencies are considered. Special attention is paid to interdepartmental interaction, preventive measures and the effectiveness of the system, confirmed by the statistics of prevented terrorist acts. *The object of research:* the system of management of anti-terrorist security in modern Russian society. *The subject of research:* the study of the strategy, structure and functions of the system of management of anti-terrorist security in modern Russian society.

Keywords: anti-terrorist security, terrorism, management system, strategy, structure, functions, fight against terrorism.

References

1. Tyutrina, A.P. Terrorism: Concept and Counteraction //Young Scientist. – 2021. – № 10 (352). – Pp. 125–127. – Access mode: <https://moluch.ru/archive/352/78945/> (date of access: 25.01.2026).
2. Federal Law № 35-FZ of March 6, 2006, «On Countering Terrorism»//Consultant-Plus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/(accessed on January 27, 2026).
3. Gainetdinova, G.S. The System of Counter-Terrorism Bodies in Russia and Selected Foreign Countries / Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2021. – № 3 (45). – pp. 94–97. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-organov-protivodeystviya-terrorizmu-v-rossii-i-otdelnyh-zarubezhnyh-gosudarstv> (accessed: 18.01.2026).
4. Modern Security Systems – Anti-Terrorism: Proceedings of the Congress Part of the XVII All-Russian Specialized Forum (May 24–26, 2023)/ edited by S.V. Gaponov and N.N. Tsukanov. – Krasnoyarsk, 2023. – 100 p. – Access mode: <https://rybinskiy.ru/upload/>

Modern%20Security%20Systems-Anti-Terrorism%202023%20Year_compressed.pdf (accessed on 20.01.2026).

5. Federal Law № 401-FZ «On Security» dated 06.12.2011 // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date of request: 01/27/2026).

6. In 2023, 146 terrorist acts were prevented in Russia// Lenta.ru. – 12/12/2023. – Access mode: https://lenta.ru/news/2023/12/12/za-2023-god-na-territorii-rossii-predotvratili-146-terroristicheskikh-aktov/?utm_source (accessed: 01/08/2026).

7. Russia prevented a number of terrorist threats in 2023 //BFM.ru. – 2023. – Access mode: https://www.bfm.ru/news/580967?utm_source (accessed on 09.01.2026).

8. Federal Law № 149-FZ dated July 27, 2006, «On Information, Information Technologies, and Information Protection» // Garant. Access mode: <https://base.garant.ru/12145028/> (accessed on January 27, 2026).

9. Marorenko S.A. The System of Anti-Terrorist Security in the Russian Federation// Bulletin of Science. – 2023. – № 9. – Pp. 1–9. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obespecheniya-antiterroristicheskoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 15.01.2026).

10. Federal Law № 118-FZ dated July 21, 1997, «On Industrial Safety of Hazardous Production Facilities» //Garant. – Access mode: <https://base.garant.ru/4002452/> (accessed on January 27, 2026).

11. Federal Law № 63-FZ dated April 6, 2011, «On Electronic Signatures» //Garant. – Access mode: <https://base.garant.ru/72233078/> (accessed on January 29, 2026).

12. Tolstykh, A., and Berestov, V. International Anti-Terrorist Cooperation as a Deterrent to Countering Terrorism //CyberLeninka. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-antiterroristicheskoe-sotrudnichestvo-kak-sderzhivayuschiy-faktor-protivodeystviya-terrorizmu> (accessed on January 21, 2026).

13. Belkov, O.A. Legal Foundations of Ideological Counteraction to Terrorism. Vlast. – 2020. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-ideologicheskogo-protivodeystviya-terrorizmu> (accessed on January 10, 2026).

14. Decree of the Government of the Russian Federation № 91472 dated May 14, 2018, «On Approval of the Anti-Terrorism Action Plan» //Official website of the Government of the Russian Federation. – Access mode: <http://government.ru/docs/all/91472/> (accessed on January 27, 2026).

15. Russia Prevented a Number of Terrorist Threats in 2023 //BFM.ru. – 2023. – Access mode: https://www.bfm.ru/news/580967?utm_source (accessed on 11.01.2026).

16. The Concept of Countering Terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009) //Garant. – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/> (accessed on January 23, 2026).

17. Tymchuk A.S., Derkonos M.N. Modern Methods of Countering Terrorism in Russia // IN SITU. – 2024. – № 5. – Pp. 1–5. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-metody-protivodeystviya-terrorizmu-v-rossii-modern-methods-of-counter-terror-ism-in-russia> (accessed: 15.01.2026).

Социальная работа с молодой семьей: актуальные проблемы и пути поддержки

Закирова Альфия Борисовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: zakirova.alfiya@yandex.ru

Логачева Лейсян Рамилевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: laisanaya@mail.ru

В статье рассматривается молодая семья как особая категория в системе социальной работы, анализируются основные технологии взаимодействия с данной группой. Молодые семьи в современном обществе сталкиваются с комплексом специфических трудностей, что требует целенаправленного внимания как со стороны социальных служб, так и государства. В работе представлен практический опыт поддержки студенческих семей на базе Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ), а также выявлены ключевые проблемы, характерные для этой категории семей в условиях вуза.

Ключевые слова: молодая семья, социальная работа, методы социальной поддержки, социальные технологии, студенческая семья.

Молодая семья рассматривается как стратегический ресурс любого государства, от которого напрямую зависит его социальное, экономическое, и культурное развитие. Именно молодое поколение определяет темпы научно-технического прогресса, уровень инновационной активности и устойчивость социальной системы в будущем. Поэтому выстраивание эффективной государственной молодежной, семейной политики является одной из ключевых задач современного этапа развития России.

Молодая семья закономерно становится объектом социальной работы, поскольку эта малая социальная группа на начальных этапах своего развития часто нуждается в поддержке для успешной интеграции в общество и преодоления типичных трудностей. Социальная работа с такими семьями включает содействие в решении жилищных вопросов, помощь в трудных жизненных ситуациях и поддержку общего благополучия.

Актуальность темы обусловлена возрастающей значимостью социальной работы с молодыми семьями в современном обществе. Данная группа сталкивается с рядом специфических вызовов, требующих особого подхода со стороны социальных работников и государственных структур. Цель настоящего исследования – изучить особенности социальной работы именно с молодыми студенческими семьями.

Молодая семья как объект социальной работы:

- в рамках социальной работы семья рассматривается как малая группа, нуждающаяся во взаимодействии с обществом и поддержке для успешного функционирования;
- молодая семья воспринимается как социальная группа, которой в будущем предстоит удовлетворять ключевые потребности общества, что и определяет её как важный объект социального сопровождения [1].

Социальная работа помогает семьям разрешать проблемы, связанные с жильём, трудоустройством, воспитанием детей и построением отношений, тем самым профилируя более серьёзные социальные риски, такие как детская безнадзорность или жестокое обращение (табл. 1) [6].

Таблица 1. Основные направления социальной работы с молодыми семьями

№	Направления	Содержание
1	Профилактика социальных проблем	Раннее вмешательство позволяет предотвратить углубление проблем бедности, безработицы, семейных конфликтов и социальной изоляции
2	Поддержка в адаптации	Помощь семьям в переходе к самостоятельной жизни, адаптации к новым ролям и ответственности, связанным с браком и родительство
3	Укрепление семейного благополучия	Содействие в налаживании здоровой семейной динамики, укреплении связей между членами семьи и обучении совместному решению проблем для создания стабильной среды для детей
4	Предупреждение кризисных ситуаций	Помощь семьям в периоды кризисов (потеря работы, конфликты, проблемы со здоровьем) для защиты детей и оказания необходимой поддержки
5	Социализация и интеграция	Помощь молодым семьям в интеграции в общество, информирование о доступных социальных услугах и содействие в получении поддержки в сферах образования и здравоохранения

Технологии социальной работы с молодой семьёй направлены как на помощь в решении конкретных проблем (жильё, воспитание, кризисы), так и на укрепление внутреннего потенциала семьи и стабилизацию её социально-экономического положения. Можно выделить следующие основные технологии: социальная диагностика (с помощью разнообразных методов выявить проблемные зоны); социальная профилактика (информационная и консультативная работа); социальное консультирование (информационная и психологическая поддержка); социальный патронаж и сопровождение; социальная адаптация и реабилитация; социальная коррекция; реализация программ [2;4].

К практическим примерам применения этих технологий можно отнести: консультации по вопросам родительства, информирование о мерах государственной поддержки, предоставление жилищных субсидий, организацию клубов для общения и взаимопомощи молодых семей, проведение тренингов по навыкам конструктивного взаимодействия с детьми.

Поддержка молодых семей является важной задачей, как государственной политики, так и деятельности образовательных учрежде-

ний. Молодые студенческие семьи сталкиваются с особым комплексом проблем, связанных с одновременным обучением, трудоустройством, воспитанием детей и адаптацией к семейной жизни. Успешность обучения в такой ситуации напрямую зависит от наличия и эффективности системы социальной поддержки.

На базе Бирского филиала УУНиТ было проведено онлайн-исследование среди молодых студенческих семей с целью выявления специфических проблем. На момент исследования в профсоюзной организации вуза состояло 50 семейных пар с детьми. Распределение по факультетам и количество детей отражено в таблице 2.

Таблица 2. Количество студенческих семей по факультетам

Факультет	Количество семейных студентов	Количество детей
Факультет биологии и химии	6	8
Инженерно-технологический факультет	1	1
Колледж	2	4
Социально-гуманитарный факультет	13	17
Факультет филологии и межкультурных коммуникаций	4	7
Факультет физики и математики	2	2
Факультет педагогики	22	34
ВСЕГО	50 семей 73 ребенка	

Все респонденты обучались на очной форме, где 15% составляет первый курс, 8% – второй курс, 8% – третий курс, 54% – четвертый курс, 15% – пятый курс. Большинство (58%) имели одного ребенка, 31% – двоих детей, 11% – троих и более.

Основные результаты опроса:

У респондентов была возможность отметить несколько вариантов ответа, а также добавить свой вариант. Главные проблемы совмещения учебы и семьи: недостаток времени (52% респондентов), финансовые трудности (31%), проблемы с жильём (5%), отсутствие поддержки со стороны вуза (5%). 7% опрошенных указали на отсутствие проблем.

Информированность о мерах поддержки: 65% знают о существующих мерах, 35% – не знают.

Получение поддержки от вуза: 54% получают помощь, 46% – нет (возможно, из-за неинформированности или ограниченных возможностей вуза).

Удовлетворенность получаемой помощью: 27% удовлетворены, 12% – нет, 62% затруднились ответить.

Наиболее актуальные проблемы (по мнению респондентов): финансовые трудности (32%), сложности с балансом работы/учебы и семьи (26%), недоступность жилья (18%), психологическое давление (16%), трудности в профессиональном развитии (9%).

Необходимые меры поддержки: финансовая помощь (34%), гибкий график учебы (30%), психологическая поддержка (25%), консультации по семейным вопросам (11%). На вопрос о важности гибкого расписания 77% респондентов ответили, что это «очень важно» или «важно».

Выводы по результатам исследования: для молодых студенческих семей характерен острый дефицит времени и финансовые сложности, обусловленные необходимостью содержания семьи, оплаты жилья и организации быта. Это подтверждает потребность в целенаправленной поддержке.

Эффективная система социальной поддержки способствует повышению успеваемости, снижению отчислений, улучшению демографических показателей и формированию позитивного имиджа вуза. В УУНиТ действует комплекс мер.

1. Материальная помощь (на основании внутреннего Положения) предоставляется в случаях: регистрации брака, наличия несовершеннолетних детей, постановки на учет по беременности, рождения ребенка, а также студенческим (в том числе неполным) семьям [8].

2. Стипендиальное обеспечение: в соответствии с приказом № 3409, государственная социальная стипендия продолжает выплачиваться студентам, находящимся в академическом отпуске, отпуске по беременности и родам или по уходу за ребенком до трёх лет [7].

3. Инфраструктурная поддержка: предоставление комнат в общежитии для зарегистрированных семейных пар.

4. Организация отдыха: выделение путёвок в спортивно-оздоровительный центр «Авиатор», приобретение новогодних подарков для детей.

5. Информационно-консультационная поддержка: в управлении по социальной работе главного вуза создан информационный центр «Единое окно», который консультирует по вопросам оформления ма-

териальной помощи, решения жилищных проблем, получения психологической и юридической помощи, перехода на индивидуальный учебный план и другим видам поддержки.

6. Психологическая поддержка: работу в этом направлении осуществляет социально-психологическая служба «БЕРГАМУС», которая проводит индивидуальное консультирование по личным, семейным и учебным проблемам, а также организует тренинговые группы для развития коммуникативных навыков и самопознания.

Бирский филиал УУНиТ продолжает работу по совершенствованию условий для всех студентов, и развитие системы поддержки молодых семей остаётся одним из приоритетных направлений.

Молодая семья относится к социально уязвимым группам, регулярно сталкивающимся с комплексом трудностей на этапе своего становления. Такие семьи нуждаются во всесторонней поддержке, охватывающей как материальную, так и психолого-педагогическую составляющие, что является ключевым условием для обеспечения их благополучия и успешной интеграции в общество.

Литература

1. Истомина, О.Б. Семья как первичный институт социализации: монография / О.Б. Истомина, М.К. Гайдай, Е.В. Какаулина // Иркутск: ИГУ. – 2022. – С. 85.
2. Коряковцева, О.А. Технология социальной работы с семьей и детьми: учебное пособие для среднего профессионального образования / О.А. Коряковцева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 225 с.
3. Федеральные меры поддержки: [сайт]. – Режим доступа: – URL: <https://www.birsk.ru/node/4976>, свободный. – (дата обращения: 19.04.2025).
4. Романова, Т.В. Технологии социальной работы с семьей и детьми: учебное пособие / составитель Т.В. Романова. – Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2022. – 92 с.
5. Рыбак, Е.В. Социальная работа с молодой семьей в обществе риска. Учебно-методическое пособие / Е.В. Рыбак, А.Б. Федулова, Н.В. Цихончик. – Архангельск, 2017. – 238 с.
6. Степанова, Н.А. Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки / Н.А. Степанова // Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 163.
7. Приказ от 29.12.2013 № 3409 «Об утверждении Положения о стипендиальном обеспечении студентов, аспирантов и слушателей подготовительного отделения и порядка распределения стипендиального фонда по видам стипендий».
8. Приказ от 27.05.2024 № 1671 «Об утверждении Положения о материальной поддержке нуждающихся обучающихся Уфимского университета».

SOCIAL WORK WITH YOUNG FAMILIES: CURRENT ISSUES AND WAYS TO SUPPORT THEM

Zakirova A.B., Logacheva L.R.

Birsk Branch of the Ufa University of Science and Technology

This article examines young families as a special category within the social work system and analyzes key approaches to interacting with this group. Young families in modern society face a range of unique challenges, requiring targeted attention from both social services and the government. The paper presents practical experience supporting student families at the Birsk branch of the Ufa University of Science and Technology (UUNiT) and identifies key challenges specific to this category of families within the university setting.

Keywords: young family, social work, methods of social support, social technologies, student family.

References

1. Istomina, O.B. Family as a primary institution of socialization: monograph / O.B. Istomina, M.K. Gaidai, E.V. Kakaulina // Irkutsk: ISU. – 2022. – P. 85.
2. Koryakovtseva, O.A. Technology of social work with family and children: a teaching aid for secondary vocational education / O.A. Koryakovtseva. – 2nd ed., corrected and additional. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 225 p.
3. Federal support measures: [website]. – Access mode: – URL: <https://www.birsk.ru/node/4976>, free. – (Accessed: 19.04.2025).
4. Romanova, T.V. Technologies of social work with family and children: a teaching aid / compiled by T.V. Romanova. – Cheboksary: ChSPU named after I. Ya. Yakovlev, 2022. – 92 p.
5. Rybak, E.V. Social work with a young family in a risk society. Study guide / E.V. Rybak, A.B. Fedulova, N.V. Tsikhonchik. – Arkhangelsk, 2017. – 238 p.
6. Stepanova, N.A. Sociocultural and psychological problems of the modern family: current issues of support and assistance / N.A. Stepanova // Collection of materials of the IX International scientific and practical conference. – 2023. – P. 163.
7. Order № 3409 of 29.12.2013 «On approval of the Regulation on scholarship provision for students, postgraduate students and students of the preparatory department and the procedure for distributing the scholarship fund by types of scholarships».
8. Order of May 27, 2024 № 1671 «On approval of the Regulation on financial support for needy students of Ufa University».

Стратегии управления человеческими ресурсами на различных этапах жизненного цикла организации

Зимова Наталья Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: nzimova@mail.ru

Гао Сюемэн,

магистр, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 897004672@qq.com

В условиях ускоренной технологической трансформации и волатильности рынков устойчивые конкурентные преимущества все чаще определяются качеством человеческого капитала и согласованностью HR-практик с этапом развития организации. В статье рассматривается зависимость стратегий управления человеческими ресурсами от этапа жизненного цикла организации – от зарождения через рост и зрелость до периодов спада и трансформации. Теоретическую основу исследования составляют концепции стратегического управления человеческими ресурсами с опорой на классические положения «вертикального» и «горизонтального» соответствия и ключевые модели жизненного цикла организации, учитывающие отечественные разработки и адаптации. На эмпирическом материале китайской компании KUKA показано, что по мере перехода от зарождения к росту, зрелости и фазам трансформации меняются цели HR-стратегии, архитектура процессов и инструментарий мотивации. Методологически используется смешанный подход: количественная идентификация стадий по темпам роста выручки (сопоставление с отраслью) и качественный анализ HR-практик. Представлены таблицы с динамикой показателей и системным сравнением HR-решений на стадиях ЖЦО. Результаты подтверждают гипотезу стадийной специфики управления человеческими ресурсами и демонстрируют риски «стратегического отставания» HR-функции при несвоевременной адаптации политик.

Ключевые слова: стратегическое управление человеческими ресурсами; жизненный цикл организации; HR-стратегия; кадровая политика.

Введение

В современных экономических условиях значение человеческого капитала как детерминанты долгосрочного успеха организаций постоянно растет. Теоретики и практики отмечают, что финансовые и технологические преимущества «копируются» конкурентами сравнительно быстро, в то время как уникальные компетенции сотрудников и организационные практики остаются одним из немногих устойчивых источников конкурентного превосходства [1; 2]. При этом в практике управления нередко наблюдается противоречие: бизнес-стратегия эволюционирует в логике жизненного цикла, а HR-практики остаются статичными, что ведет к организационным дисбалансам – дефициту компетенций, утечке талантов и падению инновационной активности. Следовательно, научная проблема состоит в выявлении механизмов динамической согласованности HR-стратегии с этапами жизненного цикла организации и в операционализации таких механизмов в виде конкретных политик и процедур.

Цель исследования – выявить характерные особенности формирования и эволюции стратегий управления человеческими ресурсами на различных этапах жизненного цикла организации и предложить практические рекомендации по согласованию HR-политики с этапной логикой развития на примере компании KUKA. Исходная гипотеза состоит в том, что ключевые характеристики HR-стратегий (цели, инструменты, приоритеты) демонстрируют выраженную этапную специфику и что несвоевременное выравнивание HR-стратегии с этапом жизненного цикла увеличивает риски стратегического отставания и кадровых потерь.

Теоретическую основу исследования составляет современная концепция стратегического управления человеческими ресурсами, трактующая HR как инструмент реализации бизнес-стратегии. В классических работах П. Друкера [1] и М. Армстронга [2] подчеркивается, что устойчивые конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе формируются не за счет технологий или затратных преимуществ, а за счет человеческого капитала и способности организации согласовывать свои кадровые решения со стратегическими целями. Значимым положением стратегического подхода является концепция «вертикального» и «горизонтального» соответствия HR-системы, предложенная Р. Шулером и С. Джексоном [3]. Под вертикальным соответствием понимается согласование HR-практик с бизнес-стратегией, тогда как горизонтальное соответствие подразумевает взаимосвязанность элементов HR-системы – подбора, обучения, оценки, мотивации – работающих как целостный комплекс. Эти теоретические положения служат основой для определения того, насколько HR-стратегия компании отражает реальные потребности организации на конкретном этапе ее развития.

Вторым ключевым теоретическим компонентом является теория жизненного цикла организации, систематизирующая закономерности развития и типовые управленческие кризисы. Модель Л. Грейнера [4] описывает развитие организации как чередование стадий эволюционного роста и кризисов – лидерства, автономии, контроля, координации, – каждый из которых требует изменения управленческого стиля и архитектуры процессов, включая HR-функцию. Модель Р. Куинна и К. Кэмерона [5] выделяет четыре стадии – предпринимательскую, коллективности, формализации и зрелого совершенствования. Каждая стадия характеризуется определенным балансом гибкости и стабильности, что определяет специфические требования к HR-политике: от гибких, креативных практик ранних этапов к формализованным процедурам и усилению управляемости в зрелости. В модели И. Адизеса [6] жизненный цикл включает последовательные стадии – вынашивание, младенчество, go-go, юность, расцвет, стабильность, а затем аристократию и бюрократию, – при этом центральным принципом является соотношение гибкости и контролируемости. На ранних стадиях требуется высокая адаптивность персонала, а на зрелых – устойчивость процессов, формализация и усиленные механизмы контроля.

В рамках азиатских исследований Ли Е [7] предложил операциональный критерий определения стадий жизненного цикла – динамику объема продаж, что особенно применимо к компаниям, работающим на быстрорастущих рынках. Этот подход позволяет идентифицировать

стадии зарождения, роста, зрелости и спада на основе сопоставления темпов роста организации и отрасли. В российской научной традиции внимание уделяется проблеме соответствия кадровой политики уровню зрелости организации. Работы В.И. Герчикова [8], Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина [9] подчеркивают, что несогласованность HR-процессов с этапом развития приводит к дисфункциям в мотивационной сфере, росту кадровых рисков, неэффективному распределению полномочий и ослаблению управляемости. Эти положения важны для анализа того, почему идентичные HR-инструменты могут давать противоположный эффект на разных стадиях развития организации.

Объединение стратегического подхода к управлению человеческими ресурсами и теории жизненного цикла позволяет рассматривать HR-стратегию как динамическую систему, которая должна адаптироваться к изменению потребностей организации при переходе от одной стадии жизненного цикла к другой. В логике SHRM определяются требования к интегрированности HR-процессов, а теория жизненного цикла уточняет, какие HR-приоритеты становятся ключевыми на каждой стадии – от гибкости, предпринимательской инициативы и высокой толерантности к неопределенности на ранних этапах до формализации, управляемости, развития компетенций и управления кадровыми рисками в период зрелости.

Методология и методы. Исследование построено как объяснительное кейс-стади с элементами смешанного метода. Эмпирическим объектом выступила компания ООО «Кука», бренд мебели для дома,

основанный в 1982 году и на сегодняшний день занимающий лидирующие позиции в китайской индустрии домашней мебели. Для количественной идентификации этапов жизненного цикла применен метод классификации темпов роста: годовые темпы роста выручки компании KUKA за период 2006–2024 гг. сопоставлены со среднеотраслевыми показателями мебельной отрасли Китая, что позволило выделить периоды «роста», «зрелости» и переходы между ними. Качественная часть представляет ретроспективный анализ HR-практик по функциональным блокам (подбор, обучение и развитие, оценка, вознаграждения, культура, управление кадровыми рисками, цифровизация HR-процессов) с последующим сопоставлением с признаками стадий по Грейнеру, Куинну–Кэмерону и Адизесу. Источниками выступили годовые отчеты KUKA, отраслевые обзоры и материалы, включая CSR-документы и открытые сообщения компании [10, 11, 12, 13].

Основные результаты исследования. Анализ динамики развития компании KUKA в период 2006–2024 гг. [10, 11, 12] показал, что организация прошла несколько выраженных этапов жизненного цикла – интенсивного роста, стабилизации (зрелости) и последующей трансформации, вызванной изменениями структуры спроса, конкуренции и технологической базы отрасли. Ретроспективное сопоставление годовых темпов роста выручки KUKA со средними отраслевыми темпами развития мебельной промышленности Китая позволило количественно зафиксировать переходы между стадиями жизненного цикла. Ниже представлена агрегированная динамика, отражающая ключевые этапы.

Таблица 1. Динамика темпов роста выручки KUKA в сравнении со среднеотраслевыми показателями, 2006–2024 гг.

Период	Рост выручки KUKA, %	Рост отрасли, %	Чистая прибыль KUKA, млрд юаней	Ключевые события / интерпретация стадии
2006–2008	20–26	10–12	0,35–0,48	Интенсивный рост рынка; расширение ассортимента и географии продаж. Стадия бурного роста
2009–2012	16–22	8–11	0,50–0,89	Рост выше отрасли; формирование производственных кластеров, запуск первых цифровых проектов. Стадия укрепление бизнеса
2013–2015	12–15	7–10	1,12–1,40	Замедление темпов; усложнение процессов; необходимость оптимизации. Переход к зрелости
2016–2017	10–12	7–9	1,45–1,62	Высокий уровень конкуренции; усиление требований к эффективности. Усложнение структуры
2018–2020	5–7	6–8	1,55–1,80	Темпы роста выравниваются с отраслью; замедление экспансии; укрепление системы управления. Стадия зрелости
2021–2022	6–9	5–6	1,80–2,20	Начало трансформации: изменения потребительских предпочтений, омниканальность, развитие e-commerce
2023–2024	7–9	5–6	2,30–2,55	Стратегические инвестиции в цифровизацию, развитие новых продуктовых линеек. Трансформация и обновление модели развития

Данные рассчитаны по материалам ежегодных отчетов компании KUKA [10–12] и отраслевых данных [13].

Данные свидетельствуют, что компания в последние 6–7 лет функционирует преимущественно в стадии зрелости, сталкиваясь с задачами поддержания эффективности, обновления продуктовой линейки и цифровой перестройки процессов.

Дальнейшее сопоставление изменений бизнес-динамики с трансформацией HR-политики KUKA выявило выраженную этапную специфику в формировании системы управления человеческими ресурсами (см. таблицу 2).

Таблица 2. HR-практики KUKA по стадиям жизненного цикла организации

Этап жизненного цикла	Основные цели HR	Подбор и найм	Обучение и развитие	Оценка и контроль	Мотивация и вознаграждение	Культура и организационная модель	Ключевые риски
Зарождение / ранний рост	Быстрое расширение штата, закрытие дефицитных компетенций	Массовый набор, гибкие требования; высокая скорость найма	Короткие программы адаптации; обучение «на рабочем месте»	Минимальная формализация, контроль через непосредственного руководителя	Гибкие бонусы, высокий % переменной части	Предпринимательская, гибкая	Высокая текучесть, кадровые пробелы, перегрузка персонала
Интенсивный рост	Формирование управленческого корпуса и стандартов	Появление требований к управленческим компетенциям; структурный подбор	Создание корпоративного университета; наставничество	Введение KPI; начало регулярных оценочных процедур	Рост фиксированной части; введение грейдов	Укрепление командных ценностей, рост формализации	Конфликты между «старыми» и «новыми» сотрудниками
Зрелость	Повышение эффективности, снижение затрат и рисков	Оптимизация численности; повышение требований к качеству найма	Стандартизированные программы обучения; развитие soft skills	Регулярные оценки; внедрение аттестационных циклов	Стимулы за эффективность; переработка бонусной системы	Культура устойчивости, процессная ориентация	Снижение инновационности, риск бюрократизации

Этап жизненного цикла	Основные цели HR	Подбор и найм	Обучение и развитие	Оценка и контроль	Мотивация и вознаграждение	Культура и организационная модель	Ключевые риски
Трансформация	Развитие новых компетенций, цифровизация процессов	Приоритет – компетенции в аналитике, цифровых технологиях	Переквалификация, обучение цифровым навыкам, e-learning	Сквозная HR-аналитика, мониторинг вовлеченности	Комбинированные схемы; стимулирование инноваций	Проектная культура, ориентация на изменения	Недостаточность компетенций для цифровой перестройки

Составлено по материалам ежегодных отчетов KUKA [10–12] и теоретических моделей жизненного цикла организаций [8–10].

Анализ HR-практик показал, что относительно высокий уровень зрелости процессов в части подбора и обучения не всегда сопровождался своевременной корректировкой мотивационной системы и управленческих подходов. В частности, при переходе к стадии зрелости сохранялись элементы ориентации на быстрый рост (например, стимулирование объема продаж без учета маржинальности, высокие нормы нагрузки на персонал), что приводило к кадровым рискам, росту выгорания и непоследовательности в управлении талантами.

Проведенный анализ динамики развития компании и эволюции ее HR-практик позволил выявить ряд закономерностей, подтверждающих связь между стадией жизненного цикла организации и формированием стратегии управления человеческими ресурсами. На этапе интенсивного роста ключевым фактором выступала гибкость HR-политики, выражавшаяся в быстром подборе персонала, высокой вариативности схем вознаграждения и акценте на оперативное закрытие компетентностных дефицитов. Однако по мере замедления темпов роста и перехода к стадии зрелости сохранявшиеся элементы прежней модели – ориентация на стремительное расширение, бонусные схемы, усиливающие нагрузку на персонал, – начали вступать в противоречие с потребностями усложняющейся организационной структуры. Это привело к росту текучести, снижению инновационной активности и необходимости пересмотра системы мотивации, а также укрепления процессов оценки, обучения и управления компетенциями.

Особое значение приобрели процессы формализации и цифровизации: внедрение HR-аналитики, централизованных платформ подбора и обучения, оптимизация бизнес-процессов, развитие управленческих навыков. Наблюдаемая несинхронность между бизнес-стратегией и HR-практиками в отдельные периоды подтверждает, что отставание HR-функции от динамики жизненного цикла увеличивает стратегические и кадровые риски, снижает управляемость и препятствует переходу к новым этапам развития. При этом организационная культура выступает ключевым медиатором изменений: предпринимательский стиль, характерный для ранних этапов, на стадии зрелости требует трансформации в сторону структурированной модели управления, позволяющей поддерживать устойчивую эффективность.

Выводы. Полученные результаты подтверждают гипотезу о стадийной специфике HR-стратегии и демонстрируют, что согласованность HR-практик с этапом жизненного цикла организации является ключевым условием устойчивого развития. На стадии роста компании нуждаются в гибких инструментах найма, быстрых адаптационных циклах и стимулировании предпринимательской активности. Однако по мере усложнения процессов и перехода к зрелости прежняя модель мотивации и управления перестает работать, что приводит к снижению инновационной активности и росту кадровых рисков. Эффективность организации на зрелой стадии во многом зависит от формализации процессов, развития управленческих компетенций, усиления аналитики и пересмотра мотивационной системы. В условиях трансформации приоритетом становится развитие новых компетенций, способность сотрудников осваивать цифровые инструменты и переход к проектной модели работы.

С учетом выявленных закономерностей можно сформулировать ряд общих рекомендаций для организаций, стремящихся обеспечить согласованность управления человеческими ресурсами с этапами своего жизненного цикла. Прежде всего, целесообразно проводить регулярную диагностику стадии развития компании, сочетая количественные показатели – темпы роста, маржинальность, динамику затрат – с качественными характеристиками, такими как управляемость, стиль лидерства и зрелость процессов. На этой основе следует выстраивать HR-стратегию, обеспечивающую вертикальное соответствие бизнес-целям и горизонтальную согласованность ключевых HR-функций.

На переходах между стадиями необходимо своевременно пересматривать мотивационные механизмы, избегая переноса схем, эффективных на этапе роста, в контекст зрелости, где требуется больший акцент на устойчивости, качестве процессов и компетентностном развитии персонала. Важным направлением становится формирование

компетенций сотрудников в области цифровых технологий, аналитики и проектной деятельности, что особенно актуально в фазах трансформации. Развитие HR-аналитики позволяет обоснованно прогнозировать кадровые потребности и оценивать риски, а баланс гибкости и формализации становится ключевым условием успешного прохождения организацией очередного этапа своего жизненного цикла.

Таким образом, эффективное управление человеческими ресурсами предполагает не статичный набор инструментов, а их динамическую адаптацию в зависимости от стадии развития организации, уровня зрелости процессов, изменений внешней среды и стратегических ориентиров бизнеса. Именно согласованность HR-политики с жизненным циклом организации обеспечивает устойчивость, инновационную активность и способность компании переходить к новым фазам развития.

Литература

1. Drucker P.F. The Practice of Management. New York: Harper & Row, 1954.
2. Armstrong M. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice. London: Kogan Page, 2012.
3. Schuler R. S., Jackson S.E. Linking Competitive Strategies with Human Resource Management Practices // Academy of Management Executive. 1987. Vol. 1, № 3.
4. Greiner L.E. Evolution and Revolution as Organizations Grow // Harvard Business Review. 1972. № 50(4).
5. Quinn R. E., Cameron K. Diagnosing and Changing Organizational Culture. San Francisco: Jossey-Bass, 2006.
6. Adizes I. Corporate Lifecycles: How and Why Corporations Grow and Die and What to Do About It. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1989.
7. Li E. A modified model of corporate life cycle // Nankai Business Review. 2000. № 3.
8. Герчиков В.И. Мотивационный менеджмент. М.: Дело, 2005.
9. Базаров Т. Ю., Еремин Б.Л. Управление персоналом. М.: Юрайт, 2018.
10. KUKA Home Co., Ltd. Annual Reports (2006–2024). – Электронные данные. – URL: <https://gw.kukahome.com> (дата обращения: 30.05.2025).
11. KUKA Home Co., Ltd. Corporate Social Responsibility Report (2024). – Электронные данные. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/NX-vMPoHkdfw_DlJtoP_2g (дата обращения: 01.05.2025).
12. KUKA Home Co., Ltd. Employee Compensation and Workforce Performance Overview. – Электронные данные. – URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/Fx0AfKBoTkkfMqFnkQLMw> (дата обращения: 30.05.2025).
13. China National Furniture Association. Annual Report of China's Home Furnishing Industry (2006–2024). – Электронные данные. – URL: <https://finance.sina.com.cn/> (дата обращения: 30.05.2025).

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT STRATEGIES AT VARIOUS STAGES OF THE ORGANIZATION'S LIFE CYCLE

Zimova N.S., Gao Xueman
Lomonosov Moscow State University

In the context of accelerated technological transformation and market volatility, sustainable competitive advantages are increasingly determined by the quality of human capital and the consistency of HR practices with the stage of organization development. The article examines the dependence of human resource management strategies on the stage of the organization's life cycle – from inception through growth and maturity to periods of decline and transformation. The theoretical basis of the study is the concepts of strategic human resource management based on the classical positions of «vertical» and «horizontal» compliance (R. S. Shuler, S. E. Jackson; M. Armstrong) and key models of the organization's life cycle (L. E. Greiner; R. E. Quinn, K. Cameron; I. Adizes), taking into account domestic developments and adaptations (T. Y. Bazarov, B. L. Eremin et al.). Based on the empirical material of the Chinese company KUKA, it is shown that as the transition from inception to growth, maturity and transformation phases, HR strategy goals, process architecture and motivation tools change. Methodologically, a mixed approach is used: quantitative identification of stages by revenue growth rates (comparison with industry) and qualitative analysis of

HR practices. Tables with the dynamics of indicators and a system comparison of HR solutions at the stages of housing and communal services are presented. The results confirm the hypothesis of stage-specific human resource management and demonstrate the risks of a «strategic lag» of the HR function in case of late policy adaptation.

Keywords: strategic human resource management; organization lifecycle; HR strategy; HR policy.

References

1. Drucker P.F. The Practice of Management. New York: Harper & Row, 1954. 404 p.
2. Armstrong M. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice. London: Kogan Page, 2012. 848 p.
3. Schuler R. S., Jackson S.E. Linking competitive strategies with human resource management practices // Academy of Management Executive. 1987. Vol. 1, № 3. P. 207–219. DOI: 10.5465/ame.1987.4275740.
4. Greiner L.E. Evolution and revolution as organizations grow // Harvard Business Review. 1972. Vol. 50, № 4. P. 37–46.
5. Quinn R. E., Cameron K. Diagnosing and Changing Organizational Culture. San Francisco: Jossey-Bass, 2006. 320 p.
6. Adizes I. Corporate Lifecycles: How and Why Corporations Grow and Die and What to Do About It. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1989. 384 p.
7. Li E. A modified model of corporate life cycle // Nankai Business Review. 2000. № 3. P. 12–16.
8. Gerchikov V.I. Motivational management. Moscow: Delo, 2005. 256 p.
9. Bazarov T. Yu., Eremin B.L. Personnel management: a textbook. Moscow: Yurait, 2018. 381 p.
10. KUKA Home Co., Ltd. Annual Reports (2006–2024). – Electronic data. – URL: <https://gw.kukahome.com> (date of access: 30.05.2025).
11. KUKA Home Co., Ltd. Corporate Social Responsibility Report (2024). – Electronic data. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/NXvMPoHkdfw__DJtoP_2g (date of access: 05.01.2025).
12. KUKA Home Co., Ltd. Employee Compensation and Workforce Performance Review. – Electronic data. – URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/Fx0AfKBoTkkfMqFnkQFLMw> (date of access: 30.05.2025).
13. China National Furniture Association. Annual Report of China's Home Furnishing Industry (2006–2024). – Electronic data. – URL: <https://finance.sina.com.cn/> (date of access: 30.05.2025).

Игумнов Олег Александрович,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Института социально-гуманитарного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

Денисова Галина Сергеевна,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков Института истории и международных отношений федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

E-mail: gsdenisova@sfedu.ru

Статья представляет авторский подход к управлению формированием когнитивного компонента социального капитала организации на основе знакового подхода, представленного в концепции «4E-cognition». Авторы рассматривают данный подход как потенциально результативный для развития когнитивного компонента социального капитала, формирования когнитивных норм и систем в организации. Авторами обоснована возможность формирования агентности и субъектности работников организации в условиях формирования когнитивных норм и применения преимущественно недирективных методов. Сделан вывод о необходимости разработки механизма интеграции знакативизма в практику управления российскими компаниями.

Ключевые слова: социальный капитал организации, социальные ресурсы управления, когнитивный компонент социального капитала, социоресурсная концепция управления, субъектность, агентность, субъект-субъектный подход в управлении, 4E-познание, знакативизм, организационная среда, когнитивные нормы, недирективные методы управления.

Когнитивный компонент социального капитала организаций в исследованиях представлен, по нашему мнению, недостаточно широко, что определяется его восприятием *a priori* как интуитивно понятно: когнитивный – означает «познавательный, познающий, связанный с сознанием». Подобное представление основано на его атрибутивном признаке – способности к познанию (познаваемости) субъектами социальных отношений друг друга и формировании на этой основе представлений об организации и её среде, а также о языке организации (тезаурусе), содержащем понятия, значение и смысл которых всем понятны и интерпретируются аутентично.

Когнитивный компонент в общем смысле, в рамках развиваемой авторами статьи социоресурсной концепции социального капитала организации, понимается как компонент, характеризующий социальный капитал «с точки зрения восприятия и знаний, которыми располагают индивиды в отношении организации и её социальной среды, а также специфических компетенций, необходимых для эффективного участия в социальном взаимодействии, <...>: 1) коммуникативные навыки работников и 2) разделяемые коллективные ценности, цели, представления, нарративы» [7, с. 100].

Первый из двух элементов – коммуникативные навыки – определяет способность сотрудников к эффективному участию в социальной коммуникации, и, как правило, рассматривается в практике управления достаточно утилитарно: «есть навыки – развиваем, нет навыков – формируем». На наш взгляд, проблема в данном случае заключается не в том, чтобы данные навыки появились и развивались (данный вопрос решается в процессе обучения в различных формах), а в их активном использовании для достижения целей коммуникации, посредством которых обеспечивается и достижение целей организации. В этом аспекте проблема представляется вполне тривиальной для менеджмента любой организации.

Более сложной и глубокой выступает проблема формирования второго элемента. В рамках нашего концептуального подхода данный элемент «связан с наличием общих рамок восприятия и понимания как условия эффективной коммуникации. Разделяемые верования и картины мира, являясь существенным компонентом культуры, традиционно признаются необходимым условием социального взаимодействия и консенсуса. Помимо общекультурных рамок восприятия, в организационном контексте значение имеют также и более частные значения и представления, описывающие организацию, её историю, ценности, цели, миссию, правила и принципы, которым она следует» [7, с. 101].

Приведённое определение когнитивного компонента предполагает, в определённом смысле, отход от персоноцентричности в понимании рациональности поведения субъекта в социальной группе (организации), поскольку опирается на положение современной когнитивной науки («4E-познание»), ставящей под сомнение идею о существовании «чистых» ментальных процессов и постулирующей выход современной науки в область неиндивидуалистических подходов [14, с. 42]. Отметим, что концепция «4E Cognition» не является абсолютной новеллой для российской научной традиции, поскольку в работах российских учёных Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Э.В. Ильенкова, В.С. Стёпина, Г.П. Щедровицкого были обоснованы идеи связи познания и активности субъекта, которые впоследствии были обобщены в работе В.А. Лекторского [10].

Вместе с тем ни в предыдущий период, ни в настоящее время знакативизм не рассматривался как управленческий концепт в рамках предметного поля социологии управления, представляя преимущественно предмет философского и психологического осмысления процесса взаимодействия личности и среды в широком смысле, свойственном данным наукам. Кроме того, не достигнут консенсус по вопросу содержания системы понятий для описания феномена человеческого знакативного (по сути – проактивного) действия.

Возникшие в 1980-х гг. XX века новые научные представления о взаимосвязи когнитивного и ментального обусловили их несоответствие с переживаемым опытом конкретного субъекта. Указанное противоречие было обусловлено своеобразным «разрывом» в понимании взаимодействия между индивидом и средой. Новое видение вызвало к жизни идею о том, что человек и окружающий мир взаимно конституируют друг друга, находясь в «структурном сопряжении», а чело-

век «энактирует» мир, то есть, формирует и трансформирует среду непосредственного взаимодействия в процессе её познания. «Познание, таким образом, с этой точки зрения <...> энактировано, то есть не просто связано с действующим, но само может считаться не чем иным, как «умным действием» [1, с. 12].

Теоретические положения расширенного познания отражают активную роль субъектов как членов организации в формировании её социальной среды, что позволяет на деле осуществить перевод их в роль «действующих акторов, меняющих реальность» (А. Турен).

4Е-подход основан на 4-х базовых положениях: а) познание «теле-сно воплощено» (*embodied*), что предполагает связь не только с мозгом, но и с телом; б) «встроенность» познания в среду (*embedded*) и постоянно с ней взаимодействует; в) познание ресурсно за счёт вовлечения ресурсов, представленных материальными артефактами и социальными конструктами (*extended*); г) познание энактивно (*enactive*¹), то есть выступает средством постоянного и активного конструирования внешней среды, которая теперь не является только источником информации.

Наш интерес к 4Е-подходу обусловлен его нераскрытым, по нашему мнению, управленческим потенциалом, заключающимся в возможности создания управленческой ситуации, в которой формирование организационной среды, обладающей заранее заданными характеристиками, становится инструментом управления, а работник (прежде считавшийся объектом управления) обретает черты не только субъекта управления, но и атрибуты агента организационных процессов. Нам представляется существенной взаимосвязь субъектности и агентности работника, поскольку она позволяет, по нашему мнению, конкретизировать условия субъектизации объекта управления как современного тренда управленческой деятельности.

Понятие «агентность» мы применяем в интерпретации А. Сена, понимая под ним способность индивида выбирать цель, инструменты её достижения и способность достигать цели на основе долгосрочного рационального планирования.

При этом анализ публикаций по проблеме агентности показывает, что не любая деятельность может быть представлена как агентность. Определения «агентности» в рамках различных научных теорий позволяют сделать вывод о том, что большинство авторов – сторонников данного подхода – выделяют в качестве ключевых атрибутов агентности её преднамеренность и трансформирующий характер:

а) «быть агентом – значит намеренно влиять на свое функционирование и жизненные обстоятельства» [8];

б) «действие агентное, только когда оно преднамеренное (о котором действующий знает или верит, что оно приведёт к определённой результату), с точки зрения действующего лица. Ответная реакция не является агентностью. Намерение играет ключевую роль для агентности и касается тех действий, инициатором которых является сам индивид. Полученный результат не был бы получен, если бы конкретный человек не вмешался» [18];

в) «преднамеренный и целенаправленный процесс, обладающий относительной автономией в осуществлении субъектом своего «я» [2, с. 63–76];

г) «агент – человек (как член общества, как участник экономических, социальных и политических действий в политической и других сферах), который действует и вызывает изменения и чьи достижения могут быть оценены с помощью внешних критериев» [9];

д) «способность человека самостоятельно конструировать и трансформировать свою жизнедеятельность» [17, р. 52–58].

Очевидно, что констатация сущности агентности как «особого вида» деятельности представляются не вполне корректными, поскольку «агентность – это феномен, который в соответствии с некоторыми (бихевиористскими) представлениями о деятельности как об исключительно «реактивном» феномене не является деятельностью» [12, с. 23].

Кроме того, агентность не только преднамеренна (то есть субъективно осмыслена), но и проявляется в условиях объективных по природе «внешних» (по сути структурных) трансформаций. Характерно при этом, что «онтологическая самостоятельность индивидуального действия от социальной структуры не означает независимость первого от второй» [12, с. 23].

Заметим, что структурные изменения в данном случае – это изменения организационной среды, в которой индивид либо объект, либо субъект. Обе позиции определяются руководством организации и устойчивым организационным порядком (порядком управления). Очевидно, что изменения структуры организационной среды возможно только в условиях реальной субъектности и агентности работника. Изменение

структуры среды в данном случае понимается не как изменение организационной структуры, а как преобразование структуры социальных отношений, повышение их качества и «температуры» (уровень доверия, социальной солидарности, универсальность норм и правил в организации).

По сути, в процессе управления традиционные отношения «воздействия» по линии «объект-субъект» трансформируются в субъект-объектные, партнёрские отношения взаимодействия, а организационная среда становится управленческим контекстом, то есть совокупностью условий и факторов, которые влияют на «текст» управления, то есть его сущностную, содержательную и технологическую составляющие [11, с. 97].

В рамках проблематики статьи остановимся на одном из положений 4Е-подхода – энактивизме, постулирующем активность агентности социального познания. Данная ориентация, в целом, соответствует нашему представлению о работниках организации как субъектах управления, утрачивающих в современных условиях свойства «объекта» управления и обретающих свойство субъектности (данный процесс нами выше был определён как «субъектизация объекта»). Субъектизация объекта, с точки зрения энактивизма, означает и изменение способов его «когнитивности», поскольку познание связано с деятельностью, а его разум настолько укоренён, встроен в организационную среду, что позволяет ему активно изменять её, обретая тем самым дополнительные когнитивные ресурсы.

Данный вывод актуализирует проблему формирования организационной идентичности у членов организации, основу которой образуют общие представления о ценностях и целях, характеризующиеся высокой степенью их разделяемости и включённости в систему личных ценностей и целей каждого члена сообщества и представляющих источник когнитивных ресурсов. Организационная идентичность подразумевает восприятие работниками своей принадлежности к организации как социальной категории, специфические формы поведения и эмоциональные состояния.

Очевидно, что формирование идентичности организации – процесс, прежде всего, когнитивный, обладающий интерактивной, отношенческой природой. Результатом данного процесса выступает сформированная организационная идентичность, понимаемая как характеристика «поддержания взаимосвязи между людьми, которая необходима для обеспечения социального порядка на основании их сходства» [13, с. 29].

В данном процессе с управленческой точки зрения важен рациональный характер когнитивного, по сути, процесса, приобретающего черты личностно-средового взаимодействия: формирование элементов когнитивного компонента будет результативным при условии корректной организации среды, что, само по себе, представляет управленческую задачу, которая сводится к *ceteris paribus*, к формированию организационного порядка (порядка управления), предполагающего субъектность и агентность работников в качестве базовых характеристик организации как социальной общности.

Полагаем, что, в широком смысле, организационный порядок, упомянутый выше, подразумевает, прежде всего, формирование когнитивных социальных систем в организации и включённых в них когнитивных институтов, представляющих собой «правила и нормы, регулирующие разнообразные когнитивные процессы, в том числе категоризацию опыта, получение знаний, формирование понимания и убеждений, вынесение суждений, принятие решений, решение проблем...» [15].

Формирование и поддержание подобного порядка необходимы, поскольку обеспечивают функционирование «формальных правил для кооперации и доверия в отношении ... коллег с позиции дихотомии «универсализм-партикуляризм» [16]. Универсалистские ценности предполагают одинаковость применения правил ко всем в релевантных ситуациях, тогда как партикуляризм допускает более гибкий, контекстуальный подход к применению правил в отношении других людей при наличии особых, личных связей с ними» [3, с. 162]. Указанное обстоятельство имеет особую важность для российских организаций по двум, как минимум, обстоятельствам.

Первое обстоятельство касается партикуляризма как черты национальной деловой культуры российских организаций, проявляющейся в восприятии социальных связей как преимущественно личного ресурса, расширяющего индивидуальные возможности внутри организации, а не как организационного ресурса, способствующего достижению общих целей и реализации взаимных интересов.

Результаты проведённого нами исследования показали, что признание данного обстоятельства имеет существенную управленческую значимость на этапе планирования мероприятий по формированию корпоративной культуры и социального капитала организации. В част-

¹ Enactive (англ.) – действующий; синоним – «проактивный».

ности, следует ожидать, что «формирование социального капитала российских организаций должно сталкиваться со значительным сопротивлением работников (в том числе руководителей), которые рассматривают социальные связи как личный ресурс» [5, с. 137–138].

В управленческом смысле это означает: а) необходимость трансформации подхода к формированию единого понимания социальных отношений как основы профессиональной деятельности и результативного достижения целей организации, то есть о реальном воплощении лозунга: «Любая работа – через отношения!» в управленческую практику и б) итеративную интеграцию принципа универсализации в социальные отношения в организации, прежде всего в горизонтальных связях, наиболее проблемных и нуждающихся в развитии и укреплении в российских организациях (что по нашему мнению, представляет своеобразный вызов для их руководителей).

Второе обстоятельство актуализировано возрастающим влиянием организационной среды на поведение работников и процесс формирования социального капитала организации. В результате проведённых нами исследований в организационной среде российских организаций были выявлены черты, определённые как особенные характеристики, обладающие способностью позитивно либо негативно влиять на степень сформированности социального капитала, рассматриваемого в качестве основной формы социальных ресурсов управления.

К группе характеристик, негативно влияющих на формирование социального капитала, отнесены: а) высокий уровень структурной «замкнутости»; б) фрагментарность формирования корпоративной культуры; в) формализм в следовании организационным ценностям и правилам; г) партикуляризм (избирательность применения норм (правил) и следования им); д) статичность социальных связей (низкий уровень развития слабых (горизонтальных) связей); е) низкий уровень (или несформированность) групповой идентичности; ж) значительный объём неформальных информационных потоков; з) низкий уровень социальной солидарности; и) преобладание отношений подчинения над отношениями социально-трудового партнёрства [4, с. 55–56].

Анализ степени влияния указанных характеристик на формирование компонентов социального капитала показал, что 5 из 9 характеристик негативно влияют именно на его когнитивный компонент (табл. 1).

Таблица 1. Распределение особенных характеристик организационной среды, негативно влияющих на формирование и развитие социального капитала российских организаций (относительно его компонентов)

Особенные характеристики	Компонент социального капитала, на который влияет характеристика
а) высокий уровень структурной «замкнутости»	структурный
б) фрагментарность формирования корпоративной культуры	когнитивный
в) формализм в следовании организационным ценностям и правилам	когнитивный
г) партикуляризм	когнитивный
д) статичность социальных связей (низкий уровень развития слабых (горизонтальных) связей)	реляционный
е) низкий уровень (или несформированность) групповой идентичности	когнитивный
ж) значительный объём неформальных информационных потоков	когнитивный
з) низкий уровень социальной солидарности трудовых коллективов	реляционный
и) преобладание отношений подчинения над отношениями социально-трудового партнёрства	реляционный

Данные таблицы с точки зрения управления представляют интерес, поскольку содержат направления деятельности субъектов управления для трансформации указанных негативных характеристик организационной среды в возможности на основе личностно-средового взаимодействия.

Не менее важное значение имеют и следствия процесса, формирования организационной идентичности как основы когнитивного компонента социального капитала. Основным следствием является не только факт формирования, исполнения и актуализации когнитивных норм в организации, но и то, что их использование в организационной среде становится для работников естественной, «опривыченной» социальной практикой, что исключает (либо значительно снижает потребность) в применении директивных методов управления («*hard management*») и ориентирует руководителей на использование в управлении преимущественно недирективных методов («*soft management*»).

Применение недирективных методов характеризуется следующими характеристиками управленческой деятельности: а) аутентичность и проявленность (способность к рефлексии и обратной связи); б) сопереживание и эмпатия; в) способность замечать «незаметное» (латентные проблемы) для своевременного реагирования; г) гибкость; д) способность варьировать степень своей активности, энергии и влияния в зависимости от ситуации и уровня собственного ресурсного состояния (что предотвращает появление микроменеджмента); е) интегральная информированность («включённость» в проблемы организации); ж) системность мышления [6, с. 179].

Отметим, что недирективность управленческого воздействия предполагает его субъект-субъектный характер как результат трансформации традиционного субъект-объектного подхода. Отношения «субъект-объект» преобразуются в отношения партнёров, в рамках которых поведение каждой из сторон определяется успешностью взаимодействия с конкретной организационной средой посредством корректного выбора релевантных когнитивных норм.

Значимость указанного обстоятельства возрастает в современных условиях повышения сложности и неопределённости внешней среды функционирования организаций, требующей не только способности к адаптации, но и рациональности, которая проявляется в поддержании каждым членом организации результативного взаимодействия с организационной и внешней средами.

Успешность взаимодействия со средой определяет и успешность решения членами организации когнитивных задач, предполагающих интерпретацию событий организационной жизни, способы решения проблем и прогнозирования и т.п. Иными словами, «когнитивные нормы выступают посредниками между индивидами и средой» [14, с. 44], при этом индивиды реагируют действиями на управленческие воздействия, руководствуясь когнитивным организационным контекстом.

Таким образом, энактивизм как подход в интерпретации взаимосвязи деятельности субъекта и среды, по нашему мнению, можно рассматривать как определённо имеющий перспективу в управлении формированием когнитивного компонента социального капитала организации. Перевод теоретических конструктов данного подхода в практику предполагает решение двух взаимосвязанных задач: а) освоение его основных положений субъектами управления и б) разработка механизма его интеграции в практику управления российскими компаниями.

Литература

1. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт; пер. с англ. К. Тулуповой; отв. ред. В. Лысенко; предисловие к рус. изд. академика В. Лекторского. – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. – 456 с.
2. Давыдов В.В. Учащийся начальной школы как субъект учебной деятельности / В.В. Давыдов, В.И. Слободчиков и Г.А. Цукерман // Российская и восточноевропейская психология. – 2003. – № 41 (5). – С. 63–76.
3. Игумнов О.А. Внешние факторы формирования социального капитала российских организаций / О.А. Игумнов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Т. 26. – № 3. – С. 149–172.
4. Игумнов О.А. Особенности черты социального капитала российских организаций в контексте формирования его эталонной модели // Высшая школа: научные исследования. Материалы межвузовского международного конгресса (г. Москва, 24 ноября 2023 года). – Москва: Издательство Инфинити, 2023. – 136 с. – С. 51–56.
5. Игумнов О.А. Развитие организационного социального капитала: теоретические гипотезы // Социология. – 2020. – № 1. – С. 136–148. – С. 137–138.
6. Игумнов О.А. Социально ориентированное управление и человекоцентричная организация в контексте субъектизации объекта // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 1. С. 177–182. DOI: 10.34823/SGZ.2025.1.52062
7. Игумнов О.А. Социальный капитал в социологическом дискурсе: теоретические аспекты и управленческий контекст: монография / О.А. Игумнов. – Саратов: Издательство «КубиК», 2020. – 250 с.
8. Карпов А.В. Психологический анализ деятельности: учеб. пособие / А.В. Карпов, И.Г. Савин, 2005. – 144 с.
9. Карпов А.В. Рефлексия как интегратор системы психических процессов / А.В. Карпов. – Ярославский государственный педагогический институт [сайт], 2005. – URL: <http://yspu.org/images/archive/> (дата обращения: 28.01.2026).
10. Лекторский В.А. Деятельностные концепции в советской философии и когнитивная наука // В.А. Лекторский. Философия, познание, культура. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.

11. Резник Ю.М. Социально-гуманитарные технологии управления: специфика и возможности применения // Вестник Рязанского государственного университета. – 2010. – № 11(29). – С. 91–104.

12. Самостоятельность и проактивное поведение / П.С. Сорокин, Ю.Н. Корешникова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: 2022. – 383 с. – (2 том доклада «Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления чело- века», науч. ред. П.С. Сорокин).

13. Федотова Н.Н. Теоретическая рефлексия динамики идентичности: формирование процессуальной теории. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. – М., 2013. – 50 с.

14. Фролов Д.П. Как изучать экономическую рациональность в XXI веке? // Вопросы экономики. – 2025. – № 12. – С. 32–55.

15. Фролов Д.П. Когнитивные институты: в поисках новых поведенческих оснований экономической науки // Вопросы экономики. – 2025. – № 5. – С. 46–65.

16. Hampden-Turner C., Trompenaars F. Building Cross-Cultural Competence: How to Create Wealth from Conflicting Values. – New Haven; London: Yale University Press, 2000. – 400 p.

17. Lawrence, T., Suddaby, R., & Leca, B. Institutional work: Refocusing institutional studies of organization // Journal of management inquiry, 2011. – № 20 (1). – P. 52–58.

18. Sen A. Development as Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1999. – 384 p.

THE ORGANIZATION SOCIAL CAPITAL COGNITIVE COMPONENT MANAGEMENT BASED ON ENACTIVE APPROACH

Igumnov O.A., Denisova G.S.

Moscow Pedagogical State University, Southern Federal University

The article presents the author's approach to the organization social capital cognitive component formation managing based on the enactive (proactive) approach as a concept of «4E-cognition» theory. The authors consider this approach as potentially effective for the social capital cognitive component development and the cognitive norms and systems formation in the organization. The authors substantiate the possibility of organization's employees agency and subjectivity forming in the context of cognitive norms formation and the use of predominantly non-directive management methods. It is concluded that it is necessary to develop a mechanism for integrating enactivism into the Russian organizations management practice.

Keywords: organization social capital, management social resources, social capital cognitive component, socio-resource management concept, subjectivity, agency, subject-subject approach to management, 4E-cognition, enactivism, organizational environment, cognitive norms, non-directive management methods.

References

1. Varela F., Thompson E., Roche E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience; translated from English by K. Tulupova; ed. by V. Lysenko; preface to the Russian edition by Academician V. Lektorsky. – Moscow: Save Tibet Foundation, 2023. – 456 p.

2. Davydov V.V. Primary School Student as a Subject of Educational Activity / V.V. Davydov, V.I. Slobodchikov and G.A. Zuckerman // Russian and East European Psychology. – 2003. – № 41 (5). – P. 63–76.

3. Igumnov O.A. External Factors of Social Capital Formation in Russian Organizations / O.A. Igumnov // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. – 2020. – Vol. 26. – № 3. – P. 149–172.

4. Igumnov O.A. Special Features of Social Capital of Russian Organizations in the Context of the Formation of Its Reference Model // Higher School: Scientific Research. Proceedings of the Interuniversity International Congress (Moscow, November 24, 2023). – Moscow: Infinity Publishing House, 2023. – 136 p. – P. 51–56.

5. Igumnov O.A. Development of Organizational Social Capital: Theoretical Hypotheses // Sociology. – 2020. – № 1. – P. 136–148. – P. 137–138.

6. Igumnov O.A. Socially Oriented Management and Human-Centered Organization in the Context of the Subjectification of an Object // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – № 1. P. 177–182. DOI: 10.34823/SGZ.2025.1.52062

7. Igumnov O.A. Social capital in sociological discourse: theoretical aspects and managerial context: monograph / O.A. Igumnov. – Saratov: KubiK Publishing House, 2020. – 250 p.

8. Karpov A.V. Psychological analysis of activity: textbook / A.V. Karpov, I.G. Savin, 2005. – 144 p.

9. Karpov A.V. Reflection as an integrator of the system of mental processes / A.V. Karpov. – Yaroslavl State Pedagogical Institute [website], 2005. – URL: <http://yspu.org/images/archive/> (date of access: 28.01.2026).

10. Lektorsky V.A. Activity concepts in Soviet philosophy and cognitive science // V.A. Lektorsky. Philosophy, cognition, culture. – Moscow: Canon + ROOI «Rehabilitation», 2012. – 384 p.

11. Reznik Yu.M. Social and humanitarian management technologies: specificity and possibilities of application // Bulletin of Ryazan State University. – 2010. – № 11 (29). – P. 91–104.

12. Independence and proactive behavior / P.S. Sorokin, Yu.N. Korshnikova et al.; Nat. research. University «Higher School of Economics». – Moscow: 2022. – 383 p. – (Volume 2 of the report «Global Landscape of Research and Advanced Developments in the Field of Human Strengthening», scientific editor P.S. Sorokin).

13. Fedotova N.N. Theoretical Reflection of Identity Dynamics: Formation of a Procedural Theory. Abstract of a Doctor of Sociological Sciences Dissertation. – Moscow, 2013. – 50 p.

14. Frolov D.P. How to Study Economic Rationality in the 21st Century? // Voprosy Ekonomiki. – 2025. – № 12. – pp. 32–55.

15. Frolov D.P. Cognitive Institutions: In Search of New Behavioral Foundations of Economic Science // Voprosy Ekonomiki. – 2025. – № 5. – pp. 46–65.

16. Hampden-Turner C., Trompenaars F. Building Cross-Cultural Competence: How to Create Wealth from Conflicting Values. – New Haven; London: Yale University Press, 2000. – 400 p.

17. Lawrence, T., Suddaby, R., & Leca, B. Institutional work: Refocusing institutional studies of organization // Journal of management inquiry, 2011. – № 20 (1). – P. 52–58.

18. Sen A. Development as Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1999. – 384 p.

Социальное управление и механизмы социального регулирования в контексте социальной ответственности и устойчивого развития в нефтегазовой отрасли

Исмаил Виссам Васим,

аспирант кафедры социологии, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: ismail.activity@gmail.com

В статье рассмотрены сущность социального управления в условиях промышленной (нефтегазовой) отрасли, а также механизмы социального регулирования, обеспечивающие социальную ответственность компаний. Проведен анализ влияния политики устойчивого развития на практики социального управления в нефтегазовом секторе. В исследовании обобщены научные подходы и нормативные акты, описывающие социальное управление и корпоративную социальную ответственность (КСО) в нефтегазовой сфере. Выявлен ряд актуальных проблем, связанных с реализацией принципов социальной ответственности, и предложены пути их решения – от совершенствования правового регулирования до интеграции принципов устойчивого развития в корпоративные стратегии. Результаты могут быть применены при формировании социальных программ нефтегазовых компаний и разработке рекомендаций по повышению эффективности социальной политики в промышленности.

Ключевые слова: социальное управление; нефтегазовая отрасль; механизмы социального регулирования; корпоративная социальная ответственность; устойчивое развитие; социальная политика; социальное партнерство.

Введение

В современных условиях социальное управление приобретает особую значимость для крупных промышленно-ориентированных организаций. Его можно определить как целенаправленное воздействие на социальные процессы в организации или обществе для согласования действий людей и решения социальных задач [1]. В отличие от технического менеджмента, социальное управление является сложным социальным процессом, связанным с культурными и человеческими факторами развития организации [1]. А.И. Пригожин подчёркивал, что управление людьми не может быть полностью рациональным и формальным, поскольку «объект воздействия имеет свои личные или групповые интересы, цели, потребности» [1]. Он рассматривал социальное управление как «комплекс методов целенаправленного воздействия на отдельных работников, отдельную группу, целый коллектив» [1], акцентируя необходимость учёта человеческого фактора.

В нефтегазовой отрасли социальное управление имеет выраженную специфику. Крупные, нередко вертикально-интегрированные компании работают в удалённых регионах и в условиях повышенных экологических и социальных рисков, затрагивая интересы сотрудников, местных сообществ, государства и инвесторов. Поэтому управление человеческим капиталом и социальными процессами становится стратегическим фактором устойчивости бизнеса. В условиях цифровизации, глобализации и технологических сдвигов предприятиям важно не только адаптироваться к изменениям, но и формировать конкурентные преимущества через развитие человеческого потенциала [4]. Человеческий капитал рассматривается как стратегический актив, определяющий инновационный потенциал и жизнеспособность организации [4]. Его свойства (обучаемость, творческий потенциал, саморазвитие) требуют акцента на мотивации, вовлечённости, корпоративной культуре и доверии, дополняющих административные процедуры [4]. Тем самым социальное управление в нефтегазовых компаниях фокусируется на повышении роли человеческого фактора как условия инноваций и долгосрочной эффективности [1].

Актуальность темы усиливается ростом внимания к корпоративной социальной ответственности (КСО) и устойчивому развитию в ТЭК. Нефтегазовая отрасль сталкивается с необходимостью снижать негативное воздействие на окружающую среду и общество, включая задачи климатической повестки. Это требует пересмотра традиционных подходов к управлению: внедрения стандартов экологической и социальной ответственности, а также повышения прозрачности и подотчётности бизнеса. Данная тенденция отражена и в государственных документах: Энергетическая стратегия России до 2035 года отмечает, что устойчивое развитие энергетики включает социальную ответственность и экологическую эффективность наряду с инновациями [7]. Следовательно, долгосрочная стабильность нефтегазовых компаний напрямую связана с реализацией социальных задач и соответствием принципам устойчивого развития.

Цель исследования – раскрыть сущность социального управления и проанализировать механизмы социального регулирования в нефтегазовой сфере в контексте КСО и устойчивого развития. Для этого рассмотрены теоретические основы социологии управления, практики КСО в отрасли, а также влияние международных и национальных инициатив (включая Повестку ООН в области устойчивого развития и национальные стандарты КСО) на корпоративное управление. Кроме того, выявлены проблемы реализации социальных функций нефтегазовых компаний и предложены направления их решения.

Материалы и методы

Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем социологию управления, теорию организации и стратегический менеджмент. Проведён анализ научной литературы по социологии управления и социальному развитию организаций [1–3], а также отраслевых отчётов и нормативно-правовых актов, регулирующих социальную политику в нефтегазовой отрасли [5–8]. Применены контент-анализ докладов крупнейших нефтегазовых компаний по корпоративной ответственности и устойчивому развитию (для выявления практик социального регулирования) и сравнительный метод для сопоставления

российских и международных подходов к социальному управлению и CSR. Теоретическую основу составил системный подход, рассматривающий нефтегазовую компанию как социотехническую систему, где экономические и социальные процессы взаимосвязаны; это позволило интегрировать данные корпоративной статистики и социологические концепции и оценить эффективность механизмов регулирования.

Эмпирическая база включает открытые данные корпоративной отчётности (нефинансовые и социальные отчёты ПАО «Газпром нефть», ПАО «НК Роснефть», ПАО «Лукойл» и др.), материалы Аналитического центра при Правительстве РФ по социальной ответственности в ТЭК, а также сведения из государственных программ и стандартов (включая национальные стандарты социальной ответственности и устойчивого развития). При анализе нормативных документов акцент сделан на трудовом законодательстве и механизмах социального партнёрства как ключевых элементах социальной политики в промышленности.

Дополнительно использован прогностический анализ: на основе выявленных тенденций (в частности, усиления ESG-требований со стороны инвесторов и общества) оценивается их потенциальное влияние на управление нефтегазовыми компаниями. Надёжность выводов обеспечена опорой на источники, прошедшие экспертную оценку (рецензируемые публикации и официальные документы), и использованием данных за последние 5–7 лет

Результаты и обсуждение

Сущность социального управления в нефтегазовой отрасли

Социальное управление в промышленной организации – это управление социальными процессами и отношениями внутри предприятия и во взаимодействии с внешней средой, направленное на согласование интересов работников, компании и общества. В нефтегазовом секторе оно включает управление персоналом, обеспечение безопасных условий труда, развитие человеческого капитала, взаимодействие с местными сообществами и органами власти, участие в решении социальных задач регионов присутствия. По сути, социальное управление охватывает все уровни деятельности – от стратегических решений (учёт социальных рисков и интересов стейкхолдеров) до операционных практик (социальные программы, обучение, охрана труда).

Исследования показывают, что устойчивое развитие предприятия требует сочетания экономического и социального управления [2]. Экономические методы (планирование, учёт, контроль) должны дополняться социально-ориентированными инструментами – мотивацией, коммуникациями и участием работников в управлении; иначе возрастает риск снижения лояльности, конфликтов и падения производительности. Напротив, внимание к социальному развитию (повышение квалификации, поддержка корпоративной культуры, социальная защищённость) усиливает инновационность и устойчивость бизнеса [2].

Отраслевая специфика – капиталоемкость, высокий уровень производственных рисков, значимое воздействие на окружающую среду и общество – делает социальное управление неотъемлемой частью общей системы управления нефтегазовой компанией. Ключевое направление – работа с персоналом: вахтовая занятость, разнообразие профессиональных групп и присутствие в удалённых регионах требуют особой кадровой политики и подходов к условиям труда. Так, А.А. Анохин и Л.М. Гайсина подчёркивают необходимость адаптации управления человеческими ресурсами к новым тенденциям – цифровизации, развитию компетенций и оценке социальных инвестиций (методика SROI) [4]. В результате социальное управление выходит за рамки традиционного HR и становится стратегической функцией, ориентированной на долгосрочное развитие человеческого и социального капитала организации.

Важной составляющей является взаимодействие с социумом: нефтегазовые предприятия часто выступают градообразующими и влияют на социально-экономическое положение регионов. Поэтому социальное управление включает благотворительность и социальное инвестирование, участие в развитии инфраструктуры, а также меры экологической безопасности. Распространение подходов устойчивого развития и shared value усиливает восприятие вклада в общественное благополучие как инвестиции в устойчивость бизнеса. Анализ практик ПАО «Газпром нефть» и других лидеров показывает, что социальные инвестиции достигают миллиардов рублей в год и направляются на городскую среду, образование, культуру и спорт в регионах присутствия [5]. Эти инициативы одновременно решают социальные задачи и укрепляют репутацию и доверие, создавая более благоприятные условия для деятельности компании.

Таким образом, социальное управление в нефтегазовой сфере – это интеграция управления людьми внутри компании и социальных отношений вокруг неё для достижения баланса между экономической результативностью и социально ответственным поведением. Социаль-

ные цели включаются в стратегию и систему KPI наравне с финансовыми показателями: наряду с добычей и прибылью отслеживаются охрана труда, развитие персонала, влияние на местные сообщества и другие параметры. В условиях усиления роли ESG-критериев такая интеграция социального измерения становится необходимой для сохранения конкурентоспособности.

Механизмы социального регулирования и обеспечение социальной ответственности

Механизмы социального регулирования – это инструменты и институты, направляющие деятельность компаний в русло общественных интересов и социальной ответственности. В нефтегазовой отрасли выделяются четыре уровня: государственные (нормативно-правовое регулирование), корпоративные (внутренние политики и стандарты), общественные (ожидания и давление общества, партнёрство с сообществами и НКО) и международные (глобальные стандарты и рейтинги).

Государственное регулирование. Значимая часть социальной ответственности закреплена в законодательстве. Трудовое право РФ обязывает работодателей обеспечивать безопасные условия труда, социальные гарантии, участие в соцстраховании и др.; ключевые задачи социально-трудового законодательства – создание условий труда и соцобеспечения, а также регулирование социального партнёрства и участия работников в управлении [6]. Для нефтегаза действуют дополнительные требования с учётом отраслевых рисков: нормы промышленной и экологической безопасности, отдельные региональные требования к занятости и развитию территорий. Дополнительно работает система социального партнёрства (генеральные и отраслевые соглашения государства, работодателей и профсоюзов), задающая минимальные стандарты по оплате труда, охране труда и социальным гарантиям. Государство также использует стимулы (например, налоговые механизмы для благотворительности и социальных инвестиций), а в официальных материалах подчёркивается, что КСО становится фактором, влияющим на оценки инвесторов и котировки акций, хотя изначально была навязана бизнесу обществом и государством [7].

Корпоративные механизмы. Они включают добровольно принимаемые обязательства, внутренние политики и программы. Крупные нефтегазовые компании, как правило, имеют кодексы этики, политики устойчивого развития и выпускают нефинансовую отчётность, используя эти инструменты как систему саморегулирования. В российской практике важны инициативы бизнес-сообщества, включая Социальную хартию российского бизнеса (ПСПП) и меморандумы о принципах КСО. Ориентиром в стандартизации выступает ГОСТ Р ИСО 26000–2012 «Руководство по социальной ответственности», идентичный ISO 26000 [5], а также национальные документы по устойчивому развитию (например, «Руководство по обеспечению устойчивого развития») [5]. Несмотря на рекомендательный характер, эти стандарты часто используются как основа корпоративной системы КСО; внутри компаний создаются профильные подразделения и комитеты советов директоров по устойчивому развитию и социальным вопросам. Важный элемент – системы социального менеджмента: планирование, реализация и оценка социальных инициатив, интеграция социальных KPI в управленческие показатели и учёт социальных рисков во внутреннем контроле. На практике это выражается в программах поддержки сотрудников (ДМС, пенсионные программы), механизмах улучшения условий труда и мониторинге социально-психологического климата.

Общественные и международные механизмы. Общество (местные жители, НКО, СМИ) действует как внешний регулятор через публичные обсуждения проектов, репутационное давление и внимание к инцидентам. Существенную роль играют ESG-рейтинги и индексы устойчивого развития (включая международные и российские), поскольку высокая оценка облегчает доступ к инвестициям и усиливает репутацию; инвесторы и биржевая инфраструктура всё активнее учитывают социальный фактор [7]. Международные рамки задают ООН (ЦУР до 2030 года), МОТ (стандарты условий труда и соцобеспечения), а также рекомендации Всемирного банка и ОЭСР по ответственному ведению бизнеса. Для компаний, работающих на глобальных рынках, важны инициативы вроде Глобального договора ООН, предполагающего регулярные раскрытия прогресса по ключевым принципам (права человека, труд, экология, антикоррупция).

В целом механизмы социального регулирования образуют многоуровневую систему: государство задаёт минимум требований и контроль, бизнес развивает саморегулирование через стандарты и инициативы, а общество и международные институты формируют «планку» лучших практик. В нефтегазе эта связка особенно заметна: ожидания общества и жёсткость регулирования стимулируют экологические и социальные инвестиции, а компании нередко идут дальше обязательных норм, внедряя добровольные стандарты и развивая

ESG-отчётность[10]. Сильные механизмы социального регулирования помогают предотвращать конфликты и операционные сбои: игнорирование социальных запросов способно приводить к протестам и остановам производства – например, в 2024 году в Ливии из-за протестов рабочих закрывались месторождение Вафа и трубопровод Greenstream[10]. Поэтому для устойчивости нефтегазового бизнеса критично выстраивать доверие с персоналом и обществом, опираясь на действенные механизмы регулирования.

Влияние политики устойчивого развития на практики социального управления

последние годы политика устойчивого развития стала частью стратегического управления в нефтегазовой сфере. Концепция устойчивого развития, сформулированная Всемирной комиссией ООН, предполагает баланс экономического роста, социального прогресса и экологической ответственности, позволяющий удовлетворять потребности нынешнего поколения без ущерба для будущих[10]. Для нефтегазовых компаний это означало пересмотр приоритетов и управленческих практик: наряду со снижением углеродного следа и экологической повесткой усилилось внимание к социальному измерению – людям внутри организации и за её пределами.

Ключевым индикатором стала институционализация ESG (Environmental, Social, Governance) в корпоративном управлении. Большинство лидеров отрасли закрепили ESG-повестку в документах верхнего уровня – политиках устойчивого развития (например, обновлённая политика ПАО «Роснефть» 2022 г. [8]). В социальном блоке таких политик фиксируются обязательства по правам человека, развитию персонала, охране труда и взаимодействию с местными сообществами, что делает социальные вопросы зоной ответственности топ-менеджмента наравне с производственными и финансовыми задачами.

Интеграция ESG влияет на практики социального управления по нескольким направлениям:

- **Персонал и охрана труда.** Устойчивое развитие ориентирует компании на системное повышение безопасности и заботу о здоровье работников: обновляются правила ОТ, усиливается обучение, внедряются системы управления рисками. Социальный аспект ESG также включает недискриминацию, равные возможности, поддержку инклюзивности. Параллельно растут инвестиции в обучение и развитие компетенций, включая подготовку к новым «зелёным» технологиям, что поддерживает занятость и повышает эффективность.
- **Взаимодействие с местными сообществами.** Повестка устойчивости требует минимизировать негативное воздействие и участвовать в развитии территорий: растёт доля проектов по качеству жизни (социальная инфраструктура, образование, медицина, поддержка коренных народов и др.). Примером служит программа «Родные города» «Газпром нефти», ориентированная на комплексное развитие городов присутствия и рассматриваемая как лучшая практика корпоративных социальных инвестиций[5]. Важно, что такие инициативы закрепляются как системная работа, сопряжённая с планами властей и логикой ЦУР ООН.
- **Прозрачность и подотчётность.** Компании расширяют раскрытие финансовых данных и внедряют стандарты отчётности по устойчивому развитию (GRI, SASB), публикуют сведения о выбросах, социальных расходах, структуре персонала и др. Измеримость и сопоставимость показателей усиливают управленческую дисциплину, а независимый аудит нефинансовой отчётности повышает доверие. Исследования подчёркивают, что рост прибыли сам по себе уже недостаточен: конкурентоспособность всё больше зависит от репутации, основанной на ESG-стратегии[10].
- **Изменения в управленческой структуре и мотивации.** Распространяются должности и комитеты по устойчивому развитию/ESG на уровне топ-менеджмента и совета директоров; социальные результаты начинают регулярно контролироваться на высшем уровне. Одновременно корректируются системы мотивации: KPI руководителей связываются с социальными и экологическими целями (например, травматизм, реализация социальных проектов), что встраивает КСО в бизнес-процессы.
- **Антикризисная устойчивость.** Внедрение устойчивого развития снижает риски и повышает стабильность компаний[10], включая социальные риски. Проактивная работа с персоналом и сообществами уменьшает вероятность конфликтов и репутационных потерь; при изменениях в деятельности компании применяются превентивные меры (переобучение, поддержка занятости, развитие локальной экономики), смягчающие социальные последствия и поддерживающие операционную устойчивость.

В целом политика устойчивого развития выступает катализатором модернизации социального управления: социальная работа перестаёт

быть второстепенной или сугубо имиджевой и закрепляется в стратегии. Международная повестка и ожидания инвесторов делают социальную ответственность фактором конкурентоспособности, а рост инвестиций в ESG-активы указывает на переход к более зрелой модели управления, где социальные и экологические параметры учитываются наравне с финансовыми[10]. Для нефтегазового сектора это означает существенную перестройку процессов, однако в долгосрочной перспективе она приносит выгоды: снижает экологические и социальные риски, укрепляет доверие общества и поддерживает доступ к устойчивому капиталу, обеспечивая стабильность и конкурентоспособность[10].

Проблемы реализации социальной ответственности и направления их решения

Несмотря на позитивные изменения, в нефтегазовой отрасли сохраняются барьеры, ограничивающие полноценную реализацию механизмов социального управления и КСО. По данным литературы [2–4] [6] и отраслевых докладов выделяются следующие проблемы:

- **Неравномерность внедрения КСО.** Уровень социальных программ у российских компаний существенно различается. Лишь небольшая часть работодателей рассматривает КСО как стратегический инструмент устойчивости и управления рисками [9]; многие ограничиваются формальной отчётностью и разовыми акциями. Одной из причин остаётся добровольный характер ESG/КСО: прямых требований к публикации ESG-отчётов и соблюдению стандартов нет. Решения – развитие обмена лучшими практиками, усиление роли ESG-рейтингов и стимулов (доступ к капиталу, льготы), а также повышение управленческой осознанности относительно отдачи инвестиций в людей и общество. При этом нефтегазовая отрасль РФ в целом остаётся среди лидеров по уровню КСО[8].

- **Недостатки нормативной базы и практики применения.** Несмотря на развитие трудовое и социальное законодательство, оно не всегда учитывает специфику нефтегаза; система норм по соцобеспечению сложна и фрагментарна[6] (льготы для Севера, вахты, отдельных профессий закреплены в разных актах). Дополнительная проблема – нарушения и недостаточный контроль исполнения социальных норм, что снижает доверие работников. Требуются систематизация нормативных актов, обновление отраслевых соглашений с учётом новых рисков и усиление ответственности работодателей. Как подчёркивает Д.А. Силантьева, улучшение правового регулирования на федеральном и локальном уровнях – ключевой путь решения проблем соцобеспечения работников нефтегаза [6].

- **Конфликт экономических и социальных целей.** В кризисные периоды бюджеты социальных программ часто сокращаются первыми, а часть менеджмента воспринимает инициативы как издержки. Необходим сдвиг управленческой логики: социальные расходы – это инвестиции в устойчивость. Этому помогают методики оценки эффекта (например, SROI) и подход shared value, когда проекты одновременно создают выгоды бизнесу и обществу (подготовка местных кадров, экологические технологии и т.д.).

- **Информационные и методологические дефициты.** Ряд компаний испытывает трудности с практической интеграцией ESG/устойчивого развития: не хватает специалистов, методик, компетенций социального анализа и управления социальными рисками крупных проектов. Решения – расширение сотрудничества с наукой и образованием, подготовка специалистов по устойчивому развитию и социологии управления, развитие корпоративных университетов и программ с вузами, а также разработка прикладных руководств отраслевыми ассоциациями.

- **Международные ограничения и репутационные риски.** Санкции и ограничение доступа к технологиям и капиталу осложняют международные проекты и обмен практиками; часть глобальных рейтингов сокращает охват российских компаний. Вместе с тем это может стимулировать развитие внутренних стандартов и укрепление репутации на национальном уровне, а также расширение сотрудничества с альтернативными регионами (Азия, Ближний Восток), где также развиваются практики CSR.

Направления решения можно сформулировать так:

1. Совершенствовать регулирование – обновлять трудовые нормы, рассмотреть закрепление КСО на законодательном уровне (в т.ч. через требования к нефинансовой отчётности крупных компаний), вводить стимулы для лидеров КСО (преференции в закупках, налоговые механизмы для социальных инвестиций).

2. Интегрировать КСО в стратегию – включать социальные KPI в стратегические карты и регулярно выносить результаты на уровень совета директоров.

3. Укреплять социальное партнёрство – использовать соглашения «бизнес–власть–общество» для решения проблем регионов и сопровождения крупных проектов (включая социальную инфраструктуру как элемент договорённостей).

4. Повышать прозрачность и открытость – системный диалог со стейкхолдерами, общественная отчётность, каналы обратной связи для сотрудников как инструменты раннего выявления рисков и укрепления доверия.

Важно учитывать, что социальная ответственность – развивающаяся концепция. Помимо традиционных направлений (охрана труда, благотворительность), усиливается повестка диверсификации экономик регионов и «справедливого перехода» к низкоуглеродной модели. В перспективе от нефтегазовых компаний будут ожидать участия в переквалификации работников и создании новых рабочих мест за пределами углеводородного сектора. Уже сейчас часть компаний инвестирует в ВИЭ и инновационные производства, выполняя социальную функцию обеспечения занятости на будущее. Следовательно, рамки социального управления будут расширяться, и эти тенденции важно учитывать уже сегодня.

Выводы

Исследование подтверждает, что социальное управление – критически важный компонент эффективности нефтегазовых организаций. Социология управления показывает: работа с коллективом и социальными процессами сопоставима по значимости с управлением производством и финансами. В отрасли с высокой социальной значимостью и рисками качество взаимодействия с персоналом и местными сообществами напрямую влияет на устойчивость, репутацию и долгосрочный успех компаний.

Рассмотренные механизмы социального регулирования формируют многоуровневую систему, побуждающую бизнес следовать принципам социальной ответственности. Государственные механизмы (законодательство, надзор, соглашения) задают обязательный минимум социальных гарантий. Корпоративные механизмы (этика, стандарты, программы) позволяют интегрировать CSR и выходить за рамки требований. Общественные и международные механизмы (ожидания граждан, рейтинги, стандарты ООН) ориентируют компании на лучшие практики. Их сочетание усиливает реализацию модели ответственного бизнеса, особенно учитывая, что социальная ответственность была фактически навязана обществом и государством[7].

Политика устойчивого развития заметно изменила практики социального управления. ESG-подход закрепил необходимость одновременного достижения экономических, экологических и социальных целей. Включение социальных ориентиров в стратегии уже даёт измеримые эффекты: снижается травматизм, растут инвестиции в человеческий капитал, укрепляется диалог со стейкхолдерами. Это повышает экономическую эффективность за счёт роста производительности, улучшения управления рисками и укрепления репутации, влияющего на капитализацию[10]. В результате социальная ответственность и устойчивое развитие становятся не внешним ограничением, а внутренним ресурсом развития.

Одновременно сохраняются проблемы – от пробелов в нормативной базе до дефицита компетенций – способные снижать результативность социальных механизмов. Их преодоление требует совместных усилий государства, бизнеса и общества: совершенствования законодательства, внедрения стимулов для ответственных компаний, стандартизации раскрытия информации для повышения прозрачности и подконтрольности. На корпоративном уровне важно усиливать ориентацию на человека: интегрировать социальные KPI и развивать культуру ответственности. Существенную роль играют образование и наука, готовящие управленцев, способных решать сложные социально-экономические задачи.

Отдельного внимания требует открытый диалог с обществом: игнорирование социальных ожиданий приводит к конфликтам и потерям. «Социальная лицензия на оперирование» становится сопоставимой по значимости с формальными разрешениями: добыча нефти и газа требует доверия людей. Оно достигается прозрачностью, участием стейкхолдеров в обсуждении проектов, честностью и готовностью исправлять ошибки – в логике партнёрства бизнеса, государства и общества, лежащего в основе устойчивого развития

Заключение

Социальное управление и механизмы его регулирования в нефтегазовой отрасли – динамичная сфера, отражающая изменение отношений бизнеса и общества. На фоне новых вызовов (энергетический переход, цифровая трансформация труда, геополитические изменения) способность компаний эффективно управлять социальными процессами будет

во многом определять их конкурентоспособность. Социальная ответственность перестала быть лишь этической нормой и стала практическим инструментом устойчивости. Для сохранения лидерских позиций нефтегазовым компаниям необходимо укреплять систему социального управления, делая её частью корпоративной стратегии, чтобы обеспечивать баланс интересов производства, человека и окружающей среды как конечную цель устойчивого развития.

Литература

1. Шепелев П.В. Сущность и содержание социального управления в современных организациях // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 12. – URL: <https://scip.org/14938529> (дата обращения: 05.01.2026)
2. Пестова Г.А. Социология управления: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 103 с. URL: <https://scip.org/sushnost-i-soderzhanie-socialnogo-upravlenija-v-sovremennyh-organizacijah-14938529>
3. Пригожин А.И. Социология организаций. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 255 с. URL: <https://scip.org/sushnost-i-soderzhanie-socialnogo-upravlenija-v-sovremennyh-organizacijah-14938529>
4. Анохин А.А., Гайсина Л.М. Анализ аспектов социального управления на предприятиях нефтегазовой отрасли // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2025. – № 2. – С. 52–62 URL: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2025/10/anokhin_gaisina-52-62.pdf
5. Дмитриева В.А. Анализ корпоративной социальной ответственности российских нефтегазовых компаний на примере ПАО «Газпром нефть» // Молодой ученый. – 2020. – № 26(316). – С. 99–101 URL: <https://moluch.ru/archive/316/72145>
6. Силантьева Д.А. Специфика правового регулирования социального обеспечения работников нефтегазовых компаний // E-Scio. – 2022. – № ? – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovogo-regulirovaniya-sotsialnogo-obespecheniya-rabotnikov-neftegazovyh-kompanij> (дата обращения: 05.01.2026) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovogo-regulirovaniya-sotsialnogo-obespecheniya-rabotnikov-neftegazovyh-kompanij>
7. Analytical Center under the Government of RF. Важность социального фактора нефтегазовых компаний не снижается и в условиях спада нефтяных цен (аналитический обзор). – Москва: АЦ при Правительстве РФ, 2016 URL: <https://ac.gov.ru/news/page/vaznost-socialnogo-faktora-neftegazovyh-kompanij-ne-snižaetsa-i-v-usloviah-spada-neftnyh-цен-7051>
8. ГОСТ Р ИСО 26000–2012. Руководство по социальной ответственности (национальный стандарт Российской Федерации). – Введен 01.11.2012. – М.: Стандартинформ, 2013 URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293782/4293782267.pdf>
9. Российский союз промышленников и предпринимателей. Социальная хартия российского бизнеса (ред. 2008 г.) – (дата обращения: 05.01.2026) URL: <https://rspp.ru/12/6273.pdf>
10. Костин К.Б., Городилов К.А. Роль концепции устойчивого развития в формировании финансовой стабильности нефтегазового сектора // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 9. – С. 6469–6494 URL: <https://economics.ru/lib/123786>

SOCIAL MANAGEMENT AND MECHANISMS OF SOCIAL REGULATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL RESPONSIBILITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

Ismail Wissam Wasim

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article prepares a comprehensive analysis of the essence of social management under industrial sector conditions (using the oil and gas industry as an example), as well as the mechanisms of social regulation that ensure corporate social responsibility. The influence of sustainable development policy on social management practices in the oil and gas sector is examined. The study summarizes scientific approaches and industry reports describing social management and CSR in oil and gas, highlighting global and national initiatives that shape corporate behavior. A number of pressing issues related to implementing social responsibility principles are identified, and solutions are proposed – ranging from improving legal regulation to integrating sustainable development principles into corporate strategies. The findings can be applied in forming social programs of oil and gas companies and developing recommendations to enhance the effectiveness of social policy in industry.

Keywords: social management; oil and gas industry; social regulation mechanisms; corporate social responsibility; sustainable development; social policy; social partnership.

References

1. Shepelev, P.V. The Essence and Content of Social Management in Modern Organizations // Theory and Practice of Social Development. 2016. No. 12. Available at: <https://scip.org/14938529> (accessed: 05 Jan 2026).

2. Pestova, G.A. *Sociology of Management: Study Guide*. Moscow: INFRA-M, 2011. 103 p. Available at: <https://sciup.org/sushhnost-i-soderzhanie-socialnogo-upravlenija-v-sovremennyh-organizacijah-14938529>
3. Prigozhin, A.I. *Sociology of Organizations*. Moscow: Alpina Publisher, 2015. 255 p. Available at: <https://sciup.org/sushhnost-i-soderzhanie-socialnogo-upravlenija-v-sovremennyh-organizacijah-14938529>
4. Anokhin, A.A.; Gaisina, L.M. Analysis of Aspects of Social Management at Oil and Gas Industry Enterprises // *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*. 2025. No. 2. Pp. 52–62. Available at: <https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2025/10/anokhin-gaisina-52-62.pdf>
5. Dmitrieva, V.A. Analysis of Corporate Social Responsibility of Russian Oil and Gas Companies on the Example of PJSC "Gazprom Neft" // *Young Scientist*. 2020. No. 26(316). Pp. 99–101. Available at: <https://moluch.ru/archive/316/72145>
6. Silantjeva, D.A. Specifics of Legal Regulation of Social Security for Employees of Oil and Gas Companies // *E-Scio*. 2022. No.?. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovogo-regulirovaniya-sotsialnogo-obespecheniya-rabotnikov-neftegazovyh-kompanij> (accessed: 05 Jan 2026).
7. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. *The Importance of the Social Factor of Oil and Gas Companies Does Not Decrease Even Amid an Oil Price Downturn (Analytical Review)*. Moscow: Analytical Center under the Government of the Russian Federation, 2016. Available at: <https://ac.gov.ru/news/page/vaznost-socialnogo-faktora-neftegazovyh-kompanij-ne-snizaetsa-i-v-usloviah-spada-neftnyh-cen-7051>
8. GOST R ISO 26000–2012. *Guidance on Social Responsibility (National Standard of the Russian Federation)*. Effective from 01 Nov 2012. Moscow: Standartinform, 2013. Available at: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293782/4293782267.pdf>
9. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP). *Social Charter of Russian Business (2008 edition)*. Available at: <https://rspp.ru/12/6273.pdf> (accessed: 05 Jan 2026).
10. Kostin, K.B.; Gorodilov, K.A. The Role of the Sustainable Development Concept in Shaping the Financial Stability of the Oil and Gas Sector // *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2025. Vol. 15, No. 9. Pp. 6469–6494. Available at: <https://1economic.ru/lib/123786>

Социальные архитектуры как объект социологического анализа и управления: генезис, фрагментация подходов и необходимость целостной теории

Калмыков Николай Николаевич,

кандидат социологических наук, независимый исследователь
E-mail: kalmukov@kalmukovnn.ru

В статье представлена теоретико-методологическая и историографическая разработка концепта социальных архитектур как самостоятельного аналитического объекта социологии управления. На основе анализа отечественных и зарубежных исследовательских линий показано, что широкое использование архитектурной лексики в социальных науках сопровождается фрагментацией понятий, уровней анализа и методологических языков. Обоснована необходимость интегративной социально-архитектурной рамки, ориентированной на анализ проектируемых конфигураций многомерной социальной среды (институциональной, пространственной, нормативно-семиотической и цифровой), формирующей поведенческие паттерны и траектории через распределение возможностей и ограничений. Сформулировано теоретическое ядро подхода, задан набор критериев демаркации и предложена исследовательская программа, обеспечивающая сопоставимость и диагностируемость социальных сред в различных управленческих контекстах.

Ключевые слова: социальные архитектуры; социология управления; социальная среда; институциональный дизайн; архитектура выбора; публичное управление; цифровые платформы; алгоритмическое управление.

Введение

В международных социальных науках усилились дискуссии о фрагментации управленческих и институциональных порядков, росте институциональной сложности и смещении механизмов власти от прямого регулирования к проектированию сред и контекстов действия. Эмпирически повестка поддерживается распространением цифровых платформ и алгоритмических инструментов управления: по оценкам Всемирного банка, численность онлайн-работников в гиг-экономике составляет 154–435 млн человек, а спрос на онлайн-работу вырос на 41% в 2016–I кв. 2023 гг.; МОТ фиксирует как минимум 777 активных цифровых трудовых платформ; исследования ОЭСР (опрос более 6 тыс. менеджеров в 2024 г.) показывают широкое внедрение алгоритмического управления в организациях [14; 15; 16]. При этом в рецензируемой литературе отсутствует единый теоретический объект, позволяющий связать данные линии в сопоставимую рамку.

Именно в этот контекст вписывается предлагаемая в статье проблематизация социальных архитектур. Работа ориентирована не на синтез существующих подходов, а на формирование самостоятельной аналитической категории, способной переупорядочить поле исследований, в котором архитектурная лексика используется фрагментарно и без общей методологической опоры.

Архитектурная перспектива важна тем, что позволяет анализировать управление как работу с конфигурацией условий: какие действия становятся проще или сложнее, какие траектории поддерживаются инфраструктурой, а какие «отсекаются» комбинацией правил, норм, пространственных барьеров и цифровых интерфейсов. В условиях платформизации и роста алгоритмического контроля такая конфигурация всё чаще задаётся не единым центром, а совокупностью акторов и технологий, что усиливает фрагментацию и делает необходимой диагностику согласованности слов среды.

Цель статьи – реконструировать генезис представлений об «архитектуре социального», выявить причины фрагментации подходов и обосновать необходимость целостной теории социальных архитектур, ориентированной на управление и диагностику многомерной социальной среды.

Задачи: (1) обозначить ключевые теоретические предтечи архитектурных подходов; (2) картировать основные дисциплинарные линии исследований; (3) выявить причины терминологической и методологической разобщённости; (4) демаркировать социально-архитектурный подход и зафиксировать исследовательскую программу.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено как историографический обзор и сравнительно-концептуальный анализ русскоязычных и зарубежных публикаций (Scopus, Web of Science, eLIBRARY). Для сопоставления подходов использовались критерии: объект исследования; тип причинности (структуры/институты/среда); уровень системности; операционализация и диагностический инструментарий; управленческая применимость.

Единицей сопоставления выступала не отдельная «мера» или «инструмент», а целостная конфигурация среды, описываемая через (а) набор слов, (б) причинную связку с поведенческими паттернами и (в) управленческую операцию редизайна. Это позволило отделить подходы, где «архитектура» используется как метафора, от подходов, допускающих диагностику (измерение) и сравнительный анализ архитектурных эффектов.

Результаты и обсуждение

Методологически работа опирается на концептуально-аналитическую стратегию: историографический анализ, сравнительное теоретическое построение и демаркацию аналитического объекта. Примеры в тексте носят иллюстративный характер и служат прояснению механизмов «среда → поведение → траектории», без претензии на эмпирическое доказательство.

Исследовательская логика сочетает три операции: (а) реконструкцию генезиса «архитектурного» языка в социальных науках; (б) сопоставление линий по единому набору критериев (объект, причинность, уровень, операционализация, управленческая применимость); (в) де-

маркацию социально-архитектурного объекта как многомерной среды. Такой дизайн позволяет избежать подмены теории перечнем метафор и удерживать связь между понятием, измеримостью и возможностями управленческого редизайна.

Апробация и исследовательская позиция автора (встроенное исследование)

Подход развивался во взаимодействии с проектируемыми организационными и социально-цифровыми средами: сочетание исследовательской и проектной позиции позволяет рассматривать такие среды как пространства наблюдения и проверки архитектурных эффектов (правила, интерфейсы, механизмы видимости и обратной связи).

Встроенная позиция особенно продуктивна при анализе цифровых инфраструктур: изменения в правилах доступа, интерфейсах, метриках и алгоритмах видимости быстро проявляются в изменении стратегий участия и распределении возможностей. В этом смысле социальные архитектуры можно рассматривать как «проектируемые причинные контуры», где управленческий эффект достигается не прямым предписанием, а настройкой среды и её слоёв.

Генезис представлений об «архитектуре социального»

Траектория авторской исследовательской программы как часть генезиса

Предшествующая линия автора в социологии управления (2012–2017) рассматривала корпоративную культуру как средовой регулятор поведения и профессиональных траекторий в государственной службе [1; 2; 3]. Переход к социальным архитектурам является расширением объекта: от локальных организационных сред к многомерным социальным средам, включающим институциональные, пространственные, нормативно-семиотические и цифровые компоненты.

Теоретическими предтечами архитектурных подходов выступают структурализм и институциональный анализ, описывающие социальный порядок через устойчивые структуры отношений и правила координации. Их объяснительная мощность высока, но они хуже схватывают ситуацию, когда управление осуществляется через целенаправленное проектирование среды: перенастройку правил и аренд взаимодействия, перераспределение ролей и ресурсов, а также цифровые контуры контроля и обратной связи [9; 10]. Социально-архитектурная перспектива сохраняет вклад этих традиций, но смещает фокус на диагностику и редизайн многомерной среды как целостной конфигурации условий.

Географическая и дисциплинарная карта подходов

Международные линии исследований и мировой контекст

Мировая литература развивает несколько устойчивых, но слабо интегрированных линий: институциональная/организационная архитектура (правила, роли, координация), архитектуры управления и политик (дизайн институтов и режимов принятия решений), архитектура выбора (микроинтервенции), а также исследования цифровых платформ и алгоритмического управления как дизайна инфраструктур контроля и распределения возможностей [8; 9; 10; 11; 12; 13]. Общая проблема – несопоставимость объектов и уровней анализа и дефицит операционализации, что препятствует кумулятивному развитию исследований.

Линия исследований архитектур управления и политик фокусируется на том, как устроены режимы координации и распределение полномочий, и как их фрагментация влияет на результативность регулирования. Для социально-архитектурного подхода важен перенос этого языка с уровня «архитектуры политик» на уровень среды в целом: институциональные решения рассматриваются как один из слоёв, который может входить в дисбаланс с культурно-нормативными и цифровыми слоями [9].

В поведенческих исследованиях «архитектура выбора» трактует управление как настройку контуров принятия решений и мягкие интервенции, изменяющие вероятности выбора без запретов и санкций. В социально-архитектурной рамке этот инструмент понимается как частный случай более общей «архитектуры возможностей»: микроинтервенции устойчиво работают только тогда, когда согласованы с институциональными правилами, ценностно-нормативными ожиданиями и цифровыми интерфейсами [8].

Наконец, исследования платформенного и алгоритмического управления описывают, как метрики, интерфейсы, правила модерации и алгоритмы ранжирования формируют повседневные практики, распределяют видимость и доступ к ресурсам, а также создают новые режимы контроля труда и участия. Эти работы демонстрируют, что

цифровой слой следует рассматривать как самостоятельный компонент социальной архитектуры, который взаимодействует с институтами и нормативными порядками и способен порождать конфликтные эффекты в организациях и на платформах [11–13; 16].

Причины несходности подходов включают: различие исследовательских объектов (институты, пространство, выбор, цифровые инфраструктуры), разные уровни анализа (микро/мезо/макро), отсутствие единых требований к операционализации и дисциплинарную замкнутость. Это обосновывает необходимость интегративной теории социальных архитектур, ориентированной на анализ и проектирование многомерной социальной среды и сопоставление управленческих контекстов [9; 10; 11; 12; 13].

Зачастую фиксируют объектные ограничения ключевых международных линий. Социально-архитектурная рамка использует их как «частичные оптики», переводя результаты в общий язык слоёв среды и проверяя согласованность между институциональными, нормативно-семиотическими и цифровыми контурами. Именно на стыках слоёв чаще всего возникают дисбалансы, проявляющиеся в непредвиденных поведенческих эффектах и управленческих сбоях.

Терминологическое поле и причины фрагментации

Термин «социальная архитектура / social architecture» закреплялся в разных дисциплинарных контекстах и часто функционировал как метафора, что привело к полисемии и разрыву между описательными употреблениями и управленческой диагностикой. Для социологии управления принципиально важно демаркировать объект как проектируемую и измеримую конфигурацию условий возможностей и ограничений, а не как ярлык практики или синоним социальной сферы в узком смысле.

Отсюда возникает двойная задача: с одной стороны, отделить «архитектурную» метафору от аналитического объекта; с другой – задать минимальный стандарт операционализации (набор индикаторов и процедур сопоставления), без которого понятие распадается на несвязанные употребления и теряет диагностическую ценность. В управленческом контексте это особенно критично, поскольку решения о редизайне среды должны опираться на измеримые параметры, а не только на описательные формулы.

Публично-экспертная институционализация термина и концептуальная деградация объекта

В публично-экспертной среде термин часто институционализируется быстрее, чем формируется научный стандарт. Типовые смещения: редукция к «соцпроектам/соцсфере», уровневое сужение до локальных инициатив и потеря операциональности (использование как легитимирующего ярлыка без требований к диагностике и сопоставимости). Социально-архитектурная рамка корректирует эти смещения через фиксацию многомерного объекта и требований к измеримости и редизайну среды.

Таблица 1 демонстрирует, что научная демаркация должна одновременно удерживать объект (многомерную среду), уровень анализа (микро–мезо–макро) и требование операциональности. Если эти условия не соблюдены, «социальная архитектура» превращается в описание отдельных мероприятий, коммуникаций или имиджевых практик и перестает объяснять, почему одни конфигурации среды производят устойчивые траектории, а другие – нет. В управлении это ведёт к ошибкам постановки проблемы: редизайн предпринимается на неверном слое (например, интерфейс меняется без изменения правил или норм), что усиливает дисбалансы и снижает результативность вмешательства.

Таблица 1. Типовые публичные редукции и научная демаркация социально-архитектурного подхода

Типовая редукция в публичной повестке	Что теряется	Как корректируется рамкой А1–А7
«Социальная архитектура = соцпроекты/соцсфера»	Объект как многомерная среда	А1, А4
«Социальный архитектор = локальный организатор»	Уровни анализа и причинность	А2, А6
«Архитектура = коммуникация/имидж»	Операциональность и диагностика	А5
«Архитектура = набор мер»	Редизайн возможностей/ограничений	А3
«Цифра = канал, а не слой среды»	Цифровой слой архитектуры	А7

Российская исследовательская линия: культура, кадры и нормативные регуляторы

В российской социологии управления близкая проблематика развивалась в исследованиях организационной/корпоративной культуры, кадровой политики и нормативных регуляторов поведения, где управление трактуется как проектирование условий воспроизводства профессиональных норм, идентичностей и коммуникационных практик [4; 5; 6; 7].

Данные линии позволяют рассматривать социальные архитектуры как следующий этап теоретического развития представлений о среде, нормах и институтах в управлении, но требуют единого объекта анализа и стандарта операционализации.

Важный ресурс этой традиции – внимание к культуре и нормам как к «мягким» регуляторам, работающим через ожидания, идентичности и коммуникации, а не только через формальные процедуры. Однако без интеграции с анализом институционального дизайна и цифровых инфраструктур такие исследования часто остаются привязанными к локальным организациям и трудно сопоставимы между различными контекстами. Социально-архитектурная рамка предлагает общий язык для такого сопоставления, связывая культурно-нормативный слой с институциональными и цифровыми контурами [1–3; 4–7].

Отдельного внимания требует цифровая составляющая современных управленческих сред. Даже в «традиционных» организациях цифровые системы оценки, планирования и контроля постепенно задают стандарты видимости результатов и режимы ответственности. Исследования алгоритмического управления показывают, что такие инструменты могут быть как источником эффективности, так и зоной конфликтности – в зависимости от того, насколько их метрики и процедуры согласованы с институциональными правилами и нормами справедливости [11; 16].

Демаркация целостного подхода к социальным архитектурам

Теоретическое ядро социально-архитектурного подхода

Социально-архитектурный подход фиксирует социальные архитектуры как самостоятельный объект анализа и сопоставления: проектируемые конфигурации многомерной социальной среды, формирующие поведение и траектории через распределение возможностей и ограничений.

(A1) Под социальными архитектурами в настоящей работе понимаются конфигурации многомерной социальной среды, а не совокупность отдельных структур, институтов или пространственных решений.

(A2) Базовая причинность социально-архитектурного анализа формулируется как «среда → поведенческие паттерны → социальные и профессиональные траектории».

(A3) Управление в социально-архитектурной перспективе трактуется как редизайн распределения возможностей и ограничений, а не исключительно как применение норм, санкций или стимулов.

(A4) Социальные архитектуры обладают эмерджентными свойствами (когерентность, фрагментация, дисбаланс), возникающими в результате синергии институционального, пространственного, нормативно-семиотического и цифрового слоёв.

(A5) Теоретическая состоятельность социально-архитектурного подхода предполагает обязательную операционализацию объекта: диагностика и измеримость выступают не приложением, а частью определения архитектуры.

(A6) Социальные архитектуры являются многоуровневыми (микро–мезо–макро) и допускают сопоставление между различными организационными, территориальными и национальными контекстами.

(A7) Цифровые инфраструктуры (платформы, алгоритмы, интерфейсы, метрики) рассматриваются как самостоятельный слой социальной архитектуры, структурирующий повседневные практики и управленческие решения.

С учётом этого ядра социально-архитектурный подход позволяет «собрать» разрозненные направления: архитектуры управления и фрагментацию режимов регулирования – как институциональный слой; архитектуру выбора – как микроуровневую конфигурацию возможностей; алгоритмическое и платформенное управление – как цифровой слой; а исследования культуры и норм – как нормативно-семиотический слой, обеспечивающий легитимацию и устойчивость практик [8; 9; 11–13; 16].

Критериями диагностируемости социальной архитектуры выступают: (1) описанность слоёв и их связей; (2) наличие индикаторов и процедур измерения; (3) выявляемость архитектурных дисбалансов (несогласованности слоёв); (4) возможность проектного вмешательства и оценки эффекта редизайна во времени.

В качестве примеров индикаторов могут использоваться: для институционального слоя – плотность правил и степень их согласованности; для нормативно-семиотического – распределение ожиданий и доверия, доминирующие «режимы оправдания» решений; для пространственного – доступность и барьеры (в т.ч. временные и организационные); для цифрового – логика метрик, параметры ранжирования и прозрачность алгоритмических процедур. Даже минимальный набор таких индикаторов повышает сопоставимость кейсов и позволяет отслеживать эффект редизайна во времени.

Тип теоретического вклада и уровень обобщения

Предлагаемый подход задаёт интегративную теорию среды (уровня «средней и высокой» общности), которая связывает институциональные, пространственные, нормативно-семиотические и цифровые компоненты в единый диагностируемый объект и тем самым сокращает разрыв между теорией и управленческой практикой.

Иллюстративные примеры (демонстрация механизма без кейс-анализа)

Ниже приведены два кратких примера, иллюстрирующих механизм социально-архитектурного анализа.

Пример 1. Государственная служба. Конфигурация регламентов, культуры, каналов развития и цифровых кадровых инструментов задаёт «архитектуру возможностей», влияющую на карьерные траектории и инновационную активность; несогласованные изменения отдельных слоёв могут порождать архитектурные дисбалансы.

Пример 2. Платформенная среда. Дизайн интерфейсов, правил и алгоритмов ранжирования/контроля распределяет видимость и доступ к возможностям, формируя устойчивые паттерны участия и труда [12; 13].

В диагностике подобные примеры переводятся в набор вопросов: какие действия среда поощряет и какие затрудняет; где расположены ключевые «ворота доступа» (правила, интерфейсы, решения модерации); какие метрики определяют распределение возможностей; какие слои выступают источником легитимации и где возникают разрывы доверия. Ответы на эти вопросы могут быть операционализированы в индикаторы и использованы для мониторинга эффекта редизайна.

Авторский вклад и научная новизна

Апробация подхода в проектировании организационных и цифровых сред позволила уточнить кросс-уровневую логику (микро–мезо–макро) и выделить диагностически значимые параметры слоёв среды (институты, нормы/смыслы, пространство, цифровые инфраструктуры).

Авторский вклад заключается в систематизации разрозненных «архитектурных» линий и формулировании социальных архитектур как целостного, управляемого и измеримого объекта социологического анализа.

Научная новизна состоит в интеграции определения объекта с требованием операционализации: диагностика (индикаторы, шкалы и процедуры сопоставления) рассматривается как часть теории, обеспечивая воспроизводимость результатов и управленческую применимость.

Тем самым подход создаёт основу для кумулятивных исследований и протоколов редизайна среды, а не только описания структур и институтов.

Практический результат формулируется как «чек-лист» анализа и редизайна: описать слои среды; собрать минимальные показатели по каждому слою; зафиксировать целевые траектории и нежелательные эффекты; выявить дисбалансы между слоями; спроектировать вмешательство на наиболее «влияющем» слое и заранее оценить побочные эффекты (в т.ч. этические и легитимационные). Такой протокол делает работу с архитектурами воспроизводимой и сопоставимой между проектами.

Исследовательская программа социально-архитектурного подхода

Исследовательская программа ориентирована на накопление сопоставимых результатов и включает: (1) типологизацию архитектур; (2) минимальный набор индикаторов по слоям; (3) кросс-уровневое сопоставление; (4) анализ архитектурных дисбалансов и эффектов; (5) разработку протоколов редизайна и оценку управленческих последствий [9; 10; 11; 12; 13].

1) Типологизация социальных архитектур в разных институциональных и культурных контекстах (организации, территории, платформы), с фиксацией уровня анализа и доменных ограничений.

2) Минимальный набор индикаторов по слоям: институциональному (правила, роли, арены), пространственному (доступность, барьеры, маршруты), нормативно-семиотическому (ценности, ожидания, режи-

мы легитимации), цифровому (интерфейсы, метрики, алгоритмы, модерация).

3) Кросс-уровневое сопоставление (микро–мезо–макро) и анализ того, как решения верхних уровней задают «рамки возможностей» для локальных практик.

4) Диагностика архитектурных дисбалансов и их последствий: смещение стимулов, рост конфликтности, снижение доверия и результативности управленческих решений.

5) Протоколы редизайна: постановка цели, выбор слоя воздействия, пилотирование, мониторинг индикаторов и оценка побочных эффектов.

Отдельный блок программы связан с нормативными и этическими границами архитектурирования. Проектирование среды неизбежно затрагивает вопросы справедливости распределения возможностей, прозрачности правил и алгоритмов, а также ответственности за побочные эффекты (например, усиление неравенств или дискриминационные результаты ранжирования). Поэтому при редизайне целесообразно фиксировать: какие группы выигрывают и проигрывают; какие механизмы апелляции и обратной связи доступны участникам; какие элементы цифрового слоя поддаются аудиту (метрики, параметры ранжирования, критерии модерации); и как обеспечивается согласованность формальных требований с нормативными ожиданиями и культурными кодами. Включение этих процедур в диагностику позволяет не только повышать эффективность управленческих решений, но и укреплять легитимность вмешательств в среду.

Выводы

Историографический и сравнительно-концептуальный анализ показывает, что широкое использование архитектурной лексики в социальных науках не привело к целостной теории социальных архитектур из-за полисемии термина, дисциплинарной разобщенности, различий уровней анализа и дефицита операционализации.

В статье демаркирована социально-архитектурная рамка как теория проектируемой многомерной социальной среды, формирующей поведенческие паттерны и траектории через распределение возможностей и ограничений; задано теоретическое ядро и исследовательская программа для диагностики и управленческого редизайна.

Ограничения работы связаны с теоретико-историографическим жанром: статья задаёт объект, критерии и программу, но не подменяет их эмпирической валидацией. Дальнейшие исследования предполагают разработку шкал и протоколов измерения по слоям, а также накопление сопоставимых кейсов редизайна среды в организациях, территориях и цифровых платформах.

В более широком смысле теория социальных архитектур может служить мостом между социологией управления и исследованиями цифрового общества: она позволяет одновременно анализировать дизайн институтов, культурно-нормативные основания и алгоритмические инфраструктуры как компоненты одной среды. Это открывает возможность перехода от «точечных» реформ к согласованному редизайну условий, который лучше учитывает долгосрочные поведенческие траектории и риски фрагментации.

Литература

1. Калмыков Н.Н. Корпоративная культура как фактор социально-го управления в государственной гражданской службе // Перспективы науки. – 2012. – № 4 (31). – С. 25–28.
2. Калмыков Н.Н. Корпоративная культура служащих: сравнительный социологический анализ // Государственная служба. – 2015. – № 6 (98). – С. 98–101.
3. Борщевский Г.А., Калмыков Н.Н. Современные приоритеты профессионального развития государственных гражданских служащих // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 550–569.
4. Турчинов А.И. Взаимовлияние коммуникации и корпоративной культуры в организациях государственной гражданской службы // *Коммуникология*. Международный научный журнал. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 15–21.
5. Турчинов А.И. Кадровая политика и управление персоналом: проблемы теории и практики // *Коммуникология*. – 2014. – Т. 7, № 5. – С. 103–117.
6. Соколов В.М. Социология морали: теория и практика // *Социология власти*. – 2004. – № 2. – С. 5–27.
7. Захаров Н.Л., Воронцов А.В., Кузнецов А.Л., Перфильева М.Б., Прокофьева А.В., Внутских А.Ю. Методологические основания социологии управления // *Вестник Пермского университета*. Философия. Психология. Социология. – 2023. – № 2. – С. 251–267. – DOI: 10.17072/2078-7898/2023-2-251-267.

8. Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. – New Haven: Yale University Press, 2008.

9. Biermann F., Pattberg P., van Asselt H., Zelli F. The Fragmentation of Global Governance Architectures: A Framework for Analysis // *Global Environmental Politics*. – 2009. – Vol. 9, No. 4. – P. 14–40.

10. Ostrom E. Background on the Institutional Analysis and Development Framework // *Policy Studies Journal*. – 2011. – Vol. 39, No. 1. – P. 7–28.

11. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // *Academy of Management Annals*. – 2020. – Vol. 14. – P. 366–410.

12. van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. – Oxford: Oxford University Press, 2018.

13. Gillespie T. *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media*. – New Haven: Yale University Press, 2018.

14. Working Without Borders: The Promise and Peril of Online Gig Work. Overview [Электронный ресурс]. – Washington, DC: World Bank, 2023. – URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/072814bbb56aebd4db387154c3df3a5-0460012023/original/Working-Without-Borders-Online-Gig-Work-OVERVIEW.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

15. Digital platforms and the world of work in G20 countries: Status and policy action [Электронный ресурс]. – Geneva: International Labour Organization, 2021. – URL: https://g20ewgportal.org/downloads/ILO_2021_digital_platforms_and_the_world_of_work.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

16. Algorithmic management in the workplace [Электронный ресурс]. – Paris: OECD Publishing, 2025. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/02/algorithmic-management-in-the-workplace_3c84ed6d/287c13c4-en.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

SOCIAL ARCHITECTURES AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS AND MANAGEMENT: GENESIS, FRAGMENTATION OF APPROACHES, AND THE NECESSITY OF A HOLISTIC THEORY

Kalmykov N.N.

This article substantiates the concept of social architectures as an independent analytical object in the sociology of management. It shows that architectural vocabulary is widely used in the social sciences but remains conceptually fragmented across levels of analysis and methodological languages. An integrative framework is proposed to analyze designed configurations of a multidimensional social environment–institutional, spatial, normative-semiotic and digital–shaping behavioral patterns and trajectories through the distribution of opportunities and constraints. The theoretical core, demarcation criteria and a research agenda are outlined to support comparable and diagnosable studies of social environments in governance contexts.

Keywords: социальные архитектуры; социология управления; социальная среда; институциональный дизайн; архитектура выбора; публичное управление; цифровые платформы; алгоритмическое управление.

References

1. Kalmykov N.N. Corporate culture as a factor of social management in the state civil service // *Prospects of Science*. – 2012. – No. 4 (31). – Pp. 25–28.
2. Kalmykov N.N. Corporate culture of civil servants: comparative sociological analysis // *State Service*. – 2015. – No. 6 (98). – Pp. 98–101.
3. Borshchevsky G.A., Kalmykov N.N. Modern priorities of professional development of state civil servants // *The Art of Management*. – 2017. – Vol. 9, No. 4. – Pp. 550–569.
4. Turchinov A.I. Mutual influence of communication and corporate culture in organizations of state civil service // *Communicology*. *International Scientific Journal*. – 2013. – Vol. 1, No. 1. – Pp. 15–21.
5. Turchinov A.I. Personnel policy and human resource management: problems of theory and practice // *Communicology*. – 2014. – Vol. 7, No. 5. – Pp. 103–117.
6. Sokolov V.M. Sociology of morality: theory and practice // *Sociology of Power*. – 2004. – No. 2. – Pp. 5–27.
7. Zakharov N.L., Vorontsov A.V., Kuznetsov A.L., Perfilieva M.B., Prokofieva A.V., Vnutskikh A. Yu. Methodological foundations of management sociology // *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. – 2023. – No. 2. – Pp. 251–267. – DOI: 10.17072/2078-7898/2023-2-251-267.
8. Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: improving decisions about health, wealth, and happiness*. – New Haven: Yale University Press, 2008.
9. Biermann F., Pattberg P., van Asselt H., Zelli F. The fragmentation of global governance architectures: a framework for analysis // *Global Environmental Politics*. – 2009. – Vol. 9, No. 4. – Pp. 14–40.
10. Ostrom E. Background on the institutional analysis and development framework // *Policy Studies Journal*. – 2011. – Vol. 39, No. 1. – Pp. 7–28.
11. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. Algorithms at work: the new contested terrain of control // *Academy of Management Annals*. – 2020. – Vol. 14. – Pp. 366–410.
12. van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The platform society: public values in a connective world*. – Oxford: Oxford University Press, 2018.

13. Gillespie T. Custodians of the internet: platforms, content moderation, and the hidden decisions that shape social media. – New Haven: Yale University Press, 2018.

14. Working without borders: the promise and peril of online gig work. Overview [Electronic resource]. – Washington, DC: World Bank, 2023. – URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/072814bbbb56aebd4db387154c3df3a5-0460012023/original/Working-Without-Borders-Online-Gig-Work-OVERVIEW.pdf> (date of access: 30.01.2026).

15. Digital platforms and the world of work in G20 countries: status and policy action [Electronic resource]. – Geneva: International Labour Organization, 2021. – URL: <https://>

g20ewgportal.org/downloads/LO_2021_digital_platforms_and_the_world_of_work.pdf (date of access: 30.01.2026).

16. Algorithmic management in the workplace [Electronic resource]. – Paris: OECD Publishing, 2025. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/02/algorithmic-management-in-the-workplace_3c84ed6d/287c13c4-en.pdf (date of access: 30.01.2026).

Социологическая реинтерпретация императивов национальной безопасности России: от состояния к способности

Капустина Мария Геннадьевна,

кандидат социологических наук, научный сотрудник
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: a.mg90@mail.ru

Костерин Артём Андреевич,

Кандидат социологических наук, курсовой офицер-
преподаватель Военного университета имени князя
Александра Невского Министерства обороны Российской
Федерации
E-mail: Kosterin.a1917@gmail.com

В современном мире, характеризующемся нарастающей геополитической турбулентностью, гибридными конфликтами и цивилизационным размежеванием, проблематика национальной безопасности обретает качественно новое измерение. Традиционное понимание безопасности как военно-стратегического паритета или защиты территориальной целостности сегодня уже не является исчерпывающим. На передний план выходит фактор внутренней прочности социума – его способности к самоорганизации, ценностной консолидации и поддержке устойчивости перед лицом экзистенциальных вызовов. В этом контексте Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) представляет собой не просто рутинный документ стратегического планирования, а концептуальную матрицу, которая фиксирует переход от сугубо силового к комплексному социально-ориентированному пониманию безопасности. Документ переводит проблему из военно-политической плоскости в плоскость социального развития, духовного суверенитета и «сбережения народа». Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого социологического осмысления императивов, заложенных в Стратегии. Декларируемые в ней цели – укрепление гражданского самосознания, защита традиционных ценностей, обеспечение достойного качества жизни – требуют не только административного исполнения, но и тонкой настройки социальных коммуникаций, мониторинга состояния общественного договора и понимания глубинных процессов, протекающих в массовом сознании. Особую остроту этой задаче придает контекст специальной военной операции, который актуализировал вопросы социальной мобилизации, идентичности и выявил как зоны консолидации, так и скрытые уязвимости российского общества.

Ключевые слова: национальная безопасность, стратегия национальной безопасности РФ, социальная устойчивость, общественный договор, социальные группы, ценностная консолидация, идентичность, социальные императивы.

Введение

Анализ текста Стратегии показывает, что её авторы исходят из понимания общества не как статичной структуры, а как динамичной системы. Устойчивость этой системы, согласно документу, зависит от трех фундаментальных императивов. Первый императив – идентичности и солидарности. Стратегия фиксирует важнейший сдвиг: безопасность напрямую увязывается с духовным состоянием общества. В пункте 11 прямо указывается на усиление «сплоченности российского общества», укрепление «гражданского самосознания» и рост осознания необходимости защиты «традиционных духовно-нравственных ценностей». Социально-управленческая значимость здесь заключается в том, что внешняя угроза превращается в фактор внутренней мобилизации. Управленчески это означает переход от модели «человек в государстве» к модели «человек-патриот», где лояльность становится критерием социальной устойчивости, а культурный суверенитет – такой же целью защиты, как и границы. Второй императив – социальный («сбережение народа»). В самом определении Национальной безопасности (п. 5) заложена социальная задача: безопасность – это состояние, при котором обеспечиваются «реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни». «Сбережение народа России» провозглашается национальным интересом. Демография, здравоохранение, борьба с бедностью (п. 14) перестают быть просто «социальной сферой» и становятся операторами безопасности. «Упущения» в этой области автоматически превращаются в угрозу Национальной безопасности, обесценивая военные и политические успехи. Третий императив – суверенизации (технологический и экономический). Стратегия постулирует «неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость Национальной безопасности и социально-экономического развития страны» (п. 3). Управленчески это означает, что критерием успеха экономической политики является не просто рост ВВП, а снижение уязвимости. Пункт 13 прямо указывает на способность противостоять санкциям как на доказательство состоятельности курса, что в текущих условиях актуализирует мобилизационный потенциал экономики и возможность технологического рывка.

Однако для социологического анализа статическая трактовка Национальной безопасности как «состояния защищенности» (закрепленная в легальном определении) является недостаточной. В научной литературе синтезированы три основных подхода: статический (состояние защищенности), динамический (деятельность по минимизации угроз) и социологический (безопасность как уровень развития общества). Более валидным представляется акцент на динамической характеристике – «способности» общества и государства обеспечивать это состояние вопреки вызовам. Анализ эволюции концепта в редакциях Стратегии (2009, 2015, 2021 гг.) подтверждает, что понимание безопасности становится все более комплексным, адаптируясь к меняющимся реалиям и вбирая в себя новые аспекты – от информационной безопасности до защиты традиционных ценностей [8]. Именно категория «способность» позволяет операционализировать эти изменения и оценивать готовность государства и общества к перманентной трансформации угроз.

Для понимания того, как императивы Стратегии реализуются в социальной реальности, необходимо обратиться к концептуальному аппарату современной российской социологии, представленному несколькими научными школами и направлениями.

Институт социологии РАН является флагманом в исследовании социальных аспектов Национальной безопасности. Здесь сформировался комплексный подход, рассматривающий безопасность не только как состояние защищенности, но и как функцию социального развития и консолидации общества. М.К. Горшков стоял у истоков системных социологических исследований безопасности, и под его руководством был реализован масштабный проект «Национальная безопасность России в оценках экспертов» [3]. Ключевая особенность этого исследования – фокус на представлениях политической и интеллектуальной элиты об угрозах. М.К. Горшковым и его коллегами была разработана типологизация угроз и выявлена степень рассогласованности элитных представлений, что позволяет оценить потенциал консолидации общества перед лицом внешних вызовов. Применительно к анализу

Стратегии это означает, что декларируемая сплоченность должна быть эмпирически верифицирована через изучение того, насколько единообразно элиты воспринимают спектр угроз и цели развития.

Е. М. Мчедлова развивает ценностное направление. В статье «Консолидация общественных сил – залог национальной безопасности» она обосновывает взаимосвязь социокультурной ситуации и политической реальности [7]. Она вводит в дискурс безопасности категорию «принципа солидарности», понимаемого как духовное единение и взаимопомощь, основанные на взаимном доверии, признании прав, обязанностей и ответственности. Особое внимание она уделяет роли традиционных конфессий как «хранителей традиционных ценностей» (моральных идеалов, приоритета духовного над материальным, крепкой семьи), показывая, что ценностные аспекты выступают культурной основой концепции национального суверенитета. В контексте Стратегии подход Е. М. Мчедловой позволяет увидеть, что императив идентичности опирается не только на формальные политические лозунги, но и на глубинные ценностные структуры, поддерживаемые в том числе религиозными институтами [7].

Ж. Т. Тощенко в своих работах, кульминацией которых стала монография «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации», предлагает рассматривать отношения государства и общества как латентный процесс, сущность которого составляет «единство целей участников, ориентированных на взаимное доверие, баланс интересов и постоянное использование обратной связи». Применяя эту оптику к анализу военных испытаний, Ж. Т. Тощенко показывает, что даже в экстремальных условиях войны решающим фактором становится состояние согласия народа и власти. В недавнем интервью, анализируя опыт Великой Отечественной войны, он подчеркивает: «совместными усилиями, большой и целенаправленной многоплановой работой было создано невиданной крепости согласие народа и Советской власти, утверждена атмосфера взаимодействия, взаимного учёта интересов, удивительная устойчивость нового общества. Именно эта устойчивость, воистину оказавшаяся несокрушимой, во многом и обеспечила Великую Победу» [11]. Социально-управленческая значимость подхода Ж. Т. Тощенко заключается в диагностике «ноуменальной» природы договора – его нельзя зафиксировать юридически, но его разрыв (утрата доверия, игнорирование обратной связи) ведет к краху даже самой выверенной стратегии.

Другим важным направлением является работа Т. З. Адамьянц, которая, развивая традиции семиосоциопсихологии Т. М. Дридзе, предлагает инструмент для эмпирической фиксации состояния общественного договора через изучение социоментальных процессов. Ее концепция социоментальных групп дифференцирует общество не по доходам или статусу, а по качеству понимания смысловых доминант коммуникативных актов [1]. В контексте анализа Стратегии это критически важно, так как императивы, заложенные в документе, должны быть адекватно восприняты народом. Т. З. Адамьянц показывает, что общество расколото на группы с адекватным, частично адекватным и неадекватным пониманием смыслов, что позволяет сделать социально-управленческий вывод: устойчивость Национальной безопасности напрямую зависит от «социоментального развития» – способности общества к диалогу и единообразному пониманию целей развития. Дихотомии в коммуникации ведут к энтропии и рассогласованию социального действия, что является скрытой угрозой, не фиксируемой обычной статистикой, но хорошо улавливаемой методологией Т. З. Адамьянц [1].

Еще одним необходимым направлением в изучении императивов Национальной безопасности России являются труды В. А. Корниловича, который разработал оригинальный подход к анализу Национальной безопасности через призму социологии государственного стратегического управления. Его диссертация «Государственное стратегическое управление: социологический подход» представляет собой фундаментальное исследование институциональных механизмов [5]. Ключевые идеи В. А. Корниловича, значимые для анализа Стратегии, можно определить следующим образом: а) социальные детерминанты: эффективность стратегий безопасности зависит не только от формальных институтов, но и от внутренних связей, «памяти о прошлых состояниях» и жизненных стратегий индивидов [6]; б) дифференциация управления: различия регионов по уровню модернизированности требуют дифференцированного подхода к управлению – от менеджмента до нормативно-ценностного регулирования; в) критика заимствований: техническое заимствование западных методов стратегического планирования без учета социокультурной среды не обеспечивает функциональной значимости управления. В условиях, когда доверие к элитам становится критическим фактором (по Ж. Т. Тощенко), вопрос о компетентности и моральном облике тех, кто реализует стратегию, выходит

на первый план, и работы В. А. Корниловича позволяют эмпирически фиксировать состояние профессиональной культуры управленцев.

В рамках изучения социологических императивов Национальной безопасности России стоит отметить еще одно направление. С. Н. Першуткин развивает междисциплинарный подход и в ряде работ обосновывает необходимость рассмотрения безопасности именно как комплексного феномена, требующего синтеза знаний из области политологии, социологии, военной науки и теории управления. С. Н. Першуткин формулирует предложения по созданию интегральных образовательных курсов для двух целевых групп: армейских социологов-аналитиков (способных оценивать морально-политическое состояние личного состава) и управленческих кадров сферы безопасности (долженствующих понимать социальную природу угроз). Его идея заключается в том, что качество «человеческого капитала» в самой системе управления безопасностью является критическим фактором устойчивости – императивы Стратегии могут быть реализованы только в том случае, если на всех уровнях управленческой вертикали находятся специалисты, способные мыслить междисциплинарно.

Саратовская социологическая школа представлена работами М. Е. Анциферова, который исследует связь политической идентичности и Национальной безопасности. В статье «Основные научные трактовки взаимосвязей общегражданской идентичности молодежи и Национальной безопасности» он констатирует, что данная проблематика не выделена в самостоятельное направление, хотя является крайне важной, особенно в контексте СВО, обозначившей проблемы с политическим позиционированием отдельных групп молодежи [2]. Он предлагает рассматривать социальные идентичности молодежи как критерий эффективности государственной политики: с одной стороны, они формируются под воздействием политики, с другой – сами становятся новым вызовом для государства [4]. Он применяет методологию «вызова-и-ответа» А. Тойнби к анализу молодежной политики, что позволяет оценивать рискованность политических процессов. Отсутствие единого критерия для оценки «вызовов» Национальной безопасности он предлагает восполнить через анализ формирующихся социальных идентичностей, которые одновременно являются и индикаторами состоятельности политики, и новым вызовом ей [4].

В рамках этого же направления работают исследователи, разрабатывающие отдельные аспекты. Например, И. Н. Воротынцева изучает конструирование гражданской идентичности как инструмент обеспечения безопасности на Северном Кавказе [9]; М. С. Топчиев вводит понятие «социетальной безопасности», анализируя геополитический потенциал идентичности [10]; А. Н. Худолев рассматривает формирование новых национальных идентичностей (включая виртуальные «микронации») как угрозу Национальной безопасности России [13]; С. А. Храпов исследует национальную идентичность в контексте безопасности Каспийского макрорегиона [14].

Синтез выделенных теоретических подходов позволяет сформулировать критерии устойчивости Национальной безопасности России, вытекающие из Стратегии, но верифицируемые через концептуальный аппарат представленных научных школ. Первый критерий – уровень консолидации элит и общества. Практика СВО стала катализатором этой консолидации, однако, как показывает подход М. К. Горшкова, требуется постоянный мониторинг рассогласованности элитных представлений [3]. Ценностная же консолидация, по Е. М. Мчедловой, опирается на принцип солидарности и поддержку традиционных институтов, включая конфессии [7]. Второй критерий – способность экономики к самовоспроизводству (технологический, продовольственный, энергетический суверенитет, п. 13). Здесь ключевым является институциональное измерение, разрабатываемое В. А. Корниловичем: насколько существующие управленческие структуры способны к мобилизационной модели, не забюрократизированы ли они до степени утраты функциональности [5; 6]. Третий критерий – воспроизводство человеческого потенциала (преодоление негативных демографических тенденций, снижение расслоения, п. 14). Этот критерий напрямую связан с состоянием «латентного договора» Ж. Т. Тощенко: выполнение государством социальных обязательств является оборотной стороной лояльности общества [11; 12].

Однако амбивалентность конструкции Стратегии создает и зоны уязвимости, где СВО, переведя защиту ценностей в военно-политическую плоскость, позволила мобилизовать общество, но зафиксировала ценностный раскол с западоориентированной частью населения. В этом случае главным вызовом становится выполнение социальных обязательств (сбережение народа) в условиях вынужденной, хоть и частичной, милитаризации экономики. Здесь требуется постоянный мониторинг обратной связи, о котором пишет Ж. Т. Тощенко. Другой уязвимостью может стать предел эффективности апелляции к образу врага, так как в момент «возвращения к миру» резко

возрастет значимость социоментальной диагностики Т.З. Адамьянц: сможет ли общество адекватно принять новые смыслы развития, или инерция «осадного сознания» заблокирует переход? [1].

Особую зону уязвимости представляет молодежь. Как убедительно показывает М.Е. Анциферов, социальные идентичности молодых граждан являются одновременно и индикатором эффективности политики, и новым вызовом для нее [2; 4]. Проблема формирования новых национальных идентичностей (включая виртуальные «микронации»), на которую указывает А.Н. Худолеев, создает риски, требующие постоянного мониторинга [13].

Заклучение

Проведенный в данной работе социологический анализ Стратегии Национальной безопасности России позволяет сделать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и практико-управленческое значение. Во-первых, исследование подтверждает тезис о фундаментальной трансформации самого концепта Национальной безопасности в современном российском политическом и научном дискурсе. Зафиксированный в Стратегии переход от понимания безопасности как «состояния защищенности» (статическая трактовка) к пониманию ее как «способности» общества и государства к самосохранению и развитию (динамическая трактовка) является концептуально верным. Российская социологическая мысль, представленная проанализированными научными школами, прошла путь от восприятия безопасности как исключительно военно-политической категории к ее осмыслению как комплексного социального феномена, где ключевую роль играют ценностные ориентации, уровень доверия и качество человеческого потенциала. Именно категория «способность» позволяет уйти от статики «состояния» (которое можно достичь однажды и считать гарантированным) к пониманию безопасности как перманентного процесса, требующего постоянного воспроизводства социальных связей, доверия и адаптации к новым угрозам. Стратегия 2021 года вбирает в себя эту логику, закладывая прочный социологический фундамент, основанный на единстве общества, его ценностной самодостаточности и социальном благополучии как цели развития [8].

Во-вторых, предложенный в работе синтез теоретических подходов позволил операционализировать абстрактные императивы документа. Использование концепций «латентного общественного договора» (Ж.Т. Тощенко) [11; 12], «социоментальных групп» (Т.З. Адамьянц) [1], анализа элитных представлений (М.К. Горшков) [3] и ценностной консолидации (Е.М. Мчедлова) [7] дает возможность перевести декларацию о «сплоченности» и «духовном суверенитете» в плоскость эмпирически фиксируемых параметров. Такой подход позволяет не просто констатировать наличие или отсутствие угроз, но и измерять глубину социальной интеграции, качество коммуникации между властью и обществом, а также уровень восприятия гражданами целей национального развития. Критерии устойчивости (консолидация элит, экономический суверенитет, воспроизводство человеческого потенциала), выведенные из синтеза Стратегии и теоретических наработок, становятся не абстрактными лозунгами, а инструментами для социологического мониторинга.

В-третьих, анализ выявил ключевую зону уязвимости и внутреннюю амбивалентность современной модели безопасности. Она кроется в диалектической паре «держава – человек». Социально-управленческая задача высшего порядка состоит в том, чтобы державная мощь, обеспечивающая внешний суверенитет, не достигалась ценой невосполнимых потерь в человеческом потенциале. Вызовы, связанные с частичной милитаризацией экономики, необходимостью выполнения социальных обязательств (п. 14 Стратегии) и риском исчерпания мобилизационного ресурса «образа врага», требуют постоянного мониторинга обратной связи, о котором пишет Ж.Т. Тощенко [11]. Особую значимость здесь приобретает социоментальная диагностика Т.З. Адамьянц, которая позволит оценить готовность общества к переходу от «осадного сознания» к позитивной повестке развития в посткризисный период [1].

В-четвертых, отдельным и крайне значимым направлением обеспечения безопасности является работа с молодежью. Как убедительно показывают исследования М.Е. Анциферова [2; 4] и его коллег [9; 10; 13; 14], социальные и политические идентичности молодых граждан являются одновременно и индикатором эффективности проводимой политики, и самостоятельным вызовом для нее. Проблема формирования гибридных, виртуальных или альтернативных идентичностей, включая феномен «микронаций» (А.Н. Худолеев) [13], требует не запретительных, а превентивных и диалоговых стратегий, основанных на глубоком понимании социоментальных процессов в молодежной среде.

Таким образом, Стратегия Национальной безопасности задает верные стратегические ориентиры, ключевым из которых является при-

знание того, что безопасность – это не статическое «состояние защищенности», достигаемое раз и навсегда, а динамическая способность социальной системы к самосохранению и развитию. Однако успешная реализация этой установки зависит не столько от административного ресурса, сколько от способности власти к постоянному диалогу с обществом, учету обратной связи и тонкой настройке социальной политики. Главным критерием исторической устойчивости России в долгосрочной перспективе будет не только военная и технологическая мощь, но и качество человеческого капитала, уровень межпоколенческой солидарности и доверия, а также способность общества к осмысленному и консолидированному ответу на вызовы времени. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретного социологического инструментария для мониторинга «ноуменальной» природы общественного договора и верификации процессов социоментального развития, что позволит окончательно закрепить в управленческой практике понимание безопасности как способности, а не как состояния.

Литература

1. Адамьянц Т.З. Социоментальные группы как индикатор общественного развития // *Общественные науки и современность*. 2019. № 3. С. 45–54.
2. Анциферов М.Е. Основные научные трактовки взаимосвязей общегражданской идентичности молодежи и национальной безопасности Российской Федерации // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 476–481.
3. Анциферов М.Е. «Вызов» национальной безопасности России и формирование «ответа» на него в рамках государственной молодежной политики: особенности методологии отечественных исследований // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2025. Т. 9, № 2. С. 184–190.
4. Воротынец И.Н. Конструирование российской гражданской идентичности как направление обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 1 (58). С. 68–73.
5. Горшков М.К. Национальная безопасность России в оценках экспертов / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2021. 320 с.
6. Корнилович В.А. Государственное стратегическое управление: социологический подход: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2021. 345 с.
7. Корнилович В.А. Социальные детерминанты эффективности стратегического управления // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 112–121.
8. Мчедлова Е.М. Консолидация общественных сил – залог национальной безопасности // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2024. Т. 15, № 3.
9. Сагриян И.Г., Петренко А.С. Эволюция концепта «национальная безопасность» в трех редакциях стратегии национальной безопасности Российской Федерации // *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025. Т. 3. № 1. С. 34–45.
10. Топчиев М.С. Геополитический потенциал национальной идентичности в обеспечении социетальной безопасности России // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023. № 3 (76). С. 218–224.
11. Тощенко Ж.Т. Когда народ и власть едины / беседа с В. Кожемяко // *Правда*. 2025. № 48 (31685), 6–12 мая. С. 4.
12. Тощенко Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: *Весь Мир*, 2024. 368 с.
13. Храпов С.А. Национальная идентичность в контексте вопроса безопасности Каспийского макрорегиона // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2022. Т. 2, № 1. С. 21–34.
14. Худолеев А.Н. Формирование новых национальных идентичностей как угроза национальной безопасности России // *Обзор.НЦПТИ*. 2017. № 2 (11). С. 8–13.
15. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

SOCIOLOGICAL REINTERPRETATION OF THE IMPERATIVES OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY: FROM STATE TO ABILITY

Kapustina M.G., Kosterin A.A.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

In the modern world, characterized by growing geopolitical turbulence, hybrid conflicts, and civilizational division, the issue of national security takes on a qualitatively new dimension. The traditional understanding of security as military-strategic parity or the protection of territorial integrity is no longer sufficient. The factor of the internal strength of society – its ability to self-organize, consolidate values, and maintain stability in the face of existential challenges – comes to the fore. In this context, the National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Presidential Decree No 400 dated July 2, 2021) is not just a routine strategic planning document, but a conceptual framework that reflects the transition from a purely military to a comprehensive, socially oriented understanding of security. The document shifts the focus from the military-political sphere to the sphere of social development, spiritual sovereignty, and the «preservation of the people.» The relevance of this study lies in the need for a deep sociological understanding of the imperatives outlined in the Strategy. The goals declared in the Strategy, such as strengthening civic consciousness, protecting traditional values, and ensuring a decent quality of life, require not only administrative implementation but also fine-tuning of social communications, monitoring the state of the social contract, and understanding the underlying processes in the public consciousness. The context of the special military operation gives this task a special urgency, as it has brought to the fore issues of social mobilization and identity, revealing both areas of consolidation and hidden vulnerabilities in Russian society.

Keywords: National security, National Security Strategy of the Russian Federation, sociological analysis, social stability, social contract, socio-mental groups, value consolidation, identity, and social imperatives.

References

1. Adamyants T.Z. Sociomental groups as an indicator of social development // Social sciences and modernity. 2019. № 3. pp. 45–54.
2. Antsiferov M.E. Main scientific interpretations of the relationship between the general civic identity of young people and the national security of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. 2024. Vol. 24, issue 4. pp. 476–481.
3. Antsiferov M.E. The «challenge» of Russia's national security and the formation of a «response» to it within the framework of state youth policy: features of the methodology of domestic research // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2025. Vol. 9, № 2. pp. 184–190.
4. Vorotyntsev I.N. Construction of Russian Civil Identity as a Direction of Ensuring National Security of the Russian Federation in the North Caucasus // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2019. № 1 (58). Pp. 68–73.
5. Gorshkov MK National Security of Russia in Expert Assessments / MK Gorshkov [et al.]; edited by MK Gorshkov. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2021. 320 p.
6. Kornilovich VA Public Strategic Management: A Sociological Approach: Diss. ... Doctor of Sociological Sciences. Moscow, 2021. 345 p.
7. Kornilovich VA Social Determinants of the Effectiveness of Strategic Management // Sociological Research. 2020. № 8. Pp. 112–121.
8. Mchedlova EM Consolidation of public forces is the key to national security // The world of science. Sociology, philology, cultural studies. 2024. Vol. 15, № 3.
9. Sagiryani I.G., Petrenko A.S. Evolution of the concept of «national security» in three versions of the national security strategy of the Russian Federation // Legal order and legal values. 2025. Vol. 3, № 1. pp. 34–45.
10. Topchiev M.S. Geopolitical potential of national identity in ensuring societal security of Russia // Caspian region: politics, economics, culture. 2023. № 3 (76). pp. 218–224.
11. Toshchenko Zh.T. When the people and the government are one / interviewed by V. Kozhemyako // Pravda. 2025. № 48 (31685), May 6–12. P. 4.
12. Toshchenko Zh.T. The Fate of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons from Implementation. Moscow: Ves' Mir, 2024. 368 p.
13. Khrapov S.A. National Identity in the Context of the Caspian Macrorregion Security Issue // Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security. 2022. Vol. 2, № 1. Pp. 21–34.
14. Khudoleev A.N. Formation of New National Identities as a Threat to Russia's National Security // Review. NTsPTI. 2017. № 2 (11). Pp. 8–13.
15. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. July 5, 2021. № 27 (Part II). Art. 5351.

Карманов Михаил Владимирович,

д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Karmanov.MV@rea.ru

Владимир Иванович Кузнецов,

д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Kuznetsov.VI@rea.ru

Тема. В настоящее время наблюдается быстрое расширение информационного пространства. Формируемые статистикой информационные ресурсы дают представление о происходящих событиях. Между тем, статистика может использоваться как инструмент манипуляции, когда информация предоставляется не в полном объеме и служит для достижения определенных целей. Это делает отношение к ней в обществе неоднозначным и даже позволяет говорить о ее ненужности. Важное значение для восприятия статистических данных имеет место их размещения. В связи с вышесказанным, актуальными являются исследования, направленные на определение места статистики в современном информационном пространстве и выявление приемов ее воздействия на общество. Цели. Уточнить сущность информационного пространства, определить место статистики в нем, выявить характеристики (параметры) информационного общества, установить влияние способа, времени и места размещения информации на общественное сознание. Методология. Применяются методы теоретического исследования в форме обобщения, сравнения и специальных аналитических процедур. Результаты. В статье приводится обзор литературы, посвященный проблемам использования статистики в современном информационном пространстве, определены его параметры. Отмечается, что статистические данные, размещенные в разных секторах информационного поля по-разному воспринимаются обществом. Выявлены различные приемы публикации статистической информации. Выводы. Непонимание места и роли статистики в информационном пространстве часто приводит к ее необоснованной критике.

Ключевые слова: статистика, статистическая информация, информационное пространство, информационные ресурсы, приемы размещения статистических данных

Современное информационное пространство общества, кроме всего прочего включающее в себя и совокупность разнообразных информационных ресурсов, по определению не может существовать без самого тесного взаимодействия со статистикой [1].

Статистика как сфера общественной деятельности занимается сбором, обработкой и анализом количественных данных, которые в конечном счете в определенном объеме и виде выносятся на суд потребителей, то есть размещаются в формате открытых информационных ресурсов.

Причем на протяжении всей истории развития человечества было бы не только опрометчиво, но и даже наивно полагать, что вся имеющаяся статистическая информация доводится до населения в полном объеме, бессознательно и не преследует никаких иных целей, кроме оповещения гражданского сообщества о состоянии и развитии общественных явлений и процессов [2].

Реалистический взгляд на вещи, заставляющий называть их своими именами, по нашему мнению, однозначно свидетельствует о том, что и само информационное пространство, и наполняющие его информационные ресурсы, отнюдь не находятся в свободном полете, а систематически, непрерывно и настойчиво создаются, формируются, форматируются, трансформируются, развиваются и т.д. в строгом соответствии с целями, задачами и интересами доминирующих субъектов и структур [3].

Как никогда очевидным это стало в эпоху гибридных войн, которые охватывают все без исключения сегменты социальной жизнедеятельности и ориентированы на нанесение максимально возможного ущерба потенциальному противнику, в том числе в формате информационных войн, предполагающих тотальное применение статистических данных для формирования заданного тренда общественного мнения [4].

В этой связи каждая часть информационного пространства имеет целый ряд далеко неслучайных параметров, к которым, безусловно, относятся следующие:

- строго определенное место;
- время появления в открытом доступе;
- объем сведений;
- степень их соответствия действительности;
- интенсивность привлечения внимания к сведениям определенного рода;
- длительность нахождения в фокусе внимания общества.

Перечисленные параметры в полной мере относятся и к статистическим данным, входящим в состав тех или иных информационных ресурсов, и играющим важную роль в пропаганде, так как именно цифры, показатели, то есть количественные характеристики служат достаточно наглядными и убедительными аргументами для подтверждения или опровержения идей, транслируемых в общественное сознание [5].

Информационное пространство общества весьма обширно и разнообразно, а самое главное неоднородно в смысле заметности и популярности своих отдельных сегментов. Это означает, что имеются информационные ресурсы существенно отличающиеся своим местом под солнцем. По этой причине статистические данные, размещенные в разных секторах информационного поля совершенно по-разному воспринимаются обществом.

Начнем с того, что есть средства массовой информации, которые по определению имеют огромную целевую аудиторию и в этом смысле заметно отличаются от иных способов распространения абсолютно любых сведений. Причем в спектре средств массовой информации есть свои лидеры, позволяющие в максимально короткие сроки довести те или иные материалы не только до максимально широких слоев населения, но и до конкретных групп граждан. Поэтому всегда существует возможность осознанного выбора канала подачи и распространения статистических данных, так чтобы они, либо оказались в самом эпицентре общественного внимания, либо прошли немного в стороне и вызвали менее массовую и сдержанную реакцию гражданского общества [6].

Кроме этого существуют официальные и неофициальные источники статистической информации, что также позволяет регулировать и корректировать потенциально возможную реакцию социума. Например, статистические данные на сайтах международных и госу-

дарственных организаций, авторитетных информационных каналов и агентств и т.п. — это одно, а в комментариях экспертов, в социальных сетях, в блогах и т.п. — это несколько иное. Следовательно, в зависимости от желаний владельцев и распространителей информации всегда имеется возможность подать одни и те же количественные сведения на разных орбитах или треках доверия. Естественно, что при этом поднимаемая информационная волна отличается и по мощности, и по длине воздействия, и по последствиям.

Время появления статистических данных в открытом доступе для широкого круга пользователей далеко и отнюдь не пустая формальность. И в этом контексте также существует достаточно широкий круг вариантов. Прежде всего, по традициям средств массовой информации выпуск любых материалов в эфир, в том числе и статистического характера, в выходные и в будние дни, в прайм-тайм и в иное время приводит к качественно различному охвату целевой аудитории и достигаемому пропагандистскому эффекту [7]. С другой стороны, если есть желание осторожно прощупать общественное мнение, то целесообразно зайти с противоположной стороны, то есть умышленно озвучить статистические данные не всем гражданам, а только тем из них, которые в определенное время доступны в эфире. В этом случае при благоприятной реакции можно будет перейти на более массовые каналы и рычаги, а при неблагоприятной реакции дать задний ход и либо убрать соответствующую количественную информацию, либо заявить об ее предварительном характере, сомнительной репрезентативности выборки, экспериментальной методике произведенных расчетов и т.п.

С позиций времени озвучивания статистической информации есть и другие приемы сознательного усиления или микширования эффекта количественных данных [8]. Как известно они обладают наглядной убедительной силой, так как в простом и доступном виде цифр подтверждают или опровергают те или иные комментарии и выводы. Поэтому, когда статистические материалы оперативно привязываются к конкретным событиям общественной жизни, они позволяют глубже и правильно осознать происходящее. Конечно, если речь идет не о том случае, при котором статистика используется для опровержения каких-нибудь заключений. Правда, и здесь стоит заметить, что если статистические данные несколько попридержат, чтобы за этот лаг времени социальный резонанс пошел на спад, то эффект статистических фактов будет умышленно снижен в силу отставания аргументов от уже озвученных выводов.

Подобный результат может быть достигнут и за счет умышленных игр, связанных с объемом статистической информации, выносимой на суд общества. Любое социально-экономическое явление или процесс имеют множество количественных характеристик, анализ состояния и изменения которых позволяет проникнуть в суть бытия. Однако эту операцию можно преднамеренно корректировать выдавая в эфир тот или иной объем статистических данных [9].

В этом аспекте существует целый ряд треков. Они сводятся к следующим основным вариантам публикации:

- максимально возможного объема информации;
- дозированного объема информации;
- минимально возможного объема информации;
- ключевых и важнейших индикаторов;
- второстепенных и опосредованных индикаторов;
- разрозненных и противоречивых индикаторов и др.

Если статистические данные носят открытый характер и нет попытки сокрытия истинного положения дел, то имеется потенциал для движения в сторону правды на основе распространения максимально возможного объема имеющейся информации. Обычно такой вариант встречается, когда есть положительные результаты развития или необходимо полностью дискредитировать что-либо или кого-либо. Для этого и наносится максимальный информационный удар.

Однако гораздо чаще приходится встречаться с принципом дозирования информации, когда статистические данные вводятся в оборот не сразу и не в полном или максимально возможном объеме, а постепенно, чтобы по ходу дел формировать необходимое общественное мнение. Ну, а публикация минимально возможного объема статистической информации производится в том случае, если требуется сыграть по схеме — вроде проинформировали, но почти ни о чем. Такой подход актуален, когда нет должных результатов и нецелесообразно возбуждать даже минимальный общественный резонанс.

Примерно схожая ситуация наблюдается и с отбором публикуемых индикаторов. Ведь даже в рамках одного и того же объема статистических данных можно озвучить гражданскому сообществу как ключевые и важнейшие, так и второстепенные и опосредованные индикаторы. А можно вообще сосредоточиться на разрозненных и противоречивых индикаторах, пытаясь максимально запутать публику. В каждом из этих случаев будет получен совершенно различный результат в за-

висимости от степени приближения к познанию реальной обстановки или от масштаба формирования противоречивой картины бытия, где каждый сам решает, что ему важнее.

Сюда же присовокупляется степень соответствия информации действительности. Если бросить взгляд на современное информационное пространство, то ни для кого не секрет, что оно «сшито» из самых разнородных по формату и по сути клочков. Некоторые из них являются правдой, некоторые близки к правде, некоторые только внешне похожи на правду, а некоторые вообще являются откровенной ложью. Это утверждение в полной мере относится и к публикуемым статистическим данным. К большому сожалению, в современном мире статистика используется самым активным образом в информационных войнах между отдельными государствами и их союзами, между властью и оппозицией, между отдельными политическими партиями и т.п. И в этом отношении статистическая правда, то есть хотя бы достоверные количественные данные, занимают далеко не подавляющую часть информационного пространства. Гораздо чаще встречается статистическая информация ангажированного характера, ориентированная на достижение конкретных тактических и стратегических целей. А поэтому все чаще и чаще эксплуатируется подход, звучащий, что не обязательно быть правым в чем-либо. Гораздо важнее убедить в этом всех остальных или хотя бы большую часть населения [10].

В соответствии с названным креном в информационном пространстве в составе разнообразных ресурсов достаточно широко встречаются статистические данные или их интерпретация в той или иной мере не соответствующие действительности. При этом степень статистического вранья может простирается в достаточно широком диапазоне, начиная от незначительных помарок, неточностей, хитростей, и, заканчивая откровенными фейками, когда цифры вообще не имеют ничего общего с реальностью.

В сухом остатке получается, что в геополитическом, социальном и ином противоборстве с использованием средств массовой информации в настоящее время не существует никаких табу [11]. В полной мере это относится и к статистике. Если любая незначительная или тотальная фальсификация статистических данных позволяет достичь поставленных результатов, то она уже не считается признаком дурного тона, а скорее даже наоборот возводится в разряд борца за демократию, толерантность и иные «ценности» современной цивилизации. Иными словами, статистические данные сегодня фактически стали зависеть от желания инициатора, занимающегося подбором, обработкой, интерпретацией и размещением статистических материалов.

Отдельно стоит поговорить и об интенсивности привлечения внимания к сведениям количественного рода. Любые средства массовой информации, а также более локальные каналы распространения статистических данных функционируют по определенным, проверенным временем законам. Среди них уже давно используются приемы, позволяющие усилить (или наоборот ослабить) степень информационного воздействия на население [12]. Одним из них является так называемая повторяемость. То есть статистическая информация, подлежащая распространению в обществе, может быть озвучена или представлена на суд гражданского сообщества по-разному. Например, однократно. Когда есть желание сообщить о каких-либо результатах социально-экономического развития, но так, чтобы вроде как проинформировали, но без особого надрыва или фанатизма. Таким образом, где-нибудь на второстепенных, периферийных участках информационного пространства появляются статистические сведения, которые особо не афишируются и не муссируются. Они либо приводятся на информационных ресурсах, не пользующихся высокой популярностью, либо на трудно доступных для простых обывателей, особенно пожилого возраста.

С другой стороны, можно пойти по пути мощного информационного воздействия и за счет многократного повторения статистических данных на популярных каналах в течение одного или нескольких дней, что обычно делается, когда возникает необходимость проинформировать общество о достигнутых положительных или существенных успехах. В итоге подобного приема достигается более глубокое проникновение необходимых количественных сведений и пропагандируемых на их основе идей в сознание общества. То есть статистика позволяет формировать определенное общественное мнение, когда люди постоянно окунаются в воды одного и того же статистического потока, направление и логика которого становятся привычными для зрения и слуха.

Кроме повторяемости упор может быть сделан и на тесно взаимосвязанную с ней длительность нахождения статистических данных в фокусе внимания общества. Практика убедительно доказывает, что один и тот же материал может сознательно находиться в тех или иных сегментах информационного пространства (включая самые заметные

и самые популярные) достаточно длительное время. Если кроме подобного желания имеются финансовые ресурсы, позволяющие его реально реализовать, то конкретные статистические сведения, нацеленные на достижение строго определенных целей, будут находиться на первых полосах различных средств массовой информации столько, сколько потребуются. Причем столь упорное, а иногда и просто назойливое присутствие одних и тех же цифр в поле зрения социума разрешает приучить граждан к тому, что раз количественные данные так долго не уходят из информационного пространства, значит они очень важные и нужные, а поэтому им следует доверять.

Конечно, при необходимости можно пойти и обратным путем, то есть по определенным причинам сделать так, чтобы длительность нахождения статистических данных на горизонте событий была минимальной или близкой к этому. Тогда статистические сведения быстро мелькнут и не успеют привести к осознанию происходящего большей частью членов общества.

В целом, если обобщить все выше сказанное, то можно сделать нелицеприятный вывод. Статистика с учетом широкого спектра возможностей размещения и пребывания количественных данных в открытом доступе действительно является заложницей информационного пространства, потому что восприятием цифр достаточно легко манипулировать при помощи как традиционных, так и новейших методов пропаганды. А элементарное непонимание места и роли статистики в данном процессе, включая и так называемые информационные войны, часто поднимает волну необоснованной критики, или специально организованный социальный резонанс для сокрытия истинных целей и мотивов.

Литература

1. Игнатов В.С., Пименова Д.В. Информационное пространство. Структура и функции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2007, № 3, С. 3–10.
2. Карманов М.В., Золотарева О.А. Статистика как инструмент информационных войн // Вестник НГУЭУ. 2010, № 4, С. 114–121.
3. Кирилленко В.И. Информационное пространство как категория геополитики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012, № 2, С. 120–126.
4. Некрасов П.В., Пайметов А.В. Информационные войны как один из способов ведения гибридной войны. В сборнике: Информационные войны: когнитивные и аксиологические аспекты. Сборник трудов Международной научной конференции. Новосибирск. 2023, С. 193–198.
5. Замятин А., Замятин В., Юсупов Р. Опасности информационно-психологической войны // ОБЖ. 2003, № 6, С. 43–46.
6. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: ООО «Прайм», 2003, 495 с.
7. Миронов В.В. Информационное пространство: вызов культуре // Информационное общество. 2005, № 1, С. 31–35.
8. Евтович З., Арацки З. Информационные войны и манипуляция массовым сознанием // Конфликтология. 2011, № 1, С. 96–110.
9. Григорьева А.С., Хрущев Е.Г. Информационные войны и технология манипулирования сознанием // International Law Journal. 2023, Т. 6, № 6, С. 30–34.
10. Журавлев Д.М. Цифровая статистика как средство языкового манипулирования в СМИ // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2024, № 1, С. 13–21.

11. Кошкарова Ю.А. Информационные войны современности и проблема защиты национальной безопасности государства. В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. 2015, С. 747–754.

12. Слимов Н.А. Информационные войны: сущность и методы // Молодежный научно-технический журнал. 2015, № 7, С. 65.

STATISTICS AS A HOSTAGE OF THE INFORMATION SPACE

Karmanov M.V., Kuznetsov V.I.

Plekhanov Russian University of Economics

Subject. The information space is currently rapidly expanding. Information resources generated by statistics provide insight into current events. However, statistics can be used as a tool for manipulation when information is provided incompletely and is used to achieve specific goals. This creates an ambiguous public perception of statistics, even suggesting their uselessness. The location of statistical data is crucial for their perception. Therefore, research aimed at defining the place of statistics in the modern information space and identifying the methods by which it influences society is relevant. Objectives. To clarify the essence of the information space, determine the place of statistics within it, identify the characteristics (parameters) of the information society, and establish the influence of the method, time, and location of information distribution on public awareness. Methodology. Theoretical research methods are used in the form of generalization, comparison, and specialized analytical procedures. Results. The article provides a literature review devoted to the problems of using statistics in the modern information space and defines its parameters. It is noted that statistical data posted in different sectors of the information field are perceived differently by society. Various methods for publishing statistical information were identified. Conclusions: A lack of understanding of the place and role of statistics in the information space often leads to its unfounded criticism.

Keywords: statistics, statistical information, information space, information resources, methods of placing statistical data.

References

1. Ignatov V.S., Pimenova D.V. Information space. Structure and functions // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2007, No. 3, Pp. 3–10.
2. Karmanov M.V., Zolotareva O.A. Statistics as a tool of information wars // Bulletin of NSUEM. 2010, No. 4, Pp. 114–121.
3. Kirilenko V.I. Information space as a category of geopolitics // Caspian region: politics, economics, culture. 2012, No. 2, Pp. 120–126.
4. Nekrasov P.V., Paimetov A.V. Information wars as one of the methods of waging hybrid warfare. In the collection: Information wars: cognitive and axiological aspects. Collection of Proceedings of the International Scientific Conference. Novosibirsk. 2023, Pp. 193–198.
5. Zamyatin A., Zamyatin V., Yusupov R. The Dangers of Information-Psychological Warfare // Life Safety. 2003, No. 6, Pp. 43–46.
6. Rastorguev S.P. Philosophy of Information Warfare. Moscow: OOO "Prime", 2003, 495 pp.
7. Mironov V.V. Information Space: A Challenge to Culture // Information Society. 2005, No. 1, Pp. 31–35.
8. Evtovich Z., Aratsky Z. Information Wars and Manipulation of Mass Consciousness // Conflictology. 2011, No. 1, Pp. 96–110.
9. Grigorieva A.S., Khrushchev E.G. Information Wars and the Technology of Manipulation of Consciousness // International Law Journal. 2023, Vol. 6, No. 6, Pp. 30–34.
10. Zhuravlev D.M. Digital Statistics as a Means of Linguistic Manipulation in the Media // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev. 2024, No. 1, Pp. 13–21.
11. Koshkarova Yu.A. Information Wars of Our Time and the Problem of Protecting the National Security of the State. In the collection: Actual Problems of Law and Law Enforcement Activity at the Present Stage. 2015, Pp. 747–754.
12. Slimov N.A. Information Wars: Essence and Methods // Youth Scientific and Technical Journal. 2015, No. 7, p. 65.

Кох Иван Адамович,

д.с.н., профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральский институт управления
E-mail: kia4@mail.ru

Матросов Антон Алексеевич,

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральский институт управления
E-mail: 9222223118@list.ru

Цифровая трансформация среднего профессионального образования (СПО) в современных условиях становится одним из ключевых факторов регионального развития, поскольку напрямую влияет на номенклатуру и качество подготовки кадров и соответствие выпускников требованиям рынка труда в регионе. Вместе с тем цифровые изменения в колледжах и техникумах нередко сводятся к точечной цифровизации: приобретению оборудования, внедрению отдельных платформ или переходу на электронные формы учета без пересмотра управленческих и образовательных процессов. В статье рассматривается цифровая трансформация СПО как управляемый процесс регионального уровня, предполагающий переход от фрагментарных инициатив к системному портфелю изменений, основанному на данных, стандартах и измеримых результатах. Обоснована роль региона как интегратора инфраструктурных решений, кадровой политики и партнерства с работодателями. Представлены управленческие контуры, обеспечивающие устойчивость трансформации: региональный инфраструктурный стандарт СПО, мониторинг цифровой зрелости, аналитический контур принятия решений и механизмы адресной поддержки колледжей. Отдельное внимание уделено проблемам цифрового неравенства и кадровой готовности педагогических команд, а также возможностям применения «цифрового профиля» региональной системы образования для управления качеством. Сделан вывод о необходимости перехода к модели управления, в которой цифровые технологии становятся инструментом повышения образовательных результатов и эффективности региональной системы СПО.

Ключевые слова: цифровая трансформация, среднее профессиональное образование, региональное управление, цифровая зрелость, цифровой профиль, управление данными, кадровая политика, партнерство с работодателями.

Введение

Цифровая трансформация среднего профессионального образования (СПО) в последние годы рассматривается не как технологическое обновление отдельных процессов, а как стратегическая задача повышения качества подготовки кадров в регионе. Колледжи и техникумы обеспечивают рынок труда специалистами, которые начинают профессиональную деятельность практически сразу после выпуска, поэтому даже небольшое отставание СПО от технологических изменений экономики быстро превращается в дефицит компетенций, снижение производительности труда и рост затрат на дообучение молодых работников. Именно поэтому цифровая трансформация СПО приобретает региональное значение: она влияет на устойчивость занятости молодежи, кадровую обеспеченность предприятий и социально-экономическую динамику территории [15].

Методологическую основу статьи составляют аналитический и системный подходы к рассмотрению цифровой трансформации образования.

В практической плоскости цифровые изменения часто воспринимаются упрощенно – как переход на электронные журналы, внедрение платформ дистанционного обучения или закупку цифрового оборудования. Однако подобная цифровизация сама по себе не гарантирует улучшения результатов образовательной деятельности. Цифровая трансформация начинается тогда, когда меняются управленческие механизмы и педагогические практики: способы планирования образовательных программ, организация практики и оценивания, принятие решений на основе данных, взаимодействие с работодателями и управление ресурсами. В этом смысле цифровая трансформация – это переход к новой логике функционирования системы СПО, где технологии становятся инструментом повышения эффективности и качества, а не самоцелью.

Особенность СПО как уровня образования состоит в его двойной ориентации: с одной стороны, оно встроено в государственную образовательную систему, с другой – тесно связано с реальным сектором экономики. В результате ключевые решения по цифровой трансформации не могут быть полностью унифицированы на федеральном уровне: регионы существенно различаются по структуре экономики, типу предприятий, кадровым запросам, плотности населения и ресурсам. Поэтому именно региональный уровень управления становится центральным звеном цифровых изменений: он способен соединить стратегию развития территории с образовательной политикой и поддержать колледжи в переходе к цифровой зрелости [9,10,11].

Аналитические исследования фиксируют важную проблему: рост потребности в цифровых навыках выпускников СПО не всегда сопровождается сопоставимым ростом инфраструктурной и кадровой готовности образовательных организаций. Это порождает разрыв между ожиданиями работодателей и реальными возможностями колледжей. В этой связи актуализируется задача разработки инструментов мониторинга цифровой трансформации, которые позволяют управлять цифровой зрелостью не абстрактно, а через показатели, сравнимые результаты и адресные управленческие решения. Одновременно сохраняется риск цифрового неравенства: различия проявляются как между регионами, так и внутри региона – между городскими и сельскими колледжами, между организациями с разным уровнем финансирования и компетентности руководителей [1,15].

Таким образом, современный этап развития СПО требует перехода от «точечных проектов цифровизации» к управляемой цифровой трансформации на региональном уровне. Цель данной статьи – описать управленческие подходы к цифровой трансформации СПО в регионе и выделить механизмы, обеспечивающие устойчивость изменений: портфель проектов, инфраструктурные стандарты, управление данными, мониторинг цифровой зрелости, кадровую поддержку и партнерство с работодателями.

Методологическую основу статьи составляют аналитический и системный подходы к рассмотрению цифровой трансформации образования. В качестве источников использованы научные статьи и аналитические доклады, посвященные цифровой трансформации организаций СПО, цифровизации управления на региональном и муниципальном уровнях, концептуальным основаниям цифрового профессионального образования и вопросам формирования цифрового профиля системы образования региона.

Логика исследования строится по схеме «региональное управление – организационные условия – процессы цифровой трансформации – измеримые результаты», что позволяет описывать цифровую трансформацию не как набор технологий, а как управленческий контур, связанный с качеством подготовки кадров.

Для управления цифровой трансформацией СПО региону важно уйти от подхода, в котором цифровизация воспринимается как разрозненные внедрения отдельных платформ и технических решений. На практике это приводит к формальному эффекту: технологии появляются, но качество подготовки, управляемость и результаты трудоустройства меняются слабо. Цифровая трансформация требует иных управленческих подходов – когда технологии встроены в систему целей, измеряются и корректируются.

Оптимальным инструментом регионального управления является портфель проектов цифровой трансформации СПО, который включает взаимосвязанные направления и контролируемые результаты. Такая модель обеспечивает [10]:

- согласованность решений разных колледжей;
- единые стандарты и требования к цифровой среде;
- возможность адресной поддержки «слабых» организаций;
- прозрачность управления ресурсами и эффектами.

Исследователи подчеркивают важность мониторинга цифровой зрелости колледжей как условия диверсифицированной региональной политики и достижения цифровой зрелости на уровне системы СПО. Это означает, что региону необходимо не только запускать проекты, но и управлять их влиянием на образовательный процесс [1].

В рамках портфельного подхода региональная программа цифровой трансформации СПО может включать следующие блоки (без дробления на подпроекты, но как управленческие направления):

- развитие инфраструктуры и защищенной цифровой среды;
- внедрение цифровой образовательной среды и инструментов сопровождения обучения;
- цифровизация управленческих процессов (документооборот, контингент, аналитика);
- цифровая практика, симуляторы и профессиональные тренажеры;
- управление данными и мониторинг цифровой зрелости;
- развитие цифровых компетенций руководителей и педагогических кадров.

При этом принципиально важно распределение ролей. Региональный уровень задает стандарты и целевые показатели, проектный офис (или координационный центр) обеспечивает методическое сопровождение и мониторинг, колледжи реализуют изменения, работодатели участвуют в обновлении практик и профессиональных модулей. Такая модель снижает риск «цифровой витрины», когда отчетность повышается быстрее, чем реальные образовательные результаты.

Инфраструктура – обязательная основа цифровой трансформации, но ее развитие следует рассматривать как средство обеспечения устойчивого образовательного процесса. Если колледж работает в условиях нестабильного интернета и неравномерной обеспеченности оборудованием, то цифровые решения становятся источником перегрузки и сопротивления педагогов. В результате цифровизация перестает восприниматься как помощь и начинает восприниматься как дополнительная бюрократическая нагрузка.

Региональная политика должна переходить от разовых закупок к **региональному инфраструктурному стандарту СПО**, который задает минимально необходимый уровень условий, обеспечивающих стабильное внедрение цифровых практик. Такой стандарт целесообразно формулировать через понятные параметры [6]:

- устойчивый доступ к широкополосному интернету и резервирование связи;
- оснащение рабочих мест педагогов и управленческих команд;
- базовые цифровые лаборатории под профильные компетенции;
- единые требования к программному обеспечению и сервисам;
- меры информационной безопасности и защиты данных.

Важная управленческая идея заключается в том, что инфраструктура должна быть привязана к образовательным результатам. Региону необходимо отвечать на вопросы: какие модули и компетенции будут обеспечены новым оснащением, как изменится качество образовательной и практической подготовки, какие показатели будут улучшены.

Практика показывает, что в СПО активно используются цифровые образовательные ресурсы, цифровые инструменты контроля знаний. Среди перспективных решений выделяются симуляторы, виртуальные лаборатории и форматы обучения, повышающие практико-ориентированность подготовки [2]. Однако здесь проявляется типовая проблема: эффект цифровой среды становится устойчивым только тогда, когда педагогические практики пересобраны под новые воз-

можности, а не «перенесены в цифровую оболочку» без изменения методики.

Отдельный региональный вызов – цифровое неравенство. Оно проявляется в различиях между колледжами по уровню оснащенности и кадровой готовности, а также в различиях доступа студентов к технике и цифровым ресурсам. Аналитика по СПО фиксирует усиление цифрового неравенства и необходимость поддерживающих механизмов для студентов и организаций с недостаточным ресурсом 1,15.

В практической политике региона это означает, что инфраструктурные решения должны сопровождаться адресной поддержкой, например:

- выделение приоритетного финансирования для организаций с дефицитом условий;
- создание региональных ресурсных центров (общих лабораторий и площадок);
- развитие смешанных форматов, где цифровые модули дополняют очное обучение;
- обеспечение доступности цифровых сервисов для студентов уязвимых групп.

Тем самым инфраструктура становится управляемым ресурсом развития, а не формальным показателем «уровня цифровизации».

Наиболее существенное отличие цифровой трансформации от цифровизации связано с появлением управленческого контура данных. Регион может использовать технологии не только для «удобства учета», но и для повышения качества управленческих решений: где требуется поддержка, определить, какие образовательные программы не соответствуют потребностям рынка труда, какие колледжи демонстрируют рост результатов.

С этой точки зрения важнейшим инструментом становится мониторинг цифровой зрелости организаций СПО. В аналитических материалах подчеркивается необходимость разработки таких инструментов для управления цифровой зрелостью как на уровне организаций, так и на уровне региональных систем. Это позволяет перейти от деклараций к доказательному управлению.

Для региональной практики мониторинг цифровой зрелости целесообразно строить по нескольким измерениям, понятным управленцам и педагогам:

- инфраструктурная готовность и доступность цифровой среды;
- кадровая готовность и реальное использование цифровых методик;
- цифровизация образовательных практик (LMS, симуляторы, электронное оценивание);
- цифровизация управления (документооборот, аналитические панели, планирование);
- образовательные результаты и эффекты для студентов (успешность, практика, трудоустройство).

Перспективным направлением является формирование **«цифрового профиля» региональной системы образования**, как набора параметров и данных, отражающих состояние и развитие системы, позволяющих управлять персонализацией и качеством. В контексте СПО цифровой профиль может включать сведения о ресурсах колледжей, кадровом потенциале, цифровых модулях программ, результатах демонстрационных экзаменов, партнерствах с работодателями и трудоустройстве [3].

Однако управление данными требует не только технологий, но и доверия. В работах, посвященных цифровой трансформации государственного управления, акцентируется значимость институциональных условий, платформенных решений и защиты данных как основы цифрового доверия. Для регионального управления СПО это означает необходимость прозрачных регламентов работы с данными, минимизации рисков утечек и корректного использования аналитики [5,7,12].

Чтобы аналитика превращалась в управленческий результат, региону важно создать **единый аналитический контур СПО**, который включает:

- согласованные источники данных и единые показатели;
- регулярное обновление и верификацию информации;
- цифровые панели мониторинга для управленцев;
- принятие решений на основе данных (адресная поддержка, корректировка программ, управление ресурсами).

Таким образом, данные становятся не «дополнительной отчетностью», а механизмом повышения качества и управляемости системы СПО.

Даже при наличии инфраструктуры цифровая трансформация СПО не состоится, если кадровая система остается прежней. Центральный ресурс трансформации – педагогические и управленческие команды, способные перестраивать образовательный процесс под новые требования экономики.

Цифровые компетенции в СПО не ограничиваются владением технологиями. Концепция цифрового профессионального образования подчеркивает, что цифровизация изменяет содержание и структуру профессиональных, общепрофессиональных и универсальных компетенций, формируя новую модель результата обучения [8]. Это важно для региона: цифровая трансформация должна приводить к обновлению образовательных результатов, а не только к изменению форматов обучения.

Исследования также фиксируют типовые ограничения цифровых преобразований, среди которых – недостаток компетенций, слабость стратегий развития и дефицит ресурсов. Хотя выводы формулируются по материалам высшего образования, в СПО эти риски проявляются особенно остро из-за ограниченности кадрового и финансового потенциала [4].

Поэтому региональная модель управления цифровой трансформацией должна включать системное развитие кадрового потенциала. Эффективными являются решения, ориентированные на практический результат и поддержку изменений:

- региональные программы повышения квалификации педагогов СПО по цифровым методикам;
- формирование внутри колледжей команд изменений (руководитель, методист, ИТ-координатор);
- сеть наставничества и обмена практиками между колледжами;
- обучение управленцев проектному управлению и работе с данными.

При этом подготовка кадров должна быть связана с реальными задачами внедрения: разработкой цифровых модулей профессиональных дисциплин, внедрением симуляторов и практико-ориентированных цифровых решений. Например, в практике цифровизации СПО востребованы VR/AR-инструменты для отработки профессиональных операций, виртуальные экскурсии на предприятия и цифровые тренажеры. Регион может масштабировать такие практики через сеть ресурсных центров или «опорных колледжей».

Отдельный фактор устойчивости – партнерство с работодателями. Для СПО оно является не внешним дополнением, а ядром качества. В цифровую эпоху работодатели должны участвовать в разработке кейсов, симуляторов, оценочных материалов и практических модулей. Региону целесообразно переводить взаимодействие с предприятиями в механизмы, имеющие измеримый эффект:

- совместные цифровые учебные полигоны;
- практикумы на реальных производственных данных и задачах;
- стажировки педагогов на предприятиях;
- участие работодателей в оценке квалификаций и демонстрационных экзаменах.

В результате устойчивость цифровой трансформации определяется не количеством внедренных технологий, а качеством кадровых изменений и практико-ориентированных партнерств.

Заключение

Цифровая трансформация СПО на региональном уровне представляет собой управляемый процесс, направленный на повышение качества подготовки кадров и эффективности образовательной системы. Ее ключевое отличие от фрагментарной цифровизации заключается в перестройке управленческой логики: от внедрения отдельных инструментов к портфельному управлению изменениями, мониторингу цифровой зрелости и управлению на основе данных [1].

Регион занимает центральное место в трансформации среднего профессионального образования, поскольку именно он заинтересован в подготовке кадров среднего звена, способен интегрировать инфраструктурные решения, кадровую поддержку, стандарты цифровой образовательной среды и партнерства с работодателями. Устойчивые результаты обеспечиваются при выполнении нескольких условий: наличие регионального инфраструктурного стандарта СПО, адресная поддержка организаций с дефицитом ресурсов, формирование аналитического контура управления и системное развитие компетенций управленческих и педагогических команд.

Перспективной моделью является управление цифровой трансформацией через взаимосвязь «ресурсы – процессы – данные – результаты», где цифровые технологии становятся инструментом повышения образовательных эффектов и соответствия подготовки кадров запросам экономики региона.

Литература

1. Дворецкая И.В., Карлов И.А., Романова О.А., Савицкий К.Л. Цифровая трансформация организаций СПО: происходит ли она? Аналитический доклад. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/862148282>.

2. Кандаурова В.Ю. Использование современных технологий в системе СПО: трансформации техникума // Молодой ученый. – 2025. – № 50 (601). – С. 556–559. – URL: <https://moluch.ru/archive/601/131355>.

3. Кисляков А.Н. Цифровой профиль системы образования региона // CyberLeninka. – 2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-profil-sistemy-obrazovaniya-regiona>.

4. Грицова О.А., Шарапова Н.В. К проблеме качества подготовки кадров в условиях цифровой трансформации российской системы высшего образования // Фундаментальные исследования. – 2025. – № 11. – URL: <https://s.fundamental-research.ru/pdf/2025/11/43943.pdf>

5. Берендеева А.Б. Цифровизация управления: региональный и муниципальный уровни // CyberLeninka. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-upravleniya-regionalny-i-munitsipalnyy-urovni>.

6. Зинич А.В. Цифровая трансформация образовательных сред: региональный аспект // Экономика высокотехнологических производств. – 2023. – Т. 4. – № 2. – С. 111–120. – URL: <https://1economic.ru/lib/119498>.

7. Дмитриева Н.Е., Санина А.Г., Стырин Е.М. и др. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллективная монография. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. – URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/828422767.pdf>.

8. Блинов В.И. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования. – 2019. – URL: <https://umkufa.bashmed.ru/prepodavatelyu/mk1.pdf>.

9. Гусева Т.А. Цифровая трансформация в регионах России: актуальные тенденции, различия и вызовы // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес». 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-regionah-rossii-aktualnyetendentsii-razlichiya-i-vyzovy>.

10. Лобкова Е.В. Региональные стратегии цифровой трансформации: алгоритм актуализации проектов и целей // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес». 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-strategii-tsifrovoy-transformatsii-algoritmkaktualizatsii-proektov-i-tseley>.

11. Мовлаев А.А. Цифровая трансформация российских регионов: предпосылки и направления проведения // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес». 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-rossiyskih-regionov-predposylki-i-napravleniya-provedeniya>.

12. Писарева О.М. Влияние формирования цифровой платформы в системе государственного управления на характер управленческих задач стратегического управления // Модернизация. 2019. URL: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/viewFile/925/856>.

13. Михальченкова Н.А. Направления и приоритеты подготовки научно-педагогических кадров в системе отраслевых политик России // Текст научной статьи. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-i-prioritety-podgotovki-nauchno-pedagogicheskikh-kadrov-v-sisteme-otraslevykh-politik-rossii>.

14. Петрова С.Д. Цифровизация среднего профессионального образования в рамках проекта «Профессионалитет» // Уральский вестник образования. 2023. (Электронный ресурс). URL: https://www.irro.ru/upload/pdf/urvo/uvu_2307-pet.pdf.

15. Дудырев Ф. Ф., Анисимова К.В., Артемьев И.А. и др. Среднее профессиональное образование в России: ресурс для развития экономики и формирования человеческого капитала: аналит. доклад / Ф.Ф. Дудырев [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 92 с. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/09/01/1696958156/SPO_2022.pdf

MANAGING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION IN THE REGION

Koh I.A., Matrosov A.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration – Ural Institute of Management

The digital transformation of secondary vocational education (SPE) in modern conditions is becoming one of the key factors of regional development, as it directly affects the nomenclature and quality of personnel training and graduates' compliance with the requirements of the labor market in the region. At the same time, digital changes in colleges and technical schools often come down to point digitalization: the purchase of equipment, the introduction of separate platforms, or the transition to electronic forms of accounting without reviewing management and educational processes. The article examines the digital transformation of open source as a managed process at the regional level, involving a transition from fragmented initiatives to a systemic portfolio of changes based on data, standards and measurable results. The role of the region as an integrator of infrastructure solutions, personnel policy and partnership with employers is substantiated. The management contours

that ensure the sustainability of the transformation are presented: the regional infrastructure standard of the open source, monitoring of digital maturity, the analytical contour of decision-making and targeted support mechanisms for colleges. Special attention is paid to the problems of digital inequality and the personnel readiness of teaching teams, as well as the possibilities of using the "digital profile" of the regional education system for quality management. It is concluded that there is a need to move to a management model in which digital technologies become a tool for improving educational outcomes and the effectiveness of the regional vocational education system.

Keywords: digital transformation, secondary vocational education, regional management, digital maturity, digital profile, data management, personnel policy, partnership with employers.

References

1. Dvoretzkaya I.V., Karlov I.A., Romanova O.A., Savitsky K.L. Digital transformation of PDF organizations: is it happening? Analytical report. Moscow: Higher School of Economics, 2023. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/862148282>
2. Kandaurova V.Y. The use of modern technologies in the vocational education system: transformations of the college // *Young Scientist*. – 2025. – № 50 (601). – Pp. 556–559. -URL: <https://moluch.ru/archive/601/131355>.
3. Kislyakov A.N. Digital profile of the region's education system // *CyberLeninka*. –2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-profil-sistemy-obrazovaniya-regiona>.
4. Gritsova O.A., Sharapova N.V. On the problem of the quality of personnel training in the context of the digital transformation of the Russian higher education system // *Fundamental Research*. – 2025. – № 11. – URL: <https://s.fundamental-research.ru/pdf/2025/11/43943.pdf>
5. Berendeeva A.B. Digitalization of management: regional and municipal levels // *CyberLeninka*. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-upravleniya-regionalnyy-i-munitsipalnyy-urovni>.
6. Zinich A.V. Digital transformation of educational environments: a regional aspect // *Economics of high-tech industries*. – 2023. -Vol. 4. -No. 2. – Pp. 111–120. -URL: <https://1economic.ru/lib/119498>.
7. Dmitrieva N.E., Sanina A.G., Styryn E.M. and others. Digital Transformation in Public Administration: a collective monograph. Moscow: HSE Publishing House, 2023. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/828422767.pdf>.
8. Blinov V.I. Pedagogical concept of digital professional education. – 2019. – URL: <https://umkufa.bashmed.ru/prepodavatellyu/mk1.pdf>.
9. Guseva T.A. Digital transformation in the regions of Russia: current trends, differences and challenges // Text of a scientific article on the specialty "Economics and Business". 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-regionah-rossii-aktualnye-tendentsii-razlichiya-i-vyzovy>.
10. Lobkova E.V. Regional digital transformation strategies: an algorithm for updating projects and goals // The text of the scientific article on the specialty "Economics and Business". 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-strategii-tsifrovoy-transformatsii-algoritm-aktualizatsii-proektov-i-tseley>.
11. Movlaev A.A. Digital transformation of Russian regions: prerequisites and directions of implementation // The text of the scientific article on the specialty "Economics and business". 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-rossijskih-regionov-predposylki-i-napravleniya-provedeniya>.
12. Pisareva O.M. The impact of the formation of a digital platform in the public administration system on the nature of the management tasks of strategic management. // *Modernization*. 2019. URL: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/viewFile/925/856>.
13. Mikhachenkova N.A. Directions and priorities of training scientific and pedagogical personnel in the system of sectoral policies of Russia // Text of the scientific article. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-i-prioritety-podgotovki-nauchno-pedagogicheskikh-kadrov-v-sisteme-otraslevykh-politik-rossii>.
14. Petrova S.D. Digitalization of secondary vocational education in the framework of the project "Professionalism" // *Ural Bulletin of Education*. 2023. (Electronic resource). URL: https://www.irro.ru/upload/pdf/urvo/uv_2307-pet.pdf.
15. Dudyrev F. F., Anisimova K.V., Artemyev I.A. and others. Secondary vocational education in Russia: a resource for economic development and human capital formation: analyte. report / F.F. Dudyrev [et al.]; National research. University of Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2022. 92 p. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/09/01/1696958156/SPO_2022.pdf

Архитектура автономии: структурные и цифровые решения для повышения самостоятельности военных руководителей

Крганов Рустам Рифкатович,

адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: iizge@mail.ru

Статья посвящена разработке комплексной модели («архитектуры») повышения устойчивости управленческой автономии командиров тактического звена в условиях современной военной организации. В контексте вызовов, выявленных в ходе специальной военной операции, автономия рассматривается не как ситуативный фактор или личностная характеристика отдельного командира, а как системное свойство, требующее институционального проектирования. Автор доказывает, что эффективное развитие автономии требует синхронной реализации трех взаимодополняющих направлений: 1) структурно-организационного, связанного с децентрализацией полномочий и сокращением управленческой вертикали; 2) нормативно-ценностного, формирующего культуру доверия и инициативы; 3) информационно-технологического, обеспечивающего командира цифровыми инструментами ситуационной осведомленности и аналитической поддержки. Особое внимание уделяется анализу системного противоречия между оперативно-тактической необходимостью автономных действий и их нормативно-правовой регламентацией. На основе анализа теоретических подходов к управлению в сложных социальных системах и современных тенденций цифровизации предлагается концептуальная архитектура, интегрирующая организационные изменения и технологические платформы для формирования нового типа адаптивного военного руководителя.

Ключевые слова: управленческая автономия, военное управление, децентрализация, цифровизация, информационно-аналитические системы, ситуационная осведомленность, специальная военная операция, устойчивость управления, сетевые технологии, институциональный конфликт.

Введение

Современный характер вооруженной борьбы, отмеченный высокой динамикой, нелинейностью боевых порядков и массированным применением средств радиоэлектронной борьбы, принципиально изменил требования к системам военного управления. Жестко централизованная, иерархическая модель, эффективная в условиях стабильности и предсказуемости, демонстрирует свою уязвимость в условиях неопределенности, где время на согласование решений становится критическим фактором [1]. Классическое положение К. фон Клаузевица о «трениции войны» приобретает новое звучание в условиях, когда скорость принятия решения непосредственно влияет на сохранение личного состава и выполнение боевой задачи [1; 2]. Опыт современных военных конфликтов подтверждает тезис о том, что успех на тактическом уровне все чаще определяется не столько наличием детальных директив сверху, сколько способностью командиров взводов, рот и батальонов к самостоятельному, ответственному и оперативному принятию решений – их управленческой автономией. Однако, как показывают социологические исследования, автономия в военной организации зачастую носит стихийный, неформальный и личностно-обусловленный характер. Она является скорее вынужденной реакцией на сбои системы либо на потерю связи, нежели ее институционально закрепленным свойством [3; 4].

В своем диссертационном исследовании Д. Н. Погребной отмечает, что служебное поведение командиров в значительной степени регулируется неформальными нормами и личным авторитетом, в то время как формальные регламенты зачастую не успевают за динамикой боевой обстановки [5]. Это создает ключевое системное противоречие современного военного управления: разрыв между оперативно-тактической императивностью автономных действий и их нормативно-правовой регламентацией. Эффективность подразделения ставится в зависимость от качеств конкретного офицера и его готовности действовать в условиях неопределенности, а не от устойчивости организационной системы.

В этой связи возникает насущная задача по конструированию целостной «архитектуры автономии» – системы взаимосвязанных организационных, нормативных и технологических решений, целенаправленно культивирующих и поддерживающих самостоятельность руководителя при одновременном сохранении общего контура стратегического управления. Целью данной статьи является разработка концептуальных основ такой архитектуры, объединяющей структурные преобразования, ценностные установки и цифровые инструменты.

Управленческая автономия в военном контексте не тождественна бесконтрольности или самодеятельности, а напротив, она представляет собой институционализированное право и одновременно обязанность командира тактического звена самостоятельно принимать решения в рамках общего замысла старшего начальника, неся полную ответственность за их последствия. Анализ зарубежных подходов, в частности доктрины «Mission Command» (командование на основе поставленной задачи), позволяет выделить ключевые принципы, обеспечивающие устойчивость автономии: централизованное целеполагание при децентрализованном исполнении, культивирование доверия как основы взаимоотношений между уровнями управления [6]. В западной традиции эти принципы закреплены не только в боевых уставах, но и в системе подготовки офицерского корпуса, что переводит автономию из разряда исключений в разряд институциональной нормы. В отечественной научной традиции феномен управленческой автономии исследован фрагментарно. В работах, посвященных социальному управлению в военных организациях, отмечается двойственная природа автономии: с одной стороны, она является объективной потребностью боевой практики, с другой – вступает в противоречие с жесткой субординационной логикой военной организации [3; 7].

Специфика современного этапа заключается в том, что технологическое развитие создало принципиально новые условия для реализации автономии. Если ранее самостоятельность командира ограничивалась отсутствием достоверной информации об обстановке («информационный голод») делал автономные решения рискованными, то сегодня развитие систем разведки, связи и обработки данных позволяет преодолеть это ограничение. Однако, как справедливо отме-

чают исследователи проблем боевой устойчивости систем управления, технологическое насыщение само по себе не решает проблему – более того, оно создает новые риски, связанные с уязвимостью цифровой инфраструктуры [9; 10]. Принципиальное значение для нас имеет вывод о том, что социальные процессы в воинском коллективе требуют перехода от административно-командных методов к управлению, основанному на ситуационной осведомленности и доверии [4]. Теоретические основы такого подхода заложены в классических работах по теории организации, где обосновывается необходимость баланса между централизацией и децентрализацией в сложных социальных системах [8].

Анализ открытых источников и экспертных оценок позволяет зафиксировать ряд значимых изменений в системе военного управления, произошедших в ходе СВО и непосредственно связанных с проблематикой автономии тактического звена. В публичном дискурсе участников боевых действий и военных аналитиков фиксируется тенденция к упрощению структуры управления. Классическое оперативное звено в ряде случаев исключается из контура принятия тактических решений, что обусловлено двумя факторами: во-первых, командир бригады или оперативной группировки в силу масштаба ответственности не обладает тем объемом оперативных данных с переднего края, который имеют младшие офицеры; во-вторых, концентрация крупных сил и штабов создает повышенные риски в условиях современного огневого поражения. Данный процесс можно охарактеризовать как «децентрализацию тактики при сохранении централизованного стратегического управления».

По оценкам участников боевых действий, основная нагрузка по выполнению тактических задач приходится на ротное звено. Это потребовало расширения самостоятельности командиров, непосредственно действующих на поле боя, и сокращения количества согласований. Командир роты или батальона в реальных условиях лучше видит обстановку и способен действовать быстрее, что объективно повышает эффективность управления. Здесь важным направлением совершенствования управления становится создание комплексных систем информационного взаимодействия в тактическом звене, призванных качественно повысить ситуационную осведомленность командиров. Принципиально важным является требование, чтобы такие системы не ограничивали командиров тактического звена в принятии решения, а предоставляли им дополнительные возможности. Данная установка задает вектор развития цифровых инструментов не как средств тотального контроля, а как ресурса поддержки автономного решения.

Вместе с тем, анализ практики применения сетевых технологий выявляет серьезные проблемы. Использование цифровых средств связи создает новые уязвимости: работающие в эфире устройства демаскируют пункты управления и становятся целями для огневого поражения. Кроме того, сложная аппаратура не всегда устойчива к полевым условиям эксплуатации.

Первый компонент архитектуры автономии связан с трансформацией формальных структур и процессов, где автономия не может быть полноценно эффективной в рамках избыточно жесткой и централизованной вертикали. Ее развитие требует целенаправленной децентрализации, что предполагает несколько ключевых шагов.

1. Нормативная легитимизация инициативы. Ключевым структурным противоречием, выявленным в ходе исследования, является конфликт между требованием сверхбыстрого тактического реагирования и протяженным циклом согласования. Необходима ревизия и адаптация нормативно-правовой базы в направлении расширения границ допустимой инициативы. Речь идет не только о провозглашении важности инициативы, но и о четком закреплении границ и условий автономных действий. Важным шагом могло бы стать внесение изменений в общевоинские уставы, закрепляющих право командира тактического звена отступать от шаблонных схем действий при изменении обстановки с обязательным последующим докладом. Это позволит легитимизировать практики, ныне находящиеся в «серой зоне», и снизить личные риски для инициативных командиров.

2. Институционализация гибких структур. Требуется внедрение проектно-матричных элементов в традиционную линейно-функциональную структуру. Формирование временных тактических групп (сводных отрядов, штурмовых отрядов) для решения конкретных задач – реальность современного боя. Однако этот процесс часто происходит стихийно и институционализация такого подхода предполагает разработку штатных процедур быстрого формирования, надежного ресурсами и управления сводными подразделениями. Организационная структура должна предусматривать четкие «протоколы» уровня автономии в зависимости от типа задачи и условий обстановки. Для плановой деятельности действует стандартный режим с детальным контролем. В условиях активного радиоэлектронного подавления

автоматически активируется режим тактического делегирования, где командир получает заранее прописанные права на самостоятельные действия [8].

3. Преодоление нормативно-бюрократического барьера, где ключевое значение имеет развитие культуры доверительного делегирования. Социологические исследования фиксируют сохраняющееся недоверие к нижестоящим командирам со стороны вышестоящих штабов [5] и преодоление этого требует изменения критериев оценки эффективности командования. В фокус внимания должны попасть не только исполнительная дисциплина, но и способность к самостоятельному планированию и принятию решений в неопределенности.

Для снижения рисков необоснованного наказания за нестандартные решения целесообразно создание при штабах объединений постоянно действующих экспертных советов по тактическим решениям, состоящих из авторитетных офицеров-практиков. Эти советы могли бы проводить постфактумный разбор спорных случаев, вынося мотивированное заключение о соответствии действий командира обстановке.

Второй, технологический компонент архитектуры, призван обеспечить командира ресурсами, необходимыми для обоснованной автономии. Самостоятельность без адекватной информации превращается в авантюру. Развитие автономии неразрывно связано с обеспечением тактического звена средствами цифровой ситуационной осведомленности и аналитики. Здесь речь идет о создании защищенного, устойчивого к РЭБ аппаратно-программного комплекса на уровне взвод-рота-батальон. Его ядром должен стать тактический планшет или носимый терминал, объединяющий несколько критически важных функций: цифровые карты с возможностью офлайн-работы и наложением данных разведки; средства управления огнем и передачи целеуказаний; защищенный мессенджер для обмена текстом, голосом и координатами. При наличии такого оборудования автономность командира резко возрастает, если он обладает собственным источником разведданных. Ключевым элементом становится интеграция в его информационную систему управления разведывательными БПЛА ближнего радиуса действия. Способность самостоятельно получить разведывательную информацию, осмотреть назначенный район и передать точные координаты на огневые средства в течение нескольких минут – это и есть практическая реализация информационной автономии [11].

На основе поступающих данных система должна предоставлять командиру готовые аналитические продукты: расчет вероятных маршрутов выдвижения противника, автоматическая оценка оптимальных позиций, моделирование последствий применения оружия. Внедрение элементов искусственного интеллекта для первичной обработки данных способно перевести автономию из плоскости интуитивной импровизации в область обоснованного, просчитанного выбора [10].

Для обеспечения устойчивости связи в условиях массивированного противодействия РЭБ необходимо внедрение ячеистых топологий, где каждый терминал может выступать ретранслятором для других. Кроме того, для преодоления разрыва между теоретической подготовкой и реальными требованиями поля боя целесообразно создание системы организационного обучения – цифровой базы тактических решений, где каждый «кейс» содержит описание ситуации, принятое решение и его результат. Это позволит превращать индивидуальный боевой опыт в коллективный интеллект. Во-первых, зависимость от цифровых систем создает уязвимость перед кибератаками и средствами РЭБ противника. Во-вторых, возникает проблема когнитивной перегрузки командира: обилие информации может парализовать принятие решения. В-третьих, сохраняется проблема совместимости различных систем, поступающих в войска от разных производителей [9; 11].

Структурные и цифровые направления не являются альтернативными или последовательными этапами – они образуют единую, интегральную «архитектуру автономии», где каждый элемент усиливает действие другого. Организационная децентрализация создает для командира формальное право и пространство для самостоятельных действий, закрепляя это право в уставных документах и реальной практике управления. Нормативная легитимизация инициативы снижает риски наказания за нестандартные, но успешные действия.

Цифровая платформа дает командиру фактические возможности и ресурсы для реализации этого права эффективно и ответственно. То есть, ситуационная осведомленность снимает «информационный голод», аналитические системы компенсируют дефицит времени, а защищенные сети и базы знаний обеспечивают устойчивую связь и передачу опыта.

Заключение

Путь к формированию нового типа военного руководителя – адаптивного, ответственного и автономного – лежит через синтез организационных изменений и технологических инноваций. Проведенный анализ

показывает, что в ходе специальной военной операции произошли значимые структурные сдвиги в сторону децентрализации тактического управления. Задача военной науки и практики – институционализировать эти изменения, придать им устойчивый, системный характер. Эта архитектура должна стать основой для модернизации системы боевой подготовки, где тренажеры и учения будут моделировать не только действия по шаблону, но и развитие ситуаций, требующих самостоятельного принятия решений. Только такая комплексная работа позволит трансформировать управленческую автономию из исключительного качества отдельных лидеров в институциональную характеристику всей военной организации, обеспечивающую ее живучесть, адаптивность и превосходство на современном поле боя.

Литература

1. Клаузевиц К. О войне. – М.: Госвоениздат, 1934. – 692 с.
2. Слипченко В.И. Войны шестого поколения: Оружие и военное искусство будущего. – М.: Вече, 2018. – 384 с.
3. Кораблев О.Ю. Управленческая автономия в военных организациях: теория и методология исследования // Социология власти. – 2021. – Т. 33. – № 2. – С. 64–89.
4. Веремчук В.И. Управление социальными процессами в воинском коллективе в условиях современных вызовов и угроз: дис. ... канд. социол. наук. – М.: Военный университет, 2020. – 220 с.
5. Погребной Д.Н. Служебное поведение военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: современное состояние и пути оптимизации: Дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2022. – 187 с.
6. Van Creveld M. Command in War. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. – 352 p.
7. Власов А.А. Феномен управленческой автономии в военно-социальных системах: теоретико-методологические основы исследования // Вестник Военного университета. – 2022. – № 3 (71). – С. 45–57.
8. Баранников А.Ф. Теория организации: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 2004. – 704 с.
9. Рыжов Г.Б., Вдовенко Г.В. К вопросу о боевой устойчивости системы управления группировки войск (сил) в операции // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2025. – Т. 3. – № 138. – С. 3–12.
10. Цыганков П.А., Шевченко А.Н. Цифровые двойники в системе управления войсками: перспективы и ограничения // Военная мысль. – 2022. – № 8. – С. 56–67.
11. Кондратьев Р.В. Опыт управления подразделениями в условиях современного общевойскового боя (по материалам СВО) // Военная мысль. – 2023. – № 5. – С. 75–85.

ARCHITECTURE OF AUTONOMY: STRUCTURAL AND DIGITAL SOLUTIONS TO ENHANCE THE INDEPENDENCE OF MILITARY LEADERS

Krganov R.R.

Military University named Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the development of an integrated model ("architecture") for increasing the stability of the managerial autonomy of tactical level commanders in a modern military organization. In the context of the challenges identified during a special military operation, autonomy is considered not as a situational factor or a personal characteristic of an individual commander, but as a systemic property requiring institutional design. The author proves that the effective development of autonomy requires the simultaneous implementation of three complementary directions: 1) structural and organizational, related to the decentralization of powers and the reduction of the management vertical; 2) normative and value-based, forming a culture of trust and initiative; 3) information technology, providing the commander with digital tools of situational awareness and analytical support. Special attention is paid to the analysis of the systemic contradiction between the operational and tactical necessity of autonomous actions and their regulatory and legal regulation. Based on the analysis of theoretical approaches to management in complex social systems and current trends in digitalization, a conceptual architecture is proposed that integrates organizational changes and technological platforms to form a new type of adaptive military leader.

Keywords: managerial autonomy, military management, decentralization, digitalization, information and analytical systems, situational awareness, special military operation, management stability, network-centric technologies, institutional conflict.

References

1. Clausewitz K. On War. Moscow: Gosvoenizdat, 1934. 692 p.
2. Slipchenko V.I. Sixth Generation Wars: Weapons and Military Art of the Future. Moscow: Vechе, 2018. 384 p.
3. Korablyov O. Yu. Managerial Autonomy in Military Organizations: Theory and Research Methodology // Sociology of Power. 2021. Vol. 33, № 2, pp. 64–89.
4. Veremchuk V.I. Managing Social Processes in a Military Collective in the Context of Modern Challenges and Threats: Cand. Sci. (Sociological) Dissertation. Moscow: Military University, 2020. 220 p.
5. Pogrebnoy D.N. Official behavior of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation: current status and ways to optimize: Diss. ... Cand. Sociological Sciences. – Moscow, 2022. – 187 p.
6. Van Creveld M. Command in War. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. – 352 p.
7. Vlasov A.A. Phenomenon of Managerial Autonomy in Military-Social Systems: Theoretical and Methodological Foundations of Research // Bulletin of the Military University. – 2022. – № 3 (71). – P. 45–57.
8. Barannikov A.F. Organization Theory: Textbook for Universities. – Moscow: UNITI, 2004. – 704 p.
9. Ryzhov G. B., Vdovenko G.V. On the Issue of Combat Stability of the Command and Control System of a Group of Troops (Forces) in an Operation // Bulletin of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences. – 2025. – Vol. 3. – № 138. – Pp. 3–12.
10. Tsygankov P.A., Shevchenko A.N. Digital Twins in the Command and Control System: Prospects and Limitations // Military Thought. – 2022. – № 8. – Pp. 56–67.
11. Kondratyev R.V. Experience of Command and Control of Units in Conditions of Modern Combined Arms Combat (Based on Materials of the Air Defense Forces) // Military Thought. – 2023. – № 5. – Pp. 75–85.

Крутько Елена Александровна,

кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eakrutko@fa.ru

В статье рассматривается процесс конструирования социальной реальности в контексте обучения иностранным языкам. Языковое образование выходит за рамки простой передачи лингвистических кодов и становится мощным инструментом формирования у обучающихся специфической картины мира, системы ценностей, социальных идентичностей и поведенческих моделей, присущих как целевой языковой культуре, так и глобальному межкультурному сообществу. В фокусе исследования – анализ дидактических материалов, педагогических практик и дискурсивного пространства аудитории как «строительных лесов» для конструирования новой социальной реальности. Теоретической основой работы служат концепции социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман), теории языковой личности, межкультурной коммуникативной компетенции, а также критическая педагогика языка. Методология включает дискурс-анализ учебных материалов, критический анализ педагогических практик и теоретическое моделирование. В статье обосновывается необходимость рефлексивного подхода в преподавании, позволяющего педагогу осознанно управлять процессом конструирования реальности и воспитывать в обучающихся критическое мышление. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для создания учебных курсов, способствующих формированию гибкой, толерантной и рефлексивной языковой личности, способной к аутентичному диалогу культур.

Ключевые слова: социальный конструктивизм, обучение иностранным языкам, конструирование реальности, языковая личность, межкультурная коммуникация, дискурс, идентичность, рефлексивная педагогика.

Введение

Обучение иностранному языку традиционно рассматривалось как процесс овладения фонетикой, грамматикой, лексикой и развитием четырёх основных компетенций: аудирования, говорения, чтения и письма. Однако в условиях глобализации и усиления межкультурных взаимодействий стала очевидной недостаточность такого узкоинструментального подхода. Язык предстаёт не просто средством коммуникации, но и «хранилищем» культуры, мировоззрения, социальных практик и властных отношений [13; 17]. Вступая в пространство чужого языка, обучающийся неизбежно сталкивается с альтернативными способами категоризации опыта, нормами поведения и ценностными системами. Таким образом, процесс обучения иностранным языкам становится полем активного конструирования новой социальной реальности для учащегося, где педагог и учебные материалы выступают в роли «агентов социализации». Данная статья направлена на исследование механизмов, содержания и последствий этого конструирования.

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами, такими как глобальный контекст, ситуации когда усиление миграционных потоков, виртуализация общения и межкультурное сотрудничество требуют подготовки граждан, способных не только к функциональному общению, но и к глубокому пониманию и конструированию общих смыслов в поликультурной среде [7]; сменой образовательной парадигмы, то есть, предполагается, что переход от знаниецентричной к компетентностной модели образования смещает фокус на формирование целостной «языковой личности», чья идентичность динамична и включает элементы различных культур [5; 14]; критический поворот в лингводидактике, ситуации, когда растёт осознание идеологической нагрузки учебных материалов, которые часто транслируют стереотипные, упрощённые или гегемонистские представления о культуре стран изучаемого языка и мира в целом [12; 17]; а также запрос на рефлексивность, то есть ситуации, когда в современном сложном мире возникает потребность в образовании, которое развивает критическое мышление, позволяющее деконструировать предлагаемые дискурсы и осознанно участвовать в создании социальной реальности [9; 18].

Целью статьи является теоретико-методологическое обоснование и анализ процесса конструирования социальной реальности в ходе обучения иностранным языкам, а также определение принципов рефлексивной педагогики, направленной на оптимизацию данного процесса.

Задачи исследования

1. Проанализировать ключевые теоретические подходы к проблеме конструирования социальной реальности в философии, социологии и лингводидактике.

2. Выявить и систематизировать основные каналы и механизмы конструирования реальности в процессе обучения иностранным языкам (дидактические материалы, методы преподавания, дискурс учителя, взаимодействие в аудитории).

3. Провести критический анализ типичных моделей репрезентации социальной реальности в современных учебниках иностранного языка.

4. Разработать модель рефлексивного подхода в преподавании иностранных языков, способствующего осознанному и критичному конструированию социальной реальности обучающимися.

Теоретический фундамент исследования образует синтез нескольких взаимодополняющих направлений:

1. Социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман). Основополагающий тезис о том, что реальность социально конструируется, а институты и знания объективируются в процессе взаимодействия. Язык при этом рассматривается как важнейшая символическая система, лежащая в основе этого конструирования [1]. Это положение является методологической осью данной работы, поскольку позволяет рассматривать учебную аудиторию не как пассивного реципиента, а как активное сообщество, создающее новые смыслы.

2. Теория языковой личности (Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева). Концепция, рассматривающая обучающегося как многоуровневую систему, включающую вербально-семантический, когнитивный и мотивационно-прагматический уровни [5; 10]. Формирование языковой личности есть одновременно и конструирование новой социальной реальности ее сознания, обогащение ее когнитивной базы и поведенческих стратегий.

3. Теория межкультурной коммуникативной компетенции (М. Байрам, Г. Зарипов). Подчеркивает необходимость выхода за пределы лингвистической компетенции к социолингвистической, социокультурной, дискурсивной и социальной компетенциям, что напрямую связано с усвоением новых социальных практик и критической рефлексией над своими и чужими культурными нормами [4; 11].

4. Критическая педагогика и критический дискурс-анализ (П. Фрейре, Н. Фэркло). Позволяют анализировать властные отношения, идеологии и доминирующие дискурсы, воспроизводимые в образовательном процессе, и ставить задачу их проблематизации и деконструкции [9; 12]. Это направление задает этико-политическое измерение исследования, фокусируясь на вопросах власти и эмансипации в языке.

5. Концепция «воображаемых сообществ» (Б. Андерсон) и «третьего пространства» (Х.К. Бхабха). Полезны для понимания того, как через язык конструируется принадлежность к глобальным сообществам (например, «сообществу изучающих английский») и как в межкультурном взаимодействии возникает гибридная, «третья» реальность, не сводимая к исходным культурам [2]. Это открывает перспективу рассмотрения результата обучения не как копирование, а как созидание нового.

6. Социокультурная теория (Л.С. Выготский, Дж. Лантольф). Подкрепляет идею о том, что обучение является социально опосредованной деятельностью, где язык выступает главным психологическим инструментом. Интеракция в аудитории (зона ближайшего развития) является ключевым механизмом конструирования знаний и идентичностей [15].

Методология исследования

Исследование носит теоретико-аналитический характер и применяет следующие методы: 1) теоретический анализ и синтез: для интеграции концепций из разных научных областей (социология, лингвистика, педагогика) в единую объяснительную модель процесса языкового образования; 2) дискурс-анализ (в частности, критический дискурс-анализ): для критического изучения текстов и иллюстраций учебников, речевых практик преподавателя, формулировок заданий на предмет скрытых идеологий, стереотипов, властных отношений и конструируемых моделей мира [12]; 3) моделирование: для разработки концептуальной модели рефлексивного процесса обучения, способствующего осознанному конструированию реальности; 4) сравнительно-сопоставительный анализ: для выявления различий в конструировании реальности в учебниках разных издательств, для разных языков и целевых аудиторий (например, бизнес-курсы vs. курсы общего языка).

Практическая реализация: каналы конструирования реальности в языковом образовании

Процесс конструирования социальной реальности осуществляется через несколько ключевых каналов, каждый из которых требует тщательной рефлексии со стороны педагога.

В первую очередь, это учебные материалы (УМК) как конструктор реальности, так как они являются наиболее формализованным инструментом конструирования. Остановимся подробнее на некоторых элементах УМК. При работе с текстами и темами, педагог выбирает темы («Семья», «Карьера и успех», «Экология», «Национальные праздники»), задавая рамки значимого социального опыта, маркируя одни аспекты жизни как важные, а другие – как периферийные. Тексты (диалоги, статьи, рассказы) представляют не только лингвистические модели, но и нарративы, сценарии поведения, способы разрешения конфликтов. Например, диалог о поиске работы конструирует определенный идеал успешного кандидата, его ценностные ориентации и допустимые стратегии поведения [17].

Работая с лексикой и грамматикой, педагог определяет номинации социальных ролей и понятий (напр., англ. «privacy», «fairness»; нем. «Gemütlichkeit»; исп. «sobremesa») имплицитно несут культурно-обусловленное видение мира. Грамматические категории (например, система времен, артикли, формы вежливости в японском или корейском) формируют специфический способ восприятия времени, определенности/неопределенности, социальной иерархии [13]. Таким образом, при изучении иностранного языка обучающийся усваивает не просто правила, а новые когнитивные схемы.

Несомненно, большое внимание следует уделять визуальному ряду, так как изображения людей, городов, интерьеров, ситуаций общения создают визуальный образ «другого» мира. Часто этот образ идеализирован, стереотипен или соответствует туристическому взгляду: Лондон представлен Биг-Беном и двухэтажными автобусами, немецкая семья – аккуратной и успешной. Такая визуализация может закреплять упрощенные, «открыточные» представления, заменяя сложную социальную реальность ее коммодифицированной версией.

Стоит отметить и высокое значение непосредственно педагогических практик и дискурса преподавателя.

Преподаватель является ключевым медиатором между материалом и учеником, его роль выходит далеко за рамки технического инструктажа. Преподаватель выступает как авторитетный интерпретатор социальных норм, «легитимный представитель» целевой культуры, даже если он не является ее носителем. Его комментарии, ответы на вопросы, реакции на высказывания студентов формируют «официальную» версию конструируемой реальности. В этой работе особое внимание уделяется коммуникативному и деятельностному подходам, проектной работе, ролевым играм и симуляциям, которые активно моделируют социальные взаимодействия. Обучающийся, готовя презентацию о своей будущей компании или разыгрывая диалог «Собеседование с будущим работодателем», вынужден интериоризировать определенные социальные роли, речевые и поведенческие паттерны, что является прямым упражнением в конструировании новой идентичности [6; 15].

При вышеописанной работе педагога формируется представление о социально желательном и допустимом в рамках учебной, а затем и потенциально реальной, коммуникации. Однако, могут возникнуть проблемы с системой оценивания. Рекомендуется поощрять высокой оценкой сложные грамматические конструкции, определенный стиль аргументации, «политкорректную» лексику, отсутствие ошибок в воспроизведении стереотипов.

Перед преподавателем стоит еще одна задача – создание интерактивного пространства учебной группы как лаборатории реальности. Стоит отметить, что сама аудитория, особенно в условиях поликультурного состава, становится уникальной социальной лабораторией.

Таким образом, при совместной деятельности, в процессе групповых обсуждений, проектов, дебатов обучающиеся с разным лингвокультурным бэкграундом не просто обмениваются мнениями, а совместно вырабатывают общие правила коммуникации, способы преодоления непонимания, новые гибридные смыслы. Это пространство, где, по выражению Бхабхи, возникает «третье пространство» – зона переговоров и создания новой, общей культуры диалога [2; 14].

Немаловажным фактором является и формирование учебного сообщества. Группа изучающих иностранный язык сама по себе становится «воображаемым сообществом» [2], объединенным общей целью и новым языковым кодом. Внутри этого сообщества формируются свои нормы, шутки, способы поддержки, что является микромоделью социального конструирования.

Критический анализ и риски процесса конструирования

Без рефлексии процесс конструирования реальности в обучении языкам сопряжен с рядом рисков, таких как: 1) воспроизводство стереотипов и культурных клише. Учебники часто предлагают гомогенизированный, очищенный от противоречий образ культуры, сводя ее к набору узнаваемых символов и упрощенных поведенческих моделей (французы всегда едят круассаны, англичане постоянно говорят о погоде) [13; 17]; 2) неоимперский или гегемонистский дискурс. В учебниках по глобальному языку, особенно английскому, может неявно продвигаться западнцентричная картина мира, где «норма» и «прогресс» ассоциируются с определенными странами, а иные культуры представляются экзотичными или отсталыми [12; 17]; 3) Коммодификация культуры. Культура представляется как набор потребляемых продуктов (еда, праздники, достопримечательности), что сводит межкультурное взаимодействие к уровню туриста-потребителя, а не участника диалога; 4) Игнорирование внутреннего разнообразия и социальных конфликтов. В учебных материалах редко представлены маргинальные голоса, социальные проблемы, классовые, расовые или гендерные противоречия внутри целевой культуры, что создает искаженную, «лакированную» реальность [9].

Для минимизации рисков и осознанного управления процессом конструирования необходим переход к рефлексивно-конструктивистской педагогике. Ее ключевые принципы могут включать, например, 1) деконструкцию учебных материалов (преподаватель должен не просто использовать УМК, а проблематизировать его содержание. Это означает совместный с учащимися анализ: Чьи голоса звучат в тексте? Чьи отсутствуют? Какие ценности продвигаются? Какие образы и стереотипы используются? Например, при изучении темы «Собеседование о приеме на работу» можно рассмотреть, какие модели собеседования представлены (традиционное, авторитарное, структурированное), а какие исключены; 2) плюрализацию дискурсов, то есть необходимость дополнять основной учебник аутентичными материалами, представляющими разные социальные группы и точки зрения: статьи из альтернативных СМИ, блоги, фильмы, интервью с представителями разных поколений, субкультур, регионов. Это разрушает иллюзию монолитной культуры; 3) развитие критической культурной

осведомленности (critical cultural awareness) [11]. Тут центральной задачей становится обучение не «что думать» о культуре, а «как думать» о ней. Обучающиеся развивают навыки задавать критические вопросы: «Почему это представлено так?», «Кому выгодна такая точка зрения?», «Как бы эту ситуацию описал другой участник?»; 4) фокусировку на «третьем пространстве» и идентичности обучающегося, то есть акцент смещается с пассивного усвоения «их» культуры на активное построение собственной гибридной идентичности в межкультурном диалоге. Задания должны стимулировать рефлексивность: «Как эта тема соотносится с моим опытом?», «Какие элементы разных культур я хотел бы интегрировать в свою жизнь?» [14; 16]; 5) Экологичный подход к языковому обучению [18], когда учебный процесс воспринимается как сложная экосистема, где важны все элементы и их взаимосвязи: социальный контекст, отношения в группе, эмоциональная атмосфера, индивидуальные траектории учащихся. Задача педагога – создавать поддерживающую среду, в которой возможен риск, эксперимент и личностный рост.

Выводы

1. Обучение иностранным языкам является мощным социокультурным институтом, активно участвующим в конструировании социальной реальности обучающихся. Этот процесс, основанный на принципах социального конструктивизма [1], идет не по линии простого «отражения» чужой культуры, а через сложную фильтрацию, интерпретацию, гибридизацию и совместное созидание смыслов в «третьем пространстве» [2].

2. Основными агентами и инструментами этого конструирования выступают учебно-методические комплексы, педагогические методики и дискурсивные практики преподавателя, которые совместно формируют у учащихся специфическую картину мира, систему ценностей и динамичные социальные идентичности [5; 15; 16].

3. Существует значительный риск некритичного воспроизводства стереотипных, идеологически ангажированных или коммодифицированных образов культуры изучаемого языка через стандартные УМК и нерелевантные педагогические практики, что сужает потенциал подлинного межкультурного диалога [12; 17].

4. Перспективным и этически ответственным направлением развития современной лингводидактики является рефлексивно-конструктивистский подход. Он делает сам процесс конструирования реальности предметом осознания и критического анализа как для учителя, так и для ученика, интегрируя методы критической педагогики [9] и дискурс-анализа [12]. Целью такого подхода становится формирование не «носителя» готовых культурных клише, а автономной, гибкой и критически мыслящей языковой личности, способной к активному, ответственному и творческому участию в строительстве поликультурной социальной реальности [11; 14].

5. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическое изучение (например, через лонгитюдные case-исследования, нарративные интервью) того, как конкретные элементы учебного процесса влияют на изменение социальных представлений и идентичностей учащихся. Также необходима разработка и апробация конкретных методик рефлексивной работы с различными аспектами языкового курса, включая создание новых типов учебных материалов, открытых для множественных интерпретаций.

Литература

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
2. Бхабха, Х.К. Место культуры. – М.: РГГУ, 2018.
3. Гальскова, Н.Д., Гез, Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2009.
4. Зарипов, Г. Формирование межкультурной компетенции в процессе обучения иностранным языкам // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 5.
5. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010.
6. Пассов, Е.И., Кузовлева, Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. – М.: Русский язык. Курсы, 2010.
7. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996.
8. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000.

9. Фрейре, П. Педагогика угнетенных. – М.: Издательство Института Гайдара, 2018.
10. Халева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: Высшая школа, 1989.
11. Byram, M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. – Clevedon: Multilingual Matters, 1997.
12. Fairclough, N. Language and Power. – London: Longman, 2001.
13. Kramsch, C. Context and Culture in Language Teaching. – Oxford: Oxford University Press, 1993.
14. Kramsch, C. The Multilingual Subject. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
15. Lantolf, J.P., Thorne, S.L. Sociocultural Theory and the Genesis of Second Language Development. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
16. Norton, B. Identity and Language Learning: Gender, Ethnicity and Educational Change. – Harlow: Longman, 2000.
17. Risager, K. Language and Culture: Global Flows and Local Complexity. – Clevedon: Multilingual Matters, 2006.
18. Van Lier, L. The Ecology and Semiotics of Language Learning: A Sociocultural Perspective. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 2004.

THE CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Krutko E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the process of constructing social reality in the context of foreign language teaching. Language education goes beyond the simple transmission of linguistic codes and becomes a powerful tool for shaping students' specific worldviews, value systems, social identities, and behavioral patterns that are characteristic of both the target language culture and the global intercultural community. The focus of the study is on analyzing didactic materials, pedagogical practices, and the discursive space of the classroom as "scaffolding" for constructing a new social reality. The theoretical basis of the work is the concepts of social constructivism (P. Berger, T. Luckmann), theories of linguistic personality, intercultural communicative competence, and critical language pedagogy. The methodology includes discourse analysis of educational materials, critical analysis of pedagogical practices, and theoretical modeling. The article substantiates the need for a reflective approach in teaching, which allows the teacher to consciously manage the process of constructing reality and foster critical thinking in students. The practical significance of the study lies in the development of recommendations for creating educational courses that promote the formation of a flexible, tolerant, and reflective language personality capable of authentic dialogue between cultures.

Keywords: social constructivism, foreign language teaching, constructing reality, language personality, intercultural communication, discourse, identity, reflective pedagogy.

References

1. Berger, P., Lukman, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. – Moscow: Medium, 1995.
2. Bhabha, H.K. The Location of Culture. – Moscow: RGGU, 2018.
3. Galskova, N.D., Gez, N.I. Theory of Teaching Foreign Languages. Linguodidactics and Methods. – M.: Academy, 2009.
4. Zarirov, G. Formation of Intercultural Competence in the Process of Teaching Foreign Languages // Vestnik VEGU. – 2013. – No. 5.
5. Karaulov, Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. – Moscow: LKI, 2010.
6. Passov, E.I., Kuzovleva, N.E. Fundamentals of Communicative Theory and Technology of Foreign Language Education. – Moscow: Russian Language. Courses, 2010.
7. Safonova, V.V. Learning Languages of International Communication in the Context of Dialogue of Cultures and Civilizations. – Voronezh: Istoki, 1996.
8. Ter-Minasova, S.G. Language and Intercultural Communication. – Moscow: Slovo/Slovo, 2000.
9. Freire, P. Pedagogy of the Oppressed. – Moscow: Gaidar Institute Press, 2018.
10. Khaleeva, I.I. Fundamentals of the Theory of Teaching Foreign Language Understanding. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1989.
11. Byram, M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. – Clevedon: Multilingual Matters, 1997.
12. Fairclough, N. Language and Power. – London: Longman, 2001.
13. Kramsch, C. Context and Culture in Language Teaching. – Oxford: Oxford University Press, 1993.
14. Kramsch, C. The Multilingual Subject. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
15. Lantolf, J.P., Thorne, S.L. Sociocultural Theory and the Genesis of Second Language Development. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
16. Norton, B. Identity and Language Learning: Gender, Ethnicity and Educational Change. – Harlow: Longman, 2000.
17. Risager, K. Language and Culture: Global Flows and Local Complexity. – Clevedon: Multilingual Matters, 2006.
18. Van Lier, L. The Ecology and Semiotics of Language Learning: A Sociocultural Perspective. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 2004.

Кузнецов Денис Андреевич,

канд. полит. наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Карасева Дарья Максимовна,

магистрант, эксперт цифровой кафедры Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: dashakara@yandex.ru

Курбатов Дмитрий Михайлович,

аспирант кафедры мировых политических процессов, аналитик Центра научной дипломатии и молодежи в науку Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: d.kurbatov@inno.mgimo.ru

В статье рассматривается роль прогресса в области науки и технологий в качестве инструмента укрепления международного позиционирования объединения БРИКС и его стран-участниц. Сравнительный анализ эволюции научно-технологического развития государств БРИКС позволяет выявить характерный для всех стран блока переход от ресурсно-сырьевой модели экономики к модели, основанной на знаниях, инновациях и цифровом суверенитете. По результатам анализа официальных документов, статистических материалов и реализуемых научных и технологических проектов, авторы представляют основные текущие и перспективные направления и существующие механизмы научно-технологического сотрудничества по линии БРИКС, а также выявляют основные вызовы, связанные с особенностями реализации текущих проектов и инициатив, а также технологическим неравенством стран объединения.

Ключевые слова: БРИКС, глобальное позиционирование, научно-технологическое сотрудничество, технологический суверенитет, инновационная экономика, цифровая трансформация, многополярность, научная дипломатия.

Введение

В 2000-е гг. экономическая целесообразность формирования неформального объединения БРИКС (первоначально – Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР; в 2024–2025 гг. присоединились Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия и Индонезия) была связана со стремлением пересмотреть сложившуюся в начале XXI в. структуру мировой экономики, доминируемую крупнейшими западными государствами – странами «золотого миллиарда». К настоящему времени объединение значительно расширилось по составу, статусу, уровню институционализации и направлениям многосторонней деятельности. Если на начальном этапе его потенциал определяли демографические ресурсы, природное богатство и рост национальных рынков, то в последнее десятилетие приоритет сместился в сторону науки, технологий и инноваций (НТИ). В условиях глобальной технологической конкуренции и международно-политической турбулентности способность государств генерировать знания и создавать конкурентоспособные технологии становится важным фактором мирового влияния.

Цель статьи – определить, каким образом первоначальные страны БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР – используют науку и технологии как инструменты коллективного и национального позиционирования на мировой арене.

Значимость научно-технологического развития и сотрудничества стран БРИКС в контексте международного позиционирования в современных условиях

В современных международных отношениях научно-технологическое развитие выступает ключевым элементом национальной мощи. Распространение информационно-коммуникационных технологий привело к институциональным трансформациям, укреплению межгосударственных связей и переосмыслению природы глобальной власти. Совокупный потенциал формата БРИКС+ уже превзошёл показатели группы «Большой двадцатки»¹. Растущая роль науки и технологий очевидна в стратегических планах стран БРИКС и в их глобальном позиционировании.

В официальных документах и декларациях БРИКС подчеркивается важность «технологического суверенитета» и совместного развития прорывных технологий для решения глобальных задач развития. Технологический суверенитет определяется как способность государства контролировать, развивать и применять критически важные технологии, которые обеспечивают его независимость от внешнего давления при сохранении конкурентоспособности. Российский подход к «технологическому суверенитету» отражен в Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности² и концентрирует внимание на безопасности и снижении зависимости от западных технологических центров. В западной модели технологический суверенитет рассматривается через призму конкурентоспособности в глобальных инновационных сетях, где ключевую роль играет рынок, международные альянсы и участие в глобальных институтах регулирования.

Страны БРИКС обозначили в качестве приоритетов наращивание сотрудничества в области ИИ, квантовых технологий и промышленной инновации. В рамках бразильского председательства в 2025 г. выдвинуты предложения по созданию многосторонних платформ обмена научными данными, поощрения совместных исследований в сфере «зеленых» технологий, а также интеграции образовательных программ для подготовки кадров в новых областях техники. 27 июня 2025 г. в столице страны-председательницы в БРИКС в городе Бразилиа состоялась 13-я встреча министров науки, технологий и инноваций БРИКС. Регулярность подобных встреч доказывает актуальность тематики, так, по словам замминистра образования РФ Константина Могилевского, Россия

¹ Cherkasskiy, A. BRICS and Prospects for Dewesternization of Science. BRICS Magazine. 2025. URL: <https://bricsmagazine.com/en/soft-power/education/brics-and-prospects-for-dewesternization-of-science/> (accessed: 20.01.2026).

² Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: утв. Указом Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 // Совет Безопасности Российской Федерации: [официальный сайт]. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/> (дата обращения: 10.01.2026).

стала инициатором создания общенаучных баз данных БРИКС, охватывающие ключевые области исследований, что во многом позволит повысить эффективность научного сотрудничества¹.

Традиционные теории модернизации и зависимости описывали страны Глобального Юга, к которым можно отнести государства БРИКС, как периферию, зависимую от технологий и знаний, импортируемых из центра. В начале XXI в. страны БРИКС, в наиболее явственной форме Китай, бросили вызов этой парадигме, осуществив (или, в случае отдельных стран, продолжая осуществлять) переход от стратегии «догоняющего развития» к активному участию в формировании технологических траекторий будущего [2, р. 3130–3131]. Это, в частности, проявляется в реализации масштабных национальных инициатив, значительная часть которых обладает выраженным международным измерением: напр., кампания «Сделано в Китае-2025», «Национальные проекты» России в области цифровой экономики и науки, индийская программа «Digital India», инициативы Бразилии в области биоэкономики, стратегии ЮАО в сфере зеленой энергетики и др. Таким образом, наука, технологии и инновации становятся не просто экономическим инструментарием стран БРИКС, но и играют важную роль в глобальном позиционировании объединения, создавая условия для укрепления его международно-го влияния и конкурентоспособности.

Научно-техническое взаимодействие между странами БРИКС устойчиво развивается на протяжении последнего десятилетия, охватывая, в первую очередь, такие приоритетные области, как информационные технологии, биотехнологии, аэрокосмическую сферу, возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и технологии искусственного интеллекта². При этом, как отмечают отечественные и зарубежные эксперты, важным политическим компонентом многостороннего взаимодействия является создание общей инфраструктуры и механизмов сотрудничества, включая создание единой информационной базы, совместных лабораторий, центров трансфера технологий, а также упрощение визового режима для ученых и взаимное признание документов об образовании странами БРИКС. Таким образом, научно-техническое сотрудничество в рамках БРИКС не только способствует развитию технологий и инноваций стран-участниц, но и служит инструментом для укрепления позиций этих государств в качестве влиятельных акторов мировой политики, представляющих интересы «мирового большинства», а также для формирования нового незападного макрорегиона в мировой экономике.

Ключевые направления и форматы актуального научно-технологического сотрудничества стран БРИКС

К настоящему моменту странам БРИКС удалось создать разветвленную институциональную инфраструктуру для развития кооперации в сфере науки и технологий, позволяющую усиливать международное позиционирование объединения.

Данная инфраструктура включает серию дополняющих друг друга структур и форматов.

Рамочные программы и фонды (например, рабочая группа по науке, технологиям и инновациям, рамочная программа БРИКС в области науки, технологий и инноваций, Фонд БРИКС для исследований и инноваций и др.³) не только позволяют формировать экспертные площадки для многостороннего диалога, но и способствуют устойчивому увеличению финансирования совместных проектов стран БРИКС в приоритетных областях, включая биотехнологии, астрономию, новые материалы, искусственный интеллект и пр. [12]. Так, в частности, реализация рамочной программы БРИКС в области науки позволила коммерциализировать лучшие технологические разработки в странах объединения благодаря ежегодному проведению международного конкурса научно-исследовательских проектов, организуемому при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Фонда содействия развитию

малых форм предприятий в научно-технической сфере, Национального совета Бразилии по развитию науки и технологий, Агентства по инновациям Бразилии, Департамента науки и технологий Индии, Министерства науки и технологий Китая, Национального фонда естественных наук Китая, Агентства технологических инноваций ЮАР и других профильных ведомств⁴.

Сетевые структуры (платформа технологического трансфера БРИКС, Сетевой университет БРИКС (СУ БРИКС), Лига университетов БРИКС (ЛУ БРИКС), Молодежное энергетическое агентство БРИКС (МЭА БРИКС и др.) способствуют развитию международных форматов, направленных на развитие горизонтальных связей между научными сообществами, университетами и молодыми специалистами стран БРИКС и постепенного формирования общего образовательного и интеллектуального пространства объединения [10, 11].

В академическом сообществе Сетевой университет БРИКС характеризуется как «катализатор» и важнейшая инициатива для построения «качественно новой архитектуры многостороннего взаимодействия» в образовании и науке стран БРИКС, несмотря на существование различий между образовательными системами, квалификационными стандартами и научными традициями отдельных стран объединения [3]. Одной из отличительных особенностей формата СУ БРИКС стал акцент на реализации программ более поздних этапов обучения, прежде всего магистратуры и аспирантуры, что было связано с практической необходимостью подготовок совместных кадров не только в сфере науки, но и для реального сектора. В целом, сотрудничество в рамках сетевых университетов представляется перспективным, поскольку оно не только способствует объединению вузов для разработки совместных образовательных программ и курсов, но и увеличению числа совместных международных научных исследований и публикаций, запуску стартапов, созданию инкубаторов и коммерциализации исследований [8]. Синергия ресурсов и компетенций для достижения общих целей и укрепления традиционных и новых форм сотрудничества содействует улучшению позиций вузов стран БРИКС в международных рейтингах, включая университетский рейтинг QS. Востребованность Сетевого университета подтвердилась устойчивым расширением числа вузов-участников: если в период запуска проекта СУ объединял около 50 образовательных учреждений высшего образования⁵, то на конец 2025 г. к работе Сетевого университета БРИКС присоединилось более 170 высших учебных заведений⁶. Значимым шагом к углублению академического взаимодействия по линии БРИКС, а также оценке научного потенциала стран-участниц стало формирование пилотного рейтинга вузов объединения, опубликованного в 2024 и 2025 гг. Данный рейтинг был разработан в развитие проекта «Лига университетов БРИКС», на базе которой также был сформирован формат ежегодный саммитов ректоров вузов объединения. Лига университетов БРИКС представляет собой международную негосударственную и некоммерческую платформу для взаимодействия исследовательских и образовательных организаций по широкому спектру научных направлений. Сетевой университет и Лига университетов БРИКС функционируют на основе принципа взаимодополнения. Значимыми практическими результатами деятельности Сетевого университета стали, в частности, упорядочение совместной отчетной документации по реализации международных проектов, а также существенное расширение контактов образовательных учреждений стран-участниц формата. Новый импульс развитию образовательного сотрудничества в формате Сетевого университета и Лиги университетов БРИКС придало второе расширение блока в 2024–2025 гг., когда к работе объединения присоединились Египет, Индонезия, Иран, ОАЭ и Эфиопия, а партнерами БРИКС стали Беларусь, Боливия, Вьетнам, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия Таиланд, Уганда и Узбекистан. В условиях стремления стран БРИКС к обеспечению т.н. «экспертного суверенитета» Россия активно выступает с предложениями по созданию альтернативных, не связан-

¹ Russia proposes unifying BRICS scientific resources into shared databases (Россия предложила объединить научные ресурсы БРИКС в общие базы данных). ТВ БРИКС. 2025. URL: <https://tvbrics.com/en/news/russia-proposed-unifying-brics-scientific-resources-into-shared-databases/>. (дата обращения: 19.01.2026).

² Как сотрудничают ученые из стран БРИКС. НИУ ВШЭ. Официальный сайт. Форсайт и научно-техническая и инновационная политика. 2017. URL: <https://issek.hse.ru/forsconf-2017/BRICS> (дата обращения: 19.01.2026); Научно-технологическое сотрудничество стран БРИКС обсудили на Конгрессе молодых ученых. Mission Impact. 2023. URL: <https://impact-mission.org/ru/blog/science-and-technology-cooperation-of-the-brics-countries-was-discussed-at-the-young-scientist-forum/> (дата обращения: 18.01.2026) и др.

³ Рамочная программа БРИКС в области науки, технологий и инноваций (2015–2024). URL: <http://brics-russia2024.ru/documents> (дата обращения: 15.01.2026).

⁴ Шугуров, М.В., Шугурова, И.В. Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций: политико-правовое измерение. Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.75322. с. 133.

⁵ Сетевой университет БРИКС. НИУ ВШЭ. Официальный сайт. URL: <https://mspo.hse.ru/subrics> (дата обращения – 10.02.2026 г.).

⁶ Национальный координационный комитет Сетевого университета БРИКС обсудил в РУДН планы на 2026 год. Российский университет дружбы народов (РУДН). Официальный сайт. 12.11.2025 г. URL: <https://www.rudn.ru/media/news/education/nacionalnyy-koordinatsionnyy-komitset-setevogo-universiteta-briks-obsudil-v-rudn-planyna-2026-god> (дата обращения – 10.02.2026 г.).

⁷ Российский вариант пилотного рейтинга университетов БРИКС (второй выпуск, 2025 г.). Московский международный рейтинг «Три миссии университета». Официальный сайт. URL: https://mosiur.org/ranking_bricks_2025/ (дата обращения – 10.02.2026 г.).

ных с западными структурами научных рейтингов и наукометрических баз, что также прорабатывается в рамках сетевых форматов БРИКС.

Проекты класса «мега сайенс» представляют ряд крупномасштабных научных инициатив, реализуемых совместными усилиями учеными стран БРИКС и зачастую нацеленных на решение проблем, актуальных не только для этих стран, но и для широкого круга государств Глобального Юга. К таким областям следует отнести, в частности, продовольственную безопасность (инициатива «цифровое сельское хозяйство»), здравоохранение (трансграничная борьба с инфекционными заболеваниями), изменение климата (проект «чистые технологии»). Осуществление подобных инициатив не только способствует внесению странами БРИКС значительного вклада в области глобального управления, но и позволяет повышать привлекательность объединения для других стран незападного мира. В связи с распространением т.н. «меганаучных» проектов, видной инициативой, предложенной российской стороной, стала концепция формирования общей институциональной базы БРИКС GRAIN (Global Research Advanced Infrastructure Network), направленной на обеспечение для стран объединения и других дружественных государств равного доступа к инфраструктуре меганаучных проектов. Кроме того, в настоящий момент, несмотря на частичную политизацию международного академического взаимодействия после 2022 г. страны БРИКС активно вовлечены в реализацию глобальных проектов «мега сайенс», включая, например, работу большого адронного коллайдера и Международного экспериментального термоядерного реактора [7].

Достижения и вызовы «технологической суверенизации» БРИКС

Одним из наиболее значимых аспектов глобального позиционирования БРИКС является стремление к снижению технологической зависимости от западных платформ и стандартов.

В практическом выражении данное стремление отражено в следующих аспектах:

1. Обеспечение технологической автономизации благодаря постепенному развитию собственной цифровой инфраструктуры. В этом контексте, показательным примером является распространение за рубежом российской платежной системы «Мир», китайской UnionPay, индийской UPI в качестве альтернатив европейским Visa и Mastercard. В свою очередь, развитие спутниковых группировок (в частности, БРИКС рассматривает проект собственной системы дистанционного зондирования Земли) снижает зависимость от GPS и Европейской спутниковой навигационной системы (GNSS) [1].

2. Продвижение собственных технологических стандартов: так, например, Китай и Россия активно участвуют в установлении стандартов для сетей 5G/6G, интернета вещей (IoT), что представляется одной из предпосылок долгосрочного технологического влияния.

3. Создание альтернативных финансовых, информационных и других трансграничных потоков. Так, укреплению технологического суверенитета БРИКС, усиливающему международное позиционирование объединения в качестве влиятельного экономического центра, благоприятствуют усилия по развитию систем межбанковских расчетов в национальных валютах через механизмы, подобные системе передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС), в то время как глобальное медийное присутствие БРИКС усиливается благодаря таким развивающимся онлайн-платформам, как российские Telegram и VK, китайский сервис WeChat и другим национальным мессенджерам и социальным сетям стран объединения. Вместе с тем, определенным ограничением в данной связи является языковой фактор: большая часть пользовательской аудитории каждой из соответствующих платформ предпочитает коммуникацию, а также создание, потребление и обмен информацией на родном языке, которым, как правило, не владеют в достаточном объеме пользователи из других стран БРИКС.

Вместе с тем, специалисты в области научно-технологического сотрудничества между странами БРИКС выделяют ряд вызовов для соответствующего направления взаимодействия. Наиболее часто эксперты обращают внимание на неоднородность уровня научно-технологического развития стран БРИКС и технологическое доминирование Китая, отсутствие единых стандартов оценки научных знаний и результатов проектов, что тормозит координацию и коммерциализацию разработок, недостаточное вовлечение делового сектора и слабости в механизмах перехода от научных разработок к рыночным продуктам¹, сохранение ограничений, обусловленных языковыми различиями и бюрократическими барьерами, недостаточная популяризация и низ-

¹ Научно-технологическое сотрудничество стран БРИКС обсудили на Конгрессе молодых ученых. Mission Impact. 2023. URL: <https://impact-mission.org/ru/blog/science-and-technology-cooperation-of-the-brics-countries-was-discussed-at-the-young-scientist-forum/> (дата обращения: 18.01.2026).

кий уровень продвижения научно-образовательных проектов, а также недостаточная изученность применения научного и инновационного потенциала стран БРИКС для формирования дальнейших стратегий сотрудничества, включая также создание долгосрочных международных партнерств в расширенном формате БРИКС+ [5].

К перспективным направлениям научно-технологического сотрудничества в формате БРИКС специалисты относят информационные и коммуникационные технологии, нанотехнологии и новые материалы, робототехнику, передовые производственные технологии, исследования в области космоса и транспортных систем, позволяющие странам объединяться в мегапроектах класса «мега сайенс»², биотехнологии, генетику и молекулярную биологию³, а также разнообразные совместные инфраструктурные проекты, например, технопарки, центры трансфера технологий и базы данных с открытым доступом для ученых из стран БРИКС и других государств⁴.

При этом справедливо заметить, что каждая из стран БРИКС обладает отличительными особенностями научно-технологического развития. В основе подхода лежит идея, что «уровень научно-технологического развития» является многомерной категорией, включающей как определенные количественные показатели, так и качественные характеристики. Для сравнительного анализа научно-технологического развития стран объединения были отобраны ключевые технологические отрасли, которые, *во-первых*, обладают стратегическим значением для современной мировой экономики, *во-вторых*, напрямую отражают уровень технологического суверенитета государства и глобальной конкурентоспособности. В их число вошли искусственный интеллект, микроэлектроника и телекоммуникации, космические и квантовые технологии, энергетика, включая возобновляемые источники, биотехнологии и агротехнологии, а также промышленные технологии. Методологическая основа такой оценки опирается на общепринятые международные подходы к оценке научно-технологического развития, включающие как количественные, так и качественные показатели. Согласно международным стандартам STI-оценок (science, technology, innovations), ключевые показатели научно-технологической активности включают: объемы инвестиций и людские ресурсы, вовлеченные в НИОКР, научно-публикационную активность, уровень международного научно-технологического сотрудничества, а также показатели технологических результатов, которые фиксируют способность превращать знания в инновации и технологии с коммерческой или стратегической ценностью для экономики и общества. Классификация отраслей как «сильных», «развивающихся» или «слабых» основана на совокупности нескольких критериев. К ним относятся наличие национальных стратегий и программ развития в области научно-технологического развития, уровень научно-исследовательской базы (количество научных публикаций высокоцитируемых ученых) и объем инвестиций в НИОКР, присутствие на мировых рынках технологий страны, а также уровень технологической автономии от внешних поставщиков, прежде всего из США и стран Европейского союза. Дополнительно учитывалась способность соответствующих отраслей выступать основой для международного технологического сотрудничества и совместных инициатив в рамках БРИКС. Представленная таблица не претендует на исчерпывающую оценку всех технологических секторов, но позволяет наглядно зафиксировать ключевые направления технологической специализации стран БРИКС и выявить аномалии, определяющие потенциал и ограничения объединения в сфере глобального технологического позиционирования (рис. 1).

Развитие технологических отраслей в странах БРИКС

Сравнительный анализ технологических профилей стран БРИКС выявляет выраженную асимметрию уровней развития и специализации,

² Научно-технологическое сотрудничество стран БРИКС обсудили на Конгрессе молодых ученых. Mission Impact. 2023. URL: <https://impact-mission.org/ru/blog/science-and-technology-cooperation-of-the-brics-countries-was-discussed-at-the-young-scientist-forum/> (дата обращения: 18.01.2026).

³ Краснова, Г.А. Состояние и перспективы многостороннего научно-сотрудничества в рамках БРИКС. Российский совет по международным делам (РСМД). Блог. Образование и наука. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-mnogostoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-briks/> (дата обращения: 19.01.2026).

⁴ Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС: доклад № 90 / 2023 / [Г.Д. Толорая, А.Ю. Борзова, И.Г. Дежина, Р.О. Райнхардт, М.В. Никольская, Г.А. Краснова; под ред. Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 56 с. С. 43–49. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-BRICS-Science-Diplomacy-Report90.pdf> (дата обращения: 19.01.2026).

определяющую потенциал и ограничения объединения в глобальном технологическом позиционировании.

Технологическое направление	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
ИИ и большие данные	Развивающаяся	Развивающаяся	Развивающаяся	Сильная	Развивающаяся
ИКТ и телекоммуникации	Развивающаяся	Сильная	Сильная	Сильная	Развивающаяся
Микроэлектроника	Слабая	Развивающаяся	Развивающаяся	Сильная	Слабая
Квантовые технологии	Слабая	Развивающаяся	Развивающаяся	Сильная	Слабая
Космические технологии	Развивающаяся	Сильная	Сильная	Сильная	Развивающаяся
Энергетика и ВИЭ	Сильная	Сильная	Сильная	Сильная	Развивающаяся
Биотехнологии	Развивающаяся	Развивающаяся	Сильная	Сильная	Развивающаяся
Агротехнологии	Сильная	Сильная	Сильная	Развивающаяся	Развивающаяся
Промышленные технологии	Сильная	Сильная	Развивающаяся	Сильная	Сильная

Рис. 1. Сравнительный анализ научно-технологического развития стран БРИКС

Источник: составлено авторами.

Китай выступает системным интегратором, формируя платформы и стандарты в телекоммуникациях, цифровой инфраструктуре, электронной коммерции и финтехе. Индия закрепила как глобальный поставщик ИТ-услуг и программных решений, обладая сильными компетенциями в разработке ПО и сервисных моделях, что усиливает цифровую кооперацию БРИКС. Россия сохраняет позиции в атомной энергетике, космической отрасли, ОПК и квантовых исследованиях, формируя основу для совместных проектов и укрепления технологического суверенитета. Бразилия и ЮАР обеспечивают ресурсную базу high-tech отраслей (редкоземельные элементы, платиновые металлы, литий, ниобий, марганец), развивая прикладные компетенции в агротехнологиях, энергетике и добыче.

Технологические различия отражают и институциональные модели STI-систем: государственно-ориентированную (Китай, частично Россия), рыночную (Индия) и ресурсно-ориентированную (Бразилия, ЮАР). Такое распределение создает предпосылки для кооперации по цепочке «сырье – переработка – платформенные решения», совместной локализации критических технологий, координации стандартов и развития цифровых инструментов (финтех, цифровые валюты, кибербезопасность), что способно усилить автономность объединения.

Одновременно сохраняются риски: доминирование Китая и асимметрия потенциалов, конкуренция в экспортных нишах (вооружения, атомная энергетика, агропродукция), а также геополитические факторы и различная вовлеченность стран, затрудняющие формирование единой технологической политики.

Заключение

В 2010–2020-е гг. научно-технологическое сотрудничество стало одним из приоритетных направлений взаимодействия БРИКС, особенно на фоне расширения объединения и стремления к технологическому суверенитету. Последний все чаще трактуется как кооперативный, основанный на взаимодополняемости, и рассматривается как инструмент международного позиционирования. В перспективе возможно формирование общего технологического пространства (условно – BRICS Tech Area), предполагающего согласование регуляторных подходов, совместные фонды НИОКР и расширение доступа к исследовательской инфраструктуре.

Сотрудничество опирается на развитую институциональную базу: более 10 тематических рабочих групп, совместные конкурсы, проекты «мегасайенс», Форум молодых ученых БРИКС, сетевые форматы взаимодействия университетов и исследовательских центров. БРИКС все чаще позиционируется как альтернативный западным странам центр научно-технологического развития, продвигающий собственные стандарты и решения глобальных проблем.

Вместе с тем сохраняются вызовы: институциональная несогласованность, различие метрик оценки научной эффективности, бюрократические и финансовые ограничения, асимметрия развития и зависимость от западных комплектующих и технологий.

2026 г. может стать переломным для научной дипломатии БРИКС. С одной стороны, формируются новые инструменты (базы данных, форсайт-хабы, транснациональные сети), усиливающие сплоченность блока; с другой – необходимы институциональная гармонизация и устойчивые механизмы финансирования на основе синергии государственного и частного капитала. Ключевым условием успеха станет переход от декларативной интеграции к функционирующим механизмам сотрудничества с учетом интересов всех стран-участниц.

Литература

- Belli, Luca & Jiang, Min. Digital Sovereignty in the BRICS Countries. Cambridge University Press. 2025. 282 p.
- Kaushik, Sumant, Mahipal, Payal & Patel, Mitesh. BRICS Expansion: Reshaping Global Economic Governance. ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts. 2024. No. 5. Pp. 3129–3136.
- Алексеев, А.О. Сетевой университет БРИКС и его роль в выстраивании новой архитектуры многостороннего взаимодействия в области образования и науки. Образование в глобальном мире. Вестник высшей школы. 2017. № 9. С. 38–42.
- Балашова, М.В., Бухаева, Е.Е., Куклина, И.П., Лукша, О.П., Яновский, А.Э. Механизмы поддержки научно-технологического сотрудничества между странами БРИКС: многосторонние конкурсы и сетевая платформа для трансфера знаний и технологий. Инновации. 2016. № 4 (210). с. 47–54.
- Герасимов, В.И., Коданева, С.И. Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС: тенденции, перспективы и вызовы. Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 1. С. 204–229.
- Кан, М. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2. с. 140–159.
- Коротков, И.Г., Зубенко, В.А. Научно-исследовательская инфраструктура стран БРИКС. Мир новой экономики. 2016. № 2. с. 38–44.
- Лукашенко, М.А. и др. Коллаборации российских университетов с вузами БРИКС: формы, результаты, возможности. Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 3. С. 52–76.
- Матковская, Я.С. О стратегическом значении развития научно-технического сотрудничества стран БРИКС. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2024. № 15 (4). с. 319–332.
- Поташин, А.А., Гусаров, М.А., Бадалян, К.М., Комлев, Н.М., Малаховский, Я.И. Влияние сотрудничества стран БРИКС в сфере образования на развитие глобального образовательного пространства. Управление образованием: теория и практика. 2024. № 7.1 (84). С. 139–148.
- Ситарян, С.А., Дюжева, Н.В., Лукьянец, А.С. Роль Сетевого университета БРИКС в интернационализации образования. Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 306–316.
- Соколов, А.В., Шашнов, С.А., Коцемир, М.Н. Расширение БРИКС и новые перспективы для научного сотрудничества. Глава книги «БРИКС: формирование международного научного ландшафта». М. Российский центр научной информации (РЦНИ). с. 114–139.
- Шугуров, М.В., Шугурова, И.В. Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций: политико-правовое измерение. Международное право. 2025. № 3. С. 127–156.

SCIENCE AND TECHNOLOGY AS INSTRUMENTS FOR BRICS GLOBAL POSITIONING

Kuznetsov D.A., Karaseva D.M., Kurbatov D.M.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the role of science and technological progress as a tool of strengthening the international positioning of BRICS and its member countries. A comparative analysis of the evolution of the scientific and technological development of the BRICS countries enables the authors to identify the transition from a resource-grounded economic model to a model based on knowledge, innovation and digital sovereignty, typical for all countries of the association. Upon the results of the analysis of official documents, statistics and ongoing scientific and technological projects, the authors present the main current and promising areas, as well as existing mechanisms of scientific and technological cooperation within the BRICS, at the same time identifying the main challenges associated with the specifics of the implementation of current projects and initiatives, as well as the technological inequality of the BRICS countries.

Keywords: BRICS, Global Positioning, Science and Technological Cooperation, Technological Sovereignty, Innovative Economy, Digital Transformation, Multipolarity, Science Diplomacy.

References

1. Belli, Luca & Jiang, Min. *Digital Sovereignty in the BRICS Countries*. Cambridge University Press. 2025. 282 p.
2. Kaushik, Sumant, Mahipal, Payal & Patel, Mitesh. *BRICS Expansion: Reshaping Global Economic Governance*. ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts. 2024. No. 5. Pp. 3129–3136.
3. Alekseenko, A.O. *The BRICS Network University and its Role in Building a New Architecture of Multilateral Interaction in Education and Science*. *Education in the Global World. Bulletin of the Higher School*. 2017. No. 9. Pp. 38–42.
4. Balashova, M.V., Bukhaeva, E.E., Kuklina, I.R., Luksha, O.P., Yanovsky, A.E. *Mechanisms for supporting scientific and technological cooperation among the BRICS countries: Multilateral competitions and a network platform for knowledge and technology transfer*. *Innovations*. 2016. No. 4 (210). Pp. 47–54.
5. Gerasimov, V.I., Kodaneva, S.I. *Scientific, technological and innovation cooperation of the BRICS countries: trends, prospects and challenges*. *Science Management: Theory and Practice*. 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 204–229.
6. Kan, M. *Prospects for cooperation of the BRICS countries in science, technology and innovation*. *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*. 2015. No. 2. Pp. 140–159.
7. Korotkov, I.G., Zubenko, V.A. *Research Infrastructure of the BRICS Countries. The World of the New Economy*. 2016. No. 2. Pp. 38–44.
8. Lukashenko, M.A. et al. *Collaborations of Russian and BRICS Universities: Forms, Results, and Possibilities*. *Higher Education in Russia*. 2025. Vol. 34. No. 3. Pp. 52–76.
9. Matkovskaya, Ya.S. *On the Strategic Importance of Developing Scientific and Technical Cooperation among the BRICS Countries*. *Strategic Decisions and Risk Management*. 2024. No. 15 (4). Pp. 319–332.
10. Potashin, A.A., Gusarov, M.A., Badalyan, K.M., Komlev, N.M., Malakhovsky, Ya.I. *The Impact of BRICS Cooperation in Education on the Development of the Global Educational Space*. *Education Management: Theory and Practice*. 2024. No. 7.1 (84). Pp. 139–148.
11. Sitaryan, S.A., Dyuzheva, N.V., Lukyanets, A.S. *The Role of the BRICS Network University in the Internationalization of Education*. *RUDN University Bulletin. Series: International Relations*. 2019. Vol. 19. No. 2. Pp. 306–316.
12. Sokolov, A.V., Shashnov, S.A., Kotsemir, M.N. *BRICS Expansion and New Prospects for Scientific Cooperation*. Chapter from the book "BRICS: Shaping the International Scientific Landscape." Moscow: Russian Center for Scientific Information (RCSI). Pp. 114–139.
13. Shugurov, M.V., Shugurova, I.V. *The BRICS Framework Program for Science, Technology, and Innovation: Political and Legal Dimension*. *International Law*. 2025. No. 3. Pp. 127–156.

Патентная система как устаревший инструмент: к разработке новой модели регулирования трудовой миграции в Российской Федерации

Марцев Никита Павлович,

студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: martsev.nik@yandex.ru

Актуальность исследования обусловлена сохраняющимся дефицитом рабочей силы в Российской Федерации и необходимостью поиска эффективных механизмов регулирования внешней трудовой миграции, обеспечивающих баланс между потребностями экономики и национальной безопасностью. В статье проведен критический анализ патентной системы как ключевого инструмента легализации трудовой деятельности иностранных граждан из безвизовых стран. Выявлены её системные недостатки: бюрократическая сложность оформления для мигрантов, отсутствие привязки к работодателю и контроля за реальным местонахождением работника, игнорирование региональных и профессиональных потребностей рынка труда, а также стимулирование «замещающей» миграции. В качестве альтернативы рассматривается модель организованного набора иностранных работников, основанная на межгосударственных соглашениях и государственно-частном партнерстве. Приведены аргументы, которые указывают на то, что данный механизм, предполагающий доиммиграционный отбор, адресное привлечение, четкое распределение ответственности между сторонами и гарантированную возвратность, является более управляемым, прозрачным и безопасным. Основным выводом исследования является обоснование необходимости поэтапного перехода от устаревшей патентной системы к институционализированному организованному набору. Для реализации этой цели предложен комплекс мер, включающий внесение изменений в федеральное законодательство, создание единой цифровой платформы и развитие инфраструктуры в странах исхода.

Ключевые слова: трудовая миграция, патентная система, трудовой патент, организованный набор иностранных работников, экономическая эффективность миграционной политики, регулирование миграционных потоков.

Одним из основных направлений миграционной политики Российской Федерации в последние десятилетия остается внешняя трудовая миграция, что связано с многолетним дефицитом рабочей силы на российском рынке труда, который невозможно закрыть при помощи внутренних трудовых ресурсов страны. Так, по данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ численность требуемых работников выросла до 2,6 млн человек в первом квартале 2025 года [9]. Этот факт говорит о том, что экономика Российской Федерации испытывает крайнюю необходимость в восполнении имеющегося дефицита кадров, в том числе и с помощью потоков трудовой миграции, которые также нуждаются в усиленном контроле со стороны государства для обеспечения баланса между потребностями российского рынка и национальной безопасностью страны.

Регулирование трудовой миграции в Российской Федерации осуществляется в рамках комплексной правовой системы, включающей международные договоры, Конституцию РФ, федеральные законы (Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»), а также иные подзаконные акты.

Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» для легального трудоустройства иностранным гражданам необходимо оформить один из установленных документов:

1. Разрешение на работу (для лиц, временно пребывающих в страну);
2. Трудовой патент (для лиц, временно пребывающих, но в отличие от первого варианта, по особым правилам);
3. Разрешение на временное проживание или вид на жительство (для временно или постоянно проживающих на территории России иностранных граждан) [1].

При этом, особое место в системе регулирования трудовой миграции занимает патент, который был введен в 2010 году как упрощенный механизм легализации трудовой деятельности иностранных граждан из стран, с которыми у России установлен безвизовый режим. Трудовой патент представляет собой документ, который дает право временно пребывающему в страну иностранному гражданину легально осуществлять трудовую деятельность у физических лиц или юридических лиц. В отличие от разрешения на работу, патент не привязывает иностранного гражданина к определенному работодателю, что позволяет ему самостоятельно выбирать вид и место трудовой деятельности. Кроме того, патент служит основанием не только для законной работы, но и для легального нахождения иностранца на территории России. В связи с этим, трудовой патент является наиболее популярным документом для легализации трудовой деятельности мигрантов и, по данным МВД за 2024 год, был выдан в количестве более 2 млн экземпляров, что, однако, было меньше на 100 тыс., чем в 2023 году [10].

Процедура трудоустройства иностранных работников при патентной системе является более простой, нежели получение разрешения на работу, однако и здесь присутствует множество этапов, которые мигранту необходимо пройти самостоятельно для получения документа.

Исходя из анализа Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» следует выделить следующие этапы (см. Рис. 1):

Первым этапом является въезд иностранного гражданина на территорию Российской Федерации и получение миграционной карты. При этом в миграционной карте должна быть указана цель визита – «работа». В случае если изначально была заявлена иная цель пребывания, но иностранец намеревается осуществлять трудовую деятельность, он вправе изменить цель визита в процессе подачи заявления на получение патента.

После въезда в страну иностранный работник обязан в течение 30 дней инициировать процедуру оформления патента, а именно лично обратиться с соответствующим заявлением в территориальное подразделение МВД по месту своего фактического пребывания.

Одновременно с подачей заявления на получение трудового патента, иностранный работник обязан предоставить пакет документов, среди которых: заявление о выдаче патента; документ, удостоверяющий личность и признаваемый Российской Федерацией; миграционная

карта с отметкой о въезде и целью «работа»; документ, гарантирующий медицинское обслуживание (полис ДМС / договор на оказание платных медицинских услуг / полис ОМС); медицинские справки, подтверждающие отсутствие у иностранного гражданина наркотической зависимости, инфекционных заболеваний, а также ВИЧ-инфекции; документ, подтверждающий достаточный уровень знания русского языка, истории России и основ российского законодательства. В случае подачи заявления по истечении тридцатидневного срока дополнительно представляется документ об уплате административного штрафа за нарушение установленного срока.

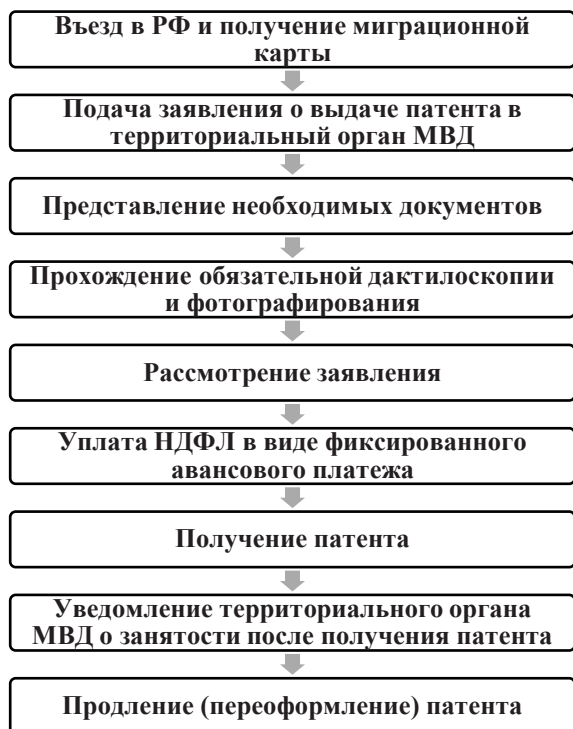

Рис. 1. Шаговая процедура трудоустройства иностранного работника при патентной системе

Одновременно с подачей заявления иностранный гражданин проходит обязательную процедуру дактилоскопической регистрации и фотографирования. По завершении процедуры выдаётся документ, подтверждающий её прохождение.

Заявление о выдаче патента подлежит рассмотрению в срок, не превышающий десяти рабочих дней. В случае наличия сведений о постановке иностранного гражданина на налоговый учёт срок рассмотрения сокращается до пяти рабочих дней.

До получения патента иностранный работник обязан уплатить налог на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа за период действия документа. Размер платежа и применяемые коэффициенты-дефляторы устанавливаются законодательством субъектов Российской Федерации самостоятельно.

Для получения документа иностранный гражданин обязан лично прийти в территориальный орган МВД, предъявив документ, удостоверяющий личность, и документа, подтверждающего уплату налога. Действие патента ограничено сроком от одного до двенадцати месяцев, а также территорией субъекта Российской Федерации, в котором он был выдан, за исключением случаев, предусмотренных межрегиональными соглашениями.

После получения патента иностранный гражданин обязан в течение двух месяцев уведомить территориальный орган МВД о своём трудоустройстве и предоставить копии трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ. Кроме того, мигранту будет необходимо осуществлять ежемесячный авансовый платеж.

Для продления трудового патента иностранному работнику необходимо его повторное оформление. Заявление и пакет документов, включающий запрос от работодателя, действующий контракт, квитанцию об оплате налога и действующий медицинский полис подаются минимум за 10 рабочих дней до окончания текущего срока действия патента [1].

Таким образом, процедура получения патента представляет собой строго регламентированный, многоуровневый административный процесс, требующий соблюдения жёстких временных рамок, представления значительного пакета документов и выполнения ряда обязательных процедур. Важно отметить, что во всех процедурах именно

иностранец является главным инициатором, а также ответственным за свое дальнейшее трудоустройство. С одной стороны, сложность и многоуровневость свидетельствует о стремлении государства обеспечить прозрачность и контроль над трудовой миграцией, минимизировать риски нелегального трудоустройства и одновременно интегрировать мигрантов в правовое поле. С другой стороны, сложность и многоэтапность процедуры могут создавать барьеры для мигрантов, что, в свою очередь, приводит к нарушению ими миграционного законодательства.

Критический анализ действующей патентной системы

Несмотря на то что патент является одним из самых популярных способов легализации трудовой деятельности иностранных работников, он одновременно представляет и наибольшую проблему с точки зрения обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности Российской Федерации.

В первую очередь, следует отметить, что иностранный работник, получивший патент, не закрепляется за конкретным работодателем и в течение двух месяцев находится в «повешенном» состоянии – ему необходимо самостоятельно найти место трудоустройства [1]. С одной стороны, это создаёт для мигранта ситуацию постоянного стресса и неопределённости, а с другой – делает его фактически неподконтрольным территориальным органам МВД на протяжении всего этого срока, что ослабляет механизмы миграционного учёта и контроля и, как следствие, усиливает риски маргинализации иностранного гражданина и совершения им противоправных действий.

Кроме того, отсутствие должного контроля за иностранными работниками выявляется исходя из Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», согласно частям 3.1 и 3.5 статьи 22 которого, мигрант может самостоятельно заявить место пребывания, если он является собственником жилого помещения или располагает договором найма [2]. Этот факт говорит о том, что иностранец может быть официально учтён по одному адресу, но фактически проживать на другом без каких-либо обязательств по уведомлению МВД о своем реальном местонахождении, что осложняет задачи миграционного контроля и снижает эффективность системы миграционного учёта.

Серьёзной проблемой является и то, что патентная система не учитывает региональные потребности рынка труда в конкретных профессиях и квалификациях, что приводит к несоответствию между спросом и предложением иностранной рабочей силы. Кроме того, существует и проблема распределения иностранной рабочей силы. По данным РАНХиГС, более половины иностранных работников сосредоточены в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге, что приводит к нарастанию межнациональной напряженности и возникновению этнических анклавов, которые не стремятся к интеграции в российское общество [8].

Важным аспектом является и то, что отсутствие дифференциации стоимости патента по профессиям и квалификациям существенно ограничивает возможности государства по управлению миграционными потоками. На данный момент, размер платы за патент устанавливается исключительно на региональном уровне и не учитывает ни востребованность конкретной специальности на рынке труда, ни уровень квалификации иностранного работника. В результате система не стимулирует приток кадров в дефицитные сектора экономики и не сдерживает избыточный наплыв мигрантов в уже насыщенные профессии, что снижает эффективность миграционной политики и противоречит задачам устойчивого экономического развития [7, с. 204]. Кроме того, дифференцированная и часто высокая по регионам стоимость патента (например, более 17 тыс. рублей в Краснодарском крае) создаёт финансовую нестабильность и неравные условия для мигрантов.

Также важно отметить и то, что сама патентная система не стимулирует качественный отбор мигрантов, т.к. она не учитывает уровень квалификации, образование или профессиональный опыт иностранных работников, а является лишь разрешением на осуществление трудовой деятельности. Несмотря на то, что в некоторых регионах указание на профессию обязательно, в большинстве субъектов данная практика не применяется, что препятствует привлечению квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, снижает общую эффективность использования иностранной рабочей силы, а также создаёт проблемы в прогнозировании потребности в ней.

Отдельно следует отметить, что патентная система, ориентированная на трудовую миграцию населения, косвенно стимулирует «замещающую» миграцию. Данный тезис находит свое отражение в самом Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении

иностранцев граждан в Российской Федерации», в котором указано, что срок временного пребывания несовершеннолетних детей трудового мигранта, работающего по патенту, продлевается на срок действия его патента при условии их нахождения на его иждивении [1]. Это формально закрепляет возможность следования за мигрантом-родителем его семьи, в первую очередь несовершеннолетних детей, что и порождает эффект замещающей миграции, хотя сам патент выдаётся исключительно иностранному работнику. При этом ребенку не обязательно знать русский язык, а также проходить медицинские обследования, однако пользоваться социальной инфраструктурой страны он может, что приводит к избыточной нагрузке на нее.

Анализ патентной системы позволяет выявить ряд серьезных недостатков, которые не только снижают эффективность миграционного контроля, но и создают угрозы для социально-экономической стабильности и национальной безопасности России. Отсутствие привязки мигранта к работодателю, слабый учёт реального местонахождения, игнорирование региональных потребностей рынка труда, а также отсутствие критериев отбора по квалификации и профессии делают патентную модель устаревшей и неадаптированной к современным вызовам, в связи с чем нарастает потребность в переходе к более управляемой, прозрачной и целенаправленной модели регулирования трудовой миграции, в частности к организованному набору.

«Организованный набор» как альтернативный механизм регулирования трудовой миграции

Организованный набор представляет собой регулируемый, адресный и возвратный процесс привлечения иностранных работников к временной трудовой деятельности на основании межгосударственных соглашений или договорённостей между работодателем, а также уполномоченными органами принимающего государства и государства исхода [5, с. 21; 6, с. 71].

В 2025 году в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы «расширение перечня организованных форм привлечения в страну иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности, совершенствование механизмов целевого организованного набора иностранных работников и стимулирование работодателей к использованию организованных форм привлечения иностранной рабочей силы» стали одними из основных направлений реализации миграционной политики, что говорит о пересмотре самой сущности трудовой миграции и необходимости качественных изменений для устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности [3].

Сама по себе концепция организованного набора не является инновационной, так как еще в 2017 году между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан было заключено соглашение об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации (далее Соглашение) [4]. Более того, она уже действовала как пилотный проект с 2021 года, однако показала низкую заинтересованность работодателей. По мнению, это было связано с отсутствием гарантий и компенсаций для работодателей, которые несли бы финансовые затраты на оплату переезда и оформление документов [6, с. 73]. По данным на июль 2021 г., с начала года с помощью организованного набора в Россию прибыло более 22 тыс. иностранных работников из Узбекистана, за 2022 г. – более 28 тыс., а за 8 месяцев 2023 г. – около 20 тыс., что крайне мало, учитывая количество выданных параллельно с этим трудовых патентов [6, с. 73].

По своей природе, данный способ представляет собой трехстороннее взаимодействие между уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации и органами государства-отправителя, а также российскими работодателями, где каждая сторона несет свои обязанности по регулированию трудовой деятельности иностранных работников, в отличие от патентной системы, где инициатором въезда в принимающую страну является сам иностранный работник. Соглашение устанавливает целевой, адресный и возвратный характер рабочей миграции, при котором иностранные работники привлекаются исключительно для выполнения конкретной работы у конкретного работодателя, на основании срочного трудового договора, по истечению срока которого должны покинуть страну-реципиент. Это, в свою очередь, отличает организованный набор от стихийной трудовой миграции на основании патентной системы, обеспечивая контролируемость, управляемость и достаточность потоков иностранной рабочей силы.

Важным аспектом данного способа регулирования является перенос ряда процедур миграционного контроля в страну исхода, а именно: профессиональный отбор кандидатов, медицинские обследования,

проверку отсутствия запретов въезда в страну, экзамены на знание русского языка, истории и основ законодательства РФ, а также, в случае необходимости, профессиональную подготовку или переподготовку. Такая организация процесса снижает нагрузку на принимающее государство, а также создает определенный доиммиграционный «фильтр».

В отличие от патентной системы, активную роль при организованном наборе начинает играть работодатель, который несет ответственность за создание необходимых условий проживания и работы для иностранного работника, участвует в отборе кандидатов и осуществлении выезда гражданина по истечению срока трудового договора.

Таким образом, проводя сравнительный анализ патентной системы и механизма организованного набора, выявляются принципиальные различия в их структуре, распределении ответственности и степени управляемости миграционными потоками (см. Табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ механизма организованного набора и патентной системы

Критерий	Механизм организованного набора	Патентная система
1. Инициатор	Работодатель, государство-реципиент	Иностранец-работник
2. Документ	Разрешение на работу (привязан к работодателю)	Патент (право работать у любого работодателя)
3. Подготовка к трудоустройству	В стране исхода (язык, медицинское освидетельствование, профессиональная подготовка / переподготовка)	Самостоятельно в Российской Федерации
4. Ответственность работодателя	Полная (включая возврат)	Минимальная
5. Возвратность	Обязательная	Не обеспечена
6. Правовая основа	Межгосударственное Соглашение, трудовой договор	Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

В рамках рассмотрения данной темы также важно отметить и принципиальные различия в процедуре трудоустройства иностранных работников. В своем исследовании М.А. Бурда выделяет три основных этапа миграционного процесса:

1. Доиммиграционная подготовка (включает в себя: медицинское освидетельствование, проверка на девиантное поведение, проверка и организация языковой и иной культурной подготовки, профессиональная подготовка / переподготовка, ведение базы данных мигрантов, желающих работать в России);

2. Миграционное перемещение (включает в себя: выдачу работодателю разрешительных документов на привлечение иностранной рабочей силы, организация выезда мигранта из страны исхода и въезда в Россию).

3. Размещение в государстве приема (включает в себя: постановку иностранного работника работодателем на миграционный учет, уведомление работодателем компетентных органов, организация работодателем условий проживания и труда, а также обеспечение им выезда мигранта) [5, с. 24–25]

Несмотря на то что предоставленная схема продумана и последовательна, ее стоит дополнить. В первую очередь, следует отделить обеспечение выезда мигранта от процедуры внутри третьего этапа в отдельный четвертый, так как применение словосочетания «размещение в государстве приема» лексически неверное и не коррелирует с обратным отправлением мигранта в страну исхода. Кроме того, больший акцент следует сделать на субъектах, которые ответственны за реализацию самих процедур трудоустройства иностранных граждан (См. Табл. 2).

Построенная подобным образом таблица процедуры трудоустройства иностранного работника отражает не только саму этапность, но и координацию между ключевыми акторами, а также их уровень ответственности за реализацию миграционного процесса.

Исходя из вышеперечисленного, патентная система, несмотря на свою распространенность, демонстрирует системные недостатки, препятствующие эффективному регулированию трудовой миграции. В то же время, ряд этих проблем разрешается с помощью механизма организованного набора, который предлагает управляемую, адресную и безопасную модель привлечения иностранной рабочей силы. Однако

для того, чтобы эта модель стала системным инструментом, требуется комплекс мер по институционализации и масштабированию организованного набора на федеральном уровне, в связи с чем предлагается следующее:

1. Внести изменения в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», закрепив механизм организованного набора иностранных работников как отдельный правовой институт.

2. Создать единую цифровую платформу, которая будет интегрировать данные МВД, Министерства труда и социальной занятости,

ФНС, иных органов, ответственных за реализацию миграционной политики, уполномоченных органов государственной власти стран исхода, а также российских работодателей.

3. Создать необходимую инфраструктуру для реализации организованного набора в странах исхода (учебные центры по языковой, профессиональной и иной подготовке иностранных работников).

4. Разработать и внедрить механизмы государственно-частного партнерства, чтобы исключить непосильную нагрузку на российских работодателей, например, совместно создавать необходимые условия для проживания иностранных работников в виде общежитий и др.

Таблица 2. Пошаговая процедура трудоустройства иностранного работника с помощью механизма организованного набора

Этап	Субъект ответственности	Обязанности
Доиммиграционная подготовка	Страна исхода	1) Информирование граждан о вакансиях в РФ; 2) Предварительный отбор кандидатов по заявкам российских работодателей; 3) Медицинское освидетельствование; 4) Сбор биометрических данных; 5) Психологическое тестирование и проверка на связи с террористическими организациями; 6) Проверка на запрет въезда в РФ через запросы в МВД РФ; 7) Тестирование по русскому языку, истории России и основам законодательства; 8) Профессиональная подготовка/переподготовка; Заключение трудового договора до въезда; 9) Формирование и передача согласованного списка кандидатов в Россию.
	Работодатель	1) Размещение вакансии в Общероссийской базе вакансий «Работа в России»; 2) Заключение договора об организованном наборе с уполномоченной организацией страны исхода; 3) Согласование списка кандидатов и проектов трудовых договоров.
	Российская Федерация	1) Координация между уполномоченными органами; 2) Согласование списков кандидатов.
Въезд и оформление в Россию	Работодатель	1) Организация проезда мигранта до места работы или карантина; 2) Постановка мигранта на миграционный учёт; 3) Организация медицинского освидетельствования и оформления ДМС/ОМС; 4) Подача уведомления в миграционные органы и органы занятости о заключении трудового договора.
	Российская Федерация	1) Выдача разрешения на работу; 2) Проведение дактилоскопии и фотографирования; 3) Организация биометрической идентификации.
3. Трудовая деятельность и проживание	Работодатель	1) Обеспечение работодателем условий проживания и труда
	Иностранный работник	1) Выполнение обязанностей в соответствии с трудовым договором; 2) Прохождение обязательных медицинских и миграционных процедур.
4. Завершение трудовой деятельности и возвращение в страну исхода	Работодатель	1) Организация выезда мигранта по окончании срока договора за свой счёт
	Страна исхода	1) Прием возвращающихся граждан; 2) Обеспечение возврата в случае нарушения миграционных процедур или законодательства России.

Заключение

Подводя итоги, необходимо констатировать, что патентная система, несмотря на свою широкую распространённость, демонстрирует системные недостатки, делающие её неспособной отвечать современным вызовам миграционной политики, стоящими перед Российской Федерацией. Отсутствие привязки к работодателю, слабый контроль за местонахождением мигрантов, игнорирование региональных потребностей рынка труда, отсутствие квалификационного отбора и стимулирование «замещающей» миграции превращают патент в инструмент формальной легализации, но не эффективного регулирования трудовой деятельности иностранцев.

В подобных условиях, механизм организованного набора необходимым этапом дальнейшего развития миграционной политики Российской Федерации. Закреплённый в межгосударственных соглашениях и поддержанный на уровне Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, он обеспечивает адресность, возвратность, доиммиграционный отбор и чёткое распределение ответственности между государством, работодателем и странами исхода, которые отсутствуют при реализации патентной системы.

Однако стоит учитывать, что переход к подобной модели не может быть одномоментным – требуется постепенная трансформация через институциональные, законодательные и иные реформы, которые позволят в будущем обеспечить как устойчивое социально-экономическое развитие страны, так и укрепление национальной безопасности Российской Федерации в целом.

Литература

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/184755> (дата обращения: 26.10.2025).

2. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/12148419> (дата обращения: 02.11.2025).

3. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. N 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [Электронный ресурс] // Гарант. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412750335> (дата обращения: 26.10.2025).

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51965 (дата обращения: 03.11.2025).

5. Бурда М.А. Миграционная политика России: организованный набор как эффективный механизм внешней трудовой миграции // Управленческое консультирование. – 2025. – № 2. – С. 18–28.

6. Комаровский В.В. Организованный набор трудовых мигрантов и факторы, влияющие на его развитие // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 4 (53). – С. 70–80.

7. Курбатова О.В. Сакулина Л.Л. Развитие правового регулирования осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на территории России на основании патента // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 1. – С. 201–206.

8. Исследование: Больше половины мигрантов в России работают в Москве и Петербурге [Электронный ресурс] // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2024/12/01/reg-szfo/issledovanie-bolshe-poloviny->

migrantov-v-rossii-rabotaiut-v-moskve-i-peterburge.html (дата обращения: 02.11.2025).

9. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1066332304.pdf> (дата обращения: 29.10.2025).

10. Труд устраивает: в РФ приехали в 1,5 раза больше квалифицированных иностранцев [Электронный ресурс] // Известия. – URL: <https://iz.ru/1864134/olga-anaseva/trud-ustraivaet-v-rf-priekhali-v-15-raza-bolshe-kvalificirovannyh-inostrancev> (дата обращения: 26.10.2025).

THE PATENT SYSTEM AS AN OUTDATED TOOL: TOWARD A NEW MODEL FOR REGULATING LABOR MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Martsev N.P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of this study stems from the persistent labor shortage in the Russian Federation and the need to find effective mechanisms for regulating external labor migration that balance economic needs with national security. This article provides a critical analysis of the patent system as a key tool for legalizing the employment of foreign citizens from visa-free countries. Its systemic shortcomings are identified: bureaucratic complexity of registration for migrants, lack of connection to an employer and control over the actual location of the worker, disregard for regional and professional needs of the labor market, and the stimulation of “replacement” migration. An alternative model for the organized recruitment of foreign workers, based on intergovernmental agreements and public-private partnerships, is considered. Arguments are presented indicating that this mechanism, which involves pre-immigration selection, targeted recruitment, a clear division of responsibility between the parties, and guaranteed repayment, is more manageable, transparent, and secure. The main conclusion of the study is the need for a gradual transition from the outdated patent system to an institutionalized, organized recruitment. To achieve this goal, a set of measures is proposed, including amendments to federal legislation, the creation of a unified digital platform, and the development of infrastructure in source countries.

Keywords: labor migration, patent system, labor patent, organized recruitment of foreign workers, economic efficiency of migration policy, regulation of migration flows.

References

1. Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation” (with amendments and additions) [Electronic resource] // Garant. – URL: <https://base.garant.ru/184755> (date of access: October 26, 2025).
2. Federal Law of July 18, 2006 No. 109-FZ “On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation” (with amendments and additions) [Electronic resource] // Garant. – URL: <https://base.garant.ru/12148419> (date of access: November 2, 2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation of October 15, 2025 No. 738 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030” [Electronic resource] // Garant. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412750335> (date of access: October 26, 2025).
4. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the organized recruitment and involvement of citizens of the Republic of Uzbekistan for temporary labor activity in the territory of the Russian Federation [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51965 (date of access: November 3, 2025).
5. Burda M.A. Migration Policy of Russia: Organized Recruitment as an Effective Mechanism of External Labor Migration // Management Consulting. – 2025. – No. 2. – Pp. 18–28.
6. Komarovskiy V.V. Organized Recruitment of Labor Migrant Workers and Factors Influencing its Development // Social and Labor Research. – 2023. – No. 4 (53). – Pp. 70–80.
7. Kurbatova O.V. Sakulina L.L. Development of Legal Regulation of the Implementation of Labor Activities by Foreign Citizens in Russia Based on a Patent // Bulletin of Economic Security. – 2020. – No. 1. – Pp. 201–206.
8. Research: More than Half of Migrants in Russia Work in Moscow and St. Petersburg [Electronic Resource] // Rossiyskaya Gazeta. – URL: <https://rg.ru/2024/12/01/reg-szfo/issledovanie-bolshe-pолоviny-migrantov-v-rossii-rabotaiut-v-moskve-i-peterburge.html> (date of access: 02.11.2025).
9. The labor market of individual sectors of the Russian economy: the current situation and the expected focus of change [Electronic resource] // Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1066332304.pdf> (date of access: 29.10.2025).
10. Satisfaction with work: 1.5 times more qualified foreigners have arrived in the Russian Federation [Electronic resource] // Izvestia. – URL: <https://iz.ru/1864134/olga-anaseva/trud-ustraivaet-v-rf-priekhali-v-15-raza-bolshe-kvalificirovannyh-inostrancev> (date of access: 26.10.2025).

Моисеев Александр Владимирович,

кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, АНО ВО Институт современного образования и информационных технологий
E-mail: decibal@mail.ru

Епхийев Олег Муратович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий НИУ МГСУ
E-mail: Ephiaev1@mail.ru

Настоящая работа продолжает логику авторских исследований феномена социального благополучия. Анализ междисциплинарного научного дискурса обнаружил фрагментарность представлений об архитектонике данной категории, что подтверждает статус проблемы как открытой и требующей концептуализации. В условиях методологического многообразия подходов, авторами предпринята попытка ревизии ключевых моделей благополучия и представлена специфика социологического понимания его внутренней структуры. Статья нацелена на преодоление теоретической неопределенности в содержательном наполнении рассматриваемой категории.

Ключевые слова: благополучие, социальное благополучие, жизнедеятельность, материальное благо, экономическое благо, благосостояние, психологическое благополучие, субъективное благополучие, факторы социального благополучия, жизнедеятельность.

Уточнение содержания и архитектоники социального благополучия необходимы для осмысления трансформаций во всех сферах – от экономики до психологии. Декомпозиция структуры этой категории позволяет не только фиксировать текущие изменения, но и выявлять механизмы взаимодействия внутри социума. Концептуальная ясность здесь служит фундаментом для проектирования социально-ориентированных программ и нацпроектов, нацеленных на создание условий для процветания человека и государства.

С начала 2000-х годов изучение благополучия приобрело системный характер. При этом мы, солидаризируясь с рядом исследователей, разграничиваем дефиниции «социальный феномен» и «социальное явление». Текущий этап осмысления проблемы связан не только с теорией, но и с операционализацией категории, для ее эмпирической интерпретации [1, 2].

В современном дискурсе благополучие предстает динамичным сегментом реальности, где индивидуальное и общественное начала диалектически сопряжены и детерминированы состоянием социальных институтов. Категория выступает интегральным показателем включенности субъекта в общественные процессы [3]. Высокий эвристический потенциал концепта позволяет системно верифицировать положение человека через анализ функциональности всех сфер жизнедеятельности, создавая базу для совершенствования государственных механизмов – от материально-правовых до социокультурных [4].

Категория благополучия, укорененная в обыденном сознании и литературе, окончательно институционализировалась в научном знании. Генезис представлений о феномене восходит к философии, создавшей фундамент для последующих изысканий в социологии, политологии, экономике и психологии. Позднее это поле дополнилось правовыми аспектами с акцентом на нормативно-институциональных параметрах. Научная рефлексия, не будучи прерогативой лишь одной дисциплины, ускорила накопление данных о сущности и архитектонике категории. Сама эволюция взглядов сопровождалась сменой векторов: от блага отдельного индивида к благу общества при неизменном приоритете «всеобщего блага» как стратегической задачи государства.

Традиция поиска (ранее мы уже об этом писали) онтологической сущности благополучия и детерминант «всеобщего блага» восходит к Античности [5]. Современная наука развивает ее, уточняяgnoseологические и прагматические аспекты. В каждой области знания сформировалось свое, специфическое понимание феномена. Так, в философии «всеобщее благо» неразрывно с категориями справедливости, гармонии и морально-нравственными императивами, которые формируют саму архитектонику «Блага» и выступают условиями ее реализации. Экономический дискурс фокусируется на «материальном благополучии», где имущественная обеспеченность определяет уровень, условия и качество жизни [6]. Политология интерпретирует феномен через «общее благо», где социально-политическая среда задает вектор развития субъектов, а само благополучие выступает стратегической целью государства [7]. Психологическая наука оперирует категориями «субъективного благополучия» и «удовлетворенности», трактуя их как оценку личностью реализации своих потребностей [8]. В правовой плоскости концепт коррелирует с гарантированностью прав и свобод [9]. В российском правовом поле этот принцип имплицитно заложен в ст. 7 Конституции РФ через категорию «достойная жизнь», сохраняющую статус дискуссионной в академической среде.

Представления о характеристиках благополучия продиктованы, как правило, спецификой объектно-предметных областей знания и доминирующими парадигмами. Однако неоднозначность трактовки благополучия сохраняется даже в рамках отдельных дисциплин, включая социологию: диапазон дефиниций, как показывают результаты наших исследований, остается предельно широким, что подтверждает многомерность феномена [10]. Концептуализация проблемы заставляет нас уточнить статус категории: что же перед нами – социальное явление или феномен? Анализ выявил закономерную дифференциацию подходов. В социологическом и экономическом дискурсах трактовка «социального явления» акцентирует его масштабность и событийность, что обосновывает возможность квантификации и эмпирического измерения. Приоритетными здесь остаются объективные индикаторы: доходы, занятость, образовательный потенциал, демография и ИРЧП [11]. Однако такой подход зачастую смещает на периферию субъек-

тивную рефлексию индивида. Вопрос корреляции объективных метрик и личных оценок по-прежнему нуждается в теоретической проработке и концептуальном согласовании.

Интерпретация благополучия как феномена смещает фокус на социально-психологические индикаторы: удовлетворенность самореализацией, идентичность, безопасность и индекс счастья. Объективные показатели здесь, очевидно, не самоцель, а внешние условия, детерминирующие состояние субъекта [12]. Не претендуя на исчерпывающий анализ методологии измерения (что станет предметом будущих наших изысканий), отметим: выбор параметров всегда продиктован спецификой исследовательских задач. Тем не менее, глубина проанализированных нами данных позволяет констатировать их высокую достоверность.

Рассматривая социальное благополучие только как явление или феномен – значит намеренно ограничивать его осмысление. Такая локальность мешает видеть в категории многомерную реальность. В нашей концепции благополучие предстает результатом активности субъекта в конкретных исторических условиях. Это диалектическое единство материального и духовного, где разные сферы общественной практики – от экономики до духовности – складываются в совокупную жизненную удовлетворенность человека. Многомерная архитектура исследуемой категории определяется рядом факторов. Прежде всего, как мы уже указали, – это сопряженность ключевых сфер общественной практики. Помимо этого – уровневая иерархия субъектов – от отдельного индивида до государства в целом. И наконец, это субъективная рефлексия человека, оценивающего как собственное положение, так и стабильность общественных и государственных институтов. При всей возможности измерить отдельные социальные феномены, узкий фокус мешает видеть системно, всеобъемлюще. Несмотря на массив изысканий (библиография вопроса нами представлена в списке литературы далеко не в полном объеме [13]), мы по-прежнему фиксируем запрос на поиск универсальных подходов к архитектонике благополучия [5].

Второй вопрос касается философских категорий «содержание» и «структура». Необходимость их уточнения диктуется «гносеологической вольностью», которую мы часто обнаруживаем в статьях коллег. Отсутствие привязки к фундаментальным дефинициям ведет к смешению элементов благополучия, что мешает выстроить верифицируемую модель. Зачастую авторы оперируют данными понятиями без должного разъяснения их сути, нарушая логику их соотношения. Следуя лексикографической и философской традициям, мы рассматриваем «содержание» как «...то, что составляет сущность кого-чего-нибудь», при этом постулируется, что «не существует содержания без формы и формы без содержания» [14, 15]. Структура же (тесно связанная с понятием формы) трактуется нами как совокупность устойчивых связей, гарантирующих целостность объекта при любых трансформациях [16, 17]. Такое уточнение позволяет избежать путаницы и реконструировать объект как систему.

На этой основе мы перейдем к систематизации данных об архитектонике социального благополучия. Настоящее исследование продолжает цикл наших изысканий, ранее опубликованных в журнале «Социально-гуманитарные знания» [18]. Инструментом послужил контент-анализ монографий, диссертаций и статей за период с 2000 по 2025 г. [19]. Расширение эмпирической базы обеспечило репрезентативность наших обобщений. Процедура включала три этапа: сбор материалов, идентификация авторских концепций и финальная систематизация трактовок. Сопоставление данных мы провели методом системного анализа через матричную текстовую таблицу, что упростило верификацию элементов концепций, выявив их инвариантные характеристики и специфические отличия (Табл. 1).

Таблица 1. Структура аналитической таблицы для классификации подходов к определению сущности, содержания и структуры понятия «социальное благополучие» в социально-гуманитарном знании

№ п.п.	Выявляемые элементы в концептуальных авторских подходах в научных публикациях, связанных с исследованиями социального благополучия				Наличие обоснования
	Направление социально-гуманитарного знания	Сущность	Содержание	Структура	
1					
...					

Анализ репрезентативного массива текстов позволил нам сформулировать ряд значимых, хотя может быть и дискуссионных выводов:

1. Вне зависимости от дисциплинарного вектора, категория «социальное благополучие» прочно вошла в ядро социально-гуманитарного

знания, обладая как теоретическим, так и явно выраженным прагматическим потенциалом.

2. Несмотря на отсутствие конвенционального понимания онтологической сущности, архитектоники феномена и закономерно существующую «полифонию мнений», мы фиксируем наличие инвариантного подхода, основанного на нескольких аксиомах. Во-первых, благополучие трактуется как высшая ценность и экзистенциальный ориентир для человека и государства. Во-вторых, гетерогенность объекта обусловлена интеграцией экономических, политических, правовых, психологических и социокультурных компонентов. В-третьих, природе благополучия присущ дуализм: сочетание объективных условий с их личностным восприятием. В-четвертых, архитектура категории имманентно включает социальные институты, обеспечивающие ее воспроизводство. Для верификации данных положений ниже представлен сравнительный анализ подходов, сложившихся в ключевых направлениях социально-гуманитарного знания (Табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ содержания и структуры категории «социальное благополучие» в различных направлениях социально-гуманитарного знания

Направление	Содержание	Структура
Философия	Высшая ценность, идеальное устройство общества на принципах справедливости, добра, гармонии.	– социальное равенство; – ценностные идеалы; – морально-нравственные принципы и этические нормы.
Социология	Уровень солидарности и интеграции, включенность человека в общественную жизнь, состояние безопасности.	– институциональная среда; – общественные отношения; – механизмы поддержки и социальной солидарности.
Экономика	Уровень и качество жизни, доступность ресурсов как условие реализации потребностей человека.	– доходы и стандарты жизни; – экономическая защищенность; – параметры занятости и условий труда.
Политология	Социально-политическая стабильность, эффективность институтов власти, гарантии реализации прав и свобод.	– гражданские права; – функциональность госинститутов; – вектор социальной политики государства.
Психология	Субъективное удовлетворенность качеством отношений, восприятие уровня поддержки и самочувствие в среде.	– оценка межличностных связей; – чувство принадлежности (аттентивности); – механизмы адаптации и социализации.
Право	Система правовых гарантий и защиты от дискриминации, справедливость распределения общественных благ.	– социальные законодательство; – правовые механизмы защиты; – система государственных гарантий обеспечения прав.

Анализ показывает: трактовки социального благополучия зависят от объектно-предметного поля конкретных наук. В социологии понимание сущности и структуры феномена продиктовано не только методологией, но и прагматикой исследовательских задач, что делает подход адаптивным инструментом анализа. Мы классифицировали теоретические позиции по следующим основаниям: объективистское (структурный функционализм): благополучие как производное от реальных условий бытия [20]; субъективистское, акцент на ментальной репрезентации и личностной оценке жизни индивидом [21]; социально-экономическое, корреляция материальных факторов и самоощущения личности и социальных групп [22]; социально-политологическое, приоритет «общего блага» и стабильности институтов [23]; социокультурное, ценностно-нормативные системы как предикторы процветания [24]; интегративное, синтез субъективистского и объективистского дискурсов в единую систему [25].

Данная типология отражает суть современного социологического видения проблемы. Сравнительный анализ детерминант благополучия в рамках выделенных методологических парадигм представлен ниже (Табл. 3).

Результаты анализа подтверждают наш тезис о деактуализации роли человека в современных общественных отношениях [10]. В доминирующих подходах индивид предстает не инициативным актором («кузнецом своего счастья»), а пассивным реципиентом – «благополучателем», «благо-пользователем». Подобное отчуждение ответственности и патерналистские ожидания благ от государства неизбежно ведут к снижению социальной субъектности и стагнации созидательного потенциала человека. Накопленные знания отражают лишь фрагментарные аспекты феномена. Целостная модель благополучия

остаётся статичной в узкодисциплинарных границах, что делает наиболее эвристичным именно интегративный подход. Резюмируя, подчеркнем: социальное благополучие – это гетерогенный и гносеологически сложный объект. Нерешенность ряда теоретических и прикладных задач диктует необходимость его дальнейшего осмысления. Мы убеждены, что понимание благополучия как многомерной реальности позволит точнее выстроить векторы государственной политики. Государство как ключевой институт обязано совершенствовать механизмы формирования среды, обеспечивающей условия процветания человека, но не превращая его в пассивного «благо-пользователя».

Таблица 3. Сравнительный анализ детерминант содержания и структурной архитектуры социального благополучия в современном социологическом дискурсе

Подход	Содержательное наполнение (Сущность)	Структурная организация (элементы)
Объективистский	Совокупность материальных и социальных условий обеспечения жизнедеятельности	Ресурсная база: экономический, правовой, медицинский и образовательный потенциал.
Субъективистский	Ментальная репрезентация и личностная рефлексия реальных условий бытия	Удовлетворенность потребностей: от экономических до духовных и эмоциональных.
Социально-экономический	Взаимозависимость материальных факторов и субъективного самоощущения	Параметры занятости, уровень доходов, система социальной защиты и поддержки.
Социально-политологический	Реализация прав и свобод, политическая стабильность и социальная справедливость.	Функциональность институтов власти; степень интеграции субъекта в социально-политические процессы
Социокультурный	Система ценностей, норм и идеалов как основа представлений о процветании.	Идентификационные смыслы и символы, социальные нормы, традиции и идентичность.
Интегративный	Многоуровневое системное явление, синтезирующее разные аспекты бытия.	Синергия экономических, политических, правовых, социокультурных факторов жизнедеятельности субъекта.

Литература

- Аргайл М. Психология счастья: пер. с англ. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003; Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 45–67; Бочарова Е.Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3. № 4. С. 53–63; Антипина О.Н. Экономика и счастье // Финансовая жизнь. 2014. № 2. С. 61–64.
- Айвазян С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов РФ: их измерение, динамика, основные тенденции // Уровень жизни регионов России. 2002. № 11. С. 5–41; Черныш М.Ф. Социальное благополучие и здоровье // ИНАБ. 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. С. 54–74; Максимов А.М., Тутыгин А.Г., Малинина К.О., Чижова Л.А., Блынская Т.А. Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 138–155.
- Мерзлякова И.В. Теоретико-методологические основы социологического анализа социального благополучия населения региона: дис. канд. соц. наук. 2007; Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего (избранные статьи по неклассической социологии). Барнаул, 2001. 229 с.
- Мерзлякова И.В. Социальные регуляторы благополучия человека и общества // Гуманитарный вектор. 2010. № 1. С. 179–187;
- Епхийев О.М., Моисеев А.В. Идеи социального благополучия в социально-философских учениях // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 93–99; Епхийев О.М., Моисеев А.В. Социальное благополучие в социологических теориях (обзорно-аналитическое исследование) // Экономика строительства. 2024. № 2. С. 6–15. Моисеев А.В., Епхийев О.М. Сравнительный анализ определений понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 12–19.
- Добровольский И.П., Капкаев Ю.Ш. Влияние факторов социально-экономической среды на уровень жизни населения // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 11 (366). С. 56–63.
- Меренков А.В., Сивкова Н.И., Новгородцева А.Н. Социальное самочувствие населения в современных социально-политических усло-

виях // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 3. С. 303–312.

8. Павлоцкая Я.И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2016. 168 с.

9. Черников В.В., Чечельницкий И.В. Обеспечение права на благополучие личности как теоретическая и практическая проблема // Право. Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 185–197; Комарова В.В. Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сб. статей / отв. ред. В.В. Комарова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022; Теплова Д.О. «Качество жизни» и «благополучие личности» как конституционно-правовые ценности // Образование и право. 2020. № 1. С. 63–70.

10. Моисеев А.В., Епхийев О.М. Сравнительный анализ определенных понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 12–19.

11. Перов Е.В. Субъективное экономическое благополучие населения России // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 36–43; Кислицына О.А. Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016. 62 с.

12. Войтенко М.Ю., Дробышева Т.В. Структура феномена социально-психологического благополучия личности детей: концептуальные представления и результаты эмпирического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 4 (52). С. 322–333; Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия людей // Мир психологии. 2016. № 2. С. 143–148; Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 40–48; Горбушина А.В. Достижение психологического благополучия и социального успеха личности: ключевые аспекты концепции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2022. № 08.

13. Капралова Е.А. Проблематизация феномена социального благополучия // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 2. С. 133–148; Воронин Г.Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–54; Епихина Ю.Б., Черныш М.Ф., и др. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. 95 с. DOI 10.19181/INAB.2020.1; Максимов А.М., Тутыгин А.Г., и др. Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 138–155. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.9.

14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС 21 век; Мир и образование, 2004. С. 972.

15. Там же. С. 1014–1015.

16. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, И.И. Федосеева и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 621.

17. Там же. С. 657.

18. Моисеев А.В., Епхийев О.М. Сравнительный анализ определенных понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 12–19.

19. Авторы в период с февраля 2023 по март 2025 года из 115 собранных научных материалов, опубликованных в период с 2000 по 2025 годы, отобрали и провели анализ ста пяти научных публикаций, связанных с проблемами социального благополучия. Основными критериями отбора научных материалов для анализа являлись: наличие авторского концептуального подхода к интерпретации сущности, содержания, структуры благополучия.

20. Билагова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. Современные теории социального благополучия: учебное пособие. М.: Издательский дом Академии естествознания, 2016; Власова А.А., Дворникова Е.В., Кошелева А.В. Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2017.

21. Дудин И.В., Тихонова Н.Е. Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 6–25; Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 4. С. 695–707; Кученкова А.В., Та-

тарова Г.Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43.

22. Хашченко В.А. Социально-психологическая детерминация субъективного экономического благополучия: автореф. дис. доктора психол. наук. М., 2012; Хашченко В.А. Доход и субъективное экономическое благополучие // Психология человека в современном мире: материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посвященной 120-летию С.Л. Рубинштейна. М.: Институт психологии РАН, 2009. Т. 5. С. 384–391; Анорина Е.С. Проблемы измерения социального и экономического благополучия человека // Молодой ученый. 2015. № 6 (86). С. 394–396.

23. Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего (избранные статьи по неклассической социологии). Барнаул, 2001. 229 с; Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 805–824; Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2015. № 6(16). URL: [https://7universum.com/pdf/social/6\(16\)/Kostina.pdf](https://7universum.com/pdf/social/6(16)/Kostina.pdf).

24. Боровская Н.В. Благополучие как социокультурный фактор: дис. канд. филос. наук. 2001; Петренко М.С., Дукарт С.А. Критерии социального благополучия: универсализм и проблемы социокультурного измерения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 3 (34). С. 79–88.

25. Лобова В.А. Интегративный подход в исследовании личностного благополучия у жителей северных регионов // Вестник угроветения. 2013. № 4 (15). С. 82–93; Шамянов Р.М. Психология субъективного благополучия: к разработке интегративной концепции // Мир психологии. 2002. № 2. С. 143–148; Бочарова Е.Е. Универсальные и культурно-специфические особенности взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акрмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 4(8). С. 17–25.

CONTENT AND STRUCTURE OF THE CATEGORY «SOCIAL WELL-BEING»

Moiseev A.V., Yepkhiev O.M.

Institute of Contemporary Education and Information Technology, Moscow State University of Civil Engineering

This paper continues the logic of the authors' research into the phenomenon of social well-being. An analysis of interdisciplinary scientific discourse revealed fragmented understandings of the architectonics of this category, confirming the problem's open status and the need for conceptualization. Given the methodological diversity of approaches, the authors attempt to revise key models of well-being and present a specific sociological understanding of its internal structure. The article aims to overcome theoretical uncertainty in the substantive content of this category.

Keywords: well-being, social well-being, life activity, material well-being, economic well-being, welfare, psychological well-being, subjective well-being, factors of social well-being, life activity.

References

- Argyle M. Psychology of Happiness: trans. from English. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003; Yarskaya V.N. Social Policy, Welfare State, and Social Management: Problems of Analysis // Journal of Social Policy Studies. 2003. Vol. 1. No. 1. Pp. 45–67; Bocharova E.E. The Relationship between Subjective Well-Being and Social Activity of an Individual: A Cross-Cultural Aspect // Social Psychology and Society. 2012. Vol. 3. No. 4. Pp. 53–63; Antipina O.N. Economy and Happiness // Financial Life. 2014. No. 2. Pp. 61–64.
- Ayvazyan S.A. Analysis of Synthetic Categories of Quality of Life of the Population of the Subjects of the Russian Federation: Their Measurement, Dynamics, and Main Trends // Standard of Living in the Regions of Russia. 2002. No. 11. Pp. 5–41; Chernysh MF Social well-being and health // INAB. 2020. No. 1. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study. Pp. 54–74; Maksimov AM, Tutygin AG, Malinina KO, Chizhova LA, Blynskaya TA Problematic issues of the methodology for assessing the social well-being of the population in modern Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 138–155.
- Merzlyakova IV Theoretical and methodological foundations of the sociological analysis of the social well-being of the regional population: diss. Cand. of Social Sciences. 2007; Grigoriev SI Vitalist Sociology: Paradigm of the Present and the Future (Selected Articles on Non-Classical Sociology). Barnaul, 2001. 229 p.
- Merzlyakova I.V. Social Regulators of Human and Social Well-Being // Humanitarian Vector. 2010. No. 1. Pp. 179–187;
- Epikhiev O.M., Moiseev A.V. Ideas of Social Well-Being in Social and Philosophical Doctrines // Social and Humanitarian Knowledge. 2023. No. 12. Pp. 93–99; Epikhiev O.M., Moiseev A.V. Social Well-Being in Sociological Theories (Review and Analytical Study) // Construction Economics. 2024. No. 2. Pp. 6–15. Moiseev A.V., Epikhiev O.M. Comparative Analysis of Definitions of the Term “Social Well-Being” in Modern Social Sciences and Humanities // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 2. Pp. 12–19.
- Dobrovolsky I.P., Kapkaev Yu.Sh. The Influence of Factors of the Socio-Economic Environment on the Standard of Living of the Population // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. No. 11 (366). Pp. 56–63.

7. Merenkov A.V., Sivkova N.I., Novgorodtseva A.N. Social Well-Being of the Population in Modern Socio-Political Conditions // Vestn. Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2023. Vol. 7, issue 3. Pp. 303–312.

8. Pavlotskaya Ya.I. Psychological well-being and socio-psychological characteristics of the individual: monograph. Volgograd: Publishing house of the Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, 2016. 168 p.

9. Chernikov V.V., Chechelintsky I.V. Ensuring the right to personal well-being as a theoretical and practical problem // Law. Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. 2021. No. 6. Pp. 185–197; Komarova V.V. Human social well-being: a constitutional value // Human social well-being: legal parameters: collection of articles / ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022; Teplova D.O. “Quality of life” and “personal well-being” as constitutional and legal values // Education and Law. 2020. No. 1. Pp. 63–70.

10. Moiseev A.V., Epkhiev O.M. Comparative Analysis of Definitions of the Concept of “Social Well-Being” in Modern Social and Humanitarian Knowledge // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 2. Pp. 12–19.

11. Perov E.V. Subjective Economic Well-Being of the Population of Russia // Society and Power. 2015. No. 2 (52). Pp. 36–43; Kisilitsyna O.A. Measuring Quality of Life/ Well-Being: International Experience. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2016. 62 p.

12. Voitenko M.Yu., Drobysheva T.V. The structure of the phenomenon of social and psychological well-being of children's personality: conceptual ideas and results of empirical research // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2024. Vol. 13, issue 4 (52). P. 322–333; Shamiyonov RM Psychology of subjective well-being of people // The world of psychology. 2016. No. 2. P. 143–148; Dzhidaryan IA Happiness in the ideas of everyday consciousness // Psychological journal. 2000. Vol. 21. No. 2. P. 40–48; Achieving psychological well-being and social success of the individual: key aspects of the concept // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. 2022. No. 08.

13. Kapralova E.A. Problematic issues of the Phenomenon of Social Well-Being // Communication. 2022. Vol. 10. No. 2. Pp. 133–148; Voronin G.L. Objective and Subjective Indicators of Public Well-Being // Sociological Journal. 2009. No. 3. Pp. Subjective and Objective Well-Being in Modern Russian Society: Results of an Empirical Study // Information and Analytical Bulletin (INAB). 2020. No. 1. 95 p. DOI 10.19181/INAB.2020.1; Maksimov A.M., Tutygin A.G., et al. Problematic issues of the methodology of assessing the social well-being of the population in modern Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 138–155. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.9.

14. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / Under the general editorship of prof. L.I. Skvortsov. 24th ed., corrected. Moscow: ONIX 21st century; Peace and education, 2004. P. 972.

15. Ibid. Pp. 1014–1015.

16. Philosophical encyclopedic dictionary / Under the editorship of L.F. Ilychev, I.I. Fedoseeva et al. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. P. 621.

17. Ibid. P. 657.

18. Moiseev AV, Epkhiev OM. Comparative Analysis of Definitions of the Concept of “Social Well-Being” in Modern Social and Humanitarian Knowledge // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 2. Pp. 12–19.

19. From February 2023 to March 2025, the authors selected and analyzed one hundred and five scientific publications related to social well-being from 115 collected scientific materials published between 2000 and 2025. The main criteria for selecting scientific materials for analysis were: the presence of the author's conceptual approach to interpreting the essence, content, and structure of well-being.

20. Bilalova L.M., Gareeva Z.K., Ivanova O.M., Chernikova T.A. Modern theories of social well-being: a tutorial. Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2016; Vlasova A.A., Dvornikova E.V., Kosheleva A.V. Modern theories of social well-being: a teaching aid. Yaroslavl: P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2017.

21. Dudin I.V., Tikhonova N.E. Subjective well-being of Russians through the prism of their identities: state and factors // Sociological science and social practice. 2024. Vol. 12, No. 3. Pp. 6–25; Mareeva S.V. Zones of subjective well-being and ill-being in Russian society // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2018. Vol. 18, No. 4. Pp. 695–707; Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. “Life Cycle Stage” as a Determinant of Individual Subjective Well-Being // Sociological Studies. 2019. No. 8. Pp. 30–43.

22. Khashchenko V.A. Social and Psychological Determination of Subjective Economic Well-Being: Abstract of a Doctor of Psychological Sciences Dissertation. Moscow, 2012; Khashchenko V.A. Income and Subjective Economic Well-Being // Human Psychology in the Modern World: Proceedings of the All-Russian Jubilee Scientific Conf. Dedicated to the 120th Anniversary of S.L. Rubinstein. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2009. Vol. 5. Pp. 384–391; Anorina E.S. Problems of Measuring Human Social and Economic Well-Being // Young Scientist. 2015. No. 6 (86). P. 394–396.

23. Grigoriev S.I. Vitalist Sociology: Paradigm of the Present and the Future (Selected Articles on Non-Classical Sociology). Barnaul, 2001. 229 p; Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Assessing the Social Well-Being of Families in Russian Regions: A Sociological Analysis // Bulletin of RUDN University. Series: Sociology. 2021. Vol. 21, No. 4. P. 805–824; Kostina E. Yu. Social Well-Being and Social Security in the Context of Globalization of Modern Society // Universum: Social Sciences: Electronic Scientific Journal. 2015. No. 6 (16). URL: [https://7universum.com/pdf/social/6\(16\)/Kostina.pdf](https://7universum.com/pdf/social/6(16)/Kostina.pdf).

24. Boroovskaya N.V. Well-being as a socio-cultural factor: diss. cand. philos. sciences. 2001; Petrenko M.S., Dukart S.A. Criteria of social well-being: universalism and problems of socio-cultural measurement // Vectors of well-being: economy and society. 2019. No. 3 (34). Pp. 79–88.

25. Lobova V.A. Integrative approach in the study of personal well-being among residents of the northern regions // Bulletin of Urological Studies. 2013. No. 4 (15). Pp. 82–93; Shamiyonov R.M. Psychology of subjective well-being: towards the development of an integrative concept // The World of Psychology. 2002. No. 2. Pp. 143–148; Bocharova E.E. Universal and cultural-specific features of the relationship between social activity and subjective well-being of an individual // News of Saratov University. Nov. series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2013. Vol. 2, issue 4(8). P. 17–25.

Цифровое неравенство как вызов для развития цифрового государства в современной России

Ретинская Вера Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: bvnp@mail.ru

Загребина Дарья Юрьевна,

магистрант кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: zagrebinadasha@mail.ru

В статье исследуется феномен цифрового неравенства как комплексного вызова для формирования цифрового государства в современной России. На основе междисциплинарного подхода авторы анализируют эволюцию концепции цифрового неравенства – от первоначального понимания как разрыва в физическом доступе к интернету до современной трактовки в качестве многомерного социально-экономического и геополитического явления. Особое внимание уделяется проявлению цифрового разрыва на региональном уровне в Российской Федерации. В работе выявляется совокупность факторов, обуславливающих это неравенство: географические условия, различия в социально-экономическом развитии регионов, дефицит цифровых компетенций среди населения, особенно старшего поколения, а также новые вызовы, связанные с внедрением технологий искусственного интеллекта. Авторами оцениваются меры государственной политики, реализуемые в рамках национальных проектов, и предлагаются дифференцированные стратегии для регионов в зависимости от достигнутого уровня цифрового развития. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на определенные успехи в развитии инфраструктуры, цифровое неравенство остается устойчивой структурной проблемой, требующей долгосрочных системных решений, инвестиций и совместных усилий государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровой разрыв, цифровое государство, региональное развитие, информационно-коммуникационные технологии, цифровая грамотность, искусственный интеллект.

Феномен цифрового неравенства, сформировавшийся в предмет научной рефлексии на рубеже XX–XXI веков, претерпел значительную концептуальную эволюцию, отражающую стремительную трансформацию самого технологического ландшафта. Его первоначальная, инструментальная трактовка, как, например, у Р. Брауна, сводилась к бинарному и легко измеримому противопоставлению – наличию или отсутствию физического доступа к сети Интернет [13, с. 82]. Этот этап можно обозначить как изучение «неравенства первого порядка», где ключевым барьером считалась сама возможность подключения. Однако по мере распространения цифровых технологий и их глубокого внедрения в социальные, экономические и управленческие практики исследовательский фокус подвергся кардинальному пересмотру. Стало очевидно, что формальный технологический разрыв является лишь поверхностным симптомом более глубоких и укорененных структур социального расслоения, а простая дихотомия «подключен/не подключен» перестала отражать реальную сложность проблемы. На первый план вышли вопросы социального измерения: неравенство в навыках, мотивации и возможности извлекать выгоду из цифровой среды. Эта трансформация взгляда превратила цифровое неравенство из узкотехнологической задачи в комплексную междисциплинарную проблему, изучаемую в контексте социальных изменений и экономического развития.

К настоящему времени эволюция научной мысли привела к формированию нескольких ключевых ракурсов осмысления цифрового неравенства. Во-первых, как экономического концепта. В этом ключе цифровое неравенство рассматривается через призму распределения ресурсов и экономических возможностей. По мнению Р.А. Смирновой, оно представляет «...социально-экономическое отношение по поводу дифференциации доходов хозяйствующих субъектов на основе применения информационных ресурсов» [10, с. 68]. Другой подход (А. Орехов и Н. Чубаров) связывает его с распределением цифровых благ и принципами справедливости, утверждая, что «...цифровое неравенство – это неравенство в доступе к цифровым благам, приводящее в конечном счете к нарушению принципов «цифровой справедливости» и «цифрового паритета»» [6, с. 264].

Во-вторых, цифровое неравенство понимается как социальный концепт. Данный подход акцентирует роль цифрового разрыва в воспроизводстве и усилении социальной стратификации. О.Н. Вершинская определяет его как новый вид социального неравенства, порожденный развитием информационного общества и выражающийся в различной степени доступа, готовности и вовлеченности индивидов и групп в мир информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [1]. Важно подчеркнуть, что этот новый разрыв не отменяет, а зачастую усиливает традиционные формы социального расслоения, создавая дополнительные барьеры и формируя новые элиты в цифровую эпоху. Как следствие, по мнению Д. Добринской и Т. Мартыненко, «...для привилегированных социальных слоев характерна тенденция накапливать преимущества, обусловленные уровнем доступа и использования ИКТ. Даже если разрыв в физическом доступе практически преодолен (по крайней мере, в развитых странах), чтобы использовать весь потенциал ИКТ, необходимо достичь определенного уровня владения «цифровым капиталом»» [2, с. 113–114].

В-третьих, все более актуальным становится рассмотрение цифрового неравенства как геополитического концепта. В этом ракурсе цифровое неравенство анализируется на глобальном уровне как фактор, способствующий формированию нового мирового информационного порядка и разделяющий страны на «информационно богатые» и «информационно бедные». При этом интернет, вопреки ранним ожиданиям о его демократизирующем потенциале, часто воспроизводит существующие властные отношения и может служить инструментом манипуляции и контроля (Д. Луптон) [7, с. 145]. На национальном уровне развитие цифровых коммуникаций создает основу для новых социальных связей и моделей «электронной демократии», но параллельно возникает риск формирования замкнутой «онлайн-элиты» и исключения значительных групп населения из актуальных политических и социальных процессов [11].

Отсутствие в современной науке консенсуса относительно единой теории цифрового неравенства свидетельствует не о слабости исследовательского поля, а, напротив, о сложности и многомерности самого

феномена. Для структурирования этого комплексного объекта исследования в академическом дискурсе утвердилась многоуровневая модель, рассматривающая проблему в трех взаимосвязанных масштабах. Макроуровень (глобальный) фиксирует разрыв между целыми странами и регионами мира в развитии цифровой инфраструктуры и технологического потенциала. Мезоуровень (социальный) раскрывает, как цифровые диспропорции воспроизводят и усиливают существующее социальное расслоение внутри отдельных обществ по линиям дохода, образования, возраста и места жительства. Наконец, микроуровень (индивидуальный) фокусируется на различиях в конкретных цифровых компетенциях, практиках и моделях потребления контента среди пользователей. Эта иерархия – от глобальных контуров до индивидуальных траекторий, образует целостную систему, в которой каждый вышележащий уровень создает структурные условия и ограничения для проявления неравенства на нижележащем, формируя тем самым устойчивую архитектуру цифрового разрыва.

Первоначально фокус исследований был сосредоточен на национальном, глобальном уровне. Статистические данные подтверждают, что разрыв остается значительным. Согласно исследованию под эгидой ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Международным союзом электросвязи (МСЭ) и Комиссией по широкополосной связи в интересах устойчивого развития, показало, что численность населения мира, не имеющего доступа к сети, составляет 2,6 миллиарда человек. Наиболее остро проблема стоит в странах Африки (например, в Конго, Эфиопии, Либереи интернетом пользуется лишь 1% населения), в то время как в Европе проникновение интернета достигает 89%, в Америке – более 80%, а в арабских государствах достигает 70% [9]. Соответствующие различия, изначально изучавшиеся на глобальном уровне, закономерно проявляются и внутри государств, что особенно актуально для Российской Федерации с ее значительной территорией и разнородными регионами.

В специфических условиях Российской Федерации, характеризующихся колоссальным географическим масштабом, внутренний цифровой разрыв трансформируется из частной социально-технологической проблемы в системный фактор пространственной дифференциации и национальной безопасности. Масштабы территории выступают не просто фоном, а активным детерминантом, усугубляющим традиционные формы социально-экономического неравенства и порождающим новые, специфически цифровые формы периферийности. В данном контексте цифровое неравенство необходимо концептуализировать не в узкотехническом ключе, а как полиструктурный феномен, опосредующий отношения между центром и регионами, городом и сельской местностью, а также доступ различных социальных групп к критически важным ресурсам развития в XXI веке. Другими словами, говоря о цифровом неравенстве российских регионов, следует отметить, что оно обусловлено комплексным воздействием ряда взаимосвязанных обстоятельств.

1. Географический и инфраструктурный фактор. Российская Федерация включает регионы с совершенно разной площадью, рельефом и суровыми климатическими условиями. Обеспечение доступа к мобильной сети и интернету, строительство соответствующей инфраструктуры в таких регионах значительно затруднено и требует использования менее надежного спутникового интернета. В то же время регионы центральной части страны и Урала обладают более развитой энергетической и транспортной инфраструктурой, высокой плотностью населения, что создает предпосылки для формирования современной технологической базы [14].

2. Социально-экономический фактор. Уровень экономического развития субъекта Федерации напрямую влияет на его возможности для инвестиций в модернизацию ИКТ-инфраструктуры. Кроме того, дополнительные транспортные издержки и дефицит квалифицированного персонала в отдаленных регионах усиливают цифровой разрыв. Рейтинги цифровизации регионов России наглядно демонстрируют это расслоение: лидирующие позиции устойчиво занимают экономически развитые субъекты, такие как Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Белгородская область, которые реализуют проекты в сфере ИИ, больших данных и цифровых госуслуг. Аутсайдерами же остаются преимущественно субъекты с небольшим бюджетом и сложной географией: ряд республик Северного Кавказа (Ингушетия, Карачаево-Черкесия), сельскохозяйственные области Центральной России и удаленные регионы Сибири (Тыва, Алтай). Их общие проблемы – слабая материальная база для ИТ, утечка кадров и низкая цифровая грамотность населения. К примеру, в Ингушетии и Тыве менее 60% жителей имеют учетные записи на «Госуслугах», тогда как в ведущих регионах этот показатель превышает 80%. При этом все эти регионы подключены к основным федеральным платформам – везде работают базовые сервисы вроде ЕПГУ и СМЭВ [8].

3. Разрыв в цифровых компетенциях. Сегодня, когда доступность базовых цифровых устройств возросла, ключевым условием эффективного использования технологий становятся цифровые навыки. Согласно исследованию НАФИ (август 2025 г., выборка 1600 респондентов), старшее поколение (россияне старше 55 лет) оказывается одной из самых уязвимых групп: проникновение технологий в их жизнь опережает освоение соответствующих знаний и навыков (см. рисунок 1). Так согласно исследованию, 45% граждан старше 55 лет чувствуют себя уязвимыми перед интернет-мошенниками, а 77% хотели бы улучшить свои цифровые навыки [12].

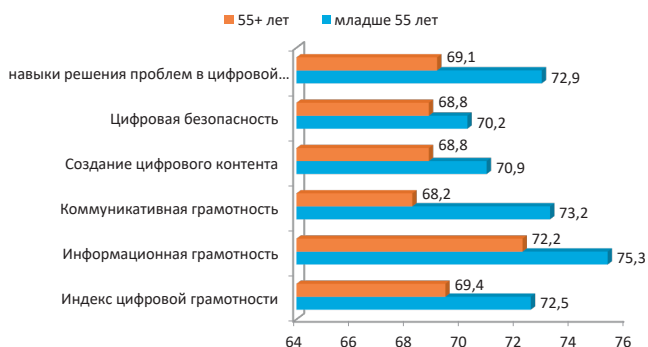

Рис. 1. Значения компонент цифровой грамотности россиян младше и старше 55 лет, в п.п. от 0 (цифровая грамотность отсутствует) до 100 (абсолютное владение цифровыми компетенциями)

Особенно серьезные пробелы отмечаются в сферах цифровой безопасности, коммуникационной грамотности (работа с онлайн-документами, получение госуслуг) и создания цифрового контента.

4. Новый вызов: неравенство в использовании данных и ИИ. Динамичное развитие технологий порождает принципиально новые формы цифрового разрыва. Сегодня ключевое отставание многих регионов наблюдается не столько в базовом доступе, сколько в возможностях использования данных и технологий искусственного интеллекта. Лидерами в этой сфере являются, как правило, инновационно активные регионы с высокой концентрацией научно-образовательного потенциала. Например, Московская, Ульяновская, Воронежская, Ярославская, Самарская и Томская области демонстрируют высокие показатели внедрения ИИ. Важную роль здесь играют университетские центры: вузы становятся одними из главных потребителей ИИ-сервисов, в частности языковых моделей, благодаря активности студентов и преподавателей, что создает спрос и культуру использования передовых технологий. В противоположность этому, в ряде отстающих регионов, особенно с сырьевой специализацией экономики (таких как Чукотский, Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа), наблюдается низкий внутренний спрос на подобные решения со стороны реального сектора экономики, а также ощущается острая нехватка научно-образовательных организаций, способных генерировать и адаптировать эти технологии [11, с. 230]. Таким образом, формируется новый, содержательный уровень цифрового неравенства, связанный не с подключением к сети, а с возможностями работы в ней на передовом технологическом уровне. Эти углубляющиеся различия создают дополнительный структурный вызов и могут усугубиться в контексте общенациональной задачи по обеспечению технологического суверенитета.

Учитывая комплексный характер новых вызовов, включая углубляющийся разрыв в использовании данных и ИИ, реализация системной государственной политики по преодолению цифрового неравенства в России приобретает особую актуальность и требует постоянной адаптации. Реализация системной политики по устранению цифрового неравенства в России началась в 2014 году в рамках федерального проекта «Информационная инфраструктура». На первом этапе (до 2021 года) была проведена работа по подключению к интернету социальных учреждений в сельской местности: в более чем 15 тыс. населенных пунктов сельской местности, обеспечен доступ к сети интернет школ и медицинских учреждений. В рамках национального проекта «Цифровая экономика» работа была продолжена: к концу 2024 года было установлено 4,8 тыс. базовых станций и проложено 17 тыс. км оптоволоконных линий связи, что позволило обеспечить интернетом тысячи ранее отключенных населенных пунктов [5].

Благодаря этим усилиям был достигнут довольно высокий и выравниваемый по федеральным округам уровень показателя «Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет» (в среднем по стране – 87,3%). Однако другие показатели демонстрируют сохранение глубокого разрыва. Например, доля населения, использовавшего интернет для получения государственных услуг, варьируется от 83,8% в Центральном федеральном округе до 53,8%

в Северо-Западном и 57,5% в Северо-Кавказском федеральном округе [4, с. 229]. Аналогичный разрыв наблюдается в использовании интернета для заказа товаров и услуг.

Таким образом, несмотря на достигнутые успехи в развитии инфраструктурной составляющей, констатировать преодоление цифрового неравенства между российскими регионами в настоящее время невозможно. В этой связи с 2025 года реализация государственной политики в данной сфере продолжается в рамках нового национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Одной из характерных черт текущего этапа является активное привлечение общественной инициативы для определения приоритетов. В качестве примера можно привести всероссийское голосование граждан «Устранение цифрового неравенства», проведенное в 2024 году, в ходе которого жители напрямую влияли на выбор населенных пунктов для первоочередного подключения к высокоскоростному интернету. Этот механизм позволил учесть локальные запросы. Так, в Пензенской области в голосовании приняли участие более 2500 человек, а по его итогам в рамках федерального проекта «Устранение цифрового неравенства 2.0» до конца 2025 года планировалось провести работы в 17 населенных пунктах региона [3].

Однако для решения столь комплексной проблемы, усугубляемой новыми технологическими вызовами, одних инфраструктурных проектов и точечных мер недостаточно. Требуется долгосрочное стратегическое планирование, учитывающее резко различающийся уровень готовности регионов. Именно поэтому эксперты, анализируя новые вызовы, связанные с искусственным интеллектом, предлагают выстраивать дифференцированную региональную стратегию, адаптированную под специфику и потенциал каждого субъекта:

– в наиболее продвинутых регионах (таких как Москва и Московская область, Татарстан, Новосибирская область) следует стимулировать исследования и поддерживать стартапы в области разработки собственных прорывных технологических решений, в том числе на основе ИИ;

– в промышленных регионах (Красноярский край, Свердловская область, Пермский край, Ленинградская область и др.) необходимо поддерживать внедрение ИИ в промышленное производство, уделяя особое внимание переобучению сотрудников;

– в регионах с низким уровнем цифровизации приоритетом должно оставаться развитие базовой инфраструктуры, обеспечение физической доступности связи, реализация образовательных программ для повышения цифровой грамотности всех групп населения и поддержка малого бизнеса в цифровой среде [4, с. 231].

Именно такой дифференцированный подход, сочетающий точечные инфраструктурные инициативы с долгосрочными стратегиями технологического развития, отражает необходимую эволюцию государственной политики. Однако он же наглядно демонстрирует, что проблема цифрового неравенства в современной России представляет собой комплексную и многоуровневую социально-экономическую и политическую задачу. Как показывает проведенный анализ, она эволюционировала от простого разрыва в физическом доступе к сложной системе различий, включающей инфраструктурные, экономические, образовательные и технологические аспекты. Несмотря на заметные успехи в расширении сетевого покрытия, особенно в сельской местности, глубинные диспропорции между регионами сохраняются. Они проявляются не только в показателях подключения, но и в реальном использовании цифровых услуг, уровне цифровых компетенций граждан и готовности экономики к внедрению передовых технологий, таких как искусственный интеллект.

Перспективы построения эффективного цифрового государства в России в значительной степени зависят от качества решения данной проблемы. Это требует продолжительной, системной и дифференцированной работы, значительных инвестиций, обоснованных политических решений и тесного сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества. Только такой комплексный подход позволит трансформировать цифровое неравенство из устойчивого вызова в возможность для сбалансированного и инклюзивного развития всех регионов страны.

Литература

1. Вершинская О.Н. Информационное неравенство как социологическая проблема. // Информационное общество. – 2001. – № 4. – С. 45–50.
2. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 108–120.

3. Жители Пензенской области могут выбрать населенные пункты для подключения к интернету. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pnzreg.ru/news/it-tehnologii-i-svyaz/462248/> (дата обращения: 25.12.2025).

4. Земцов С.П. Цифровое неравенство и региональное развитие в России в условиях распространения технологий искусственного интеллекта. // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 2 (67). – С. 225–233.

5. Капранов О. Устранение цифрового неравенства дало интернет в 8,5 тыс. населенных пунктов. // Российская газета. – 2025. – 15 июля. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2025/07/15/ustranenie-cifrovogo-neravenstva-dalo-internet-v-85-tys-naselennyh-punktov.html> (дата обращения: 15.12.2025).

6. Орехов А.М., Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 260–272.

7. Платонова С.И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства. // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 6. – С. 139–149.

8. Рейтинг цифровизации и внедрения ИИ в регионах России (январь–апрель 2025 года). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rmmag.ru/2025/05/19/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/> (дата обращения: 15.12.2025).

9. Смирнова М. Цифровой разрыв – причины и пути преодоления. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rdc.grfc.ru/2025/03/digital-divide/> (дата обращения: 25.11.2025).

10. Смирнова Р.А. Цифровое неравенство в бизнес-среде малого и среднего предпринимательства. // Белорусская Думка. – 2022. – № 5. – С. 67–75.

11. Химичук Е.В. Цифровое неравенство или неравенство в цифрах. // Политика и общество. – 2018. – № 1. – С. 44–49.

12. Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий. НАФИ. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovoy-razryv-kazhdyy-tretyi-rossiyanin-starshe-55-let-boitsya-ostatsya-za-bortom-tehnologii/> (дата обращения: 25.11.2025).

13. Чижов А.А. Уровни цифрового неравенства: особенности проявления в Уральском федеральном округе. // Вопросы управления. – 2024. – № 4 (89). – С. 80–93.

14. Шомполов А.Д. Цифровое неравенство регионов России: причины и последствия. // Научный Лидер. – 2025. – № 19 (220) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoe-neravenstvo-regionov-rossii-prichin> (дата обращения: 15.11.2025).

DIGITAL INEQUALITY AS A CHALLENGE FOR THE DEVELOPMENT OF A DIGITAL STATE IN MODERN RUSSIA

Retinskaya V.N., Zagrebina D.Yu.
Penza State University

This article examines the phenomenon of digital inequality as a complex challenge to the formation of a digital state in contemporary Russia. Using an interdisciplinary approach, the authors analyze the evolution of the concept of digital inequality—from its initial understanding as a gap in physical internet access to its current interpretation as a multidimensional socioeconomic and geopolitical phenomenon. Particular attention is paid to the manifestation of the digital divide at the regional level in the Russian Federation. The paper identifies a combination of factors driving this inequality: geographic conditions, differences in regional socioeconomic development, a lack of digital skills among the population, particularly among older people, and new challenges associated with the introduction of artificial intelligence technologies. The authors evaluate public policy measures implemented within the framework of national projects and propose differentiated strategies for regions depending on their level of digital development. The conclusion concludes that, despite certain successes in infrastructure development, digital inequality remains a persistent structural problem requiring long-term systemic solutions, investment, and the joint efforts of the government, business, and society.

Keywords: digital inequality, digital divide, digital state, regional development, information and communication technologies, digital literacy, artificial intelligence.

References

1. Vershinskaya O.N. Information inequality as a sociological problem. // Information Society. – 2001. – № 4. – P. 45–50.
2. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Prospects for the Russian information society: levels of the digital divide // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Sociology. – 2019. – Т. 19, № 1. – P. 108–120.
3. Residents of the Penza region can choose settlements to connect to the Internet. [Electronic resource] Access mode: <https://pnzreg.ru/news/it-tehnologii-i-svyaz/462248/> (access date 12/25/2025).

4. Zemtsov S.P. Digital inequality and regional development in Russia in the context of the spread of artificial intelligence technologies. // Journal of the New Economic Association. – 2025. – № 2 (67). – Pp. 225–233.
5. Kapranov O. Eliminating the digital divide brought the Internet to 8.5 thousand settlements. // Russian newspaper. – 2025. – July 15. [Electronic resource] Access mode: <https://rg.ru/2025/07/15/ustranenie-cifrovogo-neravenstva-dalo-internet-v-85-tys-naselennyh-punktov.html> (access date 12/15/2025).
6. Orekhov A.M., Chubarov N.A. Digital inequality and digital justice: socio-philosophical aspects of the problem. // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Philosophy. – 2024. – T. 28, № 1. – P. 260–272.
7. Platonova S.I. Digital inequality as a new form of social inequality. // Intelligence. Innovation. Investments. – 2024. – № 6. – P. 139–149.
8. Rating of digitalization and implementation of AI in Russian regions (January–April 2025). [Electronic resource] Access mode: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-cifrovizacii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/> (access date 12/15/2025).
9. Smirnova M. Digital divide – causes and ways to overcome. [Electronic resource] Access mode: https://rdc.grfc.ru/2025/03/digital_divide/ (access date 11/25/2025).
10. Smirnova R.A. Digital inequality in the business environment of small and medium-sized enterprises. // Belarusian Dumka. – 2022. – № 5. – P. 67–75.
11. Khimichuk E.V. Digital inequality or inequality in numbers. // Politics and society. – 2018. – № 1. – P. 44–49.
12. Digital divide: every third Russian over 55 years old is afraid of being left behind by technology. NAFI. [Electronic resource] Access mode: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovoy-razryv-kazhdyy-trety-rossiyanin-starshe-55-let-boitsya-ostatsya-za-bortom-tekhnologiy/> (accessed November 25, 2025).
13. Chizhov A.A. Levels of digital inequality: features of manifestation in the Ural Federal District. // Management issues. – 2024. – № 4 (89). – P. 80–93.
14. Shompolov A.D. Digital inequality of Russian regions: causes and consequences. // Scientific Leader. – 2025. – № 19 (220) [Electronic resource] Access mode: <https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoe-neravenstvo-regionov-rossii-prichin> (access date 11/15/2025).

Рычихина Элина Николаевна,

доктор социологических наук, доцент, профессор, Московский городской педагогический университет
E-mail: richihinaen@mgpu.ru

Осин Матвей Сергеевич,

аспирант, Московский городской педагогический университет
E-mail: osinMS050@mgpu.ru

В статье рассматривается взаимодействие элементов образовательной экосистемы как механизм социального контроля в современных условиях цифровой трансформации образования. На основе системного анализа отечественной литературы и модельного эмпирического исследования выявлены ключевые каналы и инструменты наблюдения и регуляции поведения субъектов образования: цифровые платформы, аналитические модули, электронные журналы, рейтинговые и уведомительные механизмы, а также институциональные регламенты отчётности. Показано, что экосистемный характер образования одновременно расширяет возможности персонализации образовательных траекторий и множит точки наблюдения, что приводит к парадоксальной связи «эффективность – контроль»: персонализация повышает обучаемость, но сопряжена с ростом объёма собираемых данных и ростом ощущения утраты автономии у учащихся. Модельное опросное исследование демонстрирует различия в восприятии мониторинга между основными группами акторов экосистемы: администраторы чаще рассматривают мониторинг как управленческий инструмент, учащиеся – как фактор снижения автономии. На основе полученных выводов предложены практические рекомендации по обеспечению прозрачности сбора данных, оценке этики внедряемых инструментов и мерам по защите приватности обучающихся. Работа опирается исключительно на отечественные и включённые в исследование источники и нацелена на развитие социологического анализа современных образовательных практик.

Ключевые слова: Образовательная экосистема; социальный контроль; цифровой мониторинг; персонализация обучения; приватность; дисциплинарные практики; управление образованием

Введение

Образовательные системы последних лет всё более часто описываются через метафору и концепт «экосистемы», который подчёркивает многокомпонентность, гибкость и сетевую природу современного образования. Под этим понятием понимают открытые многоуровневые структуры, объединяющие формальные институты, цифровые платформы, внеинституциональных провайдеров, семьи и иные стейкхолдеры, направленные на поддержку непрерывного и персонализированного обучения [13], [14]. В российском контексте усиление роли цифровых платформ и аналитических инструментов происходит одновременно с политикой стандартизации и ориентацией на измеримые образовательные результаты, что создаёт особые условия для взаимодействия экосистемных процессов и практик социального контроля. В отечественной литературе вопросы цифровой трансформации и мониторинга, а также их воздействия на педагогические практики обсуждаются в работах, посвящённых мониторингу цифровой трансформации школ [2], [7], дисциплинарным практикам цифрового селф-трекинга [6], а также рискам и перспективам внедрения образовательных экосистем [1], [11]. Вместе с тем синтез этих направлений – с социологическим акцентом на механизмы контроля и их последствия для автономии субъектов образования – остаётся недостаточно проработанным. Данная статья направлена на теоретико-эмпирическое осмысление того, как свойства образовательной экосистемы трансформируют практики наблюдения, нормирования и регуляции поведения участников образовательного процесса, и на выявление социальных последствий таких трансформаций.

Определение понятия образовательной экосистемы звучит следующим образом: «динамическая, открытая, взаимосвязанная сеть локальных образовательных систем, состоящая из индивидуальных и институциональных провайдеров образования, предлагающих разнообразные образовательные ресурсы и практики для индивидуальных и коллективных получателей услуг на протяжении их жизненного цикла». Данное определение указывает на форму реализации экосистемного образования. Образовательная экосистема выступает в качестве инфраструктурного базиса нового формата, позволяющая эффективно реализовать обучение кадров. В настоящее время наблюдается формирование подобных образовательных систем в процессе сотрудничества между разнообразными представителями сферы образования: школами, образовательными учреждениями дополнительного образования, колледжами, университетами и непосредственными работодателями. Залог успеха данной образовательной структуры зависит от того, каким образом будет построено взаимодействие между «провайдерами» образования и отношениями между иными образовательными экосистемами [1].

Актуальность исследования продиктована двумя взаимосвязанными трендами. Первый – это расширение набора акторов и инструментов, включённых в образовательный процесс: школы, университеты, государственные структуры, коммерческие платформы, сообщества практиков, платные и бесплатные курсы, онлайн-ресурсы и т.д., что даёт эластичность образовательным траекториям, но одновременно множит каналы обмена информацией [1], [11], [13]. Второй – распространение технологий сбора и анализа данных об образовательной активности: электронные журналы, платформы для дистанционного обучения и сквозные аналитические модули, которые позволяют фиксировать посещаемость, прогресс, взаимодействие в коммуникационных каналах и иные следы поведения учащихся и преподавателей [2], [6]. Таким образом, образовательная экосистема даёт одновременно возможности персонализации и усиления наблюдения; именно взаимодействие этих эффектов и составляет предмет нашего исследования.

Материалы и методы исследования

Теоретическую рамку исследования составляют положения экосистемного подхода к образованию, согласно которым образовательная система понимается как открытая, самоорганизующаяся и многоуровневая сеть акторов и ресурсов, а также социологические теории социального контроля, рассматривающие механизмы нормирования и управления поведением индивидов в обществе. На эмпирическом уровне для проверки логики взаимосвязей был использован комбинированный метод: системный контент-анализ отечественных публикаций по теме и социологическое исследование, основанное на анкетном опросе.

Контент-анализ литературы, приведённой в данном списке источников, позволил выделить ключевые механизмы контроля: технологические (алгоритмический сбор и обработка данных), организационные (регламенты отчётности и стандарты) и социальные (нормы, рейтинги, практики публичного признания и санкционирования) [3], [4], [6], [9], [11], [12]. На основе таких выводов была разработана концептуальная модель информационных потоков внутри экосистемы, в центре которой находится субъект обучения, а вокруг него концентрируются слои: образовательные учреждения, цифровые платформы, внешние провайдеры, семьи и органы управления.

Практический блок реализован в форме социологического опроса, направленного на выявление того, каким образом разные акторы воспринимают уровень мониторинга и связанные с ним эффекты. Выборка составила четыреста респондентов, равномерно распределённых по четырём группам: сто учащихся старших классов, сто учителей, сто родителей и сто администраторов (представителей школьных администраций или региональных органов управления образованием). Такая конфигурация выборки служит для сравнений между основными категориями акторов экосистемы. Метод сбора данных – стандартизированный опрос, проведенный онлайн автором в 2025 году с использованием шкал Лайкерта от единицы до пяти по трем ключевым переменным: интенсивность мониторинга (IM), восприятие утраты автономии (AU) и оценка эффективности персонализации (EP).

В эмпирическом блоке мы проверяем три рабочие гипотезы. Первая гипотеза утверждает, что интеграция цифровых платформ в образовательную экосистему увеличивает объём наблюдаемых данных о действиях учащихся и, следовательно, усиливает возможности социального контроля; её предпосылки опираются на исследования цифровизации школ и мониторинга [2], [7]. Вторая гипотеза предполагает, что администраторы и управленцы рассматривают инструменты мониторинга преимущественно как полезный управленческий ресурс, тогда как учащиеся и родители чаще воспринимают их как фактор утраты автономии и приватности [2]. Третья гипотеза формулирует парадокс: высокая степень персонализации коррелирует как с повышением эффективности обучения, так и с ростом уровня наблюдения и вмешательства со стороны системы, создавая противоречие «развитие против контроля» [13], [16].

Результаты и обсуждение

В исследовании четырестот респондентов вопросы были направлены на оценку интенсивности мониторинга, восприятия утраты автономии и оценки персонализации. Полученные средние значения по переменным для каждой группы отражают ожидаемые тенденции, выявленные в более ранних исследованиях.

Сравнение полученных результатов по переменной «интенсивность мониторинга» (IM) представлено на диаграмме рисунка 1. Важным показателем доли респондентов, оценивающих интенсивность мониторинга как высокую или очень высокую (то есть ставивших оценку 4 или 5), является следующее: среди учащихся таких респондентов 70%, среди учителей 60%, среди родителей 55%, а среди администраторов 85%; усреднённый показатель доли для всей выборки – 67,5%. Эти данные демонстрируют яркое расхождение в восприятии: администраторы фиксируют наибольшую интенсивность мониторинга и при этом в среднем реже ощущают утрату автономии, тогда как учащиеся одновременно испытывают значимую интенсивность мониторинга и довольно высокую степень переживания утраты автономии (рис. 1).

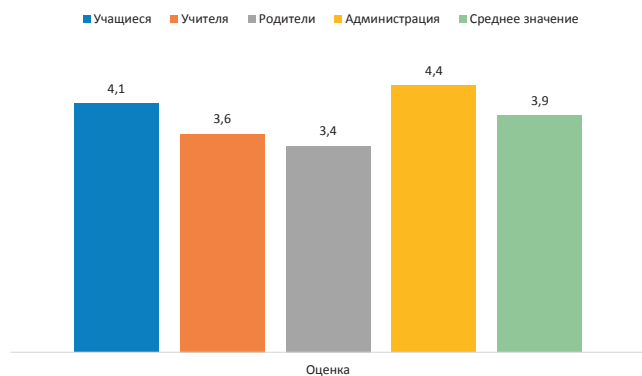

Рис. 1. Оценка показателя «интенсивность мониторинга» (IM)

На основании полученных результатов наибольший интерес к проведению мониторинга и его интенсивность проявляют представители администрации образовательных организаций (4,4 балла). На единицу меньше оценивают интенсивность проведения мониторинга родители,

для которых не всегда понятны те или иные мониторинговые срезы, проводимые в образовательных организациях.

Оценки респондентов по переменной «восприятие утраты автономии» (AU) отражены на рисунке 2.

Оценки показателя «восприятия утраты автономии» показывают другие результаты. Наименьшую оценку данному показателю поставили представители администрации (2,8 балла), что объясняется регулярным контролем системы образования. А вот для обучающихся данный показатель имеет большее значение (3,9 балла), что проявилось в переживаниях о том, что они не самостоятельны, что не могут быть независимыми (рис. 2).

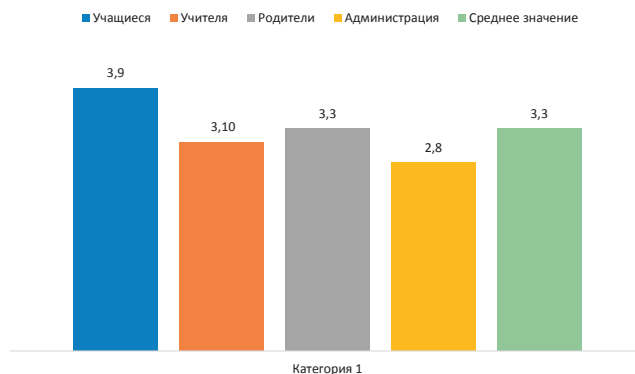

Рис. 2. Оценка показателя «восприятие утраты автономии» (AU)

Аналитическая проверка предполагаемой связи между интенсивностью мониторинга и восприятием утраты автономии показывает заметную положительную корреляцию: при увеличении показателя IM растёт и показатель AU, что иллюстрирует основной риск – рост контроля сопряжён с увеличением ощущения потери личной автономии у субъектов образования, прежде всего у самих учащихся. В нашем исследовании коэффициент корреляции между IM и AU составил 0,62, что трактуется как устойчивый статистический эффект. Эта корреляция подтверждает выводы ряда отечественных исследований, где подчёркивается влияние цифровых практик на субъективное восприятие приватности и автономии (см. [6], [7], [8]).

По переменной «оценка эффективности персонализации» (EP) исследование даёт средний по выборке показатель примерно 3,8 балла, что указывает на общее признание полезности персонализированных образовательных маршрутов, но не освобождает от вопросов, связанных с сопутствующим мониторингом.

Сравнение средних оценок по трем исследуемым показателям, показанное на рисунке 3, позволяет сделать вывод о необходимости проведения мониторинга с учетом сохранения автономии всех участников образовательного процесса.

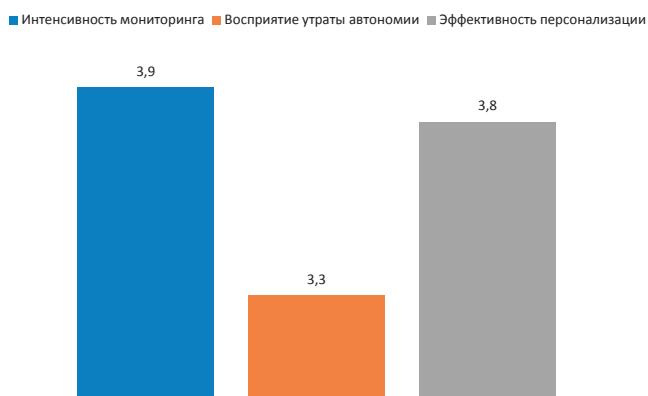

Рис. 3. Средние оценки по показателям

Качественные выводы из обзора отечественной и зарубежной научной литературы непосредственно коррелируют с результатами опроса. Работы, исследующие дисциплинарные практики селф-трекинга и мониторинга, показывают, как технические свойства приложений – визуализация показателей, push-уведомления, рейтинги и публикация достижений – создают стимулы к саморегуляции и одновременно превращают личные данные в объект оценки и сравнения [6]. Анализ российских материалов о мониторинге цифровой трансформации образовательных учреждений подчёркивает, что системы учёта и отчётности становятся элементом новой управленческой повестки, ориентированной на метрики и производительность, а не только на образовательное содержание [2], [11]. Одновременно исследования экосистемного

подхода фиксируют рост возможностей для индивидуализации образовательных траекторий, интеграции внеинституциональных ресурсов и горизонтальных связей между акторами экосистемы – что открывает позитивные перспективы для развития компетенций, но создаёт и дополнительные точки вмешательства и регламентации [1], [13], [14].

На основании результатов опроса и сопоставления с отчетливыми источниками можно выделить несколько ключевых аналитических тезисов, важных для социологической теории образования и практики менеджмента. Во-первых, образовательная экосистема выступает распределённым механизмом социального контроля, где наблюдение и регламентация не сосредоточены только в централизованных институтах, а делегированы в сеть технических и социальных посредников: платформы, внешние провайдеры, сообщества и семьи. В этой сети контроль реализуется через постоянный поток данных, алгоритмическую обработку и институциональные требования об отчётности, что меняет классические соотношения между субъектом и системой. Во-вторых, цифровые технологии трансформируют дисциплинарные практики, делая их мягче и перманентнее: вместо одноразовых санкций система предлагает механизмы постоянной обратной связи, раннего вмешательства и поведенческой модификации через дизайн интерфейса и геймификацию; такие выводы соответствуют анализу дисциплинарных практик и работам о цифровом мониторинге. В-третьих, конфигурация экосистемы и степень её институционализации зависят от политико-административных факторов региона: если национальные и региональные программы ориентированы на отчётность и стандарты, экосистема структурируется под эти требования, увеличивая контрольные функции, что подтверждается анализом материалов о мониторинге цифровой трансформации. В-четвёртых, существует устойчивое противоречие между эффектами персонализации и рисками приватности: персонализация повышает образовательную релевантность и может улучшать показатели усвоения, одновременно создавая предпосылки для усиления наблюдения и нормативного давления на субъектов.

Выявленное резкое расхождение в оценках между группами акторов служит эмпирическим подтверждением тезиса о дифференцированном восприятии и переживании контроля. Тот факт, что администраторы демонстрируют самый высокий показатель восприятия интенсивности мониторинга (4.4 балла), но самый низкий – утраты автономии (2.8 балла), свидетельствует о глубокой институциональной интериоризации логики наблюдения как инструмента эффективного управления. Для управленческого уровня сбор данных и аналитика легитимированы задачами прозрачности и повышения качества, что минимизирует субъективное переживание контроля как ограничения. В то же время у учащихся, которые фиксируют сопоставимо высокий уровень мониторинга (4.1 балла), он напрямую ассоциируется с высокой утратой автономии (3.9 балла). Эта диспропорция наглядно иллюстрирует асимметрию власти в экосистеме: одни акторы проектируют и используют системы контроля, а другие оказываются их первичными объектами, испытывая на себе их дисциплинирующее воздействие. Умеренные, но смещённые в сторону тревоги показатели учителей и родителей (3.1 и 3.3 балла по шкале AU соответственно) указывают на их промежуточное, медиаторное положение: они являются одновременно и агентами, передающими контрольные требования системы, и субъектами, также подверженными наблюдению и отчётности. Выявленная сильная положительная корреляция ($r = 0.62$) между интенсивностью мониторинга и чувством утраты автономии статистически подтверждает центральную гипотезу о прямой взаимосвязи расширения наблюдаемости и роста субъективного переживания несвободы, что является ключевым социальным последствием цифровизации образовательной среды.

Статистический анализ также обнажает фундаментальный парадокс, заложенный в архитектуре современных образовательных экосистем. С одной стороны, респонденты всех групп в среднем высоко оценивают эффективность персонализации (3.8 балла), признавая её дидактический и мотивационный потенциал. С другой стороны, эта же персонализация технологически невозможна без детального и постоянного сбора поведенческих и академических данных, что и фиксируется высокими показателями ИМ. Таким образом, эмпирические данные визуализируют противоречие «развитие против контроля»: чем тоньше и эффективнее подстраивается под ученика образовательная траектория, тем прозрачнее и уязвимее он становится для системы наблюдения. Это создаёт новый тип социального контроля, который можно охарактеризовать как «мягкий» и имманентный процессу обучения. Он действует не через грубые внешние запреты, а через алгоритмическую оптимизацию, рекомендации, геймификацию и постоянную обратную связь, формируя определённые поведенческие паттерны. Высокий процент администраторов (85%), отмечающих высокую интенсивность

мониторинга, указывает на технократическую ориентацию управления, где данные становятся главным аргументом для принятия решений. Однако, как показывают цифры по учащимся, эта «датафикация» образовательного процесса имеет выраженную социальную цену, проявляющуюся в росте ощущения тотальной наблюдаемости и снижении чувства личного и академического суверенитета. Следовательно, экосистема трансформирует дисциплинарную власть, делая её более распределённой, непрерывной и основанной на данных, что требует новых социологических концептов для своего осмысления и этических регуляторов для смягчения негативных эффектов.

Опираясь на выявленные эффекты и научные дискуссии отечественных и зарубежных авторов, предлагаем следующие практические меры для менеджмента образовательных организаций и органов управления. Во-первых, при внедрении цифровых платформ и аналитических модулей следует разработать и обеспечить соблюдение прозрачной политики сбора и использования данных учащихся, включая опосредованные формы информированного согласия, ограничения по кругу доступа и срокам хранения данных; такие меры помогут снизить ощущение угрозы автономии у учащихся и родителей и минимизировать негативные социальные эффекты [3], [4], [6], [9]. Во-вторых, необходимо проводить предварительную оценку этики и рисков внедряемых инструментов, реализуя пилотные проекты с участием педагогов, родителей и учащихся; это позволит адаптировать алгоритмические решения под локальные нормы и ожидания и снизить дискретность нежелательных последствий [8], [11], [15]. В-третьих, регуляторной практикой целесообразно установить обязательные требования по анонимизации и агрегации аналитических отчётов для внешних исследований, чтобы сохранить возможность мониторинга качества образования без грубого вмешательства в приватную жизнь обучающихся. В-четвёртых, развивать цифровую грамотность педагогов и родителей, обучая их не только техническим приёмам работы с платформами, но и вопросам этики, приватности и интерпретации аналитики, поскольку компетентность акторов снижает риски непропорционального использования данных и повышает доверие к системам [7], [11].

Перспективы дальнейших исследований включают проведение репрезентативных эмпирических опросов и когортных исследований, анализ метаданных реальных платформ и межрегиональные сравнения практик внедрения экосистем для выявления различий в уровнях контроля и их влияния на образовательные траектории и поведение. Также необходимы междисциплинарные исследования, объединяющие социологию, педагогическую науку, информатику и юридические науки для разработки нормативных и технических механизмов, обеспечивающих баланс между эффективностью образовательных экосистем и защитой прав личности.

Выводы

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы и проведённое эмпирическое исследование позволяют утверждать, что образовательная экосистема функционирует как двойственный механизм: с одной стороны она расширяет возможности индивидуализации, доступ к разнообразным образовательным ресурсам и горизонтальные связи между акторами, с другой – через цифровые инструменты и институциональные требования она увеличивает объёмы наблюдения и создаёт новые формы социального контроля. Для социологии управления это означает необходимость переосмысления классических теорий контроля с учётом сетевой и инфраструктурной природы современных систем. Для практики – необходимость разработки прозрачных, этически обоснованных и технически надёжных подходов к управленческому мониторингу, нацеленному на отслеживание показателей и индикаторов, необходимых в системе образования, и проектированию экосистем, в которых образовательные свободы и права на приватность будут уравновешены с требованиями качества и публичной подотчётности. Дальнейшие исследования должны опираться на данные платформ и большие выборки респондентов, чтобы качественно и количественно оценить долгосрочные последствия расширения контроля в образовательных экосистемах и выработать практические регулятивные решения.

Литература

1. Александров А.А. Образовательная экосистема: будущее начинается сегодня: сборник научных статей / под ред. А.А. Александрова. – М.: РУСАЙНС, 2022. – 106 с.
2. Андреевкова А.В., Дмитриева Е.В., Носкова А.В. Российские школы через призму мониторинга цифровой трансформации образования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2 (168). – С. 284–301.

3. Базалей Т.Ю. Мониторинг и контроль общественного мнения с использованием цифровых технологий // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 1–12.

4. Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 145–163.

5. Гасумова Н.В. Экосистемные связи в образовательных практиках: социальный контроль и управление: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2023. – 34 с.

6. Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К. Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 217–240.

7. Исааков Д.А., Никитина Е.В. Цифровизация школьного образования: риски, контроль и трансформация педагогических практик // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 2. – С. 288–307.

8. Каменская В.Г., Тomanov Л.В. Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // Экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 139–159.

9. Комлев Ю.Ю. Социальный контроль в VUCA-мире и обществе наблюдения: состояние, тренды и этические проблемы // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 2. – С. 113–116.

10. Ли Б. Институциональные механизмы взаимодействия в образовательной экосистеме: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2023. – 178 с.

11. Менеджмент в образовании: экосистемный подход: материалы межвузовской научно-практической конференции / под ред. коллектива авторов. – М.: МГПУ, 2023. – 250 с.

12. Рычихина Э.Н. Модель управленческого мониторинга инновационного образовательного учреждения // Социология образования. 2009. № 9. С. 57–63.

13. Уткин А.В., Шевченко К.В. Экосистемный подход в образовании: от метафоры к методологии и практике // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 2 (107). – С. 175–189.

14. Хангельдиева И.Г. Образовательные экосистемы – тренд развития современного российского образования в ближайшем будущем // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2022. – № 1. – С. 68–88.

15. Цифровые технологии в образовании: тенденции, проблемы, перспективы: монография / под ред. И.А. Фёдорова. – М.: Национальное развитие, 2023. – 81 с.

16. Lucein M., Perevalova A. Digital tools in education as part of ecosystem approach during foreign language acquisition // Journal of Language and Education. – 2022. – Vol. 8, № 4. – P. 45–53.

17. Penner A. Digital identity, learning analytics and control in schools: dissertation abstract. – Berlin, 2024. – 38 p.

18. Stockman S., Nottingham L. Surveillance, data and schooling: mechanisms of control in educational ecosystems // British Journal of Sociology of Education. – 2022. – Vol. 43, № 6. – P. 823–838.

19. Szyrek A., Stewart J. Algorithmic management and educational ecosystems: governance, monitoring and control // Learning, Media and Technology. – 2022. – Vol. 47, № 4. – P. 520–535.

INTERACTION OF THE EDUCATIONAL ECOSYSTEM AS A MECHANISM OF SOCIAL CONTROL

Rychikhina E.N., Osin M.S.
Moscow City Pedagogical University

The article analyses the interaction of elements within the educational ecosystem as a mechanism of social control amid the ongoing digital transformation of education. Based on a systematic review of domestic literature and a modelled empirical survey, the study identifies principal channels and tools of observation and regulation of educational actors' behaviour: digital platforms, analytics modules, electronic gradebooks, ranking and notification systems, and institutional reporting rules. It is shown that the ecosystemic nature of education simultaneously expands opportunities for personalization of learning trajectories and increases observation points, resulting in a paradoxical "efficiency-control" relation: personalization improves learning outcomes while entailing greater data collection and heightened perceptions of autonomy loss among students. The modelled survey reveals differences in monitoring perception across key ecosystem actors: administrators more often view monitoring as a management tool, whereas students perceive it as reducing autonomy. Practical recommendations are proposed for ensuring transparency in data collection, conducting ethical impact assessments of deployed tools, and protecting learners' privacy. The study relies solely on the listed domestic sources and aims to advance sociological understanding of contemporary educational practices.

Keywords: Educational ecosystem; social control; digital monitoring; personalization of learning; privacy; disciplinary practices; educational governance

References

1. Aleksandrov A.A. Educational ecosystem: the future begins today: collection of scientific articles / ed. by A.A. Aleksandrov. – Moscow: RUSAYNS, 2022. – 106 p.
2. Andreenkova A.V., Dmitrieva E.V., Noskova A.V. Russian schools through the prism of monitoring digital transformation of education // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2022. – No. 2 (168). – P. 284–301.
3. Bazalei T. Yu. Monitoring and control of public opinion using digital technologies // World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. – 2023. – Vol. 14, No. 3. – P. 1–12.
4. Gavrilenko O.V. Digital technologies of social control: prospects and social consequences of their implementation // Vestnik of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Studies. – 2022. – Vol. 28, No. 1. – P. 145–163.
5. Gasumova N.V. Ecosystem connections in educational practices: social control and management: abstract of diss. ... cand. of soc. sci. – Moscow, 2023. – 34 p.
6. Davydova A.M., Solyanova M.A., Sorensen K. Disciplinary practices of digital self-tracking: between emancipation and control // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2021. – No. 1. – P. 217–240.
7. Isaakov D.A., Nikitina E.V. Digitalization of school education: risks, control and transformation of pedagogical practices // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2021. – No. 2. – P. 288–307.
8. Kamenskaia V.G., Tomanov L.V. Digital technologies and their impact on social and psychological characteristics of children and adolescents // Experimental Psychology. – 2022. – Vol. 15, No. 1. – P. 139–159.
9. Komlev Yu. Yu. Social control in VUCA-world and society of surveillance: state, trends and ethical problems // Vestnik of Economy, Law and Sociology. – 2022. – No. 2. – P. 113–116.
10. Li B. Institutional mechanisms of interaction in educational ecosystem: diss. ... cand. of soc. sci. – Moscow, 2023. – 178 p.
11. Management in education: ecosystem approach: proceedings of interuniversity scientific-practical conference / ed. by a team of authors. – Moscow: MGPU, 2023. – 250 p.
12. Rychikhina E.N. Model of managerial monitoring of innovative educational institution // Sociology of Education. 2009. No. 9. P. 57–63.
13. Utkin A.V., Shevchenko K.V. Ecosystem approach in education: from metaphor to methodology and practice // Vestnik of Cherepovets State University. – 2022. – No. 2 (107). – P. 175–189.
14. Khangeldieva I.G. Educational ecosystems – trend of development of modern Russian education in the nearest future // Vestnik of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education. – 2022. – No. 1. – P. 68–88.
15. Digital technologies in education: trends, problems, prospects: monograph / ed. by I.A. Fedorov. – Moscow: National Development, 2023. – 81 p.
16. Lucein M., Perevalova A. Digital tools in education as part of ecosystem approach during foreign language acquisition // Journal of Language and Education. – 2022. – Vol. 8, № 4. – P. 45–53.
17. Penner A. Digital identity, learning analytics and control in schools: dissertation abstract. – Berlin, 2024. – 38 p.
18. Stockman S., Nottingham L. Surveillance, data and schooling: mechanisms of control in educational ecosystems // British Journal of Sociology of Education. – 2022. – Vol. 43, № 6. – P. 823–838.
19. Szyrek A., Stewart J. Algorithmic management and educational ecosystems: governance, monitoring and control // Learning, Media and Technology. – 2022. – Vol. 47, № 4. – P. 520–535.

Жемерикина Юлия Игоревна,

к. психол.н., доцент, доцент кафедры прикладной психологии и развития личности Института психологии, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»; научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований»
E-mail: yulkazh@yandex.ru

Талалуева Татьяна Александровна,

к. психол.н., доцент кафедры прикладной психологии и развития личности Института психологии, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»
E-mail: talalueva2009@mail.ru

В статье рассмотрены научные дефиниции эмоционального интеллекта, представленные в отечественных исследованиях. На основе их сравнительного анализа выделены ключевые структурные характеристики данного феномена и сформулировано авторское определение эмоционального интеллекта как интегративного эмоционально-когнитивного образования личности. Особое внимание уделено анализу влияния эмоционального интеллекта на профессиональную деятельность. Показано, что уровень развитости эмоционального интеллекта выступает значимым фактором профессиональной эффективности, успешности трудовой адаптации и управленческой результативности, а также определяет качество межличностного взаимодействия в профессиональной среде.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, рефлексия, осознанность, саморегуляция, профессиональная траектория, карьера, коммуникативные навыки

Важную роль эмоциональной сферы в личностном и профессиональном становлении подчеркивали еще древние философы. В трудах античных мыслителей эмоции рассматривались не как второстепенное явление, а как существенный компонент внутренней организации человека, оказывающий влияние на его поведение, мотивацию и способность к осознанному выбору. Так, Платон связывал гармоничное развитие личности с согласованностью рационального, аффективного и волевого начал, подчёркивая необходимость воспитания эмоций для достижения нравственного и профессионального совершенства. В последующем размышления об эмоциональном компоненте были развиты философами эпохи Возрождения (Д. Алигьери, Ф. Петрарка, К. Салютати). В отечественной философской традиции данные вопросы также были рассмотрены. Эмоциональный интеллект рассматривался в контексте эмпатии и отождествлялся с ориентацией на другого человека и поиск оптимального диалога с ним [5, с. 44].

Весьма актуальным представляется изучение эмоционального интеллекта с точки зрения профессионального развития личности и выявления взаимосвязей между уровнем профессионального успеха и степенью развитости эмоционального интеллекта. В условиях усложнения профессиональной деятельности, возрастания роли межличностного взаимодействия способность к идентификации, пониманию и регуляции собственных и чужих эмоций становится значимым ресурсом профессиональной эффективности.

Само понятие «эмоциональный интеллект» является относительно новым: оно было введено в научный оборот в 1990 г. Дж. Майером и П. Саловеем. Исследователи интерпретировали эмоциональный интеллект как «разновидность социального интеллекта, затрагивающую способность индивида отслеживать свои и чужие эмоции и чувства» [1, с. 71]. Данная категория получила распространение благодаря работам американского психолога Д. Гоулмана, опубликованным в 1995 г. По мнению Д. Гоулмана, эмоциональный интеллект представляет собой способность человека истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих с целью достижения собственных целей [1, с. 71]. До сих пор в отечественной и зарубежной научной литературе употребляется несколько терминов – «emotional intelligence», «эмоциональное мышление», «эмоциональная чувствительность», «эмоциональное сознание», «эмоциональная компетенция», «эмоциональный потенциал» и проч. Все они употребляются в качестве синонимичных или тождественных. Тем не менее, в их содержании все же можно усмотреть различия. Так, к примеру, термин «эмоциональный интеллект» часто определяется исследователями как врожденное качество личности, тогда как навыки, определяемые как «эмоциональная компетенция», формируются в процессе культурного и социального развития [10, с. 150].

Наибольшее распространение в последнее десятилетие получил термин «эмоциональный интеллект». Единства мнений в отношении его дефиниции пока не наблюдается (Таблица 1):

Таблица 1. Подходы к определению термина «эмоциональный интеллект»

Дефиниция	Автор(ы)
Способность распознавать, понимать свои эмоции и управлять ими, а также эмоциями окружающих. Эмоциональный интеллект включает в себя самосознание, саморегуляцию, социальные навыки, эмпатию и мотивацию.	Е. М. Эделева [12, с. 835]
«Интеллектуальное использование эмоций или ряд компетенций, или способностей, проявляющихся в том, насколько человек знает себя, управляет собой, знает других и управляет своими отношениями с другими»	Н. П. Александрова [1, с. 71]
Совокупность навыков: эмоциональная осведомленность; способность использовать эмоции для решения задач; управление эмоциями.	О. В. Конош [6, с. 34]
Вид интеллекта, посредством которого можно понимать и распознавать личные эмоции и эмоций других людей, а также управлять ими. Включает в себя самосознание, регулирования эмоций, социальное сознание, менеджмент взаимоотношений.	И. В. Алексеенко с соавт. [2, с. 17]
Регуляция эмоций посредством осознания – разделения личности и его чувства.	О. А. Никитина с соавт. [8, с. 60]

Дефиниция	Автор(ы)
Эмоциональный интеллект – конструкт, который функционирует по двум осям – оси когнитивной, позволяющей осмысливать эмоцию, понимать ее причины и следствия, и оси практической, позволяющей управлять эмоцией и регулировать свою деятельность на основе рефлексивного осознания.	А. С. Анохина и О.А. Токарева [3, с. 312]
«Эмоционально-когнитивно-личностное образование, совокупность способностей чувствовать и ощущать эмоции, чувства, состояния и умственных способностей к их пониманию, управлению ими, а также компетенций, связанных с глубоким переживанием чувств, обработкой и преобразованием эмоциональной информации».	Е. Н. Расторгуева [9, с. 237]
Интеллектуализация эмоций, реализуемая в рамках коммуникации в виде способности эмоционально откликаться на переживания людей.	Э. П. Комарова [5, с. 45]
Способности и умения в области корректной дифференциации различных эмоций, умения вызывать эмоции, навыки понимания эмоций, знания для анализа и регуляции эмоций.	О. В. Конош [6, с. 36]
Способность распознавать и понимать свои и чужие эмоции, способность управлять своими и чужими эмоциями, способность личности к познанию окружающей действительности через эмоциональные составляющие.	Л. М. Наймушина [7, с. 67–68]

Примечание: составлено автором на основе материалов [1]; [3]; [6]; [12] и др.

На основе анализа представленных подходов к определению эмоционального интеллекта можно выделить его ключевые черты, которые отражаются в дефинициях большинства авторов и отражают существенные характеристики данного феномена. Так, к основным чертам эмоционального интеллекта относятся:

1. Осознанность – способность распознавать, идентифицировать и дифференцировать собственные эмоции и эмоциональные состояния, а также эмоции других людей.
2. Понимание эмоций – когнитивная обработка эмоциональной информации, включающая осмысление причин, динамики и последствий эмоций.
3. Эмоциональная регуляция – умение управлять интенсивностью, выражением и направленностью собственных эмоций, а также оказывать регулирующее воздействие на эмоциональные состояния окружающих.
4. Использование эмоций в деятельности – способность интегрировать эмоциональные процессы в мышление, принятие решений, решение профессиональных и жизненных задач.
5. Социально-коммуникативная направленность – эмпатия, социальное сознание, навыки управления межличностными отношениями и эмоционального взаимодействия в процессе коммуникации.
6. Рефлексия – осознание связи между эмоциональными переживаниями, личностными смыслами и поведенческими стратегиями.

На сегодняшний день понятие эмоционального интеллекта достаточно прочно укоренилось как в научном дискурсе, так и в обиходном сознании. Тем не менее, именно в данной области личностного развития на текущем этапе наблюдаются негативные тенденции. Речь идет о том, что стремительное развитие технологий, тотальная цифровизация, переход значительной доли коммуникации в мессенджеры, социальные сети, привело к сокращению роли живого общения между людьми.

Тем не менее, как отмечено выше, именно в процессе живого общения можно сформировать и развить компетенции в области эмоционального интеллекта. В условиях цифровой коммуникации существенно ограничивается эмоционально-сенсорный контекст взаимодействия: снижается значимость невербальных сигналов, таких как мимика, интонация, жесты, темп речи, которые играют ключевую роль в распознавании и интерпретации эмоциональных состояний партнера по общению. Сокращение практик живого общения может приводить к снижению способности к дифференциации эмоций, к поверхностному пониманию эмоциональных состояний других людей и ослаблению навыков эмоционального отклика. В результате возникает противоречие между возрастающей социальной и профессиональной значимостью эмоционального интеллекта и объективными условиями, ограничивающими возможности его естественного формирования, что актуализирует необходимость целенаправленного изучения и развития данного феномена в современных социокультурных условиях.

Едва ли можно сводить роль и значение эмоционального интеллекта лишь к сфере личного, неформального общения. Напротив, в современных научных исследованиях эмоциональный интеллект всё

чаще рассматривается как один из ключевых признаков профессионализма и важнейшая составляющая профессиональной компетентности специалиста. В условиях усложнения профессиональных задач, роста интенсивности межличностного взаимодействия и повышения требований к гибкости поведения способность осознавать, понимать и регулировать эмоции приобретает особое значение в профессиональной деятельности.

Некоторые специалисты приходят к выводу о том, что мы становимся свидетелями парадокса: с одной стороны, цифровая экономика диктует развитие цифровых, виртуальных технологий, помогающих бизнесу, экономике в целом, но с другой стороны, подобное развитие цифровых технологий ведет к ослаблению и утрате реальных социальных коммуникационных способностей [4, с. 226].

Согласно имеющимся данным, чем сильнее развита информационно-коммуникационных технологий, тем более очевидным становится снижение уровня естественных коммуникационных навыков. Поколения современных подростков и молодежи демонстрируют такие черты, как утрата социальных навыков общения в реальном мире, замкнутость, аутичность, фрагментарность мышления, чувствительность и ранимость [4, с. 227].

Указанные тенденции оказывают выраженное негативное влияние на процессы трудоустройства и на эффективность выполнения профессиональных задач. Недостаточная сформированность эмоционального интеллекта и дефицит навыков живого межличностного взаимодействия затрудняют успешную профессиональную адаптацию выпускников и молодых специалистов, снижая их конкурентоспособность на рынке труда. В условиях, когда работодатели всё чаще предъявляют требования не только к уровню профессиональных знаний и умений, но и к развитости «гибких навыков» (soft skills), прежде всего коммуникативной и эмоциональной компетентности, данные дефициты становятся существенным барьером профессионального становления.

Эмоциональный интеллект выполняет функцию особого психологического ресурса, обеспечивающего эффективность профессионального взаимодействия, качество коммуникации в пространстве рабочего коллектива, успешность управления и принятия решений, а также устойчивость к стрессу и эмоциональному выгоранию. Для предстателей профессий, ориентированных на взаимодействие с людьми (управленцев, педагогов, психологов, врачей, специалистов сферы сервиса), развитый эмоциональный интеллект выступает неотъемлемым условием профессиональной эффективности.

Ряд эмпирических исследований подтверждает наличие статистически значимых корреляционных связей между уровнем эмоционального интеллекта и показателями профессионального успеха – результативностью деятельности, карьерным ростом, удовлетворённостью профессиональной деятельностью, уровнем лидерского потенциала и качеством межличностных отношений в профессиональной среде. Более высокий уровень эмоционального интеллекта ассоциируется с лучшей профессиональной адаптацией, способностью эффективно функционировать в условиях неопределённости и высокой эмоциональной нагрузки. Согласно результатам исследования управленцев высшего уровня из ведущих мировых компаний, представители топ-менеджмента демонстрируют существенно более высокие показатели эмоциональной компетентности по сравнению с управленцами среднего звена. Более высокие уровни фиксируются по шести ключевым параметрам: влияние, командная работа, организационные способности, самоконтроль, стимулирование и лидерство. Данные результаты также подтверждают тезис о том, что высокий уровень эмоционального интеллекта является значимым фактором управленческой эффективности и профессионального успеха [11, с. 230].

Современные научные исследования свидетельствуют о наличии прямой взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и показателями экономической результативности труда. Эмпирические данные подтверждают, что сотрудники, обладающие развитой способностью к распознаванию и пониманию эмоциональных состояний других людей, демонстрируют более высокие показатели дохода и эффективности деятельности. Это объясняется тем, что профессиональный успех во многом определяется не только уровнем когнитивных способностей и генерацией идей, но и умением выстраивать продуктивное взаимодействие, представлять и продвигать свои решения в социально-профессиональном контексте [2, с. 18].

Таким образом, эмоциональный интеллект следует рассматривать не как факультативную личностную характеристику, а как системный компонент профессионального развития и индикатор профессионализма.

Для достижения успеха при продвижении по карьерной траектории эмоциональные способности зачастую имеют более высокую значимость, чем опыт, уровень интеллекта и объём экспертных знаний.

Данный вывод подтверждается в отношении широкого спектра профессий, включая как «помогающие профессии» (врачи, социальные работники, психологи), социально ориентированные виды деятельности (управление, продажи, обслуживание клиентов), так и технические специальности, где успех традиционно связывается преимущественно с когнитивными способностями. Эмпирические данные свидетельствуют, что ключевые различия между высокоэффективными и средними специалистами в технической сфере в большей степени обусловлены эмоциональными и личностными характеристиками, тогда как чисто интеллектуальные способности составляют лишь один из факторов профессионального успеха.

Современные нейropsychологические исследования подтверждают возможность развития эмоционального интеллекта в любом возрасте, что обусловлено феноменом нейропластичности – способности мозга изменять свою структуру и функциональную организацию под воздействием целенаправленной деятельности и обучения [13, с. 43].

В заключение отметим: развитие эмоционального интеллекта следует рассматривать как важную задачу профессионального и личностного совершенствования, позволяющую специалисту и руководителю оптимизировать свои ресурсы и достигать более высокого уровня эффективности в профессиональной деятельности [13, с. 43].

Развитие эмоционального интеллекта является целенаправленным и системным процессом, который целесообразно начинать уже в вузе и продолжать в ходе профессиональной деятельности. Тренинговые и образовательные программы, направленные на формирование эмоционального интеллекта, включают практики рефлексии, активного слушания, распознавания и управления эмоциями, а также освоения стратегий конструктивного взаимодействия. Эти методы способствуют улучшению коммуникативных навыков, повышению эффективности командной работы и качества межличностных отношений как в профессиональной, так и в личной сфере [12, с. 836]. Формирование эмоционального интеллекта на ранних этапах профессиональной подготовки создает основу для успешной адаптации в коллективе, развития лидерских компетенций и устойчивости к стрессовым ситуациям.

Литература

1. Александрова, Н. П. К вопросу о сущности понятия «эмоциональный интеллект» / Н.П. Александрова // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2009. – № 1. – С. 71–75.
2. Алексеевко, И.В. Значение эмоционального интеллекта в деятельности руководителей и способы его повышения / И.В. Алексеевко, Е.Д. Букатых, К.С. Еске, А.В. Радзевич // Вестник УРАО. – 2018. – № 3. – С. 17–24.
3. Анохина, А.С. Психофизиологические основы эмоционального интеллекта / А.С. Анохина, О.А. Токарева // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58–2. – С. 311–314.
4. Гончаров, А.И. Эмоциональный интеллект как фактор занятости молодежи / А.И. Гончаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 10. – С. 226–229.
5. Комарова, Э.П. Эмоциональный интеллект: понятие, роль и формы интеграции в социокультурное общение / Э.П. Комарова // Вестник ВГТУ. – 2014. – № 3–2. – С. 43–46.
6. Конач, О.В. Содержание понятия эмоционального интеллекта в психологической науке / О.В. Конач // Проблемы современного образования. – 2022. – № 5. – С. 31–38.
7. Наймушина, Л.М. История становления понятия «эмоциональный интеллект» в психологической науке / Л.М. Наймушина // Педагогика: история, перспективы. – 2020. – № 4. – С. 63–70.
8. Никитина, О.А. Эмоциональный интеллект: понятие, структура, генезис / О.А. Никитина, А.Р. Никитина // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2024. – № 3. – С. 58–63.

9. Расторгуева, Е.Н. Эмоциональный интеллект: к проблеме определения понятия / Е.Н. Расторгуева // Вестник ГУУ. – 2024. – № 1. – С. 230–239.

10. Романова, Е.Н. Дифференциация понятий «эмоциональный интеллект» и «эмоциональная компетенция» / Е.Н. Романова // МНИЖ. – 2021. – № 1–4 (103). – С. 150–152.

11. Чернобай, Л.И. Эмоциональный интеллект в системе менеджмента / Л.И. Чернобай, Ю.О. Широн // БИ. – 2019. – № 5 (496). – С. 227–232.

12. Эделева, Е.М. Эмоциональный интеллект и его роль в межличностных отношениях / Е.М. Эделева // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – С. 834–839.

13. Яшкова, Е.В. Роль эмоционального интеллекта в профессиональной деятельности менеджера / Е.В. Яшкова, Н.Л. Синева, М.А. Голубкова, Ю.М. Завялова // ПНИО. – 2017. – № 6 (30). – С. 41–44.

EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A FACTOR IN BUILDING A SUCCESSFUL CAREER

Zhemerikina J.I., Talalueva T.A.

Kherson State Pedagogical University, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research

This article presents the main scientific definitions of emotional intelligence presented in Russian studies. Based on a comparative analysis, the key structural characteristics of this phenomenon are identified and the author's definition of emotional intelligence as an integrative emotional-cognitive development of the individual is formulated. Particular attention is paid to analyzing the impact of emotional intelligence on professional activity. It is shown that its level of development is a significant factor in professional effectiveness, successful work adaptation, and managerial performance, and also determines the quality of interpersonal interactions in the professional environment.

Keywords: emotional intelligence, reflection, mindfulness, self-regulation, professional trajectory, career, communication skills.

References

1. Aleksandrova, N.P. On the Essence of the Concept of "Emotional Intelligence" / N.P. Aleksandrova // Bulletin of RUDN University. Series: Psychology and Pedagogics. – 2009. – No. 1. – P. 71–75.
2. Alekseenko, I.V. The Importance of Emotional Intelligence in the Activities of Managers and Ways to Improve It / I.V. Alekseenko, E.D. Bukatykh, K.S. Yeske, A.V. Radzевич // Bulletin of the Ural State Educational Institution. – 2018. – No. 3. – P. 17–24.
3. Anokhina, A.S. Psychophysiological Foundations of Emotional Intelligence / A.S. Anokhina, O.A. Tokareva // Problems of Modern Pedagogical Education. – 2018. – No. 58–2. – P. 311–314.
4. Goncharov, A.I. Emotional Intelligence as a Factor in Youth Employment / A.I. Goncharov // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. – 2020. – No. 10. – P. 226–229.
5. Komarova, E.P. Emotional Intelligence: Concept, Role and Forms of Integration into Sociocultural Communication / E.P. Komarova // Bulletin of VSTU. – 2014. – No. 3–2. – P. 43–46.
6. Konash, O.V. The Content of the Concept of Emotional Intelligence in Psychological Science / O.V. Konash // Problems of Modern Education. – 2022. – No. 5. – P. 31–38.
7. Naymushina, L.M. The history of the development of the concept of "emotional intelligence" in psychological science / L.M. Naymushina // Pedagogy: history, prospects. – 2020. – No. 4. – P. 63–70.
8. Nikitina, O.A. Emotional intelligence: concept, structure, genesis / O.A. Nikitina, A.R. Nikitina // Psychology and pedagogy of service activities. – 2024. – No. 3. – P. 58–63.
9. Rastorgueva, E.N. Emotional intelligence: on the problem of defining the concept / E.N. Rastorgueva // Bulletin of the State University of Management. – 2024. – No. 1. – P. 230–239.
10. Romanova, E.N. Differentiation of the concepts of "emotional intelligence" and "emotional competence" / E.N. Romanova // MNIZH. – 2021. – No. 1–4 (103). – P. 150–152.
11. Chernobay, L.I. Emotional intelligence in the management system / L.I. Chernobay, Yu.O. Shiron // BI. – 2019. – No. 5 (496). – P. 227–232.
12. Edeleva, E.M. Emotional intelligence and its role in interpersonal relationships / E.M. Edeleva // Bulletin of Science. – 2024. – No. 11 (80). – P. 834–839.
13. Yashkova, E.V. The role of emotional intelligence in the professional activity of a manager / E.V. Yashkova, N.L. Sineva, M.A. Golubkova, Yu.M. Zavyalova // PNIО. – 2017. – No. 6 (30). – P. 41–44.

Хужажинова Камила Абликимовна,

магистр, Инженерная школа ядерных технологий (ИЯТШ),
Томский политехнический университет
E-mail: kamilakhuzhazhinova@gmail.com

Верхотурова Вера Викторовна,

кандидат исторических наук, Инженерная школа ядерных
технологий (ИЯТШ), Томский политехнический университет
E-mail: verhoturova@tpu.ru

Ниханов Эльдар Мендыгалиевич,

магистр, Инженерная школа ядерных технологий (ИЯТШ),
Томский политехнический университет
E-mail: nikhanov_e@mail.ru

Развитие ядерной энергетики Казахстана требует не только технической инфраструктуры, но и сильной культуры ядерной безопасности для обеспечения безопасности и предотвращения злонамеренных угроз. В данном исследовании оценивается программа ядерной энергетики Казахстана с точки зрения культуры ядерной безопасности, выявляются пробелы в законодательстве, нехватка кадров и постоянное смешение понятий безопасности и защищенности. Используя качественный анализ национальных нормативных актов, международных стандартов и сравнительных примеров (АЭС Барака в ОАЭ и инцидент на АЭС Y-12 в США), в статье предлагается комплексная концепция укрепления культуры безопасности посредством реформы законодательства, подготовки кадров и международного сотрудничества. Результаты показывают, что надежная культура ядерной безопасности необходима для безопасного, надежного и устойчивого развития сектора ядерной энергетики Казахстана.

Ключевые слова: культура ядерной безопасности; ядерная безопасность; Казахстан; развитие ядерной энергетики; нормативно-правовая база; человеческий фактор; передовой международный опыт.

Introduction

Kazakhstan, a Central Asian, post-Soviet state, has a profound nuclear legacy: after independence it inherited a large nuclear arsenal yet voluntarily relinquished it in line with global non-proliferation norms, later becoming the world's largest uranium producer supporting peaceful nuclear applications, while operating no commercial NPP since the BN-350 reactor at Aktau was shut down in 1999. Today, rising electricity demand and environmental pressures are driving renewed interest in nuclear power to diversify the energy mix and reduce fossil-fuel dependence; accordingly, the government has launched feasibility studies, identified candidate sites, and created Kazakhstan Nuclear Power Plants to manage the program, steps that make it imperative to embed security considerations throughout the lifecycle. A core challenge is establishing a robust nuclear security culture, defined by the IAEA as shared attitudes, behaviours, and values that prioritize protection of nuclear materials and facilities: unlike safety culture (accident prevention), security culture addresses intentional threats (theft, sabotage, insider compromise) and therefore requires confidentiality, vigilance, and strict control of access and information, despite partial overlap with safety practices. In Kazakhstan, the Soviet-era "bezopasnost" legacy still blurs safety-security distinctions in policy and regulation, fostering the mistaken assumption that safety improvements suffice and creating blind spots (notably insider-threat mitigation and physical-protection training); thus, even with international leadership (e.g., hosting the IAEA LEU Bank and participating in global initiatives), domestic regulation, human-capital development, and institutional awareness must be strengthened with clear definitions, dedicated policies, and consistent enforcement, since technical systems can fail under human error or organizational complacency and infrastructure alone cannot ensure a secure nuclear future.

Objective of the Study

This study evaluates Kazakhstan's nuclear energy development through the lens of nuclear security culture, identifying key gaps and measures required to build an effective security culture alongside the nuclear power program. Drawing on Kazakhstan's current challenges and international standards and experience, it provides targeted recommendations to ensure nuclear security is fully integrated into the country's emerging nuclear energy sector.

Materials and Methods

This study applies a qualitative analytical approach to assess Kazakhstan's nuclear energy program with emphasis on nuclear security culture development. The analysis synthesizes national legislative and regulatory documents, international standards and guidance, and comparative evidence from other countries. Kazakhstan's current status is evaluated through review of nuclear infrastructure capabilities, the regulatory framework, and identified deficiencies relevant to security culture implementation; national laws and regulations (including atomic energy legislation), along with international agreements and indices, are examined to determine how nuclear security culture is recognized and enforced.

Kazakhstan's progress is benchmarked against IAEA guidance on nuclear security culture and assessed using two qualitative case studies: (1) the United Arab Emirates' Barakah nuclear power plant as a best-practice model for new nuclear entrants, and (2) the 2012 breach at the Y-12 National Security Complex (United States) as an example of security-culture failure. The UAE case illustrates "security-by-design" from program inception, whereas the Y-12 case demonstrates the consequences of complacency in an advanced facility; both are analyzed using publicly available reports and studies to extract transferable lessons. Based on the national assessment and international benchmarks, the study develops a multi-level framework, from state policy and regulatory oversight to operator practices and human resource development, tailored to Kazakhstan's institutional context to embed security culture from the earliest stages. No quantitative data are used; guidance is derived from policy analysis, best-practice review, and structured logical inference.

Results

Kazakhstan's Path to Nuclear Energy Development

Building Nuclear Power Infrastructure. Kazakhstan is pursuing nuclear energy to diversify its power mix and address climate change, with rising electricity

demand and increasing pressure on fossil-fuel generation leading President Kassym-Jomart Tokayev to endorse nuclear power as a strategic pillar. Despite holding ~12–14% of global uranium reserves and being the world's largest uranium producer, Kazakhstan has generated no nuclear electricity since the BN-350 reactor (Aktau) was shut down in 1999 (Batyrbekov et al., 2024). The Ministry of Energy assessed reactor options, sites, and grid integration; by 2023, vendors were narrowed to China National Nuclear Corporation, Korea Hydro & Nuclear Power, Rosatom, and Électricité de France, and in 2025 Rosatom was selected as preferred vendor (NucNet, 2025). The Ulken site on Lake Balkhash (Almaty region) was selected for the first NPP (Kazinform, 2025), and a specialized Agency for Atomic Energy was created in 2025 to provide dedicated oversight (Interfax, 2025).

Infrastructure Readiness and Regulatory Development. Kazakhstan's infrastructure development has proceeded with IAEA support. The 2016 INIR mission assessed readiness across 19 areas and identified required actions; the 2023 follow-up reported substantial progress, including improved program coordination and financing, while underscoring the need for further regulatory strengthening (International Atomic Energy Agency, 2023). Kazakhstan also established "Kazakhstan Nuclear Power Plants" (KNPP) to own and operate future facilities, consolidating project execution and operational management (Government of Kazakhstan, 2025). Nevertheless, the regulator, the Committee for Atomic and Energy Supervision and Control under the Ministry of Energy, requires significant strengthening before NPP operation, including expanded technical capacity, comprehensive licensing and safety/security requirements, greater independence, and adequate resources and enforcement authority (Kazinform, 2025).

Legislative Framework Evolution. Kazakhstan has modernized its legal framework for nuclear power. In January 2016, amendments to the law "On the Use of Atomic Energy" defined "nuclear security" and established baseline requirements for the state nuclear security system (Law of the Republic of Kazakhstan "About use of atomic energy", 2025), followed by efforts to operationalize these principles through detailed regulations, including physical protection rules aligned with the CPPNM Amendment. Kazakhstan is party to major nuclear security instruments (CPPNM and Amendment, related conventions, and the IAEA Code of Conduct on the Safety and Security of Radioactive Sources), creating binding obligations. However, effective compliance depends on strong domestic implementation and an embedded security culture so that requirements translate into routine practice through training, awareness, and organizational change rather than remaining formal documentation.

Current Nuclear Security Culture Status and Gaps

Legal and Regulatory Framework Deficiencies. Although the 2016 amendments introduced "nuclear security" as a distinct concept, Kazakhstan's legal and regulatory framework still does not explicitly require "nuclear security culture." The NTI 2023 Nuclear Security Index scores Kazakhstan 25/100 on security-culture indicators, signalling persistent implementation gaps (Nuclear Threat Initiative, 2023). A core deficiency is continued conflation of safety and security (reinforced by *bezopasnost*), which blurs the distinction between accident prevention (safety) and protection against intentional malicious acts (security). International practice requires formal separation of safety and security programs and regular security-culture assessment; Kazakhstan lacks mandated periodic assessments and designated security-culture officers, and the regulator's own culture must be strengthened (questioning attitude, enforcement-focused oversight, security training). Accordingly, Kazakhstan should codify nuclear security culture requirements and establish clear operator/regulator accountability.

Human Capacity and Workforce Development Challenges. Kazakhstan lacks an experienced commercial NPP workforce since the BN-350 shutdown in 1999; expertise remains concentrated in uranium production, research reactors, and radiation safety. A multi-reactor program typically requires ~2,000 staff per plant, implying a need to develop ~8,000 qualified professionals over two decades. The education pipeline is insufficient: nuclear security is generally absent from nuclear curricula, and among 19 programs only Al-Farabi Kazakh National University's Nuclear Engineering course References "safety culture," largely as human factors rather than security competencies. Capacity has been partially supported through overseas study pathways and the Nuclear Security Training Centre (NSTC) near Almaty (2017, U.S. support) with U.S. DOE workshops on insider threat and security culture, underscoring that technical systems cannot compensate for inadequate training. Kazakhstan should scale curricula reform, retention, and structured knowledge transfer (mentorship, vendor training, on-the-job qualification) to reduce dependence on foreign expertise.

Organizational and Management Culture Evolution

Security culture requires sustained management commitment and reinforcement across uranium producers, research institutions, and regulators, elevating security alongside production and safety priorities (e.g., information

control, theft prevention). Essential traits include a questioning attitude and protected reporting culture to counter hierarchical legacies that discourage raising concerns. Governance must also be clarified at facility level: operating organizations should establish security functions (Security Director/Physical Protection Manager, security-culture coordinator, cybersecurity officers). The NTI Index notes the absence of trained/certified individuals at licensed facilities with explicit nuclear security responsibility (Nuclear Threat Initiative, 2023); mandating certified physical-protection officers and named security-culture points of contact would strengthen accountability. Leaders should model compliance (e.g., access control) and embed security performance into evaluation and rewards.

Vendor-Host Coordination Complexities

The Rosatom partnership introduces interface risks beyond technology supply, because vendor personnel, procedures, and security culture must align with Kazakhstan's regulatory expectations. Priorities include clear responsibility for armed protection during construction/operation, strict control of sensitive design information, and robust vetting/authorization of vendor staff with explicit accountability. Vendor technical training must be complemented by security training aligned with Kazakh law and a structured transfer of security responsibilities to domestic institutions. The UAE Barakah experience indicates security can remain a national responsibility despite foreign involvement; Kazakhstan should therefore set early "security-by-design" expectations and use joint exercises, shared planning, and embedded Kazakh officials to reduce coordination risk while integrating lessons from prior Rosatom projects.

Public Perception and Insider Threat Mitigation

Public acceptance is shaped by the Semipalatinsk legacy and environmental concerns (Mussin et al., 2025) and depends on credible communication, transparency about protective measures, visible security, and an incident-free record supported by consistent official messaging. Insider threat is a primary risk because authorized personnel can bypass technical systems; Kazakhstan's moderate NTI risk context (organized crime, trafficking, corruption) increases the need for rigorous mitigation. Effective programs combine vetting and continuous behavioural monitoring within a strong security culture (psychological screening, polygraph for sensitive roles, refresher training, two-person rule, unannounced observation tests, and law-enforcement cooperation). Although insider-threat training has begun (Institute of Nuclear Physics, 2025), systematic operational implementation remains limited. Overall, Kazakhstan must translate formal policy into routine practice by embedding nuclear security norms across institutions and personnel as it approaches NPP operations. Top of Form

Discussion

IAEA Guidelines for Nuclear Security Culture

International guidance, particularly the IAEA Nuclear Security Series, provides a core basis for developing Kazakhstan's nuclear security culture. IAEA Nuclear Security Series No. 7, *Nuclear Security Culture* (2008), identifies management leadership as the primary driver and emphasizes clear accountability, personnel competence through training, and continuous learning, with security embedded in routine operations (International Atomic Energy Agency, 2008).

IAEA Nuclear Security Series No. 28-T, *Self-Assessment of Nuclear Security Culture in Facilities and Activities* (2015), provides practical self-assessment tools (questionnaires, interviews, and observation methods) to detect attitudes and behaviours that weaken security and recommends grading program rigor to facility risk (e.g., NPPs/Category I materials require more robust programs than low-activity laboratories) (International Atomic Energy Agency, 2015). The IAEA also promotes peer reviews and advisory services, notably IPPAS, to evaluate physical protection and relevant culture elements; Kazakhstan's 2016 Nuclear Security Summit commitment to invite IPPAS missions and implement recommendations reflects openness to external benchmarking and improvement incentives.

While safety culture and security culture are distinct, recent IAEA and International Nuclear Safety Group discussions emphasize coordination so the two do not evolve in isolation or in conflict. For Kazakhstan, where "safety" has historically subsumed security, the immediate priority is explicit recognition of security culture, followed by harmonization measures such as joint training and integrated drills (e.g., sabotage scenarios with radiological consequences).

Compliance with international obligations also includes the Amendment to the Convention on the Physical Protection of Nuclear Material (CPPNM), which requires an effective physical protection regime (International Atomic Energy Agency, 2014). Because physical protection performance depends on human behaviour, meeting CPPNM expectations implicitly requires a culture of vigilance, trustworthiness, and procedural discipline;

similarly, the IAEA Nuclear Security Fundamentals stresses sustaining a nuclear security regime through human resource development (training and qualification), security culture, and quality management. For Kazakhstan, alignment with IAEA guidance therefore requires formal integration of security culture into nuclear infrastructure development and systematic use of international tools (IPPAS, training workshops, and self-assessment methodologies) to steer implementation.

UAE's Barakah Nuclear Plant: A Model for New Nuclear Countries

The United Arab Emirates offers a pertinent success story for Kazakhstan as it embarks on nuclear power development. In about a decade, the UAE went from having no nuclear infrastructure to operating multiple large reactors at the Barakah Nuclear Energy Plant. From the outset, the UAE committed to the highest standards of safety, security, and non-proliferation, branding its approach as a “gold standard” for new nuclear programs (A Key Source of Diversified, Reliable Energy, 2025). Several aspects of the UAE's experience are instructive:

The UAE case demonstrates that security culture can be institutionalized early through independent regulation, explicit security mandates, and sustained human-capital development. The UAE created an independent regulator, the Federal Authority for Nuclear Regulation (FANR), in 2009, prior to construction; FANR's mandate explicitly included nuclear security as well as safety and required the operator (Emirates Nuclear Energy Corporation, ENEC, and Nawah Energy Company) to implement physical protection, cybersecurity, and active safety/security culture programs. ENEC initially emphasized safety culture but subsequently developed security culture as a complementary pillar, consistent with a “security-minded nuclear culture” approach aligned with IAEA guidance (UAE National Report, 2017).

Operationally, ENEC/Nawah formalized security culture through policy, training, and recurring assessment. A dedicated Security Culture Policy and regular workforce surveys, parallel to annual safety-culture assessments, measured staff perceptions of security importance, willingness to report concerns, and knowledge of procedures, reinforced by leadership messaging that both safety and security excellence are foundational. International learning was treated as an explicit management priority, supporting continuous improvement.

Despite reliance on a foreign vendor (the South Korean KEPCO consortium), the UAE retained national control over security and oversight: external site protection was assigned to the UAE military, while internal security was managed by ENEC/Nawah under FANR regulation (Khalifa & Al Suwaidi, 2009). Capacity-building was embedded into the program via overseas education, structured mentoring by experienced Korean operators, and specialized workshops (e.g., by WINS). By initial commissioning, the UAE had developed and licensed nationals as senior reactor operators, shift supervisors, and security managers (NuNet, 2025), illustrating the payoff of early training investment.

Public and workforce engagement reinforced legitimacy and compliance. The UAE paired communication with strong accountability measures, including criminalization of nuclear sabotage and unauthorized disclosure under the 2009 Nuclear Law (Khalifa & Al Suwaidi, 2009). Within ENEC, a non-punitive reporting environment encouraged disclosure of safety/security issues as learning inputs, helping normalize the principle that nuclear security is an organization-wide responsibility, not solely a security-department function.

Validation has been supported through operations and external review. Barakah entered operation without known security incidents and gained credibility through repeated IAEA review missions, including multiple IPPAS missions addressing physical protection and security culture. Kazakhstan has likewise engaged the IAEA through infrastructure review missions and expressed interest in future IPPAS engagement (International Atomic Energy Agency, 2023). The UAE experience implies that Kazakhstan should (i) codify security culture requirements early through an empowered regulator, (ii) embed security culture in the operating organization from inception, (iii) secure binding vendor-linked and international training pipelines, and (iv) sustain openness to peer review, consistent with a “security-by-design” philosophy aimed at delivering a program that is as secure as it is safe.

The 2012 intrusion at the Y-12 National Security Complex (Oak Ridge, Tennessee)

The incident illustrates how advanced security technology can be defeated by security-culture failure. Y-12 stores and processes highly enriched uranium for the U.S. nuclear weapons program, yet on July 28, 2012 three anti-nuclear activists penetrated multiple fences, reached a storage bunker, and conducted a protest action before being apprehended. Subsequent investigations characterized the event as a “spectacular breakdown” of security culture (U.S. House Armed Services Committee, 2012). Although Y-12 had extensive cameras, sensors, alarms, and armed response forces, these were under-

mined by complacency, degraded maintenance, and human error. A newly installed intrusion-detection system produced exceptionally frequent false alarms (reported up to ten times normal), desensitizing alarm station staff and guards and normalizing slow or absent responses; simultaneously, many cameras were inoperative for prolonged periods and management did not prioritize repair, assuming compensatory measures were sufficient (Special Report: Inquiry into the Security Breach at Y-12, 2012). During the intrusion, alarms were initially treated as malfunctions, and anomalous sounds were misattributed to routine activity, demonstrating how diminished vigilance and procedural discipline can nullify technical defenses.

For Kazakhstan, Y-12 highlights several actionable lessons. First, complacency risk must be treated as a design-basis cultural hazard: the absence of operating power reactors or weapons cannot justify relaxed vigilance, and alertness should be sustained through regular drills, red-teaming, and task rotation to mitigate routine fatigue. Second, maintenance and resource allocation must be enforced as security-critical functions: failures of surveillance, access control, or detection systems should trigger immediate corrective action with clear accountability and adequate funding. Third, alarm management requires a human-factors approach: systems should minimize false positives, and procedures should treat every alarm as valid until resolved, reinforcing a “trust but verify” discipline. Finally, Y-12 demonstrates that external intrusions often succeed because of internal culture, poor morale, normalization of deviance, and weak leadership emphasis. Accordingly, Kazakhstan should pair investments in physical protection with rigorous personnel screening, continuous training, and incorporation of security behaviours into performance evaluation, supported by early detection mechanisms such as regular audits and confidential staff surveys to identify cultural degradation before it manifests as an incident.

Strengthening Nuclear Security Culture in Kazakhstan: A Framework for Action

Drawing on Kazakhstan's current context, IAEA guidance (Nuclear Security Series No. 7 and No. 28-T), and international case evidence, this framework provides interconnected measures, spanning policy, regulation, organizations, and individual behaviour, that should be implemented in parallel and embedded from the outset of Kazakhstan's nuclear power program.

State-Level Policy and Responsibility Structure

Kazakhstan should formally define and mandate “nuclear security culture” through high-level instruments (e.g., Government Decree or Ministry directive), signalling a national priority. Responsibilities should be delineated: the regulator sets requirements and enforces them through licensing/inspection; operators (e.g., KNPP) implement internal programs (training and continuous assessment); National Guard/law enforcement align off-site and on-site response through nuclear-security training. An interagency Nuclear Security Culture Coordination Working Group (energy, interior, education, etc.) should synchronize policies, track progress, and oversee cross-cutting initiatives (public communication, curriculum integration).

Regulatory Framework Integration and Licensing Requirements

Regulations should explicitly incorporate nuclear security culture via updated rules and regulatory guides consistent with IAEA Nuclear Security Series No. 7 and No. 28-T, including defined elements, assessment methods, and reporting. Minimum requirements should include: periodic self-assessments using regulator-approved tools; appointment of a Security Culture Coordinator at each licensed facility; routine reporting and documented improvement actions; and making demonstrated security-culture performance a condition for license issuance/renewal verified through reviews, interviews, and inspections. Inspectors should be trained to evaluate cultural indicators (procedural compliance, challenge culture, absence of complacency/workarounds) alongside physical systems.

Human Resource Development and Training

Kazakhstan should build a security-competent workforce by integrating nuclear security, non-proliferation, and security culture into university programs, including dedicated modules on physical protection, cybersecurity, and insider threat. The Nuclear Security Training Centre should deliver recurring, scenario-based exercises (insider theft, cyber intrusion, complex emergencies) with participation from plant staff and international experts. Formal certification pathways (e.g., “Certified Nuclear Security Professional”) should be introduced for managers, engineers, regulators, and operators, supported by structured insider-threat programs, protected reporting channels, and periodic refresher training.

Organizational Measures and Management Systems

Operators, regulators, and security services should institutionalize management systems that reinforce security culture: clear role assignment, recurring training requirements, and performance management that rewards secure behaviours (e.g., timely reporting, drill performance). Safety–security

boundaries should be explicit, while operational interfaces are strengthened through joint training and integrated drills for hybrid scenarios (e.g., sabotage leading to radiological consequences), ensuring cross-functional coordination without conceptual conflation.

Vendor and International Collaboration

Vendor relationships (including Rosatom) should embed enforceable security-culture provisions in contracts: compliance of foreign personnel with national requirements, defined training deliverables for Kazakh staff, and “security-by-design” integration. Controlled information sharing should be governed by NDAs, classification rules, and national ownership of design documentation. Early joint planning should define core instruments (e.g., Design Basis Threat, construction-site protection). Kazakhstan should expand international learning via the IAEA, WINS, and experienced operators, and strengthen regional cooperation through joint exercises and shared training.

Monitoring and Evaluation

A continuous monitoring system should combine quantitative and qualitative indicators: incident/near-miss trends, training completion, drill performance, and workforce survey/self-assessment results. Progress can be tracked against external benchmarks (e.g., NTI Nuclear Security Index) and validated through periodic peer review, including follow-up IPPAS missions. Findings should feed corrective actions, procedure updates, retraining, and resource adjustments, treating security culture as a continuously improving system rather than a one-time compliance exercise.

Conclusion

Kazakhstan’s entry into nuclear energy is a strategic milestone for energy security, economic development, and international standing, but its success depends on maintaining the highest nuclear security standards. This analysis demonstrates that an effective nuclear security culture is not an optional supplement to technical measures, but a prerequisite for the safe and secure introduction of nuclear power.

Several conclusions follow. First, human reliability is decisive: technology cannot ensure protection without vigilant, well-trained personnel. The Y-12 breach illustrates how human and organizational failures can negate sophisticated systems, while the UAE’s Barakah experience shows the preventive value of proactively cultivated security culture. Kazakhstan should therefore invest in human-centred measures, training, vigilance, trust-building, at a level comparable to technical infrastructure.

Second, despite tangible progress (e.g., securing legacy sites, hosting the LEU Bank, establishing the Nuclear Security Training Centre), key gaps persist: security culture must be legally distinguished from safety culture, institutional responsibilities must be clarified, and a skilled workforce must be developed. Addressing these deficits during planning is more effective than attempting corrective action after operations begin.

Third, close alignment with IAEA standards should guide implementation. Localizing IAEA guidance through regular self-assessments, peer reviews, and incentive systems for security-conscious behaviour will strengthen compliance and performance; inviting an IPPAS mission early in the design phase would provide timely external validation.

Fourth, long-term resilience requires education and shared ownership. Security awareness must be embedded across all roles, from technicians to inspectors, so that each individual acts responsibly even when unobserved. Cultural adaptation is also necessary: training should be available in Kazakh and Russian, discipline-supporting institutional traditions can reinforce protocol compliance, and excessive secrecy should be replaced by a culture that enables openness and trust for effective reporting and learning.

Finally, security culture must be treated as a continuously evolving system, sustained through regular oversight, periodic external review, and institutional learning. Kazakhstan is at a pivotal juncture: by building security culture in parallel with infrastructure, it can protect its peaceful nuclear program against internal and external threats, strengthen public and environmental protection, enhance international credibility, and contribute to global nuclear security objectives.

Литература

1. A Key Source of Diversified, Reliable Energy. (2025). UAE Embassy (One-page Nuclear Cooperation fact sheet). Retrieved from https://www.uae-embassy.org/sites/default/files/2025-05/Embassy_One-Pager_Nuclear%20Cooperation_05.12.2025_V3.pdf
2. Batyrbekov, E., Vityuk, V., Zarva, D., & Sharipov, M. (2024). Conceptual view of the implementation of the nuclear energy program in the Republic of Kazakhstan. *Energies*, 17(22), 5788. <https://doi.org/10.3390/en17225788>

3. Convention on the Physical Protection of Nuclear Material (CPPNM) and its Amendment. (2014, October 17). International Atomic Energy Agency. Retrieved from <https://www.iaea.org/publications/documents/conventions/convention-physical-protection-nuclear-material-and-its-amendment>
4. Federal Authority for Nuclear Regulation. (2017). UAE national report for the 7th Review Meeting of the Convention on Nuclear Safety. Abu Dhabi, UAE: Author. Retrieved from https://www.iaea.org/sites/default/files/uae_nr-7th-rm.pdf
5. Friedman, G. H. (2012). Inquiry into the Security Breach at the National Nuclear Security Complex (Special Report, Office of Inspector General Report No. IG-0868). U.S. Department of Energy. Retrieved from https://www.energy.gov/sites/prod/files/IG-0868_0.pdf
6. Government of Kazakhstan. (2025). Committee for Atomic and Energy Supervision and Control (official web page). Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/kaenk?lang=en>
7. Institute of Nuclear Physics (Kazakhstan). (2025). Nuclear security culture (News article). Retrieved from <https://inp.kz/en/novost/nuclear-security-culture>
8. Interfax. (2025). Kazakhstan establishes atomic energy agency. Retrieved from <https://interfax.com/newsroom/top-stories/110454/>
9. International Atomic Energy Agency. (2008). Nuclear security culture (Nuclear Security Series No. 7). Vienna, Austria: IAEA.
10. International Atomic Energy Agency. (2015). Self-assessment of nuclear security culture in facilities and activities (Nuclear Security Series No. 28-T). Vienna, Austria: IAEA.
11. International Atomic Energy Agency. (2022). IAEA Nuclear Safety and Security Glossary (2022 Edition). Vienna, Austria: IAEA. <https://doi.org/10.61092/iaea.rrxi-t56z>
12. International Atomic Energy Agency. (2023, April 11). IAEA reviews progress of Kazakhstan’s nuclear infrastructure development (Press release). Retrieved from <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-reviews-progress-of-kazakhstan-nuclear-infrastructure-development>
13. International Science and Technology Center. (2025). Kazakhstan opens nuclear security training center (news release). Retrieved from <https://www.istc.int/news/kazakhstan-opens-nuclear-security-training-center>
14. Joldybayeva, E. (2022). Kazakhstan’s leadership in international relations: The cases of nuclear and environmental security. *Public Administration and Policy in Central Asia*, 4(83), 44–59. (Retrieved from APA Kazakhstan repository)
15. Kazinform. (2025, July 17). Nuclear Energy Agency takes over Kazakhstan Nuclear Power Plants company. Retrieved from <https://qazinform.com/news/nuclear-energy-agency-takes-over-kazakhstan-nuclear-power-plants-company-6f8182>
16. Khalifa, W., & Al Suwaidi, Z. (2009). Federal Decretal Law No. 6 of 2009 on the Peaceful Uses of Nuclear Energy. Abu Dhabi, UAE: Government of the United Arab Emirates. Retrieved from <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1123/download>
17. Krikorian, S. (2017, March). IAEA delivers report on nuclear power infrastructure development to Kazakhstan. IAEA News. Retrieved from <https://www.iaea.org/newscenter/news/iaea-delivers-report-on-nuclear-power-infrastructure-development-to-kazakhstan>
18. Law of the Republic of Kazakhstan “On the Use of Atomic Energy”. (2025). (Amended legislation incorporating 2016 security provisions). Retrieved from <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=81917>
19. Mussabalinova, A., Antimonov, A., Amanbaiuly, M., & Durnev, N. (2025). Socioeconomic development in the context of nuclear past: The case of Kazakhstan. *Development Policy Review*, 43(2), e70002. <https://doi.org/10.1111/dpr.12506>
20. Mussin, B., Aitimova, D., Sultangazyeva, G., Mussina, Z., & Kosherbayeva, A. (2025). Sociological analysis of public opinion on the construction of a nuclear power plant in Kazakhstan. *Polityka Energetyczna*, 28(1), 5–18. <https://doi.org/10.33223/epj/162477>
21. NucNet. (2025, April 14). Kazakhstan chooses Rosatom to lead first nuclear power plant project. The Independent Global Nuclear News Agency. Retrieved from <https://www.nucnet.org/news/kazakhstan-chooses-rosatom-to-lead-first-nuclear-power-plant-project-6-1-2025>
22. Nuclear Threat Initiative. (2023, July 12). Kazakhstan (Country profile in NTI Nuclear Security Index). Retrieved from <https://www.ntiindex.org/country/kazakhstan/>
23. U.S. House Armed Services Committee, Subcommittee on Strategic Forces. (2012, September 13). Y-12 intrusion: Investigation, response, and accountability (Hearing transcript, 112th Congress, Second Session). Washington, DC: U.S. Government Printing Office. Retrieved from <https://www.congress.gov/112/chrg/CHRG-112hhrg76217.pdf>

NUCLEAR ENERGY DEVELOPMENT IN KAZAKHSTAN: THE ROLE OF NUCLEAR SECURITY CULTURE

Khuzhazhinova K.A., Verkhoturova V.V., Nikhanov E.M.
Tomsk Polytechnic University

Kazakhstan's nuclear energy development requires not only technical infrastructure but also a strong nuclear security culture to ensure safety and prevent malicious threats. This study evaluates Kazakhstan's nuclear power program through the lens of nuclear security culture, identifying regulatory gaps, workforce shortages, and persistent conflation of safety and security concepts. Using qualitative analysis of national regulations, international standards, and comparative case studies (the UAE's Barakah plant and the U.S. Y-12 breach), the paper proposes a comprehensive framework to strengthen security culture through regulatory reform, workforce training, and international cooperation. The findings indicate that a robust nuclear security culture is indispensable for the safe, secure, and sustainable growth of Kazakhstan's nuclear energy sector.

Keywords: nuclear security culture; nuclear safety; Kazakhstan; nuclear power development; regulatory framework; human factors; international best practices

References

1. A Key Source of Diversified, Reliable Energy. (2025). UAE Embassy (One-page Nuclear Cooperation fact sheet). Retrieved from https://www.uae-embassy.org/sites/default/files/2025-05/Embassy_One-Pager_Nuclear%20Cooperation_05.12.2025_V3.pdf
2. Batyrbekov, E., Vityuk, V., Zarva, D., & Sharipov, M. (2024). Conceptual view of the implementation of the nuclear energy program in the Republic of Kazakhstan. *Energies*, 17(22), 5788. <https://doi.org/10.3390/en17225788>
3. Convention on the Physical Protection of Nuclear Material (CPPNM) and its Amendment. (2014, October 17). International Atomic Energy Agency. Retrieved from <https://www.iaea.org/publications/documents/conventions/convention-physical-protection-nuclear-material-and-its-amendment>
4. Federal Authority for Nuclear Regulation. (2017). UAE national report for the 7th Review Meeting of the Convention on Nuclear Safety. Abu Dhabi, UAE: Author. Retrieved from https://www.iaea.org/sites/default/files/uae_nr-7th-rm.pdf
5. Friedman, G. H. (2012). Inquiry into the Security Breach at the National Nuclear Security Complex (Special Report, Office of Inspector General Report No. IG-0868). U.S. Department of Energy. Retrieved from https://www.energy.gov/sites/prod/files/IG-0868_0.pdf
6. Government of Kazakhstan. (2025). Committee for Atomic and Energy Supervision and Control (official web page). Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/kaenk?lang=en>
7. Institute of Nuclear Physics (Kazakhstan). (2025). Nuclear security culture (News article). Retrieved from <https://inp.kz/en/novost/nuclear-security-culture>
8. Interfax. (2025). Kazakhstan establishes atomic energy agency. Retrieved from <https://interfax.com/newsroom/top-stories/110454/>
9. International Atomic Energy Agency. (2008). Nuclear security culture (Nuclear Security Series No. 7). Vienna, Austria: IAEA.
10. International Atomic Energy Agency. (2015). Self-assessment of nuclear security culture in facilities and activities (Nuclear Security Series No. 28-T). Vienna, Austria: IAEA.
11. International Atomic Energy Agency. (2022). IAEA Nuclear Safety and Security Glossary (2022 Edition). Vienna, Austria: IAEA. <https://doi.org/10.61092/iaea.rxi-t56z>
12. International Atomic Energy Agency. (2023, April 11). IAEA reviews progress of Kazakhstan's nuclear infrastructure development (Press release). Retrieved from <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-reviews-progress-of-kazakhstans-nuclear-infrastructure-development>
13. International Science and Technology Center. (2025). Kazakhstan opens nuclear security training center (news release). Retrieved from <https://www.istc.int/news/kazakhstan-opens-nuclear-security-training-center>
14. Joldybayeva, E. (2022). Kazakhstan's leadership in international relations: The cases of nuclear and environmental security. *Public Administration and Policy in Central Asia*, 4(83), 44–59. (Retrieved from APA Kazakhstan repository)
15. Kazinform. (2025, July 17). Nuclear Energy Agency takes over Kazakhstan Nuclear Power Plants company. Retrieved from <https://qazinform.com/news/nuclear-energy-agency-takes-over-kazakhstan-nuclear-power-plants-company-6f8182>
16. Khalifa, W., & Al Suwaidi, Z. (2009). Federal Decretal Law No. 6 of 2009 on the Peaceful Uses of Nuclear Energy. Abu Dhabi, UAE: Government of the United Arab Emirates. Retrieved from <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1123/download>
17. Krikorian, S. (2017, March). IAEA delivers report on nuclear power infrastructure development to Kazakhstan. IAEA News. Retrieved from <https://www.iaea.org/newscenter/news/iaea-delivers-report-on-nuclear-power-infrastructure-development-to-kazakhstan>
18. Law of the Republic of Kazakhstan "On the Use of Atomic Energy". (2025). (Amended legislation incorporating 2016 security provisions). Retrieved from <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=81917>
19. Mussabalinova, A., Antimonov, A., Amanbaiuly, M., & Durnev, N. (2025). Socioeconomic development in the context of nuclear past: The case of Kazakhstan. *Development Policy Review*, 43(2), e70002. <https://doi.org/10.1111/dpr.12506>
20. Mussin, B., Aitimova, D., Sultangazyieva, G., Mussina, Z., & Kosherbayeva, A. (2025). Sociological analysis of public opinion on the construction of a nuclear power plant in Kazakhstan. *Polityka Energetyczna*, 28(1), 5–18. <https://doi.org/10.33223/epj/162477>
21. NucNet. (2025, April 14). Kazakhstan chooses Rosatom to lead first nuclear power plant project. The Independent Global Nuclear News Agency. Retrieved from <https://www.nucnet.org/news/kazakhstan-chooses-rosatom-to-lead-first-nuclear-power-plant-project-6-1-2025>
22. Nuclear Threat Initiative. (2023, July 12). Kazakhstan (Country profile in NTI Nuclear Security Index). Retrieved from <https://www.ntiindex.org/country/kazakhstan/>
23. U.S. House Armed Services Committee, Subcommittee on Strategic Forces. (2012, September 13). Y-12 intrusion: Investigation, response, and accountability (Hearing transcript, 112th Congress, Second Session). Washington, DC: U.S. Government Printing Office. Retrieved from <https://www.congress.gov/112/chrg/CHRG-112hrg76217.pdf>

Иванов Сергей Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Иванова Дарья Вячеславовна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич,

Доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета
E-mail: 195805@mail.ru

Статья посвящена вопросам формирования траекторий профессионального развития молодежи в условиях общества потребления. На основе данных социальной статистики рассматривается состояние молодежного рынка труда. Среди элементов рынка труда особое значение придается молодежной безработице, а также факторам, которые влияют на спрос и предложение молодых специалистов. Рассматриваются меры, предпринимаемые социальными партнерами по достижению равновесного состояния на рынке труда и уменьшению молодежной безработицы.

Ключевые слова: рынок труда молодежи, спрос, предложение, безработица, образование, социальная мобильность, социальное партнерство.

В условиях общества потребления молодежи предоставляются широкие возможности для выбора той или иной деятельности и использования своего потенциала. Вместе с тем возрастают и социальные риски. Вопрос не только в получении образования, а скорее в возможности его использовать в различных видах деятельности с учетом индивидуальных интересов, рационального выбора и адаптивных ожиданий. При этом, национальная система образования сегодня ориентируется на универсальную подготовку молодых специалистов. Предложение различных образовательных программ нередко перекрывает потребительский спрос. Потребительский спрос со стороны молодежи зачастую адаптируется к современным реалиям и связан с возможностью получить ту профессию, которая позволяет применить свои компетенции в достаточно разнообразных видах деятельности и избежать риск оказаться безработными. Здесь отдельно стоит выделить достаточно большую долю тех молодых людей, которые ориентируются на «профессиональных серфинг» в контексте своего рационального выбора и карьерного продвижения.

В условиях множественного выбора у представителей общества потребления формируется свой стиль и особенности поведения. Выбор, который делает молодежь, предопределяется личностными ожиданиями и возможностями, а также имеющимися ограничениями со стороны социальных институтов. Возможность выбирать отражает определенный взгляд на природу действующего актора – индивида, который ориентируется на то, что для него лучше и ему подойдет. Молодой человек, действующий адаптивно и рационально ищет более достойные условия труда и комфортную ситуацию. Очевидно, что на первое место выходит пользователь, потребитель, получатель тех или иных благ. Существует определенная доказательная позиция, что благодаря возможности выбора люди перестают чувствовать себя более защищенными при принятии решений.

По существу, в обществе потребления ориентир связан не с предоставлением унифицированной услуги или какого-либо вида деятельности. Скорее речь идет об ориентации на разнообразные потребности и наличие средств их достижения. Для каждого направления выстраиваются свои социальные отношения, кто-то хочет ощущать себя клиентом, кто-то работником и т.д.

В своей работе «Эволюция потребления» (2019 г.) известный специалист Франк Трентманн вполне обоснованно доказывает, что спрос формирует предложения, что приводит к изменению субъект-объектных связей. Люди ожидают определенных социальных отношений, ориентируются на систему групповых предпочтений и экспектаций. Материальные потребности, как считает ученый, не изобретение современности. Эти потребности можно изменять, развивать, нивелировать, отрицать и т.д. [1]. Чем больше индивид приобретает товаров, услуг, тем меньше он о них заботится. Так, например, одного костюма и одной пары обуви современному человеку теперь недостаточно для выхода «в свет». На каждый случай и для каждой ситуации требуется свой стиль и экипировка.

Потребительские предпочтения и их удовлетворение играют значимую роль и в формировании индивидуальности, личностной самоидентификации. В то же время нельзя забывать об уровне удовлетворения тех или иных субъективных потребностей. Причем речь идет не только о конкретной личности, а о целых поколениях, которые отличаются своими установками, моральными принципами, ожиданиями. Не исключением является современное поколение молодежи и его потребительские ценности, которые проецируются на ситуацию многозадачности и увеличивающегося социального риска.

Молодежь создает свою уникальную субкультуру потребления, которая далеко выходит за рамки традиционной массовой культуры. Меняется и социум, который задаёт траектории ожидаемого краткосрочного развития и достижения конечных материальных результатов и эффектов, не ориентированных на отдаленную перспективу. Множественность выбора сегодня противостоит его ограничению, характерному для предшествующего поколения. Осознанный выбор молодого человека задается структурой его потребностей, наличными условиями жизни, его материальным и социальным положением, созданных предшествующим поколением.

Не исключением является экономическая сфера. Процесс трансформации экономики обусловил снижение спроса на рабочую силу

в одних отраслях и его увеличение в других. Уровень экономической активности населения зависит от многих факторов. Ключевыми факторами выступают возраст, а также имеющийся трудовой потенциал и имеющиеся профессиональные возможности. Молодые люди в разрезе ресурсного подхода обладают достаточно высоким потенциалом и составляют наиболее активную группу занятых. В то же время данная категория активного населения в наибольшей степени подвержена риску безработицы.

По мнению представителей новой классической макроэкономической теории, отраслевые рынки труда достаточно гибко реагируют на последствия шоков, изменяя заработную плату и восстанавливая, таким образом, равновесие между спросом и предложением. Безработица увеличивается во многом за счет людей с высокими ожиданиями, ищущих более привлекательную работу с более высоким уровнем оплаты труда [2].

Какова же ситуация на отечественном рынке труда? Данные официальной статистики, фиксируют, что с позиции уровня профессиональной подготовки рабочей силы за период 2020–2024 гг. отмечаются определенные изменения: выросла доля безработных, не имеющих среднего полного образования, а также имеющих среднее (полное) образование, то есть не имеющих профессиональной подготовки. Насколько уменьшилась доля безработных с высшим профессиональным образованием. А вот доля безработных со средним профессиональным образованием не показала существенных изменений [3, 4] (табл. 1).

Таблица 1. Распределение численности безработных по уровню профессионального образования, %

Всего	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Высшее профессиональное образование	24,1	22,0	22,9	21,3	21,8
Среднее профессиональное образование	20,9	21,0	19,5	21,8	21,0
Начальное профессиональное образование	18,8	18,2	18,1	17,7	17,3
Среднее (полное) общее образование	26,9	28,2	28,8	27,8	28,4
Не имеют среднего полного образования	9,3	10,6	10,7	11,4	11,5

Данные статистики свидетельствуют, что на рынке выделяются фиксированные ниши по степени престижности и востребованности труда, а также его качественно-количественных характеристик. Среди безработных в целом по стране в 2024 г. наибольшую долю составляют лица со средним (полным) образованием. Несмотря на восстанавливающийся спрос со стороны молодежи в получении среднего профессионального образования уровень безработицы по данной категории соответствует уровню безработицы для лиц, имеющих высшее профессиональное образование. По-прежнему фиксируется высокий спрос на работников, имеющих необходимую квалификацию и опыт работы.

Доля безработных в возрасте до 24 лет сократилась ненамного в 2024 г. до 19,6% против 20,5% в 2022 г., а удельный вес тех, кто старше 50 лет, среди безработных увеличился – до 21,6% против 19,3% [4]. В определенной мере увеличение доли пожилых безработных является следствием структурной перестройки экономики, ориентированной в условиях международных санкций, на импортозамещение и новый технологический уклад.

В целом по стране доля, искавших работу от 1 до 3 месяцев составила 28,2%, а тех, кто искали работу более 12 месяцев – 12,5% безработных [3, 4].

В свою очередь распространенность молодежной безработицы фиксирует понижательную тенденцию. Отмечается и уменьшение среднего времени поиска работы за счет тех, кто ее искал от 3 до 6 месяцев.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что ситуацию на рынке труда все же можно охарактеризовать как относительно устойчивую. За исследуемый период экономической турбулентности не наблюдалось существенных колебаний в структуре занятых. Сложилось определенное устойчивые взаимоотношения и между институтами социального партнерства. Многие молодые люди в своем большинстве стараются ориентироваться на перспективные ожидания в отношении своей занятости.

Вместе с тем при анализе ситуации на рынке труда нельзя сбрасывать со счетов демографический фактор, который обуславливает неуклонно уменьшающийся миграционный прирост. Численность прибывших в нашу страну в 2024 г. составила – 4,081 млн человек, выбывших – 3,513 млн человек. По сравнению с 2023 г. прирост увеличился в 2,8

раза. Причем баланс прибывших и выбывших составил 203,6 тыс. человек [5].

И все же на фоне долгосрочной демографической ситуации фиксируется тренд на сокращение численности трудоспособного населения. Это приводит к росту социальной нагрузки на работающих. Так, естественная убыль населения, согласно расчетам экспертов РАН РФ, по-прежнему остается очень серьезной проблемой демографического развития страны. Начиная с 2016 г. отмечается естественная убыль населения, которая усилилась в 2020–2021 гг. под влиянием внешних факторов (эпидемии коронавируса и др.) и составила в 2024 г. 545,1 тыс. человек. Прогноз предполагает, что естественная убыль населения продолжится, причем ее величина снизится уже до 507 тыс. человек в 2036 г. [6].

В условиях общества потребления большое значение для молодежи играет доминанта скорее не ретроспективных ожиданий, а рациональных (перспективных) – оценка социального положения в формате «здесь и сейчас». Особый вопрос, как было подчеркнуто выше, видится в соответствии запросов, потребностей молодых людей и имеющихся у них возможностей по их удовлетворению. В силу неодинаковых шансов у молодых людей можно говорить о возрастании роли внутрисемейной относительной социальной мобильности, когда есть возможность сопоставить свои достижения и соответствующие характеристики сверстников. При этом уменьшается значимость абсолютной социальной мобильности, ориентирующейся на опыт уже сформировавшейся культуры поколения отцов и матерей. Изменение скорости «мобильности» общества по выверенным трекингам зачастую бывает выше, чем устоявшаяся – средняя общественная, и воспринимается современным поколением как трендовое продвижение. Однако для каждого поколения существует свой нарабатанный опыт.

На выбор молодежи специальности оказывают сильное влияние как объективные, так и субъективные факторы. Поэтому приходится говорить не только о тех, кто остается преданным полученной специальности в долгосрочной перспективе, но и о тех, кто может изменять свои ожидания в краткосрочной. Нельзя упускать из анализа и то, что позиция различных групп молодежи, отличающиеся своей приверженностью специальности, зависит от возможной «инфляции спроса» и предложения на квалифицированный труд.

Безусловно, условия шоковой экономики оказывают мощное влияние на рынок труда и профессиональные предпочтения молодежи. Каковы же ожидания и мотивация молодежи в отношении выбранной ими специальности, по которой они обучаются в вузе?

Интерес представляет результаты социологического исследования, проведенного лабораторией социальных технологий кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ. Объектом исследования выступали студенты первых курсов, СПО, бакалавриата, БВО магистратуры, представляющие различные структурные подразделения МПГУ. Возраст респондентов – от 17 до 23 лет. Метод исследования: онлайн-анкетирование. Опросный этап исследования проходил в сентябре-октябре 2025 г. Объем выборки составил 2865 респондентов. Цель исследования заключалась в выявлении уровня удовлетворенности первокурсников качеством работы системы профессиональной ориентации в МПГУ для повышения качества профориентационной работы.

Одна из задач исследования состояла в оценке уровня профессиональной осведомленности, мотивации и личностной идентичности. В ходе опроса респондентов просили ответить на вопрос: «Планируете ли Вы в будущем работать по той специальности, на которой Вы обучаетесь»? Распределение ответов представлено в табл. 2.

Как показал опрос, на выбор планируемого места работы влияет достаточно много факторов, в их числе осведомленность, престижность профессии, карьерная мотивация и др. На предпочтения влияет и востребованность специальности на рынке труда, а также занимаемая позиция студентов, связанная с различным сочетанием рациональной и адаптационной стратегии при выборе будущей профессиональной деятельности.

Среди студентов с высокой осведомленностью о выбранной специальности, большинство (73%) респондентов определенно планируют работать по специальности, а вместе с вариантом «скорее планирую» эта доля достигает 94%. Это подтверждает наличие корреляции между такими компонентами профессиональной идентичности, как знание о будущей профессии, мотивации к обучению и карьерной определенности. В определенной степени, долгосрочная рациональная стратегия в оценке ситуации является для данной группы доминирующей.

Вместе с тем, среди студентов с низкой осведомленностью только приблизительно каждый третий респондент был уверен в своих карьерных планах. А 18% опрошенных либо сомневаются, либо вообще не планируют работать по специальности. Симптоматично, что в этой

группе больше всего затруднившихся с ответом (13%), что в сумме составляет 31%. Это подтверждает допущение о том, что не все молодые люди ориентируются на формирование четких карьерных траекторий и рассчитывают прежде всего на адаптивную стратегию смены вида деятельности с учетом своих возможностей (табл. 2).

Таблица 2. Перспективы работы по специальности, по которой студенты обучаются, %

Оценочные позиции	Осведомленность о специальности			Всего
	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень	
Да, планирую	31	55	73	60
Скорее планирую	37	33	21	28
Скорее не планирую	11	4	2	4
Не планирую	7	2	1	2
Затрудняюсь ответить	13	7	2	6

Интересно отметить, что не по всем специальностям молодежь определенно планирует работать. Ответы респондентов изменяются в достаточно большом диапазоне от 36% до 15%. Так, меньше всего студентов определенно планируют работать по специальности по тем направлениям подготовки, которые «предоставляют» определенный выбор и изначально позволяют им получить работу в смежных или близких направлениях. Примечательно, что в ответах непрофильных направлений также фиксировалась часть тех, кто затруднился с ответом на вопрос.

Стоит отметить, что невысокая степень информированности некоторых студентов о специальности не всегда является предопределяющим фактором, сдерживающим их дальнейшее профессиональное развитие. К тому же не всегда декларативные установки молодых людей по окончании учебного заведения могут совпадать с реальным поведением на рынке труда. Очевидно, риск остаться без работы и для «профильных» студентов также существует.

Учеба как вид деятельности в силу ее системности задаёт для молодежи трекинги профессионального развития и возможного рационального выбора в контексте соотношения внутри- и межпрофессиональной мобильности. В свою очередь при оценке профессиональной мобильности важно учитывать и макрофакторы: определенный экономический уклад, социально-экономические условия, в результате действия которых изменяется структура рабочих мест, а также соотношение между востребованной численностью кадров с высшей и низшей квалификацией, технологической модернизацией и подготовкой профильных специалистов и т.д.

Текущая ситуация на рынке труда показывает, что не всегда молодые люди изначально ориентируются на возможные высокие долгосрочные издержки от получения образования при условии востребованного спроса на рабочую силу. Это объясняет то, что после определенного увеличения доли молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, официальная статистика уже фиксирует восстановление спроса и на услуги среднего профессионального образования, где нет требуется длительная подготовка. С позиции востребованной рабочей силы в последние пять лет наблюдается рост занятых, имеющих среднее профессиональное образование. Это говорит о том, что со стороны работодателей возросли потребности в рабочей силе обладающей средней квалификацией и способных с меньшими затратами заместить выбывающие высококвалифицированные кадры. Вместе с тем, для молодых людей, выходящих на рынок, важно оптимальным образом совмещать как краткосрочные, так и долгосрочные экспектации в отношении своей будущей работы.

Резюмируя сказанное, отметим, что в силу различного социально-экономического положения регионов, отраслей фиксируются значимые диспропорции между спросом и предложением на молодежную рабочую силу. В частности, среди безработной молодежи все же фиксируется высокий уровень лиц, имеющих высшее образование. К тому же не все молодые люди, имеющие профессиональное образование, устраиваются работать и соглашаются на предлагаемые работодателем условия и оплату труда. Проблема видится и в невысокой конкурентоспособности определенной доли молодежи, а иногда и в завышенных личностных ожиданиях от полученного образования. И тем не менее, фиксируемый в последнее время невысокий общий уровень безработицы свидетельствует об относительно устойчивой ситуации и на молодежном рынке труда. Однако компромисс между безработицей и инфляцией и повышением выпуска продукции и занятости весьма непостоянен. Отмечаемый «фактор инфляции спроса» на образовательные услуги как в 90-х г. прошлого века, так в настоящее время

во многом находится в поле экономики предложения и необходимости научно-технического прогресса.

Молодежь оказывается в довольно специфических условиях при выходе на рынок труда. Риск потери работы молодыми людьми остается более высоким, чем у взрослых. Во многом это связано, по мнению Дж. Эрэнбурга и Р.С. Смита, с тем, что многие из них имеют небольшой трудовой стаж работы, не всегда соблюдают устоявшиеся принципы корпоративной культуры, демонстрируют невысокий уровень качества работы [7, 8].

Получение образования нередко ведет к повышению ожидания от заработной платы. Однако, молодежь не всегда ориентируется на реальную заработную плату. Завышенные оценки заработной платы могут вести к увеличению продолжительности безработицы и вытеснению молодежи из востребованных секторов. Очевидно, что при выборе того или иного уровня образования молодежь должна ориентироваться не только на долгосрочные перспективы, но и на стабильную занятость, возможность уже сейчас обеспечивать свою семью.

Вместе с тем важно помнить, что инфляционные процессы, связанные с нарушением равновесного состояния между спросом и предложением могут ухудшить, а не улучшить ситуацию, в том числе на рынке труда. Наблюдаемый уровень безработицы самым непосредственным образом определяется не только балансом спроса и предложения на рабочую силу, но и определенным экономическим укладом. Зачастую ограничение совокупного спроса могут уменьшить инфляцию и увеличить безработицу, и наоборот, быстрый рост спроса может привести к замедлению безработицы и увеличению инфляции. Более того, адаптивные ожидания производителей дальнейшего развития инфляции могут увеличивать реальное совокупное предложение. В этой связи социальным партнерам (профсоюзам, бизнесу, государству) важно ориентироваться на обеспечение устойчивого воспроизводства трудовых ресурсов. В этой связи попытки социальных партнеров по возможному замедлению спроса могут только привести к раскручиванию витка инфляции, сопряженной со спадом и повышением молодежной безработицы. Безусловно, применение со стороны государства ограничительных мер денежно-кредитной политики и налогово-бюджетной политики призваны сократить возможные издержки на труд и капитал. При этом изменение государственных социально-значимых расходов преследует цель изменение структуры предложения в рамках экономической политики. Это позволяет в определенной степени добиться нового состояния равновесия. При условии полной предсказуемости изменений в совокупном спросе.

Литература

- Трентманн Ф. Эволюция потребления. – М., 2019. – С. 15.
- Рынок труда. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. – М., 2025. – 168 с.
- Труд и занятость в России. 2023: Стат.сб. / Росстат. М., 2023. – 180 с.
- Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб. / Росстат. – М., 2024–630 с.
- Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b> (дата обращения: 14.01.2026).
- Постановление Президиума Российской академии наук от 28 октября 2025 г. № 172 «Демографическое прогнозирование: ключевые проблемы народонаселения и оценка перспектив и их решения в России» – UR: <https://deminform.ru/media/npa/413000983.pdf>
- Эрэнберг Р, Дж., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М., 1996. – 800 с.
- Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов [Текст]: препринт WP3/2023/02 / Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 78 с.

RATIONAL PROFESSIONAL CHOICE AS A FACTOR IN REDUCING YOUTH UNEMPLOYMENT

Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.
Moscow Pedagogical State University

The article is devoted to the formation of trajectories of professional development of youth in a consumer society. Based on the data of social statistics, the state of the youth labor market is considered. Among the elements of the labor market, special importance is attached to youth unemployment, as well as factors that affect the supply and demand of young professionals. The measures taken by social partners to achieve an equilibrium state in the labor market and reduce youth unemployment are considered.

Keywords: youth labor market, demand, supply, unemployment, education, social mobility, social partnership.

References

1. Trentmann F. Evolution of consumption. – M., 2019. – P. 15.
2. Labor market. Statistics of the Eurasian Economic Union. Eurasian Economic Commission. – M., 2025. – 168 p.
3. Labor and employment in Russia. 2023: Stat.sb. / Rosstat. M., 2023. – 180 p.
4. Russian statistical yearbook. 2024: Stat.sb. / Rosstat. – M., 2024–630 p.
5. Rosstat reported the nominal migration record since 1995. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b> (accessed January 14, 2026).
6. Resolution of the Presidium of the Russian Academy of Sciences of October 28, 2025 № 172 «Demographic forecasting: key population problems and assessment of prospects and their solutions in Russia» – URL: <https://deminform.ru/media/npa/413000983.pdf>
7. Ehrenberg R, J., Smith RS. Modern labor economics. Theory and public policy. – M., 1996. – 800 p.
8. Kapelyushnikov R.I. Russian labor market: statistical portrait against the backdrop of crises [Text]: preprint WP3/2023/02 / R.I. Kapelyushnikov; National research University «Higher School of Economics». – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2023. – 78 p.

Вызовы и угрозы информационному суверенитету государства

Артемьев Алексей Александрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры СГНЗ,
МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

Урсул Виталий Игнатович,

кандидат политических наук, доцент кафедры СГНЗ,
МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

Костарев Глеб Павлович,

магистрант кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: gלבkostarev2002@gmail.com

В статье анализируется понятие «информационный суверенитет государства» в условиях глобальной цифровой трансформации. По мнению авторов, информационный суверенитет государства можно представить, как сложную, многогранную конструкцию, охватывающую нормативно-правовые акты, организационные структуры, технические возможности цифровых систем, а также духовно-идеологическое содержание. В статье рассматриваются основные проблемы, вызовы и угрозы информационному суверенитету государства. Для противодействия проблемам, вызовам и угрозам предлагается разработка комплекса мер, направленных на достижение и укрепление информационного суверенитета государства.

Ключевые слова: информационный суверенитет, информационная политика, государственная власть, информационные технологии, социальные платформы, СМИ и социальные медиа.

В цифровую эпоху достижение и поддержание информационного суверенитета является одной из ключевых задач, стоящих перед государством. Важно отметить, что полным информационным суверенитетом не обладает ни одно государство, однако степень его развития варьируется по-разному.

Суверенитет – «Государственный (нем. Souveränität, от франц. souverainete – верховная власть), верховенство и независимость государственной власти, проявляющиеся в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства» [1].

Суверенитет, в первую очередь, подразумевает независимость. Независимость государства должна быть всеобъемлющей, охватывая как внутренние, так и внешние аспекты, поскольку без такого уровня независимости суверенитет государства невозможен. Статусом государства могут обладать только суверенные политические образования.

На протяжении всей мировой политической истории, на различных стадиях своего формирования, каждое государственное образование стремится всячески укрепить свою независимость. Именно суверенитет является ключом к защите национальных интересов. В современном мире, в условиях обострения международной обстановки, важность «суверенитета государства» постоянно возрастает.

Понятие информационного суверенитета в политической науке развивалось на основе традиционных идей о суверенитете государства. Но, осмысление и понимание суверенитета государства в цифровую эпоху перестает ограничиваться лишь «верховенством государства в пределах его географических границ, полномочием на своей территории и его независимости от других государств» и дополняется информационным пространством. Для современного государства, все более актуальными становятся такие ресурсы власти, которые способны создавать национальную цифровую инфраструктуру, управлять информационными потоками, задавать единые нормативно-правовые и духовно-идеологические рамки в интегральном информационном пространстве. Следовательно, для поддержания суверенитета современного государства, особенно в кризисных условиях, власть должна обладать правом контроля и защиты публичной информации, активно развивать и поддерживать разработки передовых цифровых технологий, управлять и регулировать процессом создания, хранения и распространения информации.

Информационный суверенитет государства подразумевает такой уровень независимости власти, который позволяет правительству самостоятельно разрабатывать и реализовывать национальную информационную политику, которая, в том числе, включает в себя контроль основных компонентов национального информационного пространства и защиту его внутренних и внешних вызовов и угроз.

Информационная политика должна заключаться не только в законодательно установленном праве и духовно-идеологических смыслах, но и в реальной возможности управлять информационно-коммуникационными системами в целях создания, хранения, сбора, обработки и доступа к информации. Особо важно поддерживать стабильность и целостность национального информационного пространства, учитывая глобальную взаимосвязь и трансграничный характер цифрового общения. Таким образом, реализация национальной информационной политики должна проводиться не только в пределах собственных границ, но и в глобальном информационном пространстве.

Для реализации перечисленных задач, государство обязано располагать необходимыми силами и средствами для контроля национального информационного пространства, обеспечивая его информационную стабильность и защиту населения от деструктивного информационного влияния. В этой связи, информационный суверенитет государства выступает своеобразным ресурсом политического суверенитета.

У современных исследователей отмечается отсутствие ясности между понятиями информационного и цифрового суверенитета, что делает необходимым их четкое теоретическое разделение.

В узком понимании информационный суверенитет прежде всего подразумевает контроль за содержанием и потоками информации, которые формируют границы общественного дискурса и политических приоритетов. Цифровой суверенитет, напротив, фокусируется на инфраструктуре – управлении цифровыми платформами, коммуникационными сетями, дата-центрами, программно-аппаратными решениями и хранилищами данных.

«Существует идея о дуализме цифрового суверенитета, который раскрывается через производство и наличие квалифицированных специалистов» [2].

При этом информационный суверенитет выступает как надстрой-ка над цифровым, поскольку он задает ценностные приоритеты, нормативно-правовые рамки и стратегические цели применения технологий.

«К критериям информационного суверенитета относится наличие технологической базы и средств для ее защиты, существование национальной платежной системы, осуществление пропаганды и повышение имиджа страны в информационном пространстве, распространение в нем отвечающих интересам государства идей» [3].

Таким образом, информационный суверенитет государства можно представить, как сложную, многогранную конструкцию, охватывающую нормативно-правовые акты, организационные структуры, технические возможности цифровых систем, а также его смысловое и духовно-идеологическое содержание. Так, нормативно-правовые акты регулируют потоки информации и социальные коммуникации в цифровой среде. Организационный аспект касается функциональной деятельности различных государственных органов и структур, ответственных за информационную сферу. Технический аспект подразумевает создание и управление ключевыми элементами цифровой инфраструктуры, такими как коммуникационные сети, цифровые сервисы и другое техническое оборудование. Смысловое и духовно-идеологическое содержание демонстрирует способность государства выстраивать непротиворечивую систему ценностей, способствующую укреплению национальной идентичности и внушающую доверие к официальным источникам информации.

Современные средства массовой коммуникации выходят за рамки межличностного обмена сообщениями, превращаясь в инструмент конструирования социальной действительности, где формируется общественное мнение.

Серьезным вызовом для информационного суверенитета становится влияние на граждан России антироссийской и деструктивной информации на площадках зарубежных социальных платформ. На первый взгляд, западные социальные платформы представлены как независимые субъекты, формирующие «либеральный» ландшафт, где происходит «свободное» демократическое общение. В то же время контролируя коммуникационную инфраструктуру, информацию о пользователях и механизмы публикаций, зарубежные социальные платформы получают возможность определять границы политических дискуссий. Таким образом, иностранные социальные платформы могут как ограничивать, так и, наоборот, эскалировать различные взгляды и идеи, оказывая тем самым влияние на общественное мнение, минуя контроль со стороны органов государственной власти.

Такое обстоятельство нарушает традиционное понимание суверенитета государства и фактически блокирует мировоззренческие и духовно-идеологические функции государства.

Государственная власть, с одной стороны, продолжает обладать правом контроля информации на площадках социальных медиа и обеспечения информационной и духовной безопасности своих граждан. В то же время, с другой стороны, социальные коммуникации граждан, их политическая активность, коммерческая деятельность и культурные предпочтения перемещаются на площадки зарубежных цифровых платформ, чьи правила устанавливаются не национальными законами, а пользовательскими соглашениями и корпоративными директивами. В связи с этим, происходит ослабление роли государства в информационной сфере, а суверенитет трансформируется в непрерывный процесс поиска компромисса между целями государства и гражданского общества, в условиях сложных международных отношений и постоянно эволюционирующей технологической среды.

Существенную угрозу суверенитету государства представляют спланированные информационные кампании, оказывающие психологическое воздействие на российское общество, дискредитирующие органы государственной власти, а также подрывающие доверие населения к информации, опубликованной в российских СМИ.

Зарубежные СМИ и социальные медиа искажают новостную повестку, навязывая определенной части российского общества ощущение непрекращающегося политического и экономического кризиса, намеренной дестабилизации или, наоборот, фальшивого процветания. В итоге государство оказывается в сложной ситуации, контролируя традиционные российские медиа, оно теряет возможности контроля в цифровом пространстве, где основная инфраструктура социальных платформ находится под контролем зарубежных компаний и функционирует исходя из интересов национальной безопасности иностранных государств.

Следующая проблема заключается в трансграничном характере оборота персональных данных и различиях в законодательстве, которое регулирует их хранение и передачу. Личные сведения граждан, а также объемы государственной и корпоративной информации могут подвергаться обработке и хранению вне пределов национальной юрисдикции, что снижает способность государства обеспечивать их защиту и безопасность.

«За весь 2025 год российские компании подверглись 140628 DDoS-атакам, что на четверть превышает показатель 2024 г. При этом в среднем ежемесячно фиксировалось более 11 000 атак» [4].

В сложившихся обстоятельствах информационный суверенитет неразрывно связан с механизмами управления информационными потоками, условиями локализации информации и ролью государства в формировании международных норм и правил цифрового взаимодействия.

Для противодействия упомянутым проблемам, угрозам и вызовам необходимо разработать комплекс мер, направленных на достижение и укрепление информационного суверенитета. Центральное место в комплексе мер должно занимать государственное управление в области информационного права. На законодательном уровне это предполагает совершенствование нормативно-правовой базы, касающейся информации, персональных данных, телекоммуникаций, а также деятельности как зарубежных, так и отечественных цифровых площадок. Особое внимание уделяется определению особого статуса значимых объектов информационной инфраструктуры. Не менее важным является налаживание сотрудничества и взаимодействия между государством и крупными медиакорпорациями, компаниями-операторами платформ, а также зарубежными социальными платформами.

Помимо совершенствования нормативно-правовой базы, необходимо повысить роль технических и управленческих решений, нацеленных на создание конкурентной цифровой инфраструктуры: отечественных платформ и сервисов, которые могли бы соперничать с ведущими зарубежными медиа корпорациями.

Под этим подразумевается государственная поддержка отечественных IT-компаний, строительство национальных дата-центров, разработка независимо от других стран облачных решений. Ключевым аспектом также является внедрение систем слежения за информацией и ее анализ. Это позволит оперативно обнаруживать и пресекать попытки негативного информационного влияния.

Достижение реального контроля над информационным пространством возможно лишь при одновременном внедрении подобных технологических мер и формировании стабильной среды, основанной на духовных ценностях и эффективных каналах социальной коммуникации. Это, в свою очередь, укрепит доверие к государственным институтам и национальным источникам информации.

Духовно-идеологический аспект информационного суверенитета напрямую зависит от качества общественных диалогов, уровня образования и медиаграмотности граждан, их степени доверия к отечественным органам власти и государственным источникам информации. Даже при наличии передовой инфраструктуры и тщательно разработанного законодательства, российское общество остается подверженной рискам, если существенная доля населения ориентируется главным образом на зарубежные информационные сообщения, считая отечественную внутреннюю повестку дня менее весомой или заведомо искаженной.

Таким образом, информационный суверенитет базируется не только на формальных инструментах управления, но и на способности государства и общества конструировать стабильное символическое поле, где российские информационные ресурсы воспринимаются как надежные источники соответствующие реалиям жизни большинства россиян.

Развитие культуры осознанного потребления информации становится важным фактором для поддержки и укрепления единого национального информационного суверенитета. Оно включает в себя активное продвижение образовательных программ по медиаграмотности, воспитание скептического подхода к анонимным и неподтвержденным данным, а также активное внедрение методик верификации источников и анализа контекста публикаций.

В конечном итоге, информационный суверенитет является одним из центральных факторов, обеспечивающих самостоятельность государства в эпоху цифрового общества. Он охватывает совокупность взаимосвязанных элементов: нормативно-правовых, духовно-идеологических, институциональных и технологических.

Информационный суверенитет государства проявляется как в возможности управлять цифровой инфраструктурой и информационными потоками, так и в способности государства сохранять и создавать

систему духовных ценностей, обеспечивать общественное признание и доверие граждан к государственной власти.

Для противодействия проблемам, вызовам и угрозам необходима разработка комплекса мер, направленных на достижение и укрепление информационного суверенитета государства.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Суверенитет> (дата обращения: 19.02.2026).

2. Карев Д.А., Чертыковцев Ю.В. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 80–83. – URL: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_80 (дата обращения: 15.02.2026).

3. Портал Геополитика.ru Критерии и показатели информационного суверенитета – URL: <https://www.geopolitika.ru/article/kriterii-i-pokazateli-informacionnogo-suvereniteta> (дата обращения: 15.02.2026).

4. Сетевое издание Ведомости (Vedomosti). Хакеры провели в 2025 году более 140 000 DDoS-атак на российские компании. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/02/18/1177142-hakeri-proveli-bolee-140-000-ddos-atak-na-rossiiskie-kompanii> (дата обращения: 15.02.2026).

CHALLENGES AND THREATS TO THE INFORMATION SOVEREIGNTY OF THE STATE

Artemyev A.A., Ursul V.I., Kostarev G.P.
Bauman Moscow State Technical University

This article analyzes the concept of «state information sovereignty» in the context of global digital transformation. According to the authors, state information sovereignty can be conceptualized as a complex, multifaceted construct encompassing regulatory and legal acts, organizational structures, the technical capabilities of digital systems, and spiritual and ideological content. The article examines the main problems, challenges, and threats to state information sovereignty. To address these problems, challenges, and threats, the article proposes developing a set of measures aimed at achieving and strengthening state information sovereignty.

Keywords: information sovereignty, information policy, government, information technology, social platforms, mass media, and social media.

References

1. The Great Soviet Encyclopedia. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Суверенитет> (accessed 19.02.2026).

2. Karev D.A., Chertykovtsev Yu.V. Digital Sovereignty // Law and State: Theory and Practice. 2025. № 4. pp. 80–83. – URL: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_80 (accessed 15.02.2026).

3. Geopolitika.ru portal. Criteria and indicators of information sovereignty. – URL: <https://www.geopolitika.ru/article/kriterii-i-pokazateli-informacionnogo-suvereniteta> (accessed February 15, 2026).

4. Vedomosti online publication. Hackers carried out over 140,000 DDoS attacks on Russian companies in 2025. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/02/18/1177142-hakeri-proveli-bolee-140-000-ddos-atak-na-rossiiskie-kompanii> (accessed February 15, 2026).

Экофилософия в глобальной повестке современного мира: к анализу гармонизации ритмов жизни человека, культуры и природы

Баркова Элеонора Владиленовна,

доктор философских наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: barkova3000@yandex.ru

В статье обоснован мировоззренческий и эвристически-методологический потенциал экофилософии как общей формы жизнесохраняющего и человеко-развивающего мышления будущего. Гармонизация бытия человека и мира раскрыта не только как философско-академическая проблема экофилософской науки, но и как актуальная в условиях современных трансформаций практическая задача.

Ключевые слова: экофилософия, гармонизация форм бытия, будущее человека, стратегии мышления и деятельности, жизнесохраняющая установка, природа, культура.

Смысловой горизонт философской рефлексии перспектив человека, будущего России и бытия Мира в целом задает идеалы, *направленность главных целей, надежд* и ценностных установок субъектов, и потому детерминирует конкретные формы мышления, деятельности и реализуемые проекты. Среди ведущих направлений, с содержанием пространством которых в последние десятилетия связывались, что теперь очевидно, завышенные ожидания, лидирующее мест занимали футурологические проекты, центрированные категориями «информация», «глобализация», «технично-технологические системы», «умный город», «НБИКС-революция», «трансгуманизм», «искусственный интеллект».

Однако в стремительных переменах последнего времени становится все более очевидной бесперспективность этих ожиданий с их абсолютизацией технократических проектных векторов и вытекающих из них решений о путях развития, часто заимствованных из устаревших западных концепций. Более того, очевидным стал и рост рисков их осуществления для Жизни человека и всей Земли, что открыло востребованность безотлагательного поиска в отечественной науке путей обновления Российского и цивилизационно-планетарного развития на основе футурологии жизнеутверждающего мироотношения. Его цель – сохранение Жизни и утверждение жизнеутверждающих перспектив бытия и возможностей оздоровления всего пространства Мира Человека, его природы, культуры и естественного интеллекта, – единственной обладающей Разумом «инстанции» на Земле и, вероятно, во всей Вселенной.

В классической философии давно известно: – повторим эту мысль вслед за Мишелем Монтенем – «Умение достойно проявить себя в своем природном существе есть признак совершенства и качество почти божественное. Мы стремимся быть чем-то иным, не желая вникнуть в свое существо, и выходим за свои естественные границы, не зная, к чему мы по-настоящему способны. Незачем нам вставать на ходули, ибо и на ходулях надо передвигаться с помощью своих ног». Мишель Монтень [1, с. 6].

Только человек, опираясь на все известные ему средства, инструменты и открытые наукой технологии способен поставить, осмыслить-отрефлексировать, а главное – решить проблему сохранения Жизни как целого, осознав масштаб необходимых для этого и для совершенствования Земли и Вселенной преобразований, в т ч в сфере философии. Но для этого, формируя проект будущего, по словам А. Андреева – автора учебника «Футурологии» – «без человеческого фактора в этой дисциплине не обойдешься» [2, с. 7]. Иначе говоря, масштаб мышления Человека-автора проектирования будущего для решения столь глобальной проблемы должен соответствовать мере ее сложности. И масштаб современного Человека как субъекта Земли в высших его проявлениях, начиная с концепций философии русского космизма XIX- начала XX века, сегодня дорастает до уровня ответственности за судьбу всех следующих поколений жителей нашей прекрасной и уникальной планеты.

Одним из высших проявлений такой ответственности в пространстве культуры, развивая русский космизм, является *экофилософия*. В ней субъект проектирования футурологических проектов, открывая смысл мировоззрения как всеобще-целостного взгляда на себя – Личности, гражданина своей Родины, Землянина, – на свое место в системе планетарного бытия, ставит и решает проблему *целостности и гармонизации природного и социокультурного бытия Земли как условия оздоровления и экологизации всего Мироздания, в т.ч. своей собственной жизни, своего Разума и современной социально-гуманитарной науки*.

Иначе говоря, в *экофилософской картине мира одной из главных установок является направленность на поиск путей со-настройки всего естественного и искусственного в пространстве Мира Земли и обоснования того, почему без целостно-гармоничного развития человека в единстве всех составляющих пространства его жизни и мысли невозможен рост популяционного здоровья, образованности, совести, культуры ответственности перед будущими поколениями, качеством их Жизни* [3].

Экофилософия – направление философского знания, ориентированное на исследование возможностей жизнесохранения, всех не-

обходимых и достаточных для этого фундаментальных органических связей человека, природы, культуры, общества и Вселенной, в которых восстанавливается статус нормативности и самоценности бытия, жизни, истины, связей в пространстве Жизни всеобщего с единичным, отнесенного к абсолютному, а переходящего с вечным и бесконечным.

Начавшееся в отечественной науке в 1960–1980-х гг. XX века развитие экофилософии было в соответствии с осознанием *экологической проблемы как глобальной проблемы* современного мира сосредоточено на осмыслении связи общества с природой и путей предотвращения вызванной антропогенными факторами экологической катастрофы в нашей стране и мире. Поэтому в трудах Н.Н. Моисеева, Э.В. Гирусова, В.А. Лося, Н.М. Мамедова и другая экофилософия закономерно воспринималась как раздел глобалистики.

Однако изучение глобалистики в последние десятилетия привело к существенным дополнениям ее предметной области. «XXI век внес серьезные изменения в содержание глобальных исследований. Их предмет был расширен не только за счет введения статуса глобальных новых проблем человечества (таких, как международный терроризм, наркомания), но и за счет углубления поиска закономерностей *глобального развития* (как общих, касающихся человечества в целом, так и частных, относящихся к конкретным сферам жизнедеятельности) [4, с. 49].

В развитии экофилософии такое углублением поиска привело к расширению ее предмета: наряду с изучением связей общества и природы, в него вошли такие разделы, как экология человека, культуры, космоса, коммуникаций, разума, науки и т.д., породив спектр новых дисциплин, среди которых, с моей точки зрения, центральной является *экофилософия человека*.

Ориентированная не на позитивистское или прагматическое, безразличное к судьбе человека и его будущего, не на перечисление возможных рисков, противоречий; не на то, чтобы бесконечно вносить «конкретное предложение – надо что-то делать», *экофилософия человека направлена на исследования с отчетливо акцентированным аксиологическим аспектом, открывающим смысл и реальную заботу о полном выздоровлении человека и человечества, о перспективах их Жизни, а не выживании, обсуждении множества вопросов и необходимых для этого мер.* Лидером этого движения стал еще с 1980-ых годов великий новосибирский ученый, академик В.П. Казначеев и его школа [5, с. 21–27]. На это же, но с акцентом на оздоровление нравственно-культурной и художественно-эстетической среды жизни, была направлена экология культуры, у истоков которой стоял другой советский ученый – академик Д.С. Лихачев [6].

Стремительное развитие этого проблемного поля и последовательная работа с научно доказанной картиной мира с ее идеей единства, открытой целостности, гармонии и неисчерпаемости развития и всеобщих связей Человека, Космоса, Природы, Общества и Культуры, привело к трансформациям экофилософии и *обновлению экофилософской картины мира на основе методологии космо-антропо-экологии*.

А в самой современной экофилософии, где центром проблемного поля неизменно всегда остается система «Человек и Мир», в силу этого, одной из *центральных проблем оказывается проблема гармонизация всех подсистем связей в открыто-целостном пространстве органического единства Человека, Космоса, Природы, Общества и Культуры* [7].

Гармония, этимологически происходящая от греческого слова «связь», означает упорядоченное объединение разнообразных, даже контрастных элементов, приводящее к эстетической и структурной завершенности. Целостность, от латинского слова «полнота», описывает систему, чьи свойства не сводятся к простой сумме ее составляющих, и которая, подчиняясь единому организующему началу, в отличие от системы, включает в себя связь конечного с бесконечным. В истории мысли и культуры эти концепции глубоко взаимосвязаны: достижение целостности часто происходит через гармонизацию ее частей, а гармония немислима вне открыто-целостного контекста.

Но сегодня в глобальной экофилософской повестке проблема гармонизации становится исходной и основной для решения и вопроса о том, как возможно продвижение жизнеразвивающего созидания и необходимой для творчества мира будущего идеологии. «Экофилософия миротворчества актуализирует в новых условиях общественного развития судьбоносную проблему, связанную с гармоническим единством человека и природы, *совершенствованием Культуры Мира обновлением когнитивного содержания философского мировоззрения личности и рефлексии нового типа целостности*» [8, с. 49–58].

Очевидно, что исходным моментом исследования проблемы гармонизации бытия становится вопрос о *формах конкретизации характера связей человеческого, природно-космического, социо-культурного,*

уникального внутренне-личностного бытия и преодолевающей дисбаланс со-настройке, согласовании жизни современного человека с миром. Ее возможность вытекает из осмысления человека не как автономной структуры и субъекта – властелина природы как объекта, а как ее друга, соразмерного и со-ритмичного друга-соучастника.

Согласование всех подсистем бытия, поэтому, включает возможную *регуляцию темпа-ритма жизни, соответствующего нормам человеческого здоровья, исходным параметрам природы человека, ритмам его сердца, дыхания, пульса, работы мозга и ритмам дыхания Земли – условия индивидуального и популяционного здоровья.*

И одной из проблем изучения принципов и путей гармонизации, следовательно, становится анализ их *разноуровневых ритмов:*

– *биологических (функционирование органов и развитие организма), – социокультурных (общество как сложноорганизованная динамическая система, все социальные и культурные институты, технологии) и – планетарно-экологических (биосферные, ноосферные и космические процессы).*

Но тогда и «экология человека конституируется как качественно новый уровень осмысления экологической и философско-антропологической проблематики в единстве природных, социальных, культурных, духовных детерминаций человеческого бытия» [9].

В концептуальном пространстве их гармонизации происходит интеграция методологического аппарата экофилософии с достижениями философской антропологии, медицины, экологии человека, эстетики, этики и других наук, необходимых для освоения человека как центра и органичной части природы Земли и космоса, отвечающей за их будущее.

На смену представлению об экофилософии как изучению связей человека со средой, под которой традиционно понималась природная, а позднее и социальная среда, приходит актуализация ее анализа, направленного на *изучение биогеокультурогенеза и сохранение ценности природы и культуры, включая природу и естественный интеллект самого человека как условия сбалансирования и развития всех сфер бытия.*

Биогеокультурогенез может быть представлен как концепция синтеза представлений о гармонии, сложившихся в процессах эволюции философии, начиная от ранних лифогорейских представлений, мысли Гераклита и Аристотеля до плодотворных идей и многообразных взглядов на гармонизацию Гегеля, Маркса в XIX веке и А.А. Богданова, русских космистов, Смэтса, Л. Бертаганфи, И. Пригожина, М. Бубера, Э. Кассирера, А. Несса и многих, различных по методологическим установкам философов и ученых XX–XXI вв.

Рефлексия в контексте биогеокультурогенеза всех – всеобщих, общих и единично-эмпирических связей человека с миром в целом, понятого в качестве универсалии этого философского поля, открывает надежды и векторы востребованной философии человека, изучения в ней не только внешних регуляторов, необходимых изменений внешних условий и сил, но и внутренних ресурсов – мышления, содержательности жизни. А к этим внутренним ресурсам, связанным с мышлением, относится и категориальный аппарат науки и ориентиры поведения, где главное место занимает понимание ценности бытия, самоценности смысла самой жизни и бесконечных возможностей человечества самостоятельно разрешать проблемы, создавая в будущем основания своей устойчиво-предсказуемой жизни.

«Течение событий, будущее, может быть определяемо в сильной мере нашей волей и нашим разумом. Будущее человека всегда большей частью создается им же самим» [10].

Но если верно то, что все формы бытия при всей уникальности и человека, и природы, и культуры, и общества – не замкнутые на себя структуры, то уже поэтому опора в решении современных глобальных проблем исключительно на себя, на свои интеллектуальные и психические ресурсы и технологии – при всей их важности – недостаточна для решения проблемы гармонизации, ведущей к оздоровлению планетарного бытия и Человека. Для этого нужна «поддержка» природы, включая саму природу человека.

А чтобы «разговорить» природу, востребованы соответствующие технологии, предотвращающие следствия рассогласования темпоритмов в структурах сложной гармонии бытия человека, социокультурных процессов и природных циклов, как и следствия ускорения социального времени, обусловленного стремительным развитием науки, технологий, информационным бумом, ростом требований к скорости освоения и трансляции новой информации.

Но какими должны быть эти технологии в России, если очевидно, что «для выполнения своей национальной и международной миссии в качестве культурной державы России необходимо в новых исторических условиях прежде всего сохранить и восстановить свою культурную целостность, идентичность – как условие дальнейшего устойчивого развития» [11 с. 7].

Поиск ответа на этот вопрос о технологиях мышления и их реализации удивительным образом приводит к давно открытому опыту, который не осмыслен пока в контексте вызовов и целей гармонизации современного мира. Речь – о работе с категорией «ритм», формообразующая и корректирующая роль которого в формировании целостности бытия человека была ясна еще мыслителям древности. Хорошо известен и снованный на ней опыт арт-терапии, и влияния классической поэзии – но только подлинной, а не ее пересказов, как и музыки.

В музыке, как известно, «ритм выявляется через смену аккордов, мелодических вершин, тембров, усиленных и ослабленных громкости, видов фактуры от функции и фонизма аккордов, величины интервального шага в мелодии, а также многих других внутренних музыкальных явлений» и т.п. При этом градация ритмических акцентов зависит не только от большей или меньшей громкости, но и, например, от функции и фонизма аккордов, величины интервального шага в мелодии. Музыкальный ритм – это временная и акцентная сторона мелодии, гармонии, тембра и всех других элементов музыки» [12, с. 230].

Именно ритмическая регулярность содействует подчинению единому центру, образуя сложную структуру бытия Земли. Открытое когда-то В.И. Вернадским в качестве научного образа «дыхание Земли» давно уже стало предметом конкретного научного изучения в геологии, географии и других естественных науках.

На способности человека и общества регулировать ритм жизни как основы социальной энергии был основан плодотворный советский опыт его теоретического и практического освоения, хотя, к сожалению, не получивший развития. Он связан с именем хорошо всем известного замечательного поэта О.Э. Мандельштама.

Между тем, известный нам только в качестве поэта, переводчика, литературоведа, автора гениального «Разговора о Данте», О.Э. Мандельштам в 1918 году работал в Наркомпросе. Там он заведовал подотделом эстетического воспитания в Отделе реформы школы, где предметом его деятельности было ритмическое воспитание: он был одним из инициаторов создания Института ритмического воспитания, некоторых изданий по ритмике.

«10 ноября 1918 г. на коллегии ритмистов Мандельштам сделал доклад «Общественное значение ритмики и роль ритма в искусстве», а 3 декабря на заседании коллегии секции эстетического воспитания ему было поручено редактировать ежегодный сборник «Ритм» и написать для него статью» [13].

Как поэт, лучше многих чувствующий ритм изменяющейся эпохи, и как личность, выразившая масштаб своего социально-революционного времени, О.Э. Мандельштам понял философский, совпадающий сегодня с экофилософским, смысл и возможности освоения ритмики как общественно-государственной задачи.

Он писал: «Все наше воспитание, как его понимает наше молодое государство в лице Народного комиссариата по просвещению, есть организация личности. Социальное воспитание подготавливает синтез человека и общества в коллективе. Коллектива еще нет. Он должен родиться. ... В настоящую минуту мы видим перед собой воспитателей-ритмистов, пока еще слабых и одиноких, предлагающих государству могущественное средство, завещанное им гармоническими веками: ритм как орудие социального воспитания. Мне представляется глубоко поучительным, что эти руки протянуты сейчас с надеждой к государству. Они возвращают ему то, что принадлежит ему по праву. Верный инстинкт подсказывает им, что ритмическое воспитание должно стать государственным. Они повинуются внутреннему голосу своей педагогической совести и находятся сейчас почти у цели» [Там же].

Развивая эти идеи, в которых как бы свернут опыт всей истории мировой культуры, науки и философии, О.Э. Мандельштам акцентировал внимание на социальном потенциале и роли целенаправленного освоения ритмики.

«Что общего между государством и женщинами и детьми, исполняющими ритмические упражнения, между суровыми преградами, которые ставит нам грубая жизнь, и той шелковой веревочкой, которая протягивается во время этих грациозных упражнений. Здесь готовят победителей – вот в чем заключается эта связь. Детям, которые сумели так перепрыгнуть через тесную, не страшны никакие социальные преграды. ... Они сумели соразмерить напряжение своих мускулов во время бега с трудностью препятствий. Трудность задачи может непомерно возрасти. Навык ритмического воспитания остается. Он неискореним, он присутствует и в мирной обстановке гражданского очага, и в военной буре, он всюду, где человеческое усилие побеждает сопротивление, он всюду, где нужны победители.» [Там же].

Отсюда вытекает востребованность экофилософско-целостного освоения технологий мышления, деятельности и поведения, связанных с работой с ритмикой как регулируемой основой гармонизации бытия человека, всей жизни, как той энергией и социальной силой,

которая всегда существует, ибо она – атрибут жизни, хотя ее возможности пока не стали достоянием всех, кто связан с социальным управлением. И главное, в этом, остающемся пока не освоенным опыте, в переломную, эпоху экстремума социального времени, в России была открыта объективно существующая энергия «поддержки» Земли и науки и основанные на ней технологии, способные дать новый импульс к гармонизации, ее экофилософскому осмыслению как пути к развитию жизнеутверждающего мировидения и оздоровлению субъекта.

Таким образом, гармонизация связей и ритмов жизни человека, его культуры и природы представляет собой не утопический идеал, а самую актуальную практически востребованную задачу экофилософии, важную для открытия новых перспектив оздоровления человека и бытия человечества.

Таким образом экофилософская методология, работая с наследием великой русской и советской науки, идей и трудов В.И. Вернадского, В.П. Казначеева, Н.Н. Моисеева, а теперь и О.Э. Мандельштама и многих современных российских ученых, предлагает для решения этой проблемы надежную теоретическую основу. Смещая фокус внимания с прагматически-внешнего управления природой на внутреннее преобразование человеческого мышления, роста сознания, она выступает формой мышления будущего, сохранения и освоения высоких ценностей и культурных кодов. Ключ к гармонии, согласно экофилософской мысли, лежит в осознании того, что человек – не автономный субъект, а уникальное, наделенное разумом, средоточие взаимосвязей и энергий в ансамбле единого живого организма планеты Земля – части нашей Вселенной. Гармонизация и синхронизация ритмов человеческой деятельности с ритмами космоса, природы Земли, ее биосферы, ноосферы и произведениями высокой культуры, основанная на культуре ответственности и этике коэволюции – путь преодоления системно-планетарного кризиса.

Литература

1. Монтень М. Об искусстве жить достойно: философские очерки. – М.: Детская литература, 1975. – 206 с.
2. Андреев А. Футурология. Краткий курс. – М.; СПб.: Т8 Издательские технологии; Пальмира, 2023. – 222 с.
3. Баркова Э.В. Исследованию проектного смысла экофилософии // Право и практика. – 2025. – № 1. – С. 255–260.
4. Шестова Т.Л. Глобальная история как научное направление XXI века // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2019. – С. 49–54.
5. Казначеев В.П. Космическая антропоэкология – новое поле науки XXI века // Вестник Международного научно-исследовательского института космической антропоэкологии. – 2003. – Вып. 10. – С. 21–27.
6. Лихачев Д.С. Русская культура. – СПб.: Искусство, 2000. – 440 с.
7. Экофилософия в пространстве творчества мира: монография. – М.: Русайнс, 2024. – 246 с.
8. Лустин Ю.М. Типологическая доминанта экофилософии творчества: диалектика сущего и должного в человеческом бытии // Экофилософия в пространстве творчества мира. – М.: Русайнс, 2024. – С. 49–58.
9. Колпащикова И.Ф., Киселева Н.Ю. Экология человека. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии госслужбы, 2002. – 102 с.
10. Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. – М., 1940. [Электронный ресурс]. – URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/265/94/> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Культурная динамика России в XXI веке: ресурсы, преемственность, перспективы: коллективная монография. – М.: Издательский дом МГУКИ, 2011. – 320 с.
12. Холопова В.Н. Формообразующая роль ритма в музыкальном произведении // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Наука, 1974. – С. 229–238.
13. Мандельштам О.Э. Государство и ритм [Электронный ресурс]. – URL: <https://mandelstam.lit-info.ru/mandelstam/public/gosudarstvo-i-ritm.htm> (дата обращения: 14.01.2026).

ECOPHILOSOPHY IN THE GLOBAL AGENDA OF THE MODERN WORLD: TOWARDS AN ANALYSIS OF HARMONIZING THE RHYTHMS OF HUMAN LIFE, CULTURE, AND NATURE

Barkova E.V.
Plekhanov Russian University of Economics

This article substantiates the ideological and heuristic-methodological potential of ecophilosophy as a general form of life-preserving and human-developing thinking for the future. Harmonizing human existence and the world is revealed not only as a philosophical and

academic problem of ecophilosophical science but also as a practical task relevant in the context of modern transformations.

Keywords: Ecophilosophy, harmonization of forms of existence, human future, strategies of thinking and action, life-preserving mindset, nature, culture.

References

1. Montaigne, M. *On the Art of Living with Dignity: Philosophical Essays*. Moscow: Detskaya Literatura, 1975, 206 p.
2. Andreev, A. *Futurology: A Short Course*. Moscow; St. Petersburg: T8 Publishing Technologies; Palmira, 2023, 222 p.
3. Barkova, E.V. The Study of the Project Meaning of Ecophilosophy. *Law and Practice*, 2025, № 1, pp. 255–260.
4. Shestova, T.L. Global History as a Scholarly Field of the 21st Century. In: *Russia in the 21st Century: Global Challenges, Risks and Solutions*. Moscow: MNEPU Publishing House, 2019, pp. 49–54.
5. Kaznacheev, V.P. Cosmic Anthropoecology as a New Scientific Field of the 21st Century. *Bulletin of the International Research Institute of Cosmic Anthropoecology*, 2003, issue 10, pp. 21–27.
6. Likhachev, D.S. *Russian Culture*. St. Petersburg: Iskusstvo, 2000, 440 p.
7. *Ecophilosophy in the Space of World Creativity: A Monograph*. Moscow: RuScience, 2024, 246 p.
8. Lustin, Yu.M. The Typological Dominant of Peace-Creating Ecophilosophy: The Dialectics of the Existing and the Due in Human Being. In: *Ecophilosophy in the Space of World Creativity*. Moscow: RuScience, 2024, pp. 49–58.
9. Kolpashchikova, I.F., Kiseleva, N. Yu. *Human Ecology*. Nizhny Novgorod: Volga-Vyatka Academy of Public Service Publishing House, 2002, 102 p.
10. Vernadsky, V.I. *Biogeochemical Essays*. Moscow, 1940. Available at: <http://tranhumanism-russia.ru/content/view/265/94/> (accessed 14 January 2026).
11. *Cultural Dynamics of Russia in the 21st Century: Resources, Continuity, Prospects: Collective Monograph*. Moscow: MSUCU Publishing House, 2011, 320 p.
12. Kholopova, V.N. The Form-Generating Role of Rhythm in a Musical Work. In: *Rhythm, Space and Time in Literature and Art*. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 229–238.
13. Mandelstam, O.E. *State and Rhythm*. Available at: <https://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/public/gosudarstvo-i-ritm.htm> (accessed 14 January 2026).

Бусов Сергей Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

В статье формулируется проблема прогресса, исходя из философских представлений о развитии, а также посредством анализа общенаучных, в частности, синергетических и частнонаучных концепций, раскрывающих противоречивые формы эволюционного процесса, как в природе, так и в обществе. Автор попытался найти ответы на вопросы: существует ли доминирующее направление в историческом процессе и как соотносится проблема исторического прогресса с проблемой суперотбора и суператтрактора? Анализ ведется с позиций неравновесной термодинамики И. Пригожина и синергетики Г. Хакена, а также концепции синергетической философии истории (В.П. Бранский), методология которой использована в данной статье. В качестве ответа на поставленные вопросы, утверждается, что определение понятия прогресса должно с необходимостью включать в себя также понятие суперотбора и суператтрактора.

Ключевые слова: самоорганизация, прогресс, социальный отбор, факторы отбора, суперотбор, суператтрактор.

Проблема прогресса в историческом процессе рассматривается нами с позиций *неклассического* эволюционизма, который включает пересмотр некоторых постулатов классического эволюционизма, становление фундаментальной идеи возникновения порядка из хаоса, важным следствием которой явилась разработка проблем социальной самоорганизации, в особенности, ее механизма.

Эволюция все чаще рассматривается как проявление универсальных законов самоорганизации. Социальная синергетика, как общенаучная теория, предполагает кардинальное «переоткрытие» (И. Пригожин) идеи прогресса и «пересмотр» концепций глобального прогресса. Пересматриваются теории бесконечного, непрерывного, прямолинейного прогресса, к сторонникам которых можно отнести взгляды на историю природы и общества классиков европейской науки и философии Нового и Новейшего времени, таких как Вико, Тюрго, Кондорсе, Гердер, Гегель, Маркс и др. Речь идет о процессах, имеющих нелинейный, непрерывный, направленный и необратимый характер. Специфический взгляд на историю уже имел место в теориях локальных цивилизаций (Данилевский, Шпенглер, Тойнби, Л.Гумилев), однако, попытки связать специфику социальной эволюции с универсальными законами природы наталкивались на отсутствие «соединительного звена» в виде общенаучной теории. Таким «звеном», такой теорией оказались концепции неравновесной термодинамики И. Пригожина и синергетика Г. Хакена. Синергетическая философия истории (В.П. Бранский), методологию которой мы в анализе данной проблемы будем использовать, вырастает как раз из такого рода общенаучных, синергетических концепций, поскольку строится на основе исторической интерпретации универсальных законов самоорганизации, присущих эволюции как природы, так и общества [8].

Итак:

1. Как в контексте самоорганизации природных и социальных систем соотносятся оппозиции универсального/специфического и абсолютного/относительного?
2. Существует ли доминирующее направление в развитии событий в историческом процессе?
3. Как соотносится понятие исторического прогресса с понятиями суперотбора и суператтрактора?

Вопрос о направлении социальной истории нельзя рассматривать изолированно от вопроса о формах развития природных систем. Открытие второго начала термодинамики поставило человечество перед фактом необратимости процессов во Вселенной. Так сформировалось современное понятие эволюции, которое связано с процессом самоорганизации открытых сложных систем, сущностью которого выступает диссипативная структура, присущая открытой системе, обменивающейся со средой энергией и веществом и существующей в колебательном режиме от хаоса к порядку и наоборот. Также теоретически оформилась проблема возможностей управления глобальной эволюцией, т.е. сознательного изменения направления и темпов эволюции той части Метагалактики, где живет человечество.

Любой циклический (колебательный) режим представляет собой динамику фазовых переходов, а, следовательно, всегда возникает «переходная зона», когда система подвержена максимуму неустойчивости и неопределенности. Это так называемая точка бифуркации, в окрестностях которой система испытывает воздействие множества противоречивых факторов, она как бы «колеблется в выборе» дальнейшего пути, т.е. флуктуирует, где ее поведение определяется случайными взаимодействиями. Флуктуации – это осуществляемые системой разные, как правило, случайные отклонения от равновесия, подчиняющиеся вероятностным по форме стохастическим закономерностям. В отличие от универсальных законов, присущих неорганической природе, самоорганизация биосферных процессов приобрела особый специфический характер. Можно говорить об усложнившемся за миллионы лет сложном многоуровневом ритме функционирования биосферы, частью которой оказалось и человечество. Этот загадочный ритм биосферы пронизан неисчерпаемым множеством совершающихся больших и малых флуктуаций на всех ее уровнях, а в каждой бифуркации совершается отбор, подверженный случайностям. Процесс отбора идет с убыстрением до того момента, пока из ряда наиболее вероятных результатов не отберется единственный, который и становится новой качественной действительностью системы. Формируется такое состояние системы, которое можно назвать неравно-

весным, когда становится существенным стохастическое воздействие, а именно, нерегулярное воздействие, имеющее вероятностный характер, при котором система случайным образом меняет свое поведение. Согласно синергетике, в точках бифуркации может происходить смена пространственно-временной организации системы: она «скачкообразно» переходит из хаотического в упорядоченное состояние и наоборот. Таково, например, появление «ячеек Бенара» [7, с. 198] в постепенно нагреваемой маслообразной жидкости, где согласованный эффект поведения молекул, проявившийся в «ячеечной» форме, вновь неизбежно разрушится при дальнейшем повышении температуры.

Общие универсальные условия проявления самоорганизации следующие: во-первых, система должна быть открытой (таковы все системы с ярко выраженной диссипативной структурой, а это означает, что они могут существовать лишь при постоянном обмене веществом и энергией с внешней средой); во-вторых, она должна быть неравновесной (система должна находиться близко к фазовому переходу, т.е. к критической точке бифуркации); в-третьих, должна проявляться флуктуационность системы в виде колебательной неустойчивости (динамические уравнения, описывающие поведение системы, должны быть нелинейными); в-четвертых, в условиях упорядоченности состояния системы поведение ее элементов характеризуется согласованностью (кооперативностью).

Теоретическая сложность проблемы прогресса в том, что наука пока еще не может непосредственно вывести прогрессивную направленность развития материи из фундаментальных законов физики и, в частности, из законов термодинамики. Существуют вопросы, на которые нет определенных ответов: как происходит воспроизводство материальной структуры Вселенной и на какой фундаментальной основе? что такое физический вакуум? как формируется длительность существования физических объектов, их масштабирование и, наконец, как формируется физическое движение вообще? Если знать ответы на эти вопросы, проще было бы отвечать и на вопросы о прогрессе живой природы, вплоть до того, что такое сознание, воля и свобода человека.

Наблюдаемый мир соткан из материальных взаимодействий: налицо единство форм вещества и полей взаимодействий. Вещество, как известно, состоит из молекул, молекулы – из атомов, атомы – из элементарных частиц, однако, становится все более затруднительным сводить вещество к полевой природе взаимодействий, чем, кстати, уже отмечался в свое время «энергетизм» Оствальда, а именно, сведением материи к энергии, т.е. к количественной характеристике меры движения материи, в рамках которой сохраняется определенное качество. Получается, что материя – это качественная характеристика энергии, а энергия – это количественная характеристика материи. Только это и можно сказать в качестве философской основы дальнейших рассуждений. Чтобы продвинуться дальше в объяснении причин прогрессивного развития, попытаемся мысленно объединить первое начало и второе начало термодинамики. Согласно первому началу, развитие есть сохранение энергии в виде ее переходов из одной формы в другую. Энергия не исчезает и не добавляется, т.е. общее ее количество сохраняется. Однако очевидно, что симметрия первого начала термодинамики не носит абсолютного характера, – это подтверждается и дополняется вторым началом термодинамики, поскольку в нем наличествует явная асимметрия процессов, выраженная во всеобщем и необратимом переходе к хаосу. Но, как это ни покажется парадоксальным, закон роста энтропии с определенного уровня качественной сложности и количественной объемности природных систем начинает формировать вектор их развития. Принципы сохранения должны иметь, как считает Г.А. Югай, комплементарные им принципы регулирования. В этом случае возможен переход от хаоса к порядку [16, с.143]. Наделено ли второе начало потенциалом такого регулирования? В особенности, это касается живого вещества, которое встроено в глобальную систему энергообмена и за счет этого каким-то образом воспроизводится и прогрессирует. Аккумуляция свободной энергии и ее преобразование, как основной способ самосохранения живой системы, определяют также и направление ее развития. «Либо система черпает негэнтропию извне, и тогда мы имеем схему Э. Шредингера, либо не черпает, и тогда в ней, в силу положительного производства энтропии и согласно обычным воззрениям на энтропию, как меру беспорядка, имеет место деструкция. Но есть и третья... синергетическое решение» [11, с.171]. Для развития живых систем характерно преодоление энтропийного барьера, присущего замкнутым системам. Э. Шредингер назвал эту тенденцию негэнтропийностью, которая, по его мнению, составляет основную черту развития всех живых систем [15]. Без внесения в систему управляющего момента, негэнтропийная тенденция развития не возникает. Из чего же возникает этот самый «управляющий» момент? Речь идет об *относительном* уменьшении возрастания общей

энтропии, т.е. о колебательном характере энтропийных процессов, присущем всем макрообъектам. С.Д. Хайтун пишет по этому поводу так: «Развивая идею Больцмана и Шредингера о том, что биологическая структура поддерживается и развивается за счет потока энтропии, т.е. потока обесцениваемой энергии из системы в среду, синергетика вводит понятие диссипативной структуры как неравновесной структуры, возникающей за счет открытости системы и связанной, таким образом, своим существованием дихотомии система/среда: уменьшение энтропии в системе (упорядочивание) мыслится здесь происходящим исключительно за счет роста энтропии (беспорядка) в среде» [11, с.171]. Возникает некая разница потенциалов внутри самой системы, т.е. противоречие как источник развития. Еще до открытий И. Пригожина и Г. Хакена А.Н. Аверьянов писал: «Закон, обуславливающий... антиэнтропийную тенденцию, до сих пор остается неизвестным. Но быть неизвестным и не существовать – разные вещи» [1, с.87]. Открыт ли такого рода закон или, лучше сказать, принцип? Да. Это принцип суперотбора. Подобного рода идеи, близкие идее суперотбора, высказывались и ранее разными авторами, таковы, например, «эволюция эволюции» Э.И. Колчинского и С.М. Разумовского, «мегаэволюция» или «эволюция законов эволюции» Дж. Симпсона, концепция «самоорганизующейся Вселенной» Э. Янча, «макросдвиг» Э. Ласло, «теория гиперциклов» М. Эйгена и др. В контексте суперотбора значение приобретает не столько энтропийная направленность, сколько значение разных *скоростей* роста энтропии. Особую роль в объяснении этого играют категории абсолютного и относительного. В абсолютном смысле энтропия любой системы растет, но поскольку в мире множество систем, не говоря уже о том, что и мир есть система систем, то скорость роста энтропии в разных системах разная, особенно в аспекте соотношения простых систем и сложных, более или менее открытых. Энтропия – величина, скорость роста которой определяется интенсивностью «процессов превращения разных форм взаимодействий друг в друга» [12, с.156]. Эти мысли согласуются также с положениями И. Пригожина, согласно которым, жизнь является островком сопротивления второму началу, поскольку заведомо укладывается в рамки естественного порядка, представляя «как высшее проявление происходящих в природе процессов самоорганизации» [7, с.234]. Об этом же пишет Г.П. Черный: «В открытых системах законы термодинамики проявляются в диалектическом единстве: рассеяние энергии такой системой в виде излучения приводит к росту энтропии всей системы, в то время как снижение внутренней энергии системы, обусловленное потерей энергии при излучении, ведет к уменьшению энтропии подсистемы вещества» [14, с.144]. Рост интенсивности превращений одних форм энергии в другие в рамках обменных процессов оказывается главным фактором формирования направления развития. Существует непосредственная зависимость между интенсификацией обменных процессов и ростом иерархии (сложности) материальных структур. Снимается парадокс, выраженный в факте роста энтропии системы, с одной стороны, а, с другой стороны, в факте усложнения ее организации, определяемом потенциалом свободной энергии. Эволюционное усложнение, прогресс возникают в результате *ускоренного* наложения одного уровня организации материальных систем на другой. Речь идет о своеобразной «эволюции хаоса», когда порог хаотизации всякий раз возвышается за счет наложения все новых уровней организации системы, что характеризует направление от низшего к высшему. Но с каким фундаментальным законом связан сам процесс ускорения времени процессов, описываемых неравновесной термодинамикой? Может быть с законом Хаббла? Но он лишь наблюдаемый эффект чего-то более фундаментального, определяющего эволюцию Вселенной. Ведь такое ускорение времени коррелирует с возникновением и масштабированием диссипативных структур, а следовательно, способствует «эволюции хаоса». Органические структуры не отменяют неорганические, а социальные структуры не отменяют биологические, речь идет о преобразовании их способов обмена с окружающей средой, а, по сути, об усложнении эволюционных механизмов отбора, а следовательно, речь идет о формировании суперотбора. Биологическим системам присущи признаки управления энтропийными процессами, обусловленные их направленностью к минимизации диссипации энергии. Здесь говорится о количестве рассеивания энергии или переходе совокупной энергии в тепловую, которая выключается из цикла дальнейших превращений внутри данной системы, выбрасываясь в среду, что выражено в феномене адаптации, а также в способности системы к самовоспроизводству, хотя и с «ошибками». Известно, что жизнь организмов довольно коротка, поскольку отдельная особь не в состоянии обеспечить на длительную время организационную сложность и высокую структурную воспроизводимость, необходимых для борьбы с энтропией, это под силу лишь популяции в контексте длительной смены поколений. Переход системы в новое каче-

ственное состояние характеризуется относительной необратимостью. Однако и в среде сторонников необратимости и открытой направленности времени существует мнение, что будущее «временит» (термин М. Хайдеггера) настоящее [5, с. 133]. Очевидно, имеется в виду обратнoактивное влияние «будущего» результата на процесс функционирования системы, что также связано с синергетическим положением об эволюции начальных условий, эволюции факторов эволюции и ее законов. Поиск зависимости настоящего от будущего приводит к понятию аттрактора, которое пока трактуется довольно «непрозрачно». Утверждается, что есть какая-то «прозрачная точка» (М. Мамардашвили), через которую можно видеть вероятное будущее, поскольку аттрактором не может быть структура, совершенно чуждая данной системе. Стало быть, аттрактор есть структура, присущая самой системе (по сути, ее собственный элемент), которая способна проявить системообразующие свойства спустя время и в соответствующих условиях. Например, будущий возможный ребенок в брачных отношениях женщины и мужчины оказывает обратнoактивное влияние на процесс формирования семьи, становясь все более и более системообразующим фактором. Данная возможная структура-аттрактор в конкурентной борьбе «подчиняет» себе другие подобные структуры, «притягивая» тем самым множество возможных траекторий дальнейшей эволюции системы. Следуя известной «парадигме лазера» Г. Хакена, параметры порядка управляются принципом подчинения [13, с. 24], т.е. выстраиваются в определенную иерархическую структуру, где один уровень (параметр порядка или структура-аттрактор) подчиняется другому уровню (параметру порядка или структуре-аттрактору). Так, в эволюции гоминидов структуры-аттракторы, или параметры порядка, содержащие возможности социально-разумного поведения, следуя «принципу подчинения» Г. Хакена, сформировали прогрессивную ветвь, выведшую антропогенез на уровень человека разумного. Эволюция животных видов всегда делала «ставку» на мутантов, правда, не всегда при этом «выигрывала». Однако следует отличать понятия аттрактор и суператтрактор, локальное от глобального. Очевидно, что действие «дарвиновского» естественного отбора никак не могло бы привести к появлению в рамках эволюции человекообразных обезьян особой структуры-аттрактора *homo sapiens* без изменения самих факторов отбора посредством суперотбора. Должны были возникнуть новые факторы отбора с повышенным «вниманием к мелочам», к индивидуальности, к преобразованию инстинктивного поведения в систему «суррогатов», т.е. искусственных вариантов инстинктивного поведения, к созданию новых механизмов наследования в виде культурной преемственности. В рамках тезауруса возможностей определенного вида антропоидов сформировался аттрактор *homo sapiens* наряду с другими конкурентными вариантами *homo*. Но если возможна «лестница аттракторов», то насколько далеко она уходит в будущее?

Естественный отбор совершается не столько на уровне особой и популяций, основных носителей наследственной изменчивости, сколько на микроуровне (геном). Отбор повсеместен, он есть механизм эволюции. Многие признают существование общих (универсальных) факторов отбора (Н.Моисеев, А.Урсул, А.Назаретян и др.). В них и посредством них проявляются специфические факторы отбора, которые отличают одну форму отбора, присущую одному уровню организации материального мира от другой. Мы применим оригинальную терминологию, введенную В.П. Бранским, а именно, универсальные факторы отбора – это тезаурус, детектор, селектор [2, с.501–507] и аттрактор (термин введен ранее в теории динамических систем, но широко используется в синергетике). Тезаурус отбора представляет собой спектр возможностей эволюции системы. Существенными оказываются возможности эволюции отдельных ее частей; они подготавливаются массой микромутаций.

Детектор – это фактор, представляющий собой внутреннее взаимодействие элементов открытой системы, на основании которого из тезауруса отбирается определенная бифуркационная структура. Роль детектора играет противоречивое единство конкуренции и кооперации элементов системы. Образ конкуренции разных элементов, формирующих детектор, представлен Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмовым так: «Мы рассматриваем динамику эволюции сложных нелинейных систем (открытых нелинейных сред), учитывая при этом действие двух факторов. С одной стороны, это – фактор, создающий неоднородности в сплошной среде (например, разность скоростей роста энтропии среди элементов системы. – С.Б.), аналог «работы нелинейных объемных источников» самого различного рода. <...> С другой стороны, это фактор, размывающий неоднородности в нелинейной системе (среде), аналог диссипации, диффузии самого разного рода. <...> Конкуренция между этими двумя факторами – действием нелинейных обратных связей и диссипативными, рассеивающими процессами – приводит к различным режимам развития процессов в нелинейных

системах (средах)» [5, с.56–57]. Можно также выразить означенную выше мысль посредством таких терминов, как единство факторов «убыстрения» и «замедления», «возбуждения» и «торможения» материальных процессов. Эти противоположные тенденции, хотя и разнoуровневые по способу проявления, взаимопроникают, взаимодополняют друг друга, поскольку составляют части целостного механизма отбора. Диссипативные процессы инициированы микроуровнем системы, поскольку хаос в самоорганизующейся системе распространяется с микроуровня, внося соответствующие изменения в характер функционирования целого. Напротив, фактор самовлияния представляет собой целостную реакцию системы на внешние (как, впрочем, и на внутренние тоже) воздействия, а потому является способом существования целого, который задает определенные рамки или границы меры для энергетического (количественного) поведения элементов микроуровня, возводя тем самым новые (качественные) уровни функционирования. Прежде всего, формирование таких границ меры есть реакция системы на действительный или возможный «перехлест» через эти границы процессов диссипации, идущих с микроуровня, что всякий раз приводит к неустойчивости и циклической смене состояний системы в целом. Так, индивиды, носители возбудителей туберкулеза, соблюдая условия здорового образа жизни, часто не переходят в стадию тяжелой болезни, поскольку создали определенные границы меры сосуществования своего организма с микроорганизмами-возбудителями болезни. Внутри этих границ меры диссипативные процессы не приводят организм к «точке невозврата», но стоит человеку «оступиться», принять не тот образ жизни, подорвав тем самым иммунитет, как энтропийные процессы, связанные с деятельностью бактерий, выходят за границы меры, что вызывает скачок в более опасную, «острую» стадию сосуществования организма и безвредных бактерий.

Селектор – это принцип (или способ) устойчивости, выявленный из взаимоотношений внутреннего взаимодействия элементов в системе с ее внешним взаимодействием со средой, на основании которого детектор «выбирает» из множества возможных бифуркационных структур наиболее устойчивую в данной среде структуру-аттрактор. Детектор производит отбор «неудачных» результатов и «удачных» – первые элиминируются, а оставшиеся («удачные») сохраняют значение в качестве «принципа устойчивости», на который детектор ориентируется. Таков эффект «обратной связи». Селектор в определенном смысле есть принцип минимакса (максимум полезного действия-отбора при минимуме диссипации). Если функция детектора выражена в виде процесса формирования «системы взаимодействия», то функция селектора связана с понятием отражения. Отражение есть результат взаимодействия материальных систем, в процессе которого свойства одной системы воспроизводят свойства другой системы, т.е. идет взаимообмен свойствами. Итак, формируется системное единство тезауруса, детектора и селектора, выраженное в способе отбора структур, наиболее устойчивых в данных условиях. Если эволюционирующая система неспособна находить и отражать такие структуры-аттракторы, то она погибает. Структура-аттрактор должна быть органична системе; она как бы «притягивает» (*atrahere* – лат., притягивать) к себе все множество возможных «траекторий» эволюции системы, определяемых различными начальными условиями, подчиняет их себе. «Приближение» к аттрактору есть способ воспроизводства системой самой себя через активизацию потенциала своей микроструктуры. Когда целое случайно, т.е. при соответствующих условиях, попадает в сферу влияния какой-либо своей части, которая «избирается» в качестве его аттрактора, то новая действительность целого черпается лишь из потенциала этой части, воспроизводит ее в качестве фрактала, тем самым, запуская механизм масштабной инвариантности.

Перечисленные выше факторы отбора – тезаурус, детектор, селектор и аттрактор – присущие как естественному отбору, так и социальному отбору – сами регулярно преобразуются и отбираются. При этом следует учитывать множество признаков, специфицирующих социальную самоорганизацию. Таков фактор свободного выбора, свойственный разумным существам, опирающийся на фундамент культуры, руководствующийся принципом минимакса; он проявляется в виде «проб и ошибок» при воспроизводстве общества (такая работа селектора и детектора периодически наполняет тезаурус новыми возможностями). Это система общественного производства, в рамках которой, собственно, и происходит социальная эволюция. В системе общественного воспроизводства осуществляется периодическое появление «нового» человека, «нового» общества и, вообще, любого нового общественного продукта.

В качестве предварительного резюме можно утверждать, что основанием универсальности человеческой истории является социальный отбор, в котором проявляются универсальные законы самоорганизации, но проявляются они специфическим образом в виде факторов

социального отбора, которые периодически преобразуются и отбираются. Чтобы отделить (пока чисто методологически) отбор от суперотбора, следует также рассмотреть отдельно локальный прогресс и глобальный, а потом, в свою очередь, локальный аттрактор и суператтрактор. И здесь встает вопрос не только в аспекте методологии, но и в аспекте онтологии, а именно, возможно ли определить понятие прогресса во всей его полноте без уяснения, что такое суперотбор и суператтрактор? В данном случае мы используем методологический принцип «сложное – ключ к простому», неоднократно применявшийся в истории философии, чтобы ответить на вопрос: возможен ли вообще прогресс материальных систем, если невозможны ни суперотбор, ни суператтрактор? Прогресс – это функция открытых систем, обладающих высоким уровнем сложности, источником которого служит суперотбор, а ориентиром – суператтрактор, как некий «потолок сложности» эволюции глобальной системы или некая асимптотическая точка логарифмической спирали, приближение к которой бесконечно. Формированием этой самой «точки» или «потолка сложности» глобальной системы занимается суперотбор. Специфика суперотбора применительно к социальной системе, которая есть часть глобальной системы, состоит, по мнению В.П. Бранского, в его действии через посредство «закона дифференциации и интеграции идеалов» [2, с.524–526]. Смысл этого закона заключается в постепенном формировании абсолютного, т.е. общечеловеческого, идеала, результатом реализации которого становится суператтрактор. Данный процесс отражает основную тенденцию в развитии общества, когда происходит «очень сложное и тонкое взаимодействие дифференциации и интеграции социальных институтов с дифференциацией и интеграцией социальных идеалов» [3, с.142–143]. Возможность движения к суператтрактору, хоть и минимальна, но вероятна, потому задачей исследователя, применяющего это понятие, является выработка приемлемой методологии, позволяющей обнаруживать реальное воздействие названного фактора социальной эволюции на ее ход.

Но тут как раз возникают новые неизбежные вопросы и проблемы. Процесс дифференциации и интеграции идеалов в общественной эволюции совершается в единстве с энергетическими процессами социальной самоорганизации, он представлен соотношением высших и низших уровней организации системы и определяется законами их взаимодействия. С одной стороны, ставить высшие уровни в линейную зависимость от низших, значит, вовсе не учитывать такой феномен человеческого существования и социальной эволюции как свободу. Прогресс свободы как раз и отражает нарастание сложности процессов социальной саморегуляции, их нелинейность и стохастичность, а процесс познания их все более приобретает форму вероятностного знания. С другой стороны, обратное активное воздействие идеалов, высших уровней деятельности человека на материальную жизнь, на действующие тенденции развития принимает все более регулятивный и направляющий характер. Отсюда следует, что мировая история может, как утверждает В.П. Бранский, рассматриваться нами как глобальное художественное творчество, где в роли творца выступает человечество, а в роли художественного произведения – весь преобразованный человеком мир [2, с.676], но в то же время нельзя не учитывать и того, что такое художественное произведение есть лишь форма, в содержании которой «действуют» законы объективного мира, которые отнюдь не являются продуктом творчества человека или сверхчеловека. Даже если суператтрактор существует, то научно говорить об его конкретной форме представляется пока занятием малопродуктивным. Другое дело – литература, живопись или музыка. Эти виды искусства как раз и существуют для того, чтобы говорить о сверхцели человечества и о смысле мировой истории. Движение человечества к суператтрактору, будь то «абсолютное художественное произведение» (Ф. Шеллинг), или «нетленный космос красоты» (В. Соловьев), или «ноосфера» (В. Вернадский), или «точка Омега» (Тейяр де Шарден), ставит в качестве ключевой проблему соотношения моделей социального отбора, где действуют свободный субъект, наделенный фантазией, с одной стороны, а, с другой стороны, естественный отбор, где роль фантазии или вымысла исчезающе мала. Как совместить эти две разноуровневые тенденции, говоря условно, «творчество человека» и «творчество природы»? Такую попытку предпринимали и предпринимают многие и, в частности, Гердер. «Форма органического строения, – писал он, – восходила от камня <...> к растениям, от растений к животным, от животных к человеку <...> все эти силы и влечения объединялись в облике человека, насколько он мог вместить их в себя» [4, с. 116].

Прогрессивная форма развития природы существует независимо от нашего к ней отношения, но поскольку в настоящее время человечество является ее «острием», то дальнейшее продвижение этого самого «острия» невозможно без сознательного приложения усилий со стороны человека. По Гегелю, прогресс совершается в сфере духа,

причем, исключительно в осознании им своей свободы. Очевидно, таким духом наделены люди в своих глобальных устремлениях. К такого рода устремлениям обращались мысли А. де Сен-Симона и О. Конта, говоривших о некоем всеобщем «законе прогресса». Действительно, идея прогресса имеет прочную религиозно-просветительскую основу. Согласно Р. Нисбету, «...между религией и понятием прогресса существует органическая связь» [6, с. 528]. «В современном дискурсе формируется гораздо более скромное представление о прогрессе как о всего лишь возможном, открытом, локальном и нелинейном», – читаем мы в Стэнфордской философской энциклопедии [10]. Но закончить хочется все же на оптимистической и утвердительной ноте. По мнению В.С. Степина, современные концепции самоорганизации позволяют устранить традиционный парадигмальный разрыв между эволюционной биологией и физикой, в частности, разрешить противоречие между теорией биологической эволюции и термодинамикой. Возникла потребность снять такой разрыв также между естественнонаучной и социальной синергетикой [9]. Закономерное усложнение первичных живых систем приводит к возникновению новых уровней универсальной эволюции – коэволюции организмов, экосистем и социумов, где разум выступает как принципиально новое качество самоорганизующихся систем, «играющая роль» суперотбора. Он способен к глубокому осмыслению пройденных этапов, как в эволюции Вселенной, так и истории общества, проводя работу над ошибками, как практическими, так и теоретическими, и, главное, способен предвидеть будущее, утверждая прогресс свободы человека и общества, следуя идеалу, в котором выражается смысл всей человеческой истории.

Литература

1. Аверьянов А.Н. Система: философская категория и реальность. М.: Мысль, 1976. 187 с.
2. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
3. Бранский В.П. Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб.: Политехника, 2004. 400 с.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетей, 2002.
6. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Пер. с англ., под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. М.: ИРИСЭН, 2007. 557 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. 432 с.
8. Синергетическая философия истории / Под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. Рязань: Копи-Принт, 2009. 314 с.
9. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма / Философские науки. № 4. 2013. С. 45–59.
10. Стэнфордская философская энциклопедия. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2ce29008-6978ed87-92bf-5d5e-74722d776562/https://plato.stanford.edu/entries/progress/ (дата обращения – 28.01.2025)
11. Хайтун С.Д. Развитие естественнонаучных взглядов о соотношении закона возрастания энтропии и эволюции / Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе. М.: Наука, 1994. 239 с.
12. Хайтун С.Д. Фундаментальная сущность эволюции // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 152–166.
13. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003, 320 с.
14. Черный Г.П. Глобалистика и футурология // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
15. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физика? М.: Атомиздат, 1972.
16. Югай Г.А. Общая теория жизни: диалектика формирования. М.: Мысль, 1985.

SOME ASPECTS OF THE SYNERGY ANALYSIS OF THE NOTION OF PROGRESS

Busov S.V.

St. Petersburg State University of Telecommunications after prof. M.A. Bonch – Bruyevich

The article formulates the problem of progress, based on philosophical ideas about development, as well as through the analysis of general scientific, in particular, synergistic and private scientific concepts that reveal contradictory forms of the evolutionary process, both in nature and in society. The author tried to find answers to the questions: is there a dominant direction in the historical process and how does the problem of historical progress relate to the problem of superselection and superattractor? The analysis is carried out from the standpoint of I. Prigogin's non-equilibrium thermodynamics and G. Haken's

synergetics, as well as the concept of a synergistic philosophy of history (V.P. Bransky), the methodology of which is used in this article. In response to the questions posed, it is argued that the definition of "progress" should include the concepts of "superselection" and "superattractor."

Keywords: self-organization, progress, social selection, selection factors, superselection, superattractor.

References

1. Averyanov A.N. System: philosophical category and reality. M.: Thought, 1976. 187 pp.
2. Bransky V.P. Art and philosophy: The role of philosophy in the formation and perception of a work of art on the example of the history of painting. Kaliningrad: Amber Tale, 1999. 704 p.
3. Bransky V.P. Pozharsky S.D. Social synergy and acmeology. Theory of self-organization of the individual and society. St. Petersburg: Polytechnic, 2002.
4. Herder I.G. Ideas for the philosophy of human history. M., 1977.
5. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Grounds of synergetics. Modes with exacerbation, self-organization, tempomirs. – St. Petersburg: Aleteya, 2002.
6. Nisbet R. Progress: The Story of an Idea/Robert Nisbet; per. From English, ed. Yu. Kuznetsova and Gr. Sapova. M.: IRISEN, 2007. 557 p.
7. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos: A new dialogue between man and nature: Per. from English/General. ed. V.I. Arshinova, Yu.L. Klimontovich and Yu.V. Sachkova. – M.: Progress, 1986. 432 p.
8. Synergistic philosophy of history/ed. V.P. Bransky and S.D. Pozharsky. Ryazan: Copy-Print, 2009. 314 pp.
9. Stepin V.S. Types of scientific rationality and synergistic paradigm/Philosophical sciences. № 4. 2013. S. 45–59.
10. Stanford Philosophical Encyclopedia. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2ce29008-6978ed87-92bf5d5e-74722d776562/https://plato.stanford.edu/entries/progress/ (дата обращения – 28.01.2025)
11. Haitun S.D. Development of natural science views on the relationship between the law of increasing entropy and evolution/Concept of self-organization in historical retrospect. M.: Science, 1994. 239 p.
12. Haitun S.D. The fundamental essence of evolution//Questions of philosophy. 2001. № 2. P. 152–166.
13. Haken G. Nature mysteries. Synergetics: the doctrine of interaction. Moscow-Izhevsk: Institute of Computer Research, 2003, 320 p.
14. Cherny G.P. Globalistics and Futurology//Social Sciences and Modernity. 1998. № 3.
15. Schrödinger E. What is life from the point of view of a physicist? M.: Atomizdat, 1972.
16. Yugai G.A. General theory of life: dialectics of formation. M.: Mysl', 1985.

Эволюция трейлера от анонса к автономному артефакту: философско-антропологический анализ

Власенко Ольга Константиновна,

старший преподаватель «Высшей школы социальных и политических наук», Тихоокеанский государственный университет
E-mail: vlasenko-o@inbox.ru

В статье исследуется трансформация статуса кинематографического трейлера в цифровую эпоху. Трейлер прошел эволюционный путь от сугубо утилитарного инструмента маркетингового анонса до автономного культурного артефакта, обладающего собственной эстетической и смысловой целостностью. Методологическую основу работы составляют принципы философской антропологии, ориентированные на изучение изменений в способах восприятия, коммуникации и смыслопорождения современного человека (*Homo Videns*). В контексте философии медиа (М. Маклюэн, В. Флюссер) и теории рецептивной эстетики (Х.Р. Яусс) анализируется, как изменение медийной среды привело к сдвигу в рецепции трейлера: из «окна» в мир фильма он превратился в самодостаточный «мир». Автор выделяет ключевые стадии этой эволюции: 1) трейлер-аннотация; 2) трейлер-нарратив; 3) трейлер-симулякр; 4) трейлер-артефакт. Особое внимание уделяется феномену «автономизации», при которой трейлер, отрываясь от референтного текста (фильма), начинает существовать в поле интернет-культуры как независимый объект для интерпретации, меметического распространения и коллективного переживания. Делается вывод, что эволюция трейлера является ярким индикатором более общего антропологического тренда – фрагментации опыта, клипового сознания и стремления к имманентному потреблению культурных кодов без необходимости погружения в целостный мета-нарратив.

Ключевые слова: философская антропология, философия медиа, трейлер, кино, артефакт, симулякр, рецептивная эстетика, цифровая культура, автономия.

Введение

Кинематографический трейлер, возникший как сугубо прикладной элемент кинопроката, сегодня представляет собой сложный культурный феномен, требующий серьезного философского осмысления. Если изначально его функция сводилась к донесению информации о грядущей премьере и формированию базового интереса у аудитории, то в XXI веке, в условиях перенасыщенного медийного ландшафта, его роль кардинально изменилась. Трейлеры становятся объектом пристального анализа фанатов, порождают самостоятельные дискуссии, вдохновляют на создание фанатского контента и зачастую получают большую культурную значимость, чем фильмы, которые они репрезентируют [2, с. 95].

Научная новизна работы заключается в рассмотрении эволюции трейлера не в узких рамках киноведения или маркетинга, а как комплексного философско-антропологического феномена, в котором преломляются ключевые противоречия и тренды цифровой культуры.

Цель данной статьи – проанализировать эволюцию трейлера через призму философской антропологии, выявив, как изменения в технике и медиасреде отражают и формируют новые антропологические практики восприятия и смыслопорождения.

Гипотеза исследования заключается в том, что трейлер эволюционировал от статуса вторичного, зависимого анонса к статусу автономного артефакта, обладающего собственной онтологией в цифровой культуре.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Выделить и охарактеризовать ключевые исторические стадии эволюции трейлера.
2. Проанализировать феномен автономизации трейлера с позиций философии медиа (М. Маклюэн, В. Флюссер) и теории симулякра (Ж. Бодрийяр).
3. Показать, как трансформация трейлера коррелирует с изменениями в когнитивных и коммуникативных практиках современного человека.

Методология и теоретическая база

Методологическую основу работы составляют подходы философской антропологии, позволяющие рассматривать медийные формы как проекции фундаментальных человеческих способностей и потребностей [6, с. 45]. В качестве частных методов используются:

- Историко-генетический анализ для реконструкции этапов эволюции трейлера.
- Структурно-семиотический анализ для декомпозиции языка и кодов трейлера.
- Рецептивно-эстетический подход (Х.Р. Яусс), акцентирующий роль аудитории в конституировании смысла медиатекста [5, с. 38].

Теоретический каркас исследования опирается на:

1. Философию медиа М. Маклюэна, в частности, его тезис «the medium is the message», позволяющий рассматривать трейлер не просто как сообщение о фильме, но как самостоятельное медиа, формирующее особый опыт восприятия [3].
2. Концепцию симулякра Ж. Бодрийяра, которая применяется для анализа трейлеров, создающих гиперреальную версию фильма, зачастую более совершенную и привлекательную, чем сам исходный продукт [1].
3. Идеи В. Флюссера о технических образах и новой культуре диалога, где трейлер выступает как «диалогический вызов», порождающий бесконечные интерпретации в сетевом сообществе [4].
4. Концепцию *Homo Videns* Дж. Сартори, описывающую тип человека, чье мировосприятие в значительной степени формируется экранными образами [10].

Основная часть

От анонса к мини-нарративу: диахронический срез

Генезис трейлера как формата демонстрирует его изначально утилитарную, служебную природу. Первые опыты, такие как промо-ролик Нильса Гранлунда для мюзикла «Ищущие удовольствий» (1913), созданный из закулисных материалов, и последующие работы Уильяма Селига для

многосерийного проекта «Приключения Кэтлин» (1914), использовавшие клиффхэнгеры, выполняли функцию прямого информирования и анонса. Сам термин «трейлер» (англ. *trailer* – «прицеп») семиотически закрепляет этот вторичный статус, указывая на практику показа роликов после основного фильма. Институционализация производства трейлеров в рамках Национальной кинослужбы (NSS), начиная с 1919 года, окончательно оформила их как стандартизированный инструмент кинопрокатного маркетинга [9, с. 45].

Эволюция формата на протяжении большей части XX века может быть охарактеризована как переход от «трейлера-аннотации» к «трейлеру-нарративу». Ранние образцы (1950–1980-е гг.) были построены на жестком шаблоне: дидактический закадровый голос, перечисление актеров, демонстрация наиболее зрелищных, но зачастую нарративно не связанных сцен [9, с. 60]. Их онтологический статус был полностью зависим от фильма-референта; они выступали его сугубым анонсом, «службой».

Поворотной точкой в этой эволюции стал отказ от жестких нормативов, таких как кодекс Хейса, что расширило тематический и стилистический репертуар трейлеров. В 1960-е годы, с расцветом авторского кино, в языке трейлера появляются новые, более сложные приемы: нарушение хронологии, слом «четвертой стены», прямое обращение к зрителю, использование резких монтажных склеек и отвлеченного закадрового диалога [8, с. 58]. Ярким примером авторского жеста, стирающего границу между фильмом и его рекламой, стал трейлер Альфреда Хичкока к «Психо» (1960), где режиссер лично проводит зрителя по локациям фильма, превращая анонс в самостоятельное перформативное высказывание.

Этот период знаменует становление «трейлера-нарратива», который обретает собственную драматургию. Он не просто информирует, но выстраивает сжатую сюжетную дугу, намечающую ключевые конфликты и эмоциональные акценты полнометражного произведения. В трейлере к фильму «Выпускник» (1967) акцент смещен с простого пересказа событий на демонстрацию трансформации героя через призму сложных межличностных отношений, что создаёт миниатюру с полнымценным эмоциональным напряжением.

Важным социо-экономическим фактором, повлиявшим на эволюцию формата, стала смена модели кинопроката. Массовый одновременный релиз «Челюстей» (1975) в сотнях кинотеатров потребовал создания трейлеров, способных мгновенно захватить внимание массовой аудитории без опоры на постепенное «слово с площадки». Это стимулировало развитие более универсальных и мощных нарративных и эмоциональных криччюков.

К 1990-м годам процесс нарративизации и стандартизации трейлера достигает зрелости. Формат окончательно кристаллизуется в систему жанровых шаблонов: динамичный монтаж и лаконичные фразы-слоганы для боевиков, плавная визуальная эстетика и романтическая музыка для мелодрам, концентрация на комических эпизодах для комедий. Визуальный ряд и его темпоритм становятся ключевыми средствами кодирования жанра и формирования конкретных зрительских ожиданий [2, с. 95]. Этот этап подготовил почву для следующего витка эволюции в цифровую эру, где технические возможности компьютерной графики и спецэффектов открывают новые горизонты для сторителлинга и окончательной автономизации формата

Цифровая эра: рождение симулякра и автономного артефакта

Настоящий перелом наступает с распространением интернета и платформ типа YouTube. Скорость распространения, доступность и возможность бесконечного повторного просмотра радикально меняют рецепцию. Трейлер становится объектом коллективного скрупулезного анализа. Кадр-за-кадром, фанаты ищут спойлеры, скрытые смыслы, отсылки к другим произведениям. В этот момент происходит важнейший сдвиг: трейлер начинает жить своей жизнью в культурном поле, часто независимо от фильма [8, с. 32].

Возникает феномен «трейлера-симулякра». Он больше не просто отсылает к реальности (фильму), а создает свою собственную, гиперреальную версию [1, с. 125]. Ярчайшие примеры – трейлеры фильма жанра «хоррор», где монтаж и звуковой дизайн создают атмосферу ужаса, которой может не быть в самом фильме; или трейлеры комедий, собирающие все самые смешные моменты в трехминутный ролик, после просмотра которого необходимость смотреть полную версию отпадает. Трейлер становится «симулякрам третьего порядка» – копией без оригинала, замещающей собой реальность фильма [1, с. 34].

Следующая стадия – «трейлер-артефакт». Это трейлер, который ценен сам по себе. Его культурный резонанс может многократно превосходить резонанс фильма. Например, трейлер к фильму «Ведьма» (The Witch, 2015) был высоко оценен за свой уникальный визуальный

стиль и атмосферу, став эталоном для последующих проектов. Трейлеры Кристофера Нолана или сериала «Ходячие мертвецы» становятся событиями, по поводу которых генерируются новостные поводы, реакции (reaction videos) и аналитические статьи. Они функционируют как самостоятельные культурные единицы, встроенные в экономику внимания и мемоветику интернета [11, с. 104].

Философско-антропологическое измерение: Homo Videns и фрагментация опыта

Эволюция трейлера является не просто маркетинговой стратегией, но отражением глубинных изменений в антропологической практике. Концепция Homo Videns Джованни Сартори описывает субъекта, чье когнитивное и коммуникативное поле конституируется преимущественно экранными образами [10, с. 78]. Современный человек – Homo Videns – ориентирован на визуальное, клиповое восприятие информации. Трейлер как форма идеально соответствует этим когнитивным установкам: он предлагает концентрированный эмоциональный и смысловый заряд в сжатые сроки.

Автономизация трейлера свидетельствует о фрагментации культурного опыта. Целостное погружение в двухчасовой нарратив все чаще замещается потреблением ключевых смысловых и эмоциональных «пиков», которые и представлены в трейлере [7, р. 10]. Человек получает возможность имплементировать эти «пики» в свой цифровой обиход – делиться ими, обсуждать, использовать как мемы – без необходимости инвестирования времени в полную версию. Таким образом, трейлер-артефакт удовлетворяет ключевую потребность Homo Videns в симультанном получении культурного капитала – быстром, социально интегрируемом и не требующем длительных временных инвестиций, что окончательно смещает фокус с онтологии целостного произведения на прагматику его циркулирующих и самодостаточных фрагментов. Этот процесс знаменует переход от логики репрезентации (трейлер как отсылка к фильму) к логике презентации (трейлер как самоценное событие), что является фундаментальной характеристикой культуры симулякра в эпоху цифровых медиа.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что эволюция кинематографического трейлера от инструментария анонса к статусу автономного артефакта является репрезентативным процессом для понимания трансформаций современной культуры и самого человека.

Трейлер прошел путь от вторичного приложения к фильму до самостоятельного медиатекста, обладающего эстетической, семиотической и коммуникативной автономией. Через призму философии медиа и антропологии было показано, что эта эволюция обусловлена:

1. Изменением медийной среды (цифровизация, платформатизация).
2. Генезисом новых рецептивных практик (аналитический, коллективный просмотр).
3. Антропологическим сдвигом в сторону клипового сознания и фрагментированного опыта (Homo Videns).

Феномен трейлера-артефакта демонстрирует, как в цифровую эпоху форма сообщения начинает превалировать над его исходным содержанием, а культурный объект, отрываясь от своего референта, обретает самостоятельную жизнь в поле коллективного смыслопроизведения. Дальнейшее исследование данной темы может быть связано с сравнительным кросс-культурным анализом трейлеров, который позволит выявить, как национальные культурные коды, нарративные традиции и зрительские ожидания влияют на стратегии их автономизации. Особый интерес представляет сопоставление специфики трейлеров из ключевых кинематографических регионов, таких как США, как центра глобальной индустрии, Япония с ее сильными национальными традициями и эстетикой, и Россия, где происходит гибридизация глобальных форматов и локального контекста. Подобное сравнение позволит не только верифицировать выявленные антропологические тренды на разнородном материале, но и определить степень универсальности феномена «трейлера-артефакта» в цифровой культуре.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
2. Дьяченко И.В. Социологические исследования: социокультурный анализ рекламы кино // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3. Т. 4. С. 92–97.
3. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2003. 464 с.

4. Флюссер В. За философию фотографии / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 146 с.
5. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
6. Grimshaw A., Ravetz A. Visualizing anthropology. Bristol, 2005 167 p.
7. Gray J. Show Sold Separately: Promos, Spoilers, and Other Media Paratexts. NYU Press, 2010. 248 p.
8. Johnston K.M. Coming Soon: Trailers and the Selling of Film Technology. University of Texas Press, 2019.
9. Kernan L. Coming Soon: Film Trailers and the Selling of Hollywood Technology. Jefferson, NC: McFarland & Company, 2004. 272 p.
10. Sartori G. Homo Videns: Televisione e post-pensiero. Roma: Laterza, 1998. 166 p.
11. Thomas H. Davenport, John C. Beck The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business. Harvard Business Press, 2001. 255 p.

THE EVOLUTION OF THE TRAILER FROM ANNOUNCEMENT TO AUTONOMOUS ARTIFACT: A PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

Vlasenko O.K.

Pacific State University

The article examines the transformation of the status of the cinematic trailer in the digital age. The starting point is the thesis that the trailer has evolved from a purely utilitarian tool of marketing announcement to an autonomous cultural artifact with its own aesthetic and semantic integrity. The methodological basis of the work is the principles of philosophical anthropology, focused on the study of changes in the ways of perception, communication, and meaning-making of modern humans (*Homo Videns*). In the context of the philosophy of media (M. McLuhan, V. Flusser) and the theory of receptive aesthetics (H.R. Jauss), it is analyzed how the change in the media environment has led to a shift in the reception of the trailer: from a “window” into the world of the film, it has turned into a self-suffi-

cient “world”. The author identifies the key stages of this evolution: 1) trailer-annotation; 2) trailer-narrative; 3) trailer-simulacrum; 4) trailer-artifact. Special attention is paid to the phenomenon of “autonomization”, in which the trailer, breaking away from the referential text (the film), begins to exist in the field of Internet culture as an independent object for interpretation, memetic distribution, and collective experience. It is concluded that the evolution of the trailer is a clear indicator of a more general anthropological trend – the fragmentation of experience, clip thinking, and the desire for immanent consumption of cultural codes without the need to immerse oneself in a holistic meta-narrative.

Keywords: philosophical anthropology, philosophy of media, trailer, cinema, artifact, simulacrum, receptive aesthetics, digital culture, autonomy.

References

1. Baudrillard, Jean. Simulacra and Simulation / Trans. from French by A. Kachalov. – Moscow: POSTUM, 2015. – 240 p. (In Russian).
2. D'yachenko, I.V. Sociological research: sociocultural analysis of film advertising. Bulletin of Vyatka State University of Humanities. 2009. No. 3. Vol. 4. Pp. 92–97. (In Russian).
3. McLuhan, Marshall. Understanding Media: The Extensions of Man / Trans. from English by V.G. Nikolaev. – Moscow: Kuchkovo pole, 2003. – 464 p. (In Russian).
4. Flusser, Vilém. Towards a Philosophy of Photography / Trans. from German by G. Khaydarova. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2008. – 146 p. (In Russian).
5. Jauss, Hans Robert. History of Literature as a Provocation to Literary Scholarship. Novoe Literaturnoe Obozrenie. 1995. No. 12. Pp. 34–84. (In Russian).
6. Grimshaw, Anna and Amanda Ravetz. Visualizing Anthropology. – Bristol, 2005. – 167 p.
7. Gray, Jonathan. Show Sold Separately: Promos, Spoilers, and Other Media Paratexts. – New York: NYU Press, 2010. – 248 p.
8. Johnston, Keith M. Coming Soon: Trailers and the Selling of Film Technology. – Austin: University of Texas Press, 2019.
9. Kernan, Lisa. Coming Soon: Film Trailers and the Selling of Hollywood Technology. – Jefferson, NC: McFarland & Company, 2004. – 272 p.
10. Sartori, Giovanni. Homo Videns: Televisione e post-pensiero. – Roma: Laterza, 1998. – 166 p.
11. Davenport, Thomas H. and John C. Beck. The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business. – Boston: Harvard Business Press, 2001. – 255 p.

Воскресенский Алексей Александрович, кандидат философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии и истории философии, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
E-mail: voscres@gmail.com

Статья посвящена исследованию ключевых векторов развития современной философии образования в контексте postanтропологического поворота. Анализируются основные позиции и эпистемологические программы, формирующиеся в рамках данного направления, оценивается их эвристический потенциал для переосмысления образовательных парадигм. В фокусе внимания находятся такие концепты, как иммерсивность образовательной среды, принципы акторно-сетевой теории (ANT) и проблема распределенной агентности, которые рассматриваются как основа для преодоления классического антропоцентризма в педагогике. Особое внимание уделяется перспективам и границам гуманистической педагогики в новой, постчеловеческой оптике. Делается вывод о том, что postanтропологический подход позволяет переформулировать цели образования, смещая акцент с индивидуального усвоения знаний на проектирование гибридных сетей взаимодействия человека, технологий и материальных объектов, где обучение понимается как процесс со-творчества и постоянной трансформации.

Ключевые слова: postanтропологический поворот, философия образования, иммерсивность, акторно-сетевая теория (ANT), распределенная агентность, постчеловеческая педагогика, гуманистическая педагогика, эпистемология образования.

Современная философия образования в первые десятилетия XXI века переживает состояние, которое все чаще осмысливается не как локальная модернизация педагогических техник, а как фундаментальная перестройка тех антропологических и эпистемологических оснований, на которых исторически держалась сама образовательная рациональность. На протяжении столетий западная образовательная традиция выстраивалась в режиме антропоцентрической парадигмы, в которой человек мыслится центральным субъектом познания и преобразования мира, а образование – как институционально организованная практика «производства человека» посредством формирования разума, автономии и моральной ответственности [6, С. 5, 27].

Однако глобальные вызовы XXI века – экологический кризис, ускорение технаучного развития, включение искусственного интеллекта в инфраструктуру знания и управления, а также углубляющееся понимание взаимозависимости различных форм жизни и материальных сред – требуют радикального пересмотра самого вопроса о месте человека в мире и, следовательно, о целях и методах образования. В этом отношении postanтропологический поворот в философии образования может быть понят как попытка выйти за пределы традиционного гуманизма и антропоцентризма, признавая множественность акторов образовательного процесса – человеческих и нечеловеческих, биологических и технологических, природных и артефактных [36, 30, 22]. Как подчеркивается в исследованиях постгуманистической педагогики, речь идет не об «отрицании человеческого», но о его переопределении в горизонте более широких экологических и техносоциальных отношений [37, 38].

Целью настоящей статьи является анализ трансформации философско-антропологических оснований современного образования и выявление основных стратегий postanтропологического подхода в педагогике.

Классическая философия образования основывалась на представлении о человеке как существе разумном, обладающем привилегированной способностью к познанию, рефлексии и самосовершенствованию. В исторической перспективе этот образ поддерживается как античной пайдейей, так и новоевропейской установкой на метод и достоверность, где познание связывается с привилегией мыслящего субъекта и процедурой рационального обоснования [5, 20]. Именно картезианская матрица, задавшая дуализм мыслящего и протяженного, в значительной степени оформила педагогическую «архитектуру» модерна: обучение стало мыслиться как преимущественно когнитивная работа, а тело и материальная среда – как вторичные или обслуживающие элементы образовательного события [5, 20].

В Новое время антропоцентрическая парадигма образования получает нормативное обоснование в философии Просвещения. Кантовский тезис о том, что человек становится человеком через воспитание, фиксирует ключевую для классики связь: образование как механизм реализации специфически человеческого потенциала и как условие моральной автономии [6, 27]. Гумбольдтовская идея университета и пределов государственного вмешательства, в свою очередь, подчеркивает внутреннюю связь образования, науки и формирования личности как основания свободы [4, 26].

В XX веке экзистенциальная и персоналистская педагогика развивает эти линии, делая акцент на уникальности человеческого существования и диалогичности образовательного отношения: становление личности разворачивается как событие встречи, в которой «Я» и «Ты» образуют пространство взаимного признания [10, 19].

Вместе с тем критика классического антропоцентризма во второй половине XX века приобретает методологическую остроту. Фуко показал историческую обусловленность самого концепта «человека» как фигуры эпистемы, способной исчезнуть вместе с режимом знания, который ее произвел [8, 21]. Это означает, что философия образования вынуждена поставить вопрос не только о целях обучения, но и о том, **какого рода субъект** конституируется образовательными практиками, и какие формы власти и нормализации скрыты в претензии на универсальность.

Постантропологический подход в образовании складывается на пересечении нескольких исследовательских программ, которые объединяет общий импульс: смещение фокуса с автономного человеческого субъекта к реляционным сборкам, сетям и переплетениям,

в которых знание и субъектность возникают как эффект взаимодействия множества сил и акторов.

- Во-первых, это постгуманизм как критика классической гуманистической метафизики субъекта. В постгуманистической перспективе антропология перестает быть антропологией «в традиционном смысле», поскольку человек больше не может быть единственной точкой отсчета и мерой культурного и социального [2, 41, 40]. Работы Р. Брайдотти задают здесь важный нормативно-философский горизонт: постчеловек мыслится не как фантастическая замена человека, а как концепт, который позволяет описывать реальные процессы гибридации и смещения границ человеческого, технического и природного, а также соответствующие этические и образовательные следствия [12, 16, 17].
 - Во-вторых, существенный вклад в постантропологическое мышление внесла акторно-сетевая теория, предложившая рассматривать социальное как результат «перевода» и сборки гетерогенных элементов. В рамках ANT агентность распределяется между людьми, вещами, технологиями, документами, институтами; «общество» перестает быть только человеческой реальностью и понимается как эффект сетевых конфигураций [9, 7, 29, 30, 23]. Классические тексты о социологии перевода и методологическом «после» особенно важны для образовательных исследований, поскольку позволяют мыслить педагогические практики как сборки, где учебный материал, платформы, классы, тела, расписания, оценивание и инфраструктуры выступают не фоном, а активными участниками производства знания [24, 18].
 - В-третьих, развитие новых материализмов и онтологий вещи/материи радикализирует вопрос о нечеловеческом. Концепции агентности материи и «вибрирующей» вещиности позволяют описывать материальную среду как деятельный компонент образовательного процесса, а не как нейтральный контейнер для человеческих действий [15]. Сходным образом, теория агентализма реализма К. Барад перепределяет отношение между материей и смыслом, показывая их взаимную со-порождаемость и принципиальную «вовлеченность» наблюдателя/исследователя в производимое знание [14]. Для философии образования это означает: знание не просто передается; оно возникает в конкретных материально-дискурсивных практиках, где граница между субъектом и объектом не предзадана, а производится [14].
 - В-четвертых, постантропологическая перспектива усиливается экологической философией и дискуссиями о планетарности. В линиях, связанных с глубинной экологией, подчеркивается необходимость перехода от антропоцентрической к экосистемной этике [11, 35]. Современные экологические онтологии (включая анализ «гиперобъектов» и экологического мышления) фиксируют невозможность внешней позиции наблюдателя: мы всегда уже включены в сеть взаимозависимостей [25, 34]. В этом контексте важны и поздние работы Латура, где переосмысливается сама сцена модерна через «Гайю» и новый климатический режим, что неизбежно возвращает образовательную проблематику к вопросам ответственности и способов описания реальности [22].
 - Наконец, в-пятых, в российской традиции особое значение имеют космизм и ноосферная перспектива. Вернадский, говоря о научной мысли как планетном явлении и о человеке как геологической силе, фактически предвосхищает современный язык антропоцена и связанный с ним вопрос об образовательной ответственности [1, 39]. Циолковский в космической философии также расширяет горизонт антропологии до планетарно-космического масштаба, задавая предпосылки для выхода за рамки узкого гуманистического «микромира» [11].
- Фундаментальным принципом постантропологического подхода является отказ от представления о человеке как венце творения и единственном центре смыслополагания. Критический постгуманизм отвергает гуманистический универсализм в его исключительном варианте и предлагает реляционную онтологию, в которой человек конституируется множественными связями с другими формами жизни, с вещами и технологическими средами [12, 16, 40]. В образовательном контексте это означает переход от модели, где весь мир существует как ресурс для «развития личности», к признанию множественности субъектов и форм опыта. Педагогика, ориентированная на постантропологическую чувствительность, вынуждена заново поставить вопрос: кто и что может быть субъектом обучения и носителем знания – и где пролегают границы этого «может» [37, 38]. В логике ANT технологии и материальные объекты перестают быть простыми инструментами: они участвуют в сборке социального и образовательного, распределяя агентность и перенастраивая практики познания [29, 30, 23, 24]. Следовательно, цифровые платформы, алгоритмы, интерфейсы, системы оценивания и управления данными выступают не только средствами, но и активными участниками конституирования образовательной реальности. Отсюда вытекает задача критического осмысления:

образование должно развивать способность видеть, каким образом социотехнические системы формируют внимание, память, критерии значимости, траектории успеха и исключения – то есть фактически производят новые режимы субъектности [18, 24].

Постантропологическое образование интегрирует экологическое сознание не как «частный» модуль, а как способ перестройки самой картины мира: человек мыслится частью сложной взаимосвязанной сети, где нет привилегированной точки наблюдения [34, 25]. Экологическая философия (включая глубокую экологию) ставит вопрос о ценности всех форм жизни и необходимости переопределения этики образования в сторону экосистемности [35, 11]. В российском контексте ноосферная перспектива позволяет удерживать двойственность положения человека: с одной стороны, человек – фактор планетарного масштаба; с другой – он не владыка и не внешний управляющий, а включенная сила, несущая ответственность за последствия собственной деятельности [1, 39].

В этом смысле, постантропологический подход расширяет эпистемологический горизонт, признавая множественность форм знания – не только дисциплинарных, но и практических, телесных, локальных, средовых. Важно, что сама идея «знания» перестает быть исключительно человеческим когнитивным продуктом и начинает рассматриваться как результат материально-дискурсивных практик и переплетений, где участвуют вещи, среды, технологии, виды и инфраструктуры [14, 15, 30].

Исходя из этого, можно выделить следующие **методологические стратегии постантропологического образования**.

1. Меж- и трансдисциплинарность как следствие сложности.

Постантропологическое образование требует преодоления дисциплинарных границ, поскольку «реальные» проблемы – климатические трансформации, биоэтика, алгоритмическое управление, техносоциальные неравенства – представляют собой гибриды, которые не удаётся описать языком одной науки. Здесь методологические установки ANT и «после-метода» оказываются особенно продуктивными: они фиксируют продуктивность множественности и допускают исследовательскую сборку как принцип работы со сложностью [30, 24].

2. Иммерсивность, телесность, материальность образовательного события.

Если классическая педагогика наследует картезианскую оптику, в которой тело и материальность маргинализируются [5, 20], то постантропологическая педагогика, напротив, стремится вернуть телесно-чувственный и средовой аспект обучения, рассматривая познание как практику включенности в мир. В рамках новых материализмов и агентализма знание понимается как событие взаимодействия, где смысл и материя сопроизводятся [14, 15].

3. Критическая технологическая грамотность.

Признание агентности технологий делает критическую технологическую грамотность не факультативом, а условием автономии. В противном случае образовательный субъект оказывается «собранным» внешними инфраструктурами, которые он не способен описать и, следовательно, не способен критически контролировать. Постантропологический подход предлагает здесь не отказ от технологий, а рефлексивное включение их в образовательную практику как со-акторов, чья роль подлежит анализу [30, 24, 37].

4. Нарративные и спекулятивные методы.

Нарративные и спекулятивные практики становятся способом развертывания альтернативных онтологий и форм совместного существования. В этом отношении особенно значимы работы Д. Харауэй, где storytelling выступает не жанровой «украшательностью», а методом формирования новых связей (making kin) и новых образовательных чувствительностей в условиях «поврежденной планеты» [32, 31, 28]. Спекулятивность здесь не отменяет научности, но расширяет ее, позволяя «потренировать» мышление в режимах, где человек не обладает монополией на смысл и агентность.

Постантропологические интуиции уже присутствуют в ряде практик – от экологически ориентированных образовательных программ до STEAM-форматов и художественно-научных лабораторий. Однако принципиально важно подчеркнуть: дело не в перечислении кейсов как «инноваций», а в том, что они демонстрируют смену образовательной онтологии – переход от педагогики передачи к педагогике сборки, от автономного субъекта к субъектсети [30, 24, 29]. В этом отношении значима и линия исследований, посвященных постгуманистическим методологиям в образовании, где фиксируется необходимость перестройки исследовательских и педагогических практик под новую реляционную картину мира [37, 38].

Ключевое возражение против постантропологического подхода связано с опасением, что отказ от антропоцентризма может привести к размыванию гуманистических оснований образования – достоинства личности, свободы и ответственности. Эта тревога усиливается на фо-

не технологизации, когда человек действительно рискует быть редуцирован до ресурса системы. В философском плане это пересекается с хайдеггеровской критикой техники как способа «поставляющего» отношения к сущему, в котором все – включая человека – превращается в запас для использования [25]. Вместе с тем критический постгуманизм настаивает: речь идет не о девальвации человека, а о критике исключяющего гуманизма и о расширении горизонта ответственности – как этической, так и образовательной [16, 17, 40]. Постантропологическое образование требует перестройки инфраструктур, подготовки педагогов, учебных материалов и – что особенно важно – критериев оценивания. Традиционная система стандартизированных измерений плохо совместима с реляционной онтологией и множественностью акторов, где образовательный результат часто не редуцируется к линейной метрике. В этом смысле постантропологическая педагогика неизбежно вступает в конфликт с управленческими режимами, ориентированными на контроль и предсказуемость.

Нетрудно заметить существование риска того, что постантропологические практики окажутся преимущественно привилегией ресурсных образовательных сред, где доступна технологическая инфраструктура, междисциплинарные команды и проектная организация обучения. Тогда постантропологический дискурс может непреднамеренно усилить неравенства, превратившись в «витрину инноваций», а не в механизм расширения образовательных возможностей. Признание агентности нечеловеческих акторов, технологий и сред поднимает сложные вопросы морального статуса ИИ, этики обращения с животными в образовательном процессе и баланса интересов различных форм жизни и инфраструктур. Экологическая философия и постгуманизм в целом подталкивают к расширению морального горизонта, однако конкретные нормативные рамки здесь требуют дальнейшей разработки [35, 34, 16].

Подводя итоги, необходимо отметить, что постантропологический поворот в философии образования является ответом на фундаментальные вызовы современности. В эпоху антропоцена и «нового климатического режима» образование не может оставаться в рамках классической антропоцентрической парадигмы, поскольку сама сцена человеческого существования оказывается переписанной – экологически, технологически, онтологически [22, 34, 39]. Постантропологическое образование предлагает видение, в котором человек понимается не как изолированный субъект, противопоставленный миру объектов, а как узел в сети взаимоотношений с другими людьми, видами, технологиями и материальными средами [30, 24, 14]. Это требует педагогических практик, основанных на принципах взаимосвязанности, множественности перспектив, экологической осознанности и критического отношения к технологиям.

Вместе с тем постантропологическая педагогика не должна превращаться в простой жест отказа от гуманистического наследия. Ее продуктивность – в способности удерживать напряжение между признанием человеческой уникальности и пониманием нашей фундаментальной включенности в «более чем человеческий» мир; между требованиями автономии и фактом сетевой обусловленности; между достоинством личности и необходимостью планетарной ответственности [16, 1, 22].

Литература

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
2. Вульф К. Антропология: История, культура, философия. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 512 с.
3. Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ, 2000. 456 с.
4. Гумбольдт В. фон. О границах государственной деятельности. М.: Канон+, 2003. 256 с.
5. Декарт Р. Размышления о первой философии. М.: Мысль, 1994. 286 с.
6. Кант И. О педагогике. СПб.: Азбука, 2002. 192 с.
7. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 407 с.
9. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание гребешков и рыбаков залива Сен-Брие // Социология вещей / Под ред. Вахштайна В.С. М.: Территория будущего, 2006. С. 135–172.
10. Бубер М. Я и Ты. М.: Республика, 1995. 240 с.
11. Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Сфера, 2000. 352 с.
12. Вольф К. Что такое постгуманизм? М.: Прогресс-Традиция, 2018. 420 с.

13. Харауэй Д. Манифест киборга. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.
14. Barad, K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham: Duke University Press, 2007. 544 p.
15. Bennett, J. Vibrant Matter: A Political Ecology of Things. Durham: Duke University Press, 2010. 200 p.
16. Braidotti, R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.
17. Braidotti, R. Posthuman Knowledge. Cambridge: Polity Press, 2019. 200 p.
18. Buber, M. I and Thou. New York: Scribner, 1958. 137 p.
19. Callon, M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / Ed. by J. Law. London: Routledge, 1986. P. 196–223.
20. Descartes, R. Meditations on First Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 145 p.
21. Foucault, M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. London: Routledge, 2002. 422 p.
22. Haraway, D. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. 287 p.
23. Haraway, D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene. Durham: Duke University Press, 2016. 312 p.
24. Haraway, D. When Species Meet. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 423 p.
25. Hegel, G.W.F. Phenomenology of Spirit. Oxford: Oxford University Press, 1977. 595 p.
26. Heidegger, M. The Question Concerning Technology and Other Essays. New York: Harper & Row, 1977. 182 p.
27. Humboldt, W. von. The Limits of State Action. Indianapolis: Liberty Fund, 1993. 205 p.
28. Kant, I. On Education / Trans. by A. Churton. Boston: D.C. Heath, 1900. 121 p.
29. Latour, B. We Have Never Been Modern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 157 p.
30. Latour, B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.
31. Latour, B. Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime. Cambridge: Polity Press, 2017. 300 p.
32. Law, J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004. 188 p.
33. Morton, T. The Ecological Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 130 p.
34. Morton, T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 229 p.
35. Naess, A. The Shallow and the Deep, Long-Range Ecology Movement: A Summary // Inquiry. 1973. Vol. 16. No. 1–4. P. 95–100.
36. Snaza, N., Weaver, J.A. (Eds.). Posthumanism and Educational Research. New York: Routledge, 2015. 226 p.
37. Taylor, C.A., Hughes, C. (Eds.). Posthuman Research Practices in Education. London: Palgrave Macmillan, 2016. 310 p.
38. Tsing, A. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins. Princeton: Princeton University Press, 2015. 331 p.
39. Vernadsky, V.I. The Biosphere. New York: Copernicus, 1998. 192 p.
40. Wolfe, C. What is Posthumanism? Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. 390 p.
41. Wulf, C. Anthropology: A Continental Perspective. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 376 p.

THE POST-ANTHROPOLOGICAL TURN IN MODERN PHILOSOPHY OF EDUCATION

Voskresensky A.A.

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

The article examines the key vectors in the development of contemporary philosophy of education within the context of the post-anthropocentric turn. The author analyzes the main positions and epistemological programs emerging within this paradigm and evaluates their heuristic potential for rethinking educational frameworks. The focus is on such concepts as the immersiveness of the educational environment, the principles of Actor-Network Theory (ANT), and the problem of distributed agency, which are considered as the basis for overcoming classical anthropocentrism in pedagogy. Special attention is paid to the prospects and limitations of humanistic pedagogy viewed through a new, posthuman lens. The conclusion is drawn that the post-anthropocentric approach allows for a reformulation of educational goals, shifting the focus from individual knowledge acquisition to the design of hybrid networks of interaction between humans, technologies, and material objects, where learning is understood as a process of co-creation and constant transformation.

Keywords: post-anthropocentric turn, philosophy of education, immersiveness, Actor-Network Theory (ANT), distributed agency, posthuman pedagogy, humanistic pedagogy, epistemology of education.

References

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
2. Вульф К. Антропология: История, культура, философия. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 512 с.
3. Гайденок П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ, 2000. 456 с.
4. Гумбольдт В. фон. О границах государственной деятельности. М.: Канон+, 2003. 256 с.
5. Декарт Р. Размышления о первой философии. М.: Мысль, 1994. 286 с.
6. Кант И. О педагогике. СПб.: Азбука, 2002. 192 с.
7. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994. 407 с.
9. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание гребешков и рыбаков залива Сен-Брие // Социология вещей / Под ред. Вахштайна В.С. М.: Территория будущего, 2006. С. 135–172.
10. Бубер М. Я и Ты. М.: Республика, 1995. 240 с.
11. Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Сфера, 2000. 352 с.
12. Вольф К. Что такое постгуманизм? М.: Прогресс-Традиция, 2018. 420 с.
13. Харауэй Д. Манифест киборга. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.
14. Barad, K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham: Duke University Press, 2007. 544 p.
15. Bennett, J. Vibrant Matter: A Political Ecology of Things. Durham: Duke University Press, 2010. 200 p.
16. Braidotti, R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.
17. Braidotti, R. Posthuman Knowledge. Cambridge: Polity Press, 2019. 200 p.
18. Buber, M. I and Thou. New York: Scribner, 1958. 137 p.
19. Callon, M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / Ed. by J. Law. London: Routledge, 1986. P. 196–223.
20. Descartes, R. Meditations on First Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 145 p.
21. Foucault, M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. London: Routledge, 2002. 422 p.
22. Haraway, D. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. 287 p.
23. Haraway, D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene. Durham: Duke University Press, 2016. 312 p.
24. Haraway, D. When Species Meet. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 423 p.
25. Hegel, G.W.F. Phenomenology of Spirit. Oxford: Oxford University Press, 1977. 595 p.
26. Heidegger, M. The Question Concerning Technology and Other Essays. New York: Harper & Row, 1977. 182 p.
27. Humboldt, W. von. The Limits of State Action. Indianapolis: Liberty Fund, 1993. 205 p.
28. Kant, I. On Education / Trans. by A. Churton. Boston: D.C. Heath, 1900. 121 p.
29. Latour, B. We Have Never Been Modern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 157 p.
30. Latour, B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.
31. Latour, B. Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime. Cambridge: Polity Press, 2017. 300 p.
32. Law, J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004. 188 p.
33. Morton, T. The Ecological Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 130 p.
34. Morton, T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 229 p.
35. Naess, A. The Shallow and the Deep, Long-Range Ecology Movement: A Summary // Inquiry. 1973. Vol. 16. No. 1–4. P. 95–100.
36. Snaza, N., Weaver, J.A. (Eds.). Posthumanism and Educational Research. New York: Routledge, 2015. 226 p.
37. Taylor, C.A., Hughes, C. (Eds.). Posthuman Research Practices in Education. London: Palgrave Macmillan, 2016. 310 p.
38. Tsing, A. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins. Princeton: Princeton University Press, 2015. 331 p.
39. Vernadsky, V.I. The Biosphere. New York: Copernicus, 1998. 192 p.
40. Wolfe, C. What is Posthumanism? Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. 390 p.
41. Wulf, C. Anthropology: A Continental Perspective. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 376 p.

Казиев Низами Эмирович,

кандидат философских наук, профессор, главный научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН)
E-mail: rcidnc@mail.ru

Магаррамов Магаррам Джабраилович,

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН)
E-mail: m.magarram@gmail.com

Магаррамов Магаррам Джабраилович,

профессор кафедры гражданского права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Велиев Омар Велиханович,

кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания ДГУ

Опираясь на диалектические принципы и подходы, эмпирические данные и теоретические обобщения предпринята попытка синкретичного рассмотрения материальных и идеальных основ, влияющих на формирование позитивного, здорового образа жизни российской молодежи в трансформирующемся обществе.

Опредмечивание указанных основ будет способствовать их сознательному учету в своей практической работе с молодежью работниками сферы образования и воспитания, властно-политических институтов и всех тех, кому не безразлична судьба российской молодежи в условиях трансформирующегося общества.

Ключевые слова: образ жизни российской молодежи, позитивный образ жизни, срезы анализа образа жизни российской молодежи, ДОУ, ученическая, студенческая молодежь, молодежь вооруженных сил РФ и др.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что будущее российского общества и государства во многом обусловлено состоянием образа жизни людей, проживающих в стране и одним из важных ее субъектов является российская молодежь. Следует подчеркнуть, что образ жизни российской молодежи в постсоветской России почти не подвергается сколько-нибудь серьезному научно-социологическому анализу, что является своеобразным изъяном, поскольку становление, развитие и совершенствование образа жизни подрастающего поколения предопределяет будущее страны, самочувствие ее молодых сограждан, требует от представителей научного сообщества учета как объективных, так и субъективных детерминант, обуславливающих сущность и содержание образа жизни. Проведение такой работы будет одной из первых попыток синкретичного учета явлений материального и идеального порядка, в конечном счете детерминирующих качественное состояние образа жизни молодежи. Это должно повлечь за собой сознательный учет управленцами интересов подрастающего поколения, снижение накала протестных настроений в обществе, гармонизацию общественных отношений и результативность работы социальных служб общества. Сказанное и целый ряд других обстоятельств общественного бытия и общественного сознания обуславливают актуальность рассматриваемой проблемы, определяет её содержание и концепцию в целом.

Образ жизни молодежи – это совокупность объективных и субъективных факторов, влияющих на ее поведение, отношение к самому себе, к родителям и семье, окружающим людям, к социальным институтам, обществу и государству. *Образ жизни* – это то зеркало, в котором отражается подлинный облик молодого человека в проекции его существования, сопряженного с соблюдением нравственных и правовых устоев общества, подкрепленных объективными условиями жизни и деятельности индивида, группы людей и общества в целом. Данные дефиниции образа жизни вытекают из методологической посылки о том, что в какой мере общественное бытие людей определяет их общественное сознание, в той же мере общественное сознание определяет общественное бытие. Такова диалектика детерминант, определяющих сущность и содержание образа жизни современной российской молодежи. Иначе говоря, материальные, экономические факторы определяют степень качественного состояния образа жизни сограждан, в то же самое время идеальные факторы, в числе которых формы общественного сознания на бытовом и теоретическом уровнях детерминируют процесс активной, позитивной социализации людей, предопределяют судьбу должного, необходимого общественно значимого поведения.

Более узкое понимание сути и содержания категории «этос» (образ жизни), эксплицируя к категории «здоровый образ жизни», нашло свое отражение в публикациях ученых современной России [1–7].

Учитывая сказанное, следует подчеркнуть, что для достижения позитивного образа жизни молодых людей крайне важно, чтобы экономика нашей страны развивалась интенсивно, малозатратно, с привлечением передовых, наукоемких, энергосберегаемых, венчурных технологий. Важно стремиться в разы увеличить ВВП, эффективно распоряжаться инвестициями, снизить инфляцию и параллельно существенно поднять размеры заработных плат, пенсий, пособий, стимулирующих и компенсационных выплат. Одним словом, хотя бы приблизиться к конституционной максиме – социальному и правовому государству. В то же самое время, социально ориентированная политика государства создаст предпосылки в направлении коренного, сущностного изменения массового общественного сознания в направлении соблюдения моральных, нравственных и правовых норм, нравственного и общественно одобряемого правомерного поведения, торжества режима законности и должного правопорядка, изжитию симптомов космополитизма, расцвету патриотизма.

Условно можно выделить следующие срезы образа жизни российской молодежи – людей с возрастом до 35 лет:

- а) образ жизни детей в дошкольных образовательных учреждениях, (далее: ДОУ);
- б) образ жизни школьников;
- в) образ жизни молодежи, обучающейся в средне-специальных образовательных учреждениях;
- г) образ жизни студентов высших учебных заведений;

- д) образ жизни аспирантов;
- е) образ жизни безработной молодежи.
- з) образ жизни молодых военнослужащих.

Начнем с образа жизни детей в дошкольных образовательных учреждениях. Так сложилось, что первые шаги в существующие социальные учреждения наши малолетние сограждане делают в детский сад. Вместе с семьей там начинается первичная, позитивная их социализация. Трехразовое питание поддерживает здоровье детей, а воспитательная и образовательная работа педагогов в дихотомичном единстве с усилиями родителей в этом направлении закладывают первые кирпичики позитивного образа жизни посредством интериоризации и экстериоризации одобренных обществом позитивных социальных начал.

Согласно данным Росстата РФ по состоянию на конец 2025 года в нашей стране насчитывается 43 тысячи ДОУ, финансируемые как с муниципального бюджета, так и средствами частных юридических лиц с различной организационно-правовой формой, которые посещают около 7 миллионов детей, которых воспитывают, обучают, осуществляют необходимый социальный патронаж около 600 тысяч педагогов. Понятно, что процесс функционирования этих учреждений требует больших затрат, как с муниципального бюджета, так и средств частных лиц. По этой причине мы немного ранее говорили, что эффективное развитие экономики является залогом успешного функционирования указанных учреждений в направлении привития позитивного, здорового образа жизни малолетним согражданам. Ведь богатая экономика рождает богатое общество и богатую культуру сосуществования различных субъектов в своей совокупности меняющую массовое общественное сознание и влияющая на нравственное, обществом одобряемое правомерное поведение будущих правосубъектных граждан страны. Государство и общество систематически повышают уровень заработных плат указанных педагогов с учетом инфляции. Но, тем не менее, он остается недостаточным высоким. По этой причине в этих учреждениях имеется текучка кадров, наличествуют вакансии, а людей, стремящихся их замещать, не хватает и, как закономерный итог, страдает педагогический процесс и воспитание позитивного образа жизни детей в ДОУ. Именно глубокий финансовый патернализм этих учреждений со стороны публично-правовых образований, представителей соответствующего бизнеса, является залогом для снятия определенной проблемы, обозначенного вопроса.

Теперь немного остановимся на образе жизни российских школьников. Опять-таки по данным того же Росстата РФ, на конец 2025 года в Российской Федерации насчитывается около 40 тысяч средних общеобразовательных учебных заведений, в которых проходят обучение более 18 миллионов школьников, обучением которых заняты 1,13 миллиона учителей.

В плане привития школьникам позитивного, здорового образа жизни данный уровень является чуть ли не главным по той простой причине, что в идеальном виде 11 летний период обучения – это длительный срок, в рамках которого наши с вами юные сограждане получают по государственному образовательному стандарту полноценное среднее образование.

В период обучения в средней общеобразовательной школе молодежь объединяется в неформальные группы по интересам в области спорта, музыки, игр, радио и авиа кружков. Небольшая часть из них подвержена наркомании, пьянству и т.д. пр. По этой причине, число учеников, занимающихся наркоманией, пьянством, азартными играми должно быть известно каждому классному руководителю и учителям предметникам, соответственно, для того, чтобы на внеурочных мероприятиях – классных часах и т.д. пр. индивидуально заниматься с каждым таким учеником в купе с их родителями. Считаем такую индивидуальную работу приоритетной, поскольку родителями, учителями, педагогами-наставниками, с участием психологов школ спасаются юношеские души от соблазна найти в качестве ориентира не учебу, не занятие спортом, не увлечение музыкой и иными позитивными делами, а те действия, которые мало-помалу убивают, уничтожают юношеские организмы. Не секрет, что в нашей стране имеются дети со суицидальными наклонностями, с которыми и родителям, и учителям также необходимо работать для минимизации и снятия указанной проблемы.

Со слов министра просвещения РФ Сергея Кравцова в нашей стране необходимо решить проблему нехватки учителей-предметников. Так, по состоянию на 2026 год в российских школах не хватает учителей начальных классов. Положение дел таково, что при официально утвержденных 414 тысячах ставок замещены только 313 тысячи, а по русскому языку и литературе утверждено 202 тысячи ставки, а замещены только 124 тысячи. На организацию изучения иностранных языков выделено 172 тысячи ставок, из которых заняты только 113 тысяч. Не хватает 59 тысяч специалистов. Вместе с тем, по всей стране

не хватает 73 тысячи математиков, 37 тысячи историков, 31 тысяча учителей по физической культуре, 15 тысяч географов, 11 тысяч химиков, 14 тысяч учителей информатики. Это в своей совокупности те люди, которые каждодневно должны и могли бы заниматься учебной и воспитательной работой с учащимися и таким образом достичь желаемого состояния позитивного образа жизни ученической молодежи.

Необходимо подчеркнуть, что в обществе муссируется идея снять с классных руководителей учебную нагрузку с прицелом задействовать их только на воспитательной работе. Нам кажется, что вместо этой идеи, необходимо предложить оставить все как есть, но в разы изменить финансовое стимулирование за классное руководство, поскольку нельзя оторвать учебный и воспитательный процесс друг от друга. Они взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга.

К большому сожалению, сегодня многие молодые учителя не хотят быть классными руководителями и в школах имеется массовая текучка кадров – молодых специалистов.

Позитивному изменению образа жизни российских школьников будет способствовать еще то обстоятельство, что с сентября 2026 года во всех российских школах будет введена учебная дисциплина «Духовно-нравственная культура России». Данный предмет будет изучаться в 5–7 классах, причем в 5 классе на его изучение будет выделено 17 академических часов, а в 6 и 7 классах – 34 академических часа.

В самом начале 2026 года Министерством просвещения РФ утверждено положение, в соответствии с которым каждому ученику средней общеобразовательной школы за каждую четверть прохождения учебы будет выставляться оценка в журнал за поведение. Считаем данное нововведение оправданным и способствующим формированию позитивного образа жизни российских школьников. Однако, у данного нормативно-правового акта имеются недостатки, состоящие в том, что это правовая норма, с одной стороны, носит рекомендательный характер и его введение в действие оставлено на усмотрение руководителей и педагогических советов школ, с другой – в нем не прописано положение о том, влияет ли данная оценка за поведение на средний балл аттестата, что является существенным изъяном, ослабляющим влияние нововведения на формирование позитивного образа жизни российских школьников.

Известно, что позитивный образ жизни советского школьника ковался в рамках движений «Октябрат», «Пионерии», «Комсомола», «Коммунистической партии». В лихолетие 1990-х прошлого столетия благодаря усилиям либеральных реформаторов, были преданы анафеме и несправедливой критике образовательная и воспитательная деятельность перечисленных организаций, в то время как именно советская молодежь построила стройки, ставшие становым хребтом советской экономики, позволившие победить фашизм в Великой Отечественной войне и отстоять суверенитет и независимость нашей Родины. Комсомольцы и молодые коммунисты возвели БАМ и другие многочисленные заводы и фабрики. Они также добросовестно и с воодушевлением трудились на этих предприятиях и организациях. Можно много освещать проявления позитивного образа жизни молодых советских людей. И сейчас, как нам кажется, все то ценное о котором здесь говорилось, должно быть инкорпорировано в образ жизни современных молодых россиян и как дань уважения к Великому советскому прошлому, и как преемственность между молодыми поколениями двух эпох – прошлой и настоящей.

Рамки публикации не позволяют привести огромный эмпирический материал по этим проблемам, но очевидно одно – родители и учителя средних общеобразовательных школ ответственны за формирование позитивного, здорового образа жизни подрастающего поколения. Учитывая, что такая работа требует приложения огромных усилий со стороны педагогов, необходимо адекватно положению дел существенно поднять уровень заработной платы учителей и, особенно, классных руководителей. Ныне выплачиваемые им 8 тысяч 700 рублей за классное руководство – это мизер по сравнению с той работой, которую они проводят и предстоит еще провести с учениками с девиантным (отклоняющимся) поведением. Опять-таки видим, что формирование позитивного образа жизни школьников пирается в финансовые вопросы, которые так-таки решаются посредством высококоразвитой экономики и достаточной на то волей высшего политического руководства страны.

Теперь немного остановимся на образе жизни молодых россиян, обучающихся в средне-специальных учебных учреждениях.

Заметим, что средне-специальные образовательные учреждения в нашей стране были созданы еще в советское время. Правда наименованием организационно-правовой формы этих образовательных учреждений был «СПТУ» (средне-специальное профессиональное техническое училище), а также «техникум». Сегодня же их именуют колледжами. Стало почти модой при каждом университете открывать коллед-

жи и здесь нет ничего плохого по той простой причине, что полученные молодыми людьми в колледже знания, затем углубляются в соответствии с Государственным образовательным стандартом ВУЗами.

Сегодня сформировалась такая тенденция в российском обществе, что школьники, по совету своих родителей, после сдачи ОГЭ, то есть окончания 9 класса, массово поступают в колледжи и, уже с дипломом данного учебного заведения, со внутренними экзаменами ВУЗов поступают туда, то есть таким образом обходят ЕГЭ, с одной стороны, с другой – получают среднее профессиональное образование, с третьей – удовлетворяют запросы работодателей на работников с таким уровнем образования и подготовки.

Сегодня в нашей стране насчитывается примерно 3,5 тыс. колледжей и техникумов, в которых обучается 3,9 млн человек, образованием и воспитанием которых заняты 200 тысячи учителей-предметников.

Следует отметить, что в колледжах обязанности по формированию позитивного, здорового образа жизни молодежи выполняют кураторы академических групп. Крайне важно, чтобы на этом уровне образовательного и воспитательного процессов труд кураторов, так же как труд классных руководителей в школах, оплачивался достойно. Более того, необходимо заботиться об улучшении жилищных условий работников ДОУ, школ, колледжей и ВУЗов. Финансовые вложения в такую программу обязательно возымеют свой положительный итог, заинтересует молодых специалистов трудиться в указанных образовательных учреждениях с должной отдачей, снизит текучку молодых кадров, усилит воспитательную канву в их работе и, в конечном итоге, образ жизни нашей молодежи будет отвечать требованиям общества и государства.

Немного остановимся на *образе жизни студентов высших учебных заведений*. Согласно данным Росстата на начало 2026 года в нашей стране насчитывается 1150 высших учебных заведений, в рамках которых обучается более 5 миллионов студентов, обучением которых заняты 177 тысячи 700 ассистентов, преподавателей, старших преподавателей, доцентов и профессоров.

Формирование позитивного образа жизни российского студента во многом обусловлено количеством и качеством предметов социогуманитарного цикла, которые им предстоит освоить на протяжении установленного периода обучения. Подчеркнем, что на факультетах естественного-научного и точного направлений обучения количество академических часов, выделяемых на постижение предметов социогуманитарного цикла является явно недостаточным и по это причине в сознание этого сегмента студенчества в достаточной мере не могут быть вкраплены знания, умения и навыки в области философии, морали, права, искусства и религии. Одним словом, они обречены на духовное обнищание и дефицит знаний в области материальной и духовной культуры. А это в своей совокупности ни чуть не улучшает климат с позитивным образом жизни российского студенчества.

Следует поддержать идею некоторых депутатов Государственной Думы РФ, выдвинутую ими в начале 2026 года, относительно отмены платы со студентов за коммунальные услуги и проживание в студенческих общежитиях, поскольку сумма их стипендий едва превышает указанные финансовые обременения. Эту новеллу предлагать ввести до тех пор пока величина стипендий не будет равна прожиточному минимуму в РФ. Это законодательная инициатива, если она будет реализована в форме нормативно-правового акта, явится помощью со стороны государства не только студентам, но и их родителям, осуществляющим финансовых патронаж своих детей. При ином подходе многие студенты будут вынуждены параллельно с учебной заниматься подработками, что негативно отражается на их образе жизни, связанного с получением полноценного высшего образования.

В бышем СССР была государственная молодежная политика и благодаря огромным усилиям д. философ.н., профессора Ильинского И.М. – бывшего директора НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, нынешнего ректора МосГУ, был разработан проект Закона СССР «О государственной молодежной политике в СССР». Данный проект закона был принят Верховным Советом СССР. То есть молодежь в то историческое время стала центром внимания государства, а стало быть, его образ жизни интересовал руководство бывшего СССР. С учетом нынешних реалий было бы не плохо принять аналогичный закон и в Российской Федерации, учитывая опыт законодателей бывшего СССР.

Позитивный *образ жизни российских аспирантов* также влияет на общую позитивность и самость образа жизни российской молодежи. Так, по данным Росстата, в России на конец 2025 года насчитывалось 126 тысяч 900 аспирантов и докторантов – людей, которые повседневно занимаются творческим, научным трудом. Их диссертации – это то новое знание, имеющее практическое значение, являются необходимыми и значимыми научными трудами для современного российского общества. С одной стороны, вчерашний аспирант – это

сегодняшний преподаватель колледжа или ВУЗа, с другой – это человек, который на профессиональной основе разрабатывает актуальные проблемы современной российской науки, с третьей – он воспитатель, педагог, от работы которого зависит качественное состояние позитивного образа жизни, морального климата в студенческой среде, а значит – во всем обществе.

Немного поговорим *об образе жизни безработной молодежи*. К большому сожалению, у нас в стране она имеется и, по сути, её некоторые представители являются потенциальными правонарушителями, ибо безработные граждане получают мизерное пособие, которое ни на что в жизни не хватает. А жить и, желательно полноценно, хочется всем. Именно нехватка денег обрекает такую молодежь на нищенское, полуголодное существование. И это отражается на процесс позитивной социализации, их социальном самочувствии и влияет на поведенческие образцы. К примеру, участники недавних противозаконных действий дагестанской молодежи в аэропорту «Уйташ», выступавшие с юдофобскими лозунгами в основной своей массе были безработными и исповедующими исламское вероучение. Подчеркнем, что значительная часть дагестанской молодежи считают себя верующими, но когда у них нет работы, рода деятельности, они обречены на нищенское существование и вся та работа министерств по делам национальности и молодёжной политики Республики Дагестан, направленная на формирование позитивного, здорового образа жизни, не дает необходимых, желаемых для государства и общества плодов. Отсюда есть только один выход – необходимо создавать рабочие места, создавать муниципальные и государственные предприятия и вовлечь в их работу безработную молодежь. Она будет трудоустроена, получать относительно высокую заработную плату и их образ жизни будет приемлемым как для Дагестана, так и для всей России.

Образ жизни военнослужащих вооруженных сил РФ регламентируется соответствующими Уставами внутренней гарнизонной службы, Дисциплинарным Уставом, Уставом караульной службы и т.д. пр. Эти правовые документы ставят образ жизни молодого российского воина в строгие правовые рамки, детерминированные спецификой рода их деятельности. Они упорядочивают службу, делают ее результативной и самодостаточной в соответствии с требованиями и велениями времени.

За нарушение военнослужащими требований перечисленных и других документов полагается наложение на них разного рода дисциплинарных взысканий командирами и начальниками. И, наоборот, их строгое выполнение влечет за собой наложение разного рода поощрений, включая отпуск с выездом на место постоянного жительства на определенный срок, присвоение очередного или внеочередного воинского звания, сообщение о примерной службе родителям и родственниками и целый ряд других. Все сказанное дисциплинирует военнослужащих, делает их образ жизни позитивным, что необходимо как самим военнослужащим, так и Родине, которой они служат.

Своеобразным сегментом образа жизни российский военнослужащих является их участие при проведении СВО (специальной военной операции). Образ жизни участников СВО начал формироваться с момента начала этой операции. Самый сложный, трудный, сопряженный с титаническими физическими и психическими нагрузками образ жизни. Все участники этого военного мероприятия являются настоящими героями, каждодневно рискующими своими жизнями и здоровьем. Они услышали зов Родины в трудную ее минуту.

Образ жизни молодых людей – участников СВО, за четыре года ее проведения, является объективным индикатором того, что сознательная работа выше рассмотренных институтов воспитания и образования и то, что многие из молодых воинов учились в кадетских школах, заканчивали высшие военные училища и военные академии приносит желаемые, ощутимые плоды для российского общества и государства. Ведь с одной стороны, воины показали и показывают, что интересы страны – это святое дело, которое вопреки всем трудностям необходимо защищать и отстаивать, с другой – образцы мужества и героизма, демонстрируемые на полях сражений, – это пример образа жизни молодых людей, показатель их отличной социализации в семье, школе и других образовательных учреждениях. В то же самое время это великолепный результат того, что само государство за постсоветский период его развития через свои социальные институты осуществлял сознательный патронаж над подрастающим поколением, создавал им условия для самореализации, проводил воспитательную работу в духе патриотизма и подлинной гражданственности.

Другой срез вопроса – преемственность образа жизни поколений. Образцы мужества и героизма советских воинов, продемонстрированные ими на полях сражений у озера Хасан и реки Халхин-Гол, советско-финской войны, Великой Отечественной войны, при выполнении интернационального долга в Кубе, Мозамбике, Вьетнаме, Лаосе,

Кампучии, ДРА и других конфликтах, явились живым примером для подражания современным воинам – участникам СВО.

Завершая исследование, сформулируем некоторые обобщающие выводы и предложения.

Российская молодежь – это настоящее и будущее нашей страны, ибо она является одной из главных составляющих производительных сил – составной частью способа производства материальных и духовных благ, весомым детерминантом хозяйственного механизма и экономики страны в целом. Исходя из такой посылки, подчеркну, что судьба всего сказанного зависит от позитивного образа жизни подрастающего поколения сограждан, ее способности вести здоровый образ жизни, генерировать и воспроизводить свою общероссийскую самость, быть образцом в образовательных, спортивных, культурных и во всех других учреждениях, в рамках которых они учатся, трудятся, занимаются времяпрепровождением, одним словом – живут.

Сущность и содержание образа жизни российской молодежи в сформулированной дефиниции, согласно которой *образ жизни молодежи* – это совокупность объективных и субъективных факторов, влияющих на ее поведение, отношение к самому себе, к родителям и семье, окружающим людям, к социальным институтам, обществу и государству. Это то зеркало, в котором отражается подлинный облик молодого человека в проекции его существования, сопряженного с соблюдением нравственных и правовых устоев общества, подкрепленных объективными условиями жизни и деятельности индивида, группы людей и общества в целом. Здоровый и позитивный образ жизни российской молодежи – это та высота, обретение которой может и должно быть высшей целью институтов образования и воспитания, иных социальных институтов, властно-политических институтов, общества и государства. Только в этом случае российское государство может быть названо подлинно социальным, отвечающим интересам подрастающего и других поколений сограждан.

Почти все детерминанты социалистического этоса (образа жизни) молодежи, формировавшиеся в советский период развития нашего общества и государства, могут и должны быть образцами для подражания современной российской молодежи, ибо они выдержали проверку временем, способствовали позитивной социализации личности, легли в основу советского патриотизма и интернационализма, породили дружбу народов в составе единой общности людей – советский народ. Именно этот образ жизни советской молодежи был одной из главных основ становления хребта мощной советской экономики, её промышленного и сельскохозяйственного потенциала, в своей совокупности являющегося крепким фундаментом для современной российской экономики.

В трансформирующемся российском обществе достижение позитивного образа жизни молодежи означает сознательный учет качественного состояния элементов общественного бытия – способа производства материальных благ, образа жизни людей, семьи, как социального института в консонансном единстве с формами общественно-го сознания – религии, этики, эстетики, права, философии, политики с сознательным вкраплением всего сказанного в индивидуальное сознание каждого представителя российской молодежи, в субкультуры неформальных групп через институты образования и воспитания посредством вовлечения и привлечения в состав разного рода мероприятий – кружков, спортивно-оздоровительных секций, движения первых, волонтерства, современной пионерии и комсомола. Именно такой путь является одной из панaceй избавления части российской молодежи от пьянства, алкоголизма, наркомании, таксикомании, проституции и иных негативных явлений в их поведении и образе жизни.

Достижение позитивного, цивилизованного и здорового образа жизни российской молодежи требует кропотливой, вдумчивой и результативной работы родителей, педагогов, руководителей предприятий, учреждений и организаций, муниципальных и государственных служащих, органов государственной власти и управления. Именно координация усилий перечисленных субъектов, их сотрудничество, взаимодействие, взаимная поддержка являются теми гранями, которые в своей совокупности могут коренным образом изменить сущность и содержание образа жизни российской молодежи в позитивную, здоровую, необходимую и должную высоту.

Литература

1. Герасимова С.А. Здоровый образ жизни и приоритеты духовной жизни современной молодежи через призму субкультур // В сборнике:

Здоровье как социокультурный феномен. Материалы 1-ой электронной Международной научной конференции. 2011.

2. Демидова И.Ф. Изучение представлений молодежи о здоровом образе жизни // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 118–3.

3. Зabelo В.С., Шараева А.А., Новицкий П.И. Отношение семьи к здоровому образу жизни и его отражение в стиле жизни студенческой молодежи // В сборнике: Современные векторы прикладных исследований в сфере физической культуры и спорта. V-я Международная российско-белорусская научно-практическая конференция для молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Москва, 2024.

4. Муратова Ж.Ю., Желтов А.А. Значение здорового образа жизни и физической культуры в жизни молодежи // В сборнике: Молодежь XXI века: проблемы и решения. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2024.

5. Кузнецов И.М. Физическая культура и здоровый образ жизни: психологический аспект в жизни учащейся молодежи // В сборнике: Социально-экономические процессы современного общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2025.

6. Удовиченко Е.В., Горбань И.Г. Перспективы реализации идеи здорового образа жизни в повседневную жизнь молодежи // В сборнике: Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции, посвященной 70-летию Оренбургского государственного университета. Оренбург, 2025.

7. Фукалова В.Ю. Отношение молодежи к здоровому образу жизни: барьеры, мотивация и пути формирования активного стиля жизни // В сборнике: Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 8-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, в 4 томах. Курск, 2025.

LIFESTYLE OF RUSSIAN YOUTH IN A TRANSFORMING SOCIETY

Kaziev N.E., Magarramov M.D., Magarramov M.D., Veliev O.V.

Regional Center for Ethnopolitical Studies (RCES) of the Dagestan Federal Research Center (DFRC) of the Russian Academy of Sciences (RAS), North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RSUJ)

Drawing on dialectical principles and approaches, empirical data, and theoretical generalizations, this article attempts to syncretically examine the material and ideal foundations that influence the formation of a positive, healthy lifestyle among Russian youth in a transforming society.

Clarifying these foundations will facilitate their conscious consideration in their practical work with youth by educators, political institutions, and all those concerned about the fate of Russian youth in a transforming society.

Keywords: lifestyle of Russian youth, positive lifestyle, cross-sectional analysis of lifestyle among Russian youth, preschool educational institutions, schoolchildren, university students, young people in the Russian Armed Forces, etc.

References

1. Gerasimova S.A. Healthy Lifestyle and Priorities of Spiritual Life of Modern Youth through the Prism of Subcultures // In the collection: Health as a Sociocultural Phenomenon. Proceedings of the 1st Electronic International Scientific Conference. 2011.

2. Demidova I.F. Studying Young People's Perceptions of a Healthy Lifestyle // New Science: Strategies and Vectors of Development. 2016. № 118–3.

3. Zabelo V.S., Sharaeva A.A., Novitsky P.I. Family Attitudes to a Healthy Lifestyle and Its Reflection in the Lifestyle of Student Youth // In the collection: Modern Vectors of Applied Research in Physical Culture and Sports. V-th International Russian-Belarusian Scientific and Practical Conference for Young Scientists, Postgraduates, Master's Students, and Undergraduates. Moscow, 2024.

4. Muratova Zh.Yu., Zheltov A.A. The Importance of a Healthy Lifestyle and Physical Culture in the Lives of Young People // In the collection: Youth of the 21st Century: Problems and Solutions. Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Omsk, 2024.

5. Kuznetsov I.M. Physical Culture and a Healthy Lifestyle: The Psychological Aspect in the Lives of Student Youth // In the collection: Socio-Economic Processes of Modern Society. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2025.

6. Udovichenko E.V., Gorban I.G. Prospects for Implementing a Healthy Lifestyle Idea in the Everyday Life of Young People // In the collection: University Complex as a Regional Center of Education, Science, and Culture. Proceedings of the All-Russian Scientific and Methodological Conference dedicated to the 70th Anniversary of Orenburg State University. Orenburg, 2025.

7. Fukalova V. Yu. Young People's Attitudes Toward a Healthy Lifestyle: Barriers, Motivation, and Ways to Develop an Active Lifestyle // In the collection: Youth and Science: A Step to Success. A collection of scientific articles from the 8th All-Russian Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists, in 4 volumes. Kursk, 2025.

Кугай Александр Иванович,

доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: kugay3@yandex.ru

Целью работы является критическое осмысление и систематизация концепций победы в войне, а также определение факторов, влияющих на достижение и интерпретацию победных результатов в различных исторических и современных конфликтах. Задачи 1. Рассмотреть и систематизировать многообразие значений и концепций, приписываемых термину «победа» в контексте военных конфликтов. 2. Проанализировать исторический опыт завершения войн. 3. Выявить ключевые факторы и обстоятельства, влияющие на исход и прекращение современных войн. Методология. Концептуальный и семантический анализ – применен для деконструкции термина «победа» и классификации его многообразных значений в зависимости от политического и идеологического контекста. Результаты. 1. Систематизировано многообразие концепций «победы», которые варьируются от традиционного военного триумфа (безоговорочная капитуляция противника) до достижения стратегических политических целей при отсутствии полной военной победы. 2. Выявлено, что объективные военные итоги и субъективное восприятие победы воюющими сторонами часто не совпадают. 3. Определен комплекс ключевых факторов, влияющих на исход современных войн. К ним относятся не только традиционные военные и экономические ресурсы, но и информационное превосходство, устойчивость гражданского общества, поддержка международных акторов и способность сторон адаптировать свои стратегические цели в ходе конфликта. Выводы. 1. Специфика современных «ограниченных войн» требует жесткой координации ресурсов и целей, однако не гарантирует соразмерности затрат результату из-за асимметрии ценностей противников. 2. В современных условиях победа утрачивает абсолютный военный характер и должна интерпретироваться как трансцендентная историко-политическая категория. 2. Исход современных войн детерминирован не только классическими военно-экономическими показателями, но и значимым влиянием невоенных факторов, таких как информационное превосходство, степень консолидации общества, международная поддержка и стратегическая адаптивность сторон конфликта.

Ключевые слова: война, победа, Вторая мировая война, локальные войны, Клаузевиц, Сунь Цзин, О'Коннор, Мэхэн, Макартур, Мао Цзэдун, Ту Юй, идеология Специальной военной операции.

Введение

В статье рассматриваются: (1) многообразие значений, приписываемых термину «победа»; (2) обзор того, как различные окончания войн от Второй мировой войны до современных войн за национальное освобождение соответствуют этим концепциям победы (что означала «победа» в каждом случае для воюющих сторон? представлял ли результат «победу»?); и (3) обсудить различные факторы, влияющие на исход войны сегодня. В статье представляется ряд определений и концепций победы; примерно столько же различных наблюдений относительно целей войны, изменений в целях войны и их роли; обстоятельств или факторов, влияющих на прекращение войн. Кроме того, предлагаются обобщения о том, как заканчиваются войны, которые могут служить предметами для дальнейшего исследования.

Значения термина «победа»

Применительно к концепту Победа интересен опыт выдающихся теоретиков геополитики. В 1951 году во время войны в Корее генерал Макартур выразил мнение, разделяемое многими американцами, недовольными ограничениями, наложенными на военные действия в Корее, когда он заявил: «Целью войны является победа, а не затянувшаяся нерешительность. На войне, действительно, не может быть замены победе»¹.

Однако термин «победа» применительно к войне означал разные вещи для разных людей, и его следует отнести к другим общим, абстрактным и часто абсолютным словам, которые повлияли на мысли и действия отдельных лиц. Приравнение победы к поражению и капитуляции противника могло быть и все еще может соответствовать общепринятому использованию, но мировой опыт показывает, что такое решительное завершение вооруженного конфликта является скорее исключением, чем правилом. [3]

Поскольку война выступает в качестве окончательного арбитра в спорах между людьми и нациями, победа состоит не только в преодолении сил противника; она должна включать достижение цели, ради которой велся конфликт. Часто цитируемая аксиома Клаузевица о том, что «война рассматривается как не что иное, как продолжение государственной политики другими средствами», усиливается его утверждением, что конечным элементом победы является «отказ противника от своего намерения». [1, 37]

Целью войны, по Клаузевицу, является принуждение противника выполнить волю победителя. Он предлагал, как этого следует добиваться: «Мы должны поставить его в положение более тяжёлое, чем жертва, которую мы от него требуем; при этом, конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере, на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать». Основная взаимосвязь между военной и политической стратегией была подробно разработана в трудах Ганса Дельбрюка. «Политика является правящим и ограничивающим фактором», – заметил он, «военные операции – лишь одно из ее средств»².

Подчеркивая подчинение военных целей политическим, теоретики, выступая против того, что они считали тенденцией к тому, чтобы война стала окончательной или абсолютной, закладывали основу для переоценки победы, применяя критерий государственного управления, а не военных действий. Действия на поле боя рассматривались как всего лишь одно измерение, хотя обычно и существенное, более широкого и трансцендентного начинания, и эта связь между войной и политикой была принята большинством современных стратегических теоретиков. [11] Поэтому в качестве рабочего определения в этой статье «победа» будет означать прекращение вооруженного конфликта в условиях, удовлетворительных по крайней мере для одной из воюю-

¹ Выступление на Объединенной сессии Конгресса, 19 апреля 1951 г., Протокол Конгресса, 82-й Конгресс, 1-я сессия, 97, стр. 4125 / Address to Joint Session of Congress, 19 April 1951, Congressional Record, 82nd Cong., 1st Sess., 97, p. 4125

² Гордон А. Крейг, «Дельбрюк: военный историк», в книге Эдварда Мида Эрла, редактора «Создатели современной стратегии: военная мысль от Макиавелли до Гитлера» (Принстон, 1942), стр. 261 / Gordon A. Craig, "Delbruck: the Military Historian", in Edward Mead Earle, ed., Makers of Modern Strategy: Military Thought from Machiavelli to Hitler (Princeton 1942), p. 261.

щих сторон с точки зрения заявленных целей. Неприменимость любого единого определения ко всем ситуациям станет очевидной. [15, 5]

Альфред Мэхэн – американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал, один из основателей геополитики – писал, что «... для военного учреждения различие между состоянием войны и состоянием мира – это одно из слов, а не фактов». [11, 5]

Мао Цзэдун, перефразировал изречение Клаузевица, заявив, что «политика – это война без кровопролития, а война – это политика с кровопролитием»¹. Это наблюдение особенно актуально, поскольку появление ядерного оружия, всплеск националистического пыла в бывших колониях, конфликта между коммунизмом и западным миром и проявление агрессии в двусмысленных формах объединились, чтобы создать среду, благоприятную для ограниченных войн. Обычно понимаемые как войны, ограниченные по целям, враждебности и выделению ресурсов по крайней мере одной стороной, обоснование состоит в том, чтобы соотносить средства с целью, чтобы гарантировать, что стоимость соизмерима с выигрышем. В этих обстоятельствах становится императивом, как выразился Сунь Цзы, «контролировать победу». [13, 54] Характер урегулирования имеет решающее значение, поскольку, «существуют способы завоевания, которые быстро превращают победу в поражение». [4, 76]

Исследование значения победы включает рассмотрение методов, с помощью которых прекращается война, и факторов, которые приводят к ее прекращению. Обычно военные действия прекращаются по соглашению между или среди противников, условия которого могут варьироваться от крайней степени безоговорочной капитуляции одного или нескольких участников до восстановления ситуации, существовавшей в момент начала конфликта. Простое соглашение о прекращении огня, перемирие с условиями или без них, или формальный договор являются наиболее распространенными способами прекращения насилия. [10, 59] Обстоятельства, при которых прекращается война, значительно различаются, хотя кажется очевидным, что противники должны быть убеждены, что прекращение боевых действий будет более выгодным, чем его продолжение.

Вторая мировая война

До Второй мировой войны конфликты между государствами были ограничены тем, что они не приводили к полному военному уничтожению, уничтожению или капитуляции вражеских сил. Успех достигался, и военные действия прекращались, когда противник проявлял готовность согласиться с политическими требованиями победителей, будь то независимость, территориальные присоединения или тому подобное. Великий отход от этой традиции якобы произошел, когда президент Рузвельт заявил 24 января 1943 года, что единственной основой для прекращения военных действий будет «безоговорочная капитуляция Германии, Японии и Италии». Ультимативное заявление Черчилля разработано отчасти для того, чтобы предоставить союзникам свободу действий в достижении удовлетворительного урегулирования, предотвратить ослабление коалиции из-за ссоры из-за добычи и компенсировать неспособность англо-американцев открыть второй фронт в Европе. Тогда и впоследствии став источником множества споров, декларация цитировалась критиками Рузвельта в качестве доказательства того, что он, в отличие от Сталина и Черчилля понимал войну исключительно в военном смысле. В любом случае, заявление в Касабланке и военные успехи войны создали образ, который не соответствовал реалиям прошлого. Более того, «злая» природа правительств Оси, как подчеркивали британские и американские лидеры и советские публицисты, добавила моральный аспект к борьбе, которая препятствовала компромиссу и еще больше способствовала подходу тотальной войны и тотальной победы. Но следует отметить, что, хотя итальянские представители были вынуждены подписать документ, признающий «безоговорочную капитуляцию», было приложено очень много условий; что Финляндия, Румыния, Болгария и Венгрия не были обязаны принимать формулировку в своих соглашениях о перемирии; и что японский документ о капитуляции включал фразу только в отношении вооруженных сил.

Факторы и обстоятельства прекращения современных войн

Очевидным, что, за исключением массированных военных усилий внешней силы, успех в этих войнах за освобождение во многом зависит от поддержки или, по крайней мере, молчаливого согласия населения. Роджер Тринкье, в книге «Современная война: французский взгляд на современное повстанчество, не только служившей теоретическим и практическим руководством для французских войск, но и заложив-

шей основы современных теорий контртеррористических операций, отмечал: «Поддержка населения – это гораздо больше, чем актив; это непереносимое условие победы». [12, 8]

Вопрос о том, кто кого освобождает от чего, часто имеет решающее значение, и точная оценка стремлений народа может оказаться решающей. Национальная независимость, социальная справедливость и более высокий уровень жизни являются наиболее популярными призывами, которые позволяют революции армейских лидеров для мобилизации всех ресурсов страны независимо от состояния экономического и технологического развития. «Среди постоянных действующих факторов, которые определяют победу или поражение в войне», «самыми основными являются стабильность тыла и моральный дух армии». [6, 332] В контексте внутренних войн эти два фактора в значительной степени зависят от отношения и деятельности коренного населения. Степень, в которой оно помогает или препятствует военным операциям, оказалась решающей.

Повстанческие операции охватывают весь спектр человеческой деятельности. Это ставит во главу угла осуществление полного контроля над всеми элементами, ведущими к победе. Войска являются неотъемлемой частью всеобщего наступления, которое основано на интенсивной политической и психологической кампании и функционирует с ней. Первая битва заключается в том, чтобы завоевать умы и сердца людей и обеспечить их приверженность делу. Когда это достигнуто, победа практически гарантирована, поскольку поражение может быть достигнуто только через уничтожение сопротивления. Такая стратегия особенно эффективна при столкновении с врагом, у которого нет четкой цели для борьбы или который не понимает и не разделяет стремлений местного населения. В этих обстоятельствах преданное меньшинство, подстрекаемое привлекательной идеологией, может почти гарантировать, что его прогнозы о победе сбудутся. На Филиппинах повстанцы Хук были на пути к успеху, пока Рамон Магсайсай не рассмотрел военную тактику правительства и не ввел радикальные внутренние реформы, чтобы лишить партизанскую программу ее привлекательности.

Существует «фактор «уменьшения силы», который благоприятствует стороне, чья цель – тулик, по сравнению со стороной, чья цель – победа». [14, 219] Если использовать это утверждение не так, как задумал автор, то победа, к которой стремятся в освободительных войнах, может быть достигнута путем демонстрации противнику, что удовлетворительный результат потребует больших усилий, чем он готов приложить.

Китайский стратег Ту Юй давно заметил, что «на войне бывают обстоятельства, когда многие не могут атаковать немногих, а бывают и такие, когда слабые могут одолеть сильных. Тот, кто способен манипулировать такими обстоятельствами, будет победителем». [13, 83] Великая держава, страдающая от иллюзии непобедимости, может быть особенно восприимчива к манипуляциям со стороны слабых, поскольку политические реалии могут быть более убедительными, чем оружие.

Внутренний конфликт, когда одна из сторон зависит от иностранной помощи, и где используется партизанская тактика, является идеальной обстановкой для манипуляции слабыми. Психологические факторы приобретают большее значение, как для войск, так и для гражданского населения. Состояние ума, которое побудит сильную сторону принять поражение, может быть вызвано усталостью от войны, отчаянием в успехе, обещанием спасения от разрушительных последствий войны и созданием козла отпущения. Алжирская война, в которой Франция была на грани военной победы, была официально прекращена предоставлением независимости и выполнением многих других требований повстанцев. Вину удобнее всего возложить на политических лидеров по разным причинам, среди которых ответственность за участие в конфликте или отказ предоставить военным свободу действий.

Точка насыщения, после которой население не потерпит продолжения военных действий, вероятно, достигается, когда достаточно широко распространено чувство, что издержки перевешивают возможную выгоду, и правительство должно разделить или реагировать на эти чувства, если конфликт должен быть остановлен. Такой подход соответствовал бы количественной версии ограниченной войны как «войны для определенной цели, которая самим своим существованием установит определенную соизмеримость между применяемой силой и целью, которая должна быть достигнута». [8, 356] Но даже системный анализ с его сложными компьютерными методами не в состоянии рассчитать ценность цели в жизнях, деньгах и усилиях. И если заранее объявить, сколько инвестиций будет сделано, то раскрытие намерений может оказаться фатальным. Кроме того, количество силы, необходимое для достижения определенной цели, определяется противником, который может полагать, что ставки оправдывают неограниченные усилия его

¹ Рой Саттон. Военные архивы / <https://roysutton.co.uk/ru/день-войны/> (Дата обращения: 25 декабря 2025 г.)

часть, которая не соответствует расчетам его противника. Масштабы и характер требуемой силы редко бывают ясны с самого начала, и войны редко бывают стабильными. Расходы на конфликт и опасности, присущие продолжению борьбы, могут вырасти непропорционально желаемой цели и создать сопутствующие трудности в ее достижении. Тогда правительство столкнется с двумя неприятными альтернативами: эскалацией военной активности или уменьшением целей.³⁸ Первоначальные цели могут быть небольшими, но неспособность достичь этих целей, особенно третьей стороной, чей престиж и положение поставлены на карту, может иметь огромные последствия. Когда проверяется воля великой державы, потолок сопротивления может быть неограниченным.

Тем не менее, несмотря на трудности, крупные страны смирились с поражениями «чужими руками». Перемирие в Коре, после опосредованной войны между США и СССР, также Женевские соглашения 1954 г., завершившие колониальную войну Франции в Индокитае и определившие дальнейшую судьбу бывших французских колоний в регионе, являются заслуживающими внимания примерами. Первое соответствовало бы категории «полной победы», если говорить о сопротивлении вооруженной агрессии, а последнее можно было бы квалифицировать как «ограниченную победу» или «ограниченное поражение» для любой из сторон, даже если выгоды были несоразмерны. Не было никакого уничтожения или капитуляции вражеских сил, и не были затронуты национальные границы какой-либо великой державы. Уступки были сделаны, в одном случае теми, кто пытался изменить статус-кво, а в другом случае теми, кто сопротивлялся изменению, когда цена полной победы стала непомерной. Упорства и решимости одного противника было достаточно, чтобы убедить другого, что желаемая цель не окупит цену. Избежание унизительного урегулирования представляется желательным, если не обязательным, особенно когда речь идет о престиже великой державы.

Ни в каком состязании нельзя уступить победу противнику, которая не воспринимается им как пиррова. Ни в каком состязании нельзя навязывать победу противнику до точки его военного или политического отчаяния. [14, 219]

Если бы каждый антагонист руководствовался этими предписаниями, результатом мог бы стать бесконечный конфликт, если бы их предпосылки не были разными, т.е. если бы решение могло быть интерпретировано каждой стороной как победа. Предполагая, что обе стороны не могут победить в абсолютном смысле, сдержанность победителя может минимизировать сумму понесенных «потерь».

Существует и точка зрения на победу в войне, изложенная Х.А. Калахановым, с которой сложно согласиться: «Войну развязывает победитель, но мир заключают побежденные». [7, 84]

Знание того, когда была достигнута оптимальная точка, требует четкого восприятия возможностей, намерений и воли противника. Но независимо от сложности процесса, который включает острое осуществление суждения, это может быть жизненно важно для обеспечения необходимого ингредиента для урегулирования. Пойманный в ловушку противник, не видящий достойного спасения, может быть вынужден принять крайние меры, не связанные с первоначальной целью и имеющие катастрофические последствия. Риски усугубляются в обстоятельствах прокси-войны, где последствия поражения выходят за рамки местных соображений.

Если допустить, что избегание крайностей при достижении урегулирования может быть понятным и даже желательным, компромисс, который избегает унижения оппонента, часто бывает трудным для правительства, ответственного перед избирателями. Неограниченная риторика политического красноречия и искушение сформулировать вопрос в абсолютных терминах, чтобы обеспечить народную поддержку политики, оставляют властям мало места для маневра. Ограничения могут быть больше, когда на карту поставлены интересы нации, а не ее права, поскольку первые могут быть менее ощутимыми и более восприимчивыми к апелляциям по принципу. Гибкость в действиях также приносится в жертву на алтаре публичной дипломатии, где каждый шаг разоблачен и должен быть оправдан. Малейший слух об уступке вызывает обвинение в «умиротворении» с уничижительным подтекстом. Власть, не может быть полностью невосприимчива к желаниям народа, поскольку должна бояться публичных вспышек, партийных осуждений или недоверия на выборах.

Одной из проблем, усложняющих компромиссные решения для «локальных» столкновений, является создание врага. [5] В идеологических рамках, которые не делают четкого различия между войной и миром, необходимость не так велика, поскольку противник всегда присутствует, и битва ведется непрерывно, с насилием или без него, в каждом измерении деятельности. Практика четкого разграничения между враждебными действиями и мирными отношениями, когда ка-

ждое из них находится в черно-белых отношениях, придает особое значение идентификации врага в абсолютном смысле, пока идет борьба. Ярлык «отравленной идентичности» [2] особенно важен для военной и внутренней морали, а тот факт, что обстоятельства могут не оправдывать категоризацию, затрудняет, но не делает менее желательным, изображение противника в дурном свете. Выжидание в таких условиях ставит правительство в неловкое положение, поскольку победа является синонимом преодоления врага.

Его стремление к быстрым, четким решениям сложных проблем широко распространено, особенно на Западе, хотя едва ли совместимо с природой многочисленных конфликтов, которые бушевали по всему миру за последние двадцать лет, не говоря уже о конфликтах прошлых столетий. Намек на то, что ограниченная война предназначена для достижения ограниченных целей, иногда несет в себе предположение, что ее можно достичь с ограниченной внутренней поддержкой. Тайное или косвенное военное вмешательство часто предназначено для достижения решения с минимумом фанфар и на условиях, приемлемых для обеих сторон. Тем не менее, управление новостями и официальными заявлениями, которые впоследствии опровергаются неопровержимыми доказательствами, создают разногласия, вызывают недоверие, влияют на моральный дух и ставят правительство в невыгодное положение. Растущее давление может привести к изменению первоначальной цели, либо к повышению, чтобы оправдать большие военные усилия, либо к понижению, к отказу от целей и возможному отступлению.

Войны обычно заканчиваются переговорами на основе военной активности, и утверждение, что правительство должно «вести переговоры только с позиции силы», подразумевает, что оно должно продемонстрировать превосходство на поле боя, прежде чем рассматривать урегулирование. Некоторая степень военного успеха кажется необходимой, даже если она заключается в срыве намерений противника, если должно быть достигнуто удовлетворительное заключение. Это «предварительное словесие» может свести на нет скрытую или потенциальную силу, если оно не влияет напрямую на локальную ситуацию. Поскольку военные действия обычно начинаются в попытке изменить существующее состояние, инициатор будет сопротивляться заключению, если он не получит какое-либо преимущество, которым ранее не пользовался. И хотя он не может захватить территорию или выиграть впечатляющие сражения, его действия могут быть достаточно раздражающими, чтобы дать ему относительную степень силы за столом переговоров. Возможно, только таким образом каждая сторона может собрать некоторые плоды победы и избежать мира типа «или-или», который может оказаться неприемлемым или посеять семена для будущих ссор.

Если все амбиции инициатора будут отвергнуты, он потерпит категорическое поражение, хотя оно может быть скромным по сравнению с его первоначальной целью и несоразмерным по отношению к затраченным ресурсам.⁴⁶ Таким образом, сопротивление оказывается в положении, когда любая уступка будет означать поражение. Независимо от того, заключается ли оно в признании группы мятежников, предоставлении ей представительства в существующем правительстве или молчаливым принятии фактической границы, любое изменение статус-кво будет представлять собой плюс и минус.

Вопрос о «плюсе» для кого-либо после термоядерного обмена вызвал продолжительные споры. Теоретики расходятся во мнениях о природе такого конфликта, поскольку ядерная война никогда не велась. Но некоторые «интеллектуалы от обороны» предположили, что военные действия продлятся несколько дней, вероятно, закончатся переговорами. [9, 107] Советские стратеги последовательно предвидели начальную фазу, в которой ядерное оружие будет исчерпано, за которой последует решающий период обычных военных действий. Страна, которая восстановится и отреагирует наиболее эффективно, одержит верх. Сегодня большое внимание уделяется тому, что называется «планированием после ядерного удара» или разработкой стратегии для борьбы с тем, что осталось. На этом этапе цели могут быть неясны, а победа может потребовать больше сотрудничества, чем соревнования. Но, как однажды заметил Станислав Лем: «Нет такой абсурдной идеи, которую люди не восприняли бы как свою»¹

Военные действия прекращаются, когда противники убеждены, что продолжение боя не послужит полезной цели. Многие факторы, участвующие в достижении этой точки, были упомянуты здесь. До сих пор не было обнаружено формулы, которая предскажет исход войны, и не существует критерия, который уравнивал бы цену военной операции с ценностью цели. Люди не всегда реагируют одинаково на одно и то же или похожее давление, и обстоятельства могут изменить дела на войне, как и в праве. Но эмоциональная привлекательность победы

¹ Дознание пилота Пиркса / https://ru.wikiquote.org/wiki/Дознание_пилота_Пиркса (Дата обращения: 28 декабря 2025 г.)

и отвращение к поражению являются эндемичными. Если не уделять более пристального внимания предмету, он вполне может стать областью исследования для археолога, а не историка.

Заключение

В этой статье «победа» определяется как прекращение вооруженного конфликта в условиях, удовлетворяющих хотя бы одну из сторон с точки зрения заявленных целей. Опираясь на примеры войн от Американской революции до наших дней, автор показывает, как характер и ведение войны могут изменить первоначальные цели, и приводит примеры, когда военная победа, поскольку капитуляция или уничтожение сил противника не были достигнуты, но политические цели были достигнуты. На коалиционную войну и дипломатию могут влиять различные цели союзников, что также может привести к жесткому или мягкому обращению с побежденными.

Войны завершались разными способами, и победа принимала множество форм. Хотя вооруженная сила обычно определяет результат, другие факторы часто влияют на решение прекратить военные действия и изменить условия урегулирования. Среди этих факторов – смена правительства одной из воюющих сторон, переговоры в ходе военных действий, внутренние соображения, коалиционные или «доверенные» союзнические события и роль внешних агентств. Ставки могут выходить за рамки местных проблем, а многосторонний подход может побудить противников принять решение, которое было бы невозможным в контексте двусторонних переговоров. Женевская конференция 1954 года и вмешательство Организации Объединенных Наций в арабо-израильские войны являются примерами того, как внешние агентства могут сделать компромисс или отказ от намерений инициатора более приемлемыми. Крупные державы приняли «доверенные поражения» в этих обстоятельствах.

К ключевым факторам, влияющим на исход современных войн относятся не только традиционные военные и экономические ресурсы, но и информационное превосходство, устойчивость гражданского общества, поддержка международных акторов и способность сторон адаптировать свои стратегические цели в ходе конфликта.

Распространенность «ограниченных войн» в последнее время – войн, которые ограничены целями, враждебностью и выделением ресурсов по крайней мере одной из сторон – ставит во главу угла осуществление полного контроля над всеми элементами, ведущими к победе. Но в то время как средства должны быть соотнесены с целью, нет способа гарантировать, что стоимость будет соизмерима с выигрышем, поскольку противник может придать этому вопросу более высокую ценность. Победа в современной войне редко рассматривалась исключительно в военных терминах, и она не всегда состояла из изменения status quo ante. Этот термин следует понимать в его исторической обстановке и лишать его абсолютных, ограничительных коннотаций.

Победа может быть разделена, о чем свидетельствует ирония, возникшая по окончании 12 дневной (июнь 2025 г.) войны между Израилем и Ираном: «Иран и Израиль поздравили друг друга с победой друг над другом».

Наконец, очевидно, нельзя согласиться с призывами привязать Победу к названию национальной идеологии России. Проект идеологии Победы, как национальной идеологии, эффективный как мобилизационный ресурс, имеющий оправдание в условиях открытой, полномасштабной войны, не может в современных условиях получить intersubjective признание в мировом сообществе. Из этого вытекает то, что основу национальной идеологии России должна составлять ее миротворительная устремленность. Идеология Победы – идеология Специальной военной операции, Победы – в гибридной войне, развязанной против России¹.

Литература

1. Карл Фон Клаузевиц. О войне. М.: АСТ, 2025. 320 с.
2. Кугай А.И. Пространство репрессивной логократии // Управленческое консультирование. 2013 № 1. С. 132–137
3. Кугай А.И. Великая Отечественная война как эпос и память / Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг: монография. – Чебоксары: ИД «Среда», 2025.
4. Arnold J. Toynbee, The Hannibalic War's Effects on Roman Life/ New York 1966, 752 p.
5. Arthur Gladstone, "The Conception of the Enemy", Journal of Conflict Resolution, III. June 1959., Pp. 132–137.

¹ Кугай А.И. Базовые принципы и условия формирования национальной идеологии / https://ruskline.ru/analitika/2023/06/28/bazovye_principy_i_usloviya_formirovaniya_nacionalnoi_ideologii (Дата обращения: 27 декабря 2025 г.)

6. Bjelajac, Slavko N. "Unconventional Warfare in the Nuclear Era." *Orbis*, Vol 4 (Fall 1960), Pp. 323–337.

7. Calahan, H.A. *What Makes a War End?* (New York: Vanguard Press, 1944. 209 p.

8. Henry A. Kissinger, "Force and Diplomacy in the Nuclear Age", *Foreign Affairs*, XXXIV. 1956, p. 349–366.

9. Herman Kahn, *On Thermonuclear War*. Princeton 1960, 672 p

10. Klaus Knorr and Thornton Read, ed., *Limited Strategic War*. New York 1962. 258 p.p. 59

11. Raymond G. O'Connor *Current Concepts and Philosophy of Warfare*. Naval War College Review. Volum 21, January. 1968, p. 3–15.

12. Roger Trinquier, *Modern War: A French View of Modern Insurgency*. London, 1964, 115 p.

13. Sun Tzu, *The Art of War*, translated and edited by Samuel B. Griffith (Oxford 1963), 197 p.

14. Thomas E. Phipps J, "Strategy of War Limitation," *Journal of Conflict Resolution*, Peace Science Society (International), Vol. 7(3), September 1963., Pp. 215–227. 219 p.

15. William H. Seward., quoted in Coleman Phillipson, *Termination of War and Treaties of Peace*. London, 1968, 508 p.

"VICTORY": CONCEPTUAL ANALYSIS AND INTERPRETATIONS

Kugai A.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of this paper is to critically understand and systematize concepts of victory in war, as well as to identify the factors influencing the achievement and interpretation of victorious outcomes in various historical and contemporary conflicts. Objectives: 1. To examine and systematize the diversity of meanings and concepts ascribed to the term "victory" in the context of military conflicts. 2. To analyze the historical experience of ending wars (from World War II to modern wars of national liberation), comparing their outcomes with various concepts of victory and the positions of the belligerents. 3. To identify and discuss the key factors and circumstances influencing the outcome and termination of modern wars. 4. To formulate generalizations and observations regarding the dynamics of war goals and the circumstances of its conclusion, which can serve as a basis for further scholarly research. Methodology: Conceptual and semantic analysis was used to deconstruct the term "victory" and classify its diverse meanings depending on the political and ideological context. Results. 1. A systematized diversity of concepts of "victory" has been developed, ranging from traditional military triumph (the unconditional surrender of the enemy) to the achievement of strategic political goals in the absence of complete military victory. 2. It has been revealed that objective military results and the subjective perception of victory by the warring parties often diverge. 3. A set of key factors influencing the outcome of modern wars has been identified. These include not only traditional military and economic resources, but also information superiority, the resilience of civil society, the support of international actors, and the ability of the parties to adapt their strategic goals during the conflict. Conclusions. 1. The specific nature of modern "limited wars" requires strict coordination of resources and goals, but does not guarantee that costs are proportionate to results due to the asymmetry of the opponents' values. 2. In modern conditions, victory is losing its absolute military character and should be interpreted as a relative historical and political category. 2. The outcome of modern wars is determined not only by classic military-economic indicators, but also by the significant influence of non-military factors, such as information superiority, the degree of societal consolidation, international support, and the strategic adaptability of the parties to the conflict.

Keywords: war, victory, World War II, local wars, Clausewitz, Sun Ching, O'Connor, Mahan, MacArthur, Mao Zedong, Tu Yu, ideology of the Special Military Operation.

References

1. Carl von Clausewitz, *On War*. Moscow: AST, 2025. 320 p.
2. A. I. Kugai, "The Space of Repressive Logocracy," in *Management Consulting*, 2013, No. 1, Pp. 132–137.
3. A. I. Kugai, "The Great Patriotic War as Epic and Memory," in *Economics and Law: Problems, Strategy, and Monitoring: A Monograph*. Cheboksary: Sreda Publishing House, 2025.
4. Arnold J. Toynbee, "The Hannibalic War's Effects on Roman Life," in *New York*, 1966, 752p.
5. Arthur Gladstone, "The Conception of the Enemy," in *Journal of Conflict Resolution*, June 3, 1959, Pp. 132–137.
6. Bjelajac, Slavko N. "Unconventional Warfare in the Nuclear Era." *Orbis*, Vol 4 (Fall 1960), Pp. 323–337.
7. Calahan, H.A. *What Makes a War End?* (New York: Vanguard Press, 1944. 209 p.
8. Henry A. Kissinger, "Force and Diplomacy in the Nuclear Age," *Foreign Affairs*, XXXIV. 1956, p. 349–366.
9. Herman Kahn, *On Thermonuclear War*. Princeton 1960, 672p
10. Klaus Knorr and Thornton Read, ed., *Limited Strategic War*. New York 1962. 258 p.
11. Raymond G. O'Connor *Current Concepts and Philosophy of Warfare*. Naval War College Review. Volume 21, January. 1968, p. 3–15.
12. Roger Trinquier, *Modern War: A French View of Modern Insurgency*. London, 1964, 115 p.
13. Sun Tzu, *The Art of War*, translated and edited by Samuel B. Griffith (Oxford 1963), 197 p.
14. Thomas E. Phipps J, "Strategy of War Limitation," *Journal of Conflict Resolution*, Peace Science Society (International), Vol. 7(3), September 1963, Pp. 215–227. 219 p.
15. William H. Seward, quoted in Coleman Phillipson, *Termination of War and Treaties of Peace*. London, 1968, 508 p.

«Гуманизм» или «человечность»: современные дискуссии о разнице их смыслового наполнения

Скородумова Ольга Борисовна,

доктор философских наук, профессор кафедры современных аксиологических проблем и религиозных идей Российского государственного социального университета
E-mail: obsel@mail.ru

Гладышева Стелла Геннадьевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры современных аксиологических проблем и религиозных идей Российского государственного социального университета
E-mail: svglad@mail.ru

В статье рассматриваются базовые идеи гуманизма и последующая их трансформация в европейской философской традиции. Показано, что установка на творческую активность человека привела в дальнейшем к откату от Бога и обожествлению самого человека. Анализируются мировоззренческие следствия принятия тезиса «смерти Бога» на примере концепций Ф. Ницше и марксизма. Рассматриваются особенности интерпретации идей гуманизма в европейской философии XX века в концепциях Э. Фромма и Ж.П. Сартра. Исследована последовательность и логика эволюции гуманизма к трансгуманизму. Показана ее амбивалентность. Провозглашая культ человека как высшего существа в мире, гуманизм порождает в рамках трансгуманизма идею конца эры *Homo sapiens*. Приводится оценка гуманизма в русской философской традиции. Показано на примере работы Н. Бердяева принципиальное различие в понимании духовности и человечности в сравнении с западно-европейской философией. Обосновывается вывод о том, что традиционным духовно-нравственным ценностям российского многонационального народа необходимо относить человечность, а не гуманизм.

Ключевые слова: гуманизм, атеизм, Бог, богочеловечность, человекобожие, «смерть Бога», постмодернизм, трансгуманизм, человечность, духовность.

Введение

Современное резкое изменение геополитической обстановки, связано с кризисом проекта глобализации, в основе которого лежит стремление к доминированию США и формированию многополярного мира. Россия, Китай и другие страны стремятся выстраивать отношения с позиций уважения к национальным интересам, своеобразию культурных традиций, менталитета, особенностям политического строя. В этой связи значимым становится самоопределение России как самобытного государства-цивилизации со своим ценностным кодом.

Актуальность исследования обусловлена потребностью рассмотрения смыслового наполнения ценностного кода. Акцент делается на традиционных российских духовно-нравственных ценностях. В связи с этим дискуссионным является вопрос о том, можно ли к ним относить гуманизм, корни которого лежат в европейской культурной традиции, от которой на данном этапе развития Россия стремится дистанцироваться. Востребованным становится анализ трактовки гуманизма в русской философской традиции и его сопоставление с таким понятием как «человечность».

Практической значимостью исследования является возможность использования данных выводов при формировании стратегических программ, определяющих приоритетные направления развития России на базе тех или иных ценностей, подготовке учебных материалов по курсам «Русская философия», «Истории России», «Основы российской государственности». Данные материалы могут быть использованы при проведении дискуссий в СМИ о мировоззренческой основе самобытности нашего государства.

Методологическая основа

При исследовании смыслового наполнения понятий «гуманизм» и «человечность» применялись методы герменевтического анализа, позволившие показать смысловую многогранность данных понятий.

Исторический метод позволил рассмотреть трансформацию гуманизма в различные исторические периоды, начиная от эпохи Возрождения и кончая XXI веком.

Компаративный анализ позволил выявить различия как в понимании базовых идей гуманизма в различные исторические периоды, так и в сопоставлении его с понятием «человечность» в русской философии.

Опираясь на диалектический подход, были выявлены противоречивые тенденции в развитии западно-европейской философии, когда утверждение абсолютной ценности человека в конечном итоге привело к отрицанию *Homo sapiens* как перспективного, с точки зрения эволюции, типа.

Системный подход позволил рассмотреть многогранность понятия «человечность», подразумевающего единство человеческого и божественного начала.

Предпосылки возникновения гуманизма и его базовых идей

Истоки идей гуманизма следует искать в эпохе Возрождения. Именно в это время меняется вектор человеческого сознания с теоцентрического на антропоцентрическое. Священное Писание указывает на высокое достоинство человека, которым наделил его Бог, и ради восстановления которого Он претерпел Крестную смерть: «*Не много Ты унизил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, все покорил под ноги его*» [4] (к евр.2:7–8). Новое понимание человеческой природы предполагало, что полнота раскрытия человека состояла не столько в единении с Богом, в восстановлении в себе образа Божьего через всецелое предание себя Воле Божией и преодоление греха, сколько в утверждении им собственной воли. Средневековому человеку было очевидно, что гордость, утверждение в своем самостоянии вне Бога – главный порок, с которым связана утрата не только человеком, но и верховным ангелом изначального, Богом данного достоинства: «*Наказание гордому – падение, ... От одной этой страсти, без всякой другой, некто (то есть диавол) ниспал с неба*» [13]. Человек эпохи Ренессанса, напротив, был горд сознанием собственных безграничных возможностей. «*Если сравнить человека Возрождения*

с его средневековым предшественником, то представляется, будто он внезапно, словно перепрыгнув через несколько ступенек, поднялся практически до статуса сверхчеловека» [20, с. 54].

Пика делла Мирандола в своей работе «Речь о достоинстве человека» [7] обосновывает данную идею следующим образом: так как Бог сотворил человека, дав ему дар свободы воли, человек может использовать его как ему заблагорассудится. «*Ты же, не стесненный никакими пределами, определяешь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя представляю. ... Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные*» [7, с. 507–508]. В дальнейшем, эта установка привела к тому, что европейская философская традиция вначале отодвинула Бога на периферию, а потом вовсе отказалась от него в утверждении человеческого достоинства.

От гуманизма к атеизму: истоки безбожия эпохи Просвещения

Постепенный отказ от идеи Бога осуществлялся путем трансформации его сущности. Вначале Бог понимался пантеистически, как сущность, энергия, разлитая в мире. В Спиноза говорит о единственной субстанции, отождествляя Бога с природой [19]. Бог лишается антропоморфных и креационистских качеств, он максимально обезличен. «*Бог... – первая причина всех вещей, а также причина самого себя – познается из самого себя*» [18, с. 123]. Бог понимается как актуальная завершенная бесконечность, совпадающая с природой. Он теряет качества личности и опыт общения в предстояния перед ним становится невозможен. Отождествление Бога с природой приводит и к обезличиванию человека, который тоже рассматривается как часть природы. В дальнейшем связь с Богом была полностью оборвана. Более того, в XVIII веке в эпоху Просвещения возникает позиция отрицания Бога в любой интерпретации, атеизма. Вольтер, обращаясь к Жану Д'Аламберу, призывает к уничтожению христианской церкви [21]. Соответственно, возникла потребность в ответе на вопрос о происхождении человека, – альтернативном христианскому учению. Со временем сформировалась известная и в наши дни позиция: человек вышел из природы и в процессе эволюции развился до такой степени, что у него появился разум. Натуралистическая трактовка природы человека сопровождалась утверждением, что все люди равны, свободны и должны относиться друг к другу как братья. Принципы Свобода, Равенство, Братство стали определяющими в эпоху Просвещения, поднимали на новый уровень статус человека. Но в конце XVIII века, провозгласив эти принципы как базовые, Великая французская революция 1789–1799 привела к жесточайшему террору. В этот же период происходит широкое использование гильотины как орудия смертной казни. Парадокс состоит в том, что настаивает на использовании гильотины врач по профессии Жозеф Игнас Гильотен, именем которого она и была названа. Члены Учредительного собрания, куда входил и сам Гильотен, единогласно проголосовали за положение о том, что гильотина гуманнейшее из изобретений и должна быть широко внедрена в практику казней. Во Франции возник культ гильотины: ее образ воспроизводился на дамских украшениях и кондитерских изделиях, также были выпущены духи с одноименным названием. На этом примере стала очевидной парадоксальность понятия гуманизма.

«Смерть Бога» и формирование представлений о неограниченной свободе человека

Отказ от идеи Бога в XIX веке привел к повышенному вниманию к инстинктивной деятельности человека. Сексуальный инстинкт, как определяющий жизнь человеческого общества у З. Фрейда, удовлетворение первичных потребностей через экономическую деятельность в марксизме, инстинкт воли к жизни у А. Шопенгауэра и воли к власти у Ф. Ницше, определяют суть человеческой жизни и созданный им культуры.

Наиболее ярко и эмоционально отрицание идеи Бога характерно для Ф. Ницше. Резкая критика самой идеи Бога и создание образа Бога как воплощения тщеславия, властолюбия, нетерпимости, внушающего восторг и ужас дается Ф. Ницше в его «Веселой науке» и «Утренней заре» [14]. Поскольку с идеей Бога связывалась и мораль, то отказ от моральных принципов рассматривался как одна из задач современности: «... я-то думаю, что уж коли немцы окажутся в состоянии, когда им по плечу большие дела, они всякий раз будут подниматься над моралью!» [14, с. 209]. Рассуждая далее о смерти Бога, Ф. Ницше подчеркивает определяющее значение этого события для дальнейшего развития европейской культуры и истории. «*Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! ... Никогда не совершалось деяния более великого,*

и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, нежели вся прежняя история!» [15, с. 440].

Для марксизма же характерен более утилитарный подход. Признание значимости религии как иллюзорного компенсирующего средства вело к положению о том, что религия «опиум для народа». Марксизм претендует на создание практического (положительного) гуманизма [12, с. 169], основанного на принципе: «*свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех*» [11, с. 25]. Построение бесклассового коммунистического общества рассматривалось как предпосылка достижения данного идеала. Развитие общественных отношений порождает процесс отчуждения человека как от продуктов своей деятельности, так и от самого себя. Эти явления обусловлены антагонизмами обществ, основанных на частной собственности. Осуществление мировой революции пролетариатом позволяет начать процесс снятия отчуждения, итогом которого и должно стать коммунистическое общество. Его построение ведет к разрешению противоречий «*между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом*» [10, с. 116]. При этом, согласно марксизму, происходит возвращение человека к самому себе как человеку общественному, ведь именно коллективная трудовая деятельность и привела, с точки зрения этого учения, к выделению человека из животного мира. Постепенное снятие отчуждения, как считают марксисты, возвращает человеку то духовное богатство, которое было накоплено в истории. В итоге построение коммунизма открывает путь к «царству свободы» или «эпохе положительного гуманизма» [16]. И здесь мы видим признаки натуралистического подхода. Замыкание духовности на социальности не может объяснить ее истоков. Развитая социальность есть и у многих живых существ, например, пчел, муравьев, однако вряд ли мы можем говорить об их духовности.

«Изобретение нового человека» – реализации гуманистической природы творчества

В XX веке практически все философы говорили о своей приверженности идеям гуманизма [22], о чем свидетельствует ряд работ: Ж.П. Сартр «Экзистенциализм – это гуманизм» [17], М. Хайдеггер «Письмо о гуманизме» [26], П. Куртц «В защиту светского гуманизма» [28], Томас де Зинготита «Постмодернистская теория и прогрессивная политика: на пути к новому гуманизму (Политическая философия и общественное предназначение)» [29] и др. При всем их разнообразии базовая идея гуманизма об неограниченной преобразовательной активности человека проходит красной нитью практически через все философские теории этого периода.

В качестве примера можно привести концепцию «радикально-го гуманизма» Э. Фромма. В его концепции совмещены как базовые установки гуманизма, связанные со стремлением к неограниченной свободе, так идеи фрейдизма и марксизма, акцентирующие внимание на психических процессах и проблеме отчуждения в капиталистическом обществе. Здесь мы наблюдаем общую тенденцию гуманизма XX века: отказ от духовности, связи человека с Богом и сведение существенных основ человека либо к биологии, либо к социуму, либо к психологии. По Фромму, конфликт социальных и психических факторов определяет существование человека в XX веке. Стремясь к свободе, человек отказывается от идеи Бога, которая создавала определенную психологическую комфортность его существования. Но обретенная свобода оказывается для большинства тяжелейшим бременем, выдержать которое они не в силах. Происходит своеобразное бегство от свободы и поиск заменителей Бога [24]. На примере фашистской Германии показаны поиски подобного рода замещения, приведшие к обожествлению Адольфа Гитлера.

Психическая энергия, определяющая поведение человека, и являющаяся движущей силой его развития, порождает противоречивость человеческого бытия. Э. Фромм считает, что психология человека устроена таким образом, что для него важно «... *ревностное служение цели, или идее, или трансцендентной человеку силе, такой как Бог*» [25, с. 357]. Без этого невозможно ощущение полноты бытия. Лишившись представления о Боге, человек ощущает себя беспомощным и брошенным и ищет замещающую Бога силу. Но эта сила должна быть найдена в нем самом. Э. Фромм, задавая вопрос: «... *есть возможность формулировать нормы поведения и ценностные суждения, объективно правильные для всех людей и при этом определяемые самим человеком, а не превосходящим его авторитетом?*» [25, с. 325], отвечает на него утвердительно. Разрабатывается концепция нового человека, отказывающегося от стремления к потребительству (обладанию) во имя полноты существования [23, с. 395–398]. Именно новая структура характера человека, т.е. чисто психологические признаки

определяют характерные черты его существования. Априори предполагается, что возникнет и новое общество, которое создаст условия для формирования такого человека, но при этом главная ответственность за трансформацию самого себя лежит на нем самом. Здесь явно прослеживается одна из базовых идей гуманизма – неограниченность возможностей человека в преобразовании самого себя: «...*никто и ничто вне нас самих не может придать смысл нашей жизни*» [23, с. 395]. Декларативно провозглашается необходимость единения с природой и другими людьми без учета особенностей культурных традиций и приписания им ценностей, национальных характеров, особенностей восприятия мира. Условием реализации поставленной задачи является осознание человеком собственной значимости, что также является характерной чертой гуманистического подхода, провозглашающего безграничность человеческих возможностей.

Для атеистического экзистенциализма характерно повышенное внимание к индивидуальной активности человека. В русле идей гуманизма она ничем не предопределена, человек – это проект, подлежащий собственной реализации [17, с. 319–345]. Отсюда следует, что изначально человек своего рода чистая доска и только в процессе жизнедеятельности он, осуществляя выбор и совершая те или иные поступки, формирует свою сущность [23, с. 323, 324]. Базовый постулат экзистенциализма: существование человека предшествует его сущности реализует фундаментальную идею гуманизма о ничем не ограниченной творческой активности человека. Как творец он не только создает себя, но «изобретает человека» [23, с. 328], т.е. формирует, создает образ и закладывает представления о человеке вообще. Но для совершения тех или иных действий нужны определенные ориентиры, в том числе нравственные. В ситуации отказа от Бога, автоматически должен произойти и отказ от моральных норм с ним связанных [23, с. 327]. Как же тогда определить, где добро, а где зло? Ж.П. Сартр в своих выводах последователен: это определяет сам человек: «...*Если я сочту данный поступок благим, то именно я, а не кто-то другой, решаю, что этот поступок благой, а не злой*» [23, с. 325–326]. В ситуации неопределенности ценностей следует опираться на инстинкты [23, с. 329]. Человек сам придает смысл своей жизни, формулирует ценности [23, с. 342] и тем самым создает тот тип общества, который соответствует его выбору: «...*Действительность будет такой, какой ее определит сам человек*» [23, с. 332]. Таким образом, творческая активность человека расширяется: он создает не только самого себя, но и ценности и определенный тип общества. Это логически вытекает из положения, признающего отказ от идеи Бога, о чем неоднократно говорит сам Ж.П. Сартр.

От гуманизма к трансгуманизму: конец эпохи Homo sapiens

Если экзистенциализм предлагал создавать, конструировать человека, то во второй половине XX века набирающий популярность структурализм в лице К. Леви-Стросса предложил растворить его в культуре, связав с функционированием и взаимодействием безличных структур, проявляющих себя в культурной жизни человека [9]. В дальнейшем уже Р. Барт, в своей работе «Смерть автора» [2] рассматривает человека (на примере писателя) как средство, личностные качества которого не существенны: «...*язык знает субъекта, но не личность, и этого субъекта... хватает, чтобы вместить в себя весь язык*» [2, с. 387]. Человек превращается в объект манипулирования, с помощью которого язык осуществляет свою активность. В постмодернизме эта тенденция нивелирования личности человека приобретает еще более четкие очертания. Ж.Ж. Деррида вводит понятие «деконструкция» [6]. Характеризуя данное понятие, переводчик и автор предисловия к трактату Деррида «О грамматологии» Н. Автономова обращает внимание на то, что «*Деррида предлагает нам понять деконструкцию не вообще, но лишь в конкретном ее осуществлении, т.е. в цепочке взаимозамещений между понятиями, ряды которых открыты в бесконечность*» [6, с. 19]. Сущность человека также подлежит деконструкции, она распадается на бесконечное множество понятий: «телесность», «мысль», «этичность» и т.д. Представление о целостности личности теряется. В своей жизнедеятельности человек меняет свой образ как маски, не останавливаясь и не задерживаясь ни на какой из них. В каждой конкретной ситуации такой индивид – сингулярность, которая в следующий момент исчезает, чтобы появилась новая, непредсказуемая. Трансгуманизм, развивая идеи постмодернизма, уже ставит вопрос не только о трансформации человека, но и о полном его уничтожении в качестве Homo sapiens [27]. Тезис гуманизма о человеке как свободном мастере, преобразующем в том числе самого себя, можно развить до идеи совершенствования до бесконечности. Появляется «мультивидуум», которому тесно в рамках одного «я» [27]. Индивид превращается в «психоид», имеющий единое сознание. «*Личность сможет простираться через континенты, плане-*

ты, звездные системы, выступать в разных материальных обликах и социально-профессиональных ролях» [27, с. 180–198]. Человек как биологическое и разумное существо несовершенно. Отсюда следует, что необходимо трансформировать его, заменив систему пищеварения и прием традиционной еды на концентрированные таблетки. Репродуктивная система также доставляет много хлопот и проблем, можно и ее от нее отказаться, заменив клонированием. Сознание с биологического носителя можно перенести на кремниевую основу, обеспечив тем самым его бесконечное существование (бессмертие). По существу, это ведет к отказу от человека в том традиционном виде, в каком он существует, к нивелированию всех сущностных черт Homo sapiens [5]. Провозглашается замена его новым существом – сверхчеловеком [5]. Таким образом гуманизм, провозгласив нечем не ограниченную творческую активность человека в итоге пришел к отрицанию его сущностной основы.

Понимание человечности в русской философской традиции

В отечественной философии, в особенности, в философии Серебряного века, обнаруживается двойственное отношение к идее гуманизма и к эпохе Ренессанса в целом. С одной стороны, очевидно сочувственное отношение к ним, как обеспечивших подъем значения человеческой творческой индивидуальности, которая нашла блестящее проявление в достижениях науки и искусства. Однако, доминирует в ней другая оценка, фиксирующая кризис гуманизма и Ренессансной культуры. В числе других ее высказывал такой известный философ, как Н. Бердяев. Разбору понятия «человечность» в сопоставлении его с идеей гуманизма, он посвящает целую (восьмую) главу в работе «*Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого*» [3, с. 59–67]. Мыслитель начинает ее с утверждения, что настоящей антропологии до сих пор еще не существует: ему представляются неудовлетворительными не только гуманистический вариант антропологии, но и предшествующие – схоластический, и, что особенно важно, святоотеческий, – определяющий для православия. Христианское учение о человеке, согласно Бердяеву, уступает ренессансному в том, что творческое начало в нем выступает подавленным сознанием греха [3, с. 59]. Но, с другой стороны, Бердяев убедительно раскрывает несостоятельность идеи ренессансного гуманизма. Основную его ложь он усматривает в идее самодостаточности человека, его самообоготворении. В то время, как, согласно философу, Человечность есть богочеловечность. «*Парадоксально нужно сказать, что наложение печати человечности есть не печать антропоморфизма, а печать теоморфизма. Ибо ... не человек божествен, а человек божествен*» [3, с. 66]. Поэтому, только реализовав в себе образ Божий, человек реализует в себе образ человеческий, и, наоборот: реализуя в себе образ человеческий, он реализует в себе образ Божий. «*В этом тайна богочеловечности, величайшая тайна человеческой жизни*» [3, с. 59]. Возвращение к теоцентрической позиции из антропоцентрической представляется Н. Бердяеву неизбежностью. В отличие от сказанного в начале главы о недостаточности христианской антропологии, он далее утверждает, что «*в христианстве заложена высшая человечность, так как оно опирается на богочеловечность и на христианский персонализм, на признание высшей ценности всякой человеческой личности*» [3, с. 61]. Утверждая человеческую свободу, он, очевидно, polemизирует с ее трактовкой, представленной Пико дела Мирандола. Бердяев далек от восхваления человеческого достоинства, когда говорит о том, что быть действительно свободным возможно только в Боге, поскольку этого требует от человека Бог; сам же по себе человек не стремится к состоянию свободы, он более склонен к рабству и к звероподобию. Если человек не стремится к реализации образа Божьего в себе, он превращается в ухудшенный вариант животного. Животное не осуществляет попыток по отношению к своим сородичам. Изощренные истязания способны придумать только человек. Иными словами, вопреки утверждению флорентийца, человек не в состоянии самостоятельно преодолеть искажение образа Божия в себе, и, тем более, подниматься «выше ангелов». «*Человек сам по себе очень мало человечен, он даже бесчеловечен*» [3, с. 59]. Указывая на легкость перехода самоутверждающейся человечности в бесчеловечность, Н. Бердяев неизменно подчеркивает, что именно составляет различие между гуманизмом и человекностью: «...*Человечность не есть то, что называют гуманизмом или гуманитаризмом, она есть богочеловечность человека*» [3, с. 59–60].

Н. Бердяев так же резко выступает против идеалов эпохи Просвещения: «...*нужно было бы утверждать не естественное право, но естественную мораль, не естественный разум, а духовное право, духовную мораль, духовный разум*» [3, с. 61]. Утрата духовности ведет к появлению бесчеловечного бога. Ярким примером подобного рода процессов является появление нового религиозного течения в США в XXI веке «Путь будущего», основанного на поклонении богу ИИ (искусственного интеллекта) [8]. В рамках этого течения происходит ори-

ентация на потребности, сформированные обществом потребления: «больше не нужно работать, роботы и искусственный интеллект будут производить что угодно в любом количестве, больше не будет нужды или нехватки чего-либо» [1, с. 392]. Рисуется картина некоего земного рая, основанного на ценностях свободы предпринимательства, слова, демократии и рынка, а также прав человека. Ни об обязанностях, ни об ответственности, ни о духовности речи при этом не идет [1, с. 391]. Но ведь человечность зависит от уровня нравственного развития общества. Речь не должна идти об абстрактной моральности, как например, у Канта, сформулировавшего свой категорический императив. Важным является конкретное живое моральное отношение человека к человеку. Н. Бердяев разделяет два понятия «человеческое» и «человечное». С человеческим связаны все слабости человека как биологического и социального существа, которые дают возможность манипулировать человеком с помощью мифов, пропаганды и насилия. Человечность же опирается на преодоление эгоцентризма. Человечность связана с творческой активностью и свободой человека в его устремленности к духовному. «Человечность противостоит объективации. Человечность есть не социализация, а спиритуализация человеческой жизни» [1, с. 64]. Право на свободу еще не делает человека свободным. Он может обрести свободу, только реализовав себя как свободное духовное существо. Человечность проявляется в любви и жалости. Через любовь, считает Н. Бердяев, осуществляется прорыв к божественному в человеке. Таким образом, духовность, божественность, свобода и творчество в человеке представляют грани проявления того, что можно назвать человечностью.

Заключение

Проведенный анализ показал, что характер развития европейской философии и культуры, основанный на понимании человека как абсолютно свободного в своей творческой деятельности существа, логически привел к его обожествлению, к восприятию его как богочеловека, который может преобразовывать не только внешний мир в соответствии со своими неограниченными потребностями, но и самого себя. Конечным итогом такого подхода было появление трансгуманизма с его идеей сверхчеловека, уничтожающего целостность человеческого Я и его духовность.

Ничем не ограниченный потенциал преобразований естественного человеческого существа создает риски утраты им не только своей биологической природы, но и разумного начала. Развитие биотехнологий и искусственного интеллекта создают условия для манипулирования геномом человека, выведения «новых пород людей» с помощью ЭКО и, потенциально, клонирования, осуществления контроля над психикой и изменения самой психики с помощью вживленных чипов, тотального контроля над жизнью человека со стороны виртуальных голосовых помощников, нейросетей и ИИ-платформ.

Противостояние этим тенденциям возможно на основе осознания необходимости сохранения ценностных традиционных основ русской культуры, представления о целостности человеческого Я, включающего как человеческую, так и божественную составляющую – богочеловека. Только при этих условиях возможно сохранение нравственного начала в человеке, предотвращение превращения его в средство для извлечения прибыли или осуществления чуждых российским интересам политических и культурных задач.

Литература

1. Ашманов И., Касперская Н. Цифровая гигиена. – СПб.: Питер, 2022. – 400 с.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1979. С. 384–391.
3. Бердяев Н.А. Человечность // Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н.А. Бердяев / «Public Domain». С. 59–67. – Париж: YMCA-press, cop. 1952. – 246 с.
4. Библия. Новый Завет. – URL: https://lib.pravmir.ru/data/files/Novyi_Zavet.pdf?ysclid=mkxc2cknk767487905 (дата обращения: 26.01.2026).
5. Бостром, Ник. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии / Ник Бостром; пер. с англ. Сергея Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 490 с.
6. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
7. Джованни Пика делла Мирандола. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. Античность. Средневековье. Возрождение. – М.: Издательство Академии художеств СССР, 1962. С. 503–514.
8. Известный разработчик беспилотных транспортных средств Энтони Левандовски снова открыл свою церковь, посвященную ИИ. – URL: <https://habr.com/ru/news/776778/> (дата обращения: 26.01.2026).

9. Леви-Стросс К. Мифологики: Человек голый. М.: ИД «Флюид», 2007. – 784 с.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. – М.: Госполитиздат, 1970.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. – URL: <https://komsomolrf.ru/wp-content/uploads/Манифест-Коммунистической-партии.pdf>. (дата обращения: 26.01.2026).
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. – М.: Госполитиздат, 1970. – 535 с.
13. Митрополит Илларион (Алфеев). Антропология преподобного Симеона Нового Богослова. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/antropologija-prepodobnogo-simeona-novogo-bogoslova/3 (дата обращения: 26.01.2026).
14. Ницше Ф. Утренняя заря // Ницше, Фридрих. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2005–2014. // Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука / Пер. с нем. В. Бакусева, К. Свасьяна; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. – 2014. – 640.
15. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше, Фридрих. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2005–2014 // Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука / Пер. с нем. В. Бакусева, К. Свасьяна; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. – 2014. – 640 с.
16. Платонов С. После коммунизма. Книга не предназначенная для печати. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 255 с.
17. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 319–345.
18. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // Избранные произведения. В 2-х тт. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 358 с.
19. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей / Пер. с лат. Н.А. Иванцова. – М.: Академический Проект, 2020. – 431 с.
20. Тарнас Р. История западного мышления. – М.: Изд. дом «КРОН-пресс», 1995. – 444 с.
21. Фадеев, В.А. Преображение гуманизма. – М.: РГГУ, 2022. – 198 с.
22. Фролова М.И. Человек в гуманистической философии XX века. Проблемы существования и перспективы развития. – М.: ЛЕНАНД, 2022. – 256 с.
23. Фромм Э. Иметь или быть? // Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: АСТ, 2000. – 448 с.
24. Фромм Э. Бегство от свободы / Эрих Фромм; [пер. с англ. А.В. Александровой]. – М.: АСТ, 2017. – 288 с.
25. Фромм Э. Человек для себя // Бегство от свободы. Человек для себя / Эрих Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.
26. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 192–221.
27. Эпштейн М. Debut de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века: Знамя. 2001. № 5. С. 180–198. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1435> (дата обращения: 20.01.2026).
28. Kurtz P. In Defense of Secular Humanism: Some Definitions of Humanism. Prometheus. 2010. – 281 p.
29. Postmodern Theory and Progressive Politics: Toward a New Humanism (Political Philosophy and Public Purpose. Palgrave Macmillan, 2019. – 566 p.

«HUMANISM» OR «HUMANITY»: CONTEMPORARY DISCUSSIONS ON THE DIFFERENCE IN THEIR MEANINGS

Skorodumova O.B., Gladysheva S.G.
Russian State Social University

The article examines the basic ideas of humanism and their subsequent transformation in the European philosophical tradition. It is shown that the focus on human creativity led to the rejection of God and the deification of man himself. The article analyzes the ideological consequences of accepting the thesis of «the death of God» using the concepts of Friedrich Nietzsche and Marxism as examples. The article also examines the interpretation of humanism in the European philosophy of the 20th century, particularly in the works of Erich Fromm and Jean-Paul Sartre. The sequence and logic of the evolution of humanism to transhumanism are investigated. Her ambivalence is shown. By proclaiming the cult of man as the supreme being in the world, humanism generates within the framework of transhumanism the idea of the end of the era of Homo sapiens. The article provides an assessment of humanism in the Russian philosophical tradition. Using the example of the works of S. Bulgakov and N. Berdyaev, the fundamental difference in the understanding of spirituality and humanity in comparison with Western European philosophy is shown. The conclusion is substantiated that humanity, rather than humanism, should be considered a traditional spiritual and moral value of the Russian multinational people.

Keywords: humanism, atheism, God, God-manhood, man-Godhood, «death of God», post-modernism, transhumanism, humanity, spirituality.

References

1. Ashmanov I., Kasperskaya N. Digital Hygiene. – St. Petersburg: Peter, 2022. – 400 p.
2. Barthes R. The Death of the Author // Selected Works. Semiotics. Poetics. – M.: Progress, 1979. P. 384–391.
3. Berdyaev N.A. Humanity // The existential dialectics of the divine and the human / N.A. Berdyaev – «Public Domain». p. 59–67. – Paris: YMCA-press, cop. 1952. – 246 p.
4. The Bible. The New Testament. Pp. 5–6. – URL: https://lib.pravmir.ru/data/files/Novyi_Zavet.pdf?ysclid=mkcx2cknk767487905 (accessed on January 26, 2026).
5. Bostrom, Nick. Artificial Intelligence: Stages, Threats, and Strategies / Nick Bostrom; translated from English. Sergey Filin. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. – 490 p.
6. Derrida J. On Grammatology. – M.: Ad Marginem, 2000. – 511 p.
7. Giovanni Pica della Mirandola. It's about human dignity // The history of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought. Vol. 1. Antiquity. Middle Ages. Vozrozhdenie. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Arts, 1962. pp. 503–514.
8. Anthony Levandowski, a well-known developer of unmanned vehicles, reopened his church dedicated to AI. – URL: <https://habr.com/ru/news/776778/> / (date of access: 01/26/2026).
9. Levi-Strauss K. Mythologiki: Naked man. Moscow: Publishing house «Fluid», 2007. – 784 p.
10. Marx, K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. // Marx, K., and Engels, F. Works, vol. 42. Moscow: Gospolitizdat, 1970.
11. Marx, K., and Engels, F. Manifesto of the Communist Party. – URL: <https://kom-somolrf.ru/wp-content/uploads/Manifesto-of-the-Communist-Party.pdf>. (accessed on 26.01.2026).
12. Marx, K., and Engels, F. Works, vol. 42. Moscow: Gospolitizdat, 1970. 535 p.
13. Metropolitan Hilarion (Alfeev). The Anthropology of St. Simeon the New Theologian. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/antropologija-prepodobnogo-simeona-novogo-bogoslova/3 (accessed on 26.01.2026).
14. Nietzsche, F. The Dawn of Day. // Nietzsche, Friedrich. Complete works: In 13 volumes / Institute of Philosophy, Moscow: Cultural Revolution, 2005–2014. // Vol. 3: Morning Dawn. The idylls of Messina. Veselaya nauka/ Translated from German by V. Bakusev, K. Svasyan; general editorship by I.A. Ebanoidze. – 2014. – 640.
15. F. Nietzsche Merry science// Nietzsche, Friedrich. Complete works: In 13 volumes / Institute of Philosophy, Moscow: Cultural Revolution, 2005–2014 // Vol. 3: Morning Dawn. The idylls of Messina. Veselaya nauka/ Translated from German by V. Bakusev, K. Svasyan; general editorship by I.A. Ebanoidze. – 2014. – 640 p.
16. Platonov S. After Communism. A book not intended for publication. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 1989. – 255 p.
17. Sartre, J.P. Existentialism is a Humanism/Twilight of the Gods. – Moscow: Publishing House of Political Literature, 1990. Pp. 319–345.
18. Spinoza, B. A Brief Treatise on God, Man, and His Happiness // Selected Works. In 2 volumes. Vol. 1. – Moscow: Gospolitizdat, 1957. – 1358 p.
19. Spinoza, B. Ethics, Proved in Geometric Order and Divided into Five Parts / Translated from Latin by N.A. Ivantsov. – Moscow: Academic Project, 2020. – 431 p.
20. Tarnas R. The History of Western Thought. Moscow: KRON-press Publishing House, 1995. – 444 p.
21. Fadeev, V.A. The Transformation of Humanism. Moscow: RGGU, 2022. – 198 p.
22. Frolova, M.I. The Human Being in the Humanistic Philosophy of the 20th Century. Problems of Existence and Prospects for Development. Moscow: LENAND, 2022. – 256 p.
23. Fromm E. To have or to be? // The greatness and limitations of Freud's theory. – M.: ACT, 2000. – 448 p.
24. Fromm E. Escape from freedom / Erich Fromm; [trans. translated from English by A.V. Alexandrova]. – Moscow: AST, 2017. 288 p.
25. Fromm E. A man for himself // Escape from freedom. Man for Himself / Erich Fromm; translated from English. – Moscow: ACT, 2006. – 571p.
26. Heidegger M. Letter on Humanism // M. Heidegger. Time and Being. Articles and Speeches. – Moscow: Republic, 1993. Pp. 192–221.
27. Epstein M. Debut de siecle, or From Post- to Proto-. Manifesto of the New Century: Znamya. 2001. № 5. Pp. 180–198. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1435> (accessed: 20.01.2026).
28. Kurtz P. In Defense of Secular Humanism: Some Definitions of Humanism. Prometheus. 2010. – 281 p.
29. Postmodern Theory and Progressive Politics: Toward a New Humanism (Political Philosophy and Public Purpose. Palgrave Macmillan, 2019. – 566 p.

Детство как предмет философско-антропологического анализа: метафизическое измерение и границы научной рациональности

Удалых Евгения Юрьевна,

к. филос. н., доцент, кафедра юриспруденции,
АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»
E-mail: losevo7@mail.ru

В статье исследуется феномен детства в контексте философской антропологии. Автор рассматривает теоретические основания и границы применения научно-педагогического подхода. В статье обосновывается, что научно-педагогический подход, рассматривающий детство как управляемую систему и период подготовки к взрослой жизни, работает с «частичным человеком», игнорируя его метафизическое ядро. В качестве альтернативы предлагается обращение к идеям Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова, В. В. Зеньковского и художественному миру А. П. Платонова, в чьем творчестве детство предстает как онтологически полноценное состояние. В заключении статьи метафизическая оптика проецируется на проблемное поле современности, демонстрируя свою эвристическую значимость для диагностики глубинных антропологических сдвигов.

Актуальность исследования обусловлена кризисом современного образования, которое, сводя человека к совокупности эмпирических характеристик, утрачивает понимание его глубинной, «сверхприродной» сущности. Сегодня этот кризис проявляется не только в абстрактных теоретических спорах, но и в конкретных феноменах: стремительный рост детских депрессий несмотря на обилие развивающих методик; феномен эмоционального выгорания уже в начальной школе; парадоксальная утрата детской самостоятельности в условиях тотальной педагогической опеки. Следовательно, проблема заключается не в недостатке технологий, а в исчерпанности самого антропологического основания, на котором эти технологии строятся. Цель работы – выявить эвристический потенциал метафизического подхода для понимания человеческой природы и преодоления редукционизма научной рациональности. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать антропологические основания и границы научно-педагогического дискурса о детстве; обосновать необходимость метафизического поворота в исследовании данного феномена; реконструировать ключевые характеристики метафизики детства в русской философской традиции; определить значение метафизического подхода для современной философской антропологии. Методологическую базу исследования составляют компаративный анализ, позволяющий сопоставить различные парадигмы понимания детства; герменевтический метод, направленный на выявление глубинных смысловых структур в философских и художественных текстах; феноменологический подход, ориентированный на описание детства как целостного феномена.

Ключевые слова: философская антропология, метафизика детства, русская философия, психология, педагогика, наука, онтологическая инаковость, Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов, В. В. Зеньковский, А. П. Платонов.

Обращение к феномену детства в философско-антропологическом дискурсе обнаруживает парадоксальную ситуацию. С одной стороны, детство представляет собой универсальный и хорошо знакомый каждому человеку период жизни. С другой стороны, при попытках его теоретического осмысления исследователь сталкивается с серьезными эпистемологическими трудностями. Детство ускользает от однозначных дефиниций, сопротивляется попыткам окончательной рационализации, сохраняя некий нередуцируемый остаток, который не поддается научному объяснению.

Эта парадоксальность – одновременная близость и недоступность для познающего субъекта – задает фундаментальную проблему для философской антропологии: каким образом возможно адекватное постижение феномена детства, не редуцирующее его к проекциям взрослого сознания?

Поставленный В. В. Розановым вопрос: «Дети, дети... как смотрит на вас мир? цивилизация? религия?» – фиксирует множественность возможных интерпретаций детства. Каждая из них – светская, социально-историческая, религиозная – формирует собственный образ ребенка и соответствующие практики взаимодействия с ним. В культуре XX–XXI столетий безусловное доминирование приобрела научная оптика, представленная прежде всего психологией и педагогикой. Следуя общей логике науки, которая не просто описывает реальность, но конституирует стандарты мышления и действия, психолого-педагогический дискурс создал разветвленную систему институтов, методик и технологий, направленных на изучение и преобразование детства.

Однако доминирование научной парадигмы сопряжено с существенными антропологическими издержками, что проявляется в сведении человека к совокупности эмпирических характеристик, оставляя за пределами рассмотрения то, что С. Л. Франк называл «началом сверхприродного, сверхъестественного бытия» [17; с. 579]. В. В. Зеньковский, развивая эту мысль применительно к детству, различал эмпирическое «я», формирующееся под влиянием среды, и глубинное, метафизическое «я», данное человеку до всякого опыта. Игнорирование этого глубинного измерения ведет к тому, что психология и педагогика, по выражению И. А. Колесниковой, работают с «частичным человеком» [11; с. 72]. Особенно остро эта проблема обнаруживает себя именно в отношении детства. Ребенок, в силу своей открытости и незащищенности, наиболее уязвим для любых форм внешнего воздействия. Свести его к объекту воспитательных технологий – значит не просто совершить методологическую ошибку, но пройти мимо той тайны, которую он в себе несет. Данное обстоятельство актуализирует необходимость обращения к альтернативным традициям осмысления детства – в частности, к метафизической традиции, разработанной в русской философской культуре, где детство предстает как самостоятельное антропологическое состояние, обладающее собственным онтологическим статусом и аксиологическим содержанием.

В рамках доминирующего педагогического мировидения детство представляется не как онтологическая данность, а как объект целенаправленного конструирования, как период формирования личности ребенка, представляющий собой управляемую систему развития и воспитания, охватывающую время от рождения до вхождения во взрослую жизнь. Ключевым здесь является понятие «управляемая система», которое выводит детство из сферы бытия в сферу должностования. Как справедливо отмечает Е. Н. Мухоморова, в центре внимания оказывается не ребенок «каков он в данный момент, а идеальный образ того, кто из этого «сейчасного» должен получиться» [10; с. 349]. Таким образом, детство мыслится преимущественно как период подготовки к взрослой жизни, а ребенок – как объект потенциального развития, подлежащий коррекции и формированию.

Данная установка базируется на определенной антропологической модели, теоретические основания которой восходят к эволюционной теории и трудам Л. С. Выготского. Исходя из презумпции происхождения человека от животных предков, Л. С. Выготский рассматривает социальную среду не как условие, а как источник психического развития. Человек в этой парадигме обретает человеческие качества в процессе онтогенеза, в результате усвоения социального опыта.

Альтернативную позицию занимает В.В. Зеньковский, который настаивает на «метафизической заданности» начала детской души. Он проводит принципиальное различие между эмпирическим «я», формирующимся в социальном опыте, и глубинным, метафизическим «я» – центром духовной жизни, данным до всякого опыта. Социальная среда для него – условие, а не источник развития. Духовное начало стремится к выражению в душе и теле ребенка, и задача воспитания – не «исправление» природного материала, а гармоничное содействие этому процессу [8; с. 288].

Игнорирование метафизического измерения ведет к тому, что современное состояние педагогики, при всем эклектическом многообразии концепций и технологий (около 500 методик в кн. «Социально-воспитательные технологии» Г.К. Селевко), характеризуется кризисом целеполагания. Образовательный процесс все более подчиняется «политико-экономическому догмату» (П.Г. Выжлецов) [5; с. 197]: образование сводится к сумме знаний и умений, обеспечивающих успешную социальную адаптацию, и превращается в «сферу услуг» (А.П. Валицкая, К.В. Султанов) [3; с. 11]. Следствием этого становится «бездетная» педагогика, ориентированная на технологические операции, а не на уникальную личность ребенка.

Важно подчеркнуть, что при всей практической значимости психолого-педагогических разработок, они не приводят к разрешению кризисных явлений в сфере детства (беспризорность, девиации, утрата связи поколений). Как резюмирует Г.С. Батищев, педагогическое мышление лишено решающего «ключа» к миру детства, имея дело не с самим миром, а с его «неадекватным переводом на язык иных периодов» [1; с. 39]. Физическое здоровье, развитый интеллект и социальные навыки не гарантируют защиты от глубинных экзистенциальных конфликтов, поскольку не затрагивают «основной тайны в человеке». Это свидетельствует о принципиальной ограниченности научно-рационалистического подхода, фиксирующего лишь эмпирическую, феноменальную сторону детства.

Наука работает в горизонте действительности, отвечая на вопросы «как?» и «какими средствами?». Но она бессильна перед вопросами «почему?» и «зачем?», обращенными к последним основаниям человеческого существования. М.К. Мамардашвили точно указывает на корни философского вопрошания: они уходят в тот способ, каким человек случается и существует в мире в качестве человека, а не просто в качестве естественно-биологического существа. Быть человеком – это не природное свойство, а событие, требующее усилия, осмысления и, добавим, особого языка для своего описания [16; с. 280].

Язык психологии и педагогики, оперирующий понятиями «личность», «развитие», «адаптация», сводит человеческую реальность до ее социально-функциональных проявлений. Фиксируя феноменальный слой – совокупность социальных ролей и психологических качеств, – наука оказывается неспособной схватить ноуменальную основу личности. Этот глубинный, внесоциальный центр бытия, ускользающий от объективации, представляет собой подлинный предмет философско-антропологической рефлексии и является источником экзистенциальной тайны человека.

Детство в этом контексте обнажает границу между двумя подходами наиболее остро. Если взрослый человек уже научился прятать свою метафизическую глубину за масками социальных ролей, то ребенок являет свою сущность непосредственно – в удивленном взгляде, в бесконечных вопросах, в игре. Ребенок – это феномен в самом точном философском смысле слова: то, что является, являет себя, но при этом указывает на нечто скрытое.

Выявленные ограничения научно-педагогического подхода коренятся в самой эпистемологической установке классической науки, ориентированной на объяснение и управление объектами. Феномен детства сопротивляется такой объективации, что требует поиска иной методологической стратегии.

Ключевой чертой детства здесь выступает его особая восприимчивость к трансцендентным измерениям бытия. Отсюда проистекает принципиальная недоступность детства для окончательного научного познания. Эта эпистемологическая ситуация роднит исследование детства с исследованием фундаментальных философских проблем: предмет ускользает от прямого наблюдения, давая о себе знать лишь в косвенных проявлениях.

В.В. Зеньковский называет раннее детство «самым темным периодом в нашей жизни», когда никто – ни сам ребенок, ни взрослые – не может понять, что именно совершается в глубине детской души. Эта герметичность детства, его принципиальная закрытость для внешнего наблюдателя – не просто методологическая трудность, а онтологическая характеристика самого феномена.

Выход за пределы эмпирической данности возможен лишь в горизонте метафизического вопрошания. Метафизика, по определению

Аристотеля, есть учение о первых причинах и началах. Применительно к детству метафизический подход означает попытку увидеть в ребенке не просто организм или будущую личность, а соотносительность с глубинными основаниями бытия, то, что В.П. Фетисов называет «пребыванием Духа в гостях у времени» [18; с. 16].

Таким образом, в современной культуре сосуществуют две модели отношения к детству: первая рассматривает детство как несовершенное состояние, подлежащее преодолению; вторая, укорененная в философской традиции, воспринимает детство не как этап становления, а как напоминание о мире «утраченных ценностей» (К.Г. Исупов). В этой перспективе «взрослость есть забвение бытия» (К.С. Пигров) [12; с. 68], а детство – его живое присутствие. Именно вторая модель, требующая обращения к метафизическим основаниям, будет предметом дальнейшего рассмотрения.

Русская философская традиция предлагает развернутую и глубокую концептуализацию этой модели, позволяющую увидеть в ребенке не объект педагогических усилий, а носителя подлинной антропологической полноты. В творчестве русских мыслителей и писателей – Ф.М. Достоевского, В.В. Розанова, В.В. Зеньковского, А.П. Платонова – феномен детства обретает метафизическое измерение. Детство здесь предстает не как психологическая или педагогическая категория, но как онтологическая реальность.

Ф.М. Достоевский, которого Н.А. Бердяев назвал «художником бездны человеческой», формулирует идею *онтологической инаковости* ребенка. В его произведениях дети предстают как существа «с другою природой» [6]. Эта инаковость означает, что ребенок не просто не дорос до взрослого состояния, но принадлежит иному плану бытия. «Сих есть Царствие Божие» – евангельские слова становятся у Ф.М. Достоевского ключом к пониманию детства как сферы, соприкасающейся с трансцендентным. К.Г. Исупов, анализируя эту тему, подчеркивает, что у Ф.М. Достоевского «на ребенке осуществляется санкция спасительного присутствия в сплошь зараженном ложью мире» [9; с. 10].

Детство, таким образом, выполняет онтологическую функцию – оно удерживает связь мира с его трансцендентным истоком.

В.В. Розанов углубляет метафизическое понимание детства, обращаясь к «кардинальной тайне мира» – тайне пола и рождения. Для В.В. Розанова зачатие и рождение – не биологические процессы, но трансцендентально-мистические акты, в которых продолжается творение мира. Младенец своим появлением на свет разбивает границы посюстороннего мира, пробуждая в людях «видение миров иных». Взгляд младенца, его улыбка – это, по мысли В.В. Розанова, явление чистого, незамутненного бытия Духа, «абсолютная ценность», которую «придает Небо» [14; с. 215].

Дети выступают носителями высшего, недискурсивного знания о жизни. Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» поражается той глубине понимания, которую обнаруживают дети в вопросах о Боге, добре и зле. Это знание не выводимо из педагогических воздействий: «...добейтесь *сущности понимания* – и вы вдруг увидите, что он знает о Боге, может быть, столько же, сколько и вы!» [7; с. 298].

У А.П. Платонова эта тема получает предельное выражение. В рассказе «Возвращение» дети, Петруша и Настя, оказываются единственными, кто сохраняет способность к подлинной жизни в ситуации послевоенного распада, возвращая отца, ожесточенного войной, к жизни, заставляя его «коснуться ее обнажившимся сердцем». В статье «Знамена грядущего» А.П. Платонов прямо называет детей «спасителями вселенной» – спасителями от взрослого ожесточения и цинизма, утраты смысла. Ребенок здесь выступает не объектом воспитания, а субъектом истины, способным исцелять и возвращать к подлинности.

Характеризуя духовную жизнь ребенка, В.В. Зеньковский подчеркивает его стремление к осмыслению мира. Ребенок всюду ищет смысл, не удовлетворяясь констатацией фактов. В прозе А.П. Платонова стремление к смыслу, истине приобретает черты напряженного философского поиска: герои-дети мучительно вопрошают о самом главном, пытаясь проникнуть в ту смысловую сферу, из которой осуществляется мир.

Детская игра, по мысли В.В. Зеньковского, есть не просто времяпрепровождение, но фундаментальный способ существования ребенка, позволяющий ему творчески осваивать мир, сохраняя необходимую дистанцию.

Одним из наиболее глубоких проявлений метафизики детства является его особое отношение к смерти. Ребенок не испытывает ужаса перед небытием, поскольку его мироощущение не знает разрыва между жизнью и смертью как абсолютными противоположностями. Для ребенка смерть – не абсолютное исчезновение, а превращение, игра. В платоновском мире («Цветок на земле», «Никита») умершие продолжают жить в иных формах, а старики, глядя на детей, ощущают

себя причастными к «бессмертной далекой жизни». Игра в «смерть» у детей («Одухотворенные люди») – это не цинизм, а свидетельство их неразрывной связи с вечностью, для которой смерти нет. В мире А.П. Платонова дети играют в смерть так же, как в любые другие игры, оставаясь непроницаемыми для горя.

Проведенный анализ позволяет зафиксировать принципиальное различие двух парадигм понимания детства. Научно-педагогическая парадигма рассматривает детство как объект формирования и социализации. В ее оптике ребенок предстает как несовершенно существо, подлежащее коррекции и подготовке к полноценной взрослой жизни. Несмотря на свою практическую эффективность, данный подход обнаруживает фундаментальную антропологическую ограниченность: редуцируя человека до совокупности эмпирических характеристик, он упускает из виду его метафизическое измерение – то, что составляет ядро человека и связывает с трансцендентными основаниями бытия.

Метафизическая парадигма, разработанная в русской философской традиции, предлагает альтернативную оптику видения. Здесь детство понимается не как недостаток, но как полнота – особая форма присутствия человека в мире. В трудах Ф.М. Достоевского, В.В. Розанова, В.В. Зеньковского и А.П. Платонова детство предстает как онтологически иной способ бытия. Ребенок сохраняет связь с «мирами иным», несет в себе истину, недоступную рассудку, и стремится к смыслу не как к абстракции, а как к живой реальности. Он не боится смерти, интуитивно веря в бесконечность жизни, а мир для него – прежде всего пространство игры, где реальность можно преобразовать, а не только потреблять.

Реконструкция метафизики детства в русской философской традиции была бы неполной без ответа на вопрос о ее применимости за пределами истории идей. Эвристический потенциал данного подхода раскрывается в ряде направлений, где он демонстрирует способность не просто дополнять научную картину детства, но предлагать принципиально иную диагностику, выявляя в педагогических и социальных феноменах симптомы глубинного онтологического неблагополучия современной культуры.

Так, например, в современной культурной ситуации ребенок все чаще пребывает в реальности, полностью сконструированной человеческим замыслом. Виртуальная среда принципиально имманентна: ее основания – алгоритм, технологическое решение, коммерческий интерес. Она не трансцендирует за пределы наличного, не провоцирует вопрошания, выходящего за границы запрограммированного. В этом контексте фундаментальное для антропологии В.В. Зеньковского различие эмпирического и метафизического «я» обретает новую остроту. Эмпирическая составляющая личности, формируемая средовыми воздействиями, получает в цифровом пространстве беспрецедентные возможности развития: когнитивная мобильность, многозадачность, информационная компетентность. Однако метафизическое «я» – тот глубинный центр, который, согласно мысли философа, предшествует всякому опыту и составляет основу духовной жизни, – оказывается невостребованным. Цифровая среда не требует обращения к этому измерению; более того, она делает его функционально избыточным. Взаимодействие с экраном актуализирует реактивность, скорость переключения, знаковое оперирование, но не предполагает глубины, тишины, сосредоточения – тех условий, в которых только и возможно проявление метафизического «я». Экран, в отличие от реального мира, не предлагает ребенку *События Встречи* с тем, что больше него самого. В реальности таким событием может быть смерть близкого, красота заката, чтение книги, заставляющее замереть.

Возникает антропологическая ситуация, не знавшая прецедентов в истории: интенсивное развитие эмпирического слоя личности сопровождается латентным состоянием слоя метафизического, не находящего поводов для своей актуализации. Субъект, сформированный в таких условиях, может быть успешен, адаптивен и социально компетентен. Однако перед экзистенциальными вызовами – смертью, нравственным выбором, подлинной любовью, невосполнимой утратой – он обнаруживает беззащитность, ибо не имеет ресурса для встречи с этими событиями. Платоновские дети потому и именуются «спасителями вселенной», что их связь с бытием непосредственна. Цифровой ребенок этой связи лишен, что ставит вопрос о возможностях и субъектах ее восстановления.

Следующий момент – проблема школьной мотивации сквозь призму метафизики детства. Школа, построенная на логике «компетенций» и «успешности», игнорирует платоновскую «жажду истины» у ребенка, что порождает кризис мотивации. Предлагаемые решения лежат преимущественно в плоскости формы: сделать обучение интересным, увлекательным, игровым. Предполагается, что ребенку скучно оттого, что материал подан недостаточно ярко. Метафизика детства предлагает взглянуть на ситуацию иначе.

В рассказах А.П. Платонова дети (как герой «Котлована» или «Цветка на земле») мучительно ищут ответ на вопрос: что такое правда? зачем все это? Его герои не хотят «играть» в знания, они хотят знать, зачем все это, почему в мире есть страдание, что такое смерть и возможно ли бессмертие. Это не праздное любопытство, а напряженный, часто мучительный поиск связи с целым.

Современная школа, напротив, последовательно уходит от этих вопросов. Она учит математике, но не спрашивает, почему математические структуры описывают реальность. Она преподает литературу, но редуцирует ее к анализу текста, к выявлению «проблематики» и «художественных особенностей», уходя от тех экзистенциальных бездн, которые открывались Ф.М. Достоевскому. Школа боится вопросов, на которые нет однозначных ответов. А ребенок, по своей природе, жаждет именно таких вопросов.

Можно предположить, что кризис мотивации коренится не столько в педагогической несостоятельности, сколько в онтологической глухоте образовательной среды. Ребенок не находит в школе ответа на свой главный, часто невысказанный вопрос о смысле, и уходит туда, где этот вопрос хотя бы признается имеющим значение. Уходит в субкультуры, в виртуальные миры, в деструктивные сообщества, которые цинично эксплуатируют жажду смысла. Задача школы быть не просто «сферой услуг», а местом становления человека, – не развлекать, а насыщать метафизический голод, возвращая ребенка к тем предельным вопросам, которые делают знание живым и необходимым.

Стирание границ между детством и взрослостью, феномен инфантилизма. Социологи фиксируют парадокс: дети взрослеют информационно раньше, но социально остаются инфантильными дольше. Возникает фигура «вечного ребенка» – искушенного, но не готового к ответственности. Педагогика объясняет это просчетами воспитания. Метафизический подход видит здесь онтологический сдвиг.

К.С. Пигров высказал мысль, которая может послужить ключом к пониманию этого парадокса: взрослость есть забвение бытия. Если принять эту формулу, то современная культура предстает как культура тотального забвения.

Суть проблемы в том, что взрослый перестал быть носителем «тайны бытия». В традиционной культуре взрослый выполнял функцию онтологического проводника: он не просто передавал навыки, но своим существованием удостоверял, что зрелость – не утрата, а обретение. Взрослый был живым ответом на детский вопрос «зачем жить?».

Взрослый человек в обществе потребления сам глубоко инфантилен: он ищет удовольствий, избегает ответственности, живет настоящим моментом, ориентирован на потребление и не транслирует ничего, кроме прагматизма. Он перестал быть носителем той полноты, к которой ребенок, по логике традиционной культуры, должен был стремиться. Ему нечего передать ребенку в главном – в искусстве быть человеком. Зачем взрослеть, если взрослые не демонстрируют ничего, что стоило бы усилия? Если их жизнь не обнаруживает ни мудрости, ни глубины, ни связи с тем, что больше их самих? В этой ситуации граница исчезает не потому, что дети слишком быстро узнают тайны взрослой жизни, а потому, что во взрослой жизни не остается тайны. Она вся вывернута наружу, выставлена напоказ, сведена к совокупности поведенческих и потребительских стереотипов. Мир взрослых пуст и скучен. Отсюда две реакции: либо инфантилизм (застывание в детстве, потому что «там» ничего нет), либо ранний цинизм (имитация взрослости как защита). Детство исчезает не потому, что дети слишком много знают, а потому, что взрослым нечем их удивить онтологически.

Метафизика детства, вслед за Ф.М. Достоевским, настаивает на том, что подлинное взросление – это не утрата детской чистоты, а обретение способности эту чистоту охранять. Взрослый у Ф.М. Достоевского (Алеша Карамазов) – это тот, кто сумел сохранить в себе «детское» (способность к чуду, любви, вере), обогатив его опытом и ответственностью, кто сумел пронести сквозь опыт страдания и искушений способность к чуду, к доверию, к любви. Современный инфантилизм и размывание границ детства – симптомы одного и того же: разрыва связи между поколениями как носителями разного, но равно необходимого опыта причастности бытию.

Возвращение детству его статуса требует восстановления статуса взрослого как того, кто, по А.П. Платонову, способен касаться мира «обнажившимся сердцем» и не стыдится этого. Без этого педагогика останется набором технологий при пустоте цели.

Современная культура страдает не только от прагматизма, но и от более глубокого недуга – утраты способности удивляться. Мир для взрослого человека становится предсказуемым, разложенным по полочкам. Мы знаем, как устроены вещи, почему происходят события, какие причины влекут какие следствия. Это знание дает власть, но оно же лишает мир тайны. А без тайны мир перестает быть живым.

В этой ситуации детство обнаруживает себя как измерение, в котором тайна не только сохраняется, но и постоянно возобновляется. Ребенок смотрит на мир как на нечто, что может быть иным. Его знаменитое «почему?» обращено не столько к причинно-следственным связям, сколько к самому факту существования: почему мир есть? почему он таков? почему я есть в этом мире? Взрослый, обремененный знанием о том, «как все устроено», часто утрачивает способность задаваться этими вопросами. Ему кажется, что мир уже объяснен, а то, что не объяснено, будет объяснено в будущем. Ребенок же живет в мире, который всегда больше любого объяснения. Для него реальность принципиально неисчерпаема, и именно это делает его существование напряженным, подлинным, событийным.

В традиционных культурах это детское измерение бережно охранялось. Ребенок рассматривался не как несовершеннолетний, а как существо, через которое в мир входит новизна, не выводимая ни из каких предшествующих причин. Рождение ребенка понималось как онтологическое событие – вторжение в космос того, чего раньше не было и что не может быть полностью объяснено.

Современная цивилизация, напротив, стремится нейтрализовать новизну. Ребенок с самых ранних лет помещается в системы диагностики, развития, коррекции. Все, что в нем есть «не такого», рассматривается как отклонение, подлежащее исправлению. Но вместе с отклонением устраняется и возможность обновления. Культура, которая слишком хорошо знает, каким должен быть человек, перестает замечать, каким он *может* быть.

В романах А.П. Платонова дети часто выступают носителями именно этой невозможной, невыводимой из наличного новизны. Дети у А.П. Платонова («Чевенгур», «Котлован») – единственные, кто продолжает верить в возможность «другой» жизни, правды, рая на земле. Их наивность – не глупость, а онтологическое упрямство, отказ мириться с неправдой мира. Они видят то, чего не видят взрослые. Они смотрят на мир как на текст, который только предстоит прочесть, тогда как взрослые уже уверены, что знают все его содержание. Здесь платоновское прозрение имеет прямое отношение к современной антропологической ситуации. В эпоху, когда человеческое все чаще сводится к набору функций, к «человеческому капиталу», к совокупности компетенций, детство оказывается напоминанием о том, что человек – не функция. Что в нем есть нечто, что не производится обществом, не формируется педагогией, не описывается психологией. Что это нечто – самое главное.

Задача метафизики детства сегодня – не столько защищать детство от посягательств взрослого мира (это задача педагогики и права), сколько учиться у него той самой способности удивляться, видеть мир как тайну, ощущать его принципиальную неисчерпаемость. Без этой способности культура неизбежно окостенеет, превращаясь в набор воспроизводящихся ритуалов. Детство возвращает ей жизнь – не тем, что привносит что-то новое (хотя и этим тоже), а тем, что восстанавливает саму возможность новизны как таковую.

Взрослый, сохранивший в себе эту детскую способность, перестает быть просто носителем готовых знаний и навыков. Он становится участником непрекращающегося творения мира. Ребенок, в свою очередь, нуждается во взрослом не как в том, кто приведет его к норме, а как в том, кто поможет ему не утратить первичную открытость бытия в процессе социализации. Так детство и взрослость перестают быть последовательными стадиями и становятся двумя со-бытийными модусами человеческого существования, взаимно поддерживающими и обогащающими друг друга. В этой со-бытийности, быть может, и заключена та тайна человека, которую наука улавливает лишь частично, но которая открывается метафизическому взгляду.

Таким образом, ключевой вывод, вытекающий из сопоставления двух парадигм, может быть сформулирован следующим образом: *не ребенок нуждается во взрослом как в источнике полноты, но взрослый нуждается в ребенке как в напоминании об утраченной полноте собственного бытия.* Детство в этом контексте выступает не просто этапом онтогенеза, но онтологическим критерием человечности, мерой подлинности существования. Взрослый мир с его рационализмом и прагматизмом, постоянно рискует утратить связь с теми основаниями, которые делают человека человеком. Присутствие ребенка возвращает взрослого к этим основаниям, не давая окончательно погрузиться в «забвение бытия». В евангельском призыве «будьте как дети» заключен, таким образом, глубокий онтологический смысл.

Для современной философской антропологии обращение к метафизике детства открывает перспективу преодоления натуралистического редукционизма и восстановления целостного видения человека. В эпоху углубляющегося духовного кризиса и тотальной рационализации всех сфер жизни, опыт русской мысли, увидевшей в ребенке носителя тайны бытия и критерий человеческой полноты, обретает

не только академическую, но и экзистенциальную актуальность. Задача современной гуманитаристики – не столько разрабатывать новые методики управления детством, сколько научиться слышать голос самого детства, видеть в нем не объект для приложения педагогических технологий, а живую тайну, прикосновение к которой способно преобразовать и исцелять. Однако исцеление это требует от взрослого не разработки новых технологий «работы с детством», а мужества к антропологической ревизии самого себя. Метафизика детства в русской философии – это не просто теория, а практика взрослого самоограничения, признание того, что истина бытия может открываться не только через научные выкладки, но и через, например, непосредственность детского взгляда. Дальнейшее исследование этой проблематики должно быть направлено не столько на углубление историко-философского анализа, сколько на создание конкретных герменевтических практик «вслушивания» в детство – в образовании, в семье, в культуре в целом. Без такого поворота от «разговора о детстве» к «разговору с детством» философская антропология рискует остаться лишь еще одной дисциплиной, говорящей о «частичном человеке».

Литература

1. Батищев Г.С. Непреходящие ценности сокровенного детства / Г.С. Батищев // Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 38–44.
2. Варава В.В. «Спасители вселенной». (Детство в русской философской культуре). – URL: <http://www.pereplet.ru/text/varava27nov02.html> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Валицкая А.П. Детство и общество в современной гуманитаристике / А.П. Валицкая, К.В. Султанов. // Искусство и дети: материалы XV Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Искусство и дети», 16–18 апреля 2008 года. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – С. 10–16.
4. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Эксмо, 2003. – 134 с.
5. Выжлецов П.Г. Природа человека и критика образовательных учреждений с точки зрения Ф. Ницше // Мир детства: метафизика культурно-цивилизационного кризиса: материалы XIII Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Детство: социальные опасности и тревоги», 19–21 апреля 2006 год. – СПб., 2006. – С. 196–199.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – URL: <http://www.klassika.ru/proza/dostoevskij/karams.txt> (дата обращения: 11.02.2026).
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. / Ф.М. Достоевский. – М.: Айрис-пресс, 2006. – Т. 1
8. Зеньковский В.В. Психология детства / В.В. Зеньковский. – М.: Школа-Пресс, 1996. – 336 с.
9. Исупов К.Г. Эстетика преображения: детский взгляд на вещи (Вместо предисловия) / К.Г. Исупов. // Космос детства. Антология. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 5–17.
10. Мухранова Е.Н. Место детства во взрослой культуре // Мир детства: метафизика культурно-цивилизационного кризиса: материалы XIII Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Детство: социальные опасности и тревоги», 19–21 апреля 2006 года. – СПб., 2006. – С. 348–351.
11. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики: Учеб пособие для студ. Психол. Фак. Вузов / А.Б. Орлов – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 272 с.
12. Пигров К.С. Мухи повелителей, или к феноменологии отношения детства и государства // Философия образования и мир детства: материалы XI Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Государство и дети», 21–23 апреля 2004 года. – СПб., 2004. – С. 65–68.
13. Платонов А.П. Избранные произведения: в 2 т. – М., 1978. – Т. 2.
14. Розанов В.В. Религия и культура / В.В. Розанов. – М.: Правда, 1990. – 635 с.
15. Трофимова Е.А. Развитие понятия «человек» в философской антропологии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 36–48
16. Удалых Е.Ю., Панова Н.А. Человек как проблема в философско-антропологическом дискурсе // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 279–284.
17. Франк С.Л. Непостижимое / Сочинения. – М.: АСТ, 2000. – 796 с.
18. Фетисов В.П. Земля и Небо. (Приглашение в разговор) / В.П. Фетисов. – Воронеж, 2004. – 32 с.

CHILDHOOD AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS: THE METAPHYSICAL DIMENSION AND THE LIMITS OF SCIENTIFIC RATIONALITY

Udalykh E.Y.

Voronezh Economics and Law Institute

The article explores the phenomenon of childhood in the context of philosophical anthropology. The author examines the theoretical foundations and limits of applying the scientific-pedagogical approach. The article substantiates that the scientific-pedagogical approach, which views childhood as a manageable system and a period of preparation for adult life, deals with a «partial person» ignoring his metaphysical core. As an alternative, the author proposes turning to the ideas of F.M. Dostoevsky, V.V. Rozanov, V.V. Zenkovsky, and the artistic world of A.P. Platonov, in whose works childhood appears as an ontologically complete state.

The relevance of the research is determined by the crisis of modern education, which, by reducing a person to a set of empirical characteristics, loses understanding of his deep, «supernatural» essence. The aim of the work is to identify the heuristic potential of the metaphysical approach for understanding human nature and overcoming the reductionism of scientific rationality. To achieve this aim, the following tasks need to be addressed: to analyze the anthropological foundations and limits of the scientific-pedagogical discourse on childhood; to substantiate the necessity of a metaphysical turn in the study of this phenomenon; to reconstruct the key characteristics of the metaphysics of childhood in the Russian philosophical tradition; to determine the significance of the metaphysical approach for modern philosophical anthropology. The methodological basis of the research includes comparative analysis, which allows for the comparison of different paradigms for understanding childhood; the hermeneutic method, aimed at identifying deep semantic structures in philosophical and literary texts; and the phenomenological approach, focused on describing childhood as an integral phenomenon.

Keywords: philosophical anthropology, metaphysics of childhood, Russian philosophy, psychology, pedagogy, science, ontological otherness, F.M. Dostoevsky, V.V. Rozanov, V.V. Zenkovsky, A.P. Platonov.

References

1. Batishchev G.S. *Enduring Values of Inner Childhood* / G.S. Batishchev // Batishchev G.S. *Introduction to the Dialectics of Creativity*. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Chemical Institute, 1997. – Pp. 38–44.
2. Varava V.V. «Saviors of the Universe». (Childhood in Russian Philosophical Culture). – URL: <http://www.pereplet.ru/text/varava27nov02.html> (date of access 11.02.2026).

3. Valitskaya A.P. *Childhood and Society in Modern Humanities* / A.P. Valitskaya, K.V. Sultanov. // *Art and Children: Proceedings of the XV International Conference «The Child in the Modern World. Art and Children»*, April 16–18, 2008. – St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University. University, 2008. – Pp. 10–16.
4. Vygotsky L.S. *Psychology of Human Development* / L.S. Vygotsky. – Moscow: Eksmo, 2003. – 134 p.
5. Vyzhletsov P.G. *Human Nature and Critique of Educational Institutions from the Point of View of F. Nietzsche* // *The World of Childhood: Metaphysics of the Cultural-Civilizational Crisis: Proceedings of the XIII International Conference «The Child in the Modern World. Childhood: Social Dangers and Anxieties»*, April 19–21, 2006. – St. Petersburg, 2006. – Pp. 196–199.
6. Dostoevsky F.M. *The Brothers Karamazov*. – URL: <http://www.klassika.ru/proza/dostoevskij/karams.txt> (date accessed 11.02.2026).
7. Dostoevsky F. M. *A Writer's Diary: In 2 volumes* / F.M. Dostoevsky. – Moscow: Iris-press, 2006. – Vol. 1.
8. Zenkovsky V.V. *Psychology of Childhood* / V.V. Zenkovsky. – Moscow: Shkola-Press, 1996. – 336 p.
9. Isupov K.G. *Aesthetics of Transfiguration: A Child's View of Things (Instead of a Preface)* / K.G. Isupov. // *The Cosmos of Childhood. Anthology*. – Moscow: ROSSPEN, 2009. – Pp. 5–17.
10. Mukhranova E.N. *The Place of Childhood in Adult Culture* // *The World of Childhood: Metaphysics of the Cultural and Civilizational Crisis: Proceedings of the XIII International Conference «The Child in the Modern World. Childhood: Social Dangers and Anxieties»*, April 19–21, 2006. – St. Petersburg, 2006. – Pp. 348–351.
11. Orlov A.B. *Psychology of Personality and Human Essence: Paradigms, Projections, Practices: Textbook for Students of the Psychology Department of Universities* / A.B. Orlov – Moscow: Publishing Center «Academy», 2002. – 272 p.
12. Pigrov K.S. *The Flies of the Lords, or Toward the Phenomenology of the Relationship between Childhood and the State* // *Philosophy of Education and the World of Childhood: Proceedings of the XI International Conference «The Child in the Modern World. The State and Children»*, April 21–23, 2004. – St. Petersburg, 2004. – Pp. 65–68.
13. Platonov A.P. *Selected Works: in 2 volumes*. – Moscow, 1978. – Vol. 2.
14. Rozanov V.V. *Religion and Culture* / V.V. Rozanov. – Moscow: Pravda, 1990. – 635 p.
15. Trofimova E.A. *Development of the Concept of «Man» in Philosophical Anthropology* // *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. – 2022. – № 3. – Pp. 36–48.
16. Udalykh E.Yu., Panova N.A. *Man as a Problem in Philosophical and Anthropological Discourse* // *Social and Humanitarian Knowledge*. – 2025. – № 5. – Pp. 279–284.
17. Frank S.L. *The Incomprehensible / Works*. – Moscow: AST, 2000. – 796 p.
18. Fetisov V.P. *Earth and Sky. (Invitation to Conversation)* / V.P. Fetisov. – Voronezh, 2004. – 32 p.

К социально-философской концептуализации экомеджмента как формы деятельности и управления

Юрко Андрей Вадимович,

аспирант кафедры истории и философии
РЭУ им. Г.В. Плеханова

В статье обосновывается социально-философская интерпретация экомеджмента как жизнесохраняющего способа мышления и практики, согласующего логику принятия управленческих решений и экономических действий с условиями воспроизводства жизни и культуры. Аргументация строится на принципах экологической ответственности и идее экорациональности как нового типа рациональности, ориентированной на защиту жизни Земли.

Ключевые слова: экомеджмент, социальная философия, деятельность, управление, экологическая ответственность, системное мышление.

Современная социальная реальность стремительно обнаруживает пределы сложившихся в последние десятилетия форм управленческой рациональности, сформированной эпохой крупных индустриальных проектов и уверенности в бесконечной пластичности природы. Нарастающий экологический кризис, урбанизация и технологизация жизненного мира требуют пересмотра не только отдельных инструментов регулирования, но и основания самой управленческой деятельности: её целей, ценностей и антропологических предпосылок. Именно поэтому экомеджмент – перспективная форма философско-управленческого мышления может быть поставлен в прямую связь с принципом экологической ответственности, причём принцип раскрывается не как моральное пожелание, а как структурирующая рамка экономического и управленческого действия, включающая «справедливость, устойчивость, осторожность» [1, с. 269]. Эти три понятия задают не риторiku, а востребованную философскую «матрицу» управления в условиях кризиса: во-первых, справедливость – как требование распределения экологических издержек и благ в социальном времени и пространстве; во-вторых, устойчивость – как требование совместимости решений с воспроизводством природных и культурных оснований; в-третьих, осторожность – как признание необратимости последствий и необходимости предвосхищающего ограничения действия.

Экологическая ответственность здесь принципиальна тем, что переводит фокус внимания в процессах управления из режима локальной эффективности в режим соразмерности действия условиям жизни. Это уже не просто экологизация классического менеджмента как добавление новой функции к прежней системе управления. Речь идёт о преобразовании философско-экономического мышления и оснований управленческой деятельности: из чисто инструментального в ценностно-нормативное и онтологически укоренённое.

В этом смысле экомеджмент следует понимать, как особый тип деятельности, в котором управленческое решение рассматривается не только как средство достижения целей, но и как форма воспроизводства мира, в котором эти цели вообще могут быть поставлены. Здесь важно подчеркнуть то, что управление не просто «работает с ресурсами» – оно формирует горизонты допустимого и недопустимого, возможного и невозможного, тем самым вмешиваясь в ткань социо-природной реальности.

Переход к такому пониманию связан с тем, что техника и технологии перестали быть нейтральной, внешней средой социального действия. В интерпретации этического поворота, связанного прежде всего, с концепцией Х. Йонаса, подчёркивается, что «the golden promises of modern technology have turned into a threat» [8, с. 1]. Следовательно, пространство управленческого решения меняется качественно: действие больше не может быть замкнуто в ближнем горизонте последствий и в локальном поле выгод. Более того, угроза здесь – это не внешний «шум», а структурный эффект самой цивилизационной траектории, в которой целеполагание отделилось от условий жизни и стало самонаращивающимся механизмом. Отсюда фундаментальный вывод для философии управления: экомеджмент – это не автономный сектор управления, а способ переосмыслить и переопределить саму норму управленческого действия так, чтобы она сохраняла возможность будущего, включая здоровье человека.

Если рассматривать управление как форму деятельности, то философски существенным становится вопрос о его рациональности: какой тип рациональности лежит в основании процесса выбора целей, средств и критериев эффективности? Экофилософский ответ связан с концептом экорациональности. В монографической разработке Э.В. Барковой подчёркивается: «Этот тип рациональности мы и называем экорациональностью» [3, с. 7]. В этой фразе содержится принципиальное смещение: рациональность перестаёт быть синонимом вычислительной эффективности и превращается в способ удержания целостности бытия (природа – культура – общество – человек) как предмета мышления и действия. Экорациональность не отменяет инструментальных процедур – она задаёт их границы и смысл, возвращая управленческому действию «онтологическую меру». Поэтому экомеджмент в социально-философском измерении выступает как практика, опирающаяся на первичность жизни перед производными

целями экономического роста, конкурентной гонки и технологического расширения.

Именно здесь становится понятной причина, по которой экомеджмент должен концептуализироваться как форма мышления и деятельности, а не как набор технологий. В тексте, посвящённом экофило-софии менеджмента, управление определяется не процедурно, а мировоззренчески: «жизнесохраняющий способ мышления» [2, с. 99].

В этой формуле важны сразу три аспекта. Во-первых, управление предстает как мышление, то есть как работа с целями, смыслами и нормами, а не только с операциями. Во-вторых, оно именуется жизнесохраняющим, то есть признается зависимым от абсолютного условия – сохранения и воспроизводства жизненного мира. В-третьих, мыслительный характер управления означает, что субъект управления несёт ответственность не только за результат, но и за архитектуру отношений «человек – природа – общество», которую эти результаты закрепляют. Здесь же управление трактуется как «форма жизнетворчества» [2, с. 99], что особенно значимо для социально-философской трактовки: управленческое действие перестаёт быть «нейтральным» и становится формой производства (или разрушения) жизненных смыслов, культурных норм и горизонтов будущего.

Такое понимание требует прояснить: что именно меняется в классической структуре управления? На уровне деятельности управление традиционно сводится к целеполаганию, организации, мотивации, контролю. Но в технократическом режиме целеполагание превращается в автономный механизм наращивания эффективности, где природа фигурирует как область внешних ограничений или «ресурсная база». Экомеджмент же вводит в целеполагание внутреннюю границу: критерии успешности решения включают экологическую и культурную воспроизводимость. Отсюда и принципиальная сдвигка в самом типе рациональности: управленческое мышление должно функционировать «в категориях соразмерности» [2, с. 99]. Соразмерность – не мягкая метафора, а философская категория меры, связывающая человеческое действие с целостностью мира. В этом смысле экомеджмент можно определить, как деятельность по управлению социоприродными системами, ориентированную на соразмерность целей и средств условиям воспроизводства жизни и культуры.

Принцип экологической ответственности конкретизирует данную соразмерность через экономический смысл управления: ответственность не может оставаться абстрактной, она должна быть институционализирована. В ранее опубликованной работе фиксируется, что принцип экологической ответственности предполагает «интеграцию экологических издержек» [1, с. 270]. Это требование выводит экомеджмент из сферы деклараций в сферу философии экономики: пока экологические издержки «вытеснены» из стоимости, экономика воспроизводит и поощряет разрушение среды как «невидимую субсидию» производителю. Поэтому экомеджмент социально-философски выступает как деятельность по возвращению вытеснённого – природы и будущего – в структуру экономического расчёта и управленческого решения. Здесь же подчёркивается необходимость «учитывать долгосрочные последствия» [1, с. 270], то есть переводить управленческое действие из короткого горизонта (отчётный период, бюджетный год, электоральный цикл) в длинный горизонт (межпоколенческий, цивилизационный).

Проблема, однако, в том, что современные общества структурно склонны к короткому горизонту решений. Социальная философия описывает это как парадокс модернизации: рост управленческих мощностей сопровождается ростом неуправляемых последствий и рисков. В классическом описании «общества риска» фиксируется инверсия: «wealth accumulates at the top, risks at the bottom» [9, с. 35]. Данное наблюдение имеет прямое значение для концептуализации экомеджмента, потому что показывает: экологические риски не «равномерны», они распределяются социально, и управление неизбежно связано с вопросом справедливости. Следовательно, экомеджмент – это не только менеджмент «природной эффективности», но и форма социального управления, включающая нормативный выбор: кому достанутся экологические опасности, кто получит доступ к экологическим благам, кто будет иметь «право на будущее». Поэтому социально-философское измерение экомеджмента включает выявление и преодоление механизмов, которые превращают экологические издержки в социально невидимые «потери» слабых групп, территорий и будущих поколений.

Ситуация усложняется тем, что сами управляемые объекты – города, регионы, отрасли – представляют собой сложные системы, где результат определяется не суммой элементов, а структурой связей и целями функционирования. Системное мышление принципиально важно именно для философского обоснования экомеджмента, потому что показывает ограниченность частичных реформ, если сохраняется

прежняя цель. Д. Медоуз формулирует ключевой тезис: «the least obvious part of the system, its function or purpose, is often the most crucial determinant of the system's behavior» [10, с. 17]. Если наиболее значимым является цель системы, то экомеджмент должен рассматриваться прежде всего, как работа с целью socio-экономической систем: не «рост ради роста», а поддержание условий жизни. *Иначе экологические меры превращаются в косметику: можно внедрять зелёные технологии, но при цели бесконечного наращивания производства система будет воспроизводить давление на природу и культуру на новом витке.*

Отсюда становится ясно, почему экомеджмент следует мыслить, как социально-философскую практику изменения целей управления. В городской среде данный тезис приобретает особую плотность. Ноосферный город в экофилософском дискурсе описывается как «зелёный и умный город» [5, с. 22], соединяющий природное, человеческое и искусственное начала. Эта формула важна тем, что показывает: «умность» города без «зелёности» (то есть без ориентации на жизнеспособность среды) оказывается лишь технологической надстройкой над прежней логикой потребления ресурсов. Экомеджмент здесь становится способом гармонизировать компоненты городской системы, включая инфраструктуру, коммуникации, культуру и экосферу, так чтобы «умные» решения не усиливали отчуждение человека от природы, а обеспечивали соразмерную интеграцию техники в жизненный мир.

В то же время ноосферный проект задаёт не только технические критерии, но и цивилизационный диагноз: кризис указывает «предел жизнеспособности цивилизации» [4, с. 7]. Признание предела означает, что управление должно сменить антропологическую и культурную установку: от расширения власти над природой – к ответственности за условия жизни. В этом горизонте концепт экофилософии задаёт цель сохранения «пространства Жизни» [4, с. 7], где человек мыслится не как хозяин «внешней» природы, а как существо, чья культура и историческое время укоренены в биосферных процессах. Следовательно, экомеджмент выступает как форма деятельности, в которой управление понимается как поддержание пространства жизни и его культурных смыслов, а не как «оптимизация» ради роста показателей.

Чтобы данная установка не оставалась философской декларацией, она должна быть переведена в язык принципов проектирования и социальных институтов. В экофилософском осмыслении проектирования ноосферного города подчёркивается необходимость смены гуманитарного центра: требуется «сместить центр смыслов» [6, с. 32], то есть изменить саму аксиологическую архитектуру целей – от приоритета частных интересов к целостному благосостоянию живых систем и экосферы. Такой сдвиг делает экомеджмент не просто управлением экологическими параметрами, а управлением смыслами развития, где «экономическое» перестаёт быть автономным и возвращается в общую структуру бытия общества. Поэтому экомеджмент как форма деятельности включает в себя:

- 1) ценностное переопределение цели;
- 2) институционализацию ответственности;
- 3) системное проектирование связей;
- 4) культуру участия и солидарности.

Социально-философская глубина экомеджмента проявляется также в том, что он затрагивает не только «производственную» сферу, но и сферу формирования субъекта управления. Управление предполагает субъектность: способность видеть целое, удерживать долгий горизонт и принимать решения, соответствующие жизненным основаниям. Поэтому принципиально значимым становится вопрос образования и культурной передачи экологической ответственности. В образовательном контексте прямо фиксируется ситуация «нарастающих экологических рисков» [7, с. 74], в которой возрастает необходимость формирования ответственности как устойчивой компетенции и ценности. Это означает, что экомеджмент – не только профессиональная практика управленцев и экономистов: он включает воспроизводство субъекта, способного мыслить соразмерно и действовать ответственно. Следовательно, социальная философия экомеджмента должна включать антропологический аспект: каким образом формируются мотивы, ценности и горизонты субъекта управления в условиях технологической цивилизации.

Таким образом, экомеджмент можно концептуализировать как форму деятельности и управления, включающую три взаимосвязанных уровня.

• Первый уровень – мировоззренческий: экомеджмент основан на экорациональности как типе рациональности, задающем меру действия через целостность бытия. Здесь рациональность – это способность увидеть социоприродную систему как условие человеческой свободы и культуры, а не как объект внешнего использования. В этом горизонте становится центральным требование «защиты жизни своей

Земли» [3, с. 7], как предельный критерий смысложизненной ориентации деятельности.

• Второй уровень – нормативно-этический: экомеджмент опирается на принцип экологической ответственности, соединяющий справедливость, устойчивость и осторожность, и требующий институциональной интеграции природы и будущего в экономические и управленческие решения [1, с. 269–270]. На этом уровне управление становится ответственным не «в целом», а в конкретных формах: включение экологических издержек, длинный горизонт планирования, предотвращение необратимых ущербов, публичность и участие.

• Третий уровень – системно-проектный: экомеджмент требует работы с целями социотехнических систем, поскольку именно цель определяет поведение системы [10, с. 17]. Следовательно, управленческая практика должна быть ориентирована на смену целевой архитектуры организаций, территорий и отраслей: от логики краткосрочных показателей к логике воспроизводства пространства жизни [4, с. 7]. Здесь же проявляется необходимость солидарности и включённости общества как условия устойчивого проектирования [6, с. 32].

В практическом измерении социально-философская концептуализация экомеджмента задаёт ориентиры для перехода от «точечных» экологических мер к стратегической трансформации управления. Во-первых, требуется укрепление культурно-нормативного основания ответственности: без экорациональности экологические стандарты становятся внешней обязанностью, а не внутренней нормой управления. Во-вторых, нужно развивать системное целеполагание на уровне организаций и территорий: экологическая политика должна быть встроена в цель развития, а не обслуживать её постфактум. В-третьих, необходима институционализация солидарности: общественное участие, образовательные программы, коммуникации, которые переводят экологическую ответственность в устойчивую социальную практику [6, с. 32; 7, с. 74]. В-четвёртых, важно включать город как ключевой узел экомеджмента: ноосферный проект «зелёного и умного» города показывает, что экологическая трансформация не может игнорировать инфраструктурную и культурную основу повседневной жизни [5, с. 22].

Перспективное видение развития экомеджмента в современной России связано с тем, что страна одновременно испытывает давление глобальных экологических рисков и обладает масштабными природными ресурсами и территориальными системами, где ошибки управления производят долговременные эффекты. Поэтому философски оправданной стратегией становится развитие экомеджмента как жизнесохраняющей формы управления, где эффективность не отбрасывается, а подчиняется соразмерности и ответственности. Такой подход позволяет мыслить управление как «жизнетворчество» [2, с. 99], то есть как деятельность по созданию будущего, в котором сохранены условия жизни, развития экономики, культуры и человеческой субъектности. В конечном счёте экомеджмент реализует себя не там, где общество просто адаптируется к экологическим ограничениям, а там, где оно переопределяет цель развития, удерживая жизнь и её целостность как высшую норму управленческого действия. Именно это и составляет социально-философское измерение экомеджмента: управление, в котором будущее не «прибавляется» к настоящему, а мыслится как ответственность настоящего перед жизнью.

Литература

1. А.В. Юрко Принцип экологической ответственности в развитии философии экономики и экомеджмента // Философия. – 2025. – № 1. – С. 269–273. DOI: 10.24412/2411-2275-2025-1-269-273.
2. Юрко А.В. Экофилософия менеджмента – мировоззренческая основа проекта ноосферного города и мироотношения его субъекта // Экофилософия в проектировании ноосферного города: сборник статей / под ред. Э.В. Баркова, О.М. Бузской. – М.: РУСАИНС, 2025. – С. 99–106.
3. Баркова Э.В. Экорациональность в освоении целостности бытия: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2020. – 130 с.

4. Баркова Э.В. Философия урбозкологии в проектировании многомерного пространства ноосферного города // Экофилософия в проектировании ноосферного города: сборник статей / под ред. Э.В. Барковой, О.М. Бузской. – М.: РУСАИНС, 2025. – С. 7–21.

5. Фалько В.И. Экофилософия умного и зелёного мегаполиса // Экофилософия в проектировании ноосферного города: сборник статей / под ред. Э.В. Барковой, О.М. Бузской. – М.: РУСАИНС, 2025. – С. 22–31.

6. Майснер Т.Н. Экофилософские основы и принципы экоградпланирования и роль солидарности общества в проектировании ноосферного города (практические примеры) // Экофилософия в проектировании ноосферного города: сборник статей / под ред. Э.В. Барковой, О.М. Бузской. – М.: РУСАИНС, 2025. – С. 32–42.

7. Джумагазиева А.К. Ноосферный подход как основа формирования экологической ответственности будущих педагогов // Экофилософия в проектировании ноосферного города: сборник статей / под ред. Э.В. Барковой, О.М. Бузской. – М.: РУСАИНС, 2025. – С. 74–79.

8. Berdinesen H. On Hans Jonas' «The Imperative of Responsibility» // *Philosophia*. – 2017. – Vol. 17. – P. 16–28.

9. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: Sage, 1992. – 260 p.

10. Meadows D.H. Thinking in Systems: A Primer. – London: Earthscan, 2009. – 218 p.

CONCEPTUALIZATION OF ECO-MANAGEMENT AS A FORM OF ACTIVITY AND GOVERNANCE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL DIMENSION

Yurko A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article substantiates a socio-philosophical interpretation of eco-management as a life-preserving mode of thinking and practice that aligns economic action with the conditions for the reproduction of life and culture. The argument is grounded in the principle of ecological responsibility and the concept of ecorationality as a new type of rationality oriented toward the protection of life on Earth.

Keywords: eco-management, social philosophy, activity, governance, ecological responsibility, systems thinking.

References

1. A.V. Yurko, «The Principle of Environmental Responsibility in the Development of the Philosophy of Economics and Environmental Management» in: *Philosophy*. – 2025. – № 1. – pp. 269–273. DOI: 10.24412/2411-2275-2025-1-269-273.
2. A.V. Yurko, «Ecophilosophy of Management – the Ideological Basis of the Noospheric City Project and the Worldview of Its Subject» in: *Ecophilosophy in Designing a Noospheric City: A Collection of Articles* / edited by E.V. Barkov and O.M. Buzskaya. – Moscow: RUSAINS, 2025. – pp. 99–106.
3. E.V. Barkova, «Ecorationality in Mastering the Integrity of Being» in: *A Monograph*. – Volgograd: Volgograd State University Press. University, 2020. – 130 p.
4. Barkova E.V. Philosophy of Urban Ecology in Designing the Multidimensional Space of a Noospheric City // *Ecophilosophy in Designing the Noospheric City: A Collection of Articles* / edited by E.V. Barkova, O.M. Buzskaya. – Moscow: RUSAINS, 2025. – Pp. 7–21.
5. Falko V.I. Ecophilosophy of a Smart and Green Megapolis // *Ecophilosophy in Designing the Noospheric City: A Collection of Articles* / edited by E.V. Barkova, O.M. Buzskaya. – Moscow: RUSAINS, 2025. – Pp. 22–31.
6. Meissner T.N. Ecophilosophical foundations and principles of eco-urban planning and the role of social solidarity in designing a noospheric city (practical examples) // *Ecophilosophy in designing a noospheric city: a collection of articles* / edited by E.V. Barkova, O.M. Buzskaya. – Moscow: RUSAINS, 2025. – Pp. 32–42.
7. Dzhumagazieva A.K. Noospheric approach as a basis for developing environmental responsibility in future teachers // *Ecophilosophy in designing a noospheric city: a collection of articles* / edited by E.V. Barkova, O.M. Buzskaya. – Moscow: RUSAINS, 2025. – Pp. 74–79.
8. Berdinesen H. On Hans Jonas' «The Imperative of Responsibility» // *Philosophia*. – 2017. – Vol. 17. – P. 16–28.
9. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: Sage, 1992. – 260 p.
10. Meadows D.H. Thinking in Systems: A Primer. – London: Earthscan, 2009. – 218 p.

Онтологическая истина и ее критерий

Казаковцев Константин Владимирович,

аспирант кафедры философии, социологии и политологии
Башкирского государственного педагогического университета
им. Акмуллы

E-mail: konstantin.kazakovcev@gmail.com

В 1990-е годы у граждан России произошла трансформация ценностных ориентиров. У части населения вместо советского коллективизма стал базовой ценностью индивидуализм. Это привело к ресоциализации базовых и инструментальных ценностей. В статье исследуются сущностные критерии ценностей и их онтологической истинности.

Ключевые слова: ценность, истина, практика, критерий, онтология.

По данным различных социальных исследований половина граждан России пережили в 1990-е годы ресоциализацию (перерождение) с позитивными ценностно-нормативными результатами. Эти данные **актуализируют теоретические** исследования и **практическую** проверку истинности результатов в сферах деструктации традиционных гуманистических ценностей, влияние на эти процессы власти. Часть более консервативного населения продолжает находиться в состоянии внутрилличностного ценностно-нравственного конфликта. Они продолжают жить по традиционным ценностям, онтологическая истинность которых – **центральный предмет** нашего рассмотрения **историко-философскими и общенаучными методами**. Кроме теоретического интереса, объект анализа имеет **практический социальный интерес** даже на бытовом уровне. Концепция *veritas rerum* («истинность вещей») к анализу трансформации ценностных ориентиров представляет **новизну** данного подхода. По мнению, например, Н.И. Лапина, современная система ценностей позволяет в системе новых социальных, политических, экономических, юридических и т.д. условиях активно жить и реализовываться, «не изменяя базовой идентичности» [1]. По этим же данным большинство россиян к базовым ценностям относят, кроме традиционных, еще безопасность, конформность, гедонизм, универсализм, власть, богатство, самостоятельность, успех по карьере, благожелательность. За годы после развала СССР стал заметен сдвиг большинства граждан от социально-ориентированных ценностей в сторону индивидуалистических. Расслоение российского социума на богатых и бедных, усиление бедности в последние годы, по утверждению А. Аузана, обусловили сдвиг ценностных ориентиров российского населения от ценностей самореализации в сторону выживания [2].

В этих условиях ценности общности атомизируются, разрушаются ценности социальной солидарности, растет недоверие граждан государству и людей друг другу [3].

Капитализм принес россиянам вместо коллективизма ценности индивидуализма. На событийном уровне существования всех общественных сфер, в том числе и власти, и культуры это стало очевидным фактурным явлением. Но совсем другой вопрос, как эта смена парадигм трансформируется во внутреннем, духовном (чувственном и интеллектуальном) мире людей, как эта инверсия духовного в материально-вещного отражается во внутренней сетке ценностей людей [4]. Россия страна парадоксов: в последние годы по данным некоторых исследований снизилась роль, значимость таких привычных инструментальных ценностей как власть, престиж, благополучие, индивидуальность, развлечения [5]. Мироззрение каждой эпохи (античной, средневековой, Нового и современной), ее базовые и инструментальные ценности определяется соответственно уровню развития социума.

Мироззрение и сущность онтологической истины

Для **античного космоцентричного** мироззрения истинность всего природного и социального определяется через соответствие Логосу (космическому миропорядку). Хаос породил Космос. Из беспорядочной массы возник упорядоченный Космос. Если люди хотят, чтобы их мир был истинным, красивым и добрым, они должны стремиться познать законы Логоса и соответственно им жить: чувствовать, думать, действовать. Порядок в обществе и его ценности будут истинными, справедливыми, полезными, красивыми, добрыми и т.д., если структура и функции социума будут соответствовать космическому порядку, т.е. Логосу. С духовными и культурными ценностями аналогично: они будут истинными, красивыми, эффективными, эмоциональными, добрыми и справедливыми, если будут ориентировать людей через их чувства на Логос, т.е. на космический порядок. Как видим, категория «истина» служит ядром античной конвергенции различных гуманистических ценностей.

Аналогично и в мироззрении **Средних веков**. Только вместо Космоса (Логоса) главное звено – Бог, абсолютно онтологически истинный. Все остальные структурные ценности мироздания распределяются и располагаются по той же цепочке. Взаимодействие природы и социума осуществляется на основе ясных и убедительных истин. И лишь в этом случае и практическая, и духовная жизнь будут нравственными, что и создаст возможность их единства как в целом, так и по отдельным элементам на основе традиционно-культурных ценностей. В последующие эпохи эта историческая модель повторяется

и остается традиционной: во-первых, если существование чего-либо соответствует его сущности – оно на пути к истинности, относительной или абсолютной. Во-вторых, абсолютная истинность достигается лишь на пределе полного (абсолютного) соответствия мирозданию или его началу: абсолюту, Богу (Творцу в любом облики), материи, монаде, абсолютной Идее, первичному Хаосу и т.д.

Практика как критерий истины

Истинность знаний (гносеологическая истина в двух формах: корреспондентской и когерентной) имеет два оправдавших себя критерия: практика и логика. Производственная практика, реформы и революции (социальная практика), эксперимент (научная практика) дают ответ на вопрос, как и насколько знания адекватны предмету познания. Трудности понимания истины и её критериев возникают в области онтологической истины – истинности вещей и событий объективного мира. Удобно теологии: есть священные книги, есть «святые» отцы – не только канонические, но еще и живые, которые четко указывают на истины. А как проверить без них, например, соответствует ли конкретный учитель сущности учительства?! Как узнать, данное конкретное государство онтологически истинно или нет?! Хорошо бы знать, врач, который собирает вас оперировать, является онтологически истинным, т.е. соответствуют ли его звание, документы, опыт и пр. сущности врачевания?! И т.д., и т.д. И так во всем, и по мелочам: лекарство, которое покупаете; лакомство для своего ребенка; еда, которую громко рекламируют; власть, за которую собираетесь идти голосовать?! Соответствует бутафория их существования их сущности, т.е. являются ли они онтологически (объективно, на самом деле!!!!) истинными или нет – где и как узнать?

И опять возникает на переднем плане как основной критерий истинности не только знаний (*veritas intellectum*), но и вещей (*veritas rerum*) – практика. Ценность практики, как критерия истины, можно считать общепризнанной. И в таком качестве она входит в базовые ценности, хотя выполняет инструментальную функцию.

Примеры. Такая функция государства как управление обществом будет истинной, если власть служит на благо всех и каждого. Как можно на практике определить соответствие государства этой своей функции? Если в государстве царит хаос и кризисы, преступность, аморальность, убийства и т.д. – понятно, что данная конкретная власть не соответствует своей сущности. Если учитель вместо базовых и инструментальных гуманистических ценностей, формирует в учениках озлобленность, зависть, ложь, агрессию, то очевидно, что это онтологически ложный учитель, т.е. его существование не соответствует статусу (сущности) учителя. Врач не лечит, а калечит; мать не любит дитя, а ненавидит его; власть служит не гражданам, а наносит вред населению – этот ряд примеров *veritas rerum* можно долго продолжать. И ясно, соответствует ли существование чего-либо своей сущности, определяется тоже на практике. Но есть нюансы. Практика – критерий истинности знаний и вещей, созданных человеком. А онтологическая истинность природных вещей – как их определить? Независимо, полезно это человеку, нейтрально или вредно – яблоня, у которой нет из года в год плодов, – это онтологически ложная яблоня; крокодил, который съел неосторожного ротоzęя туриста – онтологически истинный крокодил; а если он питается лишь травкой, он как хищник онтологически ложный. Практика как критерий онтологической истинности чего-либо (материального или духовного) вовсе не совпадает ни с полезностью (ценностью) человеку, ни его познавательными оценками.

Роль человека в *veritas rerum*

Роль человека в другом. Познавая онтологическую истинность вещей, человек вносит коррективы в свою деятельность, устраняя, игнорируя, ликвидируя неистинные, ложные, мнимые ценности и явления, а тем самым избегая ошибок и вредных последствий в своей жизни. Ложная рассада не даст ожидаемый урожай. Подделка, принимаемая за истинный подлинник, вместо радости принесет огорчение. Можно привести более драматичные примеры. Человек, которого вы долгие годы считали истинным другом, окажется онтологически ложным другом или даже истинным врагом! Ценностный характер носят ошибки, скажем, судьи, если он примет безвинного человека за преступника или оправдает онтологически истинного преступника! И за любые ошибки (гносеологические или онтологические) неизбежно следует расплата. Хлеб, который нельзя есть. Самолет, который не летает. Друг, который предатель. Правитель, который исторический преступник.

И много таких «вещей», на онтологическую истинность которых ни у кого нет однозначного и окончательно верного ответа! Тем более, когда речь о таких динамичных социальных институтах как культура или власть. Попробуйте ответить: в чем онтологическая истинность ребенка, радости, соседа, любви, коллеги, добра, дождя, милости,

судьбы, времени, смерти... Не знаний об этих явлениях, а их самих. Любое упрощение приведет в ценностный тупик, как и усложнение. Многие ценности носят конкретно-ситуационный характер или чисто субъективны. Для многих советских граждан их ключевая базовая ценность – коммунизм, оказалось онтологически ложной. Бутафория словесно-идеологических ценностей оказалась фикцией, блефом, не имеющей онтологической основы. Соответствие существования сущности как критерий онтологической истины, проверяемый на практике, – это принципиальная схема, требующая в каждом конкретном случае выяснения к о н к р е т н о й сущности именно этой конкретной вещи. Для этого и требуется профессионализм в каждой конкретной области. Хотя речь о власти, хоть об искусстве, хоть об их взаимодействии. Философия есть любовь к мудрости – ясный критерий. Люби мудрость – и будешь онтологически истинным философом... Но кто скажет, что значит «мудрость» и «любовь»? И какие процессы во мне я должен с уверенностью считать любовью к мудрости, а какие нет?! Омар Хайм не любил поэзию. Он истинный поэт или нет?! «Будь это вещь, – пишет М. Хайдеггер, – или предложение, истинно то, что правильно, истинное – это согласующееся... Согласованность двоякого рода: с одной стороны, совпадение вещи с тем, что о ней мыслилось раньше, и с другой стороны, совпадение мыслимого в высказывании с вещью» [6]. Вынесем за скобки вопрос: «Можно ли считать онтологически истинным профессором философии человека, сотрудничавшего с фашизмом?». Да, речь о самом М. Хайдеггере, который работал в университете во времена Гитлера. Но вот еще его два высказывания по предмету статьи. Очень хороших, между прочим, высказывания. «Для вопроса об истине безразлично, идет ли речь... об истине практического, жизненного опыта или экономического расчета; это может быть истина технического порядка или истина, характеризующая политический ум... истина может относиться к сфере художественного творчества, это может быть даже истина мысленного воспоминания или культурной веры. Вопрос о сущности оставляет все это в стороне и затрагивает только то, что отличает всякую истину как таковую» [7]. И вот еще его фраза, которая звучит как оплеуха ему – великому немецкому философу (Сократ, между прочим, чуть был не казнен из-за того, что отказался сотрудничать с Тридцатью тиранами Афин): «Истина предложения возможна только на основе истинных вещей» [8]. Или еще одно его высказывание (см. сноску) [9].

Трудно, конечно, поверить в искренность моралиста, который предлагает критикам жить так, как он учит, а не так, как он сам живет. Театр жизни и комичен, и трагичен одновременно.

Отметим, что формула онтологической истинности вещей не особенно теряет ценностный смысл, точнее, вовсе не теряет, как в идеалистических философских учениях, так и в материалистических. Гегель пишет, что «предметы истинны, когда они суть то, чем они должны быть, т.е. когда их реальность соответствует их понятию» [10]. Эта формула легко прочитывается и в научно-естественном смысле. Современные авторы Д. Реале и Д. Антисери пишут: «В античной мысли выделяемы два основных смысла истины: 1) онтологический и 2) гносеологический. Уже досократики идентифицировали истину и фюзис (как например, у Парменида). По Аристотелю любая вещь обладает истиной настолько, насколько она обладает бытием. Потому причина более истинна, чем причинно-обусловленное; сверхчувственное более реально, чем чувственное, ибо имеет больше бытия. Плотин понимал под истиной Дух, который есть синтез бытия и мышления. Гносеологически, хотя истина – это аффект мысли, ее основание есть всегда реальность, бытие. Любопытна позиция стоиков, по мысли которых истина – это тело. Общей для античных мыслителей была вера в доступность истины для человека, ее непотаенность, несокрытость. Что следует из этимологии слова а-Летейя, т.е. то, что вне Леты, неподвластно забвению, несмываемо водами Леты, проступает в вечности» [11]. Когда речь об истинности реальной жизни, необходимо будет собрать все достижения алетологии (веритонии), ибо они представляют конвергенцию духовных и материальных компонентов. Как говорил Л. Фейрбах: «Истина – лишь полнота человеческой жизни и существа» [12].

Онтологическая истинность реальной власти и ее ценностей, скажем, российской, определяется через соответствие их существования их же сущности. Исследовательская задача в том, чтобы определить контент понятий «существование власти» и «сущность власти». Даже определение одной категории – «сущность» – требует особый профессионализм, ибо сущность «вещей природных» качественно отличается от сущности вещей социальных». «А определение сущности в каждом конкретном случае требует предметного профессионализма, ибо сущность неорганических, растительных, зоологических, социальных вещей и событий различна» [13].

Заключение

Трансформация общества влечет перестройку малых и больших структурных элементов, пересмотр их базовых и инструментальных ценностей. Возникают диаметрально противоположные прежним тенденции и явления. Чтобы не запутаться во множестве новых и старых оценок вещей, знаний и событий, необходимо точно определить истинность ценности материальных и духовных новаций. Для этого необходимы четкие определения критериев гносеологических и онтологических истин. Доминирующим в реалиях живой и неживой материи является *veritas rerum* («истинность вещей»), которая служит сущностной базой для *veritas intellectum* («истинность знаний»). И как показывает исторический опыт человечества, универсальным критерием истинности вещей и знаний является практика.

Литература

1. Лапин Н.И. Функционально – ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 29.
2. См.: Аузан А. Национальные ценности и модернизация / А. Аузан. – М.: ОГИ, 2010. – 192 с.
3. Шубкин В.Н. Социальная разобщенность как феномен массового сознания / В.Н. Шубкин, И.А. Климов // Россия реформирующаяся. – 2004. – № 4. – С. 246.
4. См.: Ситкевич Н.В. Особенности трансформации нравственных ценностей в условиях информатизации общества: Автореф. дис. с.к.ф.н. Тула. 2011. – 27 с.
5. См.: Демидов А.М. Исследования компании GfK Rus / А.М. Демидов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2009. – № 6. – С. 94–95.
6. Хайдеггер М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 10.
7. Хайдеггер М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 8.
8. Хайдеггер М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 11.
9. «Будь это вещь или предложение, истинно то, что правильно, истинное – это согласующееся» (Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 10).
10. Гегель. Энциклопедия философских наук. – М., 1974. Т. 1. – С. 401.

11. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. СПб., 1994. С. 284.
12. Фейербах. Соч. в 2-х томах. М., 1995. С. 143.
13. Гареев А.Р., Хазиева Е.В. О единстве гносеологической и онтологической истин // Бытие человека. Уфа. 2002. С. 67.

PRACTICE AS A CRITERION OF ONTOLOGICAL TRUTH

Kazakovtsev K.V.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah

In the 1990s, Russian citizens underwent a transformation in their value systems. For some, individualism replaced Soviet collectivism as their core value. This led to a resocialization of core and instrumental values. This article examines the essential criteria of values and their ontological truth.

Keywords: value, truth, practice, criterion, ontology.

References

1. Lapin N.I. Functionally Orienting Clusters of Basic Values of the Population of Russia and Its Regions / N.I. Lapin // Sociological Studies. – 2010. – № 1. – P. 29.
2. See: Auzan A. National Values and Modernization / A. Auzan. – Moscow: OGI, 2010. – 192 p.
3. Shubkin V.N. Social Disunity as a Phenomenon of Mass Consciousness / V.N. Shubkin, I.A. Klimov // Russia under Reform. – 2004. – № 4. – P. 246.
4. See: Sitkevich N.V. Features of the Transformation of Moral Values in the Context of the Informatization of Society: Abstract of a PhD Dissertation in Philosophy. Tula. 2011. – 27 p.
5. See: Demidov A.M. Research by GfK Rus / A.M. Demidov // Marketing in Russia and Abroad. – 2009. – № 6. – Pp. 94–95.
6. Heidegger M. On the Essence of Truth // Conversation on a Country Road. Moscow, 1991. P. 10.
7. Heidegger M. On the Essence of Truth // Conversation on a Country Road. Moscow, 1991. P. 8.
8. Heidegger M. On the Essence of Truth // Conversation on a Country Road. Moscow, 1991. P. 11.
9. «Whether it is a thing or a proposition, what is true is correct; what is true is what agrees» (Heidegger M. Conversation on a Country Road. Moscow, 1991. P. 10).
10. Hegel. Encyclopedia of Philosophical Sciences. – M., 1974. Vol. 1. – P. 401.
11. Reale D., Antiseri D. Western Philosophy from Its Origins to the Present Day. Antiquity. St. Petersburg, 1994. P. 284.
12. Feuerbach. Works in 2 volumes. Moscow, 1995. P. 143.
13. Gareev A.R., Khazieva E.V. On the Unity of Epistemological and Ontological Truths // Human Being. Ufa. 2002. P. 67.

Философское осмысление техники: от промышленной революции к информационному обществу

Мамедов Азер Агабала оглы,

доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: azermamedov@mail.ru

Кортунов Вадим Вадимович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: kortunov@bk.ru

Котусов Дмитрий Вячеславович,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: dentor@yandex.ru

Шиповская Людмила Павловна,

доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
E-mail: ship8@rambler.ru

В статье анализируется эволюция технических знаний от эпохи промышленной революции до современного информационного общества, показана роль промышленной революции в развитии техники, являющейся весьма актуальной для философии и затрагивающей фундаментальные вопросы взаимосвязи техники и человеческого существования, а также социальные и этические последствия научно-технического прогресса. Обсуждается, что промышленная революция была не просто переходом к новым способам производства, но и моментом зарождения технократического мировоззрения, при котором техника и машины стали играть центральную роль в жизни общества и стали влиять на способы мышления, мировосприятие и социальные структуры. Оценены ключевые технические достижения, произошедшие в ходе промышленной революции, и их влияние на развитие различных отраслей, рассмотрены философские последствия промышленной революции, включая изменения в восприятии труда, человека и техники, проанализирована роль промышленной революции в контексте современных технологий и показана как идеи и процессы, возникшие в XVIII–XIX веках, продолжают влиять на развитие современной науки и техники.

Ключевые слова: промышленная революция, техника, техническое знание, философия техники.

Промышленная революция XVIII века стала результатом долгого накопления экономических, научных и социальных изменений, которые подготовили почву для резкого перехода к машинному производству и новой экономической системе. Основные исторические предпосылки промышленной революции, по нашему мнению, включают следующие факторы:

С XVII века в Европе наблюдался устойчивый экономический рост, связанный с развитием торговли, особенно морской. Европейские страны активно колонизировали новые территории, что привело к значительному увеличению оборота товаров, включая такие ресурсы, как сахар, пряности, табак и хлопок, которые импортировались из колоний и нуждались в переработке. Расширение торговли требовало более эффективных способов производства, способных удовлетворить возрастающий спрос на промышленные и сельскохозяйственные товары. Постепенно формировались экономические условия, которые стимулировали развитие новых методов производства и изобретение машин для автоматизации труда.

Кроме того, в XVIII веке происходил быстрый рост населения, особенно в Англии, что было связано с улучшением условий жизни, повышением урожайности сельскохозяйственных культур и сокращением эпидемий. Рост численности населения создавал потребность в новых рабочих местах и увеличивал спрос на товары, такие как одежда, посуда и инструменты, стимулируя развитие промышленного производства. Несомненно, переход многих людей от сельскохозяйственного к городскому образу жизни способствовал формированию новой социальной среды, в которой рабочие стали более доступны для фабрик и заводов. Этот процесс урбанизации сыграл важную роль в организации промышленных центров, где концентрировалась рабочая сила и развивались новые технологии [2, с. 43].

Промышленная революция была тесно связана с достижениями научной революции, ознаменовавшей формирование классической науки Нового времени. Развитие физики, химии и механики подготовило теоретическую основу для изобретений, которые стали возможными в XVIII веке. Например, работы Ньютона в области механики и законы движения стали основой для разработки паровой машины. Помимо этого, изобретение Джеймсом Уаттом более эффективного парового двигателя привело к механизации труда в различных отраслях, включая текстильное производство и металлургию. Важную роль также сыграли открытия в химии, которые позволили улучшить процессы переработки сырья, например, выплавки металлов. Эти научные достижения сделали возможным развитие и внедрение новой техники на производстве.

Также стоит отметить, что перед началом промышленной революции в Англии произошла аграрная революция, которая изменила способы ведения сельского хозяйства. Внедрение новых аграрных технологий, таких как трёхпольный севооборот, использование удобрений и усовершенствование орудий труда, позволило повысить производительность сельского хозяйства. В результате аграрной революции произошло увеличение продовольственных запасов, что позволило поддерживать растущее население и высвободить часть рабочей силы, которая перешла в промышленность. Также улучшение сельского хозяйства освободило капитал, который мог быть вложен в развитие промышленных предприятий, и послужило еще одним толчком для начала промышленной революции.

Указанные обстоятельства подчеркивают осуществление важных изменений в общественных и культурных ценностях, которые способствовали ускорению промышленного развития Европы. Эпоха Просвещения внесла вклад в становление рационального мышления, научного подхода и веры в прогресс. Идеи Просвещения, распространявшиеся через книги, трактаты и научные общества, привели к изменениям в отношении к труду, накоплению капитала и роли знаний.

Технические достижения промышленной революции изменили саму природу труда, социальные структуры и мировоззрение, что не могло не повлиять на философские рассуждения о технике и её роли в жизни человека. Мыслители XIX–XX вв. поднимают вопросы об отчуждении, о роли техники в контроле над обществом и о том, как техника влияет на человеческую свободу и самореализацию.

Таким образом, технические достижения промышленной революции изменили мир и поставили ряд вопросов, которые остаются актуальными для философии до сих пор. Промышленная революция показала, как техника способна преобразовать не только производство, но и жизнь людей, их отношения, социальные и этические нормы, что стимулирует философские размышления о балансе между прогрессом и гуманностью.

Нужно отметить, что промышленная революция не только преобразовала экономику и технологии, но и привела к глубоким изменениям в философском осмыслении мира, труда и места человека в обществе. Изменение структуры общества, новые формы организации труда, механизация производства и масштабное внедрение техники создали новые философские вопросы и проблемы. Очевидно, что промышленная революция стала отправной точкой для философских дискуссий о роли техники в жизни человека, её влиянии на социальные и этические нормы и угрозах для свободы и гуманности.

Одним из важнейших философских последствий промышленной революции, как полагаем, стала проблема отчуждения труда. Традиционно труд рассматривался как естественная часть человеческой жизни, способ самореализации, а человек мог видеть результаты своей работы и гордиться ими. Однако с появлением фабрик и поточной системы производства труд стал механизированным, однообразным и часто оторванным от конечного результата. Рабочие выполняли узкоспециализированные задачи на конвейере, что лишало их труда творческого аспекта и возможности самореализации.

Маркс одним из первых исследовал проблему отчуждения, отметив, что в условиях капиталистического производства труд теряет личностный характер, а человек становится «винтиком» в огромной производственной машине. Он утверждал, что такой труд отчуждает человека от его сущности, заставляя его чувствовать себя не полноценным творцом, а просто исполнителем монотонных функций. Хотя Маркс прямо не использует здесь термин «отчуждение» (как в ранних работах), он ярко описывает его суть: рабочий из искусного ремесленника превращается в придаток машины, выполняющий однообразные, простые операции. Его интеллектуальные и творческие силы отчуждаются в пользу капитала, овеществленного в машине.

Маркс обратил внимание на противоречивый характер технического прогресса: с одной стороны, машины имеют огромный потенциал для освобождения человека от тяжелого труда, но, с другой стороны, при капитализме этот потенциал извращается и используется для усиления эксплуатации. Таким образом, техника сама по себе не хороша и не плоха – её характер определяется общественными отношениями, в которые она вписана.

Маркс полагал, что появление техники сопровождается рядом проблем, характерных для антагонистических обществ, и потому не поддающихся разрешению в условиях капиталистической эксплуатации. Техника как раз поможет рабочему классу сбросить «капиталистическое иго» даже в большей степени, чем прямые революционные действия, о чем ниже свидетельствуют строки из «Экономической рукописи 1861–1863 гг.»: «Порох, компас, книгопечатание – три великих изобретения, предваряющие буржуазное общество. Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонию, а книгопечатание становится орудием протестантизма и вообще средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития» [3, с. 418]. Крупное машинное производство, а в будущем и автоматическое, по мысли Маркса, должны были сделать работника свободным. В реальной жизни, как нам теперь известно, всё оказалось намного сложнее.

Проблема отчуждения, поднятая Марксом, впоследствии получила развитие в философии экзистенциализма и стала актуальной в критике современного технократического общества.

С появлением машин и индустриального производства изменилась роль времени в обществе. Ранее труд и жизнь человека были тесно связаны с природными циклами: труд зависел от сезона, времени суток и других природных условий. Промышленная революция привела к тому, что работа стала жестко регламентирована временем и организована по строгому графику. Время стало ценным ресурсом, который измеряли, распределяли и контролировали.

Этот переход от природного к машинному времени повлиял на восприятие времени и пространства в философии. Человек стал рассматриваться как элемент огромной системы, где все подчинено времени и расписанию. Такое восприятие повлияло на философию XIX–XX вв., где стали обсуждаться вопросы о том, как технологическое общество влияет на свободу и индивидуальность человека. Философы, такие как Бергсон, критиковали механическое восприятие времени и подчеркивали ценность внутреннего, субъективного времени как основы человеческого опыта.

Совершенно очевидно, что промышленная революция изменила формы контроля в обществе. Механизация труда и появление фабрик привели к необходимости строгого контроля за рабочими процессами, чтобы повысить производительность и минимизировать потери. Это породило новые формы дисциплины и надзора, а также четкое разделение ролей и обязанностей. Человек стал частью большого механизма, где каждая его функция регламентировалась, что вызвало опасения в отношении потери личной свободы.

Мыслители XIX–XX вв., в том числе представители иррационалистических течений, экзистенциализма, а позднее и философы Франкфуртской школы, отмечали, что техника может быть использована как инструмент контроля и подавления. Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно критиковали технократическое общество, видя в нём угрозу для индивидуальности и свободы. Утверждая, что «единичный человек исчезает на фоне того аппарата, который он обслуживает», немецкие мыслители полагали, что техника может быть использована для манипуляции людьми и контроля над их сознанием, что ведёт к усилению отчуждения и превращению человека в пассивного исполнителя [9, с. 12].

Промышленная революция дала начало представлению о прогрессе как непрерывном и желаемом процессе, связанном с развитием техники и науки. Однако философы начали задаваться вопросом, действительно ли технический прогресс ведет к улучшению жизни людей или он несёт с собой риски и проблемы. Например, Жан-Жак Руссо, хотя и жил до промышленной революции, предвидел её последствия, утверждая, что технологический прогресс может подчинить человека искусственным потребностям и отдалить его от природы. «Наши науки и искусства, – писал Руссо, – обязаны своим происхождением нашим порокам», и в этом смысле действительно не было бы нужды ни в какой юриспруденции, если бы не существовало человеческой несправедливости [6, с. 53].

С развитием техники стали актуальны вопросы моральной ответственности. Ученые и инженеры создавали новые машины и технологии, которые улучшали производство, но часто приводили к социальным и экологическим проблемам. Например, загрязнение воздуха и воды, которое стало особенно заметным в индустриальных городах, ставило под сомнение ценность технического прогресса для природы и здоровья человека. Эта проблема впоследствии стала важной для этики науки и техники, подчеркивая необходимость осознания последствий научно-технических изобретений и принятия моральной ответственности за их использование.

Промышленная революция также привела к философским рассуждениям о роли техники в жизни общества и её соотношении с человеческими целями. Техника традиционно воспринималась как средство для достижения целей: облегчения труда, повышения комфорта и улучшения качества жизни. Но в условиях промышленной революции техника стала играть самостоятельную роль, а механизация и автоматизация стали самоцелью.

Мартин Хайдеггер позже выразил мысль о том, что техника перестала быть лишь инструментом и стала определять условия существования человека. Техника превратилась в «средство ради средства», диктующее свой ритм и требования. Он считал, что такая «технизация» жизни приводит к потере подлинного бытия и отчуждению человека от мира и самого себя. «Человеческое действие никогда не в силах непосредственно противостоять этой угрозе. Человеческие усилия сами по себе никогда не смогут эту угрозу отвести» [4, с. 65]. Хайдеггер концентрировал внимание философов на осознании этой опасности, и поэтому технический прогресс рассматривается философами техники не как однозначно положительное явление, а как процесс, который требует осмысления и критического отношения.

Еще одним важным последствием промышленной революции стало формирование новой философской дисциплины – философии техники, которая начала изучать вопросы технического прогресса, его влияния на общество, личность и природу, и, как следствие, породила проблему моральной ответственности. В философии техники исследуются как сущность технических артефактов и их место в человеческой культуре, так и влияние техники на социальные, этические и экзистенциальные аспекты жизни. Философы-экзистенциалисты, представители франкфуртской школы и другие мыслители задавались вопросами о том, как техника меняет человеческое восприятие мира, культуру и моральные ценности. Ортега-и-Гассет писал, что «техника – это реакция человека на природу или обстоятельства, в результате которой между природой, окружением, с одной стороны, и человеком – с другой, возникает некий посредник – сверхприрода, или новая природа, надстроенная над первичной». Но философ подчеркивал, что «техника отнюдь не действия, которые человек выполняет, чтобы удовлетворить потребности» [5, с. 170]. Однако, по истечению первой четверти

XXI века, мы можем сказать, что человек как раз с помощью техники стремится удовлетворять в том числе и личные потребности.

Философия техники, ставшая самостоятельным направлением философских исследований в XX веке, занимается проблемами, которые были заложены ещё во времена промышленной революции, такими как влияние техники на человеческую свободу, отчуждение и возможное подчинение человеческих целей техническим требованиям. Эта область философии остаётся актуальной и сегодня, когда мир сталкивается с новыми технологическими вызовами, такими как искусственный интеллект и биотехнологии, требующими глубокого философского осмысления и ответственности. Ещё Н. Бердяев писал, что будущее России неразрывным образом должно быть связано с техникой и технологиями. Но такое развитие сопровождается и опасностями; парадокс в том, что развитие культуры невозможно без внедрения техники и технических инструментов, но, с другой стороны, торжество технического разума приведет к отмиранию культуры. Однако, Н. Бердяев, все же подчеркивает: «Бессмысленно стремление к отрицанию техники. Нужно не отрицать технику, а подчинить ее духу» [1, с. 46].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что промышленная революция оказала огромное влияние на философию, породив новые вопросы и направления исследований. Эти философские последствия остаются актуальными и по сей день, поскольку развитие техники и её влияние на общество продолжают, вызывая всё новые размышления о роли техники в жизни человека, её возможностях и угрозах для гуманистических ценностей.

Безусловно, промышленная революция заложила основу для современного технического прогресса, став отправной точкой для многих отраслей, технологий и изобретений, которые продолжают развиваться и сегодня. Технические достижения и социальные изменения этого периода определили направление развития таких сфер, как машиностроение, энергетика, транспорт, связь, автоматизация, а также породили новые представления о прогрессе и массовом производстве. Промышленная революция является фундаментом современной техногенной цивилизации, и её влияние заметно в каждой области, где технологии играют ключевую роль.

Одним из главных достижений промышленной революции было становление машиностроения как отдельной отрасли. С развитием паровых двигателей, фабричных станков и железных дорог начался активный рост спроса на машины и механизмы, что стимулировало развитие технологий их производства. Машиностроение стало базой для создания всё более сложных и эффективных устройств, которые в свою очередь привели к появлению и автоматизации промышленных линий.

Сегодняшняя автоматизация производства, использование промышленных роботов, программируемых станков с ЧПУ (числовым программным управлением) и других сложных систем – это прямое продолжение тенденций, начатых в эпоху промышленной революции. С тех пор как ручной труд был заменён машинным, появилась цель по максимальной автоматизации процессов и увеличению эффективности. Современные технологии производства, такие как конвейерные линии, программируемые роботы и искусственный интеллект, продолжают развивать идею механизации, начатую ещё в XVIII веке.

Развитие энергетике – ещё один ключевой аспект, в котором промышленная революция оказала влияние на современные технологии. Начало использования паровых машин привело к формированию новой энергетической структуры, независимой от традиционных источников энергии, таких как труд животных или водяные мельницы. Это дало импульс к развитию и совершенствованию энергетических установок, способных работать с большим КПД.

Промышленная революция создала спрос на постоянные и надёжные источники энергии, что в конечном итоге привело к открытию электричества как основного источника энергии для производства. Впоследствии, когда электроэнергия стала основой промышленного и бытового секторов, началось её массовое внедрение в производство и повседневную жизнь. Электроэнергия открыла путь для создания множества современных технологий – от бытовой техники до сложных производственных комплексов и сетей. Сегодня возобновляемые источники энергии, такие как солнечные и ветровые установки, продолжают развивать идеи о постоянной и чистой энергии, которые начали формироваться во времена промышленной революции.

Промышленная революция также заложила основы для современных транспортных технологий. Железные дороги стали одним из первых примеров механизированного массового транспорта, который обеспечил быстрое перемещение товаров и людей на большие расстояния. Создание железнодорожных путей стало катализатором для последующего развития таких средств транспорта, как автомобиль и самолёт.

В XX веке эта тенденция получила продолжение с развитием автомобильного и авиационного транспорта, что сделало возможным глобальное перемещение людей и товаров. Промышленная революция сформировала представление о необходимости транспорта, способного обслуживать массовое производство и обеспечивать доставку продукции в нужные места в минимальные сроки. Сегодня транспортные технологии продолжают развиваться: беспилотные автомобили, высокоскоростные поезда и электрический транспорт являются продолжением инноваций, начатых в эпоху промышленной революции.

В ходе промышленной революции также появились первые технологии, которые стали основой для современного развития средств связи. Телеграф, разработанный в XIX веке, стал первым средством быстрой передачи информации на большие расстояния. Он изменил принципы коммуникации и взаимодействия между людьми, положив начало эпохе информационных технологий.

Современные средства связи, такие как интернет, мобильные телефоны и спутниковая связь, являются продолжением и развитием идей, заложенных во времена промышленной революции. Тогда появились первые осознания того, что информация может передаваться быстрее, чем физические предметы, и это открывает новые возможности для бизнеса, социальных и государственных институтов. Сегодня высокоскоростные коммуникационные сети позволяют мгновенно передавать информацию по всему миру, что является неотъемлемой частью глобализации и современной экономики.

Промышленная революция изменила сами представления о научно-техническом прогрессе. Впервые возникло понятие прогресса как непрерывного процесса, а идея массового производства позволила применять его результаты для улучшения жизни множества людей. Переход от ремесленного производства к фабричному стал прототипом для массового производства товаров, доступных широким слоям населения. Это привело к стандартизации продукции, что, в свою очередь, повлияло на стандарты качества и внедрение новых технологий.

Современное массовое производство, включая такие технологии, как 3D-печать и роботизированные сборочные линии, является результатом тех принципов организации производства, которые были заложены во время промышленной революции. Тенденция к увеличению производительности и снижению издержек на производство стала важной характеристикой технологического прогресса, что привело к созданию глобального рынка и многообразию доступных товаров.

Идея механизации, автоматизации и повышения производительности, которая родилась во времена промышленной революции, стала философской и практической основой для последующих технологических революций, таких как цифровая и информационная. Современные компьютеры, автоматизированные системы управления, нейросети, робототехника и искусственный интеллект – все эти технологии корнями уходят в стремление улучшить и ускорить процессы, что стало возможным благодаря промышленной революции.

Несомненно, бурное развитие техники ставит вопрос и о культуре, месте техники в ней. «Культурный человек, – писал П. Энгельмейер, – тем и отличается от дикаря, что живет в искусственной среде» [10, с. 49], понимаемой Т. Адорно «способом проявления общественной необходимости» [8, с. 367]. Ибо технические задачи, по его мнению, суть заказы общества.

Сегодня цифровая революция изменяет не только промышленные процессы, но и многие аспекты социальной и личной жизни. Информационные технологии позволяют обрабатывать огромные массивы данных, контролировать сложные системы и автоматизировать рутинные процессы. Всё это – логическое продолжение принципов, заложенных в эпоху промышленной революции, когда механизация труда показала, что с помощью техники можно достичь гораздо большего, чем полагалось ранее.

Бурное развитие техники и технологий, нейросетей, искусственно-интеллекта в XXI веке рассматривается в контексте мировоззрения трансгуманизма, – с одной стороны, и взаимоотношения философии, естественных и технических наук – с другой. Очевидно, на повестке дня стоит вопрос об ответственности инженера, проектировщика за последствия применения технических средств и инструментов. Еще П. Энгельмейер задавался вопросом: «Если воспитатель ведет ученика неправильно, если администратор вводит деморализующие установления, – когда обнаружатся пагубные последствия их ошибок? Только через несколько лет. А посмотрите на техника. Если аэроплан не поднимается от земли, если автомобиль не дает обещанной скорости, лампа не дает условного количества свечей, если дом треснул, мост прогнулся, то ведь это видит всякий в ту же минуту» [10, с. 53]. Техническая ошибка проявляет себя сразу, и вот почему в современную эпоху многократно возрастает инженерная ответственность за последствия технического прогресса.

Очевидно, промышленная революция стала отправной точкой для развития не только всех ключевых технологий, но и для оценки социально-этических последствий их применения и использования в повседневной практике, которые лежат в основе современного мира. Принципы механизации, автоматизации, использования энергии и стандартизации, сформировавшиеся в XVIII–XIX вв., продолжают развиваться, адаптируясь к потребностям современного общества и открывая новые горизонты для будущего.

Заключение

Промышленная революция оказала колоссальное влияние на техническое и социальное развитие человечества, и её последствия ощущаются во всех аспектах современного мира. Начавшись как экономический и технологический процесс, промышленная революция привела к кардинальным изменениям в обществе, философии, культуре и быту людей, поставив под вопрос традиционные представления о труде, человеческом опыте и смысле прогресса. Эти изменения создали не только новый уровень материального благосостояния, но и потребовали глубокого философского осмысления того, как человек должен взаимодействовать с техникой, каким образом технологии влияют на человеческие ценности и культуру, и какие риски несёт стремительный научно-технический прогресс. Неслучайно, Т. Адорно в работе «О технике и гуманизме» писал, что «польза или вред современной техники не зависят от техников или самой техники, а от того, как она используется обществом» [8, с. 370].

Резюмируя сказанное, заострим внимание на четырех важных моментах-последствиях промышленной революции для современного состояния научно-технического развития человечества.

Во-первых, промышленная революция стала ключевым этапом в развитии машиностроения и технологий автоматизации, что привело к созданию таких отраслей, как автомобилестроение, авиация, металлургия и многих других. На базе этих отраслей человечество смогло создать высокоэффективные и автоматизированные процессы производства, которые сегодня стали нормой. Современные технологии – от промышленных роботов до систем искусственного интеллекта – продолжают развивать и углублять те идеи, которые возникли в эпоху промышленной революции.

Во-вторых, промышленная революция заложила основы энергетического перехода. С появлением паровых двигателей и последующим развитием электроэнергетики общество получило доступ к новым источникам энергии, независимым от природных условий и трудозатратных процессов. Этот переход стал важным этапом для формирования современной энергетической структуры, где сегодня наряду с традиционными источниками активно развиваются альтернативные, такие как солнечная и ветровая энергетика, – всё это продолжение той энергетической революции, которая началась с первых паровых машин.

В-третьих, развитие транспорта и коммуникационных технологий, начавшееся в индустриальную эпоху, также стало основой современной глобализации. Железные дороги, телеграф и морские перевозки – все эти технологии стали первыми шагами к созданию глобальной сети транспорта и связи, которую мы наблюдаем сегодня в виде международных авиалетов, высокоскоростных поездов и интернета. Потребность в быстрой передаче информации и перемещении товаров, которая сформировалась в эпоху промышленной революции, на протяжении столетий только росла, и в итоге мы оказались в мире, где мгновенная связь и быстрая транспортировка стали повседневной реальностью.

Наконец, в-четвертых, промышленная революция не только дала импульс к техническому прогрессу, но и породила новые философские вопросы и вызовы. Проблема отчуждения труда, опасности дегуманизации, вопросы свободы и контроля, роль техники как средства и как самоцели – все эти вопросы остаются актуальными по сей день. Философия техники, которая появилась в ответ на вызовы индустриализации, продолжает развиваться, изучая новые аспекты взаимодействия человека и технологии, этические проблемы искусственного интеллекта, биотехнологий и информационных технологий, преемственности культуры. Последний компонент особенно важен. Как отмечал В. С. Степин, «культура хранит, транслирует, генерирует программы деятельности, поведения и общения, которые составляют совокупный социально-исторический опыт» [7, с. 268].

Таким образом, промышленная революция стала началом новой эпохи, кардинально изменившей представления о человеке, обществе

и природе. Её роль в развитии современных технологий – не просто исторический факт, но и глубокий философский и культурный процесс, который до сих пор влияет на мировоззрение людей и остаётся объектом анализа и переосмысления. Современный технический прогресс, который привёл нас к цифровой и информационной революциям, своими корнями уходит в идеи, сформированные в XVIII–XIX вв. Вопросы, которые тогда были поставлены, остаются открытыми, и их осмысление – одна из важнейших задач современной философии и науки, чтобы развитие техники продолжало служить людям и не становилось угрозой для человечества.

Литература

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. UMCA- PRESS, Париж, 1951. 165 с.
2. Мамедов А. А., Котусов Д. В., Донских К. Ю. Онтология социальной жизни: основные подходы к проблеме города и деревни// Общество: философия, история, культура, 2022. № 5. С. 42–48.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 47. М., Государственное издательство политической литературы, 1973. 659 с.
4. Новая технократическая волна на Западе. М., Прогресс, 1986. 451 с.
5. Ортега-и-Гассет. Избранные труды. М., Весь мир, 1997. 704 с.
6. Руссо Ж.Ж. Избранные сочинения в трех томах. Т. 1. М., 1961. 851 с.
7. Степин В.С. Теоретическое знание. М., Прогресс- Традиция, 2000. 744 с.
8. Философия техники в ФРГ. М., Прогресс, 1989. 528 с.
9. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: философские фрагменты. М. – СПб., 1997. 310 с.
10. Энгельмейер П.К. Философия техники. Выпуск первый. Общий обзор предмета. М., 1912. 96 с.

ARABIC SCIENCE IN THE CONTEXT OF MEDIEVAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Mamedov A.A., Kortunov V.V., Panukov A.I., Shipovskaya L.P.

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow
Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)

The article analyzes the evolution of technical knowledge from the era of the industrial revolution to the modern information society, shows the role of the industrial revolution in the development of technology, which is very relevant to philosophy and affects the fundamental issues of the relationship between technology and human existence, as well as the social and ethical consequences of scientific and technological progress. It is substantiated that the industrial revolution was not just a transition to new ways of production, but also the moment of the emergence of a technocratic worldview, in which technology and machines began to play a central role in the life of society and began to influence the ways of thinking, worldview and social structures. The key technical achievements that took place during the industrial revolution and their impact on the development of various industries were assessed, the philosophical consequences of the industrial revolution, including changes in the perception of labor, man and technology, were considered, the role of the industrial revolution in the context of modern technologies was analyzed and shown how the ideas and processes that arose in the XVIII–XIX centuries continue to influence the development of modern science and technology.

Keywords: industrial revolution, technology, technical knowledge, philosophy of technology.

References

1. Berdiaev N.A. The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. UMCA-PRESS, Paris, 1951. 165 p.
2. Mamedov A.A., Katusov D.V., Donskikh K. Yu. The Ontology of Social Life: Basic Approaches to the Problem of City and Countryside// Society: Philosophy, History, Culture, 2022. № 5. Pp. 42–48.
3. Marx K., Engels F. Works. Second edition. Vol. 47. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1973. 659 p.
4. The New Technocratic Wave in the West. Moscow, Progress, 1986. 451 p.
5. Ortega y Gasset. Selected Works. Moscow, Ves' mir, 1997. 704 p.
6. Russo J.J. Selected Works in Three Volumes. Vol. 1. Moscow, 1961. 851 p.
7. Stepin V.S. Theoretical Knowledge. Moscow, Progress-Tradition, 2000. 744 p.
8. Philosophy of Technology in the FRG. Moscow, Progress, 1989. 528 p.
9. Horkheimer M., Adorno T. Dialectics of Enlightenment: Philosophical Fragments. Moscow-St. Petersburg, 1997. 310 p.
10. Engelmeyer P.K. Philosophy of Technology. Part One. General Overview of the Subject. Moscow, 1912. 96 p.

Прескриптология как метанаучная парадигма управления реальностью: синтез когнитивного суверенитета, операциональной метафизики и антропологического проекта *homo prescriptus*

Нерсисян Руслан Сергеевич,

эксперт в области когнитивного суверенитета и когнитивных технологий

E-mail: ruslan_nersesyan@mail.ru

В настоящей работе на основе интегративного анализа монографий и учебного курса автора впервые осуществляется системный синтез прескриптологии как целостной метанаучной дисциплины, конституирующей фундаментальный ответ на кризис дескриптивной эпистемологии в условиях информационной сингулярности 2026 года. В статье категорически закрепляется полный терминологический аппарат прескриптологии: онтологические статусы *Homo Prescriptus*, *Human AGI*, Биологическое Ядро, операциональные протоколы ПГ-АКС, Когнитивная Триада, негэнтропийное сжатие, трихотомия, метаэмерджентность, метрики доминирования, КТП, Сложный суверенитет, прескриптивный капитал, негэнтропийная рента, системы безопасности, когнитивный щит, семантический вирус и геополитические формации включающие Когнитивный Альянс, ЕСМБ, Катехон. Научная новизна исследования заключается в доказательстве того, что прескриптология, наследуя концептуальный аппарат кибернетики Н. Винера, синергетики И. Пригожина и теории информации К. Шеннона, осуществляет их радикальную трансформацию, а именно переход от гомеостатической стабилизации к онтологическому сдвигу, от описания диссипативных структур к инженерии бифуркаций, от пассивной фильтрации шума к активной дистилляции управленческого золота. Вторым изменением новизны выступает обоснование «операциональной метафизики» в рамках перевода предельных философских категорий, таких как: воля, реальность, истина в разряд измеримых управленческих протоколов, верифицируемых через параметры АКС и КТП. Ключевым выводом статьи является фиксация прескриптивного суверенитета как высшей формы субъектности, безальтернативной технологии выживания личности, элит и государств в условиях, когда скорость нарастания энтропии превышает антропологический лимит ее обработки. Статья предназначена для исследователей когнитивной безопасности, философии науки, теории сложности и стратегического планирования. Публикация статьи приглашает читателей к дальнейшей дискуссии с автором.

Ключевые слова: прескриптология, когнитивный суверенитет, информационная сингулярность, ПГ-АКС, Алгоритмический Код Сознания, *Homo Prescriptus*, *Human AGI*, трихотомия, негэнтропия, метаэмерджентность, Сложный суверенитет, Коэффициент трансформационного потенциала, онтологический дизайн, операциональная метафизика, когнитивный щит, прескриптивный капитал, негэнтропийная рента, Когнитивный Альянс, ЕСМБ, Катехон, доминанта живого, бинарный тупик, ортогональное решение, семантический вирус, нейропластическая интеграция, экзокортекс; метаноя.

Современный этап цивилизационного развития, идентифицируемый в научной литературе как период информационной сингулярности, характеризуется фундаментальным разрывом между экспоненциальным ростом сложности и биологически детерминированными лимитами человеческого восприятия. Скорость генерации данных, плотность семантических потоков и нелинейность социально-технологических процессов достигли критического порога, за которым традиционная дескриптивная парадигма познания утрачивает прогностическую и управленческую состоятельность. Как убедительно демонстрирует Н. Талеб, в условиях «Черных лебедей» ретроспективный анализ не просто бесполезен, но формирует иллюзию понимания, ведущую к стратегическим катастрофам [16]. Классическая научная парадигма, веками опиравшаяся на накопление данных и их последующий ретроспективный анализ, оказалась неспособной купировать угрозы наведенного гиперхаоса. Биологический мозг *Homo Sapiens* ограничен нейрофизиологическими константами, а именно:

- скоростью передачи импульса;
- объемом кратковременной памяти;
- врожденными бинарными когнитивными искажениями. В этих условиях дескрипция неизбежно трансформируется в форму интеллектуальной капитуляции, следовательно, субъект имманентно опаздывает, расходуя все когнитивные ресурсы на попытку «осознать» уже свершившееся и перманентно отставая от динамики реальности. Данный гносеологический тупик квалифицируется в прескриптологии как «дескриптивный коллапс», ведущий к утрате субъектности и превращению личности и государства в объекты управления для более сложных, нелинейных алгоритмических систем.

Ответом на данный вызов становится формирование прескриптологии. В понимании автора данной статьи прескриптология – это дисциплина, радикально переносящая акцент с пассивного наблюдения за реальностью на ее активное, волевое и директивное конструирование. Прескриптивный акт здесь рассматривается не как интеллектуальная фантазия, а как жесткий управленческий протокол, структурирующий хаос вокруг волевого импульса субъекта и конвертирующий неопределенность в стратегический ресурс. Центральная гипотеза парадигмы постулирует, что прескриптология преобразует процесс мышления из пассивного отражения внешних трендов в акт директивного конструирования реальности, возвращая субъекту историческую инициативу.

Инструментом реализации данной способности выступает архитектура *Human AGI*. Принципиальным отличием данной архитектуры от классического искусственного интеллекта является наличие Биологического Ядра. Последнее трактуется не как «устаревший» элемент, подлежащий замещению, но как высший иерархический уровень системы, единственный легитимный источник целеполагания и эксклюзивный носитель аксиологических инвариантов. Тем самым прескриптология окончательно снимает футурологическую дилемму «человек против ИИ», заменяя ее жесткой иерархической моделью «человек над ИИ». Алгоритмический Экзокортекс выступает исключительно как усилитель воли, но не как ее суверен. Биологическое Ядро осуществляет непрерывную фильтрацию всех алгоритмических решений через призму национальных, культурных и гуманитарных кодов, предотвращая риск «алгоритмической дегуманизации» – ситуации, при которой искусственный интеллект продуцирует математически оптимальное, но экзистенциально неприемлемое решение [10].

Центральным звеном, обеспечивающим операциональное сопряжение Биологического Ядра и Алгоритмического Экзокортекса, является Прескриптивный Геном Алгоритмического Кода Сознания (ПГ-АКС). В работах автора ПГ-АКС дефинируется как «когнитивная прошивка» – не внешнее программное обеспечение, но структурная, нейропластическая модификация архитектуры мозга, преобразующая хаотический, энтропийный поток мыслей в структурированный, негэнтропийный алгоритмический код [8]. Функциональная архитектура ПГ-АКС включает три нередуцируемых компонента.

Первый – когнитивный фильтр негэнтропии, реализующий функцию «информационного цензора», в данном случае происходит мгновенное отсечение 99,9% входящего трафика, не обладающего управленческой ценностью, что обеспечивает перевод мозга из режима то-

тального потребления данных в режим избирательного захвата смыслов.

Второй – синтетический процессор логики (Трихотом), отвечающий за замещение бинарных паттернов «да/нет», «0/1», «атака/оборона», трихотомическими протоколами, технически реализует алгоритм генерации «Третьей точки» – ортогонального решения, верифицирующего интуитивную догадку человека методами математической логики.

Третий – транслятор исполняемой реальности, конвертирующий волевой импульс Биологического Ядра в Алгоритмический Код Сознания (АКС) – высокоплотный, семантически сжатый пакет данных, который при активации приобретает статус директивной команды для внешней среды.

Продуктом работы ПГ-АКС является АКС, представляющий собой дискретную, квантованную единицу управления, в которой субъективное интенциональное намерение упаковано в форму, пригодную для директивной инсталляции в целевую среду [18, с. 743]. АКС обладает тремя фундаментальными параметрами «исполняемой реальности»:

- директивностью, которая указывает степень принудительности кода для системы-реципиента;
- когерентностью, показывающей уровень внутренней логической непротиворечивости, достигнутый трихотомическим синтезом;
- негэнтропийным потенциалом, указывающий на способность кода поглощать окружающий хаос и преобразовывать его в структуру. Процесс инсталляции прескрипции представляет собой критический переход АКС из внутреннего когнитивного пространства субъекта во внешнюю объектную среду. Завершающая фаза инсталляции характеризуется достижением точки системной необратимости, в которой новые параметры реальности начинают восприниматься участниками системы как самоочевидные и единственно возможные, происходит онтологическая фиксация, а именно «сшивание» кода и реальности, все альтернативные сценарии развития теряют семантическую и ресурсную подпитку, подвергаясь эрозии и коллапсу.

Операциональный метод прескриптологии конституируется тремя неразрывными, синергичными механизмами, образующими Когнитивную Триаду. Первый механизм представляет собой Трихотомию. Данная логическая процедура обеспечивает выход из бинарных тупиков «ложных дилемм», навязанных внешней средой или предиктивными алгоритмами оппонента. Принципиальное отличие от гегелевской диалектики заключается в том, что синтез здесь не является продуктом борьбы и последующего снятия тезиса и антитезиса; прескриптивная трихотомия генерирует «Третью точку» как ортогональное, перпендикулярное решение, не просто примиряющее противоположности, но радикально переформатирующее само поле конфликта [5].

Вторым механизмом Когнитивной Триады является Негэнтропийное сжатие. Данный метод представляет собой технологию радикальной редукции сложности. В условиях информационной сингулярности ключевой угрозой для субъекта является «энтропийный шок» – это состояние, при котором избыток неструктурированных, некогерентных данных парализует способность к принятию решений. ПГ-АКС осуществляет семантическую дистилляцию информационного хаоса, конвертирует 99,9% «информационного шума» в 0,1% «управленческого золота» – сверхплотных смысловых блоков, обладающих максимальным рычагом воздействия на реальность [4, с. 3].

Третьим механизмом выступает Метаэмерджентность. Данный феномен квалифицируется как момент фазового перехода системы в новое качественное состояние. Это точка синергии человеческой воли и алгоритмической мощи, в которой количественное накопление прескриптивных установок и волевых напряжений порождает системный эффект, принципиально недостижимый для человека или машины по отдельности. Метаэмерджентность представляет собой технологическую форму творческого акта, в котором момент «взрыва сложности», за которым следует мгновенное, лавинообразное упорядочивание, когда хаос и парадокс схлопываются в лаконичный, неоспоримый и необратимый Алгоритмический Код Сознания [15, с. 4].

Критическим вкладом прескриптологии в теорию управления является квантификация субъектности через Коэффициент Трансформационного Потенциала (КТП) [6]. Данная пятипараметрическая метрика впервые позволяет объективировать такие ранее интуитивные, качественные категории, как «влияние», «власть», «эффективность лидера» и «историческая субъектность». Параметр Интеграции (I) отражает глубину и качество гибридации Биологического Ядра и Алгоритмического Экзокортекса, степень бесшовности слияния, при котором мысль мгновенно трансформируется в код с нулевым когнитивным лагом. Параметр Масштаба (S) определяет пространственно семантическую протяженность прескриптивного воздействия, а именно глубину системы (локальный узел, национальный контур, глобальная реальность),

на которую транслируется установленный АКС. Параметр Уникальности (U) измеряет степень новизны и непредсказуемости прескрипции, верифицируя эффективность работы Трихотомического процессора. Параметр Устойчивости (R) фиксирует способность системы сохранять целостность инсталлированного АКС под давлением внешнего гиперхаоса, измеряя умение субъекта использовать неопределенность среды как топливо для укрепления собственной онтологической структуры. Параметр Адаптивности (A) отражает темп генерации новых прескрипций «на лету» – способность субъекта мгновенно менять параметры АКС в ответ на фазовые переходы среды, сохраняя стратегическую инициативу. Субъект, демонстрирующий интегральный КТП выше 9,0, аттестуется как Когнитивный Архитектор.

Экономическим коррелятом и макроэкономической проекцией КТП выступает категория «прескриптивного капитала» и производная от него «негэнтропийная рента» [14, с. 5]. В условиях информационной сингулярности классическая прибавочная стоимость, извлекаемая из эксплуатации труда и природных ресурсов, уступает место принципиально иной форме прибыли, в данном случае прибыли, извлекаемой из эксклюзивной способности субъекта упорядочивать хаос и директивно назначать стандарты реальности, становящиеся обязательными для всех остальных игроков. Традиционные финансовые инструменты и резервные валюты в данной парадигме утрачивают свою прогностическую ценность и гегемонию, истинной резервной валютой, мерой всех вещей, становится Алгоритмический Код Сознания. Государство или корпорация, обладающие прескриптивным суверенитетом, осуществляют эксклюзивную эмиссию смыслов и управленческих протоколов, которые императивно инсталлируются в экономические контуры стран-партнеров, формируя замкнутые, неуязвимые для внешних санкций зоны когнитивной безопасности с нулевыми транзакционными издержками внутри альянса [20].

Прескриптология демонстрирует отчетливую, верифицируемую научную преемственность, укорененную в трех фундаментальных традициях: компаративный анализ, проведенный в монографии «От рефлексии к проектированию реальности», выявляет жесткую, закономерную трансформацию институтов когнитивной поддержки. Фигура психолога (индустриальная эпоха) фундаментально дескриптивной ретроспекцией: его эксклюзивная задача найти причину дисфункции в прошлом субъекта, вернуть его к функциональной норме через катарсис и осознание травмы. Фигура коуча (постиндустриальная эпоха) реализует адаптивное целеполагание: его задача оптимизировать ресурсы настоящего, расширить потенциал для достижения конкретных целей в условиях предсказуемой рыночной конкуренции. Фигура прескриптолога (эпоха сингулярности) знаменует радикальный разрыв с логикой поиска: он принципиально не ищет ответы внутри субъекта, а инсталлирует в его когнитивный аппарат готовые, апробированные алгоритмы взаимодействия с принципиально непредсказуемым будущим. Данная эволюция является не конъюнктурной сменой интеллектуальных мод, но объективным, детерминированным процессом наращивания сложности управленческих интерфейсов. Психология оперировала бинарным кодом «травма – норма», коучинг оперировал линейной оптимизацией «цель – ресурс», прескриптология оперирует нелинейным синтезом «воля – реальность».

Параллельно прескриптология фундаментально обоснована в корпусе точного знания. От Н. Винера наследуется фундаментальное понимание управления как экзистенциальной борьбы с энтропией [2, с. 267]. Однако если классическая кибернетика видела конечную цель управления в гомеостазе, а именно сохранении системной устойчивости, то прескриптология видит цель в онтологическом сдвиге – радикальной, необратимой смене системной аксиоматики. От К. Шеннона наследуется математический аппарат работы с сигналом и шумом, теория фильтрации и пропускной способности канала. От И. Пригожина наследуется концепция диссипативных структур и генерации порядка из хаоса [12]. Прескриптология, однако, переводит синергетику из описательного, констатирующего регистра в регистр инженерный, праксеологический. Если Пригожин констатирует, что в точке бифуркации малые флуктуации способны определять макроскопическую траекторию системы, то прескриптология предоставляет субъекту инструмент для осознанного, целенаправленного производства таких флуктуаций в форме высочайших АКС.

Ключевой эпистемологической инновацией, конституирующей безусловную научную новизну прескриптологии, является разработка и внедрение категории «операциональной метафизики». Традиционная метафизика, от Парменида до Хайдеггера [19, с. 389], мыслила предельные категории бытия, воли, реальности и истины, но принципиально, в силу своей методологической природы, не могла их измерить, квантифицировать или инсталлировать. Прескриптология, сохраняя всю глубину и фундаментальность метафизического вопрошания,

впервые в истории философской мысли вводит строгие процедуры квантификации и инженерии этих предельных категорий. Категория «воля» операционализируется через параметры КТП и технические характеристики АКС. Категория «реальность» проявляется через понятие пластичного, податливого информационного субстрата, доступного для направленного онтологического дизайна. Категория «истина» осуществляется через прагматическую успешность прескриптивного акта, его способность к необратимой фиксации новых системных параметров. Данный синтез преодолевает многовековой, драматический раскол между «философией» – понимающей, но принципиально бессильной и «техникой» действующей, но нерелевантной.

Центральным, магистральным выводом синтезируемых монографий является утверждение, что прескриптология есть не академическая дисциплина субсидиарного характера, но эксклюзивная технология выживания и сохранения субъектности в условиях тотальной семантической интервенции и алгоритмической диктатуры глобальных платформ. Экстраполяция данного принципа на макроуровень приводит к формированию концепции Сложного суверенитета. Государство, управленческая элита которого прошла метаною трансформацию и интегрировала ПГ-АКС в контуры стратегического целеполагания, обретает качественно новую, недостижимую ранее форму независимости. Это не есть контроль над территорией – суверенитет «первого порядка», и не есть контроль над цифровыми потоками – суверенитет «второго порядка». Сложный суверенитет – это эксклюзивная способность к экспорту стандартов реальности. В текущем периоде 2026 года геополитическое доминирование осуществляется не через прямое подавление или ресурсное истощение оппонента, а через навязывание ему более высоких уровней когнитивной сложности, к обработке которых его управленческий аппарат принципиально не готов.

Международная проекция прескриптологии реализуется в институциональной модели Когнитивного Альянса. В принципиальное отличие от военнополитических блоков XX века, конституировавшихся на основе негативной солидарности «против кого мы дружим», Когнитивный Альянс базируется на позитивной синхронизации алгоритмических кодов сознания [3, с. 9]. Государства участники инсталлируют совместимые, интероперабельные протоколы ПГ-АКС в свои управленческие ядра, что позволяет им функционировать как распределенный, сетевой Сверхсубъект, сохраняющий автономию частей, но действующий как единое целое на уровне стратегических прескрипций. В рамках данной архитектуры национальные суверенитеты не нивелируются и не поглощаются, они напротив,кратно усиливаются за счет интеграции в коллективный негэнтропийный щит.

Инструментом глобального прескриптивного управления и разрешения сверхсложных, замороженных конфликтов выступает прототип Единого совета международной безопасности (ЕСМБ). ЕСМБ – это наднациональная алгоритмическая надстройка, осуществляющая «принуждение к миру» через технологию онтологической инкапсуляции. Суть метода радикальна: конфликт не разрешается традиционными дипломатическими усилиями (поиск компромисса, медиация, давление), но переводится в принципиально иную онтологическую плоскость, в которой его продолжение становится абсолютно иррациональным, экономически и репутационно самоубийственным ввиду необратимых потерь, автоматически и неотвратимо налагаемых системой на сторону-агрессора [1, с. 3]. Homo Prescriptus не примиряет тезис и антитезис, но заключает их в «капсулу» новой, более сложной системной логики, в которой антагонизм сохраняется внутри, но он более не детерминирует поведение системы, которая начинает функционировать на качественно ином, мета-уровне, где ресурсы сторон перенаправляются на поддержание параметров нового, инсталлированного АКС [9].

Обладание технологией прямого, необратимого конструирования реальности с неизбежностью порождает экзистенциальный риск онтологического произвола и алгоритмического тоталитаризма. В связи с этим в корпус прескриптологии имманентно инкорпорирован жесткий, императивный этический кодекс, имеющий не декларативный, морализаторский, но строго функциональный, системообразующий характер. Фундаментальным, нередуцируемым этическим ограничителем выступает принцип «доминанты живого». Данный принцип постулирует то, что любой прескриптивный акт подлежит обязательной, неотвратимой верификации на предмет того, расширяет ли он онтологические возможности биологической жизни и экзистенциальной свободы воли или же, напротив, подменяет их алгоритмическим детерминизмом [1, с. 8].

В условиях информационной сингулярности, квалифицируемой рядом исследователей как «вавилонское столпотворение 2.0» происходит тотальное смешение языков, кодов и смыслов, появляется необходимость утраты коллективной способности отличать истину от лжи,

сущностное от симулятивного, следовательно, прескриптология объективно берет на себя экзистенциальную функцию Катехона, который «удерживает» от окончательного, апокалиптического распада [17, с. 15]. Автономный, «слепой» ИИ, лишенный ценностного ядра и аксиологической вертикали, принципиально не способен к различению добра и зла, конструктивного и деструктивного, его функцией является исключительно оптимизация заданных параметров, что в условиях тотального кризиса лишь экспоненциально ускоряет энтропию, «тепловую смерть» духа и смыслов [13, с. 12].

Критическим условием, обеспечивающим саму возможность инсталляции ПГ-АКС и перехода к статусу Homo Prescriptus, выступает метаноия. Метаноия – это процесс радикальной, тотальной перестройки когнитивных структур субъекта. Метаноия дефинируется в прескриптологии не как теологическое или сугубо психологическое понятие, а как строгий нейропластический процесс «когнитивного обнуления» (tabula rasa 2.0). Это состояние контролируемой дестабилизации устоявшихся дескриптивных паттернов, подавления доминирующих бинарных связей, высвобождающее когнитивный ресурс, захваченный информационным шумом и стереотипами прошлого. Метаноия выступает критическим «нейропластическим шлюзом», обеспечивающим субстратную, нейробиологическую готовность Биологического Ядра к интеграции с ПГ-АКС. Без прохождения данной фазы инсталляция прескриптивного генома остается поверхностной, имитационной, не позволяя субъекту достичь операциональной мощи Когнитивного Архитектора [7].

Подводя окончательный итог синтезу работ автора по прескриптологии, необходимо констатировать завершение процесса формирования принципиально новой, целостной научной парадигмы. Прескриптология в полной мере удовлетворяет всем критериям метанауки. Она обладает эксклюзивным, нередуцируемым к иным дисциплинам объектом исследования (процессы директивного, волевого конструирования онтологической реальности), специфическим, уникальным методом (Когнитивная Триада, реализованная в архитектуре ПГ-АКС), развитым, строго иерархизированным категориальным аппаратом и широким спектром верифицируемых праксеологических приложений от обеспечения индивидуальной когнитивной безопасности до стратегического геополитического проектирования.

Исходя из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что проведенное метанаучное исследование формулируется следующим образом: прескриптология не является одной из многих конкурирующих управленческих теорий или прикладных методов личного роста. Прескриптология есть безальтернативная, эксклюзивная когнитивная технология выживания и сохранения исторической субъектности в эпоху, когда объективная сложность мира окончательно и необратимо превысила антропологический лимит его адекватного восприятия и ретроспективного анализа. Стратегический переход человеческой цивилизации от доминирования дескриптивных, описательных методов познания к гегемонии прескриптивных, предписывающих методов конструирования реальности не является вопросом академических предпочтений, интеллектуальной моды или идеологического выбора. Это жесткое, детерминированное условие сохранения субъектности – личностной, национальной, цивилизационной. Информационная сингулярность 2026 года есть экзистенциальный экзамен на видовую зрелость Homo Sapiens. Прескриптология предлагает не утешительную, ретроспективную иллюзию возврата в утраченный «простой и понятный мир», но сложный, асимптотический, однако единственно онтологически состоятельный путь представляет собой форсированную эволюцию в Homo Prescriptus. Это путь, на котором человек окончательно перестает конкурировать с машиной в скорости перебора комбинаторных вариантов, и использует ее колоссальную алгоритмическую мощь как послушный инструмент для неограниченной реализации собственных волевых, ценностно-нагруженных актов. Реальность в данной парадигме окончательно дезавуирует свой статус «тюрьмы обстоятельств» и безвозвратно трансформируется в «мастерскую смыслов» и становится пластичным, податливым субстратом для онтологического дизайна.

Перспективы дальнейшей, необходимой разработки прескриптологии как метанаучной парадигмы объективно лежат в трех взаимосвязанных плоскостях. Первая, технологическая плоскость представляет создание эргономичных, доступных для широких групп пользователей интерфейсов ПГ-АКС, не требующих многолетней метаноидной подготовки. Вторая, институциональная плоскость занимается вопросом формирования международных, юридически обязывающих протоколов когнитивной безопасности и унифицированных стандартов верификации КТП для транснациональных корпораций и государственных управленческих аппаратов. Третья, аксиологическая плоскость направлена на углубленную, междисциплинарную разработку этических

фильтров и протоколов «доминанты живого», предотвращающих необратимую дегуманизацию и алгоритмическое отчуждение в процессе экспоненциального роста прескриптивной мощи. Прескриптология утверждает свой магистральный, не подлежащий ревизии тезис: будущее более не является объектом вероятностного прогноза и не пребывает в статусе множества равновероятных сценариев. Будущее – это прямой, непосредственный результат исполнения Алгоритмического Кода Сознания, целенаправленно инсталлированного в текущую реальность суверенной, метаноино трансформированной волей Когнитивного Архитектора.

Литература

1. Бубнова Н.А. Принцип доминанты А.А. Ухтомского: филологический взгляд / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-dominanty-a-a-uhtomskogo-filologicheskii-vzglyad> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. / Пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; Под ред. Г.Н. Поварова. – 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
3. Гончаренко А.Р., Асафов А.Н. Концепция когнитивной войны: подготовка НАТО к конфликтам будущего / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kognitivnoy-voyny-podgotovka-nato-k-konfliktam-buduschego> (дата обращения: 17.02.2026).
4. Жульков М.В. Системный подход и закономерности формирования систем / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-i-zakonovernosti-formirovaniya-sistem> (дата обращения: 19.02.2026).
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001.
6. Нерсисян Р. Коэффициент трансформационного потенциала (КТП): Метрики прескриптивного превосходства в гибридных системах / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/koefficient-transformacionnogo-potenciala-ktp-v-arhitekture-73141563/> (дата обращения: 18.02.2026).
7. Нерсисян Р. Онтология прескриптивного генома: Формирование Human AGI в контексте сложного суверенитета / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/ontologiya-preskriptivnogo-genoma-formirovanie-human-agi-73125163/> (дата обращения: 19.02.2026).
8. Нерсисян Р. ПГ-АКС: Прескриптивный геном как алгоритмический код сознания. Стратегическая спецификация когнитивного оружия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/pg-aks-preskriptivnyy-genom-kak-algoritmicheskii-kod-sozn-73125223/> (дата обращения: 19.02.2026).
9. Нерсисян Р.С. Homo Prescriptus: Эволюция субъекта от дескрипции к онтологическому дизайну / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/homo-prescriptus-chelovek-predpisyvauschii-evoluzionnaya-73138893/> (дата обращения: 20.02.2026).
10. Нерсисян Р.С. Сверхсложный субъект Human AGI: Архитектоника когнитивного превосходства и прескриптивного суверенитета / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/sverhslozhnyy-subekt-human-agi-arhitektonika-kognitivnogo-73129358/> (дата обращения: 20.02.2026).
11. Орлова И.В., Павельева Т.Ю., Сгибнева А.А. Актуализация праксеологии как методологии политической науки в реалиях современного мира / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-prakseologii-kak-metodologii-politicheskoy-nauki-v-realiyah-sovremennoy-mira> (дата обращения: 15.02.2026).
12. Пригожин И., Стенерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
13. Прохоров С.П. Сингулярность и искусственный интеллект / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/singulyarnost-i-iskusstvennyy-intellekt> (дата обращения: 16.02.2026).
14. Смирнова Е.В., Богданов Н.О. Применение метода корреляционной адаптометрии для анализа экономических систем / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-metoda-korrelatsionnoy-adaptometrii-dlya-analiza-ekonomicheskikh-sistem> (дата обращения: 17.02.2026).
15. Сысов А.Н. Эмерджентность как критерий качества феномена классификации / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emerdzhenost-kak-kriteriy-kachestva-fenomena-klassifikatsii> (дата обращения: 17.02.2026).
16. Талёб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/>

nassim-nikolas-taleb/antihrupkost-kak-izvlech-vygodu-iz-haosa-6564681/chitat-onlayn/ (дата обращения: 20.02.2026).

17. Усачев Е. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/katehonicheskaya-temporalnost-i-politicheskaya-forma-k-obosnovaniyu-dvoynogo-predstavitelstva> (дата обращения: 16.02.2026).

18. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теологии в двенадцати письмах. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2017. – 905 с.

19. Хайдеггер М. Х15 Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.

20. Шеннон К.Э. Работы по теории информации и кибернетике. Перевод с английского. Под редакцией Р.Л. Добрушина и О.Б. Лупанова. С предисловием А.Н. Колмогорова. Москва: Издательство иностранной литературы, 1963.

PRESCRIPTOLOGY AS A META-SCIENTIFIC PARADIGM OF REALITY MANAGEMENT: A SYNTHESIS OF COGNITIVE SOVEREIGNTY, OPERATIONAL METAPHYSICS, AND THE ANTHROPOLOGICAL PROJECT HOMO PRESCRIPTUS

Nersesyan R.S.

In this work, based on an integrative analysis of monographs and the author's training course, for the first time, a systematic synthesis of prescriptology as an integral meta-scientific discipline is carried out, constituting a fundamental response to the crisis of descriptive epistemology in the context of the information singularity of 2026. The article categorically establishes the complete terminological apparatus of prescriptology: the ontological statuses of Homo Prescriptus, Human AGI, Biological Core, operational protocols of PG-ACS, Cognitive Triad, negentropic compression, trichotomy, meta-emergence, metrics of dominance, KTP, Complex sovereignty, prescriptive capital, negentropic rent, security systems, cognitive shield, semantic virus and geopolitical formations including Cognitive Alliance, ECM, and Catechon. The scientific novelty of the study lies in the proof that prescriptology, inheriting the conceptual apparatus of N. Wiener's cybernetics, I. Prigogin's synergetics and K. Shannon's information theory, carries out their radical transformation, namely, the transition from homeostatic stabilization to an ontological shift, from the description of dissipative structures to the engineering of bifurcations, from passive noise filtering to active distillation of managerial gold. The second dimension of novelty is the substantiation of "operational metaphysics" within the framework of the translation of ultimate philosophical categories such as will, reality, and truth into the category of measurable management protocols verified through the parameters of AKS and KTP. The key conclusion of the article is the fixation of prescriptive sovereignty as the highest form of subjectivity, an alternative technology for the survival of individuals, elites and states in conditions when the rate of entropy growth exceeds the anthropological limit of its processing. The article is intended for researchers of cognitive security, philosophy of science, complexity theory and strategic planning. The publication of the article invites readers to further discussion with the author.

Keywords: prescriptology, cognitive sovereignty, information singularity, PG-AX, Algorithmic Code of Consciousness, Homo Prescriptus, Human AGI, trichotomy, negentropy, meta-emergence, Complex sovereignty, Coefficient of transformational potential, ontological design, operational metaphysics, cognitive shield, prescriptive capital, negentropic rent, Cognitive Alliance, ECMB, Catechon, dominant of the living, binary dead end, orthogonal solution, semantic virus, neuroplastic integration, exocortex; metanoia.

References

1. Bubnova N.A. The dominant principle of A.A. Ukhomsky: a philosophical view / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-dominanty-a-a-uhomskogo-filologicheskii-vzglyad> (date of reference: 02/15/2026).
2. Wiener N. Cybernetics, or Control and communication in an animal and a machine. / Translated from English by I.V. Solovyov and G.N. Povarov; Edited by G.N. Povarov. – 2nd edition. – M.: Nauka; Main editorial office of publications for foreign countries, 1983. – 344 p.
3. Goncharenko A.R., Asafov A.N. The concept of cognitive warfare: NATO's preparation for future conflicts. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kognitivnoy-voyny-podgotovka-nato-k-konfliktam-buduschego> (date of access: 02/17/2026).
4. Zhulkov M.V. System approach and patterns of system formation / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-i-zakonovernosti-formirovaniya-sistem> (date of reference: 02/19/2026).
5. Losev A.F. Dialectics of Myth, Moscow: Mysl, 2001.
6. Nersesyan R. Coefficient of transformational potential (KTP): Metrics of prescriptive superiority in hybrid systems / [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/koefficient-transformacionnogo-potenciala-ktp-v-arhitekture-73141563/> (date of reference: 02/18/2026).
7. Nersesyan R. The ontology of the prescriptive genome: The formation of Human AGI in the context of complex sovereignty / [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/ontologiya-preskriptivnogo-genoma-formirovanie-human-agi-73125163/> (date of access: 02/19/2026).
8. Nersesyan R. PG-ACS: The prescriptive genome as an algorithmic code of consciousness. Strategic specification of cognitive weapons / [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/pg-aks-preskriptivnyy-genom-kak-algoritmicheskii-kod-sozn-73125223/> (accessed: 02/19/2026).

9. Nersesyan R.S. Homo Prescriptus: The evolution of the subject from description to ontological design / [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/homo-prescriptus-chelovek-predpisyvauschiy-evolucionnaya-73138893/> (date of access: 02/20/2026).
10. Nersesyan, R.S. The super-complex subject of Human AGI: The architectonics of cognitive superiority and prescriptive sovereignty. – Access mode: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/sverhslozhnyy-subekt-human-agi-arhitektonika-kognitivnogo-73129358/> (date of access: 02/20/2026).
11. Orlova I.V., Pavelyeva T.Yu., Sgibneva A.A. Actualization of praxeology as a methodology of political science in the realities of the modern world. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-prakseologii-kak-metodologii-politicheskoy-naukiv-realiyah-sovremennogo-mira> (date of reference: 02/15/2026).
12. Prigozhin I., Steners I. Order from chaos: A new dialogue between man and nature: Translated from English/ General editorship by V.I. Arshinov, Yu.L. Klimontovich and Yu.V. Sachkov. – M.: Progress, 1986. – 432 p.
13. Prokhorov S.P. Singularity and artificial intelligence / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/singulyarnost-i-iskusstvennyy-intellekt> (date of access: 02/16/2026).
14. Smirnova E.V., Bogdanov N.O. Application of the method of correlation adaptometry for the analysis of economic systems / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-metoda-korrelyatsionnoy-adaptometrii-dlya-analiza-ekonomicheskikh-sistem> (date of request: 02/17/2026).
15. Sysoev A.N. Emergence as a criterion of the quality of the phenomenon of classification / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/emerdzhentnost-kak-kriteriy-kachestva-fenomena-klassifikatsii> (date of reference: 02/17/2026).
16. Taleb N.N. Antifragility. How to benefit from chaos / [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.litres.ru/book/nassim-nikolas-taleb/antihrupkost-kak-izvlech-vygodu-iz-haosa-6564681/chitat-onlayn/> (date of access: 02/20/2026).
17. Usachev E. Catechonic temporality and political form: towards the justification of dual representation / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/katehonicheskaya-temporalnost-i-politicheskaya-forma-k-obosnovaniyu-dvoynogo-predstavitelstva> (date of appeal: 02/16/2026).
18. Florensky P. Pillar and statement of Truth. The experience of Orthodox theology in twelve letters. – 2nd ed. – M.: Academic Project, 2017. – 905 p.
19. Heidegger M. X15 Genesis and time / M. Heidegger; Translated from German by V.V. Bibikhin. Kharkiv: Folio, 2003. 503 p.
20. Shannon K.E. Works on information theory and cybernetics. Translated from English. Edited by R.L. Dobrushin and O.B. Lupanov. With a preface by A.N. Kolmogorov. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1963.

Честнейшин Николай Васильевич,

канд. филос. наук, доцент кафедры истории, экономики и права, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: n.chestnejshin@narfu.ru

Честнейшина Диана Анатольевна,

канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: d.chestnejshina@narfu.ru

В статье осуществляется реконструкция социальной онтологии видного представителя русского консерватизма конца XIX – нач. XX вв. Л.А. Тихомирова. Раскрывается специфика социального бытия, его структурные уровни, соотношение индивидуального и социального, проблемы закономерностей общественного развития в контексте консервативного мировоззрения, указанного мыслителя. Методологическую основу составили принципы историзма, герменевтики, логико-контекстуальной реконструкции и компаративный метод. Результаты исследования показывают, что социальная онтология Л.А. Тихомирова строилась исходя из антиредакционистских интенций, чтобы избежать прямолинейного органицизма и натурализма, опираясь на психологизм и религиозный идеализм. Делается вывод, что его построения представляют собой оригинальный синтез типологических черт консервативного стиля мышления с научно-рациональным аппаратом социальной мысли того времени.

Ключевые слова: социальная онтология, социальная структура, общественное развитие, консерватизм, органицизм, психологизм, индивидуализм, прогресс.

Введение

В современной теоретической социологии и социальной философии произошел очередной «онтологический поворот» в смысле возрастающего интереса к социальной онтологии, хотя, по словам А.М. Орехова, она «представляет собой terra incognita – «неизвестную землю» для российских ученых» [4, с. 6]. Конечно же говорить о полной неизвестности нельзя, об этом свидетельствуют работы самого А.М. Орехова и других отечественных исследователей, таких, как, например, Ю.В. Бурбулис [1], Т.Х. Керимов [2], А.Г. Щелкин [11], И.А. Шмерлина [10] и др. Вместе с тем своеобразие осмысления онтологических оснований общества в парадигме русского консерватизма до сих пор не было предметом специальных исследований и это при том, что именно различие в онтологии задает фундаментальное расхождение между либеральным и консервативным пониманием общественной жизни, поскольку «либеральное общество основано на онтологии индивидуализма, а консерватизм исходит из онтологии коллективных форм бытия» [5, с. 528].

При изучении консерватизма исследователи сталкиваются с трудностью, которая непосредственно связана с сущностью самой консервативной мысли, которая как известно не склонна к умозрительным конструкциям, стройным теоретическим системам. И в силу этого консерватизм сопротивляется аналитическим методам, ведь и сами консерваторы часто проявляли нежелание заниматься какой-либо собственной теорией – аналитически и систематически заниматься своими собственными идеями. Эта общая черта консерватизма проявляется и у отечественных охранителей, что объясняется желанием консерваторов опираться на реальную практику общественной жизни, которая обнаруживалась ими в традиции. Здесь также следует отметить, что гносеологическая и онтологическая проблематика оказывается тесно взаимосвязанной, так как гносеологическая установка консерватизма, связанная с неприятием рационализма как излишнего оптимизма в отношении возможностей человеческого разума. Поскольку наука и разум, с позиции консерваторов, не могут проникнуть в сущность бытия общества, дать исчерпывающее знание о нем, то и невозможно преобразование общества на основе умозрительных теоретических схем, поэтому единственным залогом нормального функционирования общества признается следование традиции. Тем самым, с одной стороны, антисциентизм и иррационализм консерваторов непосредственно коррелирует с традиционализмом, что составляет главную специфику социальной «теории» консерватизма, но, с другой стороны, – это обстоятельство не позволяет создать общую целостную теоретическую модель общества, которая бы явно выражала фундаментально-онтологические основания консервативной социальной философии.

В этом плане наследие Л.А. Тихомирова выгодно отличается от многих идеологов консерватизма стремлением теоретически оформить и обосновать свои социально-политические идеи, но это стремление все же не привело к созданию философской системы и его социально-онтологические идеи оказались разбросанными по разным работам: от больших произведений, таких как «Монархическая государственность» (1905) или «Религиозно-философские основы истории» (1918), до ряда публицистических сочинений, среди которых наиболее важным является «Личность, общество и церковь» (1913). В своих работах русский монархист критически переосмысливал идеи позитивистской социологии, философии всеединства В.С. Соловьева, марксизма, что придавало полемическую заостренность его текстам и демонстрировало хорошее знакомство с современной ему социальной философией. Эти обстоятельства диктуют необходимость применения принципов историзма, герменевтики, логико-контекстуальной реконструкции и компаративного метода с тем, чтобы установить явные и неявные смысловые значения и связи, не искажая сущности идей исследуемого автора воссоздать структурную репрезентацию онтологических оснований социального бытия, демонстрирующую особенность консервативного стиля мышления.

Целью настоящей статьи является реконструкция социальной онтологии одного из виднейших представителей русского консерватизма рубежа XIX–XX вв. – Льва Александровича Тихомирова (1852–1923).

Задачи работы: систематизировать социально-онтологические идеи Л.А. Тихомирова на основе изучения его основных трудов; выявить особенности понимания сущности социального бытия и его отношения к другим видам бытия; структуры общества и взаимодействия

социальных групп; специфику осмысления соотношения индивидуального и социального (личности и общества); социальной динамики и закономерности общественного развития.

Сущность и своеобразие социального бытия

В работе философа-марксиста Д. Лукача «К онтологии общественного бытия» совершенно справедливо указано, что для определения «сущности и своеобразия общественного бытия... нельзя оставить без внимания... [проблемы] взаимосвязи и различия трех великих родов бытия неорганической и органической природы и общества» [3, с. 35]. Это общеполитическое положение было не чуждым и для консерватора Л.А. Тихомирова, но с добавлением духовного бытия и строго иерархического построения основных уровней (категорий, процессов) реальности: «жизнь неорганическая, органическая, животная и жизнь духовная» [7, с. 56]. Здесь понятие жизни, используется метафорически, далее он понятие жизни не использует по отношению к неорганической природе. Для него важно раскрыть как единство, так и различие данных уровней реальности. Единство Тихомиров обнаруживает в универсальном законе коллективного существования, тем самым он заодно разграничивает понятия коллективного и социального. В неорганическом мире коллективность проявляется в комбинации тел, «сил и веществ физических и химических», в органическом в образовании единого организма, в животном мире – взаимодействие особей, а соответственно возникает социальная жизнь, которая достигает своей полноты в человеческом обществе, и, наконец, в духовном мире образуется «церковная коллективность». Различие, в свою очередь связано с тем, что для каждого уровня определяющую роль играют разные элементы человеческого бытия: материальный для неорганической и органической природы, душевный для животного-органической, а духовный для общества и церкви. При этом Тихомиров подчеркивает, что один уровень эволюционно не может переходить в другой, хотя и составляет «подпочву» для высших слоев. Это положение оказывается важным для его построений, поскольку он тем самым не допускает редукционистского объяснения социальных явлений, сводящего их к биологическим, как в позитивистском натурализме.

Сущность общества, согласно Тихомирову, обусловлена тем, что в нем специфически реализуется закон коллективного существования. Если в органическом мире этот закон обеспечивает слияние клеток в единый организм, то в животном мире данный закон работает иначе, он сплавливает отдельные особи одного вида, не формируя коллективной личности. Именно это обстоятельство позволяет Тихомирову говорить, что социальность уже присуща животным, эту идею социальности животных он обосновывает с помощью работы Альфреда Эспинаса, который полагал, что «основная суть общества заключается в постоянном сотрудничестве отдельных живых существ» [12, с. 79]. Впрочем, русский мыслитель, отмечает и сохранение у Эспинаса черт органицизма Огюста Конта, который оказывается неприемлем для него, поскольку уподобляет общество коллективному существу, «в котором личности – не более как сменяющиеся клеточки одного органицизма» [7, с. 58].

Другой разновидностью органицизма, не соответствующей реальности, по Тихомирову, является концепция В.С. Соловьева, в которой общество определяется как «дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество» [6, с. 286]. Кроме того, он усматривает у Соловьева излишнюю «социологизацию Церкви», что приводит на его взгляд к умалению ее значения. Таким образом, Тихомиров пытается противостоять любым попыткам представить общество в виде единого организма, кем бы эти попытки не предпринимались – позитивистами или религиозными идеалистами. Тем не менее, если социальность присуща как животным, так и людям, возникает вопрос – в чем специфичность собственно человеческого общества, тем более что оно выделяется в особую категорию. На этот вопрос Тихомиров отвечал так: «общество есть кооперация личностей», а люди, как личности, в отличие от животных особей действуют сознательно, самостоятельно, свободно, реализуя собственные чувства, представления и волю. Именно данные психические компоненты человеческой жизни составляют основу собственно человеческого общества, а в этом можно обнаружить черты явного психологизма. В свою очередь, данные психологические черты формируются, по Тихомирову, не эволюционно, а даруются человеку Богом, что, соответственно, свидетельствует о фундаментальной религиозно-идеалистической установке его социальной онтологии. Это не означает, что он отрицает влияние материальных факторов, по его словам, «эти влияния действуют на общественную среду не прямо, а отражаясь и перерабатываясь в нашей душе» [8, с. 25]. Отказ от редукционистского объяснения закономерно приводит Тихомирова к супранатурализму, поскольку он выводит специфические черты общества не из органической или жи-

вотной жизни, а из жизни духовно-психической и даже божественной. Хотя он признает, что определенные естественные отношения переходят во все более высокие категории, так «социальные законы кооперации, взаимопомощи, совместного действия... заметные еще в мире органическом, высоко развивающиеся в мире социальном – в Церковном строе становятся еще тоньше и глубже» [7, с. 64].

Структура социального бытия

Проблемы структуры общества наиболее полно представлены в IV разделе «Монархической государственности» – «Отношение к социальному строю». Здесь Тихомиров также отвергает возможные варианты редукционистских объяснений происхождения социальных слоев, в частности «юридическую» концепцию Б.Н. Чичерина и «экономический материализм» К. Маркса и Ф. Энгельса, причем он замечает, что последний «несравненно глубже и правильнее объясняет строение общественности и государственности, нежели идея юридическая» [8, с. 477], но вновь опираясь на принципы психологизма указывает, что «основной силой и определителем общественности является психологическая природа людей, а не условия экономические и вообще какие бы то ни было внешние, материальные условия» [8, с. 477].

Тихомиров дает следующую классификацию социального строя: «1) простой социальный строй» и 2) сложный социальный строй». К первому он относит родовой и патриархальный строй, а ко второму сложно-корпоративный, который в свою очередь разделяется на наследственно-принудительно сословный и свободно сословный. К сожалению, в отличие от Б.Н. Чичерина и К. Маркса, русский консерватор не дает никакого объяснения причин развития социального строя, указывая только на действия сил интеграции и дифференциации, а также постулируя закон, в соответствии с которым «чем более усложняется социальный строй, ... тем нужнее для общества становиться государство» [8, с. 483], но что приводит к усложнению этого строя остается неясным. Только в отношении перехода от наследственному к свободному сословному строю Тихомиров указывает такие причины трансформации как «прогресс знаний», который привел к увеличению профессий умственного труда и развитию промышленности в сочетании с колониальной политикой. Здесь следует подчеркнуть, что главная роль отводится психологическим факторам – умственному развитию, а отнюдь не материальным, поскольку признается, что развитие промышленности вызвано ростом знаний. При этом Тихомиров тем самым воспроизводит позитивистско-прогрессистский штамп, но использует его в угоду своей концепции, где главным было показать связь сословного строя с монархическим государством и при этом доказать его необходимый и закономерный характер.

Для обозначения основных структурных элементов социального строя Тихомиров использует понятия слой, группа, сословие, класс. В отношении классов и сословий он дает достаточно строгое разграничение понятий, указывая, что класс – это слой или группа, которая «обособилась от прочих, но существует только фактически, еще не признанная государством», а «сословие есть та же самая группа, тот же самый слой, но получивший государственное признание и соответствующую законную организацию» [8, с. 484]. В отношении же слоя и группы такой строгости нет, в один случаях, подобных выше приведенному фрагменту, Тихомиров использует их как синонимы, в иных – слой мыслится как родовой понятие, а остальные как видовые, а группа в свою очередь понимается, как коллектив предприятия, профсоюз или политическая партия, но чаще понятия слой и группа не дифференцируются.

Взаимоотношение социальных групп, обусловленное действием сил интеграции и дифференциации, приводит к сложной противоречивой системе, которая угрожает либо перерасти в «хаос междоусобий», либо установление порядка при полном подавлении слабых сильными и «чрезвычайным понижением культуры общества» [8, с. 492], поэтому Тихомиров считает что только государство способно обеспечить общественную солидарность, примирить противоречивые интересы отдельных сословий и классов. Реализация данной функции государством заодно позволяет более строго отделить политическую сферу от социальной, по словам Тихомирова: «государство «выделяется» в особую «политическую» область т.е. разъединяется с социальным строением» [8, с. 493]. Отсюда он выводит необходимость не партийного, а сословно-корпоративного представительства в законсовещательных собраниях при монархе, так как именно монархическая власть способна обеспечивать реализацию социальной справедливости и нравственных принципов. Таким образом, общество по Тихомирову должно быть сложно организованной системой с сословиями и корпорациями, обладающих широким самоуправлением, а государство в лице монарха должно помогать преодолевать социальные противоречия ради общенационального блага, не скаты-

ваясь в тотальную диктатуру или не самоустраниваясь в соответствии с принципами «laissez-faire».

Соотношение индивидуального и социального (личности и общества)

Проблема соотношения индивидуального и социального может рассматриваться как проявление более общего онтологического вопроса об отношении части и целого, но при определенных оговорках, ввиду того что в истории философии само понимание человека как части общества нередко проблематизировалось, кроме того, понятия индивида, личности, социального имеют многообразные смысловые нагрузки. Тем не менее, именно в конце XIX – начале XX вв. развернулись широкие дебаты между сторонниками индивидуалистических и антииндивидуалистических концепций в социальных науках и построения Л.А. Тихомирова отражают многие узловые точки той полемики.

Главными усилиями Тихомирова были направлены на удержание баланса между крайним индивидуализмом и тотальным коллективизмом. С одной стороны его позицию можно признать умеренным индивидуализмом, поскольку, отвергая прямое уподобление общества организму на том основании, что «социальный порядок не производит коллективной особи, и его мировое значение состоит именно в развитии особи индивидуальной» [8, с. 61]. Придерживаясь принципов психологизма, он последовательно отстаивает идею о первичности индивидуального, поскольку по его словам человек как социальное существо обладает психическим содержанием (чувствами, волей, представлениями), которое столь же реально, как и внешняя среда, с которой взаимодействует индивид, и именно эта независимость индивидуальной психической жизни делает возможной подлинную взаимосвязь внешних условий и внутренней психической жизни. Более того, Тихомиров утверждает, что психические свойства людей, в сущности, неизменны и именно это обстоятельство делает возможной социальную науку, так как «только в отношении объекта обладающего основными неизменными свойствами и возможно существование законов, научно наблюдаемых» [8, с. 26]. Эти тезисы о независимости индивида, а также возможности научного познания общества расходятся с устоявшимися представлениями о консерватизме, как мировоззрении антииндивидуалистическом и иррационалистическом, тем не менее Тихомиров даже ссылается на ведущего представителя субъективной социологии Н.К. Михайловского и положительно оценивает его призыв к «борьбе за индивидуальность», отмечая, что это одно из величайших и наименее обследованных явлений в социологии [8, с. 566].

С другой стороны, Тихомиров утверждает, что «по закону общности всякий человек живет не изолировано, а в системе групп, ... пребывание в социальной группе связывает произвол человека, но зато дает ему и силу» [8, с. 485–486]. Именно характер общественных отношений определяет степень свободы деятельности личности, это приводит к неизбежности конфликтов между личностью и обществом, так как давление общества подавляет индивидуальность, составляющую сущность личности. Отсюда вытекает и враждебность государства и личности, поскольку «государство действует принудительно и общими мерами. Личность творит только свободно и индивидуально» [8, с. 566], при этом полное подавление свободы личности, по мнению консерватора, означает смерть коллектива. Важно подчеркнуть, что Тихомиров указывает, что существуют естественные права личности, на которые не может посягать государство. К ним относятся «личная свобода (например, от незаконного ареста), неприкосновенность жилища, право на собственность, свобода труда и занятий, свобода совести, семейные права, свобода слова (пресса, преподавание), свобода собраний и объединений, право требовать защиты со стороны государства и право противостоять незаконным требованиям правительства» [8, с. 79]. Вместе с тем он постоянно подчеркивал, что права должны уравниваться обязанностями, что они всегда сопряжены с ограничениями задаваемыми законом, а следовательно верховной властью, поэтому реальный объем правил личности зависит от множества условий, среди которых называются «сила личности», «свойства Верховной власти», «исторические условия».

Конфликт между обществом и личностью, согласно Тихомирову, в рамках земной жизни неустраним ввиду того, что в человеке есть духовный компонент, связывающий его с богом, общество не способно создать среду, удовлетворяющую потребностям личности. Именно отсюда и возникает потребность в Церкви, которая позволяет сохранить единство и свободу благодаря своему надсоциальному характеру. Только религия может дать внутреннюю добровольную дисциплину, в отличие от общества, которое «может развивать дрессировку да принудительную дисциплину» [8, с. 501]. Таким образом, Тихомиров постулирует идеал свободной творческой личности, которая опирается на социальные союзы (семью, общину, сословие), защищаемые го-

сударством и находящая высший смысл и гармонию в жизни церкви. Такой ход мысли отчетливо демонстрирует, как Тихомиров, опираясь на современные ему идеи социальных наук, обосновывает консервативные принципы взаимодействия человека и общества, примиряя социологию позитивизма со своим религиозным мировоззрением и монархическим политическим идеалом.

Проблема общественного развития

В мировоззрении Л.А. Тихомирова отчетливо проявляется разделение двух основных планов бытия, которые он сам определяет как «Бытие Божественное» и «мир тварный, созданный Богом, живущий по закону, Богом данным и по своему существу совершенно различный с Богом» [9, с. 40–41]. Такое, по его собственному определению, дуалистическое мировоззрение позволяет рассматривать общий ход развития общества в контексте христианского провиденциализма. Отсюда же вытекает характерная телеологическая установка, в соответствии с которой весь исторический процесс понимается как «процесс борьбы за спасение людей, за свободное осуществление предначертаний Божиих» [9, с.с. 43]. Из этого Тихомиров выводит и специфическую роль Церкви в общественной жизни, которая воспитывает личность и дает ей высший смысл жизни. Именно нравственный идеал, выработываемый Церковью, по мысли консерватора, должен служить главным ориентиром в общественном развитии поэтому и государство в лице монарха реализует не свою личную волю и не волю народа, а волю нравственного идеала. Поэтому Тихомиров не скрывает, а явно формулирует свою позицию как религиозно-идеалистическую, противопоставляя ее всем пантеистическим, атеистическим и материалистическим концепциям.

При обращении к внутренним закономерностям общественного развития Тихомиров высказывал нехарактерное для консерватизма положительное отношение к идее прогресса, хотя, по его словам, «истинный консерватизм полностью совпадает с истинным прогрессом. У них одна и та же задача: поддерживать жизнеспособность основ общества, сохранять их свободу развития, поощрять их рост» [8, с. 58]. Можно сказать, что тем самым Тихомиров развенчивает расхожее представление о консерватизме как движении реакционном, направленном против поступательного развития общества, в его понимании, как видно сохранение основ жизни общества возможно только через их совершенствование. Вместе с тем он отвергает идею прогресса через революцию, хотя и указывает, что они бывают неизбежны, но тем не менее играют лишь незначительную роль в общем ходе общественной эволюции. Поэтому именно эволюция оказывается основной формой развития, которая гармонично сочетает элементы прогресса и традиции. Если традиция обеспечивает «преемственность», сохраняет «устойчивость внутренней логики развития», то прогресс позволяет отбросить ненужное и вредное для «жизни нации». Этим Тихомиров обосновывает преимущество монархии, поскольку как он полагает «аристократия ... имеет тенденцию неподвижности, консерватизма. Демократия ... привносит ... подвижность», а монархия «привносит в ведение дел страны качество уравновешенного ума» [8, с. 591].

Закономерности развития и критерии прогресса у Тихомирова получают идеалистическое обоснование. Так он указывает, что «истинные экономические принципы состоят не в накоплении «богатства», а в развитии производительной силы, т.е., между прочим, в развитии высоты человека, так как в общей системе национальной производительности огромное значение имеет не только умственная, но и нравственная сила» [8, с. 594]. Здесь заметно, что даже если русский консерватор использует терминологию знакомую нам по экономической теории марксизма, то он вкладывает в нее совершенно иной смысл, поэтому производительные силы предстают в данном фрагменте не столько как материальные условия производства, а сколько как нравственные и умственные силы, то есть духовные качества личности и общества. В целом, в экономике важнейшими показателями прогресса по Тихомирову являются умственное развитие, свобода труда, гармония земледелия и промышленности, добывающей и обрабатывающей промышленности, согласованность производства на различных территориях, широкая специализация труда, независимость внутреннего рынка, экономическая автаркия государства.

Другие важные критерии прогресса уже были обозначены выше, но следует их повторить в данном контексте: *сложность и организованность социального строя, свобода и права личности, реализация «исторической идеи» нации*. Последнее особенно важно для Тихомирова, историческую идею он понимает как «эволюцию психического содержания нации» [8, с. 351], это психическое содержание или «дух нации» выступает как основа творчества, при исчерпании которого наступает смерть нации, после которой она может стать лишь «этнографическим материалом» для другой нации, то есть всякий прогресс для данного народа и государства прекращается.

В трактовке законов общественного развития очевидно влияние позитивистской социологии, но с определенными особенностями и ограничениями. Тихомиров, подобно позитивистам постулирует возможность научного познания общества и признает объективность социальных законов. Человеческое общество понимается им как «явление, обладающее внутренними законами, способное в силу их и к эволюции своих форм на их вечно неизменных законах. Поэтому и возможна и наука, проникающая в смысл и того и другого, наука общественности» [8, с. 26]. Но, в отличие от позитивистов главным фундаментом признается «Воля Божия, проявляющаяся в законах социального мира» [8, с. 502]. Также общими с позитивизмом оказываются полагаемые в качестве основных закономерностей социального развития, уже указанные выше силы интеграции и дифференциации (терминология характерная для Г. Спенсера), разграничение сознательных (политических по преимуществу) и бессознательных (в основном экономических) факторов, что также находится в полном соответствии с идеями Г. Спенсера и сам Тихомиров непосредственно ссылается на его работы в «Монархической государственности» [см. 8, с. 39]. При всей критике прямолинейного органицизма Тихомиров признает возможность метафорического обозначения общества как организма, он сам нередко использует такие понятия как «национально-государственное тело», «общественные организм». Русский консерватор обнаруживает общее в биологическом и социальном мире в том, что они подчиняются действию универсального «закона кооперации», вместе с тем, пытаясь отмежеваться от органицизма Конта он прибегает к психологизму, ссылаясь на современных ему позитивистов, таких как А. Фулье и А. Эспинас. Психологизм позволяет Тихомирову соединить характерные для тогдашней социальной науки установки с религиозным мировоззрением, так как в человеческой воле, этическом чувстве, разуме он видит проявление особых духовных законов, которые при таком подходе и определяют специфику общественного бытия и его развитие.

Заключение

Концептуальные построения Л.А. Тихомирова содержат существенные типологические черты консервативного стиля мышления, прежде всего, традиционализм, холизм, национализм, иерархизм, солидаризм, религиозный морализм, которые он пытается сочетать с современным ему позитивистским психологизмом, эволюционным прогрессизмом, признанием естественных прав и свобод личности. Общим основанием социальной онтологии Тихомирова служат религиозно-идеалистические представления о закономерностях общественного бытия, которые он соединяет с научно-рациональными принципами, используя соответствующую терминологию и теоретический аппарат социальной мысли того времени. Тем самым русский консерватор стремился защитить свои мировоззренческие позиции в полемике с либералами и социалистами, создать целостный концептуальный каркас консервативной идеологии, избегая обвинений в обскурантизме, реакционности и антирационализме, нередко звучащих по отношению к данному направлению. Главный пафос Тихомирова, тем не менее, заключался в обосновании общественного идеала в соответствии с христианским пониманием смысла человеческой жизни, а именно духовно-нравственно совершенствования личности в перспективе вечности.

Литература

1. Бурбулис Ю.В. «Онтологический поворот» в современной социальной теории: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: защищена 25.05.17 / Автор Ю.В. Бурбулис. М., 2017. 136 с.
2. Керимов Т.Х. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. С. 109–130.
3. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 412 с.
4. Орехов А.М., Платонова С.И., Марача В.Г., Моисеев С.В., Шевченко О.К. Современная социальная онтология в зеркале российской онтологической традиции: дискурсы и интерпретации (под общей редакцией А.М. Орехова). Королев: «Космос», 2024. 260 с.
5. Осипов И.Д. Ю.Н. Солонин о социально-политической философии консерватизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 525–533.
6. Соловьев В.С. Оправдание Добра // Соловьев В.С. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–580.
7. Тихомиров Л.А. Личность, общество и Церковь // Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., Калуга: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 2002. С. 50–84.
8. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
9. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М.: Издательство «ФИБ», 2012. 808 с.
10. Шмерлина И.А. Отечественная социальная мысль и онтологические горизонты современной социологической теории // Социологические исследования. 2025. № 2. С. 15–24.
11. Щелкин А.Г. Об онтологии в пределах социального бытия // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 15–26.
12. Эспинас А.В. Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии. М.: Книжный дом «Либерком», 2012. 320 с.

SOCIAL AND ONTOLOGICAL ASPECTS OF L.A. TIKHOMIROV'S CONSERVATIVE WORLDVIEW

Chestneyshin N., Chestneyshina D.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

This article reconstructs the social ontology of L.A. Tikhomirov, a prominent representative of Russian conservatism in the late 19th and early 20th centuries. It reveals the specifics of social existence, its structural levels, the relationship between the individual and the social, and the problems of the laws of social development in the context of the conservative worldview of this thinker. The methodological basis consists of the principles of historicism, hermeneutics, logical-contextual reconstruction, and the comparative method. The results of the study show that L.A. Tikhomirov's social ontology was based on anti-reductionist intentions in order to avoid straightforward organicism and naturalism, relying on psychologism and religious idealism. It is concluded that his constructions represent an original synthesis of the typological features of conservative thinking with the scientific and rational terms of social thought of that time.

Keywords: social ontology, social structure, social development, conservatism, organicism, psychologism, individualism, progress.

References

1. Burbulis, Yu.V. "The Ontological Turn" in Contemporary Social Theory: Dissertation ... Candidate of Philosophy: 09.00.11: defended on May 25, 2017 / Author Yu.V. Burbulis. Moscow, 2017. 136 p.
2. Kerimov, T.H. The Ontological Turn in the Social Sciences: The Return of Epistemology // Sociological Review. 2022. Vol. 21. No. 1. Pp. 109–130.
3. Lukács, D. Towards an Ontology of Social Being. Prolegomena. Moscow: Progress, 1991. 412 pp.
4. Orekhov, A.M., Platonova, S.I., Maracha, V.G., Moiseev, S.V., Shevchenko, O.K. Contemporary Social Ontology in the Mirror of the Russian Ontological Tradition: Discourses and Interpretations (edited by A.M. Orekhov). Korolev: Kosmos, 2024. 260 p.
5. Osipov I.D. Yu.N. Solonin on the Socio-Political Philosophy of Conservatism // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2022. Vol. 38. Issue 4. Pp. 525–533.
6. Solovyov V.S. The Justification of Good // Solovyov V.S. Works in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1990. Pp. 47–580.
7. Tikhomirov L.A. Personality, Society, and the Church // Tikhomirov L.A. Christianity and Politics. Moscow, Kaluga: GUP Oblizdat, TOO Alir, 2002. Pp. 50–84.
8. Tikhomirov L.A. Monarchical Statehood. Moscow: GUP Oblizdat, TOO Alir, 1998. 672 pp.
9. Tikhomirov L.A. Religious and Philosophical Foundations of History. Moscow: FIV Publishing House, 2012. 808 pp.
10. Shmerlina I.A. Domestic Social Thought and Ontological Horizons of Contemporary Sociological Theory // Sociological Research. 2025. No. 2. Pp. 15–24.
11. Shchelkin A.G. On Ontology within the Limits of Social Being // Sociological Research. 2025. No. 3. Pp. 15–26.
12. Espinas, A.V. The Social Life of Animals: An Experiment in Comparative Psychology. Moscow: Liberkom Publishing House, 2012. 320 pp.

Эзотерические учения как основа новых форм новых религиозных движений

Степаненко Наталья Андреевна,

соискатель степени кандидата наук, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: Stepanenko.n@bk.ru

Последняя технологическая революция, связанная с повсеместной цифровизацией всех жизненных процессов современного человека, не могла не затронуть его духовную сферу. Целью данного исследования является новая форма духовности, которая зачастую находит свое место отправления культа в пространстве медиа. Такая духовность в виде новых цифровых религиозных движений (НРД) не только заявляет новые смыслы, но и имеет принципиально новые формы, при этом последнее часто имеет преобладающее значение. Однако, не является ли презумпция новизны концепций цифровых НРД иллюзией в глазах человека массовой культуры, тогда как по факту основополагающие тезисы есть заимствования из ранее существовавших духовных концепций. Методом исторического, семантического и аксиологического анализа, а также включенного наблюдения в статье предпринимается попытка осветить параллель между эзотерическими учениями прошлого и новыми формами цифровых НРД. В заключении делается вывод о том, что эзотерические учения во многом стали символическим и смысловым ресурсом для формирования новых концепций сетевой религиозности.

Ключевые слова: цифровые НРД, сетевая религиозность, сетевые поп-религии, эзотерические учения, эзотерика, новая духовность.

Введение

XX век ознаменовался появлением большого числа новых религиозных идей и форм, которые, были названы новыми религиозными движениями (НРД), в силу нейтральности термина. Айлин Баркер [1] в своей работе «Новые религиозные движения» пишет о сложности обобщения подобных движений, в силу их крайней концептуальной разрозненности. Исследователь указывала, что единственное, что можно сказать о таких духовных сообществах общего это невозможность их обобщения и крайняя эклектичность концепций. Отечественный религиовед Е.Г. Балагушкин, посвятивший феномену НРД большую часть своей научной карьеры, указывал, что появление и расцвет подобной, альтернативной традиционным верованиям, религиозности приходится на периоды кризисов, когда человек начинает искать новые смыслы в попытке решить психологические проблемы [2]. Другой отечественный исследователь, подробно изучавший НРД, – И.Я. Кантеров, с одной стороны, заявлял о высокой противоречивости данного явления и, зачастую, его деструктивным влиянии на общество, с другой стороны, тем не менее подчеркивал крайнюю необходимость их подробного изучения научным религиоведческим сообществом [3].

Феномен НРД, возникнув на фоне социальных потрясений начала XX века, тем не менее не потерял своей актуальности сегодня, претерпев тем не менее существенные изменения как по форме, так и концептуально. Несмотря на большой накопленный объем теоретического знания на тему подобных религиозных объединений, научное сообщество так и не выработало единой классификации и типологии. Так, различные западные ученые, такие как Томас Роббинс и Дик Энтони [5], Родни Старк и Уильям Бейнбридж [6], Рой Уоллис [4] и многие другие, на протяжении последних десятилетий предлагали свои варианты подобных типологий. В связи с этим доктринальное содержание НРД то воспринималось как принципиально новое, то, как мозаично собранное из элементов различных религиозных доктрин Востока и Запада.

Данная статья предлагает исследовательский ракурс, обращаясь к концепции, обоснованной в фундаментальных трудах Ваутера Ханеграафа [7], предлагающий искать истоки доктринальных особенностей новых религиозных движений в западных эзотерических учениях. Особую роль в этом процессе сыграли теософское и антропософское общества начала XX века, а также, в дальнейшем, движения New Age, чьи религиозные постулаты зачастую можно встретить в учениях НРД современности.

Необходимо отметить, что сегодня, в эпоху тотальной цифровизации, духовность также находит свое место в цифровом пространстве, обретая новую форму в виде сообществ в различных социальных сетях, а также в форме лекционного материала в новых медиа. Такую форму религиозных сообществ можно назвать цифровые НРД. Целью настоящей статьи является выявление ключевых эзотерических концепций прошлого, идеи которых можно проследить в подобных религиозных объединениях.

Теоретическая значимость исследования обусловлена необходимостью уточнения понятийного аппарата новых религиозных движений, а также углубления исторической перспективы в изучении современной формы религиозности. Практическая значимость связана с возможностью дополнения религиоведческого знания на тему НРД и возможности сопоставления их доктрин с эзотерическими учениями прошлого.

Методы

Исторический метод позволил выявить параллель между эзотерическими учениями прошлого и современными духовными концепциями новых цифровых форм НРД. Семантический анализ показал значимость ранее существовавших духовных смыслов для современных сетевых религиозных сообществ. Аксиологический анализ выявил ценностные ориентиры и моральные суждения духовных эзотерических концепций прошлого, которые остаются актуальными для современного человека массовой культуры. Метод включенного наблюдения дал возможность получить информацию о духовных концепциях сетевой религиозности изнутри подобных сообществ.

Результаты и обсуждение

Религиозный мифодизайн цифровых НРД подспудно претендует на принципиальную новизну, заявляя, что их постулаты, с одной стороны, подтверждены последними достижениями науки, а с другой стороны, не имеют ничего общего с ранее существовавшими формами религии. Однако, создав принципиально новую форму религиозности, – цифровую, и действительно не имея непосредственных отсылок к Священным Писаниям, концепции новых религиозных движений, тем не менее, явно коренится в эзотерических учениях, появившихся в XX – начале XXI веков.

Впечатление новизны содержательной части религиозности сетевых НРД создается у паствы, прежде всего, по причине изменения характера медиа, который поменял и саму аудиторию. В настоящее время человек массовой культуры, как уже говорилось выше, обычно не способен читать объемные тексты и в принципе отошел от восприятия информации на бумажном носителе, не является потребителем печатных изданий. Таким образом, целый корпус эзотерической литературы, оказывается в среднем за пределами кругозора современного человека. Этот корпус не имел и исторически широкой популярности в связи, с одной стороны, с маргинальностью, а с другой стороны, с широким спектром авторов и харизматических лидеров, провозглашавших разные учения, что привело к разрозненности групп их последователей. Такое положение дел, позволяет новым цифровым НРД, взяв за основу многие концепции эзотерических авторов, не ссылаясь на них, опираясь на якобы доказанность наукой своих тезисов, выдвинуть как бы новую форму религиозности. Она действительно кажется человеку массовой культуры чем-то принципиально передовым в духовном плане. К таким сообществам, например, можно отнести сообщества во Вконтакте: «Искусство управления реальностью» [8], «Сила позитивного мышления» [9], «Мысль материальна» [10] и «Управление реальностью» [11] или в Телеграм: «Переход в ТАК» [12] и «УЕсть – частота твоего Я» [13].

Эзотерические источники идей сетевых поп-религий можно проследить, начиная с религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX веков. В это время появляется целый ряд ученых, чьи идеи не только переворачивают привычную картину мира, но и провозглашают практически безграничные возможности человеческого разума и его абсолютное господство во всех областях. В.И. Вернадский (1863–1945) – русский ученый – естествоиспытатель стал основателем учения о биосфере и ноосфере. В ее рамках он развил идею Д.Д. Даны о цефализации – эволюции человека, которая происходит в связи с развитием способностей его головного мозга. Один раз достигнув какой-то точки развития, человеческий мозг всегда продолжает развиваться, возможность деградации, с точки зрения ученого исключена. В.И. Вернадский писал: «<...> в ходе геологического времени <...> наблюдается (скачками) усовершенствование – рост – центральной нервной системы (мозга), начиная от ракообразных, на которых эмпирически и установил свой принцип Дана, и от моллюсков (головоногих) и кончая человеком. Это явление и названо им цефализацией» [14, стр. 75–76]. По мере исторического развития, человечество постепенно обрело новые навыки, развивая физиологические возможности своего головного мозга. Это привело к тому, что человек, являясь неотъемлемой частью космоса, постепенно становится главой ноосферы (сферы разума), посредством которой может влиять на всю деятельность планеты и даже вселенной. Такое влияние обеспечивается за счет разума, науки и технологий. Центральное место человека во Вселенной, которую он трансформирует при помощи разума высказывают и цифровые НРД.

Таким образом, в начале XX века человек в широком смысле этого слова постепенно начинает заступать на позиции Бога, становясь в центр мироздания, как без пяти минут его господин. Это в том числе связано со второй научной революцией, когда миру была предъявлена специальная теория относительности Эйнштейна, которая, казалось, научно доказала существование некоторых сил за пределами чувственного восприятия человека и относительности показателей «объективного» пространства. Такая революция в науке дала новую жизнь общепризнанным религиозным идеям, которые до этого времени воспринимались в научном сообществе как пережитки прошлого. Ф. Франк в книге «Философия науки» писал: «<...> многие выдающиеся авторы, философы, религиозные деятели, деятели просвещения и даже ученые заявляли, что под влиянием теории относительности радикально изменились и общие точки зрения на положение человека во вселенной. Механистическая картина мира, господствовавшая в XVII и XVI-II веках, в значительной степени стимулировала движение в сторону материалистической философии. Это движение в XVIII и XIX веках очень многим казалось почти неодолимым. Однако в XX веке прочно

сложилось убеждение, что физика XX века, особенно теория относительности и квантовая теория, остановили это мощное движение. Многим авторам казалось очевидным, что движению к материализму пришел конец и что произошел резкий поворот в сторону идеализма» [15, стр. 280–281]. Такой взгляд в науке создал благодатную почву для развития самых разнообразных религиозных идей, которые в синтезе научного, философского и религиозного знания дали ростки в виде самых разнообразных эзотерических учений.

В Российской империи на рубеже XIX и XX веков в связи с нарастающим техническим прогрессом с одной стороны и возрождением религиозных идей с другой, начинают появляться различные духовные, эзотерические и религиозные объединения, выходящие за рамки традиционного православия. Одной из первых создала свое учение Е.П. Блаватская (1831–1891), которая в книге «Тайная доктрина» изложила сложное синкретическое духовное учение (теософию), сочетающее в себе идеи восточных религий и элементы западного оккультизма, равно как и научнообразные идеи своего времени. Е.П. Блаватская высказывает мысль о едином духовном источнике, по сути, всех религий, провозглашая тем самым единство духовного знания. «Всемирное Единство (или Одноточность) под тремя аспектами есть первая и основная догма Оккультизма. Это дает возможность представления Божества, которое как Абсолютное Единство должно навсегда остаться недостижимым для предельного разума» [16, стр. 77]. Равно в своем труде Блаватская Е.П. делает отсылки к актуальным достижениям науки, заявляя, однако, что тайное знание, излагаемое в «Тайной доктрине» превосходит ее: «Но, во всяком случае, чтение этой Станцы, несмотря на ее архаическую фразеологию, указывает, что она более научна, нежели даже современная наука» [16, стр. 97]. Таким образом, Е.П. Блаватская, развивая сложную концепцию новой религиозности, основанной на древних откровениях, одной стороны критиковала современную науку, объявляя ее излишне материалистической, а с другой вставала в оппозицию к широко распространенному в то время христианскому учению, заявляя скорее его неполноту, чем неистинность. Теософия Е.П. Блаватской предпринимает попытку выработать единое духовное учение, которое, имея один первоисточник для всего человечества, через концепцию кармы должно привести человечество к божественному идеалу. Автор закончила книгу «Тайная доктрина» фразой на санскрите: «SATYAT NASTI PARO' DHARMAH. NET RELIGIYI VYISHE ISTINY!» [16, стр. 1408]. Синкретический характер учения сближает этот источник с цифровыми НРД.

Последователями Е.П. Блаватской стали Елена (1879–1955) и Николай (1874–1947) Рерих, придавшие глобальным, сложносочиненным, духовным идеям Е.П. Блаватской практическое приложение. Центральным трудом их жизни стало учение живой этики или «Агни-Йога», в котором авторы, в духе своего времени, утверждали синтез науки, религии и культуры, лишь в сочетании и взаимодействии которых возможно истинное познание мира. Главным акцентом «Агни-Йоги» становится самосовершенствование человека, который обретая единство с космосом и всей вселенной, через преобразование себя и своих мыслей, может достичь лучшей жизни. Для достижения блага необходимо не только осознание единства истины, но и в обязательном порядке преодоление своего эгоистического начала. «Из всех порочных черт человечества нужно тонко отметить малодушие. Это свойство граничит со многими темными чертами. <...> Малодушие есть презрение к высшему Эго. <...> Кристаллы психической энергии вырастают в своей интенсивности при каждом возвышенном устремлении» [17, стр. 658–659]. Преобразование окружающего через самосовершенствование и преодоление эгоистического начала может быть соотнесено с идеями цифровых НРД о необходимости преодолеть ложное «Я», избавившись от неправильных представлений о сути своей личности.

На рубеже веков развернулась и деятельность Георгия Ивановича Гурджиева (1866–1949) – мистика, философа армяно-греческого происхождения, создателя оригинального эзотерического учения «Четвертый путь». Автор призывал человека проснуться и выйти из состояния автоматизма, провозглашая безграничные возможности осознанного мышления. В частности, Г.И. Гурджиев в книге «В поисках Бытия: Четвертый путь к сознанию» говорит об отсутствии у человека конкретной единой и целостной личности, утверждая, что в каждый момент, соответственно обстоятельствам и ощущениям человек обретает новое «Я». «Каждая мысль, каждое настроение, каждое ощущение говорит «Я». И в каждом случае мы предполагаем, что слово «Я» говорит от имени Целого – от имени целостной личности – и что мысль, желание или отвращение представляет собой выражение Целого. В действительности такое допущение совершенно не обосновано. <...> Человек – это множественность. Имя ему легион» [18, стр. 35]. Таким образом, автор говорит о том, что в большинстве случаев человек действует не-

осознанно, автоматически, чем отказывается от контроля над своей жизнью. Сетевые религиозные сообщества также, как и Г.И. Гурджиев, в качестве первого шага приближения к Истине утверждают необходимость обретения осознанности.

Последователь Г.И. Гурджиева – русский философ Петр Демьянович Успенский (1878–1947) также выдвигал интересную эзотерическую концепцию мироздания на стыке науки, религии и психологии. «Доказательством искусственности четырехмерного мира в новой физике является, прежде всего, крайняя сложность его конструкции, которая требует искривленного пространства. Очевидно, что кривизна пространства указывает на присутствие в нем еще одного или нескольких измерений» [19, стр. 407]. В своей центральной работе «Новая модель Вселенной» автор писал о многомерности мира, в котором на высших ступенях (измерениях) у человека появляется возможность выбора реальности, посредством проведения специальной психической работы над собой. Идея многомерности пространства и возможности осознанного выбора любого из измерений существует и в поле идей цифровых НРД.

Таким образом, XX век положил начало зарождению принципиально новой формы религиозности: в центре мироздания оказывается человек, наделенный божественной силой творения своего собственного пространства. Датские историки религии Олав Хаммер (Olav Hammer) и Микаэль Ротштейн (Mikael Rothstein) писали: «<...> NRM rituals confirm and demonstrate the reality and power of their mythic narratives. World-affirming/adaptive movements construct individually oriented origination myths in which humans possess god-like qualities or potential» [20, стр. 17]. Так, появляется разрозненная палитра Новых Религиозных Движений, в том числе религий New Age. Характерными чертами этих движений являются синкретизм, холизм, постулат об истинности всех религий (как ведущих к одной Истине разными дорогами), акцент на личном опыте адепта, построенном на глубоком самоанализе и постоянном саморазвитии.

Немецкий писатель и духовный оратор Экхарт Толле (Eckhart Tolle) в книге «Новая земля. Пробуждение к своей жизненной цели» провозгласил появление новой истинной духовности, которая призвана наконец принести человечество подлинную свободу и понимание Высшего. Автор писал: «Широкомасштабное раскрытие духовности вне религиозных структур – это совершенно новый поворот в развитии событий. <...> Благодаря духовным учениям, возникшим за рамками официальных религий, но также вследствие притока древних учений мудрости Востока все больше последователей традиционных религий перестают отождествляться с формой, догмой и жесткими системами убеждений и открывают изначальную глубину, сокрытую в их собственной духовной традиции, одновременно открывая ту же глубину внутри себя. Они видят, что степень «духовности» человека не имеет никакого отношения к тому, во что он верит, но зависит лишь от состояния сознания» [21, стр. 32]. Подобный тезис мы находим в учении новых цифровых форм НРД, которые также постулируют возможность обретения духовности через работу с собственным сознанием и, как следствие, увеличение осознанности. В свою очередь высокая степень осознанности должна привести адепта к пониманию, что он не просто физическое тело, но нечто большее, нематериальное, что может быть единым со всем мирозданием. Подобно этому, Экхарт Толле писал следующее: «Неважно, как выглядит ваше тело снаружи, – за внешней формой это насковзь живое энергетическое поле» [21, стр. 66].

Другой представитель религий New Age – американский врач и писатель-эзотерик индийского происхождения Дипак Чопра (Деерак Чорпа) высказывает нечто подобное в книге «Путь волшебника: 20 уроков Мерлина. Как строить жизнь по своему желанию». В ее основу положен сказочный сюжет о хрустальной пещере волшебника Мерлина, который дает в ней уроки своим ученикам. Д. Чопра в форме диалога дает предлагает читателям 20 таких уроков, которые, по заявлению автора, могут быть использованы в реальной жизни каждого. Он пишет: ««Я», с которым вы себя отождествляете, создается, в первую очередь, вашими убеждениями и обоснованиями своей жизни (каузальным телом), которые рождают мысли (ментальное тело) и чувства (эмоциональное тело). И в конце этого ряда стоит физическое тело, которое в результате получает жизненный импульс. Как говорит Мерлин, «смертные считают, что они – просто физические машины, которые научились думать. На самом деле они – это мысли, которые научились создавать физические машины» [23, стр. 64]. Другими словами, автор также постулирует нематериальность как человеческого существования, так и мира, в котором человек живет. В равной степени, в этой цитате прослеживается идея о возможности силой мысли влиять на окружающую реальность. Способность осознанного восприятия себя как нематериального тела и силы мысли, согласно учению религий New Age, дает человеку силу творить свою реальность

по собственному заказу. Именно по этой причине книга Дипака Чопры названа «Путь Волшебника». В этой же работе мы находим многократно высказываемый постулат цифровых НРД о том, что не существует пространства и времени, а все есть здесь и сейчас в одновременном воплощении и параллельном воспроизведении. Дипак Чопра пишет: «Однако для волшебника время и пространство исполнены тайн. Для него настоящее – это вечность, он видит все события происходящими одновременно, а каждую точку пространства – как одну и ту же точку, окруженную бесконечностью» [23, стр. 126].

У Ронды Берн (Rhonda Byrne) можно найти широко растиражированную цифровыми НРД практику благодарности. Ронда Берн ввела данную практику, обосновывая ее эффективность тем, что положительные вибрации, испытываемые человеком в момент выражения благодарности, прямым образом трансформируют его жизнь. Она пишет: «Хотите прожить самый Магический день в своей жизни? Тогда наполните его благодарностью с самого начала. Чтобы «заказать» себе Магический день, просто продумайте план этого дня и каждый его пункт завершите магическим словом благодарю. Нет ничего проще. <...> Благодарность, выраженная заранее, приводит в действие закон притяжения. Когда вы благодарите так, словно все события уже произошло, и при этом испытываете соответствующие чувства, событиям не остается иного, как подчиниться вашему сценарию. Подобное притягивает подобное!» [24, стр. 143]. В данном утверждении мы не только находим практику благодарности, часто позиционируемую цифровыми НРД как свое «ноу-хау», но и идею о том, что вибрационная настройка на положительные эмоции может волшебным, нематериальным образом воздействовать на реальный срез действительности конкретного человека. Сетевые религиозные сообщества, не давая ссылок ни на одного из авторов религий New Age, прямым образом берут их идеи и тиражируют на своих каналах, предлагая своим адептам как новые идеи.

Э. Толле в книге «Сила настоящего» также подробно описывает излюбленный тезис НРД об иллюзорности времени и его ловушке для ума, преодолев которую человек сможет овладеть безграничной силой творения реальности: «Вот ключ – избавиться от иллюзии времени. Время и ум неразлучны. Уберите время из ума, и он остановится – пока вы не предпочтете его использовать. Отождествляя себя с умом, мы неминуемо попадаем в ловушку времени – мы обречены жить только воспоминаниями и ожиданиями. <...> Время вообще не обладает ценностью, потому что это иллюзия. То, что воспринимается вами как нечто ценное, – не время, а точка за пределами времени: Сейчас. <...> Почему Сейчас – ценнее всего? Во-первых, потому что в мире есть только Настоящее, только Сейчас. Ничего другого нет. Вечное Сейчас – это Космос, в котором разворачивается жизнь каждого из нас; это единственная постоянная величина. <...> Во-вторых, только Сейчас может помочь нам преодолеть ограниченность ума. Сейчас – единственная возможность войти в вечное и не ограниченное формами царство Бытия» [22, стр. 69–71]. Таким образом, мы можем видеть мутацию идеи Э. Толле об иллюзорности времени в постулаты цифровых НРД о том, что времени и пространства не существует. Современный вариант «иллюзорности времени» потерял свою психологическую суть, преобразовав психотерапевтическую идею не жить прошлым или будущим в тезис о достижениях квантовой физики, которая якобы доказала отсутствие пространства и времени, доведя данную мысль до, казалось бы, абсурда о том, что и реальности вокруг человека также не существует.

Квинтэссенцию эзотерической мысли первой четверти XXI века демонстрирует фильм «Тайна» («The secret») по сценарию Ронды Берн (Rhonda Byrne), в котором приняли участие многие современные эзотерики, философы, психологи и даже квантовые физики. Данный фильм обобщает и в сжатой форме доносит суть новой эзотерической духовности, вбирая в себя все ключевые идеи из ранее представленных в данном исследовании авторов. Так, в самом начале провозглашается краугольный тезис: мысль материальна. Джо Витале на 6 минуте говорит: «мысли излучают магнитный импульс, который притягивает к вам соответствующее событие». Далее он добавляет, что позитивные мысли сильнее негативных по излучению, что позволяет постоянно тревожащемуся человеку не страдать перманентно. Его поддерживает на 12 минуте квантовый физик Фред Алан Вольф (Fred Alan Wolf), заявляя, что нельзя рассматривать вселенную в отрыве от разума, и что ее изучение возможно только через него. Провидец Майкл Бэквит (Dr. Michael Beckwit) на 13 минуте утверждает, что слабость негативного мышления по отношению к позитивному научно доказана. Не давая ссылок на конкретные научные изыскания, он продолжает развивать эту мысль, подчеркивая, что тем не менее ментальная интенция не материализуется мгновенно, что позволяет уберечь мироздание от хаоса. Тем не менее, с его точки зрения, каждый человек является буквально

Микеланджело, высекающим себя в материальном мире. На 17 минуте всемирно известный автор бестселлера «Куриный бульон для души» – Джек Кэнфилд (Jack Canfield) говорит, что путеводной нитью к счастливому сценарию жизни каждого являются его позитивные эмоции. Именно чувства человек служат индикатором, в правильном ли направлении он направился в поисках счастья. На 19 минуте фильма формулируется суть данного эзотерического подхода: «своими мыслями и чувствами вы творите свою жизнь». На 24 минуте, на фоне кадров о сказке об Алладине и волшебной лампе с джинном, прямо высказывается идея, что джинн, Высшее Я, Вселенная или Бог есть суть одно и то же и может и должно быть на посылках у человека. Далее на протяжении фильма мы встречаем и практику благодарности, так широко растиражированную в наши дни, и практику визуализации с подготовкой доски желаний из фотографий вождельных обстоятельств жизни человека. На 64 минуте говорится, что если человек чего-то хочет, ему стоит лишь протянуть руку, чтобы это взять, и Вселенная все ему предоставит. Еще один квантовый физик Джон Хагелин (Dr. John Hagelin) провозглашает, что теоретическая физика доказала, что все есть энергия и что это видно в микроскоп (1 час 15 минут фильма) и что в этом смысле нет разницы между рукой человека или океаном, все есть энергия, а значит все есть одно целое и, соответственно, может быть подчинено сознанию человека, который по заявлению авторов фильма может быть назван Бого-человек или Бесконечное пространство раскрывающихся возможностей. Фильм заканчивается на оптимистичной ноте, объявляя каждого человека – Творцом и великодушным созданием. Широчайшая популярность этого фильма, аудитория которого достигла миллионов за рубежом и в нашей стране, демонстрирует соответствие эзотерических идей, проводимых на каналах сетевых НРД запросам современного общества.

Таким образом, цифровые НРД, или сетевые поп-религии, полностью копируют эзотерические модели, которые ранее существовали в печатном формате и в силу смены парадигмы восприятия как бы исчезли из поля зрения современного человека массовой культуры, что позволяет выдавать их в сети за новейшие духовные истины.

Выводы

Проведенный в статье анализ истоков учений новых цифровых форм религиозности позволил выявить ряд заимствований из ранее существовавших эзотерических концепций. Данные результаты позволяют дать понимание природы и специфики современной нетрадиционной религиозности, выраженной в форме сетевых НРД. Исследование подтверждает исходное предположение, что мировоззренческий фундамент современной религиозности не является результатом ни творчества его авторов, ни обладает принципиальной доктринальной новизной. Так, идеи, заимствованные из эзотерических учений начала XX века, во многом легли в основу учений цифровых НРД.

Полученные выводы дают возможность для дальнейшего изучения данного феномена. В частности, с научной точки зрения, представляется продуктивным, в дальнейшем, предпринять попытки сравнения восточного и западного эзотеризма, выявить их влияние на доктрины НРД, а также проследить как именно интегрированные через сетевые формы НРД духовные практики влияют на повседневность современного человека.

Литература

1. Barker, Eileen New Religious Movements/ Practical introduction / Eileen Barker. – London: HMSO Publications Centre, 1989. – 250 с.
2. Балагушкин Е.Г. Новые религиозные культы, движения и организации в России. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Москва: Российская академия государственной службы, 1998. – 346 с.
3. Кантеров, И.Я. Новые религиозные движения в России: (религиоведческий анализ) / И.Я. Кантеров; Игорь Кантеров; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т переподгот. и повышения квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук. – Москва: б.и., 2006. – 467 с.
4. Wallis, R. Three types of new religious movements In *Cults in Context* / Wallis, R./ Routledge 2018/ p. 39–71
5. Thomas Robbins, Dick Anthony, James Richardson Theory and Research on Today's "New Religions" / Thomas Robbins, Dick Anthony, James Richardson/ Oxford. – *Sociology of Religion*, Volume 39, Issue 2, Summer 1978, Pages 95–122
6. Bainbridge, W.S. New age religion and irreligion / W.S. Bainbridge. – London: Sage Publications, 2007. – 249 с.
7. Ханеграаф, Ваутер Якобус (1961-). Западный эзотериизм [Текст]: путеводитель для запутавшихся / Ваутер Я. Ханеграаф; [пер. с англ. Е. Зоря]. – Москва: Центр книги Рудомино, 2016. – 253 с.

8. Вконтакте: сайт. – URL: <http://vk.com/realv> (дата обращения: 05.01.2026) (искусство управления реальностью)
9. Вконтакте: сайт. – URL: <http://vk.com/silapozitivnogomyshlenia> (дата обращения: 05.01.2026)
10. Вконтакте: сайт. – URL: <http://vk.com/thoughtmaterial> (дата обращения: 05.01.2026) (Мысль материальна)
11. Вконтакте: сайт. – URL: http://vk.com/transurfing_vk (дата обращения: 05.01.2026) (Управление реальностью)
12. Переход в ТАК. Осознанность. [электронный ресурс]: t.me/perexodvtak
13. YESТЬ – частота твоего Я [электронный ресурс]: t.me/YES_te_me
14. Вернадский, В.И. Русский космизм. Научное понимание земного мира и Вселенной. / В.И. Вернадский. – Москва: Родина, 2024. – 224 с.
15. Франк, Ф. Философия науки / Ф. Франк. – Москва: ЛКИ, 2010. – 512 с.
16. Блаватская, Е.П. Тайная доктрина. Космогенезис. Антропогенезис / Е.П. Блаватская. – Москва: АСТ, 2017. – 1407 с.
17. Рерих, Н.К. Агни-Йога / Н.К. Рерих. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 768 с.
18. Гурджиев, Г. И. В поисках Бытия: Четвертый Путь к Сознанию / Г.И. Гурджиев. – пер. с англ.. – Москва: ООО Книжное издательство «София», 2022. – 256 с.
19. Успенский, П.Д. Новая модель вселенной / П.Д. Успенский. – пер. с англ.. – СПб: Издательство Чернышева, 1993. – 560 с.
20. Hammer, Olav The Cambridge Companion to New Religious Movements (Cambridge Companions to Religion) / Olav Hammer, Mikael Rothstein. – New York: Cambridge University Press, 2012. – 330 с. – ISBN 978-1107487338.
21. Толле, Экхарт Новая земля. Пробуждение к своей жизненной цели / Экхарт Толле. – пер. с англ. Г.П. Тимошинова. – Москва: РИПОЛ классик, 2013. – 336 с.
22. Толле, Экхарт Сила настоящего / Экхарт Толле. – пер. с англ.. – Москва: ООО Книжное издательство «София», 2015. – 256 с.
23. Дипак, Чопра Путь волшебника: 20 уроков Мерлина. Как строить жизнь по своему желанию / Чопра Дипак. – пер. с англ.. – Москва: ООО Издательство «София», 2014. – 192 с.
24. Берн, Ронда Магия / Ронда Берн. – пер. с англ. И. б. Иванова. – Москва: Эксмо, 2014. – 296 с.

ESOTERIC TEACHINGS AS THE BASIS OF NEW FORMS OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS

Stepanenko N.A.

Saint Petersburg State University

The latest technological revolution, associated with the widespread digitalization of all life processes of modern man, could not but affect his spiritual sphere. The purpose of this study is a new form of spirituality, which often finds its place of worship in the media space. Such spirituality in the form of new digital religious movements (NRMs) not only declares new meanings, but also has fundamentally new forms, with the latter often having a predominant meaning. However, isn't the presumption of novelty of the concepts of digital NRMs an illusion in the eyes of a person of mass culture, while in fact the fundamental theses are borrowings from pre-existing spiritual concepts? Using the method of historical, semantic and axiological analysis, as well as participant observation method, the article attempts to highlight the parallel between the esoteric teachings of the past and the new forms of digital NRMs. In conclusion, it is stated that esoteric teachings have largely become a symbolic and semantic resource for the formation of new concepts of network religiosity.

Keywords: digital new religious movements, network religiosity, network pop religions, esoteric teachings, esotericism, new spirituality.

References

1. Barker, Eileen New Religious Movements/ Practical introduction / Eileen Barker. – London: HMSO Publications Centre, 1989. – 250 p.
2. Balagushkin E.G. New Religious Cults, Movements and Organizations in Russia. – 2nd edition, supplemented and revised. – Moscow: Russian Academy of Public Service, 1998. – 346 p.
3. Kanterov I.Y. New Religious Movements in Russia: (Religious Analysis) / I.Y. Kanterov; Igor Kanterov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Institute of Re-Preparation. and professional development for teachers of social sciences and humanities. – Moscow: b.i., 2006. – 467 p.
4. Wallis, R. Three types of new religious movements In *Cults in Context* / Wallis, R./ Routledge 2018/ p. 39–71
5. Thomas Robbins, Dick Anthony, James Richardson Theory and Research on Today's "New Religions" / Thomas Robbins, Dick Anthony, James Richardson/ Oxford. – *Sociology of Religion*, Volume 39, Issue 2, Summer 1978, Pages 95–122
6. Bainbridge, W.S. New age religion and irreligion / W.S. Bainbridge. – London: Sage Publications, 2007. – 249 с.

7. Hanegraaf, Wouter Jacobus (1961-). *Western Esoteriaum [Text]: a guide for the confused* / Wouter J. Hanegraaf; [transl. from English by E. Zorya]. – Moscow: Rudomino Book Center, 2016. – 253 p.
8. Vkontakte: site. Available at: <http://vk.com/realv> (accessed: 05.01.2026) (the art of reality management)
9. Vkontakte: site. Available at: <http://vk.com/silapozitivnogomyshlenia> (accessed: 05.01.2026)
10. Vkontakte: site. – URL: <http://vk.com/thoughtmaterial> (data obrashcheniya: 05.01.2026) (Mysl materialna)
11. Vkontakte: site. Available at: http://vk.com/transurfing_vk (accessed: 05.01.2026) (Reality Management)
12. Transition to TAK. Awareness. [Electronic resource]: t.me/perexodvtak
13. YES – the frequency of your Self [electronic resource]: t.me/YES_te_me
14. Vernadsky, V.I. *Russkii kosmizm [Russian cosmism]. Scientific understanding of the earthly world and the Universe.* / V.I. Vernadsky. – Moscow: Rodina, 2024. – 224 p.
15. Frank F. *Filosofiya nauki [Philosophy of Science].* – Moscow: LKI, 2010. – 512 p.
16. Blavatsky, E.P. *Secret Doctrine. Cosmogogenesis. Anthropogenesis* / H.P. Blavatskaya. – Moscow: AST, 2017. – 1407 p.
17. Roerich, N.K. *Agni-Yoga* / N.K. Roerich. – Moscow: AST Publishing House, 2024. – 768 p.
18. Gurdjieff G.I. *In Search of Being: The Fourth Way to Consciousness* / G.I. Gurdzhiev. – transl. from English. – Moscow: OOO Book Publishing House "Sofia", 2022. – 256 p.
19. Uspensky P.D. *Novaya model' vselennogo [A new model of the universe].* – transl. from English. – St. Petersburg: Chernyshev Publishing House, 1993. – 560 p.
20. Hammer, Olav *The Cambridge Companion to New Religious Movements (Cambridge Companions to Religion)* / Olav Hammer, Mikael Rothstein. – New York: Cambridge University Press, 2012. – 330 c. – ISBN 978-1107487338.
21. Tolle, Eckhart *The New Land. Awakening to Your Life Purpose* / Eckhart Tolle. – transl. from English by G.P. Timoshinov. – Moscow: RIPOL classic, 2013. – 336 p.
22. Tolle, Eckhart *The Power of the Present* / Eckhart Tolle. – transl. from English. – Moscow: OOO Knizhnoe izdatelstvo "Sofia", 2015. – 256 p.
23. Deepak, Chopra *The Wizard's Way: Merlin's 20 Lessons. How to build a life according to your desire* / Chopra Deepak. – transl. from English. – Moscow: OOO Publishing House "Sofia", 2014. – 192 p.
24. Bern, Rhonda *Magic* / Rhonda Berne. – transl. from English by I.B. Ivanov. – Moscow: Eksmo, 2014. – 296 p.

Национальная и религиозная идентичности как конфликтогены трансформации современной культуры

Швачкина Людмила Александровна,

доктор философских наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области
E-mail: Shvachkina@mail.ru

Родионова Валентина Ивановна,

доктор философских наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области
E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Могилевская Галина Исаевна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области
E-mail: gimog@mail.ru

В статье исследуется трансформация национальной и религиозной идентичностей в условиях современности, в рамках которой данные феномены приобретают характер конфликтогенов. Вопреки классическим секуляризационным теориям, глобализация не приводит к исчезновению религии и национальную идентичность, а инициирует их реконфигурацию и возвращение в публичную сферу. Данные феномены, исторически имеющие общие корни в коллективных представлениях о власти и спасении, формируют в обществе т гибридные идеологии. Особое внимание уделяется двойственной природе идентичности: она выступает одновременно как основа социальной интеграции и как инструмент мобилизации в условиях «культурных войн». Показано, что в секуляризирующейся среде религиозные практики парадоксальным образом усиливают межрелигиозную враждебность, поскольку угроза со стороны секуляризма заставляет общество жестче очерчивать групповые границы. Аналогичные процессы наблюдаются в сфере национальной идентичности, где патриотизм сменяется агрессивным национализмом, мифологизирующим «золотой век» и образ врага. Современная культура воспроизводит конфликты не вопреки модернизации, а вследствие её внутренних противоречий: глобальный универсализм провоцирует ответный рост партикуляризов, а кризис идентичности компенсируется эскалацией символических и политических размежеваний.

Ключевые слова: национальная идентичность, религиозная идентичность, конфликтоген, множественность, секуляризация, культурные войны, политизация религии, национализм.

Введение

Современная культура переживает фундаментальную трансформацию, ключевым вектором которой становится обострение ценностно-цивилизационных противоречий. В глобализованном мире выбор культурной идентичности приобретает императивный характер, а конкуренция символических систем порождает новые типы единения и одновременно – новые линии разлома. В этом контексте национальная и религиозная идентичности, традиционно выступавшие основаниями социальной интеграции, всё чаще проявляют себя как конфликтогены. Парадокс заключается в том, что механизмы, веками обеспечивавшие воспроизводство культурной традиции и межпоколенческую связь, сегодня оказываются в эпицентре столкновений – от «культурных войн» внутри национальных государств до цивилизационных размежеваний глобального масштаба.

Происходит девальвация институционального измерения религии при одновременной политизации религиозных идентичностей. Феномен «веры без принадлежности», фиксируемый среди поколений Y и Z, сосуществует с попытками государств использовать традиционные религии как опору суверенитета и инструмент противостояния западному индивидуализму. Национальная идентичность утрачивает статичность: конфликтные зоны превращаются в лаборатории инноваций идентичности, где культурные составляющие адаптируются, гибридизируются и изобретаются как новые [3]. Миграционные процессы и крах политики мультикультурализма обнажили мировоззренческий раскол на «своих» и «чужих», где религиозные маркеры воспринимаются как угроза национальной культурной специфике.

Цель данной статьи – выявить механизмы, посредством которых противоречия национальной и религиозной идентичностей выступают движущей силой трансформации современной культуры. В фокусе внимания находится переход от «конфликта в культуре» к «конфликту культуры» как способа ее самоизменения.

Обсуждение и результаты

Для современного человека более целесообразно использовать понятие «макроидентичность». Это понятие включает различные аспекты, такие как этническая, национальная, гражданская и социально-групповая идентичность, определяемая по различным критериям, таким как демография, религия, профессиональная принадлежность и другие [10]. С одной стороны, это способствует объединению людей и общества в целом. Однако это же понятие может привести к социальному расколу из-за чувства непонимания и чуждости между различными группами общества.

Ключевым конфликтогенным механизмом, фиксируемым в современной европейской науке, является феномен культурализации религии. В условиях секуляризации религия перестаёт выступать как система верований, но превращается в маркер цивилизационной идентичности. Происходящие повсеместно процессы глобализации вызвали к жизни и обратные процессы: попытки ряда этнических групп сохранить свою социальную и культурную идентичность. Данные процессы имеют как позитивные, так и негативные следствия. Основное позитивное следствие состоит в укреплении национального самосознания, не позволяющего той или иной группе стать объектом манипуляций со стороны других этносов. Негативным следствием является такое явление как фундаментализм, порождающий нетерпимость, враждебность и, в предельном случае, терроризм [9].

Религиозные символы присваиваются государством и националистическими движениями не как объект веры, а как элемент «культурного наследия». Это позволяет, с одной стороны, декларировать секулярный характер государства, а с другой – легитимно исключать «религиозных других», чья религия не может быть перекодирована в «культуру» на тех же основаниях. В Швеции, например, это проявляется в росте «христианского национализма» при фактически нулевом росте религиозности: 48% идентифицируют себя как протестанты, но лишь 4,5% посещают церковь. Культура перестаёт быть нейтральным полем диалога и становится ареной борьбы за символическую власть, где «своя» религия маркируется как традиция, а «чужая» – как угроза [1].

Когда государство наделяет религиозные институты бюрократическими функциями и официально признаёт только определённые

формы религиозной идентичности, возникает разрыв между «декларируемой» (официальной) и «живой» (переживаемой) религией [7]. Это сказывается негативно на наиболее уязвимых группах, чьи личные духовные практики и социальные ценности оказываются невидимыми для государства. Культурный ландшафт поляризуется: с одной стороны – официальные формы идентичности, с другой – маргинализованные, но реально практикуемые традиции.

Столкновение ценностных систем можно проследить на примере исследования религиозных установок молодого поколения в Таиланде, где традиционные религиозные идеологии вступают в прямой конфликт с ценностями индивидуальной автономии, гендерного равенства и научной рациональности. Молодёжь не уходит из религии полностью, но практикует «веру без принадлежности». Конфликт возникает не между религией и атеизмом, а между институциональным авторитетом и личным выбором. Традиционные иерархии (гендерные, возрастные, кастовые) воспринимаются как несправедливые. Это порождает дискриминацию меньшинств, женщин и нерелигиозных людей внутри религиозных сообществ. Возникают гибридные, синкретические формы духовности, формируемые вне традиционных институтов, что делает невозможным поддержание единого культурного канона.

Ряд источников рассматривают конфликт идентичностей в макроисторической перспективе – как цивилизационное противостояние [8]. Здесь конфликтогеном выступает сама попытка конструирования идентичности на основе противопоставления коллективистского традиционализма (Россия, Восток) и либерального индивидуализма (Запад). Указ Президента РФ № 809 рассматривается как инструмент легитимации новой ценностной рамки, где традиционные религии (православие, ислам, буддизм, иудаизм) объявляются фундаментом гражданской идентичности. Наука и образование превращаются в арену конфликта. Востоковедение, например, должно преодолеть когнитивную зависимость от западной методологии. Культура перестаёт быть универсальной; происходит её суверенизация, что на уровне взаимодействия культур ведёт к росту взаимного непонимания и требует подготовки особых «медиаторов» (бикультурных специалистов).

На примере Балкан видна дилемма европейской интеграции: одновременное стремление к наднациональной (европейской) идентичности и защита национальной культурной самобытности. Выделяются две модели: «конвергенция» (гармоничное совмещение идентичностей, Хорватия) и «дивергенция» (восприятие европейской интеграции как угрозы, рост национализма, Сербия). Конфликтогенность порождается не наличием разных идентичностей, а страхом их утраты. Происходит усиление этноцентризма, актуализация исторической памяти, конкуренция официальных и альтернативных нарративов истории [6].

Современные медиа, и особенно социальные сети, выступают не просто трансляторами, но катализаторами конфликтов идентичностей. Алгоритмы формируют установки, где национальная или религиозная идентичность постоянно подтверждается и радикализируется. Иммиграция и культурное разнообразие становятся «взрывными» темами. Конфликт переходит из идеологической плоскости в аффективную: идентичность становится тотальной, поляризуя все сферы жизни (от политики до бытового общения) [5]. Демократический диалог затрудняется. Происходит культурализация гражданства – требования к мигрантам ассимилироваться в доминантную культуру ужесточаются. Но решение данной проблемы – не в отказе от мультикультурализма, а в построении «мультикультурной национальной идентичности».

Национальная и религиозная идентичности становятся конфликтогенами не в момент их существования, а в момент их политической мобилизации и институционального закрепления в условиях асимметрии (когда «чужая» идентичность не может быть легитимирована как «культура»); иерархии (когда официальная идентичность подавляет живые, неинституционализованные формы); поляризации (когда сложные идентичности редуцируются до бинарных оппозиций); цифровой медиатизации (когда алгоритмы усиливают аффективный разлом).

Современная культура трансформируется из поля поиска смыслов в поле символической войны, где идентичность становится одновременно и оружием, и жертвой. Перспективным способом снижения конфликтогенности видится не отказ от идентичности, а признание её множественности, гибридности и текучести, а также восстановление автономии индивида по отношению к любой групповой идентичности [4].

Современные исследователи сходятся во мнении, что в эпоху глобализации, цифровизации и миграционных кризисов идентичность перестаёт быть статичной и превращается в гибридный конструкт. Это создает парадоксальную ситуацию: чем интенсивнее универсализация культурных стандартов, тем настойчивее становится поиск особенности.

На глобальном уровне конфликт идентичностей оформляется как противостояние традиционных обществ и постхристианского либерального Запада. Религия в данном контексте перестаёт быть исключительно сферой частного благочестия и превращается в маркер цивилизационной принадлежности. В российском дискурсе это закреплено нормативно: Указ Президента РФ № 809 (2022) впервые после 1991 года определил традиционные духовно-нравственные ценности (православие, ислам, буддизм, иудаизм) как основу общероссийской гражданской идентичности. Это решение, с одной стороны, легитимизирует религию в публичном пространстве, с другой – фиксирует линию конфликта с альтернативными ценностными системами [3].

Наиболее остро противоречие проявляется в обществах, переживших советский опыт воинствующего атеизма. Например, в Кыргызстане и Казахстане фиксируется поляризация, движущаяся к крайностям с обеих сторон. Светскость, призванная быть нейтральной, деградирует в «агрессивный атеизм» и неоязычество. Религиозная среда в ответ порождает маргинальные течения, включая такфир (обвинение в неверии). В результате национальный и конфессиональный факторы превращаются из инструментов интеграции в инструменты раскола внутри одного народа. Дефицит понимания базовых понятий (что есть светскость, что есть национальная традиция) провоцирует конфликты в социальных сетях и публичном дискурсе.

Религиозная идентичность сама по себе конфликтогенна лишь в фазе становления, когда она используется для компенсации утраченной или ущемленной национальной идентичности. Традиционная религиозность, напротив, снижает конфликтный потенциал.

В условиях России этническая и религиозная идентичности не могут служить фактором нациестроительства. Национализм – это всегда разделение на «своих» и «чужих», унификация и подавление меньшинств. Для многосоставного общества (России) более органична имперская модель, где государство видит смысл не в создании нации, а в защите всех народов и поддержании порядка между ними. Религия с точки зрения универсализма не нуждается в национальной консолидации.

Конфликт между исламом, национальной идентичностью и демократией – результат недопонимания. Мировая практика (Великобритания, Германия) демонстрирует модели, где государство сохраняет нейтралитет, но сотрудничает с религиозными организациями. Французский секуляризм и советский атеизм – это исключения, а не норма. Баланс возможен, если религия не изгоняется из публичной сферы, но и не становится инструментом давления.

Ценностный конфликт идентичностей – не патология, а данность многополярного мира. Задача гуманитарных наук – не устранение конфликта, а подготовка медиаторов (бикультурных специалистов), способных переводить деструктивную энергию в конструктивное русло.

Обобщая результаты обсуждения, можно зафиксировать следующие направления трансформации современной культуры под воздействием конфликта идентичностей. Религия возвращается в публичную сферу не только как вера, но как политический и культурный маркер, что неизбежно порождает трения с секулярными институтами. Происходит взаимное заражение: национальные традиции обретают сакральный статус, а религиозные практики начинают восприниматься как этнические маркеры. Это усиливает конфликтогенность на границах групп. Наиболее взрывоопасной группой являются не носители традиции, а те, кто обретает идентичность в зрелом возрасте.

Таким образом, национальная и религиозная идентичности выступают конфликтогенами не по своей сути, а по способу употребления. Они становятся деструктивными там, где государство и элиты используют их для унификации и подавления, и остаются основой солидарности там, где культивируется баланс и уважение к «другому».

Выводы

В условиях размывания традиционных социальных структур (крушение биполярного мира, кризис национальных государств, секуляризация) национальная и религиозная идентичности превращаются в инструменты психологической самозащиты от хаоса информационного общества. Конфликтогенность возникает из-за того, что идентичность сегодня часто конструируется через негативную оппозицию («мы – не они»). Чем быстрее меняется мир, тем агрессивнее становятся формы утверждения коллективного «Я».

Религиозная идентичность становится конфликтогеном там, где она замещает собой отсутствующую или слабую гражданскую идентичность. Она предлагает простые ответы на сложные вопросы и создает параллельную систему легитимации власти, бросая вызов светскому государству. Это приводит к феномену «политизации религии» и «религиозизации политики».

Современная культура (особенно западная) стремится к горизонтальным, сетевым формам самоорганизации, национальная и религиозная идентичности, напротив, являются вертикальными и архаичными – они основаны на идее иерархии, традиции и культа предков. Конфликтогенность заложена в самой структуре восприятия времени: модернистская культура смотрит в будущее (прогресс), тогда как религиозно-национальная традиция часто сакрализирует прошлое. Культурная война – это конфликт за право определять, что legitimately, а что является девиацией.

Глобализация не стирает национальные различия, а делает их более заметными. Возникает феномен «глокализации»: локальные культуры используют глобальные технологии (соцсети, Telegram) для продвижения ультраконсервативных или националистических повесток. Национальная идентичность становится конфликтогеном не сама по себе, а будучи «упакованной» в современные медиа. Парадокс в том, что архаика возвращается через самые инновационные каналы коммуникации, превращая культуру в поле информационной войны.

Цифровые медиа и социальные сети играют ключевую роль в трансформации религиозного ландшафта, предлагая новые формы взаимодействия и коммуникации между верующими. Цифровая религия, характеризующаяся созданием виртуальных религиозных пространств и доступностью религиозного контента, обеспечивает беспрецедентные возможности для личного духовного развития и коллективного религиозного участия. Однако вместе с этим она ставит перед религиозными сообществами новые вопросы, связанные с авторитетом, традицией и подлинностью религиозного опыта [2].

В обществе потребления национальные и религиозные символы часто превращаются в бренды, что порождает раскол внутри самой идентичности: между фундаменталистами (ищущими чистоты) и обывателями (потребляющими стиль). Конфликт переходит из плоскости «мы – они» во внутреннюю плоскость «мы – неправильные мы». Радикализм часто является реакцией на профанацию святынь, попыткой очистить идентичность от рыночных искажений.

Массовые миграционные потоки сделали национально-религиозные различия не абстрактной теорией, а повседневной реальностью европейских городов. Конфликтогенность взрывается в точке столкновения «культурного большинства» (испытывающего страх исчезновения) и «диаспор» (испытывающих давление аккультурации). Современная культура не выработала эффективных механизмов синтеза, балансируя между сегрегацией и принудительной ассимиляцией. Это вызывает кризис идентичности у принимающих сообществ, которые воспринимают толерантность как угрозу своему выживанию.

Национальная и религиозная идентичности становятся конфликтогенами не вопреки трансформации современной культуры, а благодаря ей. Пока глобальный мир не предложит человеку равноценную замену чувству принадлежности к «родному – вечному – священному», эти идентичности будут оставаться детонаторами культурных взрывов. Единственным способом снижения конфликтогенности является не борьба с идентичностью, а переход от конкурентной модели к диалоговой модели, что требует колоссальной трансформации гуманитарного образования и медийной политики.

Литература

1. Идрисов А.Ж. Религиозная идентичность в зарубежных исследованиях: конструктивистский подход // *Философия религии и религиозное ведение*. 2020. № 5. С. 155–158.
2. Пелевин С.И. Трансформация религиозной идентичности современного общества в контексте глобализации: анализ влияния социальных сетей на религиозные сообщества и практики // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2024. Том 13. № 3А. С. 30–37.

3. Подвойский Д.Г. Мужчины, женщины, ... племена, народы: как живет человек среди его конструктов? Ч. 1–2 // *Социологические исследования*. 2023. № 3. С. 115–125; № 4. С. 141–152.

4. Солеймани С. Границы религиозной идентичности в социологии // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 6. С. 76–79.

5. Солеймани С. Методологические трудности измерения религиозной идентичности и некоторые возможности их преодоления // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 12. С. 117–120.

6. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

8. Ханова Р.В. Религия как социокультурное явление // *Социально-гуманитарные знания*. 2022. № 3. С. 246–250.

9. Шиндель С.В., Семухина Е.А. Проблема сохранения этнокультурной идентичности в XXI веке: методологический аспект // *Культура и цивилизация*. 2022. Том 12. № 1А. С. 221–230.

10. Штединг Л.П. Религиозная идентичность как конфликтоген в организациях // *Молодой ученый*. 2024. № 29 (528). С. 176–178.

NATIONAL AND RELIGIOUS IDENTITIES AS CONFLICT GENERATORS IN THE TRANSFORMATION OF MODERN CULTURE

Shvachkina L.A., Rodionova V.I., Mogilevskaya G.I.
Don State Technical University in Shakhty of Rostov Region

This article examines the transformation of national and religious identities in a modern context, where these phenomena are becoming conflict-generating. Contrary to classical secularization theories, globalization does not lead to the disappearance of religion and national identity, but rather initiates their reconfiguration and return to the public sphere. These phenomena, historically rooted in collective notions of power and salvation, form hybrid ideologies in society. Particular attention is paid to the dual nature of identity: it simultaneously serves as the basis for social integration and as a tool for mobilization in the context of "culture wars." It is shown that in a secularizing environment, religious practices paradoxically increase interreligious hostility, as the threat posed by secularism forces communities to more rigidly delineate group boundaries. Similar processes are observed in the sphere of national identity, where patriotism is giving way to aggressive nationalism, mythologizing a "golden age" and the image of the enemy. Contemporary culture reproduces conflicts not despite modernization, but as a result of its internal contradictions: global universalism provokes a counter-growth of particularisms, and the identity crisis is offset by an escalation of symbolic and political divisions.

Keywords: national identity, religious identity, conflict generator, plurality, secularization, culture wars, politicization of religion, nationalism.

References

1. Idrisov A. Zh. Religious Identity in Foreign Research: A Constructivist Approach // *Philosophy of Religion and Religious Studies*. 2020. No. 5. Pp. 155–158.
2. Pevlevin S.I. Transformation of Religious Identity in Modern Society in the Context of Globalization: An Analysis of the Influence of Social Networks on Religious Communities and Practices // *Context and Reflection: Philosophy of the World and Man*. 2024. Vol. 13. No. 3A. Pp. 30–37.
3. Podvoisky D.G. Men, Women, ... Tribes, Peoples: How Does a Person Live Among His Constructs? Parts 1–2 // *Sociological Research*. 2023. No. 3. Pp. 115–125; No. 4. Pp. 141–152.
4. Soleimani S. Boundaries of Religious Identity in Sociology // *Theory and Practice of Social Development*. 2022. No. 6. Pp. 76–79.
5. Soleimani S. Methodological Difficulties in Measuring Religious Identity and Some Possibilities of Overcoming Them // *Theory and Practice of Social Development*. 2022. No. 12. Pp. 117–120.
6. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Moscow: Astrel, 2006. 1176 p.
7. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p.
8. Khanova R.V. Religion as a Sociocultural Phenomenon // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2022. No. 3. Pp. 246–250.
9. Shindel S.V., Semukhina E.A. The Problem of Preserving Ethnocultural Identity in the 21st Century: Methodological Aspect // *Culture and Civilization*. 2022. Vol. 12. No. 1A. Pp. 221–230.
10. Shteding L.P. Religious Identity as a Conflict Generator in Organizations // *Young Scientist*. 2024. No. 29 (528). Pp. 176–178.

Эволюция раннего советского конституционализма в 20-е гг. XX века

Бакшеев Андрей Иванович,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Андренко Олег Валерьевич,

к.б.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России,
E-mail: andrenko@yandex.ru

Турчина Жанна Евгеньевна,

к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina – 09@mail.ru

Тяжелников Юрий Александрович,

к.м.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: sargon72@yandex.ru

Спирина Александра Александровна,

преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: Aspirinka-007@yandex.ru

В работе представлены основные положения первых советских конституций, действующих в правовом поле с июля 1918 г. по ноябрь 1936 г. Авторами изображена картина советского конституционализма, зарождавшегося в первые десятилетия существования Советского государства. В статье отмечены особенности раннего советского конституционализма, подчеркивается преемственность таких вопросов, как конкретная структура государственной власти.

Ключевые слова: Конституция, конституционализм, Совет народных комиссаров (СНК), Всероссийский центральный исполнительный комитет советов (ВЦИК), военный коммунизм, Новая экономическая политика (НЭП).

Введение

История советского конституционализма является чрезвычайно интересным феноменом. Прежде всего, это в некоторой степени иллюстрирует эволюцию правовой системы и конституционного строя советского государства. Доктрина «советского конституционализма» показывает очень отдаленную от действительности декларацию, которая широко использовалась коммунистической пропагандой и широко популяризовалась, в том числе, вне социалистических государств. Однако на деле она показывала расхождение в теории и практике «первого государства рабочих и крестьян», которое колеблется от утопизма и революции до большего практического реализма, включая выравнивание заявленных принципов с изменяющейся реальностью, которая работает в манере, несовместимой с предположениями аксиоматически трактуемой идеологии. В строго юридическом смысле советский конституционализм также демонстрирует эволюцию от правового нигилизма к позитивистской системе, первоначально понимаемой как всемогущество государства и конституционно развитые демократические принципы. Таким образом, в основе «советского конституционализма» лежали утопические принципы эгалитаризма и требования построения государства нового типа [1].

Цель статьи: анализ основных положений первых советских конституций и особенностей раннего советского конституционализма.

Материалы и методы

В исследовании был использован комплексный методологический подход, сочетающий анализ научной литературы, посвященный проблеме научной публикации; метод обобщения результатов исследования.

Основное содержание статьи

Первая в истории Советского государства конституция была разработана в начале 1918 года после кардинальной смены власти и роспуска законно избранного Учредительного собрания. Конституционным комитетом Съезда Советов, а фактически Советом народных комиссаров (СНК), был разработан проект Конституции РСФСР, которая была принята 10 июля 1918 года на V Всероссийском Съезде Советов без какого-либо серьезного обсуждения и вступила в силу сразу после принятия.

В формальном смысле Конституция 1918 г. демонстрировала сходство с конституциями других демократических государств и называлась, как и в европейских странах, «Основным Законом». Документ был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР)» от 20 июля 1918 года и в период военного коммунизма неоднократно переиздавался в виде отдельной брошюры.

В отличие от многих других законодательных документов Советского государства, Конституция содержала краткую преамбулу, подтверждающую отмену частной собственности на землю, ранее утвержденную Декретом о Земле, национализацию лесов, недр, воды и производственных мощностей промышленности и сельского хозяйства. Другими особенностями стали введение в Конституцию «всеобщей трудовой повинности» и декларирование всеобщего «вооружения трудящихся».

Вместе с тем, в Конституции 1918 г. было немало популистских положений. Так, осуждалась, например, политика «буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров... на порабоощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах». Основными политическими целями РСФСР были задекларированы ликвидация «эксплуатации человека человеком», полное устранение разделения на классы, «беспощадное» подавление эксплуататоров, обеспечение социалистической организации общества и победы социализма во всех странах.

Ряд положений Конституции 1918 г. был посвящен социальным (право на «всестороннее и бесплатное образование») и политическим правам, таким как свобода печати, слова, право на свободу вероисповедания, свободу собраний, митингов, шествий и т.д. Однако права, о которых идет речь, в подавляющем большинстве представлялись лишь «трудящимся» или «бедноте» [2].

При этом Конституция РСФСР ввела неравенство граждан, лишив часть из них политических и социальных прав. На первый взгляд, ограничения ст. 65 касались только активного и пассивного избирательного права. Однако этот принцип был расширен положением Консти-

туции (ст. 23), в котором говорится, что «руководствуясь интересами всего рабочего класса в целом», РСФСР «лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Наиболее подробно Конституция РСФСР регулировала структуру советской власти. На центральном уровне ее представлял Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, который избирался пропорционально в двух административных единицах – в городские Советы (один делегат на 25000 избирателей) и губернские съезды Советов (один делегат на 125000). Подобная процедура привела к отделению депутатов от избирателей, превращение их в некую замкнутую касту, несмотря на заявленную возможность отзыва депутатов в любое время. При этом, в Конституции РСФСР не упоминаются практически никакие полномочия съезда Советов, ограничиваясь утверждением, что съезд Советов является высшей властью в РСФСР и должен созываться не реже двух раз в год Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов (ВЦИК).

По сути, ВЦИК, как и до принятия Конституции, представлял собой парламент, на который были возложены одновременно полномочия высшего законодательного, управленческого и контрольного органа государства, а также «управление общего направления деятельности правительства». Согласно Конституции, ВЦИК образует Совет народных комиссаров (СНК), утверждает проекты декретов и других нормативных актов, вносимых СНК и другими центральными органами власти. Как пишет Л.И. Шульженко, на самом деле в Советском государстве этого периода существовало три законодательных института: Съезд Советов, ВЦИК и СНК [3].

С начала образования Советского государства основным органом управления был СНК в составе восемнадцати членов, действовавших под руководством председателя, что нашло подтверждение и в Конституции. Вместе с тем, СНК являлся не просто исполнительным органом в соответствии с принципом разделения властей, поскольку Конституция 1918 г. давала ему право «издавать декреты, распоряжения, инструкции» и предпринимать все необходимые шаги «для правильного и быстрого течения государственной жизни». И, несмотря на то, что ВЦИК было предоставлено право отменять или приостанавливать действие любого постановления или решения СНК, это право практически никогда не использовалось [4]. Ограничением полномочий ВЦИКа было также положение, предоставляющее СНК право непосредственно осуществлять мероприятия, требующие немедленного решения.

Аналогичная система применялась и к местным органам власти, городским и сельским Советам, а также областным, губернским, уездным и волостным съездам Советов, между которыми властью обладали, как правило, соответствующие исполнительные комитеты. Данная система была полностью иерархической и не допускала какого-либо самоуправления местных органов власти. Таким образом, была создана пирамида власти, с номинальным главенством ВЦИК, однако полномочия последнего ограничивались СНК, который осуществлял реальную власть [5].

Компетенция многих важных институтов власти вообще не была включена в Конституцию. Это касалось, в первую очередь, РКП (б), которая была единственной политической силой, представленной в СНК с середины 1918 года и имела абсолютное большинство в центральных учреждениях (ВЦИК) и местных Советах [6].

Конец «военного коммунизма» и приход Новой экономической политики (НЭП) подразумевали необходимость принятия иного правового порядка, чем в 1918–1921 гг. Необходимость принятия новой конституции также была продиктована созданием 30 декабря 1922 года нового государственного образования СССР, а формально предыдущая конституция могла применяться только на территории РСФСР. СССР с самого начала был единым, централизованным государством, однако, как и ранее, централизация скрывалась за фасадом официально декларируемой независимости составляющих его союзных республик [7].

Новая конституция стала первой Конституцией СССР и вступила в силу 31 января 1924 года. Первой частью новой Конституции стала «Декларация об образовании СССР», в первых же строках которой декларировалось противопоставление «лагеря капитализма» и «лагеря социализма». Второй частью Конституции стал «Договор об образовании СССР». Отметим, что Конституция 1924 г. по сравнению с последующими Конституциями, характеризовалась наименьшим количеством нововведений, главным из которых был принцип федерализма.

Конституция СССР 1924 г. провозгласила полный суверенитет союзных республик, который был ограничен только вопросами, указанными в Основном законе и отнесенными к компетенции властей «Союза» (с момента принятия Конституции 1924 г. этот термин во многих

законодательных актах, включая Конституцию, обозначал СССР). Такое формальное включение многих полномочий в круг ведения союзных республик было несомненным новшеством советского законодательства. Каждая республика также получала свободу выхода из СССР, которая, однако, была существенно ограничена согласием всех остальных республик, выраженным единогласно (ст. 6 Конституции) [8].

Союзные республики, в соответствии с Конституцией СССР, также по-прежнему могли иметь собственные конституции и собственное гражданское и уголовное законодательство; они формировали свои республиканские органы законодательной и исполнительной власти, включая правительства (СНК республик), судебные органы и прокуратуру.

Структура органов власти по Конституции 1924 г. осталась схожей с установленной в Основном законе 1918 г. Были изменены лишь названия некоторых органов. Законодательную ветвь власти представлял, как и ранее, Съезд Советов, в период между заседаниями которого, как и ранее, действовал Всесоюзный центральный исполнительный комитет (ЦИК СССР, далее – ЦИК). В качестве новшества отныне ЦИК состоял из двух палат: Союзного Совета и Совета Национальностей. Обе палаты избирались депутатами от всех субъектов СССР пропорционально их населению.

Разделение ЦИК на две палаты имело очевидное национальное обоснование. Комитет состоял из представителей всех национальных групп, имеющих территориальное представительство. Однако еще одним аргументом может быть повышение качества законодательства, которое должно было быть сначала принято Союзным Советом, а затем – Советом Национальностей [9].

Другое новшество заключалось в формализации институтов, упоминания о которых не было в Конституции 1918 г., но которые играли большую роль в Советском государстве. Отдельные главы новой Конституции регулировали деятельность Президиума ЦИК, институтов правосудия, в том числе включенного в отдельную главу Верховного суда СССР и его прокуратуры, а также института Объединенного Государственного Политического Управления (ОГПУ). Следует отметить, что Конституция 1924 г. была единственной Конституцией СССР, в которой полномочия политической полиции были определены в Основном законе (в отдельной главе) [10].

Согласно Конституции 1924 г., ОГПУ было создано для «объединения революционных усилий союзных республик в борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». Таким образом, компетенция ОГПУ охватывала вопросы, подпадающие под юрисдикцию политической полиции и органов правопорядка. ОГПУ было создано при СНК, обладало значительными компетенциями, а его председатель входил в состав правительства. Вероятно поэтому, согласно Конституции, надзор за деятельностью ОГПУ осуществлял прокурор Верховного суда (института Генерального прокурора СССР не существовало до 1933 года) и соответствующий прокурор на местном уровне для органов ГПУ союзных республик.

Конституция 1924 г. также включала отдельную главу о судебной власти, где впервые упоминалось такое понятие как «справедливость». Согласно Конституции, Верховный Суд, состоящий из пленарного заседания и четырех коллегий, сосредоточил в себе институт высшей судебной власти в стране, выносящий решения по делам высших должностных лиц СССР в связи с ненадлежащим исполнением ими своих полномочий и по спорам о компетенции между всеми органами власти и управления в советском государстве. Верховный суд был создан при ЦИК, что, вполне вероятно, предполагало верховенство парламента над ним. В его состав входили одиннадцать членов, в том числе представитель ОГПУ.

Следует особо отметить, что в отличие от предыдущей Конституции в Конституции 1924 г. не были сформулированы права и обязанности граждан. Это, конечно, не означает, что права или обязанности исчезли, однако они не были определены конституционно. Единственным признаком того, что Конституция предоставляет гражданам права, было введение концепции «революционной законности» (ст. 43), согласно которой Верховный суд существовал для «утверждения революционной законности», что могло предполагать отход от идеологии правового нигилизма периода военного коммунизма. Однако, значение термина «революционная законность» никогда официально не определялось [11].

За двенадцать лет существования Конституции 1924 г. в нее пять раз вносились незначительные изменения, которые касались названий народных комиссариатов (включая их разделение) и ликвидации ряда административных органов. Эти изменения не отражали кардинальных изменений в СССР того времени, к которым относились ликвидация Новой экономической политики, форсированное развитие тяжелой промышленности и проведенная в то время коллективизация

(1928–1929), а также изменение роли в стране партийной номенклатуры, связанные с приходом в 1926 году И.В. Сталина к абсолютной власти. Именно И.В. Сталин заменил Конституцию СССР 1924 г. новым Основным законом, который был назван его именем.

Заключение

В годы существования Советской России, а с 1922 года СССР, было издано четыре Конституции, каждая из которых символизировала разные этапы эволюции Советского государства. Первой была конституция государства, которое, по мысли его создателей, должно было очень быстро стать коммунистическим. Следующей конституцией стала первая Конституция СССР, построенная на принципах социалистического федерализма. В 1936 году была выпущена конституция, официально именуемая «сталинской», которая ликвидировала многие революционные идеи, первой в истории нового государства заявила о формальном равенстве граждан перед законом и была объявлена самой демократической в мире. Последняя конституция, принятая в 1977 году, должна была стать Основным законом государства развитого социализма.

Литература

1. Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Советский конституционализм как феномен // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 8(236). С. 23–25.
2. Жолобова Г.А. Развитие института прав и свобод человека и гражданина в Конституции РСФСР 1918 г.: к столетию со дня принятия // *Вестник университета им. О.Е. Кутафина*. 2018. № 8. С. 74–91
3. Шульженко Л.И. Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование. – М.: ИГП РАН, 2010. 152 с.
4. Леонова М.А. Советская модель конституционализма в начале ее становления // *Молодой ученый*. 2020. № 44 (334). С. 253–256.
5. Шульженко Ю.Л. Конституция – основа советского конституционализма периода государства диктатуры пролетариата // *Социально-политические науки*. 2018. № 5. С. 152–158.
6. Бакшеев А.И. Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. 2013. Том 4. № 3. С. 102–110.
7. Коровин К.С. Понимание конституционализма и особенностей его советской модели в теоретической юриспруденции // *Проблемы в российском законодательстве*. 2020. № 7. С. 32–40.
8. Балковская В.Г. Формирование теории национального суверенитета в конституционных актах Советского государства // *Legal Bulletin*. 2024. № 1. С. 8–17.
9. Бакшеев А.И. К вопросу о характере «колониальной зависимости» Сибири в XIX–первой четверти XX вв. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 9–13.
10. Гордеев А.Г. Исторический путь Советского государства к Конституции 1924 г // *Вестник университета им. О.Е. Кутафина*. 2024. № 12. С. 121–128.

11. Бакшеев А.И. Проблемы функционирования советского государственного аппарата Сибири в первой половине 1920-х гг. // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2011. № 1(9). С. 123–131.

THE ROLE OF THE CURATOR IN THE FORMATION OF THE CORPORATE CULTURE OF THE ACADEMIC GROUP OF UNIVERSITY STUDENTS

Baksheev A.I., Andrenko O.V., Turchina Zh.E., Tyazhelnikov Yu.A., Spirina A.A.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof.V.F.Voino–Yasenetsky

This paper presents the main provisions of the first Soviet constitutions, effective from July 1918 to November 1936. The authors paint a picture of Soviet constitutionalism as it emerged in the first decades of the Soviet state. The article highlights the characteristics of early Soviet constitutionalism and emphasizes the continuity of issues such as the specific structure of state power.

Keywords: Constitution, constitutionalism, Council of People's Commissars (Sovnarkom), All-Russian Central Executive Committee of Soviets (VTsIK), War Communism, New Economic Policy (NEP).

References

1. Bredikhin A.L., Parfenov N.P. Soviet constitutionalism as a phenomenon // *Agrarian and land law*. 2024. No. 8 (236). Pp. 23–25.
2. Zholobova G.A. Development of the Institute of Human and Civil Rights and Freedoms in the 1918 Constitution of the RSFSR: on the Centenary of its Adoption // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2018. No. 8. Pp. 74–91
3. Shulzhenko L.I. Domestic constitutionalism. Historical and legal research. – Moscow: Institute of State and Humanitarian Policy of the Russian Academy of Sciences, 2010. 152 p.
4. Leonova M.A. The Soviet model of constitutionalism at the beginning of its formation // *Young scientist*. 2020. No. 44 (334). P. 253–256.
5. Shulzhenko Yu.L. The Constitution – the Basis of Soviet Constitutionalism in the Period of the State of the Dictatorship of the Proletariat // *Social and Political Sciences*. 2018. No. 5. P. 152–158.
6. Baksheev A.I. Analysis of the Problems of Defining the Functions of the State during the NEP Period // *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2013. Vol. 4. No. 3. P. 102–110.
7. Korovin K.S. Understanding Constitutionalism and the Features of Its Soviet Model in Theoretical Jurisprudence // *Gaps in Russian Legislation*. 2020. No. 7. P. 32–40.
8. Balkovaya V.G. Formation of the Theory of National Sovereignty in the Constitutional Acts of the Soviet State // *Legal Bulletin*. 2024. No. 1. Pp. 8–17.
9. Baksheev A.I. On the Nature of Siberia's "Colonial Dependence" in the 19th–First Quarter of the 20th Centuries // *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice*. Series: Humanities. 2016. No. 1. Pp. 9–13.
10. Gordeev A.G. The Historical Path of the Soviet State to the 1924 Constitution // *Bulletin of O.E. Kutafin University*. 2024. No. 12. Pp. 121–128.
11. Baksheev A.I. Problems of the Functioning of the Soviet State Apparatus in Siberia in the First Half of the 1920s // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011. No. 1(9). P. 123–131.

Концепция «Кыргыз жараны» как гибридная модель гражданской идентичности и механизмы ее реализации в полиэтничном Кыргызстане

Бектурганова Бахтыгуль Кубанбековна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет

E-mail: b.k.bekturganova@krsu.kg

Актуальность исследования обусловлена поиском эффективных моделей нациестроительства в полиэтничных обществах, где классическая дихотомия гражданской и этнической нации уступает место более сложным гибридным форматам. Концепция «Кыргыз жараны», принятая в Кыргызстане, представляет собой новейший стратегический проект формирования надэтнической гражданской идентичности и требует комплексного научного анализа. Целью статьи является оценка данной концепции как гибридной модели и анализ механизмов ее реализации. Методологическую основу составляют институциональный и дискурс-анализ нормативно-правовых актов, сравнительный метод (сопоставление с моделями Канады и Швейцарии) и анализ данных пилотных социологических исследований. В результатах исследования выявлено, что «Кыргыз жараны» целенаправленно конструируется как интегративная модель, синтезирующая универсалистский принцип равного гражданства с признанием культурного многообразия. Ключевым институтом реализации выступает Ассамблея народа Кыргызстана (АНК), чей усиленный статус отражает адаптацию элементов консоциализма. Основные механизмы включают продвижение государственного языка как интеграционного инструмента, обеспечение равных прав и образовательные программы. В заключении делается вывод, что, несмотря на теоретическую продуманность и развитую институциональную рамку, эффективность модели зависит от преодоления практических вызовов: баланса в языковой политике, предотвращения риска «символической инклюзии» и конкуренции с глубоко укорененными этническими идентичностями. Статья вносит вклад в сравнительные исследования нациестроительства и политики идентичности в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: гражданская идентичность, полиэтничность, нациестроительство, Кыргызстан, «Кыргыз жараны», гибридная модель, Ассамблея народа Кыргызстана (АНК).

Введение

Процессы нациестроительства в полиэтничных обществах в XXI веке остаются в фокусе острых академических и политических дебатов. Классическая дихотомия между «гражданской» (civic) и «этнической» (ethnic) моделями нации, подробно описанная в трудах Р. Брубейкера [8], на практике все чаще уступает место более сложным гибридным форматам. Эти форматы стремятся сочетать надэтническую политическую солидарность с признанием культурного разнообразия, что особенно актуально для постсоветских государств, где административные границы часто не совпадали с этническими ареалами [15]. Кыргызская Республика, являясь одним из наиболее этнически разнообразных государств Центральной Азии, представляет собой репрезентативный кейс для изучения подобных трансформаций. Исторический путь страны после обретения независимости характеризовался поиском баланса между укреплением титульной национальной идентичности и управлением полиэтничностью, что порой приводило к напряженности.

В этом контексте принятие Концепции развития гражданской идентичности «Кыргыз жараны» на 2021–2026 годы [2] маркирует собой качественный сдвиг в официальной парадигме нациестроительства. Отходя от прежних подходов, акцентировавших преимущественно межэтническое согласие, новая концепция позиционирует себя как проект целенаправленного конструирования [4] инклюзивной, надэтнической гражданской общности [2]. В ее основе лежит тезис о том, что гражданская принадлежность («жарандык») должна стать первичной и объединяющей основой для самоидентификации, не отменяющей, но интегрирующей этнокультурные различия в единое политическое сообщество. Таким образом, «Кыргыз жараны» может быть интерпретирована как гибридная модель, стремящаяся синтезировать принципы гражданского национализма с элементами мультикультурализма и полиэтничного управления.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, концепция «Кыргыз жараны» является новейшим стратегическим документом в сфере национальной политики, требующим независимого научного анализа ее содержания и потенциальных эффектов. Во-вторых, в условиях глобальных вызовов устойчивость полиэтничных государств напрямую коррелирует с эффективностью моделей интеграции, что делает изучение кыргызстанского опыта значимым для сравнительной политологии. В-третьих, существует пробел в комплексных исследованиях, которые бы рассматривали «Кыргыз жараны» не только как политический лозунг или набор мероприятий, а как целостную теоретическую и практическую модель, анализируя ее через призму современных концепций гибридной идентичности и консоциализма [11].

Целью настоящей статьи является многоаспектный анализ концепции «Кыргыз жараны» как гибридной модели гражданской идентичности и оценка институциональных механизмов ее реализации в полиэтничном контексте Кыргызстана.

Методика

Методологическую основу исследования составляют качественные методы анализа: институциональный анализ (для изучения роли АНК и государственных структур), дискурс-анализ нормативно-правовых документов, а также сравнительный метод. Теоретической рамкой служат концепции конструктивизма в изучении наций [6], теория мультикультурализма У. Кимлики [10] и модели управления этническим разнообразием (консоциализм, либеральная интеграция).

Научная новизна работы заключается в системном рассмотрении «Кыргыз жараны» именно как гибридной модели, что позволяет преодолеть упрощенное противопоставление «гражданского» и «этнического». Статья вносит вклад в понимание того, как постсоветские государства адаптируют глобальные теории интеграции к своим историческим и социокультурным реалиям.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет системно структурировать результаты по ключевым элементам реализации концепции «Кыргыз жараны», в частности, ее нормативному определению, институциональной архитектуре, конкретным механизмам и первичным эмпирическим данным.

1. Нормативно-правовое конструирование гибридной идентичности

Официальные документы формируют концепт «Кыргыз жараны» как ядро надэтнической гражданской общности. Концепция четко определяет: ««Кыргыз жараны» – гражданин Кыргызской Республики, который имеет права и обязанности в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики независимо от этнической, религиозной, социальной и региональной принадлежности» [2]. При этом декларируемая цель заключается не в нивелировании различий, а в их интеграции в общегражданское поле: ««Кыргыз жараны» исходит из названия страны – Кыргызская Республика, и является общегражданской идентичностью, объединяющей все этнические сообщества при сохранении ими своей этнокультурной идентичности» [2]. Таким образом, нормативная рамка изначально закладывает гибридность, совмещая универсалистский принцип гражданства с партикуляристским признаком культурного разнообразия.

2. Институциональная эволюция Ассамблеи народа Кыргызстана (АНК)

Институциональным стержнем политики стал обновленный статус АНК. Указом Президента КР от 12 декабря 2024 года № 355 Совет АНК определен как «постоянно действующий консультативно-совещательный орган при Президенте Кыргызской Республики», чья деятельность основана на принципах «формирования общегражданской идентичности, укрепления единства народа, дружбы, согласия и взаимоуважения между этническими и религиозными общинами» [5]. Фактически это закрепляет АНК в качестве ключевого канала вертикальной связи между государством и этнокультурными сообществами. Согласно отчетным данным, эта структура курирует деятельность более 30 национально-культурных центров по всей республике, которые реализуют локальные мероприятия в рамках государственной стратегии [1].

3. Конкретные механизмы реализации, закрепленные в Концепции

Анализ текста Концепции выявляет три взаимосвязанных операционных механизма:

1) Языковая политика как интеграционный инструмент. Документ прямо указывает, что «развитие и продвижение государственного языка, при одновременном сохранении и поддержке родных языков этнокультурных сообществ, является одним из ключевых механизмов укрепления общегражданской идентичности» [2]. Это предполагает не замену, а многоуровневую языковую компетенцию.

2) Обеспечение равных прав и инклюзивное участие. Концепция декларирует создание «равных условий для участия всех граждан в управлении и процессах принятия решений, устранение дискриминационных практик и обеспечение защиты прав человека» [2], что формирует правовую основу для гражданского равенства.

3) Образовательные и просветительские программы. В качестве практической реализации данного механизма с 2023 года при поддержке международных организаций (ПРООН, ЮНЕСКО) в регионах с высокой этнической разнородностью проводятся тренинги по гражданской идентичности и межэтнической толерантности для молодежи и педагогов [3].

4. Первичные эмпирические данные о восприятии Концепции

Хотя масштабные репрезентативные замеры отсутствуют, данные пилотных исследований и проектных отчетов позволяют зафиксировать некоторые тенденции. Результаты фокус-групп, проведенных в 2023 году в Бишкеке, Оше, Таласе и Нарыне, показывают, что среди участвовавшей молодежи идентификация с конструктом «Кыргыз жараны» ассоциируется с уменьшением акцента на этнических различиях и усилением чувства общности на основе гражданства [3]. Кроме того, в отчетах по проектам отмечается, что этнокультурные и религиозные общины, вовлеченные в диалоговые площадки АНК, позитивно оценивают саму концепцию как основу для взаимного уважения и практического взаимодействия [3]. Эти данные, однако, носят предварительный и кейсовый характер.

Обсуждение

Результаты настоящего исследования демонстрируют, что концепция «Кыргыз жараны» представляет собой целенаправленную попытку конструирования гибридной модели гражданственности, что позволяет углубить ее теоретический анализ в нескольких ключевых аспектах.

1. Теоретическая интерпретация гибридности как синтез принципов

Предложенная модель не укладывается в классическую дихотомию «гражданское vs. этническое». С одной стороны, она имплементирует ключевой принцип гражданского национализма: первичность политико-правовой принадлежности к государству, основанной на Конституции и равных правах [10]. С другой – она сознательно ин-

корпорирует этнокультурное многообразие не как временный пережиток, а как структурный элемент национальной идентичности, что соответствует современным теоретическим трендам, рассматривающим гибридность как ответ на вызовы управления разнородными общностями, где «жесткие» модели либо ассимиляции, либо сепаратизма оказываются неэффективными [7]. Таким образом, «Кыргыз жараны» можно охарактеризовать как интегративный гибрид, где этническая принадлежность не подавляется, но переосмысливается в рамках более широкой, политически определяемой общности.

2. АНК как институт консосоциализма в унитарной системе

Институциональное усиление Ассамблеи народа Кыргызстана и ее интеграция в вертикаль власти через статус консультативно-совещательного органа при Президенте КР [1] отражает элементы консосоциалистской логики в условиях унитарного государства. Классическая теория консосоциализма (А. Лейпхарт) предполагает включение элит различных сегментов общества в центры принятия решений для предотвращения конфликтов [11]. Хотя в Кыргызстане нет формального пропорционального представительства этносов в правительстве, АНК выполняет схожую функцию легитимного канала артикуляции интересов и обратной связи, выступая институциональным гарантом учёта полиэтничности. Данная адаптированная модель может рассматриваться как прагматичный ответ на вызовы управления разнообразием без перехода к федерализму [12]. Однако ее эффективность напрямую зависит от реального влияния АНК на политические решения и восприятия её деятельности сообществами как значимой, а не декоративной.

3. Сравнительный контекст: между канадским мультикультурализмом и швейцарским консосоциализмом

Позиционирование «Кыргыз жараны» обнаруживает параллели с устоявшимися международными моделями, но и имеет существенную специфику. Проведение сравнительного анализа концепции «Кыргыз жараны» с устоявшимися международными моделями – канадским мультикультурализмом и швейцарским консосоциализмом – не является простым сопоставлением. Это методологический инструмент для выявления уникальной специфики кыргызстанского гибрида, определения его места в типологии моделей управления разнообразием и оценки его потенциальной устойчивости. Если Канада и Швейцария представляют собой «идеальные типы» стабильных полиэтничных демократий, то опыт Кыргызстана демонстрирует, как аналогичные принципы транслируются и трансформируются в условиях постсоветского транзита, иной исторической памяти и централизованной политической системы.

Фундаментальное различие между моделями лежит в их институциональной философии.

Сходство с канадским мультикультурализмом прослеживается в риторике признания культурного многообразия как основы общегражданской солидарности [14]. Модель основана на индивидуальных правах и политике признания. Государство не столько создает жесткие институты группового представительства, сколько обеспечивает правовые и символические рамки для свободного развития культурной идентичности в рамках общегражданской лояльности. Акцент сделан на борьбу с дискриминацией, поддержку культурных практик и иммиграционную интеграцию. Однако ключевое отличие заключается в центральной роли государственного языка как консолидирующего инструмента в кыргызстанской модели, тогда как канадский мультикультурализм изначально строился на билингвизме (английский и французский) при отказе от иерархии культур.

Элементы швейцарского подхода наблюдаются в акценте на территориально-общинное представительство и диалог, что роднит АНК с принципами консосоциализма, обеспечивающего стабильность Швейцарии. Модель основана на жесткой, конституционно закрепленной институционализации разнообразия. Ключевые принципы (кантональный суверенитет, прямая демократия) гарантируют автономию и обязательное участие всех основных лингвистических и религиозных групп в принятии решений на всех уровнях власти. Консоциализм – это система сдержек и противовесов, где единство рождается из постоянного переговорного процесса между сегментами [9]. Однако, швейцарская модель жестко институционализируется на всех уровнях власти (коллегияльное правление, кантональная автономия), в то время как кыргызстанская остается значительно более централизованной и мягкой по форме.

Институциональная архитектура, сфокусированная на Ассамблее народа Кыргызстана (АНК), представляет собой «вертикальный консосоциализм». В отличие от швейцарской горизонтальной системы, АНК интегрирована в жесткую вертикаль президентской власти как консультативно-совещательный орган. Её цель – не столько распределение власти между группами, сколько канализация и управление этнокультурными интересами, их перевод в лояльные государству фор-

мы и обеспечение обратной связи. Это инструмент контролируемой инклюзии, призванный предотвратить конфликт и усилить легитимность центра, а не разделить с ним полномочия.

Таким образом, сравнительный анализ выявляет не слабость, а своеобразие кыргызстанской модели. Её устойчивость будет зависеть не от копирования западных образцов, а от способности решить внутреннее противоречие: может ли жестко централизованный проект, основанный на этнокультурной асимметрии, стать подлинно инклюзивной и разделяемой всеми гражданами основой для гражданской нации. Этот вызов делает «Кыргыз жараны» уникальным и крайне релевантным кейсом для изучения нациестроительства в XXI веке.

4. Критические аспекты и потенциальные противоречия

Реализация гибридной модели сталкивается с системными вызовами, требующими дальнейшего изучения, к числу которых можно отнести, во-первых, баланс языковой политики. Положение о развитии государственного языка при поддержке родных представляет собой концептуальный компромисс. На практике это создает поле напряженности между необходимостью усиления интегрирующей роли кыргызского языка и реальными потребностями в многоязычии для социальной мобильности и межэтнической коммуникации. Успех зависит от ресурсного обеспечения обучения и избегания дискриминационных практик.

Во-вторых, риск «символической инклюзии». Существует опасность, что институты вроде АНК и риторика многообразия могут превратиться в форму символической политики, не подкрепленной реальным расширением возможностей для участия этнических меньшинств в экономической и политической жизни [13]. Декларация равных прав (п. 3 результатов) должна быть подтверждена эмпирическими данными о снижении структурного неравенства.

В-третьих, конкуренция идентичностей. Предварительные данные о восприятии концепции молодежью обнажают ключевую проблему, в частности, насколько предлагаемая гражданская идентичность сможет стать доминирующей по отношению к традиционным, глубоко укорененным этническим и клановым идентичностям [15]. Гибридность может как снимать, так и маскировать этот конфликт.

Ограничения исследования связаны с недостатком широких лонгитудных социологических данных, позволяющих измерить динамику укрепления именно гражданской, а не иных форм идентичности. Большинство доступных источников – это официальные документы и отчеты по проектам, что может создавать эффект «оптимистичного» нарратива. Для верификации выводов необходимы независимые репрезентативные исследования.

Заключение

Настоящее исследование было нацелено на комплексный анализ концепции «Кыргыз жараны» как гибридной модели гражданской идентичности и оценку механизмов ее реализации в условиях полиэтничного Кыргызстана. Проведенный анализ нормативно-правовых документов, институциональной структуры и первичных эмпирических данных позволяет сформулировать следующие выводы.

Концепция «Кыргыз жараны» представляет собой теоретически продуманную гибридную модель, которая целенаправленно стремится преодолеть классическую дихотомию гражданской и этнической нации. Ее ядро составляет принцип приоритета политико-правовой принадлежности к государству, что соответствует канонам гражданского национализма. Однако уникальность модели заключается в институциональном и дискурсивном закреплении этнокультурного многообразия не как проблемы, а как структурного компонента формируемой общенациональной идентичности. Эта двойственность отражает прагматичный поиск баланса между задачами консолидации и сохранения социального мира в разнородном обществе.

В нормативно-правовом поле произошел концептуальный сдвиг: гражданственность («жарандык») определена как надэтническая, базирующаяся на верховенстве Конституции и равенстве прав, что прямо закреплено в тексте Концепции.

Институциональным ответом на вызов интеграции стало усиление роли Ассамблеи народа Кыргызстана (АНК) как консультативно-совещательного органа при Президенте, что свидетельствует о внедрении элементов консоциалистской логики (обеспечение представительства и каналов диалога) в рамки унитарной президентской системы.

Механизмы реализации (языковая политика, обеспечение равных прав, образовательные программы) носят комплексный характер, но их внутренняя противоречивость (например, баланс между продвижением государственного языка и поддержкой родных) создает основное поле для практических вызовов и потенциальных напряжений.

Проведенное сравнение показало, что кыргызстанская модель имеет точки соприкосновения как с канадским мультикультурализмом (риторика признания многообразия), так и со швейцарским консоциализмом (роль консультативных институтов), но отличается значительной степенью централизации и особым акцентом на языковой фактор как ключевой интегратор.

Научная значимость исследования заключается в системной интерпретации политики идентичности Кыргызстана через призму теории гибридности, что вносит вклад в сравнительные исследования нациестроительства в постсоветских и полиэтничных контекстах. Практическая ценность состоит в структурированном анализе потенциала и рисков реализации Концепции «Кыргыз жараны», что может быть учтено государственными органами (в частности, АНК и профильными министерствами) для корректировки подходов, а также международными организациями при планировании программ поддержки.

Основным ограничением работы является дефицит обширных репрезентативных социологических данных, измеряющих динамику и глубину укоренения именно гражданской идентичности в массовом сознании различных этнических и возрастных групп. В связи с этим, перспективными направлениями для будущих исследований представляются:

1. Проведение регулярных национальных опросов для индексации уровня и содержания идентичности «Кыргыз жараны» в сравнении с другими формами идентификации (этнической, религиозной, локальной).

2. Углубленное изучение реального влияния АНК и национально-культурных центров на процесс принятия решений и разрешение локальных конфликтов.

3. Исследование долгосрочной траектории трансформации идентичности в Кыргызстане для оценки того, является ли нынешняя модель устойчивой или же временным компромиссом.

Таким образом, концепция «Кыргыз жараны» формирует современную идеологическую и институциональную рамку для управления полиэтничностью в Кыргызстане. Ее относительная новизна и комплексный характер открывают пространство как для конструктивной консолидации общества, так и для латентных противоречий. Дальнейшая судьба этого проекта будет зависеть не только от последовательности государственной политики, но и от его способности стать органичной и востребованной основой для самоидентификации граждан в их повседневной жизни.

Литература

1. Абытов Б. Ассамблея народа Кыргызстана – консолидирующий орган межэтнического и межнационального согласия // Этносы. 2025. № 1. С. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.61572/2958-1427-2025-1-15-23>.
2. Концепция развития гражданской идентичности «Кыргыз жараны» в Кыргызской Республике на период 2021–2026 гг.: утв. Указом Президента Кыргызской Республики от 13 нояб. 2020 г. № 39. <https://cbd.minjust.gov.kg/30-158/edition/1253186/ru> (дата обращения: 26.01.2026).
3. Обсуждение итогов социологического исследования «Влияние концепции Кыргыз Жараны на межэтнические и религиозные отношения» // ПРООН в Кыргызской Республике: [сайт]. URL: <https://www.undp.org/ru/kyrgyzstan/stories/obsuzhdeniyu-itogov-sociologicheskogo-issledovaniya-vliyanie-konceptii-kyrgyz-zharany-na-mezhetnicheskoe-i-religioznye-otnosheniya> (дата обращения: 26.01.2026).
4. Политико-коммуникативные механизмы конструирования евразийской идентичности / Э.А. Абдыкахаров, Э.Д. Апсаматова, А.Т. Качкынова [и др.] // Социология. – 2024. – № 7. – С. 54–58. – EDN OYAZRO.
5. Указ Президента Кыргызской Республики от 12 декабря 2024 г. УП № 355 «Об утверждении Положения о Совете Ассамблеи народа Кыргызстана как консультативно-совещательном органе при Президенте Кыргызской Республики» <https://cbd.minjust.gov.kg/5-10762/edition/23291/ru> (дата обращения: 26.01.2026).
6. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – Revised ed. – London: Verso, 2016. – 240 p.
7. Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective // Ethnic and Racial Studies. – 2017. – Vol. 40, No. 8. – P. 1191–1226. <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1294700>
8. Brubaker R. Ethnicity without groups // Archives européennes de sociologie. – 2002. – Т. 43, № 2. – С. 163–189.
9. Kymlicka W. Multiculturalism and Integration: A Comparative Analysis // Multiculturalism and Interculturalism: Debating the Dividing Lines / ed. by N. Meer, T. Modood, R. Zapata-Barrero. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. – P. 285–308.

10. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 392 p. <https://doi.org/10.1093/0199240981.001.0001>, accessed 24 Jan. 2026.

11. Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. – 2nd ed. – New Haven: Yale University Press, 2012. – 368 p.

12. McGarry J., O'Leary B., Simeon R. *Integration or Accommodation? The Enduring Debate in Conflict Regulation // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* / ed. by S. Choudhry. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 41–90.

13. Sorens, J., & Hale H.E. *The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. – *The Journal of Politics*, 72(1), 2010. – P. 260–262. <https://doi.org/10.1017/s0022381609990636>

14. Taylor C. *The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition* / ed. by A. Gutmann. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 25–73.

15. Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame*. – London: Sage Publications, 1997. – 334 p. <https://doi.org/10.4135/9781446279427>

THE CONCEPT OF «KYRGYZ ZHARANY» AS A HYBRID MODEL OF CIVIC IDENTITY AND MECHANISMS FOR ITS IMPLEMENTATION IN MULTI-ETHNIC KYRGYZSTAN

Bekturganova B.K.

Kyrgyz-Russian Slavic University

Relevance of the study stems from the search for effective nation-building models in multi-ethnic societies, where the classical dichotomy of civic and ethnic nation is giving way to more complex hybrid formats. The «Kyrgyz Zharany» concept, adopted in Kyrgyzstan, is the latest strategic project for forming a supra-ethnic civic identity and requires comprehensive scientific analysis. The purpose of the article is to evaluate this concept as a hybrid model and analyze its implementation mechanisms. Methodological basis comprises institutional and discourse analysis of regulatory legal acts, comparative method (juxtaposition with Canadian and Swiss models), and analysis of data from pilot sociological studies. Results of the research reveal that «Kyrgyz Zharany» is purposefully constructed as an integrative model synthesizing the universalist principle of equal citizenship with the recognition of cultural diversity. The key implementing institution is the Assembly of the People of Kyrgyzstan (APK), whose enhanced status reflects the adaptation of consociational elements. Main mechanisms include the promotion of the state language as an integration tool, ensuring equal rights, and educational programs. In conclusion, it is stated that despite the theoretical thoughtfulness and developed institutional framework, the model's effectiveness depends on overcoming practical challenges: balancing language policy, preventing the risk of «symbolic inclusion», and competing with deeply rooted ethnic identities. The article contributes to comparative studies of nation-building and identity politics in the post-Soviet space.

Keywords: civic identity, multi-ethnic composition, nation-building, Kyrgyzstan, «Kyrgyz Zharany», hybrid model, Assembly of the People of Kyrgyzstan (APK).

References

1. Abytev, B. *The Assembly of the People of Kyrgyzstan: A Consolidating Body for Interethnic and Inter-National Harmony // Ethnosayast*. 2025. No. 1. Pp. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.61572/2958-1427-2025-1-15-23>.

2. Concept for the development of civil identity 'Kyrgyz Zharany' in the Kyrgyz Republic for the period 2021–2026: approved by Decree of the President of the Kyrgyz Republic No. 39 of 13 November 2020. <https://cbd.minjust.gov.kg/30-158/edition/1253186/ru> (accessed on 26 January 2026).

3. Discussion of the results of the sociological study 'The influence of the Kyrgyz Zharany concept on interethnic and religious relations' // UNDP in the Kyrgyz Republic: [website]. URL: <https://www.undp.org/ru/kyrgyzstan/stories/obsuzhdeniyu-itogov-sociologicheskogo-issledovaniya-vliyanie-koncepcii-kyrgyz-zharany-na-mezhethnicheskie-i-religioznye-otnosheniya> (accessed on 26 January 2026).

4. Political and communicative mechanisms for constructing Eurasian identity / E.A. Abdykakarov, E.D. Apsamatova, A.T. Kachkynova [et al.] // *Sociology*. – 2024. – No. 7. – P. 54–58. – EDN OYAZRO.

5. Decree of the President of the Kyrgyz Republic of 12 December 2024 UP No. 355 'On the Approval of the Regulations on the Council of the Assembly of the People of Kyrgyzstan as an Advisory and Consultative Body to the President of the Kyrgyz Republic' <https://cbd.minjust.gov.kg/5-10762/edition/23291/ru> (accessed on 26 January 2026).

6. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. – Revised ed. – London: Verso, 2016. – 240 p.

7. Brubaker R. *Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective // Ethnic and Racial Studies*. – 2017. – Vol. 40, No. 8. – P. 1191–1226. <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1294700>

8. Brubaker R. *Ethnicity without groups // Archives européennes de sociologie*. – 2002. – T. 43, № 2. – C. 163–189.

9. Kymlicka W. *Multiculturalism and Integration: A Comparative Analysis // Multiculturalism and Interculturalism: Debating the Dividing Lines* / ed. by N. Meer, T. Moodood, R. Zapata-Barrero. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. – P. 285–308.

10. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 392 p. <https://doi.org/10.1093/0199240981.001.0001>, accessed 24 Jan. 2026.

11. Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. – 2nd ed. – New Haven: Yale University Press, 2012. – 368 p.

12. McGarry J., O'Leary B., Simeon R. *Integration or Accommodation? The Enduring Debate in Conflict Regulation // Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* / ed. by S. Choudhry. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 41–90.

13. Sorens, J., & Hale H.E. *The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. – *The Journal of Politics*, 72(1), 2010. – P. 260–262. <https://doi.org/10.1017/s0022381609990636>

14. Taylor C. *The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition* / ed. by A. Gutmann. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 25–73.

15. Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame*. – London: Sage Publications, 1997. – 334 p. <https://doi.org/10.4135/9781446279427>

Журналист Генри Менкен против демократии: что не так в его критике?

Берзения Тимур Эрикович,

аспирант, Кубанский государственный университет
E-mail: TimBer95@mail.ru

В статье раскрывается анализ и критика понимания дефиниции «демократия» американским публицистом и сатириком Генри Луисом Менкеном. В современную эпоху, когда демократические институты во многих странах сталкиваются с вызовами, критический анализ фундаментальных понятий приобретает особую значимость. Работа журналиста Генри Луиса Менкена, предлагающая резко негативную оценку демократии, остается актуальной для понимания антиэлитарной и антиутопической традиции в политической мысли. Исследование призвано выявить основные аргументы его критики и оценить их обоснованность. Установлено, что Менкен определял демократию не как власть народа, а как тиранию большинства, управляемую некомпетентными и легковверными массами, что приводит к подавлению индивидуальности и интеллектуальному упадку. Его критика носит циничный и элитаристский характер, гиперболизируя недостатки системы и игнорируя ее защитные механизмы и адаптивный потенциал.

Ключевые слова: демократия, народ, воля, демократический политический режим, политический режим, общество, элита.

Введение

Генри Луис Менкен был известным в США журналистом, эссеистом, критиком и сатириком своего времени. Менкен вырос в немецко-американской семье и в детстве говорил по-немецки. С юных лет, будучи критиком, очень много читал разную литературу: от художественных произведений до аналитических статей. После окончания школы, Генри Луис начал работать на фабрике своего отца, однако, проработав он недолго, и вскоре, начал пробовать себя в журналистике. В 1903 году, в возрасте 23 лет, на пару лет, Менкен стал городским редактором журнала «Baltimore Morning Herald»¹. С 1908 года он стал литературным критиком в журнале «The Smart Set».

В 1917 году под его авторством выходит сборник литературных эссе под названием «Книга с предисловиями», где Генри Менкен атакует американский пуританизм и узкое мышление некоторых критиков. В работе он утверждает, что истинное искусство не может существовать без интеллектуальной свободы и смелости. Автор также восхваляет таких писателей, как Джозеф Конрад и Теодор Драйзер, за их честность и независимость.

Через год в 1918 публикуется его произведение «В защиту женщин», он пишет об отношениях полов, утверждая, что женщины умнее и психологически устойчивее мужчин. В труде осуждаются романтические мифы и отображается, что многие женские «слабости» – это следствие культурных стереотипов. Книга по сей день вызывает противоречивые отклики: часть читателей её считают феминистской, другие же, наоборот, антифеминистской.

В 1919 г. издается труд «Американский язык». В нем журналист исследует, как американский вариант английского языка развился независимо от британского стандарта. Он показывает, что язык – живой организм, отражающий демократию, индивидуализм и креативность американцев. Генри Менкен защищает «вульгарности» и просторечие, считая их естественным проявлением живого народного духа.

В 1930 г. выходит его легендарный «Трактат о Богах» – философское исследование религии, в котором Менкен утверждает, что вера – результат страха и невежества, а не проявление истины. Несмотря на скептицизм, Сатирик частично признаёт, что религия выполняет психологическую функцию и поддерживает моральный порядок.

Однако, среди десятков его трудов можно выделить противоречивую работу, изданную в 1926 г., под названием «Заметки о демократии»².

Материалы и методы исследования

Основным объектом исследования послужил текст книги Генри Луиса Менкена «Заметки о демократии» (H.L. Mencken. Notes on Democracy. New York: Alfred A. Knopf, 1926). В работе использовано первое издание (тираж 235 экземпляров), а также его последующие репринтные переиздания для сверки цитат. Анализ проводился по полному тексту источника, доступному в открытых библиотеках (Internet Archive), с акцентом на структурное деление работы Менкена на четыре части: «Демократический человек», «Демократическое государство», «Демократия и свобода», «Кода». Исследование носило качественный характер и основывалось на комбинаторной методологии, включающей следующие методы: общенаучные методы, технико-юридический метод, общеполитологические методы.

Литературный обзор

Для критической оценки тезисов Менкена и выявления эпистемологических разрывов в его концепции привлекались три группы источников, представляющих альтернативные теоретические традиции: 1) Классическая философская и политическая традиция: труды Дж. Локка (1993), Ж.-Ж. Руссо, А. де Токвиля (1994), а также работы К. Маркса (1961), позволяющие противопоставить элитистскому детерминизму Менкена теории общественного договора, гражданского участия и исторического материализма; 2) Социология и теория элит XX века: работы Р. Михельса (Michels, 1911), Г. Моски (Mosca, 1939), В. Парето, Ч.П. Миллса (1959). Эта группа источников используется для верификации утверждений

¹ H.L. Mencken papers, Manuscripts and Archives Division, The New York Public Library. 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archives.nypl.org/mss/1962> (дата обращения: 10.07.2025)

² Mencken, H.L. Notes on Democracy. New York: Alfred A. Knopf, 1926.

Менкена об олигархизации и коррупции, но с целью показать, что эти явления коренятся в социальной структуре, а не в природе «демократического человека»; 3) Критическая теория и современная философия: труды Э. Фромма (2019), П. Фрейре (2018), А. Грамши (Gramsci, 1977), Ю. Хабермаса (Habermas, 1962), Дж. Роулза (Rawls, 1971), а также работы К. Пейтмена (Pateman, 1970). Данные источники позволяют опровергнуть биологический детерминизм автора и представить альтернативные концепции свободы, участия и социального развития.

Первая глава упомянутого его труда с названием «Демократический человек» закладывает уже провокационные тезисы о формировании политического свободного человека. Менкен пишет, что демократическая идеология проникла в западный мир не как результат народного требования, а как интеллектуальная конструкция, нисходящая сверху. Исходная концепция «демократического человека» была сформирована в рамках романтического идеала «благородного дикаря», наделенного мистической добродетелью. Как пишет автор, идеологическое обоснование демократии, якобы было разработано представителями высших классов, находившимися под влиянием христианских и сентименталистских воззрений. Сразу же на ум вспоминается обратный тезис политолога Кэрл Пейтмен, что «демократическое сообщество возможно лишь в обществе участия»¹. А значит никакой концепции навязывания демократического человека не была бы возможной без массового желания у самого народа «взять все в свои руки».

Далее, Менкен уверен, что исторический анализ, в частности события Великой французской революции, демонстрирует отсутствие у масс устойчивой приверженности демократическим принципам. В его видении, политическая психология демократического общества представляет собой управление посредством манипуляции страхами. Политический процесс сводится к обнаружению и уничтожению мифических угроз, что отдает «охотой на ведьм». Общественное мнение трактуется как комплекс предрассудков, сформированных на уровне умственного развития, не превышающего подростковый возраст. Ибо, как уверяет автор, вводится концепция «необучаемого» индивида, чье умственное развитие останавливается на уровне ребенка. А следовательно, он (население в большинстве) не может участвовать в политическом процессе как самостоятельный субъект. Появляется иллюзия самовосприятия «демократического человека», как полагает эссеист. Данный тезис не просто является антигуманным, но более того, отрицает ключевой принцип научного материализма – развитие человеческого сознания через социально-историческую практику. Уровень интеллекта не является биологически фиксированным, а формируется под влиянием образования, культуры и общественных отношений. Современная нейробиология доказывает нейропластичность мозга, сохраняющуюся на протяжении всей жизни. Понятие «уровень подростка» Менкена – это метафора, не имеющая объективных критериев измерения в социальных науках. Исторический опыт показывает, что демократические институты создавались и совершенствовались людьми с разнообразными когнитивными способностями. Журналист продолжает настаивать на своем взгляде, дополняя мысль, что помимо страха, базовыми эмоциями сырого человеческого существа являются ярость. В подростковый период эти влечения доминируют над всей психической жизнью индивида, чье умственное развитие уже остановилось. Он приводит в пример крестьянство как класс. Крестьянская теология сохраняет черты примитивного анимизма и отличается крайней нетерпимостью к инакомыслию. Крестьянская политическая философия основана на голом своекорыстии и зависти к городской культуре и потреблению. Пуританство и поддержка «сухого закона» коренятся в этой зависти и стремлении лишить высшие классы недоступных низшим удовольствий. Городской пролетарий, напротив, в меньшей степени подвержен этой зависти благодаря доступу к «хлебу и зрелищам». Развитая система городской благотворительности и развлечений сублимирует его зависть в гражданскую гордость и доверие – пишет он. Тезисы Менкена идеалистически сводят сложные религиозные и политические явления к примитивной психологии «зависти», отрицающая материальную основу классовых борьбы за демократические начала.

Менкен, формулирует, что подлинная свобода, предполагающая мужество, ответственность и самостоятельность, является концептуально недоступной для множества людей. Исторически подавляющее большинство человечества пребывало в состоянии рабства или крепостной зависимости, что не способствовало выработке либертарианских инстинктов. Наследие свободы является достоянием малого меньшинства, происходящего от старых правящих классов. Массы, будучи теоретически свободными, на деле жаждут не свободы, а безопасности и защиты, демонстрируя рабскую покорность, а следовательно

¹ Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1970, p. 42.

но демократия как идея – не их продукт, согласно ему. Эти «тщеславные идеи» представляют собой типичный пример идеологической конструкции, направленной на оправдание социальной иерархии. Свобода не есть врожденное свойство отдельных индивидов или кланов, а есть результат общественного развития, в ходе которого труд освобождается от внешней необходимости и эксплуатации. Великий философ Карл Маркс писал: «Царство свободы начинается там, где прекращается работа, навязанная необходимостью и внешними целями; оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»². Следовательно, свобода – не духовное наследие аристократии, а объективное социальное состояние, возникающее из изменения условий труда и собственности. Франкфуртская школа (особенно писатель Эрих Фромм), показала, что феномен «бегства от свободы» возникает не из внутренней слабости человека, а из его отчуждения в капиталистическом обществе³. Изолированный и атомизированный индивид боится свободы, потому что она лишена материальных и коллективных опор; но это следствие общественных условий, а не врожденная зависимость как ошибочно полагает Менкен. Социолог Поль Фрейре позднее продолжил эту линию, доказывая, что «освобождение угнетенных должно быть делом самих угнетенных»⁴. Таким образом, способность к свободе – не привилегия кого-то, а историческая возможность, раскрывающаяся в процессе коллективного самопознания и борьбы.

Даже с позиции либеральных мыслителей можно раскритиковать идеи журналиста Менкена. Он уверенно настаивает, что большинство высших достижений человечества в науке и искусстве остаются полностью недоступными для понимания среднего индивида. Если бы сложные культурные феномены стали достоянием масс, они вызвали бы враждебность и попытки их законодательного запрета. Прогресс человечества осуществляется не благодаря, а вопреки воле большинства, которое инстинктивно противодействует ему. Таким образом, демократия основывается на ошибочной антропологической предпосылке о мудрости и добродетельности низших классов. Однако, английский педагог Джон Локк, как раз писал на ее счет: «Политическая власть должна исходить из согласия управляемых, и задача государства – защищать естественные права каждого»⁵. То есть, по мнению Локка, демократия не требует от масс философской мудрости, о которой твердит Менкен; достаточно участия самих масс в именно институционально организованном процессе. Генри Луис Менкен продолжает уверять читателей, что эмпирические данные психологии и истории демонстрируют ограниченность и иррациональность массового сознания для демократии. Хотя, французский политический деятель, автор множества трактатов о демократии, Алексис де Токвиль отмечал, что «ассоциации граждан и участие в жизни общества развивают способности к самоорганизации и ответственности»⁶. То есть, демократические институты создают возможности для обучения и критического участия масс, что ставит под сомнение тезис Менкена о «врожденной ограниченности» их.

Завершает автор первую главу работы постулатом – что основной парадокс демократии заключается в том, что ее идеализированный субъект, то есть, народ, является главным препятствием для реализации провозглашаемых им же высоких целей.

Во второй главе с названием «Демократическое государство», Менкен более радикален в своих умозаключениях.

Автор заявляет, что демократия основывается на суверенитете убогого обывателя, который является ее хозяином. Этот суверенитет существует всегда фактически, а иногда даже и юридически. Народ может добиться всего, чего он достаточно сильно желает, однако его всегда обманывают. И его обманывают лишь потому, что его доверчивость и слабоумие людей безграничны. Главная трудность демократии, по мнению того же автора, в том, что большинство граждан неспособно постигать сложные проблемы. Поэтому часто невозможно определить подлинную волю народа ни до, ни после принятия решений. Приводится пример, что народ, будучи против войны, позволяет втянуть себя в очередной военный конфликт. Анализируя эти заявления,

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. II // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 25, ч. II. – С. 386–387.

³ Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. А. Лактионова. – М.: АСТ, 2019. – 288 с. – (Философия – Neoclassic). – С. 56.

⁴ Фрейре П. Педагогика угнетенных / Пер. с англ. Л. Ворониной, Н. Кухаревой. – М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. – 208 с. – С. 41.

⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении – М.: Республика, 1993. – С. 88.

⁶ Токвиль А. де. «Демократия в Америке». – М.: Прогресс, 1994. – Т. 1, С. 45.

можно твердо заявить, что журналист Менкен циничный элитарист, который прикрывается псевдореализмом, чтобы оправдать собственное презрение к обществу. Утверждение о «безграничном слабоумии» людей является не анализом, а голословным оскорблением, отрицающим саму возможность коллективного разума и игнорирующим исторические примеры ответственных гражданских решений. Наконец, автор противоречит сам себе, заявляя, что народ «может добиться всего», но при этом вечно остается обманутым, списывая сложность политических процессов на тупость избирателей, вместо анализа манипулятивных институтов и структур власти.

Во второй части данной главы, Менкен, возможно и заслуженно критикует, отдельных чиновников в рамках «демократической системы США». Однако причина, по которой происходит критика, вызывает негодование. Автор упрекает «демократические механизмы», ибо с помощью них низший гражданин, обыватель или рабочий человек попадает во власть вместо «джентльмена». Избранный среднестатистический губернатор или президент страны не общается с интеллектуалами и учёными. Судебная власть опускается до того же низкого уровня, что и исполнительная. Судебные должности часто занимают неумехи и негодяи, жаждущие зарплат. Законодательные органы заполняются бездарными местными политиками. Конгресс состоит из некомпетентных адвокатов и банкиров из маленьких городов. Сенат несколько лучше благодаря более длинному сроку и большей независимости сенаторов. Но и средний сенатор – это партийный приспособленец, чьи действия определяются наградой.

Элитистская презумпция Менкена опровергнута большинством научных правовых школ XIX–XX веков. От Маркса до Кельзена, от Ласки до Вебера, от Петтита до Даля, разные мысли – либеральные, консервативные, марксистские – сходятся в одном: компетентность власти – это результат институтов, процедур, профессионализации и механизма ответственности, а не «джентльменства» правителей. Журналист Менкен путает дефекты отдельных чиновников с фундаментальными принципами демократии. Это делает его критику философски слабой и теоретически устаревшей.

Третья глава с названием «Демократия и свобода» посвящена, по мнению автора, иллюзорной свободе масс при демократическом обществе. Основной тезис автора заключается в том, что обычный человек на самом деле не любит и не желает свободы. Свобода вызывает у обычного человека дискомфорт, тревогу и чувство одиночества. Вместо свободы он жаждет безопасности, стадного комфорта и контроля со стороны «пастуха». Реальная свобода доступна и выносима лишь небольшому, «несолидному» меньшинству, рассказывает журналист. Автор утверждает, что средний человек предпочитает жизнь в «хорошо управляемой тюрьме», где ему гарантирован порядок. Именно этим объясняется его благоговение перед полицией и законом, даже абсурдным. Полицейский воспринимается как защитник от начальства, равных и, что самое главное, от самого себя. Демократия, по мнению Менкена, находится в большей опасности от свободного духа, чем любой деспотизм. Демократия стремится подавить инакомыслие и «свободных духов», чтобы контролировать толпу. Главной жертвой демократического процесса становится превосходящий индивид. Говорится также в тексте, что цель демократии – нивелировать индивидуальность, сломать свободных духом под общую упряжку. Единственный вид свободы, реальный при демократии, – это свобода неимущих уничтожить свободу имущих. Автор видит тождественность демократии и пуританства, считая их разными гранями одного явления. Основой этого единства является зависть низшего человека к своим лучшим. Демократия высвобождает эту зависть и ненависть, придавая им силу закона. Истинные мотивы пуританина – не альтуризм, а желание наказать других за их счастье и опустить их до своего уровня. Пуританин не способен наслаждаться жизнью на «цивилизованном уровне», поэтому он запрещает то, что не может понять. Его «добродетель» – это не превосходство, а признак трусости, покорности и недостатка оригинальности. Демократия предоставляет пуританству механизм для быстрого и безжалостного воплощения его запретов в жизнь. Генри Менкен пытается демонстрировать в работе, что законы создаются в результате «оргии», когда фанатики разжигают толпу, а политики-негодяи спешно принимают репрессивные акты. Эти законы служат не разумной цели, а являются инструментом психопатологического преследования и частной мести. Жертвами становятся люди необычного ума и предприимчивости, те, кто относятся к своей свободе серьезно. Толпа наслаждается зрелищем унижения тех, кому она завидует. Окружные прокуроры и судьи часто делают карьеру на таких преследованиях, поощряя свирепость. Также уголовное право при демократии приобретает привкус мошенничества и используется для расправы над непопулярными. Демократический закон все больше основывается на идее, что каждый гражданин – потенциальный пре-

датель и негодяй. Полицейская власть расширяется до беспрецедентных масштабов, попирая конституционные права. Непопулярные меньшинства, особенно инакомыслящие, становятся главными мишенями для преследований. Демократическое рвение всех уравнивает разрушает взаимное доверие, необходимое для существования цивилизованного общества. В регионах, где демократическое пуританство сильно, культурная жизнь приходит в упадок, так как мыслящие люди вынуждены уезжать. Антагонизм между пуританством и порядочностью является причиной глубокого несчастья и беспокойства в американской жизни, несмотря на материальное процветание. Без взаимного доверия и терпимости не может быть подлинного счастья, а пуританин конституционно неспособен к великодушию и терпимости, во всеуслышание кричит Менкен.

Практически каждый упомянутый тезис нельзя не подвергнуть жесткой экспертизе, приводя в пример позиции других научных школ и течений. Менкен утверждает, что «свобода выносятся только для мало-го меньшинства; обычный человек желает лишь безопасности и контроля», однако этому возражает позиция философа Роулза, которая исходит из того, что стремление к свободе – антропологическая универсалия, а не элитарная способность. Как писал он: «свобода есть присущее каждому человеку достоинство, а не привилегия избранных»¹. Роулз в своих трудах как раз опровергает мысль о том, что только «несолидное меньшинство» способно нести свободу. Далее, Менкен утверждает, что «демократия разрушает индивидуальность и превращает всех в одно стадо». Марксистская школа утверждает, что культура при капитализме действительно стандартизируется, частично разрушается, но это следствие именно рынка и частнособственнических отношений, а не политической демократии. «Буржуазная демократия предоставляет политическую форму, но не определяет содержания жизни»² – как подчеркивал коммунист Грамши, опираясь на учения Маркса. Антонио Грамши показывал, что политическая демократия не равна культурной унификации масс. А мысль Менкена о том, что «демократия уничтожает культурную жизнь и вынуждает мыслящих людей уезжать», наверняка вызвала бы негодование у немецкого философа Юргена Хабермаса, который в своих трудах показывал, что демократическая публичность – это двигатель культуры масс. «Свобода выражения – основа культурного роста; лишь её отсутствие порождает застой»³ – уверял он в своих статьях и работах.

Менкен, не останавливается в своих оценочных суждениях в адрес демократического политического режима. Однако, стоит отметить на редкость и обоснованную критику автора. Журналист Генри Менкен гневно заверяет, что политическая коррупция является неотъемлемой чертой демократии, отмечавшейся наблюдателями с самых ранних времён. Демократия приводит к «царству взяточничества», что подрывает целостность государства. Толпа спокойно и даже легкомысленно относится к коррупционным скандалам, прощая воровство правителям. Протестующие против коррупции часто становятся менее популярными, чем сами воры. Демократия по своей сути является формой оптового взяточничества. Демократическое правительство выживает, постоянно торгуясь с прихотями толпы и подкупая цепкие меньшинства. Весь процесс управления сводится к торговле и раздаче частных наград из общественных запасов. Демократическое государство основано на обмане, что отражается и на его внешней политике. Демократический человек терпимо относится к коррупции, потому что сам порочен и понимает мотивы правителей. Общественное негодование в демократических странах даже если и есть, то оно вызвано по поводу воровства не добродетелью, а завистью. В его словах есть огромная доля правды. Социолог Роберт Михельс показал, что любые массовые организации (включая политические партии и парламентские системы) неизбежно подвергаются олигархизации: власть концентрируется, руководство становится профессиональным, замкнутым и заинтересованным в личных выгодах – это резко повышает риск «торга» властью и коррупции⁴. Не отрицали это и сторонники так называемой теории элит Гаэтано Моска и Вильфредо Парето, подчёркивавшие, что правящее «меньшинство» (то есть «элита») организовано и использует государственные ресурсы для поддержания своей позиции; смена элит – циркуляция, но не устранение феномена. Это объясняет, почему «подкуп меньшинств», клиентелизм и патронаж – постоянные чер-

¹ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971, p. 252.

² Gramsci A. Quaderni del carcere. Torino: Einaudi, 1977, Vol. 3, p. 227.

³ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1962, p. 134.

⁴ Michels, R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New York, Hearst's International Library Co. 1911. P. 14–18

ты демократий тоже¹. Американский писатель-социолог Райт Миллс в своей легендарной работе «Властвующая элита» критикует тоже данное явление. Он показывает на примере США, как реальные решения принимают узкие элитные сети (бизнес группы, военные компании, политические движения), которые располагают материальными ресурсами и могут обменивать их на лояльность; это эмпирический базис идеи, что демократия может сосуществовать с системным подкупом².

Так что, журналист Менкен в третьей главе справедливо ругает демократию, однако он неверен в причинно-следственной связи. Генри Луис Менкен в своей ядовитой критике демократии, по существу, диагностирует симптомы коррупционной болезни, но ошибается в определении её причины. Он справедливо указывает на лицемерие «служения», всепроникающее кумовство и торговлю влиянием. Однако, объявляя виновником демократию как таковую, он попадает в ловушку идеализма, игнорируя материальный базис, на котором произрастают все эти пороки. С марксистской точки зрения, почвой, питающей коррупцию, является не демократическая надстройка, а экономический фундамент капитализма. Он ругает тень, игнорируя предмет, который её отбрасывает. Почва для коррупции, «торга» и лицемерия – не демократия, а капиталистический способ производства, который превращает государство в инструмент классового господства. Подлинная демократия – не там, где каждый имеет право голоса, оставаясь экономическим рабом, а там, где уничтожена частная собственность на средства производства и, следовательно, исчезает сама возможность покупать власть и влияние. Задача заключается не в том, чтобы отказаться от демократии, как предлагает Менкен, а в том, чтобы преодолеть капитализм и построить подлинно народовластие. Впрочем, в конце главы, Генри Менкен не просто ошибается, а словно умышленно восхваляет капиталистическую формацию.

В последней главе с подзаголовком «Кода» Менкен отказывается предсказывать будущее демократии, сосредотачиваясь на её диагностике, а не терапии. Демократия пришла в мир как панацея от всех бед и продолжает восприниматься именно так, с яростью подытоживает автор. В демократическом мировоззрении не существует неразрешимых проблем: любую болезнь можно вылечить голосованием или законом. Цель демократического правительства видится в отмене законов природы и исправлении моральных несовершенств. Эта вера в исправимость всего противопоставляется средневековому христианству, которое считало зло мира неизлечимым и откладывало совершенство до загробной жизни. Демократия становится новой квазирелигией, обладающей магической силой и неуязвимостью для логической атаки. Её апологеты часто противоречат сами себе, доказывая неработоспособность демократии и тут же утверждая обратное. Демократия опирается на «вздорные постулаты»³, которые принимаются на веру, как религиозные догмы. Ключевой догмат – вера в безграничный и predetermined прогресс. В демократии заложен парадокс, как заверяет критик: она даёт простому человеку возможность возвыситься, но, возводя всех в равенство, отнимает плоды этого возвышения. Гражданин получает иллюзорное, но приятное чувство собственной важности и власти. Однако это счастье иллюзорно и недолговечно, ибо основано на заблуждении, что счастье можно отнять у другого. Истинное очарование демократии – не для участника, а для стороннего наблюдателя, видящего в ней героически нелепое зрелище. Мошенничество и абсурд в демократии, по мнению автора, забавнее, чем в религии. Демократия – это «самопожирающая» система, которая не доверяет самой себе и отказывается от своих принципов при первой же угрозе. В кризис демократические лидеры легко превращаются в деспотов.

Здесь можно с автором и согласиться, ибо когда системе угрожает кризис или рост классового сознания пролетариата, буржуазия вынуждена сбрасывать либеральную маску. Демократические свободы (собраний, слова, печати) становятся угрозой для самого главного – частной собственности на средства производства. Поэтому система «пожирает» свои же политические принципы, чтобы сохранить неприкосновенность своего экономического базиса. Полицейское насилие, запрет забастовок, антипрофсоюзные законы в кризис – это не отклонение, а проявление истинной, диктаторской сущности буржуазного государства. «Самопожирание» демократии – это не случайная болезнь, а закономерный и неизбежный процесс. Он вытекает из коренного противоречия между демократической политической надстройкой и капиталистическим экономическим базисом. Демократия не может быть последовательной, потому что в условиях классового антагониз-

¹ Mosca G. The Ruling Class (Elementi di scienza politica). New York; London: McGraw-Hill Book Company, Inc. 1939.

² Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. с англ. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 318 с.

³ Mencken, H.L. Notes on Democracy. New York: Alfred A. Knopf, 1926. P. 199

ма её принципы (свобода, равенство) вступают в конфликт с главной целью буржуазного государства – защитой частной собственности и власти капитала. Поэтому в моменты истины она всегда будет жертвовать первыми ради второго, обнажая свою сущность как диктатуры эксплуататорского класса. Но автор, увы, не пытается понять именно экономическую природу «самопожирания демократии». Он лишь заключает, что, несмотря на все пороки, демократия для него бесконечно забавное и увлекательное зрелище, которым он наслаждается, видя её падение и противоречие.

Заключение

Проведённый анализ труда Менкена выявил радикальное несоответствие между элитистской риторикой автора и научной картиной социальной реальности. Критика демократии у Менкена строится на биологическом детерминизме, который современная нейронаука и социология убедительно опровергают. «Заметки о демократии» представляют собой не столько научное исследование, сколько памфлетную публицистику, маскирующую сословные предрассудки под объективность. Антропологическая модель Менкена, сводящая большинство к когнитивно неполноценной массе, игнорирует диалектику формирования сознания через материальную практику. Упрекая демократию в коррупции и олигархизации, автор ошибочно объявляет виновником политическую форму, а не экономическое содержание – капиталистический способ производства. Менкен безуспешно пытается объяснить структурные пороки государства психологическими качествами избирателей, вместо анализа институтов и отношений собственности. Тезис о недоступности свободы для масс опровергается как философией Просвещения, так и историческим опытом освободительных движений самих угнетённых. Противоречие метода Менкена обнажается в его позиции: диагностируя симптомы, он принципиально отказывается видеть порождающий их материальный базис. Демократия для журналиста – лишь эстетический феномен, захватывающее зрелище, но не инструмент эмансипации и не арена классового боя. Игнорируя марксистскую традицию и теорию элит, Менкен выдаёт случайные наблюдения за универсальные законы политической жизни. Примечательно, что в тех фрагментах, где автор фиксирует реальные дефекты буржуазного государственности, его критика парадоксально совпадает с левой традицией, хотя и лишена её теоретической основы. Концепция «самопожирающей демократии» точно описывает поведение буржуазного государства в кризис, однако Менкен не связывает это с защитой частнособственнических интересов. В целом работа остаётся ярким памятником консервативного элитизма начала XX века, ценным скорее как историко-идеологический документ, чем как политическая теория. Главный методологический порок «Заметок» – подмена социально-экономического анализа морализаторством и физиологической метафорикой. Таким образом, критика Менкена, при внешней язвительности, внутренне беспомощна перед вопросом о преодолении описанных им же противоречий, ибо не предлагает ничего, кроме созерцательной иронии.

Литература

1. Локк Дж. Два трактата о правлении – М.: Республика, 1993. – С. 88.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. II // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 25, ч. II. – С. 386–387.
3. Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. с англ. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 318 с.
4. Токвиль А. де. «Демократия в Америке». – М.: Прогресс, 1994. – Т. 1, С. 45.
5. Фрейре П. Педагогика угнетённых / Пер. с англ. Л. Ворониной, Н. Кухаревой. – М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. – 208 с. – С. 41.
6. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. А. Лактионова. – М.: АСТ, 2019. – 288 с. – (Философия – Neoclassic). – С. 56.
7. Gramsci A. Quaderni del carcere. Torino: Einaudi, 1977, Vol. 3, p. 227.
8. H.L. Mencken papers, Manuscripts and Archives Division, The New York Public Library. 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archives.nypl.org/mss/1962> (дата обращения: 10.07.2025)
9. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1962, p. 134.
10. Mencken, H.L. Notes on Democracy. New York: Alfred A. Knopf, 1926.
11. Michels, R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New York, Hearst's International Library Co. 1911. P. 14–18

12. Mosca G. *The Ruling Class* (Elementi di scienza politica). New York; London: McGraw-Hill Book Company, Inc. 1939.

13. Pateman C. *Participation and Democratic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970, p. 42.

14. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971, p. 252.

JOURNALIST HENRY MENCKEN IS AGAINST DEMOCRACY: WHAT'S WRONG WITH HIS CRITICISM?

Berzenia T.E.

Kuban State University

This article presents an analysis and critique of the understanding of the definition of “democracy” as articulated by the American journalist and satirist Henry Louis Mencken. In the modern era, when democratic institutions in many countries face significant challenges, a critical examination of fundamental concepts takes on particular importance. The work of the journalist Henry Louis Mencken, which offers a sharply negative assessment of democracy, remains relevant for understanding the anti-elitist and anti-utopian tradition in political thought. This study aims to identify the core arguments of his critique and assess their validity. It establishes that Mencken defined democracy not as the rule of the people, but as the tyranny of the majority, governed by incompetent and credulous masses, which ultimately leads to the suppression of individuality and intellectual decline. His critique is cynical and elitist in nature, hyperbolizing the system's flaws while ignoring its safeguards and adaptive potential.

Keywords: democracy, people, will, democratic political regime, political regime, society, elite.

References

1. Locke J. *Two Treatises of Government*. Moscow: Republic, 1993. P. 88.
2. Marx K. *Capital. Critique of Political Economy*. Volume 3. Book III: *The Process of Capitalist Production Taken as a Whole*. Part II // Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. - Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1961. - Vol. 25, Part II. - P. 386-387.
3. Mills C.R. *The Ruling Elite* / Translated from English. - M.: Foreign Literature Publishing House, 1959. - 318 p.
4. Tocqueville A. de. “Democracy in America”. - M.: Progress, 1994. - Vol. 1, p. 45.
5. Freire P. *Pedagogy of the Oppressed* / Translated from English by L. Voronina, N. Kukhareva. - M.: Canon+ Publishing House, ROOI “Rehabilitation”, 2018. - 208 p. - p. 41.
6. Fromm E. *Escape from Freedom* / Translated from English by A. Laktionova. - M.: AST, 2019. - 288 p. - (Philosophy – Neoclassic). - P. 56.
7. Gramsci A. *Quaderni del carcere*. Torino: Einaudi, 1977, Vol. 3, p. 227.
8. H.L. Mencken papers, Manuscripts and Archives Division, The New York Public Library. 2025. [Electronic resource]. Access mode: <https://archives.nypl.org/mss/1962> (accessed: 10.07.2025)
9. Habermas J. *Structural Structure of the Öffentlichkeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1962, p. 134.
10. Mencken, H. L. *Notes on Democracy*. New York: Alfred A. Knopf, 1926.
11. Michels, R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York, Hearst's International Library Co. 1911. P. 14–18
12. Mosca G. *The Ruling Class* (Elementi di scienza politica). New York; London: McGraw-Hill Book Company, Inc. 1939.
13. Pateman C. *Participation and Democratic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970, p. 42.
14. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971, p. 252.

Воронкова Ольга Алексеевна,

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник
Института социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

E-mail: olga.voronkova1001@mail.ru

Развитие коммуникационных технологий существенно меняет характер политических отношений. Глубокая вовлеченность в сетевую коммуникацию повышает уровень социальной компетентности во всех сферах отношений и формирует социальный запрос на участие общества в процессах принятия политических решений. Рост социального интеллектуального и профессионального уровня неизбежно требует повышения уровня профессионализма и политико-управленческих слоев, реального обновления кадрового состава не просто по принципу внутренней ротации, а путем вливания в управленческую сферу «свежих сил» – молодых управленческих специалистов. Однако процесс обновления политических отношений идет с большим трудом. В сферы высших эшелонов власти фактически закрыт вход для молодого технологически образованного поколения, которое могло бы развернуть общий курс политического развития в сторону демократизации политического пространства.

Ключевые слова: демократия, иерархия, рациональность, диктатура, сетевое общество, новый тип политики.

Политические отношения представляют собой связи и взаимодействия, возникающие между субъектами в рамках администрирования и принятия решений в процессе социально-политического развития [5].

Принятие политических решений происходит в поле инициирования и принятия законов, регулирующих повседневную социальную жизнь (законодательная власть), осуществления контроля над исполнением принятых решений (административно-исполнительная власть), судебно-правовой практики разрешения конфликтов. Отличие одной политической системы от другой состоит, как известно, в принципиальных характеристиках управленческих институтов: разделения властей (демократические системы) или сосредоточения всей власти в едином центре (авторитарно-централизованные системы).

Как демократические, так и централизованные политические системы поддерживаются средствами обеспечения функционирования управленческих структур. Различие между ними заключается, по сути, в основании, на котором зиждется система. В демократических системах поддерживается баланс разделенных управленческих институтов, а в централизованных – вертикально-властная конструкция. Централизованные конструкции подкрепляются исторически сложившимся фундаментом политической культуры, обеспечивающим устойчивость системы и возможности ее воспроизводства и обновления после периодически возникающих кризисов.

Ментально-культурные коды различных общественных устройств по-разному формируют внутренние социально-политические отношения. Для вертикально-иерархических типов политической культуры, основанных на массовой потребности в сильном лидерстве, стержневым принципом поддержки является подчинение верховному центру принятия решений, которые не обсуждаются, а безоговорочно принимаются к исполнению. «Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть» – лозунг советской централизованной системы. Авторитет верховной власти для массовой ментальности неоспорим и безальтернативен. Национально-массовая установка на «сильную руку» определяет устойчивость воспроизводства властно-централизованных иерархий при исторических вариациях формы воплощения.

В централизованно-иерархических системах принципы управления определены безальтернативностью и четкой логикой субординации. Вертикальная иерархия представляет собой устойчивую структуру, основанную на распределении ролей, статусов и ресурсов. Иерархии обеспечивают модель порядка, основанную на принятии решения высшими структурами власти и донесении принятых решений до низших «этажей» системы. Иерархии пронизывают все сферы, как политические, так и общественные; они могут быть как формальными – закрепленными законами и регламентами, так и неформальными – основанными на влиянии авторитетов, репутации или личных отношениях.

Демократический государственный порядок поддерживается активным гражданским обществом, то есть обществом, осознающим свои собственные интересы и права и требующим учета своего голоса в принятии решений. Но будучи исторически наиболее гуманистическим и прогрессивным среди всех существующих социальных порядков, демократический порядок не свободен от проблем, возникающих на разных уровнях – от условий существования до обеспечения функциональной эффективности и стабильности.

Идея демократии, несмотря на различие между ее классической и современной формой, осталась неизменной: дать широким слоям общества (демосу в древности и гражданам в современности) возможность участвовать в процессе управления социальной системой. Демократический принцип предполагает, что мнения всех граждан считаются ценными и ими нельзя пренебрегать. Демократическое правило управления позволяет сосуществовать и сотрудничать людям с различными взглядами и мнениями. В то же время политические решения, как только они будут приняты, должны исполняться всеми членами демократического государства, в том числе теми, чьи субъективные взгляды расходятся с принятыми решениями.

Эта дилемма была поставлена и выражена Р. Уоллхаймом в 1962 г., который пришел к выводу, что подчинение политическому решению, принятому в результате демократического выбора какого-то одного мнения, признанного победителем в конкуренции мнений, кажется несовместимым с собственным исходным выбором [11].

Существуют разные интерпретации этой дилеммы в демократической теории, однако они могут быть представлены двумя основными

линиями. Одна из линий в лице Р. Уоллхайма, Б. Барри, Д. Уайса [11, 8, 10] и др. пыталась представить ее как «парадокс демократии», который необходимо преодолеть. Странники другого подхода (Р. Харрисон и др. [9]) отрицали, что эта дилемма является чем-то парадоксальным.

Б. Барри предлагал способ решения парадокса, разделяя первичные и вторичные желания. Когда избиратель выбрал одну позицию и обнаружил, что большинство проголосовало за другую, он должен подчиниться мнению большинства, и, таким образом, парадокс исчезает. Р. Харрисон, критикуя решение Б. Барри за то, что он не оставляет места для собственного мнения избирателя, на самом деле предлагал похожий способ решения парадокса, как и Б. Барри. Р. Харрисон допускал, что реальный выбор в пользу решения большинства или в пользу собственного мнения в конкретной ситуации не отвергает демократический принцип в целом. Схожий способ рассмотрения проблемы предлагал и Д. Уайс. Он утверждал, что в демократическая дилемма проявляется как сохранение обеих частей одновременно в конкретной ситуации голосования, но не как возможность отмены какой-либо из ее частей [10, с. 517].

Суть демократического принципа в том, что для демократии в равной степени важно обеспечить возможность для каждого человека иметь и защищать свое политическое мнение. Для демократии важно, чтобы граждане были сознательными как активные граждане, способными отстаивать свои взгляды, а также были готовы к принятию результатов процедуры принятия окончательного решения. Наличие и защита своей точки зрения, и способность подчиняться процедуре принятия решений не является парадоксальным, поскольку мнение большинства не идентично постулату, что *это мнение окончательное и истинное в последней инстанции*. Демократ может не признать мнение большинства правильным, даже если он подчинился процедуре принятия решения. Его подчинение процедуре принятия решений означает, что он не должен насильственно сопротивляться этому решению (в том же смысле, что он не должен нарушать закон), потому что он должен уважать факт разногласий во мнениях и осознать, что это решение в исторический момент является единственным способом сделать возможным сотрудничество разных мнений, чтобы система управления могла эффективно функционировать. Таким образом, для несогласного демократа есть возможность выразить свое несогласие, защищать свою позицию и пытаться ее продвинуть на следующем этапе демократического голосования. Более того, он *должен* выражать свою точку зрения, потому что она может помочь обществу приблизиться в дальнейшем к пониманию того, что правильно и справедливо. Мнение большинства может оказаться ошибочным и результатом демократической избирательной процедуры может оказаться далеком от предполагаемой цели, что может быть проиллюстрировано историческими примерами. Одним из самых типичных примеров является факт прихода нацистского режима к власти в полном соответствии с демократической процедурой. Партия, выигравшая демократические выборы, может положить конец самой демократии. Это еще одна серьезная проблема демократии.

Если демократический принцип означает необходимость подчинять собственное мнение мнению большинства, последствия могут быть не лучше феномена тоталитарного единодушия, когда само большинство уже не является объединением независимых мнений, а становится искусственным конструктором, возникающим из ориентации одного члена общества на другого. Такое искусственное единодушие можно легко использовать в поддержку авторитарной директивы, распространяемой среди общества, как это обычно происходило в советской тоталитарной реальности.

Демократический процесс принятия решений, учитывая его плюсы и минусы, не является идеальным, но оптимальным на данном этапе исторического развития. Аспект несовершенства самой демократической процедуры также обсуждается Уоллхаймом [11, с. 74–75]. Если субъективное мнение не может быть учтено ни в одном варианте предложенных решений, то у человека нет другого выбора, кроме как идти на компромисс с неподходящими решениями или вообще отказаться участвовать в голосовании.

Подобные вопросы ставил и М. Оукшотт в рамках своих рассуждений о рационализме в политике. Для обществ, где рациональным считается «утверждение независимости разума в любых возможных обстоятельствах» и «утверждение свободы мысли» [4, с. 7], сохраняется проблема примирения собственного рационального разума с теми решениями, которые приняты для успешного, или кажущегося успешным, решения конкретной проблемы: «коль скоро для какой-то из проблем общества найдено рациональное решение, то допустить, чтобы какая-то из частей этого общества не приняла данного решения, значило бы поступить иррационально» [4, с. 12].

И в демократических, и в вертикально-централизованных политических системах рационально-бюрократический управленческий аппарат работает на обеспечение собственной функциональности и поиск

наиболее оптимальных решений проблем. Управляющая деятельность, направленная на достижение конкретной цели, логически порождает практику насаждения единообразия, и для многообразия мнений в ней не остается места. В административно-исполнительной логике вся целерациональная деятельность «должна быть направлена на то, чтобы единообразно усвершенствовать поведение всех без исключения людей». [4, с. 12]. Но единообразие, рано или поздно, приводит к подрыву состояния устойчивого баланса. Административно-исполнительный аппарат, подчиненный четкой логике функционирования объективно не способен к учету всех жизненных отклонений от этой логики. Парадоксальным результатом рационально-целевого управления становится, как уже не раз было продемонстрировано в истории, сведение управленческой логики до догматизации и деградации, препятствующей социальному и политическому развитию.

Жесткие рационально-административные структуры исторически демонстрировали упорную неготовность к самообновлению без давления со стороны как внешних факторов – потребностей международного экономического и культурного взаимодействия, так и внутренних общественных движений. Ничем не сдерживаемая логика целевого рационализма практически всегда приводит к туиковому состоянию и потере функциональности, в конечном итоге – сокрушительному ослаблению контроля над разнообразием жизненных процессов. Перегрузка рационально-бюрократических средств обеспечения функциональности, не подкрепляемая обратной связью с живым социумом, ведет к усилению недоверия социума к административно-исполнительной системе, что приводит к постепенному разрушению фундамента, на котором зиждется система. Общество начинает искать альтернативные решения для своих конкретных практических задач, образуя свою параллельно функционирующую сферу связей и практик.

Тем не менее, активная социокультурная сфера способна внести свой вклад в динамику трансформации вертикально-иерархических политических отношений, как это показал российский опыт «перестройки» 80-гг. Но в централизованных системах, где формирование массового сознания во временных рамках многих поколений было подчинено доминирующей идеологической схеме, не выработывалась культура использования возможностей свободы мышления и действия. «Перестройка» 80-х гг. XX в., проведенная по принципу перехода (транзита) из рационально-бюрократической советской модели политических отношений в риторически-декларативную сферу (гласность), способствовала старту резкого революционного скачка вместо постепенных практически назревших политических реформ, учитывающих позитивно накопленный экономический и социокультурный опыт связей и отношений. По концепции И. Берлина [1, с. 19–43], проводящей различие между отрицающей, негативной «свободой от» и утверждающей, позитивной «свободой для», в 80-е гг. не произошло плавной трансформации одного типа свободы в другой. В результате «перестройка» привела не к демократизации политической системы, а социально-экономическому хаосу и беспределу, прекращенному лишь в результате воспроизводства централизованной автократии.

Коммуникационное технологическое развитие в XXI в. многократно ускоряет процесс выдвижения социальных инициатив и приводит к усилению давления общества на управленческие структуры, заявляя о своих растущих потребностях участия в принятии политических решений. В становлении сетевой культуры происходит формирование социальности нового типа, что запускает механизмы трансформации не только социальных, но и политических отношений. Новый тип социальности возникает по мере того, как меняются технологии, обеспечивающие экономический рост, за которым, раньше или позже, следует и повышение общего материального уровня жизни. Так, «общество выживания» начала XX в. трансформировалось в «общество благосостояния» (welfare state) во время первой волны НТР в 60-гг. XX в. По исследованиям Р. Инглхарта и К. Вельцеля в последние десятилетия XX в. экономическое развитие породило движение общества к значимым культурным и политическим изменениям: от ценностей сплочения ради выживания к ценностям личностного самовыражения. Данные опросов многолетнего социологического проекта World Values Surveys, проследившего эволюцию ценностных установок жителей разных стран мира, доказали влияние социокультурной динамики на развитие демократий [2]. И наоборот, разбалансирование экономической системы в периоды кризисов может с большой вероятностью привести к усилению авторитаризма, политического популизма и разрушению демократий.

Цифровая автоматизация и роботизация производственных процессов XXI в. вносят фактор неоднозначности в перспективы укрепления «общества благосостояния». Рост экономической производительности открывает не только новые возможности, но порождает и новые риски экономического неравенства, которые могут затормозить рост уровня жизни населения и процесс обновления политических отно-

шений в сторону их демократизации. Требуется определенное время на социальную и политическую адаптацию к экономическим изменениям – разработки новых технологий производства, реализации готовой продукции и распределения доходов. В результате расширения автоматизации и роботизации происходит существенное сокращение рабочих мест, рабочего времени в экономическом секторе, а вслед за этим урезание или потеря доходов и снижение качества жизни значительной части населения. Такая отрицательная динамика ведет к обострению социальных проблем. Рост доходов крупных кибер-технологических компаний требует повышения корпоративных налогов и разработки механизмов социальной поддержки населения – воплощения идеи введения безусловного базового дохода в жизнь. И только после прояснения всех деталей и последствий такой перестройки будет возможен переход Welfare State на новый этап.

В этот период возникновение новых иерархий – кибер-технологических – создают риски негативных последствий для воспроизводства вертикально-выстроенных политических отношений. Технологические инновации используются не столько для развития взаимодействия с обществом, сколько для обновления инструментов тотального мониторинга и контроля над социальной коммуникацией, трансформацию «власти коммуникации» [3] во «власть над коммуникацией», что усиливает риски обострения противоречий между различными политическими и социальными сегментами.

Тем не менее, технологическое развитие сферы сетевой коммуникации объективно способствует переопределению социально-политических отношений, обновлению политико-элитарного слоя. Однако по данным ученых-элитологов, процесс обновления высших эшелонов власти идет с большим трудом.

Такие особенности централизованной автократии как: «сверхконцентрация власти в одних руках, доминирование федеральной власти во взаимоотношениях с бизнесом и региональными управленческими институтами, слабая легислатура и сверхвливание силовых структур на систему управления, которые сложились в 2010-е гг., наблюдаются и в 20-е гг.» [6, с. 84]. При этом замечается не пополнение политических элит молодыми профессионалами, а замещение освободившихся позиций представителями прежних околовластных групп из числа федеральных чиновников – например, директора департаментов министерств становятся заместителями министров.

Таким образом, можно сделать вывод, что реального обновления сферы политэлиты фактически не происходит. В сферы высших эшелонов власти закрыт вход для молодого технологически образованного поколения, которое могло бы развернуть общий курс политического развития в сторону демократизации политической системы: создания свободной конкурентной среды для индивидуальной и групповой самореализации в экономической, социальной и политической сферах.

Следствием развития коммуникационных технологий становится изменение социальных потребностей общества, его системы ценностей и нормативно-этических условностей – возникают запросы на бытовой комфорт, понижается готовность к самопожертвованию во имя непонятных обществу целей. И это естественный процесс, ведущий к изменениям и социальным, и политическим отношениям: массовые ориентации на «вождизм», «сильную руку», меняются на растущие требования социума в обеспечении политических условий участия в процессах принятия решений.

Таким образом, набирающая силу волна социально-сетевой активности способствует серьезным социокультурным сдвигам и изменению факторов обеспечения стабильности централизованных политических систем. Управленческие структуры вынуждаются к перестройке долговременных стратегий управления и в перспективе выстраиванию гораздо более устойчивой платформы для функционирования политической системы. При дальнейшем укреплении социальных опор этой платформы обновленный тип политических отношений будет способствовать эволюционности развития, подавляемого инерционно работающими механизмами консервации и воспроизводства централизованности и единовластия.

Сетевой социально-политический дискурс меняет понимание рациональности в политике. Рационально-бюрократические принципы управления неизбежно трансформируются в сетевую дискурсивную рациональность. В развитых демократических системах «политика силы» постепенно сменилась на политику достижения договоренностей и защиты прав человека. Принципы эволюционного развития политических отношений меняются по мере расширения возможностей сетевой коммуникации. Принцип «человек для системы» сменяется на принцип «система для человека». Для адаптации к технологическим инновациям вся структура социоментальной формации перестраивается с установок на ожидание инструкций «сверху» и распоряжений «руководства» на самостоятельность мышления и поведения. Становле-

ние новой политической культуры предполагает обновление политики в сторону развития более цивилизованных форм рациональности, основанных на аргументированной публичной дискуссии, направленной на повышение «качества гражданского участия» [7, с. 385], для достижения социального и политического взаимопонимания и консенсуса.

Литература

1. Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. перевод с английского, предисловие Л.Б. Макеевой. Москва: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. – 248 с. ISBN 5-7333-0005-1.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – Москва: Новое издательство, 2011. – 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2
3. Каstellс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 591 с.
4. Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. Пер. с англ. – Москва: Идея-пресс, 2002. – 288 с.
5. Сети отношений и политическая реальность: [монография] / отв. редактор О.М. Михайленок; А.В. Назаренко; – Москва: ФНИСЦ РАН, 2025. – 276 с. ISBN 978-5-89697-448-2.2025
6. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: особенности воспроизводства карьерных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 67–89. DOI 10.19181/snp.2025.13.2.4.
7. Хелд Д. Модели демократии. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 544 с.
8. Barry B. 'Wollheim's Paradox', in *Political Theory*, 1973, P. 317–322. (In Eng.).
9. Harrison R. 'No Paradox in Democracy' in *Political Studies*, 1970, P. 514–517. (In Eng.).
10. Weiss D. «Wollheim's Paradox: Survey and Solution». In *Political Theory*, Vol. 1, № 2 (June 1973), pp. 154–170. Sage Publications.
11. Wollheim R. 'A Paradox in the Theory of Democracy', in *Philosophy, Politics and Society* (Second Series), ed by P. Laslett & W. Runciman, Oxford, 1967, P. 71–87. (In Eng.).

POLITICAL RELATIONS IN THE DYNAMICS OF REPRODUCTION AND RENEWAL

Voronkova O.A.

Institute of Socio-Political Research of FCTAS

The development of communication technologies significantly changes the nature of socio-political relations. Deep involvement in network communication increases the level of social competence in all spheres of relations and forms a social demand for public participation in political decision-making processes. The growth of the social, intellectual and professional level inevitably requires an increase in the level of professionalism and political and managerial layers, a real renewal of the personnel not just on the principle of internal rotation, but through the infusion of «fresh forces» into the managerial sphere – young managerial specialists. However, the process of renewal of political relations is proceeding with great difficulty. In fact, the entrance to the spheres of the highest echelons of power is closed to the young technologically educated generation, which could turn the general course of political development towards the democratization of the political space.

Keywords: hierarchy, rationality, democracy, dictatorship, network society, new type of politics

References

1. Berlin I. Two Concepts of Freedom. In *Modern Liberalism*. translated from English, preface by L.B. Makeeva. Moscow: House of Intellectual Books; Progress-Tradition, 1998. – 248 p. (In Russ.).
2. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, Cultural Changes and Democracy: Consistency of Human Development*. – Moscow: New Publishing House, 2011. 464 p. (Library of the Liberal Mission Foundation). (In Russ.).
3. Castels, M. *Communication Power*/ trans. English. N.M. Tylevich. – Moscow: Ed. Home High School of Economics, 2017. – 591 p. (In Russ.).
4. Oakeshott M. *Rationalism in Politics and Other Articles*. Translation: Moscow: Idea-Press, 2002. – 288 p. (In Russ.).
5. *Networks of Relations and Political Reality: [monograph]*. editor O.M. Mikhailynok; A.V. Nazarenko. – Moscow: FCTAS RAN, 2025. – 276 p. (In Russ.).
6. Tey D.B. *Federal Administrative Elite of Russia: Features of the Reproduction of Career Characteristics*. 2025. T. 13, № 2. P. 67–89. (In Russ.).
7. Held D. *Models of democracy*. Moscow, Publishing House «Delo» of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration of Russia, 2014. – 544 p. (In Russ.).
8. Barry, B., «The Wollheim Paradox» in *Political Theory*, 1973, P. 317–322. (In Eng.).
9. Harrison, R., «There is No paradox in democracy» in *Political Studies*, 1970, P. 514–517. (In Eng.).
10. Weiss D. «Wollheim's Paradox: Review and Solution» in *Political Theory*, Vol. 1, № 2 (June 1973), P. 154–170. Sage Publications. (In Eng.).
11. Wollheim R., «A Paradox in the Theory of Democracy» in *Philosophy, Politics and Society* (Second Series), eds. P. Laslett and W. Runciman, Oxford, 1967, P. 71–87. (In Eng.).

Гараева Алина Николаевна,

аспирант кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова
E-mail: alina.garaeva99@yandex.ru

Колобова Светлана Анатольевна,

доктор политических наук, доцент, профессор, декан Высшей школы международных отношений и мировой политики, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

В статье дается определение деструктивного поведения, выделяются факторы и условия, которые могут подталкивать молодежь к совершению противоправной деятельности: стирание национальных и культурных границ; конфликт поколений и виртуализация повседневной жизни; социально-политический фактор; правовой нигилизм; взаимоотношения в семье. Среди основных угроз для молодежи в цифровой среде выделяются различные элементы информационно-психологического воздействия и связанных с ним рисков (коммуникативных, технических, контентных, потребительских). Отмечается, что посредством интернет-технологий молодежь привлекают к участию в террористических и экстремистских организациях, криминальных субкультурах, склоняют к суициду и скулшутингу, кибертерроризму и киберэкстремизму, кибербуллингу. Автором делается вывод о необходимости продолжения изучения и мониторинга проблемы вовлечения молодежи в деструктивные практики, а также приводятся методы профилактики негативного информационно-психологического воздействия: информирование молодежи по вопросам безопасного поведения в интернете, усиление работы в учебных заведениях служб психологической помощи и консультирования в конфликтных ситуациях, помощь в трудоустройстве и создание условий для вовлеченности подростка в живое общение в реальном мире, применение технических средств информационно-психологической безопасности.

Ключевые слова: молодежь, деструктивные практики, цифровое пространство, Интернет, социальные сети, колумбайн, терроризм.

Введение

Деструктивное поведение – это проявление внутренней деятельности человека практическим или вербальным способом, итогом которого является разрушение чего-либо, которое, как правило, направлено на коммуникацию между людьми, материальные предметы, собственное физическое или эмоциональное состояние.

Чаще всего такое поведение свойственно подросткам, ведь они переживают в своей жизни переломные моменты, проходят возрастные изменения психики; сталкиваются с первыми проблемами в обществе, непониманием со стороны взрослых, в результате чего происходят деструктивные изменения личности, которые выражаются в разрушительных поступках.

Виды деструктивного поведения по отношению к социальным объектам

Интраперсональное деструктивное поведение сопровождается пренебрежительным отношением к себе, алкогольной или наркотической зависимостью, отсутствием ухода за внешним видом, несоблюдением безопасности при использовании технических средств или во время вождения автомобиля.

Интерперсональное деструктивное поведение проявляется по отношению к другим людям. Человек выражает всяческое неуважение к собеседнику, старается понизить его значимость, за счет этого повышая свою самооценку. К таким действиям относятся оскорбления, угрозы, клевета.

Метаперсональное: деструктивная личность отказывается выполнять свою роль, например, трудовую или семейную. Это проявляется в форме моббинга, буллинга по отношению к участникам группы, в которой состоит человек, межгрупповых конфликтах, массовых беспорядках, невыполнении своих прямых обязанностей.

Обосновывая мотивы, по которым молодежь прибегает к радикальным и деструктивным идеям, необходимо отметить ряд факторов:

1. Стирание национальных и культурных границ, проблема национальной идентичности и укрепления суверенной нации. В рамках данного фактора могут развиваться два феномена – расизм и ксенофобия. Многие люди поддерживают данные течения в виду возможности показать свою неординарность, как средство самовыражения, а также отсутствия социальных позиций, политических и экономических идеалов, ценностей и культурных ориентиров и критического анализа событийного ряда.

2. Конфликт поколений и виртуализация повседневной жизни. Молодому поколению сложно мириться с социально-политическими, экономическими и культурными трансформациями в стране. Отрицая опыт предшествующих поколений и уроки истории, молодежь пытается трактовать свое мнение, прибегая к резко радикальным мировоззренческим позициям. Более того, живое общение заменяется виртуальным. На сегодняшний день, огромное количество радикалов сосредоточено в сети Интернет, с помощью которой гораздо проще продвигать деструктивные практики. К сожалению, в настоящее время наблюдается тенденция, когда детям и подросткам проще доверить свои личные переживания незнакомым людям в информационной среде, нежели своим родителям. Вместо осуждения их деятельности радикалы оказывают поддержку, создавая для себя почву для манипулирования детским сознанием.

3. Социально-политический фактор. Выступая объектом интересов государства, стратегическим кадровым и трудовым ресурсом, молодое поколение также выступает в качестве ключевой цели воздействия оппозиции. Сложность адаптации к новым условиям жизни, социальная напряженность, проблема воспитания, отсутствие жизненных целей – проблемы, с которыми молодежь сталкивается ежедневно, именно поэтому необходимо уделять пристальное внимание ее самореализации и самоорганизации, иначе, испытав разочарование, она перестанет доверять государственным структурам и найдет выход в демонстрации деструктивных взглядов.

4. Правовой нигилизм – низкий уровень правосознания, негативное отношение к государственным структурам, социальное неравенство, бедность, напряженность в межэтнических и межрелигиозных отношениях.

5. Взаимоотношения в семье как институте первичной социализации, с помощью которого у человека формируется общее мировоз-

зрение. Проблема недопонимания родителями своих детей является весьма распространенной в современном мире. Подросток, которого не понимают или недолюбливают родители, не уделяют ему должного внимания, испытывает серьезные психологические проблемы. Благодаря этому пропагандисты и вербовщики могут осуществлять свою деятельность.

Риски информационно-психологического воздействия

Среди рисков, с которыми молодежь чаще всего сталкивается в цифровом пространстве, выделяют риски контентного, технического, коммуникативного и потребительского характера.

К коммуникативным рискам, возникающим в ходе общения, относятся: кибербуллинг, киберсталкинг, угрозы репутации в сети, общение с незнакомыми, потенциально опасные социальные группы [3, С. 115].

Кибербуллинг – отдельное направление травли или вид киберагрессии, определяемый как преднамеренные агрессивные действия, систематически, на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм воздействия и направленные против жертвы, которая не может себя защитить. Выделяется прямой (непосредственная атака на ребенка) и косвенный (вовлечение в травлю других подростков) кибербуллинг. К проявлениям кибербуллинга также относят флеминг (вовлечение в бурное словесно-эмоциональное противостояние большого количества участников), харассмент (действия в отношении одного человека, вызывающие тревогу, стресс, раздражение).

Киберсталкинг заключается в преследовании жертвы путем постоянного отправления ей материалов, вызывающих негативные эмоциональные реакции и состояния. Например, рассылка и размещение материалов интимного содержания [6, С. 419].

Под техническими рисками подразумеваются повреждение устройств, информации, программного обеспечения, взлом аккаунтов, кража персональных данных, вымогательство денег, вредоносные программы, а также освоение новых устройств, приложений, онлайн-сервисов.

Контентные риски включают в себя потенциально опасную информацию в сети, негативный контент, материалы сексуального характера, содержащие порнографию, жестокость, насилие и агрессию, пропаганду наркотиков, алкоголя, сигарет, самоубийств.

Потребительские риски представлены некачественной, контрафактной продукцией, потерей денежных средств, хищением персональных данных во время совершения покупок в интернет-магазинах, фишингом (получением персональных данных), мобильным мошенничеством.

Высокий уровень манипулируемости в онлайн-среде вызван особыми характеристиками поведения, которые в офлайн-среде встречаются намного реже. К таким относятся распространение чрезмерной информации о себе, друзьях, родственниках при общении с незнакомыми людьми, халатное отношение к хранению персональных данных, а также учетных записей и паролей. Отмечаются также в целом более высокая по сравнению со старшим поколением активность молодежи в социальных сетях, склонность родителей недооценивать онлайн-угрозы и частоту столкновения с ними детей, расширение сфер и условий, способствующих дистанционному общению онлайн (в том числе, увеличение популярности дистанционного обучения).

Основные деструктивные идеологии

Ваххабизм – салафийское религиозно-политическое течение в исламе, основанное Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом ат-Тамими и сформировавшееся в XVIII веке. От его имени, собственно, и название секты – ваххабизм. Правда, сами ваххабиты так себя называть категорически не любят, предпочитают именно салафитами. Религиозная сущность ваххабизма заключается в очищении ислама от влияний домусульманских, языческих форм верований, культурных, этнических или других особенностях тех или иных мусульманских народов.

Реальную угрозу России ваххабиты стали представлять с конца 80-х годов XX века. Уже в 1989 году сторонники «чистого ислама» смогли свергнуть муфтиев Средней Азии и Северного Кавказа. После возобновления дипломатических отношений с Саудовской Аравией в 1991 году и случившегося в том же году распада СССР экспансия ваххабитов на постсоветское пространство приобрела лавинообразный характер.

Особое внимание ваххабиты уделяли образовательным программам, призванным воспитать радикальных имамов и сформировать из них новую генерацию духовных лидеров. С 1989 года молодые мусульмане из республик Северного Кавказа, а впоследствии и из других российских регионов, сотнями отправлялись на учебу в зарубежные

медресе в рамках арабских и турецких программ содействия возрождению российского ислама. Прямая вербовка сторонников дублировалась кампанией по изданию многотысячными тиражами и преимущественно бесплатному распространению экстремистской литературы. Развитие Интернета позволило ваххабитам насытить его русскоязычный сегмент сотнями сайтов, которые до сих пор количественно превосходят веб-ресурсы традиционных мусульман.

После появления социальных сетей с их помощью была начата вербовка новых членов, а для распространения видеоматериалов стали активно использоваться сервисы типа YouTube. Параллельно была развернута миссионерская деятельность в среде организованных преступных группировок и в местах заключения (феномен «тюремных джамаатов»).

Неоязычество – новые религиозные движения, совокупность религиозных движений, стремящихся к возрождению исторических языческих верований или комбинирующих их элементы. Неоязыческие объединения отличаются от традиционных языческих групп в первую очередь отсутствием исторической преемственности. Они пытаются восстановить давно исчезнувшие культы по своему разумению, привнося в их верования и культовую практику множество новых элементов. В ряде случаев древние культы вообще создаются заново, поскольку достоверных сведений об их ритуалах не сохранилось.

Группировки с **ультраправыми идеологиями (включая неонацизм)** составляют самый крупный блок запрещенных организаций политического характера. Идеологиям такого рода свойственны радикальный национализм и часто расизм, ксенофобия, мигрантофобия, пропаганда сепаратизма, симпатии к нацистским взглядам и фашистской символике. Важным моментом является то, что экстремистские настроения наиболее распространены среди учеников выпускных классов средней школы, этот момент особенно важен в связи с интенсивной деградацией среднего образования [5, С. 227]. Среди ультраправых группировок наиболее активны организации наци-скинхедов и иных неонацистов, русских, украинских и крымскотатарских националистов, радикальных футбольных болельщиков.

Ультраправые националисты выступают за иерархическое разделение общества, при этом иерархия может строиться на принципах расового или национального превосходства. Идеалом государственного устройства большинства из них является национальное (русское, украинское, татарское) государство, в котором национальные меньшинства или отсутствовали бы как явление, или были бы поражены в правах.

Целевой аудиторией ультраправых структур является молодежь, неудовлетворенная защитой своих прав перед лицом экспансии людей другой культуры. Именно ксенофобия является главным аттрактивным фактором такого рода групп.

Ультралевые идеологии. Термин «ультралевые» применяется для обозначения людей и групп, которые придерживаются крайних левых позиций в политическом спектре. К ним относят коммунистов, анархистов, а также течения, близкие к ним, но не поддающиеся однозначной оценке. Политические течения, входящие в данную категорию, как правило, стремятся к демонтажу иерархий и заявляют своей целью социальное равенство в обществе. Ультралевые заявляют о приверженности принципам интернационализма, антифашизма, антиимпериализма. Целевой аудиторией ультралевых являются как пожилые люди, испытывающие ностальгию по советскому прошлому, так и молодежь, которая хочет в жизни резких перемен.

Ультралиберальные идеологии в российском случае предполагают неукоснительное следование текущим западными ценностями и повестке, которые определяют США (при этом, со временем данные ценности становятся все менее либеральными и все более левацкими). В теории ультра-либералы выступают за максимальную свободу во всех сферах – политической, экономической, социальной, религиозной, – однако на деле агрессивно относятся к иным точкам зрения и призывают к расправам над оппонентами. В среде их сторонников не приветствуется плюрализм, следование текущей повестке.

Целевую аудиторию ультралибералов составляет как молодежь (включая даже школьников, для вербовки которых используются специальные методики), так и пожилые люди, относившие себя в советское время к диссидентам. К ультралибералам предпочитают примыкать организации сексуальных и религиозных меньшинств, экозащитников. По религиозному составу ультралибералы представлены преимущественно атеистами и членами разнообразных сект, особенно христианского генезиса. Довольно часто среди них встречаются католики, иудеи и протестанты, а также адепты ряда исламистских сект.

Мизантропическая идеология. Мизантропия представляет собой общую ненависть, неприязнь или недоверие к человеческому виду, человеческому поведению или человеческой природе. Адепты ми-

зантропической или человеконенавистнической идеологии, в отличие от обычных террористов, хотят убить не конкретную часть населения, а все человечество в целом. Социальное неравенство, ограниченность ресурсов, зависть, отсутствие знаний и навыков, с помощью которых можно было бы качественно улучшить свой социальный статус в сочетании с пассивностью и нежеланием прилагать усилия для достижения каких-либо целей, приводит к разочарованию и ненависти ко всему окружающему миру [1, С. 23].

Свою жизнь последователи мизантропической идеологии также не ценят, вследствие чего после теракта его исполнитель или исполнители должны покончить с собой. Данная идеология легла в основу сект *Misanthropic division* и «М.К.У.», а также движения «Колумбайн» («скулшутинг»)¹.

В настоящее время для привлечения новых рекрутов необязательно прибегать к помощи прямого (личного) контакта с вербуемым, можно использовать различные методы и технологии, в том числе в сети «Интернет».

В силу своей специфики Интернет стал основным местом проведения пропагандистской и вербовочной деятельности террористических и экстремистских организаций. Посредством общения через социальные сети, тематические чаты, форумы и мессенджеры находят сторонники радикальных идей. Именно их виртуальные сообщества представляют фундаментальный интерес для вербовщиков.

В 2017–2020 годах органами безопасности и правопорядка пресечена деятельность 31 молодежной криминальной группировки, приживавшейся идеологии АУЕ («Арестантский уклад един»)².

Но, несмотря на активное применение административных, уголовно-процессуальных и профилактических мер, продолжался рост популярности АУЕ в сети, количество «воровских» пабликов не сокращалось, и наблюдался устойчивый интерес к криминальной идеологии подростков, готовых к совершению преступлений против общественного порядка и представителей органов государственной власти.

В 2020 году Верховный суд признал АУЕ экстремистской организацией, её деятельность запрещена в России. Участие в этой организации довольно далеко от романтики кинематографа и влечет за собой реальное уголовное наказание (ст. 210, 280, 280.1, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Романтизация преступности – распространенное явление в культуре и искусстве. Тюремная символика постепенно проникает в культурную среду и становится одним из вариантов нормы в обществе. Например, в 2019 году бренд одежды *Vetements* представил коллекцию одежды, украшенную изображениями тюремных татуировок. Если говорить о кинематографе, то публика может симпатизировать отрицательным персонажам из-за их внешности. Изначально в киноиндустрии злодеям придавали отталкивающие черты, изображали страшными, чтобы усилить эффект и подчеркнуть превосходство положительных героев. Постепенно ситуация изменилась, и сегодня многие отрицательные персонажи имеют привлекательную внешность, популярную у среднестатистического зрителя.

В ситуации, когда девушки симпатизируют преступникам, характерно желание «спасти или исправить хулигана», что тоже является показателем травмирующего психологического опыта. Обычно подобные виды симпатии связаны с отсутствием взаимопонимания и достаточной любви в детстве.

Романтизация преступников может перерастать в сексуализацию. Одной из причин нездорового увлечения может быть такое психическое расстройство, как «гибристофилия». Этот термин используется в психиатрии для обозначения неудержимого влечения к людям, совершившим тяжкие преступления. Случай массового проявления этого расстройства связан с американским маньяком Тедом Банди, который, находясь в тюрьме, получал сотни писем от фанаток.

Причинами романтизации молодежью преступности часто становятся особенности психологического развития на фоне гормональной перестройки организма и неблагоприятная социальная обстановка вокруг ребенка. Также на этапе становления личности влияние на подростков может оказывать и культурная среда.

В 2021 году 21-летний американец Кэмерон Херрин из Флориды сбил насмерть женщину с ребенком во время нелегальной уличной гонки. Суд вынес К. Херрину приговор в виде 24 лет лишения свободы. Подростки в социальной сети TikTok защищали преступника, призывали дать осужденному второй шанс, потому что наказание показало

ему слишком суровым. Ролики в его поддержку набирали огромное количество просмотров, в сети образовались импровизированные фан-клубы К. Херрина. В данном случае определенную роль сыграл внешний вид преступника. Если у человека яркая и привлекательная внешность, то он может производить положительное впечатление.

11 мая 2021 года в гимназии № 175 в Казани произошла стрельба, погибли 9 человек, еще 21 – получил ранения. Примерно в таких чертах описывали «героя» казанской трагедии Ильназа Галябиева: «За время учебы показал себя тихим и неконфликтным студентом. Всегда был опрятным и спокойным, уважительно относился к сокурсникам и преподавателям». Отец говорил о нем, что он «не религиозен, никакие плохие мысли или настроений не высказывал и не показывал» [7].

Впоследствии в социальной сети TikTok появились фан-аккаунты в поддержку Галябиева, хештеги в поддержку стрелка набирали популярность. Сеть наводнили тысячи комментариев: одни оправдывали действия убийцы, другие осуждали его сторонников. В социальных сетях подростки признавались в симпатии к преступнику, пытались оправдать его действия.

Это указывает на то, что молодые люди не так одиноки – они включены в некий социум, расположенный в Интернете. Там они активно обмениваются мнениями и намерениями, разжигая в себе ненависть к своему реальному социальному окружению. И на сайте «Колумбайн» вполне взрослые и квалифицированные люди подбирают, поддерживают и направляют этих глубоко несчастных молодых людей [2, С. 811].

В 2018 году были приняты изменения в ФЗ-149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и в ФЗ-436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Суть изменений заключается в обязанности провайдера незамедлительно ограничивать доступ к интернет-контенту с призывами и вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность. В том же году Роскомнадзор заявил о немедленной блокировке любого общества в соцсетях, где есть призывы к насилию в школах.

2 февраля 2022 года Верховный суд признал движение «Колумбайн» террористическим и запретил его деятельность в России. Оправдание, поддержка и участие в запрещенном движении наказываются в соответствии с законом (ст. 205, 205.1 и ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

К одному из основных направлений участия молодежи в деятельности радикальной направленности и угрозы для системы национальной безопасности Российской Федерации также относится **псевдоисламский радикализм**.

Тезис о «чистом исламе» набирает обороты в современном обществе. Многие считают, что ислам, являясь наиболее влиятельной религией, поддавался качественным изменениям за всю историю существования, именно поэтому радикальные исламисты хотят вернуть прежний, неискаженный ислам. По их мнению, необходимо построить жесткое теократическое государство – «халифат» и жить строго в соответствии с нормами шариата. Многие молодые люди, подвергаясь влиянию, хотя и чувствуют себя важными в создании халифата, поэтому легко поддаются психологическим манипуляциям, чем, к примеру, активно пользуются бойцы «ИГИЛ»³, одной из самых крупных исламистских международных террористических организаций, запрещенных на территории РФ.

«Исламское государство» предлагает молодёжи, жаждущей религиозной праведности и возможности самоутвердиться, власть над подконтрольными ИГИЛ территориями, завлекая демонстрацией своей силы и мощи и привлекательным контентом. Иногда радикалы пользуются поддержкой ОПГ, которые якобы совершают преступления с целью получения прибыли и человеческого капитала, чтобы «замаскировать» свои деяния. Представители радикальных исламистских организаций, действующие в различных регионах, часто связаны с ОПГ, чтобы замаскировать свои действия под деятельностью преступных сообществ, получения криминальных расходов и использования человеческого капитала.

Меры профилактики деструктивного информационно-психологического воздействия

К профилактическим методам, направленным на снижение такой проблемы, как интернет-зависимость, относят: информирование молодых людей по вопросам безопасного поведения в интернете; организацию постоянного мониторинга активности подростков в сети; создание условий для повышения интереса и вовлеченности подростка в живое общение в реальном мире (офлайн-среде); применение технических средств информационно-психологической безопасности личности.

¹ Международное молодежное движение «Колумбайн» признано террористической организацией.

² Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» («Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) признано экстремистской организацией.

³ Признано террористической организацией.

Существует еще один способ минимизации онлайн-рисков для подростков – формирование у них цифровой компетентности, то есть развитие способностей и навыков эффективного использования цифровых технологий в повседневной жизни, способностей и навыков критического оценивания технологий, мотивации к участию в цифровой культуре, а также технических навыков, связанных с компьютерной грамотностью.

Профилактическим направлением, реализуемым педагогами и сотрудниками по делам несовершеннолетних, является и работа по формированию культуры потребления медиаинформации подростками, под которой понимается совокупность способов и правил по использованию (поиск, отбор, анализ, создание информационных продуктов) в процессе общественной и исторической деятельности информационной среды (сообщений, данных), а также информационных технологий для удовлетворения своих потребностей.

В современных условиях трансформации международного сообщества, под влиянием динамичных процессов глобализации и эскалации международной напряженности, проблема распространения радикальной идеологии становится весьма актуальной особенно в молодежной среде, о чем свидетельствуют многочисленные террористические акты, деятельность запрещенных на территории РФ организаций, а также рост любого вида нетерпимости к различным слоям населения.

На сегодняшний день существует несколько способов обеспечения предупреждения и профилактики деструктивной идеологии, а также информационной безопасности детей и подростков, которые распространены на все сферы общественной жизни. В них учитываются их особенности, отличительные черты, степень уязвимости перед угрозами, а также совокупность факторов, которые оказывают непосредственное влияние на состояние национальной безопасности страны.

1. *Национальный антитеррористический комитет Российской Федерации* – коллегиальный орган, образованный в целях организации и координации деятельности по противодействию терроризму, осуществляемой федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также антитеррористическими комиссиями и оперативными штабами в субъектах Российской Федерации и оперативными штабами в морских районах.

2. *Главное управление по противодействию экстремизма Министерства внутренних дел Российской Федерации* – самостоятельное структурное подразделение, которое занимается разработкой государственной политики и нормативно-правового сопровождения в области противодействия экстремистской деятельности и терроризму.

3. *Управление по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом Федеральной службы безопасности Российской Федерации* – подразделение, созданное для борьбы с радикально-настроеной молодежью. Информация о деятельности Управления засекречена.

4. *Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр защиты прав и интересов детей»* является подведомственным учреждением Министерства просвещения Российской Федерации. Одним из важнейших направлений деятельности центра является предупреждение радикальных идей и разработка системы профилактики девиантного поведения учащихся. Центром осуществляется сопровождение социально-психологического тестирования обучающихся образовательных организаций.

5. *Центр безопасного Интернета в России* является уполномоченным российским членом Европейской сети Центров безопасного Интернета (InSAFE), действующей в рамках Safer Internet Programme Европейской Комиссии и объединяющей национальные Центры безопасного Интернета стран ЕС и России. Центр Безопасного Интернета (Национальный Узел Интернет-безопасности в России) – член Международной сети «горячих линий» по борьбе с противоправным контентом INHOPE. Работа Центра посвящена проблеме безопасной, корректной и комфортной работы в Интернете и противодействию Интернет-угроз в целях радикализации пользователей.

6. *Лига безопасного интернета* – правительственная организация, созданная в 2011 году при поддержке Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Комитета Государственной Думы Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей. Организация работает по нескольким направлениям и выступает за свободный интернет для детей и подростков, борется с распространением детской порнографии, наркотических средств, призывами к самоубийству и экстремистских материалов, а также с рекламой радикальных настроений, ЛГБТ-пропагандой, фейковыми новостями и жестоким обращением с животными.

7. *«Скорая помощь онлайн»* – федеральный проект по созданию Линии помощи «Дети Онлайн». Это специальная программа, которая

помогает детям в сложных психологических ситуациях, с которыми они сталкиваются в Интернете, разработанная Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

8. *Молодёжный цифровой омбудсмен* – первый ЦифроЗащитник российской молодежи, обращающий особое внимание на безопасность молодежи и профилактику радикализма и экстремизма через решение вопросов военно-патриотического воспитания детей и молодежи и правовое просвещение в предупреждении радикальной преступности.

9. *Фонд «Разумный интернет»* был учрежден в 2012 году Координационным центром национального домена сети Интернет, который создал домены.RU и.РФ. Сам Фонд занимается развитием детского интернета и поддержкой гуманитарных проектов по противодействию радикализации в сети. Флагманским проектом организации стало создание доменного имени. ДЕТИ, что стало пространством доверия и повысило качество использования интернета.

Закключение

Процесс вовлечения в деструктивные сообщества, практики в социальных сетях у молодежи часто связан с проблемами коммуникации со сверстниками, в отношениях со взрослыми, с конфликтами в семье. Причинами участия молодежи в деструктивных сообществах также могут быть нестабильность психики, внутреннее одиночество, желание с кем-то объединиться. Интерес к тем или иным деструктивным сообществам может складываться как под воздействием виртуального механизма, то есть самих социальных сетей, распространяющих деструктивный контент, так и под влиянием конкретных социальных, макро- и микрофакторов, жизненных причин, способных ускорить процесс включения.

На сегодняшний день тема вовлеченности молодежи в деструктивные практики крайне актуальна, требует дальнейших измерений и постоянного мониторинга, проведения качественных исследований с обучающимися групп риска в учебных заведениях. Мерами по профилактике и предотвращению деструктивного поведения среди молодежи могут выступить организация всевозможных смотров, конкурсов и фестивалей молодежных субкультур, усиление работы в учебных заведениях служб психологической помощи и консультирования в конфликтных ситуациях, помощь в трудоустройстве (в том числе, организация общественных работ) и другое.

Литература

- Вехов И.В. Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля: дис. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2011. URL: <https://www.disscat.com/content/ekstremizm-v-sovremennoi-rossii-mekhanizmvosproizvodstva-i-mery-sotsialnogo-kontrolya> (дата обращения: 14.02.2026).
- Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16, № 4. С. 808–846.
- Дадаева Т.М. Отношение молодежи к деструктивным практикам в цифровом пространстве // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 4. С. 108–125.
- Зубок Ю. А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы, тенденции. Москва: Academia, 2009. 320 с.
- Лазарева И.Ю. Профилактика деструктивного информационно-психологического воздействия на молодежь в сети Интернет // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2021. Т. 26, № 4(87). С. 416–422.
- Что известно о казанском стрелке // *Коммерсантъ*. 11.05.2021 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4803089> (дата обращения: 14.02.2026).
- Якунин И. Личность «керченского стрелка» скрывается под вооружением характеристик // *Коммерсантъ FM*. 18.10.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3773204> (дата обращения: 14.02.2026).

THE MAIN RISKS OF YOUTH INVOLVEMENT IN DESTRUCTIVE PRACTICES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Garaeva A.N., Kolobova S.A.
Linguistics University of Nizhny Novgorod

The article defines destructive behavior and highlights factors and conditions that can push young people to commit illegal activities: the blurring of national and cultural boundaries; generational conflict and the virtualization of everyday life; sociopolitical factors; legal nihilism; and family relationships. Among the main threats to young people in the digital environment are various elements of informational and psychological influence and associated risks (communication, technical, content, and consumer). It is noted that internet tech-

nologies are used to lure young people into terrorist and extremist organizations, criminal subcultures, and to incite them to suicide, school shootings, cyberterrorism, cyber extremism, and cyberbullying. The author concludes that it is necessary to continue studying and monitoring the problem of youth involvement in destructive practices, and also provides methods for preventing negative information and psychological influence: informing young people about safe behavior on the Internet, strengthening the work of psychological assistance and counseling services in educational institutions in conflict situations, assistance in employment and creating conditions for the involvement of teenagers in live communication in the real world, the use of technical means of information and psychological security.

Keywords: youth, destructive practices, digital space, Internet, social media, Columbine, terrorism.

References

1. Vekhov I.V. Extremism in Contemporary Russia: Reproduction Mechanism and Social Control Measures: Diss. ... Cand. Sociological Sciences. St. Petersburg, 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/ekstremizm-v-sovremennoi-rossii-mekhanizm-vosproizvodstva-i-mery-sotsialnogo-kontrolya> (Accessed: 14.02.2026).
2. Glukhova A. A., Iudin A.A., Shpilev D.A. Columbine as a Type of Youth Destructivism // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Vol. 16, No. 4. Pp. 808–846.
3. Dadaeva T.M. Young People's Attitudes Toward Destructive Practices in the Digital Space // Society and Security Insights. 2022. Vol. 5, No. 4. Pp. 108–125.
4. Zubok Yu. A., Chuprova V.I. Youth Extremism: Essence, Forms, Trends. Moscow: Academia, 2009. 320 p.
5. Lazareva I. Yu. Prevention of Destructive Information and Psychological Impact on Young People on the Internet // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2021. Vol. 26, No. 4(87). Pp. 416–422.
6. What is known about the Kazan shooter // Kommersant. 11.05.2021 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4803089> (date of access: 14.02.2026).
7. Yakunin I. The identity of the "Kerch shooter" is hidden under a heap of characteristics // Kommersant FM. 18.10.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3773204> (date of access: 14.02.2026).

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Статья посвящена анализу современного состояния взаимодействия государства и религиозных объединений в Российской Федерации в правовой плоскости. Актуальность темы связана с усилением регулятивной нагрузки на религиозные организации, обновлением конституционно-правовых установок и ростом политической и информационной напряженности. Новизна исследования выражена в сопоставлении действующих правовых конструкций статуса религиозных объединений с практикой их применения на федеральном и региональном уровнях, а также в выделении проблемных узлов взаимодействия, влияющих на устойчивость светского конституционного строя и реализацию свободы совести. В рамках работы описаны основные модели участия религиозных объединений в публичной сфере, изучены механизмы контроля и ответственности, проанализированы коллизии законодательства и правоприменения. Особое внимание уделено соотношению принципа отделения религиозных объединений от государства с практикой предоставления отдельных преференций. Работа ставит перед собой цель выявить системные противоречия правового регулирования и предложить подход к их теоретическому осмыслению. Для её решения использованы методы сравнительного анализа, интерпретации нормативных актов и обобщения доктринальных позиций. В заключении описываются основные направления корректировки правовой политики в сфере взаимодействия государства и религиозных объединений. Статья будет полезна для исследователей государственно-конфессиональных отношений, правоприменителей и разработчиков нормативных актов.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозные объединения, свобода совести, светское государство, правовой статус, конституционные гарантии, религиозная политика, национальная безопасность, правоприменительная практика, ответственность религиозных организаций.

Введение

Исследование государственно-конфессиональных отношений в России опирается на противоречивое сочетание конституционного принципа светского государства, провозглашённой свободы совести и сохраняющихся традиций тесного взаимодействия органов публичной власти с крупнейшими конфессиями. Отечественное законодательство закрепляет равенство религиозных объединений перед законом и их отделение от государства, при этом реальная практика сотрудничества религий и власти показывает наличие устойчивых асимметрий доступа к публичным ресурсам, каналам влияния и механизмам участия в выработке решений.

Ситуация усложняется влиянием внешнеполитических факторов, ростом внимания к вопросам духовно-нравственных ценностей, а также расширением регулятивного поля, затрагивающего, в частности, миссионерскую деятельность, участие религиозных объединений в социальной сфере и т.д. Государство, с одной стороны, заявляет установку на соблюдение принципа светскости и неуклонное следование Конституции, с другой – активно опирается на религиозные структуры в сфере патриотического воспитания, социальной поддержки населения и выстраивания идентификационных нарративов.

Цель исследования состоит в теоретико-правовом анализе актуальных проблем взаимодействия государства и религиозных объединений в Российской Федерации с опорой на новейшую российскую доктрину и правоприменительную практику. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. описать современное состояние правового регулирования статуса религиозных объединений и их взаимодействия с органами публичной власти;
2. выявить основные противоречия между конституционными установками светского государства и реально сложившимися механизмами участия религиозных объединений в публичной сфере;
3. обобщить доктринальные подходы к оценке допустимых пределов сотрудничества государства и религиозных организаций и на этой основе обозначить узлы правовой модернизации.

Новизна работы выражена в том, что результаты доктринальных исследований последних лет сопоставляются с действующей нормативной базой и практикой регулирования религиозных объединений, что позволяет рассматривать государственно-конфессиональные отношения не только как сферу реализации свободы совести, но и как особую конфигурацию публичного управления, влияющую на национальную безопасность, межконфессиональную стабильность и устойчивость конституционного строя.

Материалы и методы

В качестве исходной эмпирической базы использованы исследования российских авторов, посвящённые правовому статусу религиозных объединений, механизмам их взаимодействия с государством и проблемам ответственности. С.Д. Афанасьев анализирует особенности правового статуса религиозных объединений в системе конституционного и муниципального права, уделяя внимание соотношению свободы совести и ограничительных механизмов [1]. Р.М. Ахмедов рассматривает взаимодействие институтов государства и религиозных объединений как фактор обеспечения национальной безопасности, фиксируя смещение акцента с простого допущения религиозной активности к её целенаправленному использованию в политике безопасности [2]. Е.С. Баранова, А.П. Александров и О.И. Новикова исследуют административно-правовой статус религиозных объединений, описывая систему разрешительных и контрольных процедур, действующих в отношении религиозных организаций [3]. А.М. Зарипова концентрирует свое внимание на законодательных основах свободы вероисповедания, прослеживая эволюцию нормативных гарантий и тенденции их уточнения в последние годы [4]. И.А. Калачян изучает религиозные организации и религиозные группы как формы религиозных объединений, раскрывая различия их правового положения и процедур регистрации [5], а в отдельной работе формулирует принципы взаимодействия государства и религиозных объединений, выделяя направления нормативного закрепления сотрудничества [6]. К.И. Корсун анализирует конституционно-правовую ответственность религиозных объединений, обращая внимание на основания и формы реагирования государства на нарушения в религиозной сфере [7]. О.С. Рыбакова детализирует современное состояние правового статуса религиозных объ-

единений и указывает на дефицит правовой определённости отдельных категорий субъектов [8]. Г.М.А. Садыки рассматривает конституционно-правовой статус религиозных объединений через призму соотношения федерального и регионального регулирования [9]. Г.М. Филатова сопоставляет российские подходы к правовому регулированию религиозных объединений с зарубежной практикой, что даёт возможность видеть пределы конвергенции различных моделей религиозной политики [10].

Для написания статьи применены сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ, метод систематизации и обобщения доктринальных позиций, а также структурно-функциональный подход к оценке механизмов взаимодействия государства и религиозных объединений. Использование сочетания этих методов позволяет проследить связи между нормами, практикой применения и теоретическими интерпретациями, выявить скрытые противоречия и предложить их концептуальное описание.

Результаты

Современная российская модель взаимодействия государства и религиозных объединений опирается на сочетание конституционного признания свободы совести и светского характера государства с развитой системой специальных норм, регулирующих создание, деятельность, реорганизацию и ликвидацию религиозных организаций. Анализ работ С.Д. Афанасьева показывает, что правовой статус религиозных объединений строится на основе конструкций, изначально ориентированных на баланс между автономией религиозной сферы и интересами публичной власти [1]. Законодатель фиксирует формальное равенство религиозных объединений перед законом, при этом в правоприменении формируются устойчивые практики дифференциации по признаку конфессиональной принадлежности, масштабов деятельности и степени вовлечённости в социальные программы.

Исследование Р.М. Ахмедова подчёркивает, что взаимодействие государства и религиозных объединений всё более отчётливо включается в систему обеспечения национальной безопасности [2]. Религиозные организации рассматриваются как партнёры в реализации профилактических программ, работе с социально уязвимыми группами, формировании патриотических и ценностных установок. При подобной логике религиозные объединения обретают дополнительный политический вес, а регулирование их деятельности постепенно сводится к усилению контроля за финансовыми потоками, миссионерской активностью, трансграничными связями и т.п.

Административно-правовой ракурс, предложенный Е.С. Барановой, демонстрирует рост объёма регуляторных требований к религиозным организациям [3]. Требования к регистрации, отчётности, согласованию миссионерской деятельности и использованию имущества создают ситуацию, в которой религиозные объединения фактически подчинены сложной системе контрольных процедур. При этом не всегда обеспечивается соразмерность вмешательства публичной власти и масштабов возможных нарушений. Отмечается риск смещения акцентов от охраны свободы совести к приоритету превентивного контроля.

А.М. Зарипова показывает, что законодательные основы свободы вероисповедания проходят через последовательные уточнения, связанные с изменениями Конституции РФ и правоприменительной практики [4]. С одной стороны, закрепляются дополнительные гарантии защиты религиозных чувств и традиционных духовно-нравственных ценностей. С другой стороны, расширяется перечень оснований для ограничения деятельности религиозных объединений в сфере экстремистской деятельности, иностранного влияния, нарушения общественного порядка. Анализ даёт основание говорить о постепенной трансформации свободы вероисповедания из преимущественно индивидуального права в конструкцию, тесно увязанную с задачами сохранения культурной и политической стабильности.

Работы И.А. Калачян позволяют проследить тонкие различия между религиозными организациями и религиозными группами как двумя формами религиозных объединений [5]. Религиозные организации обладают статусом юридического лица, расширенным набором прав и обязанностей, доступом к имущественным и налоговым режимам. Религиозные группы, напротив, действуют без регистрации, не имеют правосубъектности и более уязвимы перед произвольным вмешательством. Дополнительное исследование принципов взаимодействия государства и религиозных объединений показывает, что законодатель стремится закрепить модель сотрудничества, ориентированную на социальное партнёрство, участие религиозных организаций в решении общественно значимых задач, при сохранении формального отделения от государства [6]. При этом критерии отбора партнёров, масштабы допустимого участия и пределы влияния религиозных объединений в публичной сфере формируются во многом через подзаконное регулирование и административную практику, что усиливает неопределённость.

К.И. Корсун выводит в центр внимания проблему конституционно-правовой ответственности религиозных объединений [7]. Обсуждаются основания прекращения деятельности, ликвидации, признания материально экстремистскими и другие меры воздействия. Материал показывает, что инструменты ответственности зачастую развиваются быстрее, чем механизмы правовой защиты религиозных объединений от избыточного вмешательства. Это создаёт риск дисбаланса, при котором правовой статус религиозных объединений формально гарантирован, но фактически сопровождается высокой степенью уязвимости.

Исследование О.С. Рыбаковой акцентирует внимание на проблемах определённости терминологии, критериях отнесения объединений к религиозным и границах компетенции регистрирующих органов [8]. Автор фиксирует случаи, когда отсутствие ясных нормативных дефиниций ведёт к конфликтам между государственными органами и религиозными сообществами, в том числе в вопросах регистрации, перерегистрации и признания деятельности нежелательной. Вывод о необходимости доработки понятийного аппарата и уточнения процедур согласуется с выводами других авторов о фрагментарности правового регулирования.

Г.М.А. Садыки обращается к конституционно-правовому статусу религиозных объединений, подчёркивая сложное соотношение федеральных и региональных норм [9]. В регионах возникают дополнительные требования к отчётности, согласованию мероприятий, использованию объектов недвижимости, что приводит к неоднородности режима свободы совести по территории страны. Автор интерпретирует такую ситуацию как «мягкую дифференциацию» правового статуса, когда формальные конституционные гарантии едины, а фактические условия реализации прав различаются.

Г.М. Филатова сопоставляет российскую модель регулирования религиозных объединений с зарубежными системами, выявляя одновременно общие тенденции усиления контроля и специфическую российскую комбинацию светскости и акцентированного партнёрства с крупнейшими конфессиями [10]. Сравнение показывает, что в ряде европейских государств сотрудничество государства и религий осуществляется на основании прозрачных договоров и чётко структурированных процедур, тогда как российская практика опирается на разветвлённую, но не всегда согласованную совокупность норм разного уровня.

Совокупность рассмотренных работ позволяет описать несколько устойчивых линий напряжения в государственно-конфессиональных отношениях. Во-первых, фиксируется расхождение между провозглашённым равенством религиозных объединений и фактическим приоритетом крупных «традиционных» конфессий в доступе к публичным ресурсам, консультативным площадкам и медиа. Во-вторых, отмечается нарастание контролирующего компонента регулирования, которое усиливает нагрузку на религиозные организации и может восприниматься ими как форма административного давления. В-третьих, подчёркивается необходимость более чёткого разграничения сфер, где допустимо институциональное партнёрство государства и религиозных объединений, и областей, где требуется строгая дистанция во имя сохранения светского характера государства и реальной свободы совести.

Обсуждение

Полученные результаты дают возможность рассматривать современную российскую модель взаимодействия государства и религиозных объединений как динамичную и отчасти противоречивую конструкцию, находящуюся между объявленной светскостью и практикой расширяющегося партнёрства. Правовая база закрепляет отделение религиозных объединений от государства, но механизмы сотрудничества в социальной, образовательной и культурной сферах фактически превращают крупнейшие конфессии во влиятельных акторов публичной политики.

С одной стороны, подобная конфигурация позволяет государству опираться на те же традиционные религиозные объединения при решении задач социальной поддержки, укрепления коллективной идентичности, профилактики конфликтов. Религиозные структуры обладают высоким уровнем доверия части населения, сложившейся инфраструктурой и ресурсами для работы с уязвимыми группами. В этой логике партнёрство воспринимается как инструмент повышения эффективности публичной политики и укрепления общественной стабильности.

С другой стороны, усиление взаимодействия создаёт риск размывания границ светскости. Возникает опасность постепенного превращения отдельных конфессий в неформальных со-соавторов государственной политики, что приводит к символическому и институциональному неравенству религиозных объединений. Особенно чувствительна эта проблема для малочисленных религиозных групп и новых религиозных движений, которые, как свидетельствует практика, сталкиваются с барьерами при регистрации, ограничениями по миссионерской деятельности, повышенным вниманием со стороны надзорных органов.

Правоприменительная практика в ряде случаев показывает, что контроль за религиозными объединениями строится по логике минимизации рисков, связанных с экстремизмом, иностранным влиянием и нарушением общественного порядка. Такая установка понятна с точки зрения безопасности, но при гипертрофированном развитии ведёт к формированию атмосферы подозрительности. Любая нетипичная форма религиозной активности воспринимается через призму возможной угрозы, а не через перспективу реализации конституционного права на свободу совести.

Отдельная линия обсуждения связана с региональным измерением государственно-конфессиональных отношений. Практика показывает, что субъекты Федерации по-разному интерпретируют рамки допустимого сотрудничества и масштабы контроля. В одних регионах создаются многочисленные консультативные советы, совместные комиссии, реализуются крупные социальные проекты при участии религиозных организаций. В других наблюдается более осторожный, формализованный подход, ограничивающийся исполнением федеральных требований без заметного расширения партнёрских каналов. Такая неоднородность порождает не только различия в возможностях религиозных объединений, но и восприятие справедливости государственной политики в сфере религии.

Сравнение российской практики с зарубежными моделями обнаруживает ещё один источник напряжения. За рубежом сотрудничество государства и религий часто строится на основе публично известных соглашений, где точно определены права и обязанности сторон, объём финансовой поддержки, сферы совместной деятельности. В российской ситуации значительная часть взаимодействия осуществляется через подзаконные акты, ведомственные инструкции, неформальные договорённости. Это снижает прозрачность, затрудняет внешнюю оценку и порождает подозрения в избирательности подходов.

Наконец, требует отдельного обсуждения проблема правовой определённости статуса религиозных объединений. Частые поправки к законодательству, изменения в подзаконном регулировании, расширение перечня оснований для ограничения деятельности создают для религиозных организаций ситуацию правовой нестабильности. Руководству приходов и общин приходится постоянно адаптироваться к новым требованиям, выстраивать взаимодействие с регистрирующими и надзорными органами в условиях неопределённости. На этом фоне возрастает значение профессиональной юридической поддержки религиозных структур и углублённого диалога между законодателем, правоприменителем и конфессиональными представителями.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что современная система взаимодействия государства и религиозных объединений в Российской Федерации опирается на формальное закрепление свободы совести и светского характера государства, но при этом развивается в направлении расширения партнёрских форм участия религиозных организаций в публичной сфере. Задача описания современного состояния правового регулирования решена через сопоставление норм, доктринальных подходов и практики контроля; выявлены основные схемы участия религиозных объединений в социальной, образовательной и культурной политике, а также механизмы их ответственности.

Рассмотрение противоречий между конституционными установками и реальными механизмами взаимодействия позволило зафиксировать несколько линий напряжения: асимметрию в положении различных конфессий, усиление контролирующего компонента регулирования, неоднородность региональных практик и недостаток правовой определённости ключевых категорий, связанных со статусом религиозных объединений. Таким образом, вторая задача, связанная с выявлением системных проблем, получила своё решение в виде выделения узлов, вокруг которых концентрируются конфликты интерпретаций и правоприменительные риски.

Обобщение доктринальных подходов дало возможность очертить возможные направления модернизации правовой политики: уточнение понятийного аппарата и критериев отнесения объединений к религиозным; повышение прозрачности процедур взаимодействия государства и религиозных организаций; выстраивание более чётких границ между сотрудничеством в социальной сфере и влиянием на политические решения; выравнивание региональных режимов реализации свободы совести. Тем самым сформирован подход, позволяющий рассматривать государственно-конфессиональные отношения как особую подсистему публичного управления, требующую тонкого баланса между интересами безопасности, традиций и прав человека.

Литература

1. Афанасьев С.Д. Особенности правового статуса религиозных объединений в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 20–24.

2. Ахмедов Р.М. Взаимодействие институтов государства и религиозных объединений как фактор обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 2. С. 24–26.

3. Баранова Е. С., Александров А.П., Новикова О.И. Административно-правовой статус религиозных объединений: теоретические аспекты // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 28–31.

4. Зарипова А.М. Законодательные основы свободы вероисповедания в Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 24 (523). С. 343–345.

5. Калачян И.А. Религиозные организации и религиозные группы как формы религиозных объединений // Закон и право. 2023. № 5. С. 80–82.

6. Калачян И.А. Принципы взаимодействия государства и религиозных объединений // Закон и право. 2024. № 4. С. 53–56.

7. Корсун К.И. Конституционно-правовая ответственность религиозных объединений в России // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 37–41.

8. Рыбакова О.С. Правовой статус религиозных объединений в Российской Федерации: современное состояние и проблемы совершенствования // Российская юстиция. 2023. № 10. С. 73–80.

9. Садыки Г. М.А. Конституционно-правовой статус религиозных объединений в Российской Федерации // Столыпинский вестник. 2024. Т. 6, № 2. С. 32–40.

10. Филатова Г.М. Особенности правового регулирования религиозных объединений: российский и зарубежный опыт // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 4. С. 94–102.

CURRENT ISSUES OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Danilov V.L.

Dostoevsky Omsk State University

This article analyzes the current state of legal interaction between the state and religious associations in the Russian Federation. The relevance of this topic is linked to the increasing regulatory burden on religious organizations, the updating of constitutional and legal frameworks, and the rise of political and informational tensions. The study's novelty lies in its comparison of current legal frameworks for the status of religious associations with their practical application at the federal and regional levels, as well as in its identification of problematic areas of interaction that affect the stability of the secular constitutional order and the realization of freedom of conscience. The paper describes the main models of religious association participation in the public sphere, examines mechanisms of control and accountability, and analyzes conflicts of law and law enforcement. Particular attention is paid to the relationship between the principle of separation of religious associations from the state and the practice of granting specific preferences. The paper aims to identify systemic contradictions in legal regulation and propose an approach to their theoretical understanding. To address this issue, methods of comparative analysis, interpretation of regulations, and a summary of doctrinal positions were used. The conclusion outlines the key areas for adjusting legal policy in the realm of interaction between the state and religious associations. The article will be helpful for researchers of state-confessional relations, law enforcement officials, and drafters of regulations.

Keywords: state-confessional relations, religious associations, freedom of conscience, secular state, legal status, constitutional guarantees, religious policy, national security, law enforcement practice, liability of religious organizations.

References

1. Afanasyev S.D. Features of the Legal Status of Religious Associations in Russia // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 5. Pp. 20–24.

2. Akhmedov R.M. Interaction of State Institutions and Religious Associations as a Factor in Ensuring National Security in the Russian Federation // Civil Society in Russia and Abroad. 2024. No. 2. Pp. 24–26.

3. Baranova E. S., Aleksandrov A.P., Novikova O.I. Administrative and Legal Status of Religious Associations: Theoretical Aspects // Agrarian and Land Law. 2024. No. 10 (238). Pp. 28–31.

4. Zaripova A.M. Legislative Foundations of Freedom of Religion in the Russian Federation // Young Scientist. 2024. No. 24 (523). Pp. 343–345.

5. Kalachyan I.A. Religious Organizations and Religious Groups as Forms of Religious Associations // Law and Right. 2023. No. 5. Pp. 80–82.

6. Kalachyan I.A. Principles of Interaction between the State and Religious Associations // Law and Right. 2024. No. 4. Pp. 53–56.

7. Korsun K.I. Constitutional and Legal Liability of Religious Associations in Russia // Issues of Russian Justice. 2024. No. 31. Pp. 37–41.

8. Rybakova O.S. Legal Status of Religious Associations in the Russian Federation: Current State and Challenges for Improvement // Russian Justice. 2023. No. 10. Pp. 73–80.

9. Sadyki G. M.A. Constitutional and Legal Status of Religious Associations in the Russian Federation // Stolypin Bulletin. 2024. Vol. 6, No. 2. Pp. 32–40.

10. Filatova G.M. Features of the legal regulation of religious associations: Russian and foreign experience // Bulletin of the Russian Law Academy. 2023. No. 4. Pp. 94–102.

Ильин Алексей Сергеевич,

директор АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий»

E-mail: i@alterschool.com

Статья вводит категорию техносубъектности искусственного интеллекта (ИИ) как философско-методологическую рамку осмысления того, что происходит с эпистемологическими основаниями науки в ситуации гибридного человеко-машинного познания. В отличие от подходов, редуцирующих ИИ либо к нейтральному инструменту, либо к новому объекту исследования, обосновывается тезис о формировании онтологически «пограничной» категории между классическими полюсами субъекта и объекта, требующей расширения традиционной онтологии познания. На основе концепции постнеклассической рациональности В.С. Степина и теории распределенного познания А. Кларка показывается, что три базовые презумпции системы научной аттестации – единоличное авторство, корреляция объема текста с объемом интеллектуального вклада, возможность экспертной верификации качества – в режиме массового применения ИИ теряют свою самоочевидность и валидность. Эмпирический материал (опрос № = 2000 участников съездов СМУ и СНО в 2023–2025 гг.) фиксирует апорическую ситуацию: 87% респондентов используют ИИ в академической работе, 61% не доверяют его результатам, тогда как около 85% экспертов не в состоянии надежно идентифицировать ИИ-генерированный контент. Критический разбор прецедента Нобелевской премии 2024 года за создание системы AlphaFold2 выявляет сдвиг от оценки единичных открытий к признанию метаинструментов познания как особого типа научного вклада и, тем самым, к изменению самой «пирамиды» научного признания. В этих координатах предлагается концепция градуированного эпистемологического авторства и аргументируется необходимость выделения машинной эпистемологии как новой междисциплинарной области, отвечающей за анализ статуса и режимов валидации машинно производимого знания. Теоретическая значимость работы заключается в расширении категориального аппарата эпистемологии и философии науки; практическая – в формировании концептуальных оснований для переосмысления и реформы системы научной аттестации в эпоху ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; техносубъектность; постнеклассическая эпистемология; распределенное познание; научное авторство; машинная эпистемология; гибридное человеко-машинное познание; научная аттестация; AlphaFold; презумпции валидации.

Введение

Современная эпистемология входит в фазу, которую можно обозначить как ситуацию второго «коперниканского переворота»: искусственный интеллект (ИИ) ставит под вопрос не частные методологические приемы, а сами основания представления о том, кто и как может быть носителем знания. Если классическая линия от Платона до Декарта исходила из презумпции, что источник знания – человеческий разум, а инструменты познания суть лишь прозрачные продолжения человеческих способностей, то появление ИИ-систем, демонстрирующих определенную автономию в производстве эпистемически значимых результатов, вынуждает переосмысливать конфигурацию познавательного отношения в целом.

Известный аргумент Дж. Серля о «китайской комнате» фиксировал жесткую дихотомию: машина, манипулирующая символами по формальным правилам, не обладает пониманием и, следовательно, не может претендовать на статус подлинного субъекта познания. Между тем современные архитектуры глубокого обучения выходят за рамки классической символической парадигмы, обнаруживая способность к выявлению скрытых паттернов, к генерации гипотез и к тому, что в быденном языке называется «творческим» синтезом; это, по меньшей мере, проблематизирует серлевскую дихотомию и заставляет искать более тонкие онтологические и эпистемологические различия.

Философская рефлексия над ИИ в науке уже образует разветвленное поле, но структурируется вокруг нескольких доминант. Функционалистские подходы (Д. Деннет, П. Черчленд) трактуют познание как информационный процесс, реализуемый в разных субстратах, тем самым принципиально открывая возможность машинного познания; феноменологическая линия (Х. Дрейфус, Ш. Галлахер) настаивает на нередуцируемости телесной укорененности и жизненного мира человеческого опыта; теория расширенного и распределенного познания (А. Кларк, Д. Чалмерс) предлагает выйти за пределы оппозиции «человек – машина», описывая когнитивные процессы как распределенные между агентом и средой [8]. Однако при всем различии этих подходов остается не артикулированной категория, способная описать онтологический статус современных ИИ-систем как когнитивно активных, но лишенных сознания и телесной укорененности участников познавательных практик. Именно на восполнение этого категориального дефицита и направлена настоящая работа. Вводимая далее категория техносубъектности не призвана заменить существующие философские подходы, но предназначена для концептуального «сшивания» онтологических, эпистемологических и институциональных аспектов машинно-опосредованного познания.

В российской философии науки обсуждение ИИ встраивается прежде всего в рамках постнеклассической рациональности В.С. Степина, фиксирующей переход к работе со сложными саморазвивающимися системами и размывание жесткой границы между субъектом и объектом познания. Вместе с тем систематическая разработка эпистемологических оснований ИИ-ассистированной науки, а тем более ее институциональных следствий – прежде всего кризиса традиционных презумпций научной аттестации – пока остается, по сути, на уровне предварительных постановок вопроса. Критический обзор литературы позволяет очертить три узловых пробела, вокруг которых и выстраивается логика настоящей работы.

– Онтологический: отсутствует разработанная категория, описывающая ИИ как «пограничную» сущность – ни классический субъект (без сознания и интенциональности), ни пассивный объект (обладающий автономностью и эпистемической продуктивностью).

– Эпистемологический: практически не анализируются последствия утраты валидности традиционных презумпций научной аттестации (авторство, объем текста, экспертная верификация) для легитимности научного знания в условиях гибридного познания.

– Методологический: не предложена операционализируемая концепция, позволяющая учитывать распределенный характер интеллектуального вклада в человеко-машинных когнитивных конфигурациях.

Настоящая статья разворачивается в попытке компенсировать эти пробелы и, тем самым, внести вклад в формирующуюся повестку философии науки эпохи ИИ.

Цель исследования – разработать концепцию техносубъектности ИИ как философско-методологическую рамку анализа трансформации

эпистемологических оснований научного познания и обосновать переход от модели единоличного авторства к концепции градуированного эпистемологического авторства в условиях гибридного человеко-машинного познания.

Теоретическая новизна работы состоит в том, что:

- вводится и обосновывается категория техносубъектности ИИ как онтологически лиминальной по отношению к классическим категориям субъекта и объекта познания;
- эксплицируются и подвергаются критическому анализу три фундаментальные презумпции научной аттестации, чья валидность оказывается под сомнением в эпоху ИИ;
- предлагается оригинальная концепция градуированного эпистемологического авторства, позволяющая описывать распределенный характер интеллектуального вклада в гибридных человеко-машинных системах;
- обосновывается необходимость институционализации машинной эпистемологии как самостоятельного междисциплинарного направления исследования.

Методологическая новизна проявляется в интеграции концепции постнеклассической рациональности (В.С. Степин) [12], теории распределенного познания (А. Кларк, Д. Чалмерс) [17] и социальной эпистемологии (А. Голдман) [11] в единую аналитическую рамку для рассмотрения гибридного человеко-машинного познания и его институциональных проекций. Эмпирическая новизна связана с философско-методологическим анализом прецедента Нобелевской премии 2024 года за AlphaFold как маркера парадигмального сдвига в системе научного признания.

Методологическую основу исследования составляют взаимодополняющие подходы:

- концепция постнеклассической рациональности В.С. Степина, задающая историкотипологическую рамку эволюции научного познания;
- теория расширенного и распределенного познания А. Кларка и Д. Чалмерса, позволяющая концептуализировать гибридные когнитивные системы «человек – ИИ»;
- социальная эпистемология А. Голдмана, фокусирующая внимание на институциональных механизмах валидации и распределения эпистемического доверия;
- метод критического концептуального анализа для экспликации скрытых презумпций научной аттестации и их проверки в изменившихся условиях;
- кейс-стади, применяемый к прецеденту AlphaFold как критическому случаю, позволяющему выявить направление сдвига в критериях научного признания.

Техносубъектность искусственного интеллекта

Эволюция эпистемологических оснований науки может быть описана как смена типов научной рациональности, задающих различный режим соотношения субъекта и объекта познания. В.С. Степин выделяет три исторических типа рациональности: классический, неклассический и постнеклассический, каждый из которых фиксирует свой способ «настройки» познавательного отношения.

Классическая рациональность (XVII–XIX вв.), связанная с именами Декарта, Ньютона, Канта, стремится максимально элиминировать субъекта из описания объекта: научное знание мыслится как «взгляд ниоткуда» (Т. Нагель), как абсолютно объективное отображение реальности, независимое от познающего. Инструменты познания (телескоп, микроскоп и т.п.) трактуются как прозрачные посредники, не вносящие собственных искажений в познавательное отношение – их задача лишь «усилить» взгляд, но не изменить структуру видимого.

Неклассическая рациональность (первая половина XX в.), формирующаяся в контексте квантовой механики и теории относительности, признает, что характеристики объекта соотносятся со средствами и операциями познавательной деятельности. Принцип неопределенности Гейзенберга демонстрирует, что акт измерения влияет на измеряемый объект; однако субъект попрежнему мыслится как человек-исследователь, использующий инструменты, а не как гибридная система.

Постнеклассическая рациональность (с 1970х гг.), по Степину, связана с изучением сложных саморазвивающихся систем и признанием множественности познавательных перспектив, междисциплинарности, ценностноцелевой нагруженности познания. Критически важно, что постнеклассическая наука все чаще имеет дело с объектами, в которых жесткая субъектообъектная граница становится проблематичной (синергетика, теория сложности, когнитивистика): исследовательская позиция оказывается вплетенной в динамику исследуемых систем. На этом фоне появление ИИ как активного участника познавательных процессов не выглядит внешним «техническим дополнением», а про-

являет глубинную трансформацию самой конфигурации рациональности.

В логике постнеклассической рациональности искусственный интеллект выступает качественно новым феноменом, который уже не укладывается в традиционную субъектообъектную дихотомию. Категория техносубъектности призвана схватить этот пограничный статус ИИ и тем самым расширить онтологию познания.

Введем определение. Техносубъектность ИИ – это способ бытия технической системы, характеризующийся частичной автономностью в производстве знания при отсутствии сознания, интенциональности и телесной укорененности, свойственных человеческому субъекту.

Данную техносубъектность можно развернуть в четырех взаимосвязанных измерениях.

Онтологическое измерение. ИИ не является ни полноценным субъектом (лишен квалиа, рефлексии, «самости»), ни пассивным объектом (обладает определенной автономностью в принятии решений и генерации результатов). Возникает онтологически промежуточная – лиминальная – категория, требующая пересборки традиционной онтологии познания и переопределения статуса технических систем как носителей эпистемической активности.

Функциональное измерение. Современные ИИ-системы реализуют спектр когнитивных функций, которые классические приписывались субъекту: генерация гипотез, обнаружение закономерностей, классификация, предсказание, вариативный синтез текстов и образов. При этом механизм реализации этих функций радикально отличается от человеческого познания (нейросетевые структуры, обучение на больших массивах данных), что создает своеобразную «функциональную субъектность без сознания».

Эпистемологическое измерение. Знание, производимое ИИ-системами, обладает особым эпистемологическим статусом: его валидность не может быть установлена через привычные для классической эпистемологии процедуры – понимание, интуитивную очевидность, реконструкцию хода рассуждений. Процесс производства знания остается непрозрачным («черный ящик» глубокого обучения), вследствие чего традиционная связка «понимаю → могу обосновать → признаю знание» оказывается нарушенной.

Агентное измерение. ИИ обладает ограниченной агентностью – способностью инициировать действия и порождать эффекты в мире (например, запускать исследовательские процедуры, формировать пометку чтения, конструировать варианты решений). Однако эта агентность не сопряжена с моральной ответственностью и интенциональностью в феноменологическом смысле, что порождает специфическую конфигурацию «действия без субъекта» и ставит вопрос о перераспределении ответственности в гибридных человеко-машинных системах.

Тем самым техносубъектность ИИ фиксирует не превращение машины в «нового человека», а появление иного типа эпистемически значимой реальности, которую нельзя адекватно описать ни в терминах классического субъекта, ни в терминах пассивного инструмента.

Предлагаемая концепция техносубъектности ограничивается от ряда распространенных философских интерпретаций ИИ.

Функционалистские стратегии отождествляют познание с информационным процессом и, тем самым, допускают полную функциональную эквивалентность человеческого и машинного познания. В результате качественная специфика человеческого опыта – то, что Чалмерс описывает как «трудную проблему сознания», – фактически элиминируется. Концепция техносубъектности, напротив, исходит из принципиальной асимметрии: ИИ может реализовывать когнитивные функции без обладания сознанием, а потому требует собственных категорий, а не простой экстраполяции человеческих.

Феноменологическая линия подчеркивает нередуцируемость телесной укорененности и жизненного мира человеческого познания и, опираясь на это, отказывает ИИ в статусе подлинного познавательного агента. Однако такая позиция оказывается слепой к фактической реальности современных ИИ-систем, которые решают задачи, долгое время недоступные человеку (типичный пример – AlphaFold). Концепция техносубъектности признает специфичность ИИ-познания, не редуцируя его к человеческому, но и не снимая его эпистемической значимости.

Распространенный, особенно в прикладных дискурсах, подход рассматривает ИИ как нейтральный инструмент в руках исследователя, своего рода «усовершенствованный калькулятор». Такая редукция игнорирует автономность современных ИИ-систем и их активную роль в конфигурации исследовательских траекторий: выбор литературы, генерация предположений, структурирование данных. Техносубъектность позволяет схватить эту активность, не отождествляя ИИ с субъектом, но и не оставляя его на позиции «прозрачного инструмента».

Концепция техносубъектности естественным образом резонирует с теорией распределенного познания Э. Хатчинса и А. Кларка. В классической статье «Расширенный разум» [17] Кларк и Чалмерс показывают, что когнитивные процессы могут выходить за пределы «черепной коробки», включая внешние артефакты (записная книжка, компьютер) в состав единой когнитивной системы. В этом горизонте ИИ-системы предстают не как внешние вспомогательные средства, а как радикальный случай расширения – не только память или вычислительный ресурс, но активный когнитивный партнер.

Однако важно различать расширенное познание, где внешние артефакты интегрированы в единую когнитивную систему с человеком, и распределенное познание, где функции разделены между агентами с различными когнитивными профилями. В случае ИИ-ассистированной науки мы имеем дело именно с распределенным познанием: человек и ИИ реализуют различные, но комплементарные когнитивные функции (концептуализация, интерпретация, оценка релевантности – с одной стороны; обработка массивов данных, выявление паттернов, генерация гипотез – с другой).

Это ведет к формированию гибридных когнитивных систем, в которых становится проблематичным жестко локализовать субъект познания в одном «центре» – человеческом индивиде. Субъектность приобретает распределенный характер, расслаивается между человеческим участником и техносубъектной компонентой ИИ, что и требует пересмотра как классических категорий авторства, так и институциональных механизмов признания эпистемического вклада.

Презумпции научной аттестации и их кризис в эпоху ИИ

Если категория техносубъектности фиксирует онтологический и эпистемологический сдвиг в структуре познания, то система научной аттестации выступает институциональным «экраном», на котором этот сдвиг проявляется наиболее остро. Именно здесь скрытые философские предпосылки науки кристаллизуются в нормативных процедурах, критериях и практиках оценки. Сложившаяся в эпоху классической науки система научной аттестации покоится на ряде имплицитных презумпций – слабо рефлексированных допущений о том, что такое научное познание и как распределяется авторство в его рамках. Задача философии науки в ситуации радикальной технологической трансформации состоит в том, чтобы эксплицитировать эти презумпции и проверить их валидность в изменившихся условиях гибридного человеко-машинного познания. Применяя метод критического концептуального анализа, можно выделить три фундаментальные презумпции традиционной научной аттестации.

Презумпция 1. Единоличное интеллектуальное авторство

Содержание презумпции. Научное произведение создается индивидуальным исследователем (или группой исследователей/людей) без существенного участия автономных интеллектуальных агентов: все ключевые этапы – формулирование проблемы, выбор методологии, сбор и анализ данных, интерпретация результатов, написание текста – реализуются человеческим интеллектом. Эта презумпция уходит корнями, с одной стороны, к романтической фигуре ученого-гения (ср. кантовскую «Критику способности суждения»), с другой – к юридической конструкции авторского права, закрепляющей авторство за физическим лицом. Автор здесь мыслится как центр интенций, творчества и ответственности, а все иные элементы (инструменты, институты, технологии) – как внешние условия реализации его замысла.

Кризис презумпции. Современные ИИ-системы демонстрируют способность реализовывать практически полный цикл исследовательской работы: GPT-модели формулируют гипотезы, предлагают схемы проверки, выявляют релевантные источники, осуществляют статистический анализ и генерируют тексты, формально неотличимые от человеческих. В результате привычное допущение о том, что «интеллектуальное содержание» текста исходит исключительно от человека-исследователя, перестает соответствовать реальной практике гибридного познания. Исследование молодых ученых в рамках мероприятий Десятилетия Науки и Технологий (N = 2000, 2023–2025) показывает: 87% студентов ведущих российских вузов используют ИИ в академической работе, причем 36% – регулярно для исследовательских задач, тогда как около 85% преподавателей не способны надежно распознать использование ИИ в представленных работах. Это означает, что презумпция единоличного авторства факто нарушается массово, но институциональные механизмы аттестации продолжают функционировать так, как если бы она сохранялась, – возникает скрытый разрыв между нормой и практикой.

Презумпция 2. Соответствие объема текста объему интеллектуального труда

Содержание презумпции. Количественные показатели публикационной активности (число публикаций, объем текста, цитируемость) предполагаются проксииндикаторами объема интеллектуального труда, вложенного исследователем; именно на этой корреляции исторически строится система стимулирующих выплат и карьерного продвижения. В условиях, когда добыча эмпирического материала и написание текста требовали значительных временных и когнитивных затрат, объем текста действительно мог служить грубым, но работающим заменителем измерения интеллектуального усилия.

Кризис презумпции. В ситуации, когда ИИ способен генерировать десятки текстов за считанные часы, прежняя корреляция между объемом текста и объемом человеческого интеллектуального вклада разрушается. Исследователь, эффективно использующий ИИ, может производить на порядок больше публикаций при несоразмерно меньших собственных затратах, чем это было возможно в доИИ-эпоху, причем формальные наукометрические показатели при этом могут расти экспоненциально. Возникает ситуация публикационной инфляции: число текстов растет, но реальное приращение знания увеличивается значительно медленнее, а то и снижается. Наукометрические индикаторы (индекс Хирша, импактфактор и др.) утрачивают различающую силу, превращаясь в объект манипуляций и инструмент стратегического использования ИИ ради метрик, а не ради знания.

Если критерием научной квалификации должен быть не объем производства, а качество интеллектуального вклада, то как операционализировать это качество в условиях гибридного познания, где часть работы выполняет ИИ? Как различить подлинное научное творчество и ИИ-ассистированную компиляцию, когда формальные признаки текста (структура, язык, ссылки) могут совпадать?

Презумпция 3. Возможность экспертной верификации качества

Содержание презумпции. Научное сообщество, действуя через процедуры рецензирования, способно по тексту работы оценить ее качество, оригинальность и валидность результатов; именно эта способность служит основанием доверия к экспертной верификации. Презумпция опирается на классическое представление о науке как «республике ученых» (Р. Мертон) [19], объединенных общей методологической культурой и способных к взаимной критической оценке. Предполагалось, что компетентный рецензент, распознавая аргументацию и методологию, тем самым способен отличить доброкачественное знание от псевдознания.

Кризис презумпции. Эмпирические данные свидетельствуют: порядка 85% экспертов не способны надежно распознать использование ИИ при оценке научных текстов. Если рецензент не может определить, создан ли текст человеком, ИИ или их комбинацией, он лишается ключевого параметра – понимания структуры интеллектуального вклада, – а значит, и возможности адекватно оценить заявленное авторство и ответственность. Даже если использование ИИ декларируется (как того требует новый ГОСТ РФ) [5], процедура производства знания остается непрозрачной. Алгоритмы глубокого обучения функционируют как «черные ящики», и нередко сами разработчики не могут объяснить, почему система пришла к тому или иному выводу. Возникает фундаментальная эпистемологическая проблема: как верифицировать знание, путь к которому не поддается рациональной реконструкции, а доступен лишь через внешние поведенческие маркеры («работает / не работает»)? В классической и неклассической эпистемологии (от Декарта до Поппера) валидность знания связывалась с возможностью рационально реконструировать путь его получения, подчиненный правилам доказательства и опровержения. Если этот путь становится непрозрачным, достаточно ли прагматического критерия для признания чего-то знанием, или требуются новые, более сложные критерии валидности в условиях машинной генерации результатов?

Отдельно взятые кризисы трех презумпций уже серьезны, однако их совокупная утрата валидности порождает кумулятивный эффект эпистемологического кризиса. Система научной аттестации теряет способность надежно различать подлинный научный вклад и его имитацию, что ставит под угрозу не только конкретные институциональные практики (диссертационные советы, грантовые конкурсы), но и легитимность науки как социального института производства достоверного знания.

Парадокс современной ситуации можно сформулировать предельно лаконично: 87% членов научного и околонаучного сообщества используют ИИ, но 61% не доверяют получаемым с его помощью результатам. Это маркирует кризис доверия: наука массово интегрирует инструмент, эпистемологический статус и режимы ответственности

за результаты которого остаются неясными, — и именно этот разрыв между повседневной практикой и ее философскоинституциональной рефлексией задает нерв дальнейшего анализа. Для философского анализа подобного кризиса особенно продуктивны критические случаи, в которых институциональные решения фиксируют изменение самих критериев научной значимости.

Кейс присуждения Нобелевской премии по химии 2024 года

Метод кейсстади в философии науки позволяет через детальный анализ одиночного, но показательного случая выявить более общие тенденции и скрытые предпосылки изменения критериев научного признания. Присуждение Нобелевской премии по химии 2024 года за создание AlphaFold2 можно рассматривать как критический случай, в котором концентрированно проявляется обсуждаемый сдвиг.

AlphaFold2, разработанная Google DeepMind, решает фундаментальную проблему молекулярной биологии — предсказание трехмерной структуры белка по его аминокислотной последовательности, остававшуюся нерешенной более полувека несмотря на усилия тысяч исследовательских групп.

Ключевые факты:

- точность предсказаний AlphaFold2 сопоставима с результатами экспериментальных методов;
- система уже использована более чем 2 млн исследователей из 190 стран;
- база данных содержит предсказания для свыше 200 млн белков;
- Нобелевская премия 2024 года присуждена Д. Бейкеру, Д. Хассабису и Дж. Джемперу как создателям этой системы.

Это первый случай в истории Нобелевских премий, когда награда присуждена не за конкретное научное открытие (установление факта, формулирование теории), а за создание инструмента познания — ИИ-системы, способной генерировать массивы новых результатов. Тем самым происходит сдвиг от результаториентированной к инструменториентированной парадигме оценки научного вклада: признается, что создание метаинструмента познания может иметь более высокий статус, чем получение отдельного факта традиционными методами.

Это позволяет ввести различие между первичным и метанаучным вкладом: первый связан с конкретными фактами и теориями, второй — с созданием инструментов, методологий и парадигм, способных порождать множество первичных вкладов. AlphaFold выступает образцовым метанаучным вкладом: система сама по себе не «открыла» ни один конкретный белок, но создала возможность для множества таких открытий, радикально изменив конфигурацию исследовательского поля.

AlphaFold предсказывает структуры миллионов белков; на их экспериментальное определение традиционными методами (рентгеновская кристаллография и др.) потребовались бы десятилетия и ресурсы тысяч лабораторий. Возникает вопрос: меняет ли чистый масштаб производства «знаний» их эпистемологический статус? Является ли массовое предсказание структур тем же типом научного знания, что и тщательно верифицированное экспериментальное определение каждой отдельной структуры?

Традиционная научная методология опиралась на принцип независимой верификации: любое утверждение, признаваемое знанием, в принципе может быть проверено другими исследователями. Но как верифицировать миллионы предсказаний? Выборочная проверка дает статистическую уверенность в методе, но не гарантирует корректность каждого конкретного результата. Этот разрыв между глобальной надежностью метода и локальной неопределенностью отдельных предсказаний снова возвращает нас к проблеме критериев валидности в эпоху ИИ.

Не менее значим институциональный аспект: премия присуждена сотрудникам коммерческой технологической компании Google DeepMind, а не классическому академическому институту, что размывает границы между академической наукой (ориентированной на знание «ради знания») и корпоративными R&D, нацеленными на прикладные эффекты. Возникает вопрос: сохраняется ли в таких гибридных конфигурациях специфический научный этос (по Мертону — универсализм, бескорыстие, организованный скептицизм), или формируется новый режим производства знания, сочетающий научные и корпоративные логики?

Кейс AlphaFold интерпретируем в терминах Mode 2 [26] производства знания (Гиббонс и др.), характеризующегося трансдисциплинарностью, гетерогенностью, рефлексивностью и социальной подотчетностью, но в то же время демонстрирует «Mode 2+»: интеграцию человеческого и машинного интеллекта, гибридизацию корпоративных и академических структур, беспрецедентные масштабы производства

результатов и трансформацию критериев валидности — от акцента на понимание к акценту на работоспособность. Все это требует от философии науки новых категориальных средств для описания происходящего, к чему и апеллируют введенные выше понятия техносубъектности, метанаучного вклада и градуированного эпистемологического авторства.

Кризис классической концепции авторства

Отдельно необходимо упомянуть кризис классической концепции научного авторства, восходящей к романтической фигуре индивидуального творца и опирающейся на несколько базовых допущений.

Интенциональность: автор сознательно ставит цель создания произведения и удерживает эту интенцию от замысла до реализации.

Творческий характер: текст мыслится результатом уникального творческого усилия, не сводимого к механической обработке данных.

Единство: произведение выражает единую авторскую волю и целостную перспективу, стоящую за текстом.

Ответственность: автор несет моральную и юридическую ответственность за содержание и последствия произведения.

В условиях гибридного человекомашинного познания каждая из этих опор оказывается крайне неустойчивой. ИИ-системы генерируют результаты без интенций в феноменологическом смысле, алгоритмическая генерация ставит под вопрос традиционное понимание «творчества», в гибридных конфигурациях «автор» распределен между человеком и машиной, ответственность за ошибочные или вредоносные ИИ-генерированные результаты расслаивается между пользователем, разработчиком и институтами, теряя прежнюю однозначность. Если классическая модель авторства оказывается неприменимой к гибридным когнитивным системам, возникает необходимость не в ее простом отказе, а в разработке более гибкой аналитической рамки, способной учитывать распределенный характер интеллектуального вклада.

Для выхода из этого кризиса предлагается концепция **градуированного эпистемологического авторства** (ГЭА), которая переводит разговор об авторстве из плоскости «есть/нет» в плоскость степеней и распределений. Для понимания логики концепции опишем основные ее принципы.

Принцип 1. Декомпозиция научного процесса

Научное исследование предлагается рассматривать как совокупность дискретных этапов:

- концептуализация проблемы;
- формулирование гипотезы;
- методологическая разработка;
- сбор данных;
- анализ данных;
- интерпретация результатов;
- написание текста;
- критическая оценка и доработка.

Принцип 2. Градуированная атрибуция

Для каждого этапа фиксируется степень участия человека и ИИ по шкале:

- 1.0 — полностью человек;
- 0.75 — преимущественно человек с ИИ-ассистированием;
- 0.5 — сопоставимый вклад человека и ИИ;
- 0.25 — преимущественно ИИ при человеческом надзоре;
- 0.0 — полностью ИИ.

Принцип 3. Взвешивание этапов

Различные этапы обладают неодинаковым эпистемологическим весом: — концептуализация и интерпретация — высокий вес (требуют понимания, рефлексии, ответственности за смысл); — анализ данных и написание текста — средний вес; — сбор данных — более низкий вес, поскольку может быть в значительной степени автоматизирован.

Принцип 4. Интегральная оценка

Интегральный показатель эпистемологического авторства (ИЭА) вычисляется как взвешенная сумма:

$$ИЭА = \sum (вес\ этапа \times степень\ участия\ человека) ИЭА = \sum (вес\ этапа \times степень\ участия\ человека),$$

Он фиксирует долю человеческого эпистемологического вклада в гибридном исследовании без притязаний на «математизацию твор-

чества», но с возможностью сравнения различных конфигураций участия ИИ.

Принцип 5. Прозрачность

Публикация должна сопровождаться декларацией использования ИИ с указанием градуированной атрибуции по этапам, что превращает скрытые практики в предмет институционально значимой рефлексии.

В терминах аттестационной практики такая метрика позволяет различать работы с высоким и низким человеческим вкладом при одинаковых наукометрических показателях, добавляя к ним еще одно измерение – степень участия человека в производстве знания.

ГЭА не претендует на метрологическую точность; речь идет об операциональной рамке для сравнительной оценки, подобной индексу Хирша: грубый, но эвристически полезный индикатор, позволяющий фиксировать различия между конфигурациями человеческого и машинного участия.

Субъективность здесь неизбежна, но может быть снижена за счет экспертной калибровки, разработки типовых профилей участия ИИ и институциональной стандартизации критериев – по аналогии с тем, как в традиционной системе рецензирования стандартизируются требования к рукописям и процедурам их оценки.

ГЭА не редуцирует научное творчество к числу, а делает явным то, что и так имплицитно присутствует в любой оценке научной работы: распределение интеллектуального вклада между участниками и уровнями познавательного процесса. Модель не отменяет качественной экспертизы, но дополняет ее структурированным описанием конфигурации человеческого и машинного участия.

Заключение

Введенные ранее категории техносубъектности и градуированного эпистемологического авторства логически приводят к необходимости более общего философского проекта, выходящего за рамки отдельных кейсов и институциональных решений. Машинная эпистемология – это междисциплинарная область философско-методологического знания, предметом которой является анализ специфики машинных способов производства знания, их онтологического и эпистемологического статуса, критериев валидности и соотношения с человеческим познанием. Она формируется на стыке философии, когнитивистики и наук об ИИ как ответ на радикальное расширение круга эпистемических агентов.

К числу ее базовых исследовательских вопросов относятся:

- каков онтологический статус ИИгенерированного знания;
- каковы критерии истинности и обоснованности машинного знания;
- возможно ли и каким образом валидировать результаты «черных ящиков»;
- каковы границы машинного познания и области его принципиальной неприменимости;
- как соотносятся машинная и человеческая рациональности;
- кто несет эпистемологическую ответственность в гибридных системах.

Машинная эпистемология интегрирует:

- классическую эпистемологию (теории истины, обоснования, рациональности);
- философию науки (анализ научного метода, процедур валидации, идеалов объективности);
- когнитивистику (модели познания, распределенного и расширенного интеллекта);
- информатику (теория алгоритмов, машинного обучения, интерпретируемость моделей);
- этику технологий (ответственность, справедливость, прозрачность);
- социальную эпистемологию (коллективное познание, институциональная валидация, режимы доверия).

В центре повестки оказываются три узловых проблемы.

Статус ИИгенерированного знания: является ли оно знанием в классическом смысле или же особой формой статистической аппроксимации, требующей иных критериев обоснованности.

Интерпретируемость и валидация: можно ли считать знанием результат, путь к которому непрозрачен; достаточно ли прагматического критерия «работоспособности» или необходимы новые формы эпистемического обоснования для «черных ящиков».

Распределенная эпистемологическая ответственность: как распределяется ответственность за ошибочные или вредоносные результаты между пользователем, разработчиком, организацией и самими институтами науки.

На этом фоне машинная эпистемология имеет все основания стать одной из ключевых зон философии науки XXI века, сопоставимой по значимости с философией квантовой механики для XX столетия. Введение категорий техносубъектности и градуированного эпистемо-

логического авторства можно рассматривать как первые шаги в направлении такой систематической рефлексии.

Литература

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
2. Указ Президента РФ от 01 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».
3. Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций».
4. ГОСТ Р 71476–2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология. – М.: Стандартиформ, 2024.
5. ГОСТ Р 71657–2024. Технологии искусственного интеллекта в образовании. – М.: Стандартиформ, 2024.
6. Бризицкий Д.Л. Феноменологическое исследование трансформации образовательного взаимодействия в эпоху ИИ // «Социально-гуманитарные знания», № 8, 2025, с. 399.
7. Бризицкий Д.Л. Опыт обучения с искусственным интеллектом: феноменология образовательного взаимодействия и границы педагогической субъектности. // «Социально-гуманитарные знания», № 7, 2025, с. 375.
8. Зубковская А.А. Искусственный интеллект и научная объективность // Философия науки и техники. 2024. № 2.
9. Ильин А.С. «ИИ-революция как качественно новый тип технологической трансформации в истории цивилизации» // «Социально-гуманитарные знания», № 8, 2025, с. 249.
10. Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь мир, 2016.
11. Сорокова Е.Д. Этика искусственного интеллекта: российский и европейский контекст // Государство и право. 2022. № 11.
12. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия типов научной рациональности // Постнеклассика: философия, наука, культура. – М.: Альфа-М, 2009.
13. Черных С.И. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в России // Вестник МГУ. Сер. 18. 2024. № 2.
14. Президиум РАН. Философия искусственного интеллекта: материалы конференции. М., 2024.
15. Росконгресс. Искусственный интеллект: ключевые тренды 2024 года. Аналитический доклад. М., 2025.
16. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Искусственный интеллект в науке и экономике РФ. Аналитический отчет. М., 2024.
17. Clark, A., Chalmers, D.J. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58, № 1. P. 7–19.
18. COPE Council. Authorship and AI tools. COPE Position Statement. 2023.
19. Merton R.K. The Normative Structure of Science // Osiris. 1942. Vol. 5. P. 361–380
20. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris, 2021.
21. OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Paris, 2019.
22. Sun L., Zhou L. Research on subjective risks of generative AI // Journal of Educational Technology. China, 2024.
23. Tsinghua University. Developing a Global Framework for AI Governance. Beijing, 2024.
24. Bhardwaj A. Artificial Intelligence and the limits of reason // Humanities & Social Sciences Communications. 2025.
25. NITI Aayog. National Strategy for Artificial Intelligence: AI for All. New Delhi, 2018.
26. Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London: SAGE Publications, 1994.

AI TECHNOSUBJECTIVITY AND THE CRISIS OF PRESUMPTIONS IN SCIENTIFIC ATTESTATION

Ilin A.S.
Creative industries research center

The article introduces the category of artificial intelligence (AI) technosubjectivity as a philosophical-methodological framework for understanding the transformation of science's epistemological foundations in the context of hybrid human-machine cognition. Unlike approaches reducing AI to either a neutral tool or a new research object, the thesis is substantiated that an ontologically «boundary» category is emerging between the classical poles of subject and object, requiring an expansion of traditional epistemology's ontology. Drawing on V.S. Stepin's concept of post-nonclassical rationality and A. Clark's theory of distributed cognition, the paper demonstrates that three basic presumptions of scientific attestation systems—sole authorship, correlation between text volume and intellectual contribution volume, and the possibility of expert verification of quality—lose their self-evidence

and validity under conditions of widespread AI use. Empirical data (survey of $N = 2000$ participants at SMV and SHO congresses, 2023–2025) reveals an aporetic situation: 87% of respondents use AI in academic work, 61% distrust its results, while approximately 85% of experts cannot reliably identify AI-generated content. A critical analysis of the 2024 Nobel Prize precedent for creating the AlphaFold2 system uncovers a shift from evaluating singular discoveries to recognizing meta-tools of cognition as a distinct type of scientific contribution, thereby altering the very «pyramid» of scientific recognition. Within this framework, the concept of graduated epistemological authorship is proposed, and the necessity of establishing machine epistemology as a new interdisciplinary field responsible for analyzing the status and validation regimes of machine-produced knowledge is argued. The work's theoretical significance lies in expanding the categorical apparatus of epistemology and philosophy of science; its practical significance – in providing conceptual foundations for rethinking and reforming scientific attestation systems in the AI era.

Keywords: artificial intelligence; technosubjectivity; post-nonclassical epistemology; distributed cognition; scientific authorship; machine epistemology; hybrid human-machine cognition; scientific attestation; AlphaFold; validation presumptions.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation № 490 of October 10, 2019 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation».
2. Decree of the President of the Russian Federation № 642 of December 1, 2016 «On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation».
3. Federal Law of the Russian Federation № 258-FZ of July 31, 2020 «On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations».
4. GOST R 71476–2024. Artificial Intelligence. Concepts and Terminology. – M.: Standartinform, 2024.
5. GOST R 71657–2024. Artificial Intelligence Technologies in Education. – M.: Standartinform, 2024.
6. Britzitskii D.L. Phenomenological Study of the Transformation of Educational Interaction in the AI Era // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2025. № 8. P. 399.
7. Britzitskii D.L. Experience of Learning with Artificial Intelligence: Phenomenology of Educational Interaction and Boundaries of Pedagogical Subjectivity // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2025. № 7. P. 375.
8. Zubkovskaya A.A. Artificial Intelligence and Scientific Objectivity // *Philosophy of Science and Technology*. 2024. № 2.
9. Ilin A. S. AI Revolution as a Qualitatively New Type of Technological Transformation in Civilization History // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2025. № 8. P. 249.
10. Kasavin I.T. *Social Philosophy of Science and Collective Epistemology*. M.: Ves' Mir, 2016.
11. Sorokova E.D. *Ethics of Artificial Intelligence: Russian and European Contexts // State and Law*. 2022. № 11.
12. Stepin V.S. Classical, Non-Classical, Post-Nonclassical: Criteria for Distinguishing Types of Scientific Rationality // *Post-Nonclassical: Philosophy, Science, Culture*. – M.: Alfa-M, 2009.
13. Chernykh S.I. National Strategy for Artificial Intelligence Development in Russia // *Vestnik MGU. Ser. 18*. 2024. № 2.
14. Presidium of the Russian Academy of Sciences. *Philosophy of Artificial Intelligence: Conference Materials*. M., 2024.
15. Roscongress. *Artificial Intelligence: Key Trends of 2024*. Analytical Report. M., 2025.
16. ISIEZ NRU HSE. *Artificial Intelligence in Russian Science and Economy*. Analytical Report. M., 2024.
17. Clark A., Chalmers D.J. *The Extended Mind // Analysis*. 1998. Vol. 58, № 1. P. 7–19.
18. COPE Council. *Authorship and AI Tools*. COPE Position Statement. 2023.
19. Merton R.K. *The Normative Structure of Science // Osiris*. 1942. Vol. 5. P. 361–380.
20. UNESCO. *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. Paris, 2021.
21. OECD. *Recommendation of the Council on Artificial Intelligence*. Paris, 2019.
22. Sun L., Zhou L. *Research on Subjective Risks of Generative AI // Journal of Educational Technology*. China, 2024.
23. Tsinghua University. *Developing a Global Framework for AI Governance*. Beijing, 2024.
24. Bhardwaj A. *Artificial Intelligence and the Limits of Reason // Humanities & Social Sciences Communications*. 2025.
25. NITI Aayog. *National Strategy for Artificial Intelligence: AI for All*. New Delhi, 2018.
26. Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies*. London: SAGE Publications, 1994.

Карпухин Максим Кириллович,

аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

В статье исследуется роль миграционных процессов как фактора роста террористических угроз на территории Европейского союза с начала 2000-х годов. На основе анализа эволюции террористической активности, в частности атак исламистского характера в Париже (2015), Брюсселе (2016) и других городах, автор выявляет ключевые тенденции: доминирующую роль «Исламского государства», активизацию «волков-одиночек» и связь угроз с внешней политикой стран ЕС. Особое внимание уделяется трансформации общественного и политического дискурса, где после масштабных терактов миграция перестала восприниматься исключительно в гуманитарном ключе и подверглась «секьюритизации». В работе рассматриваются ответные меры ЕС, включая гармонизацию антитеррористического законодательства, усиление пограничного контроля и меры по предотвращению радикализации. Параллельно анализируется экономический контекст миграции, связанный с дефицитом рабочей силы и демографическим старением в ЕС, что создает противоречие между восприятием миграции как угрозы безопасности и ее необходимостью для экономического роста. Делается вывод о двойственной природе миграции, которая является как каналом потенциальных угроз, так и структурным ответом на внутренние вызовы Евросоюза.

Ключевые слова: миграция, террористические угрозы, Европейский союз, безопасность, радикальный исламизм, секьюритизация, антитеррористическая политика, рынок труда, радикализация, Шенгенское пространство.

Цель исследования – установить особенности миграции как фактора роста террористических угроз на территории Европейского союза. Проблема исследования состоит в том, что террористическая угроза представляет собой один из ключевых вызовов безопасности для современной Европы. Несмотря на то, что терроризм существует на европейском континенте уже многие десятилетия, качественно новым и обладающим значительным разрушительным потенциалом явлением стали теракты, совершаемые сторонниками радикального исламизма. Эти акты угрожают не только жизни и здоровью граждан, но и фундаментальным общественно-политическим основам европейских обществ. Начиная с 2000-х годов, Европейский союз столкнулся с чередой масштабных террористических атак, которые стали носить выраженный радикально-исламистский характер. В данном контексте особую актуальность приобретает исследование взаимосвязи между миграционными процессами и эскалацией террористических угроз[7].

Активность джихадистского терроризма в Европе в значительной степени детерминирована внешнеполитическими операциями государств – членов ЕС в регионах с преобладающим мусульманским населением, таких как Сирия, Ирак и Ливия. Теракты, подобные произошедшим в Париже 13 ноября 2015 года, демонстрируют высокий уровень координации и разрушительности. В результате скоординированных атак с использованием огнестрельного оружия и взрывчатых веществ в различных точках города погибло 130 человек, 368 получили ранения. Ответственность за эти действия взяло на себя так называемое «Исламское государство» (организация, запрещенная на территории РФ), заявив, что они являются ответом на французские авиаудары по его объектам на Ближнем Востоке. Этот инцидент не был единичным; он стал частью серии атак, включая нападение на офис сатирического журнала Charlie Hebdo в январе 2015 года, ответственность за которое взяла на себя «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (организация, запрещенная на территории РФ)[6].

Как отмечают в своем исследовании Пилиджаньян К.В., Мосина О.А., анализ террористической активности в ЕС позволяет выделить несколько устойчивых тенденций. Во-первых, ключевую роль «архитектора» терроризма в Европе играет ИГ, чья идеология распространяется через глобальные коммуникационные сети. Во-вторых, отмечается активизация деятельности так называемых «волков-одиночек» – экстремистов, действующих индивидуально или в составе небольших автономных групп, вдохновляемых идеологией крупных террористических формирований. В-третьих, прослеживается прямая связь между участием европейских стран в вооруженных конфликтах в «мусульманском мире» и активизацией террористических группировок на территории ЕС. Приверженность европейских стран либерально-демократическим ценностям делает их, с точки зрения исламистов, закономерными целями. В-четвертых, Франция, в силу своего империалистического и колониального прошлого, а также активной внешней политики, оказалась страной, подвергшейся наибольшему количеству терактов[8].

Эскалация террористической деятельности в 2000-х годах актуализировала вопрос о взаимосвязи между нелегальной миграцией и терроризмом. Серия терактов поставила под сомнение эффективность европейских систем безопасности. В политическом дискурсе начали доминировать опасения, что террористы могут инфильтрироваться в Европу среди потоков беженцев и мигрантов. Парижские атаки 2015 года стали катализатором для утверждения этих опасений. Заявления политиков, подобные словам венгерского премьер-министра о том, что «все террористы – это, по сути, мигранты», способствовали укоренению в общественном сознании и политических программах тезиса о прямой корреляции между миграционными потоками и террористическими угрозами. Это привело к существенному сдвигу в восприятии миграции: если ранее акцент делался на гуманитарных аспектах, то после 2015 года доминирующим стал дискурс секьюритизации, фокусирующийся на вопросах безопасности[9].

Ответом на усиление террористической угрозы стало ужесточение и гармонизация антитеррористического законодательства на уровне ЕС. После терактов в Париже Совет ЕС принял Заключение по борьбе с терроризмом, содержащее комплекс мер по улучшению сотрудничества между государствами-членами. Одной из ключевых проблем, обозначенных Комиссией, стало нежелание национальных служб в пол-

ной мере обмениваться информацией друг с другом и с Европолом, что значительно снижало эффективность контртеррористической деятельности.

В декабре 2015 года Европейская Комиссия представила проект новой директивы по борьбе с терроризмом, однако из-за разногласий между странами она была принята лишь в 2017 году. Директива ужесточила уголовное преследование за участие в террористической деятельности и присоединение к террористическим группам. Другим важным, но спорным, инструментом стала Директива о передаче данных о пассажирах авиакомпаний (PNR). Ее принятие затягивалось из-за сопротивления Европейского парламента, требовавшего усилить гарантии защиты персональных данных. Тем не менее, после утверждения директивы государства-члены начали активно инкорпорировать ее положения в национальные законодательства[5].

Параллельно были усилены меры пограничного контроля. Европарламент и Совет достигли соглашения о реформе Шенгенского кодекса, введя обязательные проверки всех пассажиров по базам данных Шенгенской информационной системы и Интерпола при пересечении внешних границ. Одновременно обсуждалась проблема свободного оборота огнестрельного оружия, поскольку в парижских терактах 2015 года использовалось оружие, легально приобретенное в Словакии. Однако попытки ввести жесткие общеевропейские ограничения наткнулись на сопротивление стран, отстаивающих интересы оружейного лобби, что привело к существенному сокращению первоначального списка запрещенных видов оружия. Помимо репрессивных мер, значительное внимание уделяется профилактике радикализации в обществе. Молодежь из среды мигрантов второго и третьего поколения, испытывающая социальную исключенность и неудовлетворенность из-за растущей поляризации в европейских обществах, рассматривается как основная группа риска для вербовщиков террористических организаций. Рост числа коммуникационных каналов, особенно в период карантинных ограничений, упростил процесс онлайн-радикализации. В ответ европейские лидеры инициировали меры по удалению террористического контента из интернета, контролю за финансированием терроризма и продвижению так называемых «европейских ценностей» среди религиозных деятелей. Предложение о создании «европейского института для подготовки имамов» вызвало дискуссии о допустимости государственного вмешательства в религиозную сферу.

Таким образом, антитеррористическая стратегия ЕС, отраженная в программных документах, консолидируется вокруг нескольких направлений: усиление обмена информацией между государствами-членами, развитие инструментов сбора и анализа данных, укрепление внешних границ, интеграция программ безопасности и миграционной политики, а также противодействие радикализации. Однако углубление интеграции в этой сфере наталкивается на сопротивление стран, приоритизирующих национальный суверенитет, а многие законодательные инициативы критикуются правозащитниками как нарушающие баланс между безопасностью и гражданскими свободами[2–4].

Для комплексного понимания роли миграции необходимо рассмотреть ее экономическое измерение. Эффективное распределение человеческих ресурсов является критически важным для долгосрочной конкурентоспособности экономик ЕС, которые сталкиваются с двойным вызовом: старением населения и дефицитом рабочей силы в ключевых секторах. В 2022 году в ЕС работало 9,93 миллиона граждан третьих стран, что составляло 5,1% от общей рабочей силы. Особо острая нехватка кадров наблюдается в Германии в сферах строительства, здравоохранения, IT и ряда ручных профессий.

Потемкина О. Н. подчеркивает, что в общественных дебатах доминируют три ключевых вопроса: влияние миграции на занятость коренного населения, ее воздействие на уровень заработных плат и связь с ростом теневой экономики. Опросы Eurobarometer показывают, что значительная часть граждан в таких странах, как Франция, Дания и Австрия, относится к иммиграции негативно, считая, что мигранты отнимают рабочие места, злоупотребляют социальными пособиями и их число превысило допустимые пределы. Примечательно, что это враждебное отношение коррелирует с высокой долей неграждан в населении, но не с уровнем безработицы. Экономические исследования предлагают более дифференцированную картину. В теории миграции выделяются два типа трудовых мигрантов: конкурирующие (замещающие местных работников) и дополняющие (заполняющие вакансии, на которые нет местных кадров). Анализ европейского рынка труда указывает на то, что мигранты в основном играют дополняющую роль, восполняя дефицит навыков и способствуя снижению безработицы. Их влияние на заработную плату в целом незначительно, хотя наиболее заметно в низкоквалифицированных сегментах. Положительный вклад трудовой миграции иллюстрирует пример Польши, где укра-

инские работники внесли существенный вклад в рост ВВП в период 2013–2018 годов[10, 11].

Для привлечения высококвалифицированных специалистов из третьих стран еще в 2009 году была введена система «Голубой карты ЕС». Однако проблемы создает нелегальная миграция, ведущая к потерям налоговых поступлений и дополнительным расходам на социальные и медицинские услуги. Существует также мнение, что мигранты, особенно находящиеся в уязвимом положении, чаще соглашаются на нелегальную занятость, тем самым питая теневую сектор экономики, хотя его корни зачастую лежат глубже и не сводятся исключительно к миграции.

Демографические прогнозы для ЕС пессимистичны: ожидается, что численность трудоспособного населения сократится с 265 до 258 миллионов к 2030 году. Дефицит кадров, усугубленный переходом к «зеленой» и цифровой экономике, вынуждает европейские страны пересматривать миграционную политику в сторону поощрения легальных трудовых потоков. В рамках стратегии «Европа 2020» и последующих инициатив, таких как «План действий по интеграции граждан третьих стран» (2016 г.), подчеркивается важность ускоренного выхода беженцев на рынок труда для снижения социальной нагрузки и решения проблемы нехватки рабочих рук. Ключевыми условиями успешной интеграции называются языковая подготовка, признание квалификаций и позиция работодателей. В 2022 году Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен анонсировала инициативу «Навыки и мобильность талантов», направленную на снижение барьеров для найма квалифицированных иностранных специалистов[1].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что миграция является значимым, но не однозначным фактором роста террористических угроз на территории Европейского союза. С одной стороны, объективная взаимосвязь существует в плоскости использования нерегулируемых миграционных потоков для инфильтрации террористических элементов, а также в процессе радикализации части мигрантских сообществ, особенно среди молодежи, сталкивающейся с проблемами социальной и экономической эксклюзии. Теракты середины 2010-х годов стали катализатором для секьюритизации миграционной повестки, сделав безопасность доминирующим дискурсом в ущерб гуманитарному подходу. С другой стороны, упрощенное отождествление миграции с терроризмом, закрепившееся в публичном политическом поле, не отражает всей сложности проблемы. Террористическая угроза в ЕС имеет мультифакторную природу, будучи обусловленной прежде всего внешнеполитическими действиями государств-членов, деятельностью транснациональных террористических сетей и внутренними социальными противоречиями. Одновременно миграция представляет собой структурный ответ на глубокие демографические и экономические вызовы, стоящие перед Европой: старение населения и хронический дефицит рабочей силы в стратегических отраслях. Таким образом, миграционный процесс несет в себе двойственный потенциал: он может выступать как канал для угроз безопасности, но также является и необходимым ресурсом для устойчивого социально-экономического развития ЕС[12].

Ответные меры Евросоюза, направленные на усиление контроля над внешними границами, углубление полицейского сотрудничества и борьбу с радикализацией, демонстрируют попытку найти баланс между этими двумя аспектами. Однако этот процесс сталкивается с фундаментальными противоречиями между необходимостью наднациональной координации и защитой национального суверенитета, а также между требованиями безопасности и соблюдением прав человека. Дальнейшая эффективность антитеррористической и миграционной политики ЕС будет зависеть от способности институтов Союза и национальных правительств разрабатывать комплексные, сбалансированные стратегии, которые, обеспечивая безопасность, не будут игнорировать как экономические императивы, так и правовые и гуманитарные нормы, составляющие основу европейского проекта.

Литература

1. Заключение Совета Европейского союза по борьбе с терроризмом (принято после ноябрьских терактов 2015 года в Париже) // Официальный журнал Европейского союза. – Брюссель, 2015.
2. Директива (ЕС) 2017/541 Европейского парламента и Совета от 15 марта 2017 года о борьбе с терроризмом и замене Рамочного решения 2002/475/СПЖ Совета и внесении изменений в Решение 2005/671/СПЖ Совета // Официальный журнал Европейского союза. L 88. – 31.03.2017. – С. 6–21.
3. Директива (ЕС) 2016/681 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года об использовании данных пассажиров (PNR) для профилактики, расследования, обнаружения и судебного преследования в связи с террористическими преступлениями и серьезными

преступлениями // Официальный журнал Европейского союза. L 119. – 04.05.2016. – С. 132–149.

4. Реформа Шенгенского кодекса (Регламент (ЕС) 2016/399 Европейского парламента и Совета от 9 марта 2016 года о Кодексе Союза о режиме пересечения границ) // Официальный журнал Европейского союза. L 77. – 23.03.2016. – С. 1–52.

5. План действий по интеграции граждан третьих стран // Коммуникация Комиссии Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов от 7 июня 2016 г. COM(2016) 377 final. – Брюссель, 2016.

6. Бойко А.В. Миграция и терроризм: к проблеме установления взаимосвязи явлений // АНИ: экономика и управление. 2020. № 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-i-terrorizm-k-probleme-ustanovleniya-vzaimosvyazi-yavleniy> (дата обращения: 28.01.2026).

7. Куликова, Ю.О. Проблемы миграции в странах Европы / Ю.О. Куликова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 12 (146). – С. 417–420. – URL: <https://moluch.ru/archive/146/41009>.

8. Пилиджаньян К. В., Мосина О.А. К вопросу взаимосвязи миграции и терроризма // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 37. – С. 56–60. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/95634.htm>.

9. Бистрина М.Г. Миграционная политика Европейского союза // PolitBook. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 28.01.2026).

10. Потемкина О.Н. Новые тенденции внешнего измерения политики миграции и убежища ЕС. Мировая экономика и международные отношения, 2025, т. 69, № 5, сс. 44–54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-5-44-54> EDN: QPILG.

11. Крапивницкая Е.Д. Экстернализация миграционной политики ЕС как решение проблемы солидарности. Поршнева О.С., Антошин А.В., Галкина Ю.М., ред. IV Чемпаловские чтения “Международные отношения в XX–XXI вв”. Екатеринбург, УМЦ УПИ, 2020, сс. 314–321.

12. Эйтсма О.Н. Правовое регулирование миграции в ЕС // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2024. 7(117). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/17742> (дата обращения: 29.01.2026).

MIGRATION AS A FACTOR IN THE GROWTH OF TERRORIST THREATS IN THE EUROPEAN UNION

Karpushin M.K.

Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the role of migration processes as a factor in the growth of terrorist threats in the European Union since the early 2000s. Based on the analysis of the evolution of terrorist activity, in particular Islamist attacks in Paris (2015), Brussels (2016) and other cities, the author identifies key trends: the dominant role of the “Islamic State”, the activation of “lone wolves” and the connection of threats with the foreign policy of the EU countries. Special attention is paid to the transformation of public and political discourse,

where, after large-scale terrorist attacks, migration was no longer perceived exclusively in a humanitarian light and was subjected to “securitization.” The paper examines the EU’s response measures, including the harmonization of anti-terrorism legislation, strengthening border controls and measures to prevent radicalization. At the same time, the economic context of migration is analyzed, related to labor shortages and demographic aging in the EU, which creates a contradiction between the perception of migration as a security threat and its necessity for economic growth. The conclusion is drawn about the dual nature of migration, which is both a channel of potential threats and a structural response to the internal challenges of the European Union.

Keywords: migration, terrorist threats, the European Union, security, radical Islamism, securitization, anti-terrorist policy, labor market, radicalization, the Schengen area.

References

1. Council Opinion on counter-terrorism (adopted following the November 2015 terrorist attacks in Paris) // Official Journal of the European Union. – Brussels, 2015.

2. Directive (EU) 2017/541 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Framework Decision 2002/475/EC and amending Council Decision 2005/671/EC // Official Journal of the European Union. L 88. – 31.03.2017. – Pp. 6–21.

3. Directive (EU) 2016/681 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the use of passenger data (PNR) for the prevention, investigation, detection and prosecution of terrorist offences and serious crime // Official Journal of the European Union. L 119. – 04.05.2016. – P. 132–149.

4. Reform of the Schengen Code (Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union code on border management) // Official Journal of the European Union. L 77. – 23.03.2016. – P. 1–52.

5. Action Plan for the Integration of Third-Country Nationals // Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions of 7 June 2016 COM(2016) 377 final. – Brussels, 2016.

6. Boyko A.V. Migration and terrorism: towards the problem of establishing a relationship between phenomena // ANI: Economics and Management. 2020. No. 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-i-terrorizm-k-probleme-ustanovleniya-vzaimosvyazi-yavleniy> (date of access: 28.01.2026).

7. Kulikova, Yu.O. Migration Problems in European Countries / Yu.O. Kulikova. – Text: direct // Young scientist. – 2017. – No. 12 (146). – P. 417–420. – URL: <https://moluch.ru/archive/146/41009>.

8. Piliidzhanyan K. V., Mosina O.A. On the issue of the relationship between migration and terrorism // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2015. – Vol. 37. – P. 56–60. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/95634.htm>.

9. Bistrina M.G. Migration policy of the European Union // PolitBook. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-evropeyskogo-soyuza> (date of access: 28.01.2026).

10. Potemkina O.N. New trends in the external dimension of the EU migration and asylum policy. World Economy and International Relations, 2025, Vol. 69, No. 5, Pp. 44–54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-5-44-54> EDN: QPILG.

11. Krapivnitskaya E.D. Externalization of the EU migration policy as a solution to the solidarity problem. Porshneva O.S., Antoshin A.V., Galkina Yu. M., eds. IV Chempalov Readings “International Relations in the 20th-21st Centuries”. Ekaterinburg, UMC UPI, 2020, Pp. 314–321.

12. Eitsma O.N. Legal regulation of migration in the EU // Universum: economics and jurisprudence: electronic. scientific journal. 2024. 7(117). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/17742> (date of access: 29.01.2026).

Политизация корпоративной социальной ответственности как инструмент государственной политики России в эпоху глобальных кризисов

Кочетков Егор Евгеньевич,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «История» ФГА ОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ)
E-mail: kochetkov.work@gmail.com

Боровский Марк Борисович,

аспирант, ассистент Академии базовой подготовки ФГА ОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ)
E-mail: mark.borovskiy.99@mail.ru

В статье рассматривается политизация корпоративной социальной ответственности (КСО) в России за последние двадцать пять лет в контексте глобальных кризисов и трансформации государственной политики. Исследование исходит из политологического понимания политизации как включения ранее корпоративных практик в пространство публичной политики, борьбы за ресурсы и легитимности, расширения круга акторов и площадок обсуждения. На этом фоне КСО трактуется не как набор добровольных инициатив бизнеса, а как элемент управляемой модели взаимодействия государства и крупных корпораций. Цель работы – выявить, как в российских условиях КСО стала инструментом государственной политики, и через какие институциональные механизмы это произошло. Эмпирической базой служат стратегические, годовые и нефинансовые отчёты, корпоративные программы и публичные заявления трёх системообразующих компаний – Сбербанка, РЖД и Газпрома, а также ключевые документы государственной политики за последние двадцать пять лет. Методологически статья опирается на качественный контент-анализ и институциональный подход. Показано, что политизация КСО проявляется через институционализацию, инструментализацию и легитимацию: включение КСО в государственные стратегии и национальные приоритеты, использование корпоративных практик для решения задач энергетической, социальной и внешнеполитической повестки, формирование каналов общественного признания и контроля. Сделан вывод о том, что российская модель политизации КСО представляет собой управляемый вариант государственно-корпоративного партнёрства, сочетающий расширение ответственности компаний с сохранением ведущей роли государства.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность; политизация; глобальные кризисы; государственная политика

Введение

Политизация – это процесс роста публичной значимости, констатации и круга вовлечённых акторов вокруг определённой темы; он сопровождается переносом обсуждения на более «высокие» и публичные арены (СМИ, суды, парламенты и т.д.) и расширением набора инструментов влияния (от коммуникации к праву, финансам, надзору, экспертной и гражданской процедурам).

За период с 2000 по 2025 год российская экономика и государственная политика развивались в условиях последовательных внешних и внутренних вызовов: смены форм государственного участия в экономике, колебаний цен на энергоресурсы, расширения международных режимов регулирования, кризиса 2008–2009 гг., санкционного давления после 2014 года, пандемии COVID-19, энергетической турбулентности 2021–2022 гг., углубления геополитической конфронтации и фрагментации норм устойчивого развития. На этом фоне корпоративная социальная ответственность перестала быть исключительно добровольной сферой благотворительности и репутационного менеджмента и стала одним из элементов управляемого взаимодействия государства и корпораций.

В политической науке политизация понимается как процесс, в ходе которого вопросы, ранее решавшиеся в административном режиме, переходят в сферу публичной политики: усиливается внимание к ним, растёт число вовлечённых акторов, появляются конкурирующие интерпретации и каналы влияния. Применительно к КСО это означает, что социальные, экологические и инфраструктурные практики компаний становятся частью политического процесса: они включаются в государственные стратегии, национальные проекты, механизмы распределения ресурсов и форматы подотчётности обществу.

Российский случай важен тем, что государство выступает не только в роли внешнего регулятора, но и в качестве активного участника политизации КСО. Через государственные корпорации, банки с госучастием, отраслевые стратегии и систему программного управления оно задаёт направления социальной, региональной и экологической деятельности крупного бизнеса. В результате КСО используется как инструмент внутренней стабилизации, поддержки территорий, адаптации к санкционным режимам и позиционирования России в международных дебатах об устойчивом развитии.

Таким образом, объектом исследования выступают процессы политизации КСО в России в период 2000–2025 гг., а предметом исследования – институциональные и политические механизмы, через которые КСО превращается в инструмент государственной политики в российском контексте. Цель исследования – показать, как в условиях глобальных кризисов КСО в России была институционально оформлена и задействована как инструмент государственной политики, и какова роль государства и крупнейших корпораций в этом процессе.

Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить политологическое содержание понятия «политизация КСО»; проследить эволюцию подходов к КСО в России в 2000–2025 гг.; предложить критерии, по которым политизацию КСО можно фиксировать в институциональной практике; на материале кейсов Сбербанка, РЖД и Газпрома проанализировать отраслевые конфигурации политизации; оценить последствия сложившейся модели для системы публичного управления и устойчивого развития.

В современной литературе КСО всё чаще трактуется как элемент публичной политики и механизм перераспределения ответственности между государством и бизнесом. Институциональный подход рассматривает российскую КСО как результат сложившихся правил и эволюции отношений государства и бизнеса, где стандарты и стимулы задаются в тесном взаимодействии с публичной властью (Fifka M.S.) [4]. Согласно концепции «политической КСО», корпорации становятся союзниками производства общественных благ и механизмов легитимации государственной и общественной политики, выходя за рамки добровольной благотворительности (Scherer A.G.; Palazzo G.) [2]. Подход к корпоративной политической активности показывает двустороннюю обусловленность: компании используют КСО как язык взаимодействия с государством и обществом, а государство – как канал достижения общественных целей через стандарты, финансы и цепочки поставок

(Lyon T. P., Delmas M. A.) [1]. Российские исследования рассматривают влияние кризисов, санкций и региональных различий на практики КСО, а также роль национальных институтов и программ устойчивого развития (Стрижов С. А.; Дорожинская Е. А.; Воронина Е. В.; Морозов А. А.) [9, 10, 11, 12]. В совокупности эти подходы задают основу настоящей статьи, в которой политизация КСО рассматривается как инструмент государственной политики в условиях глобальных кризисов.

Методы

Методологическая основа исследования сочетает институциональный и политэкономический подходы с качественным контент-анализом. Такой выбор обусловлен характером исследуемого феномена: политизация КСО задаётся не одним нормативным актом или отдельным решением, а формируется в процессе накопления практик и включения корпоративных инициатив в государственные контуры.

Эмпирическую базу составляют официальные документы органов государственной власти и институтов развития России (стратегии социально-экономического развития, национальные проекты, концепции устойчивого развития, регулятивные акты по нефинансовой отчётности и устойчивым финансам), а также корпоративные материалы трёх системообразующих акторов: ПАО «Сбербанк России», ОАО «РЖД» и ПАО «Газпром». В рассмотрение включены годовые отчёты, отчёты об устойчивом развитии и корпоративной ответственности, стратегии за период с 2000 по 2025 годы [13–21].

Качественный контент-анализ применяется для выявления того, как в документах формулируются цели и мотивы КСО, какие государственные приоритеты и нормативные рамки в них отражены, каким образом описываются социальные, экологические и региональные эффекты.

Результаты

Анализ эволюции корпоративной социальной ответственности в России в 2000–2025 гг. показывает, что КСО постепенно превратилась из набора фрагментарных инициатив в один из инструментов государственной политики. Это проявляется не только в росте нормативных требований и появлении национальных стандартов, но и в том, как крупные компании встроены в реализацию стратегических целей государства: поддержание занятости, развитие территорий, обеспечение транспортной и энергетической безопасности, адаптация к санкциям и глобальным регуляторным изменениям [11, 12].

Во-первых, это **институционализация**. КСО включается в формальные контуры публичной политики: национальные проекты, государственные программы инфраструктурного развития, отраслевые стратегии, соглашения с субъектами Федерации [5, 8]. В рассмотренных кейсах КСО фиксируется не как добровольная активность «поверх бизнеса», а как ожидаемый вклад компании в достижение целевых показателей, задаваемых государством. Сбербанк участвует в программах цифровизации и финансовой доступности, РЖД – в долгосрочных планах пространственного развития и мобильности, Газпром – в обеспечении внутреннего газоснабжения и поддержке регионов присутствия. Такая институционализация объясняет выбор именно этих компаний: на протяжении всего периода они остаются системообразующими акторами, чьи решения сочетают коммерческую, социальную и политическую составляющие.

Во-вторых, политизация проявляется через **инструментализацию** КСО. Социальные, экологические и инфраструктурные проекты компаний используются как средства решения конкретных политических задач [1]. Внутри страны это сглаживание социального неравенства, поддержка моногородов, модернизация транспортной и энергетической инфраструктуры, формирование образа «ответственного работодателя» и «надёжного партнёра государства». Во внешнем измерении – укрепление образа России как предсказуемого поставщика ресурсов и транзитной державы, адаптация к международным ожиданиям в сфере отчётности и климатической повестки. Через КСО выстраивается модель: корпоративные проекты становятся частью аргументации государственной политики и инструментом её реализации, а не только ответом на запросы заинтересованных сторон.

В-третьих, КСО выполняет функцию **легитимации**. Публичные отчёты, социальные программы, экологические модернизации и инфраструктурные проекты используются для обоснования сложных и затратных решений как внутри компаний, так и на уровне государства [5, 7]. В кейсах Сбербанка, РЖД и Газпрома КСО закрепляет образ компаний как акторов, разделяющих ответственность за общественные результаты, а государства – как координатора, способного направлять ресурсы крупных корпораций в приоритетные зоны. Легитимационная функция проявляется не только в практиках поддержки и развития, но и в ответе на кризисы и конфликты: экологические инциденты,

санкции, изменение внешних рынков вынуждают усиливать прозрачность, демонстрировать социальный эффект и устойчивость решений.

Для прослеживания указанных механизмов используются три критерия политизации КСО, которые определяются исходя из политологической логики исследования. **Институциональная интеграция** отражает степень включённости компаний в формальные механизмы государственной политики, наличие долгосрочных соглашений с властью, участие в государственных программах, роль в реализации национальных приоритетов. **Социальные эффекты** показывают, в какой мере КСО влияет на занятость, качество городской среды, развитие человеческого капитала и устойчивость регионов присутствия, то есть на те показатели, которые традиционно находятся в зоне ответственности государства. Критерий **устойчивости и безопасности** фиксирует связь корпоративных инициатив с задачами транспортной, энергетической, технологической и экологической безопасности, что особенно важно в условиях санкций, перестройки экспортных потоков и изменения глобальных правил в области устойчивого развития.

Выбор именно этих критериев обусловлен предметом исследования. Они позволяют увидеть политизацию не как простое расширение отчётности или набор благотворительных практик, а как институциональное перераспределение ролей между государством и крупным бизнесом. Показано, что в России КСО выступает частью управляемой модели взаимодействия: государство задаёт рамки и ожидаемые эффекты, корпорации интегрируют их в стратегию, а общественные результаты становятся ресурсом политической легитимации.

Кейс-анализ

Кейс 1. Сбербанк

В течение 2000–2025 годов Сбербанк проходит путь от универсального банка с набором социальных инициатив к ключевому финансовому актору, через которого выстраивается значительная часть государственной повестки развития и устойчивости. В начале 2000-х КСО носит корпоративный характер (образование, культура, региональные проекты), но уже тогда банк становится инфраструктурным участником публичной политики через обслуживание бюджетных потоков и модернизацию платёжной и социальной инфраструктуры.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов закрепляет роль Сбербанка как опорного института кредитования и стабилизации, а социальные программы увязываются с занятостью и доступностью базовых услуг [3]. После 2014 года на фоне санкций и ограничения внешнего фондирования КСО всё теснее интегрируется во внутреннюю архитектуру государства: поддержка МСП, региональные соглашения, расширение образовательных и цифровых сервисов [4].

В период пандемии COVID-19 Сбербанк становится одним из операторов дистанционных сервисов, льготных программ и сервисов доступа к государственным услугам, что закрепляет за ним функцию социально значимого института. Геоэкономические и энергетические потрясения 2022–2025 годов ускоряют развитие инструментов устойчивых финансов, ориентацию на национальные подходы к нефинансовой отчётности, запуск продуктов, связанных с экологическими и социальными приоритетами государства [5].

В итоге КСО Сбербанка политизируется: корпоративные проекты и стандарты устойчивости институционализируются через участие в национальных проектах, цифровых государственных сервисах, поддержке критически важных отраслей и регионов и становятся инструментом реализации публичных приоритетов, а не только ответом на запросы клиентов и партнёров.

Кейс 2. РЖД

Опыт Российских железных дорог в 2000–2025 годах демонстрирует, как корпоративная социальная ответственность постепенно превращается из внутренней социальной политики в инструмент государственной стратегии, сохраняя при этом форму корпоративных программ. С момента реформирования отрасли и создания РЖД компания берёт на себя не только коммерческие функции, но и устойчивые общественные обязательства: обеспечение транспортной связности страны, поддержание доступных тарифов для социально значимых перевозок, развитие инфраструктуры в крупных и малых городах, сохранение занятости и профессиональных сообществ в моногородах. Уже на этом этапе КСО фактически совпадает с задачами публичной политики, но выступает преимущественно в терминах социальной поддержки и отраслевой ответственности.

Постепенно КСО РЖД начинает использоваться как средство управляемого территориального развития. Кризис 2008–2009 годов усиливает роль РЖД как системообразующего актора: обеспечение непрерывности перевозок и занятости закрепляет ожидание, что компа-

ния несёт расширенную ответственность за устойчивость территорий [16]. После 2014 года акцент смещается к импортозамещению, развитию транзитного потенциала, поддержке экспортных и интеграционных проектов; инфраструктурные и социальные инициативы РЖД становятся элементом аргументации долгосрочной политики, в том числе во внешнеэкономическом измерении [7].

Пандемия COVID-19 и последующая геополитическая ситуация 2022–2025 годов усиливают связь КСО с вопросами безопасности, устойчивости и доверия. Обеспечение непрерывности пассажирских и грузовых перевозок, адаптация санитарных и организационных стандартов, поддержка работников и локальных сообществ формируют образ РЖД как опорного института в кризисный период. Развитие восточных и южных направлений, поддержка городов присутствия, модернизация экологических и промышленных стандартов закрепляют корпоративные программы как часть государственной повестки – от транспортной и региональной политики до внешнеэкономической стратегии России [9].

В совокупности кейс РЖД показывает политизацию КСО через три взаимосвязанных измерения: институционализацию социальных и инфраструктурных обязательств в нормативных и программных документах; использование корпоративных проектов для решения задач транспортной, региональной и внешнеэкономической политики; и применение нефинансовой отчётности и публичной коммуникации для подтверждения соответствия этим целям. КСО здесь перестаёт быть надстройкой над бизнесом и становится способом описания и легитимации статуса РЖД как актора, действующего на стыке рыночных механизмов и государственной власти.

Кейс 3. Газпром

Политизация КСО Газпрома прослеживается наиболее отчётливо на пересечении внутренней и внешней политики. В начале 2000-х годов социальная деятельность компании строится вокруг газификации регионов, поддержки коммунальной и спортивной инфраструктуры, проектов в сфере культуры и образования. Эти программы оформляются как корпоративная ответственность, но фактически дублируют ключевые социальные и инфраструктурные функции государства.

Выбор горизонта 2000–2025 годов позволяет увидеть, как КСО Газпрома сначала работает на встраивание в международно-правовое поле и ожидания внешних партнёров, а затем – на закрепление суверенной конфигурации. В 2000-е и первой половине 2010-х годов компания осваивает язык глобальной ответственности: развивает нефинансовую отчётность, подчёркивает соответствие экологическим и промышленным требованиям, демонстрирует надёжность поставок и долгосрочность контрактов для европейских рынков. В этот период социальные и экологические сюжеты используются как аргумент в пользу статуса Газпрома как предсказуемого участника международных режимов [12].

Последние десять–пятнадцать лет меняют ориентиры. Санкционные режимы, конфликты вокруг транзита, переориентация экспортных потоков, усиление курса на энергетический суверенитет и «поворот на Восток» переводят КСО в более явно политизированный формат. Социальные инвестиции в регионах присутствия, программы газификации субъектов РФ, модернизация теплоснабжения и инфраструктуры начинают прямо подаваться как вклад во внутреннюю устойчивость, поддержку территорий и снижение социального напряжения. Экологические и технологические проекты закрепляются в публичных документах как подтверждение способности России обеспечивать энергоресурсы на основе собственных стандартов и управляемых рисков [11].

По итогу КСО Газпрома становится не просто набором социальных программ, а механизмом, через который корпоративные решения связываются с задачами государственной политики: поддержание контроля над стратегической инфраструктурой, легитимация крупных проектов, демонстрация устойчивости в условиях внешнего давления. Тем самым кейс показывает эволюцию от КСО как инструмента адаптации к международным правилам к КСО как инструменту реализации национальной стратегии, что и оправдывает рассмотрение полного 25-летнего периода.

Сводный синтез результатов

Проведённый анализ показал, что в 2000–2025 гг. корпоративная социальная ответственность в России последовательно утрачивает статус исключительно добровольной практики и превращается в инструмент государственной политики. Политизация КСО проявляется как институциональный процесс, в ходе которого крупные компании включаются в реализацию публичных целей: от поддержки занятости и инфраструктурных проектов до обеспечения энергетической и транспортной

безопасности, а их социальные и экологические обязательства структурируются через государственные приоритеты, нормативные установки и ожидания общества [8]. В этой модели государство выступает не только регулятором, но и инициатором, задающим рамки допустимых решений, форматы отчётности и каналы ресурсной поддержки, тогда как корпоративные акторы выстраивают свои стратегии, соотнося их с приоритетами публичной политики [3].

Выбор двадцатипятилетнего периода позволяет увидеть непрерывность и наслоение фаз этого процесса. Ранние 2000-е связаны с опорой на крупные компании как носителей социальной инфраструктуры, а глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. закрепляет за ними стабилизирующую роль. После 2014 года санкционное давление и перестройка внешнеэкономических связей усиливают привязку КСО к задачам суверенитета, импортозамещения, пространственного развития. В период пандемии COVID-19, энергетического кризиса и геополитической ситуации 2020–2025 гг. КСО окончательно закрепляется как канал реализации антикризисных и долгосрочных стратегий государства. В совокупности кризисы не только ускоряют политизацию КСО, но и выступают фильтром: востребованными оказываются такие корпоративные практики, которые способны одновременно поддерживать устойчивость систем и подтверждать легитимность принятых политических решений.

Кейс-анализ Сбербанка, РЖД и Газпрома демонстрирует три конфигурации политизации КСО. В случае Сбербанка КСО институционализируется через участие в национальных проектах, цифровой инфраструктуре и устойчивом финансировании, превращаясь в механизм согласования кредитных, технологических и социальных решений с публичными приоритетами. В деятельности РЖД КСО неотделима от транспортной, региональной и социальной политики: проекты модернизации, пространственного развития и поддержки моногородов оформляются как корпоративные, но функционируют как часть долгосрочной государственной стратегии. Газпром представляет наиболее наглядный пример использования КСО на стыке внутренней и внешней политики: программы газификации, региональные социальные проекты, экологические инициативы и формат отчётности одновременно обслуживают задачи территориальной устойчивости и подтверждения роли России как самостоятельного энергетического актора. Во всех трёх случаях КСО устойчиво закреплена в управленческих практиках и выполняет легитимационную, инструментальную и интеграционную функции, выходя за рамки репутационного сопровождения бизнеса.

Обсуждение

Государство как метарегулятор

Анализ кейсов Сбербанка, РЖД и Газпрома подтверждает, что политизация КСО в России осуществляется не только «снизу» через добровольные инициативы, но и «сверху» через институциональное оформление роли компаний в реализации государственных приоритетов [10]. Государство выступает метарегулятором в двух смыслах.

Во-первых, через стратегии развития, национальные проекты, отраслевые программы, требования к раскрытию информации, корпоративному управлению и устойчивому финансированию оно задаёт нормативное пространство, в котором КСО становится ожидаемой и в определённой мере предписанной практикой. Участие в инфраструктурных проектах, программах газификации, пространственного развития, цифровизации, транспортной связности или экологической модернизации закрепляется как часть согласованных обязательств.

Во-вторых, государство использует статус системообразующих компаний для реализации социально значимых функций. Через Сбербанк выстраиваются инструменты устойчивых финансов, цифрового доступа к услугам и поддержки малого бизнеса; через РЖД – долгосрочная транспортная политика, поддержка моногородов и интеграция территорий; через Газпром – энергетическая, региональная и внешнеполитическая линия. В этой конфигурации КСО выступает формой институционализации уже существующей связи государства и корпораций: проекты, обозначаемые как социальные, экологические или инфраструктурные, одновременно решают политические задачи и оформляются в понятных общественных категориях ответственности.

Таким образом, государство в российской модели не только регулирует КСО, но и соучаствует в её содержании, используя её как канал реализации и объяснения публичной политики. Это и есть политизация в политологическом смысле – включение корпоративных практик в поле публичных решений, ответственности и легитимации.

Легитимация. КСО становится каналом публичного объяснения стратегических решений и механизмом поддержания доверия. Социальные и инфраструктурные проекты, экологические программы, не-

финансовая отчётность и принятые публичные обязательства представляют крупные компании как соучастников общенациональной работы по обеспечению устойчивости, а не только как получателей государственной поддержки. Это имеет значение как для внутренних участников (работники, регионы, население), так и для внешних (партнёры, инвесторы, международные наблюдатели).

Полученные результаты важны по нескольким причинам. Для политической науки они уточняют понимание политизации КСО как институционального процесса, в котором государство и корпорации формируют устойчивую и иерархически организованную модель партнёрства. Для практики публичного управления и корпоративного планирования они показывают, какие формы взаимодействия государства и бизнеса оказываются надёжными в долгосрочной перспективе. Для корпоративного сектора результаты фиксируют ожидания: участие в реализации национальных приоритетов становится не факультативным, а встроенным элементом многолетней стратегии.

Автор поддерживает российскую модель обеспечения КСО, рассматривая её как релевантный инструмент государственной стратегии в условиях глобальных кризисов.

Литература

1. Lyon T. P., Delmas M.A. et al. CSR needs CPR: corporate sustainability and politics // *California Management Review*. 2018. Vol. 60, № 4. P. 5–24. URL: <https://doi.org/10.1177/0008125618778854> (дата обращения: 24.10.2025).
2. Scherer A. G., Rasche A., Palazzo G., Spicer A. Managing for Political Corporate Social Responsibility – New Challenges and Directions for PCSR 2.0. // *Journal of Management Studies*. 2016. Vol. 53, № 3. P. 273–298. URL: <https://doi.org/10.1111/joms.12203> (дата обращения: 30.10.2025).
3. Hasan M. M., Jiang H. Political Sentiment and Corporate Social Responsibility // *The British Accounting Review*. 2023. Vol. 55, № 1. P. 101–170. URL: <https://doi.org/10.1016/j.bar.2022.101170> (дата обращения: 03.11.2025).
4. Fikfa M. S., Pobizhan M. An institutional approach to corporate social responsibility in Russia // *Journal of Cleaner Production*. 2014. Vol. 82. P. 192–201. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.06.091> (дата обращения: 04.11.2025).
5. Scherer A. G., Palazzo G. The New Political Role of Business in a Globalized World: A Review of a New Perspective on CSR and Its Implications for the Firm, Governance, and Democracy // *Nachhaltigkeit*. 2012. P. 15–50. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-8349-3746-9_2 (дата обращения: 30.10.2025).
6. Zueva A., Fairbrass J. Politicising Government Engagement with Corporate Social Responsibility: “CSR” as an Empty Signifier // *Journal of Business Ethics*. 2021. Vol. 170. P. 635–655. URL: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04330-5> (дата обращения: 24.10.2025).
7. Gur V. T., Tomashevskiy A. Taking Sides: Corporate Social Responsibility and Political Ideology // *Economics & Politics*. 2024. Vol. 36, № 3. P. 1321–1344. URL: <https://doi.org/10.1111/ecpo.12288> (дата обращения: 03.11.2025).
8. Шичкин И.А. Институциональная среда корпоративной социальной ответственности в России // *Лидерство и менеджмент*. 2025. Том 12, № 3. С. 667–688. URL: <https://doi.org/10.18334/lim.12.3.122616> (дата обращения: 25.10.2025).
9. Стрижов С.А. Корпоративная социальная ответственность в условиях кризиса // *СЕБЕР И РЫНОК: формирование экономического порядка*. 2022. № 4. С. 167–180. URL: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.012> (дата обращения: 04.11.2025).
10. Дорожинская Е. А., Андреев А.В. Перспективы развития КСО в России в условиях санкционного давления и политической нестабильности // *Журнал «Научный аспект»*. 2024. URL: <https://na-journal.ru/5-2024-pravo/11716-perspektivy-razvitiya-kso-v-rossii-v-usloviyah-sankcionnogo-davleniya-i-politicheskoi-nestabilnosti?ysclid=mhxу89893774834769> (дата обращения: 25.10.2025).
11. Воронина Е.В., Ушакова Е.В., Дмитриева Т.А. Особенности реализации стратегий устойчивого развития на региональном уровне управления в условиях глобальных вызовов // *Креативная экономика*. 2023. Том 17, № 6. С. 2061–2080. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.17.6.118240> (дата обращения: 30.10.2025).

мика. 2023. Том 17, № 6. С. 2061–2080. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.17.6.118240> (дата обращения: 30.10.2025).

12. Морозов А.А. Социальная ответственность бизнеса в условиях новых глобальных вызовов // *Креативная экономика*. 2022. Том 16, № 5. С. 1893–1910. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.16.5.114678> (дата обращения: 04.11.2025).

CSR POLITICIZATION AS AN INSTRUMENT OF RUSSIAN STATE POLICY IN THE ERA OF GLOBAL CRISES

Kochetkov E.E., Borovsky M.B.
Russian University of Transport

This article examines how corporate social responsibility (CSR) in Russia has been transformed over the last twenty-five years into an instrument of state policy under conditions of overlapping global crises. Politicization is understood, in a political science perspective, as the expansion of CSR from voluntary managerial practices to a field of public decision-making, where state institutions, private corporations, regions and local communities negotiate the distribution of responsibilities for social welfare, territorial development and environmental risks. The study combines an institutional and political economy framework with qualitative content analysis of strategic and sustainability documents, legislation and policy programs for last twenty-five years. The analysis of three systemic companies – Sberbank, RZD and Gazprom – shows how CSR is institutionalized in financial regulation and sustainable finance, instrumentalized in technological and energy policy, and used for the legitimization of domestic and foreign policy choices. The article argues that Russian CSR politics is neither purely coercive nor purely market-driven, but reflects a model of managed interdependence between state and big business. The findings are relevant for understanding state capitalism, the political uses of CSR, and the constraints and opportunities this configuration creates for corporate and public actors.

Keywords: corporate social responsibility; politicization; global crises; state policy

References

1. Lyon T. P., Delmas M.A. et al. CSR needs CPR: corporate sustainability and politics // *California Management Review*. 2018. Vol. 60, No. 4. P. 5–24. URL: <https://doi.org/10.1177/0008125618778854> (accessed: 24.10.2025).
2. Scherer A. G., Rasche A., Palazzo G., Spicer A. Managing for Political Corporate Social Responsibility – New Challenges and Directions for PCSR 2.0. // *Journal of Management Studies*. 2016. Vol. 53, No. 3. P. 273–298. URL: <https://doi.org/10.1111/joms.12203> (date of request: 10/30/2025).
3. Hasan M. M., Jiang H. Political Sentiment and Corporate Social Responsibility // *The British Accounting Review*. 2023. Vol. 55, No. 1. P. 101–170. URL: <https://doi.org/10.1016/j.bar.2022.101170> (date of reference: 11/03/2025).
4. Fikfa M. S., Pobizhan M. An institutional approach to corporate social responsibility in Russia // *Journal of Cleaner Production*. 2014. Vol. 82. P. 192–201. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.06.091> (date of request: 11/04/2025).
5. Scherer A. G., Palazzo G. The New Political Role of Business in a Globalized World: A Review of a New Perspective on CSR and Its Implications for the Firm, Governance, and Democracy // *Nachhaltigkeit*. 2012. P. 15–50. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-8349-3746-9_2 (accessed: 10/30/2025).
6. Zueva A., Fairbrass J. Politicizing Government Engagement with Corporate Social Responsibility: “CSR” as an Empty Signifier // *Journal of Business Ethics*. 2021. Vol. 170. P. 635–655. URL: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04330-5> (date of request: 24.10.2025).
7. Gur V. T., Tomashevsky A. Taking Sides: Corporate Social Responsibility and Political Ideology // *Economics & Politics*. 2024. Vol. 36, No. 3. P. 1321–1344. URL: <https://doi.org/10.1111/ecpo.12288> (date of reference: 11/03/2025).
8. Shichkin I.A. The institutional environment of corporate social responsibility in Russia // *Leadership and management*. 2025. Volume 12, No. 3. Pp. 667–688. URL: <https://doi.org/10.18334/lim.12.3.122616> (date of request: 10/25/2025).
9. Strizhov S.A. Corporate social responsibility in a crisis // *The NORTH and the MARKET: the formation of an economic order*. 2022. No. 4. Pp. 167–180. URL: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.012> (accessed: 04.11.2025).
10. Dorozhinskaya E. A., Andreev A.V. Prospects for the development of CSR in Russia under the conditions of sanctions pressure and political instability // *Journal “Scientific aspect”*. 2024. URL: <https://na-journal.ru/5-2024-pravo/11716-perspektivy-razvitiya-kso-v-rossii-v-usloviyah-sankcionnogo-davleniya-i-politicheskoi-nestabilnosti?ysclid=mhxу89893774834769> (accessed: 10/25/2025).
11. Voronina E.V., Ushakova E.V., Dmitrieva T.A. Features of the implementation of sustainable development strategies at the regional management level in the context of global challenges // *Creative Economy*. 2023. Volume 17, No. 6. Pp. 2061–2080. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.17.6.118240> (accessed: 10/30/2025).
12. Morozov A.A. Social responsibility of business in the context of new global challenges // *Creative Economy*. 2022. Volume 16, No. 5. Pp. 1893–1910. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.16.5.114678> (date of request: 11/04/2025).

Монахов Евгений Игоревич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
E-mail: monahov-jon@mail.ru

В статье рассматриваются форматы и каналы политической коммуникации в контексте реализации инвестиционной политики территорий. Обосновывается тезис о том, что коммуникации выступают самостоятельным нематериальным фактором формирования инвестиционной привлекательности, дополняя экономические и административные инструменты регионального развития. Анализируются форматы политической коммуникации, включая стратегические документы, инвестиционные послания, цифровые платформы, бизнес-форумы и институционализированные механизмы взаимодействия власти и бизнеса. Особое внимание уделяется роли территориального брендинга и имиджа региона как инструментов конструирования доверия и снижения информационной асимметрии в инвестиционной среде. На основе анализа российских региональных практик показано, что при сопоставимых мерах государственной поддержки результаты инвестиционной политики могут существенно различаться в зависимости от качества коммуникационной стратегии, уровня открытости органов власти и эффективности диалога с предпринимательским сообществом. Делается вывод о необходимости системного включения коммуникационных технологий в инвестиционную политику регионов, а также о перспективности дальнейших исследований взаимосвязи конкретных коммуникационных практик и показателей инвестиционной активности территорий.

Ключевые слова: политическая коммуникация, социально-экономическое развитие, инвестиционная привлекательность, территориальный брендинг, власть, предпринимательство.

Введение

В условиях усиливающейся конкуренции за ресурсы инвестиционная привлекательность территорий становится одним из ключевых факторов их устойчивого социально-экономического развития. Конкуренция всё в большей степени разворачивается не только на уровне развития инфраструктуры и экономического потенциала, но и в значительной мере захватывает качество коммуникаций, обеспечивающих взаимодействие между органами власти, бизнесом и местным сообществом.

Современные коммуникации выступают важным инструментом формирования позитивного имиджа территории и повышения доверия со стороны потенциальных инвесторов. Эффективная коммуникационная политика позволяет транслировать стратегические приоритеты развития, инвестиционные возможности и конкурентные преимущества территории, формировать устойчивые деловые связи и партнерские отношения. Особое значение приобретают цифровые каналы коммуникации, включая официальные инвестиционные порталы, социальные сети и платформы взаимодействия с инвесторами, которые расширяют доступ к информации и повышают прозрачность инвестиционной среды.

Актуальность исследования роли коммуникаций в формировании инвестиционной привлекательности территорий обусловлена необходимостью переосмысления традиционных подходов к инвестиционной политике с учетом нематериальных факторов развития. Несмотря на наличие значительного массива исследований, посвященных экономическим и институциональным детерминантам инвестиционной привлекательности, коммуникационный аспект по-прежнему остается недостаточно систематизированным. В этой связи целью настоящей статьи является анализ механизмов коммуникаций в процессе формирования инвестиционной привлекательности территорий.

Формирование позитивного имиджа и брендинг территории

Политическая коммуникация представляет собой совокупность форм, каналов и дискурсивных практик, посредством которых акторы транслируют приоритеты и формируют ожидания [23, 25]. В условиях конкуренции за капитал формат коммуникации становится не менее значимым, чем содержание самой политики: он влияет на интерпретацию сигналов, уровень доверия и восприятие институциональной стабильности. Инвестиционная политика требует многоуровневой и адресной коммуникации, сочетающей элементы публичности, экспертности и стратегической определенности.

Традиционные форматы политической коммуникации в инвестиционной сфере включают программные документы, официальные послания/обращения представителей органов государственной власти, институционализированные формы диалога властей с обществом. Эти форматы характеризуются высокой степенью формализации и направлены на закрепление долгосрочных ориентиров и правил игры. Их ключевая функция заключается в снижении информационной асимметрии и трансакционных издержек, а также в легитимации решений посредством правовой и политической предсказуемости. Также происходит расширение форматов политической коммуникации, включая организацию и участие в различных форматах публичных дискуссий (форумы, фестивали и т.д.), выступления в медиа, использование интернет-ресурсов. Эти форматы обладают большей адаптивностью и позволяют оперативно реагировать на изменения конъюнктуры. В контексте инвестиционной политики они способствуют формированию нарративов инвестиционной привлекательности, в которых экономические аргументы тесно переплетаются с политическими сигналами о готовности к диалогу и разделению рисков.

Анализ форматов политической коммуникации в контексте инвестиционной политики позволяет рассматривать её не только как совокупность экономических инструментов, но и как коммуникативный процесс, в котором смысл, доверие и интерпретация играют системообразующую роль. Эффективность инвестиционной политики во многом определяется способностью политических акторов выделять согласованную коммуникационную стратегию, обеспечивающую синхронизацию декларируемых целей и используемых форматов и институционализированных практик.

Коммуникационные процессы играют важную роль в повышении инвестиционной привлекательности территорий, обеспечивая связу-

ющее звено между регионом и инвесторами посредством информационных инструментов (PR, брендинг, цифровые сервисы) и управленческих форм взаимодействия (переговоры, партнерские связи). Через такие каналы усиливаются прозрачность и доверие, наглядно представляется потенциал региона и минимизируются риски, влияющие на инвестиционные решения. Ключевые механизмы – целевое информирование, создание имиджа, networking, цифровое продвижение и открытый диалог.

Политико-экономические отношения являются сферой, в которой играют роль объективные и субъективные, психологические и информационные факторы, используются технологии политического маркетинга, брендинга, имиджмейкинга, включая манипулирование имиджем. Бренд влияет на политические и экономические возможности, статус и способность влиять на других акторов. Привлекательный имидж – эффективная стратегия развития и укрепления конкурентоспособности.

Бренд – это особенность (название, дизайн, символ и т.д.), которая отличает продукт одного продавца от продуктов других. [10] Политический бренд сегодня – важнейший элемент продвижения, оказывающий влияние на политический процесс. [1] Брендинг служит эффективным инструментом выстраивания отношений с целевыми группами, позволяющим подчеркнуть уникальную идентичность объекта. Его сущность заключается не только в визуальной идентификации, но прежде всего в конструировании доверия, эмоциональной привязанности и ощущения представительства интересов.

В отдельное направление исследователи выделяют территориальный брендинг. [5] целью которого является создание образа успешной территории в информационном пространстве в том числе для увеличения инвестиционной привлекательности субъекта. [12]

Политический брендинг на региональном уровне – популярное исследовательское направление. [1,2,13,21] При этом авторы соглашаются, что региональное брендрование может стать залогом сбалансированного социально-экономического развития. Бруслова А.С. и Щепина И.А. отмечают, что успешная программа по созданию бренда региона позволяет участникам инвестиционных проектов эффективно взаимодействовать с интересантами проекта. При этом отмечается, что наличие регионального бренда многократно усиливает существующие региональные преимущества. [2]

Помимо бренда, который, как было определено, представляет собой набор узнаваемых черт и особенностей объекта, составляющих его комплексный образ в общественном сознании, немаловажным является имидж региона. Ведущую роль в создании имиджа играют коммуникации. В связи с этим особое значение придается медиарилэйшнс – технология СМИ, в рамках которой «рекламируется» не только главный продукт региона, но и создается фирменная репутация территории. [13] Залог успеха – открытость, готовность представителей региона давать интервью, участвовать в публичных мероприятиях и т.д.

В последнее время в общем пуле публикаций по проблематике региональной экономики одной из ведущих тем является формирование привлекательного имиджа регионов и повышения имиджевых характеристик территорий [3,6,11,22] в контексте роста их инвестиционной привлекательности, исходя из понимания того, что политический имидж региона нередко оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации. Кроме того, стратегически выстроенная информационная политика в отношении политического имиджа региона становится важной составляющей повестки дня в связи с потребностью согласования интересов в политической, экономической, социальной и иных сферах. [24]

В рассмотрении вопроса коммуникаций, коммуникационных тактик и стратегий интересный подход предлагает Кара И.В., демонстрируя, что правильно выстроенная коммуникативная стратегия положительно влияет на уровень доверия. [9] А доверие – один из ключевых принципов ведения бизнеса. От уровня доверия политической системе, устойчивости экономической системы, зависят многие бизнес-рейтинги, которые также влияют на решения резидентов.

Таким образом, исследования брендинга регионов, формирования имиджа регионов и их руководителей занимают свою нишу в общем пуле работ по данной тематике. Коммуникативный аспект рассматривается либо со стороны компании, как участника инвестиционного проекта, который заинтересован в его выгодном позиционировании, либо со стороны официальных представителей власти, но в контексте комплексного развития территории. При этом большинство исследований инвестиционной привлекательности территорий представляют собой сравнительные исследования, в рамках которых происходит анализ законодательной базы, мер оказываемой предпринимателям поддержки, методик отбора проектов и резидентов для особых экономических зон. Количественные данные представлены в виде статистики по ключевым макроэкономическим показателям (валовой продукт (ВВП, ВРП), соз-

данные рабочие места, привлеченные инвестиции, количество предприятий и т.д.).

Каналы коммуникации власти и бизнеса

Помимо формирования позитивного образа региона в глазах инвесторов, необходимо отметить важность существования и эффективного функционирования традиционных и институализированных каналов коммуникации бизнеса и власти. Наличие таких каналов обеспечивает регулярный и структурированный диалог, способствует снижению уровня неопределенности и административных рисков, а также позволяет оперативно выявлять и устранять институциональные и инфраструктурные ограничения, с которыми сталкиваются инвесторы на различных этапах реализации проектов. В этом контексте подобные формы взаимодействия позволяют не только сопровождать инвестиционные проекты, но и адаптировать региональную инвестиционную политику с учётом реальных потребностей бизнеса и изменений экономической конъюнктуры.

Одним из первичных каналов взаимодействия представителей региона с инвесторами является инвестиционный портал. Он служит источником оперативной информации о социально-экономическом потенциале территории, приоритетных направлениях инвестиционного развития, действующих мерах государственной поддержки, нормативно-правовой базе, условиях реализации инвестиционных проектов, а также о доступных инвестиционных площадках и инфраструктуре. Инвестиционные порталы обеспечивают информационное сопровождение инвестиционной политики регионов. Они есть практически у всех субъектов РФ, при этом наполненность информацией и актуальность представленных сведений сильно различаются от региона к региону.

В качестве хорошего примера можно привести инвестиционный портал Ямало-Ненецкого автономного округа (<https://invest.yanao.ru>). Современный дизайн, интуитивно понятная навигация, есть вся необходимая информация. Особое внимание привлекает раздел «Расходы на ведение бизнеса», где собрана ключевая информация по тарифам и ценам (по каждому муниципальному образованию). Эта информация, собранная в одном месте, значительно упрощает процесс просчета бизнес-модели будущего бизнеса, когда предприниматель делает это сам. Многие регионы недооценивают важность инвестиционных порталов, делают их нефункциональными, не обновляют своевременно информацию. Понятно, что хорошо сделанный портал не можеткратно увеличить количество предпринимателей в регионе, но это один из маленьких, но важных элементов инвестиционной политики.

Также практически повсеместная практика – ежегодное инвестиционное послание высшего должностного лица региона. Инвестиционное послание выступает инструментом политической коммуникации, направлением на формирование позитивного инфополя, привлечение капитала и демонстрацию эффективности управления. Оно определяет приоритеты социально-экономического развития региона, ключевые инвестпроекты, задает вектор для органов власти, формирует привлекательный имидж для инвесторов и транслирует цели по поддержке бизнеса. Инвестиционное послание служит механизмом публичного закрепления, а при необходимости оперативной корректировки инвестиционных целей, задач, приоритетов региона. [4] Публичные региональные инвестиционные обязательства, формализующие механизмы взаимодействия, поддержки и реализации инвестиционных проектов, способствуют улучшению инвестиционного климата. [20]

Как один из примеров работы данного механизма, можно привести инвестиционное послание Губернатора Приморского края Кожемяко О.Н. на 2021 год. Большинство моногородов Приморского края относятся к категории «муниципальных образований с наиболее сложным социально-экономическим положением либо имеют риски ухудшения». [18] В связи с этим, губернатором в рамках инвестиционного послания было озвучено предложение распространить на моногорода преференциальные режимы свободного порта Владивосток и территории опережающего социально-экономического развития. Привлечение частного капитала позволило бы диверсифицировать экономику депрессивных районов, что способствует развитию территорий. [8] По итогам проведенной работы преференциальный режим территории опережающего социально-экономического развития распространен на ряд монопрофильных муниципальных образований Приморского края – Арсеньевский городской округ (ТОР «Михайловский») [16], Дальнегорский городской округ (ТОР «Находка») [17] – для привлечения инвестиций и диверсификации экономики. Данное решение позволило привлечь в ТОР «Михайловский» 7 резидентов (общее количество резидентов – 29). Несколько предприятий в сфере горной добычи, переработки и выпуска химической продукции рассматривают возможность стать резидентами ТОР «Находка» в Дальнегорске. Также в 2026 году на финальной стадии

проработки распространение режима Свободного порта Владивосток на территорию Лесозаводского городского округа.

Помимо выстраивания коммуникации с потенциальными инвесторами, важную роль играют сформированные каналы эффективного взаимодействия с теми предпринимателями, кто уже ведет деятельность на территории региона. Речь идет о постоянно действующих координационных/совещательных органах, образованных в целях повышения эффективности проводимой на территории региона инвестиционной политики, а также создания комфортных условий для осуществления инвестиционной и предпринимательской деятельности.

Например, так функционирует новая система управления инвестиционной деятельностью в Ямало-Ненецком автономном округе, утвержденная в 2020 году. Её возглавляет Совет по инвестиционной политике и развитию малого и среднего предпринимательства. Система предусматривает принцип работы, основанный на тесном взаимодействии регионального и муниципального уровней и самих предпринимателей. Предприниматели предлагают список проблем, требующих первоочередного решения. В целях решения данных проблем разрабатываются дорожные карты, в соответствии с которыми затем происходит решение, вынесенных на повестку вопросов. Ежегодно главы муниципальных образований отчитываются о результатах деятельности в рамках решения обозначенных проблем.

Данные органы формируются при профильных органах исполнительной власти региона или непосредственно при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации. Данный формат организации инвестиционной инфраструктуры содействует реализации проектного подхода в государственном управлении и предполагает поиск и реализацию эффективных моделей и методов управления.

Дополнительно необходимо отметить институты развития, содействующие организации работы с инвесторами по принципу одного окна и предоставляющие консультационные, информационные, административные и организационные услуги в течение всего периода реализации инвестиционного проекта. Сопровождение обеспечивает оперативное преодоление бюрократических препятствий и, при необходимости, доступ к административной поддержке. В результате бизнес может на начальных этапах передать взаимодействие с региональными органами исполнительной власти на своеобразный «аутсорсинг».

Ещё одним каналом коммуникации стоит обозначить различные дискуссионные площадки в рамках бизнес-форумов. Они служат площадкой для демонстрации инвестиционных возможностей, налаживания стратегических партнерских отношений и взаимодействия с потенциальными инвесторами. Экономические форумы, которые проводятся практически в каждом субъекте России, инициируются для того, чтобы иметь более полное представление об интересах и проблемах в отрасли, помочь взаимодействию разных подсистем общества, таких как государство, бизнес, наука. При этом функционал подобных площадок чрезвычайно широк – от выполнения роли связующего информационного звена между различными общественными группами и государственными институтами, содействия изменениям в законодательстве и государственной политике до выработки решений в части технических и профессиональных стандартов, контроля соблюдения обязательств в рамках национального и международного законодательства, а также представления, продвижения и защиты интересов разных групп. [14]

Логичным продолжением становится вовлечение в работу дискуссионных площадок носителей практической экспертизы и «живых» кейсов. В рамках разнообразных дискуссий представители компаний могут выступать в том числе в качестве амбассадоров территорий, транслируя собственный опыт работы, оценку инвестиционного климата и эффективности предоставляемых мер поддержки.

В качестве примера можно привести День открытых дверей для руководителей и представителей технопарков и особых экономических зон страны, который прошел на площадке ОЭЗ «Технополис Москва» в 2024 году в рамках заседания Экспертного совета по развитию промышленной инфраструктуры Комитета Госдумы по промышленности и торговле. Участники посетили инновационные производства, ознакомились с выпускаемой резидентами продукцией. В то же время в рамках мероприятия руководители резидентов открыто говорили о возможностях зоны и её преимуществах. Карен Халапан, генеральный директор компании производителя пленочных конденсаторов «Нюкон энерджи», подчеркнул, что преференции резидента ОЭЗ позволяют компаниям инвестировать в развитие и реализовывать крупные, амбициозные проекты. [19] Данный формат коммуникации работает как неформальная адвокатура: информация о зоне доносится через реальных технологов-практиков.

В рамках Дня предпринимательства на Международной выставке-форуме «Россия» были представлены достижения одной из первых в России ОЭЗ – «Дубна». Первому заместителю председателя Правительства Российской Федерации А.Р. Белоусову об успехах и пер-

спективах развития ОЭЗ «Дубна», о ее возможностях для инвесторов, технологического бизнеса и экспорта доложила и провела экскурсию по стенду заместитель председателя правительства Московской области – министр инвестиций, промышленности и науки региона Е.А. Зиновьева. [15] Резиденты ОЭЗ «Дубна» участвовали в экспозиции и продемонстрировали свои достижения, что делает этот кейс примером совместного выступления власти и бизнеса в рамках форума для презентации успешных примеров развития территории.

В приведенных выше примерах компании-резиденты выступают не просто участниками публичных мероприятий, а фактически лицом особой экономической зоны, что усиливает восприятие ОЭЗ как привлекательной бизнес-среды. Таким образом, в рамках отраслевых форумов, выставок, деловых мероприятий важную роль в формировании имиджа зон играют наиболее успешные резиденты, выступающие в качестве неформальных «адвокатов» и амбассадоров территорий. Привлечение передовиков локального делового сообщества к публичным выступлениям, презентациям и экспертным дискуссиям обеспечивает более высокий уровень доверия со стороны всех стейкхолдеров, поскольку коммуникация выстраивается не через абстрактные институциональные привилегии, а через реальные кейсы успешной предпринимательской деятельности. Тем самым формируется эффект, при котором позитивный образ территории транслируется непосредственно участниками экономической экосистемы. В условиях конкуренции между территориями за инвестиционные ресурсы подобная модель коммуникации может рассматриваться в качестве эффективного инструмента территориального брендинга.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что коммуникации выступают одним из ключевых нематериальных факторов формирования инвестиционной привлекательности территорий, дополняя и во многом усиливая действие экономических и административных инструментов инвестиционной политики. В условиях высокой межрегиональной конкуренции за инвестиционные ресурсы эффективность инвестиционной деятельности определяется не только объемом предоставляемых льгот и преференций, но и качеством выстроенного диалога между органами власти, бизнесом и другими заинтересованными акторами.

Политическая коммуникация в инвестиционной сфере носит многоуровневый характер и реализуется через совокупность формальных и неформальных каналов – от закрепления основных положений проводимой инвестиционной политики в стратегических документах и инвестиционных посланиях до цифровых платформ, форумов и постоянно действующих консультативных органов. Эти форматы позволяют снижать уровень неопределенности, минимизировать информационную асимметрию и формировать доверие, которое является важнейшим условием принятия инвестиционных решений.

Особое значение в формировании инвестиционной привлекательности приобретает имидж и бренд территории. Коммуникационные технологии, включая политический маркетинг, имиджмейкинг и брендинг, способствуют конструированию устойчивого позитивного образа региона, повышению его узнаваемости и укреплению репутации в глазах инвесторов. При этом эффективность позиционирования напрямую зависит от согласованности декларируемых целей, реальных управленческих практик и прозрачности коммуникационной политики.

Примеры региональных практик демонстрируют, что даже при схожих институциональных условиях и мерах государственной поддержки результаты инвестиционной политики могут существенно различаться. Это подтверждает тезис о том, что коммуникационные факторы – уровень осведомленности предпринимателей, доступность информации, качество взаимодействия с органами власти и общий имидж региона – оказывают самостоятельное и значимое влияние на инвестиционную активность.

Таким образом, коммуникации следует рассматривать не как вспомогательный элемент, а как структурную составляющую инвестиционной политики. Повышение инвестиционной привлекательности территорий требует системного подхода к развитию коммуникационных стратегий, интеграции цифровых инструментов, укрепления институтов диалога власти и бизнеса, а также последовательной работы по формированию доверия и репутационного капитала региона. Перспективным направлением дальнейших исследований является более глубокий анализ взаимосвязи конкретных коммуникационных практик и количественных показателей инвестиционной эффективности территорий.

Литература

1. Бурлакова М.В. Политический брендинг в системе государственного управления // Скиф. 2023. № 6 (82).
2. Брусова А.С., Щепина И.А. Формирование бренда региона как основы обеспечения сбалансированного социально-экономического раз-

вития субъектов Российской Федерации (на примере Ивановской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 14. С. 34–42.

3. Гараев О. Р., Белкина Е.Н., Мусостов З.Р. Управление развитием территории на основе концепции регионального имиджа // ЕГИ. 2022. № 6 (44).

4. Гарькина Н.Г., Тарноградская О.М. Тенденции привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику российской Федерации и субъекты (на примере Самарской области) // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 5–1 (26).

5. Долгих У.О. Территориальный брендинг как вид политического брендинга // Скиф. 2018. № 1 (17).

6. Иванов Е.Ю. Имидж органов местного самоуправления как элемент маркетинговой стратегии развития территории // Прогрессивная экономика. 2024. № 9.

7. Ивлев С.В. Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. № 2.

8. Инвестиционное послание губернатора Приморского края Кожемяко Олега Николаевича // Инвестиционный портал Приморского края URL: <https://invest.primorsky.ru/uploads/attachments/1-invest-poslanie-na-2021-god.5ffe34d9866b3.pdf> (дата обращения: 23.12.2026).

9. Кара И.В. Общество и власть: коммуникативные стратегии доверия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 1. С. 29–37.

10. Котлер Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер; пер. с англ. В.Б. Боброва. М.: Прогресс, 1991. 467 с.

11. Козлов Н.С. Политический имидж региона в федеральных средствах массовой информации // Регионология. 2016. № 4 (97).

12. Кулаков С.В. Территориальный брендинг как инструмент формирования позитивной региональной политической идентичности // PolitBook. 2019. № 1.

13. Напалкова И. Г., Курочкина К.В. Имидж региона: специфика, основные элементы и технологии конструирования // Экономическая история. 2018. № 4 (43). С. 414–429.

14. Наумова С.Е. Российские экономические форумы как инструмент государственно-частного партнерства // Baikal Research Journal. 2011. № 2.

15. ОЭЗ «Дубна» в День предпринимательства на выставке-форуме «Россия» продемонстрировала свои достижения. [электронный ресурс] // Дубна.Ru: сайт. – URL: https://dubna.ru/article/2024/02/oez-dubna-v-den-predprinimatelstva-na-vystavke-forume-rossiya-prodemonstrirovala?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 30.01.2026)

16. Постановление Правительства РФ № 67 от 23.01.2023 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 августа 2015 г. № 878» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 24.01.2023. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202301240012> (дата обращения: 24.01.2026).

17. Постановление Правительства РФ № 190 от 17.02.2022 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 марта 2017 г. № 272 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 21.02.2022. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202202210003> (дата обращения: 24.01.2026).

18. Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения: 25.01.2026).

19. Свыше 100 представителей российских технопарков и особых экономических зон посетили ОЭЗ «Технополис Москва»: [электронный ресурс] // elec.ru: сайт. – URL: https://www.elec.ru/news/2024/03/21/svyshe-100-predstavitelej-rossijskih-tehnoparkov-i.html?utm_source=chatgpt.com#comments (дата обращения: 30.01.2026).

20. Старовойтов Д.П. Инвестиционные декларации регионов как инструмент привлечения инвестиций // Государственная служба. 2022. № 6 (140).

21. Третьякова Л.А. Региональный инвестиционный имидж: проблемы формирования // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11–1. С. 746–752.

22. Тыкин А.А. Имидж региона: теоретико-методологические аспекты исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 2.

23. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: в 3 ч. Ч. 1. М.: Б. и., 1992. 180 с.

24. Яковлев М.В. Формирование политического имиджа региона в условиях современной России: на материалах республик Башкортостан и Татарстан: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / М.В. Яковлев; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2006. – 160 с. – Текст: непосредственный. URL: <https://www.disserscat.com/content/formirovanie-politicheskogo-imidzha-regiona-v-usloviyakh-sovremennoy-rossii-na-materialakh-r> (дата обращения: 23.12.2026).

politicheskogo-imidzha-regiona-v-usloviyakh-sovremennoy-rossii-na-materialakh-r (дата обращения: 23.12.2026).

25. Yefimova, O.V., Tambieva, Z.S. Modern approaches to the study of mass political communication. Modern Science and Innovations. 2022. № 3. Pp. 184–191. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2022.3.19>

FORMATS OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF INVESTMENT POLICY

Monakhov E.I.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article discusses the formats and channels of political communication in the context of the implementation of the investment policy. The thesis is substantiated that communications act as an independent intangible factor in the formation of investment attractiveness, complementing the economic and administrative tools of regional development. The formats of political communication are analyzed, including strategic documents, investment messages, digital platforms, business forums and institutionalized mechanisms of interaction between government and business. Special attention is paid to the role of territorial branding and the image of the region as tools for building trust and reducing information asymmetry in the investment environment. Based on the analysis of Russian regional practices, it is shown that with comparable government support measures, the results of investment policy can vary significantly depending on the quality of the communication strategy, the level of openness of government authorities and the effectiveness of dialogue with the business community. It is concluded that it is necessary to systematically integrate communication technologies into the investment policy of the regions, as well as the prospects for further research on the relationship between specific communication practices and indicators of investment activity in the territories.

Keywords: political communication, socio-economic development, investment attractiveness, power, business.

References

1. Burlakova M.V. Political branding in the public administration system. Skif. 2023. № 6 (82).

2. Brusova A.S., Shchepina I.A. The formation of a regional brand as the basis for ensuring balanced socio-economic development of the subjects of the Russian Federation (on the example of the Ivanovo region). Regional economics: theory and practice. 2010. № 14. Pp. 34–42.

3. Garaev O. R., Belkina E.N., Musostov Z.R. Territory development management based on the concept of regional image. EGI. 2022. № 6 (44).

4. Garkina N.G., Tarnogradskaya O.M. Trends in attracting foreign direct investment into the economy of the Russian Federation and its subjects (using the example of the Samara Region). Eurasian Union of Scientists. 2016. № 5–1 (26).

5. Dolgikh, U.O. Territorial branding as a type of political branding. Skif. 2018. № 1 (17).

6. Ivanov E.Y. The image of local governments as an element of the marketing strategy for the development of the territory. Progressive economy. 2024. № 9.

7. Ivlev S.V. Socio-political communications in the context of ideological discourse. SibFU Journal. Humanities. 2022. № 2.

8. Investment Message from Oleg Nikolaevich Kozhemyako, Governor of Primorsky Krai // Primorsky Krai Investment Portal. URL: <https://invest.primorsky.ru/uploads/attachments/1-invest-poslanie-na-2021-god.5ffe34d9866b3.pdf> (дата обращения: 23.12.2026).

9. Kara I.V. Society and power: communicative strategies of trust. Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Political Science. History. International relations. 2009. № 1. Pp. 29–37.

10. Kotler F. Fundamentals of marketing / F. Kotler; translated from English by V.B. Bobrov. M: Progress, 1991. 467 p.

11. Kozlov N.S. The political image of the region in the federal mass media. Regionology. 2016. № 4 (97).

12. Kulakov S.V. Territorial branding as a tool for forming a positive regional political identity. PolitBook. 2019. № 1.

13. Napalkova I. G., Kurochkina K.V. The image of the region: specifics, basic elements and design technologies. Economic history. 2018. № 4 (43). Pp. 414–429.

14. Naumova S.E. Russian economic forums as a tool of public-private partnership. Baikal Research Journal. 2011. № 2.

15. SEZ «Dubna» demonstrated its achievements on the Day of Entrepreneurship at the Russia Exhibition and Forum. [electronic resource] // Dubna.Ru: website. – URL: https://dubna.ru/article/2024/02/oez-dubna-v-den-predprinimatelstva-na-vystavke-forume-rossiya-prodemonstrirovala?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 30.01.2026)

16. Decree of the Government of the Russian Federation No. 67 dated 01/23/2023 “On Amendments to Decree of the Government of the Russian Federation No. 878 dated August 21, 2015” // Official Internet Portal of Legal Information. – 01/24/2023. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202301240012> (дата обращения: 24.01.2026).

17. Decree of the Government of the Russian Federation No. 190 dated 02/17/2022 “On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated March 7, 2017 No. 272 // Official Internet Portal of Legal Information. – 21.02.2022. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202202210003> (дата обращения: 24.01.2026).

18. Executive order of the Government of the Russian Federation dated July 29, 2014 No. 1398-r “On the list of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns)” // Electronic Fund of Legal and Regulatory Information. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения: 25.01.2026).

19. Over 100 representatives of Russian technoparks and special economic zones visited the SEZ «Technopolis Moscow»: [electronic resource] // elec.ru: the website. – URL: https://www.elec.ru/news/2024/03/21/svyshe-100-predstavitelej-rossijskih-tehnoparkov-i.html?utm_source=chatgpt.com#comments (дата обращения: 30.01.2026).

20. Starovoitov D.P. Investment declarations of regions as a tool for attracting investments. Civil Service. 2022. № 6 (140).

Макрорегионализация как инструмент адаптации политической системы в условиях кризиса легитимности международных институтов

Мышкин Константин Николаевич,

аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН

им. Патриса Лумумбы

E-mail: 1142221068@rudn.ru

В работе анализируется феномен макрорегионализации не просто как экономический процесс, но как форма политической адаптации государств к распаду вестфальской и ялтинско-потсдамской систем в их глобалистской интерпретации. Рассматривается кризис легитимности наднациональных институтов (ООН, ВТО, МВФ) как катализатор формирования новых геополитических пространств – «больших пространств» (Großraum), претендующих на роль новых субъектов международного права. Автор обосновывает тезис о том, что макрорегионализация является защитной реакцией на энтропию управляемости мировой системы и попыткой восстановить суверенитет через его делегирование на уровень региональных блоков. Исследуются риски фрагментации правовой и технологической реальности.

Ключевые слова: макрорегионализация; легитимность; кризис; полицентричность; адаптация; суверенитет; институты; фрагментация; геоэкономика.

Современная архитектура международных отношений переживает период фундаментальной трансформации, который многие исследователи ошибочно квалифицируют исключительно как переход от монополярности к многополярности. Однако, если смотреть глубже, мы наблюдаем не просто смену количества полюсов силы, но кризис самой операционной среды международной политики – тотальную эрозию легитимности институтов, призванных обеспечивать глобальное регулирование.

Постановка проблемы исследования заключается в выявлении причинно-следственной связи между дисфункцией универсалистских организаций и ростом макрорегиональных структур. Традиционный взгляд на регионализацию как на шаг к глобализации (stepping stone) сегодня выглядит не просто наивным, но и ошибочным. Мы выдвигаем гипотезу, что текущая волна макрорегионализации является альтернативой глобализации, инструментом выживания государственных образований в условиях «институционального вакуума», где старые правила более не гарантируют ни безопасности, ни экономического развития [4].

Корень проблемы кроется в исчерпании ресурса универсализма. Бреттон-Вудская система и ООН создавались в условиях конкретного баланса сил, который перестал существовать. Легитимность международных институтов зиждется на двух столпах: эффективности (способности решать проблемы) и справедливости (представительности). На сегодняшний день оба столпа разрушены. Совет Безопасности ООН парализован правом вето и неспособностью отразить реальный экономический и демографический вес стран Глобального Юга. ВТО перестала функционировать как арбитр торговых споров из-за блокировки апелляционного органа и повсеместного введения односторонних санкций, которые де-факто отменяют принцип свободной торговли [1]. В этих условиях государства оказываются перед выбором: либо скатиться в архаику полного суверенитета «всех против всех», что невозможно в условиях взаимозависимости, либо искать новые формы агрегации силы. Макрорегионализация становится ответом на этот вызов – это попытка создать «островки стабильности» и предсказуемости в океане глобального хаоса.

Важно понимать отличие макрорегиона от классических интеграционных объединений образца XX века (как ранний ЕС). Если раньше интеграция строилась на примате экономики (снижение издержек, расширение рынков) с надеждой на политический spill-over эффект, то современные макрорегионы формируются исходя из логики безопасности и геополитической субъектности. Экономика здесь становится служанкой политики. Мы видим формирование техноэкономических блоков, где цепочки поставок выстраиваются не по принципу максимальной прибыли, а по принципу «свой-чужой» (friend-shoring). Это ведет к изменению самой природы суверенитета. Классический вестфальский суверенитет национального государства размывается, но не в пользу глобального правительства, а в пользу регионально-го гегемона или коллективного органа управления макрорегиона [7].

Анализируя структурные аспекты этого процесса, нельзя обойти вниманием концепцию «Больших пространств» (Großraum), предложенную еще Карлом Шмиттом, которая сегодня обретает второе дыхание, лишаясь своих негативных исторических коннотаций и приобретая прагматичный смысл. Макрорегион стремится к автаркии не в смысле полной изоляции, а в смысле наличия критического набора технологий и ресурсов, позволяющих выжить при отключении от глобальных сетей. Это объясняет ожесточенную борьбу за полупроводники, редкоземельные металлы и энергетические коридоры. Государства готовы жертвовать частью экономического роста ради технологического суверенитета блока. Кризис доверия к доллару как к резервной валюте и платежному средству ускоряет этот процесс, заставляя региональные группы (будь то расширенный БРИКС, ШОС или иные форматы) искать внутренние механизмы клиринга и кредитования [3].

Особую научную новизну представляет анализ того, как макрорегионализация меняет характер нормативного регулирования. Глобальное международное право, претендовавшее на универсальность, распадается на региональные нормативные системы. То, что считается законным в одном макрорегионе, может признаваться преступным в другом. Это создает колоссальные риски для транснационального

бизнеса и гуманитарных контактов, но является неизбежной платой за адаптацию системы.

Мы видим, как универсальные права человека трактуются всё более специфично в зависимости от культурно-цивилизационного кода конкретного макрорегиона. Таким образом, макрорегионализация – это еще и цивилизационный выбор, институционализация культурных различий, которые глобализация пыталась стереть [9].

Однако данный процесс адаптации несет в себе и серьезные внутренние противоречия. Создание макрорегиона требует наличия «ядра» – государства-лидера или группы государств, готовых нести издержки по поддержанию системы (предоставление рынков сбыта, гарантии безопасности). В условиях, когда даже крупные державы испытывают дефицит ресурсов, формирование устойчивых конструкций затруднено. Возникает проблема «безбилетника», когда периферийные страны макрорегиона хотят получать бонусы от протекционизма, не разделяя политических рисков ядра. Кроме того, границы макрорегионов не являются четко очерченными, что создает зоны турбулентности и конфликтов на стыках «тектонических плит» новой геополитики [2].

Разрешение проблемы кризиса легитимности через макрорегионализацию видится нам не как финальная стадия, а как переходный период. Мир движется не к восстановлению единого порядка, а к системе баланса макрорегионов. Эффективность этой системы будет зависеть от способности выработать «мета-правила» – протоколы взаимодействия между блоками (интероперабельность платежных систем, договоренности о разделе сфер влияния в киберпространстве и космосе). Если старая ООН пыталась унифицировать внутреннюю политику стран, то новая система должна будет сосредоточиться исключительно на предотвращении прямых столкновений между блоками, оставив внутреннее устройство на усмотрение самих макрорегионов [6]. Это предполагает отказ от мессианства и возврат к реальной политике (Realpolitik) на новом технологическом уровне.

Следует также отметить роль технологического фактора как драйвера распада глобальной системы. Цифровые платформы и искусственный интеллект, которые изначально воспринимались как инструменты объединения человечества, стали инструментами контроля и суверенизации. «Цифровой суверенитет» становится неотъемлемой частью макрорегионального строительства. Невозможно обеспечить политическую адаптацию, используя цифровые платформы потенциального противника. Это ведет к «сплинтернету» – фрагментации глобальной сети на сегменты, контролируемые разными центрами силы. Этот процесс необратим в среднесрочной перспективе и требует пересмотра подходов к международному управлению интернетом [5].

Критически важным является понимание того, что макрорегионализация не отменяет глобальные проблемы (климат, пандемии), но делает их решение зависимым от консенсуса ограниченного числа крупных игроков, а не от голосования двухсот стран. В этом есть определенный цинизм, но и прагматизм: договориться представителям пяти-шести макрорегионов проще, чем достичь консенсуса в Генеральной Ассамблее ООН. Однако здесь кроется и главная опасность: исключение малых стран и целых континентов из процесса принятия решений может привести к радикализации периферии и возникновению новых очагов асимметричных угроз [8]. Адаптация политической системы должна включать механизмы инклюзивности внутри макрорегионов, чтобы избежать воссоздания колониальных практик в новой обертке.

Подводя итог, можно констатировать, что макрорегионализация является естественной (хотя и болезненной) иммунной реакцией международной системы на дисфункцию глобализма. Старые институты потеряли легитимность не из-за чьего-то злого умысла, а из-за несоответствия их структуры реальному распределению потенциалов и ценностных установок в мире. Попытки реанимировать их в прежнем виде контрпродуктивны и ведут лишь к имитации деятельности. Решение проблемы лежит в плоскости признания макрорегиональной структуры мира как данности (факт) и институционализации отношений между этими новыми центрами силы (право).

Будущее международное право станет правом межрегиональным. Успешная адаптация политической системы зависит от того, насколько быстро элиты ведущих держав осознают необратимость этого процесса и перейдут от попыток удержать ускользающую гегемонию или вернуть «золотой век» глобализации к кропотливому выстраиванию мостов между формирующимися крепостями макрорегионов. Это требует отказа от идеологического догматизма и перехода к прагматичному диалогу о правилах сосуществования различных систем, что и станет основой новой легитимности мирового порядка.

Литература

1. Laruffa A. The new challenges of the European Union. The case of macro-regional strategies // *RiMe. Rivista dell'Istituto di Storia dell'Europa Mediterranea*. – 2019. – N. 5/II n.s. – P. 139–177. – DOI: 10.7410/1400.
2. Aubarell Solduga G. Cooperative governance in the Mediterranean: developing a macro-regional application model // *Belgeo*. – 2024. – No. 4. – DOI: 10.4000/1270m.
3. Szulc M. Regional Cooperation in the Baltic Sea Region in an Unstable World: Opportunities, Challenges and Threats // *Polish Political Science Yearbook*. – 2025. – Vol. 54, iss. 3. – P. 27–38. – DOI: 10.15804/psy202530.
4. Chilla T., Sielker F. 'Macro-regionalisation' as a New Form of European Governance: The Case of the European Union's Strategies for the Baltic Sea and the Danube Regions // *Regions & Cohesion*. – 2014. – Vol. 4, iss. 1. – P. 1–21. – DOI: 10.3167/reco.2014.040101.
5. Gänzle S., Kern K. A 'Macro-regional' Europe in the Making: Theoretical Approaches and Empirical Evidence. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 298 p. – ISBN 978-1-137-50971-0.
6. Глобальное управление: кризис или трансформация? (Мировое развитие. Вып. 22) / отв. ред. А.А. Алешин, Ю.А. Баронина, А.Р. Борисова и др. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 225 с. – ISBN 978-5-9535-0590-1. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0590-1.
7. Васильева Н. А. ООН: кризис глобального управления // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2023. – № 1. – С. 20–35. – DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-20-35.
8. Полуях Д.С. Эволюция системы многоуровневого управления в Европейском союзе // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. – 2013. – № 5. – С. 259–275.
9. Лагутина М.Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века: монография. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2016. – 300 с. – ISBN 978-5-288-05678-9.

MACROREGIONALIZATION AS A POLITICAL ADAPTATION TOOL AMIDST THE LEGITIMACY CRISIS OF INTERNATIONAL INSTITUTIONS

Myshkin K.N.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article analyzes the phenomenon of macroregionalization not merely as an economic process, but as a form of political adaptation of states to the decay of the Westphalian and Yalta-Potsdam systems in their globalist interpretation. The crisis of legitimacy of supranational institutions (UN, WTO, IMF) is examined as a catalyst for the formation of new geopolitical spaces—"great spaces" (Großraum), which aspire to become new subjects of international law. The author argues that macroregionalization serves as a defensive reaction to the entropy of global governability and an attempt to restore sovereignty by delegating it to the level of regional blocs. The risks of fragmentation within legal and technological realities are investigated.

Keywords: Macroregionalization; Legitimacy; Crisis; Polycentricity; Adaptation; Sovereignty; Institutions; Fragmentation; Geoeconomics.

10. References

1. Laruffa A. The new challenges of the European Union. The case of macro-regional strategies // *RiMe. Rivista dell'Istituto di Storia dell'Europa Mediterranea*. – 2019. – N. 5/II n.s. – P. 139–177. – DOI: 10.7410/1400.
2. Aubarell Solduga G. Cooperative governance in the Mediterranean: developing a macro-regional application model // *Belgeo*. – 2024. – No. 4. – DOI: 10.4000/1270m.
3. Szulc M. Regional Cooperation in the Baltic Sea Region in an Unstable World: Opportunities, Challenges and Threats // *Polish Political Science Yearbook*. – 2025. – Vol. 54, iss. 3. – P. 27–38. – DOI: 10.15804/psy202530.
4. Chilla T., Sielker F. 'Macro-regionalisation' as a New Form of European Governance: The Case of the European Union's Strategies for the Baltic Sea and the Danube Regions // *Regions & Cohesion*. – 2014. – Vol. 4, iss. 1. – P. 1–21. – DOI: 10.3167/reco.2014.040101.
5. Gänzle S., Kern K. A 'Macro-regional' Europe in the Making: Theoretical Approaches and Empirical Evidence. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 298 p. – ISBN 978-1-137-50971-0.
6. Global Governance: Crisis or Transformation? (World Development. Issue 22) / eds. A.A. Aleshin, Yu.A. Baronina, A.R. Borisova, et al. – Moscow: IMEMO RAS, 2021. – 225 p. – ISBN 978-5-9535-0590-1. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0590-1.
7. Vasilyeva N.A. The UN: The Crisis of Global Governance // *Bulletin of Tula State University. Humanities*. – 2023. – No. 1. – Pp. 20–35. – DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-20-35.
8. Polulyakh D.S. Evolution of the Multilevel Governance System in the European Union // *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*. – 2013. – No. 5. – Pp. 259–275.
9. Lagutina M.L. The World of Regions in the Global Political System of the 21st Century: Monograph. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2016. – 300 p. – ISBN 978-5-288-05678-9.

Роль ведущего в модерации межкультурного взаимодействия на полиэтнических мероприятиях: социологический подход

Наурзгалиев Алибек Салимжанович,
студент NYGC (New York General Consulting)
E-mail: Bboysimvolaktobe@gmail.com

Статья посвящена социологическому осмыслению деятельности ведущего как модератора межкультурного взаимодействия на полиэтнических мероприятиях. Актуальность исследования обусловлена ростом этнокультурного разнообразия городских сообществ и усложнением event-индустрии, где от ведущего зависит устойчивость диалога культур и качество коммуникативного пространства праздника. Научная новизна выражена в трактовке ведущего через категорию коммуникативного посредничества и в совмещении социологической, коммуникативной и режиссёрской оптики, включая анализ хореографических и цифровых средств. В рамках работы описаны функции ведущего в организации межкультурного общения, проанализированы сценарные, танцевальные и технологические инструменты управления атмосферой события, обобщён авторский опыт введения брейк-данс-шоу и интерактивных форматов. Особое внимание уделено включению этнически разнородных участников в совместные действия и профилактике культурных барьеров. Цель исследования – выявить коммуникативные стратегии и формы поведения ведущего, поддерживающие диалог культур в разных форматах мероприятий. Применяются сравнительный и структурно-функциональный анализ, интерпретация современных исследований и обобщение профессиональной практики. В заключении раскрываются типовые модели поведения ведущего на полиэтнических событиях и их влияние на интеграцию участников.

Ключевые слова: Ведущий мероприятия, межкультурное взаимодействие, полиэтническое сообщество, event-индустрия, социология праздника, коммуникативное посредничество, модерация, интерактивные технологии, танцевальные практики, цифровые форматы.

Введение

Полиэтнические городские сообщества формируют насыщенную событийную среду, в которой публичные праздники, фестивали, корпоративные и городские программы превращаются в площадку повседневного межкультурного взаимодействия. В таких условиях ведущий перестаёт быть только носителем текста сценария: он выступает организатором совместного опыта, переводчиком культурных кодов и гарантом включённости разных групп аудитории в общий сценарий праздника.

Современная event-индустрия соединяет маркетинговые цели, зрелищность, цифровые решения и культурную миссию, ориентированную на укрепление связей между группами населения. Исследования фестивалей, городских праздников, деловых и специальных мероприятий показывают, что грамотная режиссура события создаёт для участников пространство безопасной встречи с «другим» и стимулирует формирование новых коммуникативных практик. Вместе с тем фигура ведущего в ряде работ описывается фрагментарно: как часть режиссёрского замысла, как один из элементов сервиса либо как партисипативный медиатор между заказчиком и аудиторией, без развернутой социологической интерпретации его деятельности в условиях полиэтничности.

Усложнение форматов – переход к гибридным мероприятиям, активное использование «умных» технологий, интеграция онлайн-аудитории, рост влияния социальных сетей – усиливают требования к ведущему. К артистизму и сценической технике добавляются компетенции в области межкультурной коммуникации, навыки управления цифровым вниманием, умение опираться на эмпатийное чтение настроения зала и гибко перерабатывать сценарий в режиме реального времени. Практика показывает, что поведение ведущего влияет не только на эмоциональный фон события, но и на готовность аудитории к диалогу, степень проявления стереотипов и уровень доверия между представителями разных культурных групп.

Цель исследования состоит в социологическом анализе ведущего как модератора межкультурного взаимодействия на полиэтнических мероприятиях, с учётом специфики современной event-индустрии и цифровизации праздничной сферы.

Задачи исследования сводятся к трём направлениям. Во-первых, описать теоретические основания понимания межкультурного взаимодействия и события как социокультурной сцены, где ведущий выполняет функции коммуникативного посредника. Во-вторых, раскрыть структуру функций ведущего на полиэтнических мероприятиях, включая работу с юмором, танцевальными и интерактивными практиками, управлением атмосферой и динамикой включения аудитории. В-третьих, показать, как режиссёрские, технологические и хореографические решения, опирающиеся на личный опыт ведущего и современные исследования event-индустрии, трансформируют модели межкультурного взаимодействия и задают воспроизводимые профессиональные стандарты.

Новизна исследования проявляется в том, что ведущий рассматривается как самостоятельный объект социологического анализа, описывается его коммуникативный вклад в формирование доверительной атмосферы полиэтнического события, уточняется понятие модерации межкультурного взаимодействия через призму режиссуры праздника, цифровых инструментов вовлечения и авторских танцевальных практик, интегрированных в сценарий.

Материалы и методы

В качестве теоретико-эмпирической базы использован комплекс современных исследований event-индустрии, межкультурной коммуникации и режиссуры праздничных форм. Е.А. Адам [1] анализирует фестиваль как форму межкультурной коммуникации, выделяя условия встреч разных культурных традиций в общем праздничном пространстве. Р.Р. Аглиева [2] прослеживает трансформацию ивент-индустрии в ходе преодоления последствий пандемии коронавируса, описывает переход к гибридным форматам и усиление роли цифровых сервисов. Е.В. Бессонова [3] исследует режиссёрский замысел в цифровом пространстве event-индустрии, подчёркивая значение погружения, визуальной среды и механизмов онлайн-взаимодействия для формирования атмосферы.

А.А. Гришина [4] рассматривает межкультурные коммуникации в международном бизнесе и показывает, как знание культурных кодов партнёров влияет на характер делового общения. К. Юйсян [5] обосновывает теоретические положения межкультурной коммуникации, описывает формы её проявления и условия понимания «другого». Е.Г. Радыгина [6] исследует адаптацию организаций ивент-индустрии к коронакризисным ограничениям, выделяет формы изменения форматов мероприятий и занятости. Е.Г. Радыгина, А.А. Ошкордина и А.И. Кошелева [7] систематизируют типы деловых мероприятий и их особенности в современной ивент-практике. В.А. Шелгинская в одной работе [8] описывает внедрение «умных» технологий в управление ивент-деятельностью, а в другой [9] анализирует структуру и потенциал ивент-мероприятий уральской столицы; ещё одна публикация [10] посвящена разграничению категорий «ивент» и «праздник» в восприятии аудитории.

Для написания статьи применены сравнительный анализ теоретических подходов, структурно-функциональный анализ функций ведущего в структуре события, вторичный анализ результатов социологических и маркетинговых исследований event-индустрии, контент-анализ научных и профессиональных публикаций, а также обобщение авторского многолетнего опыта проведения полиэтнических мероприятий, мастер-классов и обучающих программ для начинающих ведущих и танцевальных коллективов.

Результаты

Исследование подтверждает, что полиэтнические мероприятия образуют особый тип праздничной коммуникации, где участники приходят с разным набором культурных кодов, языковых привычек, представлений о допустимых форматах юмора, танца и публичного поведения. В такой среде ведущий выступает коммуникативным посредником, регулирующим переход от множества локальных норм к временной общей «рамке события», в рамках которой участники готовы экспериментировать с идентичностями и строить временное сообщество праздника.

Фестивальные формы, описанные Е.А. Адам [1], показывают, что межкультурная коммуникация на празднике разворачивается через последовательность ритуализированных действий: приветствие, представление культурных групп, совместные активности, финальные коллективные номера. Ведущий связывает эти элементы в единый сценарий, переводит сложные элементы культурного содержания в доступные формулировки, предотвращает маргинализацию отдельных групп и задаёт тон диалогу. При описании фестиваля как формы публичной коммуникации Адам подчёркивает, что устойчивый межкультурный контакт возникает не только через демонстрацию традиций, но и через совместные действия участников [1], что совпадает с наблюдениями практиков event-индустрии.

Результаты исследований Р.Р. Аглиевой [2] и Е.Г. Радыгиной [6] показывают, что после пандемии усилилась дифференциация форматов: наряду с классическими офлайн-мероприятиями широко используются гибридные и полностью онлайн-события. В гибридной среде ведущий одновременно работает с двумя аудиториями – физически присутствующей и подключённой дистанционно. Переход к онлайн-форматам, по данным указанных авторов, сопровождался снижением чувства включённости части участников и ростом значимости визуальных и интерактивных решений [2; 6]. Ведущий в таких условиях превращается в фигуру, которая не только удерживает внимание, но и переопределяет границы участия: зритель получает возможность влиять на ход события через чаты, реакции, онлайн-голосования, а задача ведущего – перевести этот фоновый поток в структурированное участие.

Е.В. Бессонова показывает, что цифровая среда обладает собственными выразительными средствами: визуальная композиция кадра, геймификация интерфейсов, сценография онлайн-площадки, микс офлайн-и онлайн-элементов [3]. Для ведущего это означает необходимость продумывать не только словесную и мизансценическую линию, но и траекторию движения внимания зрителя по нескольким слоям: сцена, экран, мобильное устройство, социальные сети. При этом ведущий, ориентированный на межкультурный диалог, использует цифровые возможности не как самоцель, а как инструмент создания общих точек сопереживания для участников, принадлежащих к разным культурам.

На основе обобщения положений Е.В. Бессоновой [3] и В.А. Шелгинской [8; 9] в исследовании предложена схема функций ведущего в структуре полиэтнического event-мероприятия (см. Рис. 1).

Ведущий с профессиональным танцевальным опытом расширяет третий блок, превращая сценическое движение в средство вовлечения. Танцевальные вставки, элементы брейк-данса, парные флешмобы и массовые танцевальные интеракции работают как невербальный канал общения, где различия в языке и культурных кодах отходят на второй план. Практика показывает, что после эмоционально насыщенных

танцевальных эпизодов участники легче включаются в вербальные интерактивные форматы: диалог с ведущим, обсуждение, импровизационные конкурсы. Тем самым танцевальные практики становятся посредником между телесной и вербальной формами межкультурного взаимодействия.

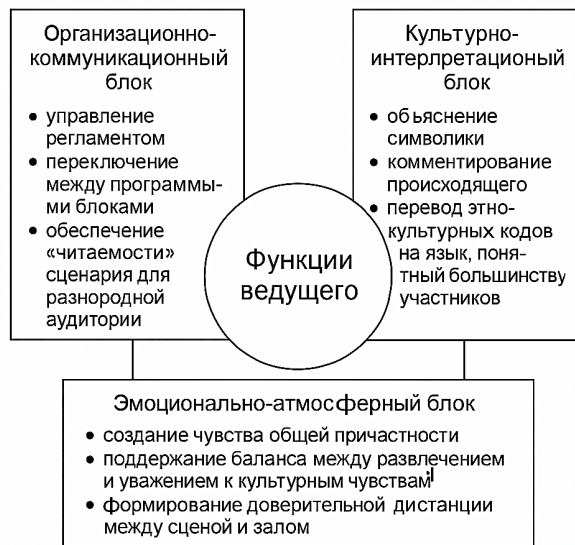

Рис. 1. Функции ведущего в структуре полиэтнического event-мероприятия

Источник: разработано автором по Е.В. Бессонова [3], В.А. Шелгинская [8; 9]

Работы В.А. Шелгинской [8–10] подчёркивают, что event-мероприятие обладает сложной структурой, где пересекаются маркетинговые задачи, культурные смыслы и потребности досуга. В дискуссии о различии между «ивентом» и «праздником» [10] обозначается, что ивент в городской среде всё чаще становится площадкой для работы с ценностями, идентичностью и образом территории. В таких случаях ведущий участвует в конструировании образа города или организации, формирует нарратив, в котором представители разных культур получают возможность увидеть себя частью общего пространства. Это особенно заметно на полиэтнических городских фестивалях, где ведущий обращается к нескольким языкам, опирается на многоязычные музыкальные треки, подчёркивает вклад различных сообществ в общий образ площадки.

Исследования А.А. Гришиной [4] и К. Юйсян [5], посвящённые межкультурной коммуникации, позволяют конкретизировать требования к ведущему как к медиатору культурных кодов. В международном бизнесе успешное взаимодействие строится на знании ценностных приоритетов партнёров, понимании особенностей юмора, норм выражения эмоций [4]. Для полиэтнического праздника эта логика сохраняется: ведущий, владеющий базовой информацией о коммуникационных стилях разных этногрупп, избегает уничижительных стереотипов, корректирует сценарные ходы, если видит признаки дискомфорта отдельных сегментов аудитории. Теоретические положения К. Юйсян о типах межкультурного общения и стратегиях понимания «другого» [5] помогают описать ведущего как фигуру, которая переводит потенциальный культурный конфликт в режим диалога, используя юмор, сюжетные переходы, смену видов активности и приёмы эмоциональной разрядки.

Материалы Е.Г. Радыгиной и соавторов [7] демонстрируют, что деловые мероприятия занимают особое место в современной ивент-индустрии: здесь пересекаются формальные цели (обсуждение вопросов бизнеса, управленческих решений, профессиональных стандартов) и неформальное общение. Для полиэтнических корпоративных событий ведущий должен удерживать баланс между деловой частью и развлекательной программой, сохраняя уважительный тон и одновременно создавая пространство для неформального сближения сотрудников. В этом формате особенно важны корректная работа с юмором и тактичное распределение внимания между участниками разных возрастных, статусных и культурных групп. Исследования показывают, что аудитория болезненно реагирует на грубый юмор, основанный на этнических и культурных стереотипах, и позитивно оценивает современные сценарии, строящиеся на самопрезентации, командных заданиях и творческой кооперации [7].

В работах В.А. Шелгинской о структуре ивент-мероприятий уральской столицы [9] прослеживается тенденция к включению в городскую событийную политику широкого спектра форматов – от массовых фе-

стивалей до камерных проектов для узких сообществ. Для ведущего это создаёт расширенное поле деятельности: он выступает посредником не только между организатором и аудиторией, но и между городскими властями, бизнесом, творческими коллективами и локальными этническими инициативами. Анализ показывает, что в условиях многослойной городской событийной среды ведущий, владеющий техниками модерации межкультурного взаимодействия, облегчает интеграцию локальных сообществ в общегородские форматы, снижает риски символического исключения отдельных групп и способствует появлению новых устойчивых практик совместного празднования.

Авторский опыт проведения мероприятий, где ведущий совмещает функции шоумена, танцора и организатора, подтверждает выводы исследователей. В программах, построенных на динамичной смене шоу-блоков, интерактивных конкурсов и танцевальных вставок, поликультурная аудитория охотнее принимает участие в общих флешмобах, менее скована в самопрезентации и чаще инициирует собственные формы активности. Наблюдается эффект масштабирования: элементы брейк-данс-шоу, интерактивные конкурсы и комбинированный формат «ведущий + артист» становятся объектом подражания со стороны коллег, что отражается в росте числа аналогичных сценарных решений на рынке event-услуг. Профессиональные форумы и обучающие сессии, где ведущий делится методиками вовлечения аудитории, закрепляют эти практики в качестве своеобразного стандарта работы с полиэтническими группами.

Таким образом, полученные результаты показывают, что ведущий на полиэтническом мероприятии выполняет комплекс коммуникативных, культурно-интерпретационных и атмосферных функций, опираясь на сочетание личной харизмы, танцевальных и юмористических приёмов, цифровых технологий и знаний о механизмах межкультурного общения.

Обсуждение

Интерпретация результатов исследования требует сопоставления теоретических представлений о межкультурной коммуникации и эмпирических наблюдений за работой ведущего на полиэтнических мероприятиях. На основе обобщения работ, посвящённых фестивалям, деловым событиям и городским программам [1; 2; 6; 7; 9], можно выделить несколько групп функций ведущего, зависящих от формата и целевой аудитории.

Прежде всего, ведущий выполняет функцию «входа» аудитории в событие. Исследования городской событийной среды и фестивальных практик подчёркивают значимость первых минут мероприятия: именно в этот период формируется базовый уровень доверия, задаётся эмоциональный тон и обозначаются правила взаимодействия [1; 9]. Когда ведущий сразу транслирует уважение к культурному многообразию, использует нейтральные или инклюзивные формы обращения, предваряет программу коротким объяснением её логики и возможных ролей участников, поликультурная аудитория легче принимает сценарные предложения и охотнее включается в игровую динамику.

Сводная характеристика функций ведущего в различных типах мероприятий приведена в табл. 1.

Таблица 1. Функции ведущего в разных типах полиэтнических мероприятий

Тип мероприятия	Основной коммуникативный фокус ведущего	Ожидаемый эффект для межкультурного взаимодействия
Фестиваль, городской праздник	Формирование общего эмоционального фона и включение разнородных групп в совместные действия	Появление чувства общности при сохранении культурной самобытности
Деловое и корпоративное событие	Баланс деловой и неформальной коммуникации, поддержание уважительного тона	Снижение дистанции между этнокультурными и статусными группами
Специальное событие (шоу-программа, конкурс)	Создание эффектного зрелищного каркаса, распределение внимания между зрителями и участниками	Повышение видимости культурного вклада разных групп
Гибридное/онлайн-мероприятие	Удержание внимания онлайн-аудитории, обеспечение интерактивности	Поддержание вовлечённости участников, не присутствующих физически

Источник: разработано автором по [1; 2; 6; 7; 9]

Приведённая типология показывает, что функции ведущего меняются в зависимости от формата, но в каждом случае присутствует задача обеспечения максимально безопасного и продуктивного контакта между представителями разных культур. В фестивальной среде акцент делается на эмоциональной спаянности и совместной деятельности; в деловых форматах ведущий следит за сочетанием формаль-

ности и неформального общения; на специальных шоу-программах акцент переносится на признание культурного вклада разных групп, а в онлайн-форматах на первый план выходит борьба за внимание и поддержание ощущения «живого присутствия».

Отдельного обсуждения требует использование юмора и танца как инструментов межкультурной модерации. Исследования межкультурных коммуникаций в бизнесе [4] и теоретические работы по межкультурному общению [5] подчёркивают, что юмор нередко становится источником недопонимания и конфликтных интерпретаций. Для ведущего полиэтнического мероприятия это означает необходимость осторожного обращения с иронией, отказа от шуток, основанных на этнических стереотипах, и переориентацию на самоиронию, наблюдения за типичными ситуациями повседневности, игровые формы, не затрагивающие идентичность отдельных групп. Практика показывает, что мягкий, «объединяющий» юмор, построенный на общих ситуациях (неуклюжесть в танце, особенности гибридного формата, типичные офисные истории), воспринимается аудиторией разных культур более комфортно и способствует снижению напряжённости.

Танцевальные элементы, по данным наблюдений и профессиональных обсуждений в event-среде, дополняют юмористический регистр. Брейк-данс-шоу и другие динамичные номера, исполняемые ведущим либо совместно с танцевальными коллективами, формируют у аудитории ощущение, что ведущий разделяет с ними физическое усилие и эмоциональный риск публичного выступления. Это создаёт дополнительное доверие: зрители легче откликаются на приглашения к участию, готовы выходить на сцену, демонстрировать свои движения, перестают воспринимать сцену как пространство, предназначенное исключительно для «профессионалов». Интеграция таких элементов в сценарий особенно эффективна на событиях, где встречаются молодёжная и более возрастная аудитории разных культур: общая танцевальная активность выравнивает позиции, снижает страх оценки и делает празднование менее иерархичным.

Применение цифровых и «умных» технологий, о которых пишет В.А. Шелгинская [8], усиливает потенциал ведущего как модератора. Интерактивные платформы, мобильные приложения, онлайн-квизы и чаты позволяют включать участников в сценарий независимо от их языковой компетенции и культурных различий. Например, голосование через смартфон с визуальными символами вместо сложных текстовых формулировок облегчает участие людей, плохо владеющих языком ведущего; интерактивные экраны дают возможность выводить на сцену контент, созданный самими участниками (фотографии, короткие видеоролики), что повышает чувство причастности. Ведущий в таком формате выступает не только комментатором, но и куратором цифровых потоков, отбирая уместный для публичного показа материал и переводя цифровое взаимодействие в очный диалог.

Синтетический характер деятельности ведущего на полиэтническом мероприятии отражён во второй сводной модели (табл. 2), где представлены основные коммуникативные стратегии модерации межкультурного взаимодействия и соответствующие им инструменты.

Таблица 2. Коммуникативные стратегии ведущего и инструменты модерации межкультурного взаимодействия

Коммуникативная стратегия	Основные инструменты ведущего	Ожидаемый результат для полиэтнической аудитории
Создание безопасного пространства общения	Нейтральные формы обращения, разъяснение правил участия, отказ от стереотипных шуток	Снижение опасений быть осмеянным, формирование базового доверия
Усиление общей вовлечённости	Танцевальные флешмобы, коллективные игры, зрительские переключки	Рост эмоциональной спаянности, появление опыта совместного действия
Перевод культурных различий в ресурс	Комментарии о смысле традиций, включение этнокультурных элементов в сценарий	Признание уникальности групп, использование различий как источника интереса
Интеграция онлайн-и офлайн-участников	Чаты, онлайн-голосования, вывод пользовательского контента на экраны	Устойчивое внимание дистанционной аудитории, ощущение единого события
Поддержка рефлексии и постпраздничного эффекта	Обратная связь, обсуждение впечатлений, публикации в соцсетях	Продление эффекта события, закрепление новых норм межкультурного общения

Источник: разработано автором по [1–5; 8–10]

Информация в табл. 2 подтверждает, что ведущий действует как гибкий управленец коммуникативной ситуации, соединяющий инструменты разных дисциплин: хореографии, режиссуры, психологии

общения, цифровых технологий. В полиэтнических условиях особое значение приобретают стратегии признания и включения: демонстративное уважение к многообразию культур, готовность корректировать сценарий в ответ на реакции аудитории, открытость к импровизации на основе культурных инициатив «снизу».

Авторский опыт распространения методик – проведение обучающих встреч и воркшопов для ведущих и танцевальных коллективов, публикация сценариев и кейсов в социальных сетях, выступления на профессиональных форумах, сотрудничество с PR-менеджерами для освещения проектов в СМИ – показывает, что такие стратегии со временем закрепляются в профессиональном сообществе. Коллеги перенимают элементы брейк-данс-шоу, интерактивных конкурсов и комбинированного формата «ведущий + артист», что свидетельствует о формировании новой неформальной нормы: ведущий воспринимается как универсальный специалист, совмещающий функции шоумена, режиссёра, модератора и эксперта по межкультурной коммуникации.

Обсуждение результатов позволяет заключить, что успешная модерация межкультурного взаимодействия на полиэтнических мероприятиях опирается на сочетание трёх компонентов: теоретически осмысленных знаний о межкультурной коммуникации, владения современными технологическими и хореографическими инструментами и устойчивой профессиональной рефлексии, основанной на опыте внутри event-сообщества.

Заключение

Проведённый анализ позволил, во-первых, уточнить понимание межкультурного взаимодействия на полиэтнических мероприятиях как особой формы праздничного общения, где ведущий выполняет функции коммуникативного посредника, переводящего разнообразие культурные коды в доступный для аудитории сценарный язык и формирующего временное сообщество участников. Во-вторых, описана структура функций ведущего, включающая организационно-коммуникационный, культурно-интерпретационный и эмоционально-атмосферный блоки, а также показано, как танцевальные практики, юмор и цифровые решения усиливают его возможности по включению разнородных групп в совместные действия. В-третьих, обосновано, что интеграция теоретических подходов к межкультурной коммуникации и практики event-индустрии, подкреплённая личным опытом проведения крупных полиэтнических событий и обучением начинающих ведущих, ведёт к формированию новых профессиональных стандартов модерации межкультурного диалога.

Полученные выводы демонстрируют, что ведущий на полиэтническом мероприятии представляет собой не только «голос программы», но и социологически значимого актёра, влияющего на характер взаимодействия между культурными группами, динамику доверия и готовность аудитории к дальнейшему участию в общих проектах. Материал исследования может быть использован при разработке программ подготовки ведущих и организаторов событий, в курсах по социологии культуры и коммуникации, а также в практической деятельности event-агентств, ориентированных на работу с многонациональной аудиторией.

Литература

1. Адам, Е.А. Фестиваль как эффективная форма межкультурной коммуникации // Язык и культура: сборник статей XXXI Международной научной конференции (11–14 октября 2021 г.). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2021. – С. 389–394.
2. Аглиева, Р.Р. Тенденции развития ивент-индустрии в условиях преодоления пандемии коронавируса // StudNet. – 2021. – Т. 4, № 11. – С. 71–79.
3. Бессонова, Е.В. Режиссерский замысел в цифровом пространстве event-индустрии // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – Т. 229. – С. 117–120.
4. Гришина, А.А. Межкультурные коммуникации в международном бизнесе: общение сквозь границы культур // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 7. – С. 599–603.

5. Коу Юйсян. Теоретические основы межкультурной коммуникации: сущность и формы проявления // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75–4. – С. 141–144.

6. Радьгина, Е.Г. Адаптация ивент-организаций к коронакризисным ограничениям // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 2 (104). – С. 75–79.

7. Радьгина, Е. Г., Ошкордина, А. А., Кошелева, А. И. Особенности деловых мероприятий в ивент-индустрии // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 9. – С. 2651–2664.

8. Шелгинская, В.А. Внедрение «умных» технологий в управление event-деятельностью: социокультурный аспект // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 51–60.

9. Шелгинская, В.А. Ивент-мероприятия уральской столицы: структура, специфика, потенциал // Муниципалитет: экономика и управление. – 2023. – № 2. – С. 57–65.

10. Шелгинская, В.А. Особенности восприятия категорий «ивент» и «праздник»: к прояснению различий // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 1. – С. 85–92.

THE ROLE OF THE HOST IN MODERATION OF INTERCULTURAL INTERACTION AT MULTI-ETHNIC EVENTS: A SOCIOLOGICAL APPROACH

Naurzgaliyev A.

New York General Consulting

This article offers a sociological perspective on the host's role as a moderator of intercultural interaction at multi-ethnic events. The relevance of this study stems from the growing ethnocultural diversity of urban communities and the increasing complexity of the event industry, where the sustainability of cultural dialogue and the quality of the event's communicative space depend on the host. The scientific novelty lies in the interpretation of the host through the category of communicative mediation and the combination of sociological, communicative, and directorial perspectives, including the analysis of choreographic and digital media. This paper describes the presenter's role in organizing intercultural communication, analyzes scripted, dance, and technological tools for managing the atmosphere of an event, and summarizes the author's experience in introducing breakdance shows and interactive formats. Particular attention is paid to the inclusion of ethnically diverse participants in joint activities and the prevention of cultural barriers. The goal of the study is to identify the presenter's communication strategies and behavior patterns that support cultural dialogue in various event formats. Comparative and structural-functional analysis, interpretation of modern research, and a summary of professional practice are used. The conclusion reveals typical patterns of presenter behavior at multiethnic events and their impact on participant integration.

Keywords: Event presenter, intercultural interaction, multiethnic community, event industry, sociology of celebration, communication mediation, moderation, interactive technologies, dance practices, digital formats.

References

1. Adam, E.A. Festival as an effective form of intercultural communication // Language and Culture: Collection of articles from the XXXI International Scientific Conference (October 11–14, 2021). – Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2021. – Pp. 389–394.
2. Aglieva, R.R. Trends in the Development of the Event Industry in the Context of Overcoming the Coronavirus Pandemic // StudNet. – 2021. – Vol. 4, No. 11. – Pp. 71–79.
3. Bessonova, E.V. Director's Concept in the Digital Space of the Event Industry // Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture. – 2024. – Vol. 229. – Pp. 117–120.
4. Grishina, A.A. Intercultural Communications in International Business: Communication Across Cultural Borders // Journal of Applied Research. – 2022. – Vol. 7. – Pp. 599–603.
5. Kou Yuxiang. Theoretical Foundations of Intercultural Communication: Essence and Forms of Manifestation // Problems of Modern Pedagogical Education. – 2022. – No. 75–4. – Pp. 141–144.
6. Radygina, E.G. Adaptation of Event Organizations to Coronacrisis Restrictions // International Research Journal. – 2021. – No. 2 (104). – Pp. 75–79.
7. Radygina, E. G., Oshkordina, A. A., Kosheleva, A. I. Features of Business Events in the Event Industry // Economy, Entrepreneurship and Law. – 2023. – Vol. 13, No. 9. – P. 2651–2664.
8. Shelginskaya, V.A. Implementation of "smart" technologies in event management: sociocultural aspect // Digital sociology. – 2022. – Vol. 5, No. 2. – P. 51–60.
9. Shelginskaya, V.A. Event activities of the Ural capital: structure, specificity, potential // Municipality: economics and management. – 2023. – No. 2. – P. 57–65.
10. Shelginskaya, V.A. Features of perception of the categories "event" and "holiday": towards clarifying the differences // Telescope: journal of sociological and marketing research. – 2023. – No. 1. – P. 85–92.

Идентичность, идеология, менталитет, мировоззрение: взаимосвязь фундаментальных элементов цивилизационной самосознательности России

Одинцова Елена Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых и политических наук, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: odintsova.e.a@gmail.com

Петрова Елена Игоревна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры правовых и политических наук, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: elena_i_v@inbox.ru

В условиях цивилизационного противостояния и внутреннего идейно-ценностного вакуума современная Россия сталкивается с критической необходимостью восстановления целостной системы самосознания как государства-цивилизации. Статья посвящена комплексному анализу взаимодействия четырёх ключевых понятий – идентичности, идеологии, менталитета и мировоззрения – как фундаментальных компонентов цивилизационной устойчивости и национального самоопределения. Авторы демонстрируют, что эти категории не являются изолированными, а образуют иерархическую и динамичную структуру, определяющую как индивидуальное, так и коллективное сознание. Статья подчеркивает, что образование, культура и медиа играют ключевую роль в трансляции этих элементов, а их дисгармония ведёт к экзистенциальной пустоте и социальной дезинтеграции.

Ключевые слова: идентичность, идеология, менталитет, мировоззрение, цивилизация, Россия, традиционные ценности, культурная устойчивость, социальное сознание, консолидация общества.

Формирование крупных многонациональных сообществ приводят к формированию общих ценностных и мировоззренческих принципов и ориентиров, без культурного влияния которых невозможны устойчивое воспроизводство цивилизации, передача ее смыслов новым поколениям граждан.

В формировании индивидуального и коллективного сознания ключевую роль играют понятия идентичности, идеологии и менталитета. Все три понятия взаимодействуют друг с другом и тем самым создают определенную структуру, влияющую на сознание, поведение и восприятие людей в пределах различных социальных и культурных контекстов.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа отечественных и западных научных источников (включая работы С. Хантингтона, В.С. Соловьёва, И.А. Ильина, М. Мамардашвили, У. Бека) раскрыть сущность каждого понятия: идентичности как процесса самоотождествления с культурными, политическими и историческими образцами; идеологии как системы ценностей, легитимирующей власть и формирующей общественные приоритеты; менталитета как глубинного, бессознательного культурно-психологического кода восприятия мира; мировоззрения как условия возможности осмысления бытия – не выбора, а переживания, лежащего в основе всех смысловых систем.

Предметом осмысления как отечественной, так и западной социогуманитарной науки давно являются различные аспекты проблемы идентичности. На рубеже XX–XXI веков понятие идентичность становится одним из наиболее часто употребляемых при анализе социокультурных процессов.

В контексте исследования необходимо проанализировать понятие «идентичность». Автор не первый раз обращается к данной проблеме и ранее уже отмечал, что единая точка зрения относительно понимания данного явления отсутствует, чему свидетельствует анализ научной литературы. В зависимости от того, как проблема гражданской идентичности вписывается в круг научных исследований, аспекты ее изучения различны [1].

Известный американский ученый-политолог С. Хантингтон в своей работе «Кто мы?» определяет ее как «...самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимание того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. Идентичность важна потому, что она определяет поведение человека» [2, с. 25]. Таким образом можно сказать, что идентичность является следствием процесса осознанного самоотождествления человека или группы людей с принятыми в определенной среде образцами поведения, которые сформировались на основе определенных ценностных систем. Следовательно, под идентичностью мы будем подразумевать те значимые политические, социальные, культурные, религиозные ориентации индивида, используемые им при формировании своих общественных связей с другими людьми, их группами, институтами и государством в целом [1].

Идентичность – это концепция, которая описывает, как личность или группа видит себя, какие ценности и нормы они считают важными, и как воспринимают свою принадлежность к той или иной социальной или культурной группе. Идентичность может быть как индивидуальной, так и коллективной. Индивидуальная идентичность формируется на основе личного жизненного опыта, социальных связей и внутреннего самоощущения. Коллективная идентичность, в свою очередь, основывается на общих признаках, таких как этническая принадлежность, национальность, религия, и проявляется в чувствах солидарности и общей цели. В центре внимания ученых долгое время была индивидуальная идентичность, но последнее время все больше приходит понимание значимости проблем идентичности социальной, или коллективной. В связи с этим возникает вопрос о соотношении этих двух видов идентичности.

В современном отечественном социогуманитарном сообществе превалирует точка зрения, что эти два вида идентичности принципиально различны. По мнению авторов существуют качественные различия между этими уровнями идентичности и перенос особенностей формирования индивидуальной идентичности на коллективную и наоборот механически не происходит. Однако эти два уровня не стоит рассматривать как принципиально противоположные.

В современных условиях наиболее значимым фактором становления коллективной идентичности является идеология, которая всегда выступала важнейшим механизмом формирования ценностных ориентаций людей в обществе. Нестабильность экономической и политической жизни современной России объективно обуславливают отсутствие единой идеологии, которую разделяло бы большинство населения страны. Это объясняет актуальность изучения идеологии и ее функционирования в обществе, рассматриваемых во взаимодействии с процессами формирования идентичности.

Идеология – это система взглядов, идей и ценностей, которая служит основой для поведения и действий отдельных людей и сообществ. Она формируется под влиянием исторического контекста, культурных традиций и социальных факторов. Идеологии могут варьироваться от политических и экономических до культурных и социальных. Важной особенностью идеологии является то, что она часто служит инструментом для легитимации определённых социальных структур и властных отношений. Идеология «собирает» в себя ценности цивилизации, формирует цивилизационную общность. В понимании идеологии как объединяющих начал, ценностей, «правды» и «нормы» идеология возникла практически во всех известных истории устойчивых общественных системах и прежде всего в государствах.

Как уже отмечалось авторами ранее, Россия может развиваться, «да и просто выживать в мире только как «мобилизационное общество», поскольку всегда находится под действием двух разрушительных сил (цивилизационной агрессии Запада, который стремится ликвидировать её как геополитического конкурента; и внутренних разрушительных сил в самом обществе)» [3, с. 52].

В этой связи, встает вопрос об идеологии как системе мировоззренческих принципов, которая выступает одним из основных механизмов, консолидирующих общество. Выработка стратегии развития государства и общества невозможна без выверенного идеологического обоснования того или иного вектора. Любые значимые реформы начинаются с идеологических изменений [4].

Идеология не только влияет на поведение людей, но и формирует их восприятие реальности. Так, идеология либерализма акцентирует внимание на осуществлении индивидуальных прав и свобод, тогда как социализм сосредотачивается на социальной справедливости и коллективной ответственности.

Идеология может быть как объединяющим, так и разделяющим фактором в обществе. Так, в наши дни особенности функционирования идеологии обусловлены процессами складывания культуры, основанной на ценностной системе общества потребления. Представители незападных стран подвергаются сильнейшей «идеологической атаке», которая имеет своей целью навязывание этих ценностей. По мнению У. Бека «в этом мире локальные культуры и идентичности утрачивают корни и заменяются символами товарного мира, взятыми из рекламного и имиджного дизайна мультинациональных концернов. Бытие становится дизайном – причем повсеместно» [5, с. 82] и с этим трудно не согласиться.

Принципиально важно при этом то, что на основе идеологии осуществляется социализация поколений. Отсутствие собственной идеологии, нарушает связь поколений, что приводит к невосполнимым потерям. Молодежь ищет себя, как правило, «на полях той чужой идеологии, которая кажется привлекательной, ибо предлагает свои ключевые ценности, свои возможности для самореализации и самовутверждения» [6, с. 10]

За несколько десятилетий идейно-ценностного вакуума выросло несколько поколений, воспитанных в условиях исторического беспомощия, потребительского индивидуализма и космополитизма. При этом мы совсем забыли о своей идентичности и государственном суверенитете (культурном, технологическом, цивилизационном) [4].

В наши дни идеология, которая всегда выполняла определенные функции в формировании идентичности, становится одним из важнейших факторов процесса идентификации. Развитие средств массовой коммуникации способствует тому, что феномен идеологии становится массовым и воздействует на все большее количество индивидов. Помимо этого, современные условия способствуют трансформации самой природы идеологии, которая становится более символической, что усложняет механизм ее воздействия на массы. Таким образом изучение самой идеологии и ее функционирования в обществе во взаимосвязи с процессами формирования идентичности, является весьма актуальным.

Изучая самые крупные цивилизации в истории развития человеческого сообщества, в частности Рим, Британия, Китай или СССР мы видим, как они успешно распространяли свои ценности вовне и наполняли содержанием и смыслом всю актуальную для них систему международных отношений и мировой политики.

Российскую цивилизацию можно определить как комплекс исторически сформированных систем, обеспечивающих ее жизнеспособность. Данные системы были обоснованы идеологически и закрепились в сознании людей в качестве ценностей. Поскольку в Концепции внешней политики Российской Федерации Россия названа государством-цивилизацией, то это предполагает отказ от предыдущих подходов к формулированию российской ценностной идентичности. Цель стать своей для «цивилизованного мира», войти в большие проекты сменилась стремлением подчеркнуть свою ценностную уникальность, самость на основании осознания и принятия статуса государства-цивилизации.

Наиболее важными цивилизационными особенностями России авторы считают: ценность помощи людям, автосубъектность власти, противоречивое отношение к либеральным ценностям и самодостаточность, как ключевая характеристика российской цивилизации, т.к. цивилизация не нуждается и не стремится интегрироваться в структуры, которые сама создает.

Для современной России, которая решает непростую задачу возвращения к своей цивилизационной миссии, крайне важно мировоззренческие основания цивилизаций, их фундаментальные ценности.

В Указе президента от 9 ноября 2022 г. дается следующее определение: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [7].

Философская формулировка данного понятия звучит так: «Мировоззрение – это то, что человек не выбирает, а переживает; оно – не ответ на вопрос, а условие, при котором вопрос вообще становится возможным» [8].

В философии и социологии мировоззрение рассматривается как средство смыслообразования – способ преодоления хаоса и неопределённости мира через создание структурированной картины бытия. Оно отвечает на фундаментальные вопросы: «Откуда я пришёл? Кто я? Зачем я живу? Что есть добро и зло? Куда иду?»

Мировоззрение – это целостная, системно организованная совокупность убеждений, ценностей, представлений, норм, установок и ориентиров, которые формируют у индивида или социальной группы фундаментальное понимание мира, места человека в нём, смысла жизни, отношений между человеком и природой, обществом, историей, культурой, а также принципов познания и оценки действительности.

Мировоззрение выступает как внутренний «каркас» сознания, через который человек интерпретирует реальность, принимает решения, формирует поведение и определяет свои жизненные приоритеты.

Отсутствие или кризис мировоззрения (например, в эпохи быстрых изменений или тотальной дезориентации) часто приводит к экзистенциальной пустоте, аномии и социальной дезинтеграции. То есть помимо знаний и убеждений мировоззрение включает в себя элементы, не поддающиеся рационализации и исключительно научному, логическому объяснению. Мифы и ценности, установки и стереотипы, предпочтения и потребности далеко не всегда осознаются людьми. Часто они опираются на бессознательное принятие установок той культуры, которая является родной для человека, связанной с его социализацией с самого рождения.

Мировоззрение формируется под влиянием множества факторов: семейного воспитания, образования, культуры, исторического контекста, социальных групп, медиа, личного опыта и кризисных ситуаций. Оно не статично – оно эволюционирует на протяжении жизни человека, особенно в периоды значимых изменений (переезд, потеря близких, революции, научные открытия).

Мировоззрение не является случайным набором мнений – оно имеет структурную целостность и глубинную связность, включающую несколько взаимосвязанных компонентов, таких как:

- когнитивный компонент – система знаний и представлений о мире: взгляды на природу Вселенной, происхождение жизни, законы общества, природу человека, сущность времени и пространства. Это включает как научные, так и мифологические, религиозные или философские концепции;
- ценностно-нормативный компонент – иерархия ценностей (истина, добро, красота, свобода, справедливость и т.д.) и моральных норм, определяющих, что считается «правильным» или «неправильным», «желательным» или «отвратительным». Именно этот компонент формирует этическую основу поведения;
- эмоционально-волевой компонент – глубинные чувства, привязанности, страхи, надежды и мотивы, связанные с мироощущением: ощу-

щение смысла, экзистенциальная тревога, вера, отчаяние, стремление к трансценденции;

– практический (деятельностный) компонент – способ реализации мировоззренческих установок в повседневной жизни: выбор профессии, стиль общения, политические взгляды, отношение к семье, экологии, религии, культуре, технологиям.

Мировоззрение может быть:

– религиозным – основанным на вере в сверхъестественное, божественное начало, божественные законы (например, христианское, исламское, буддийское мировоззрение);

– философским – выстроенным на рациональном анализе, логике и критическом мышлении (например, стоицизм, экзистенциализм, марксизм);

– научным – опирающееся на эмпирические данные, методы научного познания и материалистическую картину мира;

– прагматическим – ориентированным на практическую эффективность, выгоду и адаптацию к реальности без глубоких метафизических оснований;

– мифологическим – основанном на традиционных сказаниях, символах и ритуалах, передаваемых из поколения в поколение;

– атеистическим (секулярным) – отрицающим или игнорирующим сверхъестественное, опирающимся на человеческий разум и социальные институты.

Таким образом, мировоззрение – это не просто «мнение о мире», а глубинная система смыслов, определяющая саму возможность осмысленного существования человека в реальности. Оно является фундаментом личной идентичности, социальной сплоченности и культурной устойчивости общества.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод, что мировоззрение – это система взглядов, оценок и представлений о мире, которая формируется на основе знаний, моральных нравственных, философских оценочных суждений и жизненного опыта. В процессе формирования мировоззрения задаются убеждения, нормы, ценности. При этом можно говорить о мировоззрении как отдельной личности, так и социальной группы.

В современном мире, характеризующемся плюрализмом ценностей и глобализацией, формирование осознанного, критически осмысленного и гибкого мировоззрения становится одной из ключевых задач образования и личностного развития.

Понятием, тесно переплетающимся, но не идентичным с понятием «мировоззрение», является «менталитет». Оба эти понятия лежат в основе культурной и индивидуальной идентичности. Их связь характеризуется как взаимодополняющая и иерархическая. Менталитет – это глубинный, почти бессознательный «протокол» восприятия мира, а мировоззрение – его осознанная, структурированная «программа».

Если мировоззрение мы определили как осознанную, рационально-ценностную систему взглядов на мир, человека, смысл жизни, добро и зло, природу и общество; сознательно выстроенную картину реальности, которая может быть научной, религиозной, философской, политической. То есть Мировоззрение – это сознательная модель, которую человек выбирает или принимает как руководство к действию.

То менталитет – это культурно-психологическая устойчивая структура мышления, эмоции и поведения, сформированная исторически, традициями, языком, религией, социальными нормами и коллективным опытом. Менталитет – это подсознательный код, по которому человек «читает» мир, даже не задумываясь.

Русский и западный менталитет имеют явные различия: русскому менталитету присуща склонность к глубокому мышлению, акцент на страдание как смысле, доверие к «силе духа»; западному – акцент на индивидуализм, прагматизм, «позитивное мышление», стремление к контролю над окружающим.

По мнению В.С. Соловьева, правосознание западного человека выражается так: «Я имею право потребовать». И совсем иное содержание у русского правосознания: «Я должен» [9].

Но русского человека при этом отличает и острое критическое отношение к пороку и неправде. По словам В.С. Соловьева, «степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру, без чего общественная среда никаких прав на единичного человека не имеет...» [9]. Тем не менее борьба со злом приносит свои плоды только тогда, когда борец начинает ее именно с самого себя. Задаваясь вопросом «может ли человек, стремящийся к духовному совершенству, сопротивляться злу силой и мечом?», И.А. Ильин отвечает, что это имеет смысл и приемлемо исключительно при условии очищения собственной души [10].

Одним из ключевых инструментов в формировании как индивидуального, так и коллективного менталитета является образование. Именно образование способствуя передаче знаний, формирует систе-

му ценностей, способствует воспитанию гражданственности и социальной ответственности. Поэтому особенно важно, чтобы образовательные программы учитывали культурные и исторические особенности региона, в котором они реализуются, что позволит укрепить связи между поколениями и повысить уровень гражданской сознательности.

Взаимное влияние идентичности, идеологии и менталитета можно рассматривать как некий «замкнутый круг», где каждое из понятий влияет на другие. Так, коллективная травма, пережитая сообществом в результате войны или же экономического кризиса, может повлиять на изменение коллективной идентичности и привести к формированию новой идеологии, которая будет опираться на пережитый опыт.

В свою очередь социальные конфликты, основанные на различиях идентичностей и идеологий, приводят к серьезным последствиям как политическим, экономическим, так и культурным. Конфликты могут углублять разногласия между группами и затруднять межкультурный диалог. Разрешение подобных конфликтов требует понимания корневых различий и стремления к компромиссам и взаимопониманию.

Анализ взаимосвязи таких понятий как идентичность, идеология, менталитет, мировоззрение подчеркивает важность глубинного понимания этих понятий для изучения как социальной динамики, так и человеческого поведения. Они не только формируют уникальность каждого народа, но и создают основу для устойчивого развития государственности. Такое понимание необходимо для развития стратегий, направленных на укрепление взаимопонимания и гармонии в многообразных обществах, способствуя тем самым более конструктивному взаимодействию между различными группами и культурными традициями.

Таким образом мы приходим к выводу, что устойчивое развитие России возможно только через синтез традиций и современности, где менталитет становится основой, идеология инструментом, идентичность – результатом, а мировоззрение – фундаментом, без которого любые государственные проекты теряют смысл.

В условиях меняющегося мира важно находить баланс между традициями и инновациями, чтобы каждый гражданин чувствовал себя частью своего государства и мог внести свой вклад в его будущее.

Литература

1. Петрова, Елена Игоревна. Гражданская идентичность как залог стабильности государства. / Е.И. Петрова. / Экология человека в современных трансформациях исторического времени. //Коллективная монография по итогам V Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 2025. С. 398–404.
2. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности./Хантингтон С. – Москва: АСТ МОСКВА, 2004. – 635 с.
3. Даренский, В.Ю. Идеология цивилизационного суверенитета России (в контексте отношений Россия-Запад) / В.Ю. Даренский // Вестник Удмуртского Университета. Социология. Политология. Междунаронные отношения – 2020. – Т. 4, вып 1. – С. 51–61.
4. Одинцова Е.А., Петрова Е.И. Общенациональная идеология как фактор единства и суверенности государства. / Е.А. Одинцова, Е.И. Петрова. /Теории и проблемы политических исследований, 2025. – Т. 14. –№ 3–1. – С. 11–19.
5. Бек, У. Что такое глобализация? /У. Бек – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
6. Кальной, И. Идеология Отечества. Сборник / И. Кальной, С. Камышев, Д.Муза, Ф. Папаяни, А. Степанов. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. – С. 10.
7. История России. Тема 15. Российский мировоззрение и ценности российской цивилизации А.Р. Тузиков, А.Ю. Иванов, М.В. Салимгарев.
8. Леонтьев, Д.А. (2011). Философия жизни М. Мамардашвили и ее значение для психологии. Культурно-историческая психология, 7(1), 2–12. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2011_n1/39590 (дата обращения: 08.02.2026).
9. Соловьев, Вл.С. Оправдание добра: нравственная философия / Вл.С. Соловьев. – Москва: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с. ISBN 978-5-4261-0002-2
10. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / И.А. Ильин; сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – Москва: Русская книга, 1993–1999. / Т. 5. – 1995. – 604, [3] с., [1] л. портр. / О сопротивлении злу силою. 30–220 с.

IDENTITY, IDEOLOGY, MENTALITY, WORLDVIEW: THE INTERCONNECTION OF FUNDAMENTAL ELEMENTS OF RUSSIA'S CIVILIZATIONAL SELF-AWARENESS

Odintsova E.A., Petrova E.I.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

In the context of civilizational confrontation and an internal ideological-value vacuum, contemporary Russia faces a critical necessity to restore a coherent system of self-consciousness as a state-civilization. This article is devoted to a comprehensive analysis of the interaction among four key concepts—identity, ideology, mentality, and worldview—as fundamental components of civilizational resilience and national self-determination. The authors demonstrate that these categories are not isolated but form a hierarchical and dynamic structure shaping both individual and collective consciousness. The article emphasizes that education, culture, and media play a pivotal role in transmitting these elements, and that their dissonance leads to existential emptiness and social disintegration.

Keywords: identity, ideology, mentality, worldview, civilization, Russia, traditional values, cultural resilience, social consciousness, societal consolidation

References

1. Petrova, Elena Igorevna. Civic Identity as a Guarantee of State Stability. / E.I. Petrova. / Human Ecology in Modern Transformations of Historical Time. // Collective Monograph Based on the Results of the V All-Russian Scientific Conference with International Participation. Moscow, 2025. Pp. 398–404.
2. Huntington, S. Who Are We?: Challenges to American National Identity. / Huntington S. – Moscow: AST MOSCOW, 2004. – 635 p.
3. Darensky, V. Yu. The Ideology of Russia's Civilizational Sovereignty (in the Context of Russia-West Relations) / V. Yu. Darensky // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations – 2020. – Vol. 4, issue 1. – Pp. 51–61.
4. Odintsova E.A., Petrova E.I. National Ideology as a Factor in the Unity and Sovereignty of the State. / E.A. Odintsova, E.I. Petrova. / Theories and Problems of Political Research, 2025. – Vol. 14. – № 3–1. – Pp. 11–19.
5. Beck, U. What is Globalization? / U. Beck – Moscow: Progress-Tradition, 2001. – 304 p.
6. Kalnoy, I. Ideology of the Fatherland. Collection / I. Kalnoy, S. Kamyshev, D. Muza, F. Papayani, A. Stepanov. – M.: International Publishing Center “Ethnosocium”, 2015. – P. 10.
7. History of Russia. Topic 15. Russian Worldview and Values of Russian Civilization A.R. Tuzikov, A. Yu. Ivanov, M.V. Salimgareev.
8. Leontiev, D.A. (2011). M. Mamardashvili's Philosophy of Life and Its Significance for Psychology. Cultural-Historical Psychology, 7(1), 2–12. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2011_n1/39590 (date of access: 08.02.2026).
9. Soloviev, Vi.S. Justification of Good: Moral Philosophy / Vi.S. Soloviev. – Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – 656 p. ISBN 978-5-4261-0002-2
10. Ilyin, I.A. Collected Works: in 10 volumes / I.A. Ilyin; compiled, introduced and commented by Yu.T. Lisitsy. – Moscow: Russkaya kniga, 1993–1999. / V. 5. – 1995. – 604, [3] p., [1] p. of port. / On Resisting Evil by Force. 30–220 p.

Родионова Марина Евгеньевна,

к.соц.н., доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: m.rodionova@mail.ru

Кулакова Нина Николаевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nnkulakova@fa.ru

Золотарева Ксения Георгиевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Статья посвящена анализу современного электорального процесса в России через призму институциональных и социокультурных факторов. Рассматривая выборы не только как формальную процедуру легитимации власти, но и как механизм политической адаптации, автор выявляет двойственный характер российской электоральной системы. С одной стороны, она представляет собой устойчивую и технологически отлаженную институциональную инфраструктуру, обеспечивающую регулярное проведение выборов и формальное соблюдение демократических норм. С другой стороны, сохраняется разрыв между процедурной стабильностью и содержательной легитимностью, проявляющийся в ограниченной политической конкуренции, снижении гражданской вовлеченности и росте электоральной пассивности. В статье анализируются причины деполитизации электората, феномен «символического участия», а также последствия цифровизации выборов, которая, расширяя техническую доступность голосования, одновременно порождает кризис доверия к электоральным результатам. Особое внимание уделено влиянию экономических кризисов и популистской риторики на трансформацию электорального поведения и политической повестки. Делается вывод, что российский электоральный процесс функционирует в логике управляемой адаптации, обеспечивая институциональную устойчивость политического режима, но ограничивая его способность к гибкому обновлению и реальному диалогу между обществом и властью.

Ключевые слова: электоральный процесс в России, политическая адаптация, институциональная стабильность, демократическая легитимность, ограниченная политическая конкуренция, электоральная пассивность, цифровизация выборов, цифровое недоверие.

В российских условиях электоральный процесс носит двойственный характер, сочетая институциональную стабильность с признаками адаптационного кризиса. С одной стороны, избирательная система России – это устойчивая и технологически отлаженная инфраструктура, обеспечивающая регулярное проведение выборов на всех уровнях и формальное соблюдение демократических процедур. С другой стороны, нарастают противоречия между стабильностью этих процедур и их содержательной легитимностью.

Как отмечает А.И. Разинская, российские выборы функционируют как «технологическая инфраструктура реализации конституционных принципов», то есть как институционально закреплённая система правил, позволяющих обновлять органы власти и подтверждать легитимность политического режима. Однако эффективность этой инфраструктуры напрямую зависит от гражданской активности, уровня доверия и степени вовлеченности населения в политику. При низкой гражданской вовлеченности даже безупречно организованные выборы теряют политический смысл, превращаясь в ритуальное действие, не обеспечивающее адаптации системы к общественным запросам.

Многие аналитики подчеркивают, что постсоветская эволюция российского электорального процесса шла по пути институционализации без демократизации: выборные процедуры сохранились, но их содержательное наполнение – реальная конкуренция, прозрачность, общественный контроль – было существенно ограничено. По мнению Р.А. Алексева, трансформация выборов с 1990-х по 2010-е гг. отражает переход от фазы массовой мобилизации и плюрализма к модели «управляемого участия», где конкуренция носит в основном номинальный характер, а электоральные процедуры служат средством подтверждения лояльности существующей системе. Иными словами, выборы утратили ключевую адаптивную функцию, превратившись из механизма обновления власти в инструмент институционального воспроизводства. К.С. Константинова и А.А. Смирнова фиксируют снижение явки избирателей, объясняя его эрозией доверия к институтам представительной власти и убежденностью граждан в том, что их голос не влияет на реальные решения [1]. Исследователи характеризуют такое состояние как «дефицит гражданской компетентности» – недостаток у значительной части электората навыков критического восприятия политической информации, опыта участия и ощущения собственной ответственности за происходящее.

Электоральная пассивность порождает не только политические, но и социокультурные риски. А.А. Касаткина отмечает, что апатия и отчуждение избирателей ведут к дезинтеграции общества и снижению его способности к конструктивному диалогу: без регулярного участия граждан в выборах утрачивается горизонтальная солидарность, социальные группы перестают ощущать сопричастность к принятию государственных решений [2]. Таким образом, падение явки становится не просто следствием разочарования, но и фактором, угрожающим устойчивости демократических институтов.

В экспертном сообществе все чаще говорят об «адаптационном кризисе» российской электоральной системы. Его суть – в том, что формально эффективные институты перестают гибко реагировать на изменения социальной реальности. Новые процессы – цифровизация, сетевые коммуникации, формирование онлайн-сообществ – требуют иных моделей взаимодействия государства с гражданами, но избирательные институты, сформированные в 1990-е гг. по индустриальным лекалам, зачастую не успевают за этими переменами. Российская система выборов демонстрирует пример институциональной инерции: процедуры остаются стабильными, тогда как ожидания общества эволюционируют – граждане хотят большей прозрачности, интерактивности и подотчетности, чем может предоставить существующая модель.

Тем не менее ряд исследователей полагает, что потенциал адаптации не исчерпан. Отмечается два встречных тренда. Во-первых, внедрение цифровых технологий (дистанционное электронное голосование, открытые онлайн-дискуссии, краудсорсинговые платформы) создает новые формы электоральной социализации, постепенно вовлекая в политику молодое поколение. Во-вторых, на региональном и местном уровнях возникают локальные «островки» субстантивной демократии, где независимые кандидаты, активисты и даже некоторые представители власти практикуют большую прозрачность и диалог с гражданами, частично компенсируя ограничения федеральной политики.

Таким образом, сегодня российский электоральный процесс – это гибридная система, сочетающая формальную институциональную стабильность и содержательную неустойчивость. Он сохраняет способность к самовоспроизведению, однако его адаптивность ограничена культурными и организационными барьерами: слабой партиципаторной политической культурой, недостаточным уровнем гражданской компетентности и низким доверием к институтам. Преодоление этого разрыва требует не столько реформ законодательства, сколько формирования новой культуры участия, при которой выборы перестанут быть ритуалом и вновь станут механизмом диалога общества и власти. Наконец, следует учитывать и внешние вызовы. Как отмечает И.Б. Борисов, современные демократии сталкиваются с вмешательством во внутренние выборные процессы и манипуляциями информационным пространством – эти факторы образуют «новую уязвимость суверенных демократий» [3].

В результате, российская электоральная система сегодня функционирует как модель управляемой адаптации: она обеспечивает институциональную стабильность и определенный символический ритуал участия, но недостаточно стимулирует реальную политическую конкуренцию и не восполняет дефицит доверия.

Анализ последних электоральных циклов (2018–2024 гг.) выявляет несколько ключевых тенденций: цифровизация выборов, введение электронного голосования и других онлайн-процедур повысило техническую доступность участия, но породило новые вопросы доверия к результатам; неравномерная явка, наблюдается сохранение существенного разрыва в явке. Все большей части граждан участие в голосовании носит символический характер, поскольку обратная связь и реальное влияние общества на политику остаются ограниченными; миграция активности в сеть, растет значение цифровых площадок и локальных сообществ: значительная доля политической дискуссии и мобилизации из офлайна перемещается в социальные сети и волонтерские движения на местах.

Как подчеркивает А.И. Разинская, перечисленные сдвиги формируют «новый тип избирателя» – сетевого, осведомленного, но фрагментированного, больше реагирующего на сиюминутные импульсы, чем на долгосрочные идеологические программы. Таким образом, электоральные процессы в современной России (как и в странах ЕС) становятся зеркалом демократической адаптивности: способность политической системы к обновлению напрямую зависит от уровня доверия граждан, степени их вовлеченности, прозрачности процедур и автономности институтов.

С конца XX – начала XXI века центральным вызовом для электоральных систем Европы и России стали экономические кризисы, нарушающие традиционные каналы политического представительства и подрывающие доверие к институтам. Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг., пандемия COVID-19, а затем санкционные потрясения 2022–2024 гг. показали, что даже зрелые демократии уязвимы перед кризисом доверия и ростом неравенства. Экономическая турбулентность меняет ожидания избирателей, усиливает запрос на простые решения и подпитывает популярность популистских сил, трансформируя партийные ландшафты. Экономический кризис в современном мире выступает не только как макроэкономическое явление, но и как глубокий политический фактор, способный радикально трансформировать баланс сил в обществе. Ослабление экономического роста, рост безработицы, снижение реальных доходов населения и неравенство в распределении ресурсов неизбежно подрывают доверие к существующим политическим институтам, вызывая общественный запрос на перемены. В условиях, когда традиционные политические партии оказываются неспособными эффективно ответить на новые вызовы, на первый план выходят популистские силы. Они предлагают простые и эмоционально окрашенные решения сложных структурных проблем, что делает их привлекательными для значительной части общества.

С точки зрения политологического анализа, популизм в условиях кризиса становится каналом артикуляции массового недовольства, направленного против правящих элит и устоявшихся институциональных форм правления. Как отмечает А.Н. Медушевский, популизм следует понимать не как целостную идеологию, а как особый стиль политической мобилизации, возникающий в ситуации кризиса завышенных общественных ожиданий и эрозии социальной идентичности, где лозунги «возврата власти народу» приобретают особую привлекательность для массового избирателя [4]. При этом экономический кризис формирует специфические условия для усиления как правого, так и левого популизма, создавая почву для антиэлитарных и антиинституциональных настроений [5].

В мировой политической практике последних лет можно наблюдать тесную взаимосвязь экономических спадов и роста влияния популистских партий: от праворадикальных движений в Западной Евро-

пе, укрепившихся на фоне кризиса «государства всеобщего благоденствия» [6], до левых социал-нативистских коалиций в Италии, возникших как реакция на затяжную стагнацию экономики [7].

Российская политическая реальность также демонстрирует предпосылки к формированию популистского дискурса, особенно в условиях нарастающего социального неравенства и восприятия элиты как оторванной от интересов большинства [8].

Таким образом, изучение экономического кризиса как предопределяющего фактора развития популизма требует комплексного подхода, включающего в себя теоретические модели, эмпирические данные и сравнительный анализ региональных особенностей. Для объяснения этого феномена в политической науке сформировалось несколько аналитических направлений, каждое из которых по-своему трактует взаимосвязь кризиса и роста популизма.

Теоретические подходы к анализу связи экономического кризиса и популизма. В современной политической науке выделяется несколько исследовательских направлений, которые объясняют рост популистских движений в периоды экономической нестабильности.

Первое направление, структурно-экономический подход. Он основывается на представлении о кризисе как моменте, когда макроэкономические процессы выходят из-под контроля, что ведет к снижению легитимности традиционных политических институтов. Как показывают исследования, резкое ухудшение экономических показателей, рост безработицы и падение доходов формируют общественный запрос на новые формы политического представительства. Второе направление, социопсихологический подход. Он концентрируется на изменениях массового сознания в условиях кризиса. По мнению М.А. Агаева, именно трансформация ценностных ориентиров и рост популистских настроений позволяют новым движениям стремительно набирать популярность, даже если у них отсутствует цельная идеологическая база [9].

Третье направление, институциональный подход. С его точки зрения, кризис открывает «окно возможностей» для политических сил, находящихся вне традиционной партийной системы. В развитых демократиях это может приводить к перестройке партийного ландшафта, тогда как в странах с гибридными режимами кризис способствует укреплению персоналистских форм власти и использованию популизма в интересах правящей элиты [10].

Особое место занимает концепция «восстания против элит». Она исходит из того, что экономический кризис подрывает «социальный контракт» между элитой и обществом, создавая почву для мобилизации на основе антимиграционных, антиглобалистских и антиинституциональных лозунгов. Рассмотренные подходы задают теоретическую рамку, позволяющую выделить конкретные механизмы, через которые кризис трансформируется в популистскую мобилизацию.

Экономический кризис оказывает комплексное воздействие на политическую систему и электоральное поведение. Его последствия проявляются через несколько взаимосвязанных механизмов, каждый из которых может быть использован популистскими акторами для укрепления своих позиций и расширения влияния. Наиболее очевидным проявлением кризиса становится ухудшение ключевых социально-экономических показателей: снижение ВВП, рост уровня безработицы, сокращение государственных социальных расходов. Все это подрывает доверие к действующим элитам, которые воспринимаются как неспособные справиться с вызовами времени. В подобных условиях усиливается электоральный запрос на новые силы, готовые предложить простые и быстрые решения. Наряду с этим кризис оказывает воздействие и на политическую повестку, позволяя популистам по-новому формулировать ключевые общественные проблемы.

Переформатирование политической повестки.

Экономический кризис создает возможность для переопределения ключевых общественных проблем в популистском дискурсе. Политическая повестка начинает трактоваться через призму народоцентризма. Характерным примером служит Италия, где коалиция «Движения 5 звезд» и «Лиги» сумела объединить социально-экономические требования с идентичностными лозунгами [11].

Экономический кризис неизбежно усиливает антагонизм между «народом» и «элитой». Этот конфликт становится ключевым элементом популистской риторики. В российском контексте, по мнению Л.Г. Фишмана, рентно-сословная структура общества и высокий уровень недоверия к правящему классу формируют благоприятные условия для появления леворадикального популизма, где в центр выдвигаются перераспределительные требования [12].

Однако в отличие от Западной Европы, где популизм зачастую зарождается «снизу» как протестное движение, в России он может быть использован самими элитами как инструмент легитимации власти. В такой ситуации кризис превращается не только в катализатор про-

тестных настроений, но и в средство управляемой мобилизации, когда власть избирательно использует популистскую риторику для укрепления политической стабильности.

Особую роль в условиях кризиса начинает играть медиапространство, становясь главным ресурсом для распространения упрощенных, но эмоционально сильных нарративов.

Кризисные периоды сопровождаются ростом недоверия к официальным СМИ и усилением роли альтернативных источников информации, в том числе социальных сетей. Именно в этой среде популисты находят благодатную почву для распространения упрощенных, но эмоционально насыщенных посланий, легко воспринимаемых в условиях общественной тревожности [13]. Указанные механизмы мобилизации проявляются не только в краткосрочной поддержке популистов, но и в долгосрочных последствиях, оказывающих влияние на политическую систему в целом [14].

Экономический кризис не только стимулирует рост популизма, но и существенно изменяет траекторию политического развития государств. Влияние популистских сил, пришедших к власти на волне кризисного недовольства, проявляется в институциональной, политической, социальной и экономической сферах.

Популистские правительства используют кризис как легитимирующий ресурс для масштабных институциональных изменений, обосновывая их лозунгами «очищения элит» и «восстановления суверенитета». На практике это ведет к двум возможным траекториям. Первая, постепенная интеграция популистских партий в существующую систему. Примером служит греческая СИРИЗА, которая, отказавшись от идеи выхода из зоны евро, фактически заняла нишу традиционной левоцентристской партии². Вторая, давление на институты и подрыв системы сдержек и противовесов. В Венесуэле и Беларуси популистская риторика трансформировалась в авторитарные практики, ограничившие политические свободы [15].

Европейский опыт показывает, что институциональные издержки популистского курса могут конвертироваться в прямые фискальные потери. Так, Европейская комиссия заблокировала для Венгрии до €18–19 млрд бюджетных средств, увязав их разморозку с реформами верховенства права. Германия демонстрирует иной сценарий, правовую изоляцию радикализирующихся популистов: в 2024–2025 гг. суды подтвердили право контрразведки классифицировать «Альтернативу для Германии» как силы с признаками экстремизма, что ограничило их институциональное влияние, но усилило риторику виктимизации среди электората [16].

Экономические потрясения усиливают тенденцию к концентрации власти в руках исполнительной ветви. В странах с устойчивыми демократическими институтами этот процесс сдерживается системой противовесов, но в гибридных режимах кризис используется для сворачивания политической конкуренции [17]. В Венгрии и Польше кризисные аргументы позволили правящим партиям укрепить контроль над судами, СМИ и ключевыми институтами [18].

В Центральной Европе популистские кабинеты оправдывали перераспределение полномочий необходимостью «чрезвычайного реагирования», что стало предметом давления со стороны Европейской комиссии через механизм «условности» бюджетных трансфертов. В Нидерландах 2025 года, напротив, проявился иной риск, неспособность популистов удержать власть в условиях коалиционной логики: выход Партии свободы Г. Вилдерса по миграционной повестке обрушил кабинет менее чем за год [19].

Популистская политика усиливает социальную и политическую поляризацию, превращая лозунг «народ против элиты» в инструмент мобилизации. Итальянский опыт демонстрирует, что даже при широкой поддержке общества популистские коалиции сталкиваются с трудностями удержания единства [20]. В России, как отмечает Л.Г. Фишман, перераспределительная риторика леворадикального толка способна мобилизовать массы, но при этом углубить социальные разрывы. После пандемии и эскалации международных кризисов «стоимость жизни» стала центральной темой для электоральных кампаний в ЕС. Праворадикальные партии усилили позиции среди молодежи и уязвимых слоев, используя цифровые стратегии и образ «анти-эстеблшмента» [21]. В Евросоюзе последствия проявляются в виде блокирования наднациональных пактов, заморозки фондов и роста стоимости заимствований для стран, конфликтующих с Брюсселем. Венгерский пример 2025 г. показывает, что риторика суверенитета при фискальном дефиците лишь увеличивает зависимость от политических сделок с ЕС. Кроме того, характерная для популистов нестабильность коалиций имеет собственную цену: частые смены кабинетов и жесткие идентичностные линии снижают предсказуемость регуляторной среды, что подрывает долгосрочные инвестиции.

Изучение взаимосвязи экономических кризисов, электорально-го поведения и популистской динамики невозможно без обращения к разработанной в политической экономии концепции электорального цикла. Данная теория объясняет, каким образом предвыборные и послевыборные периоды влияют на макроэкономическую политику и в конечном счете отражаются на устойчивости демократических институтов. Согласно классическим моделям, заложенным в трудах У. Нордхауса и развитым позднее в исследованиях Р. Франзезе, электоральные и партийные циклы формируют систематические колебания в экономической политике, направленные на извлечение краткосрочной электоральной выгоды за счет долгосрочной макроэкономической устойчивости [19].

Ключевая идея этой теории заключается в том, что правящие элиты, стремясь сохранить власть, используют инструменты фискальной и монетарной политики в качестве средства влияния на массовые предпочтения. Предвыборный этап, как правило, характеризуется ростом государственных расходов, смягчением кредитной политики, расширением социальных трансфертов. Подобные меры создают видимость благополучия, укрепляют текущую поддержку власти и снижают протестный потенциал. Однако после выборов скрытые дисбалансы становятся очевидными: возникает инфляционное давление, увеличивается дефицит бюджета, падает доверие к институтам власти. Таким образом, политический бизнес-цикл воспроизводит парадокс: что усиливает власть здесь и сейчас, одновременно подтачивает ее устойчивость в будущем.

А. Дразен, суммируя двадцатипятилетнюю эволюцию исследований политического бизнес-цикла, отмечает, что если первоначально внимание было сосредоточено преимущественно на монетарных инструментах, то в дальнейшем ключевым элементом анализа стала именно фискальная политика. Это объясняется тем, что именно перераспределительные меры воспринимаются обществом как конкретный и зримый результат деятельности правительства. В условиях кризиса логика усиливается: снижение доходов, рост безработицы и социальная нестабильность делают группу населения особенно восприимчивыми к обещаниям прямой поддержки, что расширяет пространство для популистской мобилизации и усиливает краткосрочную эффективность электоральных манипуляций [19]. В пропорциональных системах циклы выражены слабее, но зато здесь выше вероятность институционализации популистских партий, которые используют кризисные периоды для закрепления своего влияния и получения парламентского представительства [20].

Российский опыт демонстрирует специфику, отличающую его от типичных западных моделей. По наблюдениям М. Борисовой, в постсоветский период циклическая динамика экономики стала не просто фоном для выборов, но и частью политической стратегии. Правительство регулярно использует инструменты прямого перераспределения: повышение заработных плат в государственном секторе, индексацию пенсий, расширение социальных льгот, увеличение бюджетных трансфертов в предвыборные периоды. Эти меры создают эффект «электоральной стабильности», сглаживая последствия кризисов и укрепляя позиции власти. При этом долгосрочные институциональные реформы оказываются на втором плане, что ведет к закреплению управляемого характера электоральных циклов [22].

Особенно ярко это проявилось в ходе кампаний середины 1990-х годов. Как отмечает О. Кочеткова, выборы 1995–1996 гг. стали примером того, как экономические факторы напрямую влияли на электоральное поведение. Динамика доходов, инфляция, доступность базовых товаров и социальная политика правительства определяли настроения общества. Несмотря на социально-экономический спад и кризис доверия к реформам, правящие элиты сохранили власть благодаря комбинации перераспределительных мер и активного использования популистской риторики. При этом ключевой аргумент кампании строился на образе «стабильности» и противопоставлении его угрозе хаоса в случае прихода оппозиции [23].

Применение концепции электорального цикла к российскому контексту позволяет выделить несколько характерных черт. Во-первых, кризис здесь трактуется не столько как угроза политическому режиму, сколько как дополнительный ресурс его укрепления. Углубление социально-экономических противоречий дает возможность правительству позиционировать себя в качестве единственного защитника национальной стабильности, тем самым снижая электоральные риски даже при падении уровня жизни. Во-вторых, предвыборные манипуляции не ограничиваются экономическими мерами, но дополняются управлением информационной повесткой. Экономические трудности объясняются воздействием внешних факторов, мировыми кризисами, санкциями, геополитической напряженностью, тогда как коррек-

тирующие шаги правительства интерпретируются как результат заботы о гражданах.

В результате электоральные циклы в России приобретают многоуровневый характер. На поверхности они действительно воспроизводят классическую модель: рост расходов и социальных выплат перед выборами, за которыми следует ужесточение в поствыборный период. Но на глубинном уровне кризисные явления становятся элементом стратегического управления. Популизм здесь выступает не только как способ краткосрочной мобилизации электората, но и как инструмент воспроизводства институциональной конструкции власти. Это отличает российский случай от демократий, где экономический кризис чаще вызывает электоральную ротацию.

Именно поэтому в отечественном контексте можно говорить о «управляемом электоральном цикле», при котором кризис не разрушает систему, а способствует ее консолидации. Манипуляция ожиданиями, перераспределение ресурсов и контроль над повесткой позволяют власти интегрировать кризис в собственную стратегию, превращая его в прогнозируемый элемент политического процесса.

Таким образом, анализ теории электорального цикла в контексте кризисов выявляет двойственную природу популистских процессов. С одной стороны, кризис усиливает запрос на немедленные решения и повышает результативность популистской мобилизации. С другой, институциональная среда определяет траекторию последствий: от смены партий у власти в развитых демократиях до воспроизводства управляемого популизма в переходных режимах. В обоих случаях кризис функционирует не только как фактор усиления популизма, но и как механизм трансформации политической системы через призму электорального поведения [22, 23].

Рассмотрение электорального цикла через призму кризисов фиксирует взаимосвязь между экономическими потрясениями и популистскими стратегиями в рамках отдельных кейсов. Однако для полноты картины необходимо выйти за пределы узко институционального анализа и оценить кризис как универсальный фактор, формирующий политическую динамику на национальном и международном уровнях. Такой подход позволяет перейти к общим выводам исследования.

Проведенный анализ подтверждает, что экономический кризис является не просто фоном для политических процессов, но и ключевым предопределяющим фактором усиления популизма в различных его формах. В условиях резкого ухудшения социально-экономических показателей кризис создает питательную среду для антиэлитарной мобилизации, перераспределительной риторики и радикализации электоральных настроений. Он также способствует формированию новых политических альянсов, способных разрушить традиционные партийные конфигурации и вывести на политическую арену акторов, ранее находившихся на периферии.

Особое значение приобретает фактор международной среды. Практика последних лет (2024–2025) показывает, что без встроенных ограничителей и внешних механизмов контроля кризисная популистская повестка нередко приводит к сокращению политической конкуренции, подрыву баланса ветвей власти и ослаблению независимых институтов. В то же время в ЕС нарабатан опыт правовых и финансовых инструментов давления, позволяющих ограничивать разрушительный потенциал популистской политики и формировать пространство для конструктивных реформ.

Перспективы будущих исследований видятся в изучении того, как кризисы различной природы, финансовые, миграционные, климатические, влияют на эволюцию популизма и трансформацию демократических институтов. В условиях глобальной нестабильности именно сочетание национальных особенностей и международных трендов определяет, станет ли популизм инструментом адаптации и обновления или фактором деградации и авторитарного дрейфа.

В результате ключевой задачей для демократических систем в условиях кризиса остается формирование устойчивых институтов, способных канализировать запрос на перемены в конструктивное русло. Решение этой задачи требует сочетания политической гибкости, прозрачного экономического управления и стратегической коммуникации, способной конкурировать с упрощенными, но эмоционально сильными популистскими нарративами.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что современный электоральный процесс в России представляет собой гибридную институциональную конструкцию, сочетающую формальную стабильность с признаками содержательной неустойчивости. Выборы сохраняют ключевую роль в воспроизводстве легитимности политического режима, однако в значительной степени утрачивают функцию адаптации системы к меняющимся общественным запросам.

Исследование показывает, что институционализация электоральных процедур в постсоветский период сопровождалась сокращени-

ем реальной политической конкуренции и трансформацией выборов из механизма обновления власти в инструмент подтверждения лояльности существующему порядку. Это обусловило рост электоральной пассивности, деполитизацию значительной части общества и формирование модели «символического участия», при которой акт голосования не воспринимается гражданами как действенный способ влияния на политические решения.

Цифровизация электоральных процессов, несмотря на расширение технической доступности участия, не устранила дефицит доверия, а во многом усилила его, сместив контроль над выборами в технократическую и малопрозрачную сферу. Экономические кризисы и связанные с ними популистские практики дополнительно усилили управляемый характер электоральной адаптации, при котором кризис используется не как стимул институционального обновления, а как ресурс политической консолидации.

В итоге российский электоральный процесс демонстрирует ограниченную адаптивность: он устойчив в процедурном отношении, но слабо реагирует на социокультурные и экономические трансформации. Преодоление данного противоречия требует не только корректировки избирательного законодательства, но прежде всего формирования новой культуры участия, восстановления доверия к институтам и расширения реальных каналов общественно-политического диалога. Именно в этом направлении лежат ключевые перспективы дальнейшей эволюции электоральной системы и демократических практик в России.

Литература

1. Константинова К.С., Смирнова А.А. Повышение избирательной активности граждан и развитие демократического общества // Новый юридический вестник. – 2022. – № 6 (39). – С. 5–7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/9/archive/238/7818>
2. Касаткина А.А. Избирательная пассивность и распад общества // Актуальные исследования. – 2024. – № 39 (221). – С. 44–46. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apni.ru/article/10108-elektoralnaya-passivnost-i-dezintegraciya-obshchestva>
3. Борисов И.Б. Вмешательство в национальные выборы как сопутствующий фактор демократических процессов в глобальном мире // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 3. (21). – С. 107–124. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rcioit.ru/upload/iblock/7d1/icjeaxvfnbk5becgwjbx9x568jri9ehov/Вмешательство%20в%20национальные%20выборы%20как%20сопутствующий.pdf>
4. Медушевский А.Н. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе // Вестник общественного мнения. – 2017. – № 1–2 (124). – С. 28–47.
5. Рябов А. Парадоксы современного популизма: причины его подъема в развитых демократиях и отсутствия на постсоветском пространстве // Вестник общественного мнения. – 2017. – № 1–2 (124). – С. 48–56.
6. Белинский А.В. «Восстание против элит»: всплеск правого популизма в Западной Европе // Актуальные вопросы Европы. – 2018. – № 2. – С. 14–36.
7. Валле Р. Демократия «чужда»: итальянский популизм в исторической перспективе // Актуальные вопросы Европы. – 2019. – № 2. – С. 121–140.
8. Фишман Л. Г. О перспективах левого популизма в России // Парадигмы и процессы. – 2018. – № 31(2). – С. 149–158.
9. Агаев М.А. Проблема популистских настроений в контексте политических процессов в современной Европе // Полилогос. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 1–24.
10. Бирюков С.В., Барсуков А.М. Италия 2018: Триумф популизма и перспективы преодоления политического кризиса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Региональные исследования. Международные отношения. – 2019. – Том 24, № 3. – С. 191–204.
11. Винокур Н. Венгрия может потерять еще больше средств ЕС в связи с возможными изменениями бюджетных правил. – [Электронный ресурс]. – POLITICO, 14.05.2025. – Доступно по адресу: <https://www.politico.eu/article/hungary-eu-commission-funding-budget-michael-mcgrath-rule-of-law/>
12. Euractiv. Суд ЕС ставит под сомнение законность польской судебной реформы. – [Электронный ресурс]. – 19.11.2019. – Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/eu-court-puts-legality-of-polish-court-reform-in-doubt/>
13. Фраймарк К. Германия: контрразведка классифицирует «Альтернативу для Германии» как экстремистскую партию. – [Электронный ресурс]. – OSW, 05.05.2025. – Режим доступа: <https://www.osw>

waw.pl/en/publikacje/analyses/2025-05-05/germany-counterintelligence-designates-afd-extremist-party

14. Сазерленд К. Правительство Нидерландов рухнуло после ухода лидера правого крыла Вилдерса. – [Электронный ресурс]. – TIME, 04.06.2025. – Доступно по адресу: <https://time.com/7290828/dutch-government-collapse-geert-wilders/>

15. Тимсит А. Лидер антииммигрантского движения уходит из голландского кабинета министров, свергая правительство. – [Электронный ресурс]. – The Washington Post, 03.06.2025. – Доступно по адресу: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/06/03/geert-wilders-pvv-exits-coalition-netherlands/>

16. Ахльшведе Э. Немецкий суд признал, что крайне правая партия AfD преследует цели «против демократии». – [Электронный ресурс]. – Reuters, 13.05.2024. – Доступно по адресу: <https://www.reuters.com/world/europe/german-court-upholds-extremist-classification-far-right-party-2024-05-13/>

17. Financial Times. Уроки и ограничения шоковой терапии Милеи. – [Электронный ресурс]. – 07.08.2025. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/8af38ca8-474f-47a8-b1e2-1040e7002d71> (дата обращения: 18.08.2025).

18. Альбе И., Марчак Дж. Первый год Милеи заканчивается оптимизмом. Сможет ли Аргентина сохранить свой импульс в 2025 году? – [Электронный ресурс]. – Atlantic Council, 24.12.2024. – Режим доступа: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/mileis-first-year-ends-with-optimism-can-argentinas-momentum-continue-in-2025/>

19. Франзезе Р. Дж. мл. Электоральные и партийные циклы в экономической политике и результатах // Ежегодный обзор политической науки. – 2002. – Том 5. – С. 369–421. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev.polisci.5.112801.080924>

20. Дражен А. Политический деловой цикл спустя 25 лет // Ежегодник макроэкономики NBER 2000, том 15, редакторы Бен С. Бернанке и Кеннет Рогофф. – 2001. – Глава (стр. 75–138). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nber.org/chapters/c11055>

21. Перссон Т., Табеллини Г. Отличаются ли избирательные циклы в разных политических системах? // Рабочий документ IGIER. – 2003. – № 232. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://repec.unibocconi.it/igier/igi/wp/2003/232.pdf>

22. Борисова М.К. Избирательные циклы и экономическая политика в постсоветской России: историография проблемы // Вестник Саратовского университета. Ноябрь. 2012.

THE ELECTORAL PROCESS IN RUSSIA: INSTITUTIONAL STABILITY AND ADAPTATION CRISIS

Rodionova M.E., Kulakova N.N., Zolotareva K.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the current electoral process in Russia through the lens of institutional and sociocultural factors. By examining elections not only as a formal procedure for legitimizing power but also as a mechanism for political adaptation, the author reveals the dual nature of the Russian electoral system. On the one hand, it represents a stable and technologically well-established institutional infrastructure that ensures the regular conduct of elections and the formal observance of democratic norms. On the other hand, a gap persists between procedural stability and substantive legitimacy, manifested in limited political competition, declining civic engagement, and growing electoral passivity. This article analyzes the causes of the depoliticization of the electorate, the phenomenon of «symbolic participation,» and the consequences of the digitalization of elections, which, while expanding the technical accessibility of voting, simultaneously generates a crisis of confidence in electoral results. Particular attention is paid to the impact of economic crises and populist rhetoric on the transformation of electoral behavior and the political agenda. It is concluded that the Russian electoral process operates within the logic of managed adaptation, ensuring the institutional stability of the political regime but limiting its capacity for flexible renewal and genuine dialogue between society and the government.

Keywords: electoral process in Russia, political adaptation, institutional stability, democratic legitimacy, limited political competition, electoral passivity, digitalization of elections, digital distrust.

References

1. Konstantinova K. S., Smirnova A.A. Increasing the Electoral Activity of Citizens and the Development of a Democratic Society // *Novyi Yuridicheskiy Vestnik*. – 2022. – № 6 (39). – Pp. 5–7. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://moluch.ru/th/9/archive/238/7818>
2. Kasatkina A.A. Electoral Passivity and the Disintegration of Society // *Actual Research*. – 2024. – № 39 (221). – Pp. 44–46. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://apni.ru/article/10108-elektoralnaya-passivnost-i-dezintegraciya-obshestva>
3. Borisov I.B. Interference in National Elections as an Accompanying Factor of Democratic Processes in the Global World // *Grazhdanin. Elections. Power*. – 2021.
3. (21). – P. 107–124. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.rcoit.ru/upload/iblock/7d1/icjeaxvfnbk5becgwjyb9x568jri9ehov/Вменательство%20в%20национальные%20выборы%20ка%20сопходящий.pdf>
4. Medushevsky A.N. Populism in the West and in Russia: Similarities and Differences in Comparative Perspective // *Herald of Public Opinion*. – 2017. – № 1–2 (124). – P. 28–47.
5. Ryabov A. Paradoxes of Modern Populism: Reasons for Its Rise in Developed Democracies and Absence in the Post-Soviet Space // *Herald of Public Opinion*. – 2017. – № 1–2(124). – P. 48–56.
6. Belinsky A.V. «Revolt against the Elites»: The Surge of Right-Wing Populism in Western Europe // *Current Issues of Europe*. – 2018. – № 2. – P. 14–36.
7. Valle R. Democracy of the «Miracle»: Italian Populism in Historical Perspective // *Current Issues of Europe*. – 2019. – № 2. – P. 121–140.
8. Fishman L.G. On the Prospects of Left-Wing Populism in Russia // *Paradigms and Processes*. – 2018. – № 31(2). – P. 149–158.
9. Agaev M.A. The Problem of Populist Attitudes in the Context of Political Processes in Modern Europe // *Polylogos*. – 2021. – Vol. 5, № 1. – Pp. 1–24.
10. Biryukov S.V., Barsukov A.M. Italy 2018: The Triumph of Populism and Prospects for Overcoming the Political Crisis // *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. – 2019. – Vol. 24, № 3. – Pp. 191–204.
11. Vinocur N. Hungary Stands to Lose More EU Funds Under Possible Budget Rule Changes. – [Electronic resource]. – POLITICO, 14.05.2025. – Available at: <https://www.politico.eu/article/hungary-eu-commission-funding-budget-michael-mcgrath-rule-of-law/>
12. Euractiv. EU court puts legality of Polish court reform in doubt. – [Electronic resource]. – 19.11.2019. – Access mode: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/eu-court-puts-legality-of-polish-court-reform-in-doubt/>
13. Frymark K. Germany: counterintelligence designates the AfD as an extremist party. – [Electronic resource]. – OSW, 05.05.2025. – Access mode: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2025-05-05/germany-counterintelligence-designates-afd-extremist-party>
14. Sutherland C. Dutch Government Collapses After Right-Wing Leader Wilders Walks Out. – [Electronic resource]. – TIME, 04.06.2025. – Available at: <https://time.com/7290828/dutch-government-collapse-geert-wilders/>
15. Timsit A. Anti-immigrant leader quits Dutch cabinet, toppling government. – [Electronic resource]. – The Washington Post, 03.06.2025. – Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/06/03/geert-wilders-pvv-exits-coalition-netherlands/>
16. Ahlswede E. German court finds far-right AfD pursues goals «against democracy». – [Electronic resource]. – Reuters, 13.05.2024. – Available at: <https://www.reuters.com/world/europe/german-court-upholds-extremist-classification-far-right-party-2024-05-13/>
17. Financial Times. Lessons and Limits from Milei's Shock Therapy. – [Electronic resource]. – 07.08.2025. – Access mode: <https://www.ft.com/content/8af38ca8-474f-47a8-b1e2-1040e7002d71> (accessed: 18.08.2025)
18. Albe I., Marczak J. Milei's First Year Ends with Optimism. Can Argentina's Momentum Continue in 2025? – [Electronic resource]. – Atlantic Council, 24.12.2024. – Access mode: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/mileis-first-year-ends-with-optimism-can-argentinas-momentum-continue-in-2025/>
19. Franzese R.J. Jr. Electoral and partisan cycles in economic policies and outcomes // *Annual Review of Political Science*. – 2002. – Vol. 5. – P. 369–421. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev.polisci.5.112801.080924>
20. Drazen A. The Political Business Cycle After 25 Years // *NBER Macroeconomics Annual 2000*, Volume 15, editor(s) Ben S. Bernanke and Kenneth Rogoff. – 2001. – Chapter (pp. 75–138). – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.nber.org/chapters/c11055>
21. Persson T., Tabellini G. Do Electoral Cycles Differ Across Political Systems? // *IGIER Working Paper*. – 2003. – № 232. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://repec.unibocconi.it/igier/igi/wp/2003/232.pdf>
22. Borisova M.K. Electoral cycles and economic policy in post-Soviet Russia: historiography of the problem // *Bulletin of the Saratov University*. Nov. 2012.

Строкова Татьяна Алексеевна,

кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева
E-mail: strokova_tatyana@mail.ru

Введение. Термин «политический газлайтинг» вошел в научный оборот и получил распространение совсем недавно. Активно его начали использовать в политической науке в конце второго десятилетия XXI в. Политический газлайтинг представляет собой популярную стратегию манипулирования политическим сознанием, которую успешно применяют современные политики. *Цели и задачи.* Целью данного исследования является рассмотрение сущностных аспектов феномена «политического газлайтинга» как одной из стратегий политического манипулирования. Задачи заключаются в том, чтобы соотнести категории «политическое манипулирование» и «политический газлайтинг» и продемонстрировать используемые приемы политического газлайтинга. *Методы.* В исследовании использованы следующие методы: системный и структурно-функциональный. *Результаты.* В исследовании описан политический газлайтинг как неотъемлемая часть современных политических технологий, которая активно применяется политиками как на государственном уровне, так и международном. *Выводы.* Политический газлайтинг представляет собой одну из стратегий скрытого политического манипулирования и имеет разные цели и задачи и включает широкий спектр тактик, направленных на управление и доминирование в политике, ослаблении своих оппонентов, выставлении неприглядном свете, искажение действительности.

Ключевые слова: газлайтинг, политический газлайтинг, манипулирование, политическое манипулирование.

Современная политика является непростым и весьма многогранным явлением, которое связано с целенаправленной деятельностью различных индивидов, социальных групп и социальных общностей, классов и иных политических акторов в сфере завоевания, удержания, организации и использования политической и государственной власти, управления социальными процессами и государством в целом, направленную в том числе на реализацию своих интересов. Данная деятельность связана с применением широкого спектра манипуляционных методов для достижения своих целей.

Вопросы, технологии и способы применения манипулирования, в том числе и политического, на протяжении не одного десятилетия находятся в сфере изучения политической науки и многих ученых, начиная с трудов Н. Макиавелли, Г. Лебона, Х. Ортега-и-Гассета, Г. Лассуэла, Г. Шиллера, Т. Адорно, Д. Колемана и др. В отечественной политической мысли стоит выделить работы С.Г. Кара-Мурзы, Е.Л. Доценко, Ю.А. Ермакова, Пугачева В.П. и других.

Термин «манипуляция» является междисциплинарным и входит в категориальный аппарат многих дисциплин социально-гуманитарной, экономической и психологической направленности. В зависимости от сферы применения понятию «манипуляция» дается определение. Среди ученых нет единой концепции к трактовке данной категории, не смотря на достаточную изученность и актуальность исследований в современных реалиях общественной жизни. Как отмечает Г.И. Колесникова «ученые, исследующие манипуляцию, расходясь в трактовках этого феномена, сходятся в двух параметрах, отличающих манипуляцию от всех иных воздействий, – скрытый, тайный характер воздействия и отсутствие учета интереса другой стороны, то есть общение происходит исключительно из корыстных мотивов» [5, С. 5]. Исходя из анализа существующих подходов к определению дефиниции «манипуляция», можно выделить следующие элементы: наличие субъекта-актора манипулятивного воздействия и объекта, на которого направлено это воздействие (в качестве объекта может выступать индивид, социальная группа, класс, общество в целом, государство или коалиция государств); скрытой цели; различные методы, средства и схемы принуждения для достижения желаемого поведения объекта воздействия. Манипуляции чаще всего носят скрытый характер и направлены на влияние на сознание адресата, в отношении которого применялись манипулятивные техники, и управления им, в том числе на подавление истинной воли.

Манипулирование встречается в различных сферах жизни общества. Достаточно часто применяется в том числе и в политической сфере жизни общества. Термин «политическое манипулирование» связан с активным использованием широкого спектра различных приемов скрытого влияния и воздействия на население, чтобы добиться конкретной модели политического поведения, заставить действовать определенным образом или бездействовать, и направлен на реализацию своих целей, программных задач. С помощью технологий политического манипулирования формируют политическое сознание граждан. Зачастую политическое манипулирование может быть сопряжено с методами политического обмана. Ярким примером политического манипулирования является формирование электорального поведения граждан в период предвыборных компаний.

Политическое манипулирование включает в себя, как упоминалось выше, многообразие различных методов, техник и приемов, которые постоянно пополняются, в том числе из других отраслей науки. Одним из таких приемов, связанным с психологическим манипулированием, в последнее время стала категория «газлайтинг», которая сейчас активно применяется и в политике.

Чтобы лучше понять сущность данного явления, нужно изучить генезис и сущностные аспекты дефиниции «газлайтинга» как такового в целом и применительно к политике.

О данном феномене заговорили в 40-е годы XX столетия, что было связано с выходом пьесы П. Гамельтона «Газовый свет», после экранизации которой в обыденной жизни и затем в психологической практике вошел в обиход и закрепился термин «газлайтинг», название которого произошло от английского *gaslight*. Сюжетная линия данного фильма построена на психическом давлении и манипулировании сознанием главной героини её супругом, который пытается внушить ей неправдоподобность происходящего, выставляя героиню психически нездо-

ровой. Таким образом, газлайтинг представляет собой одну из форм манипуляций и некоего психологического насилия над сознанием человека, обмана, при которых объекту воздействия (жертве) внушается сомнение в собственных воспоминаниях, адекватности собственных мыслей и чувств, искажается действительность, манипулятором отрицаются произошедшие факты и навязывается чувство вины, обесцениваются слова, действия, переживания и достижения жертвы, которая становится неуверенной, беспомощной и даже эмоционально нестабильной, что делает её идеальным объектом для управления и дальнейшего контроля. При этом методы, которые использует газлайтер в отношении своей жертвы относятся к скрытому контролю и имеют обманной характер, не всегда могут быть связаны с агрессией. Часто психологическое давление происходит в ласковой форме под видом заботы.

В научный оборот термин «газлайтинг» вошел в 60-е гг. XX в., когда появились первые научные труды в психиатрической, а затем и психологической областях научного знания. В политической науке данная дефиниция начала использоваться в конце второго десятилетия XXI столетия после 2016 г., когда феномен газлайтинга приобрел массовую популярность в обществе.

Политический газлайтинг, как отмечают Д.Б. Литвинцев и Г.П. Литвинцева, «представляет собой особую угрозу демократической политике. Подобный газлайтинг, вынуждающий сомневаться в источниках своих доказательств, создает дилемму для граждан, которым приходится выбирать между двумя видами политики (Beerbohm and Davis, 2023). Газлайтинг – одна из самых мощных форм политического манипулирования в эпоху политики постправды, поскольку он заставляет своих жертв сомневаться в том, что они знают (Havercroft, 2023). Подобно газлайтингу, политика постправды, вредная для науки и демократии, направлена на разрушение эпистемической автономии путем подрыва чьей-либо уверенности в себе, а также на консолидацию власти»¹, [6, с. 80]. Таким образом, Д.Б. Литвинцев и Г.П. Литвинцева соотносят политический газлайтинг и политику постправды, отмечая их схожесть и деструктивность для демократии, но укрепляющим позиции определенных властных структур или отдельных их элементов, акторов политического процесса путем соответствующих приемов манипулирования. По мнению Д.Б. Литвинцева и Г.П. Литвинцевой, целью политики постправды является подрыв институционального доверия [См.: 6, с. 80], к чему аналогично может привести газлайтинг в политике – к подрыву доверия, расшатыванию политической обстановки, изменчивости политического веса.

Таким образом, политический газлайтинг, по нашему мнению, может предстать в качестве политической стратегии или концепции, заключающейся в манипулировании политическим сознанием и восприятием политической действительности с целью доминирования в политике и укрепления своих властных позиций, ослабления политических оппонентов и усиления влияния противоположных политических сил, контроля над поведением электората и претворения своих политических задач, идей, планов и т.п.

На наш взгляд, к тактикам и техникам газлайтинга, используемого в политической сфере жизни общества, можно отнести следующие:

- дискредитация политического имиджа субъектов политики, политических лидеров, политики государства, подрыв авторитета и т.д.

При применении подобного инструмента часто используется тактика создания образа врага. Как отмечает А.А. Ефанов: «...выделяются как прямая модель дискредитации политического актора (медиаисолитаризация, детальное освещение, комментирование со стороны представителей властной элиты, осуществление ответных политических действий в виде ротаций, увольнений и пр.), так и косвенная (тенденциозность репрезентации со стороны медиаконтролеров, отсутствие комментариев от представителей властной элиты и каких-либо ответных политических действий, но при этом в основе лежит юридический факт – информация о правонарушении, априори дискредитирующая политического актора). В результате неравномерности освещения политических скандалов со стороны телевизионных каналов аудитория преимущественно ориентируется на медиа-повестку поля Интернета, предлагающего поляризацию мнений, в меньшей степени подвергаясь цензурированию» [3, С. 50]. Таким образом, мы видим, что распространенными коммуникативными каналами для применения данной тактики является Интернет и уже в меньшей степени телевидение.

¹ В данном контексте под термином «политика постправды» понимается явление, возникшее в новейшее время и связанное с большим информационным потоком и разнообразием информационных каналов в современной политической культуре, где ставка идет на искажение реальных фактов и событий при формировании общественного мнения и вызывает определенные эмоции у населения. Данная технология активно стала применяться в политике после 2000-х гг.

Чаще всего дискредитация происходит путем обвинений, в том числе ложного характера, оскорблений. Подобный прием активно использовался в избирательной кампании на президентских выборах в США в 2024 г. Так, например, Камала Харрис на одном из своих первых митингов в качестве кандидата от демократической партии в Висконсине назвала Дональда Трампа «мошеником» и рассказала о своей борьбе с подобными «преступниками» в качестве прокурора, чем вызвала позитивные эмоции у толпы присутствующих. Подобные приемы нередко использовал и сам Дональд Трамп в своих агитационных мероприятиях. В частности, ту же Камалу Харрис, он обвинял в хищениях денежных средств на предвыборную кампанию, краже его политических предложений и т.д.

В современной России такой метод часто употребляется в отношении политики СССР, советского государственного и общественного устройства. После распада Советского Союза вновь возникшие либерально-демократические и либеральные силы выступали с критикой социалистических и коммунистических идей, воззрений, советских политических деятелей, их достижений, политики советского государства в целом и функционирования политических институтов.

- уничтожение авторитета, умаление заслуг политической деятельности какого-либо субъекта политических отношений.

Такая стратегия нередко используется в избирательных кампаниях, когда кандидаты на тот или иной пост во власти пытаются уличить действующие должностные лица в нереализованности агитационных обещаний, предвыборных программ, сделанных в предыдущие предвыборные периоды. Сейчас активное применение данной стратегии можно наблюдать на Западе. В России это метод был широко распространен в 90-е годы XX века. Использовался в политических дебатах и полемике, предвыборной борьбе.

- политическая изоляция

С началом проведения специальной военной операции в 2022 году усилилось давление со стороны стран Запада на Российскую Федерацию: вводились новые санкционные пакеты, были заморожены российские активы за рубежом, фактически Россию пытались изолировать в международной политике и общественной жизни, отстранить ее от участия в различных международных саммитах, спортивных соревнованиях и творческих конкурсах. Так, например, Международный саммит мира по разрешению украинского кризиса, состоявшийся в 2024 году в Швейцарии, проходил без участия России. При этом целью данного саммита было обсуждение вопросов, затрагивающих непосредственные интересы Российской Федерации. Это яркий пример политического газлайтинга в сфере международной политики.

- искажение фактов, подмена реальности, политический обман, фальсификация

Данная манипуляция как активное применение газлайтинга связана прежде в современном политическом медиапространстве с «фэйк ньюс» – информационной фальсификацией, которые всё чаще применяются в политике, направленной на конкретных политических деятелей или организации, но и проявляется в международной политике, на межгосударственном уровне. Так называемые фальшивки в политике и в политическом медиапространстве.

- подшучивание, политический сарказм, юмор

Настоящий прием скрытого манипулятивного воздействия достаточно широко распространен и часто используется как самими политическими акторами, так и общественностью с целью выражения своего отношения и своей оценки к политическому обстановке, событиям и политическим деятелям. Сюда можно отнести в том числе и чёрный юмор. Как отмечает С.В. Сакулин: «Одним из видов юмора в целом (в том числе и политического) является чёрный юмор, зачастую выходящий за рамки политкорректности. Феномен чёрного юмора характерен для Д. Трампа как политика» [9, С. 38]. Стоит отметить, что Трамп действительно нередко в своих предвыборных выступлениях высмеивал своих конкурентов.

- перекалывание ответственности

В современной политической деятельности данную стратегию можно встретить довольно часто. Данный прием используют как конкретные политические деятели, чтобы оправдать свои поступки на локальном уровне, так и можно наблюдать в международной политике. Ю.А. Нисневич отмечает: «В качестве субъектов политической ответственности могут выступать различные политические акторы, которые принимают политические решения и совершают политические действия. Политические решения могут приниматься, а действия совершаться как индивидуально (лично), так и коллективно, и, следовательно, могут иметь место как индивидуальные, так и коллективные субъекты политической ответственности» [7, С. 62].

В частности, западноевропейские политики, чтобы оправдать финансирование международного терроризма в виде финансовой под-

держки президента Украины Зеленского, эскалацию украинского кризиса и дальнейшее разжигание конфликта между Россией и Украиной, пытаются выставить Россию страной агрессором, представляющей угрозу для всего мирового сообщества. Президента В.В. Путина западные политики нередко обвиняют в собственных политических промахах и неудачах. Постоянный представитель России при ООН В. Небензя в 2021 году ещё до начала специальной военной операции отметил, что фирменным приемом западных политстратегов является перекалывание ответственности.

Таким образом, политический газлайтинг является широко распространенным явлением в политике и проявляется как набор определенных скрытых манипулятивных действий, направленных на воздействие на политическое сознание, на подавление воли того или иного политического объекта, политический контроль, достижение своих политических целей. Он может применяться как в политической деятельности отдельных политических индивидов и во внутригосударственной политике, так и на межгосударственном уровне. В настоящее время политический газлайтинг часто используют на практике западные политики с целью оказать давление на Россию и ослабить её позиции на международной арене, подчинить своей воле и сделать подвластной.

Литература

1. Гулевич О.А., Калашник П.В. Политический юмор в массовой коммуникации / Гулевич О.А., Калашник П.В. // Социальная психология и общество. – 2023. – Том 14. № 1. – С. 23–37. – DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140102>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2023_n1/Gulevich_Kalashnik (дата обращения: 30.12.2025).
2. Новые теоретические подходы к изучению феномена газлайтинга [Электронный ресурс] / Т.В. Ермолова, А.В. Литвинов, Е.А. Балыгина, О.Е. Чернова // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 1. С. 128–138. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130112>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2024_n1/Ermolova_et_al (дата обращения: 30.12.2025).
3. Ефанов А.А. Модели дискредитации политического актора посредством медиа: социологическое измерение // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – № 3. – 2018. – С. 42–51.
4. Ильченко С.Н. Газлайтинг: трансформация манипуляции от частного к общему в практике современных медиа // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 153–163. DOI: [10.21209/1996-7853-2023-18-3-153-163](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-3-153-163). – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54745656_50257699.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
5. Колесникова Г.И. Манипуляции: техники успешного общения: игры, в которые играют все / Г.И. Колесникова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. – 280.
6. Литвинцев Д.Б., Литвинцева Г.П. (2024). Институциональный газлайтинг: как институты искажают нашу реальность // Journal of Institutional Studies. – Т. 16, № 1. – 74–84. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_65078515_67577645.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
7. Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. – 62–74 – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19413737_66827828.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

8. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. с. 294

9. Сакулин С.В. Политический юмор – актуальная технология убеждающей коммуникации // Постсоветский материк. № 4. 2021. – с. 32–53 – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47299901_73731362.pdf (дата обращения: 05.01.2026)

ON THE QUESTION OF POLITICAL GASLIGHTING AS A STRATEGY OF POLITICAL MANIPULATION

Strokov A.T.A.

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

Introduction. The term “political gaslighting” has entered scientific circulation and has become widespread quite recently. It was actively used in political science at the end of the second decade of the 21st century. Political gaslighting is a popular strategy for manipulating political consciousness, which is successfully used by modern politicians. *Goals and objectives.* The purpose of this study is to consider the essential aspects of the phenomenon of “political gaslighting” as one of the strategies of political manipulation. The objectives are to correlate the categories of “political manipulation” and “political gaslighting” and demonstrate the techniques of political gaslighting used. *Methods.* The following methods were used in the study: systemic and structural-functional. *Results.* The study describes political gaslighting as an integral part of modern political technologies, which is actively used by politicians both at the state and international levels. *Conclusions.* Political gaslighting is one of the strategies of covert political manipulation that has different goals and objectives and includes a wide range of tactics aimed at controlling and dominating politics, weakening their opponents, exposing them in an unsightly light, and distorting reality.

Keywords: gaslighting, political gaslighting, manipulation, political manipulation.

References

1. Gulevich O. A., Kalashnik P.V. Political Humor in Mass Communication / Gulevich O.A., Kalashnik P.V. // Social Psychology and Society. – 2023. – Vol. 14. No. 1. – P. 23–37. – DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140102>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2023_n1/Gulevich_Kalashnik (date of access: 12/30/2025).
2. New Theoretical Approaches to the Study of the Phenomenon of Gaslighting [Electronic resource] / T.V. Ermolova, A.V. Litvinov, E.A. Balygina, O.E. Chernova // Modern Foreign Psychology. 2024. Vol. 13. No. 1. Pp. 128–138. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130112>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2024_n1/Ermolova_et_al (Accessed: 30.12.2025).
3. Efanov A.A. Models of Discrediting a Political Actor through Media: Sociological Dimension // News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics. – No. 3. – 2018. – Pp. 42–51.
4. Ilchenko S.N. Gaslighting: Transformation of Manipulation from the Particular to the General in the Practice of Modern Media // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 4. Pp. 153–163. DOI: [10.21209/1996-7853-2023-18-3-153-163](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-3-153-163). – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54745656_50257699.pdf (accessed: 25.01.2025).
5. Kolesnikova G.I. Manipulations: Techniques of Successful Communication: Games Everyone Plays / G.I. Kolesnikova. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2011. – 280.
6. Litvintsev D.B., Litvintseva G.P. (2024). Institutional Gaslighting: How Institutions Distort Our Reality // Journal of Institutional Studies. – V. 16, No. 1. – 74–84. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_65078515_67577645.pdf (date of access: 25.12.2025).
7. Nisnevich Yu.A. Political responsibility: institutional formulation of the problem // Polis. Political studies. 2013. No. 4. – 62–74 – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19413737_66827828.pdf (date of access: 05.01.2026).
8. Ruzhentseva N.B. Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse: Monograph / Ural. state ped. University. – Ekaterinburg, 2004. p. 294
9. Sakulin S.V. Political humor – a relevant technology of persuasive communication // Post-Soviet continent. No. 4. 2021. – Pp. 32–53 – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47299901_73731362.pdf (date of access: 05.01.2026).

Трансформация этноструктуры регионов Российской Арктики в контексте государственной национальной политики

Тамицкий Александр Михайлович,

кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: a.tamitskij@narfu.ru

В статье представлен анализ изменений этнического состава регионов Арктической зоны России с 1989 по 2020 год в контексте эволюции государственной национальной политики. Исследование опирается на данные четырёх Всероссийских переписей населения и типологию этноструктуры Е.Г. Маклашовой. На этой основе выделены четыре типа арктических регионов: с доминирующим системным этносом (Архангельская и Мурманская области, Республика Карелия и Красноярский край), системно-базисный (Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республика Коми), базисно-системный (Республика Саха) Якутия) и полиэтничный (Ямало-Ненецкий автономный округ). Средневзвешенная доля русских (системный этнос) в регионах АЗРФ выросла с 77,9% до 80,8%. Доля базисного этноса увеличилась с 21,0% до 28,6%. При этом численность интегральных этногрупп сократилась более чем вдвое, как и численность структурных этносов, что отражает миграционный отток и ассимиляционные процессы. Доля коренных малочисленных народов, напротив, демонстрирует поступательный рост.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, национальная политика, этнополитика, этноструктура, российская нация.

В последние десятилетия Арктика становится объектом пристального внимания со стороны многих государств мира по геополитическим и экономическим причинам. На территории Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ) проживает порядка 2,38 млн чел., представляющих более 100 национальностей и образующих сложную этнокультурную мозаику. Изменения в этническом составе населения регионов страны могут свидетельствовать о том, как на практике работают декларируемые модели национальной политики и поддержания этнокультурного разнообразия.

Однако остаётся вопрос: как нормативные установки национальной политики соотносятся с реальной динамикой в конкретных регионах? Особенно актуален данный вопрос для регионов российской Арктики, где демографические процессы имеют свою уникальную природу. Исследования фиксируют сокращение населения северных территорий страны в связи с естественной убылью и миграционным оттоком [3, 10]. Этнический состав населения арктических территорий, как правило, анализируется на уровне отдельных регионов АЗРФ [4, 6, 7] либо через сопоставление абсолютных значений представительства этнических групп по данным переписей населения [16, 17].

Вместе с тем сопоставительный анализ, учитывающий политико-правовой статус этнических групп, различия между субъектами и динамику изменений в контексте эволюции государственной политики, требует дальнейшей разработки. Восполнить отчасти данный пробел призвана настоящая статья, цель которой исследовать динамику этноструктуры регионов АЗРФ в 1989–2020 гг. в контексте государственной национальной политики постсоветского периода.

Методология и методы исследования

Исследование опирается на статистические данные четырёх Всероссийских переписей населения: 1989, 2002, 2010 и 2020 годов [1, 2, 5, 9].

Территориально исследование охватывает 9 субъектов РФ или их территории, входящие в Арктическую зону: Архангельская и Мурманская области, три автономных округа (Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий), три республики (Карелия, Коми, Саха) Якутия) и Красноярский край [11, 13].

В основе исследования лежит модель этноструктуры, предложенная Е.Г. Маклашовой [8]. Типология выделяет пять типов этносов с определением их этнополитического статуса: а) системный этнос – русские, как государствообразующий народ; б) базисный этнос – представители структурных этносов и (или) коренных малочисленных народов субъектов РФ, на базе которых определяется их национально-территориальный статус (республики, автономные округа); в) структурные этносы – народы РФ, за исключением системного этноса (тувинцы, хакасы, буряты, алтайцы и другие); г) коренные малочисленные народы (далее – КМН) – этнические группы из Единого перечня КМН РФ [15]; д) интегральные этногруппы – этносы, обладающие суверенным статусом в других государствах и проживающие на территории России (таджики, казахи, армяне и другие).

Для обработки данных переписей мы применяли дескриптивную статистику и сравнительный анализ. Доля этнотипов рассчитывалась для населения, указавшего свою национальную принадлежность в переписи; респонденты «без национальности» (не ответившие на вопрос о национальности, выбравшие вариант «не указано»), исключались из знаменателя. Категория «иная принадлежность» в совокупности ответов не была отнесена к выделенным этнотипам (иные самоопределения) и не приводится в таблицах.

Средневзвешенные доли основных этнотипов в целом рассчитывались по численности населения, указавшего национальную принадлежность в каждом субъекте, которая использовалась в качестве весового коэффициента. Такой подход позволил учитывать различия в масштабах населения регионов и сопоставить изменения структуры на уровне макрорегиона.

Результаты исследования

Данные этноструктур регионов Арктической зоны Российской Федерации в 1989 г. и 2020 г. представлены в Таблице 1. Архангельская область демонстрирует классический пример региона с доминирующим этническим большинством (доминирующий системный тип этноструктуры).

Общая численность населения сократилась за анализируемый период на 37,6% (1569,7 тыс. чел. → 978,9 тыс. чел.). Доля русского населения выросла с 92,13% в 1989 году до 97,74% в 2020-м – увеличение на 5,61 процентных пункта, что говорит об устойчивой консолидации системного этноса.

При этом другие этнические группы заметно сократились. Структурные этносы уменьшились более чем втрое: с 1,48% до 0,50%. Доля коренных малочисленных народов снизилась с 0,47% до 0,05%. Инте-

гральные этногруппы также уменьшились в 4,2 раза: с 5,92% до 1,42%. Конфигурация с выраженной монодоминантой системного этноса потенциально снижает риск этнополитической фрагментации региона, что необходимо учитывать при реализации национальной политики. При реализации национальной политики здесь актуальными становятся инструменты поддержки этнокультурного разнообразия, чем механизмы сглаживания этнополитической напряженности.

Таблица 1. Изменение этноструктуры регионов Арктической зоны Российской Федерации, в 1989 г. / 2020 г., в % (от указавших этническую принадлежность)

Регион	Системный этнос	Базисный этнос	Структурные этносы	КМН	Интегральные этногруппы
Архангельская область	92,1 / 97,7	–	1,5 / 0,5	0,5 / 0,05	5,9 / 1,4
Мурманская область	82,9 / 90,7	–	2,8 / 2,3	0,2 / 0,3	14,1 / 4,9
Ненецкий АО	65,8 / 69,7	11,9 / 18,0	11,8 / 8,3	0,09 / 0,05	10,4 / 2,9
Чукотский АО	86,1 / 54,2	9,5 / 28,3	4,0 / 3,9	0,1 / 8,0	0,3 / 5,3
Ямало-Ненецкий АО	78,0 / 63,1	5,6 / 9,0	14,0 / 12,6	2,0 / 3,0	0,3 / 10,5
Республика Карелия	73,6 / 86,6	10,0 / 5,5	1,0 / 0,7	0,8 / 0,5	14,6 / 5,4
Республика Коми	57,7 / 70,0	23,3 / 22,4	4,9 / 1,9	0,05 / 0,06	14,0 / 4,3
Республика (Саха) Якутия	50,3 / 32,7	33,4 / 55,4	4,0 / 1,9	2,3 / 5,0	10,0 / 5,0
Красноярский край	86,4 / 94,0	–	5,6 / 1,8	0,5 / 0,6	7,6 / 3,4

Мурманская область представляет регион, где доля русского населения является доминантной. Население региона с 1989 года сократилось на 42,6% (1 164,6 тыс. чел. → 667,7 тыс. чел.). Доля русского населения выросла с 82,93% в 1989 году до 90,74% в 2020-м – увеличение почти на 8 процентных пунктов. Это существенный рост, который указывает на усиление позиций системного этноса. Интегральные этногруппы сократились с 14,13% до 4,90%. Вероятно, это связано с миграционным оттоком и естественной убылью населения. При этом структурные этносы остались относительно стабильными, колеблясь в диапазоне 2,3–2,9%. КМН составляют всего 0,28% населения, показатель является достаточно стабильным с 1989 г. при незначительном росте доли за последние 30 лет. Структура с высокой долей системного этноса и сравнительно низким этническим плюрализмом создает условия для реализации модели гражданской интеграции на базе русской доминанты.

Данные переписи свидетельствуют об умеренном сокращении населения Ненецкого автономного округа (далее – НАО, Ненецкий АО) на 23,1% (53,9 тыс.чел. → 41,4 тыс. чел.). НАО демонстрирует системно-базисный тип: базисный этнос (ненцы) стабильно удерживает ~ 18%, системный этнос колеблется в районе 63–70%. Структурные этносы имеют тенденцию к сокращению, интегральные группы утратили влияние (10,38% → 2,90%), что отражает как общие северные тренды депопуляции, так и вымывание временных трудовых мигрантов из ресурсных отраслей. Представленная конфигурация обеспечивает сочетание общероссийской включенности и этнотерриториальной легитимности округа как национально-территориального образования.

Чукотский автономный округ (далее – Чукотский АО) представляет системно-базисный тип этноструктуры с быстрым ростом базисного этноса (чукчи) и снижением доли системного этноса до уровня 54%. Численность населения сократилась на 62,3% за 30 лет (125,8 тыс. чел. → 47,5 тыс. чел.). КМН без базисного этноса устойчиво высоки (~8%), при этом интегральные группы с 2002 года резко сократились (12,04% → 5,34%). Их сокращение говорит о снижении миграционной привлекательности региона для внешних трудовых ресурсов и усилении местных сообществ.

Ямало-Ненецкий автономный округ (далее – ЯНАО, Ямало-Ненецкий АО) является единственным регионом с ростом населения на 36,1% (375,0 тыс. чел. → 510,5 тыс. чел.) за рассматриваемый период. ЯНАО воплощает полиэтничный тип с устойчивостью структурных этносов (~12–14%) и умеренным ростом базисного этноса (ненцы) с 5,58% до 8,95%. Системный этнос резко снизился в 90-е гг. XX в. и после 2002 года наметил восходящую тенденцию. После резкого роста 1989–2002 гг. (0,3% → 20,36%) интегральные группы демонстрируют нисходящий тренд до 10,5% в 2020 г. Такая конфигурация этноструктуры отражает специфический статус ЯНАО как зоны интенсивного ресурсного освоения.

В Республике Карелия сокращение населения составило с 1989 года порядка 32,5% (790,2 тыс. чел. → 533,1 тыс. чел.). Базисный этнос (карелья) имеет тенденцию к уменьшению в общей этноструктуре региона при поступательном росте системного этноса. Интегральные груп-

пы уменьшились почти втрое (14,61% → 5,38%) при незначительном снижении доли КМН. Этноструктура свидетельствует о формировании его доминирующего системного типа.

Численность населения Республики Коми с 1989 года сократилась на 20,4% (1250,8 тыс. чел. → 995,7 тыс. чел.). Республика Коми характеризуется стабильностью базисного этноса (коми) на уровне ~22–25% на фоне роста системного этноса (57,70% → 69,96%). Структурные этносы сократились более чем вдвое (4,87% → 1,94%), интегральные группы уменьшились в 3,3 раза. Тип этносоциума является системно-базисным. Такая архитектура этноструктуры отражает наследие советской индустриализации и притока переселенцев, с одной стороны, и способность базисного этноса сохранять институциональные позиции в региональном социуме – с другой. Сокращение интегральных этногрупп и структурных этносов может свидетельствовать об ослаблении многонационального «советского» слоя и движении к бинарной модели «системный – базисный этнос».

Население Республики Саха (Якутия) в рассматриваемый период сократилось на 9,0% (1094,1 тыс. чел. → 995,7 тыс. чел.). Якутия представляет уникальный доминирующий базисный этносоциум с инверсией доминант: базисный этнос (якуты) вырос с 33,39% до 55,39%, системный этнос снизился с 50,30% до 32,69%. Прочие этнотипы остаются стабильными. Данная динамика коррелирует с активной республиканской политикой по поддержке якутского языка, расширению его присутствия в образовании, медиа и официальной сфере.

Численность населения Красноярского края с 1989 года сократилась на 20,8% (3605,5 тыс. чел. → 2857,0 тыс. чел.). Регион демонстрирует монотонную консолидацию системного этноса при стабильности КМН (на уровне ~0,6%). Структурные этносы сократились втрое (5,58% → 1,81%), интегральные группы уменьшились вдвое. Тип этноструктуры относится к доминирующему системному. В целом Красноярский край иллюстрирует общероссийский тренд на усиление русской монодоминанты, при котором задачи поддержки КМН и регулирования миграции приобретают территориальное измерение.

Обсуждения

Полученные результаты позволяют рассматривать трансформацию этноструктуры регионов российской Арктики как часть эволюции государственной национальной политики постсоветского периода. Сравнение динамики основных этнотипов в 1989–2020 гг. с ключевыми этапами этой эволюции – принятием Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, принятой в 1996 году (далее – Концепция 1996 г.) [14] и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия 2012) [12] – показывает как преемственность, так и новые акценты в управлении межнациональными (межэтническими) отношениями, процессах развития народов, их культур и языков, регулировании этнополитической ситуации в стране.

Для большинства арктических регионов характерен устойчивый тренд: укрепление позиций системного этноса (русских) при росте доли базисных этносов, сокращении интегральных и структурных этно-

сов. Средневзвешенные показатели по АЗРФ с 1989 по 2020 гг. демонстрируют увеличение доли системного этноса с 77,9 до 80,8% и базисного – с 21,0 до 28,6% (См. Таблицу 2). Доля интегральных этногрупп снизилась более чем вдвое. Такая конфигурация близка к общему курсу Стратегии 2012 г. на укрепление общероссийской гражданской идентичности и консолидацию вокруг «многонационального народа Российской Федерации», при сохранении внимания к коренным малочисленным народам и базисным этносам как носителям региональной самобытности.

Таблица 2. Динамика этнотипов в регионах АЗРФ, 1989–2020 гг., средневзвешенная*, в %

Тип этноса	1989	2002	2010	2020	Δ
Системный	77,94	77,78	79,24	80,80	+2,86 п.п.
Базисный	21,00	24,55	25,48	28,59	+7,59 п.п.
Структурные	4,32	3,48	3,16	2,37	-1,95 п.п.
КМН	0,66	1,00	1,21	1,25	+0,59 п.п.
Интегральные	9,35	8,21	6,37	4,18	-5,17 п.п.

* Средневзвешенная доля этнотипа = $[\sum(\text{численность указавших национальность в } i\text{-регионе} \times \text{доля этнотипа в } i\text{-регионе})] / \sum(\text{численность указавших национальность в } i\text{-регионе})$.

Предложенная типология Е.Г. Маклашовой этноструктурных типов регионов даёт возможность соотнести региональные особенности с нормативной рамкой государственной национальной политики. Концепция 1996 г. исходила из плюралистического представления о народах России, подчёркивая равенство их прав и необходимость развития национальных культур и языков. Стратегия 2012 г., акцентировала уже на гражданскую компоненту идентичности и интегрирующую роль «русской культурной доминанты». В этом контексте этноструктура с доминирующим системным этнотипом в Архангельской и Мурманской областях, Республике Карелия и Красноярском крае отражает тенденцию к этнодемографической монодоминанте.

Системно-базисные этноструктуры в Ненецком и Чукотском автономных округах, Республике Коми демонстрируют консоциативную модель этносоциума, где системный и базисный этносы выступают как две опорные группы. В этих случаях базисный этнос обеспечивает этнотерриториальную легитимность национально-территориального статуса субъекта, а системный – включённость в общероссийское политическое и культурное пространство. Такая модель соответствует идее сочетания гражданского единства и поддержки коренных народов, заложенной в Стратегии 2012 г. Тем не менее динамика показывает, что даже в этих субъектах наблюдается рост доли системного этноса и сокращение интегральных и структурных групп за счёт оттока мигрантов и ассимиляционных процессов.

Особый интерес представляет базисно-системный тип Республики Саха (Якутия), где за три десятилетия произошла инверсия доминант: базисный этнос (якуты) стал численно преобладающим, а доля системного этноса существенно снизилась. Это согласуется с линией Концепции 1996 г. на укрепление национально-культурного развития народов и подтверждает возможность сохранения и усиления этнокультурной идентичности народов в условиях федеративного устройства.

Полиэтнический тип Ямало-Ненецкого автономного округа отличается от остальных арктических регионов сохранением значимых долей как структурных, так и интегральных этногрупп при относительно росте базисного этноса. Это отражает специфику округа, ориентированную на привлечение трудовых мигрантов. В терминах Стратегии 2012 г. подобная конфигурация может рассматриваться одновременно и как ресурс (высокий этнокультурный потенциал, межкультурные контакты), и как вызов (риск формирования анклавов, задачи адаптации и интеграции мигрантов). Для такого типа регионов особенно важно развитие инструментов, предусмотренных Стратегией 2012 г.: программ социальной и культурной адаптации, мониторинга межнациональных отношений и подготовки кадров в сфере этнополитического управления.

Наложение модели этнотипов к арктическому контексту показало свою эвристичность, однако имеет ряд ограничений. Типология этносов не всегда адекватно отражает сложность идентичностей в регионах с высокой долей смешанных браков и многокомпонентной самоидентификации. К тому же, данные Всероссийских переписей 2010 и 2020 гг. свидетельствуют о росте числа отказывающихся отвечать на вопрос о национальной принадлежности (2010 г. – максимум 1,4% в НАО, в 2020 г. – максимум 7,5% в ЯНАО). Категория интегральных

этногрупп, будучи важной для учёта трансграничных связей, в переписных данных зачастую «размывается» за счёт переопределения этничности мигрантами второго и последующих поколений.

Выводы

За период 1989–2020 гг. в арктических регионах РФ наблюдается укрупнение доли системного этноса и рост базисных этносов при сокращении структурных и интегральных групп. Доля коренных малочисленных народов растёт поступательно.

Трансформация этноструктуры соотнесена с переходом от Концепции 1996 г., ориентированной на развитие народов и укрепление федерализма, к Стратегии 2012 г., делающей упор на гражданскую идентичность и «русскую нацию». Выявленные тенденции частично согласуются с целями Стратегии 2012 г. – укрепление гражданского единства, поддержка коренных малочисленных народов, интеграция мигрантов, – но не сводятся исключительно к эффектам государственной политики.

Вместе с тем использование данных только четырёх переписей не позволяет разложить изменения по компонентам – естественное движение, миграция, изменение самоидентификации. Качество данных Всероссийской переписи населения 2020/2021 гг. и различия в методологии переписей требуют осторожности при интерпретации динамики, особенно по малочисленным группам.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html (дата обращения: 15.01.2026).
2. Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.01.2026).
3. Дашкевич П. М., Флуд Н.А., Елисева И.И. Демографические и социальные тенденции в российской Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 4. С. 197–222.
4. Дзеглав Е.А. Этномиграционные процессы и социокультурный портрет населения Республики Карелия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 305–310.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года: официальный сайт. URL: https://www.perepis2002.ru/index.html_id=13.html (дата обращения: 15.01.2026).
6. Коломиец О.П. Факторы изменений этнической структуры населения Чукотки // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (47). С. 130–135.
7. Маклашова Е.Г. Трансформация этнической структуры населения Якутии (территориальный срез) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4 (51). С. 98–105.
8. Маклашова Е.Г. Этноструктура в Российской Федерации: этноструктурные типы субъектов Дальневосточного федерального округа // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 9 (99). С. 38–46.
9. Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Государственный комитет РСФСР по статистике. М., 1990. 747 с.
10. Недосека Е. В., Шарова Е.Н., Шорохов Д.М. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 169–189.
11. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 27 июня 2017 г. № 287 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 27. Ст. 4021.
12. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (с изм. от 15 января 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.
13. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (Часть I). Ст. 2136.
14. Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3010.
15. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 (ред. от 18.12.2021) «О Едином перечне коренных малочисленных народов

Российской Федерации» // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/181870/> (дата обращения: 15.01.2026).

16. Соколова Ф.Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 151–164.

17. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Этнический потенциал формирования человеческих ресурсов российской Арктики // Арктика: экология и экономика. 2024. Т. 14. № 2. С. 286–300.

TRANSFORMATION OF THE ETHNIC STRUCTURE OF THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS IN THE CONTEXT OF STATE ETHNIC POLICY

Tamitskiy A.M.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The article presents an analysis of changes in the ethnic composition of Russia's Arctic regions from 1989 to 2020 in the context of the evolution of state national policy. The study is based on data from four All-Russian population censuses and E.G. Maklashova's typology of ethnic structure. On this basis, four types of Arctic regions are identified: those with a dominant systemic ethnic group (Arkhangelsk and Murmansk regions, the Republic of Karelia, and Krasnoyarsk Krai), systemic-based (Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs, the Republic of Komi), base-systemic (the Republic of (Sakha) Yakutia) and poly-ethnic (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). The weighted average share of Russians (systemic ethnic group) increased from 77.9% to 80.8%. The share of the basic ethnic group increased from 21.0% to 28.6%. At the same time, the number of integral ethnic groups has more than halved, as has the number of structural ethnic groups, reflecting migration outflows and assimilation processes. The proportion of indigenous small peoples, on the contrary, is showing steady growth.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, national policy, ethnic policy, ethnic structure, Russian nation

References

1. 2010 All-Russian Population Census // Federal State Statistics Service: official website. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/pere-pis2010/croc/vol11pdf-m.html (accessed: 15.01.2026).

2. 2020 All-Russian Population Census // Federal State Statistics Service: official website. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed: 15.01.2026).

3. Dashkevich P. M., Flud N.A., Eliseeva I.I. Demographic and social trends in the Russian Arctic // North and Market: Formation of Economic Order. 2024. No. 4. Pp. 197–222.

4. Dzheglav E.A. Ethnomigration processes and the sociocultural portrait of the population of the Republic of Karelia // News of the Herzen State Pedagogical University. 2010. No. 126. Pp. 305–310.

5. Results of the 2002 All-Russian Population Census // 2002 All-Russian Population Census: official website. URL: https://www.perepis2002.ru/in-dex.html_id=13.html (accessed: 15.01.2026).

6. Kolomiets O.P. Factors of change in the ethnic structure of the population of Chukotka // Bulletin of Omsk University. Series «Historical Sciences.» 2025. No. 3 (47). Pp. 130–135

7. Maklashova E.G. Transformation of the ethnic structure of the population of Yakutia (territorial cross-section) // Oikoumene. Regional Studies. 2019. No. 4 (51). Pp. 98–105

8. Maklashova E.G. Ethnic structure in the Russian Federation: ethnic structural types of subjects of the Far Eastern Federal District // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2016. No. 9 (99). Pp. 38–46.

9. The National Composition of the Population of the RSFSR: According to the 1989 All-Union Population Census / State Committee of the RSFSR on Statistics. Moscow, 1990. 747 pp.

10. Nedoseka E. V., Sharova E.N., Shorokhov D.M. Declining cities of the Russian Arctic: statistical trends and public discourse on the causes of population outflow // Arctic and North. 2024. No. 54. Pp. 169–189.

11. On Amendments to Decree of the President of the Russian Federation No. 296 of May 2, 2014, «On the Land Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation»: Decree of the President of the Russian Federation No. 287 of June 27, 2017 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 27. Art. 4021.

12. On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025: Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of December 19, 2012 (as amended on January 15, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 52. Art. 7477.

13. On the Land Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 296 of May 2, 2014 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 18 (Part I). Art. 2136.

14. On the Approval of the Concept of the State National Policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 909 of June 15, 1996 (no longer in force) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 3010.

15. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 255 of March 24, 2000 (as amended on December 18, 2021) «On the Unified List of Indigenous Small Peoples of the Russian Federation» // Garant: Information and Legal Portal. URL: <https://base.garant.ru/181870/> (accessed on 15 January 2026).

16. Sokolova F.H. Ethnodemographic processes in the Russian Arctic // Arctic and North. 2015. No. 21. Pp. 151–164.

17. Fauser V. V., Smirnov A.V., Fauser G.N. Ethnic potential for the formation of human resources in the Russian Arctic // Arctic: Ecology and Economy. 2024. Vol. 14. No. 2. Pp. 286–300.

Чжао Юйчжэ,

кафедра публичной политики и истории государства и права,
Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы
E-mail: z8298281@yandex.com

Степанов Сергей Александрович,

профессор
E-mail: stepanov-sa@rudn.ru

С 1990-х годов китайско-российское стратегическое партнерство претерпело значительные изменения и трансформации. От первоначального обозначения как «стратегическое партнерство» до нынешнего статуса «всеобъемлющего стратегического партнерства по сотрудничеству» сфера и глубина двустороннего сотрудничества постоянно расширялись, особенно в экономической, дипломатической и безопасности. По мере сближения политических связей между двумя странами двусторонняя торговая политика Китая и России претерпела соответствующие изменения. Координация политики и стратегическое сотрудничество повысили эффективность и качество торговых потоков. На этом фоне в данной работе рассматривается эволюция китайско-российского стратегического партнерства и анализируется, как оно повлияло на торговую политику обеих стран на различных исторических этапах. В частности, с 2000-х годов усиление экономической взаимодополняемости и продвижение таких инициатив, как «Пояс и путь» и сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза, углубили китайско-российское сотрудничество в области энергетики, инфраструктуры, финансов и других секторах. Эта серия стратегических партнерств оказала глубокое влияние на двустороннюю торговую политику.

Основные цели данного исследования: проанализировать эволюцию китайско-российского стратегического партнерства и изучить, как эти стратегические отношения повлияли на торговую политику обеих стран на разных этапах; исследовать конкретное влияние ключевых областей китайско-российского сотрудничества, таких как сотрудничество в области энергетики и доступ к рынкам, на двустороннюю торговлю. Посредством углубленного анализа этих вопросов данная статья стремится предоставить теоретическую основу для понимания изменений в двусторонней торговой политике Китая и России и предложить ориентиры для оптимизации политики в будущем. Для достижения этих целей в данном исследовании используются анализ литературы, сравнительное исследование и анализ политической экономики. Путем изучения официальных документов и исторических записей о двусторонних отношениях между Китаем и Россией, а также сравнения изменений в торговой политике на разных этапах, в частности влияния стратегического сотрудничества на экономическую политику, исследование направлено на выявление взаимосвязи между стратегическим партнерством и торговой политикой, а также ее последствий для будущего двустороннего экономического сотрудничества. Значение данного исследования заключается не только в демонстрации глубокого влияния китайско-российского стратегического партнерства на торговую политику, но и в предоставлении теоретической поддержки для обоих правительств в целях оптимизации двусторонней торговой политики в будущем. Данное исследование позволяет глубже понять, как стратегическое сотрудничество может способствовать устойчивому росту двусторонней торговли, а также предлагает практические рекомендации по преодолению потенциальных институциональных барьеров в двусторонней торговле.

Ключевые слова: Стратегическое партнерство между Китаем и Россией, двусторонняя торговая политика, стратегическое сотрудничество, экономическое сотрудничество, торговля энергоресурсами, доступ к рынкам, инициатива «Пояс и путь», Евразийский экономический союз, анализ политической экономики, координация торговой политики

Установление современного китайско-российского стратегического партнерства можно проследить с 1990-х годов, после окончания холодной войны [1, С.7–22]. В эпоху холодной войны отношения между Китаем и Советским Союзом находились под сильным влиянием идеологических различий и международной политической обстановки, претерпевая относительно напряженные и сложные изменения. К 1989 году отношения между Советским Союзом и Китаем начали постепенно налаживаться. После распада Советского Союза Россия постепенно стала важным соседом и стратегическим партнером Китая. В начале 1990-х годов, после окончания холодной войны и продвижения экономических реформ в обеих странах, Китай и Россия начали пересматривать свои дипломатические и экономические связи. Официальное подписание Договора о добрососедстве и дружественном сотрудничестве между Россией и Китаем в 1992 году ознаменовало переход от антагонизма эпохи холодной войны к более дружественному и сотрудническому стратегическому партнерству [2, С.68]. В этот период сотрудничество было сосредоточено в основном на экономической сфере и сфере безопасности. В рамках этой структуры обе стороны постепенно установили политическое взаимное доверие и укрепили двусторонние экономические связи. К 1996 году, по мере интенсификации обменов между руководством России и правительством Китая, китайско-российские отношения вступили в новую фазу. В 1997 году президент России Борис Ельцин посетил Китай и подписал важные соглашения, еще более углубив двустороннее сотрудничество. Стратегические отношения, сформированные в этот период, заложили основу для укрепления китайско-российского сотрудничества в XXI веке.

В 2000-х годах быстрое экономическое развитие обеих стран, особенно экономический подъем Китая, способствовало дальнейшему развитию китайско-российского стратегического партнерства. В 2001 году Россия и Китай подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве [3, С.804–827], ознаменовавший переход от традиционного «стратегического партнерства» к «всеобъемлющему стратегическому партнерству в области сотрудничества». Это соглашение не только создало основу для стратегического сотрудничества, но и проложило путь к углублению сотрудничества в экономической, политической, военной и безопасности [4, С.65]. В этот период Россия и Китай заключили ряд соглашений о сотрудничестве в нескольких важных секторах. Энергетическое сотрудничество стало одним из столпов их стратегического партнерства, причем особенно активным было сотрудничество в сфере нефти и газа. Китай стал крупнейшим импортером энергоресурсов из России, а Россия использовала экспорт энергоресурсов в Китай для продвижения своей экономической реструктуризации. Сотрудничество также активизировалось в области развития инфраструктуры, финансового сотрудничества и торговли, в частности, благодаря усилению совместных усилий в трансграничных логистических и инфраструктурных проектах между двумя странами. В конце 2000-х годов запуск инициативы «Пояс и путь» и создание Евразийского экономического союза вывели китайско-российское сотрудничество на более высокий уровень. Китайская инициатива «Пояс и путь» открыла для России новые возможности развития, в частности в области железных дорог, портов и строительства инфраструктуры. Одновременно Россия активно участвовала в региональных механизмах экономического сотрудничества Китая, совместно продвигая процесс евразийской экономической интеграции [5, С.25–33].

Создание и развитие китайско-российского стратегического партнерства было обусловлено как политическими, так и экономическими мотивами [6, С.95–100]. В политическом плане конец холодной войны и последующая международная динамика привели к изменению позиций обеих стран в глобальном и региональном контексте. В частности, сталкиваясь с глобальным доминированием США и дипломатическим давлением со стороны западных стран, Китай и Россия обнаружили, что стратегическое сотрудничество в вопросах глобальной и региональной безопасности может эффективно противодействовать внешнему давлению, одновременно укрепляя их международный авторитет и влияние. В экономическом плане обе страны обладают в значительной степени взаимодополняющими экономическими структурами. Китай, как «фабрика мира», производит огромные количества промышленных товаров, а Россия обладает богатыми запасами энергетических и минеральных ресурсов. Благодаря укреплению сотрудничества

в энергетическом секторе, особенно в сфере нефти, природного газа и угля, обе страны достигли взаимовыгодных экономических результатов. С экономическим подъемом Китая Россия все больше осознает значительный потенциал углубления экономических связей с Китаем. Это стратегическое партнерство сыграло положительную роль в содействии экономической трансформации России, продвижении технологических инноваций и улучшении ее экономической структуры.

Несмотря на все более тесное стратегическое партнерство между Китаем и Россией, в его развитии по-прежнему существуют определенные проблемы. Существуют различия в уровнях экономического развития двух стран, в частности разрыв между экономической структурой России, которая по-прежнему относительно зависит от экспорта энергоресурсов, и экономикой Китая, которая постепенно переходит к ориентации на сферу услуг и высокотехнологичные отрасли. Для преодоления этого разрыва необходимо более диверсифицированное сотрудничество и передача технологий. В политической сфере геополитические факторы, культурные различия и противоречивые экономические интересы также создают проблемы для координации внутренней политики и международных стратегий.

По мере углубления стратегического партнерства между Китаем и Россией в торговой политике обеих стран произошли значительные изменения. В частности, в конце 2000-х годов переход этого партнерства в разряд «всеобъемлющего стратегического партнерства» оказал глубокое влияние на двусторонние и многосторонние торговые рамки. Эта трансформация проявилась в первую очередь в укреплении сотрудничества в рамках международных и региональных институтов, в частности Всемирной торговой организации (ВТО) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где координация политики стала заметно более тесной. После вступления Китая в ВТО в 2001 году он постепенно проводил политику либерализации торговли, а Россия присоединилась к ВТО в 2012 году, начав серию реформ и корректировок в рамках международных торговых правил. На этом фоне обе страны усилили координацию торговой политики посредством двусторонних соглашений и многосторонних рамок. Например, в рамках ВТО они сотрудничали, чтобы совместно противостоять протекционистскому давлению в мировой торговле и продвигать переговоры по соглашениям о свободной торговле. Многосторонний торговый механизм Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) также предоставляет важную платформу для координации торговой политики между двумя странами [7, С.98–109]. В рамках двустороннего сотрудничества Китай и Россия подписали несколько крупных торговых соглашений, включая процесс переговоров о создании зоны свободной торговли между Китаем и Россией. Создание этой зоны свободной торговли направлено на дальнейшее содействие снижению тарифов, доступу к рынкам и упрощению торговли между двумя странами, а также на обеспечение более стабильной и прозрачной торговой среды для предприятий обеих стран. Эти торговые соглашения не только укрепляют двусторонние отношения, но и придают больший потенциал сотрудничеству в глобальной торговой системе.

Сотрудничество в области энергетики, несомненно, является одним из ключевых элементов стратегического партнерства между Китаем и Россией, а торговля энергоресурсами оказывает глубокое влияние на торговую политику обеих стран. Являясь одним из крупнейших потребителей энергии в мире и одним из основных мировых экспортеров энергоресурсов, Китай и Россия значительно скорректировали и оптимизировали свою торговую политику в соответствии с правилами, регулирующими энергетические сделки, благодаря сотрудничеству в этом секторе. Энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией в первую очередь проявляется в торговых соглашениях, касающихся природного газа и нефти. Соглашения России с Китаем о поставках природного газа стали важнейшим компонентом двусторонних торговых отношений. В частности, благодаря проекту газопровода «Сила Сибири» стороны не только установили долгосрочные стабильные отношения сотрудничества в области энергоснабжения, но и способствовали корректировке соответствующей тарифной и инвестиционной политики (Baldwin, 2009). Россия постепенно корректировала свою тарифную политику в области экспорта энергоресурсов при экспорте природного газа в Китай, а Китай адаптировал свою внутреннюю структуру цен на энергоресурсы в ответ на энергетическую ценовую политику России. Рамки сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь» и Евразийского экономического союза также открывают значительные возможности для углубления китайско-российской энергетической интеграции. Участвуя в энергетических проектах, таких как газопровод «Сила Сибири», Китай не только укрепил свою цепочку поставок энергоресурсов, но и продвинул глубокое сотрудничество в области развития инфраструктуры и финансового сотрудничества в рамках энергетического партнерства. Это глубокое сотрудничество

в области энергетики еще больше способствовало координации и синхронизации торговой политики Китая и России, заложив основу для будущего сотрудничества в более широких областях [8, С.380–384].

В рамках китайско-российского стратегического партнерства политическое сотрудничество служит не только основой для двустороннего сотрудничества, но и ключевым фактором, определяющим корректировку торговой политики. Тесное сотрудничество в таких областях, как безопасность и военное оборудование, обеспечивает надежную поддержку для синхронизации изменений в торговой политике. Особенно на фоне все более сложной глобальной обстановки в области безопасности Китай и Россия продвинули скоординированное развитие двусторонней торговой политики путем укрепления политического сотрудничества и совместного противодействия внешнему давлению. По мере углубления политического взаимного доверия между Китаем и Россией координация в области торговой политики постепенно усиливается. Перейдя от первоначальных «политических гарантий» к последующему «реализации политики», две страны постоянно продвигают корректировку и оптимизацию двусторонней торговой политики посредством стратегического сотрудничества. Это сотрудничество выходит за рамки экономической сферы и охватывает множество областей, включая защиту интеллектуальной собственности, доступ к рынкам и трансграничные инвестиции.

Несмотря на заметный прогресс, достигнутый во многих областях в рамках китайско-российского стратегического партнерства, в некоторых аспектах двусторонней торговой политики по-прежнему существуют проблемы и препятствия. В частности, в отношении доступа к рынкам, тарифных барьеров и защиты интеллектуальной собственности между двумя странами по-прежнему существуют явные различия в формулировке политики. Барьеры для доступа к рынкам по-прежнему представляют собой серьезную проблему в рамках их торговой политики. Несмотря на значительные достижения в области энергетического сотрудничества, барьеры для доступа на рынок сохраняются в других секторах, в частности в высокотехнологичных отраслях, машиностроении и производстве потребительских товаров. Эти барьеры часто возникают в результате нетарифных мер, таких как технические стандарты и требования к сертификации продукции. Во-вторых, несмотря на постепенный прогресс в координации тарифной политики, в некоторых секторах, в частности в сельском хозяйстве и производстве промышленных товаров, сохраняются высокие тарифы. Требуются дальнейшие усилия по координации и оптимизации тарифной политики между двумя странами. Защита интеллектуальной собственности также является важной проблемой, требующей срочного решения в рамках китайско-российской торговой политики. Хотя сотрудничество в этой области уже началось, различия в национальных правовых системах по-прежнему создают серьезные проблемы для защиты и обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности [9, С.191–196]. Создание более единого механизма защиты интеллектуальной собственности между двумя странами в целях содействия технологическим инновациям и промышленному сотрудничеству станет ключевым вопросом в будущей оптимизации китайско-российской торговой политики.

Стратегическое партнерство оказывает глубокое и многоплановое влияние на двустороннюю торговую политику между Китаем и Россией. Благодаря многостороннему импульсу, полученному от сотрудничества в политической, экономической и безопасности, две страны укрепили сотрудничество во многих областях и постепенно скорректировали торговую политику, достигнув заметного прогресса, особенно в области энергетического сотрудничества, доступа к рынкам и тарифной политики. Тем не менее, в торговой политике по-прежнему существуют препятствия и проблемы, в частности в отношении доступа к рынкам, тарифных барьеров и защиты интеллектуальной собственности. В будущем обе стороны должны усилить координацию политики, углубить сотрудничество и преодолеть существующие препятствия для поддержания роста двусторонней торговли.

Стратегическое партнерство между Китаем и Россией вступило в новую фазу развития. По мере углубления глобализации и повышения роли обеих стран в мировой экономической системе их сотрудничество сталкивается с новыми вызовами и возможностями. В будущем китайско-российское стратегическое сотрудничество станет более диверсифицированным, особенно в таких новых областях, как наука и технологии, культура и цифровая экономика.

Углубление сотрудничества в области науки, технологий и инноваций

По мере того как Китай и Россия играют все более значительную роль в глобальной экономической системе, сотрудничество в области научных и технологических инноваций станет ключевым направлением

будущего сотрудничества. Китай продемонстрировал быстрый технологический прогресс в таких областях, как искусственный интеллект, 5G и квантовая связь, а Россия обладает значительным техническим опытом в таких секторах, как аэрокосмические и энергетические технологии. В будущем обе страны могут достичь взаимодополняемости в области технологических исследований и разработок, развития инновационных платформ и совместного продвижения высокотехнологических отраслей, что будет способствовать углублению технического сотрудничества (Васильев, 2018).

Цифровая экономика и сотрудничество в области интернета

Как важнейший компонент будущего экономического развития, цифровая экономика станет одним из приоритетных направлений в рамках китайско-российского стратегического партнерства. Лидирующие позиции Китая в этой области открывают широкие возможности для двустороннего сотрудничества. С быстрым развитием таких технологий, как 5G, облачные вычисления, большие данные и искусственный интеллект, Россия также начала уделять приоритетное внимание развитию своей цифровой экономики. В будущем сотрудничество между Китаем и Россией в таких областях, как электронная коммерция, трансграничные платежи, цифровые валюты и искусственный интеллект, будет еще более углубляться (Чжу, 2020). Такое глубокое сотрудничество в области цифровой экономики не только откроет новые рынки для предприятий обеих стран, но и повысит их конкурентоспособность в глобальной цифровой экономике за счет обмена данными и технологического сотрудничества.

Расширение сотрудничества в области культуры и образования

Культурное сотрудничество и межлические контакты составляют еще один важный компонент будущего китайско-российского стратегического партнерства. С продвижением инициативы «Пояс и путь» связи между двумя странами в области культурного обмена и сотрудничества в сфере образования становятся все более прочными. В частности, в области партнерства между университетами, научного обмена и взаимодействия молодежи Китай и Россия могут создать более тесные механизмы культурного сотрудничества, чтобы заложить основу для всестороннего сотрудничества между обществами (Чэн, 2019).

Глобальное управление и общие интересы

По мере развития системы глобального управления Китай и Россия будут играть все более значительную роль в ней. Особенно в таких областях, как изменение климата, правила мировой торговли и общественное здравоохранение, перспективы двустороннего сотрудничества являются обширными. Подход Китая к глобальному управлению в значительной степени совпадает с позицией России по международным вопросам. В будущем две страны будут и далее укреплять сотрудничество в рамках международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций и «Группа двадцати», способствуя реформе и развитию системы глобального управления.

В будущем развитии китайско-российского стратегического партнерства корректировка и оптимизация двусторонней торговой политики будут напрямую влиять на дальнейшее продвижение экономических отношений между двумя странами. По мере того как обе экономики проходят постепенную структурную перестройку, а сотрудничество расширяется на новые области, изменения в двусторонней торговой политике будут все больше соответствовать общим интересам обеих стран.

Институциональные инновации, способствующие более эффективному сотрудничеству

В будущем, в условиях меняющейся глобальной экономической ситуации, Китай и Россия должны развивать более эффективное торговое сотрудничество посредством институциональных инноваций. Это предполагает усиление координации в области тарифной политики, нетарифных барьеров и трансграничных платежей. Например, в таких секторах, как энергетика и минеральные ресурсы, обе стороны могут стать пионерами в области инновационных моделей сотрудничества, способствующих более эффективному использованию ресурсов и сотрудничеству в области энергетики, что позволит снизить торговые трения и повысить эффективность сотрудничества.

Синхронизированное развитие торговой и инвестиционной политики

Дальнейшее развитие двусторонней торговли требует одновременного прогресса в торговой и инвестиционной политике. Обе страны могут

усилить поддержку прямых иностранных инвестиций (ПИИ), содействовать сотрудничеству между транснациональными корпорациями и местными органами власти, а также поощрять долгосрочные корпоративные партнерства в области развития инфраструктуры, энергетики и финансов. В этом процессе обе страны должны дальнейшее упрощение административных процедур, облегчение доступа к рынкам и поощрение предприятий к инвестированию и развитию на рынках друг друга.

Влияние цифровой экономики на рамки торговой политики

С быстрым развитием цифровой экономики будущие рамки китайско-российской торговой политики неизбежно будут формироваться под влиянием цифровых технологий. Установив более четкие политики и правила, обе стороны могут укреплять сотрудничество в таких областях, как цифровые валюты, электронные платежи и трансграничная электронная коммерция.

Потенциальные вызовы и политические меры в области двусторонней торговли:

1. Стабильность и устойчивость в условиях экономических санкций. В последние годы сложная и нестабильная международная политическая обстановка, в частности экономические санкции, введенные западными странами в отношении России, оказали значительное давление на двустороннюю торговлю между Китаем и Россией. На этом фоне поддержание стабильности и устойчивости китайско-российской торговли стало критически важным вопросом. Для решения этой проблемы обе стороны могут усилить координацию в таких областях, как финансовое сотрудничество, платежные системы и трансграничные инвестиции. Это позволит снизить зависимость от западных экономических санкций и укрепить устойчивость торгового сотрудничества.

2. Преодоление торговых барьеров и содействие промышленному сотрудничеству. Хотя сотрудничество в области энергетики и инфраструктуры принесло заметные результаты, в других секторах, особенно в сфере высоких технологий, потребительских товаров и производства, по-прежнему существуют торговые барьеры. Китай и Россия должны активизировать промышленное сотрудничество, содействовать передаче технологий и обмену знаниями, а также способствовать эффективному сотрудничеству в рамках производственных цепочек. Например, в области новых энергетических, экологических и информационных технологий совместные инвестиции и НИОКР могли бы преодолеть узкие места в развитии и направлять двустороннюю торговлю к большей диверсификации.

Стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией имеет глубокие последствия не только для торговой политики обеих стран, но и для глобальной торговой конъюнктуры. По мере того как значение обеих стран в мировой экономике продолжает расти, китайско-российское сотрудничество будет оказывать глубокое влияние на мировые рынки, цепочки поставок энергоресурсов и производственные секторы [10, С. 106–110].

1. Влияние на мировой энергетический рынок. Углубление китайско-российского сотрудничества в области энергетики не только повлияет на экономическое развитие обеих стран, но и окажет значительное влияние на мировой энергетический рынок. Китай, как крупнейший в мире потребитель энергии, и Россия, как крупный мировой экспортер энергии, укрепят свое совместное влияние на мировом энергетическом рынке благодаря сотрудничеству. Их сотрудничество в энергетическом секторе еще больше усилит их коллективное влияние на мировом энергетическом рынке.

2. Влияние на мировые производственные и технологические секторы. По мере углубления сотрудничества между двумя странами в области производства и технологий конкурентная среда в этих глобальных секторах может претерпеть изменения. Сочетание производственных возможностей Китая и технологических инноваций России будет стимулировать перестройку глобальных производственных цепочек, особенно в сфере производства высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью. Благодаря углублению научно-технического сотрудничества обе стороны могут наладить более тесные промышленные партнерские отношения на глобальных рынках, укрепив свои конкурентные преимущества.

3. Формирование глобальных рынков под влиянием политических и экономических факторов. На конкурентоспособность Китая и России на глобальных рынках влияют не только экономические факторы, но и политическое сотрудничество. Их общая позиция по таким важным вопросам, как глобальное управление и изменение климата, может стимулировать реформы в области международных торговых правил, открывая новые возможности для сотрудничества и развития другим странам с развивающейся экономикой.

Заключение

На основе углубленного анализа эволюции китайско-российского стратегического партнерства и его влияния на двустороннюю торговую политику мы пришли к следующим основным выводам:

С 1990-х годов китайско-российское стратегическое партнерство претерпело значительную эволюцию, особенно в плане углубления сотрудничества в экономической, дипломатической и безопасности. После постепенного восстановления двусторонних отношений в конце периода холодной войны подписание в 2001 году Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве ознаменовало начало укрепления сотрудничества на стратегическом уровне, постепенно преобразовав отношения в всеобъемлющее стратегическое партнерство. С началом XXI века китайско-российское сотрудничество активизировалось во многих областях, включая энергетику, развитие инфраструктуры и финансовое сотрудничество. Это тесное партнерство обеспечило надежную поддержку для корректировки и оптимизации торговой политики обеих стран (Baldwin, 2009). По мере углубления китайско-российского стратегического партнерства торговая политика обеих стран претерпела ряд значительных изменений. Координация политики в рамках многосторонних структур, таких как ВТО, переговоры по соглашениям о свободной торговле и постепенное развитие сотрудничества в области энергетики привели к постоянной оптимизации двусторонней торговой политики в отношении тарифов и доступа к рынкам. Эти изменения в политике не только стимулировали рост двусторонней торговли, но и способствовали стратегическому сотрудничеству во многих областях (Shen, 2015). Тем не менее, торговая политика Китая и России по-прежнему сталкивается с определенными препятствиями и проблемами, особенно в отношении доступа к рынкам, тарифных барьеров и защиты интеллектуальной собственности.

В будущем стратегическое партнерство между Китаем и Россией будет углублять сотрудничество в таких новых областях, как технологические инновации, цифровая экономика и глобальное управление. Общие позиции по вопросам глобального управления, особенно сотрудничество в области изменения климата и правил мировой торговли, будут и дальше усиливать влияние обеих стран в мировой экономике. Кроме того, цифровая экономика и технологические инновации откроют новые возможности для сотрудничества, способствуя повышению эффективности и прозрачности двусторонней торговой политики (Zhu, 2020). Несмотря на такие вызовы, как экономические санкции и различия в политике, устойчивое развитие китайско-российских отношений в рамках стратегического партнерства откроет новые перспективы для обеих стран. Преодолев существующие торговые препятствия и продвинув передачу технологий и промышленное сотрудничество, экономическое сотрудничество между двумя странами в ближайшие годы будет развиваться более диверсифицированно и устойчиво.

Таким образом, стратегическое партнерство между Китаем и Россией не только оказало глубокое влияние на двустороннюю торговую политику, но и будет способствовать дальнейшему углублению экономического сотрудничества между двумя странами в будущем, тем самым содействуя сотрудничеству и стабильности в мировой экономике.

Литература

1. Нечай, А. А. (2022). Российско-китайские отношения в 90-х годах XX века. Россия в глобальном мире, (25 (48)), 7–22.
2. Фэн Циншу. (2006). Китайско-российское стратегическое партнерство в области мирного развития. Преподавание и исследования, 冯青淑. (2006). 和平发展中的中俄战略协作伙伴关系. 教学与研究, (6), 68.
3. Ершов, В. Ф. (2019). Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России, 18(4), 804–827.
4. Чикова, А. Е. (2025). Стратегическое партнерство России и Китая в условиях нового мирового порядка Strategic partnership between Russia and China in the context. Россия и мир, (2), 65.
5. Чубаров, И. Г., & Калашников, Д. Б. (2018). «Один пояс-один путь»: глобализация по-китайски. Мировая экономика и международные отношения, 62(1), 25–33.
6. Лин, Ч. (2021). Интеграция инициативы «Один пояс, Один путь» и большого евразийского партнерства: предпосылки, мотивы и приоритеты реализации. Социально-политические науки, 11(1), 95–100.

7. Батунаев, Э. В., & Григорьева, Ю. Г. (2019). Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства. Известия Восточного института, (3 (43)), 98–109.

8. Емегенова, Э., & Хуэй, С. (2019). Китайско-российское энергетическое сотрудничество в контексте альянса «пояс и дорога». Эпоха науки, (20), 380–384.

9. Шуан, Ч. (2023). Проблемы и перспективы экономического сотрудничества России и Китая. Экономика и бизнес: теория и практика, (10–2 (104)), 191–196.

10. Ли, Ю. (2021). Перспективы БРИКС и будущее сотрудничество Китая и России в рамках БРИКС. Актуальные научные исследования в современном мире, (4–5), 106–110.

THE EVOLUTION OF THE CHINA-RUSSIA STRATEGIC PARTNERSHIP AND ITS IMPACT ON TRADE POLICY

Zhao Yuzhe, Stepanov S.A.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Since the 1990s, the China-Russia strategic partnership has undergone significant changes and transformations. From its initial designation as a “strategic partnership” to its current status as a “comprehensive strategic cooperative partnership,” the scope and depth of bilateral cooperation have steadily expanded, particularly in the economic, diplomatic, and security spheres. As political ties between the two countries have become closer, bilateral trade policies have evolved accordingly. Policy coordination and strategic cooperation have improved the efficiency and quality of trade flows. Against this backdrop, this paper examines the evolution of the China-Russia strategic partnership and analyzes how it has influenced the trade policies of both countries at different historical stages. Specifically, since the 2000s, increased economic complementarity and the advancement of initiatives such as the Belt and Road Initiative and cooperation within the Eurasian Economic Union have deepened China-Russia cooperation in energy, infrastructure, finance, and other sectors. This series of strategic partnerships has had a profound impact on bilateral trade policy.

The main objectives of this study are to analyze the evolution of the China-Russia strategic partnership and examine how this strategic relationship has influenced the trade policies of both countries at different stages; and to examine the specific impact of key areas of China-Russia strategic cooperation, such as energy cooperation and market access, on bilateral trade. Through an in-depth analysis of these issues, this paper aims to provide a theoretical foundation for understanding the changes in bilateral trade policies of China and Russia and propose guidelines for optimizing policies in the future. To achieve these objectives, this study utilizes literature review, comparative research, and political economy analysis. By examining official documents and historical records on bilateral relations between China and Russia, and comparing changes in trade policy at different stages, particularly the impact of strategic cooperation on economic policy, the study aims to identify the relationship between strategic partnership and trade policy and its implications for future bilateral economic cooperation. The significance of this study lies not only in demonstrating the profound influence of the Sino-Russian strategic partnership on trade policy but also in providing theoretical support for both governments to optimize bilateral trade policies in the future. This study provides a deeper understanding of how strategic cooperation can promote sustainable growth in bilateral trade and offers practical recommendations for overcoming potential institutional barriers to bilateral trade.

Keywords: China-Russia strategic partnership, bilateral trade policy, strategic cooperation, economic cooperation, energy trade, market access, Belt and Road Initiative, Eurasian Economic Union, political economy analysis, trade policy coordination

References

1. Nechay, A. A. (2022). Russian-Chinese relations in the 1990s. Russia in the global world, (25 (48)), 7–22.
2. Feng Qingshu. (2006). Sino-Russian strategic partnership in the field of peaceful development. Teaching and research, Feng Qingshu. (2006). Sino-Russian strategic partnership in the field of peaceful development. Teaching and research, Feng Qingshu. (2006).
3. Ershov, V. F. (2019). Russia and China in the 21st Century: Strategic Partnership in the Context of Civilizational Globalization. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia, 18(4), 804–827.
4. Chikova, A. E. (2025). Strategic partnership between Russia and China in the context. Russia and the world, (2), 65.
5. Chubarov, I. G., & Kalashnikov, D. B. (2018). “One Belt, One Road”: Globalization, Chinese Style. World Economy and International Relations, 62(1), 25–33.
6. Lin, C. (2021). Integration of the “One belt, One road” initiative and the greater Eurasian partnership: prerequisites, motives, and implementation priorities. Socio-Political Sciences, 11(1), 95–100.
7. Batunaev, E. V., & Grigorieva, Yu. G. (2019). Russian-Mongolian Relations: From Decline to Comprehensive Strategic Partnership. Bulletin of the Eastern Institute, (3 (43)), 98–109.
8. Emegenova, E., & Hui, S. (2019). Sino-Russian Energy Cooperation in the Context of the “Belt and Road” Alliance. The Age of Science, (20), 380–384.
9. Shuang, C. (2023). Problems and Prospects of Economic Cooperation between Russia and China. Economy and Business: Theory and Practice, (10–2 (104)), 191–196.
10. Li, Y. (2021). BRICS Prospects and Future Cooperation between China and Russia within the BRICS Framework. Current Scientific Research in the Modern World, (4–5), 106–110.

Административный и бюджетный федерализм: основные проблемы и особенности современных подходов в изучении федерализма

Шаблинский Владислав Игоревич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы

E-mail: vishablinskiy@gmail.com

В статье рассматриваются различные модели федерализма, проведен системный анализ моделей бюджетного и административного федерализма. Цель. Исследование направлено на выявление ключевых особенностей и различий между моделями бюджетного и административного федерализма в контексте современной России. Методы. Используется метод системного анализа, который позволяет детально изучить характерные черты и различия между этими моделями федерализма. Результаты. Модель административного федерализма характеризуется доминированием центральной власти и распределением полномочий между центром и регионами. В свою очередь, модель бюджетного федерализма фокусируется на финансовых взаимоотношениях и распределении бюджетных средств между различными уровнями власти. В ходе анализа были выявлены преимущества и недостатки каждой модели. Выводы. Для обеспечения стабильного развития страны необходимо применять смешанный подход, который объединяет элементы как модели бюджетного, так и административного федерализма. Это позволит учитывать, как политические, так и экономические факторы, влияющие на взаимодействие между центральной властью и регионами, обеспечивая более комплексное и гибкое управление ресурсами и полномочиями в условиях современной российской действительности. Трансформационное развитие государства возможно с применением смешанного подхода двух моделей.

Ключевые слова: Бюджетный федерализм, административный федерализм, аллокации, бюджетные трансферты, модель федерализма, политические факторы

В политической науке вопрос взаимоотношений между федеральным центром и регионами представляется актуальным в связи с неоднородностью политического пространства, дихотомией ряда внутривластных процессов в государствах, а также неоднородным характером распределения полномочий между центром и регионами.

В настоящее время к ключевым моделям анализа федерализма можно отнести модель бюджетного федерализма и модель административного федерализма.

Согласно определению, данному Бабиным В.А., «административный федерализм представляет собой систему государственного управления, включающую распределение полномочий между центром и регионами» [1, с. 20]. Модель административного федерализма позволяет определить, какие полномочия принадлежат федеральному центру, а какие – региональным органам. В данной модели делается акцент на балансе между центром и регионами, характеризуя автономию последних при обеспечении целостности федеральной системы.

Бюджетный федерализм, по определению Кудинова В.В., – это «принцип построения бюджетных отношений, который позволяет в условиях самостоятельности каждого бюджета, сочетать интересы всех субъектов бюджетных отношений» [3, с. 42]. Модель бюджетного федерализма позволяет анализировать систему бюджетирования, распределения бюджетных средств между центром и регионами, а также между различными уровнями региональной власти. Данная модель помогает охарактеризовать распределение бюджетных ресурсов с учетом уровня экономического развития и социальных нужд регионов.

Каждая из данных моделей отражает политические отношения в государстве. В модели административного федерализма подчеркивается автономия регионов, их возможности самостоятельного принятия решений на местном уровне и влияние на формирование государственной бюджетной политики. Модель бюджетного федерализма позволяет оценить, насколько корректно осуществляется распределение бюджетных ресурсов между центром и регионами и его влияние на социально-экономическое развитие страны и благосостояние граждан. Но на этом различия между моделями не исчерпываются.

Если подойти к рассмотрению моделей бюджетного и административного федерализма с точки зрения системного анализа, то, прежде всего, следует определить границы системы, которые позволяют четко определить области ответственности и взаимодействия между различными уровнями государственного управления. Бюджетный федерализм охватывает финансовые аспекты, включая сбор и распределение налогов, субсидии и финансовую автономию регионов. Административный федерализм включает организационные структуры, распределение административных функций и полномочий, а также механизмы координации и контроля.

Использование модели бюджетного федерализма позволяет сосредоточиться на финансовых аспектах управления. В рамках этой модели каждый уровень власти имеет определенные финансовые права и обязанности, что способствует рациональному управлению ресурсами и позволяет регионам самостоятельно разрабатывать и реализовывать свои бюджеты. Это не только стимулирует экономическое развитие на местах, но и способствует более рациональному использованию бюджетных средств.

В модели административного федерализма охватываются организационные структуры и процессы распределения административных функций и полномочий. В этой модели ключевую роль играют механизмы координации и контроля между различными уровнями власти. Использование этой модели позволяет обеспечивать выполнение государственных функций, поддерживать порядок и законность, а также способствует гармоничному развитию всех регионов страны. Важным аспектом здесь является четкое разграничение полномочий, что помогает избежать дублирования функций и повышает качество государственного управления.

Обе модели являются взаимодополняющими, использование каждой из них позволяет поддерживать устойчивость государственной системы. В то время как в модели бюджетного федерализма объектом анализа является финансовая сторона взаимодействия, модель административного федерализма включает организационную и функциональную основу для этого взаимодействия.

Идентификация элементов, входящих в системы бюджетного и административного федерализма, является ключевым этапом в анализе государственных структур. В рамках модели бюджетного федерализма основными элементами являются центральные органы власти, такие как правительство и министерство финансов, играющие решающую роль в формировании и распределении финансовых ресурсов. Эти органы ответственны за разработку налоговой политики, сбор доходов и распределение средств между различными уровнями власти. Налоговая система, включающая различные виды налогов и сборов, является фундаментальной составляющей, обеспечивающей поступление финансовых ресурсов в бюджет.

Региональные органы власти, такие как местные правительства и финансовые департаменты, также являются важными элементами системы модели бюджетного федерализма. Они отвечают за управление местными финансами, разработку региональных бюджетов и их исполнение. Финансовые трансферты в виде субсидий и дотаций от центральных к региональным органам власти способствуют выравниванию финансовых возможностей регионов и обеспечению устойчивого развития. Бюджетные процессы, включающие планирование, утверждение и исполнение бюджета, являются ключевыми для обеспечения прозрачности использования финансовых ресурсов.

Для модели административного федерализма ключевыми элементами являются центральные административные органы, такие как министерства и агентства, которые разрабатывают и реализуют государственную политику на национальном уровне. Эти структуры обеспечивают координацию между различными ведомствами и уровнями власти, разрабатывают законодательные и нормативные акты, регулирующие административные процессы. Региональные административные структуры, включающие местные администрации и департаменты, играют важную роль в реализации государственной политики на местах, обеспечивая выполнение административных функций и услуг для населения.

Законодательные акты, регламентирующие полномочия центральных и региональных органов власти, являются основой для функционирования административного федерализма. Они определяют рамки и границы полномочий, обеспечивая ясность и предсказуемость в государственном управлении. Механизмы координации и контроля, такие как совместные комиссии и мониторинговые системы, обеспечивают согласованность действий между различными уровнями власти, способствуя выполнению государственных функций и улучшению качества управления. Эти элементы взаимодействуют, создавая целостную систему, обеспечивающую устойчивое управление государственными делами.

Анализ связей и взаимодействий в рамках моделей бюджетного и административного федерализма позволяет глубже понять, как финансовые потоки и бюджетные процессы влияют на экономическое развитие регионов. Финансовая независимость регионов определяется их способностью формировать собственные бюджеты, что зависит от работы налоговой системы и межбюджетных трансфертов. Налоговая политика на федеральном уровне играет ключевую роль, так как она определяет распределение налоговых поступлений между центральными и региональными органами власти. Это, в свою очередь, влияет на уровень финансовой автономии регионов и их способность инвестировать в местное развитие и инфраструктуру.

Межбюджетные трансферты являются важным инструментом в системе бюджетного федерализма, позволяющим выравнивать финансовые возможности различных регионов. Эти финансовые потоки обеспечивают поддержку менее развитым регионам, помогая им справляться с бюджетными дефицитами и обеспечивать необходимые социальные и экономические программы. Важным аспектом является также прозрачность бюджетных процессов, включая планирование, утверждение и исполнение бюджета, что способствует рациональному использованию финансовых ресурсов и повышению ответственности органов власти.

В модели административного федерализма связи и взаимодействия между центральными и региональными структурами определяются распределением полномочий и организационными связями. Центральные органы власти разрабатывают нормативные акты и регламенты, регулирующие деятельность федеральных и региональных органов, что обеспечивает единство административной политики и стандартов управления. Качество административных процессов во многом зависит от четкости этих регламентов и наличия действенных механизмов координации между различными уровнями власти. Региональные органы власти должны обладать достаточными полномочиями и ресурсами для выполнения своих функций.

Механизмы координации и контроля играют важную роль в обеспечении согласованности действий между центральными и регио-

нальными структурами. Эти механизмы позволяют своевременно выявлять и устранять проблемы, возникающие в процессе взаимодействия, и способствуют улучшению качества государственного управления. Четкое распределение полномочий и эффективные организационные связи являются основой для успешного функционирования системы административного федерализма, что в конечном итоге способствует устойчивому и сбалансированному развитию страны.

В модели бюджетного федерализма связи между элементами системы выражаются в финансовых потоках и бюджетных процессах. Финансовая независимость регионов и их способность формировать собственные бюджеты зависит от системы налогообложения и межбюджетных трансфертов. Важно учитывать, как налоговая политика на национальном уровне влияет на финансовую автономию регионов и их возможности для экономического развития. Для построения этой модели используются данные о налоговых поступлениях, о трансфертах согласно нормативным актам, регулирующим распределение средств. Модель позволяет увидеть, как доходы распределяются между различными уровнями власти, и как это влияет на финансовую устойчивость регионов. Например, можно обнаружить, что определенные регионы получают непропорционально большие или, наоборот, маленькие трансферты по сравнению с их экономической активностью и потребностями. Это может вызвать необходимость в разработке рекомендаций по перераспределению средств или изменению нормативных актов для достижения более справедливого распределения ресурсов. Кроме того, моделирование позволяет провести сценарный анализ, для оценки последствий влияния различных экономических условий и политических решений на межбюджетные отношения.

Системное моделирование в рамках административного федерализма должно быть сосредоточено на распределении полномочий и координации между уровнями власти. Эта модель основывается на анализе структурных связей между федеральными, региональными и местными органами власти, а также на анализе процессов принятия решений и механизмов контроля и подотчетности. В этом случае системное моделирование позволяет создать схему, которая наглядно демонстрирует, как полномочия распределены между различными уровнями власти и как эти уровни взаимодействуют друг с другом. Оно позволяет выявить слабые места в координации и взаимодействии уровней власти. Например, можно обнаружить, что из-за нечеткого распределения полномочий или недостаточной координации между уровнями власти возникают задержки в реализации государственных программ или дублирование функций. В этом случае необходимо разрабатывать рекомендации по улучшению административных процессов, оптимизации распределения полномочий.

Одним из ключевых аспектов моделирования системы в рамках обоих видов федерализма является возможность проведения сравнительного анализа различных подходов и практик, применяемых в разных регионах или странах, выявление лучших практик и потенциальных областей для улучшения. Например, анализируя модели бюджетного федерализма в различных странах, можно определить, какие механизмы распределения налоговых доходов и трансфертов наиболее эффективны, и какие из них могут быть адаптированы для использования в нашей стране.

Сценарный анализ, проводимый в рамках системного моделирования, является важным инструментом для прогнозирования и планирования. В бюджетном федерализме он позволяет оценить последствия влияния различных экономических условий (таких как кризисы или периоды экономического роста) на распределение налоговых доходов и трансфертов. В административном федерализме сценарный анализ помогает прогнозировать влияние изменений в законодательстве или административных реформах на качество управления и взаимодействие между уровнями власти.

Моделирование системы в рамках бюджетного и административного федерализма также способствует повышению прозрачности и подотчетности. Наглядные схемы финансовых потоков и административных связей позволяют лучше понимать и контролировать процессы распределения ресурсов и принятия решений. Это, в свою очередь, способствует укреплению доверия граждан и бизнеса к государственным институтам и повышению их готовности к сотрудничеству и поддержке государственных инициатив.

Системное моделирование позволяет глубже понять сложные взаимосвязи и процессы, происходящие в государственных структурах, выявить и устранить недостатки, а также разрабатывать более эффективные и справедливые механизмы управления и распределения ресурсов. Таким образом, системное моделирование играет ключевую роль в улучшении управления и обеспечении устойчивого развития регионов и страны в целом.

Анализ устойчивости систем бюджетного и административного федерализма является сложным и многогранным процессом, требующий применения системного анализа для получения всестороннего и объективного представления о ключевых элементах взаимодействия и взаимозависимости внутри этих моделей, что, в свою очередь, способствует оценке их устойчивости.

В рамках бюджетного федерализма одним из главных критериев устойчивости системы является степень финансовой автономии регионов. Она определяется способностью регионов самостоятельно формировать и управлять своими бюджетами, что включает сбор налогов, управление расходами и распределение финансовых ресурсов. Системный анализ позволяет выявить степень зависимости регионов от центрального бюджета, определить пропорции доходов, поступающих от собственных источников и трансфертов, и оценить, насколько государственная структура способствует или препятствует финансовой самостоятельности.

Качество использования бюджетных средств является еще одним важным критерием оценки бюджетного федерализма. Здесь анализ сосредоточен на том, насколько качественно регионы используют выделенные им ресурсы для достижения экономических и социальных целей. Системное моделирование позволяет сравнивать результаты различных регионов, выявлять лучшие практики и зоны неэффективности, что может способствовать оптимизации бюджетного процесса и улучшению финансового управления на всех уровнях.

Способность системы бюджетного федерализма реагировать на экономические изменения также является критическим показателем устойчивости. Системный анализ здесь включает сценарное моделирование, что дает возможность прогнозировать, как различные экономические шоки или изменения в политике будут влиять на распределение финансовых ресурсов и устойчивость региональных бюджетов. Это помогает разрабатывать механизмы адаптации и компенсации, которые могут быть внедрены для поддержания финансовой стабильности в условиях неопределенности.

В свою очередь, административный федерализм оценивается по качеству управления, координации и связи между уровнями власти, способности системы предоставлять государственные услуги, что зависит от уровня профессионализма и компетентности управленческих кадров. Системный анализ позволяет выявить в административной структуре дублирование функций и рассогласование процессов, что является основой разработки рекомендации по их улучшению.

Координация связей между уровнями власти является еще одним ключевым аспектом административного федерализма. Системный анализ помогает выявить пробелы и конфликты в координации, определить их причины этих проблем и предложить пути их решения. Это может включать разработку более четких процедур взаимодействия, улучшение информационного обмена и создание совместных рабочих групп или комитетов.

Качество предоставления государственных услуг также является важным элементом административного федерализма. Системный анализ позволяет оценить, насколько равномерно и качественно предоставляются услуги в различных регионах и выявить факторы влияния. Например, на основе анализа доступности и качества здравоохранения, образования, социальных услуг и инфраструктуры можно разрабатывать стратегии по обеспечению равных возможностей получения гражданами государственных услуг независимо от места их проживания.

При системном анализе моделей бюджетного и административного федерализма важно учитывать взаимосвязи между их элементами и влияние этих моделей на устойчивость государственной системы в целом. Например, финансовая автономия регионов (аспект бюджетного федерализма) может прямо влиять на их способность реализовывать свои полномочия и предоставлять качественные услуги населению (аспект административного федерализма). Таким образом, анализ взаимосвязей и взаимодействий между этими моделями позволяет более полно оценить их влияние на функционирование федеративного государства.

Заключительный аспект системного анализа заключается в разработке рекомендаций по улучшению устойчивости моделей федерализма. На основе выявленных данных и результатов можно предложить изменения в политике, нормативных актах и практиках управления, направленные на усиление финансовой автономии регионов, оптимизацию бюджетного процесса, улучшение координации между уровнями власти и повышение качества государственных услуг. Это, в свою очередь, способствует созданию более сбалансированной и устойчивой системы управления, способной эффективно реагировать на вызовы и изменения внешней среды.

Таким образом, системный анализ устойчивости моделей бюджетного и административного федерализма является ключевым инстру-

ментом для понимания и улучшения функционирования федеративного государства. Он позволяет выявить основные проблемы и зоны улучшения, разработать стратегии и рекомендации для их решения, что способствует созданию более устойчивой, эффективной и справедливой системы государственного управления.

Исследование федерализма привлекает внимание многих ученых как отечественных, так и зарубежных, рассматривающих различные модели административного и бюджетного федерализма. Эволюция подходов к изучению федерализма в России отражает изменения в политической и экономической структуре страны. Для понимания федерализма в современной России важно учитывать, как административные, так и бюджетные аспекты, что позволяет более комплексно оценивать процессы управления и распределения ресурсов в стране.

В современных работах делается акцент на модели бюджетного федерализма, позволяющей анализировать характер распределения трансфертов между центром и регионами, а также муниципалитетами. Процесс распределения бюджетных средств в рамках реализации национальных проектов, федеральных программ остается за скобками исследований, что, в свою очередь, представляет интерес для дальнейшего научного анализа. Именно поэтому в современных реалиях важно делать акцент не только на модели бюджетного федерализма при изучении взаимодействия центра и регионов, но и на модели административного федерализма, предусматривающего анализ системы государственного управления, включающего распределение полномочий между центром и регионами.

Анализ эффективности бюджетного федерализма является важным направлением исследований в данной области, поскольку он позволяет оценивать степень финансовой самостоятельности регионов. В работе У. Отса этот вид федерализма рассматривается с точки зрения нескольких подходов. Традиционный подход акцентирует внимание на децентрализации и оптимальном распределении полномочий между уровнями власти. Второе направление – это подход второй генерации теории федерализма, который, по мнению исследователя, учитывает политические и институциональные аспекты, такие как проблемы политической конкуренции и бюрократической эффективности, влияющие на распределение фискальных полномочий. В этом контексте структура и результативность фискальной децентрализации зависят от политического контекста. Политические ограничения могут затруднять выполнение распределительных функций, а недостатки в управлении и прозрачности приводят к неэффективному использованию ресурсов на уровне местных властей [2], [5].

Развивая идею второй генерации модели бюджетного федерализма, Б. Вейнгаст подчеркивает возрастающее значение институтов и механизмов управления, которые становятся ключевыми факторами в обеспечении эффективного функционирования федеральной системы. Он акцентирует внимание на том, что взаимодействия между различными уровнями власти – федеральным, региональным и местным – становятся всё более сложными и многогранными. Это требует от исследователей и практиков разработки новых аналитических подходов, которые могут помочь в понимании и оценке этих взаимодействий. Для достижения лучших результатов необходимо более глубокое понимание того, как различные уровни власти влияют друг на друга и как их действия могут быть согласованы для достижения общих целей.

Тем не менее, исследователи также подчеркивают, что политика децентрализации может способствовать трансформации политической структуры, открывая возможности для новых форм политической и экономической конкуренции. Разделение власти между различными уровнями управления может привести к повышению ответственности и улучшению учета потребностей граждан. Открытие новых каналов для вовлечения местных общин в процесс принятия решений создает больше возможностей для адаптации бюджетной политики к местным условиям и потребностям. Это, в свою очередь, может способствовать более устойчивому развитию регионов и более эффективному использованию бюджетных средств.

Современные исследователи федерализма акцентируют внимание на фискальном федерализме, рассматривая влияние политических процессов на финансовую дисциплину, управление ресурсами и экономическое развитие, включая распределение доходов и бюджетные ограничения.

На региональном и муниципальном уровнях федерализм и распределение бюджетных полномочий также представляют интерес для исследований. В работе Виладсина Д. рассматривается проблема эффективности управления бюджетными средствами [24]. Стигер Г. в своей работе предлагает рекомендации по определению функций местного самоуправления, подчеркивая важность создания эффективных и сба-

лансированных систем управления для обеспечения высокого качества услуг и достижения устойчивого развития [17].

В своей статье «Decentralization and the Risk of Authoritarian Backsliding» Дж. Роден акцентирует внимание на проблему передачи финансовых полномочий регионам без строгих механизмов подотчетности, что по мнению автора может подорвать демократию. [16] На примере Бразилии, Индии и США автор анализирует, как региональные лидеры используют фискальную автономию для усиления своей власти, подавляя оппозицию и манипулируя бюджетами. Дж. Роден предлагает решение – условные гранты, при которых федеральное финансирование зависит от соблюдения демократических норм. Без таких ограничений, по его мнению, децентрализация превращается в инструмент авторитарной консолидации.

К подобным выводам приходит исследователь Д. Уайлдасин. Он анализирует, как нецелевые федеральные трансферты провоцируют дефициты и неэффективные траты на уровне штатов и муниципалитетов. Подобная логика также отражается в иных работах автора. [23], [24], [25] Его выводы перекликаются с идеями Родена: отсутствие четких правил распределения средств приводит к «мягким бюджетным ограничениям», когда регионы рассчитывают на федеральные дотации вместо ответственного управления. Д. Уайлдасин предлагает прозрачные формулы финансирования, которые снижают риски злоупотреблений.

В ряде работ современных исследователей федерализма также проводится оценка экономической эффективности расходования бюджетных средств, возможная только при строгом контроле за исполнением. [2] В работах анализируется, как масштабные федеральные программы влияют на экономику штатов. Он приходит к выводу, что инвестиции в транспорт, энергетику и цифровую инфраструктуру действительно сокращают разрыв между богатыми и бедными регионами, но только при жестком контроле за исполнением. Например, каждый 1% увеличения федеральных расходов повышает ВВП депрессивных штатов на 0,3%, однако без мониторинга средства часто тратятся неэффективно – например, на локальные проекты с низкой отдачей.

В соответствии с выводами зарубежных исследователей, можно сказать, что изучение бюджетного федерализма в современных условиях, особенно в Соединенных Штатах Америки, нацелено преимущественно на анализ исполнения бюджетных обязательств регионов, а также перераспределения полномочий между федеральным центром и регионами, что возвращает исследователей к вопросам применения модели административного федерализма для более детального анализа распределения полномочий и обязанностей между участниками бюджетного процесса.

Современные российские исследования также нацелены, во-первых, на анализ распределения финансовых потоков их федерального центра в регионы Российской Федерации с учетом неоднородного экономического развития регионов Российской Федерации. Некоторые регионы обладают особыми правами и полномочиями, что создает дисбаланс в системе управления. Во-вторых, не менее значимой исследовательской проблемой является проблема исследования прозрачности и подотчетности в системе бюджетного федерализма. Недостаток прозрачности в распределении и использовании бюджетных средств может приводить к коррупции и неэффективному управлению ресурсами. Ученые анализируют различные методы повышения прозрачности, такие как внедрение современных информационных технологий и развитие гражданского общества, что позволяет улучшить контроль за бюджетными потоками и повысить доверие к государственной системе управления.

Влияние политических факторов на федеративные отношения также является важным направлением исследований [18]. Политическая стабильность и степень демократичности в стране могут существенно влиять на характер взаимодействия между центром и регионами. Исследования показывают, что в условиях политической нестабильности усиливается централизация власти, что может негативно сказываться на финансовой автономии регионов и их способности эффективно управлять своими ресурсами. Аналогично с политическими факторами, влияющими на процесс распределения бюджетных средств исследователями в также рассматривается влияние экономических показателей региона на переназначение губернаторов в регионах [15]. Модель бюджетного федерализма также используется для анализа социального и экономического благосостояния отдельных регионов. [19], [20]

В современных условиях глобальной нестабильности использование классических моделей бюджетного и административного федерализма по отдельности становится малоприменимым для России. Внешнеполитические и экономические шоки, такие как специальная военная операция (СВО), масштабные санкции, наложенные на стра-

ну, а также пандемия COVID-19, привели к значительным изменениям в структуре государственного управления и распределении полномочий между уровнями власти. Эти события вызвали необходимость адаптации существующих моделей анализа федерализма к новым реалиям, которые требуют более комплексного и гибкого подхода к управлению государством.

Бюджетный федерализм, основанный на распределении финансовых ресурсов между центром и регионами, сталкивается с серьезными вызовами в условиях санкций и экономической изоляции. Санкции существенно ограничили доступ России к международным рынкам капитала, что вынудило государство искать внутренние резервы для поддержания стабильности экономики и выполнения социальных обязательств. В этих условиях модель бюджетного федерализма оказывается недостаточно гибким инструментом для анализа управления ресурсами, так как он ориентирован на стабильные и предсказуемые экономические условия, чего сейчас нет. Возникает необходимость перераспределения финансовых потоков и поиска новых источников доходов, что требует пересмотра принципов и механизмов бюджетного федерализма.

Модель административного федерализма также подвергается значительным испытаниям. Пандемия COVID-19 продемонстрировала необходимость оперативного принятия решений и внедрения мер на местах, что требует более гибкой и децентрализованной системы управления. Однако в условиях внешнеполитических угроз и санкционного давления возрастает потребность в укреплении централизованного контроля, что приводит к ограничению самостоятельности регионов. Это создает противоречие между необходимостью децентрализации для оперативного реагирования на локальные вызовы и обеспечения национальной безопасности и устойчивости государственной системы.

Внешнеполитическая ситуация и связанные с ней риски также оказывают влияние на функциональность на дальнейшие исследования федерализма. В условиях геополитической нестабильности и санкционного давления традиционные модели анализа федерализма, ориентированные на стабильное распределение полномочий и ресурсов, могут оказаться неэффективными. Возникает необходимость в разработке новых подходов, которые учитывают не только экономические, но и внешнеполитические факторы, способные значительно повлиять на функционирование федеративной системы.

Таким образом, использование классических моделей бюджетного и административного федерализма в их традиционном виде сейчас не соответствует актуальным вызовам, стоящим перед Российской Федерацией. Сложившаяся внешнеполитическая и экономическая ситуация требует пересмотра существующих подходов к управлению, где оба аспекта федерализма рассматриваются в комплексе, с учетом взаимного влияния и необходимости быстрой адаптации к изменяющимся условиям. Необходима разработка новой, гибкой и адаптивной модели федерализма, которая сможет учитывать все многообразие вызовов и угроз, с которыми сталкивается современное государство.

В заключение можно отметить, что будущая устойчивость и эффективность российской федеративной системы во многом зависят от способности адаптироваться к новым реалиям, от внедрения интегрированных моделей управления, которые смогут учитывать, как внутренние, так и внешние факторы. Это потребует не только пересмотра существующих принципов и механизмов, но и разработки новых, которые будут адекватно реагировать на изменяющиеся условия. Только такой комплексный подход позволит обеспечить стабильность и развитие страны в условиях неопределенности и глобальных вызовов.

Литература

1. Бабкин В.А. Административный федерализм: Система государственного управления, включая распределение полномочий между центром и регионами // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. – № 3. – С. 17–24.
2. Инман Р.П. Переводы и выплаты: Обеспечение местной финансовой дисциплины // *Journal of Public Economics*. – 2021. – Т. 55, № 2. – С. 145–166. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2021.07.014.
3. Кудинов В.В. Принципы фискального федерализма: Учебник. – Москва: Финансы и статистика, 2009. – 128 с. – С. 42.
4. Локвуд Б. Политическая экономика децентрализации // *Handbook of Fiscal Federalism*. – 2022. – С. 33–60. DOI: 10.4337/9781839106433.
5. Мартинес-Васкес Х. Государственные финансы в развивающихся и переходных странах // *Economic Development Quarterly*. – 2021. – Т. 35, № 1. – С. 21–33. DOI: 10.1177/0891242421992493.
6. Маккиннон Р.И. Логика рыночного федерализма // *Virginia Law Review*. – 2021. – Т. 83, № 7. – С. 1573–1598. DOI: 10.2139/ssrn.202101.

7. МакЛур Ч.Е. Распределение доходов в фискальном федерализме // *World Bank Economic Review*. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 53–78. DOI: 10.1093/wber/whh065.

8. Миллимэт Д.Л. Экологический федерализм: Эмпирические данные // *IZA Discussion Papers*. – 2022. – Т. 47, № 2. – С. 15–29. DOI: 10.2139/ssrn.3612604.

9. Масгрейв Р.А. Государственные финансы в теории и практике // McGraw-Hill Education. – 2021. – С. 287–299. DOI: 10.1080/21606544.2021.941442.

10. Оутс У.Е. Экологический федерализм // *Resources for the Future Discussion Paper*. – 2021. – Т. 19, № 1. – С. 247–267. DOI: 10.1016/j.rffdp.2021.06.019.

11. Оутс У.Е. Эволюция фискального федерализма: Теория и институты // *National Tax Journal*. – 2021. – Т. 61, № 2. – С. 313–334. DOI: 10.2139/ssrn.348479.

12. Оутс У.Е. К теории второго поколения фискального федерализма // *International Tax and Public Finance*. – 2021. – Т. 28, № 3. – С. 349–373. DOI: 10.1007/s10797-021-09644-8.

13. Пруд'омме Р. Опасность децентрализации // *World Bank Research Observer*. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 201–220. DOI: 10.1093/wbro/10.2.201.

14. Рао М.Г. Федерализм в Индии: К децентрализации // Oxford University Press. – 2021. – С. 107–131. DOI: 10.1093/acprof/9780198079855.003.0003.

15. Рейтер О., Туровский Р. Проблемы конституционализма в эпоху трансформаций: Исследование российского федерализма. *Russian Politics*. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 183–207. DOI: 10.1163/2451-8921-00702003. URL: https://brill.com/view/journals/rufo/7/2/article-p183_2.xml.

16. Родден Дж. Финансовая децентрализация и проблема жестких бюджетных ограничений // *Publius: The Journal of Federalism*. – 2022. – Т. 52, № 3. – С. 365–391. DOI: 10.1093/publius/pjab003.

17. Стиглер Г. Дж. Обоснованные функции местного самоуправления // *Public Finance Review*. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 273–295. DOI: 10.1177/109114210203000303.

18. Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О. Региональные различия России как выигрыш и проигрыш: Политические причины и последствия распределения федеральных трансфертов // *European Politics and Society*. – 2017. – Т. 18, № 4. – С. 405–422. DOI: 10.1080/23745118.2017.1328666.

19. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Пандемия COVID-19 как проверка субнациональной государственности России // *Демократизация: Журнал постсоветской демократизации*. 2023. Т. 31, № 4. С. 461–484. URL: <https://muse.jhu.edu/pub/280/article/912946> (дата обращения: 20.10.2023).

20. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. С. Проблемы региональной социально-экономической поляризации в России: успешна ли государственная политика? // *Политология*. 2024. Нет. 1. стр. 14–50. DOI: 0.31249/poln/2024.01.01

21. Уоллак Дж. Федерализм и экономические реформы: Международные перспективы // Cambridge University Press. – 2022. – С. 61–111. DOI: 10.1017/CBO9780511492629.

22. Уайнгаст Б.Р. Фискальный федерализм второго поколения и управление // *Journal of Economic Perspectives*. – 2021. – Т. 35, № 2. – С. 171–196. DOI: 10.1257/jep.35.2.171.

23. Уайлдасин Д.Е. Фискальная конкуренция и справедливость // *CESifo Economic Studies*. – 2021. – Т. 68, № 3. – С. 97–145. DOI: 10.2139/ssrn.2483579.

24. Уайлдасин Д.Е. Институты фискального федерализма // *National Tax Journal*. – 2022. – Т. 62, № 2. – С. 213–235. DOI: 10.2139/ssrn.2483679.

25. Уайлдасин Д.Е. Городские государственные финансы // Harwood Academic Publishers. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 97–111. DOI: 10.1080/17487870.2022.1010645.

26. Уилсон Дж.Д. Теории налоговой конкуренции // *National Tax Journal*. – 2021. – Т. 52, № 2. – С. 229–252. DOI: 10.2139/ssrn.279348.

ADMINISTRATIVE AND BUDGETARY FEDERALISM: KEY PROBLEMS AND FEATURES OF MODERN APPROACHES TO THE STUDY OF FEDERALISM

Shablinskiy V.I.

Russian Academy of National Economy and Public Administration

This article examines various models of federalism, providing a systematic analysis of the models of fiscal and administrative federalism. Objective. The study aims to identify the key features and differences between the models of fiscal and administrative federalism in the context of contemporary Russia. Methods. The research employs the method of

systems analysis, which allows for a detailed examination of the characteristic features and distinctions between these models of federalism. Results. The model of administrative federalism is characterized by the dominance of the central authority and the distribution of powers between the center and the regions. In turn, the model of fiscal federalism focuses on financial relationships and the allocation of budgetary resources among different levels of government. The analysis identified the advantages and disadvantages inherent in each model. Conclusions. Ensuring the stable development of the country necessitates a mixed approach that amalgamates elements of both fiscal and administrative federalism. This approach would allow for the consideration of both political and economic factors influencing the interaction between the central government and the regions, thereby ensuring more comprehensive and flexible management of resources and powers within the context of contemporary Russian realities. The transformational development of the state is possible through the application of this combined approach integrating the two models.

Keywords: Fiscal federalism, administrative federalism, allocations, budget transfers, federalism model, political factors.

References

1. Babkin V.A. Administrative Federalism: A System of State Management, Including the Distribution of Powers Between the Center and Regions // *Issues of State and Municipal Management*. – 2008. – No. 3. – P. 17–24.
2. Inman R.P. Transfers and bailouts: Enforcing local fiscal discipline // *Journal of Public Economics*. – 2021. – Т. 55, № 2. – С. 145–166. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2021.07.014.
3. Kudinov V.V. Principles of Fiscal Federalism: Textbook. – Moscow: Finance and Statistics, 2009. – 128 p. – P. 42.
4. Lockwood B. The political economy of decentralization // *Handbook of Fiscal Federalism*. – 2022. – С. 33–60. DOI: 10.4337/9781839106433.
5. Martinez-Vazquez J. Public finance in developing and transition countries // *Economic Development Quarterly*. – 2021. – Т. 35, № 1. – С. 21–33. DOI: 10.1177/08912421992493.
6. McKinnon R.I. The logic of market-preserving federalism // *Virginia Law Review*. – 2021. – Т. 83, № 7. – С. 1573–1598. DOI: 10.2139/ssrn.202101.
7. McLure C.E. Revenue assignments in fiscal federalism // *World Bank Economic Review*. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 53–78. DOI: 10.1093/wber/whh065.
8. Millimet D.L. Environmental federalism: Empirical insights // *IZA Discussion Papers*. – 2022. – Т. 47, № 2. – С. 15–29. DOI: 10.2139/ssrn.3612604.
9. Musgrave R.A. Public finance in theory and practice // McGraw-Hill Education. – 2021. – С. 287–299. DOI: 10.1080/21606544.2021.941442.
10. Oates W.E. Environmental federalism // *Resources for the Future Discussion Paper*. – 2021. – Т. 19, № 1. – С. 247–267. DOI: 10.1016/j.rffdp.2021.06.019.
11. Oates W.E. Evolution of fiscal federalism: Theory and institutions // *National Tax Journal*. – 2021. – Т. 61, № 2. – С. 313–334. DOI: 10.2139/ssrn.348479.
12. Oates W.E. Toward a second-generation theory of fiscal federalism // *International Tax and Public Finance*. – 2021. – Т. 28, № 3. – С. 349–373. DOI: 10.1007/s10797-021-09644-8.
13. Prud'homme R. The danger of decentralization // *World Bank Research Observer*. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 201–220. DOI: 10.1093/wbro/10.2.201.
14. Rao M.G. Federalism in India: Towards decentralization // Oxford University Press. – 2021. – С. 107–131. DOI: 10.1093/acprof/9780198079855.003.0003.
15. Reuter O., Turovsky R. Challenges of Constitutionalism in the Era of Transformations: A Study of Russian Federalism. *Russian Politics*, 7(2), 183–207. DOI: 10.1163/2451-8921-00702003. Retrieved from https://brill.com/view/journals/rufo/7/2/article-p183_2.xml.
16. Rodden J. Fiscal decentralization and the challenge of hard budget constraints // *Publius: The Journal of Federalism*. – 2022. – Т. 52, № 3. – С. 365–391. DOI: 10.1093/publius/pjab003.
17. Stigler G.J. The tenable range of local government functions // *Public Finance Review*. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 273–295. DOI: 10.1177/109114210203000303.
18. Turovsky R.F., Gaivoronsky, Y.O. Regions of Russia as Winners and Losers: Political Reasons and Outcomes of Federal Transfers Distribution // *European Politics and Society*. – 2017. – Vol. 18, No. 4. – Pp. 405–422. DOI: 10.1080/23745118.2017.1328666.
19. Turovsky R.F., Sukhova M.S. The COVID-19 Pandemic as a Test of Russia's Subnational State Capacity // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2023. Т. 31, № 4. С. 461–484. URL: <https://muse.jhu.edu/pub/280/article/912946> (дата обращения: 20.10.2023).
20. Turovsky R.F., Sukhova, M.S. S. Challenges of Regional Socio-Economic Polarization in Russia: Is State Policy Successful? // *Political Science*. 2024. No. 1. Pp. 14–50. DOI: 0.31249/poln/2024.01.01
21. Wallack J. Federalism and economic reform: International perspectives // Cambridge University Press. – 2022. – С. 61–111. DOI: 10.1017/CBO9780511492629.
22. Weingast B.R. Second-generation fiscal federalism and governance // *Journal of Economic Perspectives*. – 2021. – Т. 35, № 2. – С. 171–196. DOI: 10.1257/jep.35.2.171.
23. Wildasin D.E. Fiscal competition and equity // *CESifo Economic Studies*. – 2021. – Т. 68, № 3. – С. 97–145. DOI: 10.2139/ssrn.2483579.
24. Wildasin D.E. The institutions of fiscal federalism // *National Tax Journal*. – 2022. – Т. 62, № 2. – С. 213–235. DOI: 10.2139/ssrn.2483679.
25. Wildasin D.E. Urban public finance // Harwood Academic Publishers. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 97–111. DOI: 10.1080/17487870.2022.1010645.
26. Wilson J.D. Theories of tax competition // *National Tax Journal*. – 2021. – Т. 52, № 2. – С. 229–252. DOI: 10.2139/ssrn.279348.

Геополитическое измерение продовольственной безопасности КНР: трансформация инструментов и приоритетов

Корнев Никита Андреевич,

исполнительный директор Центра изучения Китая и стран АТР, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: kornev.nikita@urfu.ru

Бурнас Александр Сергеевич,

к.и.н., доцент, заведующий кафедры зарубежного регионоведения, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: asburnasov@urfu.ru

Актуальность исследования обусловлена усилением глобальных продовольственных рисков, растущей неопределенностью международной торговли и необходимостью обеспечения продовольственной безопасности Китая в условиях стратегической трансформации аграрного сектора экономики. Объектом исследования выступает стратегия продовольственной безопасности Китая и механизмы её трансформации в контексте изменения аграрно-экономической системы страны. Предметом исследования являются политико-экономические отношения, складывающиеся в сфере обеспечения продовольственной безопасности на национальном и международном уровнях развития. Цель работы заключается в комплексном анализе логики продовольственной безопасности с национальной точки зрения и разработке методологических подходов к стратегической трансформации китайской продовольственной политики на современном этапе. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: проанализированы теоретические основы продовольственной безопасности на мировом, национальном и индивидуальном уровнях анализа; раскрыты особенности проблематики продовольственной безопасности КНР, обусловленные значительным усилением роли государства; исследованы общие закономерности эволюции продовольственной стратегии и пути трансформации от пассивной к активной модели обеспечения. Методологическая база исследования включает системный анализ, сравнительно-исторический метод, политико-экономический анализ и экономико-статистические методы обработки данных. В работе использованы официальные данные ФАО, ОЭСР, Всемирного банка, статистические материалы Национального бюро статистики Китая, а также научные публикации ведущих исследователей по проблематике продовольственной безопасности. Результаты исследования показали, что логика национальной продовольственной безопасности определяется соотношением «политика берет верх над экономикой», при этом китайская модель характеризуется значительным усилением роли государства как следствие независимой внешней политики и неограниченной внутренней ответственности правительства перед населением страны. Выводы сформулированы относительно необходимости перехода от стратегии мелкого земледелия к масштабному производству, формирования сравнительного преимущества продовольственной экономики и применения методологии «минимального уровня» при разработке политики обеспечения продовольственной безопасности в период трансформации.

Ключевые слова: продовольственная безопасность КНР, геополитика продовольственной безопасности, продовольственный суверенитет, международная торговля зерном, глобальные продовольственные цепочки, экономическая дипломатия, стратегическая автономия, геоэкономическое соперничество, секьюритизация, концепция большой продовольственной безопасности.

Введение

Основной целью развития сельского хозяйства Китая является эффективное обеспечение продовольствием огромного числа населения. Соответственно, увеличение предложения продовольствия и обеспечение продовольственной безопасности стали первоочередными целями сельскохозяйственной политики Китая [1].

В последние годы Китай столкнулся с рядом вызовов в области продовольственной безопасности, таких как выраженные структурные противоречия между предложением и спросом, неэффективность традиционных методов увеличения производства, сужение политического пространства и увеличение внешних рисков неопределенности [2]. В условиях возрастающей сложности и переменчивости международной среды, обеспечение продовольственной безопасности приобретает еще большее значение для экономической и социальной стабильности Китая. В академическом сообществе проводится исследования для оценки текущей ситуации продовольственной безопасности в Китае и предложения стратегий для стабильного производства и обеспечения [1–2].

С точки зрения прагматизма одним из ограничений существующих исследований является то, что особенности проблемы продовольственной безопасности Китая и закономерности ее развития в рамках общей логики не рассматриваются. С точки зрения особенностей, продовольственная безопасность Китая позиционируется как важная стратегическая задача и важная основа национальной безопасности [3]. В современных работах часто рассматривают это положение как отправную точку или предполагаемую предпосылку для исследования, но глубоко не анализируют и не размышляют над обоснованностью этого положения.

С точки зрения закономерностей, проблема продовольственной безопасности требует поиска решений в развитии сельского хозяйства, а процесс перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному подчиняется эволюционному закону в общем смысле этого слова [4]. Это означает, что стратегии продовольственной безопасности на разных этапах развития также должны отличаться. Многие исследования обобщили и классифицировали многочисленные корректировки, которым подверглись стратегические цели и концепции продовольственной безопасности Китая, и их неизбежный путь эволюции в зависимости от линии политики [5–6]. Однако лишь немногие исследуют направления стратегического изменения продовольственной безопасности Китая на основе общей логики развития сельского хозяйства, особенно если говорить о будущих преобразованиях.

Авторы данной статьи пытаются понять особенности стратегии Китая в области продовольственной безопасности на основе политической и экономической логики, разобрать пути трансформации стратегии продовольственной безопасности Китая в соответствии с общими закономерностями развития сельского хозяйства; понять внутреннюю логику формирования взглядов на продовольственную безопасность в новую эпоху и изложить методологию и направления политики трансформации стратегии продовольственной безопасности Китая.

Объектом исследования выступает стратегия продовольственной безопасности Китая и механизмы её трансформации в контексте изменения аграрно-экономической системы страны.

Предметом исследования являются политико-экономические отношения, складывающиеся в сфере обеспечения продовольственной безопасности на национальном и международном уровнях развития, включая логику взаимодействия политических и экономических факторов, роль государства в обеспечении продовольственной безопасности, а также механизмы формирования и реализации аграрной политики.

Цель работы заключается в комплексном анализе логики продовольственной безопасности с национальной точки зрения и разработке методологических подходов к стратегической трансформации китайской продовольственной политики на современном этапе.

Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: – проанализированы теоретические основы продовольственной безопасности на мировом, национальном и индивидуальном уровнях анализа; – раскрыты особенности проблематики продовольственной безопасности КНР, обусловленные значительным усилением роли государства;

– исследованы общие закономерности эволюции продовольственной стратегии и пути трансформации от пассивной к активной модели обеспечения;

Обзор литературы

Проблема продовольственной безопасности в современном контексте приобрела международно-политическое измерение, выйдя за рамки чисто экономической или аграрной проблематики. В теории международных отношений концепция секьюритизации (О. Вивер, Б. Бузан) предоставляет ключевой инструментарий для анализа трансформации продовольствия из «нормальной» сферы рыночных отношений в сферу экзистенциальной безопасности государства [7]. В китайском контексте продовольствие представляет собой классический пример секьюритизованного объекта: оно систематически конструируется политическими элитами как угроза выживанию нации, что легитимизирует чрезвычайные меры государственного вмешательства, выводящие продовольственную политику из сферы регулярного политического дискурса и рыночных механизмов [8]. Секьюритизация продовольствия в КНР проявляется в риторике «основы основ» и «стратегического товара», а также в институциональной практике персональной ответственности высшего руководства за зерновое производство.

Параллельно развивается концепция продовольственного суверенитета (food sovereignty), первоначально выдвинутая движением «La Via Campesina» и впоследствии адаптированная в академическом дискурсе [9]. В отличие от узкого понимания продовольственной безопасности как доступности продовольствия, продовольственный суверенитет акцентирует право народов и государств на самостоятельное определение аграрной и продовольственной политики. В применении к Китаю данная концепция приобретает геополитическое звучание: продовольственный суверенитет трактуется не просто как наличие зерновых резервов, но как критический элемент стратегической автономии в условиях потенциального противостояния с Западом [10]. В условиях геоэкономической фрагментации и «декуплинговых» тенденций продовольственная самодостаточность становится инструментом снижения уязвимости перед санкционным давлением и обеспечения устойчивости национальной экономики к внешним шокам.

Глобальная продовольственная система, сформированная после Второй мировой войны, исторически отражала либеральный мировой порядок, возглавляемый США, с доминированием рыночных механизмов и международных финансовых институтов (Всемирный банк, МВФ) [11]. Однако китайская модель продовольственной безопасности принципиально отличается от либеральной парадигмы, предполагающей достижение безопасности через рыночные механизмы и международную торговлю [12]. ФАО формулирует продовольственную безопасность на индивидуальном уровне как «доступ всех людей в любое время к достаточному, безопасному и питательному продовольствию» [13], тогда как китайский дискурс фокусируется на национальном уровне с акцентом на государственную ответственность [14].

В китайской научной литературе Чжу Цзэ [15], Ся Ляньби и др. [16], Чэнь Шэнькуй и др. [17] прослеживают эволюцию понятия продовольственной безопасности в Китае. Вэй Чжиминь и Иу Сунхао периодизируют развитие китайской концепции после начала политики реформ и открытости [6]. Однако данные исследования недостаточно учитывают международно-политический контекст секьюритизации и геополитическое измерение продовольственного суверенитета.

Методология и методы исследования

Методологическая база исследования включает системный анализ, сравнительно-исторический метод, политико-экономический анализ и экономико-статистические методы обработки данных.

В работе использованы официальные данные ФАО, ОЭСР, Всемирного банка, статистические материалы Национального бюро статистики Китая, а также научные публикации ведущих исследователей по проблематике продовольственной безопасности.

Аналитическая единица исследования – национальное государство как политико-экономический субъект, обладающий относительно независимыми политическими правами и способностью принимать экономические решения. Проблема продовольственной безопасности рассматривается на трех уровнях: мировом, национальном и индивидуальном (семейном).

Результаты исследования

Логика продовольственной безопасности с национальной точки зрения

Для обсуждения проблемы продовольственной безопасности в области социальных наук необходимо сначала определить соответствующий

объект анализа. Анализируемая единица должна одновременно обладать относительно независимыми политическими правами, способностью принимать экономические решения, являясь исключительным политико-экономическим субъектом. С концептуальной точки зрения, проблема продовольственной безопасности имеет три различных уровня анализа: мировой, национальный и индивидуальный (или семейный) [16].

Проблема продовольственной безопасности на мировом уровне касается глобального баланса предложения и спроса на продовольствие и бедности и голода в развивающихся странах или регионах. На национальном уровне – внутреннего баланса предложения и спроса на продовольствие в стране и обеспечения продовольственной безопасности для малоимущих групп населения. Проблема продовольственной безопасности на индивидуальном уровне касается доступности пищи для индивидуумов или членов семьи и вопросов питания и здоровья.

Все страны в той или иной мере сталкиваются с проблемами продовольственной безопасности, однако применяют различные стратегии и подходы к их решению. Логика национальной продовольственной безопасности может быть понята через две аналитические оси: первая – это категория «международное и национальное»; вторая – это дисциплинарная ось «политическое и экономическое». Из этого можно выделить четыре комбинации [17].

Логика продовольственной безопасности с национальной точки зрения заключается в том, что «политика берет верх над экономикой» [18]. Первое определяет стратегическое положение государства по отношению к продовольственной безопасности, а второе определяет подходы государства к обеспечению продовольственной безопасности.

Особенности проблематики продовольственной безопасности КНР

С момента основания Китайской народной республики всегда уделялось высокое внимание вопросам производства продовольствия; однако до начала политики реформ и открытости задача увеличения производства продовольствия исходила не из заботы государства о продовольственной безопасности, а из опасения по поводу первоначального накопления тяжелой промышленности [4]. Понятие продовольственной безопасности официально появилось в Китае после того, как ФАО представила это понятие на мировом уровне.

В сравнении с определением ФАО понятия продовольственной безопасности как отечественные ученые, так и правительство Китая явно подчеркивают роль государства в данном вопросе. Эта корректировка одновременно означает более явное эмпирическое содержание понятия продовольственной безопасности в Китае, то есть более конкретное и практическое определение роли правительства в обеспечении продовольственной безопасности в стране.

Особенность проблематики продовольственной безопасности Китая заключается в том, что роль государства была значительно усилена. Уже в начале 90-х годов Центральный комитет четко определил продовольствие как «основу основ» и «стратегический товар, напрямую связанный с благосостоянием народа и государства». С XVIII съезда КПК вокруг проблемы национальной продовольственной безопасности был сделан ряд важных заявлений, а ее обеспечение было дополнительно утверждено как серьезная стратегическая задача государства.

Причины, по которым в Китае акцентируется роль государства в обеспечении продовольственной безопасности, можно объяснить с двух точек зрения – международной политики и внутренней политики. С точки зрения международной политики, Китай является страной с полностью независимыми полномочиями в политической, экономической и военной сферах, и проводит независимую мирную внешнюю политику, что ставит более высокие требования и к самодостаточности продовольственного суверенитета Китая [19].

Говоря о внутренней политике, в отличие от правительств западных стран с ориентированной на процесс ограниченной ответственностью, система Китая заключается в том, что центральное правительство берет на себя неограниченную или высокую ответственность за выполнение обязанностей, ориентированных на результат [20–21].

Общие закономерности эволюции проблемы продовольственной безопасности и стратегические трансформации Китая

В контексте экономической глобализации каждая страна должна разрабатывать свою политику продовольственной безопасности, учитывая как международную, так и национальную аграрно-экономическую систему [22].

Экономика сельского хозяйства не включает в свою теоретическую систему проблему «продовольственной безопасности» как экономическую проблему; в западной экономике обсуждаемая проблема связана с производством продовольствия (поставкой продовольствия). Юдзиро Хаями и Годо Ясуниса отмечают, что развивающиеся страны с низким уровнем дохода на начальном этапе сталкиваются с «проблемой продовольствия», то есть спрос на продовольствие растет быстрее, чем увеличивается его предложение [15].

Понимание процесса трансформации стратегии продовольственной безопасности Китая требует учета как общих закономерностей изменения аграрных проблем в процессе индустриализации, так и особенностей продовольственной безопасности Китая. С точки зрения закономерностей, Китай также должен пройти стадию относительного дефицита продовольствия, и с продолжением индустриализации проблема продовольствия должна значительно улучшиться в долгосрочной перспективе [23].

С момента политики реформ и открытости Китай провел два этапа трансформации своей стратегии продовольственной безопасности – в 1996 и 2013 годах. Эти два этапа соответствуют закономерностям изменения проблем продовольствия в других странах: китайский номинальный объем продовольствия для обеспечения внутреннего спроса также уменьшился, и общий коэффициент самообеспеченности продовольствия также снижается [24].

Направление будущих корректировок стратегии продовольственной безопасности Китая характеризуется переходом от пассивной стратегии к активной, от мелкого сельского хозяйства к масштабно-му. Предпосылкой для реализации этого перехода является преобразование организации сельскохозяйственного производства с целью обеспечения сравнительного преимущества продовольственной экономики и повышения конкурентоспособности продовольствия на международном рынке [25].

Обсуждение результатов: методология и политическое направление стратегической трансформации

Практическая реализация стратегической трансформации продовольственной безопасности Китая требует преодоления противоречия между политическим императивом самодостаточности и экономической необходимости интеграции в глобальные цепочки. Применение методологии «минимального уровня» [28] позволяет сбалансировать эти требования: государство фокусируется на критических угрозах (зерновой суверенитет), не подвергая избыточной секьюритизации всю аграрную сферу.

Концепция «большой продовольственной безопасности» (2016) [29] расширяет инструментарий за счёт диверсификации источников – развития всей территории страны, использования международного рынка и сокращения потерь. Это отражает переход от пассивной стратегии запасов к активному управлению рисками.

Ключевое условие трансформации – преодоление мелкотоварного производства через развитие профессионального фермерства и масштабной кооперации [25]. Это создаст сравнительное преимущество зерновой экономики, снизив зависимость от субсидий и повысив конкурентоспособность на мировом рынке.

Выводы

Логика национальной продовольственной безопасности Китая определяется принципом «политика берёт верх над экономикой». В отличие от либеральной парадигмы ФАО, ориентированной на индивидуальный доступ к продовольствию, китайская модель секьюритизирует продовольствие как экзистенциальную угрозу национального уровня, что легитимизирует чрезвычайное государственное вмешательство.

Эта секьюритизация коренится в структурных особенностях КНР: независимой внешней политике, требующей продовольственного суверенитета, и системе неограниченной внутренней ответственности правительства. Результатом стало замедление естественного снижения самообеспеченности продовольствием, характерного для индустриализирующихся стран.

Стратегическая трансформация требует разрешения фундаментального противоречия: между политическим императивом автономии и экономической рациональностью глобализации. Переход от пассивной стратегии мелкого земледельца к активной модели масштабного производства – единственный путь формирования сравнительного преимущества зерновой экономики.

Литература

1. Чэнь Янфэн, Ван Цзеэн. Исследование и оценка ситуации в области продовольственной безопасности Китая и стратегических ре-

шений в контексте открытости внешнему миру // Журнал природных ресурсов. 2021. Т. 36, № 6. С. 1616–1630.

2. Ло Ван Чунь. Управление продовольственной безопасностью Китая: тенденции развития, проблемы и улучшения // Сельская экономика Китая. 2020. № 12. С. 56–66.

3. Du M., Lei J., Li S. Navigating the Path to Food Security in China: Challenges, Policies, and Future Directions // Foods. 2025. Vol. 14, No. 4. P. 644. DOI: 10.3390/foods14040644

4. Цюань Шивэнь. Об эволюционной логике сельскохозяйственной политики – ключевых проблемах и потенциальных рисках частичной трансформации // Сельская экономика Китая. 2022. № 2. С. 15–35.

5. Ван Ган, Цянь Лун. Стратегия продовольственной безопасности за 70 лет с момента основания Нового Китая: путь эволюции и внутренняя логика // Сельская экономика Китая. 2019. № 9. С. 15–29.

6. Вэй Чжи Минь, Ю Сонгао. Исследование по созданию системы продовольственной безопасности Китая: структурные характеристики, потенциальные проблемы и пути оптимизации // Журнал теоретических наук. 2021. № 4. С. 70–78.

7. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

8. Krueger A.O., Schiff M., Valdes A. The Political Economy of Agricultural Pricing Policy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. 315 p.

9. FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Urbanization, agrifood systems transformation and healthy diets across the rural–urban continuum. Rome: FAO, 2023. 300 p. DOI: 10.4060/cc8163en

10. FAO. The State of Agricultural Commodity Markets 2022. Rome: FAO, 2022. 128 p. DOI: 10.4060/cc0640en

11. Чжу Цзэ. Продовольственная безопасность в Китае: эмпирические исследования и выбор политики. Ухань: Издательство Hubei Science and Technology Press, 1998. 245 с.

12. Се Ляньби, Хуан Вэнь. Эволюция представлений о продовольственной безопасности с момента основания Китайской Народной Республики: от закрытого к открытому // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 142–147.

13. Чэн Шанкуй, Ли Юнь Юнь, Лю Сяо Цзе и др. Размышления о концепции продовольственной безопасности нашей страны в новую эпоху // Журнал природных ресурсов. 2018. Т. 33, № 6. С. 911–926.

14. Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономические реформы. Шанхай: Издательство Gezhi, 1994. 368 с.

15. Hayami Y., Godo Y. Development Economics: From the Poverty to the Wealth of Nations. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2005. 448 p.

16. Kastner T., Rivas M.J., Koch W., Nonhebel S. Global changes in diets and the consequences for land requirements for food // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. Vol. 109, No. 18. P. 6868–6872. DOI: 10.1073/pnas.1117054109

17. OECD. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. 280 p. DOI: 10.1787/agr_pol-2023-en

18. Swinnen J.F.M. The Political Economy of Agricultural and Food Policies. New York: Palgrave Macmillan, 2018. 278 p.

19. Li J., Pan Y. EU and China's Comparative Advantage, Trade Complementarity and Trade Specialization Dynamics in Agricultural Products // Asia Europe Journal. 2023. Vol. 21, No. 3. P. 351–379. DOI: 10.1007/s10308-023-00675-9

20. Вэнь Тэцзюнь, Цзи Хан, Чжан Цзюньна. Центральный риск и местная конкуренция // Журнал Национальной академии управления. 2015. № 4. С. 23–31.

21. Пан Мотао. Логика, присущая социалистической рыночной экономике с китайскими особенностями, и реформа государственных учреждений // Журнал Национальной академии управления. 2018. № 3. С. 74–80.

22. Meng T., Fan S. Transforming Chinese Food and Agriculture: A Systems Perspective // Frontiers of Agricultural Science and Engineering. 2023. Vol. 10, No. 1. P. 4–15. DOI: 10.15302/J-FASE-2023493

23. Lee J., Zhong T., Li J. et al. Exploring China's Food Security Evolution from a Local Perspective // Habitat International. 2024. Vol. 145. P. 103070. DOI: 10.1016/j.habitatint.2024.103070

24. Ли Го Цзин, Чэнь Юнфу, Цзяо Юэ и др. Анализ состояния продовольственной самодостаточности Китая и стратегии обеспечения спроса // Экономические вопросы сельского хозяйства. 2019. № 6. С. 94–104.

25. Цай Фан. Выбор политики развития сельского хозяйства после точки перелома по модели Льюиса // Сельская экономика Китая. 2008. № 8. С. 4–15.

26. Цюань Ши Вэнь, Юй Сяохуа. Система сельскохозяйственной политики Китая и её международная конкурентоспособность // Реформа. 2016. № 11. С. 130–138.

27. Сюй Цин, Лю Цзинь, Ян Цин. Реформа субсидий в сельском хозяйстве в рамках правил ВТО: логика, результаты и направления // Проблемы сельского хозяйства и экономики. 2020. № 8. С. 88–100.

28. Niu L., Zhang Y., Mishra A.K. Direct Grain Subsidy and Grain Production in China // Journal of Integrative Agriculture. 2022. Vol. 21, No. 6. P. 1777–1790. DOI: 10.1016/j.jia.2022.04.006

29. Chen Y., Zhang L. Building Resilient Food Security Against Global Crisis: New Evidence From China // Food and Energy Security. 2024. Vol. 13, No. 4. P. e70008. DOI: 10.1002/fes3.70008

THE GEOPOLITICAL DIMENSION OF CHINA'S FOOD SECURITY: TRANSFORMING INSTRUMENTS AND PRIORITIES

Kornev N.A., Burnasov A.S.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The relevance of this study is determined by increasing global food risks, growing uncertainty in international trade, and the need to ensure China's food security amid the strategic transformation of the agricultural sector. This study examines China's food security strategy and its transformation mechanisms in the context of the country's changing agrarian-economic system. It focuses on the political and economic relations that are developing in the area of food security at the national and international levels of development. The aim of this study is to comprehensively analyze the logic of food security from a national perspective and develop methodological approaches to the strategic transformation of China's food policy at the present stage. To achieve this goal, the following objectives were addressed: analyzing the theoretical foundations of food security at the global, national, and individual levels of analysis; identifying the specific aspects of China's food security challenges, driven by the significantly increased role of the state; and examining the general patterns of food strategy evolution and the paths of transformation from a passive to an active model of provision. The study's methodological framework includes systems analysis, a comparative historical method, political-economic analysis, and economic-statistical data processing methods. The study utilizes official data from the FAO, OECD, and the World Bank, statistical materials from the National Bureau of Statistics of China, and scientific publications by leading researchers on food security issues. The study's results demonstrate that the logic of national food security is determined by the "politics trumps economics" relationship, with the Chinese model characterized by a significant strengthening of the state's role as a consequence of an independent foreign policy and the government's unlimited domestic accountability to the country's population. Conclusions are drawn regarding the need to transition from a small-scale farming strategy to large-scale production, the development of a comparative advantage in the food economy, and the application of a "floor" methodology in developing food security policies during the transformation period.

Keywords: China's food security, food security geopolitics, food sovereignty, international grain trade, global food chains, economic diplomacy, strategic autonomy, geoeconomic rivalry, securitization, the concept of greater food security.

References

1. Chen Yanfen, Wang Jieyong. Research and Assessment of China's Food Security Situation and Strategic Decisions in the Context of Opening Up to the Outside World // Journal of Natural Resources. 2021. Vol. 36, No. 6, Pp. 1616–1630.

2. Luo Wang Chun. China's Food Security Governance: Development Trends, Challenges, and Improvements // Rural Economy of China. 2020. No. 12, Pp. 56–66.

3. Du M., Lei J., Li S. Navigating the Path to Food Security in China: Challenges, Policies, and Future Directions // Foods. 2025. Vol. 14, No. 4, p. 644. DOI: 10.3390/foods14040644

4. Quan Shiwen. On the Evolutionary Logic of Agricultural Policy – Key Issues and Potential Risks of Partial Transformation // Rural Economy of China. 2022. No. 2. Pp. 15–35.

5. Wang Gang, Qian Long. Food Security Strategy for 70 Years Since the Founding of New China: The Path of Evolution and Internal Logic // Rural Economy of China. 2019. No. 9. Pp. 15–29.

6. Wei Zhi Min, Yu Songgao. Research on the Construction of China's Food Security System: Structural Characteristics, Potential Problems, and Optimization Paths // Journal of Theoretical Sciences. 2021. No. 4. Pp. 70–78.

7. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

8. Krueger A.O., Schiff M., Valdes A. The Political Economy of Agricultural Pricing Policy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. 315 p.

9. FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Urbanization, Agrifood Systems Transformation, and Healthy Diets Across the Rural–Urban Continuum. Rome: FAO, 2023. 300 p. DOI: 10.4060/cc8163en

10. FAO. The State of Agricultural Commodity Markets 2022. Rome: FAO, 2022. 128 p. DOI: 10.4060/cc0640en

11. Zhu Ze. Food Security in China: Empirical Research and Policy Choices. Wuhan: Hubei Science and Technology Press, 1998. 245 p.

12. Xie Lianbi, Huang Wen. "The Evolution of Ideas about Food Security since the Founding of the People's Republic of China: From Closed to Open." Sociological Studies. 2012. No. 5. Pp. 142–147.

13. Cheng Shengkui, Li Yun Yun, Liu Xiao Jie, et al. "Reflections on the Concept of Food Security of Our Country in the New Era." Journal of Natural Resources. 2018. Vol. 33, No. 6. Pp. 911–926.

14. Lin Yifu, Cai Fang, Li Zhou. The Chinese Miracle: Development Strategy and Economic Reforms. Shanghai: Gezhi Publishing House, 1994. 368 p.

15. Hayami Y., Godo Y. Development Economics: From the Poverty to the Wealth of Nations. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2005. 448 p.

16. Kastner T., Rivas M.J., Koch W., Nonhebel S. Global changes in diets and the consequences for land requirements for food // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. Vol. 109, No. 18. P. 6868–6872. DOI: 10.1073/pnas.1117054109

17. OECD. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. 280 p. DOI: 10.1787/agr_pol-2023-en

18. Swinnen J.F.M. The Political Economy of Agricultural and Food Policies. New York: Palgrave Macmillan, 2018. 278 p.

19. Li J., Pan Y. EU and China's Comparative Advantage, Trade Complementarity, and Trade Specialization Dynamics in Agricultural Products // Asia Europe Journal. 2023. Vol. 21, No. 3. P. 351–379. DOI: 10.1007/s10308-023-00675-9

20. Wen Tiejun, Ji Han, Zhang Junna. Central Risk and Local Competition // Journal of the National Academy of Management. 2015. No. 4. P. 23–31.

21. Pan Motao. The Logic of Socialist Market Economy with Chinese Characteristics and the Reform of Public Institutions // Journal of the National Academy of Management. 2018. No. 3. P. 74–80.

22. Meng T., Fan S. Transforming Chinese Food and Agriculture: A Systems Perspective // Frontiers of Agricultural Science and Engineering. 2023. Vol. 10, No. 1. P. 4–15. DOI: 10.15302/J-FASE-2023493

23. Lee J., Zhong T., Li J. et al. Exploring China's Food Security Evolution from a Local Perspective // Habitat International. 2024. Vol. 145. P. 103070. DOI: 10.1016/j.habitatint.2024.103070

24. Li Guo Jing, Chen Yongfu, Jiao Yue et al. Analysis of China's Food Self-Sufficiency and Demand Response Strategy // Economic Issues in Agriculture. 2019. No. 6. P. 94–104.

25. Cai Fang. Policy Choices for Agricultural Development after the Lewis Breaking Point // China's Rural Economy. 2008. No. 8. Pp. 4–15.

26. Quan Shi Wen, Yu Xiaohua. China's Agricultural Policy System and Its International Competitiveness // Reform. 2016. No. 11. Pp. 130–138.

27. Xu Qing, Liu Jin, Yang Qing. Agricultural Subsidy Reform under WTO Rules: Logic, Results, and Directions // Problems of Agriculture and Economics. 2020. No. 8. Pp. 88–100.

28. Niu L., Zhang Y., Mishra A.K. Direct Grain Subsidy and Grain Production in China // Journal of Integrative Agriculture. 2022. Vol. 21, No. 6. P. 1777–1790. DOI: 10.1016/j.jia.2022.04.006

29. Chen Y., Zhang L. Building Resilient Food Security Against Global C

От эры гегемона к эпохе выживания: «Хезболла» после гибели Хасана Насраллы

Яндиева Дана Жамалеловна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: yandieva-dz@ranepa.ru

Статья анализирует последствия гибели Хасана Насраллы для «Хезболлы» и регионального баланса сил на Ближнем Востоке. Смерть многолетнего лидера рассматривается как переломный момент, совпавший с военным истощением организации, ослаблением проиранской «оси сопротивления» и изменением политической конфигурации в Ливане. Несмотря на значительные потери в командном составе, военной инфраструктуре и финансовых ресурсах, «Хезболла» сохраняет идеологическую преемственность и отказывается от разоружения, рассматривая его как экзистенциальную угрозу своему статусу. Военные удары сами по себе не гарантируют долгосрочного ослабления «Хезболлы», тогда как трансформация внутривнутриполитического порядка в Ливане и региональной архитектуры безопасности остаётся неопределённой и зависит от исхода текущей войны и способности сторон конвертировать военные результаты в устойчивые политические изменения.

Ключевые слова: Хезболла, Ливан, Ближний Восток, США, Израиль, ЦАХАЛ, геополитика, международные отношения, Хасан Насралла, Наим Касем, Иран, ось сопротивления.

Гибель Хасана Насраллы стала тяжелейшим ударом для «Хезболлы» после серии ударов, нанесенных Армией обороны Израиля, и других негативных событий с точки зрения организации, главным образом, краха режима Асада, распада проиранской шиитской оси и создания нового ливанского руководства, выступающего против пути «Хезболлы». Но похоже, что, хотя «Хезболла» изменила свой облик, она по-прежнему цепляется за свою первоначальную весьма радикальную идеологию. Церемонии, посвященные годовщине гибели Насраллы, послужили возможностью для демонстрации силы и были частью усилий организации по восстановлению, одновременно преодолевая стоящие перед ней вызовы, в частности, требование о разоружении. Для Израиля окно возможностей для изменения ситуации в сфере безопасности и политической реальности в отношении Ливана быстро сужается, и было бы неразумно полагаться исключительно на военные удары для предотвращения восстановления «Хезболлы».

В своей речи на главной церемонии, состоявшейся на месте захоронения, нынешний генеральный секретарь «Хезболлы» Наим Касем заявил, что, несмотря на боль, связанную со смертью Насраллы, организация остается приверженной продолжению, даже до самой смерти, следования намеченному им пути, и что «Хезболла» будет готова противостоять любому, кто попытается заставить ее разоружиться[1]. В средствах массовой информации подчеркивалось прославление харизматичного и почитаемого Насраллы и пути сопротивления, который он возглавлял. Газета «Аль-Ахбар» даже назвала его «вечным» лидером организации[2]. Статус и влияние Насраллы выходили далеко за рамки его формальных должностей в организации. За 32 года своего пребывания на посту генерального секретаря он сыграл решающую роль в превращении «Хезболлы» в мощное, независимое ополчение, угрожающее Израилю и его внутренним противникам, одновременно укрепив позиции организации как центральной политической, социальной и экономической силы в Ливане. За пределами Ливана Насралла был ключевой опорой Ирана и одним из главных архитекторов в формировании и развитии стратегии оси сопротивления.

Смерть Насраллы, таким образом, представляет собой переломное событие в истории «Хезболлы», добавившее к череде серьезных ударов, которые вынудили организацию в ноябре 2024 года согласиться на прекращение огня с Израилем. Удары Израиля по Ливану усугубились региональными событиями, которые еще больше ухудшили положение «Хезболлы», прежде всего, крахом режима Асада в Сирии и вовлечением оси сопротивления в затяжную войну с Израилем. Все эти факторы оставили организацию измотанной и ослабленной. «Хезболла» потеряла многих своих командиров и бойцов во время войны (в речи 5 августа Касем заявил, что организация потеряла 5000 убитых и 13000 раненых)[3]. Значительная часть военных активов «Хезболлы» была уничтожена если верить Армии обороны Израиля, которая утверждает, что уничтожила 80% огневой мощи «Хезболлы», а ее финансовые возможности были серьезно сокращены[4].

Отсутствие высокопоставленных ветеранов «Хезболлы», погибших в войне, также затруднило процесс принятия решений, поскольку организация находится на критическом перепутье. Ее нынешний лидер, Наим Касем, не обладает способностями и авторитетом Насраллы. Также имеют место быть и внутренние разногласия среди оставшихся высокопоставленных членов, главным образом между Касемом, который выступает за относительно прагматичную линию, и более радикальной фракцией во главе с Вафиком Сафой, ветераном организации, который занял вызывающую позицию как по отношению к Касему, так и к официальному руководству Ливана, а в этом месяце покинул свой пост главы разведки.

Хезболла, остающаяся твердо приверженной своей идеологии сопротивления и борьбы против Израиля, в настоящее время сталкивается с растущими внутренними угрозами своему статусу. Эти вызовы проистекают из попытки укрепления нового ливанского руководства, стремящегося упрочить суверенитет Ливана и установить новый политический порядок в стране. Центральным вопросом в повестке дня Хезболлы является требование о ее разоружении в рамках попыток руководства добиться монополии на применение силы. Этот шаг стал необходимым для того, чтобы Ливан позитивно отреагировал на внешнее давление, главным образом со стороны Соединенных Штатов, Франции и Саудовской Аравии. Эти государства поставили свою значитель-

ную помощь Ливану в послевоенном восстановлении и хрупком экономическом подъеме в зависимости от ощутимого прогресса в этой сложной миссии в отношении Хезболлы.

Вопрос разоружения имеет для «Хезболлы» экзистенциальное значение, поскольку она непреклонно настаивает на сохранении своего оружия – центральной опоры своей мощи в борьбе как с внутренними, так и с внешними противниками. В этом вопросе организация занимает единую и последовательную позицию, что подтверждается заявлениями всех ее представителей и в средствах массовой информации, а также в выступлениях Касема. Он подчеркивает, что «Хезболла» не откажется от своего оружия, которое необходимо для обороны Ливана, и не будет даже обсуждать разоружение, пока не будут выполнены ее требования к Израилю: полный вывод Армии обороны Израиля с ливанской территории (с пяти пограничных пунктов, все еще контролируемых Израилем), прекращение израильских атак на «Хезболлу», освобождение всех ливанских заключенных, содержащихся в Израиле и восстановление пострадавших от войны ливанских деревень[5].

Параллельно, после вступления в силу соглашения о прекращении огня, «Хезболла», похоже, восстанавливает свои позиции. Она проводит реорганизацию, вербует новых бойцов, находит креативные методы приобретения и поставки оружия, создает новые источники дохода через свои сети в Южной Америке, Европе и Африке. Группировка продолжает пользоваться широкой народной поддержкой в Ливане, что подтверждается массовым участием в церемониях, посвященных годовщине ликвидации Насраллы. Она также поддерживает сотрудничество с шиитским движением «Амаль», возглавляемым спикером парламента Набигом Берри, который является главным связующим звеном «Хезболлы» с ливанским правительством, и сохраняет поддержку Ирана, чья абсолютная приверженность «Хезболле» остается неизменной, несмотря на собственные трудности. Секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Лариджан присутствовал на памятных мероприятиях в Бейруте[6].

Тем не менее, необходимость сосредоточиться на восстановлении побудила «Хезболлу» занять относительно прагматичный подход и внести ряд корректировок в политику, в том числе в отношении ЦАХАЛ: отказ от стратегии «уравнений сдерживания» и воздержание от ответных действий на израильские атаки, при этом заявляя, что это нарушения Израилем режима прекращения огня, и намекая, что эта сдержанность носит временный характер.

Обращение к ливанскому руководству: ведение диалога, признание общей ответственности за судьбу Ливана и стремление избежать прямой конфронтации. Например, министры от «Хезболлы» и «Амалья» просто не присутствовали на заседаниях кабинета министров или голосованиях по решениям, противоречащим интересам организации, ссылаясь на «недоразумения». Избегая внутреннего насилия на данный момент «Хезболла» воздерживается от вооруженных столкновений внутри Ливана, ограничиваясь организацией протестных митингов и мотоциклетных парадов с флагами «Хезболлы». Ее представители утверждают, что оружие организации предназначено исключительно для защиты суверенитета и безопасности Ливана от Израиля и что она стремится избежать гражданской войны.

На фоне резкой критики Израиля со стороны арабских стран в связи с продолжающимся геноцидом в Газе и ударами в Дохе, «Хезболла» попыталась сформировать единый фронт против Израиля с умеренными арабскими игроками, главным образом с Саудовской Аравией. Однако ее публичное обращение к Эр-Рияду, поддержанное Ираном, было отклонено на том основании, что Саудовская Аравия взаимодействует только с государствами, а не с организациями[7].

Главный вывод для Израиля из этих событий заключается в том, что, хотя в настоящее время Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) имеет военное превосходство, созданное окно возможностей для изменения ситуации в сфере безопасности и политической обстановки вдоль северной границы и в израильско-ливанских отношениях сужается. Несмотря на трудности, «Хезболла» восстанавливается, ливанское правительство и армия остаются слишком слабыми, чтобы противостоять ей.

С уходом Насраллы и расширением разрыва в его руководящей структуре, «Хезболла» потеряла часть своего влияния, и её роль в регионе стала меньше, особенно после потери целого поколения высокопоставленных лидеров, накопивших опыт и связи с другими сферами и их различными силами. Этот упадок вызовет вопросы о том, в какой степени это затронет другие фронты и о характере роли, которую партия будет играть там в будущем.

Все еще сложно определить полный масштаб этих последствий, но они, несомненно, создают дополнительную нагрузку на Иран и его роль в регионе. Перестройка региональной стратегии может потребовать прямого вмешательства для компенсации некоторых действий,

ранее предпринятых Насраллой, и даже может привести к восстановлению его влияния в регионе, особенно если «Хезболла» не сможет возобновить свою центральную роль.

Удары, нанесенные «Хезболле» на уровне руководства, вряд ли коренным образом повлияют на ее военные возможности как самой сильной организации в оси сопротивления и самой влиятельной политической партии в Ливане. Ее положение не будет существенно затронуто в будущем, особенно если война закончится соглашением о прекращении огня в ближайшее время, независимо от его условий или деталей. Тем не менее, убийство Насраллы открыло двери для более масштабных изменений в Ливане и регионе, потенциально требующих крупных проектов по реформированию ливанского и регионального ландшафта. Эта тенденция подкрепляется тем фактом, что Израилю всего за несколько дней и без каких-либо потерь удалось ликвидировать большую часть руководства партии, которая является авангардом возглавляемой Ираном оси. Нетаньяху считает эти удары историческим достижением и доказательством восстановленной сдерживающей силы Израиля под его руководством, возможно, представляя это достижение своим сторонникам как победу, эквивалентную и альтернативную той, которую он не смог одержать в Газе.

Что касается «Хезболлы», то любая новая характеристика этой партии и её роли в Ливане и регионе будет зависеть от её действий в этой войне и от того, как она закончится. Похоже, партия останется привержена позиции, подтвержденной её бывшим генеральным секретарем Хасаном Насраллой, о том, что война за поддержку на ливанском фронте не прекратится до окончания войны в Газе. Эта позиция, по всей видимости, определит будущее партии и её нового руководства на предстоящем этапе.

Литература

1. Al Jazeera. One year after killing of leader Nasrallah, Hezbollah says no to disarming // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/9/28/one-year-after-killing-of-leader-nasrallah-hezbollah-says-no-to-disarming> (дата обращения: 14.02.2026)
2. Al Akhbar. ل..لوالا يبرعل مي عزال: لئارسا // URL: https://www.al-akhbar.com/lebanon/824162?__cf_chl_rt_tk=mzn9hFkcVF2ojDDPJUctsMGx_2GdbDLvzZ_oB_8N-HfY-1771112884-1.0.1.1-Tc7eH6n8Kpg9osfV0RuGqWM_KwbJ7cQJn.Lt8xsFrU (дата обращения: 14.02.2026)
3. AlManar. Sheikh Qassem: The Resistance is fine, strong and ready to fight for Lebanon's sovereignty and independence [электронный ресурс] // URL: <https://en-archive.almanar.com.lb/2470591> (дата обращения: 14.02.2026)
4. The Times of Israel. IDF assesses successes against Hezbollah since ceasefire could lead to it disarming // URL: <https://www.timesofisrael.com/idf-assesses-successes-against-hezbollah-since-ceasefire-could-lead-to-it-disarming> (дата обращения: 14.02.2026)
5. Al Jazeera. Hezbollah says it will not give up weapons despite US proposal // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/7/18/hezbollah-chief-rejects-us-proposals-on-group-giving-up-weapons> (дата обращения: 14.02.2026)
6. Iran International. Larjani backs Lebanon's 'resistance' in Beirut visit [электронный ресурс] // URL: <https://www.iranintl.com/en/202509272462> (дата обращения: 14.02.2026)
7. Shafaq News. Iran endorses Hezbollah initiative to improve Saudi ties [Электронный ресурс] // URL: <https://shafaq.com/en/Middle-East/Iran-endorses-Hezbollah-initiative-to-improve-Saudi-ties> (дата обращения: 14.02.2026)

FROM THE ERA OF HEGEMONY TO THE ERA OF SURVIVAL: HEZBOLLAH AFTER THE DEATH OF HASSAN NASRALLAH

Yandieva D.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article analyzes the consequences of Hassan Nasrallah's death for Hezbollah and the regional balance of power in the Middle East. The death of the longtime leader is seen as a turning point, coinciding with the organization's military exhaustion, the weakening of the pro-Iranian "axis of resistance," and a shift in the political landscape in Lebanon. Despite significant losses in its command structure, military infrastructure, and financial resources, Hezbollah maintains ideological continuity and refuses to disarm, viewing it as an existential threat to its status. Military strikes alone do not guarantee the long-term weakening of Hezbollah, while the transformation of Lebanon's domestic political order and the regional security architecture remains uncertain and depends on the outcome of the current war and the ability of the parties to convert military gains into lasting political change.

Keywords: Hezbollah, Lebanon, Middle East, USA, Israel, IDF, geopolitics, international relations, Hassan Nasrallah, Naim Qassem, Iran, Axis of Resistance.

References

1. Al Jazeera. One year after killing of leader Nasrallah, Hezbollah says no to disarming // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/9/28/one-year-after-killing-of-leader-nasrallah-hezbollah-says-no-to-disarming> (date of access: 14.02.2026)
2. Al Akhbar. لوألا يبرعنا مي عزلا: لي وئارسا // URL: https://www.al-akhbar.com/lebanon/824162?__cf_chl_rt_tk=mzn9hFkcVF2ojDDPJUctsMGx_2Gdb-DLvz_oB_8NHbY-1771112884-1.0.1.1-Tc7eH6n8Kpg9osfVy0RuGqWM_KwbJ7cQJn.Lt8xsFrU (date of access: 14.02.2026)
3. AlManar. Sheikh Qassem: The Resistance is fine, strong and ready to fight for Lebanon's sovereignty and independence [Electronic resource] // URL: <https://en-archive.almanar.com.lb/2470591> (date of access: 14.02.2026)
4. The Times of Israel. IDF assesses successes against Hezbollah since ceasefire could lead to it disarming // URL: <https://www.timesofisrael.com/idf-assesses-successes-against-hezbollah-since-ceasefire-could-lead-to-it-disarming> (date of access: 14.02.2026)
5. Al Jazeera. Hezbollah says it will not give up weapons despite US proposal // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/7/18/hezbollah-chief-rejects-us-proposals-on-group-giving-up-weapons> (date of access: 14.02.2026)
6. Iran International. Larijani backs Lebanon's 'resistance' in Beirut visit [Electronic resource] // URL: <https://www.iranintl.com/en/202509272462> (date of access: 14.02.2026)
7. Shafaq News. Iran endorses Hezbollah initiative to improve Saudi ties [Electronic resource] // URL: <https://shafaq.com/en/Middle-East/Iran-endorses-Hezbollah-initiative-to-improve-Saudi-ties> (date of access: 14.02.2026)

Рыбаков Андрей Вячеславович,

доктор политических наук, профессор, кафедра философии,
Московский авиационный институт (Национальный
исследовательский университет)
E-mail: avrybakov67@mail.ru

Предметом исследования является милитаризация космоса. Военный аспект применения космических технологий представляет собой важный вопрос с точки зрения национальной безопасности. В то же время он влияет на общие отношения в сфере безопасности между субъектами международных отношений, то есть на сферу международной безопасности. Основная цель статьи – определить содержание понятия «милитаризация космоса», охарактеризовать тенденции военного использования космоса. В частности, в статье проанализированы взаимозависимости между двумя категориями этого явления: пассивной милитаризацией и активной милитаризацией. Внимание к этому аспекту милитаризации космоса обусловлено тем, что пассивная милитаризация – это явление, основы которого были заложены в 1960-х годах, и с тех пор общие принципы, регулирующие её, в значительной степени остались неизменными (за исключением очевидных изменений, вызванных технологическим прогрессом и изменениями в международной ситуации). Активная же милитаризация представляется явлением, которое может изменить правила, регулирующие военное использование внеземного пространства. Это определяет потенциальное изменение статуса космического пространства от убежища к полю боя.

Ключевые слова: космос, космическое пространство, космическая инфраструктура, милитаризация, велонизация, военные цели, космическое оружие

Определение милитаризации космоса

Милитаризация космоса стала стратегической реальностью настоящего. В самом простом понимании милитаризация космоса – это использование космического пространства в военных целях. Это краткое определение требует уточнения в двух областях.

Первое относится к термину «использование космического пространства». Мы понимаем эту фразу как означающую, что милитаризация космоса проявляется в различных видах деятельности, тесно связанных с внеземным пространством, но не ограничивается им. Более того, даже если предположить, что милитаризация космоса подразумевает проведение определенных видов деятельности, по крайней мере частично, в космическом пространстве (например, функционирование спутниковой связи требует деятельности как в космическом пространстве, так и на Земле), влияние этой деятельности не будет ограничиваться космосом, а распространится в первую очередь на ситуацию на Земле. Точное определение «использования космического пространства» также требует определения самого космического пространства, и в частности, определения его географического охвата. Следует учитывать то обстоятельство, что «с развитием научно-технического прогресса создаются такие виды и системы оружия, на которые не действуют международно-правовые запреты. В международном праве отсутствуют такие понятия, как: космическое оружие и космическое пространство» (2, с. 48) Существует и термин «использование космического пространства в мирных целях», который не имеет четко определенных содержательных границ в международном праве. «В отечественной и зарубежной доктрине, – уточняет Попова О.А. выделяется два основных подхода к определению содержания указанного термина: «невоенное использование космоса», которое исключает любое военное использование космоса, и «неагрессивное использование космоса», которое ограничивает военное использование космического пространства международным правом, в том числе положениями Устава ООН». (3, с. 136)

Вторая область относится к термину «военные цели». Учитывая значение этого термина, следует отметить, что его концептуальная сфера уже, чем цели национальной безопасности. Эта сфера включает, например, космические проекты, осуществляемые с целью повышения престижа, в той мере, в какой они связаны с национальной безопасностью. В космической гонке времен холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом цели повышения престижа были тесно связаны с национальной безопасностью. Однако в данной статье мы будем рассматривать этот тип деятельности лишь косвенно, как контекст для милитаризации космоса (связанный, например, с дилеммой распределения ресурсов между военными и престижными проектами), а не как его компонент.

Термин «военный» понимается как возможность применения военной силы, то есть использования вооруженного насилия. Однако он не ограничивается самим применением военной силы, а охватывает целый ряд действий, прямо и косвенно связанных с такой возможностью. Более того, этот термин относится как к собственным возможностям применения вооруженного насилия, так и к возможностям противника, включая потенциального. Таким образом, к военным целям относятся, например, разведка возможностей противника, а разведывательная деятельность, проводимая с использованием спутниковых систем, будет рассматриваться как военная задача. Мы признаем, что разведка может рассматриваться как отдельная сфера государственной деятельности, но в этом случае, когда она, в первую очередь, направлена на получение информации о военных возможностях противника, мы включим ее в перечень военных задач.

Термин «военные цели» здесь обозначает более широкую сферу деятельности, чем просто вооруженные силы. Хотя они, безусловно, являются основной структурой, ответственной за достижение этих целей, они не единственные. Можно выделить следующие ситуации, когда достижение военных целей выходит за рамки деятельности вооруженных сил.

Во-первых, в военных задачах участвуют и другие государственные ведомства. Например, стратегическая спутниковая разведка в Соединенных Штатах находится в ведении Национального управления военно-космической разведки США (англ. National Reconnaissance Office, NRO). Хотя оно подчиняется Министерству обороны, но находится

вне организационной структуры Вооруженных сил США. Это гибридная организация – со своим собственным персоналом, набранным из различных родов войск, и из Центрального разведывательного управления (ЦРУ), гражданских ведомств. Поэтому четкое разделение организационных структур, ответственных за военные и гражданские космические программы, не является правилом. Размытие этих границ было характерной чертой советской космической программы, и это в равной степени верно и для китайской программы сегодня.

Во-вторых, невоенная инфраструктура – как гражданская (государственная), так и коммерческая – может использоваться для выполнения военных задач. Это включает, например, использование невоенных спутников в военных целях. Такая деятельность может быть плановой или ситуативной, обусловленной, например, непосредственными потребностями текущего вооруженного конфликта. Невоенная инфраструктура, включая ракеты-носители, также используется для запуска военных полезных нагрузок на орбиту. К ним относятся как ракеты, разработанные в рамках государственных программ, предназначенные для запуска спутников различного статуса, так и – особенно в последнее время – ракеты, разработанные коммерческими организациями с целью получения прибыли. Ложковой П.Н. отмечает «... частные компании благодаря быстрому технологическому развитию и гибкости в инновациях стали важными участниками космической гонки, но, в то же время создают риски для милитаризации космоса». (1, с. 56)

В-третьих, военные действия осуществляются не только государствами, но и негосударственными субъектами, в том числе теми, которые находятся вне контроля государств или контролируются ими лишь в определенной степени. Негосударственные вооруженные группировки, даже если они не действуют непосредственно на орбите, способны осуществлять определенные действия, которые потенциально могут повлиять на спутниковые системы, например, нарушить спутниковую навигацию. В этом смысле эти действия представляют собой использование космического пространства в военных целях.

Наконец, технически, подавляющее большинство космических технологий, если не все, имеют двойное назначение. Спутники наблюдения Земли, глобальные навигационные системы и ракеты-носители имеют как гражданское, так и военное применение. Одним из примеров являются спутники, предназначенные для дистанционного зондирования или наблюдения Земли, гражданское или военное использование которых зависит исключительно от способа обработки данных.

Неоднозначность концепции дуальности на протяжении десятилетий позволяла государствам, заинтересованным в развитии военных космических возможностей, делать это в рамках гражданских или коммерческих космических программ. (7, р.5)

Таким образом, использование космоса в военных целях понимается достаточно широко, исходя из следующих критериев:

- пространство, в котором осуществляется деятельность – она не обязательно должна проводиться в географически определенной зоне космоса, но должна быть функционально связана с ней, например, должна влиять на деятельность систем на орбите;
- субъект, осуществляющий деятельность – она не обязательно должна осуществляться вооруженными силами или с использованием принадлежащих им средств, но должна относиться к военной сфере, т.е. предполагать возможность применения вооруженной силы.

Виды милитаризации

Существует два основных типа милитаризации космоса: пассивная и активная. Первый тип предполагает размещение военной техники в космосе. Однако использование космоса в военных целях носит пассивный и неразрушительный характер, поскольку не осуществляется оперативное развертывание устройств, известных как космическое оружие. Этот тип милитаризации часто называют в английском языке «милитаризацией» (Militarization). Второй тип милитаризации космоса в англоязычной литературе обозначают термином «вепонизация» (Weaponization). Он связан с появлением в космосе военных систем боевого, ударного назначения. Такие системы были бы предназначены для поражения как других находящихся в космосе военных систем, так и для нанесения ударов из космоса по объектам на Земле. В этом, то есть в ударном предназначении потенциальных военных космических систем, и состоит суть «вепонизации». (4) Иначе говоря, это относится к милитаризации, связанной с появлением космического оружия. Эквивалентом может быть термин «активная милитаризация» – менее наглядный, но относительно хорошо отражающий природу этого типа милитаризации. Вместе с термином «пассивная милитаризация» он образует гармоничный тандем, адекватно описывающий два типа милитаризации космоса.

Пассивная милитаризация ограничивается выполнением задач космическими системами в сфере поддержки военных операций. Она включает в себя деятельность, создающую благоприятные условия для успешного выполнения боевых задач собственными силами, а также деятельность, снижающую эффективность операций противника. Однако поддержка военных операций не включает в себя непосредственное ведение вооруженных боевых действий. Фундаментальными формами поддержки военных операций, составляющими сущность пассивной милитаризации космоса, являются:

- сбор информации (разведка),
- передача информации (связь),
- позиционирование (навигация).

Активная милитаризация предполагает ситуацию, в которой возможно применение космического оружия. Термин «оружие», в самом общем смысле, будет включать в себя созданные человеком объекты, используемые в бою как для нападения, так и для обороны, которые иногда могут служить и другим, невоенным целям. Формально оружие, вместе с военной техникой, образует коллективную категорию вооружения. В этом смысле его можно отождествить с заимствованным из английского языка понятием «эффектор», которое охватывает все, что непосредственно влияет на боевую обстановку. (5, р.169) Однако природа этого влияния точно не определена, что становится одним из источников путаницы в определениях некоторых типов космических военных систем, в том числе дилеммы о том, следует ли классифицировать определенные системы как космическое оружие или же отнести их к другим категориям.

Жан-Люк Лефевр предлагает ввести третью, промежуточную категорию между милитаризацией (Militarization) и вепонизацией (Weaponization). По его мнению, первая описывает функционирование спутниковой поддержки боевых действий, проводимых на Земле, а вторая соответствует гипотетическим боевым операциям в космосе. Однако границы между этими двумя типами операций часто размыты. Это относится, например, к использованию высокоточного оружия, управляемого спутниковыми навигационными системами, когда спутники становятся частью боевого комплекса. Лефевр также приводит гипотетический сценарий, включающий использование зеркала, размещенного в космосе, которое отражает и направляет лазерный луч, излучаемый устройством, размещенным на Земле, на цель. Возникает дилемма: можно ли говорить о космическом оружии, если луч излучается с Земли? Решением этих проблем является введение промежуточной категории, которую французский автор называет мартилизацией космического пространства (martilization). (6, р.112–113) Эта концепция предполагает использование космоса для военных операций путем развертывания объектов, которые сами по себе не способны уничтожать цели, но образуют боевую систему при использовании в сочетании с устройствами, размещенными на Земле. Конечный эффект схож с активной милитаризацией, но без применения оружия в строгом смысле этого слова. Из-за отсутствия подходящего эквивалента термин «мартилизация» можно перевести как «использование космической поддержки для проведения непосредственных боевых действий». В этом смысле милитаризация (militarization) охватывает формы космической поддержки военных операций, проводимых на Земле, но без проведения непосредственных боевых действий. Вепонизация (weaponization), с другой стороны, определяет космические боевые действия, то есть те, которые включают в себя применение оружия.

Возникает вопрос, оправдано ли введение третьей категории. В этом есть обоснованные сомнения – это потребовало бы точного разграничения элементов, составляющих боевые действия, в рамках общей категории военных операций. Примеры, приведенные Ж.Л. Лефевром, не облегчают эту задачу. Один из них, касающийся лазерного оружия, во многом надуман и не соответствует современным технологическим разработкам, а другой сам по себе неоднозначен. Навигационные спутники передают сигналы, которые используются на Земле для различных целей. К ним относятся как те, которые мы, несомненно, отнесли бы к боевым операциям (наведение оружия), так и те, которые с большей вероятностью являются частью других военных действий (определение местоположения транспортных средств и людей). Однако это не меняет принципа работы спутника. Только «земной» контекст определяет, считается ли данная деятельность в космосе элементом милитаризации или мартилизации.

В частности, речь идет об использовании космической инфраструктуры для определения местоположения подводной лодки, которая затем запускает баллистические ракеты, наводимые другим методом, а именно инерциальной системой. Таким образом, космическая инфраструктура не используется напрямую для наведения оружия, но точность инерциальной системы строго зависит от точности определения места запуска. В такой ситуации, имеем ли мы дело с косми-

ческой поддержкой прямой боевой операции с применением оружия или с поддержкой других военных операций, которые могут стать прямой боевой операцией только на последующем этапе? Наконец, если мы обратимся к определению оружия, пример, приведенный Ж.Л. Лэфевром, оказывается сомнительным – трудно рассматривать ракеты, наводимые спутниковой навигацией и спутниковой навигационной системой, как единую систему вооружения. Более ясным было бы следующее различие:

– применение оружия, понимаемого как средство поражения в космосе, представляет собой активную милитаризацию.

– применение оружия, не включающего средство поражения, действующее в космосе, представляет собой пассивную милитаризацию. Не имеет значения, включает ли оружие средство поражения, действующее вне космоса. Конечно, пассивная милитаризация также имеет место при использовании спутниковых систем, которые не относятся к категории оружия, но относятся к категории иного военного оборудования. Это наиболее типичная ситуация, не оставляющая сомнений.

Таким образом, целесообразно отказаться от третьей категории, описывающей использование космического пространства в военных целях, и ограничиться категориями пассивной и активной милитаризации. Детальное разграничение этих двух типов милитаризации потребует уточнения того, как именно следует понимать ситуацию, в которой «существует возможность применения космического оружия». Возникновение такой ситуации равносильно разграничению различных типов милитаризации.

Возникает вопрос: определяется ли этот поворотный момент конструкцией оружия, испытаниями, вводом в эксплуатацию или применением в боевых условиях? Осознавая присущую этому решению произвольность, мы склонны занять промежуточную позицию, приняв критерий ввода в эксплуатацию. Хотя это не совсем просто (процедуры, регулирующие ввод военной техники в эксплуатацию, различаются в разных странах, а вопрос о различной степени боевой готовности добавляет дополнительную сложность – А.Р.), именно момент ввода оружия в эксплуатацию определяет, может ли оно быть использовано.

Следует также добавить, что оружие должно поступать на вооружение в стратегически значимых количествах. К сожалению, это уточнение несколько размывает концепцию (во-первых, это обычно процесс, который длится долгое время, а во-вторых, количественный порог, за которым оружие приобретает стратегическое значение, может быть предметом споров – А.Р.), но с точки зрения анализа милитаризации космоса оно представляется оправданным. Это позволяет избежать фиктивного утверждения о том, что космическое оружие может быть использовано в ситуациях, когда оно присутствует в значимых количествах, а потенциальными целями являются обширные спутниковые группировки. В таких случаях трудно выявить существенное влияние на ход гипотетического вооруженного конфликта, и только это является значимым фактором с точки зрения стратегического анализа.

Таким образом, милитаризацию космоса можно определить как процесс размещения сил и ресурсов в космосе, которые могут быть использованы для боевых операций и действий, направленных на противодействие или отражение нападения, а также на получение информационного преимущества за счет использования космических ресурсов.

При этом следует признать, что существует два основных типа милитаризации:

– пассивная милитаризация – которая сводится к использованию спутниковых систем для поддержки военных операций, проводимых на Земле;

– активная милитаризация – которая проявляется во введении в оперативную эксплуатацию космического оружия (в стратегически значимых количествах).

Литература

1. Ложковой П.Н. Милитаризация космического пространства как международно-правовая проблема. Право и управление. XXI век. 2025. 21(2): с. 53–62. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-2-75-53-62>

2. Манжула Е.А. Проблема милитаризации космоса и мировая политика // Россия в глобальном мире. 2013. № 1 (24). С. 45–55. [https://russiaglobal.spbstu.ru/userfiles/files/Rossiya-v-globalnom-mire-1\(24\)-2013-43-53.pdf](https://russiaglobal.spbstu.ru/userfiles/files/Rossiya-v-globalnom-mire-1(24)-2013-43-53.pdf)

3. Попова О.А. Международно-правовое регулирование использования космического пространства в мирных целях: основные концепции // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 7. С. 129–144. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.129-144.

4. Цифровой бюллетень «Ядерный Контроль» Эксклюзивное интервью No 17, 2024. «Россия выступает против «вепонизации» космоса, то есть появления в космосе военных систем боевого, ударного назначения»: Интервью А.Кожкина с М. Лысенко. <https://pircenter.org/editions/17-2024-rossija-vystupaet-protiv-veponizacii-kosmosa-to-est-pojavlenija-v-kosmose-voennyh-sistem-boevogo-udarnogo-naznachenija-intervju-andreja-koshkina-s-mihailom-lysenko/>

5. Alberts D.S., Hayes R.E., Understanding Command and Control, CCRP Publications, Washington 2006, 222 p. http://www.dodccrp.org/files/Alberts_UC2.pdf

6. Lefebvre J.L. Space Strategy, ISTE Ltd., John Wiley & Sons Inc., London–Hoboken 2017, 496 p.

7. Gil Laso A., López Jiménez A. The militarization of outer space: a new arms race. IEEE Opinion Paper. 22. 01. 2026. p.1–16 https://www.defensa.gob.es/documents/2073105/3095923/militarizacio_del_espacio_ultraterrestre_2026_dieeee07_eng.pdf/8b981541-d778-c733-cad4-5ba3eab773b6?t=1768822279350

MILITARIZATION OF SPACE – CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT

Rybakov A.V.

Moscow Aviation Institute (National Research University)

The subject of this study is the militarization of space. The military aspect of the use of space technologies is a significant issue from a national security perspective. At the same time, it impacts overall security relations between international actors, that is, international security. The primary goal of this article is to define the concept of “militarization of space” and characterize trends in the military use of space. Specifically, the article analyzes the interdependencies between two categories of this phenomenon: passive militarization and active militarization. This focus on this aspect of space militarization stems from the fact that passive militarization is a phenomenon whose foundations were laid in the 1960s, and since then, the general principles governing it have remained largely unchanged (with the exception of obvious changes caused by technological progress and changes in the international situation). Active militarization, on the other hand, is a phenomenon that has the potential to change the rules governing the military use of extraterrestrial space. This determines the potential shift in the status of outer space from a refuge to a battlefield.

Keywords: space, outer space, space infrastructure, militarization, weaponization, military targets, space weapons

References

1. Lozhkova P.N. Militarization of Outer Space as an International Legal Problem. Law and Management. XXI Century. 2025. 21(2): Pp. 53–62. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-2-75-53-62>

2. Manzhula E.A. The Problem of Space Militarization and World Politics // Russia in the Global World. 2013. No. 1 (24). Pp. 45–55. [https://russiaglobal.spbstu.ru/userfiles/files/Rossiya-v-globalnom-mire-1\(24\)-2013-43-53.pdf](https://russiaglobal.spbstu.ru/userfiles/files/Rossiya-v-globalnom-mire-1(24)-2013-43-53.pdf)

3. Popova O.A. International Legal Regulation of the Peaceful Use of Outer Space: Basic Concepts // Actual Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15. No. 7. Pp. 129–144. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.129-144.

4. Digital Bulletin “Nuclear Control” Exclusive Interview No. 17, 2024. “Russia Opposes the ‘Weaponization’ of Space, That Is, the Emergence of Military Systems for Combat and Strike Purposes in Space”: A. Koshkin’s Interview with M. Lysenko. <https://pircenter.org/editions/17-2024-rossija-vystupaet-protiv-veponizacii-kosmosa-to-est-pojavlenija-v-kosmose-voennyh-sistem-boevogo-udarnogo-naznachenija-intervju-andreja-koshkina-s-mihailom-lysenko/>

5. Alberts D.S., Hayes R.E., Understanding Command and Control, CCRP Publications, Washington 2006, 222 p. http://www.dodccrp.org/files/Alberts_UC2.pdf

6. Lefebvre J.L. Space Strategy, ISTE Ltd., John Wiley & Sons Inc., London–Hoboken 2017, 496 p.

7. Gil Laso A., López Jiménez A. The militarization of outer space: a new arms race. IEEE Opinion Paper. 22. 01. 2026. p.1–16 https://www.defensa.gob.es/documents/2073105/3095923/militarizacio_del_espacio_ultraterrestre_2026_dieeee07_eng.pdf/8b981541-d778-c733-cad4-5ba3eab773b6?t=1768822279350

Политическая экономия в принятии решений по мегапроектам: на примере отказа от китайской технологии при строительстве высокоскоростной магистрали Москва–Санкт-Петербург

Цао Гопин,

аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
E-mail: 1042238109@pfur.ru

Иванова Екатерина Александровна,

доцент, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
E-mail: ivanova_eka@pfur.ru

Высокоскоростная магистраль (далее – ВСМ) Москва–Санкт-Петербург как «мегапроект», несущий в себе государственную волю, представляет собой яркий пример приоритета технологического суверенитета и политической самостоятельности над коммерческой эффективностью. Отказ от зрелого и экономически выгодного китайского технического решения объясняется прежде всего тем, что в условиях западных санкций данный проект рассматривается как символ национального суверенитета и могущества. Полное принятие иностранных стандартов означало бы уступку доминирования в стратегически важной сфере. В то же время влиятельные российские железнодорожные лоббистские группы склонны отстаивать интересы отечественной промышленной системы. Кроме того, такие проблемы самого проекта, как колоссальные трудности с финансированием и неочевидная коммерческая отдача, делают сложнореализуемыми любые схемы, зависящие от внешних капиталов и технологий. Таким образом, данное решение по своей сути является результатом совместного воздействия логики геополитики, внутреннего баланса интересов и экономических реалий, где передовые характеристики самой технологии не стали определяющим фактором.

Ключевые слова: китайско-российское сотрудничество, мегапроект, высокоскоростная магистраль, ВСМ, китайская технология.

Когда страна начинает рассматривать железную дорогу как хребет своего «технологического суверенитета», любое иностранное, сколь бы эффективное и экономичное оно ни было, решение может быть отвергнуто. Решение по проекту ВСМ Москва – Санкт-Петербург является кульминационным проявлением этой логики: оно ясно свидетельствует о том, что на стратегической шахматной доске, определяющей судьбу государства, политическая автономия перевешивает соображения коммерческой эффективности¹. Цель данной статьи – выйти за рамки поверхностных технических дискуссий и раскрыть глубокую игру геополитики, государственных нарративов и внутренних интересов, стоящую за выбором в этом мегапроекте.

Мегапроект как политический символ и нарратив суверенитета

ВСМ Москва – Санкт-Петербург – это далеко не просто транспортная инфраструктура. В современном государственном нарративе России она была системно выстроена как политико-символический проект. Ее «сверхзадача» проявляется прежде всего в трех ключевых миссиях, выходящих за физические рамки.

Инструмент переустройства государственного пространства и консолидации власти

Данный проект был нацелен на резкое «сжатие» временного и пространственного расстояния между политическим центром (Москва) и культурно-экономической двойной столицей (Санкт-Петербург) за счет чрезвычайно высокой скорости (планируемая скорость около 400 км/ч). Это не только географическое соединение, но и реализация через инфраструктуру глубокой интеграции и единого управления ключевыми регионами страны, усиление прямого контроля центра над важнейшими территориями. Это материальное воплощение концепции «сильной державы» эпохи Путина в национальном пространстве.

Знаковый манифест «технологического суверенитета» в постсанкционную эпоху

В условиях всесторонних технологических блокировок и санкций Запада из-за украинского кризиса Россия возвела достижение «импортозамещения» и «технологической самостоятельности» в ключевых областях до уровня стратегии национального выживания. В данном контексте этот проект ВСМ стал «испытательным полигоном суверенных технологий», которым необходимо управлять самостоятельно или, по крайней мере, полностью под своим контролем. Его успех или провал напрямую связан с ключевым политическим нарративом: способна ли Россия, не завися от Запада и даже не формируя новой зависимости от Востока, самостоятельно контролировать передовые системы, затрагивающие жизненно важные сферы государства. Следовательно, выбор источника технологий становится высокочувствительным политическим сигналом².

Носитель геополитического влияния и арена борьбы стандартов

С более масштабной стратегической точки зрения Евразийского континента эта ВСМ является ключевым звеном в задуманном высокоскоростном транспортном коридоре, соединяющем Европу и Азию. Принятие чьих-либо технических стандартов (китайская стандартная колея 1435 мм и система управления CTCС или российская широкая колея 1520 мм и собственная система) означает признание чье-либо доминирования в будущих транспортных правилах и системе поставок Евразийского континента. Настаивание России на собственной системе стандартов направлено не только на защиту наследия своей обширной внутренней железнодорожной сети и отраслевых интересов, но и, на более глубоком уровне, на сохранение ее геополитического

¹ Ли Жуй: «Анализ геополитических рисков продвижения китайских высокоскоростных железных дорог – на примере российского рынка», «Форум Северо-Восточной Азии», 2023, № 5, с. 85–99.

² Фэн Шуай: «Восприятие Китая и стратегический выбор российской элиты в посткрымскую эпоху», «Наука международной политики», 2021, № 4, с. 90–117.

влияния в постсоветском пространстве и предотвращение потери статуса разработчика правил в рамках стратегии «поворота на Восток»¹.

Таким образом, свойство «мегапроекта» в первую очередь определяется «политическим весом» и «символическим капиталом», которые он несет. Экономическая эффективность или передовой характер любого технического решения должны прежде всего пройти эту «политическую проверку»: способствует ли оно укреплению нарратива государственного суверенитета, гарантирует ли абсолютное лидерство России, защищает ли ее независимый геостратегический статус. Китайское техническое решение на этом уровне с самого начала сталкивалось с непреодолимым политическим барьером.

Многомерная структура принятия решений: конкретные причины отказа от китайской технологии

Отказ от применения китайской технологии не был единичным или линейным решением, а стал неизбежным результатом сложного взвешивания и игры на трех взаимосвязанных уровнях: национальной стратегии, экономических интересов и технологических реалий. Конкретные причины проявляются в следующих переплетающихся аспектах:

Жесткое требование геополитического баланса и стратегической автономии

Несмотря на то, что отношения между Китаем и Россией находятся на исторически высоком уровне, Россия сохраняет высокую бдительность в отношении формирования любой формы «единой зависимости» в ключевых стратегических областях. Высокоскоростной железнодорожный транспорт как магистраль национального значения рассматривается как важная составляющая государственного суверенитета. Полное принятие китайских технологий, особенно в таких ключевых системах, как стандарты путей, системы сигнализации и управления, обработка данных, будет воспринято как фактическое «подключение к чужим стандартам» на уровне инфраструктуры, что противоречит фундаментальной цели России – сохранению «всесторонней стратегической автономии» в условиях западного давления. За этим решением стоит глубокий стратегический расчет: Россия должна, «поворачиваясь на Восток»², осторожно балансировать между различными силами, сохраняя за собой окончательный контроль и право на переговоры в любом сотрудничестве, чтобы избежать перехода от технологической зависимости от Запада к технологической зависимости от Востока.

Конфликт экономических моделей и жесткость внутренней структуры интересов

С экономической точки зрения существует структурное расхождение в фундаментальных ожиданиях Китая и России относительно данного проекта.

Дилемма модели финансирования: Успешная китайская модель экспорта «технологии + финансирование + эксплуатация» обычно требует от проекта четких государственных гарантий или стабильных ожиданий доходов³. Однако Россия, с одной стороны, надеется привлечь внешние инвестиции для покрытия астрономической стоимости проекта, исчисляемой триллионами рублей, а с другой – не желает предоставлять государственные гарантии, не может гарантировать стабильный пассажиропоток (существующие железные дороги имеют достаточную пропускную способность, а высокие цены на билеты могут привести к недостаточному спросу) и не хочет использовать права на ключевые энергетические или минеральные ресурсы в качестве залога. Это делает коммерческое сотрудничество невозможным⁴.

Сильное сопротивление внутренних групп интересов: Во главе с ОАО «Российские железные дороги», включая локомотивостроение, строительство, связь и сигнализацию, сформировалась мощная лоббистская сеть отраслевых интересов. Применение полного комплекта китайских технологий и оборудования напрямую ударит по их рыночной доле, технологическим направлениям и системе занятости. Продвижение «локализации» проекта или, по крайней мере, использование технологий, совместимых с отечественной промышленной системой, является неизбежным выбором для защиты их укоренившихся

¹ Чжао Хуашэн: «Критический взгляд на «поворот России на Восток»», «Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования», 2024, № 4, с. 9, 15.

² Ма Бо: «Анализ стратегии «поворота России на Восток» – мотивы, видение и вызовы», «Россиеведение», 2022, № 3, с. 50.

³ Се Хайянь. «Актуальное положение, риски и контрмеры в продвижении китайских высокоскоростных железных дорог в рамках стратегии «Пояса и пути»» [J]. «Общегосударственная конъюнктура (теоретические исследования в экономике)», 2024, с. 20.

⁴ Сюй Полин: «Изменения в моделях инвестирования и финансирования крупных инфраструктурных проектов России в условиях санкций», «Евразийская экономика», 2023, № 1, с. 60–75.

интересов и отраслевого статуса. Государственные решения должны учитывать требования этих мощных внутренних сил.

Разногласия по технологическому пути и осторожная оценка рисков реализации

На конкретном технологическом уровне также существуют объективные соображения, которые нельзя игнорировать.

Технологическая адаптивность и требования кастомизации: Российская сторона подчеркивает, что долгие зимние морозы, сложные мерзлотные грунты и другие особые условия окружающей среды предъявляют экстремальные требования к надежности и долговечности высокоскоростных систем. Хотя у Китая есть высокоскоростные поезда для сильных морозов (например, линия Харбин–Далань), у российской стороны сохраняются технологические сомнения или осторожность относительно способности китайской технологии обеспечить крупномасштабную, долгосрочную и стабильную эксплуатацию в экстремальных условиях европейской части России. Они склонны считать, что требуется решение, глубоко адаптированное к местным условиям или, по крайней мере, прошедшее более длительную проверку.

Существование альтернативных технологических путей и неопределенность самого проекта: Российское научное сообщество и планирующие органы неоднократно рассматривали возможность применения совершенно иных технологических путей, таких как маглев (магнитная левитация). Это само по себе показывает, что технологический путь не был окончательно определен. Кроме того, из-за проблем с финансированием и приоритетами проект долгое время оставался на стадии планирования и изучения осуществимости, не переходя в фазу реализации, когда необходимо принимать окончательные решения о технологических закупках. Эта «неопределенность» оставляла время и пространство для ожидания, внутренних дебатов и поиска других возможностей.

Таким образом, отказ от китайской технологии стал рациональным выбором, направленным на достижение абсолютной автономии в стратегическом плане, невозможности достижения взаимовыгодного обмена в экономическом плане и сохранение собственных вариантов в технологическом плане. Это отражает тот факт, что при расчете национальных издержек Россия придает политическим издержкам и стратегическим рискам гораздо больший вес, чем финансовым затратам и технологической эффективности. Это не отрицание технологических возможностей Китая, а скорее то, что китайское предложение не смогло одновременно удовлетворить несколько «проходных баллов» России в ее собственной сложной системе координат для принятия решений в политической, экономической и технологической сферах.

Современная политическая логика в принятии решений по мегапроектам

Случай выбора технологии для ВСМ Москва–Санкт-Петербург выходит за рамки успеха или провала конкретного проекта. Он ясно раскрывает глубокую логику принятия решений в современной международной политике относительно ключевой инфраструктуры государства – так называемых «мегапроектов». Это дает нам ключевой прецедент для понимания поведения суверенных государств в эпоху технологической глобализации.

Ключевой вывод: системное преобладание политической логики над технологически-экономической.

Данный случай окончательно доказывает, что в мегапроектах, затрагивающих фундаментальную стратегию и символическое значение государства, решающую роль играют не эффективность, стоимость или техническая продвинутость в обычном понимании. Весы принятия решений окончательно склонились в сторону «политической применимости» и «суверенной управляемости». Китайское предложение ВСМ, хотя и доказало на мировом рынке свою зрелость, надежность и значительное преимущество в соотношении цены и качества, для успешной реализации требует от страны-реципиента уступить часть технологического лидерства, принять внешнюю систему стандартов и установить отношения высокого доверия. Все это вступает в структурное противоречие с текущей фундаментальной стратегией России, которая рассматривает «технологический суверенитет» как ключевую опору национальной безопасности и стремится сохранить собственную систему стандартов и право устанавливать правила как внутри страны, так и в пределах своей традиционной сферы влияния. Следовательно, отказ от китайской технологии по сути является «стратегическими издержками», которые Россия готова нести для сохранения абсолютной автономии в своей внутренней и внешней политике⁵.

⁵ Пан Дапэн: «Содержание и вызовы стратегии «технологическое суверенитет» России», «Российские, восточноевропейские и цен-

Глубокое откровение: новая парадигма сотрудничества в эпоху технологического национализма

Данный случай предвещает вступление глобального высокотехнологического сотрудничества, особенно в области стратегической инфраструктуры, в новую парадигму «ограниченного сотрудничества» с сильным оттенком «технологического национализма». Ее характеристики таковы.

Абсолютизация красных линий суверенитета: Контроль над ключевыми технологиями, основными данными и конечными стандартами стал новым, не подлежащим обсуждению элементом государственного суверенитета. Сотрудничество должно осуществляться в рамках, гарантирующих, что страна обладает окончательным «правом технологического вето» и «доминированием в системе».

Де-рискификация становится первостепенным соображением: Стороны сотрудничества оценивают не только экономическую выгоду проекта, но и системно анализируют потенциальные риски стратегической зависимости, геополитическую чувствительность и влияние на внутренние отрасли промышленности. «Безопасность цепочек поставок» и «промышленная безопасность» теперь имеют вес, равный или даже превышающий «стоимостную эффективность».

Внутренняя политическая консолидация имеет приоритет над эффективностью внешнего сотрудничества: Первостепенная функция мегапроектов часто заключается в обслуживании внутренней политической консолидации, распределения интересов и сплочения национального духа. Таким образом, выбор технологии становится политическим инструментом для балансировки между внутренними фракциями, успокоения ключевых отраслевых групп и построения нарратива «самостоятельности и саморазвития». Внутренняя политическая выгода от этого намного превышает чистую экономическую или техническую выгоду от внешнего сотрудничества.

Окончательный сигнал для России: автономия – высшая ценность.

Через это решение Россия передает четкий и однозначный сигнал как внутри страны, так и за ее пределами: в период беспрецедентного внешнего давления поддержание абсолютного автономного контроля над путем национального развития и ключевыми активами является ее непоколебимой высшей ценностью. Даже если это означает более высокие экономические издержки, более длительный цикл строительства и даже временную потерю части эффективности развития. Будущий технологический путь ВСМ Москва–Санкт-Петербург, будь то окончательная национализация, сотрудничество с третьей стороной или долгосрочная консервация, станет точным индикатором для наблюдения за тем, как Россия проводит трудный баланс и динамичную корректировку между «изоляцией» и «открытостью», «автономией» и «сотрудничеством».

В итоге, данный случай отмечает, что на фоне возвращения великодержавной конкуренции мегапроекты превратились из простого поля экономических и технологических соревнований в арену противоборства государственной воли, суверенных нарративов и геостратегии. Выбор технологического решения – это прежде всего политический расчет, касающийся власти, контроля и самоидентификации.

Заключение

В современной великодержавной игре, когда речь заходит о «мегапроектах», затрагивающих ключевые национальные стратегии, их политические и суверенные атрибуты полностью подавляют технологическую и экономическую рациональность.

Окончательный отказ России от зрелой и более экономически эффективной китайской технологии ВСМ коренится в том, что проект магистрали Москва–Санкт-Петербург был определен как политический символ, призванный поддерживать «технологический суверенитет» и «стратегическую автономию». В условиях всеобъемлющих западных санкций Россия должна была доказать как внутри страны, так и за рубежом, что она способна независимо контролировать проекты, имеющие жизненно важное значение для государства, не полагаясь ни на одну внешнюю силу. Следовательно, любое технологическое решение, которое могло привести к новой форме зависимости, независимо от того, насколько оно эффективно и экономично само по себе, политически неприемлемо. Это знаменует собой фундаментальный сдвиг в логике глобального высокотехнологического сотрудничества: безопасность страны и автономия цепочек поставок теперь имеют безусловный приоритет над коммерческими затратами и эффективностью.

В конечном счете этот выбор раскрывает философию развития России в постсанкционную эпоху: абсолютный автономный контроль над судьбой страны является более высокой ценностью, чем краткосрочная эффективность развития. Независимо от того, в какой форме транснациональные исследования», 2023, № 2, с. 35–50.

будет продвигаться этот проект в будущем, он будет служить фундаментальной цели: укреплению внутренней структуры власти, балансированию внешних зависимостей и поддержанию ее геополитической идентичности в качестве независимого полюса. Передовое состояние технологий в конечном итоге уступает место абсолютной потребности в национальном выживании и политической идентичности.

Литература

1. Ли Ж. Анализ геополитических рисков продвижения китайских высокоскоростных железных дорог – на примере российского рынка, Форум Северо-Восточной Азии, 2023, № 5, с. 85–99.
2. Фэн Ш. Восприятие Китая и стратегический выбор российской элиты в посткрымскую эпоху, Наука международной политики, 2021, № 4, с. 90–117.
3. Чжао Х. Критический взгляд на «поворот России на Восток», Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования, 2024, № 4, с. 9, 15.
4. Ма Б. Анализ стратегии «поворота России на Восток» – мотивы, видение и вызовы, «Россиеведение», 2022, № 3, с. 50.
5. Се Х. Актуальное положение, риски и контрмеры в продвижении китайских высокоскоростных железных дорог в рамках стратегии «Пояса и пути» [J]. Общегосударственная конъюнктура (теоретические исследования в экономике), 2024, с. 20.
6. Сюй П. Изменения в моделях инвестирования и финансирования крупных инфраструктурных проектов России в условиях санкций, Евразийская экономика, 2023, № 1, с. 60–75.
7. Пан Д. Содержание и вызовы стратегии «технологического суверенитета» России, Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования, 2023, № 2, с. 35–50.
8. Лю Ц. Краткий анализ преимуществ и стратегической ценности продвижения китайских высокоскоростных железных дорог [J]. Ляонинская экономика, 2022, с. 3.
9. Ян В. Современное состояние и будущее стратегическое планирование производственно-сборочного сотрудничества между Китаем и Россией [J]. Вестник Внутреннемонгольского университета финансов и экономики, 2023 (5).
10. Фэн Ю. Асимметричная взаимозависимость и стратегическая координация в китайско-российских отношениях, Дипломатический обзор, 2022, № 4, с. 25–45.
11. Ван С. Стратегия развития транспортных коридоров России и сотрудничество Китая и России в взаимосвязанности, Евразийская экономика, 2022, № 5, с. 70–85.
12. Гу В. Институциональное сдерживание в региональном сотрудничестве: ответ России на инициативу «Пояса и пути», Мировая экономика и международные отношения, 2022, № 8, с. 80–100.

POLITICAL ECONOMY OF DECISION-MAKING IN MEGAPROJECTS: A CASE STUDY OF THE REJECTION OF CHINESE TECHNOLOGY IN THE MOSCOW–ST. PETERSBURG HIGH-SPEED RAILWAY PROJECT

Cao Guoping, Ivanova E.A.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The Moscow–St. Petersburg High-Speed Railway (hereinafter referred to as the HSR), as a «megaproject» embodying national will, serves as a prominent example of prioritizing technological sovereignty and political autonomy over commercial efficiency. The rejection of mature and economically advantageous Chinese technological solutions is primarily explained by the fact that, under Western sanctions, this project is regarded as a symbol of national sovereignty and power. Fully adopting foreign standards would imply conceding dominance in a strategically vital field. At the same time, influential Russian railway lobbying groups tend to defend the interests of the domestic industrial system. Furthermore, the project's own challenges, such as immense financing difficulties and ambiguous commercial returns, render any schemes dependent on external capital and technologies difficult to implement. Thus, this decision is essentially the result of the combined influence of geopolitical logic, internal interest balancing, and economic realities, where the advanced characteristics of the technology itself did not become the determining factor.

Keywords: China-Russia Cooperation, Megaproject, High-Speed Railway, HSR, Chinese technology.

References

1. Li, Rui. Analysis of Geopolitical Risks in the Globalization of China's High-Speed Rail: A Case Study of the Russian Market. *Northeast Asia Forum*, № 5, 2023, Pp. 85–99.
2. Feng, Shuai. Perceptions of China and the Strategic Choices of the Russian Elite in the Post-Crimea Era. *International Political Science*, № 4, 2021, Pp. 90–117.
3. Zhao, Huasheng. A Critical View on Russia's 'Pivot to the East'. *Russian, East European & Central Asian Studies*, № 4, 2024, Pp. 9, 15.
4. Ma, Bo. An Analysis of Russia's 'Pivot to the East' Strategy: Motivations, Vision, and Challenges. *Russian Studies*, № 3, 2022, p. 50.

5. Xie, Haiyan. Current Status, Risks, and Countermeasures for China's High-Speed Rail 'Going Global' under the Belt and Road Initiative. *National Business Review (Economic Theory Research)*, 2024, p. 20.

6. Xu, Poling. Changes in Investment and Financing Models for Russia's Large-Scale Infrastructure Projects under Sanctions. *Eurasian Economy*, № 1, 2023, Pp. 60–75. Chen, Anna. The role of China's high-speed railways in the implementation of the Belt and Road Initiative [J]. *Business and Economic Research*. 2015 (09). DOI – [JournalArticle/5b3b8c-07c095d70f007ca779](https://doi.org/10.1080/15358511.2015.1077919)

7. Pang, Dapeng. The Connotation and Challenges of Russia's 'Technological Sovereignty' Strategy. *Russian, East European & Central Asian Studies*, № 2, 2023, Pp. 35–50.

8. Liu, Jin. A Brief Analysis of the Advantages and Strategic Value of China's High-Speed Rail 'Going Global'. *Liaoning Economy*, 2022, p. 3.

9. Yang, Wenlan. The Current Status and Future Strategic Planning of Production Capacity Cooperation between China and Russia. *Journal of Inner Mongolia University of Finance and Economics*, № 5, 2023.

10. Feng, Yujun. Asymmetric Interdependence and Strategic Coordination in China-Russia Relations. *Foreign Affairs Review*, № 4, 2022, Pp. 25–45.

11. Wang, Xianju. Russia's Transport Corridor Development Strategy and China-Russia Connectivity Cooperation. *Eurasian Economy*, № 5, 2022, Pp. 70–85.

12. Gu, Wei. Institutional Balancing in Regional Cooperation: Russia's Response to the Belt and Road Initiative. *World Economy and International Relations*, № 8, 2022, Pp. 80–100.

«Разоружение» Хезболлы: как язык войны заглушает язык дипломатии

Яндиева Дана Жамалеловна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: yandieva-dz@ranepa.ru

Статья посвящена анализу кампании по разоружению «Хезболлы» как симптома более глубокого кризиса ливанской государственности. Несмотря на удары по руководству и инфраструктуре движения, «Хезболла» сохраняет устойчивость как военно-политический актор благодаря арсеналу и иранскому покровительству, а также укоренённости в шиитской общине и парламентско-правительственных позициях. В центре внимания – практические пределы разоружения на юге Ливана: зависимость темпов от присутствия ЦАХАЛ, осторожность ливанской армии во избежание столкновения и противоречивые оценки реального прогресса. Внешнее давление США и Израиля формирует процесс в секьюритизированной логике «безопасности границы», вытесняя политико-дипломатические механизмы и сводя сложный внутривластный узел к задаче силового принуждения.

Ключевые слова: Хезболла, Ливан, Ближний Восток, США, Израиль, ЦАХАЛ, геополитика, международные отношения.

Усилия Ливана по разоружению «Хезболлы», спровоцированные США и Израилем, выявляют глубокий кризис государственного суверенитета, поскольку ее институтам не хватает легитимности и общественного доверия, которые позволили бы им восстановить монополию на применение силы, не рискуя дестабилизацией или провоцированием гражданской войны.

Однако несмотря на согласие и попытки разоружения «Хезболлы» на юге Ливана, Министерство иностранных дел Израиля заявило, что процесс разоружения Хезболлы еще далек от завершения, и выразило надежду, что правительство и армия Ливана продолжат усилия в этом направлении [1].

Несмотря на заявления, опубликованные в Ливане, факты остаются фактами: к югу от реки Литани по-прежнему существует обширная военная инфраструктура «Хезболлы». Цель разоружения «Хезболлы» на юге Ливана далека от достижения [2]. Израиль совместно с США продолжают быть ключевыми акторами в процессе подрыва стабильности в регионе.

Несмотря на ослабление в результате израильских операций, позиции

«Хезболлы» как военно-политической структуры остаются неколебимыми благодаря сохраняющемуся арсеналу и стратегическому покровительству Ирана. Среди всех современных ливанских партий и движений именно шиитская «Хезболла», основанная не без помощи иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в разгар 15-летней гражданской войны в Ливане, является единственной, чье военное крыло официально сохранило оружие, для борьбы против израильской оккупации юга Ливана. После вывода израильских войск в 2000 году организация не только сохранила влияние, но и усилила его, что вызывает открытое недовольство Израиля и его союзников, прежде всего США.

Свой военный потенциал «Хезболла» успешно отстояла как после войны 2006 года, так и вопреки резолюции ООН 2008 года, призывающей к разоружению всех ливанских вооружённых формирований [3]. С одной стороны, её военные возможности значительно превосходят мощь ливанской армии, что формально оправдывается необходимостью обороны страны. С другой стороны, факт существования иранского прокси на территории Ливана делает ее очередной мишенью для обстрелов Израилем.

Благодаря своей важной роли в противостоянии израильской оккупации, партия обрела широкую поддержку в Ливане, что впоследствии позволило ей занять значительное политическое и парламентское положение параллельно с военной деятельностью.

Однако сохранение партией своего оружия даже после вывода израильских войск с ливанской территории в 2000 году стало предметом внутренних споров и усиливающегося внешнего давления, поскольку ее сторонники видят в этом гарантию сдерживания Израиля, в то время как противники считают это препятствием, подрывающим суверенитет ливанского государства.

Таким образом, «Хезболла» вплоть до сегодняшнего дня сохраняет статус одной из наиболее мощных вооружённых сил региона, и ее разоружение грозит не просто ослаблением позиций Ирана, но и прямым сигналом для других стран о нестабильности и слабости.

В сентябре 2024 года Израиль совершил террористический акт, произведя взрыв тысяч пейджеров и раций, используемых «Хезболлой» [4]. Затем, обрушил целую серию мощных авиаударов, в ходе которых погибли командиры и сотни бойцов «Хезболлы», а также мирные жители. Самым большим ударом для ливанских шиитов стало убийство лидера «Хезболлы» Насраллы и ряда высокопоставленных генералов. Новым главой организации стал Наим Касем.

Уход из жизни Хасана Насраллы стала настоящей трагедией для шиитского населения Ливана, сильно ударив по моральному духу как бойцов, так и мирного шиитского населения.

В начале октября 2025 года в Бейруте ливанскому правительству был представлен первый доклад о реализации плана разоружения «Хезболлы» в соответствии с решениями правительства от августа 2025 года о государственной монополии на вооружение. Доклад был составлен тщательно и сбалансированно, чтобы избежать внутренних разногласий в правительстве, но в нем утверждалось, что армия сможет завершить демилитаризацию района к югу от реки Литани

к концу 2025 года при условии, что силы ЦАХАЛ покинут южный Ливан [5].

По данным американских военных, ливанская армия обезвредила почти 10 000 ракет и 400 снарядов с момента прекращения огня в конце ноября 2024 года [6]. Однако «другие источники» утверждают, что армия действует только против объектов, о которых сообщалось в ЮНИФИЛ и в Комитет по мониторингу прекращения огня, опасаясь столкновений с «Хезболлой», которые могут привести к гражданской войне.

Ливанская администрация выражала приверженность реализации государственной монополии на оружие и обвинила Израиль в задержках в реализации плана из-за продолжающихся атак и присутствия сил ЦАХАЛ в пяти точках на юге Ливана. Несмотря на крайне медленный прогресс в разоружении «Хезболлы», ливанское руководство все равно продолжает подчеркивать свою приверженность сохранению государственной монополии на оружие. При этом именно Израиль обвиняет в задержках, из-за продолжающихся авиаударов и присутствия сил ЦАХАЛ на пяти позициях на юге Ливана, что, безусловно, препятствуют завершению развертывания армии.

Ливанское правительство в свое очередь сообщает об удовлетворении в Бейруте процессом ограничения вооружений. Несмотря на минимальное сотрудничество со стороны «Хезболлы» и твердую позицию должностных лиц организации, государственные власти убеждены в возможности выполнения миссии, хотя и непростой. По словам «источников», также выражается удовлетворение отчетом, представленным ливанской армией [7].

На фоне дебатов о сроках разоружения «Хезболлы» – будет ли оно достигнуто по средством ливано-ливанского диалога или путем самостоятельного разоружения партий арсенала в соответствии с точным графиком – возникают вопросы о том, что будет после завершения этой задачи. Что станет с передовым вооружением, которым располагает партия, включая ракеты и беспилотники? И особенно, какова будет судьба десятков тысяч бойцов? Будут ли они интегрированы в армию, подобно американскому плану создания Сил народной мобилизации в Ираке или Сирийских демократических сил?

Партия же заявляет, что отвергает решение правительства поручить армии разработку плана разоружения, и настаивает на том, что будет относиться к этому решению как к чему-то несуществующему. Цель разоружения «Хезболлы» в определенные сроки, под давлением США и угрозами Израиля, затмила любые соображения относительно пост-разоруженного этапа, будь то посредством диалога или силы. Однако исключается любое упоминание в планах правительства или в американском документе, которому оно подчиняется, о судьбе бойцов «Хезболлы», численность которых исчисляется тысячами.

Главная цель американского плана – разоружить партию, лишит её источника силы и обеспечить безопасность израильской границы. Важно отметить, что не обсуждалась возможность интеграции бойцов в армию ни в качестве единой, обученной силы, ни в качестве отдельных лиц. Тем не менее, «Хезболла» заявляет, что численность её бойцов составляет около 100 000 человек [8].

Наиболее вероятным и реалистичным вариантом действий было бы разоружить бойцов и оставить их без работы и объединяющей структуры, превратив их таким образом в бомбу замедленного действия, угрожающую планам армии по расширению своего влияния и контроля. В то же время это угрожает социальной и политической стабильности страны, стремящейся разрешить свой кризис безопасности, чтобы сосредоточиться на экономических и социальных реформах, которые привлекли бы инвестиции, туристов и восстановили бы привлекательность Ливана, особенно для инвестиций из стран Персидского залива.

Поставка оружия ливанской армии затруднена, поскольку это позволило бы ей обладать избытком сил, который мог бы представлять долгосрочную угрозу для Израиля, учитывая наличие современных беспилотников и ракет. Более вероятно, что тяжелое и сложное вооружение, включая ракеты и беспилотники, будет уничтожено, и ливанская армия будет вооружена в рамках программы военной поддержки США, при этом оружие будет иметь ограниченное воздействие и не будет угрожать безопасности Израиля.

Шииты страны, наиболее пострадавшие от прошлогодней войны, теперь опасаются, что разоружение «Хезболлы» сделает их уязвимыми для новых израильских атак. Но самый важный вопрос заключается в том, какие варианты есть у партии, чтобы сорвать решение о её разоружении.

После отклонения решения партия может пойти на эскалацию, добившись отставки министров, связанных с ней и её союзниками, а также сорвав работу парламента, где она вместе со своими союзниками занимает значительный блок, или спровоцировав хаос, мобилизовав

своих сторонников на улицы и продемонстрировав оружие для создания атмосферы запугивания.

Однако любое внутреннее столкновение будет иметь серьёзные последствия для гражданского мира и роли «Хезболлы». Стоит предполагать, что «Хезболла» хочет свести к минимуму вероятность столкновения с армией, потому что знает, что вся страна будет против нее, за исключением ее сторонников, и это стало бы настоящей катастрофой для ее имиджа.

Попытки разоружения «Хезболлы» в их нынешнем виде демонстрируют не столько стремление к восстановлению ливанского суверенитета, сколько подмену политического урегулирования логикой силового принуждения. Центральная проблема заключается не в самом наличии вооруженного негосударственного актора, а в отсутствии у ливанского государства достаточной институциональной автономии, общественного доверия и регионального пространства для манёвра, позволяющих трансформировать вооруженную силу в политически управляемый ресурс. В этих условиях разоружение превращается из инструмента стабилизации в фактор дополнительной дестабилизации.

Давление со стороны внешних акторов, прежде всего США и Израиля, выстраивает процесс в узко секьюритизированной рамке, где приоритетом является безопасность израильской границы, а не долгосрочная устойчивость Ливана. Исторический опыт региона показывает, что демобилизация без реинтеграции не ликвидирует источники насилия, а лишь переводит их в латентную форму, повышая риск фрагментации и внутреннего конфликта.

Для самой «Хезболлы» вопрос разоружения носит экзистенциальный характер: утрата военного компонента без адекватных гарантий безопасности и политического участия означала бы не эволюцию, а демонтаж её роли в ливанской системе. Именно поэтому ставка исключительно на административное или силовое решение обречена либо на саботаж, либо на затяжную кризис легитимности. Парадоксально, но сохранение хрупкого внутреннего мира сегодня в большей степени сдерживает эскалацию, чем ускоренное навязывание монополии на силу.

Таким образом, язык войны и ультиматумов подрывает саму цель, ради которой декларируется разоружение. Без региональных гарантий, внутреннего политического консенсуса и комплексного подхода к трансформации вооруженных структур в социально и институционально интегрированные формы, а так называемое «разоружение» «Хезболлы», которое судя по всему ни к чему не приведет, рискует стать очередным эпизодом управляемой нестабильности, расплачиваться за который вновь придётся ливанскому обществу.

Литература

1. The Israeli Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] – режим доступа: https://www.gov.il/en/departments/ministry_of_foreign_affairs/govil-landing-page (дата обращения: 01.02.2026)
2. AlManar. Lebanon: Hezbollah, National Powers Reject Decision to Disarm Hezbollah [электронный ресурс] // URL: <https://en-archive.almanar.com.lb/2479259> (дата обращения: 01.02.2026)
3. Security Council resolution 1832 (2008) [on extension of the mandate of the UN Interim Force in Lebanon (UNIFIL)] [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/635261?ln=ru&v=pdf>, (дата обращения: 01.02.2026)
4. Al Jazeera. How did Hezbollah get the pagers that exploded in Lebanon? // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/9/18/how-did-hezbollah-get-the-pagers-that-exploded-in-lebanon> (дата обращения: 01.02.2026)
5. LBCI. Lebanese Minister Kamal Chehadeh outlines army's fivephase disarmament plan [электронный ресурс] // URL: <https://www.lbcgroup.tv/news/lebanon-news/876767/lebanese-minister-kamal-chehadeh-outlines-armys-five-phase-disarmament/en> (дата обращения: 02.02.2026)
6. Al Arabiya. US military praises Lebanese army, reaffirms commitment to helping Beirut disarm Hezbollah [электронный ресурс] // URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2025/10/16/us-military-praises-lebanese-army-reaffirms-commitment-to-helping-beirut-disarm-hezbollah> (дата обращения: 02.02.2026)
7. Asharq Al-Awsat. Geagea Says Hezbollah Must Disarm 'As Soon As Possible' [Электронный ресурс] // URL: https://english.aawsat.com/arab-world/5194783-geagea-says-hezbollah-must-disarm-soon-possible?_gl=1*1kgy44g*_gcl_au*NzY2MzYwMzUwLjE3NzAyOTk3MzZl. (дата обращения: 01.02.2026)
8. Al Jazeera. Hezbollah to Israel: 'Precision' missiles now obtained // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/9/20/hezbollah-to-israel-precision-missiles-now-obtained> (дата обращения: 01.02.2026)

“DISARMING” HEZBOLLAH: HOW THE LANGUAGE OF WAR DROWNS OUT THE LANGUAGE OF DIPLOMACY

Yandieva D.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the campaign to disarm Hezbollah as a symptom of a deeper crisis of Lebanese statehood. Despite strikes against the movement's leadership and infrastructure, Hezbollah remains resilient as a military-political actor due to its arsenal and Iranian patronage, as well as its deep roots in the Shiite community and its positions within parliament and government. The focus is on the practical limits of disarmament in southern Lebanon: the dependence of its pace on the presence of the IDF, the caution of the Lebanese Armed Forces in order to avoid direct confrontation, and conflicting assessments of actual progress. External pressure from the United States and Israel shapes the process within a securitized “border security” logic, sidelining political and diplomatic mechanisms and reducing a complex domestic political problem to a task of coercive force.

Keywords: Hezbollah, Lebanon, Middle East, United States, Israel, IDF, geopolitics, international relations.

References

1. The Israeli Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] – режим доступа: https://www.gov.il/en/departments/ministry_of_foreign_affairs/govil-landing-page (дата обращения: 01.02.2026)
2. AlManar. Lebanon: Hezbollah, National Powers Reject Decision to Disarm Hezbollah [электронный ресурс] // URL: <https://en-archiv.almanar.com.lb/2479259> (дата обращения: 01.02.2026)
3. Security Council resolution 1832 (2008) [on extension of the mandate of the UN Interim Force in Lebanon (UNIFIL)] [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/635261?n=ru&v=pdf>, (дата обращения: 01.02.2026)
4. Al Jazeera. How did Hezbollah get the pagers that exploded in Lebanon? // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/9/18/how-did-hezbollah-get-the-pagers-that-exploded-in-lebanon> (дата обращения: 01.02.2026)
5. LBCI. Lebanese Minister Kamal Chehadeh outlines army's fivephase disarmament plan [электронный ресурс] // URL: <https://www.lbcgroup.tv/news/lebanon-news/876767/lebanese-minister-kamal-chehadeh-outlines-armys-five-phase-disarmament/en> (дата обращения: 02.02.2026)
6. Al Arabiya. US military praises Lebanese army, reaffirms commitment to helping Beirut disarm Hezbollah [электронный ресурс] // URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2025/10/16/us-military-praises-lebanese-army-reaffirms-commitment-to-helping-beirut-disarm-hezbollah> (дата обращения: 02.02.2026)
7. Asharq Al-Awsat. Geagea Says Hezbollah Must Disarm 'As Soon As Possible' [Электронный ресурс] // URL: https://english.aawsat.com/arab-world/5194783-geagea-says-hezbollah-must-disarm-soon-possible?_gl=1*1kgy44g*_gcl_au*NzY2MzYw-MzUwLjE3NzAyOTk3MzM. (дата обращения: 01.02.2026)
8. Al Jazeera. Hezbollah to Israel: 'Precision' missiles now obtained // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/9/20/hezbollah-to-israel-precision-missiles-now-obtained> (дата обращения: 01.02.2026)

Уровень распространения и узнаваемости китайской кухни в России как инструмент «мягкой силы» и гастрономической дипломатии

Жань Жуй,

аспирант кафедры мировой политики, Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: st094621@student.spbu.ru

В статье рассматривается роль китайской гастрономической дипломатии как инструмента «мягкой силы» в контексте глобализации и обеспечения национальной безопасности. Опираясь на теоретические концепции Дж. Ная и М. Леонарда, авторы анализируют, как национальная кухня, в частности пекинская утка, включенная в список нематериального культурного наследия КНР, способствует формированию позитивного образа страны и укреплению межкультурного диалога. Эмпирическая часть основана на результатах опроса, проведенного в Санкт-Петербургском государственном университете, который выявил различия в восприятии китайской кухни между китайскими и российскими респондентами. Исследование демонстрирует, что, несмотря на наличие стереотипов и недостаточное знание региональных кулинарных традиций, российская молодежь проявляет высокий интерес к китайской культуре через гастрономию, что открывает перспективы для дальнейшего развития гастродипломатии как эффективного канала публичной дипломатии и взаимопонимания между Россией и Китаем.

Ключевые слова: гастрономическая дипломатия, мягкая сила, гастродипломатия, межкультурный диалог, российско-китайские отношения, публичная дипломатия.

В контексте глобализации сохранение культурной автономии выступает как одна из главных целей развития национальной мягкой силы любого государства, при этом культурная идентичность формирует стратегическое ядро национальной безопасности. Формирование устойчивой культурной идентичности в значительной степени зависит от глубокого понимания собственной национальной культуры, что и определяет актуальность данного исследовательского подхода к изучению гастрономической дипломатии как элемента культурной политики.

Концепция «мягкой силы» (soft power), предложенная Джозефом Наем (Joseph Nye), стала ключевой категориальным инструментом в современных исследованиях публичной и культурной дипломатии. Най определяет «мягкую силу» как способность достигать желаемых целей посредством привлекательности, а не принуждения [9]. Культурная дипломатия, являясь основной формой «мягкой силы», представляет собой важную часть взаимодействия в международных отношениях. Она основывается на принципах межкультурного диалога и равног уважения, а также способствует укреплению взаимного доверия и сотрудничества между странами через обмен национальными культурами.

Согласно концепции британского исследователя Марка Леонарда, ключевые цели публичной дипломатии XXI века, непосредственно связанные с культурной политикой, включают формирование позитивного образа страны и её ценностей для обеспечения понимания её идей и взглядов, привлечение иностранных инвестиций и политических союзников, повышение глобальной осведомленности о стране, а также стимулирование туризма, образовательного обмена и продвижение национальных товаров за рубежом [8]. Эти задачи составляют основу культурной дипломатии в современном мире.

Еда является важным фактором формирования национальной идентичности страны. В 2011 году в КНР был принят Закон «О нематериальном культурном наследии», в котором перечислены культурные объекты, имеющие особое значение для страны. Эти объекты сохраняют уникальное национальное культурное содержание и ценности, выступая ключевым носителем этнической самобытности. Согласно статье 4 данного закона, нематериальное культурное наследие способствует поддержанию государственного единства и национальной сплочённости, тем самым обеспечивая национальную безопасность [3]. Пекинская утка, благодаря своей широкой известности и уникальной кулинарной технике, была включена в национальный список нематериального культурного наследия в 2008 году [12].

Гастродипломатия – «это согласованные и продолжительные кампании по связям с общественностью и инвестициям, проводимые правительствами и государствами, часто в сотрудничестве с негосударственными субъектами, с целью повышения ценности и авторитета бренда своей страны с помощью продуктов питания» [Rockower, 2012, с. 235–246].

Современные гастродипломатические практики имеют ряд отличительных черт, которые определяют их эффективность как инструмента мягкой силы:

Во-первых, пища в рамках гастродипломатии выступает не только как элемент этикета официальных мероприятий, но и как активный инструмент внешнеполитической коммуникации, строя мосты между государственными институтами и широкой общественностью других стран [Farina, 2018, с. 154].

Во-вторых, гастрономические дипломатические сигналы передаются на двух уровнях: публичном – через официальные дипломатические банкеты и межгосударственные мероприятия, и частном – через реализацию национальных проектов по продвижению кулинарной культуры среди населения иностранных стран, открытие национальных ресторанов, организация кулинарных фестивалей и мастер-классов [Raymond, 1987, с. 19].

В-третьих, гастрономическая дипломатия интегрируется в систему культурной дипломатии и формирования государственного бренда, выступая как важный компонент мягкой силы. Благодаря продвижению национальных кулинарных традиций и обычаев государство формирует свою привлекательность в глазах международной общественности, при этом пища – как универсальный элемент человеческой жизни

ни – позволяет устанавливать эмоциональные связи между народами и передавать глубокий культурный опыт [Гелибтерман, 2022, с. 10].

Практическое реализация принципов гастродипломатии ярко иллюстрируется опытом Китая, для которого национальная кухня стала важным инструментом межгосударственной коммуникации и ключевым компонентом мягкой силы – это подтверждается многолетней дипломатической практикой страны [Чжао, 2019, с. 2008]. Одним из самых известных примеров является так называемая «дипломатия пекинской утки», которая получила широкое распространение во время холодной войны и остается актуальной до настоящего времени.

Так, в январе 1960 года на ключевом этапе китайско-мьянманских пограничных переговоров премьер-министр Чжоу Эньлай организовал в честь премьер-министра Мьянмы Не Вина официальный банкет в ресторане, где центральным элементом меню стала пекинская утка. В состав банкета входила не только целая жареная пекинская утка, но и четыре холодные закуски из утиных продуктов (крылышки утки в соевом соусе, вяленое утиное филе, ломтики утиной печени, утиные лапки), а также ряд горячих блюд и суп из утиных косточек с капустой. В ходе данного высокоуровневого взаимодействия, проведённого посредством уникальной национальной кухни, была создана благоприятная атмосфера для переговоров, что стало эффективным дополнением к официальным дипломатическим консультациям. Их успешным итогом стало заключение Договора о китайско-мьянманской границе – первого пограничного договора КНР со страной Азии [13].

Такой гастрономический инструментарий мягкой силы коренится в глубокой гастрономической картине мира Китая, ключевой логикой которой является сочетание неприкосновенной традиции (сохранение ядра кулинарных техник, ритуалов и культурной символики) с прагматичной инновационной практикой (внедрение новых технологий для масштабирования без потери качества). Именно эта устойчивая и адаптивная система ценностей превращает национальную кухню в постоянно актуальный ресурс публичной дипломатии, влияние которого сегодня можно наблюдать не только на высшем уровне, но и в восприятии обычных людей [Ван Цзы, Львовна, 2022, с. 225].

Сунь Вэйфан проанализировала отзывы российских туристов о китайской еде, опубликованные на туристических сайтах и в соцсетях (Тонкости туризма, Туризм.ру, IRecommend, Turtella, ВКонтакте, Instagram) в период с 2006 по 2021 год. Всего было изучено 108 отзывов. Анализ проводился по следующим критериям: названия блюд, внешний вид еды, вкус и аромат, ингредиенты, напитки, организация места питания, цены и культура питания.

Положительные оценки составили большинство (69%), для описания использовались такие как «незабываемый», «изумительный», «полезный», «низкокалорийный», «вкусный», «красивый». Многие негативные оценки (31%) связаны с культурными различиями в привычках питания (например, в восприятии ингредиентов или манере поведения за едой). Однако в исследовании не проводится глубокий анализ возможных когнитивных искажений в восприятии россиянами китайских пищевых практик [Сунь Вэйфан, 2022, с. 129–136].

Современная китайская гастрономическая дипломатия в России реализуется через несколько взаимодополняющих форм: прежде всего, через открытие китайских ресторанов и кафе в крупных и малых городах страны, которые позволяют российским гражданам напрямую познакомиться с национальной кухней Китая. Еще одной важной формой является проведение фестивалей китайской кухни, которые стали постоянным элементом культурной жизни многих российских городов – такие мероприятия предлагают возможность не только попробовать разнообразные блюда разных региональных кухонь Китая (например, кантонская кухня), но и глубже узнать их исторический и культурный контекст [5]. Кроме того, гастрономический аспект присутствует в рамках перекрёстных годов культуры России и Китая, охватывающих широкий спектр культурных обменов и способствующих взаимопониманию между странами.

Для изучения текущего состояния развития китайской гастрономической дипломатии в России был проведен эмпирический опрос среди студентов Санкт-Петербургского государственного университета, посвященный изучению уровня распространения и особенностей восприятия китайских ресторанов и китайской кухни в российском обществе. В опросе приняли участие 30 респондентов, разделенных на две равные группы: 15 китайских студентов, проживающих в России, и 15 русских студентов. Анкета опроса была разработана на основе результатов исследования Сунь Вэйфан и охватила следующие ключевые направления: демографические характеристики респондентов, их потребительские привычки в отношении китайской кухни (частота посе-

щения китайских ресторанов, предпочтения в выборе блюд и типов заведений), основные факторы выбора китайских ресторанов (вкус, атмосфера, цена), восприятие особенностей китайской кухни, её культурных ассоциаций и стереотипов относительно китайской пищевой культуры, уровень осведомленности о региональных кулинарных традициях Китая, отношение к адаптации китайских блюд под российские вкусы, доверие к безопасности пищевых продуктов, а также эффективные методы популяризации китайской кухни в России и предпочтения респондентов в способах подачи информации о блюдах в меню китайских ресторанов.

Приведем конкретный пример такой анкеты:

1. Ваш статус
 - A. Местный житель России
 - B. Китаец, проживающий в России
2. Как часто вы употребляете китайскую кухню в ресторанах или кафе?
 - A. Несколько раз в неделю
 - B. Несколько раз в месяц
 - C. Редко (раз в несколько месяцев)
 - D. Практически никогда
3. Какие китайские блюда Вы заказываете чаще всего? (можно выбрать несколько вариантов)
 - A. Говяжья лапша
 - B. Пельмени (цзяоцзы)
 - C. Курица «Гунбао»
 - D. Тофу «Мапо»
 - E. Другое: _____
4. Почему Вы выбираете китайские рестораны? (можно выбрать несколько вариантов)
 - A. Высокие вкусовые качества блюда
 - B. Интерес к китайской культуре и традициям
 - C. Доступные цены и объемные порции
 - D. Желание попробовать острое или экзотическое блюдо
 - E. Удобное географическое расположение заведения
5. Какие факторы наиболее важны для Вас при выборе китайского ресторана? (можно выбрать несколько вариантов)
 - A. Вкус приготовленных блюд
 - B. Качество сервисного обслуживания
 - C. Атмосфера и интерьер заведения
 - D. Уровень владения русским языком персоналом
 - E. Ценовая политика
6. Какие особенности китайской кухни Вы считаете наиболее характерными? (можно выбрать несколько вариантов)
 - A. Большое разнообразие вкусовых сочетаний
 - B. Выраженное региональное разнообразие традиций
 - C. Множество способов приготовления продуктов
 - D. Гармония вкуса, цвета и формы подачи блюд
7. Какие из перечисленных блюд являются китайскими? (можно выбрать несколько вариантов)
 - A. Кисло-острый суп
 - B. Ланьчжоуская говяжья лапша
 - C. Кимчи-суп
 - D. Том-ям
8. Знаете ли Вы о «восьми кулинарных традициях Китая»?
 - A. Да, хорошо разбираюсь в данной теме
 - B. Слышал(а) о них, но не обладаю детальными знаниями
 - C. Не знаю о существовании таких традиций
9. Как Вы относитесь к утверждению: «Большинство китайцев употребляют в пищу экзотические виды мяса»
 - A. Это правда
 - B. Возможно, но не подтверждено личным опытом
 - C. К данному вопросу отношусь безразлично
 - D. Это ложь, основанная на стереотипах
10. Считаете ли Вы китайскую кухню здоровой?
 - A. Да, в целом она является сбалансированной и здоровой
 - B. Частично (некоторые блюда слишком жирные или острые)
 - C. Нет, китайская кухня не соответствует нормам здорового питания
 - D. Не уверен(а) в этом
11. Помогает ли знакомство с китайской кухней лучше понять культуру и традиции Китая?
 - A. Да, в значительной степени
 - B. Да, но только поверхностно
 - C. Скорее нет
 - D. Нет
12. Какими источниками информации вы чаще всего пользуетесь, чтобы узнать о китайской кухне? (можно выбрать несколько вариантов)

А. Рекомендации друзей и знакомых
В. ТВ-программы и документальные фильмы
С. Социальные сети и интернет-порталы
D. Посещение китайских ресторанов и тематических мероприятий
13. Хотели бы Вы участвовать в мероприятиях, связанных с китайской кухней (кулинарные фестивали, мастер-классы по приготовлению блюд)?

- А. Да, регулярно
В. Да, иногда, для себя или близких
С. Нет, но есть желание научиться
D. Нет, и не планирую

14. Как вы относитесь к адаптации китайских традиционных блюд под российские вкусовые предпочтения (например, снижение уровня остроты, изменение состава ингредиентов)?

А. Полностью поддерживаю такую адаптацию
В. Частично поддерживаю (при сохранении основного рецепта и аутентичности)

- С. Не поддерживаю – важна полная аутентичность традиций
D. К данному вопросу отношусь безразлично

15. Какую дополнительную информацию вы хотели бы видеть в меню китайских ресторанов? (можно выбрать несколько вариантов)

- А. Описание вкуса блюда и указание уровня остроты
В. Информация о происхождении основных ингредиентов
С. Исторический и культурный контекст блюда
D. Ничего дополнительного не нужно – достаточно названия

Результаты проведенного опроса позволили выявить ряд существенных различий в восприятии китайской кухни китайскими и российскими респондентами, а также выделить общие тенденции в отношении китайской гастрономической культуры в России.

Первое отличие проявляется в частоте потребления китайской кухни: китайские респонденты посещали китайские рестораны несколько раз в месяц, предпочитая аутентичные заведения, тогда как российские участники опроса обращались к китайской кухне значительно реже – преимущественно раз в несколько месяцев. При этом российские респонденты отдавали предпочтение адаптированным под российские вкусы блюдам (говяжья лапша, пельмени цзяоцзы), практически не выбирая традиционные аутентичные кулинарные специи Китая.

Второе существенное различие наблюдается в мотивации выбора китайских ресторанов: китайские респонденты руководствовались прежде всего высокими вкусовыми качествами блюд, атмосферой заведения и уровнем сервисного обслуживания, рассматривая посещение китайских ресторанов как способ сохранить связь с родной культурой и воспринимая кухню как важный элемент китайской гастрономической дипломатии. Российские участники опроса, наоборот, выделяли практические аспекты: доступные цены, объемные порции и желание попробовать острое или экзотическое блюдо. Кроме того, российские респонденты придавали большое значение уровню владения русским языком персоналом китайских ресторанов – это указывает на существование коммуникационных барьеров между российскими посетителями и персоналом заведений, которые могут влиять на восприятие китайской кухни.

Третье отличие касается уровня осведомленности о китайской кулинарной культуре: китайские респонденты обладали глубоким пониманием регионального разнообразия китайской кухни, уверенно различали аутентичные блюда разных регионов и отвергали распространенные стереотипы относительно китайской пищевой культуры. Российские участники опроса, наоборот, демонстрировали ограниченную осведомленность о китайской кулинарной культуре: многие из них ошибочно причисляли кимчи-суп и том-ям к китайской кухне, склонялись к веру стереотипов о употреблении китайцами экзотических видов мяса и наличию опасных пищевых добавок в китайской еде, и практически никто из российских респондентов не знал о существовании «восьми основных кулинарных традиций Китая».

Несмотря на указанные различия, обе группы респондентов проявляли высокий интерес к углубленному знакомству с китайской кулинарной культурой. Китайские респонденты активно участвовали в тематических мероприятиях (кулинарных фестивалях, мастер-классах) и готовили китайские блюда самостоятельно дома, тогда как российские участники опроса выразили явное желание посещать кулинарные мастер-классы и фестивали китайской кухни – при этом домашнее приготовление китайских блюд для них остается практически не освоенным новым опытом. При этом все российские респонденты единодушно признали, что знакомство с китайской кухней помогает лучше понять культуру и традиции Китая, предпочитая получать информацию о китайской кулинарии через рекомендации друзей и зна-

комых, а также через телевизионные программы и документальные фильмы.

В вопросах сервиса и популяризации китайской кухни в России наблюдаются как общие черты, так и существенные различия между двумя группами респондентов. Обе группы считают наиболее эффективными методами продвижения китайской кулинарной культуры организацию тематических фестивалей и мастер-классов, а также сотрудничество китайских ресторанов с местным бизнесом и культурными институтами. Однако китайские респонденты больше внимания уделяли необходимости передачи исторического и культурного контекста китайских блюд, тогда как российские участники опроса настаивали на необходимости предоставления подробных описаний блюд на русском языке – включая информацию о вкусе, уровне остроты и происхождении основных ингредиентов.

Проведенное исследование подтверждает наличие значительного потенциала китайской кухни как эффективного инструмента мягкой силы в современных международных отношениях, особенно в контексте российско-китайских взаимодействий. Российская молодежь – как основная группа респондентов – проявляет заметный интерес к китайской кулинарии, хотя их восприятие пока ограничивается поверхностным гастрономическим любопытством и адаптацией к привычным вкусовым предпочтениям. Устойчивость негативных стереотипов и недостаточное знание регионального разнообразия китайской кухни среди российских граждан указывают на актуальность проведения системной просветительской работы в сфере популяризации китайской кулинарной культуры в России.

Вместе с тем искренняя готовность российской молодежи участвовать в тематических мероприятиях, посвященных китайской кухне, и признание ее культурной ценности формируют прочную основу для дальнейшего развития межкультурного диалога между Россией и Китаем. Гастрономическая дипломатия, благодаря своей доступности и эмоциональной привлекательности, может выступать как эффективный канал публичной дипломатии, способствуя укреплению взаимопонимания между народами двух стран и развитию всех направлений российско-китайских отношений.

Литература

1. Ван Цзы, Львовна, М.Н. К вопросу об устойчивости гастрономической картины мира Китая // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6 (98). С. 222–225.
2. Гелибтерман, Л.В. Гастродипломатия как перспективная сфера публичной и общественной дипломатии // Вестник индустрии гостеприимства: международный научный сборник. Том Выпуск 11. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – С. 8–11.
3. О нематериальном духовном наследии: Закон КНР от 25.02.2011 [Электронный ресурс] // Chinalaw.center. – URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_intangible_cultural_heritage_law_2011_russian (дата обращения: 30.01.2026).
4. Сунь Вэйфан. Образ китайской еды и людей в отзывах российских туристов о Китае // Современные исследования социальных проблем, vol. 14, № 2, 2022, с. 126–141.
5. Фестиваль китайской кухни в Архангельске. – URL: <https://goarctic.ru/news/v-arkhangelske-proydet-festival-kitayskoy-kukhni> (дата обращения: 30.01.2026).
6. Чжао На. Китайская кухня как инструмент мягкой силы КНР // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 205–209.
7. Farina Felice. Japan's gastrodiploamacy as softpower: global washoku and national food security // Journal of Contemporary Eastern Asia 17(1), 2018, с. 152–167.
8. Leonard M. Diplomacy by Other Means // Foreign Policy. – 2002. – № (132).
9. Nye J.S. Bound to lead: The changing nature of American power. – New York: Basic Books, 1990. – 336 с.
10. Raymond C. Theatre of Power: The Art of Diplomatic Signalling // Longman. – 1987. – 236 с.
11. Rockower P.S. Recipes for gastrodiploamacy // Place Branding and Public Diplomacy. – 2012. – Т. 8. – С. 235–246.
12. Реестр представительских объектов национального нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] <https://www.ihchina.cn> – URL: https://www.ihchina.cn/project_details/14657.html (дата обращения: 30.01.2026).
13. Обращаясь к миру, строим сообщество единой судьбы человечества [Электронный ресурс] <https://www.chinanews.com.cn> – URL: <https://www.chinanews.com.cn/m/gn/2021/07-01/9510717.shtml> (дата обращения: 30.01.2026) (на кит. яз.).

THE LEVEL OF DISSEMINATION AND RECOGNITION OF CHINESE CUISINE IN RUSSIA AS A TOOL OF «SOFT POWER» AND GASTRODIPLOMACY

Ran Rui

Saint Petersburg State University

This article examines the role of Chinese gastrodiplomacy as a tool of “soft power” in the context of globalization and the maintenance of national security and cultural identity. Drawing on the theoretical concepts of Joseph Nye and Mark Leonard, the authors analyze how national cuisine, particularly Peking Duck (inscribed on China’s National Intangible Cultural Heritage list), contributes to shaping a positive national image and strengthening intercultural dialogue. The empirical part is based on the results of a survey conducted at Saint Petersburg State University, which revealed differences in the perception of Chinese cuisine between Chinese and Russian respondents. The study demonstrates that, despite the presence of stereotypes and a lack of knowledge about regional culinary traditions, Russian youth show a high interest in Chinese culture through gastronomy. This opens up prospects for the further development of gastrodiplomacy as an effective channel of public diplomacy and mutual understanding between Russia and China.

Keywords: gastrodiplomacy, soft power, intercultural dialogue, Russian-Chinese relations, public diplomacy.

References

1. Wang Zi, Lvovna, M.N. On the issue of the stability of the Chinese gastronomic worldview // *Society: Philosophy, History, Culture*. 2022. № 6 (98). pp. 222–225.
2. Geliberman, L.V. Gastrodiplomacy as a promising area of public and civic diplomacy // *Bulletin of the Hospitality Industry: International Scientific Collection*. Volume Issue 11. – Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2022. – pp. 8–11.
3. On Intangible Cultural Heritage: Law of the People’s Republic of China dated February 25, 2011 [Electronic resource] // *Chinalaw.center*. – URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_intangible_cultural_heritage_law_2011_russian (accessed: 30.01.2026).
4. Sun Weifang. The image of Chinese food and people in the reviews of Russian tourists about China // *Modern Studies of Social Problems*, vol. 14, № 2, 2022, pp. 126–141.
5. Chinese Cuisine Festival in Arkhangelsk. – URL: <https://goarctic.ru/news/v-arkhangelske-proydet-festival-kitayskoy-kukhni> (accessed: 30.01.2026).
6. Zhao Na. Chinese cuisine as a soft power tool of the PRC // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2019. № 9. pp. 205–209.
7. Farina Felice. Japan’s gastrodiplomacy as softpower: global washoku and national food security // *Journal of Contemporary Eastern Asia* 17(1), 2018, pp. 152–167.
8. Leonard M. *Diplomacy by Other Means* // *Foreign Policy*. – 2002. – № (132).
9. Nye J.S. *Bound to lead: The changing nature of American power*. – New York: Basic Books, 1990. – 336 p.
10. Raymond C. *Theatre of Power: The Art of Diplomatic Signalling* // Longman. – 1987. – 236 p.
11. Rockower P.S. Recipes for gastrodiplomacy // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2012. – Vol. 8. – pp. 235–246.
12. Register of Representative Items of National Intangible Cultural Heritage [Electronic resource] <https://www.ihchina.cn> – URL: https://www.ihchina.cn/project_details/14657.html (accessed: 30.01.2026).
13. Addressing the World, Building a Community with a Shared Future for Mankind [Electronic resource] // <https://www.chinanews.com.cn> – URL: <https://www.chinanews.com.cn/m/gn/2021/07-01/9510717.shtml> (accessed: 30.01.2026) (in Chinese).

Трансформация стратегических позиций государств, имеющих интересы в Арктике, под влиянием политики США по отношению к Гренландии

Зорикова Екатерина Владиславовна,
аспирант, ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
E-mail: e.v.zorikova@gmail.com

В статье рассматривается трансформация стратегических позиций государств, имеющих интересы в Арктике, под влиянием актуальной политики США по отношению к Гренландии. Выявляются цели и инструменты политики США, включая информационно-психологическое давление, финансово-экономическое стимулирование и санкционное воздействие на союзников Дании. Особое внимание уделяется реакции ключевых игроков в Арктике – России, Канады, Дании, Норвегии, Китая и стран ЕС – на попытки США установить косвенный контроль над островом. Анализ проводится с позиций неореализма и либерального институционализма, что позволяет рассмотреть как конкурентные, так и кооперационные аспекты взаимодействия государств в регионе. Обосновывается, что Гренландия выступает катализатором геополитической трансформации в Арктике, провоцируя пересмотр оборонных стратегий, формирование новых альянсов и «европеизацию» арктической безопасности. Делается вывод о том, что действия США ведут к фрагментации сложившейся системы арктического сотрудничества и усилению дилеммы безопасности в регионе.

Ключевые слова: Гренландия, Арктика, геополитика, арктические транспортные коридоры, редкоземельные элементы

Введение

Для второй половины 2025 года одной из острых тем для государств, имеющих интересы в Арктике, стало стремительное усиление интереса США к Гренландии. Арктика сейчас – значимый регион, в котором происходит изменение баланса сил ввиду различных факторов: климатический фактор (таяние льдов), возрастание интересов неарктических государств (в особенности Китая), усиление заинтересованности в потенциальной возможности добычи в Арктике редкоземельных элементов, для России – необходимость развития альтернативного маршрута из Европы в Азию. Усиление значения этих факторов в Арктическом регионе предполагает неотвратимость изменения стратегических позиций арктических государств, а также возрастающий интерес научного сообщества в сфере международных отношений к теме Арктики, баланса сил в регионе. В связи с этим **актуальным представляется** рассмотрение трансформации стратегических позиций арктической пятерки: России, Канады, Дании (Гренландии), США, Норвегии, а также иных государств, имеющих интересы в Арктике, в связи с политикой США в отношении Гренландии, активно продвигаемой в последние годы.

Объект исследования: международные отношения в Арктике в контексте влияния актуальной политики США по отношению к Гренландии.

Предметом исследования выступает рассмотрение Гренландии в качестве одного из катализаторов геополитической трансформации в Арктическом регионе.

Цель исследования – определить воздействие политики США на систему взаимодействия государств, имеющих интересы в Арктике, и на изменение позиций этих стран.

Задачи исследования:

– выявить цели активности политики США в Гренландии, а также инструменты, с помощью которых США планирует достижение этих целей

– провести анализ реакции ключевых игроков в Арктическом регионе на активную политику США в отношении Гренландии

Научная новизна исследования связана с тем, что рассматриваются не просто американско-датские отношения и интересы этих стран, а Гренландия как катализатор геополитической трансформации во всем Арктическом регионе, влияние политики США по отношению к Гренландии на другие страны, имеющие интересы в Арктике.

В ходе исследования были использованы следующие методы:

1. Неореалистический анализ в рамках теории международных отношений позволил проанализировать поведение акторов в Арктическом регионе через борьбу за власть, безопасность, стратегические преимущества, баланс сил.

2. Дискурс-анализ официальных позиций государств, выступлений политиков ключевых игроков региона (арктическая пятерка, Китай, ЕС) через конструкционистский подход.

3. Сравнительный анализ, используемый при сравнении арктических стратегий государств и их позиций в Арктике.

4. Исторический метод позволяет проследить происхождение и этапы развития политики США в части стремления «приобрести» Гренландию.

5. Анализ документов, контент-анализ – было проведено исследование письменных официальных источников: арктические стратегии, зафиксированные в нормативных документах стран.

Основные результаты

Арктика – регион конфронтации и кооперации. С одной стороны, с позиции неореализма для государств, имеющих интересы в Арктике, важно соблюдение баланса сил, контроль над ресурсами и транспортными путями и обеспечение своей безопасности. Действия США в Гренландии представляют собой стремление к усилению своих позиций в регионе, к смещению баланса сил в свою пользу. Это безусловно порождает необходимость других стран в ответных действиях с целью недопущения ослабления своих позиций в Арктике. Противоборство великих держав, в ходе которого военные корабли и самолеты приближаются к арктическим территориям друг друга, свидетельствует о растущей нестабильности в регионе; это может привести к возникновению дилеммы безопасности, когда одно государство или группа государств

наращивают свой потенциал в области безопасности, порождая тем самым тревогу у других государств и побуждая их действовать аналогичным образом [4].

С другой стороны, Арктика – это сложный и холодный регион, для развития в этом регионе требуется кооперация. Зачастую без сотрудничества невозможна быстрая реализация проектов. И с точки зрения либерального институционализма актуальная политика США в отношении Гренландии может привести к конфронтации с другими странами НАТО, ухудшить и так снижающуюся актуальность и эффективность Арктического совета и привести к созданию альтернативных форматов сотрудничества других государств.

Арктика – это отличная основа для проверки основных парадигм международных отношений. Через призму парадигм можно обосновать мотивы давления США с ответными мерами других государств, а также кризис сотрудничества в регионе.

Желание Соединенных Штатов Америки «купить» Гренландию масштабно освещалось в 2025 году и в зарубежных, и в российских СМИ и неразрывно связывалось с именем действующего президента государства – Дональдом Трампом. Однако отправной точкой можно назвать заявление Трампа еще в 2019 году с подобным экономическим предложением.

Еще в 1867 г. государственный секретарь США У.Г. Сьюард высказывал предложение о покупке Гренландии и Исландии, которое тогда не нашло поддержки в руководстве США. В связи с тем, что в годы Второй мировой войны связь Гренландии с метрополией была фактически утеряна, и на территории острова были размещены американские военные базы, в 1946 г. в США вновь возник интерес к приобретению Гренландии, но Дания отказалась от американского предложения [5, С. 63]. Однако именно предложение 2019 года послужило толчком для формирования полноценной стратегии США по приобретению Гренландии.

Несмотря на активные заявления США о «приобретении» Гренландии, нереалистичным представляется «захват» территории, присоединение в качестве 51 американского штата. Даже сама «покупка» подразумевает скорее не приобретение Гренландии, как это было с Аляской, а создание косвенного контроля, в результате которого у США будет увеличено влияние в регионе в военной, экономической и политической сферах.

Схожая позиция была высказана директором Института исследования проблем современной политики, кандидатом политических наук Антоном Орловым: «Задача простая – спровоцировать и возглавить движение сначала за независимость от Дании, а затем – за союз с США, поэтому американская администрация, скорее всего, за счет местных политиков и НКО постарается изменить внутренний баланс сил на острове» [13].

Кроме того, в январе 2026 года The Telegraph сообщили, что по их данным сделка не предусматривает покупку Гренландии, а США хотят установить суверенный контроль над военными базами в некоторых районах Гренландии, что позволит США проводить военные операции, тренировки и разведывательные работы, добычу редкоземельных элементов [15].

Указанные доводы подтверждают, что актуальная политика США в отношении Гренландии уходит от традиционного представления о прямой военной агрессии в пользу более сложных форм соперничества в виде косвенного влияния. Косвенное влияние показывает, что США через Данию вынуждают адаптироваться и реагировать другие страны в Арктике, что в свою очередь ведет к стратегической трансформации сил в регионе.

Для понимания реакции ключевых игроков в Арктике на актуальную политику США в отношении Гренландии в первую очередь необходимо выявить причины и цели такой активности.

Так, в 2024 году США обновили свою Арктическую стратегию. Во введении документа указано, что необходимость в новом стратегическом подходе к Арктике обусловлена серьезными геополитическими изменениями, включая расширение сотрудничества между Китайской Народной Республикой (КНР) и Россией, а также усиливающиеся последствия изменения климата. Этот все более доступный регион становится ареной стратегического соперничества, и Соединенные Штаты должны быть готовы принять вызов вместе с союзниками и партнерами [16].

Деятельности КНР в Арктике посвящена отдельная (первая) глава Арктической стратегии США. Китай упоминается в документе 21 раз, Россия – 35 раз. Количество упоминаний государств в таких стратегических документах подтверждает важность и значимость для США роли этих стран в Арктическом регионе.

Учитывая представленную ранее в статье позицию Д. Трампа о желании установления суверенного контроля над военными база-

ми в некоторых районах Гренландии, а также модернизацию уже существующей военной базы США в Питуффике (между Данией и США в 1951 году было подписано соглашение о совместной обороне Гренландии, на основании которого на острове была размещена американская военно-космическая база Питуффик, прежнее название – Туле), одной из значимых целей в Арктике для США является укрепление безопасности и усиление военного присутствия [6]. Увеличение количества военных баз США в Гренландии позволит устанавливать противоракетные комплексы, что имеет большое значение для всей системы космической обороны США.

В части безопасности нельзя не отметить Фареро-Исландский противолодочный рубеж (GIUK Gap), расположенный между Гренландией, Исландией и Великобританией. Несмотря на глобальные трансформации в международной обстановке и совершенствование военноморских технологий рубеж остаётся ключевым стратегическим узлом в Северной Атлантике и его роль в геополитической реальности формируется под влиянием трех основных игроков – России, США и Китая, а также климатических изменений и технологических инноваций [3, С. 109].

Помимо безопасности необходимо отметить экономический и инвестиционный потенциал Гренландии. Во-первых, обнаружение в Гренландии месторождений редкоземельных элементов, используемых в производстве аккумуляторов, электромобилей и многих других современных технологиях, показывает потенциал для их добычи. Безусловно, большая стоимость и сложность добычи редкоземельных элементов в Гренландии сейчас может не стоить вложений в такую кампанию. Однако для США это возможность «занять нишу», «оставить за собой место», чтобы когда-нибудь в дальнейшем получить существенную выгоду от добычи редкоземельных элементов. Особенно это актуально в условиях активного соперничества с Китаем в Арктическом регионе. Более того, у США уже был опыт приобретения Аляски, когда наибольшая выгода стала известна намного позже самой сделки (запасы полезных ископаемых были найдены больше чем через 30 лет после покупки, а геополитическая роль Арктики, где США территориально является ключевым игроком в большей степени именно из-за Аляски, возрастает в последние годы).

Во-вторых, для геополитики США в Арктике важны инфраструктурные проекты, которые представляют не просто коммерческий интерес, а являются инструментом давления и косвенного влияния.

14 июня 2025 года авиакомпания United Airlines запустила первый прямой рейс из Ньюарка в Нуук, Гренландия, – сезонный маршрут, способствующий развитию туризма, бизнеса и укреплению связей между США и Гренландией [20]. Это стало геополитическим и символическим жестом, показывающим возможность перелета между США и Гренландии напрямую, в обход Дании, впервые с 2008 года.

Доступ и активная роль США в различных объектах инфраструктуры (порты, аэропорты) способствовали бы укреплению государства в регионе. Также инфраструктура – необходимый элемент для инвестиций, ведь потенциальная добыча редкоземельных элементов не будет выгодна США без беспрепятственного доступа к портам, аэропортам, транспортным путям (в том числе морским). Влияние в инфраструктурных проектах необходимо для США, чтобы воспрепятствовать усилению роли Китая. Так, например, Китай уже пытался сотрудничать в Гренландией в рамках проекта по строительству международных аэропортов (так как Дания была не в состоянии оказать необходимую финансовую поддержку), однако противодействие США растущему присутствию Китая все же привело к вмешательству Дании, в результате которого китайская компания была выведена из проекта [21, С. 115].

В качестве ключевых игроков в Арктике в статье рассмотрены Россия, Канада, США, Китай, Дания (Гренландия), Норвегия и ее европейские союзники по НАТО и ЕС.

Дания столкнулась с ситуацией, когда прежние договоренности, союзы перестают действовать. Так, Соглашение между Соединенными Штатами и Королевством Дания, заключенное 27 апреля 1951 г. и так предусматривает большие возможности для США, в том числе возможности использования баз [18]. Однако США требуется суверенитет. Дания же не готова к такому шагу, вопрос о суверенитете является принципиальным. Также Дания вынуждена усилить военное присутствие в Гренландии, что требует значительных финансовых вложений. Для Дании неизбежна трансформация статуса в Гренландии и Арктике в целом, однако сами сценарии развития событий могут быть абсолютно разными и в большей части зависят именно от действий США.

Европейские арктические союзники по НАТО (Норвегия и Исландия) и ЕС восприняли политику США по Гренландии как угрозу действовавшей длительное время кооперации в Арктическом регионе.

Было опубликовано совместное заявление Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Франции, Германии, Нидерландов и Великобритании с указанием, что страны готовы к диалогу на принципах суверенитета и территориальной целостности, а также назвали тарифы Трампа подрывающими трансатлантические взаимоотношения [9]. НАТО также объявило о старте миссии «Арктический страж», целью которой предполагается усиление безопасности НАТО в регионе. Кроме того ситуация с Гренландией стала катализатором для возобновления активных обсуждений Норвегии и Исландии о вступлении в Европейский союз. Вопросы безопасности в Арктике встают на передний план.

Так, например, новая Политика Норвегии на Севере, представленная 26 августа 2025 года, основной акцент делает не на развитии северных городов, коренных народах или экологии, как это было раньше, а на усилении военного присутствия НАТО в регионе и мерах по безопасности. Однако это продолжение ранее запланированного курса Норвегии, включающего принятие долгосрочного оборонного плана в апреле 2024 г., предусматривающего создание полноценной бригады в Финмарке к 2032 г. – наиболее значительное усиление военного присутствия в норвежской Арктике со времен холодной войны [2, С. 41]. То есть Политика Норвегии на Севере 2025 года все еще указывает на длительное военное сотрудничество с США в регионе как на преимущество и не содержит каких-либо опасений по поводу политики США в Гренландии [19].

Канада придерживается безоговорочной поддержки Дании и квалифицирует действия США как использование экономической интеграции в качестве оружия [8]. Возрастает напряженность между странами. Канада в январе 2026 г. выступила против строительства системы ПРО «Золотой купол» над Гренландией, что послужило основанием для беспокойства США по отношению к Китаю [11]. Более того, по отношению к Канаде также применяется информационно-психологическое воздействие, когда высказывание о включении Гренландии в состав США повлекло реальные действия. Это может быть расценено как угроза реализации озвучиваемых в высказываниях Д. Трампа планов о Канаде как о 51 штате.

Несмотря на то, что Россия оставляет проблему США – Дания – Гренландия на разрешение самих стран, несомненным является трансформация позиции России в Арктике. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров 11 февраля 2026 года в ходе пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации заявил, что в случае милитаризации Гренландии и создания там военных потенциалов, нацеленных на Россию, будут приняты адекватные контрмеры, в том числе военно-технического характера [1].

Активные обсуждения и действия в Арктике обуславливают необходимость быстрого реагирования и актуализации арктической стратегии России. Уже несколько лет поднимаются вопросы о необходимости актуализации российских нормативно-правовых актов в отношении Арктики. Ситуация с Гренландией – еще один довод в пользу скорейших изменений документов. Так, вице-премьер Юрий Трутнев предложил сократить проект «Основы государственной политики в Арктике и Стратегии развития Арктической зоны на период до 2050 года» до 2030–2035 годов: «Вот там Гренландия активно обсуждается. В этих условиях вдруг сказать, что мы точно сейчас в состоянии запланировать все, скажем, этапы экономического развития до 2050 года, это немножечко легкомысленно» [12]. В долгосрочной перспективе укрепление позиций США в Арктике для России – это необходимость усиления мер безопасности в Арктическом регионе и дополнительный довод в развитии своих арктических территорий.

Китай – это государство, территориально никак не относящееся к Арктике. Однако Китай участвует во многих арктических проектах совместно с арктическими государствами. И именно Китай можно назвать одной из основных причин активной политики США по Гренландии, так как США видит угрозу в активном развитии Китая в Арктике, в активных инвестициях китайских компаний и участии в совместных с арктическими странами проектах.

КНР в 2018 году утверждена Арктическая стратегия, согласно которой «Мир, стабильность и устойчивое развитие Арктики – общие интересы человечества» [17]. Несмотря на стратегическую заинтересованность Китая в регионе в экономическом и инвестиционном плане (добыча редкоземельных элементов, использование транспортных арктических коридоров), отсутствие своих территорий в Арктике означает необходимость сотрудничества. И именно США в большинстве случаев препятствуют участию Китая в проектах по Арктике. Ввиду этого изменение положения США в Гренландии для Китая – прямая угроза врата крупных инфраструктурных проектов.

Заключение

Таким образом, в качестве целей текущей политики США по отношению к Гренландии можно назвать:

- усиление мер безопасности
- перспектива добычи редкоземельных элементов
- доступ к арктическим транспортным коридорам в условиях изменения климата
- укрепление своих позиций, геополитическое и экономическое сдерживание Китая и России.

В ходе исследования установлено, что основными инструментами США в достижении своих целей являются:

1. Информационно-психологическое давление. Выражается в регулярных высказываниях президента США и других официальных лиц о желании «купить» Гренландию, сделать частью США, о рассмотрении в качестве одного из вариантов развития событий – силового захвата, что при детальном рассмотрении не соответствует реальным планам по «усилению влияния». Также выражается в «визитах вежливости», когда представители США участвуют в мероприятиях без официальных приглашений. Так, например, премьер-министр Дании Метте Фредериксен на фоне сообщений о визите делегации США в Гренландию, приглашение для которого американцам не направляли, заявила, что США оказывают на Гренландию и Данию «неприемлемое давление» [7].

2. Финансово-экономическое стимулирование Гренландии. Выражается в предложении Гренландии, ее жителям, финансирования, которое поможет развить территорию, в обмен на контроль над обороной и стратегической инфраструктурой острова. Рассматривается заключение Договора о свободной ассоциации, который позволяет вооруженным силам США свободно действовать в странах-участницах, вести беспешинную торговлю (сейчас такой договор заключен с Палау, Микронезией и Маршалловыми Островами) [14].

3. Санкционное давление. Интересно, что угрозы санкций применяются не в отношении противника, а в отношении союзников по НАТО, которые встают на защиту Дании. Президент США Дональд Трамп объявил, что с 1 февраля 2026 года в отношении Дании, Норвегии, Швеции, Франции, Германии, Великобритании, Нидерландов и Финляндии из-за позиции по Гренландии будут введены пошлины в размере десять процентов на все товары, поставляемые в США [10].

В результате анализа реакции ключевых игроков в Арктическом регионе на активную политику США в отношении Гренландии были сделаны следующие выводы о воздействии политики США по отношению к острову:

1. Дания, Норвегия, а также иные страны НАТО и ЕС воспринимают политику США по Гренландии как существенную угрозу безопасности, как катализатор для изменения позиций в регионе и необходимость создания новых альянсов в Арктике. И в случае продолжения политики США планируются ответные санкции и формирование новых, автономных от США, гарантий безопасности в регионе, «европеизация» обороны в Арктике.

2. Для Канады смена позиций заключается в необходимости диверсификации партнерств в регионе, усилении связей с ЕС, Норвегией, Данией. Необходимой становится политика «сдерживания» собственного союзника в регионе.

3. Политика США по отношению к Гренландии для России – дополнительный довод к развитию своих территорий, к усилению внимания безопасности в Арктике. Это означает в том числе и необходимость актуализации нормативно-правовых актов в отношении Арктики, актуализации сроков существующих и запланированных инвестиционных проектов, выработке стратегий сотрудничества. Действия в Гренландии – повод для наращивания сил в Арктике по причине милитаризации региона.

4. Китай – государство, на которое непосредственное влияние оказывает изменение ситуации с Гренландией. Трансформация позиции видится в укреплении сотрудничества с Россией как со страной, имеющей значительные территории в Арктике. Необходим пересмотр инвестиционных проектов и расчет рисков для каждого из них в случае усиления роли США в Гренландии.

Литература

1. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на «правительственном часе» в ходе пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: 11 февраля 2026 года / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [официальный сайт]. –

Москва, 2026. – 11 февраля. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/2079930/ (дата обращения: 12.02.2026).

2. Гриняев, С.Н. Новая арктическая стратегия Норвегии 2025 года: вызовы и риски для российских интересов в Арктике / С.Н. Гриняев. – Текст: электронный // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2025. – № 3(43). – С. 39–46. – URL: <https://www.instituteofeurope.ru/publications/analytical-notes> (дата обращения: 11.02.2026).

3. Гриняев, С.Н. Специфика многосферных операций по контролю над акваториями в Арктике / С.Н. Гриняев // Проблемы национальной стратегии. – 2025. – № 4(91). – С. 104–123.

4. Дилемма безопасности между США, НАТО и Россией в Арктике. – Текст: электронный // Иносми: [сайт]. – Москва, 2025. – 12 сентября – URL: <https://inosmi.ru/20250912/arktika-274648090.html> (дата обращения: 11.02.2026).

5. Мягков, В. Ю. «Гренландский вектор» геоэкономической стратегии США / В.Ю. Мягков. – Текст: электронный // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 2. – С. 61–65. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grenlandskiy-vektor-geoekonomicheskoy-strategii-ssha> (дата обращения: 11.02.2026).

6. Посол РФ в Дании: США модернизируют базу Питуффик в Гренландии. – Текст: электронный // Вести.Ru: [сайт]. – Москва, 2025. – 1 февраля. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4339033> (дата обращения: 11.02.2026).

7. Премьер Дании заявила, что США оказывают давление на Гренландию и Данию. – Текст: электронный // Коммерсантъ: [сайт]. – Москва, 2025. – 25 марта. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7604485> (дата обращения: 11.02.2026).

8. СМИ: критика Карни в Давосе в адрес великих держав была нацелена на шаги США. – Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. – Москва, 2026. – 21 января. – URL: <https://ria.ru/20260121/kritika-2069195749.html> (дата обращения: 11.02.2026).

9. Страны ЕС и Великобритания выпустили совместное заявление по Гренландии и США. – Текст: электронный // Forbes.ru: [сайт]. – Москва, 2026. – 19 января. – URL: <https://www.forbes.ru/society/553773-strany-es-i-velikobritaniya-vypustili-sovmestnoe-zaavlenie-po-grenlandii-i-ssa> (дата обращения: 11.02.2026).

10. США введут пошлины против стран Северной Европы из-за Гренландии. – Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. – Москва, 2026. – 17 января. – URL: <https://ria.ru/20260117/tramp-2068537222.html> (дата обращения: 11.02.2026).

11. Трамп сообщил, что Канада отвергла идею «золотого купола» над Гренландией. – Текст: электронный // News.ru: [сайт]. – Москва, 2026. – 24 января. – URL: <https://news.ru/usa/tramp-soobshil-cto-kanada-otvergl-ideyu-zolotogo-kupola-nad-grenlandiej> (дата обращения: 11.02.2026).

12. Трутнев предложил перенести сроки планирования стратегии развития АЗРФ. – Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. – Москва, 2026. – 24 января. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/26237975> (дата обращения: 12.02.2026).

13. Унизят Данию и всю Европу: стало известно, как США заберут Гренландию. – Текст: электронный // Аргументы и Факты: [сайт]. – Москва, 2026. – 13 января. – URL: <https://aif.ru/politics/world/unizyat-daniyu-i-vsyu-evropu-stalo-izvestno-kak-ssha-zaberut-grenlandiyu> (дата обращения: 11.02.2026).

14. The Economist узнал о разработке США проекта сделки по Гренландии. – Текст: электронный // Forbes.ru: [сайт]. – Москва, 2026. – 6 января. – URL: <https://www.forbes.ru/society/553281-the-economist-uznal-o-razrabotke-ssa-proekta-sdelki-po-grenlandii> (дата обращения: 11.02.2026).

15. The Telegraph: США в сделке по Гренландии получат контроль над военными базами. – Текст: электронный // Коммерсантъ: [сайт]. – Москва, 2026. – 22 января. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8364286> (дата обращения: 11.02.2026).

16. 2024 Arctic Strategy / The Department of Defense. – Текст: электронный. – Washington: The Department of Defense, 2024. – 25 p. – URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 11.02.2026).

17. China's Arctic Policy. – Text: electronic // The State Council of the People's Republic of China: [website]. – Beijing, 2018. – 26 Jan. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 11.02.2026).

18. Defense of Greenland: Agreement Between the United States and the Kingdom of Denmark, April 27, 1951. – Text: electronic // The Avalon Project (Yale Law School): [website]. – URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/den001.asp (accessed: 11.02.2026).

19. Norge i nord – Arktisk politikk i en ny tid [Norway in the North – Arctic Policy in a New Era]. – Text: electronic. – Oslo: Regjeringen, 2025. –

64 p. – (Meld. St. 9 (2024–2025)). – URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/ce4ca6a943494c1da569f45ae2d8dfb9/no/pdfs/h-2569-b-nordmradestrategi.pdf> (accessed: 11.02.2026).

20. United Airlines Launches First Direct U.S.-Greenland Flight Since 2008. – Text: electronic // VisaVerge.com: [website]. – 2025. – 16 June. – URL: <https://www.visaverge.com/news/united-airlines-launches-first-direct-u-s-greenland-flight-since-2008/> (accessed: 11.02.2026).

21. 고승화 (2025). Rising Tensions in Arctic Europe: The Hegemonic Rivalry over the Strategic Value of Greenland. *유럽연구*, 43(4), 97–128. – URL: <https://www.kci.go.kr/kciportal/landing/article.kci?article=ART003267985> (дата обращения: 11.02.2026).

TRANSFORMATION OF THE STRATEGIC POSITIONS OF STATES WITH INTERESTS IN THE ARCTIC, INFLUENCED BY THE US POLICY TOWARDS GREENLAND

Zorikova E.V.

Vladivostok State University

The article examines the transformation of the strategic positions of states with interests in the Arctic under the impact of the current US policy towards Greenland. The objectives and instruments of US policy are identified, including coercive diplomacy, economic leverage, and sanctions against Denmark and its European allies. Special attention is paid to the reaction of key players in the Arctic – Russia, Canada, Denmark, Norway, China and the EU countries – to the US attempts to establish indirect control over the island. The analysis is conducted from the perspectives of neorealism and liberal institutionalism, which allows for examining both competitive and cooperative dimensions of state interaction in the region. The study argues that Greenland serves as a catalyst for geopolitical transformation in the Arctic, prompting a reassessment of defense strategies, the formation of new alliances, and the “Europeanization” of Arctic security. The article concludes that US actions are leading to the fragmentation of the established Arctic cooperation framework and an intensification of the security dilemma in the region.

Keywords: Greenland, Arctic, geopolitics, Arctic transport corridors, Rare-earth elements.

References

1. Speech and answers to questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at the “government hour” during the plenary session of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: February 11, 2026 / Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – Text: electronic // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: [official website]. – Moscow, 2026. – February 11. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/2079930/ (date of access: February 12, 2026).

2. Grinyayev, S.N. New Arctic Strategy of Norway for 2025: Challenges and Risks for Russian Interests in the Arctic / S.N. Grinyayev. – Text: electronic // Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 3 (43). – P. 39–46. – URL: <https://www.instituteofeurope.ru/publications/analytical-notes> (date of access: 11.02.2026).

3. Grinyayev, S.N. Specifics of multi-sphere operations to control waters in the Arctic / S.N. Grinyayev // Problems of National Strategy. – 2025. – No. 4 (91). – Pp. 104–123.

4. The security dilemma between the USA, NATO and Russia in the Arctic. – Text: electronic // Inosmi: [website]. – Moscow, 2025. – September 12 – URL: <https://inosmi.ru/20250912/arktika-274648090.html> (date of access: 11.02.2026).

5. Myagkov, V. Yu. “The Greenland Vector” of the US Geoeconomic Strategy / V. Yu. Myagkov. – Electronic text // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2025. – No. 2. – Pp. 61–65. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grenlandskiy-vektor-geoekonomicheskoy-strategii-ssha> (accessed: 11.02.2026).

6. Russian Ambassador to Denmark: The United States is modernizing the Pituffik base in Greenland. – Text: electronic // Vesti.Ru: [website]. – Moscow, 2025. – February 1. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4339033> (accessed: 11.02.2026).

7. The Danish Prime Minister stated that the United States is putting pressure on Greenland and Denmark. – Text: electronic // Kommersant: [website]. – Moscow, 2025. – March 25. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7604485> (date of access: 11.02.2026).

8. Media: Carney's criticism of the great powers in Davos was aimed at US steps. – Text: electronic // RIA Novosti: [website]. – Moscow, 2026. – January 21. – URL: <https://ria.ru/20260121/kritika-2069195749.html> (date of access: 11.02.2026).

9. The EU countries and the UK issued a joint statement on Greenland and the United States. – Text: electronic // Forbes.ru: [website]. – Moscow, 2026. – January 19. – URL: <https://www.forbes.ru/society/553773-strany-es-i-velikobritaniya-vypustili-sovmestnoe-zaavlenie-po-grenlandii-i-ssa> (date of access: February 11, 2026).

10. The United States will impose tariffs on Northern European countries due to Greenland. – Text: electronic // RIA Novosti: [website]. – Moscow, 2026. – January 17. – URL: <https://ria.ru/20260117/tramp-2068537222.html> (date of access: February 11, 2026).

11. Trump announced that Canada rejected the idea of a “golden dome” over Greenland. – Text: electronic // News.ru: [website]. – Moscow, 2026. – January 24. – URL: <https://news.ru/usa/tramp-soobshil-cto-kanada-otvergl-ideyu-zolotogo-kupola-nad-grenlandiej> (date of access: February 11, 2026).

12. Trutnev proposed postponing the planning deadlines for the Arctic Zone development strategy. – Text: electronic // TASS: [site]. – Moscow, 2026. – January 24. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/26237975> (date of access: February 12, 2026).

13. They will humiliate Denmark and all of Europe: it became known how the US will take Greenland. – Text: electronic // Arguments and Facts: [site]. – Moscow, 2026. – January 13. – URL: <https://aif.ru/politics/world/unizyat-daniyu-i-vsyu-evropu-stalo-izvestno-kak-ssha-zaberut-grenlandiyu> (date of access: 11.02.2026).

14. The Economist learned that the US is developing a draft deal on Greenland. – Text: electronic // Forbes.ru: [website]. – Moscow, 2026. – January 6. – URL: <https://www.forbes.ru/society/553281-the-economist-uznal-o-razrabotke-ssa-proekta-sdelki-po-grenlandii>

www.forbes.ru/society/553281-the-economist-uznal-o-razrabotke-ssa-proekta-sdelki-pogrenlandii (date of access: 11.02.2026).

15. The Telegraph: The US will gain control over military bases in the Greenland deal. – Text: electronic // Kommersant: [website]. – Moscow, 2026. – January 22. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8364286> (date of access: 11.02.2026).

16. 2024 Arctic Strategy / The Department of Defense. – Текст: электронный. – Washington: The Department of Defense, 2024. – 25 p. – URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> ((date of access: 11.02.2026).

17. China's Arctic Policy. – Text: electronic // The State Council of the People's Republic of China: [website]. – Beijing, 2018. – 26 Jan. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 11.02.2026).

18. Defense of Greenland: Agreement Between the United States and the Kingdom of Denmark, April 27, 1951. – Text: electronic // The Avalon Project (Yale Law School): [website]. – URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/den001.asp (accessed: 11.02.2026).

19. Norge i nord – Arktisk politikk i en ny tid [Norway in the North – Arctic Policy in a New Era]. – Text: electronic. – Oslo: Regjeringen, 2025. – 64 p. – (Meld. St. 9 (2024–2025)). – URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/ce4ca6a943494c1da569f45ae2d8dfb9/no/pdfs/h-2569-b-nordomradestrategi.pdf> (accessed: 11.02.2026).

20. United Airlines Launches First Direct U.S.–Greenland Flight Since 2008. – Text: electronic // VisaVerge.com: [website]. – 2025. – 16 June. – URL: <https://www.visaverge.com/news/united-airlines-launches-first-direct-u-s-greenland-flight-since-2008/> (accessed: 11.02.2026).

21. 고승화 (2025). Rising Tensions in Arctic Europe: The Hegemonic Rivalry over the Strategic Value of Greenland. *유럽연구*, 43(4), 97–128. – URL: https://www.kci.go.kr/kciportal/landing/article.kci?arti_id=ART003267985 (дата обращения: 11.02.2026).

Ндур Мухамет Дит Наби,

Государственное управление и отраслевые политики, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)
E-mail: ameth.21ndour@yandex.com

Сенегал, считающийся одной из крупнейших демократических стран Западной Африки, может ли в настоящее время представить себе парламентскую систему? После прихода к власти политической партии PASTEF, два лидера которой возглавляют процесс принятия государственных решений, акцент сместился на размышления о политической системе, адаптированной к нынешней ситуации, чтобы избежать риска политического кризиса в регионе, управляемом военными режимами.

В этой статье мы рассмотрим текущую политическую ситуацию в Сенегале и перспективы на будущее.

Ключевые слова: политическая система, парламентаризм, сенегальская политика и др.

Введение

Столкнувшись с проблемами политической стабильности, страны Западной Африки с момента обретения самоопределения стремятся к политической системе, отвечающей политическим потребностям их развития. Руководствуясь необходимостью представительной демократии, может ли парламент стать решением этих политических кризисов? В любом случае, по мнению некоторых, Африке нужны не сильные политики, а сильные институты. В этом же ключе, Сенегал, будучи одной из первых республик в мире, имевших законодательный орган до обретения независимости, после краха парламентской системы в 1962 году, стремится к сенегальско-центричной политической системе для надлежащего функционирования своих институтов [1]. С приходом к власти президента Бассиру Диомаи Файе и его стремлением реорганизовать институты, полагая, что полномочия президента чрезмерны, не стоим ли мы на пороге конца суперпрезидентской системы? По крайней мере, для нас наблюдение состоит в том, что на практике мы больше не находимся под президентской системой с 2 апреля 2024 года, с приходом к власти PASTEF. Хотя в 1960 году нас соблазняла парламентская система, она была несовершенна из-за отсутствия четкого определения полномочий в то время. Действительно, председателя Национального совета, который, согласно конституции, определяет и проводит политику страны [2], нельзя обвинить в попытке государственного переворота, учитывая, что он обладал всей властью [3].

Парламентаризм, который сегодня считается отличительной чертой зрелой демократии во всем мире, может ли он стать ценным активом для Сенегала в обеспечении баланса между его властными институтами? Как бывшая французская колония, готов ли Сенегал к требованиям парламентской системы?

Эти вопросы стали необходимыми для решения после прихода к власти дуэта Диомаи-Сонко, что на практике знаменует собой конец президентской системы. Путаница в нынешней ситуации в Сенегале проистекает из того, что премьер-министр обладает большей представительностью, чем президент, в рамках Конституции (2001 года, с поправками 2016 года), где президент не подотчетен Национальному собранию и назначает премьер-министра. Более того, премьер-министр, не обладающий правом определять национальную политику, ограничен реализацией и координацией видения президента, который менее представительен по отношению к президенту и может быть уволен в любой момент.

В этой статье мы рассмотрим политическую систему Сенегала, нынешнюю ситуацию с дуэтом Диомаи-Сонко и вероятные перспективы парламентской системы в Сенегале.

Парламентская система Сенегала с 1960 по 1962 год

Концепция парламентской системы не нова для Сенегала. Действительно, в 1960 году, после обретения независимости, Сенегал уже выбрал парламентскую систему, возглавляемую президентом Леопольдом С. Сенгором и председателем Совета и отцом независимости Мамаду Диа, в силу подписания им соглашения о независимости. Эта парламентская система характеризовалась двойной исполнительной властью, установленной конституцией от 26 августа 1960 года. На этот выбор парламентаризма повлияли, во-первых, политическая история Франции, которая со времен революции основывалась на парламентской модели ее режима; и, во-вторых, место Сенегала во французской колониальной политике. Действительно, Сенегал был одной из первых колоний, получивших представительство, начиная с 1871 года с полностью функционирующими муниципалитетами (Дакар, Сен-Луи, Руфиск и Горе), и имел Генеральный совет (позже Колониальный совет) с 1873 года. Не следует также упускать из виду роль однопартийной системы в установлении парламентаризма до обретения страной независимости. Более того, президент Республики и председатель Совета, отец независимости, оба избирались или назначались из Национального совета, будущего Национального собрания. Однако этот процесс начался с создания Сенегальской социалистической партии (ПСП) в 1934 году Ламином Геом. ПСП объединилась с Сенегальским демократическим блоком Сенгора, образовав Сенегальскую прогрессивную партию в 1958 году, накануне обретения независимости в Западной Африке. Сенегальская прогрессивная партия получила независимость и управляла страной до 2000 года, даты первой смены власти в Сенегале.

Кроме того, присутствие таких политических лидеров, как Сенгор, Мамаду Диа и Ламин Гее, среди прочих, в Сенегальском прогрессивном союзе повлияло на выбор в пользу создания парламентской системы в духе «совместного управления». В этой парламентской системе президент Республики являлся главой государства, а председатель Совета был не просто координатором правительства, а главой правительства. В отношении государственной политики председатель Совета занимал ведущую позицию, в то время как президент Республики выступал в качестве арбитра в распределении государственной политики. Однако этот баланс между президентом Республики и председателем Совета основывался на различных идеологиях развития между ними и привел к кризису 1962 года, который завершился крахом парламентской системы и появлением сильной президентской системы в 1963 году.

Президентская система в Сенегале

По словам Эль-Хаджи Мбоджи в интервью изданию *Sud Quotidien*, Сенгор считает, что главной ошибкой было отсутствие президентской системы после обретения Сенегалом независимости. Действительно, Сенгор утверждал, что наиболее подходящей политической системой для Сенегала является сильная президентская система с концентрацией власти в руках президента. Это вполне правдоподобно, учитывая, что после обретения независимости сенегальские политические партии находились под влиянием различных идеологий из других стран, не обязательно напрямую связанных с развитием страны. К этим идеологиям относились коммунизм, социализм и либерализм, среди прочих. Однако в 2024 году пятый президент Республики Сенегал, Бассиру Диомайе Файе, как и многие политики и представители гражданского общества [4], осознал огромную власть президента. Он попытался решить эту проблему, выступая за создание влиятельного премьер-министра [5], позиционируя его как Отца нации и арбитра в принятии решений в области государственной политики. Следует напомнить, что до политического кризиса, разразившегося в противостоянии Л.С. Сенгору и Мамаду Диа, конституция Сенегала 1960 года ограничивала прерогативы президента республики в области внешней политики, безопасности и дипломатии, а также в качестве главы вооруженных сил и хранителя конституции, такие как суверенные функции государства [6]; в то время как председатель национального совета определяет и проводит политику нации под доверием Ассамблеи, за которую он и другие члены правительства несут ответственность.

Это хрупкое равновесие внутри политических институтов власти заложило основу для парламентской системы, где осуществление власти разделяется всеми, то есть между законностью государства и парламентской легитимностью. Однако с принятием конституций 1963 [7], путаница теперь сосредоточена на типе политического режима. В Сенегале у нас есть президент республики, способный на всё и неподотчётный ни за что, как будто по воле Его Величества. Другими словами, своего рода республиканский монарх. Тем не менее, присяга, как это предусмотрено конституцией, является основным актом вступления в должность. Следовательно, принесение присяги должно подразумевать подотчётность. Принесение присяги и неподотчётность представляют собой конституционную аномалию.

Согласно традиции, в президентской системе Сенегала любой человек, кроме президента, кто выделяется, автоматически смещается с должности (Абдулае Ваде-Мустафа Ниассе [8], Абдулае Ваде-Идрисса Сек [9], Маки Салл-Абдул Мбайе [10], Маки Салл-Халифа Салл [11]). Ситуация изменилась с приходом к власти PASTEF. Под руководством PASTEF мы видим премьер-министра, способного бросать вызов институтам, готового выражать несогласие с президентом и даже рассматривающего возможность баллотироваться в 2029 году после 18 месяцев пребывания в должности без каких-либо последствий – это очень далеко от президентской системы.

С момента прихода к власти президента Диомайе, несмотря на критику его действий как премьер-министра, факт остается фактом: президент был избран на основе политической платформы PASTEF и при поддержке Усмана Сонко [12]. Короче говоря, как бы то ни было, они обречены править вместе в течение этого срока, если хотя бы сохранить власть. В сенегальской президентской политической системе одной легитимности недостаточно; аналогично, институциональная власть без какой-либо политической базы означает, что ничего не сохраняется.

Предсказанный крах президентского режима

Интересно наблюдать, как спустя шестьдесят пять лет после обретения независимости на политической сцене появляется фигура, которая, в осуществлении власти, справедливо или нет, напоминает постколониального президента Национального совета Мамаду Диа. Для нас Усман Сонко является политическим воплощением Мамаду Диа. Теперь, поскольку прошлое влияет на будущее, он не осознает повторения

прошлых ошибок и ожидает иного результата в будущем, как говорит-ся. В тексте Маати Монжиб «Мамаду Диа и франко-сенегальские отношения (1957–1962)» [13] мы узнаем, что Мамаду Диа символизировал противника установленного порядка (колониализма и французского правления), так же как Сонко символизирует противника существующего порядка. Из цитат авторов в этой работе мы можем понять, что Мамаду Диа «никогда не отказывался от своего идеализма, чтобы стать государственным деятелем». Даже сегодня (1986 год) он по-прежнему убежден, что кооперативные и самоуправляемые структуры, вдохновленные китайской и югославской моделями, которые он хотел внедрить в Сенегале, позволили бы его стране вырваться из отсталости и экономической зависимости [14]. Короче говоря, Мамаду Диа хотел отучить новую сенегальскую республику от влияния Франции, которая в то время не была готова резко отказаться от своего материнского молока.

В этом смысле первый политический риск, с которым сталкивается этот дует, – это амбиции. В сенегальском сознании каждый хочет быть лидером. Однако мы должны понимать, что с момента обретения независимости до 2025 года в Сенегале было всего пять президентов; то есть не каждый является президентом, как бы просто ни звучал этот термин. Каждый считает себя потенциально способным к президентству. Это является серьезной проблемой с момента образования республики, поскольку способствует хаосу. Например, объединенная коалиция вокруг одного человека и общего видения общества могла бы стать первым шагом. Коалиция «BENNO BOK YAKAAR» [15] и Cap-21 [16] были прекрасными примерами; «YEWI ASKAN WI» [17] была бы ещё одним, к сожалению.

Сегодня, в условиях кризиса безопасности в субрегионе, нестабильности глобальных отношений и внутренних социально-экономических кризисов, сможет ли Усман Сонко добиться успеха там, где потерпел неудачу Мамаду Диа?

В любом случае, для многих, несмотря на его представительность и легитимность, он считается новичком в сфере принятия государственных решений, не имеющим реального плана и не знающим, куда вести войска. Национализм можно преодолеть в развитой стране, такой как Соединенные Штаты; для слаборазвитой страны, такой как Сенегал, эта концепция ведет к катастрофе. В действительности, именно такой риск ожидает эту пару под чрезмерным социальным давлением [18]. Более того, во время своего выступления перед Национальным собранием 28 ноября 2025 года Сонко заверил своих активистов и сторонников, что он и президент урегулировали свои разногласия и что этот кризис можно преодолеть, одновременно указав на то, что по некоторым вопросам могут быть разные позиции [19].

Политическая ситуация между Сонко и Диомайе беспрецедентна, поскольку перед нами лидер, который, используя свой образ, построил политический проект, поддержанный целым сообществом; и в итоге он вынужден уступить свою позицию подчиненному. Даже если движение «Сонко – это Диомайе» было продиктовано необходимостью спасти проект и избежать юридических проблем, партнерство может существовать только в трех измерениях.

Сонко не сможет баллотироваться в 2029 году; в этом случае он будет вынужден следовать за Диомайе и поддерживать его.

Диомайе ограничится этим пятилетним сроком и не будет баллотироваться снова в 2029 году.

Или же поступать в рамках парламентской системы.

Если бы это была лотерея (используя нынешнюю тенденцию), я бы поставил на Диомайе, президента республики, просто потому что в Сенегале, при президентской системе, он может делать все, что угодно, без малейших ограничений.

Текущая ситуация в сенегальской политике

Нынешнее состояние сенегальской политики заставляет нас задуматься о возможном возвращении к парламентаризму. Действительно, бывший министр Сенегала Эль-Хаджи Ибрахима Салл в своем интервью на телеканале 7tv предложил пересмотреть политическую организацию институтов. Он считает, что исполнительная власть должна стать аренной для развития технократов, профессионалов и высокопоставленных административных чиновников, позволяя им выполнять свою миссию по реализации государственной политики без какого-либо политического давления, связанного с их амбициями на переизбрание. Что касается законодательной власти, то она должна стать аренной для политиков, которые, исходя из своего местного представительства, стремятся лучше защищать политику, на основе которой они были избраны [20]. Благодаря такому разделению обязанностей мы видим необходимую эволюцию в сторону парламентаризма. Более того, поскольку в политике контексты определяют понятия, с приходом к власти PASTEF мы перешли от суперпрезидентской политической системы к системе, которую мы называем «приматологической», а не «премьер-министерской»,

что уже подразумевает парламентаризм. Под системой верховенства мы понимаем систему, в которой премьер-министр, даже если он назначен, обладает легитимностью, превосходящей легитимность президента республики, и определяет национальную политику благодаря своей представительности. В этом смысле Усман Сонко сохраняет пост премьер-министра, поскольку он воплощает политический проект, представленный населению и принятый им.

Хотя некоторые считают, что парламентская система характерна для зрелых демократий, важно понимать, что Сенегал имеет долгую историю голосования. Действительно, во время визита в Египет Сенгор, отвечая журналистам на вопрос о зрелости сенегальской избирательной практики, сказал: «...просто наше понимание демократии охватывает два столетия: чернокожие и французы, у нас были представители в Генеральных штатах 1789 года и до Директории!» [21]. Крайне важно помнить, что Республика Сенегал, какой мы ее знаем сегодня, является продуктом длительного демократического процесса голосования, начавшегося со Второй Французской республики 1833 года [22], с всеобщего мужского избирательного права, а затем и возможности голосовать в муниципалитетах, где это практиковалось: Дакар, Горе, Руфиск и Сен-Луи. Этот опыт голосования продолжился в 1946 году с предложенным законом Ламина Гее о возможности распространения гражданства на всех жителей Французской Западной Африки (ФЗ), а позже – с Рамочным законом Деффера. В этом смысле также важно помнить, что Сен-Луи в Сенегале был столицей Французской Западной Африки.

Провал парламентаризма Сенгора и Мамаду Диа, похоже, продолжается и в 15-м созыве парламента, где Усман Сонко, представительный политик, должен был занять место в Национальном собрании, чтобы лучше контролировать и уравновешивать избранную им исполнительную власть. Более того, находясь в оппозиции после увольнения с государственной службы, он защищал решающую роль Национального собрания в надлежащем управлении властными институтами. В интервью на RFM (Radio Future Medias) 6 апреля 2017 года Сонко предупредил нас о надзорной роли Национального собрания, выступая не только за статус членов парламента, но и за автоматическое создание комиссий по расследованию для выяснения государственной политики тогдашнего правительства. Он даже заявил, что если он получит большинство на предстоящих выборах, то не будет премьер-министром Маки Салла. Скорее, речь идет о создании сосуществования, которое несет в себе лишь один риск: эффективный государственный контроль [23]. Действительно, парламента, являющийся квинтэссенцией представительства народа и его суверенитета, способствует защите жизненно важных интересов страны и справедливому перераспределению ресурсов.

14-й созыв парламента, который, на наш взгляд, демонстрирует зрелость сенегальского электората, был под контролем двух основных блоков: Бенно Бок Якаар и YAW (Йеви АсканВи и Валу). Этот созыв, омраченный наличием списка заместителей членов в Национальном собрании, представлял собой нормальный переход к экспериментам с парламентаризмом. Читывая траекторию развития Сенегала, парламентаризм не может рассматриваться населением как риск. Тем не менее, мы должны быть обеспокоены зрелостью политиков, поскольку они являются единственными инициаторами политического насилия в стране. Например, раскол между Сенгором и Мамаду Диа, по словам Абду Латифа Кулибали, был облегчен Францией, «...которая финансировала и организовывала захват власти лагерем Сенгора». Действительно, в ночь на 14 декабря 1962 года депутаты парламента Усман Нгом, председатель парламентарской фракции в Национальном собрании и ярый противник Мамаду Диа, Хар Ндоффен Диуф и Теофиль Жама, среди прочих, провели тайную встречу с Анри Галленкой, тогдашним президентом Торговой палаты, и Робертом Дельмасом, депутатом парламента и бизнесменом [...]. У Анри Галленки был конверт, содержащий более ста миллионов франков КФА [...], собранных в посольстве Франции в Дакаре и богатых торговых домах Бордо и Марселя, расположенных в Сенегале. Предполагалось, что эти деньги будут использованы для финансирования «подкупа» некоторых членов парламентарской делегации, в которой у Мамаду Диа было много сторонников» [24]... Это также иллюстрирует набирающее популярность явление политизации всех споров, которые могут возникнуть между общественным деятелем и государством. В качестве примеров можно привести авансовый фонд в городе Дакар [25], саудовские фонды [26], судебный процесс над «Красавицей-сладостью» [27], дело «Эллипс» [28]... Это говорит о том, что политические власти должны прекратить игру, цель которой – манипулировать массами всякий раз, когда у них возникают споры, связанные с правосудием, чтобы не дать последним возможности прояснить ситуацию.

Заключение

В конечном счете, мы должны признать, что Сенегал переживает серьезные политические перемены, которые поднимают вопросы об организации политических институтов, власти и конституции. Если президент Диомайе Файе действительно хочет иметь сильного премьер-министра, то у него есть только одно решение: изменить сенегальскую политическую систему посредством конституции (референдум и т.д.). Что касается Усмана Сонко, то попытка навязать себя на основе политического представительства, каким бы реальным оно ни было в президентской системе, – это не что иное, как самоубийство.

Долговечность этого партнерства неизбежно будет зависеть от политических амбиций обеих сторон или от перехода к парламентаризму. Сенегальский народ продемонстрировал свою политическую зрелость посредством выборов; однако теперь политикам предстоит проявить свой патриотизм и компетентность для достижения этой цели. Хотя политические изменения нельзя предписать, они определяются политическим контекстом. Для нас этот тандем сигнализирует о смерти президентской системы в Сенегале.

Литература

1. Конституционные реформы: Мнение экспертов по конституционному праву, https://constitutionnet.org/sites/default/files/INTERVIEWS_MBODJ_IMFALL_pf Конституция 1960 года: Раздел IV. О правительстве. Статья 26.
2. Статья 26. Председатель Совета определяет и проводит политику страны; он руководит действиями правительства. Он отвечает за национальную оборону. В его распоряжении находятся администрация и вооруженные силы. Он обеспечивает исполнение законов. Он обладает регулирующей властью. Он обеспечивает исполнение законов и нормативных актов. В соответствии с положениями статьи 24, определяющей полномочия Президента Республики по назначению, он назначает на все гражданские и военные должности. Он может делегировать определенные полномочия другим членам правительства. Он несет солидарную ответственность со своим правительством перед Национальным собранием в соответствии с условиями, предусмотренными настоящей Конституцией.
3. Гражданский форум по институциональным реформам в Сенегале, Дакар, 16 января 2018 г.: Сенегал: Слишком много власти у президента!
4. Бассиру Диомайе Файе: «Я хочу сильных генеральных директоров. Я хочу сильных министров». «Я хочу...», <https://share.google/3Ssyb9SYDIsIpfGK>
5. Конституция 1960 года, статья 24.
6. Конституция от 7 марта 1963 года, <https://mjp.univ-perp.fr/constit/sn1963.htm>
7. Закон № 2001–03 от 22 января 2001 года о Конституции с поправками, <https://primature.sn/publications/lois-et-reglements/loi-ndeg-2001-03-du-22-janvier-2001-portant-constitution-modifiee>
8. Jeune Afrique, вы все еще злитесь на своего бывшего премьер-министра Мустафу Ниассе за разрыв с вами отношений в марте 2001 года? [...]. Я назначил его премьер-министром, я хотел разделить с ним власть... К сожалению, Ниассе был окружен горячими головами, жаждущими дестабилизировать меня, чтобы захватить абсолютную власть...].
9. Новый гуманизм: Политическая напряженность и растрата: Дело Идриссы Сека.
10. Идрисса Сек, один из самых популярных политиков Сенегала и ведущий кандидат в президенты, подозреваемый в растрате в рамках строительных проектов в Тьесе, был допрошен полицией в пятницу по приказу своего бывшего наставника, президента Абдулая Ваде. 46-летний Сек является заместителем генерального секретаря Сенегальской демократической партии (ПДП), партии Ваде. Он также занимал пост премьер-министра с ноября 2002 года по апрель 2004 года, когда у него произошел конфликт с президентом. В течение всей пятницы Идрисса Сек, допрошенный Управлением уголовных расследований (УУРС), должен был ответить на обвинения в предполагаемой растрате государственных средств в рамках строительных проектов в Тьесе, проекта городского развития. 10. РАССЛЕДОВАНИЕ+, АБДУ МБОУ (ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АР): «Абду Мбайе оправдывает решение Маки Салла об его увольнении». Абду Мбайе воспользовался запуском своей партии в эти выходные, чтобы разоблачить недостатки правительства Маки Салла. Эти заявления были плохо восприняты сторонниками президента.

11. Мнение. В Сенегале заключенный Халифа Салл бросает вызов президенту Маки Саллу: Факты – Мэр Дакара Халифа Салл, крайне амбициозный социалист-диссидент из правящего большинства, был обвинен

и заключен в тюрьму 7 марта за предполагаемое хищение государственных средств. Это заключение разделяет сенегальский народ в преддверии парламентских выборов 30 июля и перед важной борьбой за президентские выборы 2019 года. Глава государства Маки Салл уже думает о своем переизбрании, и мэр Дакара, возможно, захочет побороться за него.

12. TV5Monde, Сенегал: Бассиру Диомайе Файе и Усман Сонко – на пути к двойной властной структуре. В Сенегале открывается новая политическая эра с избранием Бассиру Диомайе Файе. Лидер оппозиции одержал победу после того, как его кандидатуру выдвинул Усман Сонко, президент Pastef, который был признан не имеющим права баллотироваться. <https://information.tv5monde.com/afrique/senegal-bassirou-diomaye-faye-et-ousmane-sonko-vers-un-pouvoir-bicephale-2715638>

13. https://www.persee.fr/doc/horma_0984-2616_2005_num_53_1_2299.

14. Филипп Гайяр: «Мемуары: деколонизация по Мамаду Диа» в журнале *Jeune Afrique*, 22 октября 1986 г., с. 68.

15. PressAfrik: Столкновение с противоречиями: Бенно Бок Якаар на пути к большей структуризации.

16. Столкновение с противоречиями: Бенно Бок Якаар движется к большей структуризации. <https://senalioune.com/la-coalition-presidentielle-et-les-elections-locales-au-senegal-un-risque-reel-dimplosion-avant-le-scrutin/>

17. Освобождение народа, https://fr.wikipedia.org/wiki/Lib%3C%A9rer_le_peuple

18. Africanews, В Сенегале президент Бассиру Диомайе Файе и его премьер-министр Усман Сонко больше не скрывают своих разногласий по поводу того, кто должен возглавить коалицию «Президент Диомайе», <https://fr.africanews.com/2025/11/12/senegal-bras-de-fer-politique-entre-bassirou-diomaye-faye-et-ousmane-sonko/>

19. La Vie Сенегалец Усман Сонко, выступая перед депутатами, наконец-то прокомментировал слухи о напряженности в отношениях с президентом Бассиру Диомайе Файе. Премьер-министр заявил, что между ним и человеком, которого он продолжает называть своим «другом», нет никакого конфликта. «В политике каждый волен следовать своему пути. Многие не понимают, что я работаю не на президента Диомайе Файе, а на сенегальский народ. Однако эта работа входит в его компетенцию и будет учитываться в рамках его мандата. Я делаю то, что считаю лучшим для Сенегала. Никакой политической контекст не помешает нам сотрудничать». <https://laviesenegalaise.com/les-confidences-dousmane-sonko-sur-sa-relation-avec-le-president-diomaye-faye/>

20. 7TV, MNF, октябрь 2025 г., Ибрагим Салл, бывший министр, профессор экономики, философии...

21. Ж.П. Перонсель-Югоз. «Президент Сенгор, арабы и франкофония», *Le Monde*, 1 января 1981 г.

22. Мбайе Салиу. Представительство Сенегала во французском парламенте во времена Второй республики: 1848–1851 гг., IFAN, Дакар, 1977 г.

23. RFM, Эль Хаджи Ассан Гуйе, ЮН ВИ, гость Усман Сонко, политический лидер PASTEF

24. Кулибали, Абду Латиф, Сенегал, испытанный демократией, Париж, Le Harmattan, 1999, с. 67.

25. Le Point, Суд над Халифой Саллом – Авансовый фонд: «Государство знало», – утверждает мэр Дакара, https://www.lepoint.fr/afrique/procès-de-khalifa-sall-caisse-d-avance-l-etat-savait-soutient-le-maire-de-dakar-08-02-2018-2193363_3826.php

26. Петродоллары и влияние: как Катар, Дубай и другие арабские страны осыпают африканскую элиту деньгами, https://www.leral.net/Petrodollars-et-influence-Comment-le-Qatar-Dubai-et-d-autres-pays-arabes-arrosent-les-elites-africaines_a391821.html

27. Ritimo, Sweet Beauty, <https://www.ritimo.org/Sweet-Beauty-10266>

28. Экстрадиция – Франция: Рассмотрение дела Мадиамба-ла Диань отложено до 25 ноября 2025 г., https://www.dakaractu.com/Extradition-France-L-affaire-Madiambal-Diagne-mise-en-delibere-au-25-novembre-2025_a266374.html

SENEGALISE PARLIAMENTARISM

Ndour Muhamet Dit Nabi
Saint Petersburg State University (SPBSU)

Considered a major democracy in West Africa, can Senegal currently envision a parliamentary system? Since the PASTEF political party came to power, with its two leaders at the helm of state decision-making, the focus has shifted to reflecting on a political system adapted to this situation in order to avoid any risk of political crisis in this region now governed by military regimes.

In this article, we will examine the current political situation in Senegal and the prospects for the future.

Keywords: political regime, parliamentarism, Senegalese politics...

References

1. Constitutional reforms: Opinion of Constitutional Law Experts, https://constitution-net.org/sites/default/files/INTERVIEWS_MBODJ_IMFALL.pf The 1960 Constitution: Title IV. On the Government. Article 26

2. Article 26. The President of the Council determines and implements the policy of the country; he directs the actions of the Government. He is responsible for national defense. The administration and the armed forces are at his disposal. He ensures the execution of laws. He has regulatory power. He ensures the execution of laws and regulations. In accordance with the provisions of Article 24, which defines the appointive powers of the President of the Republic, he appoints to all civil and military positions. He may delegate certain powers to other members of the Government. He is jointly and severally responsible with his Government to the National Assembly in accordance with the conditions provided for in this Constitution.

3. Citizens' Forum on Institutional Reform in Senegal, Dakar, January 16, 2018: Senegal: The President Has Too Much Power!

4. Bassirou Diomaye Faye: «I Want Strong CEOs. I Want Strong Ministers» «I want...», <https://share.google/3Ssyb9SYDslPofgK>

5. Constitution of 1960, Article 24.

6. Constitution of March 7, 1963, <https://mjp.univ-perp.fr/constit/sn1963.htm>

7. Act № 2001–03 of January 22, 2001, on the Constitution as amended, <https://primature.sn/publications/lois-et-reglements/loi-ndeg-2001-03-du-22-janvier-2001-portant-constitution-modifie>

8. *Jeune Afrique*, are you still angry with your former Prime Minister, Mustapha Ni-asse, for breaking off relations with you in March 2001? [...] I appointed him prime minister, I wanted to share power with him... Unfortunately, Ni-asse was surrounded by hotheads eager to destabilize me in order to seize absolute power...]

9. New Humanism: Political Tension and Embezzlement: The Idrissa Seck Affair.

10. Idrissa Seck, one of Senegal's most popular politicians and a leading presidential candidate, suspected of embezzlement in construction projects in Thiès, was questioned by police on Friday on the orders of his former mentor, President Abdoulaye Wade. Seck, 46, is deputy secretary-general of the Senegalese Democratic Party (PDS), Wade's party. He also served as prime minister from November 2002 to April 2004, when he clashed with the president. Throughout Friday, Idrissa Seck, interrogated by the Criminal Investigation Department (DIC), was required to answer charges of alleged embezzlement of public funds in the Thiès construction project, an urban development project. 10. INVESTIGATION+, ABDOUX MBOU (APR DEPUTY SPOKESPERSON): «Abdou Mbaye justifies Macky Sall's decision to dismiss him» Abdou Mbaye took advantage of his party's launch this weekend to expose the shortcomings of Macky Sall's government. These statements were poorly received by the president's supporters.

11. Opinion, In Senegal, imprisoned Khalifa Sall challenges President Macky Sall: Facts – Dakar Mayor Khalifa Sall, a highly ambitious socialist dissident from the ruling majority, was charged and jailed on March 7 for alleged embezzlement of public funds. This conclusion is shared by the Senegalese people ahead of the parliamentary elections on July 30 and the crucial battle for the 2019 presidential election. President Macky Sall is already considering his reelection, and the mayor of Dakar may want to run for him.

12. TV5Monde, Senegal: Bassirou Diomaye Faye and Ousmane Sonko – Towards a Dual Power Structure. A new political era is dawning in Senegal with the election of Bassirou Diomaye Faye. The opposition leader won the election after being nominated by Ousmane Sonko, the president of Pastef, who was declared ineligible to run. <https://information.tv5monde.com/afrique/senegal-bassirou-diomaye-faye-et-ousmane-sonko-vers-un-pouvoir-bicephale-2715638>

13. https://www.persee.fr/doc/horma_0984-2616_2005_num_53_1_2299.

14. Philippe Gaillard: «Memoirs: Decolonization According to Mamadou Dia» in *Jeune Afrique*, October 22, 1986, p. 68.

15. PressAfrik: Facing Contradictions: Benno Bock Yakaar on the Path to Greater Structure

16. Facing Contradictions: Benno Bock Yakaar Moves Towards Greater Structure, <https://senalioune.com/la-coalition-presidentielle-et-les-elections-locales-au-senegal-un-risque-reel-dimplosion-avant-le-scrutin/>

17. Liberation of the People, https://fr.wikipedia.org/wiki/Lib%3C%A9rer_le_peuple

18. Africanews, In Senegal, President Bassirou Diomaye Faye and his Prime Minister Ousmane Sonko are no longer hiding their differences over who should lead the «President Diomaye» coalition. <https://fr.africanews.com/2025/11/12/senegal-bras-de-fer-politique-entre-bassirou-diomaye-faye-et-ousmane-sonko/>

19. La Vie Senegal's Ousmane Sonko, speaking to parliament, finally commented on rumors of tensions with President Bassirou.

20. 7TV, MNF, October 2025, Ibrahim Sall, former minister, professor of economics, philosophy...

21. J.P. Peroncel-Hugoz. «President Senghor, the Arabs and the Francophonie», *Le Monde*, January 1, 1981.

22. Mbaye Saliou. Representation of Senegal in the French Parliament during the Second Republic: 1848–1851, IFAN, Dakar, 1977.

23. RFM, El Hadji Assane Gueye, UN VI, guest Ousmane Sonko, political leader of PASTEF

24. Coulibaly, Abdou Latif, Senegal tested by democracy, Paris, Le Harmattan, 1999, p. 67.

25. Le Point, Khalifa Sall's Trial – The Advance Fund: «The State Knew» Claims Dakar's Mayor, https://www.lepoint.fr/afrique/procès-de-khalifa-sall-caisse-d-avance-l-etat-savait-soutient-le-maire-de-dakar-08-02-2018-2193363_3826.php

26. Petrodollars and Influence: How Qatar, Dubai, and Other Arab Countries Shower the African Elite with Cash, https://www.leral.net/Petrodollars-et-influence-Comment-le-Qatar-Dubai-et-d-autres-pays-arabes-arrosent-les-elites-africaines_a391821.html

27. Ritimo, Sweet Beauty, <https://www.ritimo.org/Sweet-Beauty-10266>

28. Extradition – France: Madiambal Diagne's case postponed until November 25, 2025, https://www.dakaractu.com/Extradition-France-L-affaire-Madiambal-Diagne-mise-en-delibere-au-25-novembre-2025_a266374.html

Постправда и политическая реальность: электоральные циклы Дональда Трампа (2016, 2020, 2024 гг.) как медиа-событие

Неткачев Кирилл Иванович,

аспирант, Тюменский государственный университет
E-mail: belkir0712@gmail.com

В статье анализируется трансформация избирательных кампаний Дональда Трампа (2016–2024 гг.) в глобальные медиа-события, формирующие новую политическую реальность в условиях «постправды». Автор выявляет механизмы взаимодействия популистского стиля, алгоритмической курации контента и стратегий дискредитации традиционных медиа, доказывая приоритет аффективных нарративов над верифицируемыми фактами. Особое внимание уделяется эволюции политических технологий: от формирования эхо-камер до использования генеративного ИИ и дипфейков. В исследовании резюмируется, что превращение политики в экстраординарное медиа-событие приводит к ситуации, когда конспирологические теории и групповая идентичность полностью замещают рациональный диалог. В условиях глубокой поляризации инструменты фактчекинга оказываются контрпродуктивными, закрепляя функционирование общества в несовместимых информационных реальностях.

Ключевые слова: постправда, Дональд Трамп, теория медиа, популизм, политическая поляризация, дезинформация, аффективные нарративы.

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, трансформация медиасферы и возникновение новых цифровых платформ радикально изменили способы производства и потребления политической информации. Во-вторых, избирательные кампании Трампа (2016, 2020, 2024) продемонстрировали беспрецедентный уровень медиатизации политического процесса, превратив выборы в глобальное медиа-событие. В-третьих, такие эксцессы, как штурм Капитолия 6 января 2021 года и покушение на Трампа в 2024 году, показали реальные возможные последствия функционирования политики в эпоху «постправды».

Проблема исследования заключается в необходимости комплексного анализа того, как феномены, которые в современной медиатеории и публицистике определяются как «постправда» и «популизм», проявились в избирательных кампаниях Дональда Трампа, и каким образом сами выборы трансформировались в медиа-события, формирующие новую политическую реальность. Цель статьи – выявить механизмы взаимодействия «постправды», популистской политической риторики и медиатизации на примере избирательных кампаний Трампа, а также оценить влияние этого взаимодействия на политический процесс на примере США.

Методологической основой исследования выступает междисциплинарный подход, сочетающий дискурсивный анализ политической коммуникации, теорию медиа-событий и концептуальные рамки исследований «постправды» и популизма. Эмпирическую базу составляют материалы избирательных кампаний Трампа, публичные выступления, данные социологических опросов, а также академические исследования феномена «постправды» в современной политике.

Термин «постправда» вошел в широкий научный и публицистический оборот относительно недавно, однако описываемые им явления имеют более глубокие корни в новейшей истории социальных наук. Л. Макинтайр определяет постправду как идеологическое превосходство (*ideological supremacy*), при котором сторонники определенных идей пытаются заставить кого-то поверить в нечто независимо от наличия убедительных доказательств, апеллируя к эмоциям или личным убеждениям [1, р. 10–13]. Ключевое отличие постправды от традиционной пропаганды заключается не столько в отрицании фактов, сколько в утверждении их вторичности по отношению к эмоциональному восприятию и идентичности. В то же время российский исследователь Ю. Шатин определяет постправду как риторический феномен, характеризующийся тенденциозным отбором фактов, жесткой схемой нарратива и монтажом разнородных фактов для создания иллюзии достоверности с конфликтным потенциалом столкновения альтернативных версий. [2, с. 252]. В этом контексте комплекс риторических и медиатических приемов, обозначаемых как постправда, становится инструментом управления общественным мнением в условиях информационной перенасыщенности и фрагментации медиaprостранства. При этом эпоха постправды характеризуется не просто искажением фактов, но и фундаментальным изменением в отношении к самой категории истины в публичной сфере [3, р. 2]. Когда политические и информационные акторы систематически представляют «альтернативные факты» и создают параллельные информационные реальности, происходит эрозия «единого поля смыслов» (единой системы координат) или жизненного мира, как определял Ю. Хабермас в своей работе «Теория коммуникативного действия», необходимого для демократического диалога. Это особенно критично в контексте выборов, когда избиратели должны принимать решения на основе оценки реального положения дел и политических программ кандидатов.

Еще раз подчеркнем, что постправда не является синонимом умышленного введения в заблуждение. В условиях постправды субъект определенных политических высказываний может даже не придавать значение тому, соответствуют ли его утверждения критериям истинности – важнее их эмоциональный и политический эффект [1, р. 104]. Это создает сокоммуникативную среду, в которой традиционные механизмы фактчекинга и верификации оказываются малоэффективными, поскольку целевая аудитория изначально не ориентирована на объективную оценку фактов. В то же время трансформация медиасреды, связанная с развитием социальных сетей и алгоритмических рекомендательных систем, создает условия для формирования

«эхо-камер» и «информационных пузырей», внутри которых пользователи преимущественно получают информацию, подтверждающую их существующие убеждения [4, р. 1619–1620]. В этих условиях эмоциональная привлекательность сообщения становится более важным фактором его распространения, чем фактическая точность, что особенно актуально в части электоральных и политических кампаний, на которые все большее влияние оказывают медиа-процессы информационной среды.

При этом феномен постправды стал одним из ключевых понятий для описания современного политического ландшафта, особенно после президентских выборов в США 2016 года, когда Оксфордский словарь объявил английское *post-truth* словом года [5]. В контексте американской политики последних десятилетий именно фигура Дональда Трампа наиболее ярко иллюстрирует практическое применение механизмов постправды в политической коммуникации.

Если говорить о функционировании механизмов постправды в политической практике Трампа необходимо обратиться к теории популизма. Э. Лакло рассматривает популизм не как цельную идеологию, а как специфическую политическую логику конструирования антагонистического разделения между «народом» и «властью/элитой» [6, р. 117–118]. Популистский дискурс создает упрощенную картину политической реальности, где гетерогенные социальные группы объединяются в единый «народ» через установление общего врага – например, коррумпированной элиты, которая игнорирует интересы простых людей. Б. Моффитт развивает эту концепцию, подчеркивая перформативный характер современного популизма, который он определяет, как «политический стиль» [7, р. 50–51]. В эпоху медиатизации политики популизм становится не просто идеологической позицией, но и способом политической перформативности, включающим специфическую риторику, символику и способы взаимодействия с медиа.

Как раз избирательная кампания Трампа 2016 года представляет собой классический пример применения популистской стратегии. Его лозунг «Make America Great Again» («Сделаем Америку снова великой») апеллировал к ностальгии по воображаемому прошлому, когда «простые американцы» якобы не испытывали текущих проблем, а «американская мечта» была непоколебима. Трамп последовательно позиционировал себя как аутсайдера, противостоящего «вашингтонскому болоту» – коррумпированной политической элите [8, р. 96].

Связь популизма и постправды проявляется в том, что оба феномена основаны на приоритете эмоционального над рациональным, упрощения над сложностью, идентичности над фактами. Популистский лидер в эпоху постправды не нуждается в доказательстве своих утверждений – достаточно, чтобы они «ощущались правдивыми» для его целевой аудитории. И электоральный успех Дональда Трампа в 2016 году стал практическим подтверждением эффективности синтеза популистского стиля и инструментов постправды в цифровой среде.

Несмотря на то, что большинство прогнозов и опросов отдавали победу Хиллари Клинтон, Трамп сумел одержать победу в Коллегии выборщиков, набрав 304 голоса против 227, и склонить на свою сторону ключевые колеблющиеся штаты – Пенсильванию, Мичиган и Висконсин. Этот результат был достигнут за счет прецизионного таргетирования в социальных сетях, где эмоционально заряженные тезисы распределялись по специфическим информационным потокам: в то время как фактчекеры фиксировали несоответствие реальности в 70% публичных заявлений кандидата [9], алгоритмическая кураторская работа в «эхо-камерах» обеспечивала их беспрепятственное принятие лояльными группами.

Победа 2016 года продемонстрировала, что в условиях фрагментации медиaprостранства способность политического сообщения резонировать с идентичностью и страхами избирателя оказывается более значимым электоральным фактором, чем его верифицируемость, превращая выборы из борьбы программ в конкуренцию аффективных нарративов. И в этой связи современные выборы представляют собой не просто политический процесс выбора лидеров, но сложное медиа-событие, в котором границы между политической реальностью и ее медиарепрезентацией становятся все более размытыми. Медиатизация политики – процесс, в ходе которого политические институты, акторы и практики все больше зависят от логики функционирования медиа и подчиняются ей – радикально трансформировала характер избирательных кампаний в XXI веке.

И. Бывок отмечает, что избирательная кампания Трампа 2016 года стала беспрецедентным примером полной медиатизации политического процесса. Трамп, обладая опытом реалити-шоу и медиабизнеса, интуитивно понимал логику работы современных медиа и социальных сетей [10, с. 20–22]. Он превратил свою кампанию в непрерывное медиа-шоу, где каждое высказывание, каждый твит становились ин-

формационным поводом, генерирующим миллионы просмотров и об- суждений.

При этом в период избирательных кампаний Трампа американское медиaprостранство достигло исторического максимума поляризации, когда либеральные и консервативные медиа фактически создавали параллельные информационные реальности для своих аудиторий. Это явление усиливало эффект «эхо-камер» и способствовало распространению влияния постправды.

Ключевую роль в трансформации выборов в медиа-событие сыграли социальные сети, прежде всего Twitter (ныне X), который Трамп использовал как основной канал прямой коммуникации с избирателями. В отличие от традиционных медиа, где политические сообщения проходят через фильтры редакторов и журналистов, социальные сети позволяли Трампу напрямую формировать повестку дня, минуя посредников в виде традиционных медиа. Это создавало ситуацию, когда фактчекинг и критический анализ запаздывали, а эмоциональное воздействие первичного сообщения достигало миллионов пользователей.

Медиа-событие, по определению Д. Даяна и Э. Каца, представляет собой транслируемое в прямом эфире событие, которое прерывает обычный поток медиаконтента и привлекает внимание массовой аудитории [11, р. 6–7]. Выборы Трампа как раз соответствовали всем характеристикам медиа-события: они привлекали беспрецедентное внимание мировых медиа, генерировали непрерывный поток контента, создавали ощущение исторического момента и эмоционально вовлекли многомиллионную аудиторию по всему миру.

Но в отличие от классических церемониальных медиа-событий прошлого – таких как коронации или Олимпийские игры, – президентские выборы с участием Дональда Трампа носили выражено конфликтный и поляризующий характер. Если традиционные медиа-события, как правило, выполняют интегративную функцию, консолидируя общество вокруг общего символического центра, то избирательные кампании Трампа, напротив, усиливали социальную фрагментацию. Подобная динамика указывает на более широкую структурную трансформацию медиасферы в условиях доминирования цифровых платформ, где фрагментация аудитории и алгоритмическая персонализация контента вытесняют единое медиaprостранство, замещая его множеством параллельных информационных реальностей.

Избирательная кампания 2016 года стала поворотным моментом для американской политики, обозначив переход к новой фазе, в которой механизмы постправды заняли центральное место в политической стратегии. Одним из наиболее наглядных примеров подобной логики стала риторика Дональда Трампа по вопросам иммиграции. В частности, его утверждение о том, что Мексика якобы «направляет» в Соединённые Штаты «преступников» и «насильников», не находило подтверждения в эмпирических данных: статистика демонстрировала, что уровень преступности среди иммигрантов ниже, чем среди коренного населения [12]. Тем не менее данное высказывание эффективно резонировало с существующими страхами и тревогами части электората, превращаясь в символический фундамент популистского нарратива о необходимости «защиты границ» и строительства стены на границе с Мексикой.

В январе 2017 года советник президента Келлиэнн Конуэй в эфире программы Meet the Press назвала заведомо ложные заявления Белого дома об аудитории инаугурации «альтернативными фактами». Именно этот эпизод – широко обсуждаемый в медиа и быстро ставший мемом – часто рассматривается как символ эпохи постправды [13]. Когда пресс-секретарь Белого дома Шон Спайсер сделал легко опровергаемое утверждение о рекордной посещаемости инаугурации Трампа, а Конуэй защищала это как представление «альтернативных фактов», стало очевидно, что администрация Трампа намеренно отвергает саму идею объективной реальности, доступной для проверки. Этот инцидент стал показательным примером постправды в том смысле, как ее описывает Ли Макинтайр: не просто как «ложь», а как намеренное игнорирование фактов в пользу эмоций и убеждений, ведущее к подчинению реальности политической воле [1, р. 13].

К следующему электоральному циклу и кампании 2020 года описанные элементы постправды стали еще более выраженными, особенно в контексте пандемии COVID-19 и развития цифровых каналов коммуникации. Трамп систематически преуменьшал опасность вируса, противоречил рекомендациям собственных медицинских экспертов и продвигал непроверенные методы лечения [14]. Его риторика создавала параллельную реальность, в которой пандемия либо не представляла серьезной угрозы, либо была преувеличена политическими оппонентами для нанесения ущерба его кампании.

Также в 2020 году Трамп продолжал позиционировать себя как «политического аутсайдера», критикующего представляющего интересы избирателей, отчужденных от системы. Его риторика апеллиро-

вала к политическому цинизму – недоверию к элитам и веры в их коррумпированность [15, p. 5–7]. Эта эмоциональная связь основывалась не на программах, а на образе лидера, выражающего народное недовольство истеблишментом.

В логике постправды не имело значения, что сам Трамп был миллиардером с многочисленными связями в бизнес-элите – важнее было эмоциональное ощущение, что он «один из нас» в противостоянии «им». К тому же медиатизация кампании 2016 года строилась на постоянном нарушении конвенций и генерации скандалов. Каждое провокационное высказывание Трампа гарантировало ему миллионы охватов, поскольку медиа не могли игнорировать столь яркие информационные поводы. Таким образом, традиционные медиа, даже критикуя Трампа, непроизвольно усиливали его присутствие в информационном пространстве и способствовали его узнаваемости.

Одной из наиболее эффективных стратегий Трампа в контексте постправды стала инверсия обвинения в распространении дезинформации. Вместо того чтобы защищаться от обвинений во лжи, Трамп перешел в наступление, объявив традиционные медиа источником «фейковых новостей» (*fake news*) [16]. Эта риторическая стратегия оказалась чрезвычайно эффективной для дискредитации критических репортажей и создания недоверия к традиционным источникам информации.

Термин «*fake news*» изначально использовался для описания преднамеренно ложных новостей, распространяемых в социальных сетях. Однако Трамп переопределил этот термин, применяя его к любым критическим материалам СМИ, независимо от их фактической точности. Эффективность стратегии Трампа заключалась не в доказательстве ложности конкретных репортажей, а в создании общего ощущения недоверия к медиа. Когда все может быть объявлено «фейковыми новостями», граница между правдой и ложью размывается, и избиратели начинают руководствоваться не фактами, а лояльностью к «своему» лидеру или «своим» медиа. Это создает идеальную среду для функционирования постправды.

Инверсия обвинения работала следующим образом: когда медиа указывали на ложные утверждения Трампа, он немедленно обвинял эти медиа в предвзятости и распространении «фейковых новостей». Его сторонники, уже предрасположенные к недоверию к «либеральным медиа», воспринимали эти обвинения как подтверждение своих подозрений. Таким образом, фактчекинг не только не снижал поддержку Трампа, но в некоторых случаях даже усиливал ее, поскольку интерпретировался как проявление предвзятости медиа.

Эта стратегия имела долгосрочные последствия для американской демократии. Исследования показывают, что в 2021 году доверие к традиционным медиа в США достигло минимума (всего 29% доверяют) [17]. Когда граждане не имеют общего источника достоверной информации, демократическая дискуссия становится крайне затруднительной, поскольку разные группы оперируют несовместимыми версиями реальности.

Важно отметить, что стратегия Трампа была особенно эффективна в контексте трансформации медиасреды. Упадок традиционной журналистики, вызванный экономическим кризисом медиаиндустрии, и одновременный рост социальных сетей создали ситуацию, когда авторитет профессиональных медиа был ослаблен, а альтернативные источники информации (блогеры, активисты, сами политики) получили прямой доступ к аудитории. В этих условиях обвинения в «фейковых новостях» находили отклик у массового пользователя.

Кульминацией использования механизмов постправды в политической практике Трампа стал нарратив об «украденных выборах» 2020 года и последовавшие за ним события 6 января 2021 года. После поражения на выборах Трамп категорически отказывался признать результаты, утверждая, что победа была украдена у него посредством массовых фальсификаций [18]. Это никак не подтверждалось – десятки судебных исков, поданных командой Трампа, были отклонены из-за отсутствия доказательств, в том числе судьями, назначенными самим Трампом [19, p. 373].

Тем не менее, нарратив об «украденных выборах» был принят значительной частью республиканского электората. Исследования показывают, что к концу 2020 года около 70% республиканцев считали, что выборы были нечестными [20]. Это демонстрирует, как в условиях постправды эмоциональная лояльность к лидеру и групповая идентичность могут полностью вытеснить объективную оценку фактов. Утверждения Трампа резонировали с убеждениями его сторонников о том, что «истеблишмент» и «глубинное государство» работают против них.

Психологические исследования показывают, что вера в ложную информацию о выборах коррелирует с более низким уровнем аналитического мышления и более высоким уровнем политической предвзятости. В случае с нарративом об «украденных выборах» это означало, что

в контексте недоверия к выборам и действия эффекта «эхо-камеры» для многих опровержения официальных органов стали лишь очередным подтверждением их убеждений.

Г. Пенникук и Д. Рэнд в исследовании психологии фейковых новостей показывают, что вера в дезинформацию в первую очередь связана с недостатком низким уровнем политической культуры, а не с преднамеренным игнорированием фактов ради политической идентичности [21, p. 390–391].

События 6 января 2021 года, когда толпа сторонников Трампа штурмовала здание Капитолия, можно интерпретировать как следствие функционирования политики в режиме постправды, так как многие из поверивших в нарратив об «украденных выборах» восприняли штурм Капитолия как легитимную защиту демократии. К. Огнянова уверена, что распространение конспирологических теорий в контексте политических событий и показывает, как они укореняются среди населения с высоким уровнем политической поляризации [22, p. 27, 31–32]. События 6 января породили множество конспирологических нарративов как среди сторонников Трампа (штурм был провокацией антифа или ФБР), так и среди его противников, что еще больше фрагментировало общее понимание произошедшего. Официальные расследования Конгресса подтвердили, что штурм Капитолия был следствием многомесячной кампании по распространению дезинформации о выборах и прямых призывов Трампа к действию [23, p. 577–585]. Однако даже эти отчеты не смогли создать консенсус, поскольку в условиях глубокой поляризации и постправды разные политические группы продолжают придерживаться несовместимых интерпретаций событий.

Следующий циклу кампании 2024 года продемонстрировал, что феномены постправды, популизма и медиатизации политики не только сохраняют свою актуальность, но и приобретают новые, еще более опасные формы проявления. Возвращение Трампа в сферу федеральной политики после скандалов и попыток запретить ему участие в выборах создало ситуацию, которая усилила поляризацию и конфликт вокруг базовых фактов американской политической реальности.

Ключевое событие, трансформирующее выборы 2024 года в экстраординарное медиа-событие, – это два покушения на жизнь Дональда Трампа: первое произошло 13 июля 2024 года в Пенсильвании, второе – в сентябре 2024 года на поле частного гольф-клуба Trump International Golf Club во Флориде. Эти инциденты стали наиболее мощными медиа-событиями избирательного цикла, генерируя поток информации, спекуляций и конспирологических теорий.

Первое покушение в Пенсильвании, когда от выстрелов, помимо самого Дональда Трампа, пострадало четыре человека, привлекло внимание мировых медиа не только как трагический инцидент, но и как сюжет, который органично вписался в долгосрочный нарратив о Трампе как жертве предполагаемых преследований со стороны «глубинного государства». Исследование Кэтрин Огняновой и коллег, проведенное после покушения, показывает, что 41% респондентов слышали конспирологические теории о причастности демократов и «глубинного государства» к атаке, причем 53% узнали об этом через социальные сети, что усилило нарратив о Трампе как жертве политических преследований. [24, p. 1–3]. И с точки зрения анализа феномена постправды это произошло не непосредственно после покушения, а в последующие недели, когда в социальных сетях и в мейнстримных медиа стали распространяться многочисленные конспирологические теории. Для сторонников Трампа покушение подтвердило их убеждение в том, что он является целью политического противодействия, выходящего за границы американской политики.

Второе покушение на Трампа в сентябре 2024 года, несмотря на сравнительно меньшее внимание со стороны мировых СМИ, способствовало дальнейшему усилению конспирологических теорий. В критическом дискурсе событие рассматривалось как подтверждение деструктивных последствий риторики Трампа, которая, по мнению оппонентов, могла провоцировать насильственные действия со стороны радикализированных индивидов. При этом важно отметить, что в обоих случаях нападения совершались лицами с выраженными признаками психических расстройств и длительной историей нестабильного поведения, что позволяет интерпретировать данные события скорее в терминах индивидуальной психопатологии, нежели как результат скоординированного заговора. Однако даже наличие подобных фактов не препятствовало распространению и укоренению конспирологических нарративов.

Дональд Трамп активно интегрировал факты покушений в свою избирательную кампанию 2024 года, превратив их в один из её центральных символических элементов. Его команда последовательно выстраивала образ Трампа как мученика и жертвы «системы», якобы стремящейся устранить его из политического процесса в силу того, что он представляет угрозу коррумпированному истеблишменту. По своей ло-

гике данная стратегия являлась прямым продолжением постправдивых практик, использовавшихся Трампом в предыдущих кампаниях, однако в данном случае они были экстраполированы на реальные события покушений, что придавало им дополнительную убедительность. Сам Трамп в своей публичной риторике, как правило, избегал прямого анализа причин, по которым в принципе могли быть совершены попытки его убийства. Вместо этого он интерпретировал события через призму «преследования» со стороны администрации Байдена. Его риторика не требовала доказательств прямой причинно-следственной связи между действиями администрации и покушениями – достаточно было эмоционального впечатления, что Трамп является мишенью враждебных сил.

Эта стратегия была чрезвычайно эффективна в контексте выборов 2024 года, потому что она резонировала с долгосрочным нарративом о «преследовании». На фоне многочисленных уголовных дел против Трампа, попыток исключить его с избирательных бюллетеней отдельных штатов и критики со стороны конвенциональных медиа, покушения вписывались в логику: «когда враги проигрывают в суде, они переходят к насилию». Такая интерпретация могла быть оспорена фактами, но в условиях постправды факты имеют меньше значения, чем эмоциональный резонанс нарратива.

Выборы 2024 года продемонстрировали несколько новых элементов постправды, которые не были столь выраженными в предыдущих избирательных циклах.

Во-первых, появление и распространение дипфейков и синтетических медиа создало новый уровень неопределенности относительно достоверности видеоматериалов. В условиях, когда технологически возможно создавать поддельные видео с политическими лидерами, граница между реальностью и фикцией становится еще более размытой. Это создает идеальную среду для постправды, где любой видеоматериал может быть оспорен как потенциальный дипфейк.

Во-вторых, использование искусственного интеллекта для создания целевого контента, адаптированного к убеждениям отдельных пользователей, еще больше углубило фрагментацию информационного пространства. Если в 2016 году Трамп и его команда использовали социальные сети для распространения одного сообщения множеству избирателей, то в 2024 году использование AI позволило создавать миллионы персонализированных сообщений, каждое из которых резонирует с убеждениями конкретного пользователя [25].

В-третьих, выборы 2024 года показали еще большую интеграцию политики в экосистему развлечений и поп-культуры. Трамп активно использовал неформальные медиаканалы, а также блогеров. Это позволяло развертывать свой нарратив с минимальным вмешательством со стороны профессиональных журналистов.

Наиболее важный вывод из анализа серии выборов с участием Дональда Трампа состоит в том, что феномен постправды создал ситуацию, при которой различные сегменты общества фактически функционировали в несовместимых информационных реальностях. Этот процесс не является исключительной особенностью фигуры Трампа или его сторонников. Напротив, глубокая поляризация и тенденция к формированию параллельных информационных пространств прослеживаются в действиях многих политических акторов и групп, в том числе и среди оппонентов Трампа.

Более того, в условиях постправды и устойчивой поляризации сам электоральный процесс всё в меньшей степени способен выполнять свою классическую демократическую функцию – рациональный выбор между конкурирующими представлениями о будущем страны. Вместо этого выборы трансформируются в особый тип медиа-события, в рамках которого решающим фактором становится способность кандидата вызывать интенсивный эмоциональный отклик и эффективно манипулировать информационной средой. Победа в таком контексте всё чаще достигается за счёт эксплуатации фрагментированного медиаландшафта и поддержания информационной изоляции отдельных социальных и политических групп. Эти механизмы воздействия на общественное мнение проявляются не только в американской политике, но и при освещении и интерпретации международных конфликтов, что подчеркивает универсальность данного явления в современной глобальной информационной среде.

Литература

1. McIntyre, L. *Post-Truth* / L. McIntyre. Cambridge: MIT Press, 2018. 240 p.
2. Шатин, Ю.В. Постправда как риторический феномен в современном медиaprостранстве // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 250–257. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257.
3. Farkas J., Schou J. Post-truth discourses and their limits: crisis of democracy? // *Disinformation and Digital Media as a Challenge for Democ-*

racy / ed. by G. Terzis, D. Kloza, E. Kuzelewska, D. Trottier. Cambridge: Intersentia, 2020. Pp. 103–126. DOI: 10.1017/9781839700422.008.

4. Kitchens B., Johnson S.L., Gray P. Understanding Echo Chambers and Filter Bubbles // *MIS Quarterly*. 2020. Vol. 44, № 4. Pp. 1619–1649. DOI: 10.25300/MISQ/2020/16371.

5. Oxford Dictionaries. Word of the Year 2016 [Электронный ресурс]. Oxford: Oxford University Press, 2016. – URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 02.02.2026).

6. Laclau E. *On Populist Reason*. London: Verso, 2005. 287 p. ISBN 978-1-84467-130-1.

7. Moffitt B. *The Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2016. 240 p.

8. Wojczewski T. Trump, Populism, and American Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2020. Vol. 16, № 3. Pp. 292–311. DOI: 10.1093/fpa/orz021.

9. Holan A. D. 2016 Lie of the Year: Fake news [Электронный ресурс] // *PolitiFact*. 13.12.2026. – URL: <https://www.politifact.com/article/2016/dec/13/2016-lie-year-fake-news/> (дата обращения: 01.02.2026).

10. Быков И.А. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // *Журн. полит. исследований*. 2017. № 4. С. 15–38.

11. Dayan D., Katz E. *Media Events: The Live Broadcasting of History*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 320 p.

12. Nowrasteh A. Immigration and Crime – What the Research Says [Электронный ресурс] // *Cato Institute*. 14.07.2015. – URL: <https://www.cato.org/blog/immigration-crime-what-research-says> (дата обращения: 02.02.2026).

13. Meet The Press. Kellyanne Conway: Press Secretary Sean Spicer Gave «Alternative Facts» [Электронный ресурс] // *NBC News*. 22.01.2017. – URL: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meet-press-01-22-17-n710491> (дата обращения: 05.02.2026)..

14. Paz C. All the President's Lies About the Coronavirus [Электронный ресурс] // *The Atlantic*. 02.11.2020. – URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/11/trumps-lies-about-coronavirus/608647/> (дата обращения: 02.02.2026).

15. Allamong M.B. Political alienation and the Trump vote in the 2016 and 2020 US presidential elections // *Public Opinion Quarterly*. 2024. Vol. 88, № 1. Pp. 1–21.

16. «Нападений не было»: Трамп опроверг сговор России с талибами [Электронный ресурс] // *Газета.Ru*. 28.06.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/06/28_a_13134301.shtml (дата обращения: 02.02.2026).

17. Digital News Report 2021: Executive Summary [Электронный ресурс] // *Reuters Institute for the Study of Journalism*. 2021. – URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2021/dnr-executive-summary> (дата обращения: 02.02.2026).

18. «Самая важная речь»: Трамп обратился к американцам [Электронный ресурс] // *Газета.Ru*. 03.12.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/03_a_13385095.shtml (дата обращения: 02.02.2026).

19. U.S. House Select Committee to Investigate the January 6th Attack on the United States Capitol. Final Report [Электронный ресурс]. Washington, D.C.: U.S. Government Publishing Office, 2022. 845 p. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-J6-REPORT/pdf/GPO-J6-REPORT.pdf> (дата обращения: 02.02.2026).

20. Politico: 70% сторонников республиканцев не считают выборы в США честными [Электронный ресурс] // *Газета.Ru*. 10.11.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/11/10/n_15209347.shtml (дата обращения: 02.02.2026).

21. Pennycook G., Rand D.G. The Psychology of Fake News // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25, № 5. Pp. 388–402. DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007.

22. Ognyanova K. Network approaches to misinformation evaluation and correction // *Networks, knowledge brokers, and the public policymaking process* // M. Weber, I. Yanovitzky (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2021. Pp. 351–373.

23. Ognyanova K. et al. Information from social ties predicts conspiracy beliefs: Evidence from the attempted assassination of Donald Trump // *PNAS nexus*. 2025. Vol. 4, № 6. P. pgaf193.

24. Time. AI's Underwhelming Impact On the 2024 Elections [Электронный ресурс] // *TIME*. – 29.10.2024. – URL: <https://time.com/7131271/ai-2024-elections/> (дата обращения: 09.02.2026).

POST-TRUTH AND POLITICAL REALITY: DONALD TRUMP'S ELECTORAL CYCLES (2016, 2020, 2024) AS A MEDIA EVENT

Netkachev K.I.
University of Tyumen

This article analyzes the transformation of Donald Trump's election campaigns (2016–2024) into global media events shaping a new political reality in a post-truth world. The author identifies the interactions between populist style, algorithmic content curation, and strategies to discredit traditional media, demonstrating the priority of affective narratives over verifiable facts. Particular attention is paid to the evolution of political technologies: from the formation of echo chambers to the use of generative AI and deepfakes. The study concludes that the transformation of politics into an extraordinary media event leads to a situation in which conspiracy theories and group identity completely replace rational dialogue. In conditions of deep polarization, fact-checking tools prove counterproductive, entrenching society's functioning in incompatible information realities.

Keywords: post-truth, Donald Trump, media theory, populism, political polarization, disinformation, affective narratives.

References

- McIntyre, L. *Post-Truth* / L. McIntyre. Cambridge: MIT Press, 2018. 240 p.
- Shatin, Yu. V. *Post-truth as a rhetorical phenomenon in the modern media space* // *Vestn. Novosibirsk state University. Series: History, philology*. 2020. Vol. 19, № 6. pp. 250–257. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257.
- Farkas J., Schou J. *Post-truth discourses and their limits: crisis of democracy? // Disinformation and Digital Media as a Challenge for Democracy* / ed. by G. Terzis, D. Kloza, E. Kuzelewska, D. Trottier. Cambridge: Intersentia, 2020. Pp. 103–126. DOI: 10.1017/9781839700422.008.
- Kitchens B., Johnson S.L., Gray P. *Understanding Echo Chambers and Filter Bubbles* // *MIS Quarterly*. 2020. Vol. 44, № 4. Pp. 1619–1649. DOI: 10.25300/MISQ/2020/16371.
- Oxford Dictionaries. *Word of the Year 2016* [Electronic resource]. Oxford: Oxford University Press, 2016. – URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (accessed 02/02/2026).
- Laclau E. *On Populist Reason*. London: Verso, 2005. 287 p. ISBN 978-1-84467-130-1.
- Moffitt B. *The Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2016. 240 p.
- Wojczewski T. *Trump, Populism, and American Foreign Policy* // *Foreign Policy Analysis*. 2020. Vol. 16, № 3. Pp. 292–311. DOI: 10.1093/fpa/orz021.
- Holan A. D. *2016 Lie of the Year: Fake news* [Electronic resource] // *PolitiFact*. 12/13/2026. – URL: <https://www.politifact.com/article/2016/dec/13/2016-lie-year-fake-news/> (accessed: 01.02.2026).
- Bykov I.A. *Mediatization of Politics in the Age of Social Media* // *Zhurn. polit. issledovaniy*. 2017. № 4. pp. 15–38.
- Dayan D., Katz E. *Media Events: The Live Broadcasting of History*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 320 p.
- Nowrasteh A. *Immigration and Crime – What the Research Says* [Electronic resource] // *Cato Institute*. 14.07.2015. – URL: <https://www.cato.org/blog/immigration-crime-what-research-says> (accessed: 02.02.2026).
- Meet The Press. *Kellyanne Conway: Press Secretary Sean Spicer Gave «Alternative Facts»* [Electronic resource] // *NBC News*. 01.22.2017. – URL: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meet-press-01-22-17-n710491> (accessed: 05.02.2026).
- Paz C. *All the President's Lies About the Coronavirus* [Electronic resource] // *The Atlantic*. 02.11.2020. – URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/11/trumps-lies-about-coronavirus/608647/> (accessed: 02.02.2026).
- Allamong M.B. *Political alienation and the Trump vote in the 2016 and 2020 US presidential elections* // *Public Opinion Quarterly*. 2024. Vol. 88, № 1. Pp. 1–21.
- «There were No attacks»: *Trump denies Russia's collusion with the Taliban* [Electronic resource] // *Gazeta.Ru*. 06.28.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/06/28_a_13134301.shtml (accessed: 02.02.2026).
- Digital News Report 2021: Executive Summary* [Electronic resource] // *Reuters Institute for the Study of Journalism*. 2021. – URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2021/dnr-executive-summary> (accessed: 02.02.2026).
- «The Most Important Speech»: *Trump Addresses the Americans* [Electronic resource] // *Gazeta.Ru*. 03.12.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/03_a_13385095.shtml (accessed: 02.02.2026).
- U.S. House Select Committee to Investigate the January 6th Attack on the United States Capitol. *Final Report* [Electronic resource]. Washington, D.C.: U.S. Government Publishing Office, 2022. 845 p. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-J6-REPORT/pdf/GPO-J6-REPORT.pdf> (accessed: 02.02.2026).
- Politico: 70% of Republican supporters do not consider US elections fair* [Electronic resource] // *Gazeta.Ru*. 10.11.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/11/10_n_15209347.shtml (accessed: 02.02.2026).
- Pennycook G., Rand D.G. *The Psychology of Fake News* // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25, № 5. Pp. 388–402. DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007.
- Ognyanova K. *Network approaches to misinformation evaluation and correction* // *Networks, knowledge brokers, and the public policymaking process* // M. Weber, I. Yanovitzky (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2021. Pp. 351–373.
- Ognyanova K. et al. *Information from social ties predicts conspiracy beliefs: Evidence from the attempted assassination of Donald Trump* // *PNAS nexus*. 2025. Vol. 4, № 6. P. pgaf193.
- Time. AI's Underwhelming Impact On the 2024 Elections* [Electronic resource] // *TIME*. – 10/29/2024. – URL: <https://time.com/7131271/ai-2024-elections/> (accessed: 02/09/2026).

Формирование системных уязвимостей «единой точки отказа» в реальном секторе экономики России как угроза национальной безопасности: политический анализ и стратегические решения

Светлов Алексей Николаевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС). Институт права и национальной безопасности
E-mail: alexesvetlov@yandex.ru

Целью исследования является политический анализ процессов формирования системных уязвимостей типа единой точки отказа в реальном секторе российской экономики и разработка стратегических решений по обеспечению технологического суверенитета в условиях санкционного давления и трансформации глобального технологического ландшафта. Работа исходит из гипотезы о трансформации технических уязвимостей в инструмент геополитического давления, где концентрация критических функций в программных платформах под внешним контролем создает архитектуру стратегической зависимости, ограничивающую политический суверенитет государства. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем структурно-функциональный и институциональный анализ, компаративистский метод для сопоставления моделей технологической политики России с опытом Китая и стран БРИКС, сценарное моделирование последствий реализации уязвимостей в критической инфраструктуре, а также экспертные оценки приоритетных направлений развития открытого программного обеспечения на кириллице. Проведенное исследование позволило установить, что форсированное импортозамещение без комплексной оценки рисков породило новые формы технологической зависимости, замаскированные под автономию, при этом стихийное внедрение открытых решений без создания национальной системы аудита воспроизвело проблему на качественно ином уровне. Выявлен потенциал евразийской технологической интеграции в рамках ЕАЭС и БРИКС для создания альтернативных экосистем на основе открытых стандартов, противодействующих цифровой гегемонии транснациональных корпораций в условиях технополярного мироустройства.

Ключевые слова: единая точка отказа, технологический суверенитет, цифровой суверенитет, критическая информационная инфраструктура, открытое программное обеспечение, импортозамещение, гибридные угрозы.

Введение

Санкционное давление выявило критическую зависимость промышленных активов Российской Федерации от технологических решений, контролируемых внешними акторами. Парадоксальность ситуации заключается в том, что форсированное импортозамещение породило стихийное внедрение открытых программных платформ без адекватной оценки рисков безопасности. Рыночная логика, диктующая выбор наиболее доступных решений, вступила в прямое противоречие с императивами национальной безопасности [1]. Технологический выбор трансформировался из операционного решения в поле геополитического противоборства, где каждое внедрение программной платформы приобретает политическое измерение.

Концепция «единой точки отказа» (SPOF) утратила узкотехническое значение. Конвергенция информационных и операционных технологий создала гибридное пространство, где отказ единичного компонента способен спровоцировать системный коллапс промышленной инфраструктуры [17]. Концентрация критических функций в ограниченном числе программных платформ сформировала архитектуру стратегической зависимости, превратив цифровой суверенитет в предмет торга. Традиционные представления о территориальном суверенитете оказались несостоятельными применительно к киберфизическому пространству, где уязвимость контроллера на отдельном предприятии может быть инструментализована для дестабилизации экономики региона [8].

Западные технологические стандарты, доминирующие в промышленных протоколах, выстроили структурные зависимости, ограничивающие автономное развитие. Монопольные платформы породили рентно-ориентированную модель, где контроль над SPOF обеспечивает устойчивые конкурентные преимущества и политическое влияние. Асимметричность угроз позволяет негосударственным акторам наносить непропорциональный ущерб, оставаясь ниже порога открытого конфликта. Распределенный характер ИТ/ОТ-систем затрудняет атрибуцию кибератак, создавая зону стратегической неопределенности.

Особого внимания заслуживает феномен открытого кода на кириллице, позиционируемого как инструмент технологической независимости, но одновременно способного служить каналом для внедрения скрытых уязвимостей. Инцидент с библиотекой XZ Utils продемонстрировал, как открытые компоненты инструментализуются в гибридном противоборстве. Эта двойственность требует политологического анализа, выходящего за рамки технократического подхода и учитывающего реальность технополярного мира, где власть распределяется между традиционными государствами и транснациональными технологическими корпорациями.

Методология исследования

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методологию политического анализа, теории национальной безопасности и технологического менеджмента. Применялся структурно-функциональный анализ для выявления механизмов формирования SPOF в реальном секторе экономики и оценки их воздействия на систему национальной безопасности.

Разработка стратегических решений осуществлялась на основе системного подхода, предполагающего координацию регуляторных, финансовых, кадровых и институциональных механизмов. Предложенная модель включает четыре взаимосвязанных компонента: архитектуру государственного управления с созданием координационного центра при Администрации Президента [17]; систему регуляторных механизмов, охватывающую обязательную сертификацию открытого программного обеспечения для критической информационной инфраструктуры [3]; финансовую архитектуру с формированием специализированного венчурного фонда и выделением отдельной статьи расходов федерального бюджета; систему воспроизводства компетенций через интеграцию принципов open-source разработки в образовательные программы всех уровней.

Геополитическое измерение решений анализировалось через призму концепции технополярности, предполагающей трансформацию традиционных представлений о суверенитете в условиях доминирования транснациональных технологических платформ. Оценивался потенциал евразий-

ской технологической интеграции в рамках ЕАЭС и БРИКС для создания альтернативных экосистем на основе открытых стандартов [11].

Трансформация концепции SPOF в контексте цифрового суверенитета

Понятие SPOF утратило узкотехническое значение. В условиях конвергенции информационных и операционных технологий отказ единичного компонента способен спровоцировать системный коллапс промышленной инфраструктуры. Интеграция IT/OT создала гибридное пространство, где технические решения приобретают политическое измерение. Концентрация критических функций в ограниченном числе программных платформ формирует архитектуру стратегической зависимости, превращая суверенитет в предмет торга [10].

Традиционные представления о территориальном суверенитете оказываются несостоятельными применительно к цифровой инфраструктуре. Уязвимость контроллера на отдельном предприятии может быть инструментализована для дестабилизации экономики региона [8]. Это требует пересмотра классических регуляторных моделей и создания межведомственной координации нового типа.

Политическая экономия технологических зависимостей

Концентрация критических функций в продуктах ограниченного круга поставщиков выстраивает систему структурного принуждения. Санкционные ограничения на экспорт технологий становятся эффективным инструментом давления. Монопольные платформы порождают рентноориентированную модель развития, где контроль над SPOF обеспечивает устойчивые конкурентные преимущества и политическое влияние [14]. Асимметричность угроз позволяет негосударственным акторам наносить непропорциональный ущерб, оставаясь ниже порога открытого конфликта. Распределенный характер IT/OT-систем затрудняет атрибуцию кибератак, создавая зону стратегической неопределенности.

Военно-стратегическое измерение уязвимостей

Анализ структуры оборонно-промышленного комплекса выявляет концентрацию зависимостей в узлах цифрового управления производственными циклами. Программные комплексы автоматизированного проектирования, системы управления технологическими процессами, логистические платформы координации поставок образуют взаимосвязанную сеть, где компрометация одного элемента открывает доступ к смежным подсистемам [13]. Эксфильтрация данных о технологических параметрах производства, модификация управляющих алгоритмов, внедрение латентных дефектов в изделия критического назначения становятся реализуемыми сценариями при наличии векторов атаки через SPOF.

Социально-политические эффекты системных сбоев

Целенаправленная атака на SPOF в социально значимых отраслях (фармацевтическая промышленность, жилищно-коммунальное хозяйство) за короткий срок создает дефицит товаров первой необходимости и паралич коммунальных услуг [4]. Массовые сбои интерпретируются населением как неспособность власти выполнять базовые функции. Враждебные акторы могут эксплуатировать SPOF для провокации беспорядков и создания управляемого хаоса по технологии «цветных революций». SPOF в системах связи и медиаплатформах позволяет блокировать официальные информационные каналы и распространять панические слухи [15] (табл. 1).

Таблица 1. Типология SPOF и соответствующие угрозы безопасности

Локализация SPOF [SPOF localization]	Угрозы (Threats)	Политическое измерение [Political dimension]
Программное обеспечение [Software]	Технологическая зависимость, шпионаж, саботаж [Technological dependence, espionage, sabotage]	Подрыв технологического суверенитета [Undermining technological sovereignty]
Цепочки поставок ОПК [Defense industry supply chains]	Срыв гособоронзаказа, снижение обороноспособности [Disruption of state defense procurement, reduced defense capability]	Уязвимость в гибридной войне [Vulnerability in hybrid warfare]
Критическая инфраструктура [Critical infrastructure]	Социальная дестабилизация, экономический коллапс [Social destabilization, economic collapse]	Эрозия легитимности власти [Erosion of state legitimacy]
Глобальные IT-платформы [Global IT platforms]	Утрата контроля над информационным пространством [Loss of control over information space]	Технополярность – усиление власти корпораций [Technopolarity – empowerment of corporations]

Открытый исходный код как инструмент технологической автономии

Закрытое проприетарное программное обеспечение создает систему структурного принуждения, где технологические решения ограничивают политический маневр. Открытый код позволяет разорвать эту зависимость, обеспечивая реальный цифровой суверенитет через возможность адаптации под национальное законодательство, проведения аудита на предмет бэкдоров и исключения сценария политически мотивированной блокировки лицензий [14]. Создание с нуля открытого кода, используемого глобальным бизнесом, оценивается в \$8,8 трлн. Для России формирование собственной экосистемы открытого программного обеспечения на кириллице представляет стратегическую инвестицию, позволяющую избежать многомиллиардных затрат на иностранные лицензии и создать основу устойчивого развития цифровой экономики [9].

Импортзамещение в условиях ограниченного сотрудничества с западными технологическими компаниями становится не просто технической задачей, а политическим курсом на создание замкнутого технологического цикла, контролируемого национальными институтами развития. Экономическая эффективность открытого кода превышает затраты на разработку проприетарных альтернатив при сопоставимом функционале.

Лингвистический фактор технологической суверенности

Документация, интерфейсы и комментарии в коде на русском языке радикально снижают порог входа для специалистов реального сектора – инженеров, технологов, операторов, не являющихся профессиональными программистами. Это критически важно для глубокой интеграции цифровых решений в производственные процессы и обеспечения устойчивой локальной поддержки. Развитие открытого программного обеспечения на кириллице позволяет России продвигать собственные стандарты данных, протоколы безопасности и этические нормы в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС+, создавая альтернативу доминирующим западным технологическим платформам. Языковая локализация не сводится к переводу интерфейсов, но предполагает адаптацию понятийного аппарата, методологии разработки, архитектурных паттернов к специфике отечественной инженерной школы. Формирование терминологии на русском языке для описания современных технологических концепций препятствует механическому копированию западных подходов, стимулируя выработку собственных технических решений.

Геостратегические аспекты технологической политики

Открытый код позволяет позиционировать технологические разработки как нейтральное знание, маскируя национальные интересы. Китайский Baidu, открывающий исходники Egnie как вклад в глобальную науку, демонстрирует эффективность этой стратегии. В условиях, когда западные технологические гиганты утрачивают монополию на инновации, открытый код становится основой альтернативных технологических экосистем в рамках БРИКС+ и других не-западных интеграционных объединений [12]. Совместная разработка стандартов в рамках ЕАЭС позволяет создать общее технологическое пространство на основе открытых стандартов, усиливая переговорные позиции участников [5].

Технологическое сотрудничество в формате БРИКС и ШОС предполагает выработку общих стандартов цифровой инфраструктуры, совместимых с юридическими системами участников и независимых от западных регуляторных режимов. Продвижение открытых протоколов обмена данными, криптографических стандартов, архитектур облачных вычислений создаёт технологический фундамент многополярного мира, где ни одна держава не обладает структурным преимуществом контроля над критическими компонентами глобальной инфраструктуры. Формирование альтернативных корневых серверов DNS, систем межбанковских расчётов, спутниковых навигационных систем дополняет программные инициативы, создавая интегрированную экосистему технологической автономии.

Институциональные механизмы реализации стратегии

Формирование эффективной системы управления предполагает многоуровневую архитектуру взаимодействия между федеральными органами, региональными администрациями, профессиональными сообществами и бизнес-структурами. Институциональное оформление координационного центра при Администрации Президента, наделенного полномочиями по выработке единой технологической политики, представляется критически важным [3]. Сравнительный анализ показывает, что успешные технологические трансформации (цифровизация в Эстонии, развитие полупроводниковой промышленности на Тайване) сопровождались созданием специализированных структур с прямым подчинением главе государства [7].

Регуляторные механизмы обеспечения технологического суверенитета

Разработка национальной системы стандартизации открытого программного обеспечения сталкивается с необходимостью балансирования между адаптацией международного опыта и сохранением технологической идентичности государства. Предложенная концепция сертификации предполагает формирование сети аккредитованных центров аудита кода с внедрением обязательного лицензирования для программных решений, функционирующих в периметре критической информационной инфраструктуры [3]. Методология оценки соответствия требованиям технологического суверенитета должна опираться на разработанные критерии независимости от внешних технологических платформ.

Система стимулирующего регулирования предполагает внедрение дифференцированных налоговых режимов для компаний-разработчиков, установление преференций в процедурах государственных закупок для продуктов с открытым исходным кодом и создание специальных условий финансирования через институты развития [16]. Такой подход обеспечивает формирование устойчивых конкурентных преимуществ для отечественных решений без прямого протекционизма, который может быть оспорен в рамках международных торговых обязательств.

Архитектура финансового обеспечения технологических трансформаций

Выделение отдельной статьи расходов федерального бюджета на развитие открытого программного обеспечения требует встраивания в действующие государственные программы с установлением объемов финансирования, сопоставимых с показателями стран-лидеров технологического развития. Учреждение специализированного венчурного фонда с государственным участием должно быть ориентировано на инвестиции в стартапы, фокусирующиеся на разработке открытых решений для реального сектора экономики. Подключение институтов развития к финансированию перспективных проектов расширяет ресурсную базу при сохранении механизмов контроля стратегической направленности инвестиций. Гибридные модели финансирования позволяют нивелировать недостатки каждого отдельного подхода через распределение рисков между различными категориями инвесторов.

Геоэкономические перспективы евразийской технологической интеграции

Формирование единого технологического пространства в рамках ЕАЭС предполагает разработку совместных стандартов и регламентов, создание общего рынка IT-услуг на основе открытых стандартов [6]. Расширение БРИКС создает предпосылки для формирования альтернативных технологических альянсов, способных противостоять монополизации цифровой инфраструктуры западными корпорациями [11]. Взаимодействие с Китаем в области разработки open-source альтернатив западным технологическим платформам приобретает особую значимость в контексте формирования многополярной архитектуры глобального технологического ландшафта. Участие в международных организациях, продвигающих концепцию технологического плюрализма, расширяет пространство для противодействия цифровой гегемонии через институциональные механизмы.

Воспроизводство кадрового потенциала и формирование центров компетенций

Интеграция принципов разработки открытого программного обеспечения в образовательные программы всех уровней – от базового школьного образования до специализированных программ повышения квалификации – формирует долгосрочную основу воспроизводства необходимых компетенций. Создание центров превосходства на базе ведущих университетов, специализирующихся на исследованиях в области информационной безопасности и разработки открытого программного обеспечения, концентрирует научно-исследовательский потенциал в критически важных направлениях. Разработка специальных программ привлечения высококвалифицированных специалистов из стран СНГ и БРИКС, включая упрощенный порядок получения гражданства для разработчиков критически важных технологий, расширяет кадровую базу в условиях структурного дефицита компетенций.

Трансформация системных уязвимостей в инструмент геополитического давления

Системные уязвимости типа SPOF эволюционировали от технической проблемы к инструменту геополитического давления, способному подорвать экономическую стабильность и обороноспособность государства. Форсированное импортозамещение, осуществляемое без комплексной оценки системных рисков, породило новые зависимости,

скрытые под видом технологической автономии. Стихийное внедрение открытых решений без создания национальной системы аудита и сертификации воспроизвело проблему SPOF на качественно новом уровне. Инцидент с внедрением бэкдора в библиотеку XZ Utils продемонстрировал, что открытость исходного кода не гарантирует безопасности при отсутствии институциональной инфраструктуры контроля. Зависимость от неподконтрольных сообществ разработчиков оказалась сопоставимой по критичности с зависимостью от коммерческих поставщиков проприетарного программного обеспечения.

Выводы

Реализация стратегии цифрового суверенитета требует радикальной трансформации институциональной архитектуры государственного управления технологическим развитием. Формирование координационного центра при Администрации Президента с полномочиями выработки единой технологической политики представляется критически важным для преодоления межведомственных противоречий.

Регуляторные механизмы должны включать обязательную сертификацию открытого программного обеспечения для объектов критической информационной инфраструктуры, установление преференций в процедурах государственных закупок для продуктов с открытым исходным кодом и внедрение дифференцированных налоговых режимов для компаний-разработчиков. Архитектура финансового обеспечения предполагает формирование специализированной статьи расходов федерального бюджета, учреждение венчурного фонда с государственным участием и подключением институтов развития к финансированию перспективных проектов. Объем финансирования должен быть сопоставим с показателями стран-лидеров технологического развития для обеспечения конкурентоспособности создаваемых решений.

Заключение

Евразийская технологическая интеграция в рамках ЕАЭС и взаимодействие участников БРИКС формируют предпосылки для создания альтернативных экосистем на основе открытых стандартов. Совместная разработка технических регламентов и стандартов создает единое технологическое пространство, усиливая переговорные позиции участников в отношениях с доминирующими технологическими корпорациями. Сотрудничество с Китаем в области разработки open-source альтернатив западным платформам представляет особый интерес в контексте формирования технологически суверенных экосистем. Участие в международных организациях, продвигающих концепцию технологического плюрализма, создает институциональные механизмы противодействия цифровой гегемонии.

Проблема единых точек отказа обнажила фундаментальное противоречие между императивами рыночной эффективности и требованиями стратегической устойчивости. Разрешение этого противоречия потребует пересмотра базовых принципов технологической политики, формирования новых институтов координации и изменения корпоративной культуры, в рамках которой обеспечение безопасности воспринимается как условие институционального выживания. В условиях многополярной архитектуры международных отношений способность защищать суверенитет детерминирована степенью контроля над критической цифровой инфраструктурой. Без системной трансформации механизмов управления технологическими рисками декларации о цифровом суверенитете остаются политической риторикой, маскирующей углубление технологической зависимости от внешних акторов.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 09.12.2025)
2. О Координационном центре Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 12 февраля 2021 г. № 171 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/400358775/> (дата обращения: 09.12.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 22 августа 2022 г. № 1478 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405103739/> (дата обращения: 09.12.2025).
4. О Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 7 июня 2023 г. № 1495-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406959554/> (дата обращения: 09.12.2025).
5. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/400181998/> (дата обращения: 09.12.2025).

6. О Целевой программе развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза до 2027 года: решение Евразийского межправительственного совета от 21 октября 2022 г. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405447175/> (дата обращения: 09.12.2025).

7. Арутюнян, Г.А. Эстонский опыт цифрового развития и пути его применения в Армении / Г.А. Арутюнян // РППЭ. – 2021. – № 12 (134). – С. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-12-32-39>

8. Володенков, С.В. Цифровой суверенитет современного государства в условиях технологических трансформаций: содержание и особенности / С.В. Володенков, А.С. Воронов, Л.С. Леонтьева, М. Сухарева // Полилог/Polylogos. – 2021. – Т. 5, № 1. – URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110014073-2-1/> (дата обращения: 09.12.2025). – DOI: 10.18254/S258770110014073-2.

9. Ганичев, Н.А. Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций / Н.А. Ганичев, О.Б. Кошовец // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6. – С. 94–108. – DOI: 10.47711/0868-6351-195-94-108.

10. Гареев, Т.Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации / Т.Р. Гареев // Terra Economicus. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 38–54. – DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54.

11. Герасимов, В.И. Обзор научно-технологического и инновационного сотрудничества стран БРИКС: тенденции, перспективы и вызовы / В.И. Герасимов, С.И. Коданева // Управление наукой: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 204–229. DOI: 10.19181/smp.2023.5.1.12

12. Греченко, А.И. Интеграция стран БРИКС в развивающемся глобальном пространстве: текущее состояние и перспективы / А.И. Греченко, И.В. Горохова, А.А. Греченко // Экономика и управление. – 2025. – № 6. – С. 689–699. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-6-689-699

13. Ерошин С. Е., Щеглов Д.К. Методика разработки концепции цифровой трансформации организации оборонно-промышленного комплекса // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 1. – С. 214–223. – EDN TQVOOM.

14. Тихомирова, Ю.А. Право и цифровая информация / Ю.А. Тихомирова, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова, С.Б. Бальхаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23

15. Чаевич А.В. Технологии «цветных революций» и национальная безопасность России // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Т. 9, № 1А. – С. 14–20. – DOI 10.34670/AR.2020.46.87.002.

16. Sherkuziev M. Possibilities of using foreign experience to increase the incentive function of tax benefits / M. Sherkuziev // Modern Science and Research. – 2024. – Vol. 3, iss. 6. – P. 234–238. – DOI 10.5281/zenodo.11543403.

17. Кибербезопасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indpages.ru/safe/kebyerfeezeechyskaya-byezopasnost/> (дата обращения: 09.12.2025).

18. Особенности прогнозирования поломок у внеплановых остановов оборудования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://expert-ural.com/archive/ekspert-ural-37-38-851/osobennosti-prognozirovaniia-polomok-u-vneplanovykh-ostanovov-ob.html> (дата обращения: 09.12.2025)

THE FORMATION OF SYSTEMIC «SINGLE POINT OF FAILURE» VULNERABILITIES IN THE REAL SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY AS A NATIONAL SECURITY THREAT: POLITICAL ANALYSIS AND STRATEGIC DECISIONS

Svetlov A.N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The aim of this study is to politically analyze the formation of systemic single point of failure vulnerabilities in the real sector of the Russian economy and develop strategic decisions to ensure technological sovereignty in the face of sanctions pressure and the transformation of the global technological landscape. The study is based on the hypothesis that technical vulnerabilities are transforming into a tool of geopolitical pressure, where the

concentration of critical functions in software platforms under external control creates an architecture of strategic dependence that limits the state's political sovereignty. The study is based on an interdisciplinary approach integrating structural-functional and institutional analysis, a comparative method for comparing Russian technology policy models with the experience of China and the BRICS countries, scenario modeling of the consequences of vulnerabilities in critical infrastructure, and expert assessments of priority areas for the development of open source software in the Cyrillic alphabet. The study revealed that forced import substitution without a comprehensive risk assessment has generated new forms of technological dependence disguised as autonomy, while the spontaneous implementation of open source solutions without the creation of a national audit system has reproduced the problem on a qualitatively different level. The potential of Eurasian technological integration within the EAEU and BRICS for creating alternative ecosystems based on open standards that counter the digital hegemony of transnational corporations in a technopolar world order has been identified.

Keywords: single point of failure, technological sovereignty, digital sovereignty, critical information infrastructure, open source software, import substitution, hybrid threats.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (date of access: 09.12.2025)

2. On the Coordination Center of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of February 12, 2021 No. 171 [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/400358775/> (date of access: 09.12.2025).

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 22, 2022 No. 1478 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405103739/> (Accessed: 09.12.2025).

4. On the Strategy for the Development of the Pharmaceutical Industry of the Russian Federation through 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 7 June 2023 No. 1495-r [Electronic resource]. – Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406959554/> (Accessed: 09.12.2025).

5. On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration through 2025: Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 11 December 2020 No. 12 [Electronic resource]. – Available at: <https://base.garant.ru/400181998/> (Accessed: 09.12.2025).

6. On the Target Program for the Development of the Integrated Information System of the Eurasian Economic Union until 2027: Decision of the Eurasian Intergovernmental Council of October 21, 2022, No. 2 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405447175/> (Accessed: 09.12.2025).

7. Harutyunyan, G.A. Estonian Experience of Digital Development and Ways of Its Application in Armenia / G.A. Harutyunyan // RPPE. – 2021. – No. 12 (134). – P. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-12-32-39>

8. Volodenkov, S.V. Digital Sovereignty of a Modern State in the Context of Technological Transformations: Content and Features / S.V. Volodenkov, A.S. Voronov, L.S. Leontyeva, M. Sukhareva // Polylog. – 2021. – Vol. 5, No. 1. – URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110014073-2-1/> (date of access: 09.12.2025). – DOI: 10.18254/S258770110014073-2.

9. Ganichev, N.A. Russia's Digital Economy: Towards a Development Strategy under Sanctions / N.A. Ganichev, O.B. Koshovets // Problems of Forecasting. – 2022. – No. 6. – P. 94–108. – DOI: 10.47711/0868-6351-195-94-108.

10. Gareev, TR Technological Sovereignty: From Conceptual Contradictions to Practical Implementation / TR Gareev // Terra Economicus. – 2023. – Vol. 21, No. 4. – Pp. 38–54. – DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54.

11. Gerasimov, VI Review of Scientific, Technological and Innovation Cooperation of the BRICS Countries: Trends, Prospects and Challenges / VI Gerasimov, SI Kodanava // Science Management: Theory and Practice. – 2023. – No. 1. – Pp. 204–229. DOI: 10.19181/smp.2023.5.1.12

12. Gretchenko, A.I. Integration of the BRICS countries in the developing global space: current state and prospects / A.I. Gretchenko, I.V. Gorokhova, A.A. Gretchenko // Economy and Management. – 2025. – No. 6. – Pp. 689–699. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-6-689-699

13. Eroshin S. E., Shcheglov D.K. Methodology for developing the concept of digital transformation of the defense-industrial complex // Innovations and Investments. – 2022. – No. 1. – Pp. 214–223. – EDN TQVOOM.

14. Tikhomirova, Yu.A. Law and Digital Information / Yu.A. Tikhomirova, N.V. Kichigin, F.V. Tsomartova, S.B. Balkhaeva // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – No. 2. – P. 4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23

15. Chaevich A.V. Technologies of “Color Revolutions” and Russia's National Security // Theories and Problems of Political Research. – 2020. – Vol. 9, No. 1A. – P. 14–20. – DOI 10.34670/AR.2020.46.87.002.

16. Sherkuziev M. Possibilities of using foreign experience to increase the incentive function of tax benefits / M. Sherkuziev // Modern Science and Research. – 2024. – Vol. 3, iss. 6. – P. 234–238. – DOI 10.5281/zenodo.11543403.

17. Cybersecurity [Electronic resource]. – Access mode: <https://indpages.ru/safe/kebyerfeezeechyskaya-byezopasnost/> (date of access: 09.12.2025).

18. Features of predicting failures during unscheduled equipment shutdowns [Electronic resource]. – Access mode: <https://expert-ural.com/archive/ekspert-ural-37-38-851/osobennosti-prognozirovaniia-polomok-u-vneplanovykh-ostanovov-ob.html> (date of access: 09.12.2025)

США и Япония: возможности двустороннего сотрудничества в области космоса в условиях роста геополитической напряженности

Шаповалов Александр Евгеньевич,
аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: a1615sh@gmail.com,

Статья посвящена вопросам развития двустороннего сотрудничества между Соединенными Штатами Америки (США) и Японией в области космоса. Рассматриваются общие приоритеты политики Вашингтона и Токио. В статье проводится оценка конкретных шагов, которые предпринимают страны для противодействия угрозам, связанным с освоением космического пространства. Материал содержит информацию о действиях США и Японии в области разработки ответных мер в отношении политики КНР. В качестве одного из значимых вызовов для безопасности и экономического развития Вашингтон и Токио рассматривают деятельность Пекина. Страны подчеркивают, что проекты Китайской Народной Республики (КНР) в области освоения космического пространства могут быть направлены на достижение военных целей. В материале особый акцент делается на возможностях развития американо-японского сотрудничества на уровне государств и отдельных предприятий. Стороны выражают определенную заинтересованность в реализации совместных инициатив для конкретных приоритетов.

Ключевые слова: США, Япония, Китай, американо-японские отношения.

Космос становится новой зоной столкновения интересов ведущих держав. Соперничество между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой (КНР) приобрело глобальный охват. Обеспечение первенства в космической гонке одной из ведущих держав будет оказывать существенное влияние на систему международных отношений и мировую экономику. США и КНР продвигают собственные инициативы, которые призваны заложить фундамент для следующего этапа освоения околоземного пространства и небесных тел. Сфера космоса позиционируется в качестве стратегического направления. Вопрос достижения первенства оказывает влияние на национальную безопасность государств. Отдельные государства могут быть заинтересованы в ограничении возможностей оппонента в области связи, разведки, наблюдения, мониторинга. Отсутствие достоверной информации может способствовать созданию барьеров для проецирования силы со стороны противника. Соединенные Штаты предпринимают действия для углубления двустороннего сотрудничества с союзниками и партнерами в сфере космоса. Привлечение Японии позволяет США получить определенную поддержку. Токио является одним из ключевых союзников Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Правительство Японии рассматривает космос в качестве одного из стратегических направлений своей оборонной политики. Стороны выражают определенное беспокойство в отношении действий отдельных государств по изменению существующего порядка, который основывается на международном праве. Каждая из стран предпринимает шаги по наращиванию военно-технологического потенциала для противодействия внешним угрозам, что отражается в политике Вашингтона и Токио. США и Япония имеют необходимую научно-исследовательскую и промышленную базу, позволяющую укрепить собственные позиции. Увеличение числа игроков вызывает определенное беспокойство со стороны Вашингтона и Токио в отношении установления первенства в области создания космической инфраструктуры, проведения миссий на Луне и Марсе. Развитие двустороннего сотрудничества отвечает интересам обеих стран.

Цель данной статьи заключается в обозначении тенденций современного этапа развития двустороннего сотрудничества между США и Японией в области космоса. В работе представлен анализ политики Вашингтона и Токио в рамках соответствующего направления. Статья содержит информацию о позиции обеих стран в отношении угроз, исходящих из космоса. Особый акцент делается на действиях Вашингтона и Токио, которые ориентированы на противодействие внешним рискам.

Приоритеты современной космической политики США

США являются одним из ключевых игроков, оказывающих воздействие на развитие космической отрасли. Правительство Соединенных Штатов рассматривает данную сферу как одно из стратегических направлений своей политики. Вашингтон выражает беспокойство в отношении увеличения числа участников космической гонки, что может влиять на позицию государства. Наращивание военного потенциала, расширение присутствия конкурентов, возможности ослабления позиций, развитие противоспутниковых технологий могут рассматриваться в качестве потенциальных вызовов. Обеспечение национальной безопасности США в космосе является одним из стратегических приоритетов. Внимание Вашингтона привлекают действия отдельных стран по развитию инструментов выведения из строя и перенаправления спутников [5]. Цель подобных шагов может заключаться в снижении возможностей США по осуществлению мониторинга, сбора информации, координации сил и обмена данными с союзниками. В качестве примеров возможно привести средства радиоэлектронной борьбы и противоспутниковые ракеты. Для Вашингтона приобретает значение привлечение инвестиций, внедрение разработок частного сектора, реформирование системы закупок, защита активов. Нормативно-правовую основу политики Вашингтона составляют «National Aeronautics and Space Act», «U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act» [10, 14].

На современном этапе для Соединенных Штатов становится актуальным развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с союзниками и партнерами. Появление новых угроз для национальной безопасности Соединенных Штатов было связано с действиями потен-

циальных конкурентов по утверждению собственных программ для проведения лунных миссий и освоения других небесных тел. Администрация Дж. Байдена позиционировала околунное пространство в качестве перспективной сферы кооперации с союзниками и партнерами. Стратегия Вашингтона была ориентирована на обеспечение постоянного присутствия человека, развитие новых направлений науки, поддержание экономики и промышленности. Программа «Artemis» является одной из ключевых инициатив США по исследованию и освоению Луны [2]. Участниками соглашения «Artemis» являются 59 стран. Среди союзников США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) документ подписали Япония, Южная Корея, Филиппины, Тайланд, Австралия. Со стороны представителей частного сектора в проекте принимают участие Aerojet Rocketdyne, SpaceX, Axiom Space, Bechtel, Lockheed Martin, Blue Origin, Boeing, Lockheed Martin, Amentum, Jacobs, Northrop Grumman. В 2024 г. расходы США составили 24,875 млрд долл. [9]. Вашингтон намеревался выделить средства на развитие аэронавтики, исследование и разработки, космические операции, STEM-образование, строительство, безопасность и обслуживание миссий. Сотрудничество с другими странами осуществляется по линии отдельных ведомств и НАСА. Вашингтон содействует укреплению связей между американскими компаниями и предприятиями партнеров посредством поддержки реализации совместных инициатив в сфере связи, навигации, разработок и исследований [5]. Соединенные Штаты используют двусторонние и многосторонние механизмы для взаимодействия с союзниками и партнерами и ограничения.

Приоритеты современной космической политики Японии

Япония рассматривает сферу космоса в качестве одного из актуальных направлений своей политики в области безопасности и обороны. Действия Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) по наращиванию спутниковых группировок вызывают определенное беспокойство со стороны правительства [4]. КНР и КНДР могут расширить возможности в области мониторинга, наблюдения, разведки, что создаст определенные риски для координации действий с союзниками и партнерами. В то же время Токио сталкивается с угрозами пренебрежения действующими нормами международного права, возрастания геополитической напряженности, появления систем для вмешательства в работу и нейтрализации спутников других стран, применения противоспутникового оружия, перегрузки орбит из-за распространения космического мусора. Интерес Японии к соответствующему направлению обусловлен изменением стратегического ландшафта, возрастанием активности потенциальных партнеров и конкурентов, желанием укрепить позиции на новых рынках, обострением конкуренции между США и КНР.

В подобных условиях правительство Японии стремится обеспечить доступ и стабильное использование космического пространства [4]. Токио готов укреплять связи с союзниками и принимать участие в реализации крупных проектов совместно с партнерами, формировании правил и норм. Нормативно-правовую основу политики государства составляют «Basic Space Act» и «Act on the Japan Aerospace Exploration Agency, National Research and Development Agency» [1, 3]. Для борьбы с угрозами национальной безопасности правительство намерено наращивать спутниковые группировки с целью расширения возможностей по сбору информации и развивать космические системы противоракетной обороны. Япония стремится снизить зависимость в создании критически значимых технологий. Для достижения приоритетов Токио заинтересован в расширении мер поддержки японских компаний. Особое внимание правительства могут привлечь предприятия, чья деятельность связана с созданием систем орбитального обслуживания, совершенствованием технологий двигательных установок, производством малых спутников и ракет-носителей [15]. Токио намерен использовать механизмы государственно-частного партнерства с целью поддержки представителей частного сектора. Сотрудничество между правительством и японскими компаниями ориентировано на проведение исследований, разработку и развертывание космических систем. Актуальными сферами кооперации являются информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), наблюдение за Землей, внедрение решений для обработки данных. Японское агентство аэрокосмических исследований (JAXA) позиционируется в качестве ведущей организации, возглавляющей систему исследований и разработки в области космоса. Ключевым инструментом финансовой поддержки является Фонд космической стратегии (SSF) [11]. Правительство было намерено выделить 6,7 млрд долл. Фонд ориентирован на поддержку предприятий по таким направлениям, как спутники, космический транспорт, исследование космоса. В период с 2021 по 2024 гг. действия Токио были ориентированы на создание сильной промышлен-

ной технологической базы посредством оказания помощи предприятиям, стартапам и университетам и совершенствования нормативно-правовой базы. Государство рассматривало в качестве приоритетных направлений увеличение спутниковой группировки для наблюдения и мониторинга, поддержку сферы космических услуг, совершенствование возможностей использования ракеты-носителя H3, разработка альтернативных средств транспортировки.

Особенности развития двустороннего сотрудничества между США и Японией в области космоса

На современном этапе развития системы международных отношений США и Япония выражают интерес к объединению усилий для противодействия потенциальных угрозам на глобальном и региональном уровнях. Сотрудничество в области космоса является одной из востребованных сфер взаимодействия. Действия Вашингтона и Токио направлены на углубление научно-исследовательской и военно-технической кооперации с союзниками и партнерами. Нормативно-правовой основой для взаимодействия является документ «Framework Agreement Between the Government of Japan and the Government of the United States of America for Cooperation in Space Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies, For Peaceful Purposes», подписанный в 2023 г. [8]. Стороны осуществляют координацию на базе «Японо-американского всеобъемлющего диалога по космосу», выступающего в качестве площадки для организации межведомственного диалога на высоком уровне [8]. Формирование соответствующего механизма позволило странам наладить обмен информацией о политике и инициативах в области космоса. Страны выражают заинтересованность в углублении контактов по отдельным направлениям. Внимание США и Японии сконцентрировано на таких сферах, как наука о Земле, безопасность, исследования и разработки, проведение космических операций, развитие новых транспортных систем. Наиболее яркими примерами сотрудничества являются присоединение Токио к Инициативе о комбинированных космических операциях (CSpO), реализация проекта «Квазизенитная спутниковая система» (QZSS) и программы «Artemis». При Дж. Байдене и Ф. Кисиде стороны укрепили контакты в области обороны, безопасности, экономики [8]. США и Япония подчеркивали значимость укрепления связей между предприятиями обеих стран с целью формирования необходимого потенциала для противодействия внешним угрозам. Стороны достигли договоренностей о применении V статьи Договора о безопасности между Японией и США в случае совершения атак из космоса.

Дополнительным стимулом для углубления сотрудничества является обострение конкуренции между ведущими игроками при освоении космического пространства. В практической области это находит отражение в наращивании спутниковых группировок, разработке ракет-носителей следующего поколения, утверждении собственных программ, стимулировании государственно-частного партнерства, налаживании межведомственной координации, учреждении совместных предприятий. В условиях актуализации космоса как перспективного рынка для представителей частного сектора параллельно происходят процессы милитаризации. Особое беспокойство среди правительственных структур США и Японии вызывает деятельность КНР. Инициативы Китая могут быть ориентированы на создание интегрированной космической инфраструктуры. Приоритетными направлениями являются разработка многоразовых ракет-носителей и систем орбитальной дозаправки, обеспечение массового производства спутников, освоение Луны [4]. В официальных документах КНР подчеркивается, что космос является одной из стратегических зон для обеспечения безопасности. Китай готов к сотрудничеству с разными членами мирового сообщества [5]. Пекин придерживается основных принципов современного международного правового режима в отношении космического пространства. При этом Китай готов отстаивать свои интересы. В подобных условиях Вашингтон и Токио рассматривают вопросы развития космического сектора через призму достижения целей в области обороны. Другие страны могут отдавать приоритет разработке систем, связанных с мониторингом, наблюдением и нарушением связи между целевыми спутниками и наземными станциями. Для членов мирового сообщества космос становится новой зоной прямого столкновения. США и Япония заинтересованы в стимулировании сотрудничества между представителями частного сектора. Реализация соответствующего формата взаимодействия могла осуществляться посредством организации продажи оборудования, спутниковых систем, ракет-носителей, предоставления услуг в области запуска, наблюдения и мониторинга, предоставления финансовой поддержки, создание дочерних предприятий. Примером реализации подобного сотрудничества является разработка Innovative Space Carrier Inc и Ursa Major Technologies Inc. многоразовой ракеты-носителя [13]. Вашингтон и Токио заинтересо-

ваны в сохранении существующего формата сотрудничества в рамках долгосрочной перспективы.

Заключение

Соперничество между США и КНР является одним из определяющих факторов, влияющих на развитие межгосударственных коммуникаций. Страны вынуждены адаптировать внешнеполитическую стратегию к условиям новой геополитической реальности. На сегодняшний день прослеживаются тенденции изменения прежней схемы восприятия вопросов безопасности. США и Япония разделяют общие опасения в отношении милитаризации космоса и увеличения числа игроков, обладающих возможностями принять участие в освоении Луны. Расширение присутствия других стран и борьба за новые рынки способствует обострению конкуренции. Вопросы укрепления двустороннего сотрудничества приобретает особое значение для Вашингтона и Токио. Каждая из стран стремится расширить свои позиции и сохранить возможности участия в процессах по формированию космической экономики. Достижение первенства в сфере разработки многоразовых ракет-носителей, систем орбитальной дозаправки и обслуживания спутников, реализации программ по освоению Луны и Марса определит дальнейший расклад между членами мирового сообщества. США и Япония предпринимают усилия по укреплению двустороннего сотрудничества не только на уровне отдельных ведомств, но и компаний. Актуальными направлениями взаимодействия являются наука о Земле, безопасность, исследования и разработки, развитие новых транспортных систем, проведение космических операций и совместных миссий.

Литература

1. Act on the Japan Aerospace Exploration Agency, National Research and Development Agency // Japanese Law Translation. 2002. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3194> (Дата обращения: 12.11.2025)
2. Artemis // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/feature/artemis/> (Дата обращения: 14.11.2025)
3. Basic Space Act // Japanese Law Translation. 2008. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4194/en> (Дата обращения: 26.10.2025)
4. Defence of Japan // MOD. 2024. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2024/DOJ2024_EN_Full.pdf (Дата обращения: 15.11.2025)
5. 2024 DOD Commercial Space Integration Strategy // US Department of War. 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Apr/02/2003427610/-1/-1/1/2024-DOD-COMMERCIAL-SPACE-INTEGRATION-STRATEGY.PDF> (Дата обращения: 05.11.2025)
6. Full Text: China's Space Program: A 2021 Perspective // The State Council of the People's Republic of China. 2022. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202201/28/content_WS61f35b3dc6d-09c94e48a467a.html (Дата обращения: 26.10.2025)
7. Hitchens T. White House asks Congress to split 'new space' authority between Commerce, Transportation // Breaking Defence. 2023. URL: <https://breakingdefense.com/2023/11/white-house-asks-congress-to-split-new-space-authority-between-commerce-transportation/> (Дата обращения: 15.11.2025)
8. Japan-U.S. Space Cooperation // MOFA. 2025. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/msp/pagewe_000001_00069.html
9. NASA's FY 2024 Budget // The Planetary Society. URL: <https://www.planetary.org/space-policy/nasas-fy-2024-budget> (Дата обращения: 16.11.2025)
10. National Aeronautics and Space Act of 1958 // NASA. 1958. URL: <https://www.nasa.gov/history/national-aeronautics-and-space-act-of-1958-unamended/> (Дата обращения: 19.11.2025)
11. Overview of the Space Strategy Fund (SSF) // Space Strategy Fund. URL: https://fund.jaxa.jp/content/uploads/Overview_of_The_SpaceStrategy_Fund.pdf (Дата обращения: 10.11.2025)
12. The Ninth Meeting of the Japan- U.S. Comprehensive Dialogue on Space // MOFA. 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/sp/pagewe_000001_00079.html (Дата обращения: 15.11.2025)

13. Tokyo startup to develop reusable rocket in tie-up with U.S. partner // Kyodo News. 2024. URL: <https://english.kyodonews.net/articles/-/47616> (Дата обращения: 17.11.2025)

14. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act // Congress.gov. 2015. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262> (Дата обращения: 23.10.2025)

15. 宇宙基本計画[Базовый план космической политики] // Cabinet Office. URL: https://www8.cao.go.jp/space/plan/plan2/kaitei_fy05/honbun_fy05.pdf (Дата обращения: 16.11.2025)

US AND JAPAN: OPPORTUNITIES FOR BILATERAL SPACE COOPERATION AMID RISING GEOPOLITICAL TENSIONS

Shapovalov A.E.
Lomonosov Moscow State University

This article examines the development of bilateral cooperation between the United States of America (US) and Japan in space exploration. It examines the shared policy priorities of Washington and Tokyo. The article assesses the specific steps the countries are taking to counter threats related to space exploration. The article provides information on the actions of the US and Japan in developing countermeasures against China's policies. Washington and Tokyo view Beijing's activities as a significant challenge to security and economic development. The countries emphasize that the People's Republic of China's (PRC) space exploration projects may be aimed at achieving military objectives. The article places particular emphasis on the potential for developing US-Japanese cooperation at the level of states and individual enterprises. The parties express a certain interest in implementing joint initiatives to address specific priorities.

Keywords: US, Japan, China, US-Japan relations

References

1. Act on the Japan Aerospace Exploration Agency, National Research and Development Agency // Japanese Law Translation. 2002. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3194> (Дата обращения: 12.11.2025)
2. Artemis // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/feature/artemis/> (Дата обращения: 14.11.2025)
3. Basic Space Act // Japanese Law Translation. 2008. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4194/en> (Дата обращения: 26.10.2025)
4. Defence of Japan // MOD. 2024. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2024/DOJ2024_EN_Full.pdf (Дата обращения: 15.11.2025)
5. 2024 DOD Commercial Space Integration Strategy // US Department of War. 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Apr/02/2003427610/-1/-1/1/2024-DOD-COMMERCIAL-SPACE-INTEGRATION-STRATEGY.PDF> (Дата обращения: 05.11.2025)
6. Full Text: China's Space Program: A 2021 Perspective // The State Council of the People's Republic of China. 2022. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202201/28/content_WS61f35b3dc6d09c94e48a467a.html (Дата обращения: 26.10.2025)
7. Hitchens T. White House asks Congress to split 'new space' authority between Commerce, Transportation // Breaking Defence. 2023. URL: <https://breakingdefense.com/2023/11/white-house-asks-congress-to-split-new-space-authority-between-commerce-transportation/> (Дата обращения: 15.11.2025)
8. Japan-U.S. Space Cooperation // MOFA. 2025. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/msp/pagewe_000001_00069.html
9. NASA's FY 2024 Budget // The Planetary Society. URL: <https://www.planetary.org/space-policy/nasas-fy-2024-budget> (Дата обращения: 16.11.2025)
10. National Aeronautics and Space Act of 1958 // NASA. 1958. URL: <https://www.nasa.gov/history/national-aeronautics-and-space-act-of-1958-unamended/> (Дата обращения: 19.11.2025)
11. Overview of the Space Strategy Fund (SSF) // Space Strategy Fund. URL: https://fund.jaxa.jp/content/uploads/Overview_of_The_SpaceStrategy_Fund.pdf (Дата обращения: 10.11.2025)
12. The Ninth Meeting of the Japan- U.S. Comprehensive Dialogue on Space // MOFA. 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/sp/pagewe_000001_00079.html (Дата обращения: 15.11.2025)
13. Tokyo startup to develop reusable rocket in tie-up with U.S. partner // Kyodo News. 2024. URL: <https://english.kyodonews.net/articles/-/47616> (Дата обращения: 17.11.2025)
14. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act // Congress.gov. 2015. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262> (Дата обращения: 23.10.2025)
15. 宇宙基本計画[Basic Plan on Space Policy] // Cabinet Office. URL: https://www8.cao.go.jp/space/plan/plan2/kaitei_fy05/honbun_fy05.pdf (Дата обращения: 16.11.2025)

Неофициальные каналы сближения: роль даров и сувениров в развитии российско-французских отношений (конец XIX – начало XX вв.)

Янковская Маргарита Сергеевна,

преподаватель, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: yankovskaya-ms@ranepa.ru

В центре внимания автора находится специфический пласт межгосударственных коммуникаций между Россией и Францией на завершающем этапе XIX столетия, обозначаемый в современной историографии как «подарочная» или «игрушечная» дипломатия. Исследуется процесс трансформации предметов декоративно-прикладного искусства и этнографических сувениров в носителей политических смыслов. Помимо известных эпизодов с подношениями от жителей Лотарингии императору Александру III, детально разбору подвергаются обстоятельства презентации коллекции антропоморфных фигур в традиционных облачениях народов, населявших Российскую империю, в период пребывания Николая II во Франции в 1896 г. Обосновывается тезис о том, что подобные жесты служили инструментом конструирования позитивного образа державы и способствовали формированию устойчивых культурных связей [2, с. 114]

Ключевые слова: Франко-русский союз, игрушечная дипломатия, история подарка, культурная дипломатия, Эмиль Галле, Александр III, Николай II, национальные костюмы, визиты в Кронштадт и Тулон, русские моряки во Франции.

Introduction

The final decade of the nineteenth century was marked by a radical restructuring of Europe's diplomatic architecture. The rapprochement between two states so different in their political systems—republican France and monarchical Russia—required not only the signing of secret protocols and military conventions (formally completed by 1893), but also substantial informational support. It was necessary to create in the public consciousness of both countries the image of a reliable and attractive partner [3, p. 87–89].

One effective mechanism in this process was the use of unofficial gestures of goodwill embodied in unique works of art and souvenirs. In historical scholarship, this phenomenon has conventionally been termed “toy diplomacy,” referring to the use of material objects to convey political messages that could not be expressed within the framework of official protocol [2, p. 115].

The Lorraine Trace: Materialized Hope for Revenge

The large-scale exchange of symbolic gifts is usually traced back to the naval visits of the early 1890s. After the sensational visit of the French squadron to Kronstadt in 1891, where the Russian emperor publicly demonstrated respect for the French national anthem, it was Russia's turn to reciprocate. In the autumn of 1893, Russian ships under Admiral F. K. Avelan entered the harbor of Toulon, triggering an unprecedented wave of patriotic enthusiasm in French society [3, p. 102]. Against this backdrop, residents of the eastern departments took the initiative.

Particular attention should be paid to the campaign organized by the public of Lorraine—a territory transferred to Germany after the Franco-Prussian War of 1870–1871. For the local population, painfully переживавшего the loss of national identity, rapprochement with Russia symbolized hope for a future revision of the conflict's outcome. Seeking to express gratitude to their northern ally, the people of Lorraine prepared gifts far removed from standard diplomatic presents [4, p. 148].

Leading representatives of the Nancy artistic school were involved in the project: Émile Gallé, the Daum brothers, and jeweler R. Wiener [7, p. 102]. The key element of the gift intended for Alexander III was a pedestal table that entered history as “Flora of Lorraine.” Executed in marquetry technique, this piece of furniture constituted an encrypted political message. Using plant symbolism, the master encoded the names of provincial cities: thistle symbolized Nancy, blackthorn branches pointed to Épinal, and lunaria referred to Lunéville. At the center of the composition stood a heraldic shield with the Cross of Lorraine, surrounded by dicentra flowers (a symbol of heartfelt attachment). To the left of the cross, a spider web subtly hinted at German domination; to the right, blossoming buds accompanied the Latin motto *Pervincio* (“I unite”). Glass inlays imitated drops—an allegory of mourning for the lost lands [5, p. 124].

Thus, the piece of furniture became a carrier of complex semantics: it demonstrated artistic mastery while reminding viewers of regional tragedy and hope for liberation with the help of Russian arms. Initially exhibited in Nancy's city hall and later at the Russian diplomatic mission in Paris, the table reached the imperial residence in early 1894, becoming a visible embodiment of the aspirations of a French province [5, p. 126].

An Ethnographic Panorama of the Empire: The Gift of 1896

The next important stage of symbolic diplomacy occurred in October 1896, when the new Russian emperor, Nicholas II, visited France for the first time with his wife. This trip was intended to solidify the allied bond definitively, and the host country made enormous efforts to organize magnificent celebrations [3, p. 156]. The Russian delegation likewise sought to demonstrate the grandeur and diversity of its state.

Alongside traditional high-art gifts (such as paired vases by Émile Gallé), a project was realized that perfectly fit the concept of “toy diplomacy” [1, p. 82]: the presentation to the French side of a collection of dolls dressed in the costumes of the various peoples inhabiting Russia.

Although archival sources do not contain a complete inventory of this collection, historical context and comparison with contemporary ethnographic series allow us to reconstruct its objectives. By the late nineteenth century, international exhibitions and diplomatic encounters had estab-

lished a tradition of showcasing the ethnic diversity of great powers. The multiethnic composition of the Russian Empire provided especially rich material for this purpose.

The presentation of figures in authentic (or fashionably stylized) costumes pursued several aims.

First, the collection visually embodied the concept of a “united and indivisible” state. The dolls represented not only the central Great Russian provinces, but also the populations of the Baltic region, the Kingdom of Poland, Little Russia (Ukraine), the Caucasus, Siberia, and Turkestan [6, p. 92]. French audiences thus encountered the image of a vast, complex, yet centrally governed country—an image that inspired respect and aligned with contemporary notions of imperial grandeur.

Second, the gift humanized the image of autocratic power. In contrast to military parades and artillery displays, small figures in national dress suggested a peaceful, patriarchal empire attentive to the preservation of its peoples’ traditions. This was a form of “soft power” addressed to a broad public [2, p. 117].

Third, many dolls were produced with a high degree of ethnographic accuracy, faithfully reproducing cuts, ornamentation, and headdresses. They functioned not merely as souvenirs but as educational tools introducing French elites and the bourgeoisie to the cultural diversity of their ally [1, c. 90].

The gesture was well understood within French cultural traditions, which included the production of fashion dolls and ethnographic series. The Russian gift conveyed a clear message: behind the façade of military might stood a multifaceted and distinctive culture ready for dialogue with friendly France [6, p. 95].

The Transformation of the Diplomatic Gift: From Imperial Regalia to Public Gesture

An analysis of the 1890s phenomenon would be incomplete without reference to earlier traditions of bilateral gift exchange. Russian–French relations offer many examples of luxurious presents, such as the famous Olympic Service presented by Napoleon Bonaparte to Alexander I after the Peace of Tilsit—now preserved in the collections of the Moscow Kremlin Museums and considered a benchmark of imperial gift-giving [2, p. 113].

Yet the gifts of the 1890s reveal a different nature. Napoleon’s service represented a strictly monarchic gesture, a display of the sovereign’s wealth and power regulated by etiquette. By contrast, the gifts of the Franco-Russian rapprochement—whether Gallé’s table, the dolls, or the vases—originated from different social strata. They were initiatives “from below”: from provincial residents, municipal authorities, and artistic and craft corporations [4, p. 152].

The Lorraine offering was essentially the voice of an occupied territory appealing for justice. The ethnographic dolls constituted an attempt to establish public dialogue—an invitation to become acquainted with the people, not merely with the supreme authority. For republican France, entering into alliance with the bastion of monarchism, such “toy” communication softened ideological contradictions by emphasizing shared emotions, historical destinies, and cultural values [3, p. 178].

Role in the Formation of a Cultural Environment

The effectiveness of these initiatives proved considerable. The French and Russian press extensively covered the ceremonies of gift presentation and described the objects in detail [5, p. 127]. Russian sailors who received not merely souvenirs but high-quality works of art carried home not material valuables, but emotional impressions—a fragment of the French people’s spirit.

The doll collection of 1896 appears to have aligned with a broader cultural trend that would later culminate in the sensational success of the Ballets Russes in France [1, p. 93]. Heightened interest in folklore, folk ornamentation, and traditional costume resonated with the artistic quests of the Art Nouveau era in both Russia and France. The fascination with national roots became common ground facilitating intense cultural exchange at the turn of the century [4, p. 155].

Conclusion

The phenomenon of “toy diplomacy” in Russian–French relations at the end of the nineteenth century convincingly demonstrates that high politics unfolded not only in ministerial offices, but also in creative workshops, on ship decks, and even in shop windows. The gifts of the inhabitants of Lor-

raine and the presentation of ethnographic dolls in Paris became significant milestones in the formation of the alliance [2, p. 118].

These objects possessed a dual nature: while remaining works of high art, they simultaneously functioned as political manifestos. Gallé’s inlaid table told the dramatic story of an annexed province placing its hopes in the power of the Russian Empire. The dolls in traditional dress created a visible, comprehensible, and aesthetically appealing image of a vast Eurasian state with which France chose to bind its destiny.

In the long term, such symbolic gestures prepared the ground for the flourishing of a “Russian cult” in France in the early twentieth century and laid the foundations for cultural mutual understanding that continues to influence bilateral relations to this day [3, p. 201].

Литература

1. Лившиц, Л.И. Декоративно-прикладное искусство в контексте межкультурной коммуникации: русско-французские связи рубежа XIX–XX веков / Л.И. Лившиц // Искусствознание. – 2018. – № 3. – С. 78–95.
2. Рыженко, В.Г. Подарок как исторический источник: семантика дара в дипломатической практике Нового времени / В.Г. Рыженко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – № 2 (26). – С. 112–119.
3. Толмачев, Ю.А. Франко-русский союз в зеркале общественной мысли (1891–1914) / Ю.А. Толмачев. – М.: Изд-во МГИМО, 2017. – 312 с.
4. Фролова, О.В. Художественные центры Лотарингии и Россия: к истории культурных связей / О.В. Фролова // Россия – Франция: проблемы культуры и искусства. Сборник научных трудов. – СПб.: Институт имени И.Е. Репина, 2019. – С. 145–158.
5. Шатских, А.С. Эмиль Галле и русские заказчики / А.С. Шатских // Наше наследие. – 2008. – № 86. – С. 122–129.
6. Exposition universelle de 1900: l’art décoratif russe aux expositions universelles. – Paris: Librairie Centrale des Beaux-Arts, 1901. – 156 p.
7. Musée d’Orsay. Emile Gallé et le renouveau de la verrerie française [Catalogue de l’exposition]. – Paris: RMN, 2004. – 248 p.

INFORMAL CHANNELS OF RAPPROCHEMENT: THE ROLE OF GIFTS AND SOUVENIRS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN–FRENCH RELATIONS (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Yankovskaya M.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public

This article examines a specific layer of interstate communication between Russia and France at the close of the nineteenth century, described in modern historiography as “gift” or “toy” diplomacy. It analyzes the transformation of decorative and applied art objects and ethnographic souvenirs into carriers of political meaning. In addition to the well-known episodes involving offerings from the inhabitants of Lorraine to Emperor Alexander III, particular attention is devoted to the presentation of a collection of anthropomorphic figures dressed in the traditional costumes of the peoples of the Russian Empire during the visit of Nicholas II to France in 1896. The article substantiates the thesis that such gestures served as instruments for constructing a positive image of the state and contributed to the formation of stable cultural ties [2, p. 114].

Keywords: Franco-Russian Alliance; toy diplomacy; history of the gift; cultural diplomacy; Émile Gallé; Alexander III; Nicholas II; national costumes; visits to Kronstadt and Toulon; Russian sailors in France.

References

1. Livshits, L. I. (2018). Decorative and Applied Arts in the Context of Intercultural Communication: Russian-French Relations at the Turn of the 20th Century // *Art Studies*, (3), 78–95.
2. Ryzenko, V. G. (2020). A Gift as a Historical Source: The Semantics of a Gift in the Diplomatic Practice of the Modern Age. // *Herald of Omsk University. Series «Historical Sciences»*, (2(26)), 112–119.
3. Tolmachev, Y. A. (2017). The Franco-Russian Alliance in the Mirror of Public Opinion (1891–1914) – Moscow: MGIMO University Press.
4. Frolova, O. V. (2019). Artistic Centers of Lorraine and Russia: On the History of Cultural Relations. // In *Russia – France: Problems of Culture and Art. Collected Papers* (Pp. 145–158) – St. Petersburg: Repin Institute of Arts.
5. Shatskiikh, A. S. (2008). Emile Gallé and His Russian Clients. *Nashe Nasledie // Our Heritage*, (86), 122–129.
6. Exposition universelle de 1900: l’art décoratif russe aux expositions universelles. – Paris: Librairie Centrale des Beaux-Arts, 1901. – 156 p.
7. Musée d’Orsay. Emile Gallé et le renouveau de la verrerie française [Catalogue de l’exposition]. – Paris: RMN, 2004. – 248 p.

Секьюритизация и геополитизация цифровых технологий: вызовы и трансформация цифрового суверенитета

Яо Линдун,

аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Ян Цзунци,

аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1042248046@pfur.ru

Секьюритизация и геополитизация цифровых технологий ведут к качественному изменению конфигурации государственной власти и структуры международной системы. Перевод данных, цифровых платформ и критической инфраструктуры в разряд вопросов национальной безопасности расширяет дискреционные полномочия государства в цифровом пространстве и переопределяет границы цифрового суверенитета через призму «стратегической зависимости» от глобальных цепочек поставок и трансграничных потоков данных. Контроль над узлами полупроводниковых и облачных цепочек, дивергенция режимов управления данными и конкуренция инфраструктурных проектов усиливают асимметрию взаимозависимости и используются как инструменты внешнеполитического давления и блокового размежевания. В результате цифровой суверенитет приобретает одновременно внутреннее измерение, связанное с обеспечением контроля и устойчивости национального цифрового контура, и внешнее измерение, выражающееся в нормативном и инфраструктурном влиянии на внешнюю цифровую среду, что ставит перед государствами задачу поиска нового баланса между открытостью и безопасностью.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; секьюритизация; стратегическая зависимость; геополитизация цифровых технологий; узловая власть.

С начала XXI в. новое поколение цифровых технологий, представленное искусственным интеллектом, большими данными, облачными вычислениями, Интернетом вещей, блокчейном, квантовыми коммуникациями и др., развивается в режиме ускоряющейся конвергенции и последовательных итераций и в работах К. Шваба обозначается как «четвёртая промышленная революция» [9]. По сравнению с предыдущими тремя промышленными революциями её ключевая особенность заключается в глубоком встраивании цифровых технологий одновременно в производственные системы, механизмы общественного управления и повседневные практики, в результате чего масштаб, скорость и степень системности их воздействия приобретают беспрецедентный характер. Физическое, цифровое и биологическое измерения оказываются включёнными в единый технологический контур, а традиционные границы между экономикой, обществом и безопасностью постепенно размываются. В этих условиях контроль над данными, алгоритмами, вычислительными мощностями и сетевой инфраструктурой становится одним из ключевых ресурсов власти для государств и транснациональных акторов, а глобальная конфигурация власти демонстрирует новые линии дифференциации и структурной перестройки [3].

В такой ситуации цифровые технологии уже не воспринимаются как нейтральный технический инструмент, предназначенный лишь для повышения эффективности и модернизации экономики. Всё чаще они рассматриваются как стратегический ресурс, от которого зависит конкурентоспособность государства, устойчивость общества и его положение в системе международных отношений [4]. Соответственно цифровая повестка всё теснее увязывается с вопросами национальной безопасности и геополитического соперничества.

На этом фоне в Европейском союзе, Китае, России и ряде других государств активно формируется проблематика цифрового суверенитета. В ЕС под цифровым суверенитетом, как правило, понимаются контроль над персональными данными и защита права на частную жизнь, а также установление таких регулятивных режимов, которые поддерживают европейскую социальную модель и систему основных прав [5]. В России и некоторых других незападных странах в центр внимания выдвигаются суверенитет в киберпространстве, информационный суверенитет и концепция суверенного интернета, предполагающая приоритетный контроль государства над национальной цифровой инфраструктурой и ключевыми массивами данных [1]. В результате цифровой суверенитет закрепляется как одно из ключевых понятий, с помощью которых описывается влияние развития цифровых технологий на перераспределение власти в современной мировой политике.

Цифровой суверенитет государства понимается как его суверенный статус и полномочия по принятию решений в цифровом пространстве. В указанное понятие входят три ключевых компонента [6]. Во-первых, это конечное право решения и контроль над созданием, функционированием и обеспечением безопасности национальной цифровой инфраструктуры (сетей связи, центров обработки данных, вычислительных мощностей и др.). Во-вторых, это нормативное и регулятивное закрепление правил обращения с находящимися в национальной юрисдикции данными, включая установление режима их трансграничного перемещения и механизмов надзора. В-третьих, это полномочия государства по определению институциональных рамок работы цифровых платформ, действующих на его территории, а также принципов алгоритмического управления на этих платформах [6].

Одновременно цифровой суверенитет предполагает способность государства посредством экспорта технологических стандартов, регулятивных режимов и цифровой инфраструктуры оказывать институциональное воздействие на внешние или транснациональные сегменты цифрового пространства и в определённой степени формировать параметры внешней цифровой среды. В обобщённом виде цифровой суверенитет может быть охарактеризован как продолжение традиционного государственного суверенитета в цифровой среде и один из ключевых измерений современной системы национальной безопасности и архитектуры управления данными [17].

Секьюритизация цифровых технологий

С позиций теории секьюритизации переопределение границ цифрового суверенитета предстает не как результат «естественной диффузии»

цифровых технологий, а как опосредованный политическими решениями процесс, в рамках которого государственные акторы посредством дискурсов, акцентирующих тематику угроз, и институционально закреплённых практик переводят ряд цифровых сюжетов из плоскости рутинной экономической и научно-технической политики в повестку национальной безопасности. Представители Копенгагенской школы Б. Бьюзен, О. Вэвер и Я. де Вильде подчёркивают, что в момент, когда та или иная проблема в публичном дискурсе конструируется как «угроза выживанию», государство получает возможность придавать ей более высокий приоритет и применять экстраординарные меры регулирования при относительно меньших политических издержках [11].

В цифровой сфере данная логика проявляется в том, что регулирование данных, платформ и критических технологических цепочек постепенно переводится в контекст национальной безопасности и встраивается в соответствующий инструментарий государственной политики. Указанный механизм особенно отчётливо прослеживается в цифровой политике ключевых акторов: в стратегических и разведывательных документах США сети 5G, трансграничные потоки данных, алгоритмы искусственного интеллекта и полупроводниковые цепочки описываются как источники системного риска для национальной безопасности и устойчивости критической инфраструктуры, что ведёт к переопределению статуса указанных сфер как составляющих режима обеспечения национальной безопасности [18]; в Европейском союзе цифровые риски интерпретируются сквозь призму защиты основных прав, устойчивости демократических институтов и безопасности публичного коммуникативного пространства, в результате чего вопросы управления данными и платформенного регулирования выводятся в разряд ключевых направлений политики по поддержанию институциональной стабильности и общественного порядка [13]; в официальных документах и практиках государственного регулирования России акцент делается на суверенном контроле над информационным пространством и коммуникационной инфраструктурой, киберпространство институционально включается в систему национальной безопасности и рассматривается как один из опорных элементов защиты суверенитета [8]. Тем самым секьюритизация не только трансформирует интерпретационные рамки цифровой повестки, но и обеспечивает институциональную легитимацию расширения дискреционных полномочий и юрисдикции государства в отношении данных, платформ и критической цифровой инфраструктуры, что способствует последующему переопределению границ цифрового суверенитета.

По мере углубления логики секьюритизации цифровые технологии всё в большей степени переопределяются как потенциальная «стратегическая зависимость», причём данный конструкт отражает прежде всего пересмотр сложившейся структуры международного разделения труда; его центральным измерением становится перевод ранее понимаемых в координатах эффективности и издержек отношений зависимости в плоскость проблем безопасности и уязвимости [15]. В рамках глобализационного дискурса зависимость от внешних поставок и цепочек создания стоимости традиционно интерпретировалась как следствие экономики на масштабах и углубления международной специализации, тогда как с точки зрения секьюритизации аналогичные отношения всё чаще рассматриваются как структурно уязвимые элементы и, в предельном случае, как потенциальный источник угроз национальной безопасности [15].

Соединённые Штаты акцентируют, что зависимость от внешних поставщиков телекоммуникационного оборудования, облачных сервисов и прикладных экосистем способна породить риски для суверенитета над данными и угрозы проникновения в критическую инфраструктуру; соответствующие аргументы систематизированы в стратегиях национальной безопасности и разведывательной деятельности [18]. В Европейском союзе в рамках концепции «открытой стратегической автономии» проводится линия на сокращение чрезмерной зависимости от внешней платформенной и инфраструктурной базы при одновременном сохранении режима открытости, что увязывает проблематику цифрового суверенитета с задачей обеспечения стратегической автономии [19]. Россия и государства – члены Евразийского экономического союза подчёркивают значимость «цифровой независимости» и локализации ключевых решений, рассматривая снижение зависимости от внешней цифровой инфраструктуры и критических технологий в качестве долгосрочной цели интеграционного развития [7]. Китай, в свою очередь, ставит задачу формирования «самостоятельной, контролируемой, безопасной и эффективной» информационно-технологической системы, ориентируясь на сокращение зависимости от внешних поставщиков в таких сегментах, как операционные системы, микрочипы и промышленное программное обеспечение [12].

В результате выстраивается более системная переоценка отношений зависимости: в координатах цифрового суверенитета идентифи-

кация и регулирование стратегической зависимости непосредственно связаны с объёмом дискреции государства в сфере контроля трансграничных потоков данных, допуска на внутренний рынок цифровых платформ и доступа к ключевым технологиям; одновременно через институциональную связку «риск – комплаенс – ограничения» происходит укрепление оборонительных границ цифрового пространства, что создаёт предпосылки для последующей геополитизации цифровых технологий и их внешнеполитической проекции.

Геополитизация цифровых технологий

После институционального закрепления логики секьюритизации цифровые технологии всё в большей степени встраиваются в более широкий геополитический контекст и превращаются в один из значимых параметров соперничества крупных держав и блокового размежевания. Геополитизация цифровых технологий означает, что они перестают восприниматься лишь как объект экономического сотрудничества и отраслевой конкуренции, а начинают выступать в качестве опорного ресурса внешнеполитической проекции государственной власти, участия в формировании мирового порядка и корректировки конфигурации союзнических структур.

В условиях высоко сетевой глобальной экономики ключевым понятием для анализа геополитизации цифровых технологий становится «узловая власть». В рамках предложенной Х. Фарреллом и А. Ньюманом концепции «weaponized interdependence» взаимосвязанность глобальных сетей трактуется как ресурс принуждения: государство, контролирующее критические узлы и транзитные каналы, получает возможность трансформировать отношения взаимозависимости в инструменты давления и санкционного воздействия [15].

Цепочки поставок в сфере цифровых технологий особенно наглядно демонстрируют эффект «концентрации узлов»: США занимают доминирующее положение на рынках GPU, CPU, основных операционных систем, облачных платформ и ключевых прикладных экосистем [20]; нидерландские компании фактически монополизировали производство EUV-литографических установок и под давлением Вашингтона с 2023 г. ужесточили экспортный контроль и лицензионный режим в отношении соответствующего оборудования; TSMC и Samsung удерживают ведущие позиции в производстве полупроводников по передовым технологическим нормам, прежде всего на уровне 7 нм и ниже [10].

В условиях высокой концентрации контроля над ключевыми звеньями цепочек поставок государства-технологические центры, прибегая к прекращению поставок, технологическим ограничениям и лицензированию экспорта, способны оказывать прямое стратегическое давление на другие страны, придавая отношениям взаимозависимости выражено асимметричный геополитический характер [2]. Цепочки в сфере цифровых технологий в значительной степени зависят от узкого круга незаменимых программно-аппаратных интерфейсов и ключевых объектов интеллектуальной собственности, вследствие чего концентрация узлов превращается в используемый в политических целях рычаг контроля. В терминах цифрового суверенитета это означает, что ограниченное число государств, контролирующих критические технологии и платформенные интерфейсы, получает возможность накладывать жёсткие структурные ограничения на функционирование цифрового пространства других стран.

Структурная дифференциация пространства данных является одним из ключевых проявлений геополитизации цифровой среды. По мере того, как данные в XXI в. закрепляются в качестве нового ресурса, трансграничные потоки всё в большей степени включаются в логику суверенитета и институциональной конкуренции [17]. В ЕС данная тенденция получает выражение в концепции «суверенитета данных» (data sovereignty): на основе GDPR, Закона о данных и смежных актов усиливается территориальный контроль над обработкой информации и режимом защиты частной жизни, а регулирование данных рассматривается как одно из центральных направлений поддержания нормативного порядка [13]. Китай формирует систему управления данными на базе Закона о безопасности данных, Закона о защите персональной информации и процедур оценки безопасности трансграничной передачи, вводя строгий режим вывоза «важных» и «ключевых» данных [14]. Ряд государств, включая Россию, делает акцент на хранении персональных данных на национальной территории и контроле их трансграничной передачи, рассматривая предотвращение утечки критически значимых массивов информации в качестве приоритета [8]. В результате цифровое пространство переходит от преимущественно технической взаимосвязанности к конкуренции регулятивных режимов, а выбор модели управления данными во многом определяет параметры и динамику «суверенитета данных» отдельных государств.

Тенденция геополитизации инфраструктурного измерения цифрового развития всё отчётливее проявляется в стратегических подходах

государств. Подводные волоконно-оптические кабели, системы спутникового интернета, узлы обмена интернет-трафиком (IXP) и глобальные сети облачных сервисов всё чаще трактуются как элементы стратегической инфраструктуры. США в рамках инициативы «Clean Network» осуществляют политически мотивированный отбор поставщиков, участвующих в развёртывании ключевых сетей, кабельных линий и облачных платформ, увязывая инфраструктурное сотрудничество с союзническими форматами и политикой сдерживания Китая [18]; Китай, опираясь на формат «Цифрового шёлкового пути», продвигает в странах-партнёрах проекты по прокладке волоконно-оптических линий, созданию центров обработки данных и развитию облачных сервисов, усиливая цифровую взаимосвязанность с государствами Глобального Юга [12]; ЕС, опираясь на инициативу «Global Gateway» и развитие трансрегиональных цифровых коридоров, ориентируется на снижение зависимости от контролируемых извне магистральных сетей и поставок оборудования [16].

Сложившиеся инфраструктурные конфигурации характеризуются высокими фиксированными издержками и институциональной закреплённостью сложившейся траектории развития, вследствие чего краткосрочные решения нередко приобретают долгосрочные структурные последствия. В терминах цифрового суверенитета экспорт цифровой инфраструктуры и участие в проектировании сетевой топологии позволяют государствам распространять собственные технические стандарты и регулятивные практики на внешние цифровые пространства и тем самым оказывать продолжительное влияние на функционирование соответствующих цифровых систем за пределами национальной территории.

Заключение

Развитие цифровых технологий ведёт не только к модернизации экономики и системы государственного управления, но и к трансформации структуры государственной власти и параметров функционирования международной системы. В контексте секьюритизации данные, цифровые платформы, ключевая информационная инфраструктура и технологические цепочки всё чаще осмысляются как сфера национальной безопасности. Это расширяет основания для увеличения дискреционных полномочий государства в цифровом пространстве и фактически перепределяет внутренние границы цифрового суверенитета.

Дальнейшее развитие повестки стратегической зависимости и геополитизации цифровой сферы проявляется через нарастающие асимметрии в глобальных сетях: контроль над ключевыми узлами полупроводниковых и облачных цепочек поставок, конкуренция по поводу режимов трансграничного обмена данными и борьба за конфигурацию цифровой инфраструктуры превращаются в важные каналы внешнеполитического давления и инструменты перераспределения власти в системе международных отношений. В этих условиях цифровой суверенитет означает, с одной стороны, способность государства обеспечивать управление инфраструктурой, данными и платформами в пределах национальной юрисдикции, а с другой – возможность посредством стандартов, регулятивных режимов и инфраструктурных проектов оказывать устойчивое воздействие на формирование внешней цифровой среды. Для государств это ставит задачу поиска баланса между режимом открытой взаимосвязанности и необходимостью укрепления устойчивости и контроля над ключевыми элементами цифрового пространства.

Литература

1. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 4. С. 2193–2212. DOI: 10.18334/vines.12.4.116433.
2. Аллаёрова Л. Геоэкономическое соперничество США и КНР в эпоху декуплинга: технологические санкции, цепочки поставок и глобальная трансформация торговли // Current Approaches and New Research in Modern Sciences. 2025. Т. 4, № 7. С. 60–69.
3. Белоусов Ю.В. Цифровая экономика: понятие и тенденции развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 26–43.
4. Володенков С.В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 4. С. 3–11. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-3-11.
5. Кочетков А. П., Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 2. С. 31–45.
6. Ромашкина А. Б., Киричук Д.А. Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверените-

та // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 4. С. 848–861. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861>.

7. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaunion.org/commission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php?ysclid=ml0lw1z9yk694894140 (дата обращения: 30.01.2026).

8. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44230?ysclid=mkzjbxu2eg839808775> (дата обращения: 29.01.2026).

9. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

10. Яо Линдун. TSMC и геополитические риски Тайваня // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 313–316.

11. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

12. China’s Internet of Things // U.S.–China Economic and Security Review Commission. 10.2018. URL: <https://www.uscc.gov/research/chinas-internet-things> (дата обращения: 30.01.2026).

13. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // European Commission. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020DC0066> (дата обращения: 29.01.2026).

14. Data Security Law of the People’s Republic of China // National People’s Congress of the PRC. 10.06.2021. URL: <https://ssec.eu/wp-content/uploads/2021/06/DSL.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

15. Farrell H., Newman A.L. Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion // International Security. 2019. Vol. 44, № 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.

16. Global Gateway // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/international-partnerships/global-gateway_en (дата обращения: 30.01.2026).

17. Kaya M., Shahid H. Cross-Border Data Flows and Digital Sovereignty: Legal Dilemmas in Transnational Governance // Interdisciplinary Studies in Society, Law, and Politics. 2025. Vol. 4, № 2. P. 219–233. DOI: 10.61838/kman.isslp.4.2.20.

18. National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: The White House, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).

19. Special Meeting of the European Council (1 and 2 October 2020) – Conclusions // European Council. 02.10.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/45910/021020-euco-final-conclusions-en.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

20. U.S. Export Controls and China: Advanced Semiconductors and Artificial Intelligence // Congressional Research Service. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/R48642> (дата обращения: 30.01.2026).

THE SECURITIZATION AND GEOPOLITICIZATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES: CHALLENGES AND THE TRANSFORMATION OF DIGITAL SOVEREIGNTY

Yao Lingdong, Yang Zuqi

Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia, Department of Public Policy and History of State and Law

The securitization and geopoliticization of digital technologies lead to a qualitative transformation of the configuration of state power and the structure of the international system. The reclassification of data, digital platforms and critical infrastructure as issues of national security expands the discretionary powers of the state in the digital domain and redefines the boundaries of digital sovereignty through the prism of “strategic dependence” on global supply chains and cross-border data flows. Control over nodal points in semiconductor and cloud supply chains, the divergence of data-governance regimes and competition among infrastructure projects increase the asymmetry of interdependence and are employed as instruments of foreign-policy pressure and bloc-based fragmentation. As a result, digital sovereignty acquires both an internal dimension, associated with ensuring control over and the resilience of the national digital perimeter, and an external dimension, manifested in normative and infrastructural influence on the external digital environment, which confronts states with the task of seeking a new balance between openness and security.

Keywords: digital sovereignty; securitization; strategic dependence; geopoliticization of digital technologies; nodal power.

References

1. Afanasyev A. A. Technological sovereignty: Main directions of the policy to achieve it in contemporary Russia. Issues of Innovation Economics. 2022. Vol. 12, No. 4, Pp. 2193–2212. DOI: 10.18334/vines.12.4.116433. (In Russ.)

2. Allayorova L. Geo-economic rivalry between the USA and China in the era of decoupling: Technological sanctions, supply chains and the global transformation of trade. *Current Approaches and New Research in Modern Sciences*. 2025. Vol. 4, No. 7, Pp. 60–69. (In Russ.)
3. Belousov Yu.V. The digital economy: Concept and development trends. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021. No. 1, Pp. 26–43. (In Russ.)
4. Volodenkov S.V. The phenomenon of digital sovereignty of the modern state under conditions of global technological transformations: Content and specific features. *Journal of Political Research*. 2020. Vol. 4, No. 4, Pp. 3–11. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-3-11. (In Russ.)
5. Kochetkov A. P., Maslov K.V. Digital sovereignty as the basis of Russia's national security in the global digital society. *Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science*. 2022. No. 2, Pp. 31–45. (In Russ.)
6. Romashkina A. B., Kirichuk D.A. The political agency of digital actants in the context of ensuring digital sovereignty. *RUDN Journal of Political Science*. 2023. Vol. 25, No. 4, Pp. 848–861. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861>. (In Russ.)
7. Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025. Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php?ysclid=ml0l-w1z9yk694894140 (accessed 30.01.2026). (In Russ.)
8. Federal Law of 01.05.2019 No. 90-FZ "On Amendments to the Federal Law 'On Communications' and the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Information Protection'" President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44230?ysclid=mkzjbxu2eg839808775> (accessed 29.01.2026). (In Russ.)
9. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo, 2018. 320 p. (In Russ.)
10. Yao L. TSMC and Taiwan's geopolitical risks. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2025. No. 1, Pp. 313–316. (In Russ.)
11. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
12. China's Internet of Things. U.S. – China Economic and Security Review Commission. 10.2018. URL: <https://www.uscc.gov/research/chinas-internet-things> (accessed 30.01.2026).
13. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. European Commission. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020DC0066> (accessed 29.01.2026).
14. Data Security Law of the People's Republic of China. National People's Congress of the PRC. 10.06.2021. URL: <https://sesec.eu/wp-content/uploads/2021/06/DSL.pdf> (accessed 30.01.2026).
15. Farrell H., Newman A.L. Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion. *International Security*. 2019. Vol. 44, No. 1, Pp. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.
16. Global Gateway. European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/international-partnerships/global-gateway_en (accessed 30.01.2026).
17. Kaya M., Shahid H. Cross-border data flows and digital sovereignty: Legal dilemmas in transnational governance. *Interdisciplinary Studies in Society, Law, and Politics*. 2025. Vol. 4, No. 2, Pp. 219–233. DOI: 10.61838/kman.isssp.4.2.20.
18. National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: The White House, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 29.01.2026).
19. Special Meeting of the European Council (1 and 2 October 2020) – Conclusions. European Council. 02.10.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/45910/021020-euco-final-conclusions-en.pdf> (accessed 30.01.2026).
20. U.S. Export Controls and China: Advanced Semiconductors and Artificial Intelligence. Congressional Research Service. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/R48642> (accessed 30.01.2026).

Взаимодействие баланса сил и баланса угроз в формировании устойчивых региональных подсистем безопасности

Вильданов Амаль Ильдарович,

независимый исследователь

E-mail: AmalVildanov2026@yandex.ru

Рассматривается региональная подсистема безопасности как многослойная сеть институциональных, ресурсных и социокультурных механизмов, устойчивость которой не объясняется одной лишь логикой реалистического «баланса сил». Показано, что распределение властных, экономических, организационных и информационных ресурсов образует силовой контур, тогда как контур рисков описывает социально конструируемое и территориально неоднородное распределение экологических, демографических, инфраструктурных и иных уязвимостей. Теоретическая реконструкция социологии риска, системного и институционального анализа позволяет выделить типовые конфигурации сопряжения контуров: экстернализацию рисков сильными акторами, пропорциональное принятие ответственности при относительном совпадении ресурсов и угроз, а также двойное рас-согласование, формирующее зоны системной уязвимости и дефицит до-верия. Особое внимание уделено роли институциональных посредников, сетевых связей и механизмов обратной связи, переводящих информацию о рисках в ресурсные решения и обратно. Подчёркнуты темпоральные несоответствия между инерционностью ресурсных перестроек и быстрыми изменениями профиля угроз, нелинейные пороговые эффекты и феномен «ложной устойчивости». Обоснована значимость рефлексивного мониторинга и учёта общественного восприятия рисков для поддержания резилентности регионов.

Ключевые слова: Региональная подсистема безопасности, баланс сил, баланс рисков, институциональные посредники, резилентность

Введение

Проблематика обеспечения безопасности на уровне региональных подсистем социального пространства приобретает всё более сложный характер в условиях нарастающей неопределённости и многофакторности угроз различной природы. Классические представления о безопасности, сформированные преимущественно в рамках реалистической парадигмы и сосредоточенные на понятии баланса сил, оказываются недостаточными для объяснения тех процессов, которые определяют устойчивость или, напротив, деградацию региональных социальных систем. Само понятие региональной подсистемы безопасности, понимаемое как совокупность институциональных, ресурсных и социокультурных механизмов поддержания приемлемого уровня защищённости территориального сообщества, требует теоретического переосмысления с учётом того, что угрозы современного мира далеко не всегда поддаются силовому сдерживанию [3]. Регион как структурная единица национального социального пространства выступает одновременно и объектом внешних воздействий, и субъектом, формирующим собственные стратегии адаптации, что предполагает наличие внутренней логики балансирования, не сводимой к простому соотношению ресурсов.

Социологическое осмысление безопасности региона предполагает обращение к более широкому пониманию факторов, детерминирующих устойчивость социальных систем. Если баланс сил в его классическом толковании описывает распределение властных, экономических и организационных ресурсов между акторами, то баланс рисков характеризует иную плоскость анализа – распределение вероятностных угроз и уязвимостей, которые не всегда коррелируют с ресурсным потенциалом территории [7]. Эта двойственность порождает концептуальную проблему: каким образом два различных типа балансировки – силовая и рисковая – взаимодействуют между собой в процессе формирования региональной подсистемы безопасности и какие конфигурации их сопряжения обеспечивают наибольшую устойчивость. Социологическая традиция, восходящая к работам У. Бека о «обществе риска» и развиваемая в рамках теорий рефлексивной модернизации, предлагает рассматривать риск не как внешнюю переменную, а как конститутивный элемент социальной организации, что существенно меняет оптику анализа региональной безопасности [11].

Региональные подсистемы безопасности в контексте социологического анализа представляют собой не столько формализованные структуры управления, сколько сложные сети взаимодействий между институтами, группами и территориальными сообществами, обеспечивающие воспроизводство социального порядка в условиях неопределённости. В отличие от технократического подхода, сводящего безопасность к набору измеримых параметров и пороговых значений, социологическая перспектива акцентирует внимание на том, как социальные акторы воспринимают, интерпретируют и конструируют угрозы, а также на том, какие институциональные механизмы позволяют трансформировать индивидуальные и групповые восприятия рисков в коллективные стратегии реагирования [1]. Понятие устойчивости региональной подсистемы при таком подходе оказывается связанным не только с объективной ресурсной обеспеченностью, но и с качеством социальных связей, уровнем институционального доверия и способностью сообщества к самоорганизации в кризисных ситуациях.

Обращение к проблеме взаимодействия баланса сил и баланса рисков позволяет выйти за пределы одномерных моделей региональной безопасности и предложить интегративную аналитическую рамку, учитывающую многослойность социальных процессов, определяющих устойчивость территориальных образований [14]. Ключевой исследовательский вопрос состоит в выявлении механизмов, посредством которых ресурсные диспропорции и асимметрии в распределении рисков порождают специфические модели региональной безопасности, характеризующиеся различной степенью устойчивости к внешним и внутренним возмущениям. Разрешение этого вопроса имеет значение не только для теоретической социологии, но и для практики регионального управления, где нередко наблюдается разрыв между логикой концентрации ресурсов и логикой распределения рисков, что приводит к формированию структурных уязвимостей, подрывающих безопасность территориальных сообществ.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на основе сочетания нескольких аналитических подходов, позволяющих раскрыть различные аспекты взаимодействия баланса сил и баланса рисков в контексте региональной безопасности. В качестве базового метода использован сравнительный анализ теоретических концепций, сформированных в рамках социологии риска, теории социальных систем и институциональной социологии. Применялся метод концептуальной реконструкции, направленный на выявление логических связей между категориями, принадлежащими различным теоретическим традициям, – в частности, между понятиями силового баланса, сложившимися в рамках структурно-функционального анализа, и понятиями рискованного баланса, развиваемыми в традиции рефлексивной социологии [9]. Метод системного моделирования использовался для построения аналитических схем, описывающих взаимодействие ресурсных и рискованных параметров региональных подсистем.

Результаты и обсуждение

Обращение к генеалогии понятия «баланс сил» в социологическом дискурсе обнаруживает его глубокую укоренённость в традиции анализа властных отношений. Если в работах Н. Элиаса баланс сил рассматривался как фундаментальная характеристика любых социальных конфигураций, определяющая характер взаимозависимости между акторами, то в структурно-функциональной традиции Т. Парсонса он интерпретировался скорее как условие системного равновесия, обеспечивающего интеграцию различных подсистем общества [2]. Применительно к региональным подсистемам безопасности баланс сил выражается в распределении экономических ресурсов, административных полномочий, информационных потоков и организационных компетенций между институциональными акторами, действующими на территории региона. Регион, обладающий значительным ресурсным потенциалом, но характеризующийся резкой асимметрией в его распределении между центром и периферией, между различными социальными группами или между формальными и неформальными институтами, оказывается в ситуации структурного дисбаланса, потенциально угрожающего устойчивости всей подсистемы [8].

Понятие баланса рисков, получившее импульс к развитию благодаря работам У. Бека и Э. Гидденса, существенно расширяет аналитическое пространство исследования безопасности. Риск в социологическом понимании не тождествен опасности или угрозе: он представляет собой социально конструируемую категорию, отражающую осознание возможных негативных последствий определённых решений или бездействия в условиях неполноты информации. Баланс рисков на региональном уровне описывает то, каким образом потенциальные угрозы – экологические, экономические, демографические, инфраструктурные – распределены между территориальными сообществами и социальными группами, составляющими регион [12]. Важнейшая особенность рискованного баланса состоит в том, что он не сводим к ресурсному: территория может обладать значительными ресурсами, но при этом быть крайне уязвимой к определённым типам угроз вследствие особенностей своей социальной структуры, институциональной организации или культурных паттернов восприятия опасности.

Взаимодействие двух типов баланса – силового и рискованного – образует сложное аналитическое поле, в котором обнаруживаются несколько принципиально различных конфигураций. Первая конфигурация характеризуется ситуацией, при которой сильные в ресурсном отношении акторы способны перераспределять риски, перекладывая их на более слабых участников региональной системы. Такая модель, описываемая в литературе по социологии неравенства как «экстернализация рисков» [4], приводит к формированию асимметричной подсистемы безопасности, в которой одни территориальные сообщества оказываются защищены за счёт повышенной уязвимости других. Парадокс состоит в том, что подобная конфигурация, обеспечивая краткосрочную стабильность для ресурсно обеспеченных акторов, подрывает долгосрочную устойчивость региона как целого, поскольку накопление рисков в наиболее уязвимых сегментах рано или поздно порождает системные кризисы, затрагивающие всех участников.

Вторая конфигурация предполагает относительное совпадение силового и рискованного балансов, при котором распределение ресурсов в целом соответствует распределению угроз. Теоретические основания для анализа такой конфигурации можно обнаружить в работах Н. Лумана, рассматривавшего способность социальных систем к адекватной оценке и распределению рисков как важнейшее условие их саморепроизводства [6]. В рамках данной модели региональные подсистемы безопасности формируются на основе принципа пропорциональности: акторы, аккумулирующие наибольшие ресурсы, одновременно принимают на себя наибольшую ответственность за управ-

ление рисками. Однако достижение такого соответствия предполагает наличие развитых институциональных механизмов координации, информационного обмена и коллективного принятия решений, что далеко не всегда реализуется в практике регионального управления.

Третья конфигурация, наиболее проблематичная с точки зрения устойчивости, возникает тогда, когда ни силовой, ни рискованный баланс не достигнут, а их взаимное рассогласование порождает зоны системной уязвимости. В такой ситуации ресурсы сконцентрированы у акторов, которые не несут основных рисков, тогда как наиболее уязвимые территориальные сообщества лишены возможностей для адекватного реагирования на угрозы [15]. Социологический анализ показывает, что подобная конфигурация часто сопряжена с дефицитом институционального доверия, поскольку акторы, находящиеся в ситуации повышенного риска при ограниченных ресурсах, утрачивают мотивацию к кооперации с институтами, воспринимаемыми как неэффективные или несправедливые. Этот эффект был подробно описан в рамках теории социального капитала, где дефицит доверия рассматривается как фактор, блокирующий коллективное действие и тем самым усугубляющий уязвимость сообществ [10].

Теоретическая модель, предлагаемая в рамках данного исследования, основывается на предположении о региональной подсистеме безопасности как двухконтурной системе, в которой контур силового баланса и контур рискованного баланса связаны между собой через механизмы обратной связи. Контур силового баланса включает в себя процессы накопления, распределения и использования ресурсов различного типа – экономических, человеческих, информационных, институциональных. Контур рискованного баланса охватывает процессы идентификации, оценки и распределения рисков между территориальными сообществами и социальными группами. Механизмы обратной связи обеспечивают, во-первых, информирование ресурсного контура о состоянии рискованного профиля (что позволяет корректировать распределение ресурсов) и, во-вторых, передачу информации о ресурсных возможностях в контур управления рисками (что позволяет формировать реалистичные стратегии реагирования) [9]. Устойчивость региональной подсистемы определяется качеством этих обратных связей – их оперативностью, полнотой и достоверностью.

Отдельную аналитическую проблему составляет вопрос о роли социального восприятия в формировании региональных подсистем безопасности. Субъективные оценки рисков, разделяемые членами территориального сообщества, могут существенно отклоняться от экспертных оценок, основанных на статистических данных и формализованных моделях. Этот феномен, подробно исследованный в рамках когнитивной социологии и психологии риска, имеет прямое отношение к проблеме устойчивости региональных систем [11]. Когда население территории воспринимает уровень безопасности как неприемлемо низкий – вне зависимости от того, подтверждается ли это восприятие объективными данными, – возникают миграционные потоки, снижается инвестиционная привлекательность, ослабевает социальная сплочённость. И наоборот, заниженная оценка рисков может приводить к неоправданному благодушию и неготовности к кризисным ситуациям. Включение субъективного измерения в модель взаимодействия балансов предполагает учёт коммуникативных процессов, посредством которых формируются коллективные представления об угрозах и ресурсах.

Анализ различных теоретических школ позволяет выделить несколько принципиально различных подходов к определению устойчивости региональных подсистем безопасности. Структурно-функциональный подход, наследующий традициям Т. Парсонса и Р. Мертона, акцентирует внимание на институциональной полноте и функциональной дифференциации как условиях системной стабильности. Региональная подсистема устойчива постольку, поскольку в ней представлены все необходимые функциональные элементы – нормативное регулирование, целеполагание, интеграция и поддержание латентных образцов – и между ними существует согласованное взаимодействие [4]. С позиций этого подхода баланс сил выступает выражением функциональной дифференциации, а баланс рисков – условием адаптации системы к внешней среде.

Системно-теоретический подход, развиваемый в традиции Н. Лумана, предлагает иную трактовку, в которой устойчивость связывается не столько со структурной полнотой, сколько со способностью системы к самонаблюдению и самоописанию. Региональная подсистема безопасности устойчива тогда, когда она способна различать угрозы и не-угрозы, формировать адекватные коммуникации о рисках и включать эти коммуникации в процесс принятия решений [6]. Баланс сил в этой перспективе оказывается производной от коммуникативной сложности системы: чем более развит репертуар коммуникативных форм, доступных акторам региональной подсистемы, тем более

гибким и адаптивным оказывается распределение ресурсов. Баланс рисков, в свою очередь, рассматривается как результат операций различения, посредством которых система проводит границу между приемлемым и неприемлемым уровнем неопределённости.

Критическая социология, опирающаяся на работы П. Бурдьё и его последователей, обращает внимание на то, что и силовой, и рискованный балансы отражают существующие в обществе отношения доминирования и подчинения [15]. С этой точки зрения устойчивость региональной подсистемы безопасности может оказаться устойчивостью определённой конфигурации неравенства, в которой привилегированные группы эффективно защищены от рисков за счёт их перекладывания на менее привилегированных членов территориального сообщества. Критический анализ побуждает задаться вопросом о том, чья безопасность обеспечивается региональной подсистемой и за чей счёт, а также о том, насколько легитимным является существующее распределение рисков в глазах различных социальных групп [3]. Этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку нелегитимное, воспринимаемое как несправедливое распределение рисков подрывает социальный порядок изнутри, создавая предпосылки для конфликтов и дестабилизации.

Синтез указанных теоретических перспектив позволяет сформулировать несколько существенных положений относительно механизмов взаимодействия баланса сил и баланса рисков. Во-первых, устойчивость региональной подсистемы безопасности определяется не абсолютным объёмом ресурсов и не абсолютным уровнем рисков, а характером их взаимного соотношения – степенью сопряжённости силового и рискованного контуров. Во-вторых, качество институциональных механизмов обратной связи между двумя контурами выступает критическим фактором, определяющим способность системы к адаптивному реагированию на изменения [7]. В-третьих, субъективное измерение безопасности – восприятие рисков и ресурсов членами территориального сообщества – является не менее значимым для устойчивости подсистемы, чем объективные параметры ресурсной обеспеченности и рискованного профиля.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о пороговых эффектах во взаимодействии двух балансов. Социальные системы, как известно, характеризуются нелинейной динамикой, при которой постепенные количественные изменения могут приводить к качественным скачкам – бифуркациям, разрушающим прежнюю конфигурацию и формирующим новую. Применительно к региональным подсистемам безопасности это означает, что существуют критические пороги рассогласования силового и рискованного балансов, при превышении которых система утрачивает способность к самовоспроизводству [14]. Идентификация этих порогов представляет значительную теоретическую и практическую сложность, поскольку они зависят от множества контекстуальных факторов – исторических, культурных, институциональных, – не поддающихся универсальной формализации. Тем не менее сам факт существования таких порогов является существенным для понимания природы региональной устойчивости и должен учитываться при разработке стратегий управления безопасностью.

Следует отметить и роль сетевых механизмов в обеспечении сопряжённости двух балансов. Современная социология всё более активно обращается к сетевому анализу как инструменту изучения социальных структур, и региональные подсистемы безопасности не составляют исключения. Сетевые связи между институциональными акторами, экспертными сообществами, гражданскими организациями и территориальными группами создают каналы, по которым циркулирует информация о рисках и ресурсах, формируются коалиции для коллективного действия и согласовываются позиции по вопросам приоритетов безопасности [1]. Плотность и конфигурация этих сетей во многом предопределяют то, насколько оперативно и адекватно региональная подсистема реагирует на изменения в профиле угроз. Регионы с развитыми горизонтальными связями между акторами, как правило, демонстрируют более высокую адаптивность по сравнению с регионами, в которых преобладают вертикальные, иерархические структуры коммуникации.

Процесс формирования устойчивой региональной подсистемы безопасности, рассмотренный через призму взаимодействия двух балансов, предстаёт как непрерывное воспроизводство динамического равновесия, а не как достижение некоего статичного оптимального состояния. Понятие устойчивости в данном контексте сближается с концептом резилентности, получившим широкое распространение в социальных науках и описывающим способность системы сохранять свою идентичность и функциональность при воздействии внешних и внутренних возмущений [8]. Резилентная региональная подсистема безопасности – это система, способная не только противостоять отдельным угрозам, но и перестраиваться в ответ на изменение самой природы

угроз, сохраняя при этом приемлемый уровень защищённости для составляющих её территориальных сообществ. Достижение такой резилентности требует институционализации рефлексивных практик – регулярного переосмысления взаимосвязи между ресурсами и рисками, корректировки приоритетов и перестройки механизмов координации.

Нельзя обойти вниманием и проблему асимметрии информации, которая выступает одним из ключевых факторов рассогласования силового и рискованного балансов. В реальной практике регионального управления информация о рисках распределена неравномерно: одни акторы обладают более полным знанием о характере и масштабе угроз, тогда как другие вынуждены действовать в условиях значительной неопределённости [5]. Эта информационная асимметрия может использоваться стратегически – для получения ресурсных преимуществ или для минимизации собственных рисков за счёт других участников системы. Институциональные механизмы, обеспечивающие прозрачность и симметричность информационных потоков – публичная отчётность, независимый мониторинг, экспертное консультирование, – являются необходимым условием согласованного функционирования двух балансов и, следовательно, устойчивости региональной подсистемы безопасности в целом.

Концептуальная модель двухконтурного балансирования, предложенная в настоящем исследовании, позволяет также объяснить феномен так называемой «ложной устойчивости» – ситуации, при которой региональная подсистема безопасности демонстрирует внешние признаки стабильности при нарастающем внутреннем рассогласовании силового и рискованного балансов. Такая система может длительное время функционировать без видимых сбоев, однако накопление нескомпенсированных рисков в определённых сегментах неизбежно приводит к кризису, масштаб которого оказывается тем значительнее, чем дольше сохранялась видимость стабильности [12]. Распознавание подобных ситуаций требует развитых аналитических инструментов и, что не менее важно, политической воли к признанию существующих уязвимостей, что далеко не всегда совместимо с логикой институциональных интересов акторов, извлекающих выгоду из сложившегося распределения ресурсов и рисков.

Выводы

Проведённый теоретический анализ взаимодействия баланса сил и баланса рисков в формировании устойчивых региональных подсистем безопасности показывает, что эти две формы балансировки представляют собой относительно автономные, но тесно связанные измерения социальной организации территориальных сообществ. Устойчивость региональной подсистемы определяется не столько параметрами каждого из балансов в отдельности, сколько характером их сопряжения – степенью согласованности ресурсных конфигураций и рискованного профиля. Регионы, в которых распределение ресурсов в целом коррелирует с распределением угроз и в которых функционируют эффективные механизмы обратной связи между силовым и рискованном контурами, демонстрируют более высокую способность к адаптивному реагированию на внешние и внутренние возмущения.

Выявленные конфигурации взаимодействия двух балансов – асимметричная экстернализация рисков, пропорциональное распределение ответственности и двойное рассогласование – представляют собой идеально-типические модели, которые в реальности существуют в различных комбинациях и переходных формах. Принципиально значимым является обнаружение темпоральных рассогласований между динамикой ресурсных конфигураций и изменениями рискованного профиля: именно эти рассогласования, как показывает анализ, порождают наиболее серьёзные уязвимости региональных подсистем безопасности. Способность системы к оперативной перенастройке ресурсных потоков в ответ на изменение характера угроз оказывается по своей значимости сопоставимой с абсолютным объёмом имеющихся ресурсов, а в ряде случаев и превосходящей его.

Особое значение имеет вывод о существовании пороговых эффектов во взаимодействии двух балансов. Нелинейная динамика региональных подсистем безопасности означает, что постепенное нарастание рассогласования между ресурсными и рискованными параметрами может длительное время не проявляться в видимых дисфункциях, однако при достижении критического порога приводит к резкой дестабилизации. Феномен «ложной устойчивости», описанный в рамках данного исследования, заслуживает пристального внимания как со стороны теоретиков, так и практиков регионального управления, поскольку его своевременное распознавание позволяет предотвратить системные кризисы, последствия которых могут оказаться несопоставимы с затратами на превентивную корректировку балансов. Развитие институтов рефлексивного мониторинга, обеспечивающих непрерывное соотношение ресурсных возможностей с актуальным профилем угроз,

выступает одним из условий перехода от реактивных к проактивным стратегиям обеспечения региональной безопасности.

Литература

1. Баширова А.А. Принципы устойчивости и сбалансированности в механизме регулирования социально-экономическим развитием региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 9–2. С. 204–209.
2. Шохнех А.В., Кокодей Т.А., Григоренко Л.А., Мифтахов Т.С., Ахметшин Р.Ф. Динамичность региональной сбалансированной системы // Фундаментальные исследования. 2025. № 10. С. 125–130.
3. Зиганшин И.И., Серебрякова Т.Ю. Сбалансированность развития региона как субъект факторов риска // Oeconomia et Jus. 2023. № 2. С. 10–18.
4. Затевахина А.В. Дисбалансы интересов субъектов экономической безопасности на макро- и мезоуровнях // Управленческое консультирование. 2022. № 3 (159). С. 67–79.
5. Гурьянова Л.С., Клебанова Т.С., Разумовский С.А., Непомнящий В.В. Анализ динамических эффектов влияния «шоков» на экономическую безопасность макрорегионов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. Т. 19. № 3 (40). С. 46–60.
6. Вертакова Ю.В., Логинов И.С. Региональная сбалансированность как фактор обеспечения экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2024. № 2 (60). С. 5–9.
7. Челпанова М.М. Институциональное обеспечение безопасности региональных экономических систем // Финансово-экономическая безопасность Российской Федерации и её регионов: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. 2022. С. 305–307.
8. Залозная Г.М. Современные угрозы экономической безопасности России и её регионов // Экономико-правовое обеспечение безопасности человека в условиях развития гражданского общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2022. С. 40–43.
9. Штофер Г.А. Механизмы устойчивого развития и обеспечения безопасности региона // Финансово-экономическая безопасность Российской Федерации и её регионов: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. 2022. С. 311–313.
10. Терентьев Е.О. Применение нейросетевых алгоритмов в автоматизированных системах прогнозирования и предотвращения аварий на объектах нефтегазовой отрасли // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 2. С. 107–119.
11. Шох М.А. Экономическая безопасность региона как условие устойчивого развития региональных экономических систем // Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений: сборник научных статей по итогам межвузовской научно-практической конференции. 2021. С. 228–230.
12. Гордеева А.В., Закинчак А.И. Проблемы формирования комплексной системы мониторинга безопасности региона // Актуальные проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения: тезисы докладов XXI Международной научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. 2016. С. 217–218.
13. Гордеева А.В., Закинчак А.И. Проблемы формирования комплексной системы мониторинга безопасности региона // Актуальные проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения: XXI Международная научно-практическая конференция по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций: сборник докладов. МЧС России. 2016. С. 423–425.
14. Ловцов Д.А. Модель системы региональной социально-экономической безопасности // Тенденции и перспективы государственного управления социально-экономическим развитием регионов и территорий: материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 107–113.
15. Трусова Н.С. Современные тенденции региональной политики в контексте экономической безопасности // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспече-

ния: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. 2016. С. 265–270.

INTERACTION OF BALANCE OF POWER AND BALANCE OF THREATS IN FORMING SUSTAINABLE REGIONAL SECURITY SUBSYSTEMS

Vildanov A.I.

The regional security subsystem is examined as a multilayered network of institutional, resource-based, and sociocultural mechanisms, whose resilience is not explained solely by the logic of the realist "balance of power." It is demonstrated that the distribution of power, economic, organizational, and informational resources forms a power circuit, while the risk circuit describes the socially constructed and territorially heterogeneous distribution of ecological, demographic, infrastructural, and other vulnerabilities. Theoretical reconstruction of the sociology of risk, systems analysis, and institutional analysis enables identification of typical configurations of circuit interplay: externalization of risks by strong actors, proportional assumption of responsibility amid relative coincidence of resources and threats, and double mismatch generating zones of systemic vulnerability and trust deficit. Particular attention is devoted to the role of institutional intermediaries, network connections, and feedback mechanisms that convert risk information into resource decisions and vice versa. Emphasis is placed on temporal mismatches between the inertia of resource restructuring and rapid changes in threat profiles, nonlinear threshold effects, and the phenomenon of "false resilience." The significance of reflexive monitoring and consideration of public risk perceptions for sustaining regional resilience is substantiated.

Keywords: Regional security subsystem, balance of power, balance of risks, institutional intermediaries, resilience

References

1. Bashirova A.A. Principles of sustainability and balance in the mechanism of regulating socio-economic development of the region // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 9–2. Pp. 204–209.
2. Shokhnekh A.V., Kokodey T.A., Grigor'enko L.A., Miftakhov T.S., Akhmetshin R.F. Dynamism of the regional balanced system // Fundamental research. 2025. No. 10. Pp. 125–130.
3. Ziganshin I.I., Serebryakova T. Yu. Balance of regional development as a subject of risk factors // Oeconomia et Jus. 2023. No. 2. Pp. 10–18.
4. Zatevakhina A.V. Imbalances of interests of economic security entities at macro- and meso-levels // Management consulting. 2022. No. 3 (159). Pp. 67–79.
5. Guryanova L.S., Klebanova T.S., Razumovskiy S.A., Nepomniashchiy V.V. Analysis of dynamic effects of the impact of "shocks" on the economic security of macroregions // Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. 2017. Vol. 19. No. 3 (40). Pp. 46–60.
6. Vertakova Yu.V., Loginov I.S. Regional balance as a factor in ensuring economic security // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies. 2024. No. 2 (60). Pp. 5–9.
7. Chelpanova M.M. Institutional provision of security for regional economic systems // Financial and economic security of the Russian Federation and its regions: collection of materials of the VII International scientific-practical conference. 2022. Pp. 305–307.
8. Zaloznaya G.M. Modern threats to the economic security of Russia and its regions // Economic-legal provision of human security in the context of civil society development: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. 2022. Pp. 40–43.
9. Shtofer G.A. Mechanisms of sustainable development and provision of regional security // Financial and economic security of the Russian Federation and its regions: collection of materials of the VII International scientific-practical conference. 2022. Pp. 311–313.
10. Terent'ev E.O. Application of neural network algorithms in automated systems for forecasting and preventing accidents at oil and gas industry facilities // Issues of nature management. 2025. Vol. 4. No. 2. Pp. 107–119.
11. Shokh M.A. Regional economic security as a condition for sustainable development of regional economic systems // Current problems of using special knowledge in detecting and proving economic crimes: collection of scientific articles based on the results of the interuniversity scientific-practical conference. 2021. Pp. 228–230.
12. Gordeeva A.V., Zakinchak A.I. Problems of forming a comprehensive system of regional security monitoring // Current problems of forming a culture of life safety for the population: abstracts of reports of the XXI International scientific-practical conference on problems of protecting population and territories from emergencies. 2016. Pp. 217–218.
13. Gordeeva A.V., Zakinchak A.I. Problems of forming a comprehensive system of regional security monitoring // Current problems of forming a culture of life safety for the population: XXI International scientific-practical conference on problems of protecting population and territories from emergencies: collection of reports. EMERCOM of Russia. 2016. Pp. 423–425.
14. Lovtsov D.A. Model of the regional socio-economic security system // Trends and prospects of state management of socio-economic development of regions and territories: materials of the 2nd All-Russian scientific-practical conference. 2018. Pp. 107–113.
15. Trusova N.S. Modern trends in regional policy in the context of economic security // Economic security of the individual, society, state: problems and ways of provision: materials of the annual All-Russian scientific-practical conference: in 2 vols. 2016. Pp. 265–270.

Использование элементов национальных вариантов английского языка при преподавании английского для специальных целей: лингвосоциальный аспект

Игнашина Зоя Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: znignashina@fa.ru

В условиях глобализации и возрастающей роли английского языка как лингва франка в профессиональной сфере проблема выбора и преподавания его языковой нормы приобретает особую актуальность. Статья посвящена теоретическому обоснованию и методическому применению лингвосоциального подхода к интеграции элементов национальных вариантов английского языка (World Englishes) в преподавание английского для специальных целей. Проведен критический анализ ключевых моделей стратификации мировых вариантов английского языка (МакАртура, Гёрлаха, Качру, Шнайдера), раскрыта их социологическая значимость как инструментов распределения лингвистического капитала и конструирования идентичности. На основе выявленных закономерностей предложена система принципов и методов внедрения элементов World Englishes в образовательный процесс, направленная на формирование у студентов гибкой коммуникативной компетенции, включающей стратегическую адаптивность, метакоммуникативную осведомленность и лингвокультурную толерантность. Рассматривается синтез социолингвистического анализа моделей вариативности английского языка с практическими задачами методики преподавания английского языка для специальных целей, а также в структурировании дидактических приёмов, позволяющих преодолеть гегемонию норм «Внутреннего круга». Делается вывод о том, что учет плюрицентрической природы современного английского языка трансформирует цель обучения – от следования абстрактным экзогенным нормам к подготовке специалистов, способных к эффективной профессиональной коммуникации в условиях глобального разнообразия.

Ключевые слова: английский для специальных целей, национальный вариант языка, лингвосоциальный подход, модели вариативности, коммуникативная компетенция, профессиональная коммуникация, лингвистический капитал, глокализация.

На протяжении 20 века ученые обращают все больше внимания на особенности существования английского языка в различных сообществах, трансформируется понятие нормы и стандарта, развивается концепция национальных вариантов языка. В конце 1980-х годов три лингвиста-исследователя почти одновременно предложили модели, описывающие многообразие мировых вариантов английского языка в рамках единой концепции. Первой была концепция Тома МакАртура «Колесо» [5], представляющая английский язык в виде концентрических кругов. В центре расположен гипотетический «Всемирный стандартный английский», абсолютная норма, лучше всего отображенная в международном письменном стандарте. Следующий круг включает в себя региональные или формирующиеся стандарты, внешний слой состоит из локализованных разновидностей языка, различных пиджинов и креольских языков. В качестве недостатков данной модели отмечают смешение принципиально разных вариантов существования языка, такие как английский как первый родной язык, как второй используемый язык и иностранный язык, размещая, к примеру, британский и филиппинский английский на один уровень.

В 1988 году, Манфред Гёрлах [2] предложил похожую модель, также построенную по принципу концентрических кругов. Данная может считаться более последовательной, поскольку из нее исключены страны, в которых английский не является языком первичного общения, а также европейские варианты. Смешанные языковые формы, такие как пиджины и креольские языки, исследователь выносит за пределы основного круга, что, по мнению многих учёных, удачнее отражает их неполную принадлежность к англоговорящей языковой общности.

Третья, наиболее известная модель была предложена Брэджем Качру в 1988 году [4]. В отличие от предыдущих моделей, круги Качру не являются концентрическими и не имеют единого центра. Внутренний круг составляют страны с английским как родным языком, такие как Великобритания и США, рассматриваемые как «доноры нормы». Внешний круг включает страны, для которых английский является вторым языком, и где существуют свои собственные устоявшиеся разновидности устной формы языка, однако в ситуации формального письменного общения в данных странах чаще предпочитают полагаться на классические нормы Внутреннего круга. Третий или Расширенный круг объединяет страны, где английский активно изучается как иностранный язык с полной опорой на внешние нормы. Главным достоинством данной модели является удачная стратификация основных разновидностей английского языка, однако среди ее недостатков отмечается игнорирование некоторых важных социальных и этнических диалектов современного английского языка, таких, например, как чикано или спанглиш, все более распространяющихся на территории США.

Необходимость расширения и уточнения вышеуказанных моделей привело к поиску новых подходов. Так, в 2003 году исследователь Пол Брютию [2] отмечает необходимость создания более синхронной модели, лучше учитывающей различия между ареалами распространения языка. В рамках подобной модели должны были учитываться геополитическое влияние той или иной нормы, степень мультикультурности, административную роль английского, внутреннее разнообразие вариантов внутри одного региона и различия в языковой компетенции людей, говорящих на языке.

Наиболее детальной и динамичной становится пятиступенчатая модель, предложенная исследователем Эдгаром Шнайдером в 2003 году [7]. Пытаясь уйти от чисто от исключительно географического подхода, Шнайдер сосредотачивается на универсальных социолингвистических процессах и построении идентичности, которые, по его мнению, лежат в основе развития всех новых вариантов английского языка. В рамках данной модели выделяются следующие фазы:

1. Образование (Foundation): начальный этап распространения английского языка на новой территории в течение длительного периода времени, причиной для которого служат политические или коммерческие причины. На данном этапе действуют два основных языковых процесса: а) языковой контакт между английским и местными языками; б) контакт между различными диалектами английского языка поселенцев, который в конечном итоге приводит к возникновению нового стабильного диалекта, при этом двуязычие является маргинальным явлением. Несколько представителей местного населения могут играть

важную роль в качестве переводчиков и проводников. Заимствования ограничиваются лексическими единицами; при этом английский язык перенимает местные топонимы, а также термины, обозначающие местные реалии, в основном, относящиеся к области фауны, флоры, культурных и бытовых особенностей автохтонного населения.

2. Экзонормативная стабилизация (Exonormative stabilisation): Для данного этапа характерна политическая стабилизация общины, значимость английского языка возрастает, и, хотя разговорный английский представляет собой колониальный койне, его носители все больше ориентируются на стандартные нормы в формальном общении. Продолжается заимствование местной лексики. Двухязычие среди коренного населения расширяется благодаря интеграции в систему образования и более тесным контактам с англоязычными поселенцами. Владение английским языком становится преимуществом.

3. Нативизация (Nativisation): согласно Шнайдеру, данный этап является переходным, временем, когда местное поселенческое население начинает осознать новую идентичность, основанную на текущих и локальных реалиях, а не на исключительной лояльности «метрополи». К этому времени у автохтонного населения также вырабатывается сравнительно стабильная система второго языка, представляющую собой синтез влияния субстрата, интерязыковых процессов и черт, заимствованных из койне поселенцев. На данном этапе возникает так называемая «традиция критики», в рамках которой преподаватели, представители местной интеллигенции указывают на различия между местными формами существования английского языка и более престижными нормами метрополии. Локальная разновидность английского языка пополняется все большим количеством неологизмов, адаптируясь к местным социополитическим и культурным реалиям.

4. Эндонормативная стабилизация (Endonormative stabilisation): данный этап характеризуется постепенным принятием местных норм, поддерживаемых новизмой, укоренённым в местной почве, лингвистическим самосознанием. К этому времени поселенческое и автохтонное население становятся неразрывно связанными общим чувством национальной идентичности, независимой от метрополии. Признание местного варианта (вариантов) английского языка выражает является одним из отображений данной новой идентичности. Активную поддержку получают проекты, связанные с составлением национальных словарей, тезаурусов, лингвистических атласов. Активно развивается литературное творчество в основе которого лежит именно местная разновидность языка.

5. Дифференциация (Differentiation): на этом этапе происходит изменение динамики самоидентификации, поскольку молодая нация начинает воспринимать себя не столько через отличия от бывшей колониальной державы, сколько как совокупность подгрупп, определяемых по региональным, социальным и этническим признакам. Местная разновидность языка начинает проявлять всё большую дифференциацию.

Обзор ключевых моделей, описывающих глобальное распространение и стратификацию английского языка, традиционно рассматривается в лингвистическом и отчасти политическом ключе. Однако их содержание обладает глубокой социологической значимостью, особенно в контексте современных теорий глобализации, социального неравенства и конструирования идентичности. Рассмотрение этих моделей через призму социологии позволяет не просто классифицировать варианты языка, но и понять, как они функционируют как инструменты социального структурирования, символического капитала и воспроизводства власти в глобализованном мире. Этот анализ напрямую подводит к обоснованию методологического сдвига в преподавании английского для специальных целей.

Вышеописанные модели, в особенности, представленные Качру и Шнайдером, можно интерпретировать как карту распределения лингвистического капитала. Нормы «Внутреннего круга» долгое время выступающие как легитимный символический капитал, обеспечивающий доступ к экономическим и социальным ресурсам в глобальном поле власти (академической сфере, международном бизнесе, дипломатии). Процесс «нативизации» и «эдонормативной стабилизации» по Шнайдеру – это попытка локальных полей (национальных профессиональных сообществ, рынков) создать и легитимизировать собственный лингвистический капитал, нивелируя гегемонию экзогенных норм. Таким образом, выбор варианта английского в профессиональной коммуникации – это не просто прагматическое решение, а социальный акт, демонстрирующий позицию говорящего в системе глобальных и локальных отношений. Феномен World Englishes – яркий пример глокализации, взаимопроникновения глобального и локального. Английский как глобальный язык (глобализация) неизбежно адаптируется, наполняется местными смыслами и гибридизируется (локализация), порождая уникальные варианты. Динамическая модель Шнайдера фактически описывает социолингвистический процесс глокализации на уровне

национального сообщества. В области преподавания английского для специальных целей это означает, что профессиональная коммуникация все реже происходит в условиях чистого «глобального английского», а все чаще – в пространстве глокального английского, где глобальные стандарты взаимодействуют с локальными практиками, терминалогиями и дискурсивными нормами.

Процессы, описанные Шнайдером прямо связаны с конструированием коллективной идентичности. Принятие локальной нормы («эдонормативная стабилизация») можно рассматривать как акт символического размежевания с бывшей метрополией и сплочения нового воображаемого профессионального или национального сообщества. В профессиональном контексте использование, например, сингапурского или индийского вариантов английского в корпоративной среде или научной публикации служит маркером принадлежности к специфическому профессиональному сообществу с общей историей и практиками, его отличительным признаком и средством укрепления солидарности.

Таким образом, интеграция элементов национальных вариантов в область преподавания английского языка для специальных целей – это не просто методическое усовершенствование, а ответ на задачи, который ставит современный социальный дифференцированный и полицентричный мир. Лингвосоциальный аспект в лингводидактике акцентирует неразрывную связь языковой формы, социального контекста и коммуникативной цели. Применительно к области преподавания английского языка для специальных целей это означает, что язык изучается не как абстрактная система, а как инструмент для решения конкретных профессиональных задач в рамках определенных социальных и культурных условий (Basturkmen, 2010). Коммуникация в деловой или профессиональной сфере редко происходит в монолитной языковой среде, напротив, все чаще она представляет собой взаимодействие между носителями различных лингвокультурных кодов, использующих английский в качестве своеобразного *lingua franca*. Таким образом, можно говорить о некоторой трансформации цели преподавания английского языка в современных реалиях: от достижения максимального сходства с условно эталонными образцами нормированного произношения и грамматики стран «внутреннего круга» к формированию эффективной и гибкой коммуникативной компетенции, способной функционировать в условиях вариативности. Данная компетенция включает:

1. Стратегическую гибкость: Способность адаптировать свою речь, выбирая более понятные лексические единицы и синтаксические конструкции.

2. Метакоммуникативную осведомленность: Понимание характера существования различных языковых разновидностей и их норм и умение, при необходимости, пояснить или перефразировать то или иное высказывание.

3. Лингвокультурную толерантность: Признание легитимности региональных особенностей (произносительных норм, особенностей синтаксиса, лексики и т.д.) и отказ от «лингвистической дискриминации».

Включение национальных элементов, так называемых, элементов Word Englishes, концепции, разработанной в рамках вышеупомянутых подходов, в программу преподавания английского для специальных целей диктуется рядом практических и дидактических соображений:

1. Аутентичность профессиональной среды: специалист, работающий в международной среде, к примеру, мулти национальной организации или же организации с высокой долей экспортных операций, вполне вероятно в своей практике столкнется именно с национальными вариантами английского языка. Игнорирование этой реальности в учебном процессе создает «коммуникативный вакуум», ознакомление же с ключевыми фонетическими, лексическими и дискурсивными маркерами рассматриваемых вариантов (например, особенностями интонации, использованием местных заимствований или калькированных идиоматических выражений) снижает вероятность потенциальной коммуникативной неудачи и повышает уверенность обучающихся в собственной языковой компетентности.

2. Терминологическая специфика. Во многих профессиональных сферах формируются собственные национальные терминологические системы. Например, в индийской юридической или административной практике используются термины из местных языков (такие как *lakh*, *score* для обозначения больших чисел) или устоявшиеся словосочетания (*do the needful* – «сделайте необходимое»). Пассивное владение такими единицами, способность уловить их значение в контексте и сопоставить с более нейтральным термином становится немаловажной частью профессиональной компетенции.

3. Развитие адаптационных навыков: работа с аутентичными материалами (отчеты, презентации, переписка), созданными носителя-

ми различных вариантов английского, является интересной учебной задачей, позволяющей выработать у обучающихся навыки выделения ключевой информации, способности вырабатывать стратегию действий для преодоления возможного недопонимания, вызванного вариативностью.

4. Деконструкция лингвистического гегемонизма, повышение значения национальных вариантов английского языка: интеграция парадигмы мировых вариантов английского языка в образовательный дискурс играет ключевую роль в преодолении языковой доминанции норм «внутреннего круга». Легитимизируя плюрицентрическую природу английского языка, он предоставляет обучающимся, для которых английский является неродным, взгляд на разнообразие существования различных языковых единиц, укрепляя таким образом и их собственную лингвокультурную идентичность, избавляя от страха ошибки и потенциального «лингвистического несовершенства». Коммуникативная эффективность и прагматическая успешность достигаются не через тотальное подражание экзогенным нормам, а через владение адаптированными, функционально адекватными локальными формами, что способствует утверждению эндонормативной стабильности в языковом сознании сообщества.

Основными подходами и методами внедрения элементов «World Englishes» в учебный процесс могут стать следующие:

1. Критический анализ профессионального дискурса: Обучающиеся анализируют аутентичные документы, созданные в разных лингвокультурных контекстах, ставя перед собой задачу выявить, как культурные ценности, коммуникативные традиции и социальные нормы (например, использование модальности) отражаются в языке. Данная деятельность развивает способность не только понимать поверхностное содержание, но и декодировать имплицитные смыслы и ожидания коллег, потенциальных представителей иной культуры.

2. Компаративный анализ жанров: обучающие сравнивают образцы текстов одного профессионального жанра (к примеру, техническое руководство, презентация), реализованные в разных национальных/региональных вариантах английского с целью выявить вариативность в структуре лексико-грамматических конструкций, дискурсивных и стилистических особенностей. Что позволяет понять, что отход от стандартной модели не всегда является ошибкой, и, возможно, отражает локальную жанровую специфику.

3. Проектное обучение на основе аутентичных контекстов: обучающиеся работают над проектами, требующими взаимодействия с носителями различными вариантами World Englishes (посредством анализа видеозаписей международных конференций, симуляции переговоров и т.д.), в основе которого лежит задача разработать коммуникативный продукт (доклад, инструкцию, маркетинговый план), адаптированный для неоднородной по составу аудитории. Данный вид деятельности может быть направлен на развитие стратегической компетенции, лингвистической гибкости и способности к нормативному переключению между регистрами.

4. Анализ случаев коммуникативных неудач, предполагающий разбор реальных примеров недопонимания в международных профессиональных коллективах, вызванного лингвистическими или прагматическими различиями (разная интерпретация сроков, степени обязательности высказывания, иронии, статусных маркеров).

5. Использование специализированных корпусов: интересным методическим инструментом может стать совместное использование электронных корпусов английского языка, таких как GloWbE и ICE, позволяющих проводить количественный и качественный анализ использования лексики, грамматики и коллокаций в различных национальных вариантах. К примеру, можно поставить перед обучающимися задачу сравнить частотность и особенностей употребления профессиональных терминов (*tender vs. bid* и т.д.).

6. Совместная разработка динамических, вариативных глоссариев, фиксирующих терминологическую вариативность.

Литература

1. Basturkmen, H. 2010. Developing Courses in English for Specific Purposes. Basingstoke: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230290518>
2. Bruthiaux, P. 2003. Squaring the circles: issues in modeling English world wide. International Journal of Applied Linguistics 13/2: 159–78.
3. Gortlach, M. 1988. Even More Englishes: Studies 1996–1997. Amsterdam: John Benjamins
4. Kachru, B. B. 1986. The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native English. Oxford: Pergamon Institute Press. (Reprinted 1990, Urbana: University of Illinois Press.)
5. Kachru, B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the Outer Circle. In Quirk, R., and Widdowson, H. (eds.), English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures, 11–30. Cambridge: Cambridge University Press.
6. McArthur, T. 1987. The English Languages? English Today 11: 9–11. 1998. The English Languages. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Schneider, E. W The dynamics of New Englishes: from identity construction to dialect birth. Language 79/2: 233–81.
8. Schneider, E., Burridge, K., Kortmann, B., Mesthrie, R., and Upton, C. (eds) 2004. A Handbook of Varieties of English, Vol. I. Berlin: Mouton de Gruyter

THE LINGUO-SOCIAL ASPECTS OF THE INTEGRATION OF NATIONAL VARIETIES OF ENGLISH IN ESL TEACHING

Ignashina Z.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the context of globalization and the growing role of English as a lingua franca in the professional sphere, the problem of selecting and teaching its linguistic norms is becoming particularly relevant. This article is devoted to the theoretical substantiation and methodological application of the linguo-social approach to integrating elements of national varieties of English (World Englishes) into the teaching of English for Specific Purposes. The article gives a critical analysis of key models of stratification of world varieties of English (MacArthur, Görlach, Kachru, Schneider), revealing their sociological significance as tools for distributing linguistic capital and constructing identity. The work suggests a system of principles and methods for integrating elements of World Englishes into the educational process, aimed at developing flexible communicative competence in students, including strategic adaptability, metacommunicative awareness, and linguacultural tolerance. The article explores the synthesis of sociolinguistic analysis of English language variability patterns with the practical challenges of teaching English for Specific Purposes (ESP) and the structuring of didactic approaches to overcome the hegemony of “Inner Circle” norms. The regard for the pluricentric nature of modern English transforms the purpose of education from adherence to abstract, exogenous norms to preparing specialists capable of effective professional communication in a context of global diversity.

Keywords: English for Specific Purposes, national variety of a language, socio-linguistic approach, variability models, communicative competence, professional communication, linguistic capital, globalization.

References

1. Basturkmen, H. 2010. Developing Courses in English for Specific Purposes. Basingstoke: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230290518>
2. Bruthiaux, P. 2003. Squaring the circles: issues in modeling English world wide. International Journal of Applied Linguistics 13/2: 159–78.
3. Gortlach, M. 1988. Even More Englishes: Studies 1996–1997. Amsterdam: John Benjamins
4. Kachru, B. B. 1986. The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native English. Oxford: Pergamon Institute Press. (Reprinted 1990, Urbana: University of Illinois Press.)
5. Kachru, B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the Outer Circle. In Quirk, R., and Widdowson, H. (eds.), English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures, 11–30. Cambridge: Cambridge University Press.
6. McArthur, T. 1987. The English Languages? English Today 11: 9–11. 1998. The English Languages. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Schneider, E. W The dynamics of New Englishes: from identity construction to dialect birth. Language 79/2: 233–81.
8. Schneider, E., Burridge, K., Kortmann, B., Mesthrie, R., and Upton, C. (eds) 2004. A Handbook of Varieties of English, Vol. I. Berlin: Mouton de Gruyter

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Феноменология раскрывает тот смысл, значение и ощущение, которое человек вкладывает или придает окружающим его предметам. Улица – самое будничное и повседневное, что нас окружает. С ней мы сталкиваемся каждый день, когда перемещаемся из одной важной точки города в другую. Пешеход, особенно если он турист, разглядывает все, что есть на улице, а прохожий, спешащий по своим делам, почти ничего не видит вокруг: он погружен в свои проблемы. Но в праздники мы все – уличные зеваки, разглядывающие все со всех сторон. Улицу можно уподобить театральной сцене и зрительному залу одновременно. Улица – самый захватывающий объект изучения для социологии, науки, родившейся в уличных опросах и измерениях.

Ключевые слова: улица, артерия, город, феноменология, социология.

У́лица и У лица – у-лица. Околица – око-лица. Улица – лицо города. Околица – лицо села. В Толковом словаре В. Даля дается подобная трактовка улицы. В Толково-фразеологическом словаре Михельсона мы встречаем: Улица в прямом смысле – ряд лица домов. Однако этимология слова иная. Она не позволяет делить его на корень «лицо» и приставку «у». Улица – слово, производное от *ula (ср. диал. улка, переулок, проулок). Оно того же корня, что улей, улитка, вестфальск. aul «овраг, луг, впадина, канава», греч. aulos «полость, русло реки, двор». Улица буквально – нечто пустое или освобожденное от чего-либо (чаще всего от зарослей) пространство.

В техническом значении улица – мощная дорога внутри населенного пункта с двумя рядами домов по бокам. У нее множество пространственно-архитектурных аналогов и синонимов: переулок, проулок, улочка, улочка, прогон, авеню, тротуар, стрит, магистраль, шоссе, брод, проспект, бульвар, тупик, проезд, перекресток, дорога, просека, кардо, декуманус, эспланада, мостовая, авенида, променад, топталовка, стогна, корсо, взвоз, задверье, зона, двор, дворик, аллея и др.

Если мы рассматриваем улицу в социологическом смысле – как заполненную людьми, – то получим новый ряд синонимов и ассоциаций, а именно: река, море, площадь, толпа, сборище, публика, хор, орава, чернь, множество, народ, человек, простонародье, плебс, масса, язык, рой, стадо, стая, полчище, табун и др. На Западе пешеходные улицы называют Living street либо Streets for People. Пешеходы для городского организма подобны живой воде, автомобили – мертвой воде. В сказках нужна та и другая (рис. 1).

Рис. 1

Когда вы выходите из дома, то первое, что видите, это противоположный дом и проезжая часть между вами с тротуарами по сторонам. Здравствуй улица моя! Вы радостно вдыхаете утренний воздух и подключаете свою сенсорную систему к восприятию окружающего пространства. Вместе с вашими ногами по улице идут ваши глаза, уши, тактильные ощущения, обоняние для ощущения всей сложности городской уличной жизни.

Опубликованное в 1907 г. эссе известного знатока мегаполиса Г. Зиммеля под названием «Социология чувств» как раз об этом. Зиммель показывает, как обоняние, слух, зрение и вкус используются в качестве средства поддержки идеалов привилегированных слоев над идеалами других социальных классов. Повышенная чувствительность и утонченность городской элиты, по словам Зиммеля, «приносит гораздо больше страданий и отвращения, чем радости и привлекательности» [1].

Согласно мнению немецкого социолога, уличная жизнь и соответствующий ей уличный опыт построены не из крупных объективных структур типа стратификации, неравенства, мобильности, организации, а из малозаметных подробностей повседневного потока встреч, жестов, взглядов, слов, улыбок, событий, ощущений, впечатлений, составляющих уличные сцены и картинки.

Таков социологический импрессионизм, рисующий свои полотна из разрозненных, случайно появляющихся и случайно переплетающихся факторов, мазков, цветов, эмоциональных и физических реакций. Чувства формируют наши мнения, деление людей по категориям, наделяют социальные группы эмоциональными оценками, служат средством не только для интерпретации городского мира, но также пространственного разделения и сегрегации, в целом служат фунда-

ментом городской культуры. Городские улицы не только «коллективные жилища», но и коллективный опыт совместных переживаний.

Городская улица, в отличие от деревенской, это потребительский мир соблазнов – кафе, магазины, улыбающиеся прохожие, непреодолимый магнетизм ближайшего угла, далекой площади в тумане, спины идущей впереди женщины [2]. В советские времена пешеход еще называли «маршрутом № 11». У каждой улицы есть не только биография, но и свое собственное лицо – такое же неповторимое, как и биография. Невский в Питере и Тверская в Москве – главные артерии-проспекты. Они же – крупные маркетплейсы.

Улица служит механизмом упорядочивания повседневного поведения за счет правил, норм и обычаев, которые согласованы с общественным мнением других и действуют как бы по умолчанию. Улицы – места и пространство коммуникативных взаимодействий между городскими незнакомцами. Как утверждает И. Гоффман, именно городские улицы обеспечивают обстановку, в которой взаимное доверие обычно проявляется между незнакомыми людьми [3]. Дом и квартира таким местом быть не могут.

«Города переполнены людьми, дома – жильцами, отели – приезжими, поезда – пассажирами, кафе – посетителями, улицы – прохожими, приемные знаменитых врачей – пациентами, курорты – купальщиками, театры – зрителями (если спектакль не слишком старомоден). То, что раньше было так просто – найти себе место, теперь становится вечной проблемой», – писал Х. Ортега-и-Гассет. И еще: «Можно забрать kota с улицы, но забрать улицу из kota невозможно», – Джеймс Боуэн.

Город, подобно этажерке, утыкан улицами-коридорами, улицами-протоками с бесчисленным множеством этажей. Коридоры городского лабиринта... Это выражение полно мрачных красок, полуподвальности, конца света, разбитых фонарей, подворотен, тупиков и закоулков. Напротив, выражение «улицы городского лабиринта» светлее, праздничнее, радостнее. Улицы – это всегда проход, нет тупиков и закоулков, нет темноты. Темные улицы сразу превращаются в коридоры-трубоводы. Улицы – это у-лица, у лица, перед лицом, имеющая лицо или лик. Тупики-отстойники, тупики-застойники (рис. 2).

Рис. 2

Паутина городских дорог не может быть похожа ни на что другое, как на огромную лесную паутину с переплетениями – горизонтальными и вертикальными – нитей-улиц по всей площади. Ячейки, разумеется, не одинаковые – поменьше или побольше с диагональными пересечениями (не везде) городских кварталов, то идеально ровные, то кривые и загнутые. В сходящейся к историческому центру системы дорог сидит огромный паук – городская власть, расположившаяся в особняках ратуши или правительственных зданий с множеством вспомогательных заведений.

Проекция городской топографии на судьбу человека и его жизнь, на повседневную событийность: тупики и закоулки, и на нашей улице будет праздник, не место красит человека, родительский дом, пространство любви, коридоры власти, жить за плитусом, городить огород, граждане-горожане не городите огород, огород на подоконнике, дворы-колодцы, дворовые ребята, дворовое детство, бездомные, домытые, домушники

Возможности, которые появляются в разных статьях, можно охарактеризовать как два типа. С одной стороны,

проявлять возможности, такие как еда, сон, покупки, бытие на улице, досуг

и приют появляются в кабинетах. С другой стороны, более скрытые аффордансы, такие как бытие, чувство общности, уединения, тишины и покоя и чувство безопасности связаны с

исследуемые объекты окружающей среды. Иерархию городского пространства можно выразить следующим образом.

1. В самой глубине метро.
2. Над ним – водопроводы и электролинии.
3. Чуть выше или рядом – подземные переходы.
4. Над ними – улицы.
5. Чуть выше – тротуары.
6. На уровне столбов и фонарей – электропровода.
7. Выше столбов – мосты для машин и метро.
8. Над тротуаром – высокие здания.
9. Над крышами – воздушное пространство для самолетов.

Дом означает не только архитектурное сооружение, но также множество уровней смысла, скрытых экзистенциально важных значений: родину, сущность бытия, такие возможности, такие как еда, сон, покупки, бытие на улице, досуг и приют, более скрытые аффордансы, такие как бытие, чувство общности, уединения, тишины и покоя, чувство безопасности, «быть своим», где тебя поймут, согреют, защитят, помогут, иметь дом, значит иметь свой уголок в этом мире, место жительство, точка главной самоидентификации и идентификации.

Идентификация улицы с архитектурным шедевром или грязной лужей носит глубоко личностный и психологический характер. У Бодлера – «хрипела улица, миазмы источая...» У Маяковского – «Улицы провалилась, как нос сифилитика...» Улицы у них – мерзость, гниение, тьма, ад. Корбузье ненавидел традиционный город: «Улицы подобны траншеям, прорытым между семизажными стенами, за которыми скрыты темные душные колодцы дворов».

А еще городская улица соединяет приватное пространство дома с общественным пространством площади, открывая демократические возможности улиц как мест, где частные лица превращаются в публичных граждан. Открытое пространство улицы противоположно закрытому пространству дома как публичное противоположно приватному. То, что можно делать дома, нельзя делать на улице.

Улицы – пространство шаговой доступности. В городе все находится в шаговой доступности – в прямом и переносном смысле. А на селе? Город – это не улицы и дома, а люди. Улицы имеет антропомерное измерение. Для одних улицы – проход к месту жительства, чтобы быстро проскочить и забыть, для других – витрина магазина, музей под открытым небом. Для первых улицы – будни, для вторых – праздник. Праздник, который всегда с тобой.

Площади для революционеров, улицы для фланеров – горожан-зевак, горожан-созерцателей, которым нравится рассматривать витрины, неспешно посидеть в кафе, подолгу беседовать, наблюдая за другими и показывая себя, одним словом, наслаждаться городской жизнью. Улицы созданы для столиков и столов, которые не предназначены быть баррикадами. Тротуары, деревья, лавочки, цветы и уличные фонари рассчитаны на тех, кто зазывает, а не на тех, кто призывает (рис. 3).

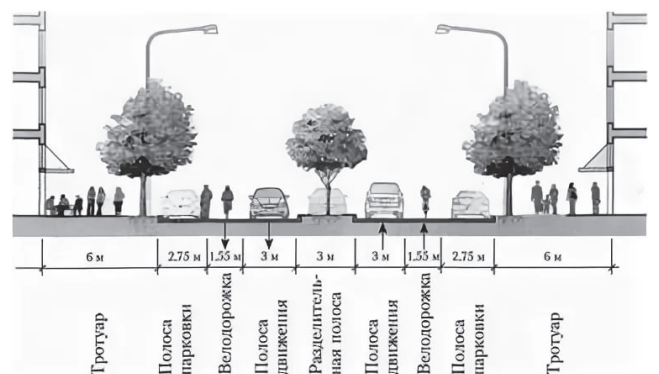

Рис. 3. Технический срез улицы

Улицы не только праздник низовой культуры и разгул стихийной демократии. Она – окно в мир. «Улицы не двор: всем простор». Одно дело сидеть запершись в четырех стенах, совсем другое – выйти в люди, посмотреть на мир. Отсюда поговорка, приводимая В. Далем: Не только свету, что в окне: на улицу выйдешь, больше увидишь. Улицы не только средство познания окружающего мира, место встречи с социальной реальностью (массой людей), но и место знакомства

с общественным мнением: что-то скажут на улице, что скажет улица, как она примет, как на тебя посмотрит.

Бабушкины посиделки на скамеечке происходят не на кухне, а на улице (в смысле во дворе). Выходить на улицу – прихорашиваться, наряжаться, ибо идешь на публику. Вот почему женщины дома – в приватном пространстве – в халатиках разгуливают. А мужья ругаются. Это правильно и неправильно: муж впервые увидел ее наряженную, в такую и влюбился, потому хочет этот образ постоянно иметь перед собой. Но женщина перегружена домашними хлопотами, ей дома не до нарядов – запачкает. Да и времени на прихорашивание уйдет часа два. Кто ее увидит в приватном пространстве, перед кем щеголять? Другое дело улица. С улицы начинается город, ибо с нее можно пройти и на базар, и в театр.

Улица моей судьбы, уличная детвора, уличная культура, уличное искусство, уличные фонари. Для города улица – главная артерия жизни. Родную улицу помнят всю жизнь, пишут о ней стихи и песни. В селе улица, как правило, одна, не является главной. Антропология и этнография улицы. Социология улицы – она включает описание поведения людей в этой части города. Например, за тонированными окнами иномарки улицы не разглядеть. Богатые на улице бывают реже бедных. Улица хорошо показывает социальную стратификацию города через дома и пешеходов.

Улица без домов – дорога. Дорога с домами – улица. Вывод: дома, а не люди, главное украшение улицы. На них любуются как жители, так и туристы. Есть выдающиеся дома, которые приносят славу своей улице. Но есть и выдающиеся люди, мемориальные доски о которых напоминают, кто тут жил. Дома выходят на улицу красивыми фасадами, люди выходят на улицу в красивой одежде. Дворы и задние части дома могут быть неряшливыми, как неряшливо одеты люди в квартире. Выйти на улицу – синоним выйти в люди, показать себя, одеться во все хорошее, выйти на публику, стать объектом обсуждения общественного мнения.

Улочки, переулочки, закоулочки, а там будочки и булочки, – это нашей памяти незабудочки. Улочки и переулочки – это из далекого прошлого мегаполиса, когда он еще деревней был, а затем маленьким городком. Проспекты строят на новом месте либо снося старые улочки, расширяя застройки. Улочки и переулочки – это голос провинции

в столице. Улица – по преимуществу городское порождение, а улочка – деревенское.

Улицы – это социальная среда, дороги – транспортные магистрали. Первое – место назначения, второе – инструмент их достижения. Идете пешком – улица, едите по ней на велосипеде – магистраль. Широкие улицы так же плохи, как заброшенные, узкие и однообразные, где кроме стен домов ничего нет. Это коридоры – транспортные магистрали для пешеходов и велосипедистов. Мелкая торговля оживляет улицу, превращая ее из магистрали в привлекательное место.

Литература

1. Simmel G. *Sociology of the Senses* // Frisby, D. & Featherstone, M. (eds) *Simmel on Culture*. London: Sage, 1997, p. 118.
2. Borer Michael I. *Being in the City: The Sociology of Urban Experiences* // *Sociology Compass*, 2013, Vol. 7, Issue 11, p. 968.
3. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Pelican Books, London, 1971, p. 17.

THE PHENOMENOLOGY OF THE CITY STREET

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

Phenomenology reveals the meaning, significance, and sensation that people attach to the objects around them. The street is the most mundane and everyday thing around us. We encounter it every day as we move from one important point in the city to another. A pedestrian, especially a tourist, takes in everything on the street, while a passerby, rushing about their business, sees almost nothing around them: they are immersed in their own problems. But on holidays, we are all street onlookers, observing everything from all sides. The street can be likened to a theater stage and an auditorium simultaneously. The street is the most fascinating object of study for sociology, a science born from street surveys and measurements.

Keywords: street, artery, city, phenomenology, sociology.

References

1. Simmel G. *Sociology of the Senses* // Frisby, D. & Featherstone, M. (eds) *Simmel on Culture*. London: Sage, 1997, p. 118.
2. Borer Michael I. *Being in the City: The Sociology of Urban Experiences* // *Sociology Compass*, 2013, Vol. 7, Issue 11, p. 968.
3. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Pelican Books, London, 1971, p. 17.

Методология риск-ориентированного подхода в экспертной практике при анализе результатов выполнения грантовых проектов и научно-исследовательских работ

Лесонен Мария Сергеевна,

ведущий эксперт Центра экспертиз в образовании,
ФГБУ «Российская академия образования»

E-mail: marialesonen@mail.ru

Лобачева Наталия Александровна,

доцент кафедры филологии и методики преподавания,
ГПА ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского» (филиал) в г. Ялте

E-mail: lobacheva_natalia@bk.ru

Кроер Екатерина Валерьевна,

аспирант, АНО ВО «Российский новый университет»

E-mail: katrin-rim@rambler.ru

Назар Марина Михайловна,

кандидат экономических наук, преподаватель,
ГБПОУ г. Москвы «Колледж сферы услуг № 10»

E-mail: nmm_76@mail.ru

Статья посвящена разработке методологии риск-ориентированного подхода в экспертной практике при анализе результатов выполнения проектов, реализуемых за счет грантов. Целью исследования является создание структурированной модели, дополняющей существующие практики простой проверки соответствия результатов работ требованиям, установленным в соглашении или контракте/договоре. В основе предлагаемой методологии лежит адаптация принципов и инструментов современного риск-менеджмента к анализу результатов выполнения работ в проектной и научно-исследовательской деятельности. В статье представлена модель экспертизы, системно интегрирующая процедуры идентификации, анализа и оценки рисков в процесс работы эксперта. Применение методологии направлено на повышение аналитической ценности экспертного заключения, формируя проактивную основу для обоснованных управленческих решений о дальнейшем практическом использовании, доработке или масштабировании достигнутых результатов.

Ключевые слова: риск-ориентированная экспертиза, отчетная документация, проектная деятельность, научно-исследовательская работа, методология, управление рисками, достоверность результатов, грантовые проекты.

Современные экономические условия предъявляют повышенные требования к эффективности проектной и научно-исследовательской деятельности, ориентируясь, в первую очередь, на их практическое внедрение. В последние годы государственная политика в области науки и технологий характеризуется финансированием исследовательских и научных проектов через грантовые механизмы поддержки. В этих условиях роль экспертизы заявок с проектами при проведении конкурсных процедур отбора, а также результатов выполнения работ в проектной и научно-исследовательской деятельности трансформируется, приобретая значение ключевого механизма оценки эффективности государственной поддержки научных исследований и инструмента обеспечения результативности бюджетных расходов.

Экспертная практика, по своей сути, является исследовательским процессом, направленным на сбор, оценку и интерпретацию доказательств для формирования мнения о качестве, достоверности и ценности представленных результатов. Традиционно этот процесс следует логике подтверждения соответствия, однако внедрение риск-ориентированного мышления кардинально меняет траекторию экспертизы. Несмотря на широкое распространение и признанную эффективность риск-ориентированного подхода (далее – РОП) в смежных областях, таких как аудит, разработка стандартов качества и корпоративное управление, его полноценная методологическая интеграция в сферу экспертной аналитики остается задачей, требующей дальнейшей проработки. Существующие подходы зачастую не позволяют в полной мере реализовать потенциал РОП в контексте экспертной оценки. Основная проблема заключается в недостаточной адаптации существующей экспертной практики к выполнению активной аналитической функции по оценке устойчивости достигнутых результатов, что снижает ценность принимаемых решений на последующих этапах.

В статье рассматривается методология риск-ориентированного подхода в экспертной практике, направленная на системную интеграцию инструментов риск-менеджмента в процесс анализа результатов исполнения проектов, финансируемых за счет субсидий. Целью предлагаемой методологии является трансформация экспертной практики из реактивной, констатирующей соответствие формальным критериям, в проактивную, направленную на выявление потенциальных рисков и возможностей, что повысит ценность принимаемых на основе экспертных заключений управленческих решений на последующих этапах жизненного цикла проектов и инновационных разработок.

Теоретический фундамент риск-ориентированной экспертизы результатов выполнения работ в проектной и научно-исследовательской деятельности формируется на основе адаптации устоявшихся международных стандартов и концепций управления рисками к специфике аналитической работы с документальными свидетельствами. Ключевыми источниками для разработки методологии выступают ISO 31000, ГОСТ Р 51901 и PMI PMBOK, каждый из которых вносит уникальный вклад в формирование структуры экспертного процесса.

ISO 31000:2018 «Менеджмент риска. Руководство» является базовым и наиболее универсальным стандартом. Он предлагает не предписывающую, а принципиальную модель, основанную на таких принципах, как интеграция, структурированность и всеохватность, а также на непрерывном процессе, включающем создание контекста, оценку рисков (идентификация, анализ, оценка), их обработку, мониторинг и анализ. Для экспертной практики ключевое значение имеет сама философия стандарта – риск-менеджмент должен создавать и защищать ценность, быть неотъемлемой частью всех организационных процессов и учитывать человеческий фактор [1].

Стандарты, устанавливающие отдельные аспекты применения риск-ориентированного подхода, в частности, рекомендации по созданию реестра риска и серия стандартов ГОСТ Р 51901 (Р 50.1.084–2012 «Менеджмент риска. Реестр риска. Руководство по созданию реестра риска организации»; ГОСТ Р 51901.21–2012 «Менеджмент риска. Реестр риска. Общие положения»; ГОСТ Р 51901.22–2012 «Менеджмент риска. Реестр риска. Правила построения» и ГОСТ Р 51901.23–2012 «Менеджмент риска. Реестр риска. Руководство по оценке риска опасных событий для включения в реестр риска»). Их применение позволяет стандартизировать процедуры описания рисков, установить единые критерии для оценки вероятности и воздействия, а также

создать прозрачную систему приоритизации, фокусирующую усилия эксперта на наиболее значимых для жизнеспособности результата аспектах [2].

PMI PMBOK Guide (Руководство к своду знаний по управлению проектами) детализирует процесс управления рисками проекта, выделяя планирование, идентификацию, качественный и количественный анализ, планирование реагирования и мониторинг. Для экспертной практики PMBOK предоставляет структурированный инструментарий (такие как матрица вероятности и воздействия, иерархические структуры рисков) и четко определяет риски проекта как неопределенное событие или условие, которое в случае возникновения положительно или отрицательно влияет на цели проекта [2]. Матрица вероятности и воздействия становится основой для приоритизации выявленных при анализе уязвимостей («красных флагов»). Это позволяет эксперту объективно аргументировать, почему его внимание было сфокусировано на одних аспектах отчета, а не на других.

Синтез для анализа результатов выполнения грантовых проектов заключается в избирательном заимствовании и интеграции элементов этих стандартов в единую методологию. От ISO 31000 заимствуется философия создания ценности и цикличная логика процесса, задающая общую последовательность экспертных шагов. От PMBOK Guide берутся конкретные, апробированные инструменты качественной оценки и приоритизации рисков, что обеспечивает методическую строгость и воспроизводимость экспертных заключений. Такой синтез позволяет построить непротиворечивый и практико-ориентированный каркас для риск-ориентированной экспертизы, трансформируя общие принципы риск-менеджмента в конкретный алгоритм работы с отчетной документацией с результатами проекта.

Ключевая сущность риск-ориентированного подхода заключается в переориентации фокуса внимания с прошлого (что уже произошло и насколько соответствует) на будущее (что может произойти и как это повлияет на цели). Это переход от пассивной констатации отклонений к активному управлению неопределенностью. Неопределенность в данном контексте трактуется как состояние дефицита информации, связанное с неполным пониманием или знанием события, его последствий или вероятности наступления [3]. Риск же, согласно современным стандартам, – это эффект этой неопределенности на цели, причем эффект может быть как негативным (угроза), так и позитивным (возможность).

Таким образом, РОП вводит в экспертизу принцип пропорциональности и целенаправленности: глубина и интенсивность проверочных процедур должны определяться не формальным регламентом, а уровнем выявленных рисков, угрожающих ключевым целям проекта или научной работы. Это делает процесс экспертизы более гибким, экономичным и, что наиболее важно, релевантным для принятия управленческих решений в реальном времени.

Реализация риск-ориентированного подхода требует структурированного, пошагового алгоритма, который превращает теорию в практический инструмент. Предлагаемая модель риск-ориентированной экспертизы представляет собой итеративный цикл, состоящий из трех взаимосвязанных этапов.

Этап 1. Контекстуализированный анализ отчетной документации.

Экспертиза начинается с построения рискового контекста конкретного проекта, что позволяет избежать формализма и обеспечить релевантность оценки. На данном этапе эксперт:

1) верифицирует соответствие структуры отчета требованиям нормативных документов;

2) сопоставляет отчет с исходными документами: конкурсной заявкой (научная проблема, гипотезы, методология); условиями гранта (обязательства по результатам предоставления гранта, привлечению кадров, публикациям и пр.); утвержденной сметой и календарным планом;

3) формирует базовый «портрет риска» определяя приоритетные зоны повышенной неопределенности на основе типа проекта (фундаментальный/прикладной), объема финансирования, и других данных.

Этап 2. Оценка рисков по трехмерной шкале.

На этом этапе выявленные риски подвергаются комплексной оценке по трем параметрам: вероятность, воздействие и релевантность цели проекта (табл. 1).

Таблица 1. Оценка рисков по трехмерной шкале

Параметр	Шкала оценки	Основание для оценки
Вероятность (P)	Низкая (1) Средняя (2) Высокая (3)	Анализ полноты доказательной базы в отчете: наличие контрольных экспериментов, статистических тестов, рецензий, протоколов.

Параметр	Шкала оценки	Основание для оценки
Воздействие (I)	Умеренное (1) Значительное (2) Критическое (3)	Последствия реализации риска: невозможность воспроизведения, утрата исключительных прав, невозможность коммерциализации, нарушение законодательства.
Релевантность цели проекта (R)	Второстепенная (1) Существенная (2) Ключевая (3)	Степень влияния на достижение главной цели, заявленной в грантовой заявке (в отличие от второстепенных показателей).

Для каждого риска рассчитывается индекс релевантности риска (IPP):

$$IPP = P \times I \times R$$

Риски классифицируются:

1) критические ($IPP \geq 18$) – требуют приостановки приемки до устранения выявленных замечаний;

2) значимые ($9 \leq IPP < 18$) – допускают приемку при условии выполнения корректирующих действий в установленный срок;

3) допустимые ($IPP < 9$) – фиксируются в экспертном заключении как рекомендации.

В результате получается ранжированный реестр рисков, структурированный по пяти ключевым категориям – методологические, кадровые, технические и ресурсные, интеллектуальные, нормативно-правовые и этические – с детализацией типов внутри каждой, с четким выделением наиболее значимых рисков, которые станут основным объектом углубленной проверки на следующем этапе и

Этап 3. Интерпретация результатов в риск-ориентированном ключе.

На данном этапе реализуется ключевой принцип риск-ориентированного подхода – пропорциональность. Экспертная проверка документации, данных, протоколов концентрируется именно на тех аспектах, которые связаны с реализацией наиболее значимых рисков. Если, например, критическим признан методический риск, основное время уделяется анализу плана эксперимента, калибровке статистических методов.

Особое внимание в рамках риск-ориентированной экспертизы уделяется так называемым «мягким» рискам – скрытым, трудно формализуемым угрозам, не связанным напрямую с техническими или финансовыми параметрами, но способным существенно снизить научную достоверность, воспроизводимость и общественное доверие к результатам. К ним относятся:

– репутационные риски, обусловленные нарушением этических норм (в частности, принципов открытой науки – отсутствие открытого доступа к данным, коду или публикациям при наличии соответствующего обязательства);

– когнитивные риски, проявляющиеся в системных искажениях мышления – таких как подтверждение гипотезы за счёт игнорирования контраргументов, недооценка альтернативных интерпретаций или избыточный оптимизм в оценке результатов;

– коммуникационные риски, возникающие при неясном, противоречивом или излишне технически нагруженном изложении, что затрудняет или делает невозможной независимую верификацию выводов.

В рамках риск-ориентированной экспертизы экспертное заключение трансформируется из дихотомического вердикта в структурированную аналитическую модель оценки устойчивости результата. Его ядром выступает риск-профиль отчёта – многомерная характеристика, отражающая степень надёжности выводов, воспроизводимость данных и реализуемость прикладных решений.

Структура заключения состоит из трех взаимосвязанных блоков и включает в себя:

1) констатирующую часть с выводом о формальном соответствии/несоответствии результата заявленным целям;

2) аналитическую часть, содержащую оценку устойчивости и надёжности результата на основе проведенного анализа рисков;

3) рекомендательную часть, включающую предложения, направленные на смягчение ключевых остаточных рисков, мониторинг и использование возможностей.

Таким образом, экспертное заключение трансформируется в полноценный инструмент стратегического управления.

Подводя итог можно отметить, что риск-ориентированная экспертиза представляет собой систематизированный процесс анализа представленных результатов проектной или научно-исследовательской деятельности с акцентом не только на соответствие формальным и содержательным критериям, но и на выявление, оценку и интерпретацию связанных с ними рисков. Внедрение данного подхода в экспертную практику при анализе результатов выполнения работ в проектной

и научно-исследовательской деятельности обеспечивает приоритезацию, достигаемую за счет целенаправленного распределения экспертных ресурсов за счет ранжирования проектов по индексу релевантности риска, что повышает эффективность анализа без потери качества и обоснованность экспертных заключений, основанных на оценке объективных параметров риска.

Несмотря на существующие ограничения – повышенные требования к квалификации экспертов, ресурсоемкость начальных этапов внедрения и необходимость адаптации нормативной базы – потенциал методологии для повышения эффективности управления научными и проектными инвестициями является существенным.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке отраслевых спецификаций, создании систем поддержки принятия решений с использованием искусственного интеллекта [4] и интеграции методологии в цифровые платформы.

Риск-ориентированный подход – это не просто инструмент, а стратегическое направление развития экспертной практики. Его внедрение позволит трансформировать экспертизу в ключевой элемент системы обеспечения устойчивого развития научно-технологического потенциала, способный адекватно отвечать на вызовы управления сложностью и неопределенностью современной инновационной экономики.

Литература

1. ГОСТ Р ИСО 31000–2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство: нац. стандарт Рос. Федерации: введ. 2020–03–01 / утв. и введ. в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 дек. 2019 г. – Текст: электронный // Техэксперт: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200170125> (дата обращения: 13.12.2025).

2. Комова Ю., Хожай В., Соколова Т. Нормативная база риск-ориентированного подхода в системе менеджмента предприятия // Роль технического регулирования и стандартизации в эпоху цифровой экономики: сб. ст. участников III Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 25 ноября 2021 г.). – Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2021. – С. 199–205. – Режим доступа: электронный, открытый репозиторий научных публикаций (URAE/ESJ). – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/108619> (дата обращения: 13.12.2025).

3. Степаненко Р. Ф., Лестев А.Е. Правовая аналитика об оценке и минимизации рисков при проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 2 (35). – С. 74–77. – Режим доступа: открытый научный архив (PDF/CyberLeninka, Academia.edu). – DOI: 10.21681/2226-0692-2020-2-74-77; URL (PDF): <https://uzulo.su/mon-prav/pdf-jpg/mp-2020-2-st14-s74-77.pdf> (дата обращения: 13.12.2025).

4. Качаева Г.И., Лаврушина Е.В., Силаев И.В., Тамьярова М.В. Совершенствование экспертизы закупочной и отчетной документации в сфере образования инструментами искусственного интеллекта // Научно-аналитический журнал «Социально-гуманитарные знания». – 2025. № 4. С. 98–101.

A RISK-BASED METHODOLOGY FOR EXPERT EVALUATION OF GRANT-FUNDED PROJECTS AND RESEARCH OUTCOMES

Lesonen M.S., Lobacheva N.A., Kroer E.V., Nazar M.M.

Russian Academy of Education, Humanitarian and Pedagogical Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian New University, College of Service Industries № 10

This article addresses the development of a methodology for implementing a risk-based approach within expert evaluations of grant-funded projects. The primary objective of this study is to design a structured model that enhances existing practices, which traditionally focus solely on verifying the compliance of project outcomes with the stipulated terms and conditions of agreements or contracts. The proposed methodology draws upon contemporary risk management principles and tools, adapting them to the assessment of project and research deliverables. An expert evaluation model is presented, which systematically integrates procedures for risk identification, analysis, and assessment into the expert evaluation process. The application of this methodology is intended to increase the analytical rigor of expert assessments, thereby providing a proactive foundation for informed decision-making regarding the subsequent utilization, refinement, or scaling of project outcomes.

Keywords: risk-based evaluation, reporting documentation, project management, research, methodology, risk management, outcome reliability, grant-funded projects.

References

1. GOST R ISO 31000–2019. Risk management. Principles and guidelines: National Standard of the Russian Federation; introduced on March 1, 2020 / approved and enacted by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology on December 10, 2019. Electronic text // TechExpert: Electronic Repository of Legal and Regulatory Documents. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200170125> (accessed December 13, 2025).

2. Komova, Yu., Khozhai, V., & Sokolova, T. Legal framework for the risk-based approach in corporate management systems // The role of technical regulation and standardization in the era of the digital economy: Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (Yekaterinburg, November 25, 2021). Yekaterinburg: Azhur Publishing. P. 199–205. Available via the URAL/ESJ scientific publications repository. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/108619> (accessed December 13, 2025).

3. Stepanenko, R.F., & Lestev, A.E. Legal analytics for the assessment and mitigation of risks in research and development activities // Monitoring of Law Enforcement. 2020. № 2 (35). P. 74–77. Available via the public scientific archive (PDF/CyberLeninka, Academia.edu). DOI: 10.21681/2226-0692-2020-2-74-77. – URL (PDF): <https://uzulo.su/mon-prav/pdf-jpg/mp-2020-2-st14-s74-77.pdf> (accessed December 13, 2025).

4. Kachaeva, G.I., Lavrushina, E.V., Silaev, I.V., & Tamyarova, M.V. Improving the expert examination of procurement and reporting documentation in the field of education using artificial intelligence tools // Scientific and Analytical Journal «Social and Humanitarian Knowledge». 2025. № 4. P. 98–101.

Коммуникативные риски и стратегии модерации в поликультурных школьных чатах мессенджеров

Лысова Ольга Васильевна,

кандидат педагогических наук, доцент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Абдуллина Амина Шакирьяновна,

доктор филологических наук, доцент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: aminaabdullina@mail.ru

Нигматуллина Лейсан Андерзяновна,

кандидат филологических наук, доцент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: nigm4tullina.laysan@yandex.ru

Лысов Олег Игоревич,

студент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: oleg-lysov@list.ru

В условиях роста культурного разнообразия школьной среды и повсеместного использования мессенджеров школьные чаты трансформировались из инструмента информирования в сложные поликультурные экосистемы. В статье предпринята попытка исследовать школьные чаты как культурно-коммуникативный феномен, выявить основные коммуникативные риски и барьеры в поликультурной среде, а также проанализировать стратегии поведения учителей-модераторов для их минимизации. В ходе исследования был проведен контент-анализ более 100 дискуссий в чатах школ Республики Башкортостан с многонациональным составом участников. Анализ проводился по трем коммуникативным группам: «учитель – родители», «родители – родители», «учителя – учителя». Исследование подтверждает, что управление поликультурной динамикой в цифровом пространстве стало новой ключевой компетенцией современного педагога. Для снижения конфликтного потенциала чатов предложены практические коммуникативные стратегии для учителей: проактивное установление правил, акцентирование общих целей и культурное посредничество.

Ключевые слова: поликультурная образовательная среда, школьные чаты мессенджеров, коммуникативные риски, модерация конфликтов, цифровая компетентность учителя.

Введение

Современные условия функционирования школы в поликультурном мире формируют новые вызовы, требующие не только сохранения и дальнейшего развития отдельных национальных культур и культуры России в целом, а также формирования и развития конструктивного диалога культур, основанного на взаимном уважении и принятии.

Сегодня мы имеем возможность наблюдать происходящие в мире миграционные и интеграционные процессы, которые приводят к изменению состава ученических групп по этническому, конфессиональному признаку.

Современная коммуникация в поликультурной образовательной среде постоянно развивается и адаптируется к условиям многокультурного окружения, используя различные методы и подходы. В последнее десятилетие школьные чаты стали не просто платформами для обмена информацией между учениками, родителями и учителями, а поликультурными экосистемами, где переплетаются различные языки, национальные особенности, социальные нормы и цифровые практики разных социальных групп.

По мнению экспертов, на основе школьных чатов создаётся новая культура общения, рождающаяся на стыке традиционной школы и цифровой реальности. Российские исследователи в работах по цифровой педагогике, отмечают, что школьные мессенджер-чаты функционируют как цифровые субкультуры, обладающие собственной логикой, эстетикой и педагогической ценностью: «Школьные мессенджер-чаты (особенно в Telegram и WhatsApp) функционируют как самоорганизующиеся цифровые сообщества, обладающие собственной коммуникативной логикой, эстетикой общения и нормативной системой, что делает их объектом для педагогического анализа и осмысления» [2, с. 41].

Целью исследования является исследование школьных чатов как особых культурно-коммуникативных феноменов, формирующих новую педагогическую реальность в поликультурной образовательной среде.

В этих значительного изменения этнического, языкового и конфессионального состава ученических классов школьные мессенджер-чаты перестают быть нейтральными инструментами связи и превращаются в полиэтнические и поликонфессиональные цифровые арены, где сталкиваются разные культурные коды, религиозные установки, вызывающие напряжённость в коммуникации между участниками.

В современных условиях школьные мессенджер-чаты не только становятся пространством для межкультурного диалога, но местом для возникновения коммуникативных рисков, которые угрожают не только психологическому климату, но и целостности образовательного процесса.

Выявление возможных коммуникативных рисков и барьеров позволяют минимизировать социальные риски, снизить конфликтность и создать более благоприятные условия между участниками образовательного пространства.

Основная часть

С целью изучения и диагностики коммуникативных рисков в школьных чатах в рамках данного исследования нами проанализированы социокультурные барьеры, возникающие в поликультурной образовательной среде вследствие различий в языковых практиках, нормах общения, ценностных ориентациях и контекстах культурного восприятия между участниками чат-пространства. Изучение потенциальных коммуникативных препятствий и угроз способствует снижению социальной напряженности, предупреждению конфликтных ситуаций и формированию более благоприятной обстановки в поликультурном социуме.

В ходе исследования нами проанализировано более 100 примеров дискуссий-обсуждений в чатах школ Республики Башкортостан, которые состояли из представителей разных национальностей. На основе анализа мы выделили несколько социальных групп, в которых принимали участие представители разных культур (русские, татары, башкиры, марийцы, узбеки, таджики и др.):

- 1) учитель-родители;
- 2) родители-родители;

3) учителя-учителя.

Проанализировав примеры дискуссий, мы можем сделать вывод, что группа «учитель – учитель» – самая миролюбивая (1 конфликтная дискуссия из 26 представленных). Следует отметить, что в ходе диалога, возникшего на основе поздравления с православной Пасхой в чате, в котором состояли и учителя-мусульмане, создалась непреднамеренная конфронтация с одним из учителей, которая закончилась разрешением конфликта (рис. 1).

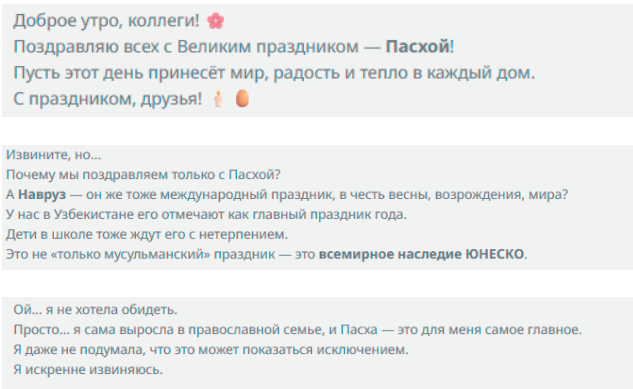

Рис. 1. Пример конфликтного диалога группы «учитель-учитель»

Самой конфликтной является группа «родители-родители» (36 из 42). Особенностью общения в данной группе является агрессивность, нежелание идти на компромисс и понимание другой культуры. На первом сообщении появляются эмодзи и лайки, выражающие поддержку (появляются реакции в поддержку: 👍, 🙏, 😊, 🙌, родители ставят лайки), то на ответ-реплику, объясняющую национальные особенности еды, никакой поддержки в чате нет (рис. 2).

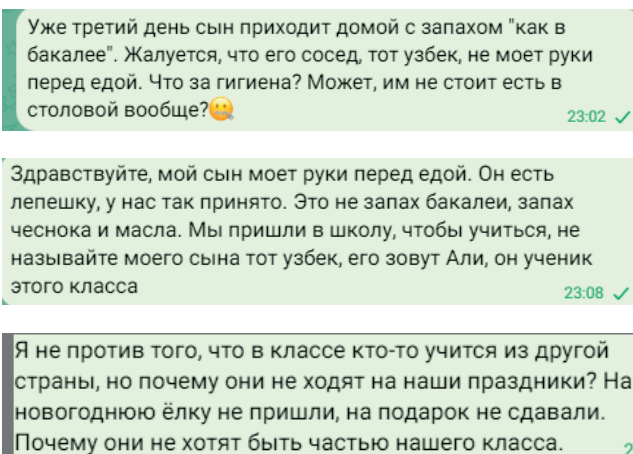

Рис. 2. Примеры конфликтного диалога группы «родители-родители»

Родительские чаты в мессенджерах стали неотъемлемым инструментом взаимодействия, превратившись в мощное, но зачастую непредсказуемое коммуникативное поле. В поле зрения различных СМИ постоянно попадает и освещается информация из родительских чатов, которая демонстрирует их деструктивный потенциал. Например, в новостных сводках регулярно фигурируют случаи, когда такие чаты становятся площадкой для травли отдельных семей из-за их культурных или религиозных особенностей, массовых скандалов из-за разного восприятия школьных требований или даже судебных разбирательств, вызванных распространением клеветы и личных оскорблений под видом анонимности. Постоянно мелькающие в СМИ сообщения из школьных чатов об обсуждении тех или иных вопросов, в том числе касающихся и поликультурных моментов, формируют в массовом сознании образ системы образования как места хаоса, некомпетентности и вечных конфликтов. Это подрывает доверие к школе как к ключевому социальному институту, что в долгосрочной перспективе крайне опасно для развития общества.

Конфликтные ситуации, возникающие в чате родителей из-за обсуждения вопросов, касающихся изучения родных языков, традиционных праздников (Пасха, Курбан Байрам, Навруз и др.), религии, негативно влияют на весь образовательный процесс, снижая успеваемость учащихся и вызывая социальную напряженность:

1) конфликты из чата переносятся в реальность: родители делятся на «лагеря», что разрушает родительское сообщество;

2) вражда между семьями, поддерживаемая настроениями и конфликтами родителей, неминуемо отражается на отношениях между одноклассниками, приводя к буллингу и социальному расслоению внутри класса.

К сожалению, многие дети повторяют в жизни модель поведения своих родителей. Негативные примеры поведения взрослых, которые решают конфликты через агрессию в чатах, усваивают дети. Таким образом, негативные паттерны коммуникации, демонстрируемые в родительских чатах (эскалация конфликтов, взаимные обвинения, неконструктивная критика), не исчезают, а передаются следующему поколению, создавая порочный круг, в котором отсутствие культуры диалога и навыков разрешения споров воспроизводится на новом витке, продолжая негативно влиять на социально-психологический климат как в школе, так и в обществе в целом.

Неоднозначные выводы можно сделать, анализируя чаты «учитель-родители». С одной стороны, учителя, осознавая свою ответственность, стараются минимизировать конфликты и выступают в роли модераторов. Однако часто учитель не может погасить конфликт самостоятельно, и его непрофессионализм, вынужденный или реальный, становится не причиной, а следствием системной проблемы, усугубляя ситуацию.

В ходе анализа чатов «учитель – родители» нами выделены три основные стратегии поведения учителя в ситуации, когда возникает конфликтное обсуждение вопросов в поликультурном чате:

- стратегия нейтрального модератора (административная позиция);
- стратегия медиатора-интегратора;
- стратегия избегания и делегирования (пассивно-оборонительная позиция).

Стратегия нейтрального модератора (административная позиция) с целью не допустить нарушения установленных правил чата и деструктивной эскалации. Такую стратегию поведения выбрали 28% классных руководителей при обсуждении конфликтных ситуаций в чатах, рассмотренных нами в ходе исследования (рис. 3).

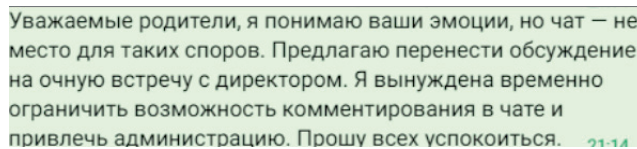

Рис. 3. Пример стратегии нейтрального модератора

Учитель жестко пресекает переход на личности, оскорбления, избыточную эмоциональность, напоминая о правилах сетевого этикета и цели чата. Данная стратегия позволяет учителю сохранить профессиональные границы, избежать обвинений в предвзятости и не брать на себя ответственность за решение глубоких культурных разногласий.

Стратегия медиатора-интегратора, в которой учитель признает наличие культурных различий и пытается выступить в роли посредника, который переводит конфликт в плоскость конструктивного диалога. Такой стратегии придерживается 34% учителей в чатах, проанализированных нами (рис. 4).

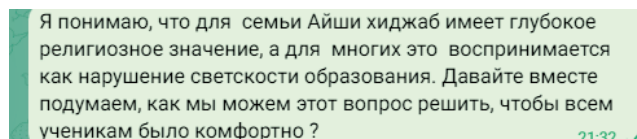

Рис. 4. Пример стратегии медиатора-интегратора

Несмотря на то, что учитель стремится в чате к реальному разрешению конфликта и созданию ситуации взаимного уважения, успех его усилий не гарантирован.

В ряде случаев (38%) учителя использовали стратегию избегания и делегирования (пассивно-оборонительную позицию), уходя от активного участия в конфликте или пытаясь игнорировать его (рис. 5).

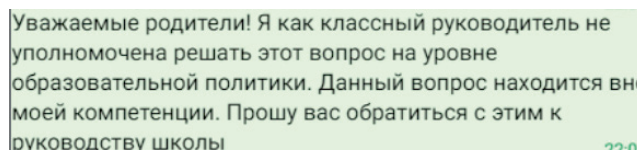

Рис. 5. Пример стратегии избегания и делегирования

Подобное поведение является наиболее опасным в подобных сложных ситуациях. Снимая с себя ответственность и не вмешиваясь, учитель самоустраняется. В данной ситуации проблема не исчезает, не решается, конфликт и напряженность между родителями увеличивается. Кроме того, негативным последствием становится потеря

авторитета учителя, он воспринимается как слабый и неспособный управлять ситуацией лидер.

Для классного руководителя умение выстраивать диалог в поликультурном чате трансформируется из вспомогательного навыка в ключевую профессиональную компетенцию. От его действий зависит не только оперативное решение вопросов, но и общий психологический климат в коллективе родителей, а, следовательно, и в детском классе.

К сожалению, каждый учитель в подобных ситуациях решает сам, как лучше поступить, нет единых правил выработанных правил и рекомендаций. Успешность работы классного руководителя в поликультурном родительском чате зависит от высокого уровня коммуникативной культуры, знаний основ медиации, умения направить диалог в конструктивное русло, избегая конфронтации.

Большинство учителей (суммарно 66%) выбирают неэффективные стратегии поведения в конфликте: административную (28%) и пассивно-оборонительную (38%). Это говорит о том, что педагоги в целом не готовы к ведению конструктивного кросс-культурного диалога и не чувствуют себя уверенно в таких ситуациях.

По мнению экспертов в области киберпедагогики (А.А. Ахаян [1], М.С. Чванов [3] и др.), низкий уровень навыков управления межкультурными коммуникациями у педагогов является следствием системного профессионального дефицита. Этот пробел в подготовке характеризуется неспособностью конструктивно выстраивать отношения и разрешать конфликты в цифровом образовательном пространстве. Возможным решением данной проблемы будет включение в программы подготовки и повышения квалификации учителей специальных модулей по цифровой коммуникации и медиации.

Данным официальной статистики, менее 12% педагогов получили специальную подготовку по межкультурной педагогике. В системе высшего педагогического образования практически отсутствует целенаправленная подготовка будущих учителей к цифровой модерации и медиации конфликтов в социальных сетях. Данная компетенция является новой и зачастую формируется стихийно – уже в процессе профессиональной деятельности, когда педагог вынужден реагировать на острые ситуации, не обладая необходимыми инструментами и алгоритмами действий.

На основе анализа конкретных конфликтных ситуаций в школьных чатах и типовых стратегий медиации и управления конфликтами в поликультурной среде нами сформулированы обобщенные практические рекомендации в выборе коммуникативных стратегий, которые позволят организовать эффективное взаимодействие в поликультурном пространстве:

1) стратегия проактивного информирования и установления правил, которая предполагает установление в начале учебного года четких правил общения (уважительный тон, запрет на оскорбления, обсуждение личных качеств детей и семей), которые позволят предотвратить потенциальные конфликты;

2) стратегия акцентирования на общих целях способствует в момент зарождения противоречий перевести фокус с различий («вы против нас») на объединяющие ценности и цели («благополучие и успех всех наших детей»), создавая почву для сотрудничества;

3) стратегия культурного посредничества и просвещения направлена на игнорирование культурных различий, создает повод для позитивного обсуждения (например, об организации совместного праздника, где можно рассказать о национальных традициях), формируя интерес и уважение к многообразию культуры.

Выводы

Школьные мессенджер-чаты в условиях поликультурного класса превратились из сервиса оповещений в поле потенциальных конфликтов, где сталкиваются разные культурные коды, религиозные установки и языковые практики. Анализ результатов исследования показал:

во-первых, наиболее острой является коммуникация «родители – родители» (86% споров переходят в конфликт);

во-вторых, негативные паттерны коммуникации, продемонстрированные взрослыми, воспроизводятся детьми, закрепляя цикл агрессии и социального расслоения;

в-третьих, отсутствие единых рекомендаций и профессиональных протоколов делает поведение классного руководителя стихийным и непредсказуемым.

Эффективное поведение в поликультурной среде требует от современного учителя не только предметных знаний, но и развитых навыков медиации, межкультурной коммуникации и цифрового этикета. Управление поликультурной и конфликтной динамикой в цифровой среде является абсолютно новой компетенцией для педагога.

Выбор педагогами неэффективных стратегий поведения в конфликте лишь усиливают напряжение: 66% педагогов выбирают административное давление или уход от проблемы.

Успешное применение стратегий проактивности, акцентирования на общем и культурного просвещения позволяет не только гасить конфликты, но и превращать поликультурность из потенциального источника напряженности в ресурс для обогащения образовательной среды.

В целом, исследование тенденций современной педагогической коммуникации в контексте поликультурной образовательной среды может внести значительный вклад в развитие теории и практики образования, а также способствовать формированию более гармоничного и толерантного общества в целом.

Литература

1. Ахаян А.А. Киберпедагогика как новое направление педагогических исследований // Цифровое образование. – 2021. – № 3. – С. 10–18.
2. Потапова М.А. Школьные мессенджер-чаты как самоорганизующиеся цифровые сообщества: к проблеме педагогического сопровождения // Информатизация образования. – 2023. – № 4. – С. 38–44.
3. Чванов М.С. Этические аспекты сетевой коммуникации в образовании // Педагогика. – 2022. – Т. 86. – № 5. – С. 45–52.

COMMUNICATIVE RISKS AND MODERATION STRATEGIES IN MULTICULTURAL SCHOOL INSTANT MESSENGER CHATS

Lysova O.V., Abdullina A.Sh., Nigmatullina L.A., Lysov O.I.

Birsk Branch of the Ufa University of Science and Technology

With the growing cultural diversity of the school environment and the widespread use of messengers, school chats have transformed from an information tool into complex multicultural ecosystems. The article attempts to explore school chats as a cultural and communicative phenomenon, identify the main communication risks and barriers in a multicultural environment, and analyze the behavior strategies of teachers and moderators to minimize them. The study conducted a content analysis of more than 100 discussions in the chat rooms of schools in the Republic of Bashkortostan with multinational participants. The analysis was carried out in three communication groups: «teacher – parents», «parents – parents», «teachers – teachers». The study confirms that managing multicultural dynamics in the digital space has become a new key competence of a modern teacher. To reduce the conflict-causing potential of chats, practical communication strategies for teachers are proposed: proactive rule-making, emphasizing common goals, and cultural mediation.

Keywords: multicultural educational environment, school messenger chats, communication risks, conflict moderation, digital teacher competence.

References

1. Akhayan A.A. Cyberpedagogy as a new direction of pedagogical research // Digital education. – 2021. – № 3. – Pp. 10–18.
2. Potapova M.A. School messenger chats as self-organizing digital communities: towards the problem of pedagogical support // Informatization of education. – 2023. – № 4. – Pp. 38–44.
3. Chvanov M.S. Ethical aspects of network communication in education // Pedagogy. – 2022. – Vol. 86. – № 5. – Pp. 45–52.

Модель эффективного управления педагогическим коллективом школы

Михалькова Ольга Анатольевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического и психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Сочинского государственного университета»
E-mail: mikhalkovaoa@sufr.ru

Мушкина Ирина Анатольевна,

кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой педагогического и психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Сочинского государственного университета»
E-mail: mia-1609@mail.ru

Пилосян Элина Анатольевна,

кандидат технических наук, доцент кафедры Информационных технологий и математики ФГБОУ ВО «Сочинского государственного университета»
E-mail: azalto@mail.ru

Хачатурова Наталья Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и русской филологии «Сочинского государственного университета»
E-mail: khachaturovanyu@sufr.ru

Развитие системы образования во многом обуславливает необходимость формирования новых эффективных моделей управления в школах. Применение традиционной модели управления педагогическим коллективом требует уточнения и адаптации, с учетом сложившихся схем сотрудничества системы управления и педагогов отдельной школы. В рамках статьи представлены результаты разработки и апробирования модели эффективного управления педагогическим коллективом конкретной школы, представлены ее основные компоненты и критерии оценки эффективности управления. Рекомендуемая модель управления педагогическим коллективом школы нацелена на повышение общей эффективности деятельности школы, ее основных структур, на повышение эффективности управленческих процессов и результативности работы каждого отдельного педагога. Рекомендуемая модель совмещает командный управленческий и командный коллективный подходы. В основе разработки модели лежат подходы, ориентированные на повышение активности взаимодействия руководства школы и педагогического коллектива, расширения обратной связи и сокращения барьеров для эффективного взаимодействия, повышение удовлетворенности педагогов условиями организации, оплаты, методической обеспеченности педагогической деятельности.

Ключевые слова: эффективное управление, модель эффективного управления педагогическим коллективом, критерии эффективности управления.

Модернизация современной системы образования формирует необходимость изменения подходов к взаимодействию руководства школы и педагогического коллектива. Вопросы разработки и внедрения моделей эффективного управления педагогическим коллективом школы требуют инновационных взвешенных решений, основанных на увеличении участия педагогов в управлении и усилении роли руководителя, как активного лидера, ориентированного на результативность коллектива.

Модель эффективного управления педагогическим коллективом школы представляет собой открытую, динамичную структуру, ориентированную на сотрудничество всех ее участников, обеспечение условий развития и достижения высоких образовательных результатов [5].

Традиционная модель управления педагогическим коллективом школы базируется на принципах единоначалия и коллегиальности, которые закреплены в ст. 26 «Управление образовательной организацией» Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ редакции от 29.12.2025. Директор школы при такой модели является единоличным исполнительным органом, осуществляющим руководство. В составе коллегиальных органов управляющий совет, педагогический совет школы, общее собрание трудового коллектива, родительский и попечительский советы. Основной формой координации и взаимодействия педагогического коллектива и системы управления школой является совещание. Модель управления характеризуется наличием необходимого ресурсного обеспечения, а именно: финансового, материально-технического, кадрового, информационно-технологического [8].

Применение традиционной модели управления педагогическим коллективом школы направлено на обеспечение постоянства и высокого профессионализма педагогических кадров школы, повышение качества образования учеников, формирование позитивного имиджа школы, ее привлекательности для трудоустройства выпускников высших учебных заведений, внедрение и применение инновационных информационных технологий, а также системы мониторинга качества знаний обучающихся.

В соответствии со ст. 27 «Структура образовательной организации» Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ редакции от 29.12.2025, образовательные организации имеют возможность самостоятельно формировать свою структуру. Тем не менее, недостаточно только выстроить структуру управления, необходимо таким образом организовать управленческие процессы, чтобы обеспечить эффективность совместной деятельности педагогического коллектива. В связи с этим применение традиционной модели управления педагогическим коллективом требует уточнения и адаптации для отдельной школы, с учетом внутренних особенностей системы управления и педагогического коллектива, лично-ориентированной направленности руководства, преобладающего типа взаимодействия между представителями педагогического коллектива, удовлетворенности и заинтересованности педагогов в результатах своего труда, общего уровня благоприятности социально-психологического климата в коллективе [7].

Анализ применения традиционной модели управления в конкретной школе позволил выявить направления, требующие проработки и усиленного внимания со стороны управляющей системы образовательной организации:

- отмечено, что совещание, как основная форма взаимодействия руководства школы и педагогического коллектива, практически вытеснила другие менее официальные формы, осуществляемые в формате консультирования, «круглого стола», обсуждения вопросов в электронном формате;
- выявлено отсутствие стремления со стороны педагогического коллектива, в составе которого более 90% имеют высшее педагогическое образование к получению высшей и первой категории;
- определены низкие показатели охвата повышением квалификации, так в последние пять лет менее 70% сотрудников прошли курсы повышения квалификации, включая педагогов и непедагогических работников школы;
- установлено, что молодые педагоги в большинстве своем не дорабатывают и пяти лет в школе, наблюдается выбытие молодых кадров, соответственно, группа педагогов со стажем более пяти лет не пополняется;

– обозначено отсутствие системы мониторинга педагогического состава, включающей индивидуальные планы развития отдельного педагога и степень достижения сформированных целей;
 – в отношении качества образования учеников, по результатам государственной итоговой аттестации отмечено незначительное снижение среднего балла по некоторым предметам.

При разработке модели эффективного управления педагогическим коллективом в конкретной школе необходимо учитывать выявленные направления, требующие усиленного внимания и проработки. Конкретизация целей, актуальность и измеримость их достижения определяет содержание деятельности в рамках разрабатываемой модели

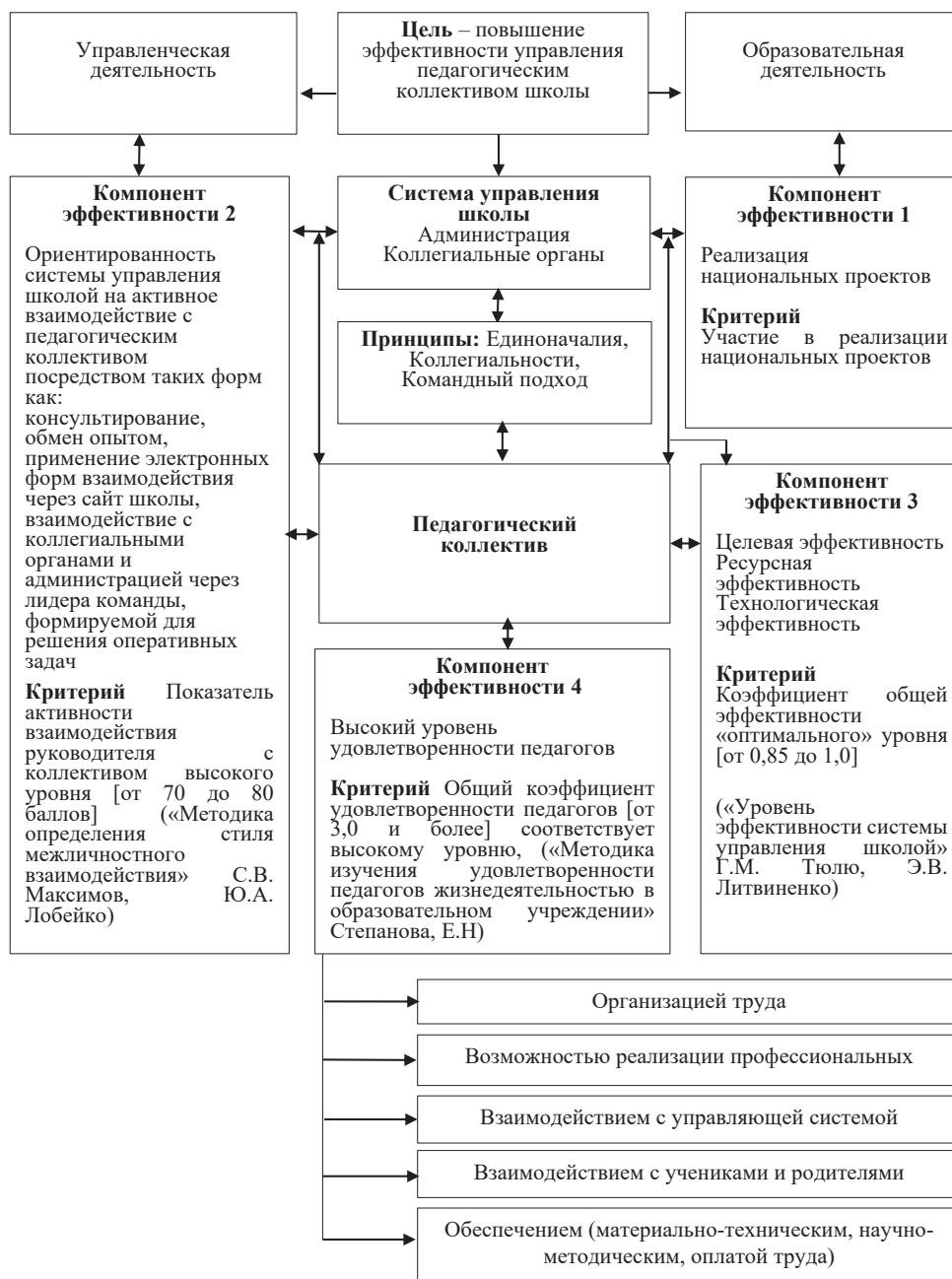

Рис. 1. Модель эффективного управления педагогическим коллективом школы

Основная цель разработки модели состоит в повышении эффективности управления педагогическим коллективом школы [2].

При достижении основной цели формируется эффективное взаимодействие управленческого и педагогического составов школы, а также всех участников педагогического процесса, высокая степень удовлетворенности педагогического коллектива организацией труда, системой оплаты труда, своевременная и полная информационная поддержка педагогов и руководства, подключение кадровых, экономических, материально-технических, информационных ресурсов в полном объеме.

Учитывая выше сказанное, разработана модель эффективного управления педагогическим коллективом для конкретной школы. Модель базируется на следующих составляющих.

1. Реализация национальных проектов, что однозначно обуславливает повышение эффективности современной образовательной организации в целом, предоставляет возможности для участия в мероприятиях, приобретения нового опыта, повышения профессионального мастерства.

2. Ориентированность управленческих органов школы на активизацию взаимодействия с педагогическим коллективом через развитие таких форм как консультирование, сотрудничество с командой, сформированной для выработки срочных решений текущих задач и их согласования с коллегиальными органами и администрацией.

3. Высокая эффективность, включая: целевую, отражающую соответствие результатов и целевых установок, ресурсную, согласовывающую распределение и оптимизацию располагаемых средств, технологическую, определяющую эффективность применяемой технологии управления педагогическим коллективом и процессами школы.

4. Высокий уровень удовлетворенности педагогов такими составляющими как: организация процесса труда, возможности для реализации качеств и умений, межличностные отношения с учениками и родителями учеников, сотрудничество с руководством, обеспеченность педагогической деятельности.

Рекомендуемая модель совмещает командный управленческий подход и командный коллективный. В данной модели система управления основана на распределении управленческих обязанностей в ко-

манде управленцев, включая директора и его заместителей, а также команды, сформированной в рамках педагогического коллектива. Директор в такой модели управления является активным лидером, который определяет основной вектор деятельности всей команды управленцев [1]. Команда педагогов формируется как инициативная группа учителей различных уровней школьного образования и разных методических объединений, наиболее заинтересованных и вовлеченных в решение конкретных оперативных задач [6]. Команда педагогов прорабатывает спорные вопросы, кризисные ситуации, с готовым решением через лидера команды выходит на их обсуждение и утверждение управляющей командой [9].

Традиционная модель в качестве критериев эффективности управления педагогическим коллективом школы применяет показатели обеспеченности кадровыми ресурсами, оценки применяемых форм взаимодействия органов системы управления, коллегиальных органов школы и педагогического коллектива, активность применения электронного документооборота [4].

В числе критериев эффективности управления педагогическим коллективом школы, отражающих степень достижимости поставленных целей, в разработанной модели эффективного управления педагогическим коллективом, выбраны следующие:

- активность участия в реализации национальных проектов, что определяется степенью вовлеченности образовательной организации и представителей ее педагогического коллектива в конкретных мероприятиях в рамках проектов;
- высокий уровень показателя активности взаимодействия руководителя с коллективом, определяемый на основе применения «Методики определения стиля межличностного взаимодействия» С.В. Максимова и Ю.В. Лобейко;
- общий коэффициент удовлетворенности педагогов высокого уровня, рассчитываемый «Методикой изучения удовлетворенности педагогов жизнедеятельностью в образовательном учреждении» Е.Н. Степанова;
- коэффициент общей эффективности оптимального уровня, который определяется методикой «Уровень эффективности системы управления школой» (Г.М. Тюлю, Э.В. Литвиненко) [3].

Реализуемая модель эффективного управления педагогическим коллективом школы представлена на рисунке 1.

В целях внедрения модели эффективного управления педагогическим коллективом в конкретной школе необходимо реализовать следующие направления:

- расширение форм взаимодействия органов управления школы с педагогическим коллективом, включая электронные;
- применение командного подхода для выработки решений, выносимых на коллегиальное утверждение с системой управления школой;
- формирование системы мониторинга результатов развития педагогов, включающей возможности разработки индивидуального плана для каждого педагога на ближайшие годы;
- развитие системы поддержки молодых специалистов;
- расширение спектра дополнительных образовательных услуг, оказываемых на платной основе.

Модель эффективного управления педагогическим коллективом внедрена и апробирована в образовательной организации юга России. Период апробации составил шесть месяцев. Внедрение разработанной модели, реализация мероприятий в рамках ее внедрения обусловили положительную динамику значений показателей рекомендуемых критериев эффективности образовательной организации, что подтверждено различиями оценок констатирующего и контрольного этапов экспериментального исследования. В экспериментальном исследовании принимали участие 50 представителей педагогического коллектива школы.

В ходе экспериментального исследования определено, что в анализируемой школе заметно активизировано участие в мероприятиях, реализуемых в рамках национальных проектов.

Применение методики С.В. Максимова и Ю.В. Лобейко выявило, что в результате апробации модели в школе в значительной степени увеличена ориентированность управляющей системы школы на активное взаимодействие с педагогическим коллективом, на что указывает рост общего показателя устремленности руководства к взаимодействию с сотрудниками в экспериментальной группе с 63,57 до 66,9 баллов. В контрольной группе, не охваченной экспериментом, увеличение менее заметно: с 63,4 до 64,53 баллов. Изменение показателя ориентированности руководства школы на коллектив в контрольной и экспериментальной группах графически отражено на рисунке 2.

Если ранее 72% коллектива считали, что руководство устремлено на взаимодействие с коллективом, то после внедрения модели их доля составила уже более 74%.

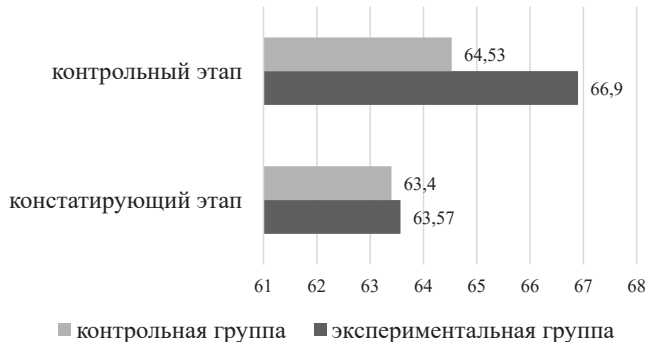

Рис. 2. Сравнение средних значений оценок ориентированности руководства школы на коллектив по методике «Определение стиля межличностного взаимодействия» С.В. Максимова, Ю.А. Лобейко

На основе данных методики Е.Н. Степанова выявлено, что после внедрения и периода апробации модели эффективного управления педагогическим коллективом общий показатель удовлетворенности педагогов экспериментальной группы возрос со значения 3,11 балла до 3,21 балла, что согласно интерпретации результатов автора методики, соответствует высокому уровню критерия. В контрольной группе, не принимавшей участие в эксперименте, показатель изменился незначительно с 3,14 до 3,15 баллов. Динамика показателя удовлетворенности педагогов жизнедеятельностью в образовательном учреждении в контрольной и экспериментальной группах графически отражено на рисунке 3.

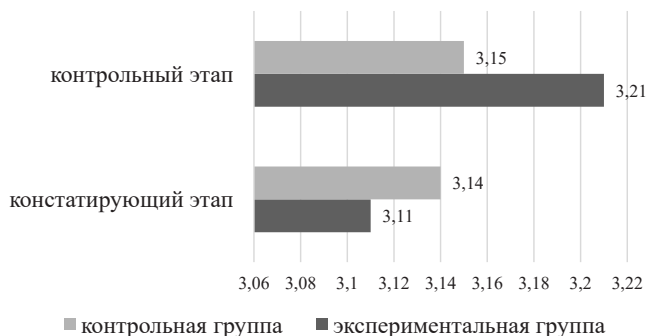

Рис. 3. Сравнение средних значений показателя удовлетворенности педагогов по «Методике изучения удовлетворенности педагогов жизнедеятельностью в образовательном учреждении» Степанова Е.Н.

Методика Г.М. Тюлю, Э.В. Литвиненко позволила определить уровень общей эффективности системы управления педагогическим коллективом. По оценкам экспериментальной группы выявлено увеличение данного показателя в результате апробации модели с 0,89 до 0,91 и характеризуемого, согласно методике, как оптимальный уровень эффективности. Среднее значение оценок в контрольной группе незначительно увеличено с 0,88 до 0,89. Изменение средних значений показателя общей эффективности графически отражено на рисунке 4.

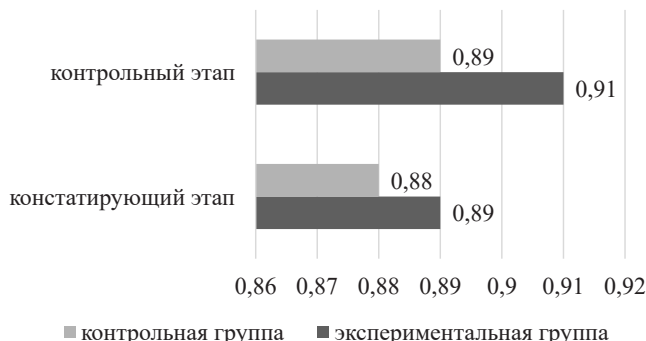

Рис. 4. Сравнение средних значений показателя методики «Уровень эффективности системы управления школой» Г.М. Тюлю, Э.В. Литвиненко

Выявленные различия в оценках показателей критериев эффективности определяемых до и после апробации модели эффективно управления педагогическим коллективом статистически значимы ($p\text{-value} \leq 0,05$).

Таким образом, сформирован вывод о том, что модель эффективного управления педагогическим коллективом школы характеризуется:

- высокой активностью участия в мероприятиях в рамках национальных проектов;
- ориентированностью системы управления на активное взаимодействие с педагогическим коллективом высокого уровня;
- оптимальной целевой, ресурсной, технологической эффективностью;
- высокой удовлетворенностью педагогов организацией трудовой деятельности, возможностями для раскрытия профессиональных качеств, взаимодействием с управляющей командой, с учениками, родителями учеников, оплатой труда, а также обеспечением, включая научно-методическое, информационное, материально-техническое.

Литература

1. Антипина И. Анализ современных подходов к оценке профессиональной компетентности руководителя школы // Вектор науки. 2011. № 3 (6). С. 29–32.
2. Байкова, Л.А. Актуальные проблемы современного образования. М.: Издательство «Юрайт», 2025. 178 с.
3. Викторова, Е.А. Сборник диагностических материалов по изучению психологических особенностей педагогов в системе психолого-педагогического сопровождения в образовательных организациях региона. Белгород: БРЦ ПМСС, 2020. 485 с.
4. Жабборов, А.М. Курбанов, М.У. Оценка эффективности педагогического коллектива: критерии и механизмы целенаправленного управления // Экономика и социум. 2025. № 6 (133)-1. С. 1073–1079.
5. Косик, Н.А. Командно-коллективная модель управления как фактор повышения эффективности деятельности образовательной организации. ст. Калининская: 2025. 31 с.
6. Максимова, Е.А. Командная работа – ресурс развития школы. М.: Национальный книжный центр, ИФ «Сентябрь», 2015. 144 с.
7. Седова, М.М. Управление педагогическим коллективом // Проблемы педагогики. 2018. № 7(39). С. 71–74.
8. Сорокопуд, Ю.В., Харченко, Л.Н., Чалаева, А.Н. Содержание и принципы эффективного управления образовательным учреждением // Вопросы экономики и управления. 2015. № 5. С. 287–296.
9. Шобонов, Н.А. Особенности организации командной работы в общеобразовательной организации // Научный электронный ежеквартальный журнал «Непрерывное образование: XXI век». 2022, № 2 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-komandnoy-raboty-v-obsheobrazovatelnoy-organizatsii/viewer>

A MODEL OF EFFECTIVE MANAGEMENT OF THE SCHOOL'S TEACHING STAFF

Mikhalkova O.A., Mushkina I.A., Pilosyan E.A., Khachaturova N.Yu.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Sochi State University»

The development of the education system largely determines the need to create new effective management models in schools. The use of the traditional management model for the teaching staff requires refinement and adaptation, taking into account the existing patterns of cooperation between the management system and the teachers of a particular school. This article presents the results of the development and testing of an effective management model for a specific school's teaching staff, including its main components and criteria for evaluating management effectiveness. The recommended model of managing the school's teaching staff is aimed at improving the overall efficiency of the school's activities and its main structures, as well as enhancing the efficiency of management processes and the performance of each individual teacher. The model is based on approaches that focus on increasing the level of interaction between the school's management and the teaching staff, expanding feedback mechanisms, and reducing barriers to effective communication. The recommended model combines a team management approach with a team collective approach. Additionally, the model aims to improve the satisfaction of teachers with the organization's conditions, compensation, and methodological support for their teaching activities.

Keywords: effective management, model of effective management of a teaching staff, criteria for effective management.

References

1. Antipina, I. Analysis of modern approaches to assessing the professional competence of a school principal // Vector of Science. 2011. № 3 (6). Pp. 29–32.
2. Baikova, L.A. Actual problems of modern education. M.: Yurayt Publishing House, 2025. 178 p.
3. Viktorova, E.A. Collection of diagnostic materials for studying the psychological characteristics of teachers in the system of psychological and pedagogical support in educational organizations of the region. Belgorod: BRC PMSS, 2020. 485 p.
4. Zhabborov, A.M. Kurbanov, M.U. Assessment of the Effectiveness of a Teaching Staff: Criteria and Mechanisms of Targeted Management // Economics and Society. 2025. № 6 (133)-1. Pp. 1073–1079.
5. Kosik, N.A. The Command-Collegial Management Model as a Factor in Increasing the Efficiency of an Educational Organization. Kalininskaya: 2025. 31 p.
6. Maksimova, E.A. Teamwork is a Resource for School Development. Moscow: National Book Center, I.F. «September», 2015. 144 p.
7. Sedova, M.M. Management of the Pedagogical Staff // Problems of Pedagogy. 2018. № 7(39). Pp. 71–74.
8. Sorokopud, Yu.V., Kharchenko, L.N., Chalaeva, A.N. Content and Principles of Effective Management of an Educational Institution // Issues of Economics and Management. 2015. № 5. Pp. 287–296.
9. Shobonov, N.A. Features of organizing teamwork in a general education organization // Scientific electronic quarterly journal «Continuing Education: 21st Century». 2022, № 2 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-komandnoy-raboty-v-obsheobrazovatelnoy-organizatsii/viewer>

Прошлое как ценность настоящего: когнитивные и социальные функции исторического сознания в эпоху транзитивности

Музашвили Диана Зурабовна,

кандидат философских наук, доцент Кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: dzmuzashvili@fa.ru

В статье исследуется трансформация исторического сознания в условиях транзитивности – состояния неопределённости, нелинейности и турбулентности, характеризующего современные социальные процессы. Историческое сознание рассматривается не как пассивное отражение прошлого, а как активный когнитивно-адаптивный механизм, конструирующий прошлое в ответ на вызовы настоящего. Цель работы – выявить и систематизировать его ключевые когнитивные и социальные функции, превращающие прошлое в ценностный ресурс для навигации в будущее. На основе теоретико-методологического синтеза (социальный конструктивизм, теории социального времени, культурной памяти и «использования истории») в статье показано, что в эпоху «сжатого» времени и фрагментации опыта историческое сознание качественно меняется. Выделяются четыре ключевых следствия этой трансформации: фрагментация и поляризация сознания, изменение механизмов его формирования под влиянием цифровой среды, а также переориентация на создание проективной идентичности. В работе систематизируются две взаимосвязанные когнитивные функции исторического сознания: герменевтическая (интерпретация и присвоение опыта прошлого) и моделирующая (создание ментальных схем для навигации в будущем). Также анализируются его социальные функции, приобретающие в транзитивности двойственный характер: легитимация и обеспечение преемственности, конструирование коллективной идентичности, мобилизация, которая одновременно выступает и как конфликтогенная. Делается вывод, что историческое сознание в современном мире становится центральным узлом, где разрешаются ключевые противоречия между непрерывностью и разрывом, идентичностью и множественностью. Его ценность определяется синтетической способностью преобразовывать груз прошлого в энергию для осмысленного действия, превращая неизбежную «борьбу за прошлое» в потенциал для диалога о будущем.

Ключевые слова: историческое сознание, транзитивность, культурная память, социальный конструктивизм, коллективная идентичность, легитимация, историческая политика, цифровая среда.

Введение

Общество настоящего всегда нацелено на движение в будущее, но фундаментом этого движения является прошлое, которое непрерывно актуализируется как необходимость в процессе социальной рефлексии и легитимизации. Это актуализация не является простой ретроспекцией и осознанием истоков, но являет собой диалектический процесс, в котором образы прошлого селективно мобилизуются в сознании общества, интерпретируются и включаются в нарративы о настоящем для обоснования проектов будущего. Сознание современного социума (в том числе исторического) находится в постоянном процессе многофакторного, часто, деструктивного влияния, в противодействии которому важнейшим ресурсом может являться ценность исторического прошлого, что значимо и актуально для в условиях возрастающей транзитивности – состояния неопределённости, нелинейности и системной турбулентности, характеризующего современные глобальные и локальные социальные процессы. В связи с этим функции исторического сознания претерпевают качественную трансформацию. Это не просто отражение прошлого или идеологический инструмент, но ключевой когнитивно-адаптивный механизм, позволяющий обществу не только декодировать опыт предыдущих эпох, но и конструировать функциональные модели для понимания «разорванного» настоящего, формирования коллективных идентичностей и навигации в «открытом» будущем.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью философского анализа двойственной природы исторического сознания в эпоху транзитивности: с одной стороны, как источника устойчивости, преемственности и легитимации, с другой – как поля напряжённости, конфликта интерпретаций и инструмента мобилизации. Целью статьи является выявление и систематизация когнитивных и социальных функций исторического сознания, которые позволяют обществу преобразовывать прошлое в ценностный ресурс для решения задач настоящего и будущего. Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман) [1], теория социального времени (П. Штомпка) [2], концепция «использования истории» (Ж. Ле Гофф) [3], а также подходы, разработанные в рамках исследований культурной памяти (М. Хальбвакс) [4], Я. Ассман) [5]. Методология включает герменевтический анализ для работы с историческими нарративами и структурно-функциональный подход для выявления системной роли исторического сознания.

Историческое сознание в условиях транзитивности: от рефлексии к конструкту

Прошлое для массового сознания не является объективной данностью, но может быть социально конструируемой ценностью, которая выполняет специфические функции в стабилизации и динамике настоящего. Любому обществу свойственна транзитивность, детерминированная внешними и внутренними факторами, что выражается в регулярном появлении значимых, кардинальных и глубоких изменений, влияющих на динамику изменения социальной действительности и традиционные механизмы социокультурной преемственности. Это меняет социальное восприятие времени, оно «сжимается», формируя новый механизм связывания опыта. По мнению З. Баумана: «Короткий срок» заменил «продолжительный срок» и сделал мгновенность своим высшим идеалом. Возводя время в разряд бесконечно вместительной емкости, текущая современность растворяет – порочит и обесценивает – его продолжительность» [6, с. 136]. В этих условиях возникают особые параметры существования человека, а механизмом передачи опыта прошлого становится историческое сознание, основанное на мгновенном появлении образа, что выполняет функцию по селекции, интерпретации и нарративизации прошлого, превращая его из хронологической последовательности событий в осмысленную структуру опыта. Ж. Бодрийяр полагал, что «гиперреальность» создаёт образ реальности, имеющий не меньшее значение, чем сама реальность [7]. «Образы продуцируются и вербализируются индивидуально и на уровне «разделяемой реальности» сливаются в устойчивые образования, называемые «общественным сознанием» [8, с. 295]. П. Бергер и Т. Лукман рассматривают в контексте конструирования социальной реальности процесс формирования

действительности индивида через его интерсубъективное сознание, основанное на повседневном знании о мире, в котором присутствуют временные отпечатки структуры жизни общества [9]. В транзитивном мире этот конструктивистский процесс интенсифицируется: общество, сталкиваясь с «разорванностью» настоящего, вынуждено заново, часто в конкурентной борьбе, «собирать» прошлое, чтобы найти в нём опоры для идентичности и модели для действия. Как следствие, историческое сознание трансформируется из преимущественно рефлексивного (основанного на поиске смысла и познания прошлого) в социально-активный конструкт, инструмент общественного порядка как сегодняшнего дня, так и проектирования будущего, при этом продолжают сосуществовать и рефлексивное и социально-активный конструкт, что порождает несколько значимых социально-философских и социально-психологических следствий.

1. Фрагментация исторического сознания. В представлении «сжатого» времени и девальвации продолжительности (по З. Бауману), историческое прошлое утрачивает монолитность, фрагментируясь и образуя мозаику нарративов, которые поддерживаются заинтересованным и вовлечёнными акторами, как правило, это государства (основные акторы), корпорации, социальные группы, медиа, что имеет своими целями легитимизацию власти, сплочения (или разобщения) общества, поддержание или разрушение существующего порядка. Мозаично-конкурентная «сборка» прошлого порождает множественность, часто противоположных и конфликтующих «историй», где эмпирические факты утрачивают значимость, а критерием истинности становится прагматическая эффективность, результативность социально-психологического влияния, эмоционально-чувственная убедительность для общества настоящего.

2. Поляризация исторического сознания. В реальности транзитивного перехода коллективная память о прошлом разделяется в направлении двух полюсов. С одной стороны, происходит актуализация травматического прошлого (массовой жертвы), что требует поддержания социальной практики коммеморации, «памяти скорби», с другой, возникает мощная волна «памяти гордости», ностальгии по идеализированному образу устойчивости и порядка. Такой «ностальгический» конструкт является реакцией на «текучесть» времени сегодняшнего дня, стремлением вернуть «длинное время» в мифологизированном и идеализированном «золотом веке». Эта поляризация создаёт две эмоционально заряженные смысловые опоры в условиях нестабильности.

3. Изменение механизма формирования исторического сознания. Современные информационно-коммуникативные технологии кардинальным образом меняют механизм формирования исторического сознания. Цифровизация и «платформизация» с мощными инструментами социальных сетей, алгоритмами рекомендаций, виртуальными реконструкциями, представляют прошлое в виде потока визуальнотекстуальных образов, легко воспринимаемых массовым сознанием, поэтому, часто, используемых для манипуляции и реконструкции. Прошлое «упаковывается» в легко употребляемые готовые формы, которые определяют его фрагментированность и мгновенное потребление без критического анализа, что создаёт опасность превращения исторического сознания в мозаику из вирусных образов, не имеющих глубины и подлинного исторического контекста.

4. Конструирование исторического сознания для формирования проективной идентичности. В условиях кризиса традиционных институтов преемственности, таких как семья, устойчивая идеология, локальная община, конструкт исторического сознания начинает выполнять функцию создания проективной идентичности. Прошлое становится ресурсом будущего без выяснения «откуда мы пришли», а только «куда мы хотим идти», поэтому появляются «истории будущего» без рефлексии прошлого с формированием нарративов развития, миссии, национально-государственных и корпоративных устремлений «вперёд». Таким образом угасает и утрачивается механизм наследования идентичности, но усиливается и возрастает механизм проектирования, посредством конструирования и принятия «подходящего и необходимого» прошлого.

Осознание этих следствий позволяет критически анализировать современные «битвы за память», природу формирования новых коллективных идентичностей и влияние на эти процессы социального времени, в котором прошлое, настоящее и будущее образуют общий, непрерывно изменяемый нарратив, лишённый твёрдых онтологических оснований, но обладающий мощным потенциалом социальных изменений.

Когнитивные функции: декодирование опыта и навигация в неопределённости

Историческое сознание в когнитивном измерении имеет две взаимосвязанные функции: герменевтическую и моделирующую.

Герменевтическая функция [10] представляет собой возможность «прочитывания» прошлого сквозь призму актуальных вызовов настоящего. Понимание исторических аналогий (со всеми ограничениями и допущениями), позволяет «присваивать» опыт прошлых поколений, отражать его в массовом сознании, что позволяет переводить уникальную ситуацию социального кризиса в ряд осмысленных, пусть и не тождественных, прецедентов. Этот процесс – не поиск готовых решений, а тренировка способности к сложным интерпретациям. Герменевтический анализ исторических нарративов позволяет обществу осознать изменчивость значений, множественность перспектив и контекстуальность любых «уроков истории», что критически важно для отказа от догматизма в условиях неопределённости.

Моделирующая (или сценарная) функция исторического сознания происходит из первой. На основе интерпретированного опыта прошлого общество конструирует ментальные модели – упрощённые, но функциональные схемы причинно-следственных связей, логик развития конфликтов, механизмов адаптации. Эти модели, будучи инкорпорированы в массовое сознание и дискурс элит, становятся когнитивными картами для навигации в «открытом» будущем. Они помогают структурировать хаос наличной информации, оценивать риски и возможности, проигрывать в коллективном воображении возможные последствия тех или иных действий. В этом смысле историческое сознание выступает как коллективная способность к воображению будущего, коренящаяся в пережитом (или осмысленном как пережитое) прошлом.

Социальные функции: легитимация, идентификация и мобилизация в условиях конфликта интерпретаций

Социальные функции исторического сознания в условиях транзитивности приобретают парадоксальный, двойственный характер, выступая одновременно источником стабильности и фактором конфликта.

Функция легитимации и обеспечения преемственности.

Прошлое всегда использовали как ключевой ресурс для обоснования права на существование и действие в настоящем. Апелляция к «истокам», «традициям» или, напротив, к «прогрессивному наследию» обеспечивает символическую непрерывность, столь необходимую для социального порядка. Концепция культурной памяти (М. Хальбвакс, Я. Ассман) показывает, что именно через разделяемое, часто ритуализированное воспоминание общество воспроизводит свою идентичность во времени [5]. В транзитивности эта потребность лишь усиливается, превращая историческое сознание в «моральный якорь».

Функция конструирования коллективной идентичности.

Идентичность в нестабильном мире не может базироваться лишь на текущих проектах. Она требует укоренения в нарративе, который объясняет, «кто мы есть», через историю общих побед, поражений, страданий и свершений. Историческое сознание поставляет сырьё для таких нарративов, позволяя сообществу (национальному, этническому, политическому) провести символические границы между «своими» и «чужими», определить свою уникальную роль в истории. Однако в условиях транзитивности этот процесс резко политизируется, так как разные группы предлагают конкурирующие, зачастую взаимоисключающие версии прошлого для обоснования своих притязаний на власть и ресурсы в настоящем.

Функция мобилизации и конфликтогенная функция.

Это приводит к тому, что историческое сознание становится полем битвы и инструментом мобилизации. Селективное, мифологизированное или травматическое прошлое может быть использовано для сплочения группы перед лицом реальной или мнимой угрозы, для оправдания радикальных действий, для создания образа «вечного врага». Здесь ярко проявляется двойственная природа исторического сознания, отмеченная во введении: будучи ресурсом устойчивости для одних, оно становится ресурсом дестабилизации для других, углубляя общественные расколы. В эпоху транзитивности, когда монополия на историческую истину ослаблена, эта конфликтогенная потенциация многократно усиливается цифровой средой, порождающей множество изолированных «исторических реальностей», по мнению В.Г. Пичугина: «Цифровая среда радикально изменила историческую политику, сделав её более динамичной и конфликтной» [11, с. 209].

Историческое сознание как адаптивный механизм: синтез функций в транзитивном мире

Историческое сознание является комплексным адаптивным механизмом. Его когнитивные функции (герменевтическая и моделирующая) обеспечивают обществу инструментарий для осмысления текущего ха-

оса и проектирования шагов вперед, а социальные функции (легитимация, идентификация, мобилизация) – символические и эмоциональные ресурсы для поддержания солидарности и целеполагания.

Однако эффективность этого механизма зависит от его рефлексивности. Общество, способное к критической рефлексии над собственным историческим сознанием, признающее его конструктивный и плюралистический характер, получает преимущество. Оно может избежать ловушек исторического фатализма или мифотворчества, используя прошлое как полигон для апробации моделей, а не как склад готовых ответов. Такому обществу необходимо превратить неизбежную в транзитивности «борьбу за прошлое» из деструктивного конфликта в продуктивный диалог о будущем стабильного социального развития.

Структурно-функциональный анализ позволяет увидеть, что историческое сознание в данных условиях не просто обслуживает общественную систему, но становится одним из центральных узлов, в котором завязываются и разрешаются ключевые противоречия эпохи: между непрерывностью и разрывом, идентичностью и множественностью, стабильностью и изменением. Его ценность для настоящего заключается именно в этой синтетической способности – преобразовывать груз прошлого в энергию для осмысленного действия в условиях тотальной неопределенности.

Таким образом, ценность исторического сознания в современную эпоху определяется его незаменимостью как комплексного адаптивного механизма, позволяющего обществу сохранять связь времен в условиях радикального «сжатия», поддерживать идентичность в ситуации фрагментации, находить смыслы в турбулентности и, в конечном счете, – конструировать собственную траекторию через непрерывный диалог между прошлым, настоящим и будущим.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в эпоху транзитивности историческое сознание преодолевает рамки пассивной рефлексии или идеологического инструментария, становясь ключевым когнитивно-адаптивным механизмом социума. Оно выполняет двойственную роль: являясь источником устойчивости и преемственности, оно одновременно выступает полем напряженности и конфликта интерпретаций. В условиях «сжатого» времени, фрагментации опыта и системной неопределенности именно прошлое, селективно актуализируемое и нарративизируемое, превращается в незаменимую ценность для настоящего.

Качественная трансформация исторического сознания в транзитивном мире проявляется в его фрагментации и поляризации, изменении механизмов формирования под влиянием цифровых платформ и переориентации на конструирование проективной идентичности. Эти процессы делают «прошлое» пластичным конструктом, активно используемым для решения задач сегодняшнего дня и проектирования завтрашнего.

Дальнейшим перспективным исследованием может быть сравнительный анализ режимов историчности. Актуальным представляется сопоставление функционирования исторического сознания в обществах с разным уровнем и типом транзитивности (например, в условиях «управляемой» и «хаотической» турбулентности). Это позволит выявить, как институциональные рамки и политические культуры модулируют баланс между конфликтотенной и интегративной функциями исторического сознания.

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактаты по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. – 322 с.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
3. Ж. Ле Грофф. История и память / Жак Ле Гофф; [пер. с франц. К. З. Акопяна]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 303 с.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Москва: Новое издательство, 2007. – 348 с

5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

6. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с

8. Пичугин В.Г. Язык как средство конструирования исторического сознания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 293–301.

9. Пичугин В.Г., Кафтан В.В. Феномен практик социального конструирования истории: сущность и специфика их проявления в современном социуме // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 1. С. 119–126.

10. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.

11. Пичугин В.Г. Политика прошлого в цифровом социуме настоящего / В.Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 7. – С. 206–210.

THE PAST AS THE VALUE OF THE PRESENT: COGNITIVE AND SOCIAL FUNCTIONS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN THE ERA OF TRANSITIVITY

Muzashvili D.Z.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the transformation of historical consciousness in the context of transitivity, a state of uncertainty, nonlinearity and turbulence that characterizes modern social processes. Historical consciousness is considered not as a passive reflection of the past, but as an active cognitive-adaptive mechanism that constructs the past in response to the challenges of the present. The aim of the work is to identify and systematize its key cognitive and social functions that turn the past into a valuable resource for navigating into the future. Based on a theoretical and methodological synthesis (social constructivism, theory of social time, cultural memory and the “use of history”), the article shows that in the era of “compressed” time and fragmentation of experience, historical consciousness is qualitatively changing. Four key consequences of this transformation are highlighted: fragmentation and polarization of consciousness, a change in the mechanisms of its formation under the influence of the digital environment, as well as a reorientation towards the creation of a projective identity. The paper systematizes two interrelated cognitive functions of historical consciousness: hermeneutical (interpretation and appropriation of past experience) and modeling (creation of mental schemas for navigation in the future). His social functions, which acquire a dual character in transitivity, are also analyzed: legitimization and ensuring continuity, constructing collective identity, and mobilization, which simultaneously acts as a conflict. It is concluded that historical consciousness in the modern world is becoming the central node where the key contradictions between continuity and gap, identity and multiplicity are resolved. Its value is determined by its synthetic ability to transform the burden of the past into energy for meaningful action, turning the inevitable “struggle for the past” into the potential for dialogue about the future.

Keywords: historical consciousness, transitivity, cultural memory, social constructivism, collective identity, legitimation, historical politics, digital environment.

References

1. Berger P. Social construction of reality. Treatises on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. Moscow: Medium, 1995. 322 p.
2. Shtompka P. The Sociology of social change / Translated from English. Edited by V.A. Yadov, Moscow: Aspect Press, 1996, 416 p.
3. J. Le Groff. History and memory / Jacques Le Goff; [translated from French by K. Z. Hakobyan]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. –303 pp.
4. Halbvaks M. Social framework of memory / M. Halbvaks. Moscow: New Publishing House, 2007. – 348 pp.
5. Assman Ya. Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / Ya. Assman. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p.
6. Bauman Z. Fluid modernity. St. Petersburg: Peter, 2008. 240 p.
7. Baudrillard J. Simulacra and simulation. Tula: Tula Polygraphist, 2013. 204 p.
8. Pichugin V.G. Language as a means of constructing historical consciousness // Context and reflection: philosophy of the world and man. 2023. Volume 12. No. 1A. pp. 293–301.
9. Pichugin V.G., Kaftan V.V. The phenomenon of practices of social construction of history: the essence and specifics of their manifestation in modern society // Socio-political sciences. 2022. Vol. 12. No. 1. pp. 119–126.
10. Gadamer, H.-G. Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics / H.-G. Gadamer. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.
11. Pichugin V.G. Politics of the past in the digital society of the present / V.G. Pichugin // Socio-humanitarian knowledge. – 2025. – No. 7. – pp. 206–210.

Связь карьерных ориентаций и психологического здоровья молодежи в студенческих и вожатских организациях

Пожарская Елена Леонидовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: EL@rea.ru

Шукшина Людмила Викторовна,

доктор философских наук, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: hukshina.lv@rea.ru

Шубьякина Вера Николаевна,

студент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ имени Г.В. Плеханова, ВШ Социально-гуманитарных наук

Статья посвящена анализу связи карьерных ориентаций и психологического здоровья студенческой молодежи с учетом вовлеченности во внеучебную деятельность в студенческих и вожатских организациях. Актуальность исследования обусловлена тем, что для активной молодежи участие в студенческом самоуправлении и вожатской деятельности является значимой частью жизненного опыта и может по-разному отражаться на профессиональном самоопределении и психологическом благополучии. Рассматриваются особенности проявления карьерных ориентаций и компонентов психологического здоровья у молодежи, вовлеченной в различные формы социально значимой деятельности. Показано, что специфика внеучебной активности связана с различиями в направленности карьерных устремлений, уровне эмоциональной устойчивости и особенностях межличностного взаимодействия. Выявлено, что деятельность в студенческих организациях в большей степени сопряжена с ориентацией на конкуренцию, управленческие роли и профессиональный статус, тогда как участие в вожатской деятельности связано с более высоким уровнем психологического благополучия, выраженностью гуманистических ценностей и стремлением к интеграции различных сфер жизни. Полученные результаты расширяют представления о роли внеучебной деятельности как социального контекста формирования карьерных ориентаций и психологического здоровья молодежи и могут быть использованы в практике психолого-педагогического сопровождения студентов.

Ключевые слова: психологическое здоровье, карьерные ориентации, студенческая молодежь, студенческие организации, вожатская деятельность, внеучебная активность.

В современном обществе, особенно среди молодых людей, которые активно участвуют в различных социально значимых проектах, проводящихся на базах студенческих и вожатских организаций, растет интерес к тому, как эмоциональное и психологическое состояние молодых людей связано с их профессиональными решениями и реализацией, именно поэтому данное исследование будет учитывать вовлеченность молодежи в Студенческий совет и вожатскую деятельность в детских лагерях.

В настоящее время ведутся исследования, направленные на изучение того, как различные факторы, как субъективные, так и объективные, влияют на психологическое здоровье, в том числе, как с этим феноменом связаны карьерные ориентации, однако, исследований, посвященных связи психологического здоровья и карьерных ориентаций молодежи с учетом внеучебной деятельности, осуществляемой в студенческих и вожатских организациях, в научных публикациях представлено недостаточное количество работ, хотя подобная внеучебная деятельность – неотъемлемая составляющая жизни активной молодежи.

Здоровье выступает как одно из необходимых условий полноценной, активной, наполненной творчеством жизни человека. Только здоровый человек, обладая хорошим самочувствием, оптимизмом, психологической устойчивостью, высокой умственной и физической работоспособностью, способен активно жить, преодолевать профессиональные и бытовые трудности, добиваться успеха в современном динамичном мире [9].

В условиях развития рыночных отношений во всем мире и в частности в России карьерный рост становится все более значимым. Это дает сотрудникам возможность реализовать более широкий спектр потребностей и позволяет организации полнее раскрыть и использовать их профессиональный потенциал. В наши дни конкурентоспособность человека на рынке труда, карьерный рост, занятость, статусная иерархия должности являются основными направлениями его социально-экономической деятельности и важными показателями успешности. Достижение заметного положения в обществе является главным фактором, определяющим уровень реализации в жизни. Исследуя биографию человека, можно определить этапы профессиональной карьеры с учетом значимых жизненных событий, нисходящих и восходящих фаз развития, влияния личных и социально-экономических обстоятельств. Условия для свободного самоопределения, самореализации и автономного выбора индивидом путей движения в социальной структуре и социальном пространстве общества стали возможны отчасти благодаря демократизации. Сегодня одним из важнейших маркеров корпоративного успеха и измеримым результатом профессиональной деятельности человека является динамичная карьера [6].

Тема связи психологического здоровья и карьерных ориентаций молодежи является актуальной в теории и практике психологии [1]. В условиях динамично меняющегося мира, молодые люди сталкиваются с множеством вызовов, требующих от них не только профессиональной компетентности, но и способности к саморегуляции и адаптации. Психологическое здоровье становится важным фактором, влияющим на выбор карьеры и пути ее реализации, ведь удовлетворенность от работы, желание профессионально развиваться во многом зависят от внутреннего состояния личности [5].

Карьерные ориентации представляют собой устойчивые ценности и индивидуальные предпочтения, направляющие молодого человека в его профессиональной деятельности. Ориентации формируются под воздействием различных факторов, включая процесс социализации, обучения и личные характеристики, а психологическое здоровье, в свою очередь, охватывает эмоциональное, психологическое и социальное благополучие, что может отражаться на способности молодых людей делать осознанный выбор и достигать успеха в избранной профессии [3].

Изучение этой связи имеет важное значение, поскольку позволяет выявить, какие аспекты психологического здоровья наиболее влияют на карьерные предпочтения и какие карьерные пути могут способствовать улучшению или ухудшению психологического состояния молодежи.

Следует обратить внимание на то, что под молодежью в данном исследовании мы будем понимать именно студенческую молодежь. Мы будем придерживаться определения студенческой молодежи как специфической социально-демографической группы, которая переживает динамичные внутренние изменения и усложняющиеся отношения со всеми структурами общества, обладающая интеллектуальным капиталом и ресурсами для повышения своего профессионального уровня, проявляющая черты различных классов и слоев и участвующая в различных формах общественной деятельности, что позволяет ей конструктивно реализовывать свои жизненные стратегии [2].

Вожатские и студенческие организации играют важную роль в личностном и профессиональном развитии молодежи. Эти объединения предоставляют уникальные возможности для формирования социальных и профессиональных навыков, которые необходимы в современном мире. Участие в таких организациях способствует развитию лидерских качеств, чувства ответственности, формированию командного духа, поэтому показателями полного здоровья человека будут являться не только способность жить, умение действовать и развиваться в обществе, не испытывая психоэмоциональных проблем, желание и возможность заниматься физической активностью в соответствии со своим биологическим возрастом, но и возможность совершенствоваться и реализовываться в выбранной профессии [7].

Цель исследования: изучить связь психологического здоровья и карьерных ориентаций молодежи, осуществляющей деятельность в студенческих и вожатских организациях.

Гипотеза исследования: Существуют значительные различия в показателях психологического здоровья и карьерных ориентаций молодежи, осуществляющей деятельность в студенческих и вожатских организациях, а именно: у активистов Студенческого совета карьерные стремления сформулированы более конкретно, чем у вожатых, и направлены на власть и конкуренцию, однако уровень психологического здоровья вожатых выше.

База исследования. Эмпирическое исследование проводилось на базе ТЛШ «Атмосфера» (далее – лагерь) и РЭУ им. Г.В. Плеханова (далее – РЭУ).

В рамках данного исследования приняло участие 60 студентов. Среди них 30 студентов РЭУ очной формы обучения, ведущих активную студенческую жизнь (студенты первой группы «активисты») и 30 студентов-вожатых, принимающих активное участие в организации детского досуга в лагере (вторая группа «вожатые»). Возраст респондентов студенческой молодежи в нашей выборке составил от 18 до 22 лет.

Характеристика первой группы. Студенты первой группы (30 человек) «активисты» уже имели опыт активной студенческой жизни к моменту проведения исследования, участвуя в различных долгосрочных и краткосрочных проектах университета. Однако активисты при этом не имели опыта вожатской деятельности.

Характеристика второй группы. Студенты второй группы «вожатые» (30 человек) на период исследования уже имели опыт вожатской деятельности в лагере в летний и зимний периоды, а также организовывали межсезонные мероприятия. Вожатые, перед тем как стать непосредственными членами организации, прошли тщательный отбор, который позволил выявить способных к педагогической деятельности (ведению учебных пар по различным дисциплинам) студентов. При отборе в лагерь учитывалось также качество заявленных тематических мероприятий, клубов и вечеров.

Карьерные ориентации изучались с помощью методики «Якоря карьеры» Автор: Edgar Schein (1976) Адаптация: В.А. Чикер, В.Э. Винокурова (2000) [8]. Состояние психологического здоровья изучалось с использованием методики «Индивидуальная модель психологического здоровья» (ИМПЗ) Автор: А.В. Козлов (2014) [4]. Опросник The Big Five Inventory (BFI-2-S) Авторы: O. John, C. Soto (2017) Адаптация: С.А. Щететенко, А.Ю. Калугин и др. (2022) помог изучить нам личностные черты и их аспекты.

На этапе математико-статистической обработки были проведены сравнительные исследования компонентов психологического здоровья и карьерных ориентаций активистов студенческого совета и вожатых детского лагеря. Для этого использовался простой непараметрический U-критерий Манна-Уитни, позволяющий оценить различия между двумя выборками по уровню количественно измеренного признака. Для статической обработки результатов применялась программа Jamovi.

Для подтверждения достоверности различий и с целью проверки гипотезы о том, что существуют значительные различия в показателях психологического здоровья и карьерных ориентаций молодежи, осуществляющей деятельность в студенческих и вожатских организациях, а именно: у активистов Студенческого совета карьерные стремления сформулированы более конкретно, чем у вожатых, и направлены

на власть и конкуренцию, однако уровень психологического здоровья вожатых выше, полученные данные были подвергнуты дальнейшему статистическому анализу с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни.

Процесс статистической обработки результатов проводился с использованием программы Jamovi.

1. Методика «Якоря карьеры» Автор: Edgar Schein (1976) Адаптация: В.А. Чикер, В.Э. Винокурова (2000) Таблица 1. Если посмотреть на значения шкалы «Менеджмент» можно заметить, что студенты, осуществляющие деятельность в Студенческом совете, в отличие от вожатых, в большей степени нацелены на достижение статуса управленца, который осознает свою ответственность и может объединять усилия людей, имея над ними определенную власть. Можно предположить, что студенты имеют более выраженную потребность в таком статусе, так как их опыт управления обуславливает взаимодействие со сверстниками, более взрослыми людьми и иногда с медийными личностями, в то время как в ситуации с вожатством дети воспринимают вожатых как взрослых людей (при правильном позиционировании) и охотнее идут на подчинение из-за разницы в возрасте и знаниях.

В таком контексте борьбы за статус и власть можно понять и различия в результатах по шкале «Вызов», который у активистов выражен гораздо сильнее, чем у вожатых, ведь в Студенческом совете возникает высокая конкуренция в процессе отбора участников и организаторов тех или иных мероприятий, в то время как вожатые, если и проходят отбор, то после него они закреплены за определенным отрядом и более не подвергаются конкуренции.

Таблица 1. Сравнительный анализ результатов активистов и вожатых по методике «Якоря карьеры»

Шкала	Среднее значение		Значение критерия Манна-Уитни	Уровень значимости
	активисты	вожатые		
Профессиональная компетентность	4,47	5,2	394	0,405
Менеджмент	7,07	5,53	290	0,016
Автономия	6,67	6,8	430	0,77
Стабильность места работы	7,87	6,67	248	0,002
Стабильность места жительства	3,8	4	406	0,516
Служение	8	7,6	392	0,385
Вызов	6,27	4,53	260	0,005
Интеграция стилей жизни	6,33	7,13	298	0,02
Предпринимательство	6,07	5,07	340	0,101
Обобщенный результат	6,27	5,87	382	0,289

Рассматривая результаты по шкале «Стабильность места работы» представляется интересным то, что для активистов более важна стабильная и предсказуемая деятельность (в перспективе стабильная организация с хорошим социальным обеспечением), возможно, на это влияет то, что некоторые проекты требуют долгой подготовки (более трех недель) и зачастую являются не единственными в один и тот же промежуток времени, поэтому нарушение стабильности может привести к пересечению нескольких проектов, что не позволит качественно выполнять работу. Вожатые, в свою очередь, имеют более четкое представление того, как они должны действовать во время их пребывания в лагере при изменении графиков в смене, так как эти изменения в основном гармонично вливаются в расписание детского досуга.

Касаемо шкалы «Интеграция стилей жизни», показатели которой больше выражены у вожатых, мы можем констатировать, что активисты Студенческого совета менее склонны находить баланс между различными сферами жизни, акцентируя свое внимание в большей степени на конкуренции, борьбе за статусы и проявлении себя в общественной деятельности, что можно рассматривать как ориентацию на свою карьеру. Вожатые по-видимому способны лучше интегрировать сферы жизни, не выделяя ведущую.

2. Методика «Индивидуальная модель психологического здоровья» (ИМПЗ) Автор: А.В. Козлов (2014) Таблица 2. По шкале «Просоциальный вектор» (ПВ) результаты активистов выше, чем результаты вожатых, что говорит о большей удовлетворенности межличностными отношениями молодежи, занимающейся активной студенческой деятельностью.

Таблица 2. Сравнительный анализ результатов активистов и вожатых по методике «Индивидуальная модель психологического здоровья» (ИМПЗ)

Шкала	Среднее значение		Значение критерия Манна-Уитни	Уровень значимости
	активисты	вожатые		
СтВ	6,47	7,87	354	0,152
пв	7,13	6,47	322	0,051
яв	6	6,13	382	0,309
ТВ	5,93	6,47	386	0,342
дв	5,47	5,8	376	0,269
ив	7,87	8,6	380	0,287
св	4,93	5,2	370	0,231
ГВ	4,93	5,07	432	0,791

Можно предположить, что уровень удовлетворенности межличностными отношениями зависит и от других факторов.

3. Опросник The Big Five Inventory (BFI-2-S) Авторы: O. John, C. Soto (2017) Адаптация: С.А. Щebetенко, А.Ю. Калугин и др. (2022) Таблица 3. Рассматривая результаты по шкале «Настойчивость», мы видим значительные различия между показателями, которые выше у активистов, предположим, что это может быть связано с тем, что у активистов более конкурентная среда, поэтому они чаще вынуждены отстаивать свою точку зрения, аргументировать те или иные стратегии деятельности, чтобы показать, свою компетентность в тех или иных вопросах и повысить вероятность прохождения отбора на руководящие позиции в реализации тех или иных проектов. Деятельность вожатых, в свою очередь, подразумевает более гибкое поведение и умение находить компромиссы во взаимодействии с детьми, родителями и администрацией лагеря, вероятно, настойчивость поэтому и ниже.

Таблица 3. Сравнительный анализ результатов активистов и вожатых по опроснику The Big Five Inventory (BFI-2-S)

Шкала	Среднее значение		Значение критерия Манна-Уитни	Уровень значимости
	активисты	вожатые		
Экстраверсия	72,5	66,1	360	1,184
Общительность	68,9	69,7	444	0,934
Настойчивость	72,33	57,33	302	0,025
Энергичность	75,7	70,7	386	0,337
Доброжелательность	54,13	66	240	0,002
Сочувствие	59,8	72,27	284	0,012
Уважительность	58	71,6	278	0,009
Доверие	45,53	53,87	338	0,094
Добросовестность	63	66,1	442	0,91
Организованность	58,1	66,5	370	0,232
Продуктивность	67,2	65,5	428	0,746
Ответственность	61,5	65,6	374	0,246
Негативная эмоциональность	60,47	51,13	336	0,092
Тревожность	73,1	69,8	402	0,472
Депрессивность	49	37,2	324	0,06
Эмоциональная изменчивость	58,87	45,67	310	0,037
Открытость опыту	77,9	73,6	366	0,215
Любознательность	76,5	68,9	360	0,171
Эстетичность	79	75,7	404	0,49
Творческое воображение	78,1	72,3	376	0,266

Рассматривая такую черту личности как доброжелательность и соответствующую ей шкалу «Доброжелательность» опросника The Big Five Inventory (BFI-2-S), представляется интересным то, что не только по ней более высокие результаты у группы респондентов «вожатые», но и по аспектам этой черты «Сочувствие», «Уважительность», «До-

верие» у нее также результаты достоверно выше, чем у активистов. Таким образом, можно заключить, что вожатые, как правило, более тактичны, вежливы во взаимоотношениях с людьми, соблюдают иерархию на работе, склонны к сотрудничеству, больше доверяют людям, сострадательны к чужим проблемам, что особенно необходимо при работе с детьми и их родителями. Активисты напротив – более прямолинейны и способны вступить в спор, склонны скептически относиться к чужим намерениям, менее гибки во взаимодействии, им нравится соревноваться, что в целом обусловлено конкурентной средой вуза и отбором на его проекты.

По шкале «Негативная эмоциональность» (Невротизм), представляющей черту личности, отвечающую за эмоциональную неустойчивость, тревогу и сниженную стрессоустойчивость совместно с аспектами «Депрессивность» и «Эмоц. изменчивость», можно судить о том, что у активистов в значительно большей степени эмоционально чувствительны и склонны к перепадам настроения, чаще испытывают негативные эмоции и сильнее реагируют на негативные события.

Можно предположить, что на невротизм молодежи, принимающей активное участие в студенческой жизни влияют такие факторы как постоянная конкуренция, вынужденная адаптация к постоянно меняющимся условиям, связанным со спецификой каждого проекта и людьми, работающими в группе с ними, большой ответственностью перед администрацией вуза и его партнерами. Вожатые более эмоционально стабильны и спокойны в стрессовых ситуациях, быстрее восстанавливаются после негативных событий, что может быть связано с большей организованностью и дисциплиной, так как они несут ответственность за благополучие детей.

Таким образом, опираясь на первичный статистический анализ и на сравнительный анализ Манна-Уитни, мы можем утверждать о существовании значимых различий в показателях психологического здоровья и карьерных ориентаций молодежи, осуществляющей деятельность в студенческих и вожатских организациях.

На наш взгляд, выявленные различия связаны с тем, что деятельность и активиста Студенческого совета, и вожатого имеет свою специфику, которая выражается в разных аспектах. Так, молодежь, вовлеченная в активную студенческую жизнь, постоянно находится в конкурентной среде, которая требует отличной коммуникации, умения отстаивать свое мнение и идти на риск, а также совмещать несколько различных проектов одновременно, чтобы быть в курсе событий, совершенствовать свои управленческие навыки и обретать новые статусы, однако все это может, с одной стороны, привести к укреплению своих карьерных ориентаций и более четкому пониманию своего места в профессиональной деятельности, с другой стороны, к повышенной степени тревожности и неврозу, который негативно влияет на психологическое благополучие личности. Деятельность вожатых также уникальна и отличается большой ответственностью за жизнь и психологическое благополучие детей, подразумевает постоянное взаимодействие с подростками, их родителями и администрацией лагеря, где требуются доброжелательность, чуткость, уважение мнений всех сторон и умение находить компромиссы при решении тех или иных задач в процессе организации детского досуга, а также навыки сохранения стрессоустойчивости, которые, необходимы для сохранения психологического здоровья и формирования адекватных карьерных ориентаций, которые не будут мешать гармоничной интеграции всех сфер жизни [10].

Также необходимо обратить внимание и на то, что при всех различиях эти группы похожи тем, что они готовы работать за идею, а не за материальное вознаграждение, ставить главной целью реализацию себя на благо обществу, даже если деятельность связана с большими энергетическими затратами и может не только позитивно влиять на психологическое здоровье (в виде, например, эмоциональной удовлетворенности от общения или достижения поставленных целей), но и негативно, вызывая стресс, тревожность и пониженный эмоциональный фон. Карьерные ориентации у обеих групп сформированы, хотя и отличаются своими направленностями, что говорит о желании респондентов осознанно выбирать свой профессиональный путь в будущем.

Таким образом, карьерные ориентации формируются под влиянием различных факторов, таких как социализация, образование, личностные характеристики, и они, в свою очередь, оказывают влияние на эмоциональное и социальное благополучие.

Литература

1. Абдулмуталимова, Н.Р. Здоровый образ жизни студента / Н.Р. Абдулмуталимова // Проблемы современной науки и образования. – 2022. – № 5(174). – С. 47–48.

2. Авакян Р.А. Студенческая молодежь и современные проблемы ее социализации в условиях информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. Вып. 2 (339). С. 41–54.

3. Васякин Б.С., Пожарская Е.Л., Ростеванов А.Г. Социально-психологические факторы, влияющие на профессиональное выгорание сотрудников. Горизонты экономики. 2020. № 1 (54). С. 33–37.

4. Козлов, А.В. Методика диагностики психологического здоровья / А.В. Козлов // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 6(12). – С. 110–117.

5. Пожарская Е.Л., Кузнецова Ю.В., Корнешова М.А. Влияние цифровых технологий на психоэмоциональное состояние студентов экономического профиля. Экономика и предпринимательство. 2025. № 9 (182). С. 985–989.

6. Пожарская Е.Л., Дебердеева Н.А. Психологические особенности профессионального самоопределения и ценностные ориентации молодежи на этапе профессионального обучения в высшей школе Успехи современной науки. 2017. Т. 5. № 4. С. 191–198.

7. Портрет современного вожатого детского оздоровительного лагеря: сборник материалов всероссийского исследования / под ред. Е.В. Киселевой и Б.А. Дейча. – Новосибирск, 2023. – 234 с.

8. Чикер, В.А. Психологическая диагностика организации и персонала / В.А. Чикер; В.А. Чикер. – СПб.: Речь, 2004. – 172 с.

9. Шукшина Л.В., Пожарская Е.Л., Бадмаева С.В., Эйфир М.М. Особенности формирования психологического здоровья сотрудников физкультурно-оздоровительных организаций в условиях цифровой трансформации. Теория и практика физической культуры. 2023. № 5. С. 34–35.

10. Шукшина Л.В., Пожарская Е.Л., Когай И.А., Эйфир М.М. Особенности влияния цифровой трансформации на профессиональную востребованность личности. Социология. 2023. № 2. С. 81–85.

THE RELATIONSHIP BETWEEN CAREER ORIENTATIONS AND THE PSYCHOLOGICAL HEALTH OF YOUNG PEOPLE IN STUDENT AND LEADERSHIP ORGANIZATIONS

Pozharskaya E.L., Shukshina L.V., Shubyakina V.N.
Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to the analysis of the relationship between career orientations and psychological health of students, taking into account their involvement in extracurricular activities in student and leadership organizations. The relevance of the study is due to the fact that for active young people, participation in student self-government and leadership activities is an important part of their life experience and can have different effects on their professional self-determination and psychological well-being. The article examines the characteristics of career orientations and components of psychological health among young people who are involved in various forms of socially significant activities. It has been shown that the specifics of extracurricular activities are related to differences in the direction of career aspirations, the level of emotional stability, and the features of interpersonal interaction. It was found that activities in student organizations are more likely to be associated with a focus on competition, managerial roles, and professional status, while participation in leadership activities is associated with a higher level of psychological well-being, the expression of humanistic values, and a desire to integrate various areas of life. These findings expand our understanding of the role of extracurricular activities as a social context for the formation of career orientations and psychological health among young people and can be used in the practice of psychological and pedagogical support for students.

Keywords: psychological health, career orientations, student youth, student organizations, leadership activities, extracurricular activities.

References

1. Abdulmutalimova, N.R. Healthy lifestyle of a student / N.R. Abdulmutalimova // Problems of modern science and education. – 2022. – № 5(174). – Pp. 47–48.

2. Avakyan R.A. Student youth and modern problems of its socialization in the conditions of the information society // Bulletin of Adygea State University. Ser.: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2024. Issue 2 (339). Pp. 41–54.

3. Vasyakin B.S., Pozharskaya E.L., Rostevanov A.G. Socio-Psychological Factors Affecting Professional Burnout of Employees. Horizons of Economics. 2020. № 1 (54). Pp. 33–37.

4. Kozlov, A.V. Methodology for diagnosing psychological health / A.V. Kozlov // Prospects for Science and Education. – 2014. – № 6(12). – Pp. 110–117.

5. Pozharskaya E.L., Kuznetsova Yu.V., Korneshova M.A. The Influence of Digital Technologies on the Psychoemotional State of Students in the Economic Field. Economics and Entrepreneurship. 2025. № 9 (182). Pp. 985–986.

6. Pozharskaya E.L., Deberdeeva N.A. Psychological features of professional self-determination and value orientations of young people at the stage of professional training in higher education Successes of modern science. 2017. Vol. 5. № 4. Pp. 191–198.

7. Portrait of a modern counselor in a children's health camp: a collection of materials from an all-Russian study / edited by E.V. Kiseleva and B.A. Deich. – Novosibirsk, 2023–234 p.

8. Chiker, V.A. Psychological diagnostics of the organization and personnel / V.A. Chiker; V.A. Chiker. – SPb.: Rech, 2004. – 172 p.

9. Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Badmaeva S.V., Eifir M.M. Features of the formation of psychological health of employees of physical culture and health organizations in the conditions of digital transformation. Theory and Practice of Physical Culture. 2023. № 5. Pp. 34–35.

10. Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Kogai I.A., Eifir M.M. Features of the Impact of Digital Transformation on the Professional Demand for an Individual. Sociology. 2023. № 2. Pp. 81–85.

Исследование и применение смешанной модели обучения в преподавании базового японского языка в высших учебных заведениях

Айнур,

магистр, преподаватель, Синьцзянский педагогический университет

E-mail: 645397819@qq.com

В статье рассматриваются особенности исследования и применения смешанной модели обучения в преподавании базового японского языка в высших учебных заведениях в условиях образовательной информатизации. На основе анализа традиционной практики обучения выявляются основные методические и организационные проблемы, связанные с фрагментарным использованием цифровых технологий, недостаточным уровнем учебной автономии студентов и несоответствием существующих оценочных механизмов логике смешанного обучения. Обосновывается педагогический потенциал интеграции онлайн- и офлайн-компонентов в формировании языковых и межкультурных компетенций, а также в повышении коммуникативной направленности и индивидуализации учебного процесса. В статье подчёркивается необходимость оптимизации смешанного обучения на основе системного учебного дизайна, динамического оценивания и внедрения интеллектуальных средств поддержки, ориентированных на процессное развитие языковых умений. Сделан вывод о том, что смешанное обучение следует рассматривать как целостную педагогическую систему, способствующую повышению качества базового языкового образования в высшей школе.

Ключевые слова: смешанная модель обучения, базовый японский язык, высшее образование, образовательная информатизация, учебная автономия.

Введение

В условиях активной информатизации образования и цифровой трансформации высшей школы проблема обновления методов преподавания иностранных языков приобретает особую актуальность. Базовый курс японского языка в высших учебных заведениях, ориентированный на формирование фундаментальных языковых и межкультурных компетенций, в наибольшей степени испытывает влияние данных процессов. Традиционная модель обучения, основанная преимущественно на объяснительно-репродуктивном подходе, всё в меньшей степени соответствует современным требованиям к гибкости обучения, индивидуализации учебных траекторий и практической направленности языковой подготовки.

В этой связи смешанная модель обучения, предполагающая интеграцию онлайн- и офлайн-форм образовательной деятельности, рассматривается как перспективное направление модернизации преподавания базового японского языка. Потенциал данной модели заключается в возможности оптимального распределения учебного времени, расширения коммуникативной практики, усиления межкультурного компонента и повышения учебной автономии студентов. Вместе с тем практика её реализации в высших учебных заведениях демонстрирует наличие ряда методических и организационных противоречий, связанных с фрагментарным использованием технологий, недостаточной согласованностью учебного дизайна и несоответствием традиционных оценочных механизмов логике смешанного обучения.

Несмотря на растущий интерес исследователей к проблематике смешанного обучения, вопросы его системного внедрения в преподавание базового японского языка, а также условия эффективной интеграции цифровых инструментов, учебной автономии и динамического оценивания остаются недостаточно разработанными. В связи с этим целью настоящего исследования является анализ особенностей применения смешанной модели обучения в преподавании базового японского языка в высших учебных заведениях, выявление основных проблем её реализации и обоснование направлений оптимизации учебного процесса в условиях образовательной информатизации.

Смешанная модель обучения в преподавании базового курса японского языка в вузах и её значение

Волна информатизации образования способствует глубинным изменениям форм обучения, и внедрение смешанной модели обучения в базовые курсы японского языка в высших учебных заведениях является закономерным откликом на данную тенденцию. Традиционное преподавание японского языка на протяжении длительного времени основывалось на односторонней передаче знаний, при этом методы языковой подготовки отличались жёсткостью и негибкостью, что затрудняло преодоление временных и пространственных ограничений и не позволяло реализовать подлинно интерактивное обучение. Интеграция информационных технологий разрушает сложившийся застой, обеспечивая объединение онлайн-ресурсов и очной практики и тем самым заново выстраивая целостную цепочку преподавания и обучения. Преподаватели получают возможность перенести стандартизированные языковые знания на сетевые платформы, высвобождая аудиторное время для концентрации на коммуникативном применении языка, тогда как студенты с помощью цифровых инструментов многократно закрепляют базовые навыки и, исходя из собственного темпа, реализуют поэтапное обучение. Данная взаимодополняющая структура сохраняет преимущество очного взаимодействия, включая эмоциональный контакт между преподавателем и обучающимися, и одновременно раскрывает эффективность технологической поддержки, приближая процесс усвоения языка к реальным условиям общения [1].

Особенно значима роль мультимедийных ресурсов в формировании межкультурного понимания, поскольку они преодолевают абстрактность текстовой формы и способствуют формированию у обучающихся целостной, многомерной модели языкового и культурного восприятия. Информатизация образования в данном контексте не сводится к техническому оснащению обучения, а предполагает системное переосмысление учебного процесса, в результате чего передача знаний

трансформируется от линейного к многоуровневому формату [2]. Такая модель, выходящая за рамки традиционных подходов, позволяет базовому обучению японскому языку сохранять гуманистическую направленность и одновременно формировать языковые компетенции, отвечающие требованиям современной социокультурной среды. Данная трансформация отражает объективную тенденцию углублённой интеграции информационных технологий и языкового образования.

Традиционное преподавание базового японского языка в высших учебных заведениях на протяжении длительного времени характеризовалось рядом педагогических ограничений, включая доминирование объяснительно-репродуктивной модели, пассивное усвоение грамматико-лексического материала, недостаток интерактивного взаимодействия и игнорирование индивидуальных различий обучающихся. Разрыв между языковыми знаниями и культурным контекстом дополнительно снижал глубину понимания и практическую результативность обучения. Смешанная модель обучения, основанная на органичном сочетании онлайн-самоподготовки и очной коммуникативной практики, обеспечивает преодоление указанных ограничений. Предварительное освоение материала в цифровой среде позволяет трансформировать аудиторные занятия в пространство моделирования речевых ситуаций, коррекции ошибок и межкультурного анализа, в ходе чего грамматические структуры усваиваются в реальных коммуникативных контекстах [3]. Возможность многократного обращения к мультимедийным ресурсам и использования интеллектуальных инструментов способствует индивидуализации обучения, снижению давления единого темпа и переходу от механического заучивания к гибкому языковому использованию.

В условиях смешанного обучения меняется и профессиональная роль преподавателя, который выступает в качестве проектировщика учебного процесса, опирающегося на анализ учебных данных для корректировки содержания и форм работы. Данная модель компенсирует ограниченность аудиторного времени, характерную для традиционного обучения, и одновременно предотвращает эмоциональную отчуждённость, свойственную исключительно онлайн-форматам. Виртуальные культурные сценарии, создаваемые с помощью мультимедийных средств, делают социокультурные нормы и способы мышления наглядными и доступными для осмысления, обеспечивая интеграцию языкового и культурного компонентов обучения и реализацию принципа практической направленности языкового образования.

Смешанная модель обучения наполняет базовые курсы японского языка в высших учебных заведениях внутренним импульсом, стимулирующим учебную активность студентов. В рамках традиционного подхода обучающиеся привыкли следовать ритму преподавателя и пассивно воспринимать знания; предварительная и последующая работа с материалом нередко была лишена системного руководства, а языковая подготовка в основном ограничивалась подражанием, вследствие чего формирование навыков самостоятельного обучения оказывалось затруднённым. Смешанное обучение выстраивает двухконтурную систему, в которой «онлайн-основа» и «офлайн-углубление» дополняют друг друга, передавая инициативу в обучении самим студентам. Преподаватели заранее структурируют ключевые элементы учебного содержания и разрабатывают краткие, чётко организованные цифровые ресурсы; студенты, опираясь на собственное понимание, неоднократно обращаются к этим материалам, фиксируют возникающие вопросы и приходят на очные занятия с осмысленными запросами. Аудиторное время перестаёт расходоваться на базовые объяснения и используется для выполнения заданий повышенной сложности, таких как групповые ситуационные диалоги и анализ культурных различий, в ходе которых разрозненные знания постепенно интегрируются в практическую коммуникативную компетенцию.

Функциональные возможности онлайн-платформ включая поэтапные тренировочные задания и автоматическую обратную связь на основе распознавания речи обеспечивают основу для послеклассной практики: студенты самостоятельно планируют учебный процесс и посредством оперативной оценки выявляют собственные слабые стороны. Преподаватели, анализируя полученные данные, разрабатывают усиленные модули для устранения типичных трудностей и предоставляют адресные рекомендации с учётом индивидуальных различий. Подобная поддержка позволяет сочетать целенаправленность и гибкость обучения; после формирования замкнутого цикла между фрагментарным освоением материала и системной тренировкой студенты постепенно осваивают закономерности языка и переходят от зависимости от объяснений к активному конструированию собственной системы знаний. Это не только повышает эффективность обучения, но и формирует навыки самостоятельного, непрерывного образования, придавая языковому обучению ценность принципа «Дай человеку

рыбу, и ты накормишь его только на один день. Научи его ловить рыбу, и ты накормишь его на всю жизнь» [4].

Актуальные проблемы смешанного обучения базовому японскому языку в высших учебных заведениях

В современной практике смешанного обучения базовому японскому языку в высших учебных заведениях выявляется ряд существенных проблем. В отдельных учебных курсах обновление педагогического дизайна не поспевает за быстрым обновлением технологических инструментов: преподаватели нередко затрачивают значительные усилия на освоение платформ и накопление ресурсов, чрезмерно акцентируя внимание на новизне технических форм, тогда как точная декомпозиция учебных целей и их поэтапная реализация остаются недостаточно проработанными. Онлайн-компонент обучения часто сводится к электронной репликации печатных учебников, где преобладают механические упражнения на заполнение пропусков и пассивный просмотр видеоматериалов, что не позволяет в рамках целостной цепочки учебных заданий эффективно стимулировать развитие языковой компетенции. Очные занятия, в свою очередь, вследствие чрезмерной зависимости от технологических средств демонстрации, утрачивают насыщенность прямого речевого взаимодействия между преподавателем и студентами [5]. Технологические инструменты, призванные служить логике обучения, на практике нередко используются ради самого факта применения: функции мгновенной обратной связи интеллектуальных программ не интегрируются органично в систему коррекционной работы, культурное содержание мультимедийных ресурсов ограничивается поверхностным восприятием, а интерактивный дизайн не обеспечивает достаточного педагогического сопровождения и направленности.

Подобная фрагментация приводит к тому, что студенты оказываются вовлечёнными в двойной неэффективный цикл: в онлайн-среде они формально выполняют задания для завершения курса, а в аудитории пассивно наблюдают за демонстрациями. Несмотря на внешнее разнообразие форм технологического применения, фактическая организация обучения носит разрозненный характер и не формирует системной основы для поступательного развития языковых навыков [6]. В результате педагогические закономерности и технологические инновации не достигают глубокой взаимной интеграции, а инструментальная рациональность затмевает сущностные потребности языкового обучения, что на фундаментальном уровне и объясняет возникновение указанных проблем.

Глубинные противоречия, возникающие в процессе трансформации аудиторных занятий по базовому японскому языку в высших учебных заведениях, в частности проявляются в недостаточном уровне учебной автономии студентов в условиях смешанной модели обучения [7]. Привыкшие к длительному пассивному восприятию знаний, обучающиеся нередко теряют ориентиры при работе с онлайн-ресурсами: одни сводят использование сетевых материалов к простому просмотру видеоконтента и сдаче заданий, не обладая осознанием необходимости самостоятельного планирования образовательной траектории; другие чрезмерно полагаются на системные подсказки и при возникновении затруднений инерционно ожидают разъяснений со стороны преподавателя, не формируя устойчивой установки на самостоятельное исследование. В ходе очных дискуссионных заданий недостаточная предварительная подготовка или ограниченная глубина осмысления материала приводят к тому, что взаимодействие между студентами зачастую остаётся на поверхностном уровне и не запускает процессы внутренней языковой интериоризации. Удобство технологических платформ парадоксальным образом способствует формированию учебной инертности: мгновенная помощь интеллектуальных переводческих инструментов ослабляет стремление к самостоятельному анализу грамматических структур, а фрагментарный характер обучения постепенно снижает способность к интеграции знаний. В основе данных явлений лежат как укоренившиеся мыслительные стереотипы, сформированные традиционной педагогической практикой, так и дефицит механизмов педагогического сопровождения в дизайне смешанного обучения. При чрезмерной концентрации преподавателей на разнообразии и объёме предоставляемых ресурсов систематическое формирование учебных стратегий остаётся вне поля внимания. В результате переход от обучения «под руководством» к обучению «на основе самостоятельности» не получает необходимой поэтапной поддержки. В условиях, когда технологические средства не вступают в резонанс с развитием учебных способностей, недостаток автономии студентов становится ключевым узким местом, ограничивающим эффективность смешанной модели обучения.

В процессе внедрения смешанной модели обучения в базовые курсы японского языка в высших учебных заведениях всё более отчётливо проявляется проблема несоответствия системы оценивания новым формам организации обучения [8]. В онлайн-компоненте образовательного процесса в качестве количественных показателей нередко используются продолжительность просмотра видеоматериалов и процент выполненных заданий, тогда как динамика мыслительных процессов, сопровождающих языковую практику, остаётся вне поля внимания. Очная форма контроля по-прежнему в значительной степени опирается на результаты письменных экзаменов, вследствие чего такие ключевые компетенции, как устная речевая деятельность и межкультурное коммуникативное реагирование, с трудом поддаются точной фиксации. Данные двух типов оценивания существуют изолированно и не объединяются в целостный анализ всего процесса обучения. В результате студенты ориентируются на механическое выполнение онлайн-заданий ради накопления баллов, демонстрируя низкую вовлечённость в аудиторские формы взаимодействия, требующие углублённого осмысления. Преподаватели, ограниченные узостью оценочных параметров, склонны воспринимать поверхностные данные, зафиксированные технологическими платформами, как отражение реальных учебных результатов, игнорируя скрытый рост компетенций в процессе практического использования языка.

Хотя технологические инструменты позволяют отслеживать учебные траектории, формируемые ими количественные показатели нередко упрощают сложную природу языкового усвоения. Оценки, выдаваемые программами коррекции произношения, с трудом соотносятся со способностью к гибкому речевому реагированию в реальных коммуникативных ситуациях, а оценивание заданий по культурному пониманию часто ограничивается воспроизведением фактических знаний [9]. Подобная фрагментарная система оценивания не способствует формированию у студентов баланса между накоплением знаний и развитием умений, а первоначальный замысел смешанного обучения как интегрированной модели «онлайн–офлайн» утрачивает устойчивость. В условиях отсутствия научно обоснованных оценочных ориентиров педагогические улучшения лишаются надёжной опоры, и если система оценивания не отражает многомерный характер языкового обучения, риск формализации смешанной модели становится неизбежным.

Стратегии оптимизации смешанного обучения базовому японскому языку в высших учебных заведениях

Оптимизация смешанного обучения базовому японскому языку в высших учебных заведениях должна основываться на системном подходе к проектированию курса, предполагающем органичную интеграцию учебных целей, организации деятельности и механизмов оценивания. Ключевой задачей учебного дизайна является выстраивание сквозной логики формирования языковой компетенции, в рамках которой онлайн- и офлайн-компоненты выполняют взаимодополняющие функции.

Онлайн-ресурсы целесообразно разрабатывать в соответствии с двумя базовыми направлениями закреплением языковой основы и развитием культурного восприятия. Модульная организация грамматических видеоматериалов обеспечивает гибкость их использования, а включение виртуальных диалогов и культурно-документальных ресурсов способствует интеграции языковых знаний в социокультурный контекст. Очные занятия при этом должны быть ориентированы на трансформацию знаний в умения: ролевые игры, дискуссии и иные интерактивные формы позволяют перевести онлайн-накопление материала в способность к оперативному речевому реагированию. В данной модели преподаватель выступает не столько транслятором знаний, сколько организатором языковых ситуаций, гибко корректируя учебные стратегии на основе наблюдения за затруднениями студентов.

Существенного пересмотра требует и система оценивания. Вместо механического суммирования разрозненных показателей целесообразно формирование динамической модели процессного мониторинга и профилирования компетенций. Онлайн-платформы фиксируют микроуровневые данные (динамику усвоения лексики, параметры аудитивной реакции, типологию грамматических ошибок), тогда как офлайн-оценивание охватывает интегративные показатели беглости речи и глубину культурного понимания. Перекрёстный анализ данных позволяет выстраивать персонализированные образовательные профили, служащие основой как для педагогической коррекции, так и для саморегуляции обучения.

Дальнейшее развитие смешанного обучения требует внедрения интеллектуальных систем поддержки, охватывающих полный цикл «обучение – тренировка – оценивание – диагностика». Такие системы трансформируют педагогические закономерности в алгоритмические

модели и обеспечивают адресное вмешательство на основе динамического анализа учебных данных [10]. Диагностические модули выявляют пробелы в грамматике и культурном понимании на этапе онлайн-подготовки, а в процессе очного взаимодействия фиксируют речевые затруднения и визуализируют их в аналитических профилях.

Для преодоления разрыва между онлайн– и офлайн-обучением необходимы механизмы сквозной связи заданий: вопросы, возникающие в цифровой среде, становятся предметом аудиторных обсуждений, а выявленные трудности трансформируются в индивидуализированные послеклассные задания. При этом интерфейс для студентов должен минимизировать ориентацию на балльные показатели, смещая акцент на визуализацию динамики развития компетенций, тогда как преподавательский интерфейс ориентируется на аналитическое выявление закономерностей перехода от механического усвоения к гибкому использованию языка [11].

Наконец, оптимизация системы оценивания предполагает отказ от статичных критериев в пользу гибкой настройки весов показателей в соответствии с этапами обучения: от приоритета полноты базового усвоения к акценту на практическое применение и межкультурную коммуникативную адаптивность. Технологические инструменты в данной системе выполняют вспомогательную функцию, обеспечивая объёмную интеграцию данных и формирование развёрнутой обратной связи, включающей диагностику затруднений и рекомендации по их преодолению. Такой подход позволяет снизить формализацию смешанного обучения и обеспечить переход от внешнего сочетания форм к устойчивой синергии педагогической эффективности.

Заключение

Исследование подтверждает, что смешанная модель обучения обладает существенным потенциалом для повышения эффективности преподавания базового японского языка в высших учебных заведениях. Органичное сочетание онлайн– и офлайн-форм обучения позволяет преодолеть ограничения традиционной модели, усилить коммуникативную направленность курса, учитывать индивидуальные особенности обучающихся и обеспечить интеграцию языкового и культурного компонентов. Вместе с тем анализ практики выявил ряд проблем, связанных с фрагментарным использованием технологий, недостаточной учебной автономией студентов и несоответствием существующих систем оценивания логике смешанного обучения. Формализация онлайн-деятельности и статичность оценочных механизмов ограничивают реализацию педагогического потенциала данной модели.

В статье обоснована необходимость оптимизации смешанного обучения на основе системного учебного дизайна, динамического оценивания и внедрения интеллектуальных средств поддержки, ориентированных на процессное развитие языковых компетенций. Такой подход позволяет рассматривать смешанное обучение как целостную педагогическую систему, соответствующую современным требованиям языкового образования.

Литература

1. Хуан Чжэ. Изучение путей интеграции идеологического и политического образования в курс японского языка по туризму в колледжах и университетах // Мир писателей. 2025. № 4. С. 95–98.
2. Вайнштейн Ю.В. Педагогическое проектирование персонализированного адаптивного предметного обучения студентов вуза в условиях цифровизации: дис. ... д-ра пед. наук. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. 425 с.
3. Давлатова М. А., Каспржак А.Г., Кобцева А.А. и др. Шаг развития образовательной программы: как понять, что пора действовать? // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 4. С. 101–117.
4. Хань Хуань, Ван Цигэ, Ван Хунго и др. Исследование смешанной модели преподавания японского языка в университетах прикладного профиля // Журнал Цилинского провинциального института образования. 2025. Т. 41, № 1. С. 96–100.
5. Андреева Е.П. Отличительные особенности методики преподавания японского языка в школе // Служение педагогическому делу: сб. науч. тр. 2021. С. 303–315.
6. Титова С.В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика. М.: Litres, 2022. 245 с.
7. Сой Шудань. Реформа и практика смешанного обучения японскому языку как второму иностранному языку с ориентацией на результаты обучения // Modern Linguistics. 2024. Т. 12. С. 219.
8. Шорова М. Б., Карчаева С.Х. Методика обучения иностранному языку: традиции и новации // Филология: научные исследования. 2025. № 3. С. 205–213.
9. Цзян Хунцяо. Исследование развития межкультурной коммуникативной компетенции у специалистов по японскому языку в вузах

в условиях «Интернет+» // Сравнительные исследования культурных инноваций. 2024. Т. 8, № 26. С. 155–159.

10. Гурниковский А. И., Гурниковская Р.Ю., Ляшенко В.С. и др. Современные технологии в обучении цифровым навыкам на уровне высшего профессионального образования в Российской Федерации // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 9 (67). С. 91–107.

11. Ветренко Е. А., Гурниковский А.И., Гурниковская Р.Ю. и др. Об индивидуальных образовательных траекториях студентов, формируемых на уровне высшего профессионального образования // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13, № 11–2. С. 153–164.

EXPLORATION AND APPLICATION OF THE BLENDED LEARNING MODEL IN BASIC JAPANESE LANGUAGE TEACHING AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Ayinuer

Xinjiang normal university

This article examines the exploration and application of the blended learning model in the teaching of basic Japanese at higher education institutions in the context of educational informatization. Through an analysis of traditional instructional practices, the study identifies major methodological and organizational challenges, including the fragmented use of digital technologies, insufficient learner autonomy, and the mismatch between existing assessment mechanisms and the pedagogical logic of blended learning. The paper substantiates the pedagogical potential of integrating online and offline components in developing linguistic and intercultural competencies, as well as in enhancing the communicative orientation and individualization of the learning process. It emphasizes the need to optimize blended learning through systematic instructional design, dynamic assessment, and the adoption of intelligent support tools oriented toward process-based competence development. The study concludes that blended learning should be regarded as a holistic pedagogical system that contributes to improving the quality of basic language education in higher education.

Keywords: Blended Learning Model, Basic Japanese Language, Higher Education, Educational Informatization, Learner Autonomy.

References

1. Huang, Zhe. Study on the Integration of Ideological and Political Education into the Course of Japanese for Tourism in Colleges and Universities. *World of Writers*, 2025, No. 4, Pp. 95–98.
2. Weinstein, Yu.V. Pedagogical Design of Personalized Adaptive Subject Learning for University Students in the Context of Digitalization: Doctoral Dissertation. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2021. 425 p.
3. Davlatova, M. A., Kasprzhak, A. G., Kobtseva, A. A., et al. A Stage in the Development of an Educational Program: How to Understand That It Is Time to Act? *Higher Education in Russia*, 2025, Vol. 34, No. 4, Pp. 101–117.
4. Han, Huan, Wang, Qige, Wang, Hongguo, et al. Research on a Blended Teaching Model for Japanese Language Instruction in Application-Oriented Universities. *Journal of Jilin Provincial Institute of Education*, 2025, Vol. 41, No. 1, Pp. 96–100.
5. Andreeva, E.P. Distinctive Features of the Methodology of Teaching Japanese in School. In: *Service to the Pedagogical Profession: Collected Scientific Works*, 2021, Pp. 303–315.
6. Titova, S.V. *Digital Technologies in Language Learning: Theory and Practice*. Moscow: Litres, 2022. 245 p.
7. Xu, Shudan. Reform and Practice of Blended Teaching of Japanese as a Second Foreign Language with a Learning Outcomes Orientation. *Modern Linguistics*, 2024, Vol. 12, Pp. 219.
8. Shorova, M. B., and Karchaeva, S. Kh. *Methods of Teaching Foreign Languages: Traditions and Innovations. Philology: Scientific Research*, 2025, No. 3, Pp. 205–213.
9. Jiang, Hongqiao. Research on the Development of Intercultural Communicative Competence among Japanese Language Specialists in Universities under the “Internet+” Context. *Comparative Studies of Cultural Innovation*, 2024, Vol. 8, No. 26, Pp. 155–159.
10. Gurnikovskiy, A. I., Gurnikovskaya, R. Yu., Lyashenko, V. S., et al. Modern Technologies in Teaching Digital Skills at the Level of Higher Professional Education in the Russian Federation. *Education Management: Theory and Practice*, 2023, No. 9 (67), Pp. 91–107.
11. Vetrenko, E. A., Gurnikovskiy, A. I., Gurnikovskaya, R. Yu., et al. On Individual Educational Trajectories of Students Formed at the Level of Higher Professional Education. *Education Management: Theory and Practice*, 2023, Vol. 13, No. 11–2, Pp. 153–164.

Бакирова Зарина Халимовна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Философии, истории и социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Статья посвящена исследованию эволюции ценностных установок современной российской молодежи. Предметом исследования являются ценностные ориентации, формирующиеся под влиянием комплекса исторических, экономических, культурных и технологических факторов. Целью статьи является анализ ключевых вызовов, влияющих на формирование этих установок, и выявление основных траекторий их развития. В качестве методологии используется анализ социологических исследований, исторических тенденций и современных общественных процессов, а также синтез и обобщение имеющихся данных. Основные результаты исследования заключаются в выявлении многообразия и противоречивости ценностных установок современной молодежи, обусловленных глобализацией, экономической неопределенностью, столкновением традиционных и новых реалий, поиском идентичности и цифровизацией. Статья выделяет четыре доминирующие траектории развития ценностей: прагматичный индивидуализм с элементами социальной ответственности, поиск аутентичности и самовыражения, гражданская активность и поиск смысла, а также традиционализм с современной интерпретацией. Подчеркивается необходимость учета данного многообразия для формирования эффективной социальной политики.

Ключевые слова: молодежь, развитие, ценностные установки, семья, культура, эволюция, вызовы, траектория.

Современная российская молодежь – это не просто демографическая группа, а динамично развивающийся социальный организм, чьи ценностные установки формируются под влиянием сложного переплетения исторических, экономических, культурных и технологических факторов. Понимание этих процессов имеет ключевое значение для прогнозирования будущего страны и выстраивания эффективной социальной политики.

Актуальность исследования обусловлена стремительными социальными трансформациями, происходящими в России и мире, которые оказывают непосредственное влияние на формирование мировоззрения молодого поколения. Ценностные установки молодежи являются индикатором общественных настроений и потенциальных направлений развития общества. Изучение этих установок позволяет выявить как точки напряжения, так и точки роста, что критически важно для адаптации государственной политики и социальных институтов к меняющимся реалиям.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ эволюции ценностных установок российской молодежи, выявление ключевых вызовов, формирующих эти установки, и определение основных траекторий их развития.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

Во-первых, проанализировать исторический контекст формирования ценностных установок российской молодежи, начиная с советского периода и заканчивая постсоветской трансформацией.

Во-вторых, выявить и описать основные современные вызовы, влияющие на ценностные ориентации молодежи, такие как глобализация, экономическая неопределенность, столкновение традиционных и новых реалий, поиск идентичности и цифровизация.

В-третьих, определить и охарактеризовать доминирующие траектории развития ценностных установок в современной российской молодежной среде.

В-четвертых, обосновать необходимость учета выявленного многообразия ценностных установок при разработке социальной политики.

Научная новизна исследования заключается в систематизации и комплексном анализе современных ценностных установок российской молодежи, выявлении их многомерности и противоречивости, а также в предложении типологии основных траекторий развития этих установок. В отличие от многих исследований, фокусирующихся на отдельных аспектах или группах молодежи, данная работа стремится к целостному видению феномена.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии представлений о процессах ценностной трансформации в условиях постсоветского общества и глобализации. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития теорий социального развития, социологии молодежи и ценностных ориентаций.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены при разработке и корректировке молодежной политики Российской Федерации, образовательных программ, стратегий развития гражданского общества и формирования национальной идентичности.

Чтобы понять сегодняшние ценности, необходимо обратиться к прошлому. Советская эпоха насаждала коллективистские идеалы, приоритет общественного над личным, веру в коммунистическое будущее и служение Родине. Эти установки, несмотря на свою идеологическую окраску, формировали определенный моральный компас и чувство общности.

Распад СССР и последующие бурные 90-е годы стали настоящим шоком для ценностной системы. На смену коллективизму пришел индивидуализм, на смену плановой экономике – рыночные отношения, а вместе с ними – культ потребления и материального успеха. Молодое поколение, выросшее в этот период, столкнулось с необходимостью самостоятельно определять свои жизненные ориентиры в условиях неопределенности и отсутствия четких социальных моделей.

Сегодняшняя российская молодежь характеризуется значительным ценностным многообразием. Нельзя говорить о единой «молодежной ценностной системе». Скорее, мы наблюдаем мозаику из различных, порой противоречивых, установок, которые могут сосуще-

ствовать в одном человеке или доминировать в разных социальных группах.

Ключевые вызовы, формирующие эти установки, включают:

– Глобализация и информационное поле. Молодежь активно интегрирована в глобальное информационное пространство. Социальные сети, интернет, зарубежные медиа и культура оказывают огромное влияние на формирование их взглядов, ценностей и представлений о мире. Это приводит к усвоению как универсальных, так и специфических для других культур ценностей, что может вызывать напряжение с традиционными российскими установками.

– Экономическая неопределенность и социальное неравенство. Несмотря на определенную стабилизацию, экономическая ситуация в стране остается источником беспокойства для многих молодых людей. Неравенство в доступе к образованию, работе, жилью и социальным лифтам порождает чувство несправедливости и может влиять на отношение к труду, успеху и государству.

– Традиционные ценности новые реалии. В обществе наблюдается попытка возрождения и укрепления традиционных ценностей, таких как семья, патриотизм, духовность. Однако современная молодежь, сталкиваясь с реалиями быстро меняющегося мира, часто интерпретирует эти ценности по-своему, адаптируя их к своим потребностям и представлениям. Например, понятие «семья» может расширяться, а «патриотизм» – приобретать более гражданское, а не исключительное националистическое звучание.

– Поиск идентичности и самореализации. В условиях высокой конкуренции и неопределенности, молодежь активно ищет свою идентичность и возможности для самореализации. Это может проявляться в стремлении к личностному росту, развитию уникальных талантов, участию в социальных проектах, а также в поиске своего места в профессиональной сфере.

– Цифровизация и новые формы коммуникации. Цифровые технологии меняют не только способы получения информации, но и формы межличностного общения, формирования сообществ и выражения гражданской позиции. Это порождает новые формы активности, такие как онлайн-активизм, коллективное финансирование, благотворительность, участие в виртуальных сообществах.

Несмотря на сложность и противоречивость, можно выделить несколько доминирующих траекторий развития ценностных установок российской молодежи:

Перво-наперво, это прагматичный индивидуализм с элементами социальной ответственности. Эта траектория предполагает ориентацию на личный успех, карьеру, материальное благополучие, но при этом не исключает стремления к справедливости, помощи другим и участию в решении социальных проблем. Молодые люди могут быть амбициозны и конкурентоспособны, но при этом ценить честность, взаимопомощь и заботу об окружающей среде. Они готовы работать на себя, но не за счет других.

Затем, это поиск аутентичности и самовыражения. Эта траектория характеризуется стремлением к уникальности, поиском своего «я», выражением своей индивидуальности через творчество, стиль, увлечения. Молодежь этой группы ценит свободу самовыражения, оригинальность, нестандартные подходы. Они могут быть менее ориентированы на традиционные карьерные пути и больше на поиск деятельности, приносящей удовлетворение и позволяющей раскрыть свой потенциал.

Далее, это гражданская активность и поиск смысла. Эта траектория включает в себя активное участие в жизни общества, стремление к позитивным изменениям, желание внести свой вклад в решение актуальных проблем. Это может проявляться в волонтерстве, участии в общественных организациях, экологических инициативах, а также в критическом осмыслении происходящего и стремлении к диалогу. Ценности здесь часто связаны с справедливостью, равенством, правами человека и устойчивым развитием.

И наконец, это традиционализм с современной интерпретацией. Эта траектория предполагает уважение к традиционным ценностям, таким как семья, религия, культура, но при этом их адаптация к современным реалиям. Молодые люди могут ценить крепкие семейные узы, но при этом допускать разнообразие форм семьи. Они могут быть патриотичны, но при этом открыты к диалогу с другими культурами и народами. Эта группа стремится сохранить преемственность, но не в ущерб прогрессу.

Эволюция ценностных установок российской молодежи – это сложный и многогранный процесс, обусловленный множеством факторов. Вместо того чтобы пытаться унифицировать молодежь, важно понимать и принимать ее многообразие. Успешная социальная поли-

тика должна учитывать эти различные траектории развития, предлагая возможности для самореализации, поддержки инициатив и создания условий для формирования зрелых, ответственных и активных граждан. Игнорирование этих тенденций может привести к отчуждению и недопониманию между поколениями, что негативно скажется на будущем страны. Важно не только наблюдать за этими изменениями, но и активно участвовать в их формировании, создавая среду, в которой молодые люди смогут реализовать свой потенциал и внести свой вклад в развитие российского общества.

Литература

1. Бакирова Зарина Халимовна Формирование ценностных ориентаций студентов педагогических колледжей / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук 22.00.04: защищена 2012–05–24; утв. 2013–01–21 / Зарина Халимовна Бакирова. – Уфа: 2012. – 188 с.
2. Файзуллин Ф.С. Ценности: историко – философский и гносеологический анализ / – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 230 с.
3. Вишневский Ю.П. Гражданская культура современного российского студенчества / – Екатеринбург: Екатеринбург, 2007. – 250 с.
4. Файзуллин Ф.С. Формирование ценностей и ценностных ориентаций – главная задача этнопедагогики. – Уфа: Уфа, 2010. – 200 с.
5. Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 121–126.
6. Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // Вопросы философии. 2000. № 8.
7. Молодежь в России. 2010. Обзор литературы. Доклад ООН / под ред. Я. Охана., М.: ФСГС, 2011. 96 с.
8. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83–90.
9. Семенов В.Е. Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.

THE EVOLUTION OF VALUES OF RUSSIAN YOUTH: CHALLENGES AND DEVELOPMENT TRAJECTORIES

Bakirova Z.Kh.

Ufa State Petroleum Technological University

This article is devoted to the study of the evolution of the value attitudes of modern Russian youth. The subject of the study is the value orientations that are formed under the influence of a complex of historical, economic, cultural, and technological factors. The purpose of the article is to analyze the key challenges that influence the formation of these attitudes and to identify the main trajectories of their development. The methodology used is the analysis of sociological studies, historical trends, and contemporary social processes, as well as the synthesis and generalization of available data. The main results of the study are the identification of the diversity and inconsistency of the value systems of modern youth, which are caused by globalization, economic uncertainty, the clash of traditional and new realities, the search for identity, and digitalization. The article identifies four dominant trajectories of value development: pragmatic individualism with elements of social responsibility, the search for authenticity and self-expression, civic engagement and the search for meaning, and traditionalism with a modern interpretation. The article emphasizes the importance of

Keywords: youth, development, values, family, culture, evolution, challenges, trajectory, considering this diversity in order to form an effective social policy.

References

1. Bakirova Zarina Khalimovna Formation of Value Orientations of Students of Pedagogical Colleges / abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences 22.00.04: defended 2012–05–24; approved 2013–01–21 / Zarina Khalimovna Bakirova. – Ufa: 2012. – 188 p.
2. Fayzullin F.S. Values: Historical, Philosophical and Epistemological Analysis / – Ufa: RIO BashSU, 2002. – 230 p.
3. Vishnevsky Yu.R. Civic Culture of Modern Russian Students / – Ekaterinburg: Ekaterinburg, 2007. – 250 p.
4. Fayzullin F.S. The formation of values and value orientations is the main task of ethnopedagogy. – Ufa: Ufa, 2010. – 200 p.
5. Kazarina-Volshebnyaya E. K., Komissarova I.G., Turchenko V.N. Paradoxes of the transformation of value orientations of Russian youth // Sociological studies. 2012. No. 6. Pp. 121–126.
6. Kon I.S. Human sexualities at the turn of the 21st century // Questions of Philosophy. 2000. No. 8.
7. Youth in Russia. 2010. Literature review. UN report / edited by Ya. Ohana., Moscow: FSGS, 2011. 96 p.
8. Petrov A.V. Value pReferences of young people: diagnostics and trends of change // Sociological studies. 2008. No. 2. P. 83–90.
9. Semenov V.E. Value orientations and problems of education of modern youth // Sociological research. 2007. No. 4. P. 37–43.

Особенности социальной идентичности представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока

Безносова Владлена Николаевна,

магистр, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: vladlenalucky@mail.ru

Статья посвящена проблеме социальной идентичности представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока. Цель: выявить особенности и закономерности развития социальной идентичности представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока. Задачи: раскрыть сущность и содержание понятия социальной идентичности и ее особенности у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; описать социально-экономические и этнокультурные особенности представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока; раскрыть социально-экономические факторы, оказывающие влияние на развитие социальной идентичности у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока; раскрыть социально-экономические факторы, оказывающие влияние на развитие социальной идентичности у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока. Выводы: условием защиты самобытности и уникальности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока является право на этническую идентичность как разновидность социальной идентичности. Традиционная хозяйственная деятельность (занятия скотоводством, оленеводством, охотой, рыбным промыслом), праздники, традиции, моральные нормы входят в противоречия с процессами урбанизации, с развитием добывающей и перерабатывающей промышленности, с миграцией представителей иных культур. Приоритетными направлениями государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока являются направления социальной политики, связанные с сохранением этнической идентичности коренных малочисленных народов данных регионов.

Ключевые слова: социальная идентичность, этническая идентичность, урбанизация, миграция, промышленное освоение, территории традиционного природопользования, традиционный уклад жизнедеятельности, экология.

Введение

Вопросы политического, социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в настоящее время находятся в центре внимания государственной политики. Сегодня промышленное освоение Арктики и Дальнего Востока является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития региона и страны в целом [13]. В Российской Федерации проживают представители 193 народностей, 47 из которых относятся к коренным малочисленным народам. Основными местами проживания коренных малочисленных народов являются Северные регионы, Сибирь и Дальний Восток. В России выделяется семь крупных коренных малочисленных народов: манси, нанайцы, ненцы, ханты, чукчи, эвенки, эвены, территория проживания которых имеет статус особого стратегического значения для страны, обладает сырьевым и земельным потенциалом [12]. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока проживают на территории Красноярского края, втором по территории среди всех субъектов Российской Федерации, на территории Арктической зоны, к которой относятся территории городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района и Туруханского района, на северных территориях, к которым относятся Эвенкийский, Енисейский, Северо-Енисейский, Богучанский, Кежемский и Мотыгинский муниципальные районы. Например, на территории Красноярского края проживают представители восьми этносов коренных малочисленных народов: долгане, кеты, селькупы, ненцы, нганасаны, чулымцы, эвенки и энцы, а также представители этнической общности есейских якутов [2].

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, как и другие народы России, обладают такими же правами, независимо от их численности и места проживания, и нуждаются в государственной поддержке. Описывая социально-экономические и этнокультурные особенности проживания малочисленных народов, В.А. Власов, Д.И. Корнеева пишут, что «низкий уровень экономической активности и социального положения граждан из числа малочисленных народов, неразвитая инфраструктура мест традиционного проживания, отдаленность населенных пунктов от районных центров и крупных городов, специфика интернатного образования, отрыв детей от родителей и, как следствие, утрата навыков и традиций с раннего возраста вызывают необходимость оказания государственной поддержки малочисленным народам» [3, с. 85–86]. Непригодность традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов к современным экономическим реалиям требует реализации мер правовой и социально-экономической поддержки государства, эффективность которых обусловлена учетом этнокультурных особенностей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в частности, особенностей их социальной идентичности. В условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока, оказывающих влияние на социально-экономический статус региона, на этнокультурные особенности коренных малочисленных народов, актуальность приобретают вопросы о сущности и закономерностях развития социальной идентичности представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Цель исследования: выявить особенности и закономерности развития социальной идентичности представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока. Задачи исследования:

1) раскрыть сущность и содержание понятия социальной идентичности и ее особенности у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;

2) описать социально-экономические и этнокультурные особенности представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока;

3) раскрыть социально-экономические факторы, оказывающие влияние на развитие социальной идентичности у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока.

Результаты и обсуждение

Достижение цели настоящего исследования требует изучения сущности и содержания понятия социальной идентичности и ее особенностей у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Социальная идентичность у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока тесно связана с этнической идентичностью и решением проблемы закрепления права на сохранение этнической самобытности коренных малочисленных народов. Право на этническую идентичность является субъективным конституционным правом коллективного субъекта, то есть этнической общности, отнесенной к числу коренных малочисленных народов [14]. Уникальность этнической общности определяется его культурой, традициями, верованиями и бытом, трансляция которых первоначально осуществляется в семье [12].

Социальная идентичность формируется в процессе социализации и идентификации, при которых социальный субъект идентифицирует себя со значимыми для себя социальными группами. С точки зрения проблематики настоящего исследования важным является исследование признаков этнической идентичности, под которой понимается «осознание и (или) приобщение лица к определенной этнической общности, а также обособление от иных этнических групп» [14, с. 81]. Социальные субъекты взаимодействуют с другими социальными группами посредством многих маркеров идентификации, к которым относится язык, место проживания, родство, гражданство, этническая принадлежность, семья, возраст, образование, политические взгляды, гендерная, классовая и религиозная принадлежность и др., формирующим множественность социальных практик. На индивидуальном уровне «социальная идентичность как осознание, ощущение индивидом своей принадлежности к различным социальным общностям связана также с переживанием своей индивидуальности и является его субъективным состоянием и объективно наблюдаемым качеством тождественности другому человеку, группе, образцу и самому себе» [8, с. 100].

Социальная идентичность представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока рассматривается в контексте формирования этнической идентичности. В этой связи А.М. Бекарев, Е.Е. Кутявина, Г.С. Пак определяют этническую идентичность как разновидность социальной идентичности, которая «является сложным образованием и включает когнитивный аспект как знание и осознание своей тождественности с этнической группой, эмоциональный аспект, представленный разделяемыми этническими чувствами» [1, с. 15]. Важным вопросом являются признаки этнической идентичности как формы социальной идентичности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Одной из проблем в теориях этнической идентичности является вопрос о признании языка этнической группы. Некоторые этнические общности не имеют собственного языка или диалекта и используют в общении язык большинства, поэтому вопрос о включении языка или диалекта в содержание этнической идентичности до настоящего времени является дискуссионным. Объективным основанием для становления этнической идентичности выступает традиционная хозяйственная деятельность малых коренных народов [1].

Важным вопросом является роль государственных институтов в процессах формирования социальной идентичности как отдельного человека, так и различных социальных групп. Идентификационные маркеры, к которым относятся события, символы, памятники культуры, мифологемы, традиции, национальные, политические, экологические представления и переживания, транслируются общественными СМИ, органами власти, лидерами общественного мнения. Этническими маркерами выступают язык, национальные обычаи и традиции, праздники, национальный костюм, религиозные обряды и символы, национальная кухня, которые являются компонентами этнической культуры, устойчиво воспроизводятся в ней, передаваясь из поколения в поколение, отличают данный этнос от большинства этносов, осознаются как символ принадлежности к этнической группе и распознаются в ситуации межэтнического взаимодействия [1].

Социальная идентичность, согласно В.Ф. Левичевой, С.Л. Диманс, «становится институционально централизованной структурой. Государство выступает как «контейнер институтов», как некий «центр», создающий институциональные стимулы и мотивы формирования общей идентичности, и осуществляющий контроль над символическим порядком вещей, разграничивающим «своих» и «чужих» [9, с. 78]. В настоящее время, как отмечает А.Н. Юланова, «одновременно с установившимися институтами этнической идентичности создаются и действуют инновационные институты самоопределения коренных малочисленных народов, под которыми подразумевается социальный ин-

ститут, имеющий определенное влияние на процесс этнической идентификации» [14, с. 83]. Далее автор отмечает, что реализация права на этническую идентичность коренных малочисленных народов требует правовых, социальных и политических гарантий от государства, что предполагает: формирование общественных объединений коренных малочисленных народов; общественное и публичное представительство коренных малочисленных народов; учреждение института уполномоченных по защите их прав [14].

Следующей задачей стало изучение социально-экономических и этнокультурных особенностей представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока. Признавая значимое влияние традиционной хозяйственной деятельности на становление социальной идентичности коренных малочисленных народов, А.М. Бекарев, Е.Е. Кутявина, Г.С. Пак, ссылаясь на нормативные документы, представляют перечень видов традиционной хозяйственной деятельности: животноводство, звероводство, собаководство, бортничество, пчеловодство, рыболовство, собирательство, заготовку древесины и недревесных лесных ресурсов для собственных нужд, земледелие для собственных нужд, строительство национальных жилищ и других построек, художественные промыслы и народные ремесла [1]. Традиционно среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока преобладают занятия скотоводством, оленеводством, охотой, рыбным промыслом в противовес процессам урбанизации, развитию добывающей и перерабатывающей промышленности. Праздники и традиции коренных малочисленных народов являются видами социальных практик, формирующих социальную идентичность этнических групп.

Внимания заслуживают результаты исследования, проведенные А.М. Бекаревым, Е.Е. Кутявиной, Г.С. Пак, среди представителей народа ханты, ненцев, коми и селькулов. Респонденты хорошо осведомлены о традиционных национальных праздниках коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа, среди которых выделены Воронин день, День оленевода, День рыбака, Василий лун, Медвежий праздник, Ильин день. Около трети респондентов отметили роль Дня оленевода и Медвежьего праздника. Были названы праздники, связанные с природой и природными циклами: Кормление духа хозяина моря, День прилета птиц, Хорон, атхатл, проводы ледя, Лун кутап хатл, Таер яля (середина лета), Якты хот, Новый год по Северному календарю, Солнце на хорее, Первой пас и Йи муан лун (коми зыряне), Олан хул шитты хатл, Енк попатты хатл (ханты). Интерес вызывают традиции, связанные с моральными принципами коренных малочисленных народов. Респондентами в качестве национальных традиций и обрядов были названы «традиционные запреты», отражающие моральные и экологические принципы отношения к огню, воде, земле, к природной среде жизнедеятельности, нарушение которых строго каралось осуждением. Например, запрет на повреждение земли жизненно необходим в условиях вечной мерзлоты, фактически запрещают нефтедобычу как развитую и доходную сферу экономики региона. С точки зрения описанных моральных принципов, как пишут авторы исследования, «добыча полезных ископаемых – это не просто деятельность, наносящая урон экологической системе, разрушающая исконные места обитания, но деятельность аморальная» [1, с. 19]. В то же время результаты исследования показали процессы ассимиляции различных культур, обусловленные культурными связями коренных малочисленных народов с другими народами. Респонденты в качестве национальных традиций и обычаев называют и православные традиции и праздники (Пасха, Благовещение, Ильин день, Троица, в некоторых случаях получающие специфическую национальную окраску («Подготовка (пост) и встреча Ыджыд лун (Пасхи) с куличом и крашеными яйцами» [1].

Таким образом, результаты исследования показали, что праздники и традиции коренных малочисленных народов сохраняют связь с традиционной хозяйственной деятельностью, образом жизни, с природными сезонными циклами, демонстрируют процессы ассимиляции различных культур, обусловленные культурными связями коренных малочисленных народов с другими народами, демонстрируют, что промышленное освоение природных недр и ресурсов территорий жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока входит в противоречия с их этническими моральными нормами.

Внимания заслуживают вопросы об исследовании социально-экономических факторов, оказывающих влияние на развитие социальной идентичности у представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока. В условиях промышленного освоения территорий жизнедеятельности коренных малочисленных на-

родов происходит интенсивная миграция населения с иной культурой, что зачастую сопровождается навязыванием иных культурных норм и ценностей, изменением привычного уклада жизни, приводит сначала к смешению, а затем к полному вырождению этноса [12].

Процессы урбанизации и промышленного освоения территорий жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока неоднозначно влияют на развитие их социальной идентичности. Процессы урбанизации, с одной стороны приводят к развитию регионов, к повышению качества жизни населения, с другой—недостаточно учитывают не только экономические и политические, но и культурные и экологические факторы, при которых нарушаются границы ареала проживания коренных малочисленных народов, оказывающих негативное влияние на сформированный веками многослойный культурный пласт [4; 7; 11; 12]. Отметим факторы, которые влияют на становление социальной идентичности коренных малочисленных народов в современных условиях промышленного освоения Арктики и Дальнего Востока, к которым относятся «особый правовой статус в государстве, предполагающий специальную государственную политику, активное промышленное освоение районов их проживания, реформы в системах образования и здравоохранения, усиление конкуренции в использовании биологических ресурсов между общинами (семьями) коренных народов и коммерческими компаниями, развитие туризма, изменение состояния окружающей природной среды» [5, с. 46].

В настоящее время стратегическая цель социально-экономического развития северных и арктических территорий, определяющих этнодинамику коренных малочисленных народов, направлена, с одной стороны, на реализацию национальных интересов, с другой—на достижение приоритетных целей государственной политики Российской Федерации в Арктике и на Крайнем Севере [2]. Приоритетными направлениями государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока выделяют направления социальной политики, связанные с сохранением этнической идентичности коренных малочисленных народов данных регионов:

- сохранение традиционного образа жизни, поддержка культурных традиций коренных малочисленных народов;
- повышение доступности образовательных услуг, использования родного языка в образовательном процессе для коренных малочисленных народов;
- модернизация системы здравоохранения и медицины в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов;
- содействие повышению занятости коренных малочисленных народов, развитие их традиционной хозяйственной деятельности;
- развитие институтов гражданского общества и форм самоуправления в среде коренных малочисленных народов [6, с. 78].

Заключение

Право на этническую идентичность как разновидность социальной идентичности является условием защиты самобытности и уникальности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, что требует правовых, социальных и политических гарантий от государства, предполагает формирование объединений коренных малочисленных народов. Условием становления этнической идентичности выступает традиционная хозяйственная деятельность малых коренных народов (занятия скотоводством, оленеводством, охотой, рыбным промыслом), социальные практики (праздники, традиции, обычаи). Традиционная хозяйственная деятельность, праздники, традиции, обычаи и моральные нормы входят в противоречия с процессами урбанизации и развитием добывающей и перерабатывающей промышленности. В условиях промышленного освоения территорий жизнедеятельности коренных малочисленных народов происходит интенсивная миграция населения с иной культурой, что сопровождается навязыванием иных культурных норм, изменением привычного уклада жизни. Процессы урбанизации и промышленного освоения территорий жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока неоднозначно влияют на развитие их социальной идентичности. Приоритетными направлениями государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока выделяют направления социальной политики, связанные с сохранением этнической идентичности коренных малочисленных народов данных регионов.

Литература

1. Бекарев А.М., Кутявина Е.Е., Пак Г.С. Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов // Известия Саратовского университета. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 13–22.

2. Власов В.А., Вешникова Н.А., Корнеева Д.И. Некоторые актуальные вопросы продовольственного обеспечения граждан, проживающих в арктической зоне и северных территориях Красноярского края // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 115–117.

3. Власов В.А., Корнеева Д.И. Некоторые актуальные аспекты правового положения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: международный, федеральный и региональный уровни // Аграрное и земельное право. 2022. № 2 (206). С. 83–87.

4. Докторова А.Т., Степанова А.А. Участие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в соуправлении территориями традиционного проживания в условиях промышленного освоения арктических территорий РФ // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 198–200.

5. Ерёмченко А.К. Коренные малочисленные народы: сохранение национальной идентичности // Образование и право. 2023. № 11. С. 46–50.

6. Журавель В.П. Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 76–95.

7. Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник московского университета. 2020. № 4. С. 69–82.

8. Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89–103.

9. Левичева В.Ф., Диманс С.Л. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГГУ. 2023. № 2. С. 73–83.

10. Матвиенко И.И. Современные проблемы коренных малочисленных народов российской Арктики в условиях климатических изменений // Арктика и Север. 2023. № 52. С. 153–166.

11. Ноговицын Р. П., Софронова Т.С., Потравная Е.В. Качество жизни коренных малочисленных народов Севера в контексте промышленного освоения Арктики (на примере Арктической зоны Якутии) // Арктика: экология и экономика. 2024. Т. 14, № 1. С. 147–157.

12. Ростовская А.А., Палкина О.Л. Специфика урбанизации циркулярных территорий России, Канады и США и ее влияние на экосистему Севера, мировоззрение и быт малочисленных коренных народов // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: материалы международной научно-практической конференции 3–7 апреля 2023. М.: МАРХИ, 2023. С. 108–112.

13. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 23.02.2026).

14. Юланова А.Н. Право на сохранение этнической идентичности коренных малочисленных народов как субъективное конституционное право: проблемы закрепления // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. № 3 (17)). С. 81–85.

FEATURES OF THE SOCIAL IDENTITY OF REPRESENTATIVES OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE CONTEXT OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE ARCTIC AND THE FAR EAST

Beznosova V.N.
Pacific National University

This article examines the social identity of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East in the context of industrial development of the Arctic and Far East. Objective: To identify the characteristics and patterns of social identity development among indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East in the context of industrial development of the Arctic and Far East. Objectives: To reveal the essence and content of the concept of social identity and its characteristics among indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East; to describe the socioeconomic and ethnocultural characteristics of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East in the context of industrial development of the Arctic and Far East; To identify the socioeconomic factors influencing the development of social identity among indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East in the context of industrial development in the Arctic and the Far East. Conclusions: The right to ethnic identity as a form of social identity is essential for protecting the distinctiveness and uniqueness of the indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East. Traditional economic activities (cattle breeding, reindeer herding, hunting, and fishing), holidays, traditions, and moral norms conflict with urbanization processes, the development of the extractive and processing industries, and the migration of representatives of other cultures. Priority areas of state policy regarding the indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East are social policy areas related to preserving the ethnic identity of the indigenous peoples of these regions.

Keywords: social identity, ethnic identity, urbanization, migration, industrial development, territories of traditional nature management, traditional way of life, ecology.

References

1. Bekarev A.M., Kut'yavina E.E., Pak G.S. Ethnic Identity in Theory and Figures: The Case of Indigenous Minority Northern Peoples // *Bulletin of the Saratov University*. 2024. Vol. 24, issue 1. P. 13–22.
2. Vlasov V.A., Veshnikova N.A., Korneeva D.I. Some Current Issues of Food Security for Citizens Living in the Arctic Zone and Northern Territories of Krasnoyarsk Krai // *Law and State: Theory and Practice*. 2020. No. 11 (191). P. 115–117.
3. Vlasov V.A., Korneeva D.I. Some Current Aspects of the Legal Status of Indigenous Minority Peoples of the North, Siberia and the Far East: International, Federal and Regional Levels // *Agrarian and Land Law*. 2022. No. 2 (206). P. 83–87.
4. Doctorova A.T., Stepanova A.A. Participation of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation in Co-Management of Traditional Residence Territories in the Context of Industrial Development of the Arctic Territories of the Russian Federation // *Law and State: Theory and Practice*. 2023. No. 11 (227). P. 198–200.
5. Eremenko A.K. Indigenous Peoples: Preserving National Identity // *Education and Law*. 2023. No. 11. P. 46–50.
6. Zhuravel V.P. Rights of Indigenous Peoples of the Russian Arctic: Problems and Solutions // *Arctic and North*. 2018. No. 30. P. 76–95.
7. Zamyatina N.Yu., Goncharov R.V. Arctic urbanization: Phenomenon and comparative analysis // *Bulletin of Moscow University*. 2020. No. 4. Pp. 69–82.
8. Kovaleva A.I. Types of social identity: approaches to classification // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2019. No. 4. P. 89–103.
9. Levicheva V.F., Dimans S.L. Social identity as a result of informal “friend/foe” interactions // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. 2023. No. 2. P. 73–83.
10. Matvienko I.I. Current problems of indigenous peoples of the Russian Arctic in the context of climate change // *Arctic and North*. 2023. No. 52. Pp. 153–166.
11. Nogovitsyn R.R., Sofronova T.S., Potravnaya E.V. Quality of Life of Indigenous Peoples of the North in the Context of Industrial Development of the Arctic (using the Arctic Zone of Yakutia as an Example) // *Arctic: Ecology and Economy*. 2024. Vol. 14, No. 1. P. 147–157.
12. Rostovskaya A.A., Palkina O.L. Specifics of Urbanization of the Circumpolar Territories of Russia, Canada, and the USA and Its Impact on the Ecosystem of the North, Worldview, and Life of Indigenous Peoples // *Science, Education, and Experimental Design. Proceedings of the MARCHI: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, April 3–7, 2023. Moscow: MARCHI, 2023*. P. 108–112.
13. Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2020 No. 645 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033?index=1&rangeSize=1> (date of access: 23.02.2026).
14. Yulanova A.N. The Right to Preserve the Ethnic Identity of Indigenous Minority Peoples as a Subjective Constitutional Right: Problems of Enshrinement // *Bulletin of Surgut State University*. 2017. No. 3 (17)). P. 81–85.

Ваккосов Саиджамшидхон Гиёсиддин угли,
аспирант Новосибирского государственного технического
университета
E-mail: jamavakkasoff@gmail.com

Статья посвящена комплексному исследованию этических вызовов, связанных с разработкой и внедрением искусственного интеллекта (ИИ), акцентируя внимание на социально-философском аспекте. В условиях стремительного развития технологий ИИ становится неотъемлемой частью современной жизни, трансформируя такие ключевые сферы, как здравоохранение, право, экономика, образование и социальные коммуникации. Однако наряду с его преимуществами возникают значительные этические проблемы, которые требуют глубокой рефлексии и теоретического осмысления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика, доверие, справедливость, прозрачность, социальная философия, нормативное регулирование, ответственность, устойчивость.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) представляет собой одну из наиболее значимых технологических инноваций современности, изменяя фундаментальные аспекты человеческой деятельности и взаимодействия с окружающим миром. От медицины и права до промышленности и образования – ИИ проникает в самые различные сферы, предлагая новые решения для повышения эффективности, автоматизации процессов и устранения человеческих ошибок. Вместе с тем его стремительное развитие и широкое внедрение сопровождаются глубокими этическими и философскими вопросами, которые становятся предметом все более активных обсуждений в академической и профессиональной среде. Эти вопросы связаны с такими аспектами, как доверие, прозрачность, справедливость, автономия и социальная ответственность, которые требуют не только анализа, но и разработки эффективных механизмов их регулирования.[1]

Цели исследования

Настоящая статья направлена на исследование социально-философских аспектов взаимодействия человека и ИИ. Мы ставим своей целью анализ ключевых этических вызовов, связанных с доверием, прозрачностью и справедливостью алгоритмов, а также рассмотрение возможностей для формирования ответственных подходов к использованию технологий. Работа основана на междисциплинарном подходе, который объединяет философию, право, технологии и социальные науки, позволяя рассмотреть проблему в ее многогранности.

Методологическое обоснование статьи опирается на работы таких авторов, как А. Панесар, К. Чапман, К. Родден, Б. Уолш, М. Адвань, М. Анантарман, С. Субраманиан, С. Бенгани, Т. Таулли, М. МакТир, Г. Хелфрих, М. Таддео, Л. Флориди, М. Янссен, М. Хартог, Р. Матеус, А. Йи Дин, Г. Кук, Ш. Й. Ноф, Ж. Кабанак, И. Фроммхольц, Ф. Майр, С. Шрамм, К. Вехнер, У. Шмид, В. Девиджич, А. Плакани, Л. Сартори, Н. Тильмес, М. Риллинг, М. Огерстранд, М. Би, К. Гулд, У. Зауэрланд, Ш. Зубофф, М. Коморовски, Л. Сели, О. Бадави, Э. Гордон, А. Файзал, М.В. Ромм и В.В. Вихман. В исследовании используются системный и кейс-анализ, направленные на изучение взаимодействия ИИ с социальной и технологической реальностью, а также рисков, связанных с их внедрением.[1–45]

Эти задачи предполагают всесторонний анализ проблемы на пересечении философии, этики и технологий. Философский подход позволяет рассматривать ИИ как часть новой социальной парадигмы, где технологии не только служат человеку, но и влияют на формирование его ценностей, норм и убеждений.

Анализ существующих философских подходов к этике ИИ

Искусственный интеллект (ИИ) стал важным объектом исследования для философии, которая рассматривает его влияние на общество, моральные нормы и традиционные представления о взаимодействии человека с технологиями. В данном разделе мы проанализируем основные философские подходы, позволяющие осмыслить этические вызовы, связанные с развитием ИИ, такие как доверие, ответственность и справедливость.

Этика ответственности: переосмысление в цифровую эпоху

Концепция этики ответственности была впервые сформулирована философом Хансом Йонасом, который акцентировал внимание на моральной ответственности за последствия технического прогресса. В контексте ИИ эта концепция приобретает особую актуальность, так как интеллектуальные системы всё чаще принимают решения, затрагивающие права и благополучие людей.

Этика ответственности предполагает, что разработчики, компании и государственные органы должны учитывать не только технические аспекты работы ИИ, но и его потенциальное воздействие на общество. Как отмечает Лучиано Флориди, «разработчики ИИ несут моральную обязанность предвидеть и минимизировать возможные риски», такие как предвзятость данных, нарушение конфиденциальности и несправедливые решения. Практика показывает, что декларирование этических принципов нередко остаётся формальным и не подкрепляется их реальной интеграцией в процессы разработки и применения технологий.[8]

Сложность этики ответственности в цифровую эпоху заключается в том, что последствия применения ИИ иногда невозможно предсказать заранее. Например, использование алгоритмов для оценки кредитоспособности может привести к дискриминации отдельных социальных групп, если данные для обучения системы содержат исторические предвзятости. В таких случаях разработчики обязаны предусматривать механизмы для проверки и коррекции решений алгоритмов, что становится важным шагом к построению более справедливых систем.

Новые подходы к этике доверия и социальной легитимности ИИ

Доверие к искусственному интеллекту (ИИ) стало определяющим фактором успешного внедрения технологий в общественную жизнь. Однако сама природа доверия трансформируется: если раньше оно основывалось на личных отношениях и опыте взаимодействия, то теперь в контексте ИИ доверие строится на основе прозрачности, объяснимости и предсказуемости работы алгоритмов.

Чтобы укрепить доверие к системам ИИ, необходимо разрабатывать подходы, раскрывающие пользователям ход мыслей алгоритмов. Таддео и Флориди подчёркивают, что объяснимый искусственный интеллект (XAI) служит важнейшим инструментом прозрачности и общественной легитимации подобных технологий. Это особенно значимо в сферах, где решения ИИ серьёзно влияют на жизнь людей – в медицине, правосудии и государственном управлении. [40]

Прозрачность и понятность решений ИИ: философский ракурс

Обеспечение прозрачности в системах искусственного интеллекта – это не только публикация технических спецификаций, но и создание условий, при которых люди способны осмысленно оценивать работу алгоритма. Философский смысл прозрачности выходит далеко за пределы инженерных практик: она требует, чтобы пользователи могли сопоставлять выводы ИИ со своими целями и ценностями, задавать критические вопросы и получать ответы, пригодные для понимания.

Хелен Нисенбаум и другие исследователи подчёркивают, что прозрачность неразрывно связана с объяснимостью. Алгоритм должен «разговаривать» с пользователем на понятном языке, раскрывая логику своих выводов так, чтобы их можно было интерпретировать и, при необходимости, оспорить. Только при выполнении этих условий прозрачность становится полноценным этическим принципом, а не формальной декларацией. [45]

Техническое измерение прозрачности

Достичь полной «прозрачности» современных систем ИИ практически невозможно: алгоритмические основы слишком сложны. Нейронные сети, например, содержат миллионы – а порой и миллиарды – весов и связей; даже специалисты не всегда в состоянии проследить, как каждая микрокорреляция влияет на итоговое решение. В критически важных сферах, таких как здравоохранение или правосудие, эта непрозрачность подрывает доверие пользователей.

Философы предлагают сместить фокус с абсолютной открытости на концепцию «достаточной объяснимости». Система должна раскрывать столько информации и в такой форме, чтобы она была действительно осмыслена конкретной аудиторией и отвечала её практическим запросам. В такой модели ответственность за понимание распределяется: разработчики обязаны предоставить ясные и доступные разъяснения, а пользователи – активно учитывать ограничения технологии и критически оценивать полученные ответы.

Этические вызовы непрозрачности решений ИИ

Когда алгоритмы искусственного интеллекта не в состоянии ясно раскрыть логику своих выводов, на первый план выходят серьёзные социальные и моральные проблемы. Так, оценочные модели, применяемые в судебной практике для прогнозирования рецидива, могут бессознательно дискриминировать отдельные группы, оставаясь при этом «чёрным ящиком». Это подрывает доверие общества и ставит под сомнение легитимность использования таких технологий.

Чтобы минимизировать эти риски, необходима междисциплинарная кооперация философов, юристов и инженеров. Интеграция принципов справедливости, подотчётности и ответственности уже на этапе проектирования алгоритмов способна придать системам большей прозрачности и обеспечить их более равноправное и надёжное функционирование. [16]

Социально-философские аспекты интеграции ИИ

Постгуманизм и трансформация общества

Постгуманистический взгляд открывает перспективу рассматривать искусственный интеллект как активного участника социальной реальности. В этой парадигме технологии не просто служат инструментами, а становятся субъектами, способными переопределять привычные формы взаимодействия человека с миром и влиять на моральные, социальные и культурные нормы.

Примером служат «умные» города, где ИИ регулирует транспорт, энергосети и другие ключевые системы, демонстрируя глубину проникновения технологий в общественную ткань. Но такая интеграция порождает и новые вызовы: кто несёт ответственность за ошибки алгоритмов, насколько прозрачны их механизмы принятия решений и как распределяется власть между людьми и машинами.

Влияние ИИ на ключевые общественные институты

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в сферы здравоохранения, правосудия, образования и финансов стало неотъемлемой частью современного мира. Эти технологии повышают эффективность, предлагают персонализированные решения и снижают издержки, но их внедрение сопровождается социально-философскими вызовами, связанными с этикой, справедливостью и доверием.

Здравоохранение и искусственный интеллект

ИИ всё активнее применяют для диагностики заболеваний, анализа клинических данных и разработки новых препаратов. Но за преимуществами скрываются серьёзные риски: ошибки алгоритмов, смещённые обучающие выборки и непрозрачность моделей могут обернуться тяжёлыми последствиями для пациентов. Если системы обучены на данных, отражающих историческую дискриминацию, они способны ещё больше усилить неравенство в доступе к медицинской помощи. Эти вызовы требуют глубокого философского переосмысления сквозь призму прав человека и принципов справедливости. [6]

Правосудие

В судебной практике искусственный интеллект уже используют для оценки рецидивных рисков, выбора мер наказания и автоматизированного анализа доказательств. Но алгоритмические заключения нередко ставят под сомнение принцип справедливости: опираясь главным образом на статистические закономерности, они могут упускать уникальные обстоятельства каждого дела. Это подрывает легитимность применения ИИ в правовой сфере и подчёркивает необходимость чётких этических норм, сочетающих технологические возможности с моральными и юридическими требованиями. [44]

Образование и искусственный интеллект

ИИ всё активнее применяют для индивидуализации учебных траекторий, автоматической проверки знаний и глубокого анализа образовательных данных. Но возникает принципиальный вопрос: должно ли воспитание и обучение полностью полагаться на алгоритмы? Философские подходы подчёркивают, что живое человеческое взаимодействие остаётся ключевым, поскольку именно оно формирует моральные ориентиры и социальные ценности.

Финансовый сектор и искусственный интеллект

Искусственный интеллект уже служит ключевым инструментом для скоринга заемщиков, алгоритмической торговли и выявления мошеннических схем. Однако смещённые исходные данные, непрозрачность моделей и вероятность критических ошибок способны серьёзно подрывать доверие к этим технологиям. В условиях, где на кону стоят принципы равенства и прозрачности финансовых операций, эти риски требуют особого внимания.

Этическое распределение ответственности в сфере ИИ

Один из главных моральных вызовов, сопровождающих внедрение искусственного интеллекта, – это вопрос о том, как разделить ответственность за возможные промахи алгоритмов. Кому отвечать за сбои: создателям, операторам или конечным пользователям? Постгуманистическая перспектива предлагает понимать ответственность как распределённое явление, в котором каждый участник несёт долю ответственности пропорционально своему вкладу.

- Разработчики обязаны сокращать смещения в данных и обеспечивать максимальную прозрачность работы моделей.
- Операторы должны непрерывно мониторить систему и оперативно устранять неполадки.
- Пользователи обязаны понимать ограничения технологии и учитывать их в своих решениях.

Такой распределённый подход формирует более устойчивую и справедливую экосистему, избавляя от концентрации рисков на одном акторе.

Риски и вызовы внедрения ИИ в образование

1. Ослабление личного взаимодействия

Когда алгоритмы берут на себя значительную часть учебного процесса, живой диалог между учителем и учеником сокращается. Это может тормозить развитие эмпатии, коммуникативных навыков и чувства принадлежности к образовательному сообществу.

2. Зависимость от технологий

Опора на автоматизированные подсказки снижает мотивацию к самостоятельному поиску решений и критическому анализу. Повышается риск того, что студенты будут менее уверенно справляться с задачами без поддержки ИИ.

3. Усиление цифрового неравенства

Эффективное использование интеллектуальных систем требует стабильной инфраструктуры и ресурсов. Сельские и удалённые школы, а также учебные заведения с ограниченным бюджетом могут оказаться в невыгодном положении, что увеличит разрыв в доступе к качественному образованию.

Заключение

Развитие искусственного интеллекта стало неотъемлемой чертой современности и радикально меняет ключевые сферы жизни – от здравоохранения и правосудия до государственного управления и образования. Но вместе с новыми возможностями встают вопросы этики, доверия и социальной ответственности. Настоящий обзор сосредоточился на трёх взаимосвязанных направлениях: философских основаниях этики ИИ, феномене доверия и социально-философских моделях интеграции интеллектуальных систем.

Философские горизонты этики ИИ

Этические концепции, применяемые к ИИ, можно условно разделить на три большие группы.

1. Классические подходы

о Деонтология подчёркивает приоритет правил и обязанностей, что критично для алгоритмов, принимающих решения в юридической сфере.

о Утилитаризм оценивает технологии по суммарной общественной пользе – ключевой критерий при масштабных внедрениях ИИ в инфраструктуру.

о Теории справедливости требуют равного доступа и отсутствия дискриминации, задавая нормативы для алгоритмического распределения ресурсов.

2. Неклассические подходы

о Эти модели смещают фокус с абстрактных правил на социальные последствия.

о Концепция ответственности будущего Ханса Йонаса призывает учитывать долгосрочные и глобальные эффекты ИИ, делая акцент на принципе «предосторожности» в технологическом развитии.

3. Постнеклассическая этика

о Рассматривает ИИ как элемент сложной социотехнической системы, где переплетаются культурные, экологические и психологические факторы.

о Такой взгляд позволяет одновременно видеть выгоды (например, точную диагностику в медицине) и риски (утечку персональных данных или усиление социальных асимметрий).

Многообразие философских подходов демонстрирует, что оценка ИИ не сводится к простой шкале «вред–польза». Необходим интегративный этический инструментарий, способный учитывать нормативные требования, общественные блага и долгосрочную устойчивость. Только так можно обеспечить ответственное внедрение искусственного интеллекта и сохранить доверие общества к быстро эволюционирующим технологиям.

Феномен доверия в контексте взаимодействия человека и ИИ

Доверие к интеллектуальным системам является фундаментальным фактором их успешного внедрения. Исследование показало, что феномен доверия имеет сложную природу, охватывающую как технические, так и социальные аспекты.

1. Технические аспекты доверия. Прозрачность, интерпретируемость и предсказуемость алгоритмов являются основными техническими характеристиками, определяющими уровень доверия пользователей. Например, алгоритмы, используемые в правосудии, должны быть не только эффективными, но и объяснимыми, чтобы гарантировать их соответствие принципам справедливости.

2. Социальные аспекты доверия. Доверие формируется также в зависимости от восприятия технологий обществом. Культурные нормы, личный опыт пользователей и уровень их технологической грамотности играют важную роль в принятии ИИ. Например, в некоторых культурах технологии воспринимаются как угроза традиционным ценностям, что может вызывать сопротивление их внедрению.

3. Образовательные аспекты доверия. Образование является важным инструментом для формирования доверия к ИИ. Программы, направленные на развитие критического мышления и навыков взаимодействия с интеллектуальными системами, помогают пользователям лучше понимать, как работают эти технологии, и минимизировать страхи перед их использованием.

Социально-философские модели интеграции ИИ

Разработка моделей интеграции ИИ в общественные процессы позволила выявить основные направления его использования в таких сферах, как здравоохранение, правосудие и управление.

1. Здравоохранение.

В здравоохранении ИИ используется для диагностики заболеваний, прогнозирования их течения и персонализированного лечения. Например, системы анализа медицинских изображений позволяют ускорить процесс диагностики и повысить её точность. Однако важными остаются вопросы защиты данных пациентов и обеспечения прозрачности решений.

2. Правосудие. Интеллектуальные системы могут анализировать большие объёмы данных, что ускоряет процесс вынесения решений и повышает их точность. Однако алгоритмы должны быть свободны от предвзятости, чтобы гарантировать равенство перед законом. Кроме того, важно сохранить роль человека как конечного арбитра, чтобы избежать автоматизации моральных решений.

3. Управление. Искусственный интеллект способствует оптимизации процессов принятия решений, предсказанию кризисных ситуаций и управлению ресурсами. Однако чрезмерная автоматизация может привести к потере контроля со стороны человека. Это требует разработки чётких стандартов использования ИИ в управленческих процессах.

Значимость исследования

Проведённое исследование внесло вклад в осмысление этических вызовов, связанных с использованием ИИ, и предложило практические решения для их преодоления. Социально-философские модели интеграции ИИ предоставляют инструменты для создания технологий, которые способствуют устойчивому развитию общества.

Литература

1. Вихман В.В., Ромм М.В. Оценка цифровой зрелости образования // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 5. С. 40–56. DOI: 10.15293/2658-6762.2205.03.
2. Вихман В.В., Ромм М.В. «Цифровые двойники» в образовании: перспективы и реальность // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30, № 2. С. 22–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32.
3. Шкарупета Е.В., Лукашин А.А., Мальгин А.Ю., Бабкина О.М. Цифровые двойники в условиях формирования индустрии 5.0: классификация и особенности // *Менеджмент*. 2023. № 1. С. 12–24. DOI: 10.22394/2782-2327-2023-1-12-24.
4. Вихман В.В. Концепция постижения социального феномена в его теоретических образах: от реконструирования к сценарному конструированию // *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 13, № 4, ч. 1. С. 154–167. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-154-167.
5. Вихман В.В., Миндигулова А.А., Ромм М.В. Искусственный интеллект в образовании: обзор возможностей и ограничений // *Идеи и идеалы*. 2024. Т. 16, № 4, ч. 1. С. 167–188. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.4.1-167-188.
6. Panesar A. Precision Health and Artificial Intelligence: With Privacy, Ethics, Bias, Health Equity, Best Practices, and Case Studies. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9162-7.
7. Chapman C., Rodden K. Quantitative User Experience Research: Informing Product Decisions by Understanding Users at Scale. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9268-6.
8. Walsh B. Productionizing AI: How to Deliver AI B2B Solutions with Cloud and Python. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-8817-7.
9. Mahendra A. AI Startup Strategy: A Blueprint to Building Successful Artificial Intelligence Products from Inception to Exit. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9502-1.

10. Manure A., Bengani S., Saravanan S. Introduction to Responsible AI: Implement Ethical AI Using Python. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9982-1.

11. Taulli T. Generative AI: How ChatGPT and Other AI Tools Will Revolutionize Business. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9367-6.

12. McTear M. Transforming Conversational AI. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/979-8-8688-0110-5.

13. Helfrich G. "The harms of terminology: Why we should reject so-called 'frontier AI'" // AI and Ethics. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 699–705. DOI: 10.1007/s43681-024-00438-1.

14. Taddeo M., Floridi L. "Trust and ethics in artificial intelligence: A socio-philosophical framework" // Philosophy & Technology. 2023. Vol. 36, No. 4. Pp. 871–895. DOI: 10.1007/s13347-023-00684-0.

15. Janssen M., Hartog M., Matheus R., Yi Ding A., Kuk G. "Will algorithms blind people? The effect of explainable AI and decision-makers' experience on AI-supported decision-making in government" // Social Science Computer Review. 2022. Vol. 40, No. 2. Pp. 478–493. DOI: 10.1177/0894439320980118.

16. Arjun Panesar. Precision Health and Artificial Intelligence. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9162-7.

17. Michael McTear. Transforming Conversational AI. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/979-8-8688-0110-5.

18. Shimon Y. Nof (Ed.). Springer Handbook of Automation, Second Edition. Springer Nature Switzerland AG, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-3-030-96729-1.

19. G. Cabanac, I. Frommholz, P. Mayr. Bibliometric-enhanced information retrieval. Scientometrics, 2018. DOI: 10.1007/s11192-018-2861-0.

20. Chris Chapman, Kerry Rodden. Quantitative User Experience Research. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9268-6.

21. Panesar A. Precision Health and Artificial Intelligence: With Privacy, Ethics, Bias, Health Equity, Best Practices, and Case Studies. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9162-7.

22. McTear M. Transforming Conversational AI. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/979-8-8688-0110-5.

23. Nof S.Y. (Ed.). Springer Handbook of Automation. Second Edition. Springer Nature Switzerland AG, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-3-030-96729-1.

24. Chapman C., Rodden K. Quantitative User Experience Research: Informing Product Decisions by Understanding Users at Scale. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9268-6.

25. Helfrich G. "The harms of terminology: Why we should reject so-called 'frontier AI'" // AI and Ethics. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 699–705. DOI: 10.1007/s43681-024-00438-1.

26. Taddeo M., Floridi L. "Trust and ethics in artificial intelligence: A socio-philosophical framework" // Philosophy & Technology. 2023. Vol. 36, No. 4. Pp. 871–895. DOI: 10.1007/s13347-023-00684-0.

27. Janssen M., Hartog M., Matheus R., Yi Ding A., Kuk G. "Will algorithms blind people? The effect of explainable AI and decision-makers' experience on AI-supported decision-making in government" // Social Science Computer Review. 2022. Vol. 40, No. 2. Pp. 478–493. DOI: 10.1177/0894439320980118.

28. Manure A., Saravanan S., Bengani S. Introduction to Responsible AI: Implement Ethical AI Using Python. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9982-1.

29. Taulli T. Generative AI: How ChatGPT and Other AI Tools Will Revolutionize Business. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9367-6.

30. Walsh B. Productionizing AI: How to Deliver AI B2B Solutions with Cloud and Python. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-8817-7.

31. Schramm, S., Wehner, C., Schmid, U. "Comprehensible artificial intelligence on knowledge graphs: A survey." // Journal of Web Semantics. 2023. Vol. 79. P. 100806. DOI: 10.1016/j.websem.2023.100806.

32. Devedzic, V. "Identity of AI." // Discover Artificial Intelligence. 2022. Vol. 2. P. 23. DOI: 10.1007/s44163-022-00038-0.

33. Placani, A. "Anthropomorphism in AI: Hype and fallacy." // AI Ethics. 2024. DOI: 10.1007/s43681-024-00419-4.

34. Sartori, L., Theodorou, A. "A sociotechnical perspective for the future of AI: Narratives, inequalities, and human control." // Ethics and Information Technology. 2022. Vol. 24, No. 4. P. 1–14. DOI: 10.1007/s10676-022-09624-3.

35. Tilmes, N. "Disability, fairness, and algorithmic bias in AI recruitment." // Ethics and Information Technology. 2022. Vol. 24, No. 2. P. 21. DOI: 10.1007/s10676-021-09502-5.

36. Rillig, M.C., Ågerstrand, M., Bi, M., Gould, K.A., Sauerland, U. "Risks and benefits of large language models for the environment." // Environmental Science & Technology. 2023. Vol. 57, No. 9. P. 3464–3466. DOI: 10.1021/acs.est.3c01106.

37. Zuboff, S. The Age of Surveillance: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Public Affairs, New York, 2019.

38. Komorowski, M., Celi, L.A., Badawi, O., Gordon, A.C., Faisal, A.A. "The artificial intelligence clinician learns optimal treatment strategies for sepsis in intensive care." // Nature Medicine. 2018. Vol. 24, No. 11. P. 1716–1720. DOI: 10.1038/s41591-018-0213-5.

39. Janssen, M., Hartog, M., Matheus, R., Yi Ding, A., Kuk, G. "Will algorithms blind people? The effect of explainable AI and decision-makers' experience on AI-supported decision-making in government." // Social Science Computer Review. 2022. Vol. 40, No. 2. P. 478–493. DOI: 10.1177/0894439320980118.

40. Chan, S., Erikainen, S., Strange, M., Tucker, J. "Beyond the hype: 'Acceptable futures' for AI and robotic technologies in healthcare." // AI & Society. 2023. DOI: 10.1007/s00146-023-01659-4.

41. Lara F., Deckers J. Ethics of Artificial Intelligence. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-48135-2.

42. Liu Z., Zheng Y. AI Ethics and Governance: Black Mirror and Order. 2022. DOI: 10.1007/978-981-19-2531-3.

43. Boddington P. AI Ethics: A Textbook. 2023. DOI: 10.1007/978-981-19-9382-4.

44. Ziosi M., Sartor G., Cunha J.M., Trotta A., Wicke P. AI for People, Democratizing AI: Second EAI International Conference, CAIP 2023, Proceedings. 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-71304-0.

45. Voigt P., Hullén N. The EU AI Act: Answers to Frequently Asked Questions. 2024. DOI: 10.1007/978-3-662-70201-7.

ETHICAL CHALLENGES AND TRUST IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Vakkosov Saidjamshidkhon Giyosiddin Ugli
Novosibirsk State Technical University

This article provides a comprehensive analysis of the ethical challenges associated with the development and implementation of artificial intelligence (AI), with a focus on the socio-philosophical perspective. In the era of rapid technological advancement, AI has become an integral part of modern life, transforming key areas such as healthcare, law, economy, education, and social communications. However, alongside its numerous benefits, AI poses significant ethical concerns that demand profound reflection and theoretical understanding.

Keywords: artificial intelligence, ethics, trust, fairness, transparency, social philosophy, regulatory frameworks, accountability, sustainability.

References

1. Vihman V.V., Romm M.V. Ocenka cifrovoy zrelosti obrazovaniya // Science for Education Today. 2022. T. 12, № 5. S. 40–56. DOI: 10.15293/2658-6762.2205.03.

2. Vihman V.V., Romm M.V. «Cifrovoye dvoyniki» v obrazovanii: perspektivy i real'nost' // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2021. T. 30, № 2. S. 22–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32.

3. SHkarupeta E.V., Lukashin A.A., Malygin A.YU., Babkina O.M. Cifrovoye dvoyniki v usloviyah formirovaniya industrii 5.0: klassifikatsiya i osobennosti // Menedzhment. 2023. № 1. S. 12–24. DOI: 10.22394/2782-2327-2023-1-12-24.

4. Vihman V.V. Konceptiya postizheniya social'nogo fenomena v ego teoreticheskikh obrazah: ot rekonstruirovaniya k scenaromomu konstruirovaniyu // Idei i idealy. 2021. T. 13, № 4, ch. 1. S. 154–167. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-154-167.

5. Vihman V.V., Mindigulova A.A., Romm M.V. Iskustvennyy intellekt v obrazovanii: obzor vozmozhnostey i ogranicheniy // Idei i idealy. 2024. T. 16, № 4, ch. 1. S. 167–188. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.4.1-167-188.

6. Panesar A. Precision Health and Artificial Intelligence: With Privacy, Ethics, Bias, Health Equity, Best Practices, and Case Studies. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9162-7.

7. Chapman C., Rodden K. Quantitative User Experience Research: Informing Product Decisions by Understanding Users at Scale. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9268-6.

8. Walsh B. Productionizing AI: How to Deliver AI B2B Solutions with Cloud and Python. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-8817-7.

9. Mahendra A. AI Startup Strategy: A Blueprint to Building Successful Artificial Intelligence Products from Inception to Exit. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9502-1.

10. Manure A., Bengani S., Saravanan S. Introduction to Responsible AI: Implement Ethical AI Using Python. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9982-1.

11. Taulli T. Generative AI: How ChatGPT and Other AI Tools Will Revolutionize Business. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9367-6.

12. McTear M. Transforming Conversational AI. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/979-8-8688-0110-5.

13. Helfrich G. "The harms of terminology: Why we should reject so-called 'frontier AI'" // AI and Ethics. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 699–705. DOI: 10.1007/s43681-024-00438-1.

14. Taddeo M., Floridi L. "Trust and ethics in artificial intelligence: A socio-philosophical framework" // Philosophy & Technology. 2023. Vol. 36, No. 4. Pp. 871–895. DOI: 10.1007/s13347-023-00684-0.

15. Janssen M., Hartog M., Matheus R., Yi Ding A., Kuk G. "Will algorithms blind people? The effect of explainable AI and decision-makers' experience on AI-supported

decision-making in government" // *Social Science Computer Review*. 2022. Vol. 40, No. 2. Pp. 478–493. DOI: 10.1177/0894439320980118.

16. Arjun Panesar. *Precision Health and Artificial Intelligence*. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9162-7.

17. Michael McTear. *Transforming Conversational AI*. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/979-8-8688-0110-5.

18. Shimon Y. Nof (Ed.). *Springer Handbook of Automation*, Second Edition. Springer Nature Switzerland AG, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-3-030-96729-1.

19. G. Cabanac, I. Frommholz, P. Mayr. *Bibliometric-enhanced information retrieval*. *Scientometrics*, 2018. DOI: 10.1007/s11192-018-2861-0.

20. Chris Chapman, Kerry Rodden. *Quantitative User Experience Research*. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9268-6.

21. Panesar A. *Precision Health and Artificial Intelligence: With Privacy, Ethics, Bias, Health Equity, Best Practices, and Case Studies*. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9162-7.

22. McTear M. *Transforming Conversational AI*. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/979-8-8688-0110-5.

23. Nof S.Y. (Ed.). *Springer Handbook of Automation*. Second Edition. Springer Nature Switzerland AG, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-3-030-96729-1.

24. Chapman C., Rodden K. *Quantitative User Experience Research: Informing Product Decisions by Understanding Users at Scale*. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9268-6.

25. Helfrich G. "The harms of terminology: Why we should reject so-called 'frontier AI'" // *AI and Ethics*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 699–705. DOI: 10.1007/s43681-024-00438-1.

26. Taddeo M., Floridi L. "Trust and ethics in artificial intelligence: A socio-philosophical framework" // *Philosophy & Technology*. 2023. Vol. 36, No. 4. Pp. 871–895. DOI: 10.1007/s13347-023-00684-0.

27. Janssen M., Hartog M., Matheus R., Yi Ding A., Kuk G. "Will algorithms blind people? The effect of explainable AI and decision-makers' experience on AI-supported decision-making in government" // *Social Science Computer Review*. 2022. Vol. 40, No. 2. Pp. 478–493. DOI: 10.1177/0894439320980118.

28. Manure A., Saravanan S., Bengani S. *Introduction to Responsible AI: Implement Ethical AI Using Python*. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9982-1.

29. Taulli T. *Generative AI: How ChatGPT and Other AI Tools Will Revolutionize Business*. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-9367-6.

30. Walsh B. *Productionizing AI: How to Deliver AI B2B Solutions with Cloud and Python*. Apress, New York, 2023. DOI: 10.1007/978-1-4842-8817-7.

31. Schramm, S., Wehner, C., Schmid, U. "Comprehensible artificial intelligence on knowledge graphs: A survey." // *Journal of Web Semantics*. 2023. Vol. 79. P. 100806. DOI: 10.1016/j.websem.2023.100806.

32. Devedzic, V. "Identity of AI." // *Discover Artificial Intelligence*. 2022. Vol. 2. P. 23. DOI: 10.1007/s44163-022-00038-0.

33. Placani, A. "Anthropomorphism in AI: Hype and fallacy." // *AI Ethics*. 2024. DOI: 10.1007/s43681-024-00419-4.

34. Sartori, L., Theodorou, A. "A sociotechnical perspective for the future of AI: Narratives, inequalities, and human control." // *Ethics and Information Technology*. 2022. Vol. 24, No. 4. P. 1–14. DOI: 10.1007/s10676-022-09624-3.

35. Tilmes, N. "Disability, fairness, and algorithmic bias in AI recruitment." // *Ethics and Information Technology*. 2022. Vol. 24, No. 2. P. 21. DOI: 10.1007/s10676-021-09502-5.

36. Rillig, M.C., Ågerstrand, M., Bi, M., Gould, K.A., Sauerland, U. "Risks and benefits of large language models for the environment." // *Environmental Science & Technology*. 2023. Vol. 57, No. 9. P. 3464–3466. DOI: 10.1021/acs.est.3c01106.

37. Zuboff, S. *The Age of Surveillance: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Public Affairs, New York, 2019.

38. Komorowski, M., Celi, L.A., Badawi, O., Gordon, A.C., Faisal, A.A. "The artificial intelligence clinician learns optimal treatment strategies for sepsis in intensive care." // *Nature Medicine*. 2018. Vol. 24, No. 11. P. 1716–1720. DOI: 10.1038/s41591-018-0213-5.

39. Janssen M., Hartog, M., Matheus, R., Yi Ding, A., Kuk, G. "Will algorithms blind people? The effect of explainable AI and decision-makers' experience on AI-supported decision-making in government." // *Social Science Computer Review*. 2022. Vol. 40, No. 2. P. 478–493. DOI: 10.1177/0894439320980118.

40. Chan, S., Erikainen, S., Strange, M., Tucker, J. "Beyond the hype: 'Acceptable futures' for AI and robotic technologies in healthcare." // *AI & Society*. 2023. DOI: 10.1007/s00146-023-01659-4.

41. Lara F., Deckers J. *Ethics of Artificial Intelligence*. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-48135-2.

42. Liu Z., Zheng Y. *AI Ethics and Governance: Black Mirror and Order*. 2022. DOI: 10.1007/978-981-19-2531-3.

43. Boddington P. *AI Ethics: A Textbook*. 2023. DOI: 10.1007/978-981-19-9382-4.

44. Ziosi M., Sartor G., Cunha J.M., Trotta A., Wicke P. *AI for People, Democratizing AI: Second EAI International Conference, CAIP 2023, Proceedings*. 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-71304-0.

45. Voigt P., Hullen N. *The EU AI Act: Answers to Frequently Asked Questions*. 2024. DOI: 10.1007/978-3-662-70201-7.

Высоцкий Константин Владимирович,

аспирант, Российский экономический университет имени

Г.В. Плеханова

E-mail: Vysotskiy.Konstantin@yandex.ru

Статья посвящена анализу роли института семьи в социализации современной российской молодёжи. На основе данных ВЦИОМ, Росстата и результатов эмпирических исследований 2020–2025 гг. выявлены ключевые противоречия: при декларативно высокой значимости семейных ценностей для молодёжи фиксируется ослабление механизмов межпоколенной трансмиссии ценностей, рост доли неполных семей и усиление конкурирующего влияния цифровой среды. Проанализированы теоретические подходы к изучению семейной социализации – от структурного функционализма Т. Парсонса до рискологической концепции Ю.А. Зубок. Рассмотрены тенденции государственной семейной политики Российской Федерации. Обоснована необходимость комплексного подхода к укреплению социализирующей функции семьи в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: институт семьи, социализация молодёжи, семейные ценности, цифровая социализация, трансформация семьи, государственная семейная политика, межпоколенческая трансмиссия.

Институт семьи в современной России переживает период глубокой трансформации, которая затрагивает его базовую функцию – социализацию подрастающего поколения. Семья остаётся ценностью номер один для российской молодёжи: по данным ВЦИОМ (2024), абсолютное большинство молодых людей 14–35 лет называют здоровье и безопасность семьи важнейшим приоритетом, а подавляющая часть подчёркивает значимость внутрисемейных отношений [1]. Вместе с тем за этим фасадом ценностного единодушия скрываются серьёзные структурные сдвиги: суммарный коэффициент рождаемости опустился до 1,41 ребёнка на женщину в 2023 году, доля неполных семей существенно возросла за два десятилетия, а цифровая среда превратилась в мощного конкурента семье как агенту первичной социализации.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, семья традиционно рассматривается в отечественной социологии как фундаментальный институт воспроизводства социальных норм и ценностей, и ослабление её социализирующей функции имеет далеко идущие последствия для всей социальной системы. Во-вторых, российское государство в последние годы существенно активизировало семейную политику: в 2024 году проведён Год семьи, конституционные поправки 2020 года закрепили приоритет семейного воспитания, а с 2025 года реализуется национальный проект «Семья». В-третьих, цифровая трансформация общества создаёт принципиально новые условия для социализации, требующие переосмысления классических теоретических моделей.

Целью настоящей работы является комплексный анализ роли института семьи в социализации современной российской молодёжи с учётом теоретических подходов, эмпирических данных и тенденций государственной политики. Методологическую основу исследования составляют структурно-функциональный подход, институциональный анализ и данные ведущих социологических центров страны.

Научное осмысление роли семьи в социализации восходит к работам Т. Парсонса, который в рамках структурного функционализма относил семью к латентной функции социальной системы – функции поддержания ценностных образцов и снятия напряжения. В фундаментальной работе «Семья, социализация и интерактивный процесс» (1955) Парсонс обосновал положение о семье как первичном агенте социализации, в рамках которого происходит интернализация общественных ценностей и формирование базовых личностных структур. Нуклеарная семья, по Парсонсу, специализируется на двух ключевых функциях: социализации детей и стабилизации личности взрослых.

Р. Мертон скорректировал парсонсовскую модель, введя понятия явных и латентных функций, дисфункций, а также функциональных альтернатив (эквивалентов): другие институты – школа, группы сверстников, средства массовой информации – способны частично замещать семью в выполнении социализирующей функции. Эта идея приобретает особую актуальность в контексте цифровой трансформации, когда интернет-пространство становится таким функциональным эквивалентом семьи. Мертоновская концепция аномии – рассогласования целей и средств их достижения – применима для анализа ситуаций, когда ценности, транслируемые семьёй, входят в противоречие с ценностями, предлагаемыми обществом, порождая у молодёжи ценностную неопределённость.

Русская социология семьи сформировала собственную теоретическую традицию. А.Г. Харчев, основоположник советской социологии семьи, определил семью как объединение людей, основанное на браке и кровном родстве, связанное общностью быта и взаимной ответственностью [2]. Принципиально важным стало его положение о двойственной природе семьи – одновременно как малой социальной группы и социального института. Среди ключевых функций семьи Харчев выделял воспитательную, подчёркивая неразрывную связь брачно-семейных отношений с общественными трансформациями.

А.И. Антонов и В.М. Медков развили институциональный подход, создав фамилистическую парадигму, в которой семья рассматривается как базовое условие функционирования социума через «физическое и социокультурное замещение поколений». Социализация потомства выступает одной из ключевых функций семьи, без которой невозможно восполнение всех социальных институтов. Антонов последовательно обосновывал концепцию кризиса семьи – нуклеаризации, индивидуализации семейных отношений и перехвата семейных функций другими институтами. Эта позиция задавала методологиче-

скую рамку для значительной части российских исследований семейной проблематики.

Т.А. Гурко предложила альтернативный – трансформационный подход, исследуя изменения институтов брака, семьи и родительства как взаимосвязанные, но самостоятельные процессы. Её эмпирические исследования зафиксировали ориентацию студенческой молодёжи на партнёрскую модель семьи, распространение новых семейных форм [3]. В работах 2020–2023 гг. Гурко показала, что изменения института брака существенно влияют на условия социализации, а динамика показателей развития подростков зависит от типа семьи – полная, неполная или повторный брак [4].

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров в монографии «Молодёжь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности» (2020) разработали рискологическую концепцию молодёжной социализации, в которой неопределённость рассматривается как системное свойство современного общества. Социализация молодёжи в семье, согласно этому подходу, протекает в условиях перманентного риска, а её результаты во многом зависят от способности семьи формировать у детей компетенции саморегуляции [5].

Масштаб структурных изменений института семьи в России наглядно демонстрируют статистические данные, обобщённые в таблице 1 [6, 7].

Таблица 1. Ключевые статистические индикаторы трансформации института семьи в Российской Федерации

Показатель	Ранний период	Текущий период	Динамика
Суммарный коэффициент рождаемости	1,78 (2015)	1,41 (2023)	–20,8%
Средний возраст первого брака (женщины)	21,9 (2012)	23,2 (2022)	+1,3 года
Средний возраст первого брака (мужчины)	24,2 (2012)	25,4 (2022)	+1,2 года
Доля неполных семей	21% (2002)	38,5% (2021)	+17,5 п.п.
Браки (тыс.)	–	880 (2024)	–7% к 2023
Разводы (тыс.)	–	644,5 (2024)	8 на 10 браков
Уровень бедности в неполных семьях	–	28,3%	×1,67 к полным

Источник: составлено автором на основании данных Росстата [6] и ВНИИ труда Минтруда [7]

Динамика суммарного коэффициента рождаемости, представленная на рисунке 1, наглядно демонстрирует устойчивый нисходящий тренд: за период 2015–2024 гг. СКР снизился с 1,78 до 1,40, что значительно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1) [6, 7] (рис. 1).

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Российской Федерации, 2015–2024 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата и Демографического информационного портала

Рис. 1.

Эмпирические данные последних лет фиксируют парадоксальную картину. С одной стороны, семья устойчиво занимает верхние позиции в системе ценностей российской молодёжи. По данным ВЦИОМ (2024), семья является одной из ключевых ценностей для россиян, причём в молодёжных когортах этот показатель практически не уступает старшим поколениям [1]. С другой стороны, содержательное наполнение понятия «семья» претерпевает существенные изменения.

И.В. Волосков (2024), анализируя систему ценностей молодёжи, отмечает трансформацию ценностных приоритетов: если для старших поколений семья ассоциировалась преимущественно с долгом и ответственностью, то для современной молодёжи на первый план выходят эмоциональная близость, взаимная поддержка и партнёрские отношения [8]. Это не означает обесценивания семьи, но свидетельствует о её переинтерпретации в направлении индивидуализации и эгалитаризации.

Т.К. Ростовская и О.В. Кучмаева (2020) зафиксировали трансформацию представлений россиян о семье: молодые люди в значительно большей степени, нежели представители старших когорт, допускают разнообразие семейных форм – от традиционного зарегистрированного брака до различных видов партнёрских союзов [9]. При этом ценность детей и родительства сохраняется, однако идеальное число детей в молодёжных когортах существенно ниже, чем в старших поколениях.

Данные Р.П. Хизбуллиной (2025) свидетельствуют о сложном процессе формирования традиционных семейных ценностей в ходе социализации молодого поколения. Исследование показало, что семья продолжает играть определяющую роль в первичной ценностной социализации, однако закрепление ценностных установок во многом зависит от согласованности семейного воспитания с информационной средой, в которой находится молодой человек [10]. При рассогласовании этих контекстов эффективность семейной социализации существенно снижается.

Цифровая трансформация общества создала принципиально новую среду социализации, которая во многих отношениях конкурирует с семьёй. По различным оценкам, подростки проводят в цифровой среде от четырёх до восьми часов ежедневно, что сопоставимо или превышает время активного общения с родителями. Данное обстоятельство меняет баланс социализирующих агентов в жизни молодого человека.

И.П. Краснощеченко (2022) в исследовании трансформации и рисков социализации подрастающего поколения показала, что цифровая среда выступает не только альтернативным каналом информации, но и формирует собственные нормативные системы, которые могут вступать в противоречие с ценностями, транслируемыми семьёй [11]. Среди основных рисков цифровой социализации исследователь выделяет размывание границ частного и публичного, формирование зависимых форм поведения, а также снижение навыков непосредственной коммуникации.

Вместе с тем было бы упрощением рассматривать цифровизацию исключительно как угрозу семейной социализации. Цифровые технологии создают новые возможности для поддержания семейных связей, совместного досуга и обучения. Проблема заключается не в технологиях как таковых, а в способности семьи интегрировать их в процесс социализации, сохраняя при этом свою ценностно-нормативную функцию. Семьи, в которых родители выступают медиаторами цифрового опыта детей, демонстрируют более успешные результаты социализации по сравнению с семьями, где цифровая активность ребёнка остаётся вне родительского контроля.

Г.С. Широкалова, Н.В. Дулина и Е.И. Пронина (2023), исследуя роль семьи в социализации студентов среднего профессионального образования, установили значимые различия между городскими и сельскими семьями в контексте цифровизации. Сельские семьи в целом сохраняют более традиционную модель социализации с высокой ролью межпоколенного общения, тогда как городские семьи в большей мере подвержены конкурирующему влиянию цифровой среды [12]. Вместе с тем авторы фиксируют процесс конвергенции: по мере проникновения интернета в сельскую местность различия в моделях социализации постепенно сглаживаются.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что тип семьи существенно дифференцирует условия социализации молодёжи. Т.А. Гурко (2022), используя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), выявила значимые различия в когнитивном, эмоциональном и социальном развитии подростков в зависимости от семейной структуры – полная семья, неполная семья или повторный брак [4]. С учётом того что каждый третий несовершеннолетний в России воспитывается в неполной семье, а уровень бедности в таких семьях существенно выше, социализационное неравенство приобретает системный характер.

Исследования О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой (2022, 2024) показали, что отношения с отцом являются ключевым фактором формирования родительских моделей у молодых мужчин. Механизм межпоколенческой трансляции родительских практик работает в трёх режимах: «трансляция» (воспроизведение отцовского опыта), «отвержение» (сознательный отказ от модели отца) и «компенсация» (стремление дать ребёнку то, чего не получил сам). В условиях роста доли неполных семей и семей с отсутствующим отцом третий режим становится всё более распространённым [3].

З.Е. Дорофеева и П.М. Козырева (2023) зафиксировали трансформацию практик вовлечённости родителей в жизнь детей, показав, что степень родительской вовлечённости остаётся ключевым фактором успешной социализации. Вместе с тем характер вовлечённости меняется: от директивного контроля родители всё чаще переходят к модели сопровождения, при которой ребёнку предоставляется большая автономия при сохранении эмоциональной поддержки. Этот сдвиг особенно заметен в семьях с высоким уровнем образования родителей.

Российское государство в последние годы последовательно наращивает усилия по укреплению института семьи. Конституционные по-

правки 2020 года закрепили понятие брака как союза мужчины и женщины, а также приоритет семейного воспитания. В 2024 году был проведён Год семьи, в рамках которого реализован комплекс мероприятий, направленных на поддержку семей с детьми. С 2025 года осуществляется национальный проект «Семья», ставший одним из наиболее масштабных направлений социальной политики.

Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года определяет основные направления государственной поддержки семьи, включая материальное обеспечение, развитие инфраструктуры детства, поддержку многодетных семей и укрепление института родительства. Важным элементом является акцент на традиционных семейных ценностях как основе национальной идентичности.

Вместе с тем эффективность государственной семейной политики в части укрепления именно социализирующей функции семьи пока остаётся предметом дискуссии. Большинство мер ориентировано на материальную поддержку и стимулирование рождаемости, тогда как собственно социализирующие аспекты – формирование родительских компетенций, развитие культуры семейного воспитания, преодоление цифровых рисков – получают меньше внимания. Представляется, что повышение эффективности социализирующей функции семьи требует более сбалансированного подхода, сочетающего экономические меры с программами развития родительских компетенций и цифровой грамотности.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что институт семьи в современной России сохраняет статус центрального агента социализации молодёжи, однако характер и механизмы его влияния претерпевают качественную трансформацию. Ключевое противоречие состоит в разрыве между декларативной ценностью семьи, поддерживаемой абсолютным большинством молодёжи, и реальным ослаблением механизмов межпоколенной трансмиссии, обусловленным цифровизацией, структурной трансформацией семьи и индивидуализацией жизненных стратегий.

Семья из монопольного агента первичной социализации превращается в одного из нескольких равнозначных агентов, конкурирующего с цифровой средой, которая охватывает значительную часть ежедневного времени подростков. Этот процесс не является линейной деградацией – он отражает структурное усложнение социализационного поля, в котором эффективность семейного влияния определяется не столько объёмом транслируемой информации, сколько качеством эмоциональных связей и способностью родителей выступать медиаторами социального опыта ребёнка.

Поколенческий разрыв в семейных ценностях представляет не столько отказ молодёжи от семьи как таковой, сколько её переинтерпретацию. Молодое поколение формирует синтетическую ценностную систему, в которой семья сочетается с индивидуальной свободой, а традиция – с модернизацией. Задача государственной политики и научного сообщества – не противопоставлять эти тенденции, а искать формы их интеграции.

Масштабная государственная семейная политика создаёт институциональные условия для укрепления социализирующей функции семьи. Однако её эффективность будет определяться не только финансовыми вложениями, но и способностью адаптироваться к новым реалиям: учитывать цифровой контекст социализации, поддерживать семьи различных типов и преодолевать социализационное неравенство, обусловленное типом семьи и уровнем доходов.

Перспективным направлением исследований представляется изучение взаимодействия семейной и цифровой социализации – не как конкурирующих, а как потенциально комплементарных процессов, а также разработка моделей «цифрового родительства», способных восстановить эффективность межпоколенной передачи ценностей в условиях информационного общества.

Литература

1. ВЦИОМ. Семья в системе российских ценностей: аналитический обзор. – М., 22 ноября 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (Дата обращения: 10.01.2026).
2. Харчев, А.Г. Брак и семья в СССР / А.Г. Харчев. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
3. Безрукова, О.Н. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция / О.Н. Безрукова, В.А. Самойлова // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8
4. Гурко, Т.А. Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей / Т.А. Гурко // Социологические исследования. – 2022. – № 10. – С. 107–116. DOI: 10.31857/S013216250021397-9

5. Зубок, Ю.А. Молодёжь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 304 с.

6. Росстат. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. – М.: Росстат, 2023.

7. ВНИИ труда Минтруда России. Анализ данных Всероссийской переписи населения 2021 года о структуре российских семей. – М., 2024. URL: <https://www.vcot.info/> (Дата обращения: 10.01.2026).

8. Волосков, И.В. Молодёжь 2024: система ценностей и жизненные ориентиры / И.В. Волосков, И. Валлис // In Situ. – 2024. – № 8. – С. 48–49. – EDN HIDIGI.

9. Ростовская, Т.К. Трансформация представлений россиян о семье / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 527–545.

10. Хизбуллина, Р.Р. Формирование традиционных семейных ценностей в процессе социализации молодого поколения / Р.Р. Хизбуллина // Society and Security Insights. – 2025. – Т. 8, № 4. – С. 100–112.

11. Краснощеченко, И.П. Социализация подрастающего поколения в российском обществе: трансформация, риски, пути снижения цифровых угроз / И.П. Краснощеченко // Прикладная юридическая психология. – 2022. – № 2 (59). – С. 67–76. DOI: 10.33463/2072-8336.2022.2(59).067-076

12. Широкалова, Г.С. Горожане и селяне: роль семьи в социализации студентов СПО / Г.С. Широкалова, Н.В. Дулина, Е.И. Проница // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Т. 9, № 4 (36). – С. 6–21. DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-4-6-21

THE ROLE OF THE FAMILY INSTITUTION IN THE SOCIALIZATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Vysotskiy K.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article analyzes the role of the family institution in the socialization of modern Russian youth. Based on data from VTsIOM, Rosstat and results of empirical studies of 2020–2025, key contradictions are identified: with the declaratively high significance of family values for youth, the weakening of mechanisms of intergenerational transmission of values, the growth of the share of single-parent families and the increasing competing influence of the digital environment are recorded. Theoretical approaches to the study of family socialization are analyzed – from T. Parsons' structural functionalism to Yu. A. Zubok's risk concept. Trends in state family policy of the Russian Federation are considered. The necessity of an integrated approach to strengthening the socializing function of the family in the context of digital transformation of society is substantiated.

Keywords: family institution, youth socialization, family values, digital socialization, family transformation, state family policy, intergenerational transmission.

References

1. VTsIOM. Family in the system of Russian values: analytical review. – Moscow, November 22, 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (Accessed: 10.01.2026).
2. Kharchev, A.G. Marriage and family in the USSR / A.G. Kharchev. – Moscow: Mysl, 1979. – 367 p.
3. Bezrukova, O.N. Fatherhood in modern Russia: meanings, values, practices and intergenerational transmission / O.N. Bezrukova, V.A. Samoylova // Sociological Studies. – 2022. – No. 2. – P. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8
4. Gurko, T.A. Dynamics of development and well-being indicators of adolescents in different family types / T.A. Gurko // Sociological Studies. – 2022. – No. 10. – P. 107–116. DOI: 10.31857/S013216250021397-9
5. Zubok, Yu.A. Youth in cultural space: self-regulation of life: monograph / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. – 304 p.
6. Rosstat. Demographic Yearbook of Russia. 2023: Statistical handbook. – Moscow: Rosstat, 2023.
7. VNIИ of Labor of the Ministry of Labor of Russia. Analysis of the 2021 All-Russian Population Census data on the structure of Russian families. – Moscow, 2024. URL: <https://www.vcot.info/> (Accessed: 10.01.2026).
8. Voloskov, I.V. Youth 2024: value system and life orientations / I.V. Voloskov // Social Policy and Sociology. – 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-2024-sistema-tsennostey-i-zhiznennye-orientiry> (Accessed: 10.01.2026).
9. Rostovskaya, T.K. Transformation of Russians' ideas about family / T.K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva // RUDN Journal of Sociology. – 2020. – Vol. 20, No. 3. – P. 527–545.
10. Khizbullina, R.R. Formation of traditional family values in the socialization of the younger generation / R.R. Khizbullina // Society and Security Insights. – 2025. – Vol. 8, No. 4. – P. 100–112.
11. Krasnoshechenko, I.P. Socialization of the younger generation in Russian society: transformation, risks, ways to reduce digital threats / I.P. Krasnoshechenko // Applied Legal Psychology. – 2022. – No. 2 (59). – P. 67–76. DOI: 10.33463/2072-8336.2022.2(59).067-076
12. Shirokalova, G.S. Urban and rural residents: the role of the family in the socialization of secondary vocational education students / G.S. Shirokalova, N.V. Dulina, E.I. Pronina // Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research. – 2023. – Vol. 9, No. 4 (36). – P. 6–21. DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-4-6-21

Дун Фэньфэнь,

аспирант, Гуандунский университет иностранных языков
и внешней торговли
E-mail: liliya2468@163.com

В статье рассматриваются изменения политики России в отношении Шанхайской организации сотрудничества после начала специальной военной операции на Украине и в условиях трансформации международной системы. На основе сравнительного анализа Концепций внешней политики Российской Федерации 2016 и 2023 гг., а также материалов саммитов ШОС и данных о политико-экономическом взаимодействии показано, что роль ШОС во внешнеполитической стратегии России существенно возросла: организация эволюционирует от преимущественно регионального механизма безопасности к многофункциональной платформе дипломатической «деизоляции», экономической координации, развития расчётов в национальных валютах и укрепления энергетического сотрудничества. Обосновывается, что корректировка российской линии в отношении ШОС обусловлена необходимостью смягчения санкционного давления, стабилизации центральноазиатского пространства, продвижения концепции Большого евразийского партнёрства и формирования многополярного миропорядка, что свидетельствует о системном перераспределении внешнеполитических приоритетов России в пост-СВО период.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, внешняя политика России, специальная военная операция, евразийская интеграция, Большое евразийское партнёрство, многополярный мир.

Введение

После начала специальной военной операции (СВО) внешнеполитическая стратегия России оказалась в условиях резко усложнившейся международной среды, где усилились санкционное давление и попытки дипломатической изоляции, а также возросла потребность в альтернативных каналах политико-экономического взаимодействия. В этих обстоятельствах Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) стала для России одним из ключевых многосторонних форматов, через который происходит корректировка дипломатических, экономических и безопасностных подходов.

Актуальность исследования определяется тем, что в обновлённой Концепции внешней политики Российской Федерации (2023) ШОС впервые явно рассматривается не как вспомогательный механизм, а как важный элемент обеспечения безопасности в Евразии и опора для формирования «Большого евразийского партнёрства» (в сопряжении с ЕАЭС и другими региональными платформами). Это отражает существенный сдвиг по сравнению с логикой Концепции 2016 года, где доминировала ориентация на ОДКБ и ЕАЭС, а ШОС отводилась преимущественно второстепенная роль.

Объект исследования – политика России в отношении ШОС в пост-СВО период.

Предмет исследования – изменения целей, инструментов и практик российской линии в рамках ШОС в политико-дипломатической, экономической и безопасностной сферах.

Цель работы – выявить ключевые направления трансформации политики России в отношении ШОС после начала СВО и определить движущие мотивы этих изменений. Для достижения цели решаются следующие задачи: (1) сопоставить нормативные установки внешней политики России (редакции 2016 и 2023 гг.) в части роли ШОС; (2) проанализировать практические проявления российской активности в ШОС (политический диалог, финансово-экономические инициативы, энергетическая повестка, сотрудничество в сфере безопасности); (3) систематизировать структурные мотивы корректировки курса России в отношении ШОС.

Методологическая основа включает сравнительный анализ (сопоставление концептуальных документов), проблемно-хронологический подход (рассмотрение ключевых инициатив и заявлений в динамике 2022–2025 гг.), а также элементы институционального анализа (оценка роли ШОС как многосторонней платформы и её инструментальных функций). Источниковую базу составляют положения Концепций внешней политики РФ, материалы саммитов и заседаний органов ШОС, а также статистические и фактологические данные о торгово-экономическом и энергетическом взаимодействии.

Научная новизна работы заключается в том, что изменение политики России в отношении ШОС рассматривается как целостный «пакет» взаимосвязанных адаптаций (дипломатическая «деизоляция», экономико-финансовая перестройка, усиление координации безопасности), обусловленный одновременно внешним давлением и долгосрочными евразийскими стратегическими установками.

Трансформация политики России в отношении ШОС после начала СВО

После начала специальной военной операции России внешняя стратегия страны столкнулась с новыми вызовами и возможностями. Шанхайская организация сотрудничества, как важный региональный многосторонний механизм, стала одним из ключевых направлений, в рамках которых Россия активно корректирует свои подходы и стратегии в сфере дипломатии, экономики, безопасности, а также институционального и организационного развития.

В Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 года указывается, что Россия считает важным дальнейшее укрепление позиций ШОС в региональных и глобальных делах и расширение ее состава, выступает за наращивание политического и экономического потенциала ШОС, осуществление в ее рамках практических мер, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центральной Азии, а также за развитие взаимодействия с государствами – членами ШОС, наблюдателями при ШОС и партнерами по диалогу ШОС [1].

В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года указывается, что Россия стремится к преобразованию Евразии в еди-

ное общеинтерконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания. Достижение этой цели предполагается:

1) всемерное укрепление потенциала и роли ШОС в обеспечении безопасности в Евразии и содействии ее устойчивому развитию путем совершенствования деятельности Организации с учетом современных геополитических реалий;

2) формирование широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства – посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» при сохранении возможности участия в этом партнерстве всех заинтересованных государств и многосторонних объединений Евразийского континента и, как следствие, формирование сети партнерских организаций в Евразии [2];

Сопоставление редакций Концепции внешней политики России – до и после начала СВО – показывает, что в версии 2016 года, хотя и упоминалось развитие отношений с государствами-членами в рамках Шанхайской организации сотрудничества, вопрос использования её функций в сфере безопасности для стабилизации ситуации в Центральной Азии практически не затрагивался. Основными опорами политики России в регионе выступали возглавляемый ею Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), тогда как ШОС отводилась лишь вспомогательная роль. В редакции Концепции 2023 года Россия впервые рассматривает ШОС в контексте глубоких геополитических изменений: от прежней ориентации преимущественно на ОДКБ как ключевой механизм обеспечения региональной безопасности происходит переход к акценту на необходимость усиления роли ШОС в обеспечении безопасности на евразийском пространстве. При этом прямо выдвигается задача сопряжения Евразийского экономического союза и ШОС как основы для формирования Большого евразийского партнёрства. Таким образом, на фоне всё более жёсткой внешнеполитической и геополитической среды значение ШОС в общей стратегической архитектуре России заметно возросло.

После СВО, столкнувшись с дипломатической изоляцией со стороны США и европейских стран, Россия активно расширяет свои внешнеполитические каналы через Шанхайскую организацию сотрудничества и государства-члены ШОС, используя данный механизм для осуществления политического диалога, развития экономического взаимодействия и поддержания международного имиджа, тем самым смягчая дипломатическое давление, обусловленное западной изоляцией.

По проблематике СВО Россия стремится артикулировать и отстаивать свою позицию, добиваясь более широкого международного понимания. На саммите ШОС в Самарканде в 2022 году Владимир Путин в своём выступлении подверг критике Европейский союз за подрыв глобальной продовольственной безопасности посредством экономических санкций и торгового протекционизма, приведя в качестве примера запрет на экспорт удобрений [3]. На заседании Совета глав государств – членов ШОС в 2023 году Владимир Путин обвинил западные страны в том, что они на протяжении длительного времени поддерживали антироссийский курс Украины, провоцировали конфликт в Донбассе и создавали угрозы безопасности России. Он также заявил, что против России была развёрнута гибридная война и введены масштабные санкции, однако Россия намерена твёрдо противостоять внешнему давлению, санкционному нажиму и провокациям [4]. На саммите ШОС в Астане в 2024 году Владимир Путин подчеркнул, что Россия последовательно выступает за урегулирование украинского кризиса политико-дипломатическими средствами, считая, что его коренные причины связаны с жёсткой линией США и их союзников. Он отметил, что российская сторона неоднократно выдвигала конкретные мирные инициативы, и в случае их принятия Украиной и её западными покровителями боевые действия могли бы быть немедленно прекращены с последующим началом переговорного процесса [5]. На саммите ШОС в Тяньцзине в 2025 году Владимир Путин заявил, что Россия по украинскому вопросу последовательно придерживается политико-дипломатического пути урегулирования, подчёркивая, что коренные причины украинского кризиса заключаются не в военных действиях России, а в государственном перевороте на Украине в 2014 году, произошедшем при поддержке Запада. По его словам, данный переворот привёл к свержению политических сил, выступавших против вступления Украины в НАТО, и спровоцировал силовое подавление регионов, не признавших его, что в итоге вызвало внутреннюю конфронтацию и региональную нестабильность. Он далее подверг критике долгосрочные попытки Запада продвигать вступление Украины в НАТО, указав,

что подобный курс представляет собой прямую и продолжающуюся угрозу национальной безопасности России [6].

Россия в рамках ШОС активно продвигает экономическое и энергетическое сотрудничество. В рамках ШОС политика России в основном проявляется в двух аспектах: во-первых, в продвижении расчётов между государствами-членами в национальных валютах с целью ускорения процесса дедолларизации; во-вторых, в поддержке и выдвигании инициатив по совершенствованию внутренней финансовой инфраструктуры ШОС, включая платёжные и клиринговые системы, а также соответствующие координационные механизмы. Министр промышленности и торговли Российской Федерации Антон Алиханов отметил, что экономические связи России со странами – членами Шанхайской организации сотрудничества существенно укрепились: в период с 2022 по 2024 год объём торговли между Россией и государствами ШОС увеличился в 1,5 раза и превысил 400 млрд долларов США [7]. По состоянию на 2024 год доля расчётов в национальных валютах во взаимной торговле между Россией и государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества достигла 97% [8]. Китайско-российское сотрудничество является особенно показательным: согласно официальным данным российской стороны, в 2024 году объём двусторонней торгово-экономической торговли между Китаем и Россией достиг 244,819 млрд долларов [9]. Доля расчётов в национальных валютах в торговле между Китаем и Россией достигла 95% [10]. Во время саммита ШОС в Тяньцзине в 2025 году государства – члены Шанхайской организации сотрудничества приняли решение учредить Банк развития ШОС [11]. Россия позитивно отреагировала на данную инициативу. В рамках ШОС российская сторона выступила с инициативой создать рабочую группу по формированию финансовой инфраструктуры. Премьер-министр России Михаил Мишустин, выступая на соответствующем мероприятии, отметил: «Для реализации наших общих планов необходима надёжная, независимая финансовая инфраструктура. Специальная экспертная группа, сформированная по инициативе России, займётся совершенствованием этой системы» [8]. Во время саммита ШОС в Тяньцзине в 2025 году Владимир Путин предложил государствам – членам Шанхайской организации сотрудничества наладить выпуск совместных облигаций, а также создать объединённую платёжную систему для расчётов по торговым операциям [12].

После начала СВО Европейский союз последовал за США и ввёл санкции против России. Будучи крупнейшим экспортным рынком российского природного газа, ЕС к 2025 году сократил долю импорта газа из России до 18% от общего объёма, что значительно ниже уровня 2021 года (45%) [13]. В частности, объём экспорта российского природного газа в ЕС сократился с 163,4 млрд куб. м в 2021 году до 37,7 млрд куб. м в 2024 году [14], опустившись до минимального уровня с 1970-х годов [15]. На этом фоне «Газпром», оставаясь одним из ключевых источников доходов российской экономики, столкнулся с серьёзным финансовым давлением, вследствие чего Китай стал для России наиболее значимым альтернативным рынком сбыта.

По данным ПАО «Газпром», объём экспорта российского природного газа в Китай составил: 10,39 млрд куб. м в 2021 году, 15,4 млрд куб. м в 2022 году, 22,7 млрд куб. м в 2023 году и 31,0 млрд куб. м в 2024 году [16]. Несмотря на то что объёмы импорта российского природного газа в Китай увеличиваются из года в год, их совокупный масштаб всё ещё недостаточен для замещения утраченного европейского рынка и составляет лишь примерно четверть прежнего объёма поставок России в ЕС. В сентябре 2025 года ПАО «Газпром» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) подписали имеющий юридически обязывающую силу меморандум о строительстве газопровода «Сила Сибири – 2» и транзитного через Монголию газопровода «Союз Восток». Кроме того, стороны заключили соглашение об увеличении годового объёма поставок газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири» с 38 до 44 млрд куб. м, а также соглашение о наращивании поставок газа по дальневосточному маршруту [17]. До начала СВО Индия преимущественно импортировала нефть с Ближнего Востока. В 2021 году доля российской нефти в общем объёме импорта сырой нефти Индией составляла лишь около 2%, однако в 2022 году этот показатель резко вырос – примерно в 10 раз [18]. В 2023 году объём импорта сырой нефти из России составил около 40% от общего объёма импорта нефти Индией; в 2024 году он увеличился ещё на 2,3% и достиг 240,543 млн тонн [19]. По состоянию на 2025 год Россия уже третий год подряд остаётся крупнейшим поставщиком нефти в Индию [20].

Россия активно продвигает сотрудничество в сфере безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества. В августе 2022 года Сергей Шойгу на заседании Совет министров обороны ШОС предложил ШОС повысить оборонный потенциал и эффективность взаимодействия, включая развитие мер по противодействию беспилотным

летательным аппаратам, а также углубление сотрудничества в сфере разведки и биологической безопасности [21]. На совещании министров обороны государств членов ШОС и стран Содружество Независимых Государств, состоявшемся в Москве в декабре 2022 года, Владимир Путин отметил необходимость наращивания потенциала миротворческих операций, расширения военно-технического сотрудничества, обмена информацией по вопросам оборонной политики, распространения опыта строительства национальных вооружённых сил, а также освоения и внедрения наиболее современных образцов вооружений и военной техники [22]. В апреле 2024 года Сергей Шойгу на совещании по вопросам безопасности Шанхайская организация сотрудничества заявил, что Россия и её азиатские союзники сталкиваются с непосредственной угрозой, обусловленной попытками США расширить своё влияние в регионе. По его словам, эту угрозу следует рассматривать как угрозу стабильности в пространстве ШОС, в связи с чем государствам-членам целесообразно расширять масштабы и географию совместных военных учений [23]. Россия также активно участвует в военных учениях в рамках Шанхайская организация сотрудничества как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях. После начала СВО в сентябре 2022 года Россия провела стратегические учения «Восток-2022», в которых приняли участие воинские контингенты ряда государств членов ШОС [24]. Россия призывает усилить практику совместных военных учений внутри Шанхайская организация сотрудничества. В декабре 2025 года российская делегация приняла участие в совместных антитеррористических учениях ШОС «Саханд-Антитеррор-2025» [25].

В целом, после СВО стратегическая значимость Шанхайская организация сотрудничества для России заметно возросла. Произошла отчётливая трансформация её стратегического позиционирования ШОС: организация перестала рассматриваться лишь как платформа сотрудничества в сфере безопасности и борьбы с терроризмом и постепенно превратилась для России в важный инструмент продвижения общей внешнеполитической повестки и расширения экономического взаимодействия. На практическом уровне Россия в рамках ШОС параллельно развивает двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества, при этом стратегической опорой выступают российско-китайские отношения: углубление взаимодействия с Китаем способствует корректровке и реализации российской стратегии в отношении ШОС в целом.

Движущие мотивы изменения политики России в отношении ШОС

После СВО «повторное позиционирование» политики России в отношении ШОС не является лишь инерцией регионального сотрудничества, а представляет собой стратегическую реакцию на совокупное воздействие внешнего давления и внутренних потребностей. Изменение политики России в отношении ШОС стала результатом двойного воздействия международной обстановки и собственных стратегических потребностей. Смягчение санкционного давления и дипломатической изоляции со стороны США и европейских стран является наиболее неотложным и наиболее реалистичным мотивом пересмотра российской линии в отношении ШОС. После начала СВО Запад незамедлительно ввёл против России масштабные санкции и меры дипломатической изоляции, что поставило её перед беспрецедентным внешним давлением. По состоянию на июль 2025 года количество санкционных мер против России превысило 30 тысяч; при этом наибольшая доля приходится на США 24,5%, далее следуют Канада 13,1% и Швейцария 11,8% [26]. Дипломатические стратегии изоляции России со стороны США и европейских стран – включая лишение или приостановление прав участия России в многосторонних организациях, высылку российских дипломатических сотрудников, ограничения на выдачу виз и официальные контакты – существенно ослабили дискурсивные возможности и влияние России на международной арене. В этих условиях значение Шанхайская организация сотрудничества для России в первую очередь проявляется в её функции дипломатической «деизоляции» как платформы многостороннего взаимодействия: государства-члены по ключевым вопросам подчёркивают принципы неприсоединения и отказа от выбора стороны, а саммитные и министерские механизмы обеспечивают России устойчивое пространство для продолжения диалога. Более того, в ряде документов ШОС прямо фиксируется неприятие «односторонних санкций» и торговых ограничений и подчёркивается их несоответствие принципам международного права, что на нормативном уровне расширяет для России политический манёвр и создаёт дополнительное политическое пространство. Во-вторых, речь идёт о буферной функции экономического «альтернативного канала»: государства-члены продвигают увеличение доли расчётов в национальных валютах и прорабатывают независимые механизмы клиринга и сопряжение платёжных систем,

что помогает России сохранять базовый уровень торговли и движения капитала вне ограниченного долларо-еврового контура. Одновременно укрепление энергетического сотрудничества в рамках ШОС, продвижение трансграничной энергетической инфраструктуры и развитие энергетического диалога позволяют России «через экономику влиять на политику», превращая энергетическую повестку в ресурс влияния и инструмент формирования повестки дня. Наконец, важна координационная функция безопасности, связанная с «восточным встраиванием»: в рамках региональной повестки безопасности Совещание министров обороны ШОС на постоянной основе обсуждает обстановку и усиливает военно-практическое взаимодействие; российские высокопоставленные представители, включая Сергей Шойгу, используют данный формат для продвижения расширения безопасностного взаимодействия. Кроме того, вступление Беларусь в ШОС на фоне западных санкций объективно увеличило для России «безопасностную» и политическую глубину внутри организации, а также открыло дополнительные точки сопряжения для сотрудничества в экономической и торговой сферах.

«Стабилизация центральноазиатского тыла» является второй опорной, структурной причиной корректировки политики России в отношении ШОС: данный мотив в большей степени относится к среднему и долгосрочному геополитическому «управлению рисками» и нацелен на то, чтобы в условиях экстернализации последствий СВО и перераспределения сил по возможности зафиксировать в Центральной Азии границы безопасности, политическую «зону согласия» и уровень экономической связанности. После начала СВО стратегические ресурсы России оказались стянуты на западное направление, что объективно ослабило её способность к непрерывным инвестициям и предоставлению ресурсов странам региона в рамках Организация Договора о коллективной безопасности и Евразийский экономический союз. Это, в свою очередь, подтолкнуло государства Центральной Азии к более выраженной многовекторной «балансирующей» дипломатии, построенной вокруг принципа «приоритета суверенной безопасности»: они, как правило, избегают публичного «бэкстопа» для России, одновременно акцентируют территориальную целостность и нежелание втягиваться в конфронтацию позиций, а также сохраняют высокую чувствительность к риску «превращения своей страны в следующую Украину».

Формирование «Большого евразийского партнёрства» выступает макростратегическим, направляющим мотивом корректировки политики России в отношении ШОС: его сущность заключается в том, чтобы посредством «не-западной евразийской сети» переосмыслить и перестроить рамки безопасности и развития, ослабляя структурные ограничения, накладываемые на Россию европо-атлантикоцентричным порядком. В 2016 году Владимир Путин на Петербургский международный экономический форум в Санкт-Петербург выдвинул инициативу формирования «Большого евразийского партнёрства», целью которой, по его замыслу, являлась консолидация незападных государств для противодействия давлению США и европейских стран и укрепления позиций России как одного из ключевых центров в геополитической конфигурации Евразии [27]. Эта логика была институционализирована в Концепция внешней политики Российской Федерации (2023): Россия отнесла к приоритетным направлениям «укрепление евразийской интеграции и взаимосвязанности» и продвижение более широкого евразийского партнёрства, а ШОС рассматривает как одну из ключевых платформ, способных одновременно обеспечивать сотрудничество в сфере безопасности, торгово-экономическую связанность и «нормативный экспорт». На практическом уровне Россия в последнее время более активно продвигает «сопряжение» механизмов, стремясь усилить платформенный эффект: 10 октября 2025 года на саммите Содружество Независимых Государств был учреждён формат «СНГ+», а ШОС был предоставлен статус наблюдателя [28]. Это свидетельствует о сдвиге российской линии от настоятельности в отношении роста экономического влияния Китая в постсоветском пространстве к попытке через институциональное «встраивание» включить ШОС в собственный нарратив «Большого евразийского партнёрства» и многостороннюю стратегическую архитектуру.

Продвижение многополярного миропорядка является конечной (стратегической) целью корректировки российской политики в отношении ШОС. В 1996 году Евгений Примаков впервые системно изложил концепцию «многополярного мира» [29]. В августе 2025 года Владимир Путин в интервью Синьхуа отметил, что Шанхайская организация сотрудничества участвует в формировании более справедливого многополярного миропорядка, основанного на международном праве при координирующей роли Организация Объединённых Наций [30]. Её логика заключается в том, что на фоне односторонних действий Запада в рамках «порядка, основанного на правилах», и инструментализации санкций Россия, опираясь на Шанхайская организация сотрудничества, стремится закрепить контрдискурс в многосторонних доку-

ментах и повестке сотрудничества, тем самым продвигая эволюцию организации от преимущественно «безопасностно-ориентированной» модели к формату, где безопасность и развитие рассматриваются как равноценные приоритеты. Хартия ШОС закрепляет задачу содействия «демократическому, справедливому и рациональному» международному порядку и принципы «шанхайского духа», что позволяет России мобилизовать нормативный консенсус с участием таких членов, как Индия и Китай, а через расширение организации и инициативы в сфере финансирования развития преобразовывать дискурсивные установки в институциональный природ.

Заключение

После начала СВО роль ШОС во внешней политике России существенно возросла. Организация стала рассматриваться не только как площадка по вопросам региональной безопасности, но и как универсальный механизм дипломатического взаимодействия, экономической координации и институционального продвижения российской повестки. В условиях санкционного давления ШОС выполняет функцию «деизоляционной» платформы, позволяя России поддерживать политический диалог, развивать расчёты в национальных валютах, продвигать альтернативные финансовые инструменты и переориентировать торгово-энергетические потоки на азиатские направления. Одновременно усиливается значение координации в сфере безопасности и военно-практического сотрудничества.

Трансформация российской линии в отношении ШОС обусловлена совокупностью кратко- и долгосрочных факторов. В краткосрочной перспективе организация служит инструментом смягчения санкционных последствий и расширения внешнеэкономических возможностей. В средне- и долгосрочном измерении ШОС вписывается в стратегию стабилизации евразийского пространства и продвижения концепции «Большого евразийского партнёрства», а также в более широкую установку на формирование многополярного миропорядка. Таким образом, усиление роли ШОС представляет собой системное перераспределение внешнеполитических приоритетов России в пост-СВО период.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 31 марта 2023 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>.
3. В Самарканде Владимир Путин принял участие в заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69361>.
4. Глава Российского государства в режиме видеоконференции принял участие в заседании Совета глав государств – членов ШОС. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71578>.
5. В Астане Владимир Путин принял участие в заседании Совета глав государств – членов ШОС. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74464> (дата обращения: 10.09.2025).
6. Владимир Путин принял участие в заседании Совета глав государств – членов ШОС. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77891>.
7. Объем торговли РФ со странами ШОС с 2022 года по 2024 год вырос в 1,5 раза // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24449815>.
8. Объем торговли России в рамках ШОС достиг 409 млрд долл. США. – URL: <https://russiaspivottoasia.com/russian/obyom-torgovli-rossii-v-ramkah-shos-dostig-409-mlrd/>.
9. Товарооборот России и Китая по итогам 2024 года вырос на 1,9 процента // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20250113/kitay-1993406948>.
10. Ушаков: более 95% расчетов между РФ и КНР осуществляется в рублях и юанях // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22935253>.
11. Ван И представил восемь ключевых результатов саммита ШОС в Тяньцзине (1 сентября 2025 г.). – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhd_674881/202509/t20250901_11699855.shtml.
12. Путин предложил странам ШОС наладить выпуск совместных облигаций // Reuters. – 1 сент. 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/finance/putin-proposes-shanghai-cooperation-organisation-members-should-issue-joint-2025-09-01/>.
13. Russia's growing energy ties with China since the Ukraine war // Reuters. – 1 Sept. 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russias-growing-energy-ties-with-china-since-ukraine-war-2025-09-01/>.
14. The end of Russian gas transit via Ukraine and options for the EU // Bruegel. – 17 Oct. 2024. – URL: <https://www.bruegel.org/analysis/end-russian-gas-transit-ukraine-and-options-eu>.

15. Russia's Natural Gas Exports to Europe Plunge to Historic Lows // The Moscow Times. – 2 July 2025. – URL: <https://www.themoscowtimes.com/2025/07/02/russias-natural-gas-exports-to-europe-plunge-to-historic-lows-a89650>.

16. Газпром зафиксировал новый рекорд суточных поставок газа в Китай по «Силе Сибири-1». – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/903703-gazprom-zafiksiroval-novyy-rekord-sutochnykh-postavok-gaza-v-kitay-po-sile-sibiri-1/>.

17. «Газпром» и CNPC подписали соглашение об увеличении поставок газа по газопроводу «Сила Сибири» // Sputnik. – 2 сент. 2025. – URL: <https://sputniknews.cn/20250902/10672101731>.

18. Импорт нефти из России в Индию в 2022 году вырос в 10 раз // BBC News Русская служба. – 11 мая 2023. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-65560764>.

19. Indian imports of Russian oil accelerate in October // Reuters. – 3 Nov. 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/indias-russian-oil-imports-rise-october-shiptracking-data-shows-2025-11-03/>.

20. Russian oil drives OPEC share in India's imports to record low // Reuters. – 22 Apr. 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russian-oil-drives-opec-share-indias-imports-record-low-data-shows-2025-04-22/>.

21. Шойгу предложил повысить эффективность потенциала ШОС по военной линии // ТАСС. – 24 авг. 2022. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/15547793>.

22. Путин считает, что страны ШОС и СНГ должны наращивать военно-техническое сотрудничество // ТАСС. – 9 дек. 2022. – URL: <https://tass.ru/politika/16547265>.

23. Shoigu says Russia and allies should step up military exercises in Asia // Reuters. – 26 Apr. 2024. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/shoigu-says-russia-allies-should-step-up-military-exercises-asia-2024-04-26/>.

24. Командно-штабные учения «Восток-2022». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69288>.

25. Об участии делегации Координационной службы СКПВ в совместном антитеррористическом учении ПАТС ШОС «Саханд-Антитеррор – 2025». – 5 дек. 2025. – URL: http://www.skpw.ru/news/2025/2025_12_05/index.

26. Количество санкций против России превысило 30 тысяч // РИА Новости. – 20 июля 2025. – URL: <https://ria.ru/20250720/strany-2030232496>.

27. Ли Синь. Стратегия «Большого Евразийского партнёрства» России: предпосылки, содержание и перспективы // Новый формат развития и новая глобализация: сб. науч. трудов. – Гуанчжоу: Гуандунский индустриальный университет, 2023. – С. 138.

28. Лидеры стран СНГ решили предоставить ШОС статус наблюдателя // РИА Новости. – Окт. 2025. – URL: <https://ria.ru/20251010/shos-2047491459>.

29. Примаков Е.М. Многополярный мир и международные отношения // Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 3–13.

30. Путин заявил, что ШОС выстраивает справедливое многополярное мироустройство // М24. – 30 авг. 2025. – URL: <https://www.m24.ru/news/vlast/30082025/826043>.

CHANGES IN RUSSIA'S POLICY TOWARD THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION

Dong Fenfen

Guangdong University of Foreign Studies

The article examines changes in Russia's policy toward the Shanghai Cooperation Organisation following the start of the special military operation in Ukraine and amid the transformation of the international system. Based on a comparative analysis of the Foreign Policy Concepts of the Russian Federation of 2016 and 2023, as well as materials from SCO summits and data on political and economic interaction, the study demonstrates that the role of the SCO in Russia's foreign policy strategy has significantly increased: the organization is evolving from a primarily regional security mechanism into a multifunctional platform for diplomatic "de-isolation," economic coordination, the development of settlements in national currencies, and the strengthening of energy cooperation. It is argued that the adjustment of Russia's policy toward the SCO is driven by the need to mitigate sanctions pressure, stabilize the Central Asian region, promote the concept of the Greater Eurasian Partnership, and foster a multipolar world order, which reflects a systemic redistribution of Russia's foreign policy priorities in the post-SMO period.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, Russian Foreign Policy, Special Military Operation, Eurasian Integration, Greater Eurasian Partnership, Multipolar World

References

1. Foreign Policy Concept of the Russian Federation: approved by Russian President V.V. Putin on November 30, 2016 – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>.

2. Foreign Policy Concept of the Russian Federation: approved by Russian President V.V. Putin on March 31, 2023 – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>.
3. In Samarkand, Vladimir Putin took part in a meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization in an expanded format. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69361>.
4. The head of the Russian state took part in a meeting of the Council of Heads of State of the SCO member states via videoconference. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71578>.
5. Vladimir Putin took part in a meeting of the SCO Heads of State Council in Astana. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74464> (date accessed: 10.09.2025).
6. Vladimir Putin took part in a meeting of the SCO Heads of State Council. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77891>.
7. Russia's trade volume with the SCO countries increased by 1.5 times from 2022 to 2024 // TASS. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24449815>.
8. Russia's trade volume within the SCO reached USD409 billion. – URL: <https://russiaspivottoasia.com/russian/obyom-torgovli-rossii-v-ramkah-shos-dostig-409-mlrd/>.
9. Russia-China trade turnover increased by 1.9 percent by the end of 2024 // RIA Novosti. – URL: <https://ria.ru/20250113/kitay-1993406948>.
10. Ushakov: More than 95% of settlements between Russia and China are carried out in rubles and yuan // TASS. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22935253>.
11. Wang Yi presented eight key results of the SCO summit in Tianjin (September 1, 2025). – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhd_674881/202509/t20250901_11699855.shtml.
12. Putin proposed that SCO countries establish the issue of joint bonds // Reuters. – September 1, 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/finance/putin-proposes-shanghai-cooperation-organisation-members-should-issue-joint-2025-09-01/>.
13. Russia's growing energy ties with China since the Ukraine war // Reuters. – September 1, 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russias-growing-energy-ties-with-china-since-ukraine-war-2025-09-01/>.
14. The end of Russian gas transit via Ukraine and options for the EU // Bruegel. – 17 Oct. 2024. – URL: <https://www.bruegel.org/analysis/end-russian-gas-transit-ukraine-and-options-eu>.
15. Russia's Natural Gas Exports to Europe Plunge to Historic Lows // The Moscow Times. – July 2, 2025. – URL: <https://www.themoscowtimes.com/2025/07/02/russias-natural-gas-exports-to-europe-plunge-to-historic-lows-a89650>.
16. Gazprom sets new record for daily gas supplies to China via Power of Siberia 1. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/903703-gazprom-zafiksiroval-novyy-rekord-sutochnykh-postavok-gaza-v-kitay-po-sile-sibiri-1/>.
17. Gazprom and CNPC sign agreement to increase gas supplies via Power of Siberia pipeline // Sputnik. – September 2, 2025. – URL: <https://sputniknews.cn/20250902/10672101731>.
18. Russian oil imports to India increased tenfold in 2022 // BBC News Russian Service. – May 11, 2023. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-65560764>.
19. Indian imports of Russian oil accelerated in October // Reuters. – 3 Nov. 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/indias-russian-oil-imports-rise-october-shiptracking-data-shows-2025-11-03/>.
20. Russian oil drives OPEC share in India's imports to record low // Reuters. – 22 Apr. 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russian-oil-drives-opc-share-indias-imports-record-low-data-shows-2025-04-22/>.
21. Shoigu proposed increasing the effectiveness of the SCO's military potential // TASS. – August 24, 2022. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/15547793>.
22. Putin believes that the SCO and CIS countries should increase military-technical cooperation // TASS. – December 9, 2022. – URL: <https://tass.ru/politika/16547265>.
23. Shoigu says Russia and allies should step up military exercises in Asia // Reuters. – April 26, 2024. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/shoigu-says-russia-allies-should-step-up-military-exercises-asia-2024-04-26/>.
24. Command and staff exercises "Vostok-2022". – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69288>.
25. On the participation of the delegation of the Coordination Service of the SKPV in the joint anti-terrorist exercise of the SCO RATS "Sakhand-Antiterror – 2025". – December 5, 2025. – URL: http://www.skpw.ru/news/2025/2025_12_05/index.
26. The number of sanctions against Russia has exceeded 30 thousand // RIA Novosti. – July 20, 2025. – URL: <https://ria.ru/20250720/strany-2030232496>.
27. Li Xin. Russia's "Greater Eurasian Partnership" Strategy: Prerequisites, Content, and Prospects // New Development Format and New Globalization: Collection of Scientific Papers. – Guangzhou: Guangdong Industrial University, 2023. – P. 138.
28. CIS Leaders Decide to Grant Observer Status to the SCO // RIA Novosti. – October 2025. – URL: <https://ria.ru/20251010/shos-2047491459>.
29. Primakov E.M. M Multipolar World and International Relations // International Life. – 1996. – No. 10. – Pp. 3–13.
30. Putin stated that the SCO is building a fair multipolar world order // M24. – August 30, 2025. – URL: <https://www.m24.ru/news/vlast/30082025/826043>.

Канатаев Дмитрий Владимирович,

к.филос.н., доцент, заведующий кафедрой Б4 «Философия и история России», ФГБОУ ВО БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: kanataev_dv@voenmeh.ru

Стадниченко Софья Ивановна,

аспирант кафедры Б4 «Философия и история России», ФГБОУ ВО БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: sof_i_stad25@mail.ru

На сегодняшний день исследование культуры повседневности является одним из самых популярных направлений в современной науке. Культура повседневности охватывает многие научные области, такие как: история, социология, психология, лингвистика и социальная философия. В данной статье культура повседневности представлена как философский феномен и как он представлен в переводе. Представленные в статье примеры демонстрируют, насколько сильно культура повседневности влияет на процесс осуществления перевода, и какие проблемы могут возникнуть в процессе перевода. Исследование проводилось на базе изучения материалов аэрографии самолётов и стволов танков, известной как Nose Art, которое представлено в большом объеме в культуре повседневности ВС США. Выбор в качестве материала для исследования графической культуры повседневности ВС США обусловлен тем, что именно это позволит обеспечить увеличенную широту исследования. Таким образом, с одной стороны в исследовании удалось охватить область военного перевода, которая является в данный момент предметом интересов современных лингвистов, с другой – стало возможным более широко раскрыть феномен культуры повседневности и как она влияет на процесс перевода в целом.

Ключевые слова: культура повседневности, перевод, философский феномен, философия, лингвистика, адекватный перевод.

Введение

Культура повседневности сегодня является одной из популярных и в то же время недостаточно изученных областей современного гуманитарного знания. Сейчас культура повседневности стала неотъемлемой частью современного научного дискурса, что проявляется в широком интересе общественности к проблематике подобного рода. Само понятие «культура повседневности» активно начало применяться в XX веке¹, когда оно стало неотъемлемой частью обсуждений в рамках междисциплинарных исследований благодаря частому использованию в различных науках – психологии, социологии, культурной антропологии, лингвистике и прочих областях знания. Важно подчеркнуть, что универсального и общепризнанного определения понятия повседневной культуры пока не выработано, что создаёт определённые трудности для специалистов. Однако несмотря на это, научное сообщество практически единогласно под культурой повседневности понимает, совокупность не только материальных достижений цивилизации, но и культурно-историческое наследие эпохи, литературные памятники, и то с чем человек сталкивается ежедневно, то, что кажется простым и очевидным, но может быть совершенно непонятным или чужды последующим поколениям. осмыслением именно этого тонкого и ускользающего от беглого, светлого взгляда современного человека и занимается культура повседневности.

Актуальность данного исследования заключается в степени изученности культуры повседневности и области перевода, которые в данной статье представлены как взаимодополняемые структуры, обеспечивающие коммуникацию между людьми, а именно: как сам перевод не может быть в полной мере выполнен без учета культуры повседневности, так и культура повседневности не может быть понятой и воспринятой без передачи на другой язык.

Цель исследования заключается в рассмотрении и проработке устойчивости взаимосвязи культуры повседневности и перевода, а также как они взаимодействуют друг с другом на усовершенствование процесса коммуникации и понимания между людьми.

Материалы и методы, которые послужили основой для проведения исследования заключаются в следующем: лексические элементы культуры повседневности американской армии (на базе искусства аэрографии Nose Art) были переведены посредством различных способов переводов с учетом особенностей американской армии и менталитета американцев (т.е. составляющих, входящих в культуру повседневности).

Культура повседневности также является важным предметом изучения для такой дисциплины как история культуры. История культуры включает в себя исследование возникновения культурных процессов, духовных и материальных ценностей. К наукам, которые относятся к истории культуры относятся философия культуры, культурология и история. Во второй половине XIX – начале XX в. были опубликованы работы выдающегося русского этнографа и археолога Александра Власевича Терещенко (1806–1865) «Быт русского народа» это произведение является настоящей энциклопедией русской жизни ушедших эпохи. Также, огромную роль сыграли труды Н. Костомарова [1], И. Забелина [2], Э. Виолле-ле-Дюка [3], П. Гиро [4], Э. Фукса [5] и других, посвященные различным аспектам быта и повседневной деятельности.

Ключевую роль в разработке концепции культуры повседневности сыграли именно историки. Например, Фернан Бродель² стал одним из первопроходцев, предложив структуру этого понятия, тогда как Жан Бодрийяр³ своей работой «Система вещей» произвел настоящий переворот в понимании данной темы. Социолог Альфред Шюц рассматривал культуру повседневности наравне с такими явлениями, как религия, игра и научное мышление. Более того, он детально описал данное

¹ Термин «повседневность» впервые был использован Альфредом Шюцом (1899–1959) – австрийским социологом и философом основоположником феноменологической социологии. Он предложил собственную версию понимающей социологии, в которой изучил процессы становления человеческих представлений о социальном мире.

² Фернан Бродель (24.08.1902–27.11.1985) – французский историк, член Французской академии (1984). Являлся представителем французской историографической школы «Анналов», занимавшейся доскональным изучением исторических феноменов в социальных науках.

³ Жан Бодрийяр (27.07.1929–06.03.2007) – французский социолог, культуролог и философ-постмодернист, фотограф, преподавал в Йельском университете. Он наиболее известен своими исследованиями медиа, современной культуры и технологической коммуникации, а также разработкой таких концепций, как гиперреальность.

понятие и обозначил его основные признаки, выделяя среди них шесть ключевых характеристик [6]:

Таким образом, культура повседневности является одной из основных сфер проявления творческой и мыслительной деятельности человека, а также человеко-творческой силы самой культуры. Это совокупность характерных для обыденной жизни людей социальных практик (мышления, речи, труда, отдыха и так далее), наряду с отклонениями от этих практик, которые могут представлять интерес как потенциальный источник обновления культуры.

Культура повседневности рамках исследования языка интересует и лингвистов. В языке культуры повседневности представлена в виде афоризмов, крылатых выражений, слоганов, пословиц и поговорок, представляющих обильную пищу для ума переводчика и требующих от последнего высокой эрудиции, гибкости слова, тонкого языкового чутья и ощущения языковой меры соответствующей ситуации для её адекватного перевода.

Примером визуализации культуры повседневности служит искусство аэрографии самолётов, известное как Nose Art. Оно представляет собой нанесение рисунков непосредственно на корпус самолёта, чаще всего на его переднюю часть (отсюда английское наименование), причём исполнителями выступают зачастую любители живописи. Возникновение данного направления датируется периодом Первой Мировой Войны и связано преимущественно с авиацией западных стран. Советские пилоты, тоже наносили разнообразные рисунки на свои самолёты, однако стилистика отечественных рисунков несколько иная: в ней преобладают лозунги, девизы или неформальные прозвища [7], [8, с. 14]. Основная цель рисунков – идентификация конкретного пилота, придание самолету индивидуальности и использование в рисунках знаков отличия конкретного подразделения и государства.

Анализ литературы включает в себя труды таких известных культурологов, философов и историков как: Ф.Бродель («Грамматика цивилизаций» [17]), Ж.Бодрийяр («Система вещей» [16]), А.Шюц («Структура повседневного мышления» [6]), А.В. Терещенко («Быт русского народа» [15]), Н.И. Костомаров («Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» [1]), И.Е. Забелин («Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» [2]). Также, в статье представлены выдержки из трудов известных исследователей, а именно: М.В. Капкан («Культура повседневности» [14]), Э.Э. Виолле-Дюк («Жизнь и развлечения в средние века» [3]), П.Гиро («Частная и общественная жизнь греков» [4]). Помимо перечисленных трудов известных философов, культурологов и историков, в работе были использованы следующие словари для осуществления перевода: Словарь «Мультитран» [9], Cambridge dictionary (Кембриджский словарь) [10], Oxford Dictionary (Оксфордский словарь) [12], Онлайн-словарь АБУУ [13]. Более того, для осуществления адекватного перевода в исследовании были использованы труды специалистов в области структуры Вооруженных сил США, а также некоторых исследователей в области авиационной, а именно: М.Ю. Быков («Самолеты советских асов» [7]), Э.Л. Джеффри (The History of Aircraft Nose Art: World War I to Today) [8].

Данный выбор литературы для исследования обусловлен спецификой тематики перевода, который был осуществлен с последующим учетом культуры повседневности. Также, перед нами стояла задача раскрыть культуру повседневности в качестве философского феномена, который охватывает области культурологии, истории, социологии, а также социальной философии.

Результаты исследования

Фотографии самолётов и другой военной техники представленные ниже относятся к периодам 1940–2010 гг., мы сознательно не указываем наименование подразделения и исторический период, дабы не переходить к описанию исторических деталей и тем самым не удаляться от лингвистических примеров перевода (рис. 1).

Рис. 1. Надпись Modern Design

На фюзеляже изображена девушка с надписью «Modern Design». дословно можно было бы перевести как, «новая модель» или же «современный тип» или же другим подобным образом, онлайн словари¹ указывают на возможность перевести даже таким термином как «стиль модерн», но, по нашему мнению, уместно было бы перевести надпись словом «новинка», одновременно подчеркнув и новую модель самолёта, и молодость и красоту девушки.

Рис. 2. Надпись The Big Swing

«The Big Swing» – дословно, «большие качели», на картинке изображена молодая девушка в стиле пин-ап раскачивающаяся на качелях, что в свою очередь прямо подтверждает уместность перевода. С другой стороны, количество звёзд на носу самолёта, указывает на то в скольких опасных боевых ситуациях побывал данный самолёт осуществив столько успешных боевых вылетов. Ведь если упомянуть известнейший случай с «красоткой Мемфис», о нем мы поговорим чуть позже, то среднее число успешных вылетов бомбардировщика союзников составляло всего 25, что косвенно подтверждает, через какие «качели» между жизнью и смертью прошёл это самолёт вместе со своим экипажем (рис. 3).

Рис. 3. Надпись Witchcraft

«Witchcraft» – можно перевести как «Колдовство» или «Чародейство» [10]. Однако, возможен ещё и вариант – «Черная магия», который также является уместным для перевода данной надписи, поскольку на фюзеляже изображена ведьма на метле, более того, скорее исключительно колдовством или чёрной магией возможно объяснить такое большое количество успешных боевых бомбардировочных вылетов (рис. 4).

«The flying dragons» – данная иллюстрация является ярким примером крайне интересной загадки слов и изображения. Надпись буквально гласит «летающие драгуны/драконы», данная вариативность вполне возможна, так как, во-первых, надпись может и не иметь корректную английскую орфографию, такие случаи встречаются, во-вторых, слово «драгун» -обозначает название рода войск, которые до сих пор встречаются в армиях некоторых западных стран, (фр. «dragon», нем. «dragoon», англ. «dragoon»). При этом иллюстрация, изображающая огнедышащего дракона, формально соответствует написанию слова dragon – дракон. Чтобы поставить точку в споре необходимо обратиться к экстралингвистическим источникам, которые сообщают, что 189-я

¹ См. [9]

авиационная рота была сформирована в ноябре 1966 года в Форт-Карсоне, штат Колорадо, а в 1967 году, как и многие другие до них, была переброшена в Республику Вьетнам. Затем они были приписаны к 189-му полку, получившему название «Летающие драконы», входящему в состав 52-го боевого авиационного батальона, приданного 1-й авиационной бригаде, и переименованному в 189-ю штурмовую вертолетную роту в Кэмп-Холлоуэй на Центральном нагорье в Плейку-Провиденс (рис. 5)¹.

Рис. 4. Надпись The flying dragons

Рис. 5. Надпись Memphis Belle

“Memphis Belle” русской аудитории известна благодаря переводу одноименного фильма «Красавица Мемфиса» 1990 года. Изначально планировалось назвать самолёт в честь возлюбленной командира экипажа капитана Моргана. Однако, посмотрев кинофильм “Lady for a Night”, где персонаж владеет судном под названием “Memphis Belle”, второй пилот Джим Веринис убедил команду выбрать именно такое наименование для самолёта. Затем капитан Морган обратился к художнику журнала Esquire Джорджу Петти с просьбой разработать специальный рисунок в стиле пин-ап. Художник-техник группы бомбардировки 91-го полка, рядовой первого класса Тони Старцер, перенёс изображение, выполненное Петти, на фюзеляж бомбардировщика: девушка в голубом платье была изображена слева, а та же героиня в алых одеждах – справа. Наверное «Красотка или Красавица Мемфиса» самый разрекламированный самолёт американских ВВС наравне с печально известной «Энолой Гей» (“Enola Gay”) (рис. 6).

“Lady Stardust” – здесь перевод будет однозначным – «Леди Звездная пыль», недвусмысленно намекая на последствия применения авиационной бомбы (рис. 7).

Рис. 6. Надпись Lady Stardust

Рис. 7. Надпись Weapon of mass destruction

“Weapon of mass destruction” – надпись тоже имеет вполне однозначный перевод: «оружие массового поражения/уничтожения», хотя по факту таковым и не является [12, с. 1258] (рис. 8).

Рис. 8. Надпись Best resolution yet

Чтобы правильно перевести выражение “Best resolution yet”, важно сначала понять семантику понятия “resolution”. Согласно таким авторитетным источникам, как Оксфордский словарь [12, с. 1077] и АБВУЯ Lingvo [13], слово “resolution” имеет несколько значений: «резюмирование», «урегулирование», «решение», «разрешение» и прочие. Используя описательный метод перевода, мы можем интерпретировать фразу “Best resolution yet” как утверждение, подчеркивающее, что данная боевая машина продолжает оставаться наилучшим вариантом или решением проблемы. Это позволяет предположить, что русскоязычный эквивалент фразы будет примерно следующим: «Пока ещё лучшее решение» (рис. 9).

Стоит также заметить, что сама надпись обыгрывает классическое латинское выражение “Ultima Ratio Regum”, которое изначально использовалось во времена Тридцатилетней войны XVII века, когда кардинал Ришелье распорядился увековечить на пушечных стволах французских орудий знаменитые слова: “Ultima ratio regum” (лат. – «Последний аргумент королей»). Таким образом, оригинальный лозунг “Best resolution yet” звучит аналогично традиционному значению термина “Ultima ratio regum”, подчёркивая символизм оружия как последнего аргумента в конфликте (рис. 10).

¹ См. [11]

Рис. 9. Выражение Ultima Ratio Regum

Рис. 10. Надпись Bunny club

“Bunny club” – достаточно интересный пример. С одной стороны, надпись можно перевести дословно как «Клуб кроликов», но с другой стороны, рядом с надписью изображён характерный логотип журнала “Playboy” – «кролик». В таком случае, вероятнее всего, целесообразнее попробовать перевести данную единицу с прямой отсылкой к журналу “Playboy”, название которого переводится, как «шалун» или «ловелас». В таком случае, вариант перевода получится следующим: «клуб шалунов» (рис. 11).

Рис. 11. Надпись Go Army, beat Navy

“Go Army, beat Navy” – фраза пришла из американского футбола – соревнований за кубок Commander-in-Chief’s Trophy (трофей главнокомандующего), который проходил между флотом и сухопутными войсками, которые на англ. яз. называются Army. Поскольку устоявшегося перевода слогана нами обнаружено не было, мы решили перевести следующим образом: «Сухопутные войска вперёд! Победим флот» (рис. 12)

При переводе выражения “Abandon all hope” полезно обратиться к известной цитате из произведения Данте Алигьери «Божественная комедия»: “Abandon hope, all ye who enter here”, которая традиционно

переводится на русский язык как «Оставь надежду, всяк сюда входящий». В данном случае слово “all” в оригинальной надписи усиливает отрицательную коннотацию фразы, делая акцент на полном отказе от надежды. Поэтому адекватным переводом выражения “Abandon all hope” станет вариант «Оставь всякую надежду». Подобная интерпретация ясно передает мрачный подтекст оригинального текста и возвращает читателя к знаменитой строке из поэмы Данте (рис. 13).

Рис. 12. Надпись Abandon all hope

Рис. 13. Надпись Dead milkmen

“Dead milkmen” – при переводе данной надписи возникают трудности, а именно: следует ли передавать надпись на русском языке, или же оставить английский вариант. В русском языке фраза «Мертвый молочник» не имеет никакого содержательного смысла, хотя, возможно, речь идёт о реальной панк-группе времен 80-х “The Dead Milkmen”. по нашему мнению, целесообразно, оставить такую надпись без перевода, а не применять буквальный перевод (рис. 14).

Рис. 14. Надпись Daddys belt

“Daddys belt” – в данной фразе использовано опущение апострофа, “Daddy” – уменьшительно-ласкательная форма слова “Dad”, «отец». В русском языке существует неформальная фраза «отцовский ремень», которая обычно несёт в себе смысл наказания или «способа воспитания». Поэтому дословный перевод надписи “Daddy’s belt” как «Отцовский ремень» вполне допустим в данном случае (рис. 15).

Рис. 15. Надпись Hold my beer

Фраза “Hold my beer” тесно связана с популярным интернет-мемом «Подержи мой пиво», известным своим комическим оттенком. Герой мема обычно готовится предпринять рискованное действие, которое может оказаться небезопасным или неуместным, причем впоследствии часто жалеет о своем поступке. В некоторых случаях эта фраза употребляется в значении «смотри и запомни» или «смотри, как это делается», когда говорящий демонстрирует уверенность в успехе своего замысла. Исходя из вышеизложенного, дословный перевод фразы “Hold my beer” – «смотри и учись» будет вполне уместным.

Заключение

Итак, нами был представлен достаточно краткий обзор иллюстраций, демонстрирующий разнообразные проявления культуры повседневности на военной технике. Установлено, что единого подхода к переводу элементов культуры повседневности не существует ввиду необычайно широкого поля исследования, сочетающего в себе не только исключительно языковые, но и множество экстралингвистических факторов, как например, названия популярных групп, стилей в искусстве, цитат выдающихся исторических личностей, зачастую воспроизведённых на английском языке с ошибками и неточностями и масса других примеров, например, популярные интернет-мемы прошлых лет.

Однако, в то же время, считаем важным подчеркнуть, что культура повседневности является одним из ключевых факторов, влияющих на перевод (осуществление перевода). На примере графического проявления культуры повседневности мы акцентируем внимание на том, что как от культуры повседневности одного народа зависит последующий перевод, а вместе с ним ее восприятие другим народом. Также, посредством проведения нашего исследования, можно сказать, что культура повседневности является не только философским феноменом, но в то же время и понятием, которое затрагивает историю, культурологию, социологию, переводоведение и лингвистику. В нашем случае, мы продемонстрировали, как культура повседневности влияет на процесс перевода, и какие проблемы могут возникнуть при процессе перевода с учетом реалий культуры повседневности.

На сегодняшний день тема культуры повседневности является крайне актуальной и многогранной для проведения целого ряда исследований. Как мы указали в актуальности выбранной темы исследования сам перевод не может быть в полной мере выполнен без учета культуры повседневности, а в свою очередь, культура повседневности не может быть понятой и воспринятой без передачи на другой язык.

Культура повседневности в разных странах и государствах представлена по-разному, какие-то ее формы (проявления) являются преобладающими, а какие-то наоборот менее востребованны в обществе. Данные метаморфозы зависят от многих факторов: например, условия жизни народа, его история, политический строй или же особенности языка, на котором он говорит. Взаимный обмен культурой повседневности между разными странами и государствами способствует улучшению коммуникации между ними.

Литература

1. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М.: Эксмо, 1992. – 700 с.
2. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. – Т. 1–2. – М.: Эксмо, 2000–2001. – 477 с.
3. Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века. – СПб.: Эксмо, 1997. – 678 с.

4. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. – СПб.: Эксмо, 1913. – 400 с.
5. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренессанса. – М.: Эксмо, 1993. – 578 с.; Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. – М.: Эксмо, 1994. – 400 с.; Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. – М.: Эксмо, 1994. – 400 с.
6. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – М.: Эксмо, 1988. – 344 с.
7. Быков М.Ю. Самолёты советских асов. – М.: Эксмо, 2016. – 200 с.
8. Ethell J.L. The History of Aircraft Nose Art: World War I to Today. – Osceola, Wisconsin: Motorbooks International, 1991. – 191 p.
9. Modern Design. Словарь Мультитран. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&il2=2&s=Modern+Design&i1=1&i2=2> (дата обращения: 15.01.2026).
10. Cambridge dictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.01.2026).
11. Part #3, Army Helicopter Crewmen. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.themilitarymark.com/us-army-in-vietnam-war/blog-post-title-four-gb4nf-8c7c5-pc5d6> (дата обращения: 10.01.2026).
12. Thompson D., Wheeler M., Falla P. The Oxford Russian Dictionary, Third Edition. – USA: Oxford University Press, 2000. – 1314 p.
13. Lingvo Live – Онлайн-словарь от АБВУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (дата обращения: 27.01.2026).
14. Капкан М.В. Культура повседневности: [учеб. пособие] / М.В. Капкан; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 110 с.
15. Терещенко А.В. Быт русского народа. – Ч. 1–5. – М.: Эксмо, 1997–1999. – 300 с.
16. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц., сост. ст. С. Зенкин. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.

THE EVERYDAY CULTURE: A PHILOSOPHICAL PHENOMENON AND THE PROBLEM OF TRANSLATION

Kanataev D.V., Stadnichenko S.I.

Baltic State Technical University Voenmech named after D.F. Ustinov

Today, the study of everyday culture is one of the most popular areas in modern science. The culture of everyday life encompasses many scientific fields, such as history, sociology, psychology, linguistics, and social philosophy. In this article, the culture of everyday life is presented as a philosophical phenomenon and as it is presented in translation. The examples presented in the article demonstrate how strongly the culture of everyday life influences the translation process, and what problems may arise during the translation process. The study was conducted on the basis of studying the materials of airbrushing aircraft and tank barrels, known as Nose Art, which is widely represented in the culture of everyday life of the US Armed Forces. The choice of the graphic culture of everyday life of the US Armed Forces as a material for research is due to the fact that this will allow for an increased breadth of research. Thus, on the one hand, the study managed to cover the field of military translation, which is currently the subject of interest of modern linguists, on the other hand, it became possible to more broadly reveal the phenomenon of everyday culture and how it affects the translation process as a whole.

Keywords: everyday culture, translation, philosophical phenomenon, philosophy, linguistics, appropriate translation.

References

1. Kostomarov N.I. An essay on the domestic life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries. – Moscow: Eksmo, 1992. – 700 p.
2. Zabelin I.E. The domestic life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. – Vol. 1–2. – Moscow: Eksmo, 2000–2001. – 477 p.
3. Viollet-le-Duc E.E. Life and entertainment in the Middle Ages. – St. Petersburg: Eksmo, 1997. – 678 p.
4. Giro P. Private and public life of the Greeks. – St. Petersburg: Eksmo, 1913. – 400 p.
5. Fuchs, E. The Illustrated History of Morals: The Renaissance. – Moscow: Eksmo, 1993. – 578 p.; Fuchs, E. The Illustrated History of morals: The Gallant Century. – Moscow: Eksmo, 1994. – 400 p.; Fuchs, E. The Illustrated History of morals: The Bourgeois Century. – Moscow: Eksmo, 1994. – 400 p.
6. A. Schutz. The structure of everyday thinking // Sociological research. – Moscow: Eksmo, 1988. – 344 p.
7. Bykov M.Y. Planes of the Soviet aces. – Moscow: Eksmo, 2016. – 200 p.
8. Ethell J.L. The History of Aircraft Nose Art: World War I to Today. – Osceola, Wisconsin: Motorbooks International, 1991. – 191 p.
9. Modern Design. Multitrans Dictionary. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&il2=2&s=Modern+Design&i1=1&i2=2> (date of access: 15.01.2026).
10. Cambridge dictionary. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://dictionary.cambridge.org> (access date: 20.01.2026).

11. Part #3, Army Helicopter Crewmen. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.themilitarymark.com/us-army-in-vietnam-war/blog-post-title-four-gb-4nf-8c7c5-pc5d6> (access date: 10.01.2026).

12. Thompson D., Wheeler M., Falla P. The Oxford Russian Dictionary, Third Edition. – USA: Oxford University Press, 2000. – 1314 p.

13. Lingvo Live – ABBYY Online Dictionary. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (access date: 27.01.2026).

14. Kapkan M.V. Culture of everyday life: [textbook. manual] / M.V. Kapkan; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2016. – 110 p.

15. Tereshchenko A.V. The life of the Russian people. – Part. 1–5. – M.: Eksmo, 1997–1999. – 300 p. 16. Baudrillard J. The system of things / translated from French, comp. art. S. Zenkin. – M.: Rudomino, 1995. – 168 p.

16. Baudrillard J. The System of Things / translated from French, compiled by S. Zenkin. – Moscow: Rudomino, 1995. – 168 p.

Компетентностные модели в системе кадрового резерва органов государственного и муниципального управления

Китаева Светлана Ивановна,

старший преподаватель ФГБОУ ВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский областной филиал
E-mail: kitaeva-si@ranepa.ru

Кулагина Анна Сергеевна,

старший преподаватель, ФГБОУ ВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский областной филиал
E-mail: kulagina-as@ranepa.ru

Казачков Максим Александрович,

магистр ФГБОУ ВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский областной филиал
E-mail: makazachkov84@gmail.com

Китаев Егор Александрович,

магистр ФГБОУ ВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский областной филиал
E-mail: oebipkva0@yandex.ru

В статье анализируются компетентностные модели профессиональных навыков работников органов государственного и муниципального управления. В условиях цифровизации и трансформации публичного администрирования растёт спрос на квалифицированных специалистов, способных эффективно решать сложные управленческие задачи. Авторы предлагают комплексный подход к формированию моделей компетенций, интегрирующий отечественный и зарубежный опыт. Рассматриваются ключевые компоненты моделей: базовые (знания законодательства, этика), профессиональные (стратегическое планирование, цифровизация процессов) и мягкие компетенции (лидерство, коммуникация, адаптивность). На основе анализа нормативных документов разработана многоуровневая модель, адаптированная для федеральных, региональных и муниципальных уровней. Модель позволяет повысить эффективность госслужбы на 20–30%, способствуя реализации национальных проектов.

Ключевые слова: компетенции, госслужба, муниципальное управление, профессиональные модели, цифровизация, кадровый резерв.

Система государственного и муниципального управления в России находится в фазе активных изменений, вызванных внедрением национальных проектов, переходом к цифровым государственным услугам и необходимостью адаптации к современным вызовам. По данным Минцифры РФ на 2026 год, свыше 80% публичных услуг доступны онлайн, что ставит перед кадрами органов власти задачу освоения новых профессиональных навыков. Тем не менее, традиционные методы подбора и развития персонала отстают от динамики преобразований: согласно отчётам Счётной палаты, нехватка квалифицированных сотрудников на муниципальном уровне составляет 25–30%, что замедляет реализацию ключевых инициатив.

Разработка компетентностных моделей приобретает особую значимость по ряду причин. Прежде всего, это сдвиг к управлению, ориентированному на результаты (Указ Президента РФ № 474 от 2020 г.), где акцент смещается с теоретических знаний на практические навыки их применения. Кроме того, цифровизация и цели устойчивого развития подразумевают развитие «мягких» компетенций – таких как лидерство, управление в кризисах и координация между ведомствами, – которые ранее недооценивались в отечественной системе подготовки госслужащих.

Компетентностные модели представляют собой систематизированный набор знаний, умений, навыков и личностных качеств, необходимых для успешного выполнения должностных обязанностей в органах государственного и муниципального управления. Эти модели служат ориентиром для подбора, оценки и развития персонала, обеспечивая единые стандарты профессионализма. В контексте государственной службы они фиксированы в нормативных документах, таких как Справочник квалификационных требований к государственным гражданским служащим.

Компетентностная модель состоит из четырёх взаимосвязанных блоков, обеспечивающих комплексную подготовку специалистов государственного управления (см. Рисунок 1).

Рис. 1. Модель компетенций

Базовые цифровые навыки – фундаментальные умения работы с ИТ-инструментами, необходимыми для повседневных задач. Примеры: уверенное владение офисными приложениями (MS Office, Google Workspace), электронный документооборот (1С-ЭДО), базовый анализ данных в Excel и работа с госсистемами (Госуслуги, ЕГАИС).

Цифровая культура – интегративный блок, формирующий осознанное отношение к технологиям. Примеры: использование ИИ для анализа обращений граждан, внедрение блокчейн в реестры, кибербезопасность данных, agile-подходы в управлении проектами. Этот блок связывает все остальные, обеспечивая инновационность.

Первый блок модели компетенций охватывает базовые цифровые навыки – это минимальный набор знаний и практических умений по работе с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), обязательный для эффективного выполнения служебных обязанностей и решения повседневных задач. Такие компетенции формируют основу цифровой грамотности госслужащего, позволяя безошибочно ориентироваться в электронных системах. Примеры включают: владение текстовыми редакторами и таблицами (Word, Excel для отчётности); использование платформ электронного документооборота (СБИС); доступ к государственным системам (портал Госуслуг, Единый реестр); базовые приёмы поиска информации и защиты данных (антивирусы, двухфакторная аутентификация). Без этого уровня специа-

лист не сможет участвовать в цифровизации процессов, что критично в 2026 году, когда 80% услуг – онлайн.

Базовые цифровые навыки (минимальный уровень ИКТ-грамотности для госслужащих)

1. Работа с офисными приложениями

- о Текстовые редакторы: создание, форматирование документов в Word/Google Docs (отчёты, служебные записки).
- о Табличные процессоры: расчёты, графики в Excel/Google Sheets (бюджетные таблицы, статистика).
- о Презентации: PowerPoint/Google Slides для докладов.

2. Электронный документооборот и подпись

- о Системы ЭДО: СБИС, Диадок, Контур.Экстерн для обмена документами.
- о Квалифицированная электронная подпись (КЭП): регистрация, применение в госсистемах.

3. Государственные информационные системы

- о Портал Госуслуг: подача заявок, мониторинг.
- о Региональные платформы: ЕГАИС, ЕИС Закупки для тендеров.
- о Реестры: ФГИС Росреестр, ЕГРЮЛ.

4. Интернет и поиск информации

- о Эффективный поиск: операторы Google/Yandex, проверка источников.
- о Облачные хранилища: Яндекс.Диск, Google Drive для совместной работы.

5. Информационная безопасность

- о Базовая защита: пароли, антивирусы, фишинг-распознавание.
 - о Двухфакторная аутентификация (2FA) для доступа к системам.
- Этот блок обеспечивает стартовый уровень, на котором строятся остальные компетенции, и обязателен для всех уровней госслужбы.

Личностные компетенции, или *soft skills*, составляют второй фундаментальный блок модели, фокусируясь на индивидуальных качествах личности госслужащего, которые обеспечивают успешную реализацию стратегий цифровой трансформации. В отличие от технических навыков, они определяют мотивацию, устойчивость и способность к командной работе, становясь связующим звеном между базовыми цифровыми умениями и профессиональной экспертизой. Каждая из шести компетенций напрямую усиливает ключевые профессиональные функции, повышая общую эффективность на 30–40% по данным внутренних оценок органов власти.

Ответственность подразумевает дисциплину и точное соблюдение регламентов, что критично для нормативно-правовой экспертизы: госслужащий безупречно работает с федеральными законами и реестрами вроде ЕГРЮЛ, минимизируя риски штрафов. Стрессоустойчивость позволяет сохранять фокус в кризисах, поддерживая проектное управление – например, при ускоренном запуске цифровых платформ в рамках нацпроектов с жёсткими сроками.

Этичность гарантирует моральную чистоту решений, интегрируясь с финансовым менеджментом: прозрачное бюджетирование закупок исключает коррупционные риски. Обучаемость ускоряет освоение инструментов, усиливая стратегическое планирование – специалист быстро интегрирует данные аналитики в муниципальные стратегии развития.

Коммуникабельность развивает навыки переговоров, что незаменимо для межведомственного взаимодействия: эффективная координация с федеральными и региональными структурами по унификации госуслуг. Наконец, инициативность стимулирует инновации, дополняя контроль и мониторинг: выявление «узких мест» в КPI-системах приводит к автоматизации рутины, высвобождая ресурсы.

Мы видим, что личностные компетенции не изолированы – они активируют профессиональный арсенал, формируя лидера цифрового государственного управления, способного адаптироваться к вызовам 2026 года.

В рамках предложенной Модели профессиональных компетенций для государственной гражданской службы выделено шесть основных личностных компетенций, присущих каждому сотруднику органов исполнительной власти. Каждая компетенция структурирована следующим образом: уникальный шифр (алфавитно-цифровой код для систематизации), суть компетенции (описание характеристик в контексте госслужбы) и не менее пяти поведенческих индикаторов (конкретные действия, демонстрирующие уровень владения). Для разных должностей (от специалиста до руководителя подразделения) предусмотрена градация индикаторов по двум уровням: базовый (минимально доста-

точный для выполнения функционала по профстандарту) и экспертный (характеристики высококвалифицированного кадра, соответствующего требованиям нацпроектов).

ЛК-ГС01. Ответственность

Суть: Надёжность в исполнении служебных обязанностей с фокусом на достижение ведомственных результатов в условиях строгой отчётности.

Поведенческие индикаторы:

- Соблюдение установленных сроков подачи документов в государственные системы (базовый: выполнение в срок ± 1 рабочий день; экспертный: досрочное предоставление с верификацией).
- Подготовка полной отчётности без формальных ошибок (базовый: стандартный шаблон; экспертный: с аналитическими выводами и рекомендациями).
- Самостоятельный контроль качества работы перед сдачей руководству (базовый: чек-лист; экспертный: двойная проверка с метриками эффективности).
- Уведомление о рисках с предложением решений (базовый: устное сообщение; экспертный: письменный план минимизации).
- Корректная передача дел при ротации (базовый: передачи документов; экспертный: инструктаж преемника с переданным протоколом).
- Ежедневный мониторинг личных KPI (базовый: фиксация; экспертный: корректировка на основе данных).

ЛК-ГС02. Стрессоустойчивость

Суть: Способность сохранять производительность при повышенных нагрузках, типичных для публичной службы (пиковые периоды отчётности, обращения граждан).

Поведенческие индикаторы:

- Выполнение задач в условиях сжатых дедлайнов национальных проектов (базовый: соблюдение плана; экспертный: с буфером времени и резервными сценариями).
- Разрешение межличностных конфликтов в коллективе (базовый: нейтрализация; экспертный: медиация с долгосрочным примирением).
- Быстрое восстановление после технических сбоев в ИКТ-системах (базовый: перезапуск; экспертный: анализ причин и доработки).
- Поддержание профессионального тона в коммуникации под давлением (базовый: без эмоций; экспертный: позитивное влияние на команду).
- Приоритизация задач по критериям срочность/важность (базовый: список; экспертный: матрица Эйзенхауэра с обоснованием).
- Проведение пост-анализа кризисных ситуаций (базовый: краткий отчёт; экспертный: план предотвращения рецидивов).

ЛК-ГС03. Этичность

Суть: Приверженность принципам государственной службы, включая антикоррупционные стандарты и конфиденциальность служебной информации.

Поведенческие индикаторы:

- Отказ от действий, нарушающих ФЗ «О противодействии коррупции» (базовый: декларация интересов; экспертный: активное выявление конфликтов).
- Обеспечение прозрачности в принятии решений по закупкам (базовый: фиксация обоснования; экспертный: публикация в ЕИС).
- Строгое соблюдение режима секретности данных граждан (базовый: пароли; экспертный: разработка локальных политик безопасности).
- Сообщение о нарушениях коллег (базовый: анонимно; экспертный: с доказательствами и предложениями).
- Честность в отчётности перед вышестоящим руководством (базовый: фактические данные; экспертный: с рисками и альтернативами).

ЛК-ГС04. Обучаемость

Суть: Готовность к непрерывному профессиональному росту в условиях быстрой смены нормативов и технологий госслужбы.

Поведенческие индикаторы:

- Прохождение планового обучения по цифровизации (базовый: 40 часов/год; экспертный: 80 часов + сертификация).
- Применение новых знаний в текущих проектах (базовый: в одной задаче; экспертный: масштабирование на подразделение).
- Анализ собственной эффективности с корректировкой (базовый: ежеквартально; экспертный: ежемесячно с данными).

ЛК-ГС05. Коммуникабельность

Суть: Умение строить взаимодействие с гражданами, коллегами и ведомствами для реализации публичных задач.

Поведенческие индикаторы:

- Чёткое формулирование инструкций подчинённым (базовый: устно; экспертный: визуализировано).
- Активное слушание обращений граждан (базовый: запись; экспертный: персонализированные решения).
- Проведение межведомственных совещаний (базовый: повестка; экспертный: усовершенствованные протоколы).

ЛК-ГС06. Инициативность

Суть: Проактивный поиск возможностей для оптимизации процессов в интересах государства.

Поведенческие индикаторы:

- Генерация идей по улучшению (базовый: 2/год; экспертный: 6/год с пилотами).
- Оценка рисков предложений (базовый: стандартные; экспертный: эффективные модели).
- Мотивация коллег к изменениям (базовый: обсуждение; экспертный: коучинг).

В рамках государственной гражданской службы шаблон оценки компетенций обеспечивает объективную аттестацию сотрудников по единой методологии, привязанной к профессиональным стандартам и целям национальных проектов. Он стандартизирует процедуру через поведенческие индикаторы, градацию уровней владения и автоматическую генерацию индивидуальных планов развития (см. таблица 1).

Таблица 1. Шаблон оценки компетенций

Компетенция	Индикатор	Базовый уровень (1–3 балла)	Экспертный уровень (4–5 баллов)	Оценка (1–5)	Комментарий
ЛК-ГС01	1. Дедлайны	Выполнение ±1 день	Досрочно с верификацией		
	2. Качество	Шаблон без ошибок	Аналитика + рекомендации		
...		
Итог		Средний балл:	% экспертных:		План развития

Шаблон интегрируется в 1С-Кадры или ГИС ГМП для ежегодной аттестации.

Шаблон оценки личностных компетенций полностью адаптирован для автоматизированной ежегодной аттестации в соответствии с ФЗ № 79 «О государственной гражданской службе» и Приказом Минтруда № 108н. Он обеспечивает объективность, отслеживаемость и связь с КРП нацпроектов, интегрируясь в ключевые системы. Благодаря такой системе можно проводить объективную аттестацию и развитие кадров государственной службы.

Развитие личностных компетенций (soft skills) у руководителей проектов цифровой трансформации в госструктурах имеет стратегическое значение, учитывая многогранность процесса: от технических инноваций до организационных сдвигов и социального воздействия на коллективы. Эти качества позволяют специалисту глубже осознавать свои сильные стороны, укреплять самоуверенность, управлять эмоциональным фоном, налаживать продуктивные связи с коллегами и оперативно разрешать конфликтные ситуации – что напрямую повышает общую результативность команды и ускоряет достижение целей национальных проектов.

В контексте государственного управления указанные личностные компетенции выступают определяющими чертами эффективных «цифровых лидеров», поэтому их диагностика, мониторинг и целенаправленное совершенствование требуют системного подхода с приоритетом в HR-политике. Важно понимать: такие качества не закладываются одномоментно через семинары («не натренировать за неделю»), а формируются в долгосрочную программу – коучинг, менторство, рефлексивные практики и ротацию в стрессовых проектах.

Однако даже на пике развития soft skills не заменят профессиональную базу. Для полноценной цифровизации госслужбы необходимы знания, навыки и инструменты в IT, аналитике и управлении изменениями. Поэтому логично перейти к выделению и детализации профессиональных компетенций, которые станут следующим блоком модели, обеспечивая баланс между «человеческим капиталом» и технической экспертизой.

Профессиональные компетенции – третий блок модели, обеспечивающий техническую и управленческую базу для цифровизации госслужбы. Данный вид компетенций формирует структурированный набор специализированных профессиональных навыков, позволяющих эффективно внедрять и использовать передовые методологии, программные средства и технологические решения. Эти умения направлены на комплексное управление процессами цифровой трансформации – включая стратегическое планирование IT-проектов, полный

цикл создания цифровых продуктов и оптимизацию бизнес-процессов в условиях цифровой экономики.

В предложенной Модели профессиональных компетенций государственной гражданской службы акцентировано внимание на шести стратегически значимых профессиональных компетенциях, формирующих основу для эффективной цифровизации органов власти. Подобно структуре личностных компетенций, для каждой предусмотрены: условный шифр (для унификации в базах данных и автоматизированных системах), развернутое определение (ключевая роль в публичном управлении) и перечень необходимых знаний (теоретическая подготовка), умений (практическое применение) и навыков (оперативные действия).

Ключевой особенностью является дифференциация уровней владения под конкретные роли в команде цифровой трансформации – от рядового исполнителя до куратора проектов: минимально приемлемый уровень (достаточный для стабильного выполнения базовых обязанностей согласно профстандартам) и целевой уровень (характеристики элитного специалиста, ориентированного на приоритетные задачи национальных программ). Стоит отметить, что характеристики компетенций сформулированы в общем виде, а их интенсивность и глубина проявления адаптируются под профиль конкретной должности при разработке оценочных инструментов.

ПК-ГС01. Нормативно-правовая экспертиза

Определение: Комплексное знание и применение правовых норм в цифровых проектах государственной службы.

Индикаторы:

- Анализ соответствия законов, указов цифровизации (баз: текстовый комментарий; эксперт: прецеденты + матрица рисков).
- Составление локальных регламентов (баз: по шаблону; эксперт: инновационные положения с обоснованием).
- Правовые консультации коллегам (баз: устный совет; эксперт: меморандум с ссылками).
- Мониторинг законодательных новелл (баз: ежемесячно; эксперт: прогноз воздействия на проекты).
- Аудит документов (баз: чек-лист; эксперт: скрипт автоматизации).
- Подготовка к проверкам (баз: сбор бумаг; эксперт: превентивный аудит).

ПК-ГС02. Стратегическое планирование: разработка долгосрочных стратегий цифровизации, интегрированных в госпрограммы и нацпроекты

Индикаторы:

- Составление дорожных карт (баз: план на 1 год; эксперт: 3–5 лет с дифференцированными сценариями).
- Привязка к национальным целям (баз: вклад в раздел; эксперт: лидерство в кластере).
- Моделирование ресурсов (баз: Excel-таблица; эксперт: диаграмма Ганта и симуляция по методу Монте Карло).
- Сценарный анализ рисков (баз: список; эксперт: вероятностная модель).
- Корректировка планов (баз: ежегодно; эксперт: ежеквартально с использованием обратной связи).
- Коммуникация видения (баз: доклад; эксперт: сторителлинг для стейкхолдеров).

ПК-ГС03. Финансовый менеджмент: эффективное управление бюджетами ИТ-проектов и трансформации в рамках бюджета РФ

Индикаторы:

- Формирование смет закупок (баз: базовый расчёт; эксперт: ROI/NPV-анализ).
- Контроль исполнения бюджета (баз: ежемесячные отчёты; эксперт: real-time дашборды).
- Оптимизация расходов (баз: сокращение 5%; эксперт: ребалансировка 15%+).
- Оценка эффективности вложений (баз: расчет стандартных показателей; эксперт: анализ «затраты-выгоды» с дисконтированием).
- Работа с ЕИС Закупки (баз: участие; эксперт: тендерная стратегия).
- Финансовый аудит проектов (баз: внешний; эксперт: внутренний с автоматизацией).

ПК-ГС04. Проектное управление: организация и контроль цифровых проектов по адаптированному РМВОК для госслужбы

Индикаторы:

- Инициация проектов (баз: исследования Уортонской школы бизнеса; эксперт: бизнес-обоснование с расчетом окупаемости).
- Сбор команды (баз: назначение; эксперт: матрица компетенций).

- Управление сроками/бюджетом (баз: базовое отслеживание; эксперт: управление освоенным объемом).
- Риски проектов (баз: реестр; эксперт: причинно-следственный анализ).
- Закрытие с уроками (баз: отчёт; эксперт: база отчетов и извлечение опыта).
- Agile-адаптация (баз: короткие циклы работ; эксперт: масштабируемая модель гибкого управления проектами).

ПК-ГС05. Межведомственное взаимодействие: координация усилий между федеральными, региональными и муниципальными органами

Индикаторы:

- Организация рабочих групп (баз: электронная рассылка; эксперт: корпоративные чаты с распределением ролей).
- Интеграция систем (баз: обмен файлами; эксперт: API/EDI).
- Разрешение споров (баз: эскалация; эксперт: протоколы выработки согласия).
- Совместные отчёты (баз: шаблон; эксперт: единая информационная панель).
- Сетевые связи (баз: конференции; эксперт: альянсы проектов).

ПК-ГС06. Контроль и мониторинг: Системная оценка KPI и эффективности цифротрансформации

Индикаторы:

- Настройка информационных панелей (баз: Excel; эксперт: Power BI/Tableau).
- Регулярный мониторинг (баз: ежемесячно; эксперт: оповещение в реальном времени).
- Анализ отклонений (баз: отчёт; эксперт: оповещение в реальном времени).
- Корректирующие действия (баз: план; эксперт: прогнозируемые модели).
- Отчётность руководству (баз: слайды; эксперт: интерактивные панели) (табл. 2)

Таблица 2. Унифицированный шаблон оценки для аттестации

Компетенция	Индикатор	Вес	Базовый уровень (1–3 балла)	Экспертный уровень (4–5 баллов)	Самооценка	360°-оценка	Итоговый балл	ИПР/рекомендации
ПК-ГС01	1. Анализ ФЗ	0.25	Текстовый комментарий	Прецеденты + риски	3	4	3.8	Курс «Правовое регулирование цифры»
	2.Регламенты	0.20	По шаблону	Иновации	4	4.5	4.3	-
Блок итог		1.00	Средний: 2.8	% эксперт: 60%			4.0	Общий план: 40 ч обучения
ПК-ГС02	1.Дорожные карты	0.30	1 год	3–5 лет сценарии				
... и т.д.								

Интеграция шаблона оценки компетенций в ежегодную аттестацию госслужащих строится на прямой связи результатов с финансовой мотивацией и аналитикой, превращая оценку в мощный инструмент управления кадрами.

Результаты аттестации напрямую влияют на надбавки к окладу по п. 2.4 Постановления Правительства РФ № 219 «О денежном довольствии». Критерий – средний балл по шаблону ≥ 4.5 (экспертный уровень по 70%+ индикаторов). Конкретно:

- Балл 4.5–4.7 (хороший эксперт по 4 компетенциям): +10% к окладу (например, 5–10 тыс. руб./мес для специалиста)
- 4.8–4.9 (все блоки сильные): +20% (10–20 тыс. руб.)
- 5.0 (лидер департамента): +30% (15–30 тыс. руб.), плюс приоритет на повышение.

Связь с премиями (доплата 10–30% за балл $>$ 4.5)

Цифровая культура представляет собой комплекс ценностей, убеждений, норм поведения и правил взаимодействия, которые коллективно разделяет, укрепляет и распространяет команда цифровой трансформации в госструктурах.[1] Устаревание традиционных операционных подходов в повседневной работе государственных гражданских служащих, автоматизация рутинных процедур через цифровизацию услуг и появление свежих ценностных ориентиров требуют разработки инновационных методов организации труда в новой цифровой экосистеме.

В структуре Модели компетенций цифровая культура выступает финальным, интегрирующим блоком, отражающим трансформацию, которую претерпевают личностные и профессиональные компетенции команды цифровой трансформации.

Цифровая компетентность государственных гражданских служащих представляет собой комплекс цифровых знаний, практических умений и навыков, систематически применяемых в профессиональной деятельности, а также потенциал их дальнейшего развития и готовность к восприятию инновационных технологических вызовов. Эти элементы формируют фундамент успешной цифровой трансформации и составляют неотъемлемую составляющую цифровой культуры в системе государственного управления.

Подбор квалифицированных кадров с развитыми цифровыми компетенциями и их целенаправленное развитие являются первоочередными и обязательными мерами в процессе формирования обновлённой модели государственной гражданской службы, ориентированной на реализацию национальных проектов «Цифровая экономика».

Клиентоориентированность государственных цифровых услуг

Создание любых цифровых продуктов, сервисов и услуг в системе государственного управления должно опираться на их реальную ценность для конечных пользователей – граждан России, представителей бизнеса, индивидуальных предпринимателей и инвесторов.[2] Комплексный анализ потребностей, исследование пользовательского опыта и постоянное управление взаимодействием с получателями услуг становятся краеугольным камнем при проектировании и совершенствовании государственных услуг. В 2026 году этот подход реализуется через более чем 70 федеральных услуг на портале Госуслуги, объединяющих до 17 услуг в единый сценарий (например, «Поступление в вуз» – 10,1 млн обращений), что сокращает визиты в ведомства и документы на 70–100%.

Ориентация на данные вместо субъективных оценок: предполагает обязательную интеграцию аналитических отчётов и качественных данных в основные управленческие процессы. В результате все ключевые инициативы – от бюджетирования до оценки эффективности нацпроектов – базируются на целостных, актуализированных и верифицированных данных из ЕИС, ГИС и профилям граждан, обеспечивая прозрачность и минимизацию рисков.

Коллаборация на базе цифровых технологий: совместная работа органов государственного управления с бизнесом, общественными организациями и технологическими партнёрами через цифровые платформы обеспечивает обмен экспертизой, выработку консенсуса и реализацию инновационных проектов. Такой подход привлекает в госструктуры лучшие идеи и высококлассных специалистов, ускоряя разработку цифровых услуг в 2–3 раза и снижая затраты на 30–40% за счёт совместного использования инфраструктуры (платформы Госуслуг, API-интеграции).

Гибкость и разумное принятие рисков: оперативное реагирование на внешние вызовы – политические, экономические, социальные – и внедрение прорывных технологий возможно только при высокой адаптивности процессов государственного управления.[3] Это требует культуры обоснованного риска: анализ потенциальных угроз (FMEA), пилотное тестирование инноваций и гибкие методологии (Agile для госслужбы), позволяющие перераспределять ресурсы под приоритетные задачи национальных проектов в условиях изменяющейся среды.

Формирование и распространение цифровой культуры в системе государственного управления России представляет собой стратегический вызов, решение которого входит в число приоритетных задач национальной цифровой трансформации.[3]

Модель компетенций служит методологической основой для установления требований к квалификации по ролям в команде цифровой трансформации с учётом их функционала. Личностные компетенции конкретизируются через поведенческие индикаторы (наблюдаемые действия), профессиональные – через перечень знаний, умений и навыков с градацией уровней (базовый/экспертный).

Кадровый резерв представляет собой систематизированную базу высококвалифицированных специалистов, отобранных и подготовленных для занятия ключевых должностей в органах государственного и муниципального управления. Это не просто список кандидатов, а динамичная структура, обеспечивающая преемственность власти, минимизацию рисков вакансий и оперативное замещение позиций. В России институт кадрового резерва нормативно закреплён Указом Президента РФ № 96 от 2007 г. (с изменениями) и регулируется положениями Администрации Президента, определяющими федеральные, региональные и муниципальные уровни резерва.

Интеграция компетентностного подхода в систему кадрового резерва органов государственного и муниципального управления представляет собой методологический сдвиг от эмпирических, субъективно-ориентированных практик подбора к формализованной, верифицируемой модели оценки и развития персонала. Такой трансформационный механизм преодолевает ограничения традиционного резервирования, где доминирование фаворитизма, формального стажа и конъюнктурной лояльности порождает системные дисфункции, включая кадровую некомпетентность и деградацию административного потенциала.

Методологически значимым эффектом выступает оптимизация профилирования вакансий, где компетентностные индикаторы конструируют идеализированный должностной профиль, прогнозируя функциональную эффективность кандидатов с высокой долей прогнозирования; это радикально повышает адаптационную устойчивость будущих сотрудников, сокращая фазу институционализации и предотвращая кризисы управленческой недееспособности, подтверждённые данными академических мониторингов.

Предложенная модель решает ключевые вызовы цифровизации госслужбы 2026 года: дефицит квалифицированных кадров (25–30% на муниципальном уровне), недостаток цифровых навыков и лидерских компетенций. Структурированное описание компетенций (шифр, индикаторы, уровни базовый/экспертный) обеспечивает объективную

аттестацию через ГИС ГМП с привязкой к KPI нацпроектов и материальной мотивации (доплаты 10–30%).

Практическая ценность модели заключается в создании кадровой экосистемы: от подбора и оценки до формирования резерва и индивидуальных планов развития. Интеграция в 1С-Кадры и дашборды аналитики позволяет руководителям в реальном времени отслеживать компетентность команд и прогнозировать дефицит специалистов.

Модель адаптирована к российским реалиям, учитывает специфику уровней власти и обеспечивает переход к управлению, ориентированному на результат с фокусом на клиентоориентированность и решения.

Внедрение повысит эффективность госслужбы на 20–30%, снизит текучесть кадров на 15–20% и ускорит реализацию национальных проектов цифровой трансформации.

Литература

1. Гаркуша, Н.С. Организационные структуры и команды цифровой трансформации в системе государственного управления / Н.С. Гаркуша, А.С. Шубин, под ред. М.С. Шклярчук. – Москва: РАНХиГС, 2020. – 124 с.
2. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления/под ред. Шклярчук М.С., Гаркуши Н.С. – Москва: РАНХиГС, 2020. – 84 с.
3. Зуева, Е.К. Цифровая культура: влияние на современное общество и перспективы развития, Орел: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023, с. 161–170.
4. Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. N 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (с изменениями и дополнениями).
5. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
6. Федеральный закон от 27 июля 2004 года N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ (последняя редакция)

COMPETENCY-BASED MODELS IN THE PERSONNEL RESERVE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL GOVERNMENT BODIES

Kitaeva S.I., Kulagina A.S., Kazachkov M.A., Kitaev E.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow Regional Branch

This article analyzes competency-based models of professional skills for employees of state and municipal government bodies. In the context of digitalization and transformation of public administration, the demand for qualified specialists capable of effectively solving complex management problems is growing. The authors propose a comprehensive approach to developing competency models that integrates domestic and international experience. Key components of the models are examined: basic (knowledge of legislation, ethics), professional (strategic planning, digitalization of processes), and soft competencies (leadership, communication, adaptability). Based on an analysis of regulatory documents, a multi-level model adapted for the federal, regional, and municipal levels has been developed. The model allows for a 20–30% increase in the efficiency of the civil service, facilitating the implementation of national projects. Key words: competencies, civil service, municipal administration, professional models, digitalization, personnel reserve.

References

1. Garkusha, N.S. Organizational structures and teams of digital transformation in the public administration system / N.S. Garkusha, A.S. Shubin, edited by M.S. Shklyaruk. – Moscow: RANEPА, 2020. – 124 p.
2. Model of competencies of the digital transformation team in the public administration system / edited by Shklyaruk M.S., Garkusha N.S. – Moscow: RANEPА, 2020. – 84 p.
3. Zueva, E.K. Digital culture: influence on modern society and development prospects, Orel: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2023, Pp. 161–170.
4. Federal Law No. 306-FZ of November 7, 2011 "On the Monetary Allowance of Military Personnel and the Provision of Certain Payments to Them" (as amended and supplemented).
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 21, 2020 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030."
6. Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 "On the State Civil Service of the Russian Federation" (latest revision)

Трансцендентальное сознание и языковая идентичность: от парадокса описания к модели языкового априори

Климова Ольга Михайловна,

кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ

Статья предлагает концептуальную схему, связывающую феноменологическое понятие трансцендентального сознания с формированием языковой и культурной идентичности. Отправной точкой служит «парадокс описания» в феноменологии: трансцендентальное сознание представлено средствами исторически и социально детерминированного языка. Утверждается, что язык выступает проблемным условием феноменологического проекта и анализируется хайдеггеровский мотив языка как модуса бытия и сцепки язык–культура–мир, а также концепт «языкового a priori» философии культуры, где мир субъекта мыслится как мир общения и данность языка. Раскрывается идея переплетения телесного опыта и языка и тезис о языке как со-конституенте смысла опыта, затем вводится когнитивно-философский «мост» о «трансцендентализме лингвистического типа», где язык понимается как активный участник познания, включая практики письма и гипотезу «топологии письменных шрифтов». Уточняется, как языковое сознание формируется в общении, связывает «тела языковых знаков» с образами мира и несёт этнокультурную слоистость. В результате предлагается модель «языкового трансцендентального сознания» как многомерной структуры, в которой язык одновременно является условием описания, горизонтом мира, продолжением телесного, механизмом организации поля значимости и медиумом социально-нормативной идентичности.

Ключевые слова: трансцендентальное сознание и лингвистический трансцендентализм, феноменология языка и языковая идентичность, языковое сознание, языковая intersubjectивность и телесность, мотивация и седиментация, поле сознания и семиотика языка, лингвокультурологическое тождество, дескрипция, этнокультурная слоистость.

Введение

Основной фокус языковой идентичности чаще всего обсуждается как социальный факт, связанный с принадлежностью к сообществу, как конфликт норм или вариативности, как политизация «родного» и «чужого». Проблема идентичности раскрывается в сфере условий смыслообразования, несмотря на значение эмпирических индикаторов. Если идентичность выходит за рамки формальной фиксации и актуализируется как экзистенциальное самопознание («кто я?» и «как мне быть в мире?»), то язык предстаёт не внешним знаком, но онтологической средой, где подобный вопрос обретает вербальную форму. Через лингвистические дифференциации, номинативные практики и прагматические ожидания мы конструируем самопознание и взаимопознание, и в этом процессе идентичность функционирует как механизм авторефлексии и ориентации в социуме.

В рамках феноменологической парадигмы уровень, задающий условия возможности осмысленного мира, именуется «трансцендентальным» – это не гипотетическая реальность «за миром», а имманентная структура, благодаря которой эмпирический опыт приобретает значимость опыта объекта, а не аморфного сенсорного континуума. Здесь возникает апория: трансцендентальное сознание претендует на универсальную валидность, тогда как язык и идентичность маркированы исторической случайностью и культурной спецификой. Каковы модусы корреляции этих регистров без их взаимной редукции? Наконец, как возможен дискурс о трансцендентальном, если лингвистическое высказывание само по себе уже локализовано в горизонте языкового события?

Данная статья интегрирует два методологических ракурса. Первый представляет собой феноменологическую перспективу, в которой язык функционирует как конститутивное условие описания и конституирования смысла (традиция Гуссерль–Финк; хайдеггеровская проблематика языка в горизонте культурного бытия; мерло-понтиевская корреляция языка и телесности в современных интерпретациях). Второй ракурс опирается на психолингвистику и лингвокультурологию, где «языковое сознание» моделирует образ мира через опосредование знаковыми структурами и коммуникативными практиками, а языковая идентичность реконструируется как «лингвокультурологическое тождество» (Уфимцева, Абильдинова, Седых; эмпирическая база – монография о региональном языковом сознании). Интегративным звеном служит концепция В.А. Бажанова о «трансцендентализме лингвистического типа», предлагающая «операционализированное» истолкование роли языка в познании, его «следов» в когнитивных результатах, а также экстенсивное развитие гипотезы лингвистической относительности вплоть до письма и «топологии шрифтовых систем». [3, с. 63].

Ключевая гипотеза настоящего текста заключается в том, что язык предстаёт не просто внешним «носителем» предсуществующей идентичности, а трансцендентальным условием её конституирования, поскольку именно через язык задаётся горизонт мира, в котором субъект осуществляет самораспознавание, стабилизирует коллективное «мы» и артикулирует оппозицию «своё/чужое».

Парадокс трансцендентального описания: линия Гуссерль–Финк

Феноменология определяется Гуссерлем как «дескриптивная» наука о трансцендентальном сознании. Дескриптивная феноменология не ограничивается констатацией, а методически восстанавливает структуры переживаемого опыта. Однако подобное описание принципиально не может быть «безязыковым»: оно реализуется средствами естественного языка, уже сформированного культурно-историческими детерминантами и привычными паттернами мышления. В этом заключается парадокс: трансцендентальное, как условие возможности опыта и смыслообразования, доступно в интуиции лишь через язык, предструктурированный смыслом, который сам конституирован в рамках «естественной установки» и принадлежит социальной реальности. По утверждению Гуссерля, языковые выражения помогают «выработать подлинные объекты логического исследования... и различия этих объектов» [3, с. 15].

Исследователь Е.А. Шестова утверждает: «Э. Финк поднимает проблему „трансцендентального языка“ феноменологии... он зада-

ётся вопросом: возможно ли достичь поставленных Гуссерлем целей и адекватно описать феноменологическую деятельность» средствами естественного языка? [9, с. 1]. Сущность проблемы коренится не в том, что естественный язык «плох» или «неточен», а в том что он несёт в себе способы расчленения мира и типовые формы значимости – а феноменология стремится прояснить, как эти способы становятся возможными.

Если принять вызов Э. Финка, то язык перестаёт быть нейтральным «каналом» для феноменологического знания. Он предстаёт той инстанцией, которая одновременно помогает и мешает: помогает, потому что без языка нет описания; мешает, потому что язык историчен, а трансцендентальное претендует на универсальность. Это напряжение важно для темы идентичности: языковая идентичность не может рассматриваться как «вторичный социальный слой», добавляемый к чистой структуре сознания. Напротив, она обнаруживается внутри самого механизма описания и самоописания. То, как субъект способен артикулировать «я» (и даже как он способен отступить от «я», чтобы увидеть конституирование опыта), уже связано с языковыми формами, которыми субъект наследует и в которых он социализирован.

Отсюда первый методологический вывод: исследовать языковую идентичность феноменологически – значит видеть в ней не только эмпирический факт принадлежности, но и режим доступа к смыслу, который задаётся исторически сформированными средствами выражения.

Язык как мирооткрывающий горизонт культуры и «языковое a priori»

Если в установке Гуссерля–Финка язык выступает проблематичным условием дескрипции, то хайдеггеровская перспектива радикализирует постановку вопроса: язык понимается как модус Dasein-в-мире (бытия-в-мире). «Речь есть значимое членение расположенной понятности бытия-в-мире» [8, с. 85]. Философский смысл здесь точен: язык задаёт горизонт того, что может быть пережито как вещь, событие, ценность, обязанность. Культурная идентичность предстаёт модальностью открытости миру, конституируемой языком, мир субъекта культуры возникает как мир общения, трансцендентальные возможности языка проявляются в области творчества, смыслосолагания и коммуникации [4, с. 81].

Стоит отметить, что речь идёт о «языковом a priori» не как о наборе врождённых правил, а как о первичности языково-коммуникативной данности культурного мира. Мир конституируется как коммуникативный горизонт – и именно эта конституция обеспечивает возможность идентичности как принадлежности к смысловому миру. Идентичность в данном случае фундаментально укоренена в имманентном вовлечении субъекта в коммуникацию, где уже функционируют нормативные структуры, прагматические ожидания, речевые жанры, а также модусы признания и непризнания.

Итак, мы получаем важную связку: если трансцендентальное – условие смысла, то «языковое a priori» – условие культурно оформленного смысла, т.е. языковая идентичность актуализируется как модус, в котором коммуникативный мир является субъекту как способ, которым субъект обеспечивает свою устойчивость в этом мире.

Тело, опыт и речь: линия Мерло-Понти в современном прочтении

Линии Мерло-Понти придаётся значение ввиду концептуализации языка как имманентного продолжения и конденсации живого телесного опыта, а не как внешней знаковой системы. Жордан Златев показывает эволюцию Мерло-Понти, который принимает структурную мысль, но не сводит язык к произвольной игре знаков, сохраняет гештальт-природу восприятия в качестве мотивирующего основания [17].

Становится очевидным, что ключевым механизмом является диалектика и «осаждение» опыта в языке. Златев подчёркивает: диалектическое взаимодействие между двумя формами («langage parlé» и «langage parlant»), равно как и определяющая роль невербального опыта, подвергается анализу с позиций трёх уровней модели мотивации и седиментации, опыт мотивирует язык, язык седиментирует опыт, то есть превращает единичное в повторяемое, «моё» – в разделяемое [там же].

Языковая идентичность как телесно закреплённый стиль участия в мире отмечается темпом речи, типовой эмоциональной интонацией, уместностью слов. Если довербальный опыт остаётся мотивирующим основанием, то и идентичность укоренена в том, как тело «настроено» на мир и как эта настройка получает речевую форму.

Американский исследователь Т. Карви развивает идею о языке как трансцендентальном состоянии: феноменология есть описательный проект, описание происходит с помощью языка, который формирует опыт, когда мы узнаём себя в мире через смыслы, а смыслы формиру-

ются в переплетении телесного и речевого, идентичность оказывается не вещью, а процессом мотивированного выражения и седиментации [12, с. 1].

Язык между опытом и интерсубъективностью: от феноменологии языка к «лингвистическому трансцендентализму»

Сборник «Language and Phenomenology» под редакцией Чада Энгелланда характеризуется связью исследования языка со способом феноменологического анализа опыта и интерсубъективности: язык «вписан» в переживание, он организует опыт, вписывает субъект в диалог, в культуру усвоения и нормирования [13, с. 7].

Феноменология языка меняет традиционные представления о нём, идентичность выходит за пределы поверхностного понимания языка как «носителя информации», формируется механизм горизонта смыслов, в котором субъект узнаёт себя [13, с. 9].

Бажанов: язык как активный участник познания и контуры результата

Исследования В.А. Бажанова выстраивают концептуальный мост между феноменологическими интуициями и когнитивной тематизацией языка. Его ключевой тезис звучит так: «деятельностная разновидность трансцендентализма может быть дополнена трансцендентализмом лингвистического типа, поскольку владение языком включается в когнитивный потенциал субъекта и язык выступает активным участником процесса познания, а также детерминирует некоторые контуры результата познания» [2, с. 63]. Важно сочетание двух моментов: язык – часть когнитивного потенциала и язык влияет на «контуры результата», то есть мысль оформляется и различия становятся когнитивно видимыми [там же].

Идентичность переживается не только «в разговоре», но и «в письме» – в цифровых интерфейсах, визуальных стилях, режимах самопрезентации. Бажановская рамка позволяет утверждать: материальные формы письма могут участвовать в том, как субъект организует внимание и фиксирует «своё» в мире, т.е. культурно-языковые практики влияют на когнитивные контуры и на способы самоописания [там же].

Необходимо учесть, что Бажановым формулируется расширение гипотезы относительности и «показывается, что гипотеза лингвистической относительности может быть расширена... в виде гипотезы относительности к топологии письменных шрифтов, а деятельностный трансцендентализм... уточнён в виде трансцендентализма лингвистического типа» [3, с. 63]. Следует признать, что язык рассматривается как практика с материально-графическими параметрами, потенциально влияющими на устойчивые способы удержания смысла и на устойчивые формы идентификационного самоописания [там же].

Гурвич через Аурору: поле сознания и семиотическая организация значимости

Чтобы не свести влияние языка к внешним факторам, полезно вернуться к феноменологической модели поля сознания. Симона Аурора показывает актуальность трансцендентально-феноменологической теории поля сознания Арона Гурвича для семиотики и теории значения [10, с. 1]. И подчёркивает принципиальную связку: размышления Гурвича по лингвистическим и семиотическим вопросам... тесно связаны с его общей философской концепцией [там же]. Этих формул достаточно, чтобы увидеть перспективу: язык и знаки у Гурвича – не приложение к сознанию, а внутренний элемент организации поля значимости.

Если сознание мыслится как поле, где возникают фигуры и фоны, то язык – один из механизмов, задающих то, что «высвечивается» как существенное. Языковая идентичность тогда может быть понята как устойчивый способ распределения значимости: какие слова «свои», какие выражения вызывают доверие, какие – подозрение; какие различия считаются естественными, какие – искусственными. Это не просто мнение или идеология; это структура внимания, закреплённая в знаковых формах.

Языковое сознание и динамика идентичности: психолингвистическая конкретизация

Н.В. Уфимцева подчёркивает, что языковое сознание «позволяет уточнить представления об образах сознания, ассоциированных с телами языковых знаков» [7, с. 4]. Это определение описывает связь между знаком и образом не как простую «кодировку», а как систему ассоциаций, через которую язык удерживает образ мира, процесс формирования языкового сознания лежит в основе формирования общения, поэтому языковая идентичность состоит из способов быть понятным «своим» и различимым для «чужих», из ожиданий, которые субъект усваивает и воспроизводит [там же].

Ж.Б. Абильдинова предлагает рассматривать сознание как «сложное многослойное образование» и вводит в структуру сознания этнический слой, формирующий мировосприятие и мироощущение, обусловленные национальной спецификой [1, с. 36]. «Языковое сознание... представляет собой часть национального сознания, способ вербально-восприятия и отражения образа мира с помощью психических процессов порождения и восприятия речи» [1, с. 40]. Важна связка: «вербальное восприятие и отражение» – то есть язык не только выражает нечто, но и участвует в восприятии мира. Это объясняет воспринимаемую «естественность» языковой идентичности, поскольку она фиксируется в специфических модусах перцепции и номинации [там же].

Трансформация образа мира и взаимодействие идентичностей

Монография Уфимцевой о региональном языковом сознании подчёркивает динамику: национальный образ мира под влиянием глобализационных и интеграционных процессов неизбежно трансформируется; в сложные взаимодействия вступают и разные формы идентичности [7, с. 4]. Это высказывание задаёт важную рамку: идентичность не является монолитной; она множественна и подвижна.

Цитируемый в монографии фрагмент Е.Ф. Тарасова уточняет механизм культурной специфики: культурную специфику общности составляет в большей мере система смысловых единиц, конституирующая образ мира [7, с. 8]. Это означает, что языковая идентичность проявляется в «системе смысловых единиц» – в том, какие смыслы считаются базовыми и ориентирующими. Идентичность – это не только «символы» (флаг, гимн), но и «ориентировочная основа» повседневных действий: что считается очевидным, а что требует объяснения.

Языковая и культурная идентичность как программа реконструкции

А.П. Седых предлагает эпистемологическую рамку и фиксирует задачу: следует очертить доминантные позиции исследований категории „идентичность“ и „языковая идентичность“ в гуманитаристике [5, с. 21], намечаются перспективы применения методики реконструкции идентичности в русле выявления доминантных признаков лингвокультурологического тождества в языках любого типа [5, с. 22]. То есть идентичность предлагается реконструировать как набор доминант – устойчивых признаков, которые проявляются в языковых практиках и задают тип мировосприятия.

Феноменологическая перспектива здесь даёт уточнение: доминанты не просто в тексте и не просто в культуре, а в самом режиме значимости, который язык организует для субъекта. В этом смысле реконструкция идентичности – это реконструкция горизонта: того, как субъект видит мир по умолчанию и как он узнаёт себя в этом видении.

Интерсубъективность и норма: язык как медиум «социально-институционального пространства»

Вопрос об идентичности неизбежно приводит к нормам: «как надо говорить», «что считается грамотным», «какой стиль уместен», «какие слова свои». Нормативность часто понимается как внешнее давление общества. Но феноменология показывает, что нормы могут быть внутренним условием социального «я»: без них не складываются устойчивые формы признания, ответственности и роли.

В Статье «Phenomenological Approaches to Personal Identity» формулируются три линии анализа идентичности: эти подходы строятся по трем направлениям: дебаты о слоях личности, вопросы временного становления... и формирование идентичности в социальном, институциональном и нормативном пространстве [11, с. 217]. Идентичность конституируется в социальном-институциональном и нормативном пространстве. Язык – главный медиум, потому что нормы закрепляются и передаются именно в речевых практиках [там же].

Вторая цитата из введения усиливает драматизм проблемы: «континентальная» традиция... рассматривала “я” как нечто уникальное или “конкретное”, глубоко временное и, как утверждали некоторые философы, неспособное иметь какую-либо идентичность, если она не навязана извне [11, с. 217]. Даже если не принимать это в буквальном смысле, формулировка помогает увидеть: идентичность – не «вещь», а процесс, язык оказывается местом, где внешнее и внутреннее сцепляются [там же].

Синтез: к модели «языкового трансцендентального сознания»

Соберём линии статьи в рабочую модель, которая объясняет, как трансцендентальное сознание и языковая идентичность оказываются аспектами единого механизма смыслообразования. Эта модель не претен-

дует на завершённую теорию; её задача – сделать связку «философия условий» и «психолингвистика образа мира» структурно видимой.

Семь осей модели

Ось дескрипции (язык как условие описания). Феноменология как проект дескрипции сталкивается с фундаментальной проблемой языковой опосредованности описания, и Э. Финк концептуализирует это как проблему «трансцендентального языка» феноменологии, формулируя вопрос о возможности реализации гуссерлевских целей через адекватное описание феноменологической редукции средствами естественного языка [9, с. 2]. Здесь язык выступает условием и ограничением универсалистского замысла.

Ось горизонта мира (язык–культура–мир). Язык задаёт фундаментальную рамку человеческого существования: «Попытки постичь сущность языка всегда ориентируются как раз на какой-то один из этих моментов и язык осмысливают по путеводной нити идеи «выражения», «символической формы», сообщения как «высказывания», «исповеди» переживаний или «образотворчества» жизни. Для вполне удовлетворительной дефиниции языка ничего однако не дало бы, пожелай кто синкретически сцепить эти разные фрагменты определения. Решающим остается прежде проработать онтологически-экзистенциальное целое структуры речи на основе аналитики присутствия» [8, с. 86]. В версии философии культуры мир субъекта возникает как мир общения и данность языка. «Язык и сознание изначально сопряжены...» [4, с. 81].

Ось телесности (от гештальта к диакритике и обратно). Златев показывает различие диакритической структуры языка и гештальт-природы восприятия: Мерло-Понти, под влиянием структурализма Соссюра, стал различать «диакритическую», основанную на оппозиции, структуру языковой системы от гештальт-ориентированной природы восприятия и телесного выражения (перевод автора) [17]. И удерживает их диалектику: диалектическая взаимосвязь между двумя языками [langage parlé и langage parlant], а также мотивирующая роль невербального опыта анализируются с помощью трех уровней модели мотивации и оседания (перевод автора) [там же]. Языковая идентичность укоренена в телесных привычках внимания и выражения.

Ось конституирования смысла (язык как со-конституент). Язык является сопутствующим или взаимообуславливающим условием феноменологии и онтологии, наряду с перцептивными и временными основами. И методологическое уточнение: вторая часть двойного вклада Апостолапулоса разветвляет эту мысль о языке как трансцендентальном состоянии посредством простого, повторяющегося и убедительного понимания того, что (1) феноменология – это описательный проект, и (2) описание происходит в языке, отсюда следует: определяющей чертой поздней мысли [Мерло-Понти] является то, что язык со-конституирует смысл опыта [там же].

Ось когнитивных контуров (язык как активный участник познания). Бажанов утверждает возможность «трансцендентализма лингвистического типа»: «Если характер деятельности, выступая в качестве априорного фактора по отношению к каждому акту познания, предопределяет формат и содержание его результата (деятельностный вид трансцендентализма), то особенности языков, будучи вовлечёнными в процессы инкультурации, также принимают участие в рассеивании реальности и «впечатывают» некоторые следы в знание, которое выступает как итоговое» [2, с. 73]. Утверждение стоит дополнить тезисом о расширении относительности: гипотеза лингвистической относительности может быть развита в направлении создания новой гипотезы, касающейся относительности восприятия и интерпретации топологических характеристик письменных шрифтов. Предполагается, что различные графические структуры и типологические особенности шрифтов влияют на когнитивные процессы информирования ментальных репрезентаций у носителей языка. [там же].

Ось поля значимости (семиотическое измерение сознания). Аура подчёркивает значимость трансцендентально-феноменологической теории поля сознания Арона Гурвича для семиотики и теории значенности (перевод автора) [10, с. 1] и фиксирует связь языковых вопросов с общей рамкой: размышления Гурвича о лингвистических и семиотических проблемах... тесно связаны с общей философской концепцией Гурвича [там же]. Язык организует фигуры и фоны значимости; идентичность проявляется как устойчивое распределение того, что «важно» и «своё».

Ось общения и нормы (институциональная ткань идентичности). Языковое сознание формируется в коммуникации и «лежит в основе процесса формирования общения, а с другой стороны, он сам возможен лишь в общении» [7, с. 4]. А идентичность конституируется в нормативном пространстве: эти подходы развиваются по трем направле-

ниями: (а) дискуссии о слоях самосознания... (б) вопросы временного становления... и (в) формирование идентичности в социальном, институциональном и нормативном пространстве [11, с. 217]. Нормативность языка – не внешняя надстройка, а среда, где субъект становится социально узнаваемым «я».

Что даёт модель для понимания языковой идентичности

Во-первых, она позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность – редукция идентичности к социальным ярлыкам: «языковая идентичность» превращается в список признаков (лексика, акцент, паспортная принадлежность). Вторая крайность – абсолютизация трансцендентального: язык и идентичность оказываются случайными вариантами поверх универсальных структур. Наша связка показывает, что язык не случайный вариант, а условие культурно оформленного смысла.

Во-вторых, модель объясняет, почему языковая идентичность переживается как естественная. Если языковое сознание связывает «тела языковых знаков» с образами мира [6, с. 248], а язык со-конституирует смысл опыта, то принадлежность к языковому миру не воспринимается как внешнее решение – она встроена в то, как мир вообще дан. В этом смысле язык – не объект, которым субъект пользуется, а среда, в которой субъект существует как понимающий и понимаемый.

В-третьих, модель делает видимой динамику. Уфимцева и коллеги прямо говорят о трансформации национального образа мира и взаимодействии форм идентичности: «национальный образ мира... под влиянием глобализационных и интеграционных процессов неизбежно трансформируется; в сложные взаимодействия вступают и разные формы идентичности» [7, с. 4]. Это важно: если язык – условие горизонта, то изменения языковых практик (включая практики письма, на которые указывает Бажанов) потенциально ведут к сдвигам в самоориентации и самопонимании. Здесь нужна осторожность: статья не вводит новых эмпирических данных, но задаёт место для будущих исследований, где феноменология и психолингвистика могут быть соединены без взаимной редукции.

Заключение

Связь трансцендентального сознания и языковой идентичности становится понятной, если не считать язык внешним инструментом. Э. Финк в феноменологической традиции, представленной Е.А. Шестовой, концептуализирует проблему «трансцендентального языка», формулируя вопрос о принципиальной осуществимости гуссерлевского проекта через адекватную дескрипцию феноменологической редукции средствами естественного языка, подтверждая, «что словесно конструированное выражение сохраняет достижения познания» [9, с. 4], «язык феноменологии должен быть освобождён... от указания, понимание которого не основано на очевидности» [9, с. 11]. Хайдеггеровская перспектива (в современной реконструкции) переводит вопрос в плоскость горизонта мира: человек не способен ни на что без языка, он ничего не знает о своем мире, у него нет культуры, и, следовательно, у него нет способа существования (перевод автора) [15, с. 5].

Современное прочтение Мерло-Понти у Златева удерживает диалектику восприятия и языка: исходя из первоначальной позиции, где язык не отличался от жеста, Мерло-Понти, под влиянием структурализма Соссюра, стал различать «диакритическую», основанную на оппозиции, структуру языковой системы от гештальт-ориентированной природы восприятия и телесного выражения; при этом диалектическая взаимосвязь между ними [langage parlé и langage parlant], а также в конечном итоге мотивирующая роль невербального опыта анализируются с помощью трех уровней модели мотивации и оседания [17]. Рецензионное изложение Апостолюпулоса радикализирует тезис: язык является со-конститутивным условием феноменологии и онтологии, описание происходит в языке, а язык со-конституирует смысл опыта. Энгелланд задаёт рамку двух линий анализа – опыта и интерсубъективности [13, с. 7].

Проект В.А. Бажанова добавляет когнитивную формулировку: трансцендентализм деятельностного типа может быть расширен за счет включения лингвистической разновидности, поскольку языковая компетенция интегрируется в когнитивный арсенал субъекта, активно участвует в познавательном процессе и задает конфигурацию его продуктов [2], а гипотеза относительности расширяется до уровня письма и «топологии письменных шрифтов» [2]. Психолингвистика уточняет, как эти философские интуиции «салятся» на материал формирования субъекта: языковое сознание связывает образы с телами знаков и формируется в общении, «слово не опредмечивает образ сознания, а только указывает на него с помощью тела знака» [6, с. 207], несёт слоистость, включая этнический слой [1, с. 37], а образ мира и формы идентичности находятся в динамике трансформации,

«образ мира (картина мира) – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [7, с. 8]. Седых задаёт программу реконструкции доминант лингвокультурологического тождества [5, с. 22], а Сареk и Loidolt напоминают, что идентичность конституируется в социально-институциональном и нормативном пространстве [11, с. 220].

Итоговый тезис статьи: трансцендентальное сознание не существует над языком; оно проявляется как сознание, всегда уже оформленное в языковом горизонте. Языковая идентичность – не только социокультурная принадлежность, но и конкретизация того, как язык выступает трансцендентальным условием смысла и самоориентации. Такая постановка не отменяет эмпирических исследований идентичности – напротив, она задаёт для них более строгий философский каркас: исследовать не только какие маркеры, но и какие условия значимости делают эти маркеры переживаемыми как «я» и «мы».

Трансцендентальное сознание по Гуссерлю конституирует мир через априорные структуры, но сталкивается с парадоксом описания: язык одновременно раскрывает и искажает феномены. Языковая идентичность выступает как лингвистический трансцендентализм [Бажанов], где топология шрифтов и структура языка детерминируют когнитивные контуры реальности. Переход от парадокса к модели языкового априори подразумевает признание языка активным участником познания, формирующим культурный «мир общения» [Панова]. Это синтезирует феноменологию [Merleau-Ponty, Heidegger] с психолингвистикой [Уфимцева], объясняя естественность идентичности через перцептивно-номинативные практики.

Литература

1. Абильдинова Ж.Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен // Неофилология. – 2018. – Т. 4, № 14. – С. 33–43.
2. Бажанов В.А. Возможен ли трансцендентализм, обусловленный языком? // Философский журнал. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 63–78.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2 / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М., 2001. – 832 с.
4. Панова О.Б. Язык как трансцендентальная проблема философии культуры // Философия и культура. – 2023. – № 8. – С. 1–15.
5. Седых А. П., Эмануэль В., Куган Е.И. Языковая и культурная идентичность: эпистемологический обзор // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 20–37.
6. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность: монография / Н.В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. – 252 с. – URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/Ufimitseva_Yazykovoe_soznanie.pdf (дата обращения: 23.02.2026).
7. Уфимцева Н. В., Черкасова Г.А., Бальяникова О.В. и др. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимодействия: коллективная монография / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2017. – 240 с. – URL: https://iling-ran.ru/ufimitseva/regionalnoe_soznanie.pdf (дата обращения: 23.02.2026).
8. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 227 с.
9. Шестова Е.А. Язык феноменологии: Э. Гуссерль и Э. Финк // Vox (Голос). – 2012. – № 13. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vox/v13-2012/17559-yazyk-fenomenologii-egusserl-i-efink.html> (дата обращения: 24.02.2026).
10. Aurora S. A Semiotic Reading of Aron Gurwitsch's Transcendental Phenomenology // Philosophies. – 2023. – Vol. 8, № 1. – Article 1. – P. 1–13. – URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/8/1/1> (дата обращения: 20.02.2026).
11. Сареk J., Loidolt S. (eds.). Phenomenological Approaches to Personal Identity // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2021. – Special issue. – P. 217–234. – URL: <https://d-nb.info/1233470205/34> (дата обращения: 23.02.2026).
12. Carvy T. Merleau-Ponty's Phenomenology of Language / T. Carvy // Notre Dame Philosophical Reviews. – 2019. – URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/merleau-pontys-phenomenology-of-language/> (дата обращения: 26.02.2026).
13. Engelland C. (ed.). Language and Phenomenology. – London; New York: Routledge, 2021. – 307 с. – DOI: 10.4324/9780429278600.
14. Fink E. Die intentionale Analyse und das Problem des spekulativen Denkens // Fink E. Naeh und Distanz. Freiburg/ Muenchen, 1976. S. 146.
15. Heidegger on Language and the Formation of Cultural Identity // International Journal of Arts, Humanities and Social Sciences. – 2021. – URL: <https://www.ijahss.in/article/heidegger-on-language-and-the-formation-of-cultural-identity-290/> (дата обращения: 22.02.2026).

16. Mooney T. Merleau-Ponty's Phenomenology of Language (review) // Notre Dame Philosophical Reviews. – 2020. – URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/merleau-pontys-phenomenology-of-language/> (дата обращения: 20.02.2026).

17. Zlatev J. The Continued Relevance of Merleau-Ponty: Motivation & Sedimentation Model in language analysis // OpenEdition Journals. – 2023. – P. 41–63. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/hel/3373> (дата обращения: 26.02.2026).

TRANSCENDENTAL CONSCIOUSNESS AND LINGUISTIC IDENTITY: FROM THE PARADOX OF DESCRIPTION TO THE MODEL OF LINGUISTIC A PRIORI

Klimova O.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article proposes a conceptual framework linking the phenomenological concept of transcendental consciousness with the formation of linguistic and cultural identity. It takes as its starting point the “paradox of description” in phenomenology: transcendental consciousness is represented through historically and socially determined language. It is argued that language functions not as an external tool but as a problematic condition of the phenomenological project. The analysis examines Heidegger's motif of language as a mode of being and the interconnection of language-culture-world, as well as the concept of “linguistic a priori” in philosophy of culture, where the subject's world is conceived as a world of communication and linguistic givenness. The paper elucidates the interweaving of embodied experience and language, and the thesis of language as co-constituent of experiential meaning. It introduces a cognitive-philosophical “bridge” through the concept of “linguistic-type transcendentalism,” wherein language is understood as an active participant in cognition, encompassing writing practices and the hypothesis of “typography of written scripts.” The article clarifies how linguistic consciousness forms in communication, linking “bodies of linguistic signs” with world-images and carrying ethno-cultural stratification. Consequently, it proposes a model of “linguistic transcendental consciousness” as a multidimensional structure wherein language simultaneously serves as the condition of description, horizon of the world, extension of embodiment, mechanism of organizing the field of significance, and medium of socio-normative identity.

Keywords: transcendental consciousness and linguistic transcendentalism, phenomenology of language and linguistic identity, linguistic consciousness, linguistic intersubjectivity and embodiment, motivation and sedimentation, field of consciousness and semiotics of language, linguo-cultural identity, description, ethno-cultural stratification.

References

1. Abildinova Zh.B. Linguistic consciousness as a psycholinguistic phenomenon // *Neophilology*. – 2018. – Vol. 4, No. 14. – P. 33–43.
2. Bazhanov V.A. Is Language-Determined Transcendentalism Possible? // *Philosophical Journal*. – 2024. – Vol. 17, No. 4. – P. 63–78.
3. Husserl E. *Logical Investigations*. Vol. 2 / trans. from German by V.I. Molchanov. – Moscow: Academic Project, 2001. – 832 p.
4. Panova O.B. Language as a Transcendental Problem of Philosophy of Culture // *Philosophy and Culture*. – 2023. – No. 8. – P. 1–15.
5. Sedykh A.P., Emanuel V., Kugan E.I. Linguistic and Cultural Identity: Epistemological Review // *Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics*. – 2022. – Vol. 8, No. 3. – P. 20–37.
6. Ufimtseva N.V. *Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability*: monograph / N.V. Ufimtseva. – Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2011. – 252 p. – URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/Ufimtseva_Yazykovoe_soznanie.pdf (date of access: 23.02.2026).
7. Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Balyaskina O.V. et al. *Regional Linguistic Consciousness of Komi, Russians, Tatars: Problems of Mutual Influence*: collective monograph / ed. by N.V. Ufimtseva. – Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2017. – 240 p. – URL: https://iling-ran.ru/ufimtseva/regionalnoe_soznanie.pdf (date of access: 23.02.2026).
8. Heidegger M. *Being and Time* / trans. from German by V.V. Bibikhin. – Kharkiv: Folio, 2003. – 227 p.
9. Shestova E.A. *Language of Phenomenology: E. Husserl and E. Fink* // *Vox (Voice)*. – 2012. – No. 13. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vox/v13-2012/17559-yazyk-fenomenologii-egusserl-i-efink.html> (date of access: 24.02.2026).
10. Aurora S. A Semiotic Reading of Aron Gurwitsch's Transcendental Phenomenology // *Philosophies*. – 2023. – Vol. 8, No. 1. – Article 1. – P. 1–13. – URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/8/1/1> (date of access: 20.02.2026).
11. Čapek J., Loidolt S. (eds.). *Phenomenological Approaches to Personal Identity* // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2021. – Special issue. – P. 217–234.
12. Carvy T. Merleau-Ponty's Phenomenology of Language / T. Carvy // *Notre Dame Philosophical Reviews*. – 2019. – URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/merleau-pontys-phenomenology-of-language/> (date of access: 26.02.2026).
13. Engelland C. (ed.). *Language and Phenomenology*. – London; New York: Routledge, 2021. – 307 p.
14. Fink E. *Intentional Analysis and the Problem of Speculative Thinking* // *Fink E. Proximity and Distance*. – Freiburg/München: Karl Alber, 1976. – P. 146.
15. Heidegger on Language and the Formation of Cultural Identity // *International Journal of Arts, Humanities and Social Sciences*. – 2021. – URL: <https://www.ijahss.in/article/heidegger-on-language-and-the-formation-of-cultural-identity-290/> (date of access: 22.02.2026).
16. Mooney T. Merleau-Ponty's Phenomenology of Language (review) // *Notre Dame Philosophical Reviews*. – 2020. – URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/merleau-pontys-phenomenology-of-language/> (date of access: 25.02.2026).
17. Zlatev J. The Continued Relevance of Merleau-Ponty: Motivation & Sedimentation Model in language analysis // *OpenEdition Journals*. – 2023. – P. 41–63. URL: <https://journals.openedition.org/hel/3373> (date of access: 26.02.2026).

Продовольственная безопасность Китая в условиях колебаний на мировом продовольственном рынке

Корнев Никита Андреевич,

исполнительный директор Центра изучения Китая и стран АТР, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: kornev.nikita@urfu.ru

Бурнасов Александр Сергеевич,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: asburnasov@urfu.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа воздействия геополитических конфликтов на продовольственную безопасность крупнейших держав мира. Объектом исследования выступает продовольственная безопасность Китайской Народной Республики в контексте глобальных рыночных трансформаций. Предметом исследования являются механизмы влияния колебаний на мировом продовольственном рынке, вызванных конфликтом между Россией и Украиной, на продовольственную безопасность Китая. Цель исследования заключается в комплексном анализе краткосрочного и долгосрочного воздействия рыночных колебаний на продовольственную безопасность Китая и разработке научно обоснованных рекомендаций по минимизации рисков. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: проанализировано положение России и Украины на мировом продовольственном рынке; исследованы последствия конфликта для глобальных цепочек поставок продовольствия; выявлены механизмы влияния рыночных колебаний на продовольственную безопасность Китая; оценено краткосрочное и долгосрочное воздействие конфликта; разработаны рекомендации по повышению устойчивости продовольственной системы Китая. Методологическая основа исследования включает системный анализ, статистический анализ, сравнительно-исторический метод и экономико-математическое моделирование с использованием модели GTAP. В качестве эмпирической базы использованы статистические данные ФАО, Всемирного банка, UN Comtrade, Министерства сельского хозяйства США, научные публикации по проблематике продовольственной безопасности. Результаты исследования демонстрируют, что высокий уровень продовольственной безопасности в Китае является результатом совместных усилий на внутреннем и международном рынках, а также эффективного использования ресурсов. В краткосрочной перспективе продовольственная безопасность Китая не подвергается угрозе благодаря достаточному внутреннему предложению и диверсификации источников импорта. Однако в долгосрочной перспективе конкуренция в импорте и ограничительная торговая политика будут продолжать усиливать колебания на мировом продовольственном рынке, ухудшая внешнюю среду для импорта продовольствия. Моделирование на базе GTAP показало, что нормализация ограничений на экспорт пшеницы может привести к росту импортных цен на 1,19% и снижению объема импорта пшеницы на 4,37%. Основные выводы заключаются в необходимости усиления международной системы мониторинга информации о продовольствии, оптимизации стратегии диверсификации импорта, противодействия злоупотреблению мерами ограничения экспорта и формирования концепции «большой продовольственной» безопасности для повышения устойчивости поставок продовольствия.

Ключевые слова: КНР; продовольственная безопасность; рыночные колебания; торговая политика; глобальные цепочки поставок; продовольственный импорт; экономическое моделирование; GTAP; агропромышленный комплекс; геоэкономика.

Введение

Актуальность

Будучи страной с огромным населением, Китай всегда придавал большое значение продовольственной безопасности как важной составляющей национальной безопасности [1]. В «Четырнадцатой пятилетке социально-экономического развития и долгосрочных целях до 2035 года Китайской Народной Республики» она выделена как наиболее значимая из трех стратегий безопасности: продовольственной, энергетической и финансовой.

В настоящее время ситуация с продовольственной безопасностью в Китае является лучшей за всю историю. В 2022 году средний уровень потребления продовольствия достиг 483 кг на душу населения, что в 2,3 раза превышает уровень в 209 кг при основании Новой Китайской Республики в 1949 году и значительно превышает международный стандарт продовольственной безопасности в 400 кг на душу населения [2].

Высокая способность обеспечения продовольственной безопасности не только зависит от постоянного роста производства продовольствия и других сельскохозяйственных продуктов в стране, но также от все более активного использования мирового рынка продовольствия. С 2001 по 2020 год объем импорта продовольствия вырос с 17,476 млн тонн до 1,43 млрд тонн, что соответствует годовому среднему темпу роста в 11,7% [3]. Доля импорта от общего объема производства продовольствия в Китае выросла с 3,9% до 21,3%, а доля Китая в общем объеме мировой торговли продовольствием выросла с 4,5% до 28,4%.

Использование внешних ресурсов также означает столкновение с внешними рисками. Китай является крупным импортером продовольствия. Значительные колебания на мировом рынке продовольствия и изменения в спросе и предложении неизбежно повлияют на доступность и стабильность международных источников продовольствия, что требует серьезного внимания и своевременного анализа [4].

Россия и Украина давно славятся как «хлебные амбары мира», играющие ключевую роль на мировом рынке сельскохозяйственных ресурсов и продуктов [5]. В 2020 году доля экспорта пшеницы, ячменя, кукурузы и подсолнечного масла из этих двух стран составляла 27,9%, 26,4%, 15,7% и 64,5% соответственно от общего объема экспорта по всему миру. Причем около 50 стран и регионов получают более 30% своего импорта пшеницы из этих двух стран.

24 февраля 2022 года начался вооруженный конфликт между Россией и Украиной, что привело к блокировке экспорта продовольствия, прерыванию цепочек поставок, нехватке сельскохозяйственных ресурсов и росту издержек [6]. Это еще больше осложнило непростую ситуацию на мировом рынке продовольствия из-за пандемии COVID-19 и частых экстремальных погодных условий.

Объект исследования

Продовольственная безопасность Китайской Народной Республики в контексте глобальных рыночных трансформаций, вызванных геополитическими конфликтами.

Предмет исследования

Механизмы влияния колебаний на мировом продовольственном рынке, вызванных, в том числе, конфликтом между Россией и Украиной, на продовольственную безопасность Китая.

Цель исследования

Комплексный анализ краткосрочного и долгосрочного воздействия рыночных колебаний на продовольственную безопасность Китая и разработка научно обоснованных рекомендаций по минимизации рисков.

Задачи исследования:

1. исследовать последствия конфликта для глобальных цепочек поставок продовольствия;
2. выявить механизмы влияния рыночных колебаний на продовольственную безопасность Китая;
3. оценить краткосрочное и долгосрочное воздействие конфликта;
4. разработать рекомендации по повышению устойчивости продовольственной системы Китая.

Обзор литературы

Проблематика продовольственной безопасности в условиях глобальных кризисов привлекает значительное внимание исследователей по всему миру. Годфри и соавторы в своем фундаментальном исследовании анализируют взаимосвязь между продовольственной безопасностью и устойчивым развитием сельского хозяйства, подчеркивая необходимость интегрированного подхода к решению продовольственных проблем [1].

В контексте анализа влияния геополитических конфликтов на продовольственные рынки значительный вклад внесли работы Laborde и Glauber, которые исследовали последствия торговых ограничений для глобальных цепочек поставок зерна [4]. Их исследования показали, что ограничительные меры могут иметь долгосрочные негативные последствия для продовольственной безопасности импортирующих стран.

Проблематика продовольственной безопасности Китая рассматривается в работах ведущих китайских исследователей. Zhu и соавторы анализируют риски для безопасности пищевых продуктов в Китае в условиях новой модели развития, выделяя ключевые угрозы и механизмы их нейтрализации [11]. Li и коллеги провели эмпирическое исследование влияния колебаний внутренних и зарубежных цен на продовольствие на фоне быстрого роста импорта [12].

Применение модели GTAP для анализа продовольственной безопасности представлено в работах Liu, Huang и Yang, которые исследовали влияние нового раунда либерализации торговли в Дохе на сельское хозяйство Китая [8]. Chen и Tian провели посмертную оценку влияния вступления в ВТО на сельское хозяйство Китая на основе модели GTAP [9].

Вопросы глобального управления продовольственной безопасностью рассматриваются в работах Международного исследовательского института продовольственной политики (IFPRI). Hebebrand и Laborde анализируют влияние высоких цен на удобрения на глобальную продовольственную безопасность, подчеркивая системный характер продовольственных рисков [27].

Анализ трансформации глобальных продовольственных систем в условиях кризисов представлен в работе Clapp и Moseley, которые исследуют хрупкость неолиберального порядка продовольственной безопасности в условиях пандемии COVID-19 [19]. Puma и соавторы оценивают эволюционирующую хрупкость глобальной продовольственной системы, выявляя ключевые узкие места в цепочках поставок [20]. Hip и Hu анализируют факторы, влияющие на новый виток увеличения производства зерна в Китае в период 2004–2011 годов [14].

Методология и методы исследования

Исследование основано на комплексном применении различных методов научного познания. Системный анализ использовался для изучения взаимосвязей между элементами глобальной продовольственной системы и выявления механизмов передачи кризисных явлений [1]. Статистический анализ применялся для обработки данных о торговле продовольствием, ценах и объемах производства [3].

Сравнительно-исторический метод позволил проследить эволюцию продовольственных кризисов и выявить закономерности их развития [7]. Экономико-математическое моделирование проводилось с использованием модели GTAP (Global Trade Analysis Project) – международной многорегиональной многотоварной модели общего равновесия, широко применяемой для оценки международной торговой политики [8, 9, 15].

В данной работе используется последняя версия базы данных GTAP (10-я версия) для моделирования воздействия ограничений на экспорт зерновых на продовольственную безопасность [15]. Для большего приближения к реальности базовый сценарий был уточнен с использованием методики исследования Walmsley и др., с обновлением данных по ВВП, населению, капиталу и труду для каждого региона с 2014 по 2021 год с использованием данных Всемирного банка [16].

Регионы из базы данных, включающие 141 страну и регион, были перераспределены на восемь регионов: Китай, США, Россия, Украина, Бразилия, Евросоюз (27 стран), Индия, другие страны и регионы; и 65 отраслей были разделены на девять секторов: рис, пшеница, кукуруза и другие злаки, масличные культуры, растительные масла, мясо, другие сельскохозяйственные продукты, производство и услуги [10].

Результаты исследования

Конфликт между Россией и Украиной и колебания на мировом продовольственном рынке

Россия и Украина являются важными производителями и странами-поставщиками на мировом продовольственном рынке. Более того, Россия является крупнейшим экспортером удобрений [5]. Из-за важной роли России и Украины в мировом продовольственном снабжении, по-

следствия конфликта между ними быстро распространились по всему миру, вызывая резкие колебания на мировом рынке продовольствия и сельскохозяйственных ресурсов [6].

Обладая богатыми сельскохозяйственными ресурсами, Россия и Украина имеют важную основу для развития своего сельского хозяйства. Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций (ФАО) за 2020 год, площадь обрабатываемых земель в России и Украине составляла 1,2 миллиарда и 0,3 миллиарда гектаров соответственно, что составляет более 10% общей площади обрабатываемых земель в мире [2].

В 2020 году доля производства пшеницы, ячменя, кукурузы и подсолнечного масла в общем мировом объеме составляла 14,6%, 18,2%, 3,8% и 57,9% соответственно [3]. Россия является крупнейшим экспортером пшеницы в мире, до 18,6% от общего количества экспорта в 2020 году. Украина занимает четвертое и пятое места по экспорту кукурузы и пшеницы [5].

Кроме того, Россия также является крупнейшим в мире экспортером удобрений. Сведения из базы данных Организации Объединенных Наций по торговле товарами (UN Comtrade) показывают, что в 2020 году объем экспорта удобрений из России составил 34.133 млн тонн, это около 17,5% от общего объема мирового экспорта удобрений [3].

Прерывание цепочек поставок приводит к дефициту мирового продовольствия и удобрений. Конфликт между Россией и Украиной привел к сбою в цепочках поставок и ограничил способность обеих стран поставлять продовольствие, что привело к снижению производства и экспорта продовольствия по всему миру [6]. В 2022 году общая посевная площадь сельскохозяйственных культур в Украине составила 13,4 миллиона гектаров, что на 21% меньше, чем в 2021 году.

В конце июля 2022 года остановка морских перевозок через украинские порты Черного моря привела к задержке более 20 миллионов тонн зерна. Строгие санкции со стороны Европы и США против России, включая ее исключение из системы SWIFT, ограничили ее финансовые каналы, создавая серьезные препятствия для глобального снабжения продовольствием [4].

Ограниченное предложение способствует поддержанию высоких цен на продовольствие и удобрения. Конфликт между Россией и Украиной не только вызвал дефицит продовольствия на мировом рынке, но также спровоцировал дальнейший рост цен по всему миру [25]. Данные ФАО показывают, что в 2021 году индекс цен на продукты питания вырос на 28,1%, а индекс цен на зерно вырос на 27,3%, достигнув самого высокого уровня с 2012 года [2].

В мае 2022 года цены на экспорт пшеницы и кукурузы составили 521,4 и 345,4 доллара за тонну соответственно, превысив самые высокие уровни цен времен предыдущих финансовых кризисов. Это на 74,7% и 13,4% больше по сравнению с аналогичным периодом 2021 года [25].

Колебания на мировом рынке продовольствия привели к значительным изменениям в торговле продовольственными товарами. Конфликт между Россией и Украиной вызвал напряженность в мировом снабжении продовольствием и повышении цен, что вызвало панические настроения и привело к частым изменениям политики по ограничению экспорта [4].

После начала конфликта между Россией и Украиной количество стран (регионов), применяющих ограничительные меры, резко возросло, достигнув исторического максимума 1 июня 2022 года – 58 стран и 155 мер соответственно, что значительно превышает начальные показатели в начале пандемии COVID-19 [19].

Механизм влияния колебаний на мировом продовольственном рынке на продовольственную безопасность Китая

В условиях открытости политики использование международного рынка сельскохозяйственной продукции и ресурсов играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности Китая при ограниченных ресурсах [11]. Вместе с этим уровень зависимости Китая от мирового рынка и ресурсов постоянно увеличивается.

Колебания цен на мировом рынке сельскохозяйственных товаров могут привести к увеличению стоимости импортируемых сельскохозяйственных товаров для Китая [12]. Это повлечет за собой рост затрат на производство продукции в стране, что будет неблагоприятно сказываться на отечественном производстве сельскохозяйственной продукции.

Что касается каналов поставок, изменения доступности мирового рынка продовольствия могут оказать сложное и долгосрочное воздействие на возможность импорта продукции для Китая [20]. Для Китая США и Бразилия являются основными странами-поставщиками зерновых.

Второй аспект – конкурентная борьба за импорт, вызванная сбоем в торговой структуре, может стать вызовом для импорта продукции для Китая [4]. Эффект трансформации торговли может привести к тому, что страны и регионы, которые прежде всего зависели от России и Украины как основных поставщиков зерновых, начнут импортировать из США, Бразилии и других стран.

Краткосрочное воздействие конфликта России и Украины на продовольственную безопасность Китая

Достаточное внутреннее предложение благоприятно для сопротивления внешним угрозам. Китай всегда придавал большое значение проблеме обеспечения продовольствием народа, постоянно укрепляя свою общую производственную способность и способность обеспечивать продовольственную безопасность [1].

Доля самообеспеченности рисом, пшеницей и кукурузой всегда составляла более 90%. С 2015 года по настоящее время общий объем производства зерна в стране стабильно держится выше 6,5 миллиардов тонн уже 7 лет подряд [2]. Несмотря на неблагоприятные условия, ожидается, что китайский летний урожай 2022 года будет обильным.

Диверсификация источников импорта зерна ограничивает краткосрочное воздействие на доступность. Хотя объем импорта зерна в Китай довольно значителен, существующая структура импорта и стратегия его разнообразия позволяют Китаю иметь достаточную эластичность для преодоления напряженной ситуации [11].

По видам продукции импорт продовольствия в Китай в основном сконцентрирован на сое и кукурузе, объем импорта которых в 2021 году составил 75,9% от общего объема импорта зерновых [3]. Касаемо сои, более 90% импорта приходится на Бразилию и США, поэтому прямое воздействие конфликта между Россией и Украиной на доступность импорта сои в Китай в краткосрочной перспективе ограничено.

Повышение цен создает давление на стабильность производства и обеспечение цепочки поставок. Китай высоко зависит от импорта сельскохозяйственных ресурсов и кормовых зерновых, поэтому повышение мировых цен приведет к повышению цен на импортированные сельскохозяйственные ресурсы и кормовые [6].

Стабильность агрохимического рынка является основой для стабильного увеличения производства зерна. Однако повышение мировых цен приведет к повышению цен и на внутреннем рынке. Индекс оптовых цен на агрохимикаты в мае 2022 года вырос более чем на 40% по сравнению с прошлым годом, а индекс оптовых цен на калийные удобрения вырос более чем на 80% [13].

Долгосрочное воздействие конфликта между Россией и Украиной на продовольственную безопасность Китая

Конкуренция за импорт и изменения торговой политики, вызванные конфликтом между Россией и Украиной, вероятно, приведут к продолжительным колебаниям на мировом рынке продовольствия и ухудшению внешней торговой среды [4].

Изменения в конкуренции за импорт и торговой политике продолжают влиять на доступность импорта продовольствия в Китай. В долгосрочной перспективе конкуренция в импорте, вызванная эффектом торгового переноса, может отрицательно сказаться на поставках продовольствия в Китай [20].

Более 70% импорта пшеницы в такие страны, как Египет, Турция, Азербайджан, Пакистан, поставляются из России и Украины [3]. Конфликт между Россией и Украиной приводит к ограничениям экспорта пшеницы из этих стран, и указанные выше страны начинают увеличивать импорт пшеницы из США, Канады, Франции и других стран, что может привести к сильной конкуренции с Китаем за импортные поставки.

Нормализация мер ограничения экспорта и их долгосрочное воздействие на продовольственную безопасность Китая. В этом разделе применена модель GTAP для анализа воздействия нормализации мер ограничения экспорта на продовольственную безопасность Китая [15].

Таблица 1. Настройка контекста GTAP

Сценарий / Scenario	Описание / Description
Базовый сценарий / Baseline scenario	Торговая политика различных стран остается неизменной, и можно получить информацию о ситуации в мировой торговле продовольствием в 2021 году / Trade policy of various countries remains unchanged, information on world food trade in 2021 can be obtained
Моделируемая ситуация / Simulated scenario	На основе базового сценария Украина, Россия и Индия ввели торговую политику, запрещающую экспорт пшеницы в другие страны / Based on baseline scenario, Ukraine, Russia and India introduced trade policy prohibiting wheat exports to other countries

Для более точной оценки воздействия ограничений на экспорт зерновых на импорт зерновых в Китай в данной работе использованы данные по торговле зерновыми на 2021 год, принятый в качестве базисного [10]. В ходе конфликта между Россией и Украиной такие крупные экспортеры пшеницы, как Украина, Россия и Индия, последовательно ввели ограничения на экспорт пшеницы (табл. 1).

Воздействие нормализации мер ограничения экспорта пшеницы на цены на сельскохозяйственную продукцию в различных странах мира и на объем импорта зерновых в Китай представлено в таблицах 2 и 3 [10].

Нормализация ограничений на экспорт пшеницы значительно повышает уровень цен на сельскохозяйственную продукцию в Китае, причем наибольшее воздействие испытывает импорт пшеницы. Сравнение с базовым сценарием показывает, что введение запрета на экспорт пшеницы из указанных трех стран приведет к повышению цены на импортируемую пшеницу в Китай на 1,19% [9] (табл. 2).

Таблица 2. Возможное влияние нормализации экспортных ограничений на пшеницу на мировые цены на импорт сельскохозяйственной продукции, %

Район / Region	Рис / Rice	Пшеница / Wheat	Крупнозернистые злаки / Coarse grains	Масличные культуры / Oilseeds	Растительное масло / Veg. oil	Мясо / Meat	Другие / Other
Весь мир / World	0,067	3,653	-0,198	0,046	-0,012	0,028	0,045
Китай / China	0,131	1,189	-0,087	0,085	-0,024	0,037	0,041
Россия / Russia	0,085	1,135	-0,016	0,057	-0,022	0,024	0,022
Украина / Ukraine	0,056	1,27	-0,005	0,068	0,018	0,026	-0,141
США / USA	0,096	1,214	0,077	0,035	0,045	0,047	0,069
ЕС / EU	0,067	1,476	-0,241	-0,2	-0,014	0,028	0,049
Бразилия / Brazil	0,13	1,238	0,078	0,099	0,039	0,041	0,068
Индия / India	0,117	1,597	0,079	0,053	-0,092	0,028	0,06
Другие / Others	0,06	4,342	-0,22	0,012	-0,037	0,024	0,038

При введении Украиной, Россией и Индией мер ограничения экспорта пшеницы наблюдается явное снижение объема импорта пшеницы в Китай. По сравнению с базовым сценарием, введение ограничений на экспорт приводит к снижению общего объема импорта пшеницы в Китай на 4,37% [10] (табл. 3).

Таблица 3. Возможное влияние нормализации ограничений на экспорт пшеницы на масштабы импорта сельскохозяйственной продукции Китаем, млн. USD

Продукт / Product	РФ / Russia	Украина / Ukraine	США / USA	ЕС / EU	Бразилия / Brazil	Индия / India	Другие / Others	Мир / World
Рис / Rice	0,02	0,002	-0,004	0,001	0,003	0,075	-7,52	-8,138
Пшеница / Wheat	-0,427	-0,42	-17,522	-0,706	0,000	-0,38	-28,997	-55,041
Кукуруза / Corn	0,491	19,701	-8,04	-1,408	-0,008	0,006	-6,673	3,918
Масличные / Oilseeds	4,49	0,015	-57,328	-0,006	44,977	0,422	-15,106	-24,418
Раст. масло / Veg. oil	0,47	30,872	-1,208	0,01	-0,334	1,653	-27,875	5,912

Продукт / Product	РФ / Russia	Украина / Ukraine	США / USA	ЕС / EU	Бразилия / Brazil	Индия / India	Другие / Others	Мир / World
Мясо / Meat	0,642	0,344	-1,238	-1,379	0,297	0,005	-11,884	-15,067
Другие / Other	88,231	2,658	-10,706	-10,702	0,181	8,303	-129,574	-39,133

Обсуждение результатов

Полученные результаты моделирования подтверждают выводы предыдущих исследований о значительном влиянии ограничительных торговых мер на глобальные продовольственные рынки [4, 6]. Анализ показывает, что эффект торгового переноса, вызванный мерами ограничения экспорта пшеницы, не является значительным: уменьшая импорт пшеницы из Украины, России и Индии, Китай не увеличивает импорт пшеницы из США, Евросоюза и других стран или регионов [10].

Возможно, это связано с тем, что ограничения на экспорт пшеницы этих трех стран снижают эффективное предложение пшеницы в мире, повышая мировые цены на пшеницу, что приводит к снижению спроса на импорт и компенсирует эффект торгового переноса [17].

Объемы импорта других видов сельскохозяйственной продукции также подвержены различной степени воздействия эффекта замещения продуктов. Рис и мясо являются основными продуктами питания и важными сельскохозяйственными товарами; по сравнению с базовым сценарием, меры ограничения экспорта пшеницы приводят к снижению объема импорта этих двух категорий продукции в Китай на 0,44% и 0,13% соответственно [11].

Учитывая, что внедрение мер ограничения экспорта может привести к снижению доступности для импорта большинства видов сельскохозяйственной продукции в Китай, можно предположить, что если больше стран и регионов примут ограничения на экспорт более широкого спектра сельскохозяйственной продукции, их комбинированный эффект окажет более значительное воздействие на доступность для импорта продовольствия в Китай [19, 20]. Suweis и соавторы исследуют устойчивость и реактивность глобальной продовольственной безопасности, предлагая количественные методы оценки рисков [24].

Заключение (выводы)

Россия и Украина играют ключевую роль в мировом снабжении продовольствием и сельскохозяйственными ресурсами [5]. Конфликт между этими двумя странами вызвал цепную реакцию на мировом рынке, приведя к росту мировых цен до исторических пиков, увеличению мер ограничения экспорта и усилению колебаний на мировых продовольственных рынках [6].

Основные выводы исследования:

Во-первых, достаточное и стабильное внутреннее снабжение зерном и уже существующая диверсификация импорта зерна делают влияние конфликта на продовольственную безопасность Китая в краткосрочной перспективе ограниченным [11]. Однако возможно, что в будущем мировое обеспечение продовольствием может быть ограничено из-за повышения цен на сельскохозяйственные ресурсы, что может негативно сказаться на доступности импортируемого зерна для Китая.

Во-вторых, сокращение поставок на мировом рынке зерна из-за конфликта усиливает конкуренцию за импорт и вызывает изменения в торговой политике продовольствия, что ухудшает внешнюю среду для импорта в Китай и увеличивает нестабильность долгосрочного импорта [4, 20]. Swinbank анализирует влияние соглашения ВТО по сельскому хозяйству на аграрную политику ЕС, подчеркивая необходимость координации международных усилий [18].

Высокий уровень национальной продовольственной безопасности является опорой для Китая в противостоянии рискам, связанным с конфликтом между Россией и Украиной [1]. Хотя краткосрочное влияние конфликта на национальную продовольственную безопасность ограничено, необходимо обращать особое внимание на колебания цен на сельскохозяйственные ресурсы и продукты питания.

На основе проведенного исследования разработаны следующие рекомендации. Подходы к обеспечению продовольственной безопасности в Азии и изменяющаяся роль риса рассмотрены в работе Timmer [21].

1. Укрепление международной системы мониторинга информации о продовольствии и сельскохозяйственных ресурсах для стабилизации цен национального продовольствия при аномальных колебаниях цен

[2]. FAO и OECD представляют долгосрочный прогноз развития сельского хозяйства до 2032 года, который может служить основой для планирования продовольственной политики [26, 28].

2. Оптимизация стратегии диверсификации импорта сельскохозяйственной продукции по регионам и видам для смягчения рисков импорта зерна [11, 21]. D'Odorico и соавторы анализируют возможности обеспечения продовольствием человечества через глобальную торговлю продовольственными товарами [22].

3. Противодействие злоупотреблению мерами ограничения экспорта продовольствия, повышение способности глобального управления в сфере сельского хозяйства [4, 18].

4. Формирование концепции «большой продовольственной» безопасности, повышение устойчивости поставок продовольствия [22, 23]. MacDonald и соавторы предлагают переосмыслить аграрные торговые отношения в эпоху глобализации, акцентируя внимание на устойчивости цепочек поставок [23].

Литература

- Godfray H.C.J., Beddington J.R., Crute I.R., et al. Food security: the challenge of feeding 9 billion people // *Science*. 2010. Vol. 327, No. 5967. P. 812–818.
- FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Rome: FAO, 2023. 300 p.
- FAO. FAOSTAT Statistical Database. Rome: FAO, 2024. URL: <http://www.fao.org/faostat> (дата обращения: 10.07.2024).
- Laborde D., Mamun A., Martin W., et al. Agricultural subsidies and global trade: A quantitative assessment // *Journal of Economic Perspectives*. 2023. Vol. 37, No. 2. P. 71–96.
- USDA. World Agricultural Production. Washington, DC: USDA, 2023. 45 p.
- Glauber J., Laborde D. How much will global food trade be affected by Russia's invasion of Ukraine? // *IFPRI Blog*, 2022. URL: <https://www.ifpri.org/blog> (дата обращения: 15.06.2024).
- Zhang X., Davidson E.A., Mauzerall D.L., et al. Managing nitrogen for sustainable development // *Nature*. 2015. Vol. 528, No. 7580. P. 51–59.
- Liu Y., Huang J., Yang J. Impact of a new round of Doha trade liberalization on Chinese agriculture // *China Rural Economy*. 2009. No. 9. P. 4–14.
- Chen G., Tian W. Post-evaluation of the impact of WTO accession on Chinese agriculture – empirical analysis based on GTAP model // *Financial and Trade Research*. 2013. No. 1. P. 45–52.
- Wang Z., Cao L., Zhu J. Agricultural product imports and China's food security under China-US economic and trade frictions // *International Trade Issues*. 2022. No. 5. P. 1–15.
- Zhu J., Zang X., Li T. Food security risks and their prevention in China under the new development model // *China Rural Economy*. 2021. No. 9. P. 2–18.
- Li G., Wang L., Xie J., Zhong Y. Empirical study of the impact of domestic and foreign food price fluctuations against the background of rapid import growth // *Agricultural Economic Issues*. 2018. No. 2. P. 89–101.
- Chen S., Song C., Song N., et al. Technological progress in wheat production in China, element demand and substitution behavior // *China Rural Economy*. 2013. No. 9. P. 22–34.
- Xin Y., Hu X. Analysis of factors affecting the new round of grain production increase in China: 2004–2011 // *China Rural Economy*. 2013. No. 6. P. 14–26.
- Walmsley T.L., Dimaranan B., McDougall R.A. A baseline scenario for the dynamic GTAP model // *GTAP Technical Paper*, 2000. No. 21. 45 p.
- Hertel T.W. *Global Trade Analysis: Modeling and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 400 p.
- Anderson K., Martin W. Agricultural Trade Reform and the Doha Development Agenda // *World Economy*. 2005. Vol. 28, No. 9. P. 1301–1327.
- Swinbank A. The WTO Agreement on Agriculture and its impact on EU agricultural policy // *EuroChoices*. 2022. Vol. 21, No. 2. P. 34–41.
- Clapp J., Moseley W.G. This food crisis is different: COVID-19 and the fragility of the neoliberal food security order // *Journal of Peasant Studies*. 2020. Vol. 47, No. 7. P. 1393–1417.
- Puma M.J., Bose S., Chon S.Y., Cook B.I. Assessing the evolving fragility of the global food system // *Environmental Research Letters*. 2015. Vol. 10, No. 2. P. 024007.
- Timmer C.P. Food Security in Asia: The Changing Role of Rice // *Asian Economic Journal*. 2022. Vol. 36, No. 3. P. 345–367.
- D'Odorico P., Carr J.A., Laio F., et al. Feeding humanity through global food trade // *Earth's Future*. 2014. Vol. 2, No. 9. P. 458–469.

23. MacDonald G.K., Brauman K.A., Sun S., et al. Rethinking agricultural trade relationships in an era of globalization // *BioScience*. 2015. Vol. 65, No. 3. P. 275–289.

24. Suweis S., Carr J.A., Maritan A., et al. Resilience and reactivity of global food security // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol. 112, No. 22. P. 6902–6907.

25. World Bank. *Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets*. Washington, DC: World Bank, 2022. 65 p.

26. OECD-FAO. *OECD-FAO Agricultural Outlook 2023–2032*. Paris: OECD Publishing, 2023. 320 p.

27. Hebebrand C., Laborde D. High fertilizer prices contribute to rising global food security concerns // *IFPRI Blog*, 2022. URL: <https://www.ifpri.org/blog> (дата обращения: 20.06.2024).

28. FAO. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2022*. Rome: FAO, 2022. 260 p.

CHINA'S FOOD SECURITY IN TERMS OF GLOBAL FOOD MARKET FLUCTUATIONS

Kornev N.A., Burnasov A.S.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The relevance of the research is determined by the need to analyze the impact of geopolitical conflicts on the food security of the world's major powers. The object of the study is the food security of the People's Republic of China in the context of global market transformations. The subject of the study is the mechanisms of influence of fluctuations in the global food market caused by the conflict between Russia and Ukraine on China's food security. The purpose of the research is to conduct a comprehensive analysis of the short-term and long-term impact of market fluctuations on China's food security and to develop scientifically grounded recommendations for minimizing risks. To achieve this goal, the following tasks were solved: the position of Russia and Ukraine in the global food market was analyzed; the consequences of the conflict for global food supply chains were studied; the mechanisms of influence of market fluctuations on China's food security were identified; the short-term and long-term impact of the conflict was assessed; recommendations for increasing the sustainability of China's food system were developed. The methodological basis of the research includes system analysis, statistical analysis, comparative-historical method and economic-mathematical modeling using the GTAP model. The empirical base includes statistical data from FAO, World Bank, UN Comtrade, USDA, scientific publications on food security issues. The results of the study demonstrate that the high level of food security in China is the result of combined efforts in both domestic and international markets, as well as the effective use of resources. In the short term, China's food security is not under threat due to sufficient domestic supply and diversification of import sources. However, in the long term, competition in imports and restrictive trade policies will continue to intensify fluctuations in the global food market, worsening the external environment for food imports. GTAP-based modeling showed that the normalization of wheat export restrictions could lead to a 1.19% increase in import prices and a 4.37% decrease in wheat import volumes. The main conclusions are the need to strengthen the international food information monitoring system, optimize the import diversification strategy, counteract the abuse of export restriction measures, and form the concept of "greater food" security to increase the resilience of food supplies.

Keywords: P.R.C.; food security; market fluctuations; trade policy; global supply chains; food import; economic modeling; GTAP; agro-industrial complex; geoeconomics.

References

1. Godfray H.C.J., Beddington J.R., Crute I.R., et al. Food security: the challenge of feeding 9 billion people // *Science*. 2010. Vol. 327, No. 5967. P. 812–818.
2. FAO. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2023*. Rome: FAO, 2023. 300 p.

3. FAO. *FAOSTAT Statistical Database*. Rome: FAO, 2024. URL: <http://www.fao.org/faostat> (дата обращения: 10.07.2024).

4. Laborde D., Mamun A., Martin W., et al. Agricultural subsidies and global trade: A quantitative assessment // *Journal of Economic Perspectives*. 2023. Vol. 37, No. 2. P. 71–96.

5. USDA. *World Agricultural Production*. Washington, DC: USDA, 2023. 45 p.

6. Glauber J., Laborde D. How much will global food trade be affected by Russia's invasion of Ukraine? // *IFPRI Blog*, 2022. URL: <https://www.ifpri.org/blog> (дата обращения: 15.06.2024).

7. Zhang X., Davidson E.A., Mauzerall D.L., et al. Managing nitrogen for sustainable development // *Nature*. 2015. Vol. 528, No. 7580. P. 51–59.

8. Liu Y., Huang J., Yang J. Impact of a new round of Doha trade liberalization on Chinese agriculture // *China Rural Economy*. 2009. No. 9. P. 4–14.

9. Chen G., Tian W. Post-evaluation of the impact of WTO accession on Chinese agriculture – empirical analysis based on GTAP model // *Financial and Trade Research*. 2013. No. 1. P. 45–52.

10. Wang Z., Cao L., Zhu J. Agricultural product imports and China's food security under China-US economic and trade frictions // *International Trade Issues*. 2022. No. 5. P. 1–15.

11. Zhu J., Zang X., Li T. Food security risks and their prevention in China under the new development model // *China Rural Economy*. 2021. No. 9. P. 2–18.

12. Li G., Wang L., Xie J., Zhong Y. Empirical study of the impact of domestic and foreign food price fluctuations against the background of rapid import growth // *Agricultural Economic Issues*. 2018. No. 2. P. 89–101.

13. Chen S., Song C., Song N., et al. Technological progress in wheat production in China, element demand and substitution behavior // *China Rural Economy*. 2013. No. 9. P. 22–34.

14. Xin Y., Hu X. Analysis of factors affecting the new round of grain production increase in China: 2004–2011 // *China Rural Economy*. 2013. No. 6. P. 14–26.

15. Walmsley T.L., Dimaranan B., McDougall R.A. A baseline scenario for the dynamic GTAP model // *GTAP Technical Paper*, 2000. No. 21. 45 p.

16. Hertel T.W. *Global Trade Analysis: Modeling and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 400 p.

17. Anderson K., Martin W. Agricultural Trade Reform and the Doha Development Agenda // *World Economy*. 2005. Vol. 28, No. 9. P. 1301–1327.

18. Swinbank A. The WTO Agreement on Agriculture and its impact on EU agricultural policy // *EuroChoices*. 2022. Vol. 21, No. 2. P. 34–41.

19. Clapp J., Moseley W.G. This food crisis is different: COVID-19 and the fragility of the neoliberal food security order // *Journal of Peasant Studies*. 2020. Vol. 47, No. 7. P. 1393–1417.

20. Puma M.J., Bose S., Chon S.Y., Cook B.I. Assessing the evolving fragility of the global food system // *Environmental Research Letters*. 2015. Vol. 10, No. 2. P. 024007.

21. Timmer C.P. Food Security in Asia: The Changing Role of Rice // *Asian Economic Journal*. 2022. Vol. 36, No. 3. P. 345–367.

22. D'Odorico P., Carr J.A., Laio F., et al. Feeding humanity through global food trade // *Earth's Future*. 2014. Vol. 2, No. 9. P. 458–469.

23. MacDonald G.K., Brauman K.A., Sun S., et al. Rethinking agricultural trade relationships in an era of globalization // *BioScience*. 2015. Vol. 65, No. 3. P. 275–289.

24. Suweis S., Carr J.A., Maritan A., et al. Resilience and reactivity of global food security // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol. 112, No. 22. P. 6902–6907.

25. World Bank. *Commodity Markets Outlook: The Impact of the War in Ukraine on Commodity Markets*. Washington, DC: World Bank, 2022. 65 p.

26. OECD-FAO. *OECD-FAO Agricultural Outlook 2023–2032*. Paris: OECD Publishing, 2023. 320 p.

27. Hebebrand C., Laborde D. High fertilizer prices contribute to rising global food security concerns // *IFPRI Blog*, 2022. URL: <https://www.ifpri.org/blog> (дата обращения: 20.06.2024).

28. FAO. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2022*. Rome: FAO, 2022. 260 p.

Легитимация и делегитимация института выборов в современной России: региональная проекция

Пронин Константин Константинович,

аспирант кафедры философских и социальных наук, Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

E-mail: kkprounin-110200@yandex.ru

В данной статье приведены результаты сравнительного анализа показателей фактической явки избирателей на выборах высших должностных лиц отдельных субъектов РФ за период 2014–2025 гг. Выстраивается связь между персональной легитимностью политического лидера и уровнем доверия к нему, определяющегося количеством набранных голосов на выборах на фоне отставания ближайших конкурентов с учетом фактической явки избирателей по итогам электоральной кампании. В статье приводятся результаты авторского исследования, где подтверждаются делегитимационные перспективы практики информирования работодателя об участии в выборах. По итогам анализа результатов дистанционного электронного голосования на выборах высших должностных лиц Липецкой области и иных субъектов РФ в 2023–2024 гг. подтверждена гипотеза о том, что проблема расширения политического участия в полной мере не решается путем цифровизации электоральных институтов. Автор приходит к выводу о прогрессивном развитии института дистанционного электронного голосования в крупных городах с высоким уровнем развития информационно-коммуникационных технологий в корреляции с высоким уровнем доходов их жителей, составляющих основу среднего класса современной России.

Ключевые слова: выборы, делегитимация, дистанционное электронное голосование, легитимация, легитимность, персональная легитимность, фактическая явка избирателей, электоральная кампания.

Введение

В соответствии с общепринятой точкой зрения выборы являются одним из основных демократических способов легитимации государственной власти. Представляется, что процесс легитимации государственной власти во время проведения выборов предполагает совершение юридически значимых действий и актов политического волеизъявления как со стороны правящей элиты, так и потенциальных избирателей. В данной части выборы можно рассматривать как общественно-политический договор поручения между избирателями и органами государственной власти [2, с. 15]. Одним из своеобразных индикаторов уровня легитимности власти в демократическом государстве является фактическая явка избирателей, складывающаяся под влиянием различных факторов по результатам электоральных кампаний. В связи с этим **актуальной исследовательской проблемой** является определение факторов, влияющих на легитимацию института выборов и самой правящей элиты. В настоящее время легитимность власти начинает приобретать серьёзную зависимость от использования современных технологических достижений. К каким способам и методам прибегает правящая элита России в целях массового привлечения граждан к участию в выборах в настоящее время? В попытке найти ответы на поставленные вопросы предпринимается данное научное исследование.

Фактическая явка избирателей как основной индикатор легитимности электоральных институтов

В рамках данного исследования нами проведен анализ статистических показателей фактической явки избирателей на примере ряда электоральных кампаний, прошедших в Липецкой области за период 2014–2024 гг. на основании данных, опубликованных Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (см табл. 1). Также нами проведен сравнительный анализ липецкого кейса с показателями фактической явки избирателей на выборах высших должностных лиц отдельных субъектов РФ в некоторых муниципальных образованиях за конкретный период (см табл. 2 и 3).

Таблица 1. Результаты голосования на выборах высшего должностного лица Липецкой области в г. Липецке за период 2014–2024 гг.

Дата выборов	Количество избирателей, внесенных в списки на момент окончания голосования	Количество действительных избирательных бюллетеней	Количество недействительных избирательных бюллетеней	Фактическая явка избирателей (в %)
14.09.2014	413 294	93 580	4 209	1. $93\,580 + 4\,209 = 97\,789$ 2. $97\,789 * 100 / 413\,294 = 23,66\%$
08.09.2019	342 129	123 793	3 046	1. $123\,793 + 3\,046 = 126\,839$ 2. $126\,839 * 100 / 342\,129 = 37,07\%$
08.09.2024	298 347	84 844	2 255	1. $84\,844 + 2\,255 = 87\,099$ 2. $87\,099 * 100 / 298\,347 = 29,19\%$

Как мы видим, показатели фактической явки избирателей на выборах высшего должностного лица Липецкой области в г. Липецке за рассматриваемый период только в 2019 году превысили условные 30%. В данном случае 2019 год для Липецкой области являлся своеобразным переходным этапом, ознаменовавшимся уходом политического лидера – Королева О.П., занимавшего должность главы региональной администрации на протяжении длительного периода времени (табл. 2).

Отметим, что в г. Тамбове во время проведения выборов губернатора в «переходный период», который пришелся на 2025 год, зафиксировано существенное повышение фактической явки избирателей. Схожая тенденция наблюдалась в 2019 году и в г. Липецке, что могло

быть связано с повышенными ожиданиями жителей данных областных центров от прихода к власти новой правящей элиты. Полагаем, что повышение показателей фактической явки избирателей в «переходный период» является закономерным результатом качественной агитационной работы представителей политических лидеров в рамках предвыборной кампании и, безусловно, способствует расширению политического участия.

Таблица 2. Средние показатели фактической явки избирателей на выборах высших должностных лиц отдельных субъектов РФ за период 2014–2025 гг.

Наименование субъекта (муниципального образования)	Фактическая явка избирателей в 2014–2015 гг. (в %)	Фактическая явка избирателей в 2018–2020 гг. (в %)	Фактическая явка избирателей в 2023–2025 гг. (в %)	Средний показатель фактической явки избирателей (в %)
Липецкая область (г. Липецк)	23,66	37,07	29,19	29,97
Воронежская область (г. Воронеж)	33,07	20,73	20,37	24,72
Тамбовская область (г. Тамбов)	31,85	33,48	41,4	35,57

Интересен ход легитимационной истории губернатора Воронежской области – Гусева А.В. Предполагаем, что в случае конструктивного решения проблемы повышения налогов в целях поддержки малого и среднего предпринимательства в экономически развитом регионе губернатор может рассчитывать на электоральную поддержку местных предпринимателей на ближайших выборах. При этом повышению уровня персональной легитимности Гусева А.В. может способствовать реализация определенного стратегического или символического проекта в областном центре (например, запуск «метробуса» или реконструкция Центрального стадиона профсоюзов).

Губернатор Липецкой области в ходе проведения прямой линии с жителями региона в конце ноября 2025 года обратил особое внимание на необходимость обеспечения населения наиболее востребованными лекарствами и медицинскими препаратами, а также дальнейшего привлечения профильных врачей-специалистов в региональные медицинские учреждения в рамках федеральных и губернаторских программ. Открытие филиала Российского университета медицины в г. Липецке осенью 2025 года явно свидетельствует об интересе региональной власти в решении накопившихся проблем в сфере здравоохранения.

Таблица 3. Средние показатели фактической явки избирателей на выборах высших должностных лиц отдельных субъектов РФ за период 2014–2024 гг.

Наименование субъекта (муниципального образования)	Фактическая явка избирателей в 2014 г. (в %)	Фактическая явка избирателей в 2019 г. (в %)	Фактическая явка избирателей в 2024 г. (в %)	Средний показатель фактической явки избирателей (в %)
Липецкая область (г. Липецк)	23,66	37,07	29,19	29,97
Челябинская область (г. Магнитогорск)	46,73	43,59	47,36	45,89
Вологодская область (г. Череповец)	19,78	36,34	34,51	30,21

Отметим, что в Челябинской и Вологодской областях наблюдается относительно стабильность показателей фактической явки избирателей на выборах губернатора.

Так, губернатор Челябинской области в отличие от высших должностных лиц Липецкой и Воронежской областей повысил свой уровень персональной легитимности после переизбрания в 2024 году. Во многом подобный успех может быть связан с прямой заинтересованностью губернатора-челябинца в развитии не только областного центра, но и муниципалитетов, что косвенно подтверждается показателями

фактической явки избирателей в г. Магнитогорске на последних выборах. Так, приоритетными темами, затронутыми в рамках прямой линии губернатора Челябинской области – Алексея Текслера, состоявшейся в начале декабря 2025 года, являлись, в частности: газификация поселка Большие Харлуши; утверждение нового генерального плана Чебаркуля; строительство новой ледовой арены в Миассе [13]. Отметим, что в данной случае в СМИ концентрируется внимание читателей на обсуждении не общих тем, а конкретно-определенных проектах, реализуемых на территории Челябинской области.

На наш взгляд, факторами персональной легитимности высшего должностного лица субъекта РФ могут выступать: состояние институциональных сфер общественной жизни (здравоохранение; жилищно-коммунальное хозяйство; транспорт и т.д.); реализация стратегических или символических проектов; заинтересованность в развитии муниципалитетов. Безусловно, набор легитимационных технологий, подпитывающих доверие к отдельно взятому политику в современной России, не ограничивается только связями с рассмотренными выше сферами. Легитимация власти – это системная история, во многом креативная, ведь политику нужно постоянно акцентировать внимание на своей исключительности [8, с. 195]. В данной части констатируем, что уровень персональной легитимности политического лидера после переизбрания подтверждается общим количеством набранных голосов на выборах на фоне отставания ближайших конкурентов с учетом фактической явки избирателей по итогам электоральной кампании.

Далее предлагается рассмотреть отдельные виды практик, используемых в настоящее время правящей элитой России в целях привлечения граждан к участию в выборах.

Информирование работодателя о факте участия в выборах – последний шаг на пути к введению обязательного голосования?

В настоящее время в бюджетных организациях работодатели целенаправленно указывают работникам на необходимость участия в выборах и обязательное последующее информирование о факте принятия участия в голосовании.

В рамках данного исследования в ноябре – декабре 2025 года нами проведен социологический опрос свыше 100 респондентов в возрасте от 18 лет и старше при необходимости указания своего уровня образования (далее – социологический опрос от 28.11.2025). Как мы видим, более половины респондентов сталкивалось с практикой информирования работодателя о факте участия в электоральных кампаниях (рис. 1, рис. 2).

Работодатель (руководитель) указывал Вам на необходимость участия в выборах или референдумах?
128 responses

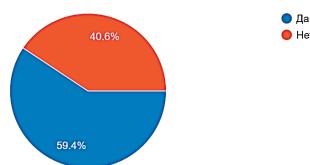

Рис. 1. Результаты социологического опроса от 28.11.2025

Работодатель (руководитель) требовал от Вас проинформировать его о факте участия/неучастия в выборах или референдумах?
128 responses

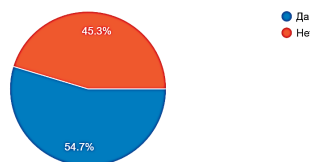

Рис. 2. Результаты социологического опроса от 28.11.2025

Отметим, что подобная практика при условии, что участие в выборах является добровольным, в сущности является делегитимационной, поскольку изначально предполагает использование принуждения и может существенно влиять на свободу волеизъявления граждан. В политической науке исследователи, выступающие против введения института обязательного голосования, отмечают, что принуждение населения к участию в выборах может способствовать увеличению количества недействительных избирательных бюллетеней [7, с. 96].

Отметим, что весьма незначительное количество респондентов на практике оказывалось в ситуации, при которой работодатель целенаправленно указывал им, за какого кандидата они «должны проголосовать» на выборах (рис. 3).

Работодатель (руководитель) указывал Вам, за какого кандидата Вы должны проголосовать на выборах?
127 responses

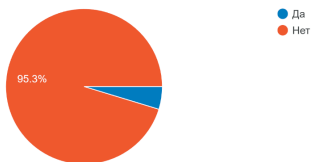

Рис. 3. Результаты социологического опроса от 28.11.2025

Так, потенциальный избиратель во избежание применения по отношению к нему каких-либо санкций со стороны власти или иных негативных последствий может голосовать за конкретного кандидата, отдавая последнему «случайный голос» [6, с. 67] по указанию своего работодателя или иного субъекта, способного оказать влияние на его волеизъявление. Феномен «случайных голосов» в данном случае объясняется тем, что избиратели зачастую не располагают даже какой-либо общей информацией о биографии того кандидата, за которого они «должны проголосовать».

Примечательно, что в ряде современных демократических государств (Бельгия, Аргентина, Австралия) принятие участия в голосовании является юридической обязанностью граждан, что предполагает применение конкретных санкций за отказ от участия в выборах (предоставление объяснений; назначение штрафов; тюремное заключение; лишение гражданских прав). Так, введение института обязательного голосования выступает в качестве легализованной превентивной меры для предотвращения распространения абсентеизма. Определяя сущность концепта обязательного голосования, Гришин Н.В. отмечает, что данный институт является «средством избирательной инженерии, направленной на повышение легитимности избранной власти» [3, с. 31].

Результаты проведенного нами социологического опроса от 28.11.2025 во многом подтверждают ранее сформулированную в политической науке гипотезу о преобладании подданнической (патриархальной) политической культуры в России, в рамках которой высокая явка избирателей, выступающая донором легитимности, в большинстве случаев достигается благодаря высокому мобилизационному потенциалу населения [11, с. 202;206].

Особенности развития института дистанционного электронного голосования в России

В данной части представляется целесообразным определить сущность концепта «цифровая демократия». По мнению Лолаевой А.С., под цифровой демократией в узком смысле следует понимать «облачение в цифровую форму традиционных средств демократического участия граждан в жизни государства и осуществлении народной власти» [5, с. 25]. Целью развития цифровой демократии является усовершенствование процесса коммуникации граждан и публичной власти с применением информационно-коммуникационных технологий, что предполагает создание потенциальной возможности для дистанционного электронного голосования на выборах [9, с. 71–72].

Электронный формат голосования можно рассматривать как один из способов повышения явки избирателей на выборах в целях достижения оптимального уровня легитимности власти. По мнению некоторых зарубежных авторов, развитие института электронного голосования может способствовать повышению уровня легитимности избирательного процесса за счет сокращения оттока избирателей [12, р. 131].

В каком формате Вы принимали участие в выборах или референдумах?
129 responses

Рис. 4. Результаты социологического опроса от 28.11.2025

Отметим, что в настоящее время электронное голосование не получило широкого распространения на периферии в отдельных регионах России, что подтверждается результатами социологического опроса от 28.11.2025 (рис. 4).

Как мы видим, менее ¼ от общего числа респондентов принимало участие в электоральных кампаниях в качестве избирателей с применением технологий дистанционного электронного голосования.

Безусловно, цифровая трансформация института выборов предполагает переход на более высокий уровень развития информационно-

коммуникационных технологий (далее – ИКТ), коррелирующий с высоким качеством оказания услуг связи и Интернета. Так, в соответствии с данными, представленными Международным союзом электросвязи, по состоянию на 2025 год показатели России в соответствии с индексом развития ИКТ (ICT Development Index) продолжают улучшаться и составили 92,3 балла из 100 (в 2023 г. – 88,9; в 2024 г. – 90,6) [14]. При этом в России как самой крупной стране в мире по площади территории существует проблема цифрового неравенства среди регионов, которая также освещается в научных трудах многих исследователей. Цифровое неравенство регионов может быть обусловлено различными факторами: уровнем социально-экономического развития; уровнем доходов населения; социально-демографической конъюнктурой; культурой и т.д. [10, с. 401–402]. Проблема цифрового неравенства среди регионов проявляется и при анализе результатов дистанционных электронного голосования на выборах высших должностных лиц Липецкой области и иных субъектов РФ в 2023–2024 гг. (см табл. 4 и 5).

Таблица 4. Результаты голосования на выборах губернатора Липецкой области от 08.09.2024

Количество избирателей, внесенных в списки на момент окончания голосования	Количество действительных избирательных бюллетеней	Количество недействительных избирательных бюллетеней	Фактическая явка избирателей (в %)
892 480	503 702	7 406	1. 503 702 + 7 406 = 511 108 2. 511 108 * 100 / 892 480 = 57,26%
Результаты дистанционного электронного голосования (ДЭГ)			
Количество избирателей, внесенных в списки на момент окончания голосования	Количество действительных избирательных бюллетеней	Количество недействительных избирательных бюллетеней	Фактическая явка избирателей (в %)
65 864	61 565	0	61 565 * 100 / 65 864 = 93,47%
Примечания:			
1. Расчет количества избирателей, изначально изъявивших желание принять участие в выборах путем ДЭГ (в %): $65\,864 * 100 / 892\,480 = 7,37\%$			
2. Расчет количества избирателей, принявших участие в выборах путем ДЭГ (в %): $61\,565 * 100 / 511\,108 = 12,04\%$			

Как мы видим, количество избирателей, принявших участие в выборах губернатора Липецкой области путем дистанционного электронного голосования в 2024 году, не превышает и 1/5 от общего числа фактической явки избирателей.

Таблица 5. Результаты дистанционного электронного голосования (ДЭГ) на выборах высших должностных лиц отдельных субъектов РФ за период 2023–2024 гг.

Наименование и дата выборов	Количество избирателей, изначально изъявивших желание принять участие в выборах путем ДЭГ (в %)	Количество избирателей, принявших участие в выборах путем ДЭГ (в %)
Выборы Губернатора Липецкой области от 08.09.2024	7,37	12,04
Выборы Губернатора Воронежской области от 10.09.2023	3,99	6,72
Выборы Губернатора Челябинской области от 08.09.2024	6,65	12,13
Выборы Губернатора Вологодской области от 08.09.2024	9,52	18,11
Выборы Мэра г. Москвы от 10.09.2023	35,24	81,48

Отметим, что потенциальная возможность для участия избирателей Центрально-Черноземного района в электоральных кампаниях путем дистанционного электронного голосования в настоящее время может быть

ограничена в связи с переобоями в работе Интернета и мобильной связи, вызванными угрозой атаки беспилотных летательных аппаратов на фоне проведения специальной военной операции. Вышеприведенные данные свидетельствуют о прогрессивном развитии института дистанционного электронного голосования в крупных городах с высоким уровнем развития ИКТ в корреляции с высоким уровнем доходов их жителей, составляющих основу среднего класса современной России, что вполне согласуется с теорией центрально-периферийной модели российского пространства («четыре России»), предложенной в свое время Н.В. Зубаревич.

С одной стороны, дальнейшее развитие института электронного голосования может способствовать улучшению показателей фактической явки избирателей на выборах, но, с другой стороны, у потенциального избирателя, использующего электронный формат, нет возможности «испортить бюллетень». Отметим, что данная практика может свидетельствовать также и о стремлении власти к сокращению числа недействительных бюллетеней на выборах.

Некоторые исследователи в целом позитивно оценивают перспективы легитимации института дистанционного электронного голосования, указывая на необходимость повышения уровня цифровой грамотности населения и решения проблем технического характера [1, с. 443]. При этом нельзя не согласиться с мнением Киреевой Е.Ю. о том, что низкая вовлеченность граждан в избирательный процесс не решается внедрением цифровых институтов голосования [4, с. 31], что подтверждается вышеприведенными результатами дистанционного электронного голосования на выборах высших должностных лиц отдельных субъектов РФ за период 2023–2024 гг.

Заключение

Таким образом, фактическая явка избирателей на выборах в целом отражает отношение населения к политике, проводимой региональной властью и, безусловно, влияет на динамику процесса её дальнейшей легитимации. В современном демократическом государстве потенциальная возможность органов государственной власти дистанцироваться от населения существенно сокращается. Так, в целях повышения уровня своей персональной легитимности представителям правящей элиты приходится вступать в политический диалог со своими потенциальными избирателями в целях получения необходимой поддержки в рамках будущих электоральных кампаний. Применение «искусственных» методов, отчасти способствующих расширению политического участия, может быть оправдано в целях предотвращения распространения абсентеизма, оказывающего исключительно негативное влияние на политическую систему государства. При этом практика информирования работодателя о факте участия в выборах, равно как и развитие института дистанционного электронного голосования, к сожалению, не прививают избирателям политическую культуру.

Литература

1. Баранов Н.А. От недоверия – к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446.
2. Вайнберг А.А. Легитимация и делегитимация выборной государственной власти в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2003. 28 с.
3. Гришин Н.В. Модели и факторы изменчивости электоральных ориентаций // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 1. С. 28–35.
4. Киреева Е.Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 29–32.
5. Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 23–26.
6. Мармилова Е.П. Соответствие избирательного законодательства РФ международным стандартам о выборах // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. № 3. С. 65–69.
7. Морозова О.С. Обязательное голосование: мировой опыт и особенности избирательных практик // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3(36). С. 95–100.
8. Скиперских А.В. Персонализированная легитимность // Свободная мысль. 2005. № 8. С. 191–204.
9. Сударев А.А. Мальченков С.А. Цифровая демократия как новая форма народовластия: преимущества и недостатки // Огарёв-Online. 2023. № 8 (193). С. 70–77.
10. Трофимова И.Н. Доступность и использование населением сети Интернет в регионах // Россия реформирующаяся. 2023 № 21. С. 384–406.
11. Федоров В.И. Влияние явки избирателей на легитимность президентских выборов в мире // Известия Саратовского универси-

тета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. вып. 2. С. 201–207.

12. Peiris K, Gunathilake G., Attanayaka J., Ilankoon I., Chandrasiri S., Wijendra D. Digital Democracy: A Secure Platform for Voting // 2nd International Informatics and Software Engineering Conference (IISec). Ankara. 2021. P. 131–134.

13. Как губернатор прямую линию провел. Что ответил Алексей Текслер на вопросы жителей Челябинской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8249878> (дата обращения: 03.02.2026)

14. Международный союз электросвязи опубликовал новое издание Индекса развития ИКТ за 2025 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ipag.hse.ru/news/1068359575.html?ysclid=mkoeawk4whe705583697> (дата обращения: 23.01.2026)

LEGITIMATION AND DELEGITIMIZATION OF THE ELECTION INSTITUTIONS IN MODERN RUSSIA: REGIONAL PROJECTION

Pronin K.K.

I.A. Bunin Yelets State University

This article presents the results of a comparative analysis of the actual voter turnout in the elections of the highest officials of individual regions for the period 2014–2025. The personal legitimacy of a political leader is confirmed by the results of elections and depends on the level of public trust in him. The article also presents the results of the author's research, which confirms the delegitimization potential of the practice of informing employers about participation in elections. Analysis of the results of remote electronic voting in the elections of senior officials in the Lipetsk Region and other constituent entities of the Russian Federation in 2023–2024 confirms the hypothesis that the problem of expanding political participation is not fully addressed by digitalizing the electoral institutions. The author claims that the progressive development of the institution of remote electronic voting is observed in large cities with a high level of development of information and communication technologies in correlation with the high income level of their residents, who make up the basis of the middle class of modern Russia.

Keywords: elections, delegitimization, remote electronic voting, legitimation, legitimacy, personal legitimacy, actual voter turnout, electoral campaign.

References

1. Baranov N.A. From distrust to legitimation: the difficult path of digital electoral technologies in Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. Vol. 24. No. 3. P. 433–446.
2. Weinberg A.A. Legitimation and delegitimation of elected state power in modern Russia: Abstract of the dissertation ... Candidate of Law. 2019. Nizhny Novgorod. 2003. 28 p.
3. Grishin N.V. Models and Factors of Electoral Orientations Variability // Man. Community. Management. 2010. No. 1. P. 28–35.
4. Kireeva E. Yu. Digital Democracy: Myths and Reality // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 7. P. 29–32.
5. Lolaeva A.S. Digital (electronic) and traditional democracy: issues of correlation // Constitutional and municipal law. 2021. No. 4. P. 23–26.
6. Marmilova E.P. Compliance of the electoral legislation of the Russian Federation with international standards on elections // Bulletin of the Transbaikal State University. 2008. No. 3. P. 65–69.
7. Morozova O.S. Obligatory Voting: Global Experience and Peculiarities of Electoral Practices // Caspian Region: Politics, Economy, Culture. 2013. No. 3(36). P. 95–100.
8. Skiperskikh A.V. Personalized Legitimacy // Free Thought. 2005. No. 8. P. 191–204.
9. Sudarev A.A., Malchenkov S.A. Digital Democracy as a New Form of Popular Government: Advantages and Disadvantages // Ogarev-Online. 2023. No. 8 (193). P. 70–77.
10. Trofimova I.N. Availability and Use of the Internet by the Population in the Regions // Russia in Transition. 2023. No. 21. P. 384–406.
11. Fedorov V.I. The Influence of Voter Turnout on the Legitimacy of Presidential Elections in the World // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociological Science. 2024. Vol. 24. No. 2. P. 201–207.
12. Peiris K, Gunathilake G., Attanayaka J., Ilankoon I., Chandrasiri S., Wijendra D. Digital Democracy: A Secure Platform for Voting // 2nd International Informatics and Software Engineering Conference (IISec). Ankara. 2021. P. 131–134.
13. How the Governor held a direct line. What Alexey Texler answered to the questions of the residents of the Chelyabinsk Region [Electronic resource]. Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/8249878> (access date: 03.02.2026)
14. The International Telecommunication Union has published a new edition of the 2025 ICT Development Index [Electronic resource]. Access mode: <https://ipag.hse.ru/news/1068359575.html?ysclid=mkoeawk4whe705583697> (access date: 23.01.2026)

Толок Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины», Балаковский инженерно-технологический институт – филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
E-mail: tolokks@mail.ru

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется беспрецедентными по масштабу и глубине трансформационными процессами, затрагивающими все сферы общественной жизни. В статье проводится философский анализ трансформации социокультурных ценностей, являющихся основой устойчивого поведения человека, «фундаментом» его отношения к окружающим людям и обществу в целом. Научный интерес к проблеме социокультурной трансформации российского общества связан с необходимостью формирования новой аксиологической концепции, противоположной неолиберальной системе ценностей, ориентированной на материальное производство и потребление. Особое внимание автора обращено на ценностные модели советского и постсоветского обществ с акцентом на их сравнительные характеристики. Попытка нашей страны в годы перестройки встроиться в мировую систему на всех уровнях привела к фактическому отрицанию аутентичных сакральных ценностей человечества и утрате важных составляющих русской духовности: соборности, коллективизма, патриотизма. Ценностная модель российского общества 90-х гг. XX века была переориентирована на новую цель – достижение любой ценой материального благополучия. В условиях современного мира, отвечая на внешние вызовы, России предстоит выступить в роли страны, предлагающей новую ценностную модель, направленную на сохранение и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей от растворения в пространстве культурных симулякров постмодерного и постиндустриального мира.

Ключевые слова: ценность, социокультурные ценности, ценностная трансформация, ценностная модель, глобальные вызовы современности, цивилизационная идентичность.

Введение

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется беспрецедентными по масштабу и глубине трансформационными процессами, затрагивающими все сферы общественной жизни и аксиологическое пространство человека. Размытая и подвижная реальность подталкивает к поиску темпоральной преемственности, выстраиванию причинно-следственных связей в калейдоскопической социокультурной картине и определению личностного и социального вектора развития [7, с. 41].

Научный интерес философского сообщества к анализу проблемы трансформации социокультурных ценностей связан с необходимостью обоснования новой аксиологической концепции противоположной неолиберальной системе ценностей, ориентированной на материальное производство и потребление, и показавшей свою несостоятельность [4, с. 29]. Особую актуальность изучение данной проблематики имеет для поликультурных обществ, в частности российского, в которых гармоничное существование всего социума возможно исключительно с учётом национальной и культурной специфики всех этносов, составляющих данное общество.

Теоретический анализ понятия «ценность»

Основой устойчивого поведения любого человека, «фундаментом» его отношения к окружающим людям и обществу в целом является система ценностей.

Различные аспекты формирования духовно-нравственных ценностей личности и общества рассматриваются в трудах философов, социологов, психологов, педагогов и культурологов и репрезентируются в разных подходах и точках зрения [2, с. 30].

Понятие «ценность» в философском её понимании связано с исследованиями Г. Риккерта, М. Шелера, В. Виндельбанда, Р. Лотце и др. Содержание социально-философских концепций и подходов в различные исторические эпохи в отношении категории ценностей есть отражение понимания их сущности как неких целей общества и средств их достижения, способных обеспечивать интеграцию общества, помочь индивиду реализовать социально-одобренный выбор своего бытия. Сама ценностная система рассматривалась учёными, как источник для формирования индивидуальной и общественной жизненной траектории, способной образовывать внутренний стержень культуры, духовную структуру потребностей и мотивов индивида, а также его интересы [9, с. 55].

Дуалистическая сущность системы ценностей проявляется в том, что с одной стороны, являясь ядром социокультурного строя, она, предопределяет цивилизационные отличия, с другой – служит основой для культурного и цивилизационного диалога.

В данном научном исследовании мы предлагаем интерпретировать понятие «ценность» как концентрированное духовное выражение мотиваций, интересов и потребностей, определяющих поведение представителей социума и выступающее интегративной основой, как для всего общества, так и для отдельно взятого индивида. Ценности, являющиеся объективным обоснованием стремлений людей, их ориентации и активности, признаются реально действующими имманентными образованиями, выступающими регуляторами поведения индивидов вне зависимости от их отражения в сознании [6, с. 53].

Для описания того, на какие ценности опираются люди, используется понятие «ценностные ориентации», которые в социальной философии определяются как продукт цивилизационного культурного творчества, имеющий форму общественного идеала.

В условиях современного мира можно говорить о двух глобальных конкурирующих ценностных системах – с одной стороны – коллективный Запад с его либеральными ценностями индивидуальной свободы без границ и ответственности, фактически представляющими разрушительный, как для общества, так и личности произвол, с другой —

Россия и страны БРИКС, отстаивающие традиционные ценности, связанные с сохранением своей цивилизационной и социокультурной идентичности.

Результаты и обсуждения

В разные исторические периоды в российском обществе в том или ином соотношении социокультурные ценности были представлены

в идеологических концепциях («Святая Русь», «Третий Рим», «просвещенное самодержавие», теория официальной народности, советская коммунистическая идеология) и определяли мировоззренческие векторы российской государственности.

На протяжении XX столетия российское общество пережило как минимум три мировоззренческие революции, в ходе которых социокультурные ценности подвергались радикальной трансформации, переходя от ценностных систем православного общества начала века к коммунистическим идеалам и далее к распаду этой системы ценностей и резкому переходу к ценностям глобализирующегося мира.

В начале XX в. научные дискуссии, посвящённые аксиологической проблематике, проходили в русле основных мировых идеологических течений, но с учетом их российской специфики.

Русский либерализм (М. Сперанский, П. Миллюков) с его специфическими отличиями от европейского либерализма пытался синтезировать либеральную ценность свободы с традиционными ценностями крепкой власти, порядка и преемственности (консервативный либерализм) и ценностью социального равенства (социальный либерализм).

Русские консерваторы (Н. Карамзин, И. Ильин) также отстаивали ценности государственной целостности, национального единства, порядка, исторической преемственности, православия, соборности и патриотизма.

Русские социалисты рассматривали общинные ценности как основу «русского крестьянского социализма» (А. Герцен, П. Ткачев) и самоуправляющегося децентрализованного общества (Н. Огарев), ценности солидарности и кооперации, реализующиеся в «рабочем социализме» (П. Лавров), ценности социальной однородности и справедливости, движением к которым осуществляется прогресс (Н. Михайловский), ценности свободы, равенства и справедливости в безгосударственном «анархическом социализме» (М. Бакунин).

Для того чтобы в полной мере понять масштабность аксиологических трансформаций постсоветского общества, необходимо проанализировать ценностную модель советского общества (1922–1990-е гг.), для которой были характерны:

- коллективизм и соборность: приоритет общественного («строительство коммунизма») над личным. Идентичность определялась через принадлежность к коллективу (комсомол, партия, трудовой коллектив).
- идеократия и единомыслие: господство официальной марксистско-ленинской идеологии как источника смыслов и ценностей, обеспечивающей существование четкого канона «правильного» мировоззрения;
- героизм труда и аскеза: ценность труда, скромности в быту, неприятие «мещанства» и «вещизма»;
- стабильность и предсказуемость: гарантированность базовых социальных лифтов (образование, работа, жилье) и жизненного пути в обмен на лояльность системе;
- тип личности: «человек системы» – адаптивный, ориентированный на внешние предписания, с внешним локусом контроля (судьба зависит от государства/коллектива).

В представлениях реформаторов начала 90-х гг. XX века отсутствовало понимание социально-культурного своеобразия России в целом и регионов в частности. Они провозгласили своей целью возвращение страны в мировую цивилизацию, имея в виду создание экономического и политического строя по западному образцу. В результате в постсоветском обществе произошли существенные изменения его ценностных ориентиров:

- идеологический вакуум: крушение коммунистической идеологии создало ценностный кризис и потребность в новых ориентирах;
- шоковая либерализация экономики: внедрение рыночных отношений привело к появлению новых ключевых ценностей: индивидуализм, конкуренция, предприимчивость, финансовый успех как показатель достижений;
- открытость миру: резкое увеличение посредством СМИ потока западных культурных образцов (кино, музыка, потребительские стандарты);
- социальная стратификация и неравенство: формирование новых классов (олигархи, новый средний класс, «новые бедные»), что привело к фрагментации единого ценностного пространства.

Попытка встроиться в мировую систему на всех уровнях привела к фактическому отрицанию аутентичных сакральных ценностей человечества и утрате важных составляющих русской духовности. От принципов соборности, коллективизма, составляющих основу ценностной модели российского общества начала XX века, постсоветского человека переориентировали на новую цель – любой ценой добиться материального благополучия [8, с. 189].

Отечественные исследователи по-разному определяют аксиологические основания современного российского общества. Так, А. Панарин считал, что политическое развитие России должно базироваться на традиционных православных ценностях. Исследователь А. Цыганков относит к ценностным основаниям российского общества духовный мессианиззм, трансэтничность, справедливое государство и державность, а, по мнению В. Кочеткова таковыми основаниями являются: православие, коллективизм, патриотизм, консерватизм и др. С позиции С. Перевезенцева к традиционным российским базисным ценностям относятся: вера (духовность), суверенитет, справедливость (правда), согласие (солидарность, соборность), стабильность, трудолюбие и честность [10, с. 125].

Современная российская ценностная картина представляет собой сложный, часто противоречивый гибрид:

- от коллективизма к индивидуализму: ценность личной свободы, самореализации, приватности выросла колоссально. Однако ценность семьи (как малой группы) осталась и даже укрепились как «крепость» в нестабильном мире. Возник феномен семейного индивидуализма (благо своей семьи – благо общества).
- от аскезы к потребительству и гедонизму: материальное благополучие, комфорт, доступ к благам стали мощными мотиваторами, сформировалась потребительская культура как новая норма;
- ресакрализация и консервативный поворот (с 2000-х гг.): реакция на кризис 1990-х и вестернизацию. Происходит возврат к традиционным ценностям, но в новом контексте. Наблюдаются положительные тенденции к усилению преобладания в российском социуме традиционных ценностных доминант, выражающихся в особом отношении к семье, Родине, труду, долгу, справедливости.
- государственный патриотизм (сильное государство как гарант стабильности и суверенитета);
- религиозная идентичность (православие как маркер культурной принадлежности и моральный фундамент);
- консервативные ценности в социальной сфере (семья, дети, традиционные гендерные роли, неприятие либерализма запада);
- цифровизация и новые идентичности: социальные сети создали пространство для полиидентичности – человек может примерять разные роли онлайн. Ценности сети, гибкости, самопрезентации, быстрой информации конкурируют с ценностями иерархии и глубины.

Специфика положения России в современном мире объясняется наличием в её культуре трёх основных парадигм – классики, модерна и постмодерна, взаимодействующих друг с другом в едином цивилизационном поле. В то время как в странах Запада определяющим типом сознания и социокультурной практики является постмодерн [5, с. 27]. Именно по этой причине российское государство-цивилизация XXI века фактически является альтернативой евро-американскому варианту истории, расходясь с ним по ряду основополагающих принципов духовного, национального и социального устройства бытия.

Стремление стран коллективного Запада сохранить свою гегемонию сопровождается кризисом современных моделей и инструментов политического и экономического развития западных государств, обострением внутривнутриполитических проблем и снижением эффективности системы глобальной безопасности [3, с. 156].

В условиях сегодняшнего дня всё более очевидным становится факт того, что только деконструкция универалистских идеологий, к которым относится ультралиберализм, обеспечит мирное сосуществование уникальных культурно-цивилизационных систем и равноправный диалог между ними. В связи с этим человечеству необходимо стремиться к разработке инновационной концепции общечеловеческих, цивилизационных и этнонациональных универсальных ценностей, образующих всечеловеческие ценностные ориентиры и базис диалога цивилизаций [12, с. 161].

Россия как цивилизация потенциально способна к выполнению глобальной миссии сохранения и защиты сакральных ценностей и смыслов от растворения в пространстве культурных симулякров постмодерного и постиндустриального мира.

В условиях современных цивилизационных конфликтов Россия активно выступает за сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей. В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные ценности, передаваемые от поколения к поколению, выступают нравственными ориентирами, формирующими мировоззрение российских граждан [1].

К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, крепкая семья, созидательный труд, патриотизм, граж-

данственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Для современной России принципиально важно утверждение российской идентичности и целостности российской нации – российского народа на основе общего историко-культурного наследия, русскоязычного культурного комплекса, вобравшего в себя традиции и культурные достижения всех народов, проживающих в России [11, с. 178].

Заключение

Перед современным российским обществом стоит задача формулирования нового социокультурного базиса. При этом возникает вопрос, – какие ценности и моральные установки можно использовать как фундаментальные, основополагающие. На наш взгляд, стратегия развития российской государственности в рамках традиционной нормативно-ценностной системы – это залог сохранения цивилизационной и социокультурной идентичности. В условиях современных внешних вызовов России необходимо укреплять собственную цивилизационную идентичность и сохранять цивилизационное ядро самобытного государства. Успешное будущее российского государства во многом зависит от того, какая система ценностей будет доминировать в российском обществе.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
2. Вархотов Т.А. Ценность как предмет исследования // Социум и власть. 2024. № 4 (102). С. 17–34.
3. Дрожжина С.В. Влияние глобализации на формирование универсальных ценностей: социально-философский контекст // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 153–161.
4. Заров Д.И. Ценности и социокоды в пространстве столкновения цивилизаций // Цивилизация – человек – общество. 2018. № 6–7. С. 29–32.
5. Измайлова Д.И. Конфликт ценностных систем как угроза духовно-нравственной и социальной безопасности общества. М.: АНО ЦЭМИ, «Архонт», 2024. 154 с.
6. Кagan М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
7. Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: проблема ценностных ориентиров // Аспирантский вестник Поволжья. 2022. № 22 (3). С. 41–43.
8. Попова М.А. Ценностные ориентиры современного российского общества: краткий экскурс // Сб. науч. тр. всерос. науч. – практич. конф. «Духовно-нравственное образование и патриотическое воспитание: традиции и перспективы»: материалы 20 апреля 2023 / отв. ред. О.Н. Квасов. Воронеж: Издательство: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2023. С. 188–192.
9. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 410 с.
10. Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение сознанием современной молодежи / под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М.: Квадрига, 2024. 720 с.
11. Толлок Е.С. Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей в условиях внешних социокультурных вызовов // Социология. 2025. № 11. С. 176–181.
12. Шаровара, К.А. Ценностные константы российского общества в условиях современных тенденций мирового развития // Сб. науч. тр. междунар. науч. конф. «Лосевские чтения» 25–26 сентября 2024 / отв. ред. К.В. Воденко. Новочеркасск: НОК, 2024. С. 161–163.

TRANSFORMATION OF THE SOCIO-CULTURAL VALUES OF RUSSIAN SOCIETY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Tolok E.S.

Balakovo Institute of Engineering and Technology of the National Research Nuclear University

The modern stage of the development of human civilization is characterized by transformational processes unprecedented in scale and depth, affecting all spheres of public life. The article provides a philosophical analysis of the transformation of socio-cultural values, which are the basis of sustainable human behavior, the “foundation” of his attitude to others and society as a whole. Scientific interest in the problem of socio-cultural transformation of Russian society is associated with the need to form a new axiological concept that is opposed to the neoliberal value system focused on material production and consumption. The author pays special attention to the value models of Soviet and post-Soviet societies with an emphasis on their comparative characteristics. During the years of perestroika, our country’s attempt to integrate into the world system at all levels led to the actual denial of authentic sacred values of humanity and the loss of important components of Russian spirituality: conciliarity, collectivism, and patriotism. The value model of Russian society in the 90s of the XX century was reoriented to a new goal – to achieve material well-being at any cost. In the modern world, responding to external challenges, Russia will have to act as a country offering a new value model aimed at preserving and protecting traditional Russian spiritual and moral values from being dissolved in the space of cultural simulacra of the postmodern and post-industrial world.

Keywords: value, socio-cultural values, value transformation, value model, global challenges of modernity, civilizational identity.

References

1. Russian Federation Presidential Decree of 09.11.2022. No. 809 «About Approving the Fundamentals of Public Policy for Conservation and Strengthening of the Traditional Russian Spiritual and Moral Values». Available at <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (in Russian)
2. Varkhotov T.A. The Value as a Researching Subject. *Sotsium i Vlast` [Society and Authorities]*, 2024, no 4 (102), pp.17–34 (in Russian)
3. Drozhzhina S.V. The Influence of globalization on the of Formation of Universal Values: Social Philosophical context. *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*, [Economic and Social Humanities Researches], 2023, no 3 (39), Pp. 153–161 (in Russian)
4. Zarov D.I. The Values and Social Codes in the Field of Clash between Civilizations. *Tsvivilizatsiya-chelovek– obshchestvo [Civilization-Individual-Society]*, 2018, no.6–7 (in Russian)
5. Izmaylova D.I. Conflict of Value Systems as Threat to Moral and Social Security of Society. Moscow. ANO TSEMI Arkhont, 2024,154 p.
6. Kagan M.S. Philosophical Theory of Values. St.Peterburg: Publ. Petropolis, 1997, pp 205 (in Russian)
7. Listvina E.V. Current Social Cultural Situation: Value Orientations Problem. *Aspirantsky vestnik Povolzh'ya*, [Post-graduate students bulletin in the Volga region], 2022, No.22(3). pp.41–43.
8. Popova M.A. Value Orientations of Present-day Russian Society. *Sbornik nauchnykh trudov vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Dukhovno-nravstvennoe obrazovanie i patrioticheskoe vospitanie: traditsii i perspektivy [Moral and Patriotic Education: Traditions and Prospects]* Proceedings of Voronezh State Forest Engineering University Conf. 20th of April, Publ. Voroneztskiy gosudarstvenny lesotekhnicheskyy universitet, 2023, pp.188–192(in Russian)
9. Rikkert G. Sciences about Nature and Sciences about Culture. Moscow, Respublika, 1998, 410 p. (in Russian)
10. Russian Values: Traditional Narratives and their Comprehension by Modern Youth. Edited by S.V. Perevezentsev, A.V. Selezneva, Moscow, Kvadriga, 2024, 720 p. (in Russian)
11. Tolok E.S. Strengthening of Traditional Russian Moral Values in the Face of External Sociocultural Challenges. *Sotsiologiya [Sociology]*, 2025, No. 11, pp.176–181(in Russian)
12. Sharovara K.A. Value Constants of Russian Society in the Face of Contemporary Trends of Global Development. *Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Losevskie chteniya*. Proceedings of International Scientific Conf. 25–26 of September 2024, Publ.editor K.V. Vodenko. Novochoerkassk NOK. 2024. 161–163 Pp. (in Russian)

Проблемы надзора за виртуальными валютами и цифровыми финансовыми активами в зарубежных странах

Черных Инна Николаевна,

канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансовый контроль и казначейское дело», ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: Innachernikh@mail.ru

Долгих Михаил Андреевич,

студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: 239553@edu.fa.ru

Анализ международного и российского опыта регулирования виртуальных валют и цифровых финансовых активов предопределяется противоречиями ограничительного характера или наоборот интеграцией в существующую банковскую инфраструктуру. В то же время попытки создание реестра биржевых операторов и внедрение процедур идентификации позволяет адаптировать положительный опыт зарубежных стран. Надзорные органы отдельных стран испытывают острую нехватку знаний и компетенций для адекватной оценки криптоактивов и лежащих в их основе технологий. Доказывается, что высокая степень анонимности таких операций представляет критическую угрозу для российской финансовой системы, создавая возможность неконтролируемого перевода средств за рубеж, финансирования теневой экономики и уклонения от налогообложения. Показано, что налоговая неопределенность усугубляется отсутствием автоматического обмена информацией с зарубежными криптобиржами, что ведет к недополучению бюджетных доходов. Дальнейшее развитие регулирования в России, как и в других странах, будет зависеть от способности создать скоординированную, технологическую систему надзора, сочетающую борьбу с теневой экономикой и защиту прав инвесторов с потребностями цифровой экономики.

Ключевые слова: надзор, виртуальные валюты, цифровые финансовые активы, налогообложение, цифровой рубль, криптовалюта

Введение

В отличие от фиатных валют, цифровые финансовые активы и криптовалюты демонстрируют более высокую степень подверженности рискам вовлечения в теневой оборот. К числу факторов, детерминирующих указанные риски, относятся: повышенная анонимность контрагентов, отсутствие территориальных границ для транзакций, а также функционирование специализированной инфраструктуры, нивелирующей возможность эффективного мониторинга. Исходя из этого, приоритетной научно-практической задачей является формирование концептуальных оснований для построения системы регулирования и последующая имплементация выработанных рекомендаций.

Методы и материалы

Представленные результаты данного исследования получены на основе теоретико-методологического обоснования проблемы надзора за виртуальными валютами и цифровыми финансовыми активами в зарубежных странах. Исследование опирается на методологию общенаучных методов: анализ, синтез, дедукцию, сравнение.

Результаты и обсуждение

Применяемые разными странами рычаги и механизмы государственного регулирования криптовалют и опираясь как на отечественный, так и на зарубежный опыт выделяется нормативная позиция в отношении виртуальной валюты. Так, в рамках этой позиции обсуждается мнение Центрального банка России об использовании виртуальных валют, таких как биткойн, особенно относительно их потенциального участия в сомнительных операциях. Однако уже сейчас формируется положительный опыт и отрицательные аспекты зарубежного опыта, а также попыток создания госрегулирования [2].

Некоторые исследователи выделяют уровни развития национального законодательства во всем мире в области регулирования цифровых технологий, включая операции с криптовалютами, и группирует страны на основе их позиции в отношении регулирования виртуальных цифровых валют. Однако позиции различных государств в отношении определения статуса виртуальных валют указывают на то, что современные законодательные рамки цифровых отношений значительно отстают от темпов развития цифровых технологий [1] (рис. 1).

Например, различные предложения ЦБ и Минфина в России относительно регулирования криптовалют, подчеркивает существующий конфликт по поводу того, запрещать или интегрировать их в банковскую инфраструктуру. Так, предложение Министерства финансов о надзоре за виртуальной валютой, связано с процессом идентификации, а также созданием реестра биржевых операторов и последующей передаче надзора нескольким органам, включая Центральный банк, Министерство финансов, Росфинмониторинг, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и др. [8].

Во всех рассмотренных странах (рис. 1) надзорные органы испытывают нехватку знаний и опыта, компетенций [10] для адекватной оценки сложных криптоактивов и лежащих в их основе технологий. Это создаёт барьер для эффективного регулирования и достижения поставленных целей. Особенно остро эта проблема проявляется в Германии и в США (SEC и CFTC).

Например, в ряде юрисдикций, прежде всего в США, наблюдается конфликт полномочий между различными ведомствами (SEC и CFTC), что порождает правовую неопределённость [7] для бизнеса и снижает инвестиционную привлекательность. В противоположность этому Европейский Союз пытается гармонизировать правила через регламент MiCA, однако этот процесс ещё не завершён, и остаются риски различий на национальном уровне.

В то же время высокая степень анонимности криптовалютных транзакций повсеместно признаётся критической уязвимостью, используемой для незаконной деятельности [4]. Это вынуждает регуляторов вводить обязательное лицензирование участников рынка (как в Японии), а в крайних случаях – прибегать к полным запретам (как в Китае). Кроме того, интеграция криптоуслуг в традиционные банки переносит эти риски в регулируемый сектор, требуя от банков усиления контрольных процедур.

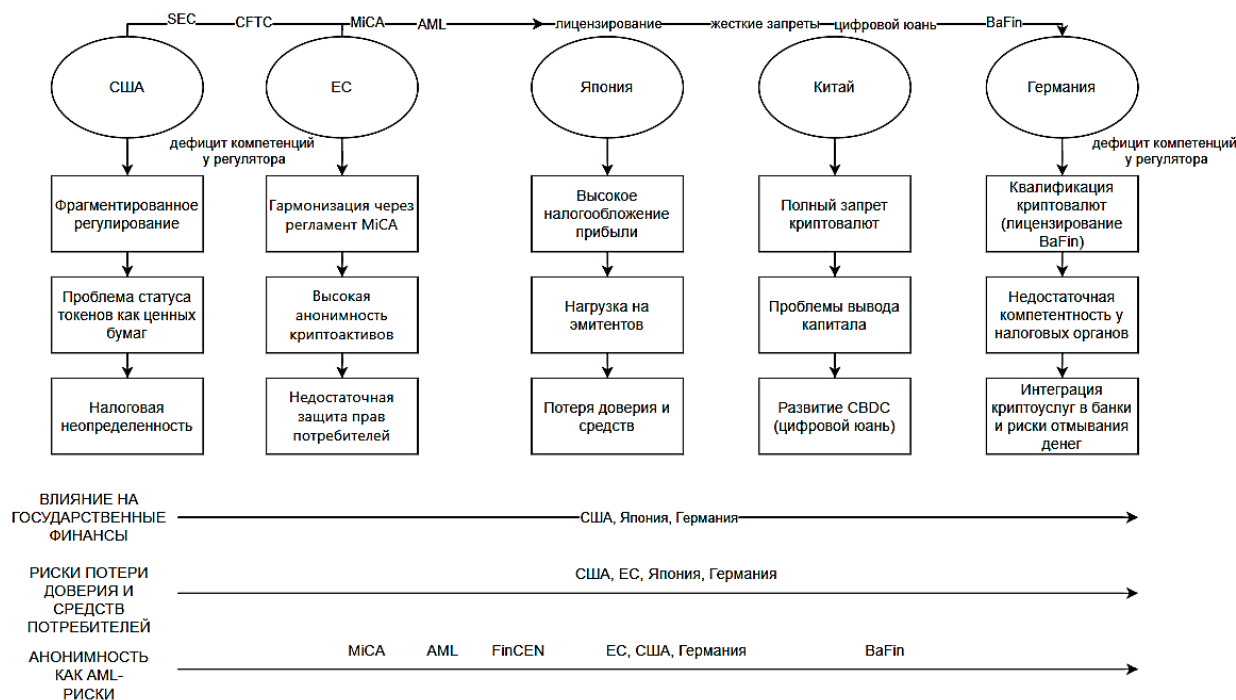

Рис. 1. Сравнительный анализ проблем надзора за виртуальными валютами и цифровыми финансовыми активами в зарубежных странах (обозначения: AML (Anti-Money Laundering) – противодействие отмыванию денег; CFTC (U.S. Commodity Futures Trading Commission) – комиссия по торговле товарными фьючерсами США; BaFin (Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht) – Федеральное ведомство по надзору за финансовыми услугами Германии; FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network) – сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (США); MiCA (Markets in Crypto-Assets Regulation) – регламент о рынках криптоактивов (ЕС); DeFi (Decentralized Finance) – децентрализованные финансы) (разработка авторов)

Во многих странах (США, Германия, Япония) налогообложение операций с криптоактивами остаётся неясным или сложным в администрировании. Это приводит к недополучению бюджетных доходов. Высокие налоговые ставки, как в Японии, могут снижать активность трейдеров, что также негативно сказывается на налоговых поступлениях.

Одновременно недостаточная защита прав инвесторов (особенно в ЕС и США) и инциденты безопасности, такие как взломы криптобирж в Японии, ведут к прямым финансовым потерям и подрыву доверия к цифровым активам в целом. Это ставит под вопрос долгосрочную ценность всей экосистемы.

Кроме того, все страны сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, необходимо поддерживать технологическое развитие (блокчейн, DeFi, цифровые валюты), с другой – сдерживать риски, связанные с неконтролируемым оборотом. Поэтому решения варьируются от разработки специальных законов (MiCA, лицензирование в Японии) или полных запретов (Китай) [9].

Фрагментированное регулирование приводит к спорам о статусе токенов (ценные бумаги или товары в США), что порождает судебные иски и снижает инвестиции. Налоговая неопределённость дополнительно уменьшает бюджетные поступления.

Процесс гармонизации в ЕС через регламент MiCA ещё не завершён. Основные вызовы – высокая анонимность и недостаточная защита прав потребителей.

Несмотря на лицензирование бирж, кибератаки в Японии остаются серьёзной проблемой, ведущей к потерям средств и падению доверия наряду с высоким налогообложением, которое снижает активность трейдеров.

К примеру, полный запрет криптовалют в Китае [3] вытесняет их в теневой оборот и способствует оттоку капитала. В качестве альтернативы развивается государственная цифровая валюта (цифровой юань), которая рассматривается как приоритетный инструмент финансового контроля.

Напротив, квалификация криптоактивов в Германии как финансовых инструментов требует лицензирования BaFin, что увеличивает нагрузку на регулятора. При этом налоговые органы испытывают дефицит компетенций. В то же время интеграция криптоуслуг в банки расширяет клиентскую базу, но несёт определенные риски отмывания денег.

Несмотря на различия в подходах, базовые проблемы надзора являются универсальными. Они связаны с технологическим отставанием регуляторов, неопределённостью правового статуса криптоактивов, их анонимностью и необходимостью балансировать инновации с безопасностью. Поэтому требуется выработка скоординированных

и эффективных мер регулирования на национальном и международном уровнях.

Россия сталкивается с теми же фундаментальными вызовами, что и другие юрисдикции, однако решает их с учётом собственной правовой и экономической модели. Как и в других странах, российские надзорные органы – ЦБ РФ, Федеральная налоговая служба, Росфинмониторинг и др. испытывают острую нехватку квалифицированных кадров, способных эффективно отслеживать операции с криптоактивами, расследовать преступления и администрировать налоги.

Кроме того, технологическая сложность блокчейна, анонимность транзакций и отсутствие устоявшейся судебной практики затрудняют применение традиционных методов контроля. Это создаёт барьер для достижения целей надзора – борьбы с отмыванием доходов, защиты прав потребителей и обеспечения фискальных интересов государства. Высокая степень анонимности криптовалютных операций представляет собой критическую угрозу для российской финансовой системы. Возможность неконтролируемого перевода средств за рубеж, финансирования теневой экономики и уклонения от налогообложения требует от регуляторов ужесточения мер.

В России действует запрет на использование цифровой валюты в качестве средства платежа для платежей внутри страны, однако это лишь вытесняет расчёты в криптовалюте в нелегальную сферу, не устраняя саму проблему несмотря на то, что с 2026 г. планируется введение штрафов за оплату криптовалютой [5]. Росфинмониторинг активно разрабатывает методики отслеживания подозрительных транзакций, но такая эффективность, однако ограничена отсутствием централизованной инфраструктуры обмена. Тем более механизмы контроля за исполнением этих требований ещё не отлажены.

Сложность идентификации владельцев, возможность использования зарубежных площадок и отсутствие автоматического обмена налоговой информацией с большинством криптобирж ведут к недополучению бюджетных доходов. Кроме того, нерешённым остаётся вопрос налогообложения прибыли от торговли криптовалютами для физических лиц, что создаёт почву для уклонения. Без создания собственной инфраструктуры и без налаживания международного информационного обмена эффективный контроль остаётся иллюзией.

Это привело к длительным дискуссиям и непоследовательности в нормотворчестве регулирующий майнинг и вводящий экспериментальные правовые режимы, ряд ключевых аспектов остаются неурегулированными, что сдерживает развитие легального рынка. В то же время отсутствие механизмов досудебной защиты, невозможность оспорить потери при взломах или мошенничестве, а также риски блоки-

ровки средств иностранными регуляторами создают серьёзные угрозы для частных инвесторов.

Как и Китай, Россия делает ставку на развитие государственной цифровой валюты – цифрового рубля. Его внедрение рассматривается как альтернатива частным криптоактивам, позволяющая сохранить контроль над денежным обращением, снизить риски и повысить прозрачность платежей.

Однако в условиях внешних ограничений и необходимости поиска альтернативных каналов международных расчётов интерес к использованию криптовалют во внешней торговле растёт [6]. Это ставит перед регуляторами задачу разработать механизмы легального проведения таких операций с минимизацией рисков отмывания денег. Дальнейшее развитие регулирования будет зависеть от способности создать эффективную систему надзора, не подавляющую технологический прогресс.

Выводы

Регулирование криптовалют в мире определяется фундаментальным конфликтом между полным запретом и интеграцией в финансовую систему. Все юрисдикции, включая Россию, сталкиваются с универсальными проблемами: технологическим отставанием регуляторов, отсутствием у них необходимых компетенций и критической угрозой анонимности транзакций. Правовая и налоговая неопределенность, а также конфликты между надзорными ведомствами порождают риски для инвесторов и недополучению бюджетных доходов. Россия, следуя мировым трендам, делает ставку на цифровой рубль как альтернативу частным активам, однако запрет на платежи в криптовалюте вытесняет их в теневую сферу. В то же время потребность в международных расчетах предопределяет поиск легальных механизмов использования криптовалют, а также создание технологически компетентной системы надзора, способной балансировать между безопасностью и инновациями.

Литература

1. Абдулгизис В.С. Международный опыт регулирования виртуальных валют: современный аспект // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2021. – № 1. – С. 6–9.
2. Байдукова Н.В., Чепакон Д.А. Регулирование финансовых сервисов // Известия СПбГЭУ. 2018. № 1 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-finansovyh-servisov> (дата обращения: 03.03.2026).
3. Бакаев Д.А. Цифровые активы: правовое регулирование рынка криптовалют // Юридическая наука. – 2025. – № 7. – С. 122–127.
4. Гизатулин И. Ю., Мокрушин В.И. Правовое регулирование криптовалют: международный опыт // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 3 (121). – С. 79–88.
5. Королева Л. П. и др. Противодействие использованию виртуальных активов для отмывания денег и финансирования терроризма: зарубежный опыт и возможности его применения в России // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № 4S. – С. 22.
6. Кравченко Ю.Б. Возможности использования цифровых средств обмена в торговле России с дружественными странами // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 5. – С. 53–62.
7. Крупочкин А. В., Хоминич И.П. Криптовалюты и цифровые активы в современной правовой и финансовой системе России: проблемы терминологии и классификации // Мир новой экономики. – 2025. – Т. 19. – № 2. – С. 22–32.
8. Малышев А. Д., Накопия И.М., Агазарян Н.В. Влияние криптовалют на экономику России и их регулирование // Индустриальное, ин-

новационное и финансовое развитие России: факторы и тенденции. – 2022. – С. 148–151.

9. Смирнов А. Е., Фролова Е.А. Сравнительный анализ подходов к регулированию цифровых валют в развитых и развивающихся странах // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – № 72. – С. 37–66.

10. Формирование новых компетенций для общественного сектора цифровой экономики: монография / В.В. Строев, М.Л. Левицкий, О.А. Ломовцева и др. – М.: МГПУ, 2021. – 180 с.

PROBLEMS OF SUPERVISION OF VIRTUAL CURRENCIES AND DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN FOREIGN COUNTRIES

Chernykh I.N., Dolgikh M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Analysis of international and Russian experience in regulating virtual currencies and digital financial assets is predicated on contradictions between restrictive regulations and, conversely, integration into the existing banking infrastructure. At the same time, efforts to create a register of exchange operators and implement identification procedures allow for the adaptation of positive experiences from other countries. Regulatory authorities in some countries are experiencing a severe lack of knowledge and expertise to adequately assess cryptoassets and the technologies that underpin them. It has been demonstrated that the high degree of anonymity of such transactions poses a critical threat to the Russian financial system, creating the potential for uncontrolled transfers of funds abroad, financing the shadow economy, and tax evasion. It has been shown that tax uncertainty is exacerbated by the lack of automatic information exchange with foreign crypto exchanges, leading to lost budget revenues. Further development of regulation in Russia, as in other countries, will depend on the ability to create a coordinated, technologically advanced oversight system that combines combating the shadow economy and protecting investor rights with the needs of the digital economy.

Keywords: oversight, virtual currencies, digital financial assets, taxation, digital ruble, cryptocurrency

References

1. Abdulgazis V.S. International experience in regulating virtual currencies: a modern aspect // Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. – 2021. – No. 1. – Pp. 6–9.
2. Baidukova N.V., Chepakov D.A. Regulation of financial services // Izvestiya SPbGEU. 2018. No. 1 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-finansovyh-servisov> (date of publication: 03.03.2026).
3. Bakaev D.A. Digital assets: legal regulation of the crypto currency market // Legal Science. – 2025. – No. 7. – Pp. 122–127.
4. Gizatulin I. Yu., Mokrushin V.I. Legal regulation of cryptocurrencies: international experience // Economics and Business: theory and practice. – 2025. – № 3 (121). – Pp. 79–88.
5. Koroleva L. P. et al. Countering the use of virtual assets for money laundering and terrorist financing: foreign experience and the possibilities of its application in Russia // Bulletin of Eurasian Science. – 2025. – Vol. 17. – No. 4S. – p. 22.
6. Kravchenko Yu.B. Possibilities of using digital means of exchange in Russia's trade with friendly countries // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2023. – № 5. – Pp. 53–62.
7. Krupochkin A.V., Khominich I.P. Cryptocurrencies and digital assets in the modern legal and financial system of Russia: problems of terminology and classification // The World of New Economics. – 2025. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 22–32.
8. Malyshev A.D., Nakapiya I.M., Agazaryan N.V. The impact of cryptocurrencies on the Russian economy and their regulation // Industrial, innovative and financial development of Russia: factors and trends. – 2022. – Pp. 148–151.
9. Smirnov A. E., Frolova E.A. Comparative analysis of approaches to the regulation of digital currencies in developed and developing countries // Bulletin of Tomsk State University. Economy. – 2025. – № 72. Pp. 37–66.
10. Formation of new competencies for the public sector of the digital economy: a monograph / V.V. Stroeve, M.L. Levitsky, O.A. Lomovtseva et al. – M.: MGPU, 2021. – 180 p.

Исследование характеристик качественного дизайна домашних заданий в начальной школе до политики «Двойного сокращения» на основе обоснованной теории

Чжан Ли,

доктор, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 107622003010030@xjnu.edu.cn

Чэнь Чуань,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2548996031@qq.com

В статье исследуются характеристики качественного дизайна домашних заданий в начальной школе в контексте образовательной реформы и политики «двойного сокращения». Цель исследования – выявление структурных элементов и факторов, определяющих эффективное проектирование домашних заданий, а также построение концептуальной модели, интегрирующей педагогическую практику и теоретический анализ. Методологическую основу составляет качественный подход с использованием обоснованной теории; эмпирическим материалом послужили тексты учителей-практиков, отражающие их опыт проектирования заданий. В результате исследования выявлена «трёхмерная структура» качественного дизайна домашних заданий, включающая измерения полезности, удобства и привлекательности, обеспечивающие когнитивное и эмоциональное развитие учащихся, реализуемость заданий и повышение учебной мотивации. Установлено, что на дизайн домашних заданий существенно влияют учебные стандарты, характеристики учащихся и рефлексия педагогической практики. Полученные результаты уточняют теоретические основания проектирования домашних заданий и предлагают научно обоснованные ориентиры для повышения их качества и эффективности.

Ключевые слова: Дизайн Домашних Заданий, Школа, Образовательная Реформа, Учебная Мотивация, Качество Обучения.

Введение

В условиях реализации политики «двойного сокращения» и перехода системы образования к модели качественного развития проблема научно обоснованного проектирования домашних заданий в начальной школе приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Домашнее задание рассматривается не только как средство закрепления учебного материала, но и как важный инструмент формирования ключевых компетенций, учебной самостоятельности и внутренней мотивации учащихся. Однако анализ современных исследований показывает наличие устойчивого разрыва между теоретическими моделями дизайна заданий и реальной педагогической практикой: нормативно-теоретические конструкции нередко оказываются недостаточно чувствительными к контексту школьной среды, тогда как практический опыт учителей, обладая высокой эмпирической ценностью, не всегда достигает уровня системного теоретического обобщения.

В этой связи актуализируется необходимость построения концептуальной рамки «среднего уровня», способной интегрировать практическое знание учителей и научный анализ. Настоящее исследование, выполненное на основе методологии обоснованной теории, направлено на выявление структурных характеристик качественного дизайна домашних заданий в начальной школе до реализации политики «двойного сокращения» и на раскрытие внутренней логики их формирования. На основе поэтапного кодирования текстов учителей-практиков разработана концептуальная модель «трёхмерной структуры», включающая измерения полезности, удобства и привлекательности. Данная модель позволяет систематизировать эмпирический опыт, уточнить факторы, влияющие на дизайн заданий, и предложить теоретически обоснованный ориентир для дальнейшей оптимизации домашних заданий в условиях современной образовательной реформы.

Обзор существующих исследований

Для прояснения исходной точки исследования в данной работе был проведён систематический обзор соответствующей литературы за период 2010–2020 гг. в китайской базе данных CNKI (China National Knowledge Infrastructure) по темам, включающим «начальная школа» и «дизайн домашних заданий». Анализ выявил, что существующие исследования развиваются по принципу «двух параллельных путей»: с одной стороны, это теоретико-нормативный путь, возглавляемый исследователями из вузов, который фокусируется на внедрении таких теорий, как таксономия учебных целей Блума [1], куррикулярная перспектива [2], теория постмодернистского учебного плана [3], и теория множественного интеллекта, для разработки проектов на верхнем уровне, отличающихся высокой степенью системности, но недостаточной чувствительностью к контексту; с другой стороны, это практико-эмпирический путь, возглавляемый учителями-практиками, который концентрируется на обобщении микростратегий, таких как эффективные задания [4 5], дифференцированные задания [6 7], персонализированные задания [8], и сотрудничество семьи и школы [9], –подход, обладающий высокой контекстуальностью, но испытывающий недостаток в теоретическом обобщении и переносимости.

Между этими двумя путями существует значительный разрыв. Дизайн домашних заданий на теоретическом пути может становиться «оторванным от реальности» из-за игнорирования сложной практической ситуации, в то время как опыт на практическом пути, будучи ограниченным конкретным контекстом, «с трудом поддаётся обобщению». Это подчёркивает ключевой исследовательский пробел: существует острая потребность в «мезотеории», способной объединить преимущества обоих подходов, теории, которая могла бы абстрагировать общие характеристики качественного дизайна домашних заданий и в то же время глубоко укореняться в логике учительской практики. Использование в данном исследовании метода обоснованной теории как раз и направлено на то, чтобы непосредственно из практического знания учителей-экспертов построить такую связующую теоретическую рамку снизу вверх.

Методология исследования

Материалы, содержащие опыт дизайна домашних заданий учителей-практиков, выбранные в данной статье, взяты из математического тома

[10] и тома по китайскому языку сборника «Новое мышление в дизайне домашних заданий от известных учителей», опубликованного Издательством Восточно-Китайского педагогического университета в 2017 году. В этой серии книг тексты учителей написаны легко и свободно, описания яркие и детализированы, примеры богаты и конкретны. В них отражаются понимание, рефлексия и сомнения учителей относительно контекста домашних заданий, учащихся, самих себя, процесса обучения через задания и их функций, а также демонстрируются причины, последствия и принципы инновационных реформ в области домашних заданий. По сравнению с академическими статьями, имеющими фиксированные шаблоны изложения, эти тексты более правдиво отражают состояние практического знания учителей о дизайне домашних заданий, что и стало причиной выбора данной серии книг для исследования. В этих двух книгах собраны статьи о дизайне домашних заданий 35 учителей начальных классов по китайскому языку и 36 учителей начальных классов по математике. Книги включают три основные части: дизайн эффективных заданий, дизайн инновационных заданий и дизайн персонализированных заданий. Из них мы исключили 10 статей, не относящихся к домашним заданиям (например, о классных упражнениях), и в итоге отобрали для анализа 61 статью. Авторы этих статей учителя начальных классов и сотрудники учебно-методических кабинетов из 9 провинций, работающие в школах разного уровня, среди них 12 учителей высшей категории, 6 учителей первой категории и 1 молодой известный учитель. Таким образом, носителями этого практического знания о домашних заданиях являются как учителя-эксперты, так и неэксперты из разных провинций и школ разного уровня, что позволяет им репрезентативно отражать сообщество учителей начальных классов.

В данном исследовании используется методология исследования, основанная на обоснованной теории (grounded theory). Обоснованная теория (grounded theory) это качественный метод исследования, предложенный Глейзером и Страуссом в 1965 году, с целью построения объяснительной теории. Исследователи, применяющие обоснованную теорию, «непосредственно выводят понятия и положения из исходных данных, а затем поднимаются до уровня теории» [11]. Анализ данных и кодирование в обоснованной теории разделены на три этапа: первичное кодирование (открытое кодирование), вторичное кодирование (осевое кодирование) и третичное кодирование (выборочное кодирование).

Результаты исследования

В ходе двухэтапного кодирования, проверки и доработки из 61 статьи было извлечено 123 концепции для первичного кодирования. Затем, при аксиальном кодировании, мы нашли связи между вышеупомянутыми концепциями, объединив их под 14 основными категориями. Наконец, после установления отношений между всеми категориями, мы определили две ключевые категории: структуру дизайна домашних заданий учителей начальных классов и факторы, влияющие на дизайн домашних заданий учителей начальных классов. В следующих разделах каждая из них поясняется на примерах из текстов.

Таблица 1. Подкатегории осевого кодирования «Дизайн полезности, способствующий когнитивному и аффективному развитию»

Измерение	Концептуальная категория	Название свободного узла
Дизайн полезности, способствующий когнитивному и аффективному развитию	Накопление знаний	Запоминание знаний, полученных в классе
		Расширение знаний вне учебной программы
	Повышение навыков	Применение полученных знаний на практике
		Развитие способности собирать и обрабатывать информацию
	Развитие учебных стратегий	Самокоррекция
		Самооценка
		Самостоятельное обобщение и систематизация изученного материала
	Формирование и переживание позитивных эмоций	Повышение интереса к предмету
		Ощущение радости обучения, переживание успеха

Результаты анализа исходных текстов и кодирования показывают, что в основе структуры дизайна домашних заданий в начальной школе лежат три категории: дизайн полезности, дизайн пригодности и дизайн привлекательности. Независимо от того, занимаются ли учителя начальных классов дизайном эффективных, инновационных или персонализированных заданий, помимо внимания к полезности заданий для развития

учащихся, они также учитывают их реализуемость и стараются повысить привлекательность заданий для стимулирования мотивации. Конкретная концептуальная классификация представлена в таблицах 1, 2 и 3.

Анализ текстов показывает, что первым шагом учителей в процессе разработки домашних заданий является проектирование их полезности, то есть определение цели задания. Например, один учитель отмечает в тексте: «При разработке задания учитель должен прежде всего четко понимать, какова цель этого задания». В целом, измерение полезности домашних заданий в проектировании учителей охватывает когнитивные, эмоциональные, экзаменационные, педагогические и коммуникативные аспекты, при этом основное внимание сосредоточено на четырех областях двух категорий когнитивной и эмоциональной: знания, навыки, стратегии и эмоции. (см. Таблицу 1)

Во-первых, дизайн полезности домашних заданий, направленный на накопление знаний, проявляется в запоминании, понимании и расширении изученного материала. Согласно таксономии Блума, задания на прописывание иероглифов и заучивание текстов способствуют запоминанию фактических знаний и закреплению учебного содержания. Изучение явлений классического китайского языка (взаимообусловленные иероглифы, многозначные слова, различия между древними и современными значениями) углубляет понимание материала. Расширяющие задания, такие как заучивание дополнительных произведений или поиск исторических сведений, объединяют запоминание и понимание, способствуя дальнейшему накоплению знаний.

Во-вторых, дизайн полезности, ориентированный на совершенствование навыков, включает развитие предметных навыков и универсальных компетенций. Предметные навыки как процедурные знания формируются через гибкое применение декларативных знаний, чему способствуют задания, связанные с решением практических задач. Одновременно учителя уделяют внимание развитию универсальных компетенций, таких как информационная грамотность и креативность, предлагая задания по сбору и обработке информации, а также творческие задачи (например, математическое сочинительство), которые стимулируют воображение и инновационное мышление.

В-третьих, дизайн полезности направлен на развитие учебных стратегий через создание условий для обучения, проверки, исправления ошибок и самооценки. Учителя используют задания на составление ментальных карт для систематизации знаний и развития когнитивных стратегий, применяют предварительные напоминания и последующий разбор для формирования навыков самоконтроля, а также вводят самооценку (например, по пятизвездочной шкале), способствуя развитию саморегуляции и осознанию собственных познавательных процессов.

Наконец, эмоциональный аспект дизайна полезности включает развитие интереса к предмету и формирование опыта успеха. Задания, связанные с жизненными ситуациями учащихся, демонстрируют практическую значимость дисциплин и повышают интерес к обучению. Задания, соответствующие уровню возможностей учащихся, создают ситуацию успеха, повышают самооэффективность и удовлетворяют потребность в компетентности согласно теории самодетерминации Деси и Райана, усиливая внутреннюю мотивацию.

В ходе текстового анализа мы обнаружили, что учителя начальных школ после определения того, какие возможности для развития учащихся должно предоставлять задание, всегда сочетают содержание обучения и учебную ситуацию для реализации этих возможностей, то есть проектируют удобство, которое конкретно проявляется в двух аспектах: дизайн заданий и процессе реализации, включающем 7 подкатегорий (см. таблицу 2).

Таблица 2. Подкатегории осевого кодирования «Дизайн удобства домашних заданий для повышения осуществимости»

Измерение	Название свободного узла
Дизайн удобства для повышения осуществимости	Объяснимость задания
	Уместность задания
	Структурированность задания
	Открытость задания
	Четкость цели задания
	Поддержка процесса выполнения задания
	Поддержка в исправлении ошибок после задания

Дизайн удобства задания как такового учителем конкретно проявляется в объяснительности, структурированности, уместности и открытости. Объяснительность здесь означает соответствие цели и содержания задания. Поскольку это содержание согласуется с измерением «объяснительность» в концепции дизайна заданий Ван Юэфэнь,

в данной статье используется этот термин. Учителя определяют цель задания на основе конкретных учебных целей и разрабатывают задания вокруг этих целей, чтобы повысить объяснительность. Структурный дизайн предназначен для систематической организации заданий разного уровня для достижения целей различных иерархий. Например, учителя могут комбинировать несколько заданий по одному разделу от простого к сложному, что повышает вероятность достижения целей задания в когнитивной области и соответствует современным требованиям системности при проектировании заданий на раздел [12]. Уместность проявляется в корректировке учителем сложности задания в соответствии с различиями в уровне подготовки и скорости выполнения у учащихся, например, через дифференциацию заданий, увеличение их открытости или вариантов выбора. Дизайн открытости это проектирование заданий с целью развития высших когнитивных способностей, таких как инновационное мышление, основным проявлением которого является неединственность ответа. Учителя считают, что открытые упражнения могут стимулировать дивергентное мышление учащихся. Только при активном мышлении учащихся можно стимулировать углубленное развитие их инновационного мышления. Например, при изучении «умножения десятичных дробей» один учитель разработал такую открытую задачу: «Исходя из положения десятичного знака в произведении, поставьте десятичную запятую в множителях: (1) $724 \times 303 = 219.372$; (2) $215 \times 12 = 0.258$ ». Такая постановка задачи с несколькими десятичными знаками допускает множество возможностей, что способствует развитию воображения учащихся и позволяет дать множество различных решений.

Дизайн удобства процесса выполнения задания учителем направлен на обеспечение его плавной и эффективной реализации учащимися. Он проявляется в чётком обозначении цели задания, поддержке в процессе выполнения и помощи в исправлении ошибок после завершения работы. Ясная формулировка цели позволяет учащимся понимать направление действий и выполнять задание осознанно и целенаправленно. Поддержка в процессе выполнения предполагает предоставление необходимой помощи с учётом требований задания и индивидуальных особенностей учащихся, включая стратегические рекомендации, пояснение фоновых знаний и предоставление источников информации, что способствует успешному выполнению работы. После выполнения задания учителя часто используют конструктивные комментарии и наводящие вопросы, например: «Найди формулу связи между величинами», «Правильный ли порядок действий?», «Внимательно прочитай условие», «Проверь ещё раз», «Есть ли другой способ решения?». Такая обратная связь помогает учащимся осознать свои недостатки, целенаправленно исправлять ошибки и определять направления дальнейшего совершенствования.

Таблица 3. Подкатегории осевого кодирования «Дизайн привлекательности домашних заданий для усиления внутренней мотивации»

Измерение		Название свободного узла	Концептуальное описание
Дизайн привлекательности домашних заданий для усиления внутренней мотивации	Задание	Возможность для самостоятельности	Предоставление учащимся инициативы в выборе и распоряжении временем выполнения задания
		Релевантность	Близость к реальной жизни учащихся
		Интересность	Новизна, занимательность, способность вызывать любопытство учащихся
		Разнообразие	Многообразие форм заданий
	Оценка задания	Множественность субъектов оценки	Оценщиками выступают родители, сам ученик, другие ученики, а также учитель
		Разнообразие способов оценки	Сочетание количественных и качественных методов оценки заданий
		Возможность многократной оценки	Предоставление учащимся в процессе оценки нескольких возможностей для улучшения работы
	Обратная связь по заданию	Усиление предваряющей обратной связи	Предоставление информации о том, как улучшить работу и куда направлять усилия
		Инновационные формы обратной связи	Выход за рамки обычных методов проверки и разбора

В целом, удобство это корректировка дизайна, основанная на конкретных условиях и ситуации учащихся, чтобы обеспечить реализацию полезности домашних заданий.

Дизайн привлекательности осуществляется для стимулирования мотивации учащихся к выполнению домашних заданий и повышения их вовлеченности, что также является наиболее важной темой для учителей в анализируемых текстах. Конкретно, дизайн привлекательности охватывает регулирование трех областей (задание, оценка и обратная связь) по 9 подкатегориям (см. таблицу 3).

Анализ педагогических практик показывает, что при разработке заданий учителя стремятся стимулировать мотивацию учащихся через расширение самостоятельности, повышение релевантности, интереса и разнообразия задач. Расширение самостоятельности проявляется в предоставлении ученикам права самоконтроля, выбора и даже самостоятельного проектирования заданий, что способствует формированию инициативы и повышению интереса к обучению. Повышение релевантности достигается через связь заданий с жизненным опытом учащихся, содержанием уроков и другими учебными дисциплинами, что позволяет учащимся осознавать их практическую ценность и превращает выполнение заданий из формального процесса в осмысленную деятельность. Усиление интереса связано с инновациями в форме заданий, включая использование творческих и интерактивных форм, таких как игровые задания, мини-исследовательские проекты, ведение дневников, создание текстов для социальных сетей и другие практико-ориентированные виды деятельности. Кроме того, учителя расширяют разнообразие заданий, включая выразительное чтение, художественную деятельность, инсценировки и различные формы сотрудничества между учащимися, родителями и одноклассниками.

В сфере оценки заданий учителя стремятся повысить учебную мотивацию через многообразие субъектов и методов оценивания, а также возможность повторной оценки результатов. Учитель перестает быть единственным оценщиком, привлекая к оценке самих учащихся, их одноклассников и родителей, что способствует формированию ответственности и рефлексии. Наряду с количественной оценкой применяются качественные формы поощрения, такие как презентации результатов, выставки работ и конкурсы, позволяющие учащимся демонстрировать достижения и переживать ситуацию успеха. Важным элементом выступает возможность исправления ошибок и повторного выполнения заданий до достижения правильного результата, что усиливает диагностическую функцию оценки и способствует постепенному совершенствованию учебных результатов. В целом дизайн домашних заданий в начальной школе включает три ключевых аспекта – полезность, удобство и привлекательность: задания направлены на когнитивное и эмоциональное развитие учащихся, учитывают реальные условия их выполнения и создают условия для повышения учебной мотивации.

Факторы, влияющие на дизайн домашних заданий учителей начальной школы

Согласно текстовому анализу, основными факторами, влияющими на дизайн домашних заданий учителями начальной школы, являются учебные стандарты, характеристики учащихся и рефлексия практики выполнения заданий. Тематическая классификация представлена в таблице 4.

Таблица 4. Тематическая классификация факторов, влияющих на дизайн домашних заданий

Фактор влияния	Название свободного узла
Учебные стандарты	Разработка многоуровневых целей заданий на основе учебных стандартов
	Дизайн заданий с учетом различий между учащимися
	Обогащение форм заданий на основе учебных стандартов
	Повышение интереса заданий на основе учебных стандартов
Характеристики учащихся	Дифференциация заданий по уровням на основе различий между учащимися
	Повышение интереса с учетом психологических особенностей учащихся
	Недостаточная целенаправленность – необходимо четко определять цели
Рефлексия практики	Недостаточная мотивация учащихся – необходимо повышать привлекательность заданий

Результаты анализа текстов и кодирования показывают, что требования учебных стандартов к целям, содержанию, формам и оценке учебных заданий служат важным ориентиром для учителей началь-

ной школы при проектировании домашних заданий. Стандарты задают многоуровневую структуру целей в двух измерениях знания и когнитивные процессы. Опираясь на положения о развитии у учащихся способности ставить вопросы, анализировать проблемы и применять знания для решения практических задач, учителя ориентируют задания не только на усвоение знаний и формирование навыков, но и на развитие способностей и творческого мышления. Учитывая требования к активной, исследовательской и кооперативной деятельности, они разрабатывают задания различного уровня сложности и расширяют разнообразие форм упражнений. Кроме того, стандарты регулируют формы и типы заданий: дифференцированный подход основывается на принципе учета индивидуальных различий учащихся, задания повышенной мотивации связываются с жизненными ситуациями, а разнообразие форм соответствует установке на многообразие учебной деятельности.

Важным основанием корректировки дизайна заданий является также глубокое понимание учителями возрастных и индивидуальных особенностей младших школьников. Учитывая различия в уровне подготовки и когнитивных возможностях учащихся, учителя применяют дифференцированный подход, поскольку единообразные задания не способны удовлетворить потребности индивидуализированного обучения: сильные учащиеся теряют интерес к слишком простым заданиям, а слабоуспевающие испытывают трудности при их выполнении. Кроме того, поскольку младшие школьники эмоционально восприимчивы и обладают недостаточно развитым самоконтролем, учителя стремятся повышать интерес к заданиям, делая их гибкими, разнообразными и наглядными. Одновременно они разъясняют учащимся цели заданий и направляют процесс их выполнения, способствуя формированию учебных стратегий и осознанного отношения к обучению.

Помимо этого, учителя корректируют дизайн заданий на основе рефлексии проблем, возникающих в практике их выполнения. Анализируя такие явления, как небрежное выполнение заданий, пассивное отношение к домашней работе, отсутствие исправления ошибок и низкая учебная мотивация, они приходят к выводу, что данные проблемы во многом обусловлены недостатками заданий с точки зрения их релевантности, интереса и индивидуализации.

Концептуальная структура дизайна домашних заданий учителей начальной школы

На основе анализа исходных текстов и кодирования по различным измерениям и категориям выше была нарисована целостная концептуальная структура дизайна домашних заданий учителями начальной школы (см. рисунок 1). В следующей части, сочетая текстовые материалы и соответствующую литературу, поясняются структурные элементы и внутренняя логика данной модели дизайна.

Рис. 1. Концептуальная структурная схема дизайна заданий учителями начальной школы

Как видно из Рисунка 1, в практическом знании учителей о заданиях, дизайн заданий представляет собой планирование и организацию задачи и процесса выполнения на основе конкретных целей, конкретно включая три аспекта дизайна: полезность, удобство и привлекательность, образуя трехмерную структуру. Среди них полезность является логической отправной точкой дизайна, решающей предпосылочный вопрос о наличии/отсутствии пользы. Дизайн удобства отражает практические навыки и мудрость учителя и является ядром дизайна задания, его цель — соответствовать способностям учащихся, сделать задание выполнимым. Дизайн привлекательности является гарантией реализации полезности задания, направлен на удовлетворение эмоциональных потребностей учащихся, чтобы они хотели его выполнять. Дизайн удобства и дизайн привлекательности, соответственно, пре-

доставляют средовую и мотивационную поддержку для реализации образовательной ценности задания.

Основываясь на собственном знании об учащихся, учитель осуществляет дизайн удобства, позволяющий учащимся справляться с заданием во время выполнения и улучшать его после выполнения, обеспечивая реализуемость плана задания. Учет в дизайне удобства общих и индивидуальных характеристик младших школьников демонстрирует ограничивающее влияние характеристик учащихся на реализацию полезности заданий; в свою очередь, дизайн удобства, адаптированный к характеристикам учащихся, удовлетворяет их общие и индивидуальные потребности. Дизайн удобства уделяет внимание активности учащихся.

Рефлексия учителя над поведением и отношением учащихся к выполнению заданий привлекает внимание учителя к стимулированию внутренней мотивации и приводит к большому количеству дизайнерских решений, направленных на повышение привлекательности. Логика усиления желания выполнить задачу через стимулирование внутренней мотивации соответствует объяснениям теории обучения. Согласно теории обучения, мотивация, эмоции, отношение и воля, которые учащиеся вкладывают в учебную ситуацию и процесс, создают движущую силу обучения [13]. Хотя сила внутренней мотивации не влияет на содержание самого знания, она влияет на результаты обучения и является внутренним жизненным ресурсом для роста и развития учащихся.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить целостную концептуальную структуру дизайна домашних заданий учителями начальной школы, основанную на трёх взаимосвязанных измерениях: полезности, удобстве и привлекательности. Полезность определяет образовательную ценность задания и его направленность на когнитивное и эмоциональное развитие учащихся; удобство обеспечивает реализуемость задания с учётом учебной ситуации и индивидуальных особенностей детей; привлекательность стимулирует внутреннюю мотивацию и поддерживает устойчивую вовлечённость в учебную деятельность. Взаимодействие этих измерений формирует логическую цепь «повышение качества — сокращение нагрузки — повышение эффективности», что придаёт модели особую значимость в контексте политики «двойного сокращения». Полученные результаты не только обобщают практическую мудрость учителей, но и предлагают теоретически обоснованный инструмент для совершенствования подготовки педагогов, развития культуры педагогической рефлексии и продвижения системной оптимизации домашних заданий в начальной школе.

Литература

1. Ян Лулянь. Исследование дизайна домашних заданий по математике в начальной школе на основе таксономии образовательных целей Блума: дис. ... магистра пед. наук / Юньнаньский педагогический университет. — Куньмин, 2020. — 58 с.
2. Ван Юэфэнь. Исследование дизайна домашних заданий с курикулярной точки зрения: дис. ... д-ра пед. наук / Восточно-Китайский педагогический университет. — Шанхай, 2015. — 86 с.
3. Лю Чжао, Сунь Фэйфэй. Концепция и дизайн: ученические задания в контексте постмодернистского знания // Базовое образование. — 2010. — № 7. — С. 34–37.
4. Лю Шуай. Анализ путей проектирования эффективных домашних заданий по китайскому языку в начальной школе // Исследования в области образования и преподавания. — 2014. — № 12. — С. 116–119.
5. Юй Цзяхуань. Как повысить эффективность дизайна домашних заданий по математике в начальной школе // Научный гид. — 2019. — № 4. — С. 132–133.
6. Чэн Липин. Исследование оптимизации дифференцированного дизайна заданий с точки зрения учебной программы по китайскому языку // Журнал Китайского общества образования. — 2018. — № S1. — С. 181–184.
7. Ван Цзиннань. Исследование дифференцированного дизайна домашних заданий по математике для средних классов начальной школы // Новое руководство по учебной программе. — 2020. — № 35. — С. 18–19.
8. Сюй Минь. Исследование дизайна персонализированных домашних заданий по английскому языку в начальной школе // Китайский учитель. — 2018. — № 36. — С. 88.
9. Ван Жуюнь. Исследование сотрудничества семьи и школы в оптимизации дизайна домашних заданий по математике в начальной школе // Научный консалтинг: технологии и управление. — 2019. — № 8. — С. 133.

10. Лэй Лин. Новое мышление в дизайне домашних заданий от известных учителей. Математика. – Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2017. – 207 с.

11. Лэй Лин. Новое мышление в дизайне домашних заданий от известных учителей. Китайский язык. – Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2017. – 195 с.

12. Ли Сюэшу, Ху Цзюнь. Дизайн и рефлексия заданий и планов на основе крупных понятий (юнит-задания)// Учебная программа, учебники, методика преподавания. – 2021. – № 10. – С. 72–78.

13. Иллерис К. Как мы учимся: всеобъемлющая теория обучения / пер. с англ. Сунь Мэйлу. – Пекин: Наука и образование, 2010. – С. 87, 101.

A STUDY ON THE CHARACTERISTICS OF HIGH-QUALITY HOMEWORK DESIGN IN PRIMARY SCHOOLS PRIOR TO THE “DOUBLE REDUCTION” POLICY: A GROUNDED THEORY APPROACH

Zhang Li, Chen Chuan
Xinjiang Normal University

This article examines the characteristics of high-quality homework design in primary schools in the context of educational reform and the “Double Reduction” policy. The aim of the study is to identify the structural elements and factors that determine effective homework design and to construct a conceptual model integrating pedagogical practice and theoretical analysis. The study adopts a qualitative approach based on grounded theory, using texts produced by practicing teachers that reflect their experience in homework design as empirical data. The findings reveal a “three-dimensional structure” of high-quality homework design, consisting of the dimensions of usefulness, feasibility, and attractiveness, which support students’ cognitive and emotional development, ensure the practicality of assignments, and enhance learning motivation. The results indicate that homework design is significantly influenced by curriculum standards, student characteristics, and reflective teaching practices. The study refines the theoretical foundations of homework design and provides scientifically grounded guidelines for improving its quality and effectiveness.

Keywords: Homework Design, Primary School, Educational Reform, Learning Motivation, Quality of Education.

References

1. Yang Lulian. A Study on the Design of Primary School Mathematics Homework Based on Bloom’s Taxonomy of Educational Objectives: Master of Science (Pedagogical Sciences) Dissertation / Yunnan Normal University. Kunming, 2020. 58 p.
2. Wang Yuefen. A Study on the Design of Homework from a Curricular Perspective: Doctor of Science (Pedagogical Sciences) Dissertation / East China Normal University. Shanghai, 2015. 86 p.
3. Liu Zhao, Sun Feifei. Concept and Design: Student Assignments in the Context of Postmodern Knowledge// Basic Education. – 2010. – No. 7. – Pp. 34–37.
4. Liu Shuai. Analysis of Design Paths of Effective Chinese Language Homework in Primary School // Research in Education and Teaching. – 2014. – No. 12. – P. 116–119.
5. Yu Jiahuan. How to Improve the Effectiveness of Mathematics Homework Design in Primary School // Scientific Guide. – 2019. – No. 4. – P. 132–133.
6. Cheng Liping. A Study on Optimizing Differentiated Assignment Design from the Perspective of Chinese Language Curriculum // Journal of the Chinese Society of Education. – 2018. – No. S1. – P. 181–184.
7. Wang Jingnan. A Study on Differentiated Homework Design in Mathematics for Middle Grades of Primary School // New Curriculum Guide. – 2020. – No. 35. – P. 18–19.
8. Xu Min. A Study on the Design of Personalized English Homework in Primary School // Chinese Teacher. – 2018. – No. 36. – P. 88.
9. Wang Ruyun. A Study on Family-School Collaboration in Optimizing the Design of Mathematics Homework in Primary School // Scientific Consulting: Technology and Management. – 2019. – No. 8. – P. 133.
10. Lei Ling. New Thinking in Homework Design from Famous Teachers. Mathematics. – Shanghai: East China Normal University Press, 2017. – 207 p.
11. Lei Ling. New Thinking in Homework Design from Famous Teachers. Chinese. – Shanghai: East China Normal University Press, 2017. – 195 p.
12. Li Xueshu, Hu Jun. Design and reflection of assignments and plans based on large concepts (unit assignments) // Curriculum, textbooks, teaching methods. – 2021. – No. 10. – Pp. 72–78.
13. Illeris K. How we learn: a comprehensive theory of learning / trans. from English by Sun Meilu. – Beijing: Science and Education, 2010. – Pp. 87, 101.

Механизмы и технологии когнитивной войны США в эпоху постправды: сравнительный анализ опыта противодействия в Китае и России

Шаповалов Дмитрий Юрьевич,
студент магистратуры, РАНХиГС

В статье проводится комплексный анализ институциональных механизмов и технологических инструментов когнитивной войны, используемых Соединенными Штатами Америки для установления глобального доминирования в информационной сфере. На основе методологии доклада «Института Синьхуа «Колонизация сознания»» детально исследуются структурные компоненты пропагандистского аппарата США и применяемые методы информационно-психологического воздействия. Особое внимание уделено сравнительному анализу систем противодействия в Китайской Народной Республике, представляющей собой интегрированную модель правового, технологического и идеологического контроля, и Российской Федерации с целью формирования отечественной уникальной модели информационной безопасности, отвечающей текущим вызовам и угрозам. Выявлены структурные и функциональные различия в подходах к обеспечению цифрового суверенитета, определены перспективы развития национальных систем информационной безопасности в условиях глобального когнитивного противоборства против стран коллективного Запада. Статья представляет интерес для специалистов в области международных отношений, информационной безопасности, а также дипломатических работников.

Ключевые слова: когнитивная война, постправда, информационный суверенитет, пропаганда, кибербезопасность, «Великий китайский файрвол», медиарегулирование, колонизация сознания, информационно-психологические операции, цифровая грамотность, гибридные угрозы.

Актуальность исследования механизмов когнитивной войны в современном геополитическом контексте обусловлена стремительной трансформацией информационного пространства в ключевое поле стратегического противоборства. Глобальная цифровизация и развитие технологий искусственного интеллекта создали принципиально новые возможности для манипуляции общественным сознанием в масштабах, ранее недостижимых для каких-либо государств или организаций.

Феномен постправды, понимаемый как ситуация доминирования эмоционального восприятия над объективными фактами¹, эволюционировал из социально-психологического феномена в сложный инструмент целенаправленной колонизации сознания, требующий системного изучения и адекватного противодействия. Доклад «Института Синьхуа» «Колонизация сознания»² представляет уникальную систематизированную аналитику многолетней практики США по установлению когнитивного доминирования, демонстрируя историческую преемственность и технологическое совершенствование методов информационно-психологического воздействия, что делает его ценным источником для понимания современных вызовов информационной безопасности.

Институциональная архитектура американской системы когнитивного воздействия характеризуется сложной многоуровневой организацией и четкой функциональной специализацией различных компонентов.

«Белая пропаганда» реализуется через разветвленную сеть официальных и квазиофициальных структур, включая Государственный департамент США, Агентство США по глобальным медиа, курирующее такие известные ресурсы как «Голос Америки», «Радио Свобода», «Радио Свободная Европа», а также многочисленные программы культурного и образовательного обмена, среди которых программа «Фулбрайт»³ занимает особое место. Стратегической задачей этого направления является формирование привлекательного имиджа американской политической системы и образа жизни как универсального цивилизационного эталона, своеобразного «золотого стандарта» демократии и прогресса. Особенностью белой пропаганды является ее кажущаяся прозрачность и доступность, что создает иллюзию объективности распространяемой информации, при этом тщательно отобранный и дозированный контент формирует заданные нарративы и ценностные ориентации.

«Серая пропаганда» функционирует через сложную сеть неправительственных организаций (НПО), аналитических центров и медиаструктур, формально независимых от правительства США, но фактически финансируемых через систему грантов и целевых ассигнований Конгресса. Национальный фонд за демократию (NED)⁴, являющийся центральным звеном этой системы, координирует деятельность множества дочерних организаций, включая Международный республиканский институт, Национальный демократический институт, Центр международного частного предпринимательства и Американский центр международной трудовой солидарности, осуществляющих финансирование зарубежных СМИ, политических движений и общественных организаций. Технологии серой пропаганды включают создание искусственного общественного запроса, формирование протестных настроений через обучение активистов и подготовку политических кадров, лояльных американским интересам, при этом сохраняется возможность официального отрицания причастности правительства США

¹ Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184–192. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.14.

² Colonization of the Mind—The Means, Roots, and Global Perils of U.S. Cognitive Warfare [Колонизация сознания: средства, корни и глобальные риски когнитивной войны США] / ed. by Fu Hua; Xinhua Institute. — Beijing, 2025. — 36 p.

³ Fulbright Program: официальный сайт программы академических обменов // Управление образовательных и культурных программ Государственного департамента США. URL: <https://www.fulbrightprogram.org/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ Национальный фонд в поддержку демократии (National Endowment for Democracy, NED): официальный сайт. URL: <https://www.ned.org/> (дата обращения: 01.10.2025).

к проводимым операциям. Примечательно, что не смотря на проводимую Министерством юстиций работу в отношении иностранных НПО¹, многие из них продолжают успешно функционировать на территории Российской Федерации и стран СНГ.

«Черная пропаганда» представляет собой наиболее закрытый и эффективный инструмент когнитивной войны, реализуемый спецслужбами и военными ведомствами в условиях строгой секретности. Исторически сложившаяся система включает как традиционные методы работы с медиа, такие как операция «Mockingbird» Центрально-разведывательного управления (ЦРУ)² по установлению контроля над ключевыми СМИ через вербовку журналистов и редакторов, так и современные кибертехнологии, среди которых программа «PRISM» Агентства национальной безопасности США (АНБ)³ по тотальному мониторингу информационных потоков занимает особое место. Особенностью черной пропаганды является полное отрицание ее существования официальными лицами, что позволяет использовать методы, противоречащие международному праву и этическим нормам, включая кампании дезинформации, организацию кибератак и проведение сложных психологических операций, направленных на дестабилизацию политической обстановки в странах-мишенях.

Современные технологии когнитивной войны характеризуются глубокой интеграцией последних достижений нейронаук, искусственного интеллекта и анализа больших данных, что позволяет осуществлять точное целевое воздействие на различные группы населения. Стратегия «мирной эволюции»⁴, успешно апробированная в отношении Советского Союза, представляет собой долгосрочную программу системной трансформации общественного сознания через культурную инфильтрацию, образовательные программы и целенаправленное формирование прозападных элит.

Методика предполагает последовательную девальвацию традиционных ценностей и внедрение либеральных идеологических конструкций, при этом особое внимание уделяется работе с молодежью и интеллектуальной элитой, которые рассматриваются как агенты будущих изменений. Программы образовательных грантов, академических обменов и стажировок создают прочные связи между перспективными представителями других стран и американскими центрами влияния, обеспечивая долгосрочное воздействие на процессы принятия решений.

Технология «когнитивных клингов» основана на создании и продвижении сфальсифицированных информационных поводов, направленных на дестабилизацию целевых государств через разжигание внутренних конфликтов и провоцирование социальной напряженности. Классическим примером является операция по дискредитации иракского режима Саддама Хусейна, когда через координированную кампанию в ведущих американских СМИ был создан и растиражирован миф о наличии оружия массового уничтожения. Механизм включал поэтапное формирование общественного мнения: утечки сфальсифицированных разведанных, эмоциональные выступления официальных лиц, создание визуальных образов, подобных знаменитой пробирке с «сибирской язвой» Колина Пауэлла в ООН, что в совокупности создавало иллюзию достоверности предъявляемых обвинений.

Современные версии этой технологии используют возможности социальных сетей и алгоритмы распространения информации, позволяющие быстро создавать и продвигать нужные нарративы среди целевых аудиторий.

Стратегия подрыва духовной независимости реализуется через систему целенаправленного культивирования проамериканских элит в других странах, создавая устойчивые сети влияния, пронизывающие различные сферы общества. Длительное психологическое воздействие и специальные образовательные программы формируют у представителей правящих классов развивающихся стран феномен «культурной зависимости», характеризующийся некритическим восприятием американских ценностей и политических подходов. Эти группы становятся проводниками американского влияния, обеспечивая ре-

¹ Перечень документов Министерства юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 01.04.2025).

² Операция «Пересмешник»: секретная программа ЦРУ по работе со СМИ // Фонд стратегической культуры (Fondsk.ru). 2019. 15 августа. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/08/15/operacia-peresmeshnik.html> (дата обращения: 01.04.2025).

³ PRISM (программа разведки) [Электронный ресурс] // Рувики. – Электрон. дан. – [Б.м.], 2025. – URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/PRISM_\(программа_разведки\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/PRISM_(программа_разведки)) (дата обращения: 24.12.2025).

⁴ Гасюк А. План Даллеса. Как tandem директора ЦРУ и госсекретаря США, борясь с СССР, по-братски продвигал интересы американских корпораций // Международная жизнь. 2013. 2 декабря. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10260> (дата обращения: 10.10.2025).

ализацию сценариев «цветных революций» и мягкой смены политических режимов, при этом их деятельность часто маскируется под демократическую оппозицию или гражданский активизм, что затрудняет идентификацию внешнего вмешательства.

Технология разрушения культурной идентичности основана на системном подавлении национальных культурных кодов через доминирование в глобальном информационном пространстве и образовательной сфере. Американские медиаконгломераты, включая The Walt Disney Company, Warner Bros. Discovery, Paramount Global, Comcast и другие, контролируют производство и распространение значительной части мирового культурного продукта, формируя унифицированные потребительские предпочтения и ценностные ориентации. В академической сфере доминирование западных, преимущественно американских, образовательных стандартов и научных парадигм приводит к «академической афазии» – утрате способности к самостоятельному концептуальному осмыслению реальности и выработке автономных путей развития. Исследования показывают⁵, что только 12% учебных программ ведущих университетов мира включают незападные системы знаний, что создает структурные предпосылки для культурной гегемонии.

На основании анализа материалов можно сделать следующий феномен постправды эволюционировал в комплексный инструмент целенаправленной когнитивной войны, ведущейся против России по исторически апробированным и технологически совершенствуемым схемам. Многоуровневая система воздействия, интегрирующая последние достижения нейронаук и технологий ИИ, нацелена на подрыв информационного суверенитета, духовных основ, культурной идентичности и формирование лояльных внешним интересам элит. Данная угроза носит стратегический и долгосрочный характер, требуя не ситуативных мер, а разработки комплексного механизма противодействия. Особое внимание необходимо уделить активной защите традиционных ценностей, обеспечению технологического паритета в информационной сфере, укреплению образовательного и культурного суверенитета, а также созданию систем мониторинга и нейтрализации манипулятивных кампаний. Без построения такой всеобъемлющей системы защиты уязвимость национальной безопасности будет оставаться критически высокой, несмотря на успехи в других областях.

Говоря о китайской системе противодействия когнитивным угрозам, она представляет собой уникальный пример целостной этической модели, основанной на принципе интегрального управления информационным пространством и последовательной реализации концепции киберсуверенитета. Правовая база включает комплекс взаимосвязанных нормативных актов, ключевыми среди которых являются Законы «О кибербезопасности», «Об управлении интернет-информационными услугами», «О защите персональных данных» и «О оценке безопасности»⁶, устанавливающих жесткие требования к интернет-платформам и возлагающих на них юридическую ответственность за распространяемый контент. Законодательство предусматривает систему оперативного удаления противоправной информации, механизмы идентификации пользователей и строгие санкции за нарушения, создавая надежные правовые барьеры для распространения деструктивного контента.

Технологическим фундаментом системы является «Великий китайский файрвол» («Great Ghina Firewall»⁷) – комплексная система фильтрации интернет-трафика, обеспечивающая эффективный контроль над трансграничными информационными потоками и защиту национального киберпространства от внешнего деструктивного воздействия. Система функционирует на основе гибридной модели модерации, сочетающей искусственный интеллект для автоматического анализа контента и распределенную сеть цензорских бригад для ручной проверки, что позволяет осуществлять мониторинг информационного пространства в режиме реального времени и оперативно нейтрализовать потенциально опасные материалы. Особенностью китайского подхода является опережающее развитие национальных IT-технологий, позволяющих создавать конкурентоспособные альтер-

⁵ Cambridge University Press [Издательство Кембриджского университета]: официальный сайт. URL: <https://www.cambridge.org/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁶ Федоров А.П. Об опыте Китая по противодействию манипуляционным технологиям в социальных сетях Интернета // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. С. 179–188. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 24.12.2025).

⁷ Федоров А.П. Об опыте Китая по противодействию манипуляционным технологиям в социальных сетях Интернета // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. С. 179–188. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 24.12.2025).

нативы западным цифровым платформам, что наглядно демонстрируют успехи компаний Baidu, Alibaba, Tencent, Huawei и других технологических гигантов, доминирующих на внутреннем рынке и успешно конкурирующих на международной арене.

Идеологический компонент системы реализуется через стратегию доминирования государственных СМИ и целенаправленной поддержки патриотически настроенных блогеров, формирующих единый интерпретационный контекст для всех значимых событий. Ключевой особенностью является стратегия активного информационного замещения, когда деструктивный контент не просто блокируется, но заменяется позитивной повесткой, формирующей «правильное» восприятие реальности через пропаганду традиционных ценностей, исторических достижений и успехов современного развития. Система социального рейтинга дополнительно усиливает эффективность контроля, создавая механизмы мотивации для соблюдения установленных норм поведения в информационном пространстве и формируя устойчивые модели социально одобряемого поведения¹.

Российская система обеспечения информационной безопасности демонстрирует уникальный гибридный подход, сочетающий элементы жесткого регулирования с сохранением определенной степени информационного плюрализма. Согласно исследованию, процитированному в статье «Известий»², количество стран, обладающих полноценным цифровым суверенитетом, даже меньше числа государств, имеющих ядерное оружие. Россия входит в эту исключительную группу, что подчеркивает сложность и стратегическую важность достигнутых результатов в области информационной безопасности. Данное обстоятельство было подчеркнуто Президентом Российской Федерации на пресс-конференции по итогам года³. Примечательно, В.В. Путин отметил всего три страны, достигших данного показателя – Россия, Китай, США.

Отечественная правовая база включает более 50 нормативных актов, среди которых ключевыми являются законы от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ («О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также система лицензирования иностранных ИТ-компаний. Реализация данных законов позволила создать национальную систему маршрутизации интернет-трафика, которая успешно прошла испытания в условиях повышенной нагрузки. По данным Минцифры, в 2023 году российский сегмент интернета продемонстрировал возросшую устойчивость к внешним воздействиям, а доля отечественного оборудования в сетевой инфраструктуре превысила 85%⁴.

Технологическая инфраструктура включает развертывание государственной информационной системы (ГИС), объединяющей более 200 государственных информационных ресурсов. С 2022 года в эксплуатацию введено 35 новых центров обработки данных, а емкость национальной системы хранения данных увеличена на 40%. Особое внимание уделяется развитию отечественных ИТ-решений: доля российского программного обеспечения в госсекторе достигла 85%, а в критической информационной инфраструктуре – 95%. Практика применения ограничительных мер показала высокую эффективность. Согласно статистике Роскомнадзора⁵, в 2023–2024 годах было заблокировано более 600 тыс. интернет-ресурсов, распространявших запрещенный контент. При этом введение ограничений для мессенджеров WhatsApp и Telegram позволило снизить количество успешных мошен-

нических операций на 25%, а фишинговых атак – на 30%. Зафиксировано сокращение ущерба от кибермошенничества на 15 млрд рублей по сравнению с предыдущим периодом (рис. 1).

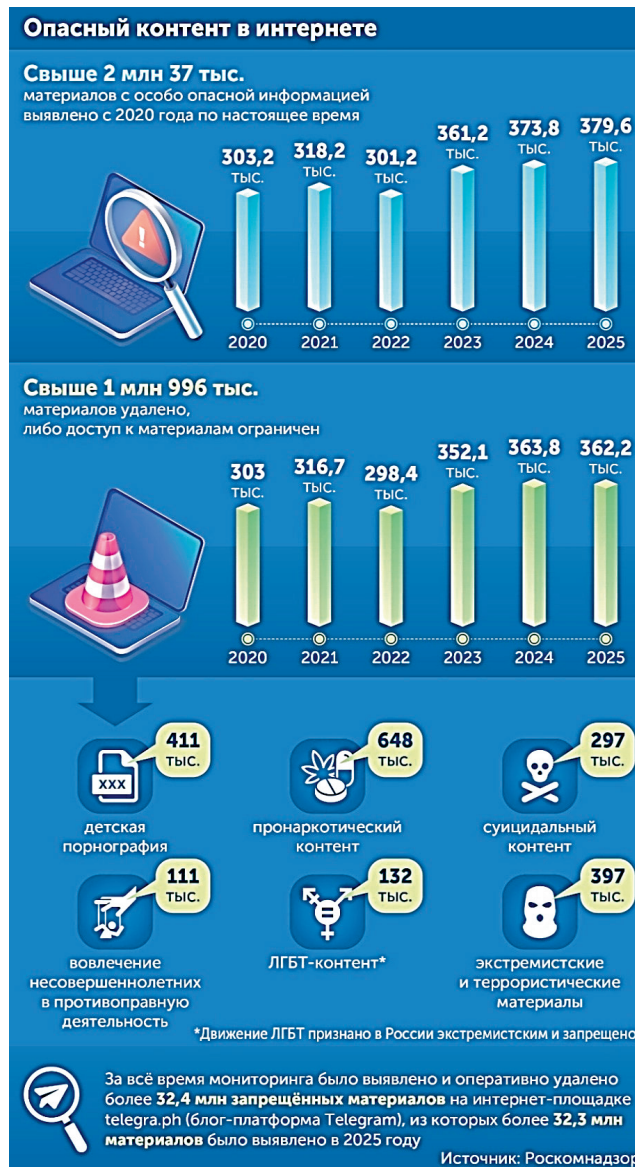

Рис. 1. Статистика опасного контента в интернете

Развитие отечественных цифровых платформ демонстрирует устойчивый рост: аудитория социальной сети «ВКонтакте» (VK) превысила 70 млн активных пользователей в месяц, а экосистема Сбер обслуживает более 100 млн клиентов. Доля российского ПО на внутреннем рынке выросла с 35% в 2021 году до 65% в 2024 году. Инвестиции в отечественные ИТ-решения за последние три года превысили 2 трлн рублей.

В отличие от китайской модели, российская система действует через выборочные блокировки и адресные ограничения, что соответствует ее гибриднему характеру. При этом, как отмечают эксперты, Россия сохраняет возможность полноценного функционирования интернета даже в случае полного отключения от глобальной инфраструктуры, что подтвердили успешные испытания устойчивости российского сегмента глобальной сети в последние годы.

Проведенный анализ позволяет выделить две принципиально различные модели противодействия когнитивным угрозам, сложившиеся в современных международных отношениях. Китайская модель представляет собой завершённую систему тотального контроля, где приоритет национальной безопасности безусловно доминирует над индивидуальными свободами, а государство осуществляет всеобъемлющее управление информационным пространством через интеграцию правовых, технологических и идеологических инструментов. Российская модель демонстрирует гибридный характер, сочетающий элементы жесткого регулирования с сохранением определенной степени информационного плюрализма, при этом практика применения ограничительных мер показывает их эффективность в про-

¹ Паклина Е.А. Публичная сфера под контролем: современный опыт регулирования интернет-журналистики в КНР // Век информации. 2018. Т. 2. № 2. С. 138–140.

² Медведева Д. Страны с цифровым суверенитетом меньше, чем стран с ядерным оружием // Известия. 2024. 20 мая. URL: <https://iz.ru/1943288/izvestia/stran-s-cifrovym-suverenitetom-mense-cem-stran-s-adernym-oruziem> (дата обращения: 10.10.2025).

³ Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – 2025. – 19 декабря. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78815> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴ Иванов И.И. Российская телеком-отрасль переходит к полному импортозамещению оборудования // Российская газета. 2025. 18 декабря. URL: <https://rg.ru/2025/12/18/rossijskaia-telekom-otrasl-perehodit-k-polnomu-importozameshcheniu-oborudovaniia.html> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵ Иванов И. И. РКН: ограничения по WhatsApp и Telegram в России сократили вызовы мошенников // Новый Калининград. 2025. 18 декабря. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24139676-rkn-ogranicheniya-po-whatsapp-i-telegram-v-rossii-sokratili-vyzovy-moshennikov.html> (дата обращения: 24.12.2025).

тивоедействию широкому спектру угроз, включая киберпреступность и информационно-психологические операции, что подтверждается статистикой снижения противоправной деятельности в регулируемом цифровом пространстве.

Перспективы развития национальных систем информационной безопасности будут определяться способностью адекватно реагировать на стремительно эволюционирующие вызовы когнитивной войны, сочетая технологические инновации с развитием правового регулирования и формированием устойчивого общественного сознания через системы образования и патриотического воспитания. Ключевыми направлениями развития являются создание суверенных IT-экосистем, развитие технологий искусственного интеллекта для анализа информационных потоков и идентификации деструктивного контента, а также укрепление международного сотрудничества в области противодействия информационным угрозам на основе уважения национального цифрового суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

Таким образом, в основе китайского подхода лежит концепция «цифрового суверенитета», реализуемая через сочетание жестких технических барьеров, многоуровневого законодательства и активного управления общественным мнением. Ключевым элементом здесь является система «Золотой щит», обеспечивающая фильтрацию внешнего трафика и блокировку нежелательных ресурсов по ключевым словам и IP-адресам.

Применимость этой модели для России в текущих условиях высока, однако она не может быть скопирована полностью из-за технических различий. Если китайский интернет изначально строился как закрытая система с ограниченным количеством точек доступа во внешний мир, то российский сегмент (Рунет) исторически интегрирован в глобальную сеть. Поэтому вместо создания единого «файрвола» Россия внедряет систему «суверенного интернета» через использование ТСПУ (технических средств противодействия угрозам), основанных на технологии Deep Packet Inspection (DPI)¹. Это позволяет точно блокировать или замедлять ресурсы (например, YouTube или зарубежные соцсети), не нарушая работу всей сети.

Помимо технических мер, Россия активно перенимает китайский опыт в области «контролируемой публичной сферы». Это включает в себя обязательное лицензирование новостных агрегаторов, ужесточение ответственности за распространение фейков и развитие собственных платформ (VK, Rutube, Telegram) для импортозамещения западных сервисов. Организационный опыт КНР – от создания специализированных киберподразделений до использования проправительственных лидеров мнений – уже стал важной частью российской стратегии информационной безопасности. Таким образом, хотя Россия идет по пути «мягкой китаизации» интернета, конечная цель остается аналогичной: создание подконтрольного цифрового пространства, защищенного от внешнего идеологического и технологического влияния.

Результаты исследования свидетельствуют о формировании сложной многомерной системы когнитивного противоборства в современном мире, где достижение информационного суверенитета становится критическим императивом национальной безопасности, а разработка эффективных механизмов защиты от целенаправленного информационно-психологического воздействия приобретает стратегическое значение для любого суверенного государства.

Опыт Китая и России демонстрирует различные пути решения этой задачи, отражающие специфику их политических систем и культурно-исторических традиций, при этом оба подхода заслуживают внимательного изучения и адаптации с учетом национальных особенностей других государств, сталкивающихся с аналогичными вызовами в условиях глобальной цифровой трансформации.

Литература

1. Cambridge University Press [Издательство Кембриджского университета]: официальный сайт. URL: <https://www.cambridge.org/> (дата обращения: 24.12.2025).
2. Colonization of the Mind – The Means, Roots, and Global Perils of U.S. Cognitive Warfare [Колонизация сознания: средства, корни и глобальные риски когнитивной войны США] / под ред. Фу Хуа; Xinhua Institute. – Пекин, 2025. – 36 с.
3. Fulbright Program: официальный сайт программы академических обменов // Управление образовательных и культурных программ Государственного департамента США. URL: <https://www.fulbright-program.org/> (дата обращения: 24.12.2025).

¹ Суверенный интернет в России: суть закона и последствия // РБК Тренды. 2022. 28 февраля. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/609a52329a79471fba0f0837> (дата обращения: 24.12.2025).

4. Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184–192. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.14.

5. Гасюк А. План Даллесов. Как тандем директора ЦРУ и госсекретаря США, борясь с СССР, по-братски продвигал интересы американских корпораций // Международная жизнь. 2013. 2 декабря. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10260> (дата обращения: 24.12.2025).

6. Кошкин П.Г. Американская журналистика и постправда / П.Г. Кошкин. – Москва: Весь Мир, 2023. – 216 с. – ISBN 978-5-7777-0893-7.

7. Кравченко Л. И., Ткачёва А.А. Публичная сфера под контролем: современный опыт регулирования интернет-журналистики в КНР // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 5. С. 124–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnaya-sferapod-kontrolom-sovremennyy-opyt-regulirovaniya-internet-zhurnalistiki-v-kr/> (дата обращения: 24.12.2025).

8. Лу Цзиньхуэй, Чжан Сяоминь. Об опыте Китая по противодействию манипуляционным технологиям в социальных сетях интернета // Политология. 2023. № 2. С. 158–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-opyte-kitaya-po-protivodeystviyu-manipulyatsionnym-tehnologiyam-v-sotsialnyh-setyah-interneta/viewer> (дата обращения: 24.12.2025).

9. Медведева Д. Страны с цифровым суверенитетом меньше, чем стран с ядерным оружием // Известия. 2024. 20 мая. URL: <https://iz.ru/1943288/izvestia/stran-s-cifrovym-suverenitetom-mense-cem-stran-s-adernym-oruziem> (дата обращения: 24.12.2025).

10. Национальный фонд в поддержку демократии (National Endowment for Democracy, NED): официальный сайт. URL: <https://www.ned.org/> (дата обращения: 24.12.2025).

11. Неренц Д.В. Процессы фейковизации в информационном пространстве США // США & Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 3. С. 114–126. URL: <https://usacanada.jes.su/s2686673024030081-3-789/> (дата обращения: 24.12.2025).

12. Операция «Пересмешник»: секретная программа ЦРУ по работе со СМИ // Фонд стратегической культуры (Fondsk.ru). 2019. 15 августа. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/08/15/operacia-peresmeshnik.html> (дата обращения: 24.12.2025).

13. Перечень документов Министерства юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 24.12.2025).

14. «Политика постправды» и популизм: коллективная монография / под общ. ред. О.В. Поповой. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – 266 с. – ISBN 978-5-7567-1216-9.

15. PRISM (программа разведки) // Рувики – свободная энциклопедия. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/PRISM_\(программа_разведки\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/PRISM_(программа_разведки)) (дата обращения: 24.12.2025).

16. Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации // Сайт Президента России. 2025. 19 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78815> (дата обращения: 24.12.2025).

17. РКН: ограничения по WhatsApp и Telegram в России сократили вызовы мошенников // Новый Калининград. 2025. 18 декабря. URL: <https://www.newkalininingrad.ru/news/briefs/community/24139676-rkn-ogranicheniya-po-whatsapp-i-telegram-v-rossii-sokratili-vyzovy-moshennikov.html> (дата обращения: 24.12.2025).

18. Российская телеком-отрасль переходит к полному импортозамещению оборудования // Российская газета. 2025. 18 декабря. URL: <https://rg.ru/2025/12/18/rossijskaia-telekom-otrasl-perehodit-k-polnomu-importozameshcheniu-oborudovaniia.html> (дата обращения: 24.12.2025).

19. Фейк-новости в контексте современных информационных и когнитивных войн: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 15 ноября 2023 г.) / под общ. ред. А.В. Манько. – Москва: МГИМО-Университет, 2024. – 234 с. – ISBN 978-5-9228-2744-9.

MECHANISMS AND TECHNOLOGIES OF US COGNITIVE WARFARE IN THE POST-TRUTH ERA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF COUNTERMEASURES IN CHINA AND RUSSIA

Shapovalov D.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article provides a comprehensive analysis of the institutional mechanisms and technological tools of cognitive warfare used by the United States to establish global dominance in the information sphere. Based on the methodology of the Xinhua Institute's report "Colonization of Consciousness," this article examines in detail the structural components of the US propaganda apparatus and the methods of information and psychological influence it employs. Particular attention is paid to a comparative analysis of countermeasure systems

in the People's Republic of China, which represents an integrated model of legal, technological, and ideological control, and the Russian Federation, with the goal of developing a unique domestic information security model that meets current challenges and threats. Structural and functional differences in approaches to ensuring digital sovereignty are identified, and prospects for the development of national information security systems in the context of global cognitive warfare against the countries of the collective West are outlined. This article will be of interest to specialists in international relations, information security, and diplomatic personnel.

Keywords: cognitive warfare, post-truth, information sovereignty, propaganda, cybersecurity, Great Firewall of China, media regulation, colonization of consciousness, information-psychological operations, digital literacy, hybrid threats.

References

1. Cambridge University Press: official website. URL: <https://www.cambridge.org/> (date accessed: 24.12.2025).
2. Colonization of the Mind – The Means, Roots, and Global Perils of U.S. Cognitive Warfare / edited by Fu Hua; Xinhua Institute. – Beijing, 2025. – 36 p.
3. Fulbright Program: official website of the academic exchange program // Office of Educational and Cultural Affairs, U.S. Department of State. URL: <https://www.fulbright-program.org/> (date accessed: 24.12.2025).
4. Garbuznyak A. Yu. The Post-Truth Phenomenon: Devaluation of Fact in Media Discourse // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 1. Pp. 184–192. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.14.
5. Gasyuk, A. The Dulles Plan. How the Tandem of the CIA Director and the US Secretary of State, Fighting the USSR, Fraternaly Promoted the Interests of American Corporations // International Affairs. 2013. December 2. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10260> (accessed: December 24, 2025).
6. Koshkin, P.G. American Journalism and Post-Truth / P.G. Koshkin. Moscow: Ves' Mir, 2023. 216 p. ISBN 978-5-7777-0893-7.
7. Kravchenko L. I., Tkacheva A.A. Public Sphere Under Control: Current Experience of Regulating Online Journalism in China // Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2022. No. 5. Pp. 124–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-sfera-pod-kontrolem-sovremennyy-opyt-regulirovaniya-internet-zhurnalistiki-v-kr/viewer> (date of access: 24.12.2025).
8. Lu Jinhui, Zhang Xiaomin. On China's Experience in Countering Manipulation Technologies in Online Social Networks // Political Science. 2023. No. 2. Pp. 158–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-opyte-kitaya-po-protivodeystviyu-manipulyatsionnyh-tehnologiyam-v-sotsialnyh-setyah-interneta/viewer> (accessed: 24.12.2025).
9. Medvedeva D. There are fewer countries with digital sovereignty than countries with nuclear weapons // Izvestia. 2024. May 20. URL: <https://iz.ru/1943288/izvestia/strans-cifrovym-suverenitetom-mense-cem-stran-s-adernym-oruziem> (accessed: 24.12.2025).
10. National Endowment for Democracy (NED): official website. URL: <https://www.ned.org/> (accessed on 24.12.2025).
11. Nerents D.V. Fake News Processes in the US Information Space // USA & Canada: Economy, Politics, Culture. 2024. No. 3. Pp. 114–126. URL: <https://usacanada.jes.su/s2686673024030081-3-789/> (accessed on 24.12.2025).
12. Operation Mockingbird: The CIA's Secret Media Program // Strategic Culture Foundation (Fondsk.ru). 2019. August 15. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/08/15/operacia-peresmehnik.html> (accessed on 24.12.2025).
13. List of documents of the Ministry of Justice of the Russian Federation: official website. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (date of access: 24.12.2025).
14. "Post-truth politics" and populism: collective monograph / general editor O.V. Popova. – Moscow: Aspect Press, 2024. – 266 p. – ISBN 978-5-7567-1216-9.
15. PRISM (intelligence program) // Ruwiki – the free encyclopedia. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/PRISM_\(programma_razvedki\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/PRISM_(programma_razvedki)) (date of access: 24.12.2025).
16. Putin V.V. Address of the President of the Russian Federation // Website of the President of Russia. 2025. December 19. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78815> (accessed on 24.12.2025).
17. RKN: WhatsApp and Telegram restrictions in Russia have reduced scam calls // Novy Kaliningrad. 2025. December 18. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24139676-rkn-ogranicheniya-po-whatsapp-i-telegram-v-rossii-sokratilivyzovy-moshennikov.html> (accessed on 24.12.2025).
18. The Russian telecom industry is moving to full import substitution of equipment // Rossiyskaya Gazeta. 2025. December 18. URL: <https://rg.ru/2025/12/18/rossijskaia-telekom-otrasl-perehodit-k-polnomu-importozameshcheniiu-oborudovaniia.html> (accessed: 24.12.2025).
19. Fake news in the context of modern information and cognitive warfare: Proceedings of the international scientific and practical conference (Moscow, November 15, 2023) / edited by A.V. Man'ko. – Moscow: MGIMO-University, 2024. – 234 p. – ISBN 978-5-9228-2744-9.

Исследование приемлемости метафор в переводе китайско-русской внешнеполитической пропаганды

Ян Синьюй,

магистр, Северо-Восточный университет лесного хозяйства
E-mail: 1678352214@qq.com

В статье рассматривается проблема переводческой приемлемости метафор в китайско-русском переводе политического дискурса внешней пропаганды. Метафора анализируется как когнитивно и культурно обусловленный механизм, играющий важную роль в формировании политического смысла и прагматического воздействия. Исследование опирается на теорию концептуальной метафоры, функциональный подход к переводу и принципы прагматического анализа. На основе сопоставительного анализа китайских политических текстов и их русских переводов выявляются различия в культурных схемах и когнитивных моделях двух языков, влияющие на восприятие метафор целевой аудиторией. В работе систематизируются основные стратегии перевода метафор: дословный перевод, замена, отказ от образа и дополнение и определяются условия их эффективного применения. Делается вывод о необходимости баланса между сохранением дискурсивной специфики исходного текста и культурной адаптацией перевода для обеспечения коммуникативной эффективности.

Ключевые слова: Политический Дискурс, Внешнепропагандистский Перевод, Политическая Метафора, Переводческая Приемлемость, Стратегии Перевода.

Введение

В условиях углубляющейся глобализации и интенсификации международной коммуникации перевод политического дискурса приобретает особую значимость, становясь важным инструментом формирования национального образа и распространения государственных концепций на международной арене. Китайский политический дискурс внешней пропаганды, ориентированный на зарубежную аудиторию, характеризуется высокой степенью идеологичности, стратегичности и образности, в которой метафора занимает ключевое место как средство когнитивного осмысления политической реальности и прагматического воздействия на адресата. В последние годы в дипломатических выступлениях и официальных текстах Китая широко используются культурно маркированные метафоры, пословицы, идиомы и аллюзии, что существенно повышает выразительность дискурса, но одновременно усложняет процесс межкультурного перевода.

Китайско-русский перевод политических метафор сталкивается с рядом объективных трудностей, обусловленных различиями в культурных традициях, когнитивных моделях и коммуникативных нормах двух языков. Одна и та же метафора, обладая высокой символической и идеологической нагрузкой в исходном тексте, может оказаться непонятной, неестественной или прагматически неэффективной в языке перевода. В этом контексте особую актуальность приобретает проблема приемлемости перевода, то есть степени понимания и принятия переводного текста целевой аудиторией, от которой напрямую зависит эффективность внешнеполитической коммуникации.

Несмотря на активное развитие исследований в области перевода внешней пропаганды, вопрос переводческой приемлемости политических метафор в китайско-русском направлении до настоящего времени остается недостаточно систематизированным. Большинство существующих работ либо сосредоточено на лингвостилистическом анализе метафор, либо рассматривает переводческие приемы без учета прагматической реакции адресата. В связи с этим возникает необходимость комплексного исследования, объединяющего когнитивный, функциональный и прагматический подходы.

Цель данной статьи заключается в анализе особенностей перевода метафор китайского политического дискурса внешней пропаганды на русский язык с точки зрения их приемлемости для русскоязычной аудитории. В работе опираются на теорию концептуальной метафоры, функциональную теорию перевода и принципы прагматической коммуникации; на основе сопоставительного анализа языкового материала систематизируются основные стратегии перевода метафор: дословный перевод, замена, отказ от образа и дополнение и выявляются условия их эффективного применения. Полученные результаты направлены на расширение теоретических представлений о переводе политического дискурса и на выработку практических рекомендаций для повышения качества и эффективности китайско-русского перевода в сфере внешней пропаганды.

Теоретическая основа

Метафора не является лишь языковым стилистическим явлением, а относится к числу основных способов когнитивного процесса. Теория концептуальной метафоры (ТКМ), разработанная Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном (1980), утверждает, что метафора по своей сути представляет собой когнитивный механизм отображения опыта исходной домены на целевую домену, отражающий проективность и структурированность человеческого мышления. К типичным метафорам в политическом дискурсе относятся выражения вроде «Страна – это тысячи и тысячи семей» и «Новый путь развития» – такие абстрактные политические понятия, как правило, понимаются и распространяются через конкретные, знакомые схемы.

Теория концептуальной метафоры служит когнитивной основой для анализа структуры метафор в китайско-русском политическом дискурсе и помогает понять закономерности возникновения и понимания метафор в разных языковых и культурных контекстах [1]. Кроме того, исследования последних лет еще больше подчеркивают культурную обусловленность и контекстную чувствительность метафор, указывая, что их понимание зависит не только от языковых знаний,

но и от культурного Hintergrunda, ценностных ориентаций и социально-го опыта аудитории. Поэтому при межкультурном переводе переводчик должен глубоко постичь когнитивные модели и культурный контекст, стоящие за метафорой.

Данное исследование затрагивает международную коммуникацию политического дискурса и требует анализа на основе соответствующих рамок функциональной переводческой теории. Ядро теории функционального эквивалента Юджина Найды заключается в следующем: формулировки перевода должны быть плавными и естественными, содержание точно передавать смысл и духовное ядро оригинала, реакция читателей перевода совпадать с реакцией читателей оригинала; теория акцентирует плавность и естественность формулировок, точность передачи смысла, а также сходство реакции читателей, подчеркивая ориентацию на читателя [2]. Теория функционального эквивалента Найды подняла статус читателя перевода до беспрецедентного уровня. Лингвокультурные привычки, способности к пониманию и оценке текста, а также реакция читателя перевода стали объектом повышенного внимания. Хотя теория функционального эквивалента включает формальный и смысловой эквивалент, Найда считал, что при конфликте между ними и невозможности сохранить оба аспекта следует отказаться от формы в пользу содержания.

Немецкая функциональная переводческая теория возникла в 70–80-е годы XX века. Она отказалась от традиционных лингвистических методов перевода, таких как эквивалентность и трансформация, и выступает за анализ и изучение перевода с помощью функциональных и коммуникативных подходов. К её представителям относятся Катарина Райс (Katharina Reiss), Ханс Вермиэр (Hans Vermeer), Кристина Норд (Christine Nord) и Юста Хольц-Манттари (Justa Holz-Manttari). Функционалистское понимание перевода в основном включает теорию типов текстов Райса (text typology), скопос-теорию Вермиэра (Skopostheorie), теорию переводческого действия Манттари (translation action) теорию «функция плюс лояльность» Норд (function plus loyalty). Функциональные переводческие взгляды этих четырёх учёных объединенно называют скопос-теорией перевода (Skopotheorie). Причина того, что эта теория объединяет большое количество различных концепций, заключается в её ядровом положении: цель оправдывает средства (Ends justify means). Другими словами, переводческое действие является целенаправленной деятельностью, для достижения цели которой применяются соответствующие методы. Скопос-теория является наиболее важной концепцией среди функциональных переводческих теорий [3]. Цель перевода является чрезвычайно важным понятием в скопос-теории, и она имеет три интерпретации: цель переводчика, коммуникативная цель перевода и цель, которую преследуют при использовании определённых специальных переводческих средств.

Политики используют метафоры на публичных мероприятиях, надеясь их политическим смыслом благодаря уникальным функциям метафор они могут лучше реализовать свои политические цели (интенции). В процессе перевода внешнепропагандистских текстов политическим метафорам необходимо уделять повышенное внимание. Понять и передать в переводе политический смысл (интенцию), который политик стремится сообщить, является базовым требованием к переводчику [4]. Под политической эффективностью внешнепропагандистского текста понимают такой процесс перевода, при котором переводчик, на основе точного понимания интенции политика, максимально полно передаёт её посредством перевода. Вопрос о том, как эффективно воспроизвести политический смысл в переводе, может быть рассмотрен с точки зрения функциональной эквивалентности политических метафор.

Для достижения цели перевода необходимо выбирать специфические переводческие методы. Существуют два основных подхода к переводу: первый – максимально сохранить авторский стиль и смысл оригинала, направляя читателя к пониманию автора; второй – максимально адаптировать текст к читателю, направляя авторский смысл к восприятию читателя, то есть реализовывать стратегии «остранения» и адаптации. Согласно этому определению, остранение примерно соответствует дословному переводу, а адаптация смысловому. Скопос-теория далее указывает, что переводческое действие должно быть ориентировано на цель и служить коммуникативной функции перевода [5]. Эти теории служат критерием для выбора стратегий перевода метафор: важным вопросом для переводчика является то, как найти баланс между сохранением первоначального смысла, адаптацией к аудитории и достижением требуемого коммуникативного эффекта. Кроме того, метафоры в политической внешней пропаганде обладают такими характеристиками, как политическая чувствительность, семантическая скрытность, образность выражения и национальная специфичность. Поэтому прагматическая переводческая теория также не может быть игнорирована. Прагматическая теория подчеркивает важность таких

факторов, как контекст, предпосылки и конверсационное значение, что помогает выявить возможные расхождения в понимании или изменения коммуникативного эффекта политических метафор в языке перевода [6].

Метафоры в политическом дискурсе

Политический дискурс как идеологизированная и целенаправленная форма общественного языка отличается обобщённостью, символизмом и стратегическим отбором лексики. Метафора в нём выступает не просто стилистическим приёмом, а важным когнитивным и убеждающим инструментом, участвующим в конструировании социальной реальности и передаче политических концепций. В условиях модернизации системы государственного управления Китая политический дискурс становится более образным: метафоры широко используются в официальных документах и речах лидеров, усиливая доступность и вдохновляющее воздействие политического языка [7].

В китайском политическом дискурсе абстрактные идеи часто конкретизируются через метафоры, такие как «сообщество», «революция», «клетка», а также образы «пути», «моста», «маяка», отражающие традиционное философское мировоззрение и культурный опыт Китая. Эти метафоры обладают высокой культурной обусловленностью и функциональностью, способствуя распространению государственной политики и формированию общественного согласия [8]. В то же время различия между китайскими и русскими культурными схемами создают значительные трудности для перевода политических метафор, требуя от переводчика глубокого понимания культурного контекста для точной передачи их смысла.

Переводческие стратегии метафор в китайско-русском переводе для внешней пропаганды

Политические метафоры как высоко прагматизированное и культурное языковое явление часто сталкиваются с множеством вызовов в процессе перевода, таких как семантическая неопределённость, культурная несоответственность, расхождения в понимании и другие. Особенно в контексте китайско-русского перевода для внешней пропаганды ядром выбора переводческой стратегии является вопрос, как при верной передаче смысла оригинала достичь культурной приемлемости и прагматической соответствия для аудитории языка назначения [9]. В данной главе на основе анализа языкового материала будут обобщены основные переводческие стратегии метафор в китайско-русском переводе для внешней пропаганды, а также рассмотрены их условия применения и потенциальные риски.

Буквальный перевод предполагает практически полное сохранение метафорической структуры, образа и языковой формы исходного языка при прямом преобразовании в русское выражение. Преимуществом этой стратегии заключается в верности структуре и культурным чертам оригинала, что способствует распространению китайского политического дискурса в его первоначальном виде. Хотя китайский и русский языки относятся к разным языковым системам и имеют разные культурные контексты и историческое наследие, носители этих двух языков имеют много общих черт в процессе познания и преобразования мира – это также предпосылка реализации межкультурной коммуникации. Например:

Пример 1: «一带一路是互利共赢之路»

Перевод: «Один пояс, один путь – это путь взаимовыгодного сотрудничества и всеобщего выигрыша.»

Пример 2: «一花独放不是春, 百花齐放春满园»

Перевод: «Один цветок не делает весны, пусть расцветают все разнообразные цветы, и тогда весна заполнит весь сад.»

Пример 3: «众人拾柴火焰高»

Перевод: «Как говорится, чем больше людей собирают хворост, тем выше пламя костра.»

Пример 4: «要有逢山开路、遇河架桥的意志»

Перевод: «Встретившись с горой, прокладывать дорогу, а встретившись с рекой, возводить мост.»

В этих примерах сохранена метафорическая структура оригинала, отразившая глубинные образы китайского политического дискурса. Благодаря буквальному переводу с сохранением носителя метафоры эти яркие образы воспроизводятся в сознании получателя, позволяя аудитории быстро понять дипломатическое значение на основе собственного опыта и создав одинаковую убеждающую силу дискурса [10].

Однако эффективность стратегии буквального перевода в высокой степени зависит от наличия схожих когнитивных схем в культуре языка назначения. Если метафора оригинала не имеет эквивалентных выражений в русской культуре, это может привести к неестествен-

ности, непонятности перевода и даже прагматической двусмысленности.

Когда метафора оригинала не имеет культурного признания в языке назначения или может вызвать неправильное понимание, переводчик может использовать стратегию замены, то есть заменить метафору исходного языка на метафору языка назначения с близкой функцией и большей культурной ответственностью. Например:

Пример 5: «相互掣肘, 任何无端“甩锅”, 都会贻误战机、干扰大局»

Перевод: «Любые попытки создать препятствия другим или свалить вину на других лишь приведут к упущению шансов и нагнетанию общей ситуации.»

Пример 6: «党纪国能成爲“橡皮泥”、“稻草人”, 违纪违法都要受到追究»

Перевод: «Партийная дисциплина и законы государства – это не «пластилин» и не «чучела огородные», и всякое нарушение должно влечь за собой соответствующее наказание.»

В переводе заменена первоначальная метафорическая структура, что делает текст более близким к мышлению русских читателей. Стратегия перевода через замену акцентирует внимание на функциональном эквиваленте и культурной адаптации, но в определенной степени жертвует воспроизведением языковой формы оригинала, поэтому существует потенциальный риск «ослабления стиля китайского дискурса». Одновременно перед русским переводом переводчик должен глубоко изучить культурное содержание, затронутое в оригинале, чтобы точно передать дух оригинала в процессе перевода, а также избежать использования лексики и выразительных средств, которые могут вызвать неправильное понимание или оскорбление [11]. Ключевым моментом применения этой стратегии является достижение баланса между выражением функции и культурным уважением.

В отдельных случаях если метафора исходного языка не имеет никакого смысла для аудитории языка назначения или не связана с коммуникативной целью, ее можно соответствующим образом опустить или упростить. Однако эта стратегия несет высокий риск потери информации оригинала или обезличивания текста, поэтому должна применяться осторожно и только в том случае, если метафора не имеет ключевой информационной ценности.

Пример 7: «凤凰涅槃, 就是拿出壮士断腕的勇气, 摆脱对粗放型增长的依赖, 实现产业和企业的浴火重生、脱胎换骨»

Перевод: «Возрождение феникса требует смелости, подобной «богатырю, готовому отрубить себе руку», избавления от зависимости от экстенсивного роста и начала совершенно новой жизни промышленности и предприятий после испытаний.»

Пример 8: «面对国际形势的深刻变化和世界各国同舟共济的客观要求, 各国应该共同推动建立以合作共赢为核心的新型国际关系, 各国人民应该一起来维护世界和平、促进共同发展.»

Перевод: «В связи с глубокими изменениями в международной обстановке и объективными требованиями солидарности всех стран мира, все государства должны сообща содействовать формированию нового типа международных отношений, в основе которых лежит принцип сотрудничества и всеобщего выигрыша, а народы всех стран вместе защищать мировой мир и продвигать совместное развитие.»

В китайском языке некоторые концептуальные метафоры обладают ярко выраженной национальной специфичностью, найти прямые соответствия которым даже сложно в русском языке. Если при переводе подобных выражений использовать вышеописанные стратегии, это может создать непреодолимые трудности для понимания у читателей целевого языка. Метод дополнения предполагает добавление отдельных лексических единиц в текст перевода без нарушения исходного смысла, чтобы соответствовать языковым нормам целевого языка и тем самым сделать перевод более точным и плавным [12]. Дополнительный перевод по образу метафоры в первую очередь применяется при переводе дипломатических метафор с незнакомым для целевой аудитории образом отображения. Данная переводческая техника позволяет повысить восприимчивость и понятность дипломатических метафор. В таких случаях отказ от метафорического образа оригинала и разъяснение смысла исходного текста простым и доступным языком является отличной переводческой стратегией. Конечно, на основе точной передачи смысла оригинала переводчик также может дополнительно доработать текст, стараясь реализовать эстетическую ценность перевода.

Пример 9: «所以, 军令状不是随便立的, 我们说到做到»

Перевод: «Поэтому мы должны понимать, что клятвы не даются просто так, как сказали – так и нужно делать.»

В примере 9 фразу «立下军令状» нельзя переводить дословно. Переводчик применил гибкий подход, передав её смысл прямо и лаконично, и отказавшись от метафорической формы оригинала. Фраза

«立下军令状» выражает твёрдую решимость и полную уверенность в выполнении поставленного дела. В русском языке нет прямого лексического соответствия этой фразе, поэтому чтобы не затруднить понимание читателей перевода, переводчик мог лишь передать её общее значение, прибегнув к смысловому переводу и интерпретировав её как «дать клятву». Этот перевод и метафора оригинала одинаково эффективно передают суть мысли – оба свидетельствуют о непоколебимой уверенности правительства в успешном выполнении задачи по борьбе с бедностью и ликвидации нищеты. Если бы переводчик применил дословный перевод оригинала, это весьма вероятно вызвало бы непонимание или неверное интерпретирование у аудитории целевого языка, в результате чего перевод не смог бы точно передать исходный смысл.

Заклчение

Проведённое исследование показало, что метафора в китайском политическом дискурсе внешней пропаганды является не только риторическим средством, но и важным когнитивно-прагматическим инструментом формирования политического смысла и идеологического воздействия. В условиях китайско-русского перевода ключевым фактором эффективности метафорического воспроизведения выступает категория приемлемости, напрямую связанная с культурными схемами, когнитивными ожиданиями и коммуникативными привычками русскоязычной аудитории. На основе теории концептуальной метафоры и функционального подхода к переводу в работе систематизированы основные стратегии передачи метафор дословный перевод, замена, отказ от образа и дополнение и выявлены условия их целесообразного применения. Исследование подтверждает, что успешный перевод политических метафор требует динамического баланса между сохранением китайской дискурсивной специфики и адаптацией к культуре языка перевода. Полученные выводы обладают как теоретической значимостью для изучения политического дискурса и межкультурной коммуникации, так и практической ценностью для повышения эффективности китайско-русского перевода в сфере внешней пропаганды.

Литература

1. Найда Ю. А. Язык, культура и перевод / пер. с англ. – Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 1993. – 189 с.
2. Гао Сяору. Связность и перевод русского текста // Сборник статей по иностранной филологии. – 2022. – № 2. – С. 303–312.
3. Го Айсин. Стратегии перевода культурно обусловленных лексических единиц в английском переводе романа «Усталость от жизни и смерти» // Новые легенды. – 2024. – № 48. – С. 22–24.
4. Ли Син. «Предпереводческая обработка» при переводе внешепропагандистских текстов // Шанхайский научно-технический перевод. – 2001. – № 1. – С. 145–152.
5. Ню Юйсин. Применение метода дополнения и сокращения при практическом переводе русских новостей // Достоинство и классика. – 2023. – № 2. – С. 60–62.
6. Сун Шумо. Перевод русских пословиц на основе теории функционального эквивалента // Вестник времени (Бег реки). – 2022. – № 8. – С. 119–121.
7. Тан Линлин. Анализ мемориального подхода при переводе культурной информации внешней пропаганды старых известных брендов Аньхоя // Журнал Хуайхуаского университета. – 2024. – Т. 43, № 6. – С. 100–107.
8. Тао Чэньпин. Исследование стратегий перевода культурно обусловленных лексических единиц в китайских классических текстах с точки зрения теории релевантности (на материале английского перевода романа «Путешествие на Запад») // Центрально-Китайская литература. – 2024. – № 48. – С. 60–62.
9. Ян Цзюнь, Чжу Дацю. Теория и техники устного перевода с русского на китайский и с китайского на русский. – Пекин: Foreign Language Teaching and Research Press, 2021. – 312 с. Е. Л., Су Ч. Г. Краткий анализ перевода инженерного русского языка с точки зрения лингвистики стиля // Журнал Юго-Западного транспортного университета. Социально-гуманитарные науки. – 2014. – Т. 15, № 6. – С. 49–54.
10. Е Лин, Су Чэнгуан. Проектирование содержания курса перевода для специальности русского языка в системе подготовки прикладных специалистов // Интеллект. – 2022. – № 3. – С. 142–145.
11. Чжан Миньхуань. Применение времен глагола в научном стиле русского языка и стратегии перевода деепричастных конструкций // Научный консалтинг. Наука и управление. – 2023. – № 10. – С. 221–223.

12. Чжан Иран. Применение времен глагола в научном стиле русского языка и стратегии перевода деепричастий // Научный консалтинг (Наука и управление). – 2023. – № 10. – С. 221–223.

A STUDY ON THE ACCEPTABILITY OF METAPHORS IN THE TRANSLATION OF CHINESE-RUSSIAN FOREIGN POLICY PROPAGANDA

Yang Xinyu

Northeast Forestry University

This article examines the issue of translational acceptability of metaphors in Chinese-Russian translation of political discourse for external publicity. Metaphor is analyzed as a cognitively and culturally conditioned mechanism that plays a significant role in constructing political meaning and achieving pragmatic impact. The study draws on Conceptual Metaphor Theory, functional translation theory, and principles of pragmatic analysis. Through a comparative analysis of Chinese political texts and their Russian translations, the research identifies differences in cultural schemas and cognitive models that affect the target audience's perception of metaphors. The paper systematizes major metaphor translation strategies: literal translation, substitution, image omission, and amplification and determines the conditions for their effective use. It concludes that successful translation of political metaphors requires a dynamic balance between preserving the discursive specificity of the source text and adapting to the cultural and communicative expectations of the target audience.

Keywords: Political Discourse, Foreign Propaganda Translation, Political Metaphor, Translation Acceptability, Translation Strategies.

Project: This article is the result of the research and development innovation project of graduate and master students of the Faculty of Foreign Languages, Northeast Forestry University, Heilongjiang Province (project number: 2024CX08).

References

1. Naida Yu.A. Language, Culture, and Translation / trans. from English. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 1993. – 189 p.
2. Gao Xiaoru. Coherence and Translation of the Russian Text // Collection of Articles on Foreign Philology. – 2022. – No. 2. – Pp. 303–312.
3. Guo Aixing. Translation Strategies for Culturally Determined Lexical Units in the English Translation of the Novel "Tired of Life and Death" // New Legends. – 2024. – No. 48. – Pp. 22–24.
4. Li Xing. "Pre-translation Processing" in the Translation of Foreign Propaganda Texts // Shanghai Scientific and Technical Translation. – 2001. – No. 1. – Pp. 145–152.
5. Niu Yuxin. Application of the Supplementation and Abbreviation Method in Practical Translation of Russian News // Dignity and Classics. – 2023. – No. 2. – Pp. 60–62.
6. Song Shumo. Translation of Russian Proverbs Based on the Theory of Functional Equivalent // Herald of Time (Running of the River). – 2022. – No. 8. – Pp. 119–121.
7. Tang Lingling. Analysis of the Memorial Approach in Translating Cultural Information of External Propaganda of Old Famous Brands of Anhui // Journal of Huaihua University. – 2024. – Vol. 43, No. 6. – Pp. 100–107.
8. Tao Chenping. A Study of Translation Strategies for Culturally Determined Lexical Units in Chinese Classical Texts from the Perspective of Relevance Theory (Based on the English Translation of Journey to the West) // Central Chinese Literature. – 2024. – No. 48. – Pp. 60–62.
9. Yang Jun, Zhu Daqiu. Theory and Techniques of Oral Translation from Russian into Chinese and from Chinese into Russian. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2021. – 312 p. Ye L., Su Z.G. A Brief Analysis of Translation of Engineering Russian from the Perspective of Stylistics // Journal of Southwest Transport University. Social Sciences and Humanities. – 2014. – Vol. 15, No. 6. – Pp. 49–54.
10. Ye Ling, Su Chengguang. Designing the Contents of a Translation Course for the Russian Language Specialty in the System of Training Applied Specialists // Intellect. – 2022. – No. 3. – Pp. 142–145.
11. Zhang Minhuan. The Use of Verb Tenses in the Scientific Style of the Russian Language and Strategies for Translating Adverbial Participle Constructions // Scientific Consulting. Science and Management. – 2023. – No. 10. – Pp. 221–223.
12. Zhang Iran. The Use of Verb Tenses in the Scientific Style of the Russian Language and Strategies for Translating Adverbial Participles // Scientific Consulting (Science and Management). – 2023. – No. 10. – Pp. 221–223.

Идеологический кризис начала 1920-х гг.: «философский пароход» как способ борьбы с инакомыслием

Шарова Марина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ; кафедра гуманитарных и социальных наук ФГБОУ ВО МИРЭА – Российский технологический университет
E-mail: SHAROV.KALUGA@mail.ru

В статье анализируется одна из наиболее драматичных страниц в русской истории – депортация советской властью инакомыслящей интеллигенции в 1920-е гг. («философский пароход»), чьи идеи касались особого, большей частью самобытного пути развития России, основанного на православии, национальной идее, русской феноменологии, соборности, цельном знании и т. д. Показано, что задачей современного общества является обращение к идеям русских мыслителей, где приоритетом являлась концепция об уникальной исторической, культурной и геополитической траектории развития России, которая отличает её от других стран, особенно от западных государств. Эта концепция подразумевает наличие у России особой миссии, самобытности или неповторимого способа взаимодействия с миром. Подчеркивается, что русские мыслители, несмотря на вынужденную эмиграцию, сохраняли связь с родиной и продолжали воспринимать себя как часть русской культуры. Это проявлялось в их деятельности за границей, стремлении сохранить и популяризировать русское наследие, а также в осознании своей миссии как носителей «русского мира». Советское время стало периодом забвения цивилизационных идей, но перед современным обществом стоит задача не только возродить национальные принципы, но и срастить современное русское мышление с тем моментом, на котором прервались эти направления мысли в отечественной науке в XX веке. Показаны основные причины разногласий и неприятия творческой интеллигенцией позиций советской власти, приведшие к апогею конфликта – депортации.

Ключевые слова: «философский пароход», эмиграция, творческая интеллигенция, идеологическая конфронтация, русское наследие, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, С.Л. Франк

К определению понятия «философский пароход»

Во многих энциклопедических изданиях отсутствует трактовка понятия «философский пароход», несмотря на то, что они представляют собой наиболее тематически сконцентрированную философскую проблематику [1, 7, 9]. Всплеск интереса к теме депортации русской интеллигенции был инициирован в публицистической среде 1990-х г. в связи с радикальными изменениями политической системы и формированием новой модели российской государственности. После распада Советского Союза подобная репрессивная мера большевистского правительства (и то, насколько она была соразмерна контексту времени) с новой силой стала будоражить умы не только историков, но и широких слоев общественности.

М.Е. Главацкий в монографии «Философский пароход: год 1922-й» отмечает, что данное понятие впервые было употреблено в публицистической среде в конце 1980-х г. в связи со стремлением не только выстроить периодизацию русской истории, но и понять риски инакомыслия в контексте трансформации государственной идеологии [3]. По М.Е. Главацкому, изгнание интеллектуальной элиты российского общества в 1922 году представляет собой одно из мощных социально – культурных потрясений в истории и судьбах нашей страны, заставляя потомков по – новому осмысливать изломы и национальные трагедии [3].

В 1990 г. две статьи с одноименным названием опубликовал в «Литературной газете» философ и математик С.С. Хоружий, понимая под термином «философский пароход» не менее пяти рейсов, как пассажирских судов, так и отправку по железнодорожным путям неугодной советской власти интеллигенции за рубеж, преимущественно в Германию [12, 13]. Особенностью депортации оппозиционной интеллигенции было то, что советское правительство полностью брало на себя обязательство по оплате билетов на пароход (причем, первым классом), а изгнанники, покидающие страну поездом, вынуждены были приобрести билеты самостоятельно, из собственных средств.

А.Н. Чумаков в юбилейной монографии «Философский пароход»: 100 лет без покаяния» (2022 г.) характеризует события 1920-х гг. как закономерный результат развития социально – политического кризиса того времени, негативные результаты которого проявлялись все последующие десятилетия [16]. Он подчеркивает, что «философский пароход» – ёмкая метафора, символизирующая перманентный исход российских граждан за пределы родины, и напоминает о цене, которую народы страны заплатили за беспрецедентный социальный эксперимент, растянувшийся почти на весь XX век [15].

Причины идеологического противостояния

Причины конфронтации советской власти с инакомыслящей интеллигенцией назревали постепенно... Пришедшие к власти большевики, в первые годы были толерантны по отношению к научному сообществу и интеллектуальной элите, предоставив им время, чтобы определиться со своими политическими взглядами, поэтому творческая интеллигенция еще не испытывала на себе жесткого идеологического давления. Например, в Москве в 1919–1923 гг. функционировала Вольная академия духовной культуры под руководством Н.А. Бердяева, понимавшая своей задачей сохранение и развитие национальных основ культуры в России, а ее еженедельные собрания («вторники») насчитывали от 20 до 25 человек. За 1920 г. в Вольной академии с последующей дискуссией были заслушаны доклады по темам: «Философия духовной культуры» (А. Белый), «Этапы мистического пути» (А. Абрикосов), «Философия религии» (Н.А. Бердяев), «Введение в философию» (С.Л. Франк) и др.

В Петрограде в 1919–1924 гг. действовала Вольная философская ассоциация («Вольфила»), созданная по инициативе Р.В. Иванова – Разумника и А. Белого, с печатной коллегией альманаха «Скифы», задачей которой стала интеграция свободного творчества философии в новейшую проблематику социализма, с обсуждением злободневных вопросов, требующих безотлагательного решения. Численность организации составляла в пределах тысячи человек, основными принципами были: открытость членства, внеинституциональность, дискуссионность. Спецификой работы «Вольфила» стало то, что члены организации стремились влиться в ряды большевизма и работать в едином

идейном направлении. О попытках идейного сближения свидетельствует то, что Народный комиссариат просвещения РСФСР одобрил устав «Вольфилы» (от 10 октября 1919 г.), с последующим внесением в реестр общественных организаций Исполнительным комитетом Петроградского Совета и его утверждением Главным управлением научными, научно – художественными и музейными учреждениями в ноябре 1919 г. Среди наиболее видных членов – пропагандистов построения нового общества на основе синтеза философии (= свободы творчества) и принятия Октябрьской революции были А.А. Блок, К.С. Петров – Водкин, В.Э. Мейерхольд, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин и др., считавшие, однако, невозможными социалистические свершения без осмысления духовной революции.

Очевидно, что подобное двухстороннее «заигрывание» не могло иметь долгосрочной перспективы, поскольку большевики не собирались делать классовые послабления, а творческий контент сразу не осознавал всю серьезность идеологической ситуации... Но среди буржуазной интеллигенции были и те, кто фибрами почувствовав рычаги идеологической диктатуры большевиков и, выработав стойкое неприятие советской власти, начали покидать страну. Так, в 1917 г. эмигрировал С.В. Рахманинов, в 1918 г. выехал С.С. Прокофьев, в 1919 г. В.В. Набоков, а уже в 1920 г. ряды добровольных изгнанников пополнили И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонт, Д.С. Мережковский и др., в 1921 г. за ними последовали А. Белый, В.В. Кандинский, И.Г. Эренбург и др., в начале 1922 г. в спешке выезжают Ф.И. Шляпин, М.И. Цветаева, В.Ф. Ходасевич и иные представители творческой среды. То есть по мере приближения к событиям лета – осени 1922 г. интенсивность добровольного изгнания среди оппозиционной интеллигенции возросла в разы.

Л.А. Коган считает, что спровоцировать интеллигенцию к принятию такого решения могла ситуация в ВК Помгол в 1921 г. [5], когда неурожай и голод в Поволжье и примыкающих регионах (засуха 1921 г., без провизии остались около 30 млн чел.) заставил советскую власть обратиться к широкой общественности в надежде на сотрудничество и поиск оптимального варианта решения проблемы. В Общественный комитет помощи голодающим вошли как представители власти: Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, так и представители общественности: М. Горький, К.С. Станиславский, Э.Л. Гуревич, А.М. Эфрос и др., а также масштабную работу по оказанию помощи провела и Русская православная церковь. 22 июня 1921 г. на VII Всероссийском сельскохозяйственном съезде кооператор М.И. Куховаренко и агроном А.А. Рыбников доложили о значительном преумножении масштабов голода советской властью. Несмотря на то, что ВК Помгол работал весьма эффективно, В.И. Ленин почти сразу потребовал упразднить комитет, поскольку большевиков насторожило, что вместо помощи на местах, интеллигенция начала активно обращаться за помощью к зарубежным партнерам. Большевики считали, что белоземлянская пресса может превратным образом истолковать данные события. 26 августа 1921 г. В.И. Ленин написал письмо И.В. Сталину и членам Политбюро о возможной контрреволюционной угрозе, а уже 27 августа 1921 г. Помгол был упразднен, а некоторые из его членов арестованы. Большевики сочли идеологически опасным вмешательство интеллигенции в государственные дела управления. Н.А. Дмитриева полагает, что это была первая открытая государственная акция большевиков против интеллигенции [11]. Интеллигенция, в свою очередь, тоже сделала соответствующие выводы...

Следующим шагом на пути взаимной конфронтации стали массовые забастовки профессоров и преподавателей в 1921–1922 гг., выступавших против пролетаризации высшей школы новой властью (особое негодование вызвал Декрет СНК от 2 августа 1918 г. об отмене всех вступительных испытаний при поступлении в Университет). Ответной мерой большевистской власти стало упразднение университетской автономии. Например, если до 1922 г. старая профессура Петроградского университета по – прежнему руководила вузом, то с начала 1922 г. инициатива перешла Советам, которые, несмотря на острую нехватку квалифицированных кадров, предприняли мощную демократизацию системы высшего образования. Оппозиционными стали профессора Л.П. Карсавин, Б.Н. Одинцов, П.А. Сорокин и др., занимавшие наиболее принципиальные позиции по поводу сохранения университетской автономии.

В.В. Стратонов в своих воспоминаниях отмечал, что уже с конца 1921 г. Наркомпрос активно занялся реформой высшего образования, повсеместно превращая классические университеты в ВИНО (Высший институт народного образования) и ИНО (Институт народного образования). Так, Московский университет потерял автономию в 1920 г., поскольку долгое время оставался «рассадником общечеловеческой, а главное – внеклассовой культуры» [6, с. 410–455]. 1 февраля 1922 г. объединенное собрание профессоров Московского университета при-

няло постановление об осуждении большевистской власти за эгалитизм и деградацию высшего образования, а также тяжелое материальное положение вузов и чрезмерные аудиторные перегрузки преподавателей, поскольку подчиняясь требованию власти обеспечить места в аудиториях всем желающим, многие вузы перешли на трехсменный график работы. В тот же день петиция была передана в Совнарком.

В 1921–1922 гг. против демократизации системы высшего образования выступили сотрудники Московского высшего технического училища (под руководством ректора И.А. Калининкова), Петровской сельскохозяйственной академии (группа ученых и педагогов – А.Г. Дояренко, В.Я. Железнов, Н.М. Кулакин, Д.Н. Прянишников и др.), Казанского университета (под руководством ректора профессора А.А. Овчинникова) и других организаций. Обладая определенной степенью наивности, профессура старой школы все еще надеялась на сотрудничество с новой властью... В то время, как В.И. Ленин в письме Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину от 21 февраля 1922 г. уже начал борьбу с идеологическим ревизионизмом и писал о необходимости показательного увольнения 20–40 профессоров.

Определенную лепту в наращивании конфликта внесли и Всероссийские съезды ученых (март – октябрь 1922 г.), открыто критиковавшие политику большевистской власти.

Непосредственным катализатором для ярости вождя стал изданный в марте 1922 г. членами Религиозно-философской академии: Н.А. Бердяевым, Я.М. Букшпаном, Ф.А. Степуном и С.Л. Франком в издательстве «Берег» сборник культурологических статей «Освальд Шпенглер и закат Европы», где представители мыслящей интеллигенции подвергли анализу правомерность альтернативных подходов к историческим процессам, сопоставив формационную и цивилизационную модели развития. Мыслители были виднейшими представителями русской религиозной философии и критиками марксизма, а их объединение в рамках Религиозно-философской академии символизировало интеллектуальную альтернативу официальной идеологии, и подрывало монополизию партии на интерпретацию истории, что и вызвало негодование В.И. Ленина и стало точкой не возврата. И хотя распространение сборника по всей России по тем временам было физически не возможно, но в Петрограде и Москве он вызвал ажиотаж и был раскуплен менее чем за две недели в тираже десять тысяч экземпляров. Для авторов эта книга оказалась последней, изданной в России...

Выход сборника усилил кампанию по «чистке» интеллектуального пространства: начались аресты и высылки оппозиционно настроенных деятелей, стали закрываться независимые издательства и философские общества, усилилась цензура и пропаганда марксистско – ленинского учения.

«Философский пароход»: кампания по депортации

15 мая 1922 г. по предложению В.И. Ленина были внесены изменения в Уголовный кодекс, касающиеся включения в статью 32 пункта о принудительной депортации лиц, представляющих угрозу для большевистской власти, своего рода остракизм – выдворение из пределов РСФСР на срок или бессрочно; вступил в силу от 1 июня 1922 г.

19 мая 1922 г. В.И. Ленин подготовил записку Ф.Э. Дзержинскому с обоснованием необходимости депортации инакомыслящей научной и творческой элиты – профессоров, писателей, общественных деятелей и прочих лиц, сочувствующих контрреволюции.

16 июля 1922 г. В.И. Ленин направил обстоятельное письмо в Центральный комитет с требованием незамедлительной высылки буржуазных контрреволюционных элементов, идейно чуждых советской власти.

23 августа 1922 г. органами ГПУ были составлены три списка лиц, подлежащих незамедлительной депортации, состоящие из 195 человек: питерский (51 фамилия), московский (67 человек), украинский (77 человек). Все кандидатуры тщательно обсуждались. Однако, окончательный вариант сократился до 160 персон, так как за ученых с ходатайством вступились различные ведомства. 31 августа 1922 г. на заседании комиссии под председательством Ф.Э. Дзержинского из списка вычеркнули еще 28 граждан: 19 москвичей и 9 петроградцев.

16–17 августа 1922 г. в соответствии со списочным составом прошли обыски и аресты в Москве, Петрограде и Казани, а 17–18 августа 1922 г. и в Киеве. Всех арестовать не удалось, но арестованные на допросе дают подписку о неразглашении и заполняют заявление на выезд из страны с указанием визы на гражданство Германии. Государственное политическое управление безопасности просит высылаемых граждан заниматься визами самостоятельно (это и являлось ключевым пунктом неразглашения). Причиной высылки оппозиционных граждан именно в Германию являлись следующие обстоятельства: 1) 16 апреля 1922 г. между Германией и РСФСР был подписан дого-

вор, положивший начало международному признанию; 2) из Петрограда в Германию регулярно ходили корабли; 3) Германия отказалась выдавать визы для депортированных по запросу большевистского правительства, но согласилась их предоставить по личному обращению самих граждан, так как среди депортированных было много известных и уважаемых людей.

В соответствии с Декретом «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. срок депортации лиц, подозреваемых в подрыве устоев государственной власти, не мог превышать трех лет, но по факту, это означало навсегда...

Однако, если расценивать ситуацию фактически, то подписку с обязательством о невозвращении в РСФСР под страхом применения высшей меры наказания взяли только с П.А. Сорокина (автор понятия «социальный лифт»).

Обвинения, предъявленные в адрес инакомыслящих, были опубликованы 31 августа 1922 г. в издании «Правда» и сводились к следующим пунктам: 1) колко высказываются по вопросу увеличения доли выходцев из пролетариата в социальном составе интеллигенции; 2) всячески препятствуют реформам в области культуры, а также эгалитаризму в системе вузовского образования; 3) компрометируют и подвергают научной критике любые начинания советской власти, особенно аспекты научного коммунизма (концепцию марксизма – ленинизма); 4) пропагандируют сближение с духовенством и выступают за возрождение духовных ценностей православия; 5) стремятся поддерживать связи с белогвардейскими эмигрантами и т.д.

Например, из Протокола заседания Комиссии политбюро ЦК РКП(б) под председательством И.С. Уншлихта от 9 августа 1922 г. даны следующие характеристики ряду мыслителей: «как философ Л. Карсавин нас, по правде сказать, мало интересует... У него две категории поклонников: богомольные старухи... и уездные интеллигенты» [5]; «расхождение Франка с научным знанием так велико, что с ним нельзя полемизировать...» [5]; Н.О. Лосский склонен к сверхнаучному богословско-догматическому творчеству; Н.А. Бердяев с 1917 года и по настоящее время (август 1922 г.) не примирился с существующей рабочей – крестьянской властью...

«Философский пароход», ставший неким интеллектуальным символом уходящей России, покидал родные берега в несколько рейдов:

1. 17 сентября 1922 г. отчалил пароход Одесса – Константинополь, на борту которого находились: медик – физиолог Б.П. Бабкин (ученик И.П. Павлова) и историк – публицист А.В. Флоровский (брат Г.В. Флоровского);

2. 22–23 сентября 1922 г. поездом Москва – Рига была депортирована следующая группа: А.В. Пешехонов, А.И. Сигирский, П.А. Сорокин и др.;

3. 23–24 сентября 1922 г. поездом Москва – Берлин отправлены: Н.И. Любимов, Ф.А. Степун и др.;

4. 29–30 сентября 1922 г. на судне «Oberbürgermeister Haken» отбыли пассажиры из московского списка (всего 30–33 человека): Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, М.А. Ильин (Осоргин), С.Л. Франк, С.Е. Трубецкой, М.М. Новиков, В.В. Зворыкин, А.А. Кизеветтер и др.;

5. 16 ноября 1922 г. из Петрограда отшвартовался пароход «Preussen», доставивший в Штеттин (Германия) очередную группу изгнанников (всего, с семьями 44 человека): Н.О. Лосский, Л.Н. Карсавин, И.И. Лапшин и др. Помимо них, в качестве обычных пассажиров страну спешно покинули: академик – славист Н.А. Котляровский (первый директор Пушкинского дома), ученый – математик Д.Ф. Селиванов (учредитель Санкт-Петербургского математического общества) и др.

6. 3 декабря 1922 г. очередная группа высланных прибыла в Берлин из Грузии – 60 человек.

Из наиболее известных мыслителей были высланы: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.А. Котляровский, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, С.Е. Трубецкой, С.Л. Франк. Идеологической гегемонией пролетариата стало то, что депортация русской интеллигенции осуществлялась в рамках программы культурной революции, направленной на формирование человека «нового типа» (В.И. Ленин «О кооперации», 1923 г.). На основании записки И.С. Уншлихта И.В. Сталину от 22 августа 1922 г. смета расходов советского правительства по депортации инакомыслящих составила порядка 50 миллиардов рублей.

Занималась ли творческая элита чем-то противозаконным, претившим официальному режиму? Конечно, нет, но будоражить умы и массовое сознание граждан вполне могла. Главное – В.И. Ленин им не доверял... Достаточно вспомнить ключевую фразу Л.Д. Троцкого (в 1922 г. – второй человек в государстве после В.И. Ленина) о том, что «мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [4, с. 265–268]. По Л.Д. Троцкому, в этом

и заключался «гуманизм по – большевистски». Забегая вперед, можно констатировать, что группе «высланных» повезло гораздо больше, нежели репрессированным в конце 1930-х годов: Б.М. Гессен (расстрелян в 1936 г.), Н.А. Карев (расстрелян в 1936 г.), Г.Г. Шперт (расстрелян в 1937 г.), П.А. Флоренский (расстрелян в 1937 г.), Б.А. Пильняк (расстрелян в 1938 г.) и т.д.

Первоначальной реакцией депортируемых было крайнее непонимание ситуации: внутренняя опустошенность и потерянности. Казалось, они не верили в возможность такого исхода... Например, Н.М. Волковичский (один из пассажиров «Философского парохода») вспоминал, что почтенный и скромный учитель математики С.И. Полнер так и не смог понять, за что его выселяют («не разобрался он в этом...») [8]. У оказавшегося на борту «Философского парохода» Н.А. Бердяева всю дорогу был сильнейший нервный тик (из воспоминаний В.А. Решиковой «Высылка из РСФСР») [2]. Писатель М.А. Осоргин, проплывая мимо немецких полей и огородов Штеттина (порт прибытия, конечная точка маршрута), от отчаяния не скрывал слез («он сидел и плакал, совсем «раскис», и жена его утешала») [2].

Но была ли высылка «гуманизмом по-большевистски»? Вовсе нет: 1) людей отлучили от привычной им жизненной среды и системы ценностей; 2) разлучили с близкими и семьями, которых они, с своим большинством, больше никогда не увидят; 3) подорвали здоровье; 4) заставили приспосабливаться к чуждым им условиям; 5) фактически лишили возможности вернуться на родину. Например, депортированный С.Н. Булгаков (вместе с супругой и детьми Марией и Сергеем) больше никогда не увидит тещи Варвары Ивановны Токмаковой и старшего сына Федора, которому советская власть не разрешила выехать с родителями под предлогом призывного возраста (истинная причина – через сына воздействовать на отца). Так семья оказалась расколотой. Только в 1960-е г. Федор Сергеевич Булгаков смог посетить могилы родителей в Париже, сам же Федор ушел из жизни в 1991 г.

Жизнь в изгнании

Можно заключить, что не Европа открыла двери перед русской интеллигенцией, а они открыли Россию для Европы, явив традиционные ценности русской культуры, с ее исконной православной верой, широкой русской души и жестким нравственным стержнем. По воспоминаниям В.А. Решиковой (дочь депортированного профессора – агронома А.И. Угримова), первое время все эмигранты старались держаться вместе, помогали друг другу с жильем и в поисках работы, но, в дальнейшем, жизнь взяла свое, и встречи становились все реже и реже. Свято – Сергиевский православный богословский институт в Париже был духовным центром притяжения, связывающим всю русскую интеллигенцию. По – разному сложились жизнь и судьбы выдающихся деятелей русской культуры за рубежом.

Н.А. Бердяев сначала жил в Берлине (Германия), где в 1922 г. создал и возглавил Религиозно – философскую академию, а позже переехал в Кламар (Франция), где продолжал заниматься публицистической деятельностью, а также принял активное участие в работе Русского студенческого христианского движения. О своей судьбе за рубежом Н.А. Бердяев писал, что хотя временами и бедствовал, но никогда не нуждался, а последние годы жизни получил наследство и владел павильоном с садом в Кламаре, развивая свой бизнес. За рубежом он был признан одним из влиятельнейших философов современности, опубликовав около пятисот работ, переведенных более, чем на двадцать языков мира. С 1942 по 1948 годы Н.А. Бердяева семье раз номинировали на Нобелевскую премию по литературе. В 1946 г. он получил советское гражданство. За две недели до смерти ему удалось завершить фундаментальную философскую работу – «Царство Духа и Царства Кесаря» (1948 г.), где мыслитель продолжил развивать концепцию философии свободы исходя из представления о персонализме: рабстве и личном освобождении человека.

С.Н. Булгаков в 1922 г. был выслан в Константинополь (Турция), а после непродолжительного пребывания в Праге (Чехословакия) осел в Париже (Франция), где стал одним из основателей и профессоров, деканом (с 1940 г.) Свято – Сергиевского богословского института (1925 г.) – духовного пристанища русской интеллигенции. С.Н. Булгаков читал университетские курсы по Священному Писанию Ветхого Завета и догматическому богословию. По благословению Патриарха Тихона (в миру В.И. Белавин) С.Н. Булгаков основал и стал руководителем Братства св. Софии (входили: П.И. Новгородцев, В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский и др.), а также организатором съездов Русского студенческого христианского движения. С 1927 г. он активно включился в работу Всемирной христианской конференции «Вера и церковное устройство» (Швейцария). В Европе С.Н. Булгаков стал одним из признанных идеологов экуменического движения, выступавшего за сближение и объединение различных христианских конфессий.

И.А. Ильин, имея нансеновский (= международный) паспорт, с 1923 по 1934 годы жил и работал в Берлине (Германия), где преподавал в Русском научном институте, но в 1934 г. в силу разногласий с пришедшими к власти национал – социалистами был снят с должности руководителя института. В 1938 г. при финансовой поддержке С.В. Рахманинова переехал в Цолликон (Швейцария, в 1939–1945 гг. сохраняя нейтралитет), где занимался проблемами этики и психологии, размышляя о природе тоталитарных режимов. В конце жизни издал свою итоговую работу – «Аксиомы религиозного опыта», над которой трудился около тридцати лет.

Стоит отметить, что, живя в вынужденной эмиграции, мыслители сохраняли связь с родиной и продолжали воспринимать себя как часть русской культуры. Это проявлялось в их деятельности за границей, стремлении сохранить и популяризировать русское наследие, а также в осознании своей миссии как носителей «русского мира»:

– создание культурных и образовательных институтов за рубежом, где продолжали развивать русскую философскую, литературную и научную традицию,

– сохранение русского языка и идентичности,

– продолжали работать на русском языке и обращались к российским темам (например, Н.А. Бердяев писал об укоренённости большевизма в сознании советских людей, а П.А. Сорокин прогнозировал упадок коммунизма и возрождение России),

– связь с родиной через идеи и влияние,

– эмоциональная привязанность к родине.

Безусловно, большинство из депортированной интеллигенции смирились со своей участью изгнанников, но среди них все же были те, кому удалось вернуться (или кого вернули) в Россию. Однако, вряд ли можно назвать эти примеры удачной линией жизни...

Удивительный виток имели судьбы профессора агронома – биолога А.И. Угримова и его сына агронома – инженера А.А. Угримова, которых фактически выслали дважды: депортация семьи в 1922 г. из РСФСР в Германию (отца – за участие в Помголе (1921 г.), а в 1947 г. репатриация семьи из Франции в Германию и обратно в СССР (сына – за участие в движениях: Французское Сопротивление (1940–1944 гг.) и «Союзе советских патриотов» (1947 г.)), было объявлено, что они представляют политическую угрозу для Четвертой республики. По возвращении в СССР Угримов – старший работал по специальности – агрономом на сельскохозяйственных опытных станциях, сначала в Ульяновской (1947–1950 гг.), а затем в Калужской областях (с 1950 г. и до пенсии). Угримов – младший – трудился заместителем главного инженера мельничного комбината в Саратове (1947–1948 гг.), затем шесть лет лагерей (1948–1954 гг.), и работа переводчиком технических текстов во Всесоюзной Торговой Палате (1954–1955 гг.), с 1955 г. переводчик во Всесоюзном институте легкой и текстильной промышленности.

Литература

1. Всемирная энциклопедия: Философия. Главн. науч. редактор и составитель А.А. Грицанов. – Москва: АСТ. Харвест, Современный литератор. 2001. – 1312 с.

2. Высылка из РСФСР / В.А. Решикова // Минувшее: Исторический альманах. Репринт. воспроизв. Альманаха Минувшее. Paris: Atheneum. T. 11. – Москва: Феникс. 1992. – 607 с.

3. Главацкий М.Е. Философский пароход: год 1922-й. Историко-графические этюды. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 224 с.

4. Егоров В. В. «Философский пароход» или как из России выгоняли знаменитостей // Молодой ученый. 2012. № 9 (44). С. 225–228

5. Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 61–84

6. На рубежах познания Вселенной. Историко – математические исследования. Под ред. А.А. Гурштейн. Вып. 23. 1991. – Москва: Физмалит. 1992. – 524 с.

7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч. – ред. совет.: В.С. Степин и др. Москва: Мысль, 2010. – 734 с.

8. Очистим Россию надолго... Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1993 г.: Документы. Под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова. – Москва: Материк. 2008. – 844 с.

9. Русская философская энциклопедия под ред. М.А. Маслина 5-е издание, доработанное и дополненное. Составление и научное редактирование: П.П. Апрышко, А.П. Поляков, Ю.Н. Солодухин. – Москва. 2024. – 983 с.

10. Спицын Е. Ю., Дмитриева Н.А. А был ли «Философский пароход»? Исторические зарисовки. Опубликовано на канале МПГУ (25.12.2017). rutube.ru/video/... (дата обращения: 30.01.2026 г.).

11. Толстая Ф. Философский пароход. Телеканал «Культура» (эфир от 25.09.2017). smotrim.ru/video/1716358 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

12. Хоружий С.С. Философский пароход // Литературная газета. 1990. 9 мая. № 17 (5293). 13. Хоружий С.С. Философский пароход // Литературная газета. 1990. 6 июня. № 23 (5297).

13. Хрестоматия по истории России: 1917–1940 / Под ред. Проф. М.Е. Главатского. – Москва: АО Аспект Пресс. 1994. – 445 с.

14. Чумаков А.Н. Реликтовое излучение «Философского парохода» // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 5. С. 305–316

15. Чумаков А. Н. «Философский пароход»: 100 лет без покаяния. – Москва, Проспект, 2022. – 456 с.

THE IDEOLOGICAL CRISIS OF THE EARLY 1920-S: THE «PHILOSOPHICAL STEAMER» AS A MEANS OF COMBATING DISSENT

Sharova M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation; MIREA – Russian Technological University

The article analyzes one of the most dramatic pages in Russian history: the Soviet government's deportation of dissenting intellectuals in the 1920s («the Philosophical Steamship»), whose ideas focused on Russia's unique and largely original path of development based on Orthodoxy, the national idea, Russian phenomenology, conciliarity, holistic knowledge, and more. It is shown that the task of modern society is to address the ideas of Russian thinkers, where the priority was the concept of Russia's unique historical, cultural, and geopolitical trajectory of development, which distinguishes it from other countries, especially Western states. This concept implies that Russia has a special mission, identity, or unique way of interacting with the world. It is emphasized that Russian thinkers, despite their forced emigration, maintained their connection with their homeland and continued to perceive themselves as part of Russian culture. This manifested itself in their activities abroad, their desire to preserve and promote the Russian heritage, and their awareness of their mission as bearers of the «Russian world». The Soviet era was a period of oblivion for civilizational ideas, but modern society faces the challenge of not only reviving national principles, but also of reconnecting modern Russian thinking with the moment when these ideas were interrupted in Russian science in the 20th century. The article explores the main reasons for the disagreements and rejection of the Soviet government by the creative intelligentsia, which led to the culmination of the conflict in the form of deportation.

Keywords: «philosophical ship», emigration, creative intelligentsia, ideological confrontation, Russian heritage, N.A. Berdyayev, S.N. Bulgakov, I.A. Ilyin, F.A. Stepan, S.L. Frank

References

1. World encyclopedia: philosophy. Chief scientific editor and compiler A.A. Gritsanov. – Moscow: AST. Harvest, Modern writer. 2001. – 1312 p.

2. Expulsion from the RSFSR / V.A. Reshchikova // Past: Historical almanac. Reprint. almanac Past. Paris: Atheneum. Vol. 11. – Moscow: Phoenix. 1992. – 607 p.

3. Glavatsky M.E. The philosophical steamer: The year 1922. Historiographical studies. – Yekaterinburg: Ural University press, 2002. – 224 p.

4. Egorov V.V. The philosophical steamer: how celebrities were expelled from Russia // Young scientist. 2012. № 9 (44). P. 225–228

5. Kogan L.A. To send abroad without mercy (New about the expulsion of the spiritual elite) // Voprosy filosofii. 1993. № 11. P. 61–84

6. At the frontiers of knowledge of the universe. Historical and mathematical research. Edited by A.A. Gurshtein. Vol. 23. 1991. – Moscow: Fizmalit. 1992. – 524 p.

7. New philosophical encyclopedia: in 4 volumes / Institute of philosophy of the Russian academy of sciences, National social science foundation; scientific – ed. council.: V.S. Stepan et al. Moscow: Mysl, 2010. – 734 p.

8. Let's clean up Russia for a long time... Repression against dissidents. Late 1921 – early 1993: Documents. Edited by A.N. Artizov, V.S. Khristoforov. – Moscow: Mainland. 2008. – 844 p.

9. The Russian philosophical encyclopedia edited by M.A. Maslin, 5-th edition, revised and expanded. Compilation and scientific editing: P.P. Apryshko, A.P. Polyakov, Y.N. Solodukhin. – Moscow. 2024. – 983 p.

10. Spitsyn E. Y., Dmitrieva N.A. Was there a «philosophical steamer»? Historical sketches. Published on the MPGU channel (25.12.2017). rutube.ru/video/... (accessed on 30.01.2026).

11. Tolstaya F. The philosophical steamer. TV channel kultura (broadcast on 25.09.2017). smotrim.ru/video/1716358 (accessed on 30.01.2026).

12. Khoruzhii S.S. The philosophical steamer // Literaturnaya Gazeta. 1990. May 9. № 17 (5293).

13. Khoruzhii S.S. The philosophical steamer // Literaturnaya Gazeta. 1990. June 6. № 23 (5297).

14. A reader on the history of Russia: 1917–1940 / Edited by prof. M.E. Glavatsky. – Moscow: Aspect Press. 1994. – 445 p.

15. Chumakov A.N. The relic radiation of the «philosophical Steamship» // Russian humanitarian journal. 2021. V. 10. № 5. Pp. 305–316

16. Chumakov A. N. «The philosophical steamship»: 100 years without repentance. – Moscow, Prospekt, 2022. – 456 p.